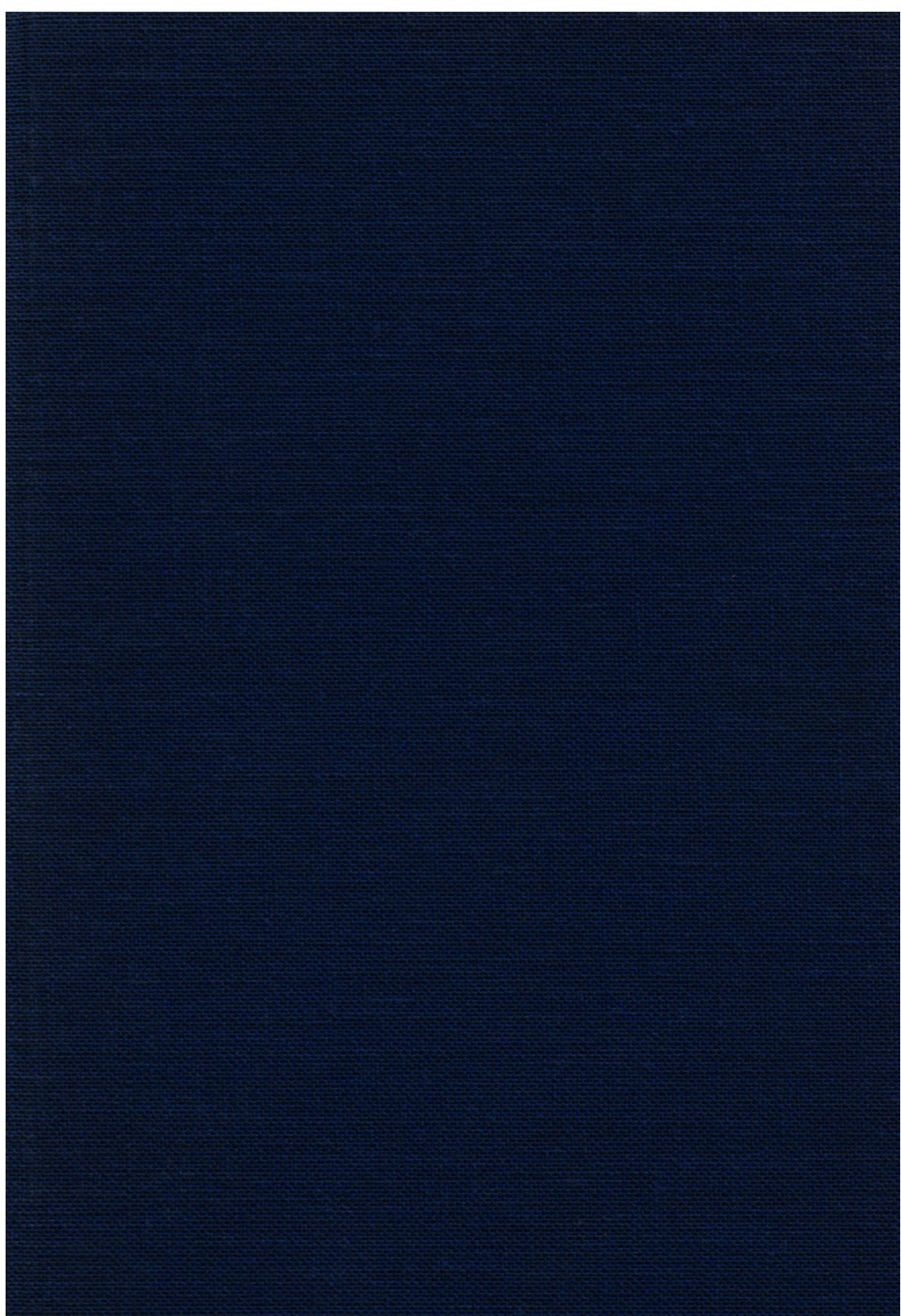
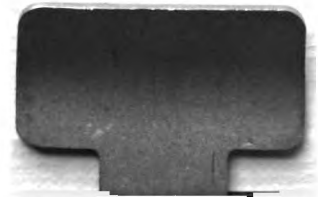

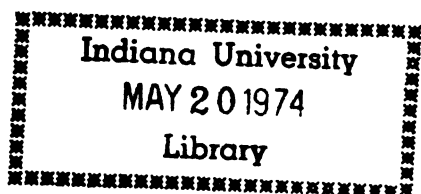

INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

94/20

Published by Europe Printing Establishment

This volume was previously announced as

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS, 265/1

a series published by Mouton Publishers, The Hague, Netherlands

(supplements Slavistic Printings and Reprintings, 94/1–11)

EUROPE PRINTING ESTABLISHMENT

VADUZ – LIECHTENSTEIN

1973

Былое

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

№ 1(23)

І Ю Л Ъ

1917

R-

DK1
.B982
New ser.
no. 1-2

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

6-12. 14

Къ читателямъ «Былого».

Россія вступаетъ въ новый періодъ своего развитія.

Великая русская революція — творимая легенда нашихъ дней — кладетъ грань между старой и новой Россіей — Россіей царей и Россіей свободного народа.

Вступая въ новую жизнь, русскіе граждане должны оглянуться назадъ и, начиная борьбу за свои старые идеалы при совершенно новыхъ условіяхъ, они должны хорошо изучить прошлое своей страны и найти въ немъ указанія для своей будущей дѣятельности.

Задача нашего журнала «Былое» и заключается въ томъ, чтобы изученіемъ былого нашего освободительнаго движенія идти на встрѣчу новымъ борцамъ, на плечи которыхъ исторія возлагаетъ дальнѣйшее устройство нашей родины.

Первой задачей нашего органа будетъ собраніе матеріаловъ и документовъ по новѣйшей русской исторіи за послѣднія десятилѣтія.

Мы будемъ безпристрастны, но наше историческое безпристрастіе не будетъ понято, какъ знакъ хладнокровнаго отношенія къ «добру» и «злу» или «къ управѣ государей».

Предлагая вниманію нашихъ читателей точные факты и подлинныя историческіе документы, мы предоставимъ всѣмъ и каждому дѣлать изъ нихъ свои собственные выводы.

Въ этомъ отношеніи изданіе нынѣшняго нашего «Былого» будетъ прямымъ продолженіемъ «Былого» 1906—1907 гг., когда мы его издавали при ближайшемъ участіи нашего дорогаго товарища по работѣ В. Я. Богучарскаго-Яковлева, которому такъ много обязано своимъ успѣхомъ и своимъ значеніемъ «Былое» тѣхъ годовъ.

На страницахъ «Былого» намъ придется касаться самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни. Тутъ будутъ и рассказы о непримѣрномъ мрако-

бѣсія, самомъ крайнемъ, безумномъ торжествѣ реакціи, рассказы о страданіяхъ всего населенія и ужасахъ политическихъ преслѣдованій борцовъ за народную свободу, рассказы о торжествѣ бездарностей, своекорыстія, авантюризма и т. д. Біографіи царей, больше всего, по всей вѣроятности, Николая II, его министровъ, временщиковъ, сатраповъ, мародеровъ, бывшихъ господами положенія, охранниковъ, провокаторовъ и т. д. расскажутъ намъ объ очень многихъ совершенно невѣроятныхъ преступленіяхъ, которыми полны послѣднія страницы русской исторіи.

Но въ прошлой исторіи Россіи имѣются не однѣ печальныя страницы.

Въ ней было много свѣтлаго, много было упорнаго труда на пользу народа, много беззаветной преданности идеѣ свободы, много вѣры въ торжество идей, много святого страданія за право борьбы за свѣтлое будущее нашей родины.

Нынѣшняя свободная Россія, изучая свое прошлое, должна понять всю необходимость происшедшей революціи.

Задачу изданія «Былого» мы хотимъ раздѣлить со всѣми, кто могъ бы намъ помочь. Мы ждемъ постоянныхъ откликовъ со стороны всѣхъ нашихъ читателей. Мы хотимъ, чтобы наши читатели, среди которыхъ есть уже много нашихъ старыхъ друзей по «Былому» 1906-7 гг., посмотрѣли на изданіе «Былого», какъ на свое собственное дѣло. Мы хотѣли бы, чтобы они шли намъ навстрѣчу со своими указаніями, матеріалами и статьями.

Редакція.

Изъ исторіи „Былого“.

Мысль объ изданіи историческаго журнала, посвященнаго изученію освободительнаго движенія въ Россіи, возникла впервые осенью 1905 года у П. Е. Щеголева, разработана въ подробностяхъ В. Я. Яковлевымъ-Богучарскимъ и П. Е. Щеголевымъ. Богучарскій и Щеголевъ привлекли къ ближайшему сотрудничеству на равныхъ началахъ В. Л. Бурцева и съ его согласія дали журналу то названіе, подъ которымъ В. Л. Бурцевъ издавалъ свои историческіе сборники за границей—«Былое». Немедленному осуществленію мысли объ изданіи «Былого» дѣятельно помогъ Н. Е. Парамоновъ, принявшій на себя труды по изданію журнала. Официальными редакторами журнала были Богучарскій и Щеголевъ, распредѣлившіе взятую ими на себя формальную отвѣтственность по пунктамъ официальной программы. Фактическими редакторами были Богучарскій, Бурцевъ и Щеголевъ. Первая книга «Былого» вышла 28 января 1906 года, послѣдняя 28 октября 1907 года. Успѣхъ журнала превзошелъ всѣ ожиданія: первую книгу отпечатали въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, затѣмъ повторили изданіе опять въ 10.000 экз. и отпечатали еще третье изданіе—тоже въ 10.000 экз. Въ дальнѣйшемъ каждая книга расходилась на кругъ въ 27—28 тысячачъ экземпляровъ.

Первое время, когда волны общественнаго движенія были еще высоки, журналъ не подвергался правительственнымъ преслѣдованіямъ; подлежащія власти не могли не считаться съ историчностью журнала и съ тѣмъ положеніемъ, которое «Былое» завоевало въ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ кругахъ читателей. «Былое» встрѣчено было съ интересомъ не только въ кругахъ сторонниковъ освободительнаго движенія. Историческій характеръ журнала сильно стѣснялъ возможность официальныхъ преслѣдованій, и тамъ, гдѣ не церемонилось цензурное вѣдомство, въ стѣсненномъ положеніи оказывался судъ.

Перваго официального знака вниманія со стороны Петербургскаго Комитета удостоилось «Былое» въ іюлѣ 1906 года. За первымъ знакомъ послѣдовали и дальнѣйшіе знаки, немалочисленные, становившіеся все болѣе и болѣе чувствительными. Читателемъ нашего журнала въ Петербургскомъ комитетѣ по дѣламъ печати, постояннымъ читателемъ былъ цензоръ А. М. Андріяшевъ. Читалъ онъ «Былое» не въ силу только цензурскаго

своего званія, но и по вкусу къ историческому чтенію. Въ Комитетѣ онъ считался историкомъ, и ему поручали чтеніе историческихъ трудовъ. О своихъ впечатлѣніяхъ этотъ историкъ дѣлалъ доклады въ засѣданіяхъ Комитета, а Комитетъ, соглашаясь съ заключеніями историка, дѣлалъ постановленія о привлеченіи къ суду прикосновенныхъ лицъ и о наложеніи арестовъ на книги. Мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести изъ подлинныхъ дѣлъ о «Быломъ»» выдержки изъ докладовъ г. Андріяшева, весьма характерныхъ для исторической складки ихъ автора.

Въ іюльской книгѣ журнала за 1906 г. Андріяшевъ усмотрѣлъ признаки преступленій—по ст. 128 Угол. Улож. въ статьѣ «Дѣло Бенвенгра» и по ст. 107 въ статьѣ «Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ». Последнее преступленіе было въ полномъ смыслѣ историческимъ преступленіемъ и состояло въ оскорбленіи памяти дѣда и родителя неблагополучно царствовавшего въ то время государя Николая II. Оскорбленіе это г. Андріяшевъ усмотрѣлъ въ письмахъ, писанныхъ Нечаевымъ изъ крѣпости. Судебная палата вознаградила усмотрѣніе г. Андріяшева не въ полной мѣрѣ; она отвергла ст. 128-ую и присудила по ст. 107 одного изъ редакторовъ Щеголева къ заключенію въ крѣпости на 2 мѣсяца. Этотъ приговоръ по ст. 107 едва ли не былъ единственнымъ въ судебной практикѣ.

Слѣдующій докладъ цензора Андріяшева послѣдовалъ по поводу рецензій С. Сватикова въ декабрьской книгѣ за 1906 годъ. Въ этой рецензій проскользнула слѣдующая фраза: «участники студенческихъ беспорядковъ 1899 года помнятъ, какъ на одной изъ сходокъ ораторъ заявилъ, что въ избіеніи виноваты не столько штабсъ-ротмистръ сколько всѣмъ извѣстный полковникъ». Г. Андріяшевъ усмотрѣлъ въ этой фразѣ «ясный и притомъ оскорбительный намекъ на личность государя императора». Палата не согласилась съ Андріяшевымъ и арестъ наложенный комитетомъ отбѣнила.

Затѣмъ была привлечена къ отвѣту мартовская книга журнала за 1907 годъ. Въ статьѣ А. М. Коваленко «11 дней на броненосцѣ Кн. Потемкинъ-Таврическій» были инкриминированы цитированныя здѣсь воззванія матросовъ, возставшихъ противъ своего правительства. Палата и на этотъ разъ не согласилась съ квалификаціей преступленія по п. 1 ст. 129, приведя въ постановленіи весьма любопытное соображеніе, что «воззванія матросовъ предназначались не для распространенія въ Россіи, а были обращены ко всему цивилизованному миру и переданы румынскимъ офицерамъ».

За мартовской книгой той же судьбѣ подверглась апрѣльская книга. Г-нъ Андріяшевъ усмотрѣлъ признаки преступленія по ст. 128 и 129 п. 1 въ статьяхъ Сомова «Изъ исторіи с.-д. движенія въ Петербургѣ въ 1905 году» и Лавриновича: «Въ Архангельской ссылкѣ». Любопытно, что въ послѣдней статьѣ г. Андріяшевъ усмотрѣлъ преступленіе . . . въ точкахъ. Вотъ цитата изъ

его доклада: «Въ статьѣ г. Лавриновича помѣщенъ протестъ архангельской колоніи ссыльныхъ, въ которомъ авторъ замѣнилъ рѣзкія выраженія по отношенію къ Верховной власти точками, но при этомъ указалъ, что исключеніе это онъ сдѣлалъ въ виду ст. 103 и 129 Угол. Улож., раскрывая такимъ образомъ вполне смыслъ тѣхъ выраженій, которыя были замѣнены точками. Въ виду вышесказаннаго, въ статьѣ г. Лавриновича усматриваются признаки преступленія, караемаго ст. 128 Угол. Улож.». Съ этой незабываемой по тупости и изувѣрству юридической аргументаціей Палата не согласилась и арестъ, наложенный Комитетомъ, не утвердила.

Такъ до половины 1907 года сравнительно легко отдѣлывался отъ преслѣдованія нашъ журналъ. Но дальше дѣло пошло хуже.

«Былое» обратило на себя особое вниманіе Департамента Полиціи. Любой чиновникъ Особого Отдѣла Департамента полиціи, любой жандармскій дѣятель не могли представить себѣ легальнаго существованія такого журнала, какъ «Былое». Поэтому на всѣхъ обыскахъ безъ дальнихъ разговоровъ отбирали всѣ книги «Былого», и иногда, давая исходъ своему недоумѣнію, тотъ или иной жандармъ запрашивалъ официально Главное Управленіе по дѣламъ печати, дѣйствительно ли не конфискована та или другая книжка «Былого». А Департаментъ полиціи поставилъ однажды (5 мая 1907 года) Главное Управленіе въ извѣстность, что конфискованные номера «Былого», несмотря на послѣдовавшее воспрещеніе ихъ обращенія, открыто продаются къ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Впрочемъ, сомнѣнія въ правильности обращенія «Былого» исходили не всегда отъ жандармскихъ властей: такъ, прокурору Петербургскаго Окружного Суда показалось зазорнымъ дѣломъ допущеніе къ обращенію февральской книги журнала, въ которой прокуроръ отмѣтилъ статью Н. И. Фальчева «Итоги военно-полевой юстиціи».

Комитетъ по дѣламъ печати принялся съ удвоенной энергіей за «Былое». Въ сентябрьской книгѣ за 1907 годъ предназначены были къ помѣщенію предоставленные въ распоряженіе редакціи М. В. Безобразовой отрывки изъ дневника ея отца сенатора Безобразова. Въ этихъ отрывкахъ сообщались весьма любопытныя и пикантныя подробности о характерахъ, нравахъ и жизни многихъ великихъ князей. Желая во что бы то ни стало начать говорить на страницахъ легальной печати и на эти абсолютно запретныя темы, редакція, пожертвовавъ кое-гдѣ рѣзкостями, оставила цѣлый рядъ цѣннѣйшихъ подробностей, но имена великихъ князей замѣнила инициалами; такъ можно было прочесть о грубости и невоспитанности В. К. В., о порочныхъ наклонностяхъ В. К. С. и т. д.

Слухи о появленіи этихъ записокъ распространились до выхода изъ печати книжки журнала; сыновья Безобразова, не обращая вниманія на то, что матеріалъ для печати былъ приобретъ-
 тель нами у дочери автора—ихъ сестры, приняли мѣры къ

предотвращенію появленія въ свѣтъ этихъ отрывковъ и не нашла ничего лучшаго, какъ обратиться за содѣйствіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпину. П. А. Столыпинъ передалъ объ этой просьбѣ тогдашнему начальнику печати А. В. Бельгарду и предложилъ ему принять мѣры противъ выхода въ свѣтъ книги. Законныхъ мѣръ не было, ибо книгу можно было конфисковать только при выходѣ ея въ свѣтъ. Но въ моментъ представленія контрольных экземпляровъ въ комитетъ по дѣламъ печати книга уже оказывалась распространенной. Бельгардъ вызвалъ редактора и вошелъ въ переговоры, соглашаясь не возбуждать преслѣдованія противъ книги при условіи снятія записокъ Безобразова. Но было поздно, и книга была уже распространена. 4 октября 1907 года, по докладу того же Андріяшева, рѣшительно не желавшаго опѣнить все историческое значеніе статей и матеріаловъ «Былого», Комитетъ постановилъ наложить арестъ и привлечь по ст. 106 «за помѣщеніе оскорбительныхъ отзывовъ о нѣкоторыхъ нынѣ живущихъ членахъ императорскаго дома», а чтобы дѣло было крѣпче, въ засѣданіи 6 октября Комитетъ инкриминировалъ еще одну статью, именно Н. С. Русанова, «Идейныя основы Народной Воли» по ст. 129 п. 1. Палата открылась примѣнить статью 106, находя, что на прокурора легла бы, въ случаѣ привлеченія, тяжелая обязанность доказывать, что грубый и невоспитанный В. К. В. есть несомнѣнно великій князь Владимиръ а порочный В. К. С. есть несомнѣнно великій князь Сергій. Но арестъ по ст. 129 п. 1 Палата утвердила 29 октября 1907 г. Къ суду былъ привлеченъ Щеголевъ.

Какъ бы боясь, что Палата отмѣнитъ арестъ сентябрьской книги, Комитетъ по дѣламъ печати сталъ искать криминаль въ слѣдующей октябрьской, и остановилъ свое вниманіе на примѣчательной запискѣ К. А. Бороздина «Священная Дружина» в «Народная Воля». И въ этой запискѣ, писанной секретнымъ сотрудникомъ Священной Дружины и Департамента Полиціи, Комитетъ изумительнѣйшимъ образомъ открылъ криминальныя строки—въ приводимомъ К. А. Бороздинымъ со словъ одного изъ народовольцевъ катехизисѣ партіи Народной Воли. Вотъ какъ налагалъ его К. А. Бороздинъ.

«Народъ приниженъ, раззоренъ, обезличенъ; грабятъ его всякій имѣющій власть, а царь (Императоръ Александръ III) не только не защищаетъ, но и не желаетъ защищать. Онъ не желаетъ свободы народу. Съ прежнимъ царемъ за все это учинена уже расправа, а настоящій потерялъ довѣріе къ себѣ и заслуживаетъ того же. Земли народу онъ не даетъ; окружилъ себя опричниками—чиновниками и шпионами, народу недоступенъ, войску вѣрилъ свою охрану и вполне оправдываетъ на себѣ пословицу «попъ съ крестомъ, а царь съ кнутомъ». Милосердію его никто не вѣритъ; помилованіе присужденныхъ къ смертной казни—вынужденный маневръ и притомъ фиктивный,—на дорогѣ въ ссылку ихъ придушаютъ. Судомъ допускаются пытки, всѣхъ казенныхъ

пытали между приговоромъ и казнью, всѣхъ сосланныхъ въ ка-
торгу истребляютъ медленнымъ тиранствомъ: примѣръ на тюрьмѣ
въ Нижней Карѣ. Всякій русскій честный человѣкъ, любящій
свою родину, долженъ стремиться къ тому, чтобы разрушить этотъ
невыносимый порядокъ государственнаго строя».

Эти строки были оцѣнены Комитетомъ въ одинъ и тотъ же
день два раза, и каждый разъ по разному. 30-го октября председа-
тель Комитета довелъ до свѣдѣнія начальника главнаго управ-
ленія, что Комитетъ въ вышеприведенномъ извлеченіи не нашелъ
признаковъ преступленія по ст. 107 Угол. Улож. въ виду того,
что «катехизисъ» народолюбцевъ, заключающій дерзостныя для
памяти въ Бозѣ почившаго имп. Александра III выраженія, напеча-
танъ въ качествѣ историческаго документа, а не съ цѣлью оскор-
бить этого монарха». Ознакомившись съ мнѣніемъ комитета, г-нъ
Бельгардъ, очевидно, остался имъ неудовлетворенъ, и въ тотъ же
день Комитетъ принялъ иное рѣшеніе. На помощь пришелъ все
тотъ же историкъ Андріяшевъ. Онъ представилъ свой докладъ съ
слѣдующей резолютивной частью: «хотя записка Боровдина въ
общемъ своемъ содержаніи не нарушаетъ нынѣ дѣйствующихъ
законовъ о печати, тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ вышеприведенномъ
отрывкѣ помѣщены выраженія явно оскорбительныя для памяти
имп. Александра III, то вся статья должна быть инкриминирована
по ст. 107». По такимъ соображеніямъ надо обвинить библію въ
безбожій, ибо тамъ говорится:» рече безумецъ въ сердцѣ своемъ
«нѣсть богъ». Комитетъ ничего не стоило переубѣдить, и онъ
постановилъ возбудить преслѣдованіе по 107 ст., и на книгу нало-
жить арестъ ¹⁾. Но и на этотъ разъ вступъ остались юридическія
вождедвія историка Андріяшева, ибо Палата въ засѣданіи 8
ноября 1907 не усмотрѣла состава преступленія по ст. 107 и
арестъ отмѣнила.

Таково было официальное положеніе «Былого» въ ноябрѣ
1907 года: по одному дѣлу былъ уже приговоръ (по ст. 107) къ
2 мѣсяцамъ крѣпости безъ конфискаціи книги, а изъ пяти по-
становленій о привлеченіи къ судебной отвѣтственности и о кон-
фискаціи книги четыре были отмѣнены, и по одному арестъ былъ
утвержденъ, и редакторъ былъ привлеченъ къ суду.

Тучи надъ «Былымъ» собирались и съ другой стороны. Вни-
маніе Департамента Полиціи стало докучнымъ, назойливымъ, тя-
гостнымъ. Обстоятельства особаго рода нервировали Департаментъ.
Въ журналѣ стали появляться извлеченія изъ особо секретныхъ
наданій Департамента—обзоровъ жандармскихъ дознаній, секрет-

¹⁾ Для характеристики юридической практики Комитета нельзя не от-
мѣтить, что въ этотъ разъ Комитетъ, привлекая по ст. 107, мотивировалъ свое
постановленіе о наложеніи ареста ссылкой на п. а ст. 9 отд. VII закона (Выс.
Указа) 24 ноября 1905 года. А въ августѣ 1906 года тотъ же Комитетъ, при-
влекая по ст. 107, не наложилъ ареста на книгу и въ отвѣтъ на запросъ про-
курора Палаты о томъ, была ли конфискована книга, мотивировалъ непримѣненіе
ареста ссылкой на тотъ же самый пунктъ—на п. а ст. 9 отд. VII Закона 24 ноября
1905 года. Est modus in rebus.

ныхъ циркуляровъ, секретныхъ документовъ и записокъ, изъ которыхъ нѣкоторые относились къ новѣйшимъ событіямъ. Редакція «Былого» располагала въ довольно большомъ количествѣ такими матеріалами, которые Департаментъ почиталъ недоступными ни для кого изъ непосвященныхъ. Но часть этихъ матеріаловъ редакція получила какъ разъ отъ лицъ посвященныхъ, между прочимъ и отъ извѣстнаго дѣятеля секретнаго политическаго розыска М. О. Бакая (Михайловскаго). Первое его появленіе въ редакціи «Былого» и первыя его признанія В. Л. Бурцеву относятся къ осени 1906 года. Департаментъ не могъ не заинтересоваться источникомъ, изъ котораго шли къ намъ его секретныя матеріалы. Но интересъ Департамента къ дѣламъ «Былого» достигъ кульминаціонной точки, когда онъ извѣстился о томъ, что изъ редакціи «Былого» идутъ фактическія сообщенія, ставящія партію социалпстовъ—революціонеровъ на слѣдъ величайшаго предателя въ ея центрѣ. Случилось это такъ. Данные, бывшія въ распоряженіи «Былого», говорили совершенно опредѣленно и несомнительно о присутствіи въ центрѣ партіи, въ боевой организаціи крупнаго предателя, но не давали указанія имени. Ранней осенью 1907 года одинъ изъ редакторовъ Щеголевъ побывалъ въ Гельсингфорсѣ со специальной задачей сообщить В. В. Савинкову полученныя въ редакціи данныя объ этомъ предательствѣ. Савинковъ немедленно же подѣлился этими свѣдѣніями ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ «Иваномъ Николаевичемъ» т. е. съ Евно Азефомъ. Остальное понятно. Азефъ потребовалъ отъ своего начальства выясненія источника свѣдѣній «Былого» и ликвидаціи «Былого», В. Л. Бурцева и редакціи. Объ этомъ своемъ категорическомъ требованіи Азефъ самъ разсказывалъ В. Л. Бурцеву позже въ Франкфуртѣ.

За редакціей «Былого» было установлено наблюденіе, произведенъ рядъ обысковъ. Бакай былъ арестованъ, а В. Л. Бурцевъ уже не могъ вернуться изъ своего лѣтняго отпуска въ Петербургъ и послѣ недолгаго пребыванія въ Финляндіи вынужденъ былъ выѣхать за границу. Тамъ онъ закончилъ разоблаченіе Азефа, давшее на русской почвѣ павѣстный процессъ А. А. Лопухина, арестованнаго въ январѣ 1909 года.

Удоставившись, должно быть, въ томъ, что расправа судебнымъ путемъ съ «Былымъ» — дѣло громоздкое и нелегкое, Департаментъ Полиціи обратился къ старому испытанному методу. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ петербургскій градоначальникъ Д. В. Драчевскій 2 ноября 1907 года распорядился изданіе журнала приостановить, а одного изъ редакторовъ Щеголева выслать изъ Петербурга «за вредную политическую дѣятельность». Основаніемъ высылки послужилъ докладъ начальника охраннаго отдѣленія извѣстнаго А. В. Герасимова. Когда Щеголевъ обратился къ Драчевскому съ просьбой сообщить обстоятельства, вызвавшія репрессіи по отношенію къ нему, то Драчевскій сталъ приводить совершенно диковинныя соображенія въ родѣ ссылки на сношенія Щеголева съ неблагонадежными

лицами, въ числѣ коихъ былъ названъ на первомъ мѣстѣ В. Я. Яковлевъ-Богучарскій. Истинныхъ основаній градоначальникъ, конечно, не имѣлъ возможности сообщить.

Не желая уступать, редакторы «Былого» Богучарскій и Щеголевъ рѣшили продолжать дѣло: въ концѣ 1907 года взаимно невыпущенныхъ двухъ книгъ «Былого» они дали одну книгу въ формѣ номера журнала «Наша страна» и указатель къ «Былому» въ формѣ номера журнала «Вѣстникъ исторіи и литературы», а съ января 1908 года приступили къ изданію по нѣсколько расширенной по сравненію съ «Былымъ» программѣ историческаго журнала «Минувшіе годы». По дѣламъ журнала Щеголеву, жившему въ Сестрорѣцкѣ, приходилось бывать въ Петроградѣ, и въ одно изъ своихъ посѣщеній при выходѣ изъ квартиры В. Я. Богучарскаго онъ былъ арестованъ на улицѣ, продержанъ мѣсяцъ въ тюрьмѣ и, по постановленію Особаго Совѣщанія, высланъ подъ гласный надзоръ полиціи на 2 года «за вредную политическую дѣятельность».

Въ январѣ 1909 года дѣло «Былого» было подытожено. 13 января приговорами С.-Петербургской Судебной Палаты самое изданіе журнала было запрещено навсегда, а редакторъ Щеголевъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости на три года¹⁾. Въ январѣ же былъ арестованъ Богучарскій и вскорѣ высланъ за границу, откуда онъ вернулся въ 1913 году. В. Л. Бурцевъ оставался за границей до 1914 года.

Но преслѣдованія «Былого» не кончились его смертью по суду и по чрезвычайной охранѣ. Время отъ времени на протяженіи 1909 — 1915 года историкъ Андріяшевъ возвращался къ чтенію то одной, то другой книги «Былого» и, усматривая въ ней признаки преступленій, дѣлалъ доклады; Комитетъ принималъ постановленія объ арестѣ, а судъ утверждалъ эти постановленія безъ привлеченія къ суду редакторовъ за силой состоявшагося приговора. Справедливость требуетъ отмѣтить, что историкъ Андріяшевъ возвращался къ чтенію «Былого» не всегда по собственной инициативѣ. Онъ приступалъ къ чтенію по большей части, въ удовлетвореніе недоумѣнныхъ вопросовъ о правильности обращенія «Былого» со стороны разныхъ чиновъ, для которыхъ самое зрѣлище книгъ «Былого» было непереноснымъ.

Такія сомнѣнія возникали то у судебного слѣдователя Рязанскаго Окружнаго Суда по важнѣйшимъ дѣламъ, то у Начальника Восточно-Донецкаго жанд. полпц. управленія, то у начальника Екатеринбургскаго отдѣленія Екатеринбургскаго жел. пол. управленія и т. д.

¹⁾ Защитниками по дѣлу «Былого» были: въ первомъ процессѣ (по ст. 107) — П. Н. Переврзевъ, во второмъ процессѣ — въ палатѣ — С. А. Андреевскій и П. Н. Переврзевъ, въ сенатѣ — С. А. Андреевскій и В. А. Маклаковъ. Щеголевъ былъ арестованъ въ залѣ суда 18 января 1909 года и на поруки не былъ выпущенъ. Щеголевъ содержался въ одиночной тюрьмѣ и былъ освобожденъ въ маѣ 1911 года.

Въ такомъ порядкѣ были присуждены къ уничтоженію 1, 2, 4, 8, 11 и 12 книги за 1906 годъ и 1, 3, 4, 8, 10 книги за 1907 годъ. Объ исполненіи судебныхъ приговоровъ градоначальникъ извѣщалъ Главное Управление по дѣламъ печати въ слѣдующей формѣ: «Такого-то числа въ типографіи С.-Петербургскаго градоначальства въ комиссіи уничтожены посредствомъ разрыванія на части или посредствомъ разрыванія на мелкія части арестованные экземпляры такихъ то номеровъ журнала «Былое».

Неизданныя страницы изъ „Николая Палкина“ Л. Н. Толстого.

И сталъ я вспоминать все, что знаю изъ исторіи о жестокостяхъ человѣка въ русской исторіи — о жестокостяхъ этого христіанскаго, кроткаго, добраго русскаго человѣка. Къ счастью или несчастью я знаю много. Всегда въ исторіи и въ дѣйствительности, какъ мошку къ огню, меня притягивало къ этимъ жестокостямъ: я читалъ, слышалъ или видѣлъ ихъ и замиралъ, вдумываясь, вслушиваясь, вглядываясь въ нихъ. Чего мнѣ нужно было отъ нихъ, я не знаю; но мнѣ нужно было знать, слышать, видѣть это.

Іоаннъ Грозный топить, жжетъ, казнить, какъ звѣрь. Это страшно; но отчего-то дѣла Іоанна Грознаго для меня что-то далекое, въ родѣ басни. Я не могъ видѣть всего этого. То-же и съ временами междуцарствія, Алексѣя Михайловича; но съ Петромъ, такъ называемымъ великимъ, начиналось для меня что-то новое, живое. Я чувствовалъ, читая ужасы этого бѣснующагося, пьянаго распутнаго звѣря, что это касается меня, что всѣ его дѣла къ чему-то обязываютъ меня. Сначала это было чувство злости, потомъ презрѣнія, желаніе унизить его, но все это было не то. Чего-то отъ меня требовало мое чувство, какъ оно требуетъ чего-то, когда при васъ оскорбляютъ и мучаютъ родного, да и не родного, а просто человѣка. Но я не могъ найти и понять того, чего отъ меня требовало и почему меня тянуло къ этому. Еще сильнѣе было во мнѣ это чувство негодованія и омерзенія при чтеніи ужасовъ Петровой б... и, ставшей царицей, — еще сильнѣе при чтеніи ужасовъ Анны Іоанновны, Елисаветы, и сильнѣе и отвратительнѣе всего при описаніи жизни отвратительной блудницы Екатерины и всей подлости окружавшихъ ее — подлости, до сихъ поръ остающейся въ ихъ потомкахъ. Потомъ Павелъ (онъ почему-то не возбуждаетъ во мнѣ негодованія). Потомъ отцеубійца Александръ и Аракчеевщина и палки, палки; забиваніе живыхъ людей живыми людьми, христіанами, обманутыми своими вожаками. И потомъ Николай Палкинъ, котораго я засталъ вмѣстѣ съ его ужасными дѣлами.

Только очень недавно я понялъ, наконецъ, что мнѣ было нужно въ этихъ ужасахъ, почему они притягивали меня, почему я чувствовалъ себя отвѣтственнымъ въ нихъ, и что мнѣ нужно

сдѣлать по отношенію ихъ. Мнѣ нужно сорвать съ глазъ людей завѣсу, которая скрываетъ отъ нихъ ихъ человѣческія обязанности, призываетъ ихъ къ служенію дьяволу. Захотятъ они видѣть или пересилить меня дьяволъ и они—большинство изъ нихъ—будутъ продолжать служить дьяволу и губить свои души и души братьевъ своихъ; но хотъ кто-нибудь увидитъ: сѣмя будетъ брошено, и оно вырастетъ, потому что оно сѣмя Божье.

Дѣло идетъ вотъ какъ: заблудшіе люди—слуги дьявола, т. е. зла и обмана, для достиженія своихъ маленькихъ ничтожныхъ цѣлей—въ родѣ пожара Рима Нерона, дѣлаютъ ужасы жестокости надъ своими братьями. Люди эти умираютъ, но на ихъ мѣсто являются новые, дѣлающіе новыя жестокости. То, что дѣлаетъ одинъ, другой отъ того не отрекается. Время, т. е. общее состояніе людей, идетъ впередъ, и оказывается, что то, что дѣлалъ Петръ, не можетъ дѣлать Екатерина; то, что дѣлалъ Павелъ, не можетъ дѣлать Александръ; то, что дѣлалъ Александръ, не можетъ дѣлать Палкинъ. То, что дѣлалъ Палкинъ, не можетъ сдѣлать его сынъ. Но если онъ не можетъ сдѣлать то-же, онъ можетъ сдѣлать другое. И онъ дѣлаетъ это другое. И онъ и помощники его говорятъ: «Зачѣмъ поминать старое—это прошло. Зачѣмъ озлоблять народъ?» И всѣ слушаютъ и говорятъ: «Да, зачѣмъ вспоминать старое и озлоблять народъ». И старое забывается—не только забывается, но стирается изъ памяти людей. Палкину и всѣмъ Палкинымъ—памятники, а новое, такое же, какъ старое, начинаетъ дѣлаться и дѣлается, пока возможно, въ той-же формѣ; когда становится невозможнымъ, перемѣняется форма, но остается то-же.

Зло въ томъ, что люди полагаютъ, что можетъ быть необходимо дѣлать зло людямъ, что можетъ не быть грѣха въ томъ, чтобы дѣлать зло другимъ людямъ, въ томъ, что отъ зла людямъ можетъ произойти добро людямъ.

Левъ Толстой.

Всѣмъ извѣстно, что у Толстого при его творческой работѣ всегда на первомъ планѣ было стремленіе свою главную мысль, свои основныя положенія показать съ самой наглядной ясностью и полной простотой и что, преслѣдуя это, онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, что только могло нарушить стройность общей конструкціи, и поступался всѣми частностями, какъ бы значительны и дороги для него онѣ ни были. Въ этомъ отношеніи черновики Толстого и безконечно исправлявшіяся и передѣлывавшіяся ихъ копіи, изслѣдованіе которыхъ теперь начато, даютъ, можно сказать, невѣроятную картину уничтожающе-созидательной работы автора. Но, если то, что выброшено Толстымъ, должно было быть выброшено для стройности его творенія, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что оно не имѣетъ значенія само по себѣ для изученія его взглядовъ на тотъ или иной предметъ, его мастерства, какъ художника слова, его мыслей, какъ моралиста-учителя. Все это налагаетъ обязанность на тѣхъ, у кого есть доступъ къ Толстовскимъ рукописямъ и возможность съ ними знакомиться,—изучать отброшенные части произведеній Толстого, возстановлять постепенность ихъ видоизмѣненій.

Съ такой мыслью мы подошли и къ тому произведенію, которое

Толстымъ названо „Николай Палкинъ“. До послѣдняго времени находившееся подъ строгимъ запретомъ и потому мало извѣстное въ Россіи, оно недавно издано здѣшнимъ Толстовскимъ Музеемъ по послѣдней редакціи, сохранившейся въ архивѣ В. Г. Черткова.

Толчкомъ къ написанію „Николая Палкина“ для Толстого былъ рассказъ, слышанный имъ въ 1886 г. отъ стараго Николаевского солдата о „гоняніи сквозь строй“—жесточайшемъ наказаніи, усердно практиковавшемся при имп. Николаѣ Павловичѣ. Главная мысль произведенія Толстого не столько указать ужасъ и несовмѣстимость съ понятіемъ о человѣкѣ такого наказанія, сколько, исходя изъ него, опредѣлить обязанности человѣка передъ Богомъ и отграничить ихъ отъ обязанностей передъ государственною властью—отдѣлить Кесарево отъ Божьяго. Этой мысли, по мѣрѣ развитія работы, Толстой удѣлялъ все болѣе и болѣе вниманія. Онъ не могъ отрѣшиться отъ нея и послѣ написанія „Николая Палкина“ и, точно недовольный работой, развилъ свое небольшое послѣсловіе къ рассказу въ отдѣльную статью „Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину“, посвященную разъясненію отвѣта Христа на вопросъ фарисеевъ о монетѣ съ изображеніемъ Кесаря. Но при началѣ работы къ главной мысли у Толстого присоединялся рядъ другихъ приводящихся и самый ходъ развитія основного положенія шелъ въ нѣсколько иномъ направленіи. Рассказъ солдата о гоняніи сквозь строй и въ связи съ этимъ мысли о жестокостяхъ человѣка, вызываемыхъ приказаніями свыше, приводилъ Толстого къ припоминаніямъ о прошломъ русскаго народа, о жестокостяхъ этого „христіанскаго, кроткаго, добраго русскаго человѣка“. „Какъ мошку къ огню,—говорить Толстой,—его притягивало къ этимъ жестокостямъ, потому что ему хотѣлось „сорвать съ глазъ людей завѣсу, которая скрываетъ отъ нихъ ихъ человѣческія обязанности и призываетъ ихъ къ служенію дьяволу“. Вотъ эти припоминанія и выводы, къ которымъ Толстой приходитъ, и заключаютъ въ себѣ тѣ строки, которыя были имъ откинута при дальнѣйшей работѣ и которыя мы приводимъ ниже. Онъ дають краткую, рѣзкими чертами набросанную характеристику представителей верховной власти въ Россіи,—характеристику, являющуюся для автора какъ бы путемъ, которымъ онъ шелъ для доказательства своего положенія, что отъ зла людямъ не можетъ произойти для нихъ добра.

При ближайшей переработкѣ текста этой части статьи Толстой нѣсколько распространилъ и еще болѣе усилилъ характеристики русскихъ правителей, но эти черновики его не полны и не такъ, какъ настоящая рукопись, закончены. Поэтому при опубликованіи неизвѣстнаго отрывка Николая Палкина мы и рѣшили остановиться на редакціи, печатаемой нынѣ.

В. Срезневскій.

Письмо Льва Толстого къ Николаю II.

Воспроизводимъ текстъ замѣчательнаго письма Толстого съ подлинника, бывшаго въ рукахъ бывшаго царя.

Любезный Братъ.

Такое обращеніе я счелъ наиболѣе умѣстнымъ, потому что обращаюсь къ Вамъ въ этомъ письмѣ не столько какъ къ Царю, сколько какъ къ человѣку-брату. Кромѣ того еще и потому, что пишу Вамъ какъ бы съ того свѣта, находясь въ ожиданіи близкой смерти.

Мнѣ не хотѣлось умереть, не сказавъ Вамъ того, что я думаю о Вашей теперешней дѣятельности и о томъ, какою она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионамъ людей и Вамъ, и какое большое зло она можетъ принести людямъ и Вамъ, если будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, въ которомъ идетъ теперь.

Третя Россія находится въ положеніи усиленной охраны, т. е. внѣ закона, армія полицейскихъ—явныхъ и тайныхъ—все увеличивается, тюрьмы, мѣста ссылки и каторги переполнены сверхъ сотенъ тысячъ уголовныхъ—политическими, къ которымъ причисляютъ теперь и рабочихъ. Цензура дошла до нелѣпостей запрещеній, до которыхъ она не доходила въ худшее время 40-выхъ годовъ, религіозныя гоненія никогда не были столь часты и жестоки, какъ теперь, и становятся все жесточе и жесточе и чаще; вездѣ въ городахъ и фабричныхъ центрахъ сосредоточены войска и высылаются съ боевыми патронами противъ народа; во многихъ мѣстахъ уже были братоубійственныя кровопролитія и вездѣ готовятся и неизбежно будутъ новыя и еще болѣе жестокия.

И какъ результатъ всей этой напряженной и жестокой дѣятельности правительства, земледѣльческой народъ — тѣ 100 миллионъ, на которыхъ зиждется могущество Россіи,—несмотря на непомерно возрастающій государственный бюджетъ, или, скорѣе, вслѣдствіе этого возрастанія, нищаетъ съ каждымъ годомъ, такъ что голодъ сталъ нормальнымъ явленіемъ, и такимъ же явленіемъ стало всеобщее недовольство правительствомъ всѣхъ сословій и враждебное отношеніе къ нему.

И причина всего этого до очевидности ясная, одна: та, что помощники Ваши увѣряютъ Васъ, что останавливая всякое

движеніе жизни въ народѣ, они этимъ обезпечиваютъ благоденствіе этого народа и Ваше спокойствіе и безопасность. Но вѣдь скорѣе можно остановить теченіе рѣки, чѣмъ установленное Богомъ всегдашнее движеніе впередъ человѣчества. Понятно, что люди, которымъ выгоденъ такой порядокъ вещей, и которые въ глубинѣ души своей говорятъ *«argès pour le déluge»*, могутъ и должны увѣрять Васъ въ этомъ, но удивительно, какъ Вы, свободный, ни въ чемъ не нуждающійся человѣкъ, и человѣкъ разумный и добрый, можете вѣрить имъ и, слѣдуя ихъ ужаснымъ совѣтамъ, дѣлать или допускать дѣлать столько зла ради такого неисполнимаго намѣренія, какъ остановка вѣчнаго движенія человѣчества отъ зла къ добру, отъ мрака къ свѣту.

Вѣдь Вы не можете не знать того, что съ тѣхъ поръ, какъ намъ извѣстна жизнь людей, формы жизни ея, какъ экономическія и общественныя, такъ религіовныя и политическія, постоянно измѣнялись, переходя отъ болѣе грубыхъ, жестокихъ и неразумныхъ къ болѣе мягкимъ, человѣчнымъ и разумнымъ.

Ваши совѣтники говорятъ Вамъ, что это неправда, что русскому народу какъ было свойственно когда-то православіе и самодержавіе, такъ оно свойственно ему и теперь, и будетъ свойственно до конца дней, и что поэтому для блага русскаго народа надо во что бы то ни стало поддерживать эти двѣ священные между собою формы: религіознаго вѣрованія и политическаго устройства. Но вѣдь это двойная неправда. Во-первыхъ—никакъ нельзя сказать, чтобы православіе, которое когда то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Изъ отчетовъ оберъ-прокурора синода Вы можете видѣть, что наиболѣе духовно развитые люди народа, несмотря на всѣ невыгоды и опасности, которымъ они подвергаются, отступая отъ православія, съ каждымъ годомъ все больше и больше переходятъ въ такъ называемыя секты. Во-вторыхъ—если справедливо то, что народу свойственно православіе, то незачѣмъ такъ усиленно поддерживать эту форму вѣрованія и съ такою жестокостью преслѣдовать тѣхъ, которые отрицаютъ ее.

Что-же касается самодержавія, то оно, точно также, если и было свойственно русскому народу, когда народъ этотъ еще вѣрилъ, что царь—непогрѣшимый земной богъ, и самъ одинъ управляетъ народомъ, то далеко уже не свойственно ему теперь, когда всѣ знаютъ, или, какъ только немного образовываются, узнаютъ—во-первыхъ то, что хорошій царь есть только *«un bonheur hasard»*, а что Цари могутъ быть и бывали и изверги и безумцы, какъ Іоаннъ IV или Павелъ, а во вторыхъ то, что какой бы онъ ни былъ хорошій, никакъ не можетъ управлять самъ 130 миллионнымъ народомъ, а управляютъ народомъ приближенные царя, заботящіеся больше всего о своемъ положеніи, а не о благѣ народа. Вы скажете: царь можетъ выбирать себѣ въ помощники людей безкорыстныхъ и хорошихъ. Къ несчастію царь не можетъ этого дѣлать потому, что онъ знаетъ только нѣсколько десятковъ людей,

случайно или разными происками приближавшихся къ нему и старательно загораживающихъ отъ него всѣхъ тѣхъ, которые могли бы замѣстить ихъ. Такъ что царь выбираетъ не изъ тѣхъ тысячъ живыхъ, энергичныхъ, истинно просвѣщенныхъ, честныхъ людей, которые рвутся къ общественному дѣлу, а только изъ тѣхъ, про которыхъ говорилъ Бомарше: «*médiocre et rampant et on parvient à tout*». И если многіе русскіе люди готовы повиноваться царю, они не могутъ безъ чувства оскорбленія повиноваться людямъ своего круга, которыхъ они презираютъ и которые такъ часто именемъ царя управляютъ народомъ.

Васъ, вѣроятно, приводитъ въ заблужденіе о любви народа къ самодержавію и его представителю-царю то, что вездѣ при встрѣчахъ Васъ въ Москвѣ и другихъ городахъ—толпы народа съ криками «ура» бѣгутъ за Вами. Не вѣрьте тому, чтобы это было выраженіемъ преданности Вамъ—это толпа любопытныхъ, которая побѣжитъ точно также за всякимъ непривычнымъ зрѣлищемъ. Часто же эти люди, которыхъ Вы принимаете за выразителей народной любви къ Вамъ,—суть ни что иное, какъ полиціей собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный Вамъ народъ, какъ это, на примѣръ было съ Вашимъ дѣдомъ въ Харьковѣ, когда соборъ былъ полонъ народа, но весь народъ состоялъ изъ переодѣтыхъ городскихъ.

Если бы Вы могли, также, какъ я, походить во время царскаго проѣзда по линіи крестьянъ, разставленныхъ повади войскъ вдоль всей желѣзной дороги, и послушать, что говорятъ эти крестьяне: старосты, сотскіе, десятскіе, сгоняемые съ сосѣднихъ деревень, и на холоду и въ слякоти безъ вознагражденія, съ своимъ хлѣбомъ по нѣсколько дней дожидаящіеся проѣзда,—Вы бы услышали отъ самыхъ настоящихъ представителей народа, простыхъ крестьянъ, сплошь по всей линіи, рѣчи совершенно несогласныя съ любовью къ самодержавію и его представителю. Если лѣтъ 50 тому назадъ при Николаѣ I еще стоялъ высоко престижъ Царской власти, то за послѣдніе 30 лѣтъ онъ, не переставая, падалъ и упалъ въ послѣднее время такъ, что во всѣхъ сословіяхъ никто уже не стѣсняется смѣло осуждать не только распоряженія правительства, но самого царя и даже бранить его и смѣяться надъ нимъ.

Самодержавіе есть форма правленія отжившая, могущая соотвѣтствовать требованіямъ народа гдѣ нибудь въ центральной Африкѣ, отдѣленной отъ всего міра, но не требованіямъ русскаго народа, который все болѣе и болѣе просвѣщается общимъ всему міру просвѣщеніемъ. И потому поддерживать эту форму правленія и связанное съ нею православіе можно только — какъ это и дѣлается теперь—посредствомъ всякаго насилія: усиленной охраны, административныхъ ссылокъ, казней, религіозныхъ гоненій, запрещенія книгъ, газетъ, извращенія воспитанія и вообще всякаго рода дурныхъ и жестокихъ дѣлъ.

И таковы были до сихъ поръ дѣла Вашего царствованія.

Начиная съ Вашего, возбудившаго негодованіе всего русскаго общества, отвѣта Тверской депутаціи, гдѣ Вы самыя законныя желанія людей назвали «безсмысленными мечтаніями»,—всѣ Ваши распоряженія о Финляндіи, о Китайскихъ захватахъ, Вашъ проектъ Гаагской конференціи, сопровождаемый усиленіемъ войскъ, Ваше ослабленіе самоуправленія и усиленіе административнаго произвола, Ваша поддержка гоненій за вѣру, Ваше согласіе на учрежденіе винной монополіи, т. е. торговли отъ правительства ядомъ, отравляющимъ народъ, и, наконецъ, Ваше упорство въ удержаніи тѣлеснаго наказанія, не смотря на всѣ представленія, которыя дѣлаются Вамъ объ отиѣнѣ этой позорящей русскій народъ, безсмысленной и совершенно бесполезной мѣры, — все это пустяки, которые Вы не могли бы сдѣлать, если бы не задались, по совѣту Вашихъ лекомысленныхъ помощниковъ, невозможной цѣлью,—не только остановить жизнь народа, но вернуть его къ прежнему пережитому состоянію.

Мѣрами насилія можно угнетать народъ, но нельзя управлять имъ. Единственное средство въ наше время, чтобы дѣйствительно управлять народомъ, только въ томъ, чтобы, ставъ во главѣ движенія народа отъ зла къ добру, отъ мрака къ свѣту, вести его къ достиженію ближайшихъ къ этому движенію цѣлей. Для того же, чтобы быть въ состояніи сдѣлать это, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желанія и нужды, и, выслушавъ эти желанія и нужды, исполнить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ отвѣчать требованіямъ не одного класса или сословія, а большинству его, массѣ рабочаго народа.

И тѣ желанія, которыя выскажетъ теперь русскій народъ, если ему будетъ дана возможность это сдѣлать, по моему мнѣнію, будутъ слѣдующія:

Прежде всего рабочій народъ скажетъ, что желаетъ избавиться отъ тѣхъ исключительныхъ законовъ, которые ставятъ его въ положеніе парія, не пользующагося правами всѣхъ остальныхъ гражданъ; потомъ скажетъ, что онъ хочетъ свободы передвиженія, свободы обученія и свободы исповѣданія вѣры, свойственной его духовнымъ потребностямъ, и, главное, весь 100-милліонный народъ въ одинъ голосъ скажетъ, что онъ желаетъ свободы пользованія землей, т. е. уничтоженія права земельной собственности.

И вотъ это-то уничтоженіе права земельной собственности и есть, по моему мнѣнію, та ближайшая цѣль, достиженіе которой должно сдѣлать въ наше время своей задачей русское правительство.

Въ каждый періодъ жизни человѣчества есть соотвѣтствующая времени ближайшая ступень осуществленія лучшихъ формъ жизни, къ которой оно стремится. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ такой ближайшей ступенью было для Россіи уничтоженіе рабства. Въ наше время такая ступень есть освобожденіе рабочихъ массъ отъ того меньшинства, которое властвуетъ надъ ними, то, что называется рабочимъ вопросомъ.

Въ Западной Европѣ достиженіе этой цѣли считается возможнымъ черезъ передачу заводовъ и фабрикъ въ общее пользованіе рабочихъ. Вѣрно ли или невѣрно такое разрѣшеніе вопроса и достижимо ли оно или нѣтъ для западныхъ народовъ, — оно очевидно не примѣнимо къ Россіи, какова она теперь. Въ Россіи, гдѣ огромная часть населенія живетъ на землѣ и находится въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, освобожденіе рабочихъ очевидно не можетъ быть достигнуто переходомъ фабрикъ и заводовъ въ общее пользованіе. Для русскаго народа такое освобожденіе можетъ быть достигнуто только уничтоженіемъ земельной собственности и признаніемъ земли общимъ достояніемъ, тѣмъ самымъ, что уже съ давнихъ поръ составляетъ задушевное желаніе русскаго народа, и осуществленія чего онъ все еще ожидаетъ отъ русскаго правительства.

Знаю я, что эти мысли мои будутъ приняты Вашими совѣтниками, какъ верхъ легкомыслія и непрактичности чловѣка, не постигающаго всей трудности государственнаго управленія, въ особенности же мысль о признаніи земли общей народной собственностью, но знаю я и то, что для того, чтобы не быть вынужденнымъ совершать все болѣе и болѣе жестокія насилія надъ народомъ, — есть только одно средство, а именно: сдѣлать своею задачей такую цѣль, которая стояла бы впереди желаній народа. И, не дожидаясь того, чтобы накатывающийся вѣсъ билъ по колѣнкамъ — самому везти его, т. е. идти въ первыхъ рядахъ осуществленія лучшихъ формъ жизни. А такой цѣлью можетъ быть для Россіи только уничтоженіе земельной собственности. Только тогда правительство можетъ, не дѣлая, какъ теперь, недостойныхъ и вынужденныхъ уступокъ фабричнымъ рабочимъ или учащейся молодежи, безъ страха за свое существованіе, быть руководителемъ своего народа и дѣйствительно управлять имъ.

Совѣтники Ваши скажутъ Вамъ, что освобожденіе земли отъ права собственности есть фантазія и неисполнимое дѣло. По ихъ мнѣнію заставить 130-милліонный живой народъ перестать жить или проявлять признаки жизни и втиснуть его назадъ въ ту скорлупу, изъ которой онъ давно выросъ, это не фантазія, и не только не неисполнимо, но самое мудрое и практическое дѣло. Но вѣдь стоитъ только серьезно подумать для того, чтобы понять, что дѣйствительно неисполнимо, хотя оно и дѣлается, и что напротивъ, не только исполнимо, но своевременно и необходимо, хотя оно и не начиналось.

Я, лично, думаю, что въ наше время земельная собственность есть столь же вопіющая и очевидная несправедливость, какою было крѣпостное право 50 лѣтъ тому назадъ. Думаю, что уничтоженіе ея поставитъ русскій народъ на высокую степень независимости, благоденствія и довольства. Думаю тоже, что эта мѣра несомнѣнно уничтожитъ все то социалистическое и революціонное раздраженіе, которое теперь разгорается среди рабочихъ и грозитъ величайшей опасностью и народу и правительству.

Но я могу ошибаться, и рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону можетъ быть дано опять-таки только самимъ народомъ, если онъ будетъ имѣть возможность высказаться. Такъ что во всякомъ случаѣ первое дѣло, которое теперь предстоитъ правительству, это уничтоженіе того гнета, который мѣшаетъ народу высказать свои желанія и нужды. Нельзя дѣлать добро человѣку, которому мы завяжемъ ротъ, чтобы не слышать того, чего онъ желаетъ для своего блага. Только узнавъ желанія и нужды всего народа или большинства его, можно управлять народомъ и сдѣлать ему добро.

Любезный братъ, у Васъ только одна жизнь въ этомъ мірѣ, и Вы можете мучительно потратить ее на тщетныя попытки останова установленнаго Богомъ движенія человечества отъ зла къ добру, мрака къ свѣту, и можете, вникнувъ въ нужды и желанія народа, и посвятивъ свою жизнь исполненію ихъ, спокойно и радостно провести ее въ служеніи Богу и людямъ.

Какъ ни велика Ваша отвѣтственность за тѣ годы Вашего царствованія, во время которыхъ Вы можете сдѣлать много добраго и много злого, но еще больше Ваша отвѣтственность передъ Богомъ, за Вашу жизнь здѣсь, отъ которой зависитъ Ваша вѣчная жизнь, и которую Богъ далъ Вамъ не для того, чтобы предписывать всякаго рода злыя дѣла или хотя участвовать въ нихъ и допускать ихъ, а для того, чтобы исполнять Его волю. Воля же Его въ томъ, чтобы дѣлать не зло, а добро людямъ.

Подумайте объ этомъ, не передъ людьми, а передъ Богомъ, и сдѣлайте то, что Вамъ скажетъ Богъ, т. е. Ваша совѣсть. И не смущайтесь тѣми препятствіями, которыя Вы встрѣтите, если вступите на новый путь жизни. Препятствія эти уничтожатся сами собой, и Вы не замѣтите ихъ, если только то, что Вы будете дѣлать, Вы будете дѣлать не для славы людской, а для своей души, т. е. для Бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбилъ или огорчилъ Васъ тѣмъ, что написалъ въ этомъ письмѣ. Руководило мною только желаніе блага русскому народу и Вамъ. Достигъ ли я этого—рѣшить будущее, котораго я, по всѣмъ вѣроятіямъ, не увижу. Я сдѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ.

Истинно желающій Вамъ истиннаго блага,

братъ Вашъ Левъ Толстой ¹⁾.

16 января 1902.

¹⁾ Все письмо писано на машинкѣ. подчеркнутыя строки написаны собственноручно Львомъ Толстымъ.

Воспоминанія о дѣлѣ 1-го марта 1887 года.

Конецъ 70-хъ годовъ и начало 80-хъ минувшаго столѣтія ознаменованы ожесточенной, упорной борьбой революціонеровъ съ правительствомъ. На этотъ разъ правительству, правда не безъ чувствительныхъ потерь, удалось разбить революціонныя организаціи и отстоять *statum quo*. Наше дѣло было заключительнымъ, послѣднимъ актомъ кровавой трагедіи этого періода освободительнаго движенія. Въ сравненіи съ теперешнимъ размахомъ революціоннаго движенія наше дѣло будетъ казаться незначительнымъ, но на сѣромъ фонѣ второй половины 80-хъ годовъ оно является замѣтнымъ эпизодомъ, разграничивающимъ эпоху террористической борьбы отъ послѣдующаго времени болѣе или менѣе мирной подготовительной пропагандистской и организаціонной дѣятельности среди рабочаго класса. Прежде чѣмъ начать говорить о нашемъ дѣлѣ, я скажу нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ ему.

Я родился 1-го декабря 1863 г. въ имѣніи своихъ родителей Быковѣ (Виленской губ. того же уѣзда). Въ гимназію поступилъ въ 1875 г. и окончилъ ее въ 1883. Ученіе мнѣ давалось легко, и у меня оставалось свободное время, какъ для чтенія, такъ и для репетиторства. Съ V-аго класса я уже содержалъ себя уроками, равно какъ и во все время моего пребыванія въ университетѣ. Я всегда любилъ и люблю природу. Меня очень интересовала химія, и я, уже будучи въ 4-мъ классѣ, обзавелся небольшою лабораторіей и продолжалъ много различныхъ опытовъ. Выѣстъ съ тѣмъ я успѣлъ прочесть не мало хорошихъ книжекъ (Фохта, Бюхнера, Леббока, Милля, Джевонса и др.), такъ что ко времени окончанія гимназіи у меня уже была подготовка по естественнымъ наукамъ, въ особенности по химіи и механикѣ. Въ 8-мъ классѣ я познакомился съ нелегальной литературой, которая произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, и я всею душою примкнулъ къ освободительному движенію. Въ это время въ Вильнѣ была хорошая бібліотека нелегальныхъ изданій, такъ что я могъ имѣть всѣ номера Земли и Воли, Чернаго Передѣла, Народной Воли, различныхъ брошюры и книжекъ, запрещенныя въ продажѣ, и разныя польскія нелегальныя изданія. Осенью 1883 г. я поступилъ на естественный факультетъ Петербургскаго университета. Одинъ мой товарищъ по гимназіи Руткевичъ сдѣлалъ

попытку, въ которой и я принялъ участіе, организовать Виленское землячество. Хотя это предпріятіе и было доведено до конца, но не имѣло успѣха, такъ какъ огромное большинство прѣвѣжающихъ изъ Вильны—поляки и евреи, и поляки вступаютъ въ уже существующую Польскую Кассу, а потому участвовать въ двухъ однородныхъ организаціяхъ для нихъ является излишнимъ.

Тотчасъ по прѣѣздѣ въ Питеръ я вошелъ въ одинъ кружокъ для самообразованія, въ которомъ были между прочимъ также братъ Рехневскаго, осужденнаго позднѣе по Варшавскому процессу 28-ми (партія Proletariat), а также Явнишко, арестованный въ 1884½ г. и высланный затѣмъ на родину. Въ этомъ кружкѣ мы изучали сначала политическую экономію, но вскорѣ пришли къ убѣжденію, что для Россіи настоятельнѣе всего разрѣшеніе политическихъ вопросовъ, что нельзя надѣяться не только добиться какихъ либо существенныхъ экономическихъ реформъ въ пользу трудящихся массъ при деспотическомъ строѣ, но даже невозможно всесторонне и свободно обсуждать этотъ вопросъ. Поэтому мы перешли къ изученію конституцій Западно-Европейскихъ государствъ и Америки. Чѣмъ больше мы знакомились съ государственнымъ устройствомъ цивилизованныхъ странъ, тѣмъ болѣе проникались убѣжденіемъ въ огромной цѣнности политической свободы самой по себѣ. У меня ясно созрѣла мысль, что публичная власть, власть одного человѣка надъ другимъ, не можетъ быть предметомъ частной собственности, что социализація публичной власти въ еще большей мѣрѣ необходима, чѣмъ социализація орудій производства. Я внимательно слѣдилъ за дѣятельностью германской социал-демократической партіи и за тѣмъ, какъ въ рейхстагѣ подаются голоса ея представителями по отдѣльнымъ вопросамъ.

Нелегальную литературу я получалъ, какъ польскую, такъ и русскую, но самъ участія въ изданіи не принималъ. Въ 1884½ г. я пробовалъ примѣнить цинкографію къ печатанію нелегальныхъ изданій, но дѣло оказалось настоящимъ хлопотъ, такъ какъ, во первыхъ, оттиски получаются въ видѣ рукописи, а не печатные, а во вторыхъ, требуется слишкомъ много труда, чтобы получать хорошія цинковыя матрицы. Кружкомъ польскихъ революціонеровъ сталъ издаваться гектографированный, на польскомъ языкѣ, журналъ (заглавіе его забылъ). Въ немъ дѣятельное участіе принимали мои товарищи С-чъ и Гомалецкій. Послѣдній по нашему дѣлу былъ сосланъ административно въ Тобольскую губ., затѣмъ вернулся на родину, эмигрировалъ въ Америку, примкнулъ къ анархистамъ, и свѣдѣнія о немъ прервались.

Въ 1884½ г. нашъ кружокъ для самообразованія потерялъ одного члена—Явнишко. Именно, на квартирѣ арестованнаго Іоффе была устроена полиціей засада, и тутъ онъ былъ схваченъ. Между прочимъ у него при арестѣ найдена моя рукопись о приготвленіи нитроглицерина. Чины сыскной полиціи доиски-

залпсь автора этой рукописи, но имъ въ голову не пришло сличить эту рукопись съ моимъ почеркомъ, который у нихъ былъ подъ руками: чтобы имѣть свиданія съ сидѣвшимъ въ Предварительнѣ Явнишко, я долженъ былъ каждый разъ подавать прошеніе въ охранное отдѣленіе (на Гороховой ул.), которое собственноручно писалъ.

Помню, однажды сидѣлъ я въ приемной охраннаго отдѣленія въ ожиданіи разрѣшенія видѣться съ арестованнымъ Явнишко, какъ вошелъ одинъ субъектъ антипатичной наружности, кривой, съ прошеніемъ поступить на службу въ сыскное отдѣленіе. Дежурный приставъ сталъ его увѣрять, что всѣ вакансіи заняты, но тотъ настаивалъ, чтобы его прошеніе было представлено, по назначенію, такъ какъ у него имѣются особыя заслуги. Черезъ нѣкоторое время я видѣлъ этого субъекта прохаживавшимся вблизи университета. Видно получилъ мѣсто.

Мнѣ хотѣлось войти въ организацію Народной Воли, но это мнѣ не удалось, такъ какъ въ это время уже была разбита центральная организація Нар. Воли, и дѣятельность ея замолкла. Молодежь, представители отъ различныхъ землячествъ (въ томъ числѣ были Ульяновъ, Новорусскій, я и др.) собиралась для обсужденія, что дѣлать, проектировали организовать союзъ объединенныхъ землячествъ, но осязательныхъ результатовъ изъ этихъ дебатовъ не вышло. Въ 1885/6 год. я близко сошелся съ Шевыревымъ, пріѣхавшимъ изъ Харькова. Это былъ очень энергичный, предприимчивый и талантливый организаторъ. Въ это время я былъ кассиромъ польской университетской Кассы, преслѣдовавшей чисто филантропическія цѣли — оказывать матеріальную поддержку несостоятельнымъ студентамъ. Хорошо познакомившись со мной и обмѣнявшись мнѣніями на счетъ необходимости активной борьбы съ правительствомъ, Шевыревъ предложилъ мнѣ такой планъ. Сначала будемъ устраивать полулегальныя организаціи вродѣ общестуденческой кассы, студенческой кухмистерской, справочнаго бюро для пріисканія работъ. Въ самомъ процессѣ этой дѣятельности мы ближе сойдемся съ революціонными элементами учащейся молодежи. Это дастъ намъ возможность, какъ сорганизоваться на мѣстѣ, такъ и завязать надежныя сношенія съ другими городами, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ расширеніемъ круга знакомствъ сойтись и съ другими прогрессивными элементами общества. И тогда уже приступимъ къ дѣлу. Я одобрилъ этотъ планъ. Само собой понятно, что о сокровенныхъ своихъ планахъ мы никому не говорили, а приступили къ формированію студенческихъ организацій, которыя, будучи сами по себѣ полезными, могли бы служить для насъ подготовительной работой для будущей политической дѣятельности. Мы начинали дѣло съ пустыми руками. Нужно было не только заинтересовать широкіе круги студенчества къ нашимъ предпріятіямъ, но и добыть хоть кое какія средства. Незадолго передъ тѣмъ я устроилъ при содѣйствіи своихъ друзей музыкально-танцо-

зальный вечеръ въ пользу осужденныхъ по Варшавскому процессу 28-ми. Къ этому способу я снова прибѣгъ, чтобы добыть нѣкоторыя средства для нашихъ предпріятій. Кое что я могъ удѣлять изъ того, что зарабатывалъ уроками. А затѣмъ пошли всякіе сборы и пожертвованія, и началась дѣятельная работа по организаціи студенческой кассы. На этой стадіи закончился 1885/6 учебный годъ. Считаю не безполезнымъ привести письмо Швырева ко мнѣ отъ 19-го апрѣля 1886 г., которое можетъ дать читателю нѣкоторое понятіе о нашей дѣятельности, относящейся къ этому времени. (Въ 1887 г. я въ ожиданіи ареста тщательно уничтожилъ всю переписку, а это письмо случайно сохранилось въ деревнѣ среди моихъ вещей, такъ какъ я, уѣзжая на канікулы, взялъ его съ собою).

19 Апрѣля 1886 г.
Самара

Любезнѣйшій Лукашевичъ!

Я къ вамъ съ просьбой—я ее просилъ Вамъ передать Барановскаго ¹⁾—не знаю, передалъ ли онъ ее? Но на всякій случай еще разъ попрошу васъ. Будьте такъ добры, Лукашевичъ, дополните деньги слѣдующихъ лицъ: съ Рыбалкина 2 руб. 50 коп., съ Власова 2 руб., съ Ульянова 2 руб., съ Сосновскаго—4 руб. 55 коп. Кромѣ этихъ денегъ есть еще сомнительные 8 руб. (сомнительны они потому, что неизвѣстно навѣрное—были ли они получены во время вечеринки или нѣтъ). Получить эти сомнительные 8 рублей можно черезъ Сосновскаго (конечно, если деньги не были отданы)—напомните ему слѣдующ. фамилии—Черкасскій и Швабъ.

Луценко такъ и не получилъ отъ Миллера ²⁾ денегъ? Тѣ деньги, которыя вамъ возможно будетъ получить, будьте такъ добры, Лукашевичъ,—передайте ихъ моимъ сестрамъ или моему брату (В. О. 9 линія, д. 14. кв. 12): я ихъ просилъ эти деньги вмѣстѣ съ имѣющимися въ количествѣ 82 руб. положить въ сберегательную кассу. Затѣмъ, Лукашевичъ, я васъ попрошу предложить сборный листокъ Шишкову, онъ, можетъ быть, возьметъ не одинъ, а нѣсколько съ тѣмъ, чтобы дать кому нибудь изъ своихъ знакомыхъ—у него ихъ не мало,—напомните ему, чтобы лицо, которому онъ рѣшится дать, было, во 1-хъ, хорошо ему извѣстно, а во 2-хъ, надѣялось что-нибудь собрать; потомъ можно предложить Власову, Каракашу ³⁾, Маневскому, Ключерову. Если будете предлагать Иорданскому, то предварительно наведите о немъ справки. Скажите Луценко, чтобы онъ самъ взялъ листокъ

¹⁾ Туганъ-Барановскій—извѣстный экономистъ. *Примѣч. авт. I. Л.*

²⁾ Профессоръ Орестъ Миллеръ. *Примѣч. авт. I. Л.*

³⁾ Приватъ-доцентъ Сп. Унив. *Примѣч. I. Л.*

и надѣлалъ бы ими своихъ знакомыхъ барышенъ—у него ихъ не мало, но только пусть постараются побольше собрать. Впрочемъ я думаю излишне говорить вамъ, кому давать листки: небось—вы сами уже намѣтили, кому ихъ предложить. Если не хватитъ у васъ листковъ, то нѣсколько запасныхъ находится у моихъ сестеръ. Попросите, пожалуйста, Лукашевичъ, тѣхъ лицъ, кому вы будете давать листки, чтобы они приблизительно въ срединѣ лѣта написали бы строчку о томъ, съ какимъ успѣхомъ идетъ сборъ: это для меня важно. Если послѣдняя просьба не затруднитъ ихъ, то пусть пишутъ или прямо мнѣ (по такому адресу: Харьковъ, Рымарская улица, домъ № 2 Петру Яковлевичу Шевыреву), или же черезъ васъ—это ужъ какъ вы найдете болѣе удобнымъ. Я на всякій случай захватилъ съ собою сюда 10 листковъ, изъ которыхъ 3 успѣлъ ужъ пустить по рукамъ (разумѣется, надежнымъ). Потомъ, Лукашевичъ, я просилъ Агафоновъ ¹⁾ позаботиться о гектографированьи устава, а Ульянова о томъ, чтобы къ уставу было сдѣлано приложение, въ которомъ нужно упомянуть о томъ, что тѣ §§, за которые высказалось большинство составляютъ временный уставъ, и упомянуть также о томъ, что тѣ лица, которыя пожелають принять участіе въ нашей кассѣ подавали бы голоса за то въ уставѣ, съ чѣмъ они солидарны, и пригласить ихъ высказаться письменно относительно того, съ чѣмъ они не согласны въ немъ — это, понятно, будетъ принято во вниманіе при окончательной редакціи устава. Вслѣдствіе наступившихъ экзаменовъ не слѣдуетъ особенно заботиться о распространеніи устава — экземпляры его нужно сохранить до будущаго учебнаго года для того, чтобы отсутствіе ихъ не послужило бы помѣхой нашему дѣлу. Наконецъ, Лукашевичъ, я хотѣлъ вамъ кой-что сказать о желаніи нѣкоторыхъ группъ студентовъ завязать сношенія съ другими университетами, чего и послѣдніе желаютъ—объ этомъ впрочемъ, когда нибудь до другого раза: утомился писать. Въ заключеніе письма я напому вамъ, Лукашевичъ, о томъ, что раньше уже сказавъ, что я на васъ надѣюсь больше, чѣмъ на кого либо другого: Вы никогда (я въ этомъ твердо увѣренъ) не покинете начатаго нами дѣла (вѣдь, я не ошибаюсь?).

Крѣпко жму вашу руку

Шевыревъ.

Р. С. Лукашевичъ, если вамъ представится удобный случай достать уставъ какого нибудь землячества, то воспользуйтесь этимъ случаемъ и передайте уставъ Ульянову.

Р. Р. С. Если у васъ, Лукашевичъ, есть записки Бутлерова по органической химіи и если вы не рассчитываете лѣтомъ ими пользоваться, то передайте ихъ, пожалуйста, Ульянову (у меня къ вамъ безконечное количество просьбъ!) я и у него прошу

¹⁾ Интераторъ и издатель. *Примѣч. I. Л.*

ихъ, но записокъ у него можетъ и не оказаться. У Ульянова же возьметъ мой братъ для передачи мнѣ.

Какъ ваше здоровье? Мое довольно сносно. Я не знаю, Лукашевичъ ни вашего имени и отчества ¹⁾, ни вашего адреса, такъ что нѣсколько затрудняюсь послать вамъ письмо, да и вообще не знаю, насколько безопасно посылать ихъ вамъ? Если вы пожелаете въ скорости мнѣ писать, то пишите по слѣд. адресу: Самара, уголъ Саратовской ул. и Алексѣевской, д. Неучевой Николаю Павловичу Пашковскому для передачи П. Я. Шевыреву».

Нѣкоторые средства были собраны, и съ началомъ 1886/7 учебн. года у насъ дѣятельность вновь закипѣла. Была открыта нами студенческая столовая. Шевыревъ получилъ даровой билетъ изъ Думы, при содѣйствіи Андреевскаго (ректора). Но наемъ помѣщенія и прислуги, мебель и пр. поглотили значительную часть собранныхъ нами денегъ. Для завѣдыванія кулинарной частью были приглашена одна очень дѣятельная дама. Кухмистерская у насъ сразу хорошо пошла—не только оплачивала текущія издержки, но оставался еще нѣкоторый доходъ, такъ что мы могли раздавать извѣстное число даровыхъ билетовъ на обѣды нуждающимся студентамъ. Когда это предпріятіе наладилось, то веденіе текущихъ дѣлъ было поручено особой группѣ лицъ. Тутъ Канчеръ выказалъ себя очень исполнительнымъ, расторопнымъ и находчивымъ человѣкомъ. Каждое утро дежурные студенты сами отправлялись на рынокъ для закупки говядины и прочей провизіи.

На почвѣ студенческихъ дѣлъ мы сошлись близко съ Ульяновымъ, нашимъ однокурсникомъ, а также и со многими другими лицами, которыя принимали затѣмъ участіе въ покушеніи 1-го марта.

Хотя общестуденческая касса, такъ сказать, была открыта, но она хирѣла, такъ какъ ни Шевыревъ, ни я не имѣли времени заниматься ею. Она, какъ и вообще всякая новая организація, пока дѣло не наладилось и не вошло въ рутину, нуждалась въ настоящемъ призорѣ и понукиваніи тѣхъ или другихъ лицъ, чтобы могла правильно функционировать. Но цѣль наша была достигнута, мы сошлись, съ кѣмъ намъ нужно было, и Шевыревъ счелъ возможнымъ начать террористическую дѣятельность. Онъ взялся организовать боевыя группы, а я — приготавливать метательные снаряды и, по возможности доставлять средства.

Первымъ намъ предложилъ свои услуги въ качествѣ прямого исполнителя террористическаго акта одинъ молодой человѣкъ С..... Но онъ не могъ удержаться, чтобы не сообщить своимъ товарищамъ, что онъ рѣшился пожертвовать жизнью для общаго олага. Вслѣдствіе этого изъ опасенія, чтобы онъ дальше не ска-

¹⁾ Въ университетѣ мы всегда называли другъ друга по фамиліямъ—I. Л.

заль чего нибудь лишняго, мы отклонили его предложеніе и подъ благовиднымъ предлогомъ тотчасъ удалили изъ Питера въ Самарскую или Саратовскую губ. Затѣмъ Шевыревъ сошелся съ однимъ революціонно настроеннымъ Георгіевскимъ кавалеромъ, который взялся изъ револьвера застрѣлить А. III во время оффиціального собранія кавалеровъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Но въ рѣшительную минуту во дворцѣ онъ опѣшилъ, и ничего не вышло. Шевыревъ тотчасъ прервалъ съ нимъ сношенія.

На ряду съ терроромъ политическія демонстраціи мы считали очень важнымъ орудіемъ въ политической борьбѣ и потому агитировали въ ихъ пользу. Совокупными усиліями различныхъ землячествъ была задумана демонстрація 17-го ноября (1886 г.) на Волковомъ кладбищѣ, чтобы почтить память Добролюбова.

Между прочимъ я взялся собирать деньги на вѣнки. Тутъ произошелъ одинъ инцидентъ, который показываетъ, насколько было развито шпионство въ университетѣ. Я сталъ собирать деньги въ студенческой читальнѣ, и, казалось, были все свои люди—студенты, а между тѣмъ былъ сдѣланъ доносъ инспектору, что идетъ какой то сборъ. Меня вызвали къ инспектору, и тотъ сталъ меня спрашивать, зачѣмъ я собираю деньги. Я отвѣтилъ, что одинъ студентъ находится въ чрезвычайно критическомъ положеніи и крайне нуждается въ немедленной помощи. (Я дѣйствительно зналъ такого студента). Инспекторъ сталъ доказывать, что лучше изъ какихъ либо другихъ суммъ оказать ему помощь, такъ какъ всякіе сборы запрещены. На это я отвѣтилъ, что, если у него имѣются какіе либо источники, то и превосходно—пусть черезъ Общество вспоможенія недостаточнымъ студентамъ и передастъ деньги этому нуждающемуся студенту. Я раскланялся и ушелъ. Этотъ инцидентъ не имѣлъ никакихъ для меня послѣдствій.

17-го ноября около 10 часовъ утра собралась довольно значительная толпа народу съ вѣнками у воротъ Волкова кладбища. Ворота оказались запертыми, и длинная сплошная цѣпь городскихъ охраняла входъ на кладбище. Послѣ долгихъ и безплодныхъ препирательствъ съ полиціей собравшаяся публика заплѣла, подняла вѣнки вверхъ и двинулась сплошной массой на городскихъ, которые сразу же были напоромъ сдвинуты съ мѣста и прижаты къ оградѣ. Тогда полиція согласилась пропустить на кладбище лицъ, привезшихъ вѣнки, чтобы возложить ихъ на могилу Добролюбова. Вѣнки, разумѣется, были съ приличными случая надписями—въ родѣ «Поборнику прогресса» и т. д. Послѣ этого мы задумали толпой пройти по улицамъ до Казанскаго собора. Мы двинулись въ путь и шли безпрепятственно. Явился градоначальникъ Грессеръ и сталъ уговаривать разойтись или, по крайней мѣрѣ, обождать, пока онъ переговоритъ съ кѣмъ нужно для нашего пропуска въ Казанскій Соборъ. Между тѣмъ были вызваны казаки. Часть ихъ заскакала намъ впередъ, часть появилась свади, отрѣзавъ намъ отступленіе. Такимъ обра-

зомъ спереди и сзади у насъ были сплошныя цѣпи казаковъ, справа высокія зданія, слѣва рѣшетка Лиговскаго канала, мы оказались арестованными. Въ такомъ положеніи насъ продержали довольно долго. Между тѣмъ на противоположной набережной Лиговки стали собираться любопытные, и количество ихъ быстро росло. Одинъ мой товарищъ, Мандельштамъ, стоявшій рядомъ со мною, пожелалъ вывѣдать настроеніе собравшейся публики, благожелательно ли оно, или враждебно намъ. Съ этою цѣлью онъ обратился къ ней съ такими (приблизительно) словами: «Насъ держать здѣсь долго, мы проголодались. Нельзя ли принести намъ чего нибудь съѣстного, что можно было бы перебросить черезъ каналъ». Тотчасъ одинъ молодой парень вызвался притащить намъ булокъ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ задержанъ полицейскими. Послѣ этого были посланы казаки разогнать публику, и когда противоположная набережная была очищена, то по ней казаки стали разъѣзжать непрерывно взадъ и впередъ, чтобы не допустить новаго скопленія публики. Между тѣмъ Грессеръ началъ освобождать по нѣскольку человѣкъ; онъ ожидалъ пока выпущенные не разойдутся или не удалятся на значительное разстояніе, и тогда снова выпускалъ нѣсколько человѣкъ. Эта процедура длилась очень долго, такъ что до меня дошла очередь только тогда, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Въ прокламаціи, выпущенной по поводу этой демонстраціи, между прочимъ было сказано, что слѣдуетъ противопоставить силу правительственной силѣ—фраза вполнѣдствіи поставленная въ вину Шевыреву оберпрокуроромъ Неклюдовымъ.

Послѣ демонстраціи административно было выслано довольно много лицъ—Туганъ-Барановскій (нашъ однокурсникъ), Мандельштамъ, Абрамовичъ, Вандакурова, Бѣлова, Галкина, Фридманъ, Мамонтова, Ушакова и др. Эта высылка нанесла ущербъ нашимъ предпріятіямъ. Такъ мы рассчитывали на активное участіе Мандельштама въ устройствѣ публичныхъ чтеній и дебатовъ по социальнымъ вопросамъ въ университетѣ. Дѣло въ томъ, что ни я, ни Ульяновъ не забрасывали своихъ факультетскихъ занятій изъ-за различныхъ студенческихъ предпріятій. Напротивъ, я проходилъ курсы въ еще большемъ объемѣ, чѣмъ это требовалось. Въ 1886 г. у насъ составилъ кружокъ для изученія біологіи, въ который входили между прочимъ Ульяновъ, я, Туганъ-Барановскій, Олейниковъ и др. Сверхъ того, я аккуратно посѣщалъ лекціи любимого студентами историка Семеvскаго, у котораго аудиторія всегда была полна. А когда онъ читалъ о крестьянскихъ движеніяхъ XVIII ст. въ Россіи, то не только всѣ скамьи были заняты слушателями, но и проходы и окна. Такъ хотѣлось уроками прошлаго освѣтить темное настоящее. Въ свободное время я заходилъ на лекціи и другихъ профессоровъ. Я также работалъ въ ботаническомъ кабинетѣ, приводя въ порядокъ, по предложенію проф. Гоби, матеріалы по флорѣ Виленской губерніи

и самъ собралъ флору этой губ. Кромѣ того, Ульяновъ, я, Шевыревъ состояли членами «Научно-Литературнаго общества». Это общество имѣло очередныя собранія подѣ председательствомъ проф. Ореста Миллера, на которыхъ присутствовали только члены общества, и экстренныя, на которыя допускались всѣ студенты. Послѣ реферата, прочитаннаго тѣмъ или др. членомъ, поднимались дебаты по поводу затронутыхъ въ рефератѣ вопросовъ.

Тутъ участвовали студенты разныхъ факультетовъ, а также окончившіе курсъ (напр., Лаппо-Данилевскій, Ольденбургъ, Дьяконовъ и др.), такъ что тотъ или другой вопросъ могъ обсуждаться съ различныхъ точекъ зрѣнія. И мы рассчитывали ставить рефераты и возбуждать дебаты по разнымъ социальнымъ вопросамъ, чтобы содѣйствовать выработкѣ какъ своихъ собственныхъ взглядовъ, такъ и взглядовъ своихъ товарищей. Къ сожалѣнію, послѣ нашего ареста это общество было закрыто.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября (1886 г.) мы (т. е. Шевыревъ и я) предложили одному нашему общему знакомому З... присоединиться къ намъ для совмѣстной террористической дѣятельности. Хотя З. вполне сочувствовалъ намъ и раздѣлялъ наши взгляды, но отклонилъ наше предложеніе, сказавъ, что лично участвовать онъ не можетъ, но зато можетъ рекомендовать намъ вполне надежнаго человѣка — Осипанова. Въ виду того, что мы вели разныя студенческія предпріятія и за нами могли слѣдить, необходимо было устроить также свиданіе съ Осипановымъ со всевозможными предосторожностями, чтобы никоимъ образомъ сыщики не могли замѣтить нашего знакомства съ нимъ. Такъ какъ я съ любовью занимался ботаникой, всегда слѣдилъ за ростомъ растений въ ботаническомъ университетскомъ саду и оранжереѣ, то я хорошо зналъ укромныя мѣстечки въ оранжереѣ и свелъ туда незамѣтнымъ образомъ Осипанова и Шевырева. Тутъ въ полной тиши мы были одиноки, среди зелени, далеки отъ глаза всякаго сыщика, мы могли спокойно приступить къ дѣлу и шепотомъ быстро столковались. Осипановъ намъ сообщилъ, что онъ перевелся изъ Казанскаго университета въ Петербургскій со специальною цѣлью, чтобы учинить покушеніе на жизнь А. III. Онъ заявилъ, что готовъ дѣйствовать и въ одиночку, и въ сообществѣ съ другими. Онъ сначала думалъ стрѣлять изъ двустольнаго пистолета отравленными жеребейками, но этотъ планъ былъ нами забракованъ, какъ ненадежный, и мы предложили лучше дѣйствовать бомбой, которую я взялся изготовить. Мы условились также, какъ намъ видѣться другъ съ другомъ. А Осипановъ въ ожиданіи бомбы долженъ былъ осторожно наблюдать выѣздъ царя и хорошо изучить мѣстность, прилегающую ко дворцу.

Я не имѣлъ такихъ знакомствъ, которые позволили бы мнѣ получить въ готовомъ видѣ динамитъ или гремучую ртуть. Да если бы и могъ получить ихъ со стороны, то все таки предпочелъ бы самъ ихъ приготовить, чтобы имѣть вполне чистые и надеж-

ные препараты. Я основательно зналъ химию и занимался пиротехникой. Поэтому изготовленіе всего, что нужно для метательныхъ снарядовъ, не могло представлять для меня затрудненій. Чтобы замаскировать бомбу, я рѣшилъ придать ей видъ книги. Для этого я купилъ у букиниста медицинскій словарь Гринберга въ хорошемъ, прочномъ переплетѣ, склеилъ клеемъ края всѣхъ листовъ этой книги, сжалъ ее въ прессѣ и высушилъ. Затѣмъ вырѣзалъ всю внутренность книги, оставивъ только края листовъ, такъ что получился родъ коробки. Для большей крѣпости я привинтилъ тремя винтами края склеенныхъ листовъ къ задней картонкѣ книги. Далѣе, изъ тонкаго картона вставилъ коробочку во внутрь книги и дно ея приклеилъ къ задней картонкѣ такъ, что межъ боковыми стѣнками коробочки и обрѣзками листовъ оставался свободный промежутокъ для помѣщенія слоя отравленныхъ пуль кубической формы. Въ картонную коробку вставлялся жестяной снарядъ, а затѣмъ закрывалась верхняя крышка, привинчивалась тоже тремя винтами къ склеенному обрѣзу листовъ, и снаружи книга вновь была оклеена бумагой зеленомраморнаго цвѣта. Жестяной снарядъ былъ наполненъ динамитомъ, въ который былъ погруженъ жестяной цилиндрикъ съ гремучей ртутью. А эта послѣдняя при посредствѣ стопика сообщалась съ запаломъ, устроеннымъ по системѣ Кибальчича. Какъ извѣстно, запаль этотъ состоитъ изъ полаго металлическаго цилиндрика, въ одномъ концѣ котораго прочно укрѣпленъ одинъ конецъ нетолстой стеклянной запальной трубки, согнутой спиралью. Она наполнена крѣпкой сѣрной кислотой, а на свободный ея конецъ насаженъ свинцовый грузикъ съ такимъ расчетомъ, чтобы при сильномъ сотрясеніи или ударѣ онъ могъ разломать трубку. Тогда сѣрная кислота выливается и попадаетъ на смѣсь бертолетовой соли и сахара, находящуюся въ поломъ металлическомъ цилиндрѣ. Происходитъ моментально воспламенѣніе, огонь по стопику передается гремучей ртути, которая взрывая, вызываетъ общій взрывъ динамита. Запаль этотъ хорошъ тѣмъ, что разъ приготовленный онъ можетъ служить неопредѣленно долгое время, но его большое неудобство то, что при нечаянномъ толчкѣ бомба можетъ взорваться. Конечно, дома можно разряжать бомбу, вынимая запаль. Но такъ какъ день, когда ее придется употребить въ дѣло былъ намъ неизвѣстенъ, то при неоднократныхъ выходахъ на улицу съ бомбой, которая легко можетъ взорваться отъ нечаяннаго толчка, эта система запала представляетъ большое неудобство. Поэтому я замѣнилъ его другимъ, придуманнымъ мною, влѣдствіе чего пришлось передѣлать бомбу. И если сохранилась въ полиціи жестянка отъ этого снаряда, то можно видѣть на боку ея заплатку—слѣдъ прежняго запала.

Какъ я уже сказалъ, все, что требовалось для изготовленія снаряда, мнѣ приходилось дѣлать самому. Прежде всего нужно было приготовить азотную кислоту, которая запрещена въ продажѣ, а между тѣмъ она необходима какъ для приготовленія ни-

троглицирина, такъ и гремучей ртути. Добыча азотной кислоты весьма легка. Въ большую стеклянную реторту сыплется сухая измельченная калиевая селитра (*Kalium nitricum pur. pulverut.*) и заливается равнымъ по вѣсу количествомъ крѣпкой чистой сѣрной кислоты (*acidum sulfuricum pur.*). Затѣмъ горлышко реторты вставляется въ горлышко соотвѣтственной колбы; эта послѣдняя погружается въ тазъ съ холодной водой, въ которую хорошо прибавлять снѣгу, а реторта подогревается спиртовой лампой. Реакція протекаетъ медленно, чисто, и въ колбѣ собирается отличная азотная кислота.

Сначала я самъ приготовлялъ азотную кислоту, но это отнимало у меня много времени: кислота стекаетъ въ колбу по каплямъ, и потому просилъ Ульянова, котораго зналъ, какъ человека вполне надежнаго, поручить это немудреное дѣло Андреюшкину и Генералову, научивъ ихъ предварительно практически обращаться съ нужными матерьялами и приборами. Слѣдуетъ замѣтить, что Ульяновъ и Г... признавали также необходимость террористической борьбы, и потому мы сильно сблизились съ ними. Въмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ частью непосредственно, частью при помощи Ульянова и Г., отъ которыхъ узналъ о настроеніи и желаніи Андреюшкина и Генералова принять участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ, основательно перезнакомился съ ними, и послѣ всесторонняго обсужденія дѣла они окончательно рѣшились принять участіе въ задуманномъ покушеніи. Но ни Андреюшкинъ, ни Генераловъ не знали меня, какъ соучастника, равно Ульяновъ и Г. не были тогда знакомы съ Осипановымъ.

Этотъ послѣдній, изучивъ мѣстность, пришелъ къ заключенію, что дѣйствовать одному очень трудно. Тогда мы предложили ему образовать боевую группу изъ трехъ метальщиковъ и трехъ сигнальщиковъ; на это онъ охотно согласился, причемъ взялся самъ руководить окончательнымъ приведеніемъ нашего плана въ исполненіе. Такъ у насъ исподволь слагалась сама собою организація. Никто ни Шевырева, ни меня не выбиралъ, но просто въ силу естественнаго хода вещей мы очутились во главѣ и составили центральный кружокъ, который завѣдывалъ всѣми дѣлами. (Въ этотъ кружокъ съ 17-го февраля 1887 г. вошелъ Ульяновъ). При этомъ я готовилъ снаряды и, по мѣрѣ силъ, добывалъ средства, а Шевыревъ подбиралъ людей для боевыхъ группъ. Ежедневно (иногда по нѣскольку разъ) мы видѣлись другъ съ другомъ и обмѣнивались сообщеніями, какъ идутъ дѣла, такъ что мы хорошо знали о состояніи нашихъ предпріятій. А такъ какъ Шевыревъ работалъ, не покладая рукъ, то начали намѣчаться вторая и третья боевыя группы. Мы считали необходимымъ по возможности изолировать ихъ одну отъ другой, чтобы локализовать аресты, и чтобы провалъ одной не могъ погубить остальныхъ. Для этого мы сочли за лучшее, чтобы первая группа была составлена цѣликомъ изъ студентовъ: 3 метальщика и 3

сигнальщика съ Осипановымъ во главѣ, а двѣ другихъ группы—изъ другихъ сферъ, при чемъ во главѣ 2-ой долженъ былъ находиться очень дѣльный рабочий П..., третьей—одинъ мой пріятель Н..., оказавшій намъ содѣйствіе въ нашемъ предпріятіи. Кромѣ центрального кружка и боевыхъ группъ, болѣе или менѣе сформированныхъ, было нѣкоторое число лицъ близко стоявшихъ къ намъ и принимавшихъ дѣятельное участіе въ нашихъ дѣлахъ, какъ Ульяновъ (впослѣдствіи, какъ я сказалъ, вошедшій въ составъ центрального кружка), Г., Н., С... и др. Наконецъ, мы пользовались услугами и содѣйствіемъ нѣкотораго контингента революціонной молодежи, которая охотно исполняла наши порученія, при чемъ, разумѣется, мы отнюдь не говорили ей ни для чего это нужно, ни что мы задумали. Наша Питерская революціонная группа исподоволь начала завязывать сношенія съ революціонными группами другихъ городовъ.

Чтобы заготовить сразу много динамиту, я задумалъ выписать азотную кислоту, а также яды и на всякій случай двустольный пистолеть изъ Вильно. Я зналъ о существованіи тамъ революціонной группы, зналъ, какъ къ ней обратиться и имѣлъ соотвѣтствующій пароль. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта группа могла намъ доставить нѣкоторыя средства. Переговоривъ на этотъ счетъ съ Шевыревымъ, мы рѣшили послать въ Вильно Канчера. Онъ въ это время еще не зналъ о готовившемся покушеніи, но отличался, какъ я говорилъ, дѣловитостью и расторопностью. Хотя у насъ былъ пароль для сношенія съ Виленской группой, но я счелъ за лучшее направить Канчера къ своему знакомому студенту Пилсудскому, бывшему въ то время въ Вильно на праздникахъ Рождества. Онъ могъ доставить и квартиру Канчеру, и свести его съ кѣмъ нужно. Такъ какъ я не зналъ или забылъ адресъ Пилсудскаго, то я отправился къ своему товарищу Гомалецкому, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Пилсудскимъ. Я попросилъ его написать рекомендательное письмо Канчеру и вмѣстѣ указать, что намъ требуется. Гомалецкаго я зналъ, какъ надежнаго товарища, на скромность котораго можно вполне положиться. Канчеръ безъ всякихъ приключеній пріѣхалъ въ Вильно, видѣлся съ Антономъ Гнатовскимъ, Исаакомъ Дембо, Титомъ Пашковскимъ, раздобылъ, что было ему указано и затѣмъ вернулся въ Питеръ, телеграммой насъ извѣстивъ о днѣ своего пріѣзда. Мы просили Ульянова принять отъ него вещи, и вообще помочь ему доставить ихъ на квартиру. Оказалось, что по странной оплошности Пашковского или кого нибудь другого намъ вручили разведенную азотную кислоту, вовсе непригодную для изготавленія взрывчатыхъ веществъ. Поэтому пришлось всѣ эти бугылы съ азотной кислотой спустить въ Неву. Ядовъ оказалось очень мало, такъ что эта поѣздка принесла намъ мало пользы, только денегъ Виленская группа передала намъ черезъ Пилсудскаго 110 руб.

Поэтому намъ самимъ пришлось усилить производство

азотной кислоты, которую гнали Генераловъ съ Андреюшкинымъ. Шевыревъ приносилъ мнѣ готовую азотную кислоту, а я уже готовилъ динамитъ. При производствѣ нитроглицерина я исключительно пользовался способомъ Бутли и Фосе. Если имѣется подъ руками азотная кислота и соответственная стеклянная посуда, то приготовленіе динамита идетъ быстро, и онъ получается хорошаго качества, такъ какъ изготовляется изъ хорошихъ чистыхъ матеріаловъ.

На той квартирѣ, гдѣ я работалъ, я не хранилъ динамита, но по мѣрѣ его изготовленія я черезъ Шевырева передавалъ его Генералову, у котораго былъ складъ взрывчатыхъ веществъ на Большой Бѣлозерской ул.

Далѣе мнѣ приходилось изготовлять гремучую ртуть. Бачки съ готовой гремучей ртутью я тоже передавалъ Шевыреву, который относилъ ихъ къ Генералову.

Наконецъ нужно было приготовить кусокъ стопина. Это двѣ—три толстыхъ бумажныхъ нити, дважды пропитанныя въ кашицѣ изъ пороховой мякоти и высушенные.

Что же касается запала, то его устройство было таково. Моя цѣль состояла въ томъ, чтобы бомбы не взрывались отъ толчка или удара; поэтому я исключилъ изъ запала стеклянную трубку съ грузикомъ, а взамѣнъ ея раздѣлилъ трубку запала клапаномъ на двѣ части: въ одной находилась смѣсь бертолетовой соли съ сахаромъ, а въ другой сѣрная кислота—именно, кусокъ стеклянной ваты, пропитанной сѣрной кислотой. Пока клапанъ закрытъ—бомба безвредна. Когда же его открыть и бросить бомбу, то достаточно снаряду принять горизонтальное положеніе, чтобы смѣсь пришла въ соприкосновеніе съ ватой, отчего происходитъ моментально воспламенѣніе.

Футиаромъ, куда вставлялся запалъ, служила металлическая трубка, впаянная въ оболочку бомбы и раздѣленная металлической перегородкой на двѣ неравныхъ части: а) нижнюю—меньшую, наполненную гремучей ртутью и в) верхнюю—большую, предназначенную для помѣщенія запала. Въ серединѣ перегородки было небольшое отверстіе, черезъ которое продѣтъ былъ кусокъ стопина. Самый запалъ представлялъ собою трубку—гильзу, въ родѣ той, какая употребляется для ракетъ или фонтановъ въ фейерверкахъ, длиной около 7—8 сант. и такого діаметра, чтобы какъ разъ плотно входила въ металлическую трубку. Часть этой гильзы—сантиметра въ 2 я отрѣзывалъ и вставлялъ наглухо въ металлич. трубку такъ, чтобы она упиралась въ металлич. перегородку. Въ нее сыпалась смѣсь бертолетовой соли съ сахаромъ. Другая часть гильзы имѣла въ нижнемъ концѣ клапанъ, а сверху затыкалась пробкой, къ которой былъ подвѣшенъ на платиновой проволоки кусокъ стеклянной ваты, пропитанной сѣрной кислотой. Само собою понятно, что пробка снизу хорошо была промазана расплавленнымъ парафиномъ, а концы проволоки, поддерживаю-

щей вату, были пропущены насквозь и закручены сверху (для большей прочности).

Устройство клапана было очень простое. Я бралъ кусокъ крѣпкаго шпагата (его нужно пропитывать распущеннымъ вазелиномъ)¹⁾, одинъ конецъ его свертывалъ колечкомъ, такого діаметра, чтобы оно свободно входило въ отверстіе гильзы и заклеивалъ его плотной бумагой, благодаря чему получался дискъ, отъ котораго отходилъ шнурокъ. Затѣмъ кусочекъ платиновой проволоки продѣвался черезъ край гильзы и край диска, а концы ея закручивались, такъ что она представляла шарниръ, на которомъ вращался дискъ. Шнурокъ же пропускался черезъ стеклянную трубочку съ опаянными концами и прочно прикрѣпленной къ внутренней стѣнкѣ гильзы на продолженіи той линіи, на которой былъ шарниръ. Чтобы не было никакихъ щелей межъ стѣнками гильзы и клапаномъ (дискомъ) онъ весь съ краями гильзы оклеивался папиросной бумагой. Наконецъ, вся гильза съ клапаномъ, въ особенности ея внутренность тщательно пропитывалась расплавленнымъ парафиномъ для предохраненія ея отъ дѣйствія паровъ сѣрной кислоты. Если потянуть за конецъ шпагата, то папиросная бумажка разрывается, и клапанъ открывается. Хотя клапанъ, находясь въ вертикальномъ положеніи, благодаря тренію держится самъ собою хорошо, но для большей вѣрности къ металлической трубкѣ былъ припаянъ жестяной язычекъ, который не позволялъ шпагату двигаться въ обратную сторону.

Когда клапанъ открытъ, то не только при бросаніи, но и при простомъ перевертываніи запала происходитъ воспламенѣніе. Опытъ показалъ, что такого устройства запаль чрезвычайно чувствителенъ, и не только всякій разъ при бросаніи происходитъ воспламенѣніе, но даже однажды случилось, что при открываніи клапана токъ воздуха поднялъ мелкостертую смѣсь бертолетов. соли съ сахаромъ, и запаль загорѣлся въ рукахъ. Вслѣдствіе этого пришлось ослабить его воспламеняемость, замѣнивъ простую смѣсь—порошокъ зерненымъ порошкомъ. Для этого я къ смѣси прибавилъ немного очень жидкаго раствора гуммиарабикума, чтобы образовалось густое тѣсто, которое тонкими слоями наложилъ на жестяныя пластинки, спрессовалъ, чтобы эти слои были одинаковой толщины, а затѣмъ произвелъ кускомъ жести частыя насѣчки по двумъ взаимно перпендикулярнымъ направленіямъ, хорошо просушилъ, наломалъ на кусочки (масса легко распадается по сдѣланнымъ насѣчкамъ), встряхивалъ въ банкѣ, чтобы нѣсколько сгладить края кусочковъ, и просѣялъ, чтобы отдѣлить пыль и очень мелкія кусочки. Получился бѣлый зерненный порошокъ, который также легко воспламенялся отъ соприкосновенія съ сѣрной кислотой, какъ и простая смѣсь, но представлялъ то удобство,

¹⁾ Вѣсто шпагата практичнѣе была бы струна.

что токомъ воздуха при открываніи клапана зернышки уже не могли быть увлечены.

Конечно, вмѣсто описаннаго картоннаго запала можно было бы сдѣлать металлическій. Но у меня не было подъ руками приспособленій для слесарныхъ работъ, а заказывать его механику я не рѣшался изъ опасенія возбудить подозрѣнія.

Я произвелъ многочисленныя испытанія съ запалами этой системы и убѣдился въ полной ихъ пригодности къ дѣлу. Тогда я пригласилъ Ульянова и Шевырева и въ ихъ присутствіи продолжалъ различные опыты, при чемъ показалъ, какъ легко достигнуть того, чтобы брошенный запалъ воспламенялся даже въ воздухѣ (не долетая земли) на требуемомъ разстояніи. И Шевыревъ, и Ульяновъ сами бросали многократно эти запалы и вполне убѣдились въ неизмѣнныхъ результатахъ бросанія: не было ни одного случая, чтобы не произошло воспламенѣнія. Во время этихъ испытаній я иногда къ металлической трубкѣ при посредствѣ стопина присоединялъ небольшой зарядъ гремучей ртuti, чтобы можно было видѣть моментъ взрыва.

По расчету для трехъ снарядовъ намъ требовалось около 13 фунтовъ динамита. Я уже изготовилъ болѣе 10 фунтовъ, какъ однажды ко мнѣ явился домоуправляющій и сообщилъ мнѣ, что у него только что былъ агентъ сыскаго отдѣленія и распрашивалъ его о жильцѣ той квартиры, на которой я готовилъ динамитъ и вообще производилъ всякія работы по изготовленію снарядовъ. Какъ впоследствии оказалось, ничего тутъ серьезнаго не было—просто наводили какую то справку, но для насъ было неудобно имѣть динамитную мастерскую въ томъ мѣстѣ, около котораго рыщутъ шпіоны, и потому приходилось подыскать другую. Мы знали, что Новорусскій, у котораго я бывалъ на собраніяхъ по поводу устройства союза объединенныхъ землѣчествъ и который по своимъ убѣжденіямъ былъ революціонеромъ, переезжаетъ за городъ въ Парголово къ своей тещѣ — акушеркѣ Ананьиной, чтобы заняться обработкой своей магистерской диссертациі. И вотъ Ульяновъ направилъ одного нашего общаго знакомаго А.... къ Новорусскому съ просьбой, не дастъ ли онъ своей квартиры для приготовленія динамита. Новорусскій согласился. По разнымъ причинамъ я не могъ выѣхать изъ Питера, и потому приходилось поручить кому нибудь другому изготовить недостающее количество динамита. Нашъ выборъ остановился на Ульяновѣ. Хотя онъ и зналъ теоретически, какъ готовить нитроглицеринъ, но хотѣлъ посмотреть, какъ это дѣлается на практикѣ. Для этого я пригласилъ его вечеромъ къ себѣ, и мы сдѣлали заторъ въ двухъ банкахъ, а затѣмъ утромъ онъ снова пришелъ ко мнѣ, и мы собрали сифономъ отстоявшійся нитроглицеринъ, промыли его и поставили сушиться. Затѣмъ я при немъ изготовилъ порцію гремучей ртuti, чтобы и этотъ необходимый продуктъ онъ могъ дѣлать въ случаѣ нужды. Когда нитроглицеринъ просвѣтлѣлъ, мы изготовили изъ него динамитъ.

Такимъ образомъ мы рѣшили перенести динамитную мастерскую за городъ, не столько для того, чтобы изготовить недостающій фунтъ динамита, сколько затѣмъ, чтобы можно было безопасно его готовить впредь для другихъ боевыхъ группъ.

Шевыревъ перевезъ посуду со старой квартиры и черезъ Канчера передать ее Новорусскому, а также поручилъ Канчеру и Гаркуну прикупить еще банокъ и стеклянныхъ колпаковъ, что тѣ исполнили, а вмѣстѣ съ тѣмъ и узнали адресъ Новорусскаго. Ульяновъ же условился съ Новорусскимъ, что будетъ жить нѣкоторое время въ семьѣ Аваньиной подъ видомъ домашняго учителя — на всякій случай, если бы полиція что либо выслѣдила.

Ульяновъ съѣздивъ въ Парголово, приготовилъ недостающій динамитъ и вернулся въ Питеръ (приблизительно 14-го февраля). Жестянка для бомбы-книги была давно готова, а оболочки двухъ другихъ бомбъ еще нужно было сдѣлать. Такъ какъ на старой квартирѣ мнѣ было неудобно рѣзать жечь въ виду того, что лязгъ желѣза и стуки могли обратить вниманіе сосѣдей, то Ульяновъ предложилъ мнѣ вырѣзать формы у него. Мы разсчитали размѣры, вырѣзали отдѣльныя части, и я взялъ ихъ къ себѣ, чтобы спаять (при помощи паяльной трубки), а Ульяновъ взялся изготовить наружныя оболочки для этихъ двухъ снарядовъ, которые имѣли видъ цилиндровъ съ эллиптическимъ основаніемъ. Дно этихъ футляровъ было сдѣлано имъ изъ дерева, а боковыя стѣнки изъ картона, обклееннаго чернымъ коленкоромъ. Подобно тому какъ въ книгѣ-бомбѣ находился слой кубическихъ отравленныхъ пуль межъ наружной оболочкой и самимъ снарядомъ, такъ и въ цилиндрическихъ бомбахъ былъ слой пуль межъ стѣнками снаряда и наружнымъ футляромъ. Въ общей сложности въ трехъ снарядахъ было слишкомъ 500 пуль. Эти пули были изготовлены Андреюшкинымъ, Генераловымъ, Канчеромъ и Волоховымъ. Изъ толстыхъ свинцовыхъ листовъ вырѣзывались фигуры по одному шаблону, въ родѣ креста, прокалывались дырки шиломъ по одной на каждой сторонѣ кубической пули, сгибались края въ видѣ корбочки съ очень малой внутренностью, которая наполнялась ядомъ, загибалась крышка, и края (ребра) пуль спаивались давлениемъ на нихъ плоскогубцевъ. Сверхъ того, всѣ пули обмазывались снаружи кашицей изъ стрихнина и спирта. Ядовъ (сѣрнокислаго атропина и стрихнина) было привезено изъ Вильно очень мало. Поэтому я досталъ черезъ одного своего пріятеля большую банку стрихнина, которая и была употреблена въ дѣло.

Покупку различныхъ матерьяловъ для изготовленія азотной кислоты, стеклянную посуду и проч. Шевыревъ большею частью поручалъ Канчеру, рѣже Гаркуну и Волохову, или другимъ лицамъ, иногда покупалъ и самъ — напр. кизельгуръ. Различные матерьялы и запасныя банки по временамъ хранились на квартирѣ Говорукина. Ихъ то однажды подсмотрѣла хозяйка квартиры и сдѣлала доносъ въ полицію. Но полиція не придавала этому до-

носу важнаго значенія, и когда спустя нѣсколько дней явилась съ обыскомъ, то уже ничего не нашла.

По мѣрѣ того, какъ развѣтывалась наша дѣятельность, все больше и больше лицъ предлагала намъ свои услуги или содѣйствіе, и средства начали притекать въ болѣе значительныхъ размѣрахъ: жертвовали уже сотнями рублей. Эти средства шли на текущіе расходы, а также нужно было оказывать матерьяльную помощь Андреюшкину и Генералову, у которыхъ средствъ было мало. Осипановъ получалъ отъ матери 25 руб., въ мѣсяцъ, но и ему понадобились деньги, чтобы обзавестись хорошимъ костюмомъ. Дѣло въ томъ, что появился министерскій циркуляръ (не помню, въ какомъ мѣсяцѣ), въ которомъ говорилось, что крамола вновь посягаетъ на университеты, причемъ указывались примѣты, по которымъ можно было узнавать крамольниковъ, а именно, въ циркулярѣ говорилось, что «грубый тонъ и неряшливый видъ суть первые признаки крамолы». Вотъ почему Осипановъ и пожелалъ принять обликъ изящнаго джентльмена.

Одинъ москвичъ предложилъ намъ свои услуги для устраненія Каткова, но мы отклонили это предложеніе, такъ какъ Катковъ, хотя фактически и принималъ участіе въ ретроградныхъ мѣропріятіяхъ правительства, но не занималъ никакого officialнаго отвѣтственнаго поста, а мы не считали справедливымъ безъ крайней нужды прибѣгать къ террору.

Въ февралѣ Шевыревъ сообщилъ Канчеру, что готовится покушеніе на А III и предложилъ ему принять на себя роль сигнальщика и развѣдчика. До этого времени Канчеръ исполнялъ разныя порученія и покупки и ѣздилъ въ Вильно, но онъ только могъ догадываться, что нѣчто замышляется, но что, именно, и кто исполнители, вовсе не зналъ. Канчеръ согласился, а такъ какъ Шевыревъ зналъ взгляды и настроеніе земляковъ Канчера—Гаркуна и Волохова, то вполне рассчитывалъ на ихъ участіе въ качествѣ сигнальщиковъ и потому предложилъ Канчеру переговорить съ ними на этотъ счетъ. Тѣ согласились. Такимъ образомъ была готова 1-ая боевая группа изъ 3-хъ метальщиковъ и 3-хъ сигнальщиковъ, и были изготовлены всѣ матерьялы для бомбъ-цилиндровъ, а бомба-книга давно уже была готова. Тогда только Шевыревъ счелъ возможнымъ уѣхать на югъ, въ Крымъ, по настоянію своихъ родныхъ. Онъ очень сильно кашлялъ, и легкія его были поражены, должно быть, бугорчаткой. А такъ какъ онъ лихорадочно работалъ по революціоннымъ дѣламъ, то здоровье его быстро ухудшалось, но онъ откладывалъ свой отъѣздъ подъ разными предлогами, чтобы окончательно подготовить первую боевую группу.

Наконецъ, насталъ день его отъѣзда. Такъ какъ мнѣ одному было не подъ силу вести всѣ дѣла, то мы рѣшили пригласить въ нашъ кружокъ Ульянова, который долженъ былъ заступить мѣсто уѣзжающаго Шевырева. Ульяновъ охотно принялъ наше предложеніе. Затѣмъ я съ Шевыревымъ отправился на квартиру

къ Канчеру, и Шевыревъ объяснилъ этому послѣднему, что онъ уважаетъ, и потому различныя порученія по революціоннымъ дѣламъ буду ему давать я. Канчеръ обѣщалъ исполнять все, что будетъ нужно. До этого времени онъ зналъ меня только, какъ участника въ разныхъ студенческихъ предпріятіяхъ. Здѣсь я распростился съ Шевыревымъ и снова съ нимъ увидѣлся уже на судѣ. При разставаніи онъ снабдилъ меня однимъ адресомъ и текстомъ условной телеграммы, которую я долженъ былъ его извѣстить въ случаѣ, если разыграются повальные аресты и въ особенности, если меня арестуютъ.

Такъ остались мы — Ульяновъ и я, для веденія текущихъ дѣлъ въ Питерѣ. Я познакомилъ Ульянова съ тѣмъ, что ему еще было неизвѣстно и что нужно было знать въ нашихъ предпріятіяхъ. 17-го февраля я свелъ его съ Осипановымъ, съ которымъ Ульяновъ еще не былъ знакомъ. Какъ ни близко стоялъ къ намъ Ульяновъ, тѣмъ не менѣе въ отношеніи метальщиковъ у насъ соблюдалась строгая конспирація. Точно также Осипановъ не былъ еще знакомъ съ двумя другими метальщиками, и я устроилъ ихъ свиданіе на Михайловской ул. въ одномъ ресторанѣ, при чемъ по уговору Осипановъ посредствомъ особыхъ сигналовъ завелъ ихъ въ одно безопасное мѣсто, гдѣ они межъ собою перезнакомились и столковались, какъ дѣйствовать сообща.

Чтобы метальщики могли напрактиковаться въ бросаніи снарядовъ и хорошо ознакомиться съ устройствомъ запала, я наготовилъ много трубокъ, запаловъ, значительный запасъ бѣлаго пороку и вмѣстѣ съ баночкой крѣпкой сѣрной кислоты все это передалъ Канчеру, объяснивъ ему, какъ слѣдуетъ обращаться съ запалами. Метальщики сначала бросали простыя трубки, въ которыя сыпалось немного смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и которыя затыкались пробками, снизу смазанными сѣрной кислотой; затѣмъ уже бросали запалы, при чемъ должны были открывать клапаны передъ бросаніемъ и, наконецъ, запалы привязывали къ книгамъ, обмотаннымъ полотенцемъ, чтобы наловчиться бросать извѣстную тяжесть на разстояніе. Такимъ образомъ они хорошо ознакомились со способомъ воспламенѣнія снарядовъ. Въ производствѣ этихъ опытовъ непосредственное участіе принималъ Ульяновъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы все дѣлалось какъ слѣдуетъ.

Чтобы убѣдиться окончательно въ полной пригодности нашего динамита и гремучей ртути, я изготовилъ большой динамитный патронъ, соединилъ его стопиномъ со свѣчкой (длинной гильзой, набитой медленно горящимъ составомъ) и отправилъ его съ однимъ человѣкомъ въ Вильно. При этомъ я приложилъ записку, какъ нужно произвести испытаніе. Слѣдовало привязать къ одной палкѣ, воткнутой въ землю, свѣчу, къ другой — патронъ, зажечь свѣчу, отойти на приличное разстояніе и съ часами въ рукахъ въ указанный мною моментъ послѣ зажиганія свѣчи ожидать взрыва. Въ запискѣ былъ сообщенъ текстъ условныхъ телеграммъ на случай успѣха и на случай неудачи опыта, кото-

рыми Виленская группа должна была извѣстить насъ (меня и Ульянова). И мы вскорѣ получили телеграмму съ извѣстіемъ о полной удачѣ опыта.

Хотя мы являлись по роду практической дѣятельности непосредственными продолжателями партіи Народной Воли, но по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ мы были социал-демократы. Въ виду этого мы хотѣли съ одной стороны отгѣнить свое отличіе отъ старыхъ народовольцевъ, а съ другой не считали удобнымъ слишкомъ рѣзко отдѣлять себя отъ этихъ послѣднихъ и потому дали своей организаціи названіе Террористической фракціи Народной Воли. Для обсужденія программныхъ вопросовъ мы (Ульяновъ, я, С..., Г...) собрались на квартирѣ Ульянова и здѣсь послѣ продолжительныхъ дебатовъ, Ульяновъ взялся формулировать наши положенія и составить текстъ программы нашей фракціи. Онъ вышелъ въ другую комнату и довольно быстро и хорошо справился со своей задачей. Онъ прочиталъ намъ написанное, мы одобрили и рѣшили напечатать эту программу. По своему характеру она была переходной межъ программой Народной Воли и социалдемократической. Само собою понятно, что политическую свободу мы цѣнили, подобно западно-европейскимъ социал-демократамъ, весьма высоко, и только средства къ достиженію ея у насъ были иные, сообразно мѣстнымъ условіямъ и наличнымъ силамъ.

Ульяновъ раздобылъ шрифтъ и типографскія принадлежности и взялся вмѣстѣ со своими помощниками напечатать эту программу. Такъ какъ мы торопились, то прежде чѣмъ найти квартиру для помѣщенія постоянной типографіи, мы рѣшились временно воспользоваться какимъ либо удобнымъ помѣщеніемъ, и я просилъ Пилсудскаго позволить Ульянову поработать въ его квартирѣ, которая для нашей цѣли была удобна, Пилсудскій согласился, и Ульяновъ со своими помощниками занялся наборомъ шрифта.

Такъ какъ въ скоромъ времени должно было состояться покушеніе, то предварительно намъ слѣдовало позаботиться объ участіи двухъ лицъ — Рудевича и Говорухина, которые были въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Андреюшкинымъ и Генераловымъ и вслѣдствіе этого безъ всякой цѣли должны были пострадать или даже погибнуть. Поэтому мы имъ предложили выѣхать за границу. Виленская революціонная группа имѣла паспортный столъ, которымъ очень охотно предоставила намъ пользоваться. Сначала уѣхалъ Рудевичъ, а потомъ Говорухинъ, причемъ я ихъ снабдилъ адресомъ и паролемъ въ Швейцарію, чтобы они могли тамъ найти хоть нѣкоторую помощь въ первое время. Вмѣстѣ съ тѣмъ они изъ-за границы, какъ было условлено, извѣстили насъ (меня и Ульянова) конспиративными телеграммами, что благополучно пріѣхали въ Швейцарію.

Въ виду того, что многимъ изъ нашей компаніи приходилось погибнуть въ ближайшемъ будущемъ, Ульяновъ задумалъ устроить

небольшую, такъ сказать, прощальную вчеринку, чтобы съ одной стороны дать возможность повидаться разнымъ лицамъ межъ собой, и съ другой нѣсколько усилить средства нашей группы. Само собою понятно, что билеты на нее раздавались только исполнѣ надежнымъ лицамъ. Между прочимъ на ней были Ульяновъ, я, Андреюшкинъ, Генераловъ, Шмидова, которая помогала устроить ее. Она сошла исполнѣ благополучно.

21 февраля я поручилъ Канчеру и Волохову зайти вечеромъ въ назначенный часъ на квартиру Ульянова за метательными снарядами для Андреюшкина и Генералова. Къ моей досадѣ они явились раньше срока, когда снаряды еще не были наполнены, и они видѣли, какъ я набивалъ динамитомъ одинъ снарядъ, а Ульяновъ — другой, что впоследствии Канчеръ и показалъ на допросѣ. Когда работа была окончена, Канчеръ и Волоховъ помогли намъ прибрать посуду и очистить квартиру Ульянова. Когда они уходили унося съ собою снаряды, я шутя спросилъ Канчеру, что онъ скажетъ, если его вдругъ арестуютъ на улицѣ съ бомбой. Онъ не задумываясь отвѣтилъ: «Я скажу, что нашелъ какой то тяжелый свертокъ, но не зная чей онъ, несу его въ полицію, чтобы можно было его вручить хозяину по принадлежности».

Бомбы были розданы метальщикамъ, и Осипановъ сталъ торопиться приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго плана, такъ какъ было навѣстно, что А III собирается уѣхать на югъ. Квартира Генералова была очищена, разная посуда, служившая для приготовленія азотной кислоты была перевезена частью къ Новорусскому, частью въ другое мѣсто; точно также черезъ одного своего знакомаго я отправилъ къ М-мъ Ананьиной большую бутылъ азотной кислоты вмѣстѣ съ запиской Ульянова. Кислота должна была служить для приготовленія динамита для слѣдующей боевой группы. Въ 20-хъ числахъ февраля Ульяновъ устроилъ общее собраніе членовъ первой боевой группы на квартирѣ Канчеры. Тутъ онъ имъ еще разъ подробно объяснилъ устройство метательныхъ снарядовъ и ихъ дѣйствіе. Затѣмъ онъ читалъ имъ программу Террористической фракціи и имѣлъ продолжительное собесѣдованіе по разнымъ политическимъ вопросамъ съ Осипановымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сигнальщики и метальщики лучше перезнакомились межъ собою, и съ этого времени Осипановъ взялся руководить дѣятельностью первой боевой группы. На случай успѣха была составлена прокламація, начинавшаяся словами: «Живъ духъ земли русской, и не угасла правда въ сердцахъ ея сыновъ. (Такого-то числа)—казнень А III» и далѣе говорилось, что этотъ фактъ есть дѣло революціонной партіи. Ульяновъ выучилъ ея текстъ наизусть и сдѣлалъ приготовленія, чтобы она могла быть отпечатана скорѣйшимъ образомъ, когда понадобится.

Такъ какъ время выѣздовъ царя было неизвѣстно, то боевой группѣ приходилось выслѣживать его на улицѣ. Передъ каждымъ выходомъ на улицу въ снаряды вставлялись новые запалы, при

чемъ стеклянная вата смачивалась крѣпкой сѣрной кислотой. Этими завѣдывалъ Канчеръ, а Ульяновъ слѣдилъ за правильностью и аккуратностью этой процедуры. 26-го февраля ожидалось прибытіе царя въ Исаакіевскій соборъ. Боевая группа была на-готовѣ. Несмотря на то, что все было приготовлено къ торжественной встрѣчѣ царя, и была собрана масса полицейскихъ, въ соборъ онъ не появлялся. Когда уже стало поздно, Осипановъ подошелъ къ околоточному надзирателю и спросилъ: «Вѣрно ожидаютъ приѣзда царя, что такъ много скопилось народу у собора?» Околоточный отвѣтилъ, что имъ дѣйствительно приказано ждать царя, но неизвѣстно, почему онъ не приѣзжаетъ. Въ этотъ день такъ и не явился царь въ соборъ. 28 февраля также ни метальщикамъ, ни сигнальщикамъ не удалось видѣть царя. 1-го марта они съ несомнѣнностью ожидали приѣзда царя въ Петропавловскій соборъ, но безуспѣшно, и вдругъ были схвачены на Невскомъ около часу дня.

Мы (я и Ульяновъ) находились въ томительномъ ожиданіи. Развязка должна была наступить 1-го марта непременно. Время шло, а между тѣмъ ничего не было слышно. Ульяновъ пошелъ на квартиру Канчера, а я въ нашу студенческую столовую, чтобы провѣдать, въ чемъ дѣло. На квартирѣ Канчера уже была устроена засада, и Ульяновъ былъ схваченъ. Я уже въ студенческой столовой узналъ, что бродятъ темные слухи, будто было покушеніе на царя, будто въ него стрѣляли, и что Канчеръ арестованъ, такъ какъ на его квартирѣ полиція. Это было началомъ конца.

Если бросить взглядъ на годъ нашей подготовительной работы, то ея нельзя не назвать успѣшной. Сформировалась новая организація изъ центрального кружка, который всѣмъ завѣдывалъ, боевыхъ группъ и значительнаго контингента лицъ, которые оказывали свое содѣйствіе и услуги. Денежные средства стали притекать къ намъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Въ нашемъ распоряженіи была студенческая столовая. У насъ уже были динамитная мастерская, типографія, паспортный столъ. Завязались сношенія съ другими городами (въ особенности намъ оказывали содѣйствіе Виленская революціонная группа), а также съ заграницей. Однимъ словомъ новая молодая организація стала быстро развиваться, и инициатива активной борьбы съ правительствомъ стала переходить въ наши руки. Но гибель первой боевой группы, а вмѣстѣ съ ней и центрального кружка нанесла этой еще не окрѣпшей организаціи такой ударъ, отъ котораго она уже не могла оправиться.

Отчетъ о нашемъ дѣлѣ былъ напечатанъ въ Свободной Россіи въ № отъ 1 февраля 1889 г. Онъ во многомъ ошибоченъ. Прежде всего въ немъ дано невѣрное освѣщеніе самого факта покушенія. «Дѣятельность представителей молодежи, говорится въ указанномъ номерѣ Свободной Россіи, при устройствѣ кассъ, библиотекъ, демонстрацій встрѣчала постоянно препятствіе съ стороны полиціи; дѣло останавливалось на полдорогѣ... Неудача мирной демонстраціи 17-го ноября, аресты въ разныхъ слояхъ

общества и т. п. факты поставили на очередь вопросъ о новомъ покушеніи на А. III, которое было бы отвѣтомъ на всѣ послѣдніе репрессіи, направленные противъ общества и революціонеровъ... Исполнители его выходили не изъ какихъ либо конспиративныхъ программъ, а изъ факта собственного и общественного негодованія противъ наглости правительства». Въ дѣйствительности было не совсѣмъ такъ. Наша студенческая столовая была закрыта только послѣ нашего ареста. Общестуденческая касса хирѣла не вслѣдствіе того, что встрѣтила непреодолимое препятствіе со стороны администраціи, а потому, что уже ни у Шевырева, ни у меня не хватало времени для чисто студенческихъ предпріятій. Конечно, я этимъ не отрицаю, что администрація оказывала противодѣйствіе открытію кассъ взаимопомощи и т. п. организацій. Напр., въ это время было опубликовано строгое запрещеніе участвовать въ землячествахъ. Но не здѣсь кроется истинная причина возникновенія нашей фракціи. На пассивное отношеніе правительства къ политическимъ демонстраціямъ мы вовсе не рассчитывали. Напротивъ, для насъ эти демонстраціи были только однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Дѣятельность нашей революціонной группы, какъ разъ наоборотъ, вытекала изъ опредѣленной политической программы. Фактовъ насилія и жестокости со стороны правительства — сколько угодно; ихъ слишкомъ достаточно для возбужденія чувствъ негодованія и возмущенія въ человѣкѣ. Но если эти чувства, равно какъ и желанія улучшить положеніе трудящихся массъ побуждаютъ къ дѣятельности, то умъ и знанія сообщаютъ ей планомерность. Одни факты дѣйствуютъ сильнѣе на однихъ лицъ, другіе — на другихъ. Напр. меня особенно возмущали всѣ тормазы и препятствія, чинимыя правительствомъ, къ просвѣщенію народа, преслѣдованія поляковъ, свирѣпыя гоненія на евреевъ. Кто не можетъ ограничиться сферой чисто личныхъ интересовъ, кто не можетъ не протестовать противъ вопіющихъ насилій, расправъ, жестокостей и хищеній правительственныхъ агентовъ, тотъ старается выяснить себѣ причину этихъ ненормальныхъ явленій. И вотъ сравнительно историческое изученіе внутренней политики деспотическихъ правительствъ, политики, отличающейся поразительнымъ единообразіемъ мѣропріятій въ различныхъ странахъ, съ полной очевидностью обнаруживаетъ, что всѣ ограниченія правъ гражданъ, даже самыхъ элементарныхъ, всѣ репрессіи, направленные на проявленія насущнѣйшихъ потребностей народа, всѣ жестокости практикуемыя въ отношеніи лицъ, стремящихся измѣнить невыносимый существующій режимъ, являются прямыми логическими слѣдствіями изъ того факта, что публичная власть, власть одного человѣка надъ другимъ, сдѣлалась частной собственностью небольшой кучки лицъ. Собственники, или монополисты публичной власти рѣшаютъ всѣ вопросы внутренней политики съ точки зрѣнія своихъ выгодъ, а не интересовъ всего народа или государства. Прежде всего они заботятся о сохраненіи за

собой этой власти, беспощадно карая тѣхъ, кто стремится отнять ее у нихъ или только ограничить въ интересахъ народа. Напр., въ 1799 г. въ Даніи былъ изданъ законъ, по которому подвергался смертной казни тотъ, кто въ печатномъ сочиненіи осмѣлился бы совѣтовать измѣненіе неограниченной формы правленія; вѣчной каторгѣ — кто рѣшился бы порицать способъ управленія или какой либо актъ правительства.

Само пользованіе публичной властью сводится къ безконтрольному распоряженію жизнью, личностью, силами, имуществомъ гражданъ. Вслѣдствіе этого интересы деспотическаго правителя находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами населенія. Исторически складывается система монополии публичной власти такимъ образомъ. Когда происходитъ дифференцировка въ обществѣ, то болѣе сильные и могущественные члены начинаютъ практиковать различнаго рода насилія по отношенію къ слабѣйшимъ, и эти насилія за физическою невозможностью остаются неотмыщенными. По мѣрѣ дальнѣйшей дифференцировки и еще большаго усиленія нѣкоторыхъ лицъ, насилія, чинимыя ими, все учащаются и становятся, наконецъ, обычнымъ явленіемъ, такъ что, наконецъ, переходятъ въ обычай. Болѣе слабые по неволѣ мирятся съ такимъ положеніемъ вещей, какъ съ неизбежнымъ зломъ, а сильныя персоны начинаютъ считать непротивленіе ихъ своеволію обязательнымъ для остальныхъ членовъ общества, и слушниковъ они караютъ и силой принуждаютъ къ повиновенію. На свою безнаказанность они начинаютъ смотрѣть, какъ на свое священное право ¹⁾. Разъ добившись господства, автократы прилагаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы утвердить свою власть какъ можно прочнѣе. Для этого они прежде всего стремятся держать народъ на возможно низкой ступени умственнаго развитія, ставя всякія препоны къ его образованію и просвѣщенію. вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивается свобода слова и печати. Чѣмъ просвѣщеннѣе общество, чѣмъ больше гласности, тѣмъ труднѣе деспоту своевольничать и безконтрольно распоряжаться средствами народа. Далѣе, строжайше запрещаются сходки, собранія, союзы, манифестации и вообще проявленія коллективныхъ желаній и настроеній народа, такъ какъ раздѣлываться съ единицами гораздо легче, чѣмъ имѣть дѣло съ цѣлыми группами или организаціями. Такіе основныя интересы всего населенія, какъ неприкосновенность личности и жилища, гарантія имущества находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ интересами деспотовъ, для которыхъ существеннымъ атрибутомъ ихъ власти является безконтрольное распоряженіе жизнью, свободой, достоинствомъ гражданъ, а также ихъ имуществомъ, то въ видѣ налоговъ, податей, акцизовъ и повинностей, то въ видѣ займовъ и выпусковъ бумажныхъ денегъ, то въ видѣ произвольныхъ штрафовъ, кон-

¹⁾ Само собою понятно, что было бы здѣсь неумѣстнымъ вдаваться въ болѣе подробное изложеніе развитія деспотизма.

фискаціи, вплоть до уничтоженія и сожженія включительно. Чиновники не отвѣтственны передъ населеніемъ за свои злодѣянія; шпионы, жандармы, сыщики получаютъ лучшее вознагражденіе, чѣмъ народные учителя и т. д. и т. д. Однимъ словомъ весь этотъ гнетъ, репрессіи и жестокости правительства являются слѣдствіями того, что автократы, сдѣлавшись собственниками публичной власти, употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить ее за собою и всѣ вопросы внутренней политики рѣшаютъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ выгодъ, какой бы ущербъ ни наносился этимъ всему населенію. Для нихъ не нужны просвѣщенные, самостоятельные, сознающіе свое достоинство граждане, такъ какъ надъ такими лицами невозможно безконтрольно господствовать; они хотятъ имѣть вмѣсто гражданъ выдрессированное, покорное, безсловесное стадо, которое они могутъ стричь, сколько хотятъ, а по временамъ и рѣзать. Да нерѣдко они сами называютъ себя пастырями, а своихъ подданныхъ пасомымъ стадомъ. Однимъ словомъ, въ основѣ внутренней политики деспотическихъ правительствъ лежатъ оскотинивающіе людей идеалы. Трудно вообразить, до какой степени цинизма и надругательства надъ человѣческой личностью доходятъ безконтрольныя власти. Имъ ни почему задерживать руку продовольственной помощи, протянутую голодающимъ и гибнущимъ крестьянамъ. Онѣ смотрятъ на народъ, какъ на безсловесное стадо, какъ на рабовъ, съ которыми нечего церемониться и для которыхъ всегда на-готовѣ у нихъ нагайки и плети, тюрьмы и висѣлицы.

Сосредоточивая въ своихъ рукахъ законодательную, судебную и административно-исполнительную власть, деспоты являются виновниками, первоисточникомъ тѣхъ мѣропріятій, которыя задерживаютъ умственное, нравственное, техническое и экономическое развитіе общества. Какъ рабъ передъ господиномъ, такъ сословія, классы, общества, отдѣльные граждане являются безправными по отношенію къ деспотическому правителю. Такое состояніе обывателей можно назвать политическимъ рабствомъ. Ограниченіе деспотизма ведетъ къ паденію политическаго рабства—это первый шагъ къ социализаціи публичной власти. Тутъ на мѣсто произвола становится договорное начало, признаніе въ большей или меньшей степени равноправности контрагентовъ. Публичная власть, власть одного человѣка надъ другимъ, какъ надъ субъектомъ правъ, глубоко отлична отъ власти надъ всякими иными объектами или предметами; она вытекаетъ изъ самой организаціи общества и должна принадлежать всему обществу, а не быть предметомъ частной собственности. Социализація публичной власти еще важнѣе, чѣмъ социализація орудій производства. Если собственники орудій производства и эксплуатируютъ трудящееся населеніе, то эта эксплуатація косвенная, и въ каждомъ государствѣ имѣется значительный контингентъ экономически самостоятельныхъ гражданъ. Въ рукахъ же монополистовъ публичной власти находятся и жизнь, и свобода, и силы, и имущество гражданъ, при чемъ

все эти блага могутъ быть прямо и непосредственно отняты, а сами граждане подвергнутся всякаго рода насилію и эксплуатаціи.

Вотъ почему мы считали достиженіе политической свободы величайшимъ благомъ для Россіи, благомъ, за которое слѣдуетъ бороться всѣми силами. И дѣятельность нашей террористической фракціи была вызвана къ жизни не какими либо частными репрессіями правительства, а желаніемъ поскорѣе вынудить его сдѣлать хоть нѣкоторыя уступки обществу, и вмѣстѣ съ тѣмъ была отвѣтомъ на все притѣсненія и жестокости правительства. При этомъ были приняты нами во вниманіе и изолированное тогдашнее международное положеніе Россіи, и чрезвычайно натянутыя отношенія съ Германіей, грозившія войной, и затруднительное финансовое положеніе правительства, и низкій курсъ рубля, и нѣкоторыя другія обстоятельства.

Терроръ героическое средство. Онъ не можетъ быть ежедневнымъ, обиходнымъ приѣмомъ борьбы, нормальной тактикой партіи. Террористическая дѣятельность разрастается по временамъ, когда происходитъ подъемъ или приливъ общественной энергіи, и обостряется конфликтъ межъ самодержавнымъ правительствомъ и обществомъ, стремящимся стряхнуть съ себя иго деспотизма. Наша дѣятельность совпала съ началомъ отлива. Это ясно было видно по уменьшающемуся числу террористическихъ предпріятій. И вотъ въ отливающей волнѣ общественнаго подъема мы хотѣли собрать активныя силы и еще разъ вступить въ схватку съ правительствомъ. Мы ориентировались въ положеніи вещей. Для насъ было яснымъ, что капитализмъ въ Россіи будетъ развиваться, что капиталистическій строй есть шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ, что есть, и что революціонное движеніе вскорѣ приметъ болѣе мирный социал-демократическій характеръ. [Когда эти мысли въ 1887 г. передавались стукомъ въ Шлиссельбургъ старымъ народовольцамъ, то они выслушивали ихъ съ любопытствомъ, но не безъ скептицизма. Вѣдь, въ 80-хъ годахъ еще обсуждался вопросъ, пойдетъ ли Россія по капиталистическому пути (напр. В. В. «Судьбы капитализма въ Россіи») и казалось мало вѣроятнымъ, чтобы социалдемократы могли играть значительную роль въ ближайшемъ будущемъ.]

Итакъ, повторяю, наше дѣло не было вызвано какими либо отдѣльными частными репрессіями правительства, а вытекало изъ опредѣленной программы. Недаромъ оберпрокуроръ Неклюдовъ въ своей обвинительной рѣчи сказалъ, что мы хотимъ дать научно объективное объясненіе террору, вмѣсто того, чтобы разсматривать его, какъ рефлективный актъ на то или другое дѣйствіе правительства.

Далѣе въ указанной статьѣ «Свободной Россіи» подвергается суровой критикѣ организація Террористической Фракціи Народной Воли, и невыдержанность ея членовъ въ конспиративномъ отношеніи. «О приговореніяхъ знала масса народу», говорится тамъ. «Конспиративныя квартиры, способы сношенія революціо-

неровъ между собой и т. д. не выдерживаютъ самой слабой критики. «Чтобы показать, что дѣло было несовсѣмъ такъ, я приведу нѣсколько фактовъ. Когда давалось кому нибудь какое либо техническое порученіе, напр. когда Канчеръ ѣздилъ въ Вильно, чтобы привести оттуда азотную кислоту, яды, пистолеть, то, конечно, и онъ, и виленская группа могли догадываться, что нѣчто замышляется, но что именно замышляется, и кто исполнители, это имъ было неизвѣстно, точно такъ же, какъ это было неизвѣстно даже Новорусскому, у котораго приготавлился динамитъ, и Пилсудскому, у котораго печаталась наша программа.

Несмотря на то, что Шевыревъ и я вели много различныхъ дѣлъ, мы остались неизвѣстными полиціи. П. Н. Дурново говорилъ мнѣ, что въ департаментѣ полиціи совершенно нѣтъ никакихъ данныхъ, никакихъ указаній со стороны полиціи противъ меня, а между тѣмъ мнѣ приходилось поддерживать сношенія съ метальщиками вплоть до ихъ ареста, когда за ними усиленно слѣдили. Очевидно, ужъ не такъ плоха была конспирація.

Говорухинъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи; хозяйка квартиры дѣлаетъ на него доносъ, что у него хранятся разныя банки и подозрительныя вещества, и полиція не придаетъ этому серьезнаго значенія, запаздываетъ съ обыскомъ, ничего не находитъ и не считаетъ даже нужнымъ присмотрѣть за Говорухинымъ, который свободно уѣзжаетъ за границу. Очевидно полиція ничего не было извѣстно ни о Говорухинѣ, ни о томъ, что его товарищи организуютъ террористическое предпріятіе. Да и на судѣ официально заявлено, что нѣкоторымъ подсудимымъ смягчается наказаніе за услуги, оказанныя правосудію въ раскрытіи замысла, такъ какъ безъ этого много лицъ осталось бы совершенно неизвѣстными правосудію.

Наконецъ въ «Свободной Россіи» сдѣланъ пренебрежительный отзывъ о Шевыревѣ, что по моему вовсе несправедливо. Кто близко не зналъ его, тотъ могъ имѣть на судѣ поводъ, чтобы составить невыгодное мнѣніе о немъ. Въ дѣйствительности это былъ очень энергичный, предпріимчивый революціонный дѣятель, безусловно преданный освободительному движенію. Въ моей памяти живо встаетъ его худошавая фигура, средняго роста, съ длинными свѣтлыми волосами, небольшими усиками и эспань-олкой, въ очкахъ. Живые глаза нѣсколько насмѣшливо глядѣли на собесѣдника, а онъ самъ въ разговорѣ нерѣдко заливался звонкимъ хохотомъ. По своему темпераменту онъ былъ типичный холерикъ. Удивительно дѣятельный, предпріимчивый, подвижный, онъ былъ душой нашихъ предпріятій. Весь день на ногахъ, онъ точно рассчитывалъ по часамъ время, гдѣ ему нужно быть и съ кѣмъ видѣться. А дѣла было чрезвычайно много. Когда была разбита центральная организація Народной Воли, и когда затѣмъ разразился на югѣ, гдѣ еще были сплоченныя революціонныя группы, погромъ, и были арестованы Оржихъ, Богоразъ и др., то оставались разрозненные кружки, группы (напр. въ Москвѣ,

гдѣ былъ изданъ въ концѣ 86-го года Листокъ Народной Воли), отдѣльныя лица. И вотъ Шевыревъ лелѣялъ планъ вновь создать обширную революціонную организацію, собрать эти разрозненные элементы и привлечь новые, чтобы «противопоставить силу правительственной силѣ», какъ это говорилось въ прокламаціи по поводу 17 ноября. Такъ какъ въ Питерѣ сѣзжается молодежь со всѣхъ концовъ Россіи, то при посредствѣ нея можно было завязать сношенія съ разными городами и мѣстными революціонными кружками. А для этого ему нужно было завести широкія знакомства среди молодежи. Одаренный отъ природы проникательностью и практическою сметкою, онъ быстро ориентировался въ положенія вещей, быстро оцѣнивалъ людей и опредѣлялъ степень ихъ пригодности для революціоннаго дѣла. Онъ не хотѣлъ производить давленія на своихъ знакомыхъ, но ярко выставляя на видъ весь ужасъ существующаго режима, стремился достигнуть того, чтобы каждый самъ созналъ и почувствовалъ необходимость активной борьбы съ правительствомъ и сообразно со своими силами принялъ участіе въ освободительномъ движеніи. Было бы ошибочнымъ думать, что дѣятельность Шевырева ограничивалась только кругомъ молодежи: она была гораздо шире и, напр., вторая боевая группа намѣчалась имъ среди рабочихъ.

Набѣгавшись весь день, онъ вечеромъ усталый являлся ко мнѣ, бросался на стулъ со словами: «ухъ какъ уморился!» и начиналъ быстро излагать, что ему удалось за день сдѣлать. И мы совмѣстно обсуждали наши планы. Намъ часто также приходилось обмѣниваться мыслями на счетъ текущихъ дѣлъ и въ университетѣ, гдѣ мы въ полголоса по-долгу бесѣдовали. Одинъ мой товарищъ Р. не разъ меня журилъ за это, говоря: «Васъ замѣтатъ шпионы!» Но такъ какъ мы говорили межъ собою, не скрываясь, лишь бы только невозможно было слышать предмета нашихъ разговоровъ, то шпионы и полагали, что мы просто толкуемъ о своихъ личныхъ дѣлахъ.

Взявшись за организацію террористической борьбы съ правительствомъ, Шевыревъ зналъ, что ему не миновать насильственной смерти: не съ первой боевой группой—такъ со второй, не со второй—такъ съ третьей—все равно ему придется погибнуть на эшафотѣ. По этому поводу онъ не разъ высказывалъ свою точку зрѣнія. Считая необходимымъ отдать всѣ свои силы и свою жизнь освободительному движенію, онъ имѣлъ особый взглядъ на отношенія революціонеровъ къ своимъ врагамъ. «Когда мнѣ придется предстать предъ судомъ, говорилъ Шевыревъ, я не намѣренъ излагать своихъ воззрѣній. Если бы наше предпріятіе было началомъ активной борьбы революціонеровъ съ правительствомъ, то, конечно, необходимо было бы выяснитъ его самый смыслъ и значеніе. Но мы продолжаемъ только дѣло нашихъ предшественниковъ. Или уже достаточно было указано, чѣмъ былъ вызванъ терроръ, и чего добиваются революціонеры. Нѣтъ нужды при каждой стычкѣ, при всякой схваткѣ съ правительствомъ излагать свое

scedo. Это тѣмъ болѣе излишне, что судъ негласный: и судать тайкомъ, и вѣшаютъ тайкомъ. Если бы на судъ допускалась посторонняя публика, то имъ можно было бы воспользоваться какъ средствомъ пропаганды своихъ идей. Но говорить предъ сыщиками и жандармами о своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ излишне. Какъ бы ни были явны улики, практичнѣе всего отрицать свое участіе въ дѣлѣ. Этимъ съ одной стороны избѣгается опасность сказать что нибудь лишнее, что можетъ повредить кому либо изъ товарищей, а съ другой—чѣмъ незначительнѣе мы будемъ казаться нашимъ врагамъ, тѣмъ легче будетъ борьба съ ними, тѣмъ меньше опасность для нашихъ друзей, знакомыхъ, даже родныхъ подвергаться мщенію и преслѣдованію со стороны правительства¹⁾. А чѣмъ меньше требуетъ жертвъ дѣло освобожденія, тѣмъ лучше». Сознаю, что эти взгляды тогда мнѣ казались въ значительной степени убѣдительными. Вотъ почему впоследствии для меня не было неожиданностью то, какъ держалъ себя Шевыревъ на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ, между тѣмъ какъ другихъ, не знавшихъ его столь близко, его поведеніе могло повергнуть въ недоумѣніе. Онъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ. Мнѣ приходилось просматривать наше дѣло-производство и читать его два-три краткихъ показанія, въ которыхъ онъ заявляетъ, что всѣ показанія и обвиненія, возведенныя другими противъ него, одна напраслина. Это стрипаніе при подавляющихъ уликахъ носить характеръ нѣкоторой насмѣшки. И слѣдствіе и судъ дѣлали прижимки, чтобы заставить давать какія либо показанія. Напр. защитникъ Шевырева просилъ судъ разрѣшить ему сообщить Шевыреву, въ чемъ его обвиняютъ (во время судебного слѣдствія каждого изъ насъ приводили отдѣльно и допрашивали въ одиночку), первоприсутствующій не хотѣлъ на это сразу согласиться, но отвѣтилъ, что переговорить еще объ этомъ съ судьями. По вышеуказаннымъ причинамъ Шевыревъ не счелъ нужнымъ выступить на судѣ со своимъ политическимъ сседо, Но становясь въ такія отношенія къ своимъ врагамъ, онъ остался также вѣренъ и своимъ основнымъ принципамъ—отдать всѣ свои силы и свою жизнь освободительному движенію и передъ смертью въ виду эшафота не повредить кому либо изъ своихъ товарищей, участниковъ революціоннаго движенія. Если можно оспаривать и даже осуждать взгляды Шевырева на то, какъ долженъ держаться арестованный революціонеръ, то по основнымъ своимъ воззрѣніямъ и поступкамъ онъ никоимъ образомъ не заслуживаетъ ни осужденія, ни пренебрежительнаго къ себѣ отношенія.

Иосифъ Лукашевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Что это такъ, можно указать хотя бы на брата Шевырева, который только за свое родство съ Петромъ Яковлевичемъ подвергся гоненію правительства и долженъ былъ выйти изъ Лѣснаго Института, гдѣ состоялъ приватъ-доцентомъ.

Письма Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ Американскому народу, Льву Гартману, Карлу Марксу и къ А. Рошфору.

Мы получили архивъ редакціи «Народной Воли». Его исторія такова.

Редакція «Народной Воли», издававшейся въ 1880-81 гг. въ тайныхъ типографіяхъ въ Петроградѣ, сохраняла свой архивъ на квартирѣ сотрудника «Голоса» В. Р. Зотова. Это былъ по своимъ взглядамъ очень умѣренный человѣкъ, никогда не возбуждавшій никакихъ подозрѣній со стороны полиціи, и его квартира поэтому была вполне безопасной для храненія даже и такого архива, какимъ былъ архивъ редакціи «Народной Воли».

О мѣстонахожденіи этого архива знали очень немногіе, между прочимъ Н. А. Морозовъ и А. Д. Михайловъ. Послѣ арестовъ наиболѣе видныхъ народовольцевъ въ 1881—82 гг. архивъ редакціи «Народной Воли» какъ бы былъ потерянъ для революціонныхъ дѣятелей и о необходимости найти его мы писали въ 1906 г. Но онъ не былъ уничтоженъ В. Р. Зотовымъ и бережно, какъ бы подъ спудомъ, сохранялся нѣкоторое время имъ самимъ. Послѣ его смерти архивъ перешелъ къ А. С. Суворину, а отъ него къ сыну его—М. А. Суворину, который уже при новомъ режимѣ—въ мартѣ 1917 г.—передалъ его намъ.

Мы имѣли возможность пересмотрѣть этотъ архивъ вмѣстѣ съ Н. А. Морозовымъ, и онъ призналъ, что это—тотъ самый архивъ, который былъ имъ переданъ В. Р. Зотову—чуть ли не сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Въ первомъ номерѣ «Вылого» изъ этого архива мы даемъ четыре очень рѣдкихъ историческихъ документа. Это—письма Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, посланные имъ въ 1880 г. за границу Американскому народу, Льву Гартману, Карлу Марксу и А. Рошфору.

Народовольцы придавали огромное значеніе общественному мнѣнію Европы и Америки и желали завоевать себѣ его симпатіи. Въ этихъ письмахъ сказались, конечно, взгляды наиболѣе видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета того времени: Желябова, Перовской, В. Фигнеръ, А. Михайлова и другихъ, а также и ихъ идейнаго вдохновителя Н. К. Михайловскаго. Къ состав-

ленію этих писемъ былъ, конечно, причастенъ и—увы!—Л. Тихоміровъ.

Для выясненія взглядовъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли печатающіеся нами документы представляютъ, несомнѣнно, огромный интересъ.

Мы печатаемъ всѣ эти документы съ оригиналовъ и даемъ подлинный ихъ текстъ. Нѣкоторые изъ нихъ переписаны рукой А. П. Корба. Въ 1880 г. она не была еще членомъ Исполнительнаго Комитета, но она была очень близка къ редакціи «Народной Воли».

Всѣ эти четыре документа появляются въ настоящее время на страницахъ «Былого» впервые и считались утерянными. До сихъ поръ они были только напечатаны съ нѣкоторыми измѣненіями въ переводѣ на французскій языкъ Рошфоромъ въ его газетѣ «Intransigeant» въ декабрѣ 1880 г., а нами были даны въ переводѣ съ этого французскаго текста на русскій языкъ въ первомъ номерѣ «Былого», изданнаго нами въ Парижѣ въ 1900 году.

1. Къ Американскому Народу.

Современному Американскому Обществу трудно, конечно, хотя бы приблизительно, представить себѣ картину настоящаго положенія Россіи, съ ея неограниченной Монархіей, съ царствомъ возмутительнаго произвола. Уже не говоря о географической отдаленности такихъ пунктовъ, какъ Петербургъ и Нью-Йоркъ,—отдаленности, при которой не можетъ имѣть мѣсто сколько нибудь обстоятельное знакомство,—самый государственный строй, основанный на принципѣ «Императоръ — все, народъ — ничего», до нельзя чуждъ всему духу американскихъ учреждений.

Русскій народъ въ своемъ отечествѣ—дѣйствительно ничто; народъ—это исключительно податная, платежная сила, доставляющая Деспотизму средства поддерживать свое поворное существованіе лѣсами штыковъ и кучами ядеръ; изъ народа Деспотизмъ черпаетъ свою физическую силу, ежегодно вырывая изъ среды земледѣльческаго класса наиболѣе трудолюбивый элементъ: «Деньги и Солдаты» — вотъ чѣмъ живетъ нашъ Деспотизмъ. Не въ силахъ народъ платить налоги—его сѣкутъ, сѣкутъ публично, на площадяхъ. Отказывается народъ поставлять солдатъ, въ него стрѣляютъ. Потребуешь народъ прибавки земли, его ссылаютъ въ каторгу.

Не менѣе печально и положеніе интеллигентнаго общества: сочувствовать народу, его бѣдности, его несчастіямъ—преступленіе, строго наказуемое. Высказывать свои мнѣнія и убѣжденія, не въ похвальномъ для правительства духѣ, возможно лишь подъ опасеніемъ долготѣннаго тюремнаго заключенія, безъ слѣдствія и суда. Неосторожное слово губить человѣка. Печать въ полнѣйшемъ загонѣ; за рѣзкій отзывъ, за косвенный намекъ газеты, журналы закрываются, редакторы подвергаются административ-

нымъ взысканіямъ. Сходки для обсужденія общественныхъ вопросовъ безусловно воспрещены и противъ нихъ высылаются въ полномъ вооруженіи военныя команды. Наука не свободна въ своихъ выводахъ: профессора съ самостоятельными убѣжденіями отстраняются, изгоняются изъ университетовъ. Талантливые публицисты, ученые, литераторы и писатели, труды которыхъ посвящены общественнымъ вопросамъ считаются врагами правительства; многіе изъ нихъ томятся въ ссылкѣ, какъ напримѣръ свѣточъ политико-экономической науки Н. Г. Чернышевскій. Самоуправленіе общества простирается лишь до возможности, безъ позволенія начальства, лишить себя жизни или умереть съ голоду.

Императорскій Деспотизмъ пожираетъ лучший цвѣтъ русскаго общества, тѣ самые элементы, которыми страна и нація поистинѣ могли-бы гордиться.

Таково-то положеніе вещей въ Россіи въ общемъ!

Сознаніе, что Императорскій деспотизмъ нестерпимъ—давно уже созрѣло и потому то съ тѣхъ поръ, какъ молодая Русская Интеллигенція стала на ноги, первымъ ея лозунгомъ былъ «борьба за народное освобожденіе». Съ этимъ лозунгомъ интеллигенція вступила въ жизнь, съ этимъ лозунгомъ интеллигенція умираетъ въ тюрьмахъ, ссылкѣ и каторгѣ, съ этимъ же лозунгомъ она гибнетъ десятками на висѣлицахъ.

Борьба между Деспотизмомъ и Интеллигенціей становится съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе и ожесточеннѣе, схватки съ той и другой стороны становятся все болѣе и болѣе упорными. Деспотизмъ вынесъ уже нѣсколько пораженій, нѣсколько сильныхъ ударовъ пало на его голову, онъ задрожалъ, предвидя свою гибель и сдѣлался кровожаднымъ. Кровь лучшихъ людей страны—вотъ его пища.

Висѣлица-эшафотъ—вотъ кухня, гдѣ готовится эта пища. Граждане—Демократы!

На чьей сторонѣ ваши симпатіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы предпрѣшаемъ.

Та страна, которая на зарѣ своей исторической жизни сомкнула ряды своихъ сыновъ для защиты своей независимости, та страна, которая открывала свои объятія всѣмъ гонимымъ на европейскомъ материкѣ, та страна, которая вела даже братоубійственную, междоусобную войну изъ за освобожденія милліоновъ невольниковъ,—такая страна не можетъ не сочувствовать намъ, поднявшимъ знамя борьбы за освобожденіе русскаго народа отъ цѣпей политическаго и экономическаго его рабства. Аболиціонисты были вашими любезными и лучшими сынами. Они дѣйствительно сослужили службу Человѣчеству.

Мы—русскіе аболиціонисты!

Ваши симпатіи—принадлежать нераздѣльно намъ!

Ваше негодованіе и презрѣніе—всецѣло нашимъ врагамъ!

Ваши симпатіи, какъ и симпатіи всѣхъ народовъ, намъ дороги. Мы горячо желаемъ ихъ закрѣпить!

Съ этой цѣлю мы намѣрены познакомить Васъ обстоятельно съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, какъ въ политическомъ, такъ и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ, для чего къ Вамъ, на Вашу гостепримную территорію и отправляется по нашему порученію, Левъ Гартманъ. Онъ перескажетъ вамъ исторію нашей борьбы съ ея кровавыми событіями и ея мучениками. Онъ думаетъ падать брошюры и предприметъ рядъ чтеній и бесѣдъ. Народы Америки! Мы убѣждены, что у Васъ онъ встрѣтитъ радужный и братскій пріемъ. П. К.

25 Октяб.—6 Ноября 1880 г.

2. Льву Гартману.

Дорогой товарищ!

Поставивъ своей задачей—вести русскій народъ въ семью народовъ свободныхъ, мы вынуждены, рядомъ съ борьбой на дому, разсѣять предубѣжденіе, нерасположеніе, а часто и вражду, съ какими значительная часть европейскихъ народовъ относится къ народу русскому. Мы должны доказать, что Европа знаетъ лишь Россію официальную: правительство—наслѣдіе монголовъ, да баръ тунейдцевъ, какихъ вездѣ съ избыткомъ. Русь же народная и интеллигенція страны знакомы Европѣ весьма мало и то лишь съ вѣйшей стороны.

Втиснувшись въ международныя европейскія дѣла, официальная Россія всегда клала свой мечъ въ пользу ретроградства и династическихъ интересовъ, поглащая на это матеріальныя силы страны.

Русь народная постоянно стояла во враждѣ съ такой политикой правительства, уклонялась отъ содѣйствія ему, сколько могла и, наконецъ, развила силы, сдѣлавшія рискованнымъ всякій сколько нибудь смѣлый шагъ правительства въ политикѣ вѣйшей.

Народамъ Европы слишкомъ памятенъ гнетъ своихъ правительствъ, чтобы винить русскій народъ за цѣпи, его сковывающія; больше того: русскій народъ вправѣ рассчитывать на довѣріе и сочувствіе ихъ и это сбудется, равъ народная Русь станетъ въ сношенія съ Европой, минуя Россію официальную.

А пока, будемъ дѣлать, что въ силахъ,—будемъ знакомить Европу съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, сообщая ей точныя свѣдѣнія о родинѣ.

Вамъ, товарищъ, мы поручаемъ озаботиться организаціей этого дѣла въ Англіи и Америкѣ чрезъ устройство нашего постоянного бюро, чрезъ митинги, лекціи, печать.

Положивъ вести активную борьбу съ русскимъ правительствомъ силами и средствами русскаго народа, разрѣшаемъ Вамъ, товарищъ, принимать денежную помощь:

- 1) для цѣлей мѣстной (заграничной) агитаціи;
- 2) для цѣлей гуманитарныхъ внутри Россіи и

3) отъ рабочихъ русскимъ стачечникамъ рабочимъ.

Мы увѣрены, что общественное мнѣніе Европы, помня тяжелый путь своего освобожденія, отнесется сочувственно къ Вашей, товарищъ, миссіи.

И. К.

25 Октября—6 Ноября 1880.

3. Карлу Марксу.

Многоуважаемый Гражданинъ!

Русская передовая интеллигенція, всегда чуткая и отзывчивая на движенія мысли и жизни западно-европейской, въ свое время съ восторгомъ встрѣтила появленіе въ печати Вашихъ научныхъ трудовъ. Въ нихъ наука давала санкцію лучшимъ теченіямъ русской жизни, и «Капиталь» сталъ настольной книгой интеллигенціи.

Но въ царствѣ византійскаго мрака и азіатскаго произвола, всякое движеніе общественной мысли—синонимъ революціоннаго движенія. Ясно почему скоро Ваше имя должно было неразрывно слиться съ борьбой внутри Россіи и, вызвавъ глубокое уваженіе и расположеніе однихъ, подпало гоненію другихъ: труды Ваши были изъяты изъ обращенія, и самый фактъ изученія ихъ сочтенъ за признакъ политической неблагонадежности.

Мы знаемъ, съ какимъ интересомъ слѣдили Вы, многоуважаемый сотоварищъ, за всѣми фазисами русской революціонной дѣятельности, и рады констатировать, что трудное время ея пережило. Революціонный опытъ, закаливъ бойцовъ, опредѣлилъ, какъ теоретическую постановку дѣла, такъ и практическій путь его осуществленія. Революціонныя фракціи, неизбѣжныя въ новомъ и столь трудномъ дѣлѣ, сходятся мало по малу въ одно; и вмѣстѣ взятыя ищутъ сліянія съ народнымъ протестомъ, у насъ столь же стародавнимъ, какъ и самое рабство.

При такихъ условіяхъ до побѣды недалеко. Задача наша была бы значительно облегчена будь за насъ серьезное сочувствіе общественнаго мнѣнія свободныхъ странъ, для чего требуется лишь знаніе истиннаго положенія дѣлъ въ Россіи. Въ этихъ соображеніяхъ мы поручаемъ товарищу нашему Льву Гартману, озаботиться организаціей средствъ для правильнаго ознакомленія общественнаго мнѣнія Англіи и Америки съ текущими событіями нашей общественной жизни. Васъ же, многоуважаемый сотоварищъ, просимъ оказать ему содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Твердо рѣшившись разбить оковы рабства, мы увѣрены, что недалеко то время, когда родина наша многострадальная займетъ въ Европѣ мѣсто, достойное свободного народа.

Съ удовольствіемъ выражаемъ Вамъ, многоуважаемый сотоварищъ, чувства глубокаго уваженія къ Вамъ, всей русской социально-революціонной партіи.

И. К.

25 Октября—6 Ноября 1880.

4. Г. Рошфору.

Привѣтъ Вамъ, дорогой товарищъ!

Не съ тѣмъ мы обращаемся къ Вамъ, чтобы только выразить свое глубокое уваженіе: Ваше имя, Ваша литературная дѣятельность, Вашъ «Lanterne», Ваше прошлое, Ваша борьба со второй Имперіей во Франціи, а затѣмъ, при гоненіи въ Бельгіи, Ваша ссылка, Ваше возвращеніе и водруженіе славнаго знамени «L'Intransigeant»—все это слишкомъ ярко, слишкомъ рельефно, чтобы сокровищница Вашей всемірной извѣстности, нуждалась еще въ нашей лептѣ, нашей дани.

Мы обращаемся къ Вамъ съ просьбой о содѣйствіи нашимъ начинаніямъ въ Западной Европѣ.

Объявивъ беспощадную войну Императорскому деспотизму въ Россіи, задавшись цѣлью призвать къ жизни Самодержавіе Русскаго Народа, мы ведемъ эту борьбу вотъ уже много лѣтъ. Характеръ этой борьбы и вся дѣятельность наша за послѣднее время вынуждаетъ насъ, какъ революціонную партію удѣлить долю вниманія и Европѣ, которая стоитъ молчаливой зрительницей у самой арены борьбы, не понимая сущности того, что происходитъ на ея глазахъ.

На насъ лежитъ обязанность открыть глаза Европѣ и доказать, что симпатіи народовъ должны всецѣло тяготѣть къ намъ!

Эта задача и возложена, между прочимъ, на нашего товарища, Льва Гартмана.

Содѣйствуйте-жъ ему въ его трудахъ и пусть Ваше доблестное имя и могучее перо неразрывно свяжутся съ фактомъ нашего духовнаго единенія съ народами Европы!

Изъ недавняго прошлаго.

Весѣда съ министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовымъ.

По нашей просьбѣ, А. Н. Хвостовъ назначилъ намъ, М. А. Суворану и І. В. Гессену, пріемъ на 22 февраля 1916 г., въ 12 час. дня, по вопросу объ измѣненіи устава Общества редакторовъ. Въ назначенный часъ мы оба явились и застали въ пріемной нѣсколько лицъ, ожидавшихъ министра, но минутъ черезъ 5, когда изъ кабинета вышелъ какой-то генералъ, были приглашены къ А. Н. Хвостову—мы. Разсказавъ министру въ двухъ словахъ, что со стороны Департамента Полиціи не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію нашего ходатайства объ измѣненіи устава, но что оно задерживается въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, мы получили быстрый и рѣшительный отвѣтъ, что А. Н. Хвостовъ сегодня же скажетъ по телефону сенатору Судейкину о скорѣйшей посылкѣ удовлетворительнаго отвѣта.

— У насъ задерживающимъ центромъ можетъ быть только Департаментъ Полиціи, — прибавилъ министр. — Разъ съ его стороны нѣтъ препятствій, то со стороны Главнаго Управленія нѣтъ никакихъ основаній задерживать Ваше ходатайство.

Исчерпавъ такъ быстро дѣловой разговоръ, мы засимъ обратились къ министру съ вопросомъ, что есть правды въ тѣхъ чудовищныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу въ связи съ фамиліей Ржевскаго. На этотъ вопросъ министръ далъ весьма подробный отвѣтъ, который длился безъ малаго два часа и, въ общихъ чертахъ, сводился къ слѣдующему:

— Ржевскаго,—сказалъ онъ,—я узналъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда былъ тамъ губернаторомъ; его направили ко мнѣ мои хорошіе знакомые съ просьбой оказать ему какую-нибудь помощь; я узналъ, что Ржевскій судился за ношеніе неприсвоенной формы. Считая, что совершенное имъ преступленіе не Богъ-вѣсть что, и желая помочь голодному человѣку, я пристроилъ его къ издававшейся тогда Барачемъ¹⁾ газетѣ въ качествѣ сборщика объявленій; но въ первый же день Ржевскій растратилъ три рубля, и былъ прогнанъ. Послѣ этого я его потерялъ изъ виду, но слышалъ, что онъ сталъ журналистомъ, весьма бойкимъ, что

¹⁾ Чл. Гос. Думы Барачъ издавалъ оффиціозную „Нижегородскую Торгово-Промышленную Газету“.

ему удалось проникнуть въ келью Иліодора, когда тотъ былъ заточенъ въ монастырѣ, и напечатать въ газетахъ бесѣду съ монахомъ. Знаменитая статья въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» «Мы готовы», надѣлавшая столько шуму, тоже была написана Ржевскимъ, подѣ диктовку Сухомлинова, въ присутствіи казеннаго Мясоѣдова. Когда я былъ назначенъ министромъ, мнѣ сообщили, что Ржевскій добивается свиданія со мной по какому-то дѣлу; справившись, чѣмъ онъ теперь занимается, я узналъ, что онъ поступилъ въ ряды Болгарской арміи, во время Балканской войны, получилъ тамъ знаки отличія, а теперь, въ качествѣ помощника уполномоченнаго Краснаго Креста, работаетъ, и при томъ на всѣхъ фронтахъ. Въ виду такихъ свѣдѣній, я согласился принять Ржевскаго, и на пріемѣ онъ мнѣ сообщилъ, что можетъ оказать русскому правительству большую услугу, убѣдивъ Иліодора отказаться отъ выпуска сочиненной имъ книги, компрометирующей нашъ Дворъ, и особенно Наслѣдника Цесаревича. Его предложеніе показалось мнѣ весьма пріемлемымъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣли свѣдѣнія о томъ, что нѣмцы собираются использовать заключающіяся въ этой книгѣ свѣдѣнія для распространенія ихъ путемъ разбрасыванія въ наши окопы прокламацій съ аэроплановъ. Имѣя, однако, въ виду прошлое Ржевскаго, я сказалъ ему, что денегъ впередъ дать ему не могу, такъ какъ я ему не вѣрю, и что нужно устроить такъ, чтобы платить Иліодору послѣ того, какъ книга будетъ уничтожена. Ржевскій согласился, и вопросъ шелъ только о томъ, чтобы дать ему нѣкоторую сумму впередъ на необходимые расходы. Эту сумму брать изъ Департамента Полиціи я не хотѣлъ, такъ какъ за все время своего управленія министерствомъ я не подписалъ ни одной ассигновки на суммы Департамента Полиціи, и, если бы теперь я это сдѣлать впервые для Ржевскаго, то обратилъ бы общее вниманіе на то дѣло, которое нужно было сдѣлать въ большой тайнѣ. Поэтому я рѣшилъ написать министру финансовъ письмо о выдачѣ Ржевскому валюты на 5000 руб. Вотъ этимъ письмомъ и хотѣлъ теперь воспользоваться, какъ уликой противъ меня, но Вы, конечно, понимаете, что если бы министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшился на какое-нибудь преступное дѣяніе, то онъ не оставлялъ бы такого яркаго слѣда, какъ официальное письмо. Но такъ какъ я дѣйствовалъ въ глубокомъ сознаніи своей правоты, то мнѣ и не приходилось задумываться надъ выдачей Ржевскому валюты. Ржевскій поѣхалъ въ Норвегію, но по дорогѣ, къ сожалѣнію, наскандалилъ: какого-то жандарма обругалъ хамомъ и т. п. Когда же по этому поводу былъ составленъ протоколъ, то онъ заявилъ, что онъ является моимъ чиновникомъ и имѣетъ важную миссію. Вотъ этотъ протоколъ, который, очевидно, долженъ былъ немедленно быть мнѣ показанъ, на случай, если дѣйствительно Ржевскій мой чиновникъ и поѣхалъ по моему порученію, былъ отъ меня скрытъ, и узналъ я о немъ много времени спустя, когда Ржевскій былъ уже аресто-

ванъ. Когда Ржевскій вернулся, онъ мнѣ сообщилъ, что дѣло съ Илюдоромъ онъ устроилъ и при томъ такъ, что Илюдору не надо сразу платить всѣхъ денегъ, а по 5000 рублей за годъ молчанія: прошелъ годъ молчанія — получи 5000 р., еще годъ — еще 5000 р., ну, а тамъ, когда война кончится, — печатай, что хочешь. Между тѣмъ, ко времени возвращенія Ржевскаго ко мнѣ стали поступать заявленія съ фронта о томъ, что Ржевскій обвиняется въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ — шантажахъ, растратахъ, мошенничествахъ и т. д. Возникъ вопросъ объ арестѣ Ржевскаго и вотъ тутъ его кто-то предупредилъ о предстоящемъ обыскѣ. Узнавъ объ этомъ, Ржевскій, чтобы какъ-нибудь спастись, рѣшилъ написать Распутину, что я подготавливаю покушеніе на его жизнь черезъ посредство Илюдора; такъ какъ я своихъ чувствъ по отношенію къ Распутину не скрывалъ, и направо и налѣво открыто говорилъ, что ему было бы лучше при Царѣ Небесномъ, чѣмъ при царѣ земномъ, и такъ какъ послѣ покушенія, произведеннаго на него этой глупой бабой, Распутинъ сталъ чрезвычайно подозрителенъ, то онъ всему и повѣрилъ. Между тѣмъ, благодаря тому, что Ржевскій былъ предувѣдомленъ объ обыскѣ и арестѣ, всѣ документы, уличающіе его, были уничтожены, и, напротивъ, всѣ документы, которыми онъ надѣялся меня скомпрометтировать, были подобраны и находились на самомъ видномъ мѣстѣ: приходи и получай. Между прочимъ, при обыскѣ найдено было запечатанное письмо на мое имя. Какъ Вы думаете, что должны жандармы сдѣлать, найдя письмо, запечатанное, на имя шефа жандармовъ? Въ зубахъ они должны его доставить немедленно шефу жандармовъ, какъ реликвию оберечь его, — а они письмо это вскрыли и подшили его къ дѣлу.

Послѣ этого я узнаю, что противъ меня возбуждается какое-то разслѣдованіе; я прошу объ аудіенціи — мнѣ отказываютъ; тогда я размышляю, что я вѣдь не только министръ, а еще и членъ Гос. Думы и ношу придворное званіе, поэтому я долженъ все подробно сообщить съ одной стороны — предсѣдателю Гос. Думы, съ другой — министру Императорскаго Двора. Къ послѣднему я успѣлъ съѣздить и рассказать, но къ предсѣдателю мнѣ уже не пришлось поѣхать, потому что меня немедленно при-
няли.

Министръ на этомъ остановился, и мы ему задали вопросъ: — Такъ, значитъ, на этомъ все дѣло и кончилось?

— Да, — отвѣтилъ А. Н. Хвостовъ, — кончилось, но засимъ Илюдоръ прислалъ телеграмму на имя Распутина; если она Васъ интересуетъ, то вотъ она, — и изъ лежащей передъ нимъ папки министръ вынулъ бумажку, на которой была написана копія упомянутой телеграммы, приблизительно такого содержанія: «Григорію Распутину. Петроградъ. Гороховая, № . Имѣю убѣдительныя доказательства покушеній высокихъ лицъ твою жизнь. Пришли довѣренное лицо. Труфановъ».

— Ну, и что же было послѣ полученія этой телеграммы?— спросили мы.

— Послѣ этой телеграммы,—отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ,—стали искать довѣренное лицо и, наконецъ, нашли его. Это лицо Вамъ, вѣроятно, небезызвѣстно,—это генераль Спиридовичъ.

Замѣтивъ на нашихъ лицахъ недоумѣніе, А. Н. Хвостовъ съ дѣланымъ смѣхомъ сказалъ:

— Не смотрите такъ трагически на все это, тутъ надо смотрѣть весело, не иначе.

— Но, вѣдь, Вы же собственно хотите сказать, что противъ министра внутреннихъ дѣлъ ведется разслѣдованіе въ покушеніи его на убійство?

— Ну,—отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ,—мнѣ говорятъ, что это меня не касается, что нужно разслѣдовать всѣ подробности; но, если хотите, это дѣйствительно такъ. Гришка на меня очень золъ. Я прежде не вмѣшивался въ его поведеніе, но потомъ убѣдился, что онъ принадлежитъ къ международной организаціи шпіонажа, что его окружаютъ лица, которые состоятъ у насъ на учетѣ и которые неизмѣнно являются къ нему, какъ только онъ вернется изъ Царскаго, и подробно у него все выспрашиваютъ. Я счелъ себя обязаннымъ объ этомъ доложить; но уже на другой день Гришкѣ обо всемъ было извѣстно, и онъ хвасталъ передъ филерами, что онъ меня прогонитъ. Теперь я поставилъ условіемъ: либо онъ уѣзжаетъ, либо я уйду. Мнѣ было категорически обѣщано, что на этой недѣлѣ его здѣсь не будетъ, но я не увѣренъ, что такъ случится. Вотъ эта недѣля, когда тамъ говѣютъ, для меня очень неудобна, потому что я не могу безпокоить и надоедать. А вчера у Наслѣдника случилось кровотеченіе; вызвали Гришку, такъ какъ онъ,—какъ это ни странно,—умѣетъ заговаривать кровь, какъ многіе мужики. Гришка отказался. Сегодня его прямо умоляли объ этомъ по телефону и онъ, наконецъ, согласился поѣхать туда въ 3 часа. Что-жъ будетъ послѣ этого—я не знаю; можетъ быть, часамъ къ 6 я получу письмо и покину эту квартиру.

— Но откуда Вамъ извѣстны всѣ подробности поведенія Распутина и даже телефонные разговоры съ нимъ?

А. Н. Хвостовъ смѣрилъ насъ презрительнымъ взглядомъ.

— Какъ откуда извѣстно? За нимъ установлено строжайшее наблюденіе: его охраняютъ, во 1-хъ, агенты Спиридовича, такъ какъ мнѣ не довѣряютъ; во 2-хъ агенты министерства внутреннихъ дѣлъ, и, наконецъ, свои агенты, которые за нимъ слѣдятъ. Такъ какъ онъ въ нихъ не разбирается и, опасаясь выѣзжать, сидитъ дома и скучаетъ, то онъ нерѣдко приглашаетъ ихъ всѣхъ къ себѣ чай пить и вступаетъ съ ними въ бесѣду. Какъ-то, напримѣръ, на вопросъ о томъ, почему онъ такой задумчивый, онъ отвѣтилъ агенту: «да, вотъ, все не могу рѣшить — созывать ли Думу или не созывать?» Филеры должны вести всѣ подробный дневникъ; затѣмъ эти дневники между собой сравниваются и то,

въ чемъ всѣ совпадаютъ и что представляетъ интересъ, вписывается въ журналъ. Этотъ журналъ, который содержитъ описаніе жизни Гришки чуть не по минутамъ, представляетъ совершенно исключительнаго интереса историческій документъ.

— А этотъ документъ принадлежитъ министерству или Вамъ?

— Нѣтъ, онъ принадлежитъ министерству. А другой экземпляръ хранится лишь здѣсь, въ моей памяти,—играя глазами, отвѣтилъ А. Н. Хвостовъ.

— А эти филеры докладываютъ Вамъ непосредственно?

— Нѣтъ они докладываютъ старшему агенту, который уже докладываетъ мнѣ.

— Но, значитъ, старшій филеръ приходитъ сюда, въ этотъ кабинетъ, и Вамъ непосредственно докладываетъ?

— Да,—отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ недоумѣвающе,—но это вѣдь статскій совѣтникъ.

— Объясните же намъ, Алексѣй Николаевичъ,—на чемъ основано такое вліяніе Распутина?

— На это я тоже могу Вамъ отвѣчать совершенно откровенно: я производилъ самое тщательное изслѣдованіе и убѣдился безусловно, что тутъ нѣтъ ничего неизменнаго. Гришка поразительный гипнотизеръ; на меня, вотъ, онъ не дѣйствуетъ, потому что у меня есть какая-то неправильность, что-ли, въ строеніи глазъ, и я не поддаюсь самому усиленному гипнотизму. Но вліяніе его настолько сильно, что ему поддаются въ нѣсколько дней и самые заматерѣлые филеры; на что ужъ, знаете ли, эти люди прошли огонь, воду и мѣдныя трубы, а чуть не черезъ каждые пять дней мы вынуждены мѣнять ихъ, потому что они поддаются его вліянію. Кромѣ того, тамъ производитъ сильное впечатлѣніе его простая рѣчь: они привыкли тамъ слышать только рабское «слушаю-съ» и вытягиваніе въ струнку,—и когда на этомъ фонѣ хитрый мужичекъ заговоритъ простымъ языкомъ, то это дѣйствуетъ очень сильно. А, наконецъ, какъ я Вамъ сказалъ,—это умѣніе останавливать кровь. Извѣстно же, какое отвратительное бываетъ настроеніе, когда идетъ кровь изъ носа: наступаетъ вялость, болитъ голова: онъ остановитъ кровь, погладитъ по головѣ, успокоитъ боль,—какъ же не испытывать къ нему чувства благодарности? Одна только великая княжна Ольга противъ него и на этой почвѣ происходятъ тяжелыя драмы. Вотъ на Рождество, на примѣръ, для него устраивали елку. Съ какой любовью сами ее убрали, наваѣшивали подарки, свѣчки; онъ былъ позванъ на 6 часовъ, но всю ночь кутилъ съ грязными дѣвками въ Виллѣ Роде; въ 9 час. утра его пьянѣ вина привезли домой, и онъ, какъ животное, свалился и безъ движенія лежитъ. Въ 3 часа агенты стали его будить:—«вставай, сукинъ сынъ, тебѣ во дворецъ надо ѣхать». А онъ только мычитъ въ отвѣтъ. Насилу его съ помощью нашатырнаго спирта и т. п. подняли. Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ этотъ мерзавецъ явился туда. Но тамъ онъ мгновенно преобразается и начинаетъ объяснять, что онъ всю ночь

не спалъ, молился, и что Николай Угодникъ будетъ намъ помогать. Они сами виноваты, что Распутинъ играетъ такую роль. Если ужъ онъ вамъ нуженъ,—назначьте ему 10 тыс. р. въ мѣсяцъ, что вамъ это стоитъ,—тогда бы онъ сидѣлъ себѣ спокойно и ни во что не вмѣшивался. Но тамъ вообще не имѣютъ понятія о деньгахъ. Приближать къ себѣ кого-нибудь, назначать его адъютантомъ или кѣмъ-нибудь такимъ и даютъ ему 2 тыс. р. въ годъ; такому молодцу двѣ тысячи въ мѣсяцъ нужно, онъ и идетъ служить въ банкъ, а банки даромъ деньги не платятъ. Вотъ точно также и Распутинъ. Теперь у насъ точно установлено, что онъ проводитъ самыя разнообразныя дѣла. Да, быть можетъ, даже и не столько онъ, сколько окружающая его клика самыхъ темныхъ дѣльцовъ. Вотъ, напримѣръ, Вы знаете, конечно, это дѣло смоленскихъ дантистовъ. Мы доподлинно знаемъ, что за помилованіе распутинцы взяли 30 тыс. руб., а самому Распутину изъ этого достались только шуба и шапка—велика корысть! Между нимъ и его свитой просходятъ часто ссоры. Но они умѣютъ его обойти и онъ тогда говоритъ:—«ну, поставимъ крестъ»,—и начинаетъ работать дальше.

— Неужели Вамъ извѣстно даже и то, что онъ во Дворцѣ говорить?

— Все должно быть извѣстно. А на-дняхъ предсѣдатель Совѣта министровъ мнѣ говорить по телефону, чтобы я его охранялъ, какъ зеницу ока, и что я отвѣчаю за него своей головой. Ну, это вообще возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, и я спрашиваю, какъ же я его долженъ охранять въ такомъ случаѣ? Мнѣ отвѣчаютъ: какъ Высочайшую Особу. Я попросилъ письменнаго распоряженія. Но мнѣ не дали. Жаль. Былъ бы очень интересный документъ.

— Но у Распутина,—спросили мы,—есть же соперники?

— Да,—отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ,—есть нѣсколько кандидатовъ, но они ничего не стоятъ. Гришка, вѣдь, это большая умница, а это все дребедень: этотъ Олегъ хочетъ взять монашескимъ ражемъ, Мардарій философствуетъ въ высокопоставленномъ обществѣ, но это все ничто. Тутъ каждая компанія имѣетъ своихъ кандидатовъ, которые только и ждутъ случая, если судьба Гришки будетъ рѣшена. Тогда начнутся истерики, меланхолія, и каждый разсчитываетъ пробраться. Почему бы и Вамъ, въ самомъ дѣлѣ, не намѣтить своего кандидата?—шутливо, прибавилъ министр.— Ну, хотя бы, напримѣръ, Бурсина?

На замѣчаніе, что онъ не годится, последовалъ отвѣтъ:

— Всякій годится.

— Ну, а Варнава какую роль играетъ?

— Варнава отстраненъ; они боятся его вліянія и поэтому Питиримъ съ Распутинимъ его отдалили, какъ удаляютъ всякихъ лицъ, которые могутъ ослабить ихъ вліяніе. О, Питиримъ это великій мерзавецъ, со своимъ секретаремъ Осипенко. Онъ явно стремится стать патріархомъ. И еще заставитъ о себѣ говорить.

Въ концѣ концовъ я бы могъ прекратить всю эту исторію. Вы знаете меня: я человѣкъ безъ задерживающихъ центровъ. Я люблю эту игру и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить, арестовать Распутина и выслать его на родину. Можетъ быть, не всякій жандармъ согласился бы исполнить мое приказаніе, но у меня есть люди, которые пошли бы на это. Но я не увѣренъ, что изъ этого выйдетъ: его могутъ вернуть съ дороги, за нимъ могутъ послать императорскій поѣздъ, могутъ сами выѣхать къ нему на встрѣчу,—его и безъ того собираются переселить во дворецъ, чтобы гарантировать безопасность. Не будь теперь войны, я бы всетаки это сдѣлалъ, но въ такое время я не могу допустить возможности такихъ послѣдствій.

— А зачѣмъ собственно Вы такъ добиваетесь его отъѣзда? Вѣдь онъ уважалъ уже нѣсколько разъ и возвращался назадъ. То же можетъ случиться и теперь.

— Да, чортъ его возьми, пускай потомъ возвращается. Мнѣ лишь бы теперь его не было здѣсь, во время вѣроятнаго оживленія съ наступленіемъ весной военныхъ дѣйствій. Вотъ въ это время пусть не будетъ здѣсь этотъ членъ шпіонской организаціи. Но пока что я доставляю себѣ удовольствіе: каждый день я обыскиваю и арестую кого нибудь изъ его приближенныхъ и секретарей. Вотъ извольте,—и министръ показалъ на лежащую передъ нимъ папку,—досѣе одного изъ обысканныхъ; это никто иной какъ Добровольскій, инспекторъ народныхъ училищъ; вотъ Вамъ—и министръ сталъ вынимать изъ папки документы и показывать намъ—вотъ Вамъ реестръ дѣлъ, которыя онъ проводилъ одной рукой официально, а другой дѣйствуя закулисно; вотъ Вамъ копіи прошеній на Высочайшее имя; вотъ Вамъ письма Гришки (министръ показалъ большой конвертъ, на которомъ характернымъ почеркомъ Распутина было написано: «Саблеру Владиміру Карловичу, оберъ-прокурору»). Къ сожалѣнію, мы его не сразу арестовали, а теперь уже не можемъ его получить къ допросу. Онъ—мы знаемъ доподлинно—засѣлъ въ Царскомъ, а полиція намъ отвѣчаетъ, что она не знаетъ, гдѣ онъ.

— Скажите же, пожалуйста,—спросили мы,—кто будетъ министромъ, если Вы выйдете въ отставку? Бѣлецкій?

— Нѣтъ,—живо возразилъ А. Н. Хвостовъ,—Вы напрасно противопоставляете меня Бѣleckкому. Я, конечно, очень недоволенъ Бѣleckкимъ, потому что, какъ видите, онъ не охранилъ моихъ интересовъ, но и тамъ имъ недовольны, потому что онъ точно также не сумѣлъ охранить Распутина.

— Однако, вѣдь говорятъ, что Распутинъ повторяетъ вслухъ: «Хвостовъ убивецъ, одинъ Степа хорошій».

Министръ и бровью не повелъ при этихъ словахъ, и также весело отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это онъ раньше говорилъ, а теперь ужъ и Степанъ никуда не годится. Нѣтъ, если я уйду, то будетъ министромъ

или самъ предсѣдатель Совѣта министровъ, — онъ очень этого желаетъ, яли Ширинскій-Шихматовъ.

На этихъ словахъ мы стали прощаться съ министромъ, извиняясь, что отняли у него такъ много драгоценнаго времени, онъ же намъ сказалъ, что, напротивъ, онъ очень радъ тому, что имѣлъ возможность все намъ рассказать, что время ему теперь совсѣмъ не дорого, потому что ровно ничѣмъ онъ заниматься не можетъ: «съ утра до вечера мы занимаемся только этимъ и больше ничѣмъ».

— Гдѣ ужъ тутъ Дума, — отвѣтилъ онъ на наше замѣчаніе, — я даже избѣгаю и показываться туда, ибо что же я могу сказать, если мнѣ поставятъ какой нибудь вопросъ?

Намъ остается добавить, что, когда мы вышли отъ министра, то въ пріемной оказалось очень много ожидающихъ, но что замѣчательно, что среди нихъ былъ и тотъ самый генералъ Спиродовичъ, который, по словамъ министра, назначенъ для разслѣдованія.

Подписано: *М. Суворинъ.*

І. Гессенъ.

(Изъ архива Всероссийскаго Общества редакторовъ и ежедневныхъ газетъ).

Убийство Распутина.

Официальное дознание.

Въ ночь на 17 декабря 1916 года былъ убитъ Григорій Распутинъ-Новыхъ. 17 декабря министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ предписалъ (за № 573) произвести слѣдствіе по дѣлу «объ исчезновеніи Григорія Ефимова Распутина» П. К. Попову, состоявшему въ должности генерала для порученій при Мин. Вн. Дѣлъ по званію главноначальствующаго надъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ. П. К. Поповъ началъ дознание, но 19 декабря онъ лично получилъ отъ директора департамента полиціи А. Т. Васильева распоряженіе прекратить дальнѣйшее производство дознанія. 23 декабря П. К. Поповъ представилъ всѣ акты своего дознанія Директору Департамента Полиціи, при слѣдующемъ рапортѣ (№ 694):

«Вслѣдствіе предписанія Его Высочайшаго Превосходительства г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 Декабря сего года за № 573, мною того-же числа была начата производствомъ переписка въ порядкѣ Военнаго Положенія по дѣлу исчезновенія Григорія Ефимова Распутина, при чемъ допрошены были слѣдующія лица: 1) Крестьянинъ Иванъ Григорьевъ Нефедовъ, 2) крестьянка Екатерина Иванова Потеркина, 3) крестьянка Матрена Григорьева Распутина, 4) крестьянка Варвара Григорьева Распутина, 5) дочь дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Марія Евгеньевна Головина, 6) Феликсъ Феликсовичъ Князь Юсуповъ, Графъ Сумароковъ-Эльстонъ. 7) потомственный почетный гражданинъ Флоръ Ефимовъ Ефимовъ, городской, 8) крестьянинъ Степанъ Фаддѣевъ Власюкъ, городской, 9) крестьянка Анна Николаева Распутина, 10) крестьянинъ Василій Федоровъ Кордюковъ, городской, 11) крестьянинъ Федоръ Кузьминъ Кузьминъ, городской, 12) крестьянинъ Федоръ Антоновъ Коршуновъ, дворникъ, 13) крестьянинъ Акимъ Кприлловъ Лазуновъ, дворникъ, 14) крестьянинъ Юліанъ Ивановъ Бобковъ, сторожъ, 15) крестьянка Марія Васильева Журавлева, швейцаръ.

Такъ какъ 19 сего декабря вечеромъ послѣдовало личное мнѣ распоряженіе Вашего Превосходительства о прекращеніи дальнѣйшимъ производствомъ означенной переписки, всѣ допросы и разслѣдованія по данному дѣлу мною были прекращены.

Въ виду сего при семъ имѣю честь представить Вашему Превосходительству 15 протоколовъ означенныхъ допросовъ.

Протоколъ № 1740.

1916 года декабря 17 дня Полиціей 4 участка Петроградской части составленъ настоящій протоколъ о нижеслѣдующемъ: сего числа въ 2 часа дня городской Курдюковъ зн. № 1876 заявилъ, что заступивъ на постъ № 2, онъ получилъ заявленіе отъ мостового сторожа Федора Кузьмина, что имъ получены свѣдѣнія отъ проходящихъ рабочихъ, имени ихъ не знаетъ, что на Большомъ Петровскомъ мосту имѣются слѣды крови, которые также имѣются и на устояхъ моста. Прибывъ на мѣсто случая, онъ дѣйствительно увидѣлъ упомянутые слѣды крови. Вслѣдствіе настоящаго заявленіе Полицейскій Надзиратель Асоновъ съ городovýmъ Курдюковымъ и сторожемъ Федоромъ Кузьминымъ прибылъ на мѣсто случая, гдѣ на основаніи 258 ст. Уст. Угол. Суд. произвелъ осмотръ, причемъ оказалось слѣдующее: дѣйствительно на Б. Петровскомъ мосту, на четвертомъ пролетѣ, на панели, имѣются слѣды крови небольшими крапинами, на деревянныхъ устояхъ моста тоже имѣются незначительные слѣды крови, тоже каплями, въ пространствѣ между устоями въ размѣрѣ 1½ аршинъ въ квадратѣ находится мужская галоша; теплый ботинокъ коричневаго цвѣта № 10, фирмы «Треугольникъ», на барьерѣ моста тоже имѣются слѣды крови на разстояніи полтора аршина, при розыскѣ въ водномъ пространствѣ противъ указаннаго въ протоколѣ мѣста, гдѣ вода еще не покрылась льдомъ и образовались промоины, ничего подозрительнаго не обнаружено. Извлеченная галоша «ботинокъ» сдана впредь до распоряженія сторожу Федору Кузьмину. О чемъ и записано въ сей протоколъ.

Полицейскій Надзиратель Асоновъ. Василій Курдюковъ зн. № 1876. Сторожъ Федоръ Кузьминъ.

Спрошенный сторожъ Б. Петровскаго моста Федоръ Кузьминъ, жив. въ д. № 14/1 по Петровскому пр. объяснилъ, что сего числа въ 12 часовъ дня онъ заступилъ на дежурство на упомянутомъ мосту, причемъ, обойдя мостъ, никакой крови не замѣтилъ, спустя около часа времени, находясь съ противоположной стороны моста, а именно, со стороны Крестовскаго Острова, получилъ заявленіе отъ проходящихъ неизвѣстныхъ ему рабочихъ, что около 4 пролета имѣются слѣды крови. Придя на мѣсто, указанное ему рабочими, онъ дѣйствительно увидѣлъ на панели, барьерѣ моста и устояхъ слѣды крови и между стѣнами устоя, внизу мужской ботинокъ. О случаѣ онъ заявилъ городovому Курдюкову. Самъ ничего не видѣлъ и больше по дѣлу ничего объяснить не можетъ. Сторожъ Федоръ Кузьминъ. Полицейскій Надзиратель Асоновъ.

Справка.

Коричневый ботинокъ № 10 фирмы Треугольникъ, найденный подъ Большимъ Петровскимъ мостомъ на Невѣ сего числа, въ 3 часа ночи, былъ предъявленъ дочерямъ розыскиваемаго Григорія

Распутина-Новаго, Марія и Варварѣ Распутинымъ-Новымъ, проживающимъ въ домѣ № 64 по Гороховой улицѣ; причемъ онѣ ботикъ признали за принадлежащій ихъ отцу, какъ по размѣру, такъ и по наружному его виду. Ботикъ также признали за принадлежащій Распутину-Новому, находившіеся въ квартирѣ два агента Охраннаго Отдѣленія, швейцариха и г-нъ Семоновичъ. 18-го Декабря 1916 года. Надзиратель Сыскной Полиціи Михайловъ.

П р о т о к о л ъ.

1916 года, Декабря «18» дня, въ г. Петроградѣ, я Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маюръ Поповъ на основаніи 23 ст. Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ:

Зовутъ меня—Феликсъ Феликсовичъ Князь Юсуповъ-графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Отъ роду имѣю 29 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое Проживаю—во Дворцѣ Великой Княгини Ксеніи Александровны въ г. Петроградѣ.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: съ Григоріемъ Ефимовымъ Распутинымъ я познакомился около пяти лѣтъ тому назадъ въ домѣ Маріи Евгеньевны Головиной. Въ послѣдующіе годы встрѣчался съ нимъ раза два въ домѣ Головиныхъ. Въ настоящемъ 1916 году встрѣтилъ его въ Ноябрь мѣсяцѣ тоже въ домѣ Головиныхъ, причемъ онъ произвелъ на меня гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Такъ какъ я чувствую боль въ груди и медицинское леченіе не приноситъ мнѣ осязательной пользы, я говорилъ по данному поводу съ Маріей Евгеньевной Головиной и она мнѣ посоветовала съѣздить на квартиру къ Распутину и съ нимъ поговорить, такъ какъ онъ многихъ излѣчилъ и сможетъ быть мнѣ полезнымъ. Въ концѣ Ноября я отправился къ Распутину вмѣстѣ съ Головиной, Распутинъ дѣлалъ надо мной пассы, послѣ которыхъ мнѣ показалось, что будто-бы наступило нѣкоторое облегченіе въ моей болѣзни. Во время моихъ послѣднихъ посѣщеній Распутина, послѣдній между прочимъ сказалъ мнѣ: «мы тебя совсѣмъ поправимъ, только нужно еще съѣздить къ цыганамъ, тамъ ты увидишь хорошихъ женщинъ и болѣзнь совсѣмъ пройдетъ». Эти фразы Распутина произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Около 10 Декабря Распутинъ позвонилъ ко мнѣ по телефону и предлагалъ поѣхать къ цыганамъ, но я отказался подъ предлогомъ, что у меня на другой день должны быть экзамены. Во время свиданій Распутинъ заводилъ разговоръ о моей супругѣ, гдѣ и какъ мы живемъ, и высказывалъ желаніе познакомиться съ моей супругой, на что я сказалъ уклончиво, что когда возвратится жена изъ Крыма, можно будетъ увидѣться, но самъ не хотѣлъ Распутина вводить въ свой домъ. Я отдѣлывалъ спѣшно помѣщеніе въ своемъ домѣ на Мойкѣ № 94 и Великій Князь Дмитрій Павло-

внѣ мнѣ предлагалъ устроить у себя вечеринку по случаю новоселья. Рѣшено было пригласить на эту вечеринку Владимира Митрофановича Пуришкевича, нѣсколько офицеровъ и дамъ изъ общества. По исполнѣ понятнымъ причинамъ я не хочу назвать фамиліи дамъ, бывшихъ на вечеринкѣ. Не хочу называть и фамилій офицеровъ, присутствовавшихъ на вечеринкѣ, такъ какъ это можетъ возбудить какіе либо толки и повредить этимъ офицерамъ, буквально ни въ чемъ невиновнымъ, по службѣ. Вечеринка была назначена на 16 Декабря. Чтобы не стѣснять дамъ, я приказалъ прислугѣ все приготовить для чая и ужина, а потомъ не входить. Большинство гостей должны были пріѣхать не съ параднаго подъѣзда дома № 94 по Мойкѣ, а съ бокового хода отъ дома № 92, ключъ отъ какового входа я имѣлъ лично. Я пріѣхалъ домой около 10 часовъ вечера и кажется, твердо не помню, вошелъ въ квартиру съ бокового хода отъ дома № 92. Въ столовой и кабинетѣ приготовлено было для гостей все въ исправности. Около 11½ часовъ вечера пріѣхалъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ, съ параднаго подъѣзда, а потомъ съѣхались и остальные гости. Всѣ дамы пріѣжали безусловно съ бокового подъѣзда отъ д. № 92, а какъ подъѣзжали мужчины, не помню. Собравшіеся пили чай, играли на рояли, танцовали и ужинали. Около 12½—1 часа ночи приблизительно я поднялся въ свой кабинетъ въ этомъ же помѣщеніи и тутъ раздался звонокъ. Оказалось, что по телефону говорилъ Распутинъ и приглашалъ меня пріѣхать къ цыганамъ, на что я отвѣтилъ, что не могу, такъ какъ у меня гости. Распутинъ совѣтовалъ бросить гостей и ѣхать, но я отказался. На вопросъ мой Распутину «откуда онъ говоритъ», онъ не хотѣлъ мнѣ сказать. Вопросъ этотъ я задалъ Распутину потому, что при разговорѣ по телефону слышны были голоса, шумъ и даже визжаніе женскихъ голосовъ, отчего я вывелъ заключеніе, что Распутинъ говоритъ не изъ дому, а изъ какого нибудь ресторана или отъ цыганъ. Послѣ этого разговора я спустился въ столовую къ гостямъ и сказалъ имъ: «Господа, сейчасъ со мной говорилъ Распутинъ и приглашалъ ѣхать къ цыганамъ», на что послѣдовали со стороны гостей шутки и остроты, предложеніе поѣхать, но всѣ остались и продолжали ужинать. Около 2½—3 часовъ ночи двѣ дамы пожелали ѣхать домой и вышли боковымъ ходомъ, съ ними уѣхалъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ. Когда они вышли, я услышалъ выстрѣлъ во дворъ, почему позвонилъ и приказалъ какому-то изъ служителей посмотреть. Возвратившійся служитель доложилъ, что всѣ уѣхали, и на дворѣ ничего нѣтъ. Тогда я самъ вышелъ во дворъ и во дворѣ увидѣлъ лежащую у рѣшетки убитую собаку. При моемъ выходѣ во дворъ отъ собаки скоро пошелъ на улицу какой-то субъектъ, одѣтый въ сѣрую рубаху, какъ бы въ военной формѣ, худошавый, хорошо разсмотрѣть его я не могъ вслѣдствіе темноты. Возвратившись въ квартиру, я приказалъ служителю убрать собаку со двора. Тутъ же я соединился по телефону съ Великимъ Княземъ Дмитриемъ

•

Павловичемъ и сталъ ему говорить объ убитой собакѣ, на что Его Императорское Высочество отвѣтилъ, что собаку убилъ онъ. На мои возраженія, что этого не слѣдовало дѣлать, такъ какъ произошелъ шумъ, является полиція и происходитъ огласка устроенной мною вечеринки съ дамами, Дмитрій Павловичъ отвѣтилъ, что это пустяки—не стоитъ обращать вниманіе. Послѣ этого я приказалъ позвать съ улицы городского, которому сказалъ, что если будутъ спрашивать о выстрѣлахъ—скажи, что убилъ собаку мой пріятель. Бывшій въ это время въ кабинетъ Пуришкевичъ сталъ что-то говорить городовому, что онъ говорилъ я полностью не слышалъ, слышалъ только, какъ онъ кричалъ «я членъ Государственной Думы Пуришкевичъ» и размахивалъ руками. Говоря объ убитой собакѣ, Великій Князь Дмитрій Павловичъ между прочимъ скавалъ, что, когда онъ стрѣлялъ, съ одной изъ бывшихъ съ нимъ дамъ сдѣлалось дурно. Не помню, какимъ ходомъ уѣхалъ отъ меня Пуришкевичъ. Я уѣхалъ изъ дома № 92 по Мойкѣ около 4 часовъ утра на автомобилѣ во дворецъ Великой Княгини Ксеніи Александровны, гдѣ я живу.

Утромъ 17 Декабря, намѣреваясь выѣхать въ Крымъ къ больной супругѣ, я хотѣлъ сообщить въ этомъ Маріи Евгеньевнѣ Головиной. При разговорѣ по телефону, она меня спросила «гдѣ Григорій Ефимовичъ», на что я отвѣтилъ, что не знаю, такъ какъ его не видѣлъ, а только говорилъ съ нимъ по телефону и онъ приглашалъ меня ѣхать къ цыганамъ. Тогда Головина мнѣ сообщила, что прислуга Распутина удостовѣряетъ, что около 1 часу ночи я увезъ Распутина изъ его квартиры. Но это глубокая ошибка, такъ какъ 16 Декабря ни днемъ, ни вечеромъ я у Распутина не былъ и всю ночь на 17 Декабря провелъ въ своемъ домѣ на Мойкѣ № 92, что могутъ удостовѣрить моя прислуга и бывшіе у меня гости. Все вышензложенное, во избежаніе роковыхъ ошибокъ, я счелъ нужнымъ сообщить 17 Декабря мѣстному Полиціймейстеру и Петроградскому Градоначальнику и Г. Министру Юстиціи. Отъ Полиціймейстера я узналъ, что по показаніямъ городского, Пуришкевичъ, будучи у меня въ кабинетѣ, говорилъ будто-бы какую то фразу о гибели Распутина. Поэтому я переговорилъ по данному поводу съ Пуришкевичемъ по телефону, и онъ мнѣ объяснилъ, что съ городовымъ онъ говорилъ что-то о Распутинѣ, но, будучи сильно выпивши, теперь не помнитъ, что именно говорилъ. Я думаю, что лица, организовавшія убійство Распутина, если дѣйствительно таковое произошло, глубоко обдумали планъ убійства и намѣренно связали мое имя и устраиваемый у меня вечеръ съ этимъ преступленіемъ. Подлинный подписали: Князь Феликсъ Феликсовичъ Юсуповъ-Графъ Сумароковъ. Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ.

Протоколъ.

1916 года, декабря 17 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ, на основаніи 23 ст.

Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованную, которая объяснила:

Зовутъ меня — Марія Евгеньевна Головина. Отъ роду имѣю 29 л., вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое — дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Камергера Высочайшаго Двора. Проживаю — Мойка 104.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 16 декабря настоящаго 1916 года я пріѣхала на квартиру Григорія Ефимовича Распутина около 12 часовъ дня и пробыла до 10 часовъ вечера. Ночью въ этотъ день Григорій Ефимовичъ никуда ѣхать видимо не собирался, но утромъ, будучи нѣсколько возбужденъ, сказалъ: «а я сегодня поѣду», куда пменно не сказалъ. Когда я стала просить дать мнѣ знать, если поѣдетъ, отъ отвѣтилъ что «не скажу». Я отвѣтила, что все равно я почувствую это, на что Григорій Ефимовичъ сказалъ «почувствуешь, но меня не найдешь». Весь этотъ разговоръ происходилъ въ шутиливомъ тонѣ, поэтому я никакого значенія ему не придавала. Уѣхала я домой около 10 ч. вечера. Большинство посѣщавшихъ его квартиру мужчинъ Григорій Ефимовичъ называлъ словомъ «миленькій». Словомъ «маленькій» я называла Князя Феликса Феликсовича Юсупова, Графа Сумарокова-Эльстонъ (молодого). Произошло это потому, что при одномъ изъ посѣщеній Князя Юсупова Григорія Ефимовича, дочери послѣдняго стали меня спрашивать «кто это», на что я имъ сказала, что это мой «маленькій другъ». Послѣ этого Князь Юсуповъ былъ извѣстенъ дочерямъ Распутина подъ словомъ «маленькій». Около 5 лѣтъ тому назадъ Князь Юсуповъ познакомился съ Распутинымъ у насъ на квартирѣ, послѣ того встрѣчался съ нимъ разъ или два опять у насъ на квартирѣ. Въ настоящемъ 1916 году Князь Юсуповъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ встрѣтилъ Распутина у насъ на квартирѣ, по словамъ Князя, Распутинъ произвелъ на него гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ въ прежніе годы. Такъ какъ Князь жаловался на боль въ груди, я посовѣтовала ему побывать на квартирѣ Распутина. Князь Юсуповъ ѣздилъ къ Распутину со мной два раза въ концѣ ноября и первыхъ числахъ декабря мѣсяца сего 1916 года, оставался оба раза у Распутина менѣе часа. Однажды при мнѣ Распутинъ просилъ Князя Юсупова свозить его куда нибудь къ цыганамъ. Поэтому, когда утромъ 17 декабря дочери Распутина мнѣ сказали по телефону, что Григорій Ефимовичъ ночью уѣхалъ съ «маленькимъ», т. е. съ Княземъ Юсуповымъ, я ихъ успокаивала, говоря, что беспокоиться тогда нечего. Я предполагала, что можетъ быть они уѣхали къ цыганамъ, какъ предполагали и сговаривались ранѣе. Инициатива этой поѣздки къ цыганамъ исходила отъ Григорія Ефимовича, послѣдній даже хотѣлъ предупредить то мѣсто, куда они собирались ѣхать. 17 декабря днемъ князь Юсуповъ былъ у меня и мнѣ говорилъ, что 16 декабря ночью къ нему позвонилъ Григорій Ефимовичъ и предлагалъ ѣхать къ цыганамъ, но князь отвѣтилъ, что у него гости и ѣхать въ этотъ день онъ не можетъ.

Возвратившись къ гостямъ послѣ этого разговора по телефону, князь Юсуповъ имъ сказалъ: «а знаете, кто ко мнѣ звонилъ, Распутинъ предлагалъ ѣхать вмѣстѣ къ цыганамъ». Самъ князь Юсуповъ вечеромъ и ночью 16 декабря Распутина, по его словамъ, не видѣлъ. Марія Евгеньевна Головина. Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ . . . на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованную, которая объяснила:

Зовутъ меня — Матрена Григорьева Распутина, отъ роду имѣю 19 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, званіе мое — крестьянка Тобольской губерніи, Тюменскаго уѣзда, села Покровскаго. Проживаю — въ г. Петроградѣ, на Гороховой улицѣ, въ д. № 64, кв. 20.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 16 декабря 1916 года, я въ семь часовъ вечера вышла изъ нашей квартиры и возвратилась около 11 часовъ вечера. Когда я уходила спать, отецъ мнѣ сказалъ, что ночью онъ уѣдетъ въ гости къ «маленькому». Подъ именемъ «маленькаго» отецъ подразумѣвалъ князя Юсупова, онъ всегда такъ его называлъ. Потомъ я легла спать и не видѣла — пріѣзжалъ ли «маленькій» и уѣхалъ ли вмѣстѣ съ отцомъ. Сказавъ объ этомъ визитѣ къ Юсупову, отецъ мнѣ приказалъ ничего не говорить объ этой поѣздкѣ Маріи Евгеньевнѣ Головиной. Отецъ мнѣ разъяснилъ, что Головина можетъ увязаться съ нимъ, а Юсуповъ не хотѣлъ, чтобы Марія Евгеньевна пріѣзжала къ нему. 17 Декабря утромъ къ намъ на квартиру явилась охранныя полиція и стала спрашивать, «гдѣ отецъ», мы всѣ заволновались и начали звонить Маріи Евгеньевнѣ Головиной. Последняя отвѣтила, что если отецъ уѣхалъ съ «маленькимъ», то беспокоиться нечего, видимо спятъ и скоро Григорій Ефимовичъ вернется домой. Въ 11 часовъ Марія Евгеньевна пришла къ намъ, у насъ набралось уже много посѣтителей; чтобы не предавать гласности исчезновеніе отца, я пошла съ Маріей Евгеньевной въ фруктовую лавку и оттуда стала звонить къ князю Юсупову, но послѣдній уже выѣхалъ изъ дому. Около 12 часовъ дня или въ часъ дня къ намъ на квартиру позвонилъ князь Юсуповъ, я узнала его по голосу. Съ нимъ говорила Марія Евгеньевна на англійскомъ языкѣ. Послѣ этого разговора Марія Евгеньевна очень заволновалась и уѣхала домой, сказавъ, что князь пріѣдетъ къ ней. Спустя часъ времени, я съ сестрой поѣхала на квартиру Головиной, гдѣ послѣдняя намъ сказала, что князь Юсуповъ кланется, что за отцомъ онъ не пріѣзжалъ и ночью на 17 декабря отецъ у него не былъ. Послѣ этого Марія

Евгеніевна приходила къ намъ на квартиру съ матерью и обѣ плакали. Князя Юсупова я видѣла у насъ на квартирѣ одинъ разъ — приблизительно дней 5—6 тому назадъ, слѣдовательно около 12 Декабря сего года. Примѣты князя слѣдующія: выше средняго роста, худощавый, блѣдный, длинное лицо, подъ глазами большіе синяки, шатень, не помню, есть ли у него усы и борода. Матрена Григорьевна Распутина. Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ.

¶Протоколъ.

1916 года, декабря 18 дня, въ гор. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ, на основаніи 23 ст. Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованную, которая объяснила. Зовутъ меня—Варвара Григорьевна Распутина. Отъ роду имѣю 16 л., вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое—крестьянка Тобольской губерніи, Тюменскаго уѣзда, Покровской волости. Проживаю—въ гор. Петроградѣ на Гороховой улицѣ д. № 64 кв. 20.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 16 декабря сего года я вмѣстѣ съ сестрой Матреной уходила въ гости и возвратилась около 11 часовъ вечера. Отецъ мнѣ ничего не говорилъ, что въ эту ночь онъ собирается ѣхать куда нибудь въ гости. Отца мы застали дома, потомъ легли спать, и я не видѣла, съ кѣмъ и куда именно уѣхалъ отецъ. Князя Юсупова я знаю, онъ ранѣе мнѣ былъ извѣстенъ подъ кличкой «маленькій», такъ его называлъ отецъ, я знала только, что «маленькій» женатъ на Великой Княжнѣ Иринѣ Александровнѣ, а по фамиліи его я узнала только по исчезновеніи отца. 17 декабря, когда отецъ не возвратился домой, мы заволновались, стали звонить Маріи Евгеніевнѣ Головиной, она пріѣхала къ намъ и мы были у нея на квартирѣ, сначала она насъ успокаивала, а потомъ, переговоривши съ княземъ Юсуповымъ, сама заволновалась. Болѣе ничего по дѣлу я не знаю. Варвара Распутина-Новая. Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель на основаніи 23 ст. Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ, объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованную, которая объяснила:

Зовутъ меня Распутина Анна Николаевна. Отъ роду имѣю 17 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое кр. Тобольской г., Тюменскаго уѣзда., Покровской вол. и села. Проживаю Гороховая д. № 64 кв. 20.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 16 декабря около часу мой дядя Григорій Ефимовичъ возвратился изъ бани и легъ спать. Въ этотъ день къ дядѣ приходило немного людей, которые и раньше приходили. Часовъ въ 10 вечера пришла полная блондинка, которую звали «сестра Марія», хотя она и не сестра милосердія. Въ началѣ перваго часа ночи дядя легъ на кровать, не раздѣваясь. Я и постоянно живущая у насъ «Катя» (Екатерина Пвановна Печеркина) подошли къ дядѣ и спросили его, почему онъ не раздѣвается. На это дядя отвѣтилъ: «сегодня я поѣду къ маленькому». Послѣ этого я легла спать и не слыхала, когда и съ кѣмъ дядя уѣхалъ. «Маленькимъ» дядя называлъ князя Юсупова, который былъ у насъ раза 2—3. На другой день въ 8 часовъ утра я позвонила «Мунѣ», Маріи Евгеньевнѣ Головиной и спросила ее, гдѣ дядя, такъ какъ онъ до сихъ поръ еще не возвратился домой отъ «маленькаго», и попросила ее позвонить туда, пбо я не знала его телефона. Часовъ въ 11 утра М. Е. Головина пріѣхала къ намъ и сказала, что она звонила къ князю Юсупову, но тамъ еще спятъ. Спустя такъ полъ-часа мы опять позвонили къ князю Юсупову, но оттуда отвѣтили, что князь уже выѣхалъ. Около 12 или 12½ кто-то позвонилъ къ намъ на квартиру и попросилъ пригласить къ телефону М. Е. Головину. Она подошла и стала говорить по англійски. Съ кѣмъ она говорила, мы не знаемъ, но полагаемъ, что это былъ князь Юсуповъ. Часа въ 2 дня М. Е. Головина уѣхала отъ насъ. Въ 5 часовъ дня М. Е. Головина пріѣхала съ матерью; онѣ были встревожены и плакали. Прочитано. Анна Николаева Распутина. Подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованную которая, объяснила.

Зовутъ меня Журавлева Марія Васильевна. Отъ роду имѣю 28 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое кр. Петроградской г., Гдовскаго уѣзда, Вижищейской вол., д. Козловъ-Берегъ, состоитъ на должности швейцара д. № 64 по Гороховой ул. Проживаю Гороховая д. № 64.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: въ домѣ № 64 по Гороховой улицѣ я служу около 12 лѣтъ, и послѣдніе два года исполняю обязанности швейцара. 16 декабря я видѣла Григорія Распутина только одинъ разъ, когда онъ въ 3 часа дня возвратился изъ бани, куда онъ отправился по черному ходу. Съ утра онъ никого не принималъ, такъ какъ былъ сильно пьянъ. Даже еще изъ бани возвратился въ невольнѣ трезвомъ видѣ. Съ 3 часовъ до 12 ночи приходило не больше 7 человѣкъ, которые и раньше бывали. Только часовъ въ 10 вечера пришла одна дама,

которую я раньше не видѣла. и пробывъ у Распутина до 11 часовъ, ушла Примѣты этой дамы: блондинка, лѣтъ 25, в. среднего роста, средней полноты. Одѣта была въ пальто— «клешъ» темно коричневаго цвѣта и такого же цвѣта, только немного темнѣе, ботинки, на головѣ у нея была черная шляпа, безъ вуали. Когда я запирала въ 12 часовъ ночи парадную дверь, то Григорій Распутинъ былъ дома. Когда и съ кѣмъ именно онъ вышелъ изъ дому—не знаю, такъ какъ прошелъ по черной лѣстницѣ. Прочитано. На подлинномъ написано: Неграмотная. Подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель, на основаніи 23 ст. Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ:

Зовутъ меня Бобковъ Юліанъ Ивановичъ. Отъ роду имѣю 22 г., вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое кр. Минской г., Новгородскаго у., Герниковской вол., с. Вольно, состоить сторожемъ д. № 94 по Мойкѣ. Проживаю Мойка д. № 94.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Я состою сторожемъ въ домѣ № 94 князя Юсупова. Съ 9 ч. вечера до 6 утра съ 16 на 17 декабря я дежурилъ возлѣ дома № 94. Около 3 часовъ ночи я услыхалъ два негромкихъ выстрѣла со стороны Прачешнаго переулка. На эти звуки я не обратилъ никакого вниманія, полагая, что трещить моторъ или же водосточныя трубы. Въ то время, какъ раздались эти выстрѣлы или трескъ, я находился возлѣ д. № 96 и сейчасъ же пошелъ къ дому № 94. Осмотрѣвъ улицу около этого дома и дворъ дома № 92 черезъ заборъ и не найдя ничего подозрительнаго, я опять сталъ ходить вдоль панели отъ дома № 94 до № 96. До 6 ч. утра я не видѣлъ приѣзда и отѣзда какихъ либо автомобилей отъ параднаго хода дома № 94. Зрѣніе у меня очень плохое, такъ какъ я раненъ на войнѣ. Никакого крика, будто бы раздавашагося послѣ выстрѣловъ, я не слышалъ. Больше ничего не могу сказать. Прочитано. Бобковъ. Подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года, декабря 18 дня, въ Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель, на основаніи 23 ст. Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ: Зовутъ меня Лазуковъ Акимъ Кирпilloвъ. Отъ роду имѣю 19 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, званіе мое кр. Рязанской губерніи, Егорьевскаго уѣзда, Волосницкой волости, села Вышъ-Городъ, состоить дворникомъ д. 92. Проживаю Мойка д. № 92.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: я состою дворникомъ

дома № 92 по Мойкѣ. Въ ночь на 17 Декабря съ 2 часовъ ночи я сталъ чистить панель около этого дома. Около 3 часовъ ночи я услышалъ два негромкихъ выстрѣла, какъ бы со стороны Максимиліановскаго переулка, это стрѣляли не возлѣ домовъ №№ 92 или 94; никакого автомобиля возлѣ этихъ домовъ не было въ это время. Черезъ нѣсколько времени подошелъ ко мнѣ постовой городской и спросилъ меня, здѣсь ли стрѣляли. Я отвѣтилъ, что здѣсь я не слышалъ выстрѣловъ, а звукъ доносился со стороны Максимиліановскаго переулка. Когда я разговаривалъ съ городovýmъ, то Князь Юсуповъ съ Бужинскимъ не подходилъ къ намъ и городской съ ними не разговаривалъ. Больше ничего не могу показать. Прочитано. Неграмотенъ. Подлинный подписалъ: Подполковникъ Попель.

Протоколъ,

1916 года декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ.

Зовутъ меня Коршуновъ, Федоръ Антоновъ. Отъ роду имѣю 30, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое кр. Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Прудовской волости, дер. Иванцево, дворникъ. Проживаю Гороховая д. № 64.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Я состою дворникомъ въ д. № 64 по Гороховой улицѣ. Въ ночь на 17 декабря я былъ дежурнымъ и находился на улицѣ у воротъ этого дома. Приблизительно въ началѣ второго часа ночи къ воротамъ подъѣхалъ большой автомобиль защитнаго цвѣта, съ брезентовымъ верхомъ и окнами изъ «небьющагося стекла», сзади была прикрѣплена запасная шина. Автомобиль пріѣхалъ по направленію отъ Фонтанки и, сдѣлавъ поворотъ въ ту же сторону, остановился. Изъ автомобиля вышелъ неизвѣстный мнѣ человекъ, который прямо направился въ калитку. На мой вопросъ, къ кому онъ идетъ, отвѣтилъ: «къ Распутину». Я открылъ калитку и сказалъ: «вотъ парадная дверь», но неизвѣстный отвѣтилъ, что пойдетъ по черному ходу. Затѣмъ онъ быстро и прямо направился къ этому ходу. По всему было видно, что этотъ человекъ очень хорошо зналъ расположеніе этого дома. Минутъ черезъ 30 неизвѣстный вышелъ съ Г. Е. Распутинымъ и сѣвъ въ автомобиль, уѣхали по направленію къ Фонтанкѣ. Этого человека я раньше не видѣлъ. Примѣты неизвѣстнаго: выше средняго роста, средняго тѣлосложенія, лѣтъ 30, съ небольшими черненькими усиками, безъ бороды, кажется, безъ очковъ, былъ одѣтъ въ (большой) длинной оленьей дохѣ (шерсть наружу), на головѣ черная шапка, которую я не разглядѣлъ хорошо. На ногахъ у него были одѣты высокіе сапоги. Шоферъ выглядѣлъ нѣсколько старше неизвѣстнаго, лѣтъ ему было около 35, съ черными средней величины

усами безъ бороды: одѣтъ былъ въ черномъ пальто съ барашковымъ воротникомъ, въ мѣховой шапкѣ и красныхъ длинныхъ перчаткахъ. Уѣхавъ, Г. Е. Распутинъ не возвращался домой. Прочитано. Коршуновъ. Подлинный подписалъ подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ подполковникъ Попель на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ:

Зовутъ меня Кузьминъ, Федоръ Кузьминъ. Отъ роду имѣю 48 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое кр. Новгородской г., Боровичскаго уѣзда, Николо-Мошенской вол. д. Лянино. Проживаю Петровскій пр., д. № 11/1, кв. 11.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 17 декабря въ 12 ч. дня я заступилъ на дежурство на Б. Петровскомъ мосту. Около 2 ч. дня ко мнѣ подошли два неизвестныхъ мнѣ рабочихъ и заявили мнѣ о видѣнныхъ ими слѣдахъ крови на мосту. Я пошелъ съ ними и увидѣлъ, что на панели и на брусу перилъ, а также и на одномъ устоѣ имѣются кровяныя пятна; кромѣ того, на льду возлѣ устоя моста лежала одна калоша темно-коричневаго цвѣта. На устоѣ были видны небольшія капли крови, а не пятна. Въ 2 ч. дня я по приказанію околочнаго Асонова досталъ калошу и взялъ ее къ себѣ на храненіе до 12 ч. ночи, когда ее потребовали въ 4 Петроградскій участокъ. Я съ постовымъ городовымъ Кордюковымъ отнесъ туда ее. Прочитано. Подлинный подписалъ: Федоръ Кузьминъ. Подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года, декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованную, которая объяснила:

Зовутъ меня — Екатерина Ивановна Потеркина. Отъ роду имѣю 29 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое — крестьянка Тобольской губерніи и уѣзда, Кураковской волости, д. Лавбины. Проживаю въ г. Петроградѣ на Гороховой улицѣ, д. № 64 кв. 20.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 16 декабря сего 1916 года у Григорія Ефимовича Распутина былъ небольшой приемъ, народу постороннихъ не было, всего за день перебивало не болѣе 10 человекъ; изъ посѣтившихъ въ этотъ день Распутина я помню только одну Марію Евгеньевну Головину, которая пришла около 12 часовъ дня, а около 9 часовъ вечера ушла домой. Въ 9 часовъ вечера, кромѣ Григорія Ефимовича и его

семья, никого въ квартирѣ не было. Около 11 часовъ вечера дѣти Распутина — дочери Марія и Варвара Распутины и племянница Анна Николаевна Распутина стали ложиться спать, а самъ Распутинъ лежалъ на своей кровати одѣтый и въ сапогахъ. Я спросила Григорія Ефимовича — что Вы не раздѣваетесь, на что онъ отвѣтилъ: «я сегодня ночью ѣду въ гости». Когда я спросила «къ кому», Распутинъ отвѣтилъ «къ маленькому, онъ за мной заѣдетъ» и приказалъ ложиться спать. По фамиліи «маленькаго» я ранѣе не знала, только слышала отъ Григорія Ефимовича, что маленький — мужъ Великой Княгини Ирины Александровны, послѣ же исчезновенія Распутина въ послѣдніе два дня я узнала, что фамилія «маленькаго» князь Юсуповъ. Этотъ «маленькій» бывалъ въ квартирѣ Распутина два раза — около 20 ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, и въ первыхъ числахъ декабря сего 1916 года, приблизительно за недѣлю до исчезновенія Распутина. Оба раза онъ приходилъ вмѣстѣ съ Маріей Евгеньевной Головиной чернымъ ходомъ и въ штатскомъ платьѣ. Хотя Григорій Ефимовичъ и приказалъ мнѣ спать, но я ушла въ кухню, но не уснула. Распутинъ надѣлъ шелковую голубую рубашку, вышитую васильками, но не могъ застегнуть всѣ пуговицы на вороту и пришелъ ко мнѣ въ кухню, я ему пуговицы застегнула. Въ это время съ чернаго хода раздался звонокъ; Распутинъ самъ открылъ дверь. Входящій спросилъ «что никого нѣтъ», на что Григорій Ефимовичъ отвѣтилъ: «никого нѣтъ и дѣти спать, иди миленькій». Оба прошли по кухнѣ мимо меня въ комнаты, а я въ это время находилась за перегородкой кухни для прислуги и, отодвинувши занавѣску, видѣла, что пришелъ «маленькій» т. е. извѣстный мнѣ, какъ мужъ Ирины Александровны. Въ какомъ пальто и шапкѣ былъ «маленькій», я не замѣтила, а только узнала его въ лицо; не могу сказать, былъ ли приподнять у него воротникъ пальто. Вскорѣ Распутинъ сталъ выходить черезъ кухню, я въ это время лежала уже въ постели. Григорій Ефимовичъ тихо сказалъ, что парадную дверь онъ заперъ, выйдетъ черезъ черный ходъ и этимъ же ходомъ и вернется, и приказалъ за собой дверь запереть. На всѣ эти приказанія я, лежа въ постели, отвѣтила «хорошо» и, когда они вышли, заперла дверь. Съ тѣхъ поръ Григорія Ефимовича я не видѣла. 17 декабря около 8 часовъ утра въ квартиру Распутина явилась охранная полиція и стала опрашивать «гдѣ Григорій Ефимовичъ». Тогда вся семья всполошилась и стали звонить Маріи Евгеньевнѣ Головиной, которая сначала отвѣтила, что ничего не знаетъ, но просила не беспокоиться. Въ 11 часовъ Головина явилась на квартиру Распутина, просила подождать до 12 часовъ, бѣгала въ фруктовый магазинъ для разговора по телефону, а потомъ говорила по телефону изъ квартиры Распутина съ кѣмъ то на англійскомъ языкѣ. Потомъ уѣхала, сказавъ, что тамъ она узнаетъ все и вернется. Вернулась Головина около часу дня съ матерью и заявила такъ, что «маленькій» говорилъ, что онъ за Распутинымъ

не прїѣзжалъ и у него Распутинъ не былъ. Когда я стала говорить почему «маленькій» отказывается, когда я сама видѣла его прїѣздъ за Григоріемъ Ефимовичемъ, Головина сказала—«можетъ быть Вы и Григорій Ефимовичъ ошиблись, а подъ видомъ «маленькаго» прїѣзжалъ кто нибудь другой». Послѣ этого случая Марія Евгеньевна Головина къ намъ не приходила. Примѣты «маленькаго» слѣдующія: довольно высокаго роста, худенькій, лицо тонкое, носъ прямой, волосы темные, усовъ и бороды нѣтъ, подъ глазами синева.

Все записано правильно съ моихъ словъ, за неграмотную по личной ея просьбѣ росписалась Анна Николаевна Распутина. Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ.

Протоколъ.

1916 года, декабря 17 дня, въ гор. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, Генераль-Маіоръ Поповъ, на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ:

Зовутъ меня — Иванъ Григорьевъ Нефедовъ. Отъ роду имѣю—39 лѣтъ, вѣроисповѣданія молоканской секты. Званіе мое—крестьянинъ Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда, Бетнинской волости, д. Рудакова. Проживаю въ гор. Петроградѣ, рядовой 2-го запаснаго баталіона, состою деньщикомъ при Генераль-Адъютантѣ Князѣ Юсуповѣ Графѣ Сумароковѣ-Эльстонѣ.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 16 декабря сего 1916 года около 5 часовъ вечера молодой Князь Феликсъ Феликсовичъ мнѣ приказалъ—«сегодня у меня будутъ гости, накрой въ столовой внизу все, что нужно — къ 10 часамъ вечера» и уѣхалъ, послѣ этого я Князя въ тотъ вечеръ не видѣлъ до ночи. Я приготовилъ въ столовой все, что нужно—чай, вина, фрукты на 7 или 8 персонъ, такъ какъ это число мнѣ указалъ Князь. Все было готово къ 10 часамъ вечера. Въ парадномъ подъѣздѣ д. № 94, выходящемъ на Мойку, находились попеременно я и смотритель дома Бужинскій. При мнѣ въ этотъ вечеръ черезъ парадный ходъ въ столовую и кабинетъ князя никто не проходилъ. Около 11 или 12 часовъ вечера я ненадолго отлучился изъ параднаго подъѣзда, а когда возвратился, Бужинскій, мнѣ сказалъ, что прїѣхалъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ и прошелъ въ столовую внизу. Просидѣли мы съ Бужинскимъ въ парадной до 4 часовъ утра и въ это время ни одинъ изъ насъ въ столовую не входилъ, такъ какъ Князь предупредилъ, что будутъ дамы и не приказалъ туда входить. Гости прїѣзжали съ бокового подъѣзда отъ д. № 92 и входили прямо въ столовую и въ кабинетъ Князя, слышно было только хлопанье двери и игру граммофона. Ключъ отъ этого бокового подъѣзда Князь Юсуповъ всегда имѣлъ при себѣ. Было ранѣе еще два-три случая такихъ вечеринокъ у

Князя и прислуга тоже въ столовую и кабинетъ не ходила. Никакихъ выстрѣловъ ни въ столовой, ни на улицѣ въ ночь на 17 декабря я не слышалъ. Около 4 часовъ утра раздался звонокъ, по коему я вошелъ въ кабинетъ Князя, гдѣ гостей уже не было, а Князь мнѣ сказалъ: «сходи во дворъ, посмотри, что тамъ такое случилось». Я вышелъ черезъ боковой ходъ во дворъ д. № 92, но тамъ никого уже не было, и я ничего не замѣтилъ, о чемъ я и доложилъ Князю. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять мнѣ позвонилъ и приказалъ еще посмотрѣть на дворъ, такъ какъ тамъ лежитъ убитая собака. Я вышелъ черезъ боковую дверь во дворъ дома № 92 и этотъ разъ увидѣлъ лежащую у рѣшетки собаку, которую я поднялъ и оттащилъ въ садъ дома Юсупова, гдѣ она лежитъ и въ настоящее время. Послѣ этого самъ Князь вышелъ въ парадный подъездъ и приказалъ позвать городского, что я исполнилъ. Приведенный городской прошелъ въ кабинетъ Князя, какой тамъ былъ разговоръ, я не знаю. Былъ ли въ это время кто нибудь въ кабинетъ Князя, я не знаю. Затѣмъ я ушелъ спать и какъ уѣхалъ Князь, не видалъ. Утромъ 17 декабря столовую убиралъ я, все въ столовой было въ порядкѣ; судя по количеству выпитаго вина, бывшіе ночью гости должны были уѣхать изрядно выпивши. Князь Юсуповъ также былъ въ тотъ вечеръ навеселѣ. Убитая собака—дворняжка въ домѣ Юсупова. Болѣе ничего показать не имѣю. Иванъ Григорьевъ Нефедовъ. Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Генераль-Маіоръ Поповъ.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня, въ гор. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель, на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ.

Зовутъ меня Степанъ Федосѣевъ Власокъ. Отъ роду имѣю 48 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое крестьянинъ Кіевской губерніи, Бердичевского уѣзда, Мало-Черныякинской волости. с. Овечачево, состоящій городовымъ 3-го участка Казанской части. Проживаю Офицерская д. № 28 кв. 16.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Въ ночь съ 16 на 17 декабря я стоялъ на посту на углу Прачешнаго и Максиміліановскаго переулковъ. Около 4 часовъ ночи я услыхалъ 3—4 быстро послѣдовавшихъ другъ за другомъ выстрѣла. Я оглянулся кругомъ, все было тихо. Мнѣ послышалось, что выстрѣлы раздались со стороны правѣ нѣмецкой кирхи, что по Мойкѣ, поэтому я подошелъ къ Почтамтскому мостику и подозвалъ постового городского Ефимова, стоявшаго на посту по Морской улицѣ около дома № 61. На мой вопросъ, гдѣ стрѣляли, Ефимовъ отвѣтилъ, что стрѣляли на «Вашей сторонѣ». Тогда я подошелъ къ дворнику дома № 92 по Мойкѣ и спросилъ его, кто стрѣлялъ. Дворникъ, фамилія его не знаю, но лицо его мнѣ извѣстно, отвѣтилъ, что

никаких выстрѣловъ не слыхалъ. Въ это время я увидѣлъ черезъ заборъ, что по двору этого дома идутъ по направленію къ калиткѣ два человѣка въ кителяхъ и безъ фуражекъ. Когда они подошли, то я узналъ въ нихъ Князя Юсупова и его дворецкаго Бужинскаго. Послѣдняго я тоже спросилъ, кто стрѣлялъ; на это Бужинскій заявилъ, что онъ никакихъ выстрѣловъ не слыхалъ, но возможно, что кто-либо «изъ баловства могъ выстрѣлить изъ пугача». Кажется, что и Князь сказалъ, что онъ не слыхалъ выстрѣловъ. Послѣ этого они ушли, а я, оставшись здѣсь и осмотрѣвъ дворъ черезъ заборъ и улицу и не найдя ничего подозрительнаго, отправился на свой постъ. О происшедшемъ я никому пока не заявлялъ, такъ какъ и ранѣ неоднократно мнѣ приходилось слышать подобные звуки отъ лопавшихся автомобильныхъ шинъ. Минутъ черезъ 15—20, какъ я возвратился на постъ, ко мнѣ подошелъ упомянутый выше Бужинскій и заявилъ, что меня требуетъ къ себѣ Князь Юсуповъ. Я пошелъ за нимъ и онъ привелъ меня черезъ парадный подъѣздъ дома № 94 въ кабинетъ князя. Едва я переступилъ порогъ кабинета (находится влѣво отъ парадной, входъ съ Мойки), какъ ко мнѣ подошелъ на встрѣчу князь Юсуповъ и неизвѣстный мнѣ человѣкъ, одѣтый въ китель защитнаго цвѣта, съ погонами дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ небольшою русой бородой и усами. Имѣлъ ли онъ на головѣ волосы, или же былъ лысымъ, а также былъ ли онъ въ очкахъ, или нѣтъ,—я не примѣтилъ. Этотъ неизвѣстный обратился ко мнѣ съ вопросами: «ты человѣкъ православный» — «такъ точно», отвѣтилъ я «Русскій ты человѣкъ»? «Такъ точно». «Любишь Государя и родину»? «Такъ точно». «Ты меня знаешь»? — «Нѣтъ не знаю» отвѣтилъ я. «А про Пуришкевича слышалъ что-либо»? «Слышалъ». «Вотъ я самъ и есть. А про Распутина слышалъ и знаешь»? Я заявилъ, что ему не знаю, но слышалъ о немъ. Неизвѣстный тогда сказалъ: «Вотъ онъ (т. е. Распутинъ) погибъ, и если ты любишь Царя и родину, то долженъ объ этомъ молчать и никому ничего не говорить». «Слушаю». «Теперь можешь идти». Я повернулся и пошелъ на свой постъ. Въ домѣ была полная тишина и, кромѣ князя, неизвѣстнаго и Бужинскаго, я никого не видѣлъ. Пуришкевича я не знаю и раньше никогда не видѣлъ, но неизвѣстный нѣсколько былъ похожъ на снимокъ Пуришкевича, который мнѣ вчера (17 дек.) показывалъ Начальникъ Сыскаго полиціи въ какомъ то журналѣ. Я опять осмотрѣлъ улицу и дворъ, но по прежнему все было тихо и никого не было видно. Минутъ черезъ 20 ко мнѣ на посту подошелъ обходной околоточный надзиратель Калядичъ, которому я разсказалъ о всемъ случившемся. Послѣ этого я съ Калядичемъ отправились къ парадной двери этого же дома № 94, у подъѣзда мы увидѣли моторъ «на готовѣ». Мы спросили шофера, кому поданъ моторъ. «Князю» — отвѣтилъ онъ. Послѣ этого Калядичъ пошелъ въ обходъ, а мнѣ приказалъ остаться здѣсь и посмотреть, кто будетъ уѣзжать. Припоминаю, что, когда мы подошли къ дому № 92, то Каля-

дичь вошелъ въ комнату старшаго дворника и о чемъ то его разспрашивалъ. Когда онъ вышелъ отъ дворника, то я съ нимъ пошли къ дому № 94. Откуда былъ поданъ моторъ, точно не знаю. Изъ парадной двери (№ 94) вышелъ одинъ князь Юсуповъ и поѣхалъ по направленію къ Поцѣлуеву мосту. Когда князь ѣхалъ, то я сказалъ Бужинскому, выпустившему князя, чтобы онъ подождалъ Калядача, но онъ (Бужинскій) заявилъ что не спалъ цѣлую ночь, а съ Калядичемъ переговорить завтра (т. е. 17 дек.) Я, подождавъ еще нѣсколько времени около этого дома и не видя никого больше, опять возвратился на свой постъ. Это было уже въ началѣ шестого часа. Минутъ черезъ 10—15 возвратился съ обхода Калядичъ, которому я рассказалъ о видѣнномъ, и мы опять пошли къ дому № 94. Кромѣ дежурнаго дворника мы тамъ не видѣли никого. Затѣмъ онъ отправился въ участокъ, а я остался на мѣстѣ. Около 6 ч. утра онъ опять пришелъ ко мнѣ и позвалъ меня къ Приставу Полковнику Рогову, которому мы доложили о всемъ происшедшемъ. Послѣ этого я ушелъ домой. Моторъ былъ собственный князя, на которомъ онъ всегда ѣздилъ. Этотъ моторъ я хорошо знаю, онъ небольшой, коричневаго цвѣта. Признаковъ какого-либо убійства я за все это время не замѣтилъ, а разговоръ въ кабинетѣ князя съ неизвѣстнымъ я объяснилъ себѣ какъ бы нѣкоторымъ испытаніемъ съ ихъ стороны знанія мной службы, т. е. какъ я поступлю, получивъ такое заявленіе. Никакого волненія или смущенія князя и неизвѣстнаго во время моего разговора въ кабинетѣ, я не замѣтилъ, только неизвѣстный говорилъ «скороговоркой». Были ли они въ нетрезвомъ состояніи, не могу сказать ничего опредѣленнаго. Больше ничего я не могу сказать. Прочитано. С. Власюкъ Подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года декабря 18 дня, въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель, на основаніи 23 ст. Правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованнаго, который объяснилъ.

Зовутъ меня Флоръ Ефимовичъ Ефимовъ. Отъ роду имѣю 59 л., вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое потомственный почетный гражданинъ, состою городовымъ 2 участка Адмиралтейской части. Проживаю Морская ул. д. № 61. На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Въ ночь на 17 декабря я стоялъ на посту на Морской улицѣ возлѣ д. № 61. Въ 2 ч. 30 м. ночи я услыхалъ выстрѣлъ, черезъ 3—4 секунды послѣдовало еще 3 выстрѣла, быстро одинъ за другимъ. Звуки выстрѣловъ раздались съ Мойки, приблизительно со стороны дома № 92. Послѣ перваго выстрѣла раздался негромкій, какъ бы женскій крикъ; шума не было слышно никакого. Въ теченіе 20—30 минутъ послѣ выстрѣла не проѣзжалъ по Мойкѣ никакой автомобиль или извозчикъ. Только спустя полчаса проѣхалъ по Мойкѣ отъ Спняго моста къ

Попѣлуеву какой-то автомобиль, который нигдѣ не останавливался. О выстрѣлахъ я далъ знать по телефону въ 3-й Каванскій участокъ, а самъ пошелъ въ сторону выстрѣловъ. На почтамтскомъ мостикѣ я увидѣлъ постового городского Власюка, который тоже слышалъ выстрѣлы, и думая, что они произведены на Морской улицѣ, шелъ ко мнѣ на встрѣчу съ цѣлью узнать, гдѣ и кто стрѣлялъ. Я сказалъ, что выстрѣлы были произведены въ районѣ д. № 92 по Мойкѣ. Послѣ этого я возвратился на постъ и больше ничего не видѣлъ и не слышалъ. Помню, что со времени, какъ раздались выстрѣлы, до 5—6 час. утра я не видѣлъ другихъ, проѣзжавшихъ по Мойкѣ, автомобилей, кромѣ вышеуказаннаго. Больше ничего не могу показать. Прочитано. Ефимовъ. Подполковникъ Попель.

Протоколъ.

1916 года, декабря 18 дня въ г. Петроградѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Попель, на основаніи 23 ст. Правиль о мѣстностяхъ, состоящихъ объявленными на военномъ положеніи, допрашивалъ нижепоименованныхъ, которые объяснили.

Зовутъ меня Кордюковъ Василій Федоровъ. Отъ роду имѣю 36 л., вѣроисповѣданія православнаго. Званіе мое кр. Тверской губ., Бѣжецкаго уѣзда, Ивановской волости и села, состоятъ городовымъ 4 Петроградскаго участка. Проживаю Петровский пр. д. № 8.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 17 декабря въ 12 ч. дня я заступилъ на постъ, что на Петровскомъ проспектѣ, напротивъ дома № 8. Въ началѣ 2 часа дня мостовой сторожъ Федоръ Кузьминъ заявилъ мнѣ, что имъ обнаружены слѣды крови на панели и перилахъ 4 пролета Б.-Петровскаго моста. Я тотчасъ пошелъ туда и увидѣлъ кровь еще и на одномъ изъ устоевъ моста; а между этимъ устоемъ и смежнымъ на льду лежалъ темно-коричневаго цвѣта мужской ботинокъ. О видѣнномъ я сообщилъ въ 4 Петроградскій участокъ и мѣстному околоточному Асонову, который составилъ протоколъ. Въ 2 ч. дня мостовой сторожъ Кузьминъ въ моемъ присутствіи и Асонова досталъ багромъ этотъ ботинокъ, который былъ доставленъ въ участокъ. Больше ничего не могу показать. Прочитано. Городовой Василій Кордюковъ за № 1876. Подполковникъ Попель.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Телеграммы вел. кн. Елисаветы Федоровны.

Петроградъ изъ Москвы № 18017. Выс. 48, 18/12, 9, 80.

Великому Князю Дмитрію Павловичу, Петроградъ.

Just returned late yesterday evening after having been over a week at Саровъ and Дивѣевъ prayed for you all darlings

Былое № 1.

please give me detailed news by letter. May God strengthen Felix after the patriotic deed he fulfilled.

Елла.

Переводъ.

Великому Князю Дмитрію Павловичу, Петроградъ.

Только что вернулась, вчера поздно вечеромъ, проведя недѣлю въ Саровѣ и Дивѣевѣ, молясь за Васъ всѣхъ дорогихъ. Прошу дать мнѣ письмомъ подробности событій. Да укрѣпитъ Богъ Феликса послѣ патріотическаго акта, имъ исполненнаго.

Елла.

Корензъ изъ Петрограда 18117, 39, 18/12, 9, 52.

Княгинѣ Юсуповой, Корензъ.

Toutes mes prières les plus profondes et tendres vous entourent tous pour l'acte patriotique de votre cher fils que Dieu vous benisse reviens de Саровъ et Дивѣевъ у а passé dix jours de prières.

Elisabeth.

Переводъ:

Княгинѣ Юсуповой, Корензъ.

Всѣ мои глубокія и горячія молитвы окружаютъ Васъ всѣхъ за патріотическій актъ Вашего дорогого сына. Да хранитъ Васъ Богъ. Вернулась изъ Сарова и Дивѣева, гдѣ провела въ молитвахъ десять дней.

Елизавета.

2. Выписка изъ перехваченнаго заказнаго письма, съ подписью: «голосъ народа», Работки, Нижегородской губ., 8 января 1917 г., къ Князю Ф. Ф. Юсупову, въ Петроградъ.

Привѣтствуетъ, восхищается и радуется русскій народъ дѣяніямъ Мининыхъ и Пожарскихъ, въ лицѣ всѣхъ, совершившихъ столь знаменательное великое дѣло для спасенія родины. Честные и благородные люди Россіи долго боролись противъ темныхъ силъ: говорили въ Гос. Думѣ, умоляли, просили Царя сойти съ ложнаго пути и идти по пути правды и свѣта, помнитъ завѣтъ Отца Миротворца, а также и присягу, данную Николаемъ II родинѣ. Но Николай не внялъ голосу правды, остался вѣренъ со своими крамольниками преступнымъ направленіямъ и, безъ колебанія, продолжаетъ вести отчизну къ гибели. Спасители поняли, что просьбы и молебны безсильны, Царь къ нимъ глухъ, надо избрать иной путь, и онъ избранъ. Совершилось то, чего народъ давно жаждалъ. Гнойникъ вскрытъ, первая гадина раздавлена—Гришки нѣтъ, остался зловонный, безвредный трупъ. Но далеко

не все еще сдѣлано, много еще темныхъ силъ, причастныхъ къ Распутину, гнѣздятся въ Россіи въ лицѣ Николая, Царицы и другихъ отбросовъ и выродковъ человѣческаго отребья. Неправильно назвали великихъ людей убійцами. Это подлость. Они не убійцы, а святые люди, пожертвовавшіе собою для спасенія родины. Горе Николаю, если Онъ посягнетъ на жизнь и свободу этихъ людей. Весь народъ возстанетъ, какъ одинъ и поступитъ съ Царемъ такъ, какъ Онъ поступилъ съ Мясоѣдовымъ.

Письмо съ явными слѣдами вскрытія. Подлинное удержано до распоряженія.

Болѣ чѣмъ оригинально!

Случай съ Максимомъ Горькимъ.

1 марта 1902 года въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 48) появилось слѣдующее сообщеніе:

На состоявшемся 21-го минувшаго февраля соединенномъ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ и разряда изящной словесности закрытою баллотировкою шарамъ были произведены, согласно съ существующими постановленіями, выборы въ почетные академики разряда изящной словесности. Избранными оказались: Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ и Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ („Максимъ Горькій“).

Въ приказанію Министра внутреннихъ дѣлъ, это сообщеніе было вырѣзано, наклеено на веленевую бумагу и представлено бывшему императору вмѣстѣ со слѣдующей справкой „на Максима Горькаго“, составленной въ Департаментѣ Полиціи (6 марта 1902 года):

Пѣшк о в ъ (литературный псевдонимъ „Горькій“) Алексѣй Максимовъ, 38 лѣтъ, Нижегородскій цеховой, литераторъ, въ 1889 году привлеченъ въ Нижнемъ-Новгородѣ къ дознанію по обвиненію въ укрывательствѣ привлеченнаго въ Казани къ дознанію по дѣлу революціоннаго кружка Сергія Сомова. Въ то время установлены были близкія сношенія его съ лицами неблагонадежными и конспиративный образъ жизни, а ранѣе онъ проживалъ въ Казани въ булочной, устроенной неблагонадежными лицами (Хиренковъ). Произведенный обыскъ, однако, не далъ результатовъ, и дѣло о Пѣшковѣ было прекращено, съ учрежденіемъ за нимъ негласнаго надзора.

Въ 1892 году, при обыскѣ въ Ростовѣ-на-Дону по дѣлу распространія преступныхъ изданій, у одного лица оказались два письма Пѣшкова, въ одномъ изъ которыхъ онъ выражался такъ: „поливаю изъ ведрушка просвѣщенія доброкачественными идейками, и таковыя приносятъ извѣстные результаты“, причемъ добавлялъ, что „работы пока нѣтъ, и работниковъ, способныхъ къ чему нибудь, всего 6—8 человекъ“. Въ другомъ же письмѣ Пѣшковъ просилъ достать мѣсто двумъ парнямъ, рекомендуя ихъ какъ лицъ, способныхъ на всякія преступленія, и прибавлялъ, что онъ и его товарищи ожидаютъ визита „блестящихъ пуговицъ“. У другого обвиняемаго по тому же дѣлу оказались письма Пѣшкова, не имѣющія серьезнаго значенія, и самъ онъ къ этому дѣлу привлеченъ не былъ.

Въ указанномъ 1892 году Пѣшковъ служилъ въ Тифлисскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, и велъ довольно обширное знакомство съ молодежью.

Въ 1894 году онъ жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, продолжая сношенія съ неблагонадежными лицами, и состоялъ нѣкоторое время подъ наблюденіемъ, а въ 1896 году выѣхалъ въ Крымъ, гдѣ проживалъ въ пансіонѣ негласно-поднадзорной Елены Токмаковой, дающей приютъ неблагонадежнымъ лицамъ.

Въ 1897 году онъ былъ привлеченъ къ дознанію въ Тифлисѣ по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ. По свидѣтельскимъ показаніямъ онъ выражалъ рѣзкія сужденія и часто много говорилъ объ эксплуатаціи

рабочихъ. За отсутствіемъ, однако, другихъ данныхъ къ обвиненію Пѣшкова, это дѣло о немъ было прекращено.

Пѣшковъ состоялъ сотрудникомъ „Самарской Газеты“ и журнала „Новое Слово“, закрытыхъ впоследствии за неблагонадежное направленіе, и уже въ 1895 году принадлежалъ къ числу лицъ, извѣстныхъ въ литературныхъ кружкахъ враждебнымъ Самодержавію направленіемъ.

Въ мартѣ 1901 года Пѣшковъ подписалъ, въ числѣ прочихъ, извѣстный протестъ „Союза писателей“ въ редакціи газетъ по поводу демонстраціи 4 марта у Казанскаго собора.

Въ апрѣлѣ 1901 года Пѣшковъ обысканъ и арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ виду полученныхъ свѣдѣній о томъ, что, проживая въ мартѣ того же года въ Петербургѣ, онъ приобрѣлъ здѣсь, въ сообществѣ съ литераторомъ Петровымъ („Скиталецъ“) мимеографъ для изданія преступныхъ воззваній къ Сормовскимъ рабочимъ, въ видахъ подстрекательства ихъ къ безпорядкамъ, и привлеченъ къ дознанію въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Уголов. Судопр.

Дѣло это находится еще въ производствѣ.

За минованіемъ надобности въ дальнѣйшемъ арестѣ, Пѣшковъ въ іюнѣ 1901 года отданъ подъ особый надзоръ полиціи въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но такъ какъ пребываніе его тамъ, въ виду продолженія агитаціи, было признано вреднымъ, то по ходатайству мѣстныхъ властей, дѣло о Пѣшковѣ было внесено на обсужденіе Особаго Совѣщанія, по постановленію коего, утвержденному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 14 августа 1901 года, Пѣшковъ подчиненъ, впредь до разрѣшенія возбужденнаго о немъ дознанія, гласному надзору полиціи въ мѣстности Нижегородской губерніи, по усмотрѣнію Губернатора, кромѣ Нижняго-Новгорода, а въ октябрѣ 1901 года, въ виду болѣзненнаго состоянія, ему было разрѣшено поселиться до 15 апрѣля 1902 года въ Ялтинскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ нынѣ и находится.

На листѣ бумаги, на которомъ была наклеена вырѣзка, бывшій императоръ изволилъ начертать слѣдующую резолюцію:

„Болѣе чѣмъ оригинально“.

Послѣ этой-то резолюціи и вышло такъ, что Горькій не оказался въ составѣ почетныхъ академиковъ.

Къ исторіи Зубатовщины.

1. Исторія «легализаціи» рабочаго движенія.
Справка Особаго Отдѣла Департамента Полиціи. 2. Докладъ С. В. Зубатова о своемъ удаленіи со службы.

I.

Въ 1901—1903 г.г., въ то время, когда, при руководящемъ участіи С. В. Зубатова, въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи происходила такъ называемая «легализація» рабочаго движенія, со стороны Департамента Полиціи не было никакихъ распоряженій пли мѣропріятій общаго характера, содѣйствовавшихъ этой формѣ движенія, а также не было ихъ и впослѣдствіи, когда послѣ увольненія Зубатова въ октябрѣ 1903 г. въ отставку, возникшее въ С.-Петербургѣ при его содѣйствіи общество рабочихъ осталось подъ исключительнымъ вліяніемъ Георгія Гапона. Отношеніе Департамента къ упомянутымъ проявленіямъ рабочаго движенія сводилось: 1) къ неоказанію препятствій при попыткахъ рабочихъ организоваться въ общества взаимопомощи съ чисто-экономическими задачами и къ преподанію по нѣкоторымъ отдѣльнымъ случаямъ соотвѣтственныхъ указаній мѣстнымъ властямъ и 2) къ содѣйствію отдѣльнымъ, извѣстнымъ Зубатову, лицамъ при осуществленіи подобныхъ попытокъ, причемъ это содѣйствіе выражалось какъ въ формѣ нравственной — въ приобрѣтеніи такимъ лицамъ благосклоннаго отношенія къ ихъ начинаніямъ со стороны высшихъ административныхъ лицъ, такъ и на почвѣ матеріальной — въ предоставленіи инициаторамъ означенныхъ попытокъ денежныхъ субсидій. Ходъ «легализаціоннаго» движенія за вышеуказанное время представляется въ общемъ въ слѣдующемъ видѣ.

Въ маѣ 1901 г., въ бытность Зубатова Начальникомъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія, образовалось въ Москвѣ, при ближайшемъ его участіи и подъ покровительствомъ Московскаго Генералъ-Губернатора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, «Общество взаимнаго вспоможенія рабочихъ въ механическомъ производствѣ», которое, какъ видно изъ его устава, имѣло цѣлью оказывать помощь своимъ дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ и выда-

вать для сего нуждающимся членамъ и ихъ семействамъ возвратныя и безвозвратныя пособия. При этомъ обществѣ, подъ руководствомъ профессора Оверова, Вормса и Дена и подъ наблюдениемъ агентовъ Охраннаго Отдѣленія, устраивались общеобразовательныя чтенія по разнымъ предметамъ, а также собранія, посвященныя обсужденію вопросовъ рабочаго быта; на собраніяхъ, по инициативѣ самихъ рабочихъ, возбуждались между прочимъ вопросы о расширеніи дѣятельности общества путемъ устройства потребительнаго общества и производительныхъ артелей.

Съ назначеніемъ Зубатова въ октябрѣ 1902 г. Завѣдывающимъ Особымъ Отдѣленіемъ Департамента Полиціи, образовался въ С.-Петербургѣ, при его содѣйствіи, кружокъ изъ 10—12 рабочихъ, который сталъ проводить на фабрикахъ и заводахъ мысль о возможности серьезныхъ улучшеній въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней сословной самостоятельности и взаимной помощи. Эти лица возбудили затѣмъ ходатайство о разрѣшеніи имъ товарищескихъ собраній по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода, каковое ходатайство и было удовлетворено. 21 ноября 1902 года члены кружка были приняты бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретаремъ Плеве, который высказалъ рабочимъ свое намѣреніе поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи. 10 декабря депутація отъ рабочихъ, при содѣйствіи протоіерея Философа Орнатскаго, была принята Митрополитомъ Антоніемъ, который также отнесся къ ихъ начинаніямъ благосклонно, обѣщавъ при этомъ, для удовлетворенія духовныхъ потребностей рабочихъ, содѣйствіе подвѣдомственнаго ему общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Того же числа членъ Петербургскаго кружка и представители вышеупомянутаго Московскаго общества взаимнаго вспоможенія прочитали въ «Русскомъ Собраніи» доклады о положеніи рабочихъ, въ одномъ изъ которыхъ была между прочимъ высказана мысль о полезности учрежденія особыхъ посредническихъ камеръ для предупрежденія недоразумѣній между рабочими и работодателями. Около этого времени въ близкія отношенія къ Петербургскому кружку вступилъ извѣстный Зубатову чрезъ С.-Петербургское Охранное Отдѣленіе священникъ Гапонъ, пріобрѣтшій вскорѣ на рабочихъ совершенно исключительное вліяніе.

Названнымъ кружкомъ и Гапономъ было предположено учредить общество, на подобіе Московскаго, съ присвоеніемъ ему наименованія «С.-Петербургскаго общества взаимнаго вспоможенія рабочихъ въ механическомъ производствѣ», причемъ, сравнительно съ Московскимъ обществомъ, задачи новаго общества были нѣсколько расширены и, по § 3 устава, ему предоставлялось право открывать, по мѣрѣ увеличенія средствъ, и съ особаго на каждый разъ разрѣшенія, пріюты для престарѣлыхъ членовъ общества, больницы, школы и библіотеки. Для открытія общества встрѣтилось препятствіе со стороны Министерства Фи-

нансовъ и когда въ послѣднемъ были получены свѣдѣнія, что по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ должно послѣдовать утверждение устава упомянутаго общества, Статсъ-Секретарь Витте письмомъ отъ 2 февраля 1903 г. обратилъ вниманіе Статсъ-Секретаря Плеве на то, что общій вопросъ объ обществахъ и кассахъ для рабочихъ находится на разсмотрѣніи Комиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Финансовъ князя А. Д. Оболенскаго, и что впредь до окончательнаго разсмотрѣнія Комиссіей означеннаго общаго вопроса едва-ли представлялось бы удобнымъ разрѣшеніе частнаго вопроса объ обществѣ, объединяющемъ всѣхъ рабочихъ механическаго производства столицы. Вслѣдствіе этого, Статсъ-Секретарь Плеве уполномочилъ и. д. Директора Департамента Полиціи Статскаго Совѣтника Лопухина сообщить въ Комиссію князя Оболенскаго, что утверженіе уставовъ кассъ взаимопомощи рабочихъ будетъ поставлено въ зависимость отъ результатовъ работъ означенной Комиссіи. Уставъ «С.-Петербургскаго общества взаимнаго вспоможенія рабочихъ въ механическомъ производствѣ» былъ утвержденъ за Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Товарищемъ Министра, Сенаторомъ Зиновьевымъ 8 марта 1904 г., по выходѣ въ отставку Зубатова, а дѣйствія открыты 15 октября того же года.

Еще до утвержденія устава названнаго общества и во время дѣятельности Зубатова, рабочіе, руководимые Гапономъ, возбудили ходатайство о разрѣшеніи открыть имъ другое общество, съ еще болѣе широкими задачами, подъ названіемъ: «Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ». Это общество имѣло цѣлями: предоставлять своимъ членамъ возможность разумно и трезво проводить свободное отъ работъ время, а также распространять среди рабочаго населенія на началахъ русскаго національнаго самосознанія просвѣщеніе и способствовать улучшенію условій труда и жизни рабочихъ. Для достиженія этихъ цѣлей, общество, по проекту учредителей, могло устраивать, съ надлежащаго разрѣшенія, еженедѣльные собранія для разумнаго и всесторонняго обсужденія нуждъ своихъ членовъ, образовывать въ своей средѣ свѣтскій и духовный хоры, устраивать концерты и литературные вечера, учреждать разнаго рода просвѣтительныя предпріятія, какъ то: бібліотеки и читальни, народныя чтенія, бесѣды и лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ, образовывать различныя благотворительныя и коммерческія предпріятія, какъ то: капиталъ взаимопомощи членовъ Собранія, похоронную кассу, чайную, потребительную лавку и другія учрежденія, способныя улучшить матеріальное положеніе членовъ Собранія. Уставъ «Собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ С.-Петербургѣ» съ изложенными его задачами былъ утвержденъ Статсъ-Секретаремъ Плеве также послѣ увольненія въ отставку Зубатова, а именно 15 февраля 1904 г., развитіе же дѣятельности этого общества съ возникшими затѣмъ его отдѣлами привело въ концѣ 1904 и въ началѣ 1905 г. къ забастовкамъ на многихъ столичныхъ фабрикъ.

ках и заводах и къ массовымъ беспорядкамъ 9 января того же года.

Въ томъ же 1901 г., когда въ г. Москвѣ было открыто «Общество взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ», въ г. Минскѣ, при содѣйствіи Зубатова, организовалась «Еврейская независимая рабочая партія», «поставившая себѣ цѣлью легализацію (узаконеніе) рабочаго движенія; стоя на той точкѣ зрѣнія, что закономъ признается (легализируется) фактъ—нѣчто уже выдвинутое жизнью, а не жизнь пригоняется къ нарочито придуманнымъ законамъ, партія принялась за созданіе рабочихъ союзовъ для развитія классового сознанія у массы и для содѣйствія духовному развитію ея; всѣ вышеуказанныя задачи партія предполагала возможными къ осуществленію независимо отъ той или иной формы правленія—будь то самодержавіе, конституціонное правленіе или республика». (Изъ воззванія партіи отъ 3 апрѣля 1903 г.). Группы этой партіи стали затѣмъ возникать въ г.г. Вильнѣ, Одессѣ и Кіевѣ, причемъ главными дѣятелями ея были лично извѣстные Зубатову докторъ фплософіи Берлинскаго университета, мѣщанинъ Хуня (Генрихъ) Шаевичъ и дочь купца Марія Вильбушевичъ, разѣзжавшіе по разнымъ городамъ съ агитаціонными цѣлями, въ видахъ противодѣйствія дѣятельности «Бунда» и для разъясненія еврейскимъ рабочимъ необходимости оставить политическую борьбу и заняться организаціей общества взаимопомощи на чисто экономической почвѣ.

Агитація упомянутыхъ лицъ, а также ихъ товарищей Шлюмы Чемерисскаго въ Вильнѣ и Юдея Волина въ Одессѣ, сопровождавшаяся устройствомъ многочисленныхъ собраній и распространеніемъ воззваній, заставила мѣстные власти обращаться въ Департаментъ Полиціи за указаніями, какъ поступать въ данномъ случаѣ. Вслѣдствіе этого, въ отношеніи Чемерисскаго и Волина Департаментъ Полиціи 12 августа и 4 сентября 1902 г. увѣдомилъ Начальниковъ Виленскаго Губернскаго и Одесскаго Жандармскихъ Управленій, что «давать этимъ лицамъ офиціальное разрѣшеніе на устройство сходокъ и собраній и распространеніе воззваній, а равно и оказывать имъ какое бы то ни было содѣйствіе представляется неудобнымъ, но тѣмъ не менѣе казалось бы возможнымъ, не преслѣдуя за означенныя дѣйствія, отнестись къ нимъ съ терпимостью». Въ ноябрѣ 1902 г. Одесская группа «Еврейской независимой рабочей партіи» обратилась къ мѣстному Градоначальнику съ просьбой объ офиціальному разрѣшеніи ей устройства въ г. Одессѣ въ нанятомъ помѣщеніи собраній для собесѣдованія рабочихъ по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода, въ виду чего и. д. Директора Департамента Полиціи Статскій Совѣтникъ Лопухинъ письмомъ отъ 20 ноября того же года увѣдомилъ графа П. П. Шувалова, что подобнаго рода собранія получили уже признаніе со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ настоящее время происходятъ въ С.-Петербургѣ и Минскѣ съ надлежащаго разрѣшенія, даваемого на общемъ основаніи въ порядкѣ

разрѣшенія вечеринокъ, танцевальныхъ вечеровъ и т. п.», и что «со стороны Министерства не встрѣчалось бы препятствій къ удовлетворенію ходатайства группы «независимыхъ» въ Одессѣ, при непремѣнномъ, однако, условіи, чтобы кто-либо изъ ходатайствующихъ былъ лично извѣстенъ Градоначальнику и чтобы отвѣтственность за порядокъ въ собраніи была принята на себя тѣми лицами, кои будутъ ходатайствовать о разрѣшеніи собранія». При этомъ Статскій Совѣтникъ Лопухинъ признавалъ возможнымъ поставить всецѣло въ зависимость отъ обстоятельствъ дѣла и мѣстныхъ условій разрѣшеніе вопроса о присутствіи на такихъ собраніяхъ чиновъ полиціи.

19 декабря 1902 г., на запросъ Начальника Киевскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, какъ надлежитъ ему относится къ дѣятельности вышеупомянутыхъ Юдея Волина и Маріи Вильбушевичъ, имѣвшихъ связи и съ Киевомъ, Департаментъ Полиціи увѣдомилъ, что въ послѣдніе годы въ противобѣсъ революціонной агитаціи, среди фабрично-заводскаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи возникло движеніе съ цѣлью достигнуть улучшенія экономического и нравственнаго положенія рабочаго класса путемъ развитія сословной самопомощи и распространенія просвѣщенія въ духѣ началъ гуманности и порядка. Противоправительственныя организаціи—сказано въ этомъ увѣдомленіи—признаютъ означенное движеніе явленіемъ весьма нежелательнымъ для революціонной пропаганды, такъ какъ, по мнѣнію улучшенія на законномъ основаніи условій быта рабочихъ и сообразно развитію и укрѣпленію среди нихъ убѣжденія въ полной возможности защиты своихъ правъ легальными средствами, путемъ обращенія къ подлежащей, установленной закономъ власти,—для революціонеровъ ускользаетъ почва воздѣйствія на фабрично-заводское населеніе. По этимъ основаніямъ, Департаментъ Полиціи разъяснилъ генералъ-маіору Новицкому, что дѣятельность Юдея Волина и Маріи Вильбушевичъ, являющихся представителями рабочаго движенія въ изложенномъ направленіи, воплоти отвѣчающемъ видамъ Правительства, не должна встрѣчать препятствій со стороны правительственныхъ органовъ.

Укрѣпившись въ особенности въ г. Одессѣ, гдѣ съ Января 1903 г. поселился Шаевичъ, «независимые» образовали въ названномъ городѣ «союзъ машиностроительныхъ и механическихъ рабочихъ», который вскорѣ сталъ вмѣшиваться въ отношенія между хозяевами и рабочими. Вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣйствовали и отъ имени «Одесскаго независимаго рабочаго комитета», проставляя на своихъ воззваніяхъ печать съ такимъ наименованіемъ. Въ мартѣ въ небольшой механической мастерской Прива всѣ рабочіе, въ числѣ 12 человекъ, не вышли на работу, требуя оставленія въ мастерской уволеннаго за дерзость товарища, а хозяинъ мастерской получилъ отъ имени Шаевича приглашеніе явиться къ нему для объясненій; одинъ же изъ рабочихъ, нанятыхъ Привомъ вмѣсто забастовщиковъ, былъ послѣднимъ избитъ. Въ

Апрѣль на мелкой консервной фабрикѣ Соколовскаго съ 10 рабочими одинъ искавшій работы паяльщикъ, не принятый владѣльцемъ за ненадобностью, заявилъ, что съ этихъ поръ никто изъ паяльщиковъ больше къ нему не пойдетъ, а когда Соколовскому потребовался усиленный составъ паяльщиковъ, то дѣйствительно рабочіе этой професіи, несмотря на высокій заработокъ (3—4 рубля въ день), отказывались къ нему идти и нѣкоторые изъ нихъ объяснили свой отказъ запрещеніемъ вышеупомянутаго «союза» и страхомъ быть облитыми сѣрной кислотой. 19 апрѣля на чугунолитейномъ и механическомъ заводѣ Рестеля съ 175 рабочими, послѣ увольненія за лѣность и дерзость кузнеца Драгомирецкаго, владѣлецъ получилъ отъ «союза машиностроительныхъ и механическихъ рабочихъ» письмо, въ которомъ, подъ угрозою забастовки, излагались къ немедленному исполненію слѣдующія требованія: 1) оставленіе на заводѣ Драгомирецкаго, 2) вывѣшивание расписки аккордныхъ (сдѣльныхъ) работъ, 3) вѣжливое обращеніе со стороны хозяина и мастеровъ съ рабочими и 4) подача гудка въ установленное время. 21 Апрѣля рабочіе забастовали, заявивъ, что могутъ возобновить работу лишь по распоряженію «союза» и что Рестель долженъ пріѣхать къ нимъ «президенту» Шаевичу для объясненій. Владѣлецъ завода и фабричная инспекція находили, что уступки рабочимъ невозможны, такъ какъ онѣ могутъ повести къ возникновенію осложненій на другихъ заводахъ, и такого же мнѣнія придерживался и. д. Одесскаго Градоначальника Тайный Совѣтникъ Старковъ, но послѣ свиданія съ Шаевичемъ Старковъ высказалъ Старшему Фабричному Инспектору, что Рестель долженъ оставить на заводѣ уволеннаго кузнеца Драгомирецкаго. Эта забастовка оказалась очень продолжительной, упорной и сопровождавшейся насильственными дѣйствіями. Былъ случай избіенія рабочихъ, согласившихся работатъ у Рестеля, несмотря на запрещеніе «союза», а 16 мая на возвращавшихся съ завода рабочихъ, въ числѣ 40 человекъ, напала толпа свыше 300 человекъ и нѣкоторымъ изъ рабочихъ были нанесены столь тяжкіе побои, что пострадавшіе были отправлены для лѣченія въ городскую больницу. вмѣстѣ съ тѣмъ были такіе случаи, что новыхъ рабочихъ, шедшихъ нанматься къ Рестелю, члены «союза» перехватывали по дорогѣ, уводили въ помѣщеніе «союза», тамъ кормили и давали по 20 коп., уговаривая не поступать на этотъ заводъ. По отзыву Одесскаго Градоначальника генераль-лейтенанта Арсеньева, выраженному въ представленіи на имя Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 30 Іюня 1903 г., приведенныя выше требованія, предъявленныя рабочими Рестелю, были ничѣмъ не обоснованы, самая забастовка была устроена «независимыми» лишь для пробы, насколько окажется успѣшной предложенная ими организація рабочихъ союзовъ, дальнѣйшее же развитіе дѣятельности этихъ союзовъ можетъ создать въ будущемъ изъ подготовленныхъ къ экономической борьбѣ рабочихъ дѣйствующіе кадры для революціоннаго движенія вообще. Между тѣмъ по вопросу о новыхъ

рабочихъ организаціяхъ «мѣстная администрація—какъ выражено въ этомъ представленіи—за отсутствіемъ указаній со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, поставлена въ полное недоумѣніе и лишена возможности придти къ какому либо положительному заключенію о томъ, въ какое именно отношеніе къ названнымъ выше рабочимъ союзамъ должны стать административныя и полицейскія власти». Вслѣдствіе этого генераль-лейтенантъ Арсеньевъ просилъ о преподаніи ему руководящихъ по этому предмету указаній. Отношеніемъ отъ 19 Іюля того же года Департаментъ Полиціи, по приказанію Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ Одесскаго Градоначальника, что «независимые» первоначально были чужды какой либо политической тенденціи и ставили своей цѣлью достиженіе улучшенія положенія рабочаго класса на почвѣ существующаго фабричнаго законодательства и его усовершенствованія путемъ доведенія до свѣдѣнія властей о насущныхъ потребностяхъ рабочихъ, но что стачки и насилія, къ которымъ «независимые» перешли впослѣдствіи, будучи воспрещены и преслѣдуемы закономъ, не теряютъ своего законопротивнаго характера вслѣдствіе того, что создаются организаціями, первоначально поставившими себѣ цѣль съ государственной точки зрѣнія желательную. Поэтому означенныя проявленія дѣятельности «независимыхъ» подлежатъ уголовному преслѣдованію наравнѣ съ такими же проявленіями со стороны другихъ организацій. Однако, дѣятельность ихъ, направленная къ распространенію въ рабочей средѣ идеи о необходимости устраненія въ рабочемъ движеніи политической тенденціи, къ учрежденію кассъ взаимопомощи и къ устройству общеобразовательныхъ и профессиональных лекцій, не должна подвергаться преслѣдованію.

Событія въ Одессѣ получили въ это время дальнѣйшее развитіе. Вслѣдъ за заводомъ Рестеля забастовали 1 и 2 іюля рабочіе мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, потомъ—рабочіе по нагрузкѣ и выгрузкѣ пароходовъ Русскаго Общества пароходства и торговли и Россійскаго Общества транспортированія кладей, прекратилось движеніе трамвая и наконецъ, забастовка охватила большую часть промышленныхъ и торговыхъ заведеній города. Забастовавшіе, въ числѣ болѣе 30.000 человекъ, ходили толпами по улицамъ, врывались въ продолжавшія работать торгово-промышленныя заведенія и принуждали насиліями и угрозами прекращать работу и торговлю. Жизнь въ городѣ замерла, всѣ жизненные продукты настолько поднялись въ цѣнѣ, что 5-копечная булка продавалась по 50 коп., а общій убытокъ города отъ этой забастовки простирался, по мнѣнію Градоначальника, до 2.000.000 руб. Лишь съ 19 іюля на фабрикахъ и заводахъ стали приступать къ работамъ и городъ принялъ обычный видъ. Совмѣстно съ «независимыми», подстрекателями и руководителями забастовки явились члены «Одесскаго комитета Россійской социаль-демократической рабочей партіи», причемъ на митингахъ кричали «долой Самодержавіе». Начавшись въ Одессѣ, забастовка охватила

и другіе южныя города: Екатеринославъ, Кіевъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Баку, Тифлисъ и Батумъ.

Главный организаторъ Одесской забастовки — Шаевичъ 21 іюля былъ арестованъ и высланъ, по распоряженію Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ г. Вологду, а по разсмотрѣніи дѣла о немъ въ Особомъ Совѣщаніи—высланъ въ Восточную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи, на пять лѣтъ, срокомъ по 28 августа 1908 г., но, по примѣненіи къ нему Всеплостивѣйшаго Манифеста 11 августа 1904 г., отъ ссылки и гласнаго надзора освобожденъ, съ воспрещеніемъ жительства въ столицахъ и г. Одессѣ на первоначально названный срокъ надзора. По поводу распоряженія о высылкѣ Шаевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ высказалъ слѣдующее: «Моя ссылка заставитъ всѣхъ революціонеровъ понять, что я никогда не былъ слугою правительства, а только другомъ рабочихъ». Что касается руководимой имъ «Еврейской независимой рабочей партіи», то вскорѣ послѣ іюльскихъ событій 1903 г. она распалась и многія лица, къ ней примыкавшія, вступили затѣмъ въ социалистическую организацію съ вполне опредѣленнымъ противоправительственнымъ характеромъ—«Пойалей-Ціонъ» («Рабочій Сіонъ»), переименовавшуюся впоследствии въ «Сіонистско-социалистическую рабочую партію».

II.

Докладъ Чиновника Особыхъ порученій V класса при Департаментѣ Полиціи С. В. Зубатова. Директору Департамента Полиціи.

Считаю служебнымъ долгомъ почтительнѣйше доложить Вашему Превосходительству, что 19-го минувшаго августа, въ 2 часа дня, мнѣ было предложено явиться къ его Высокопревосходительству Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ зданіе на Аптекарскомъ Островѣ, куда я своевременно и прибылъ. Въ два часа безъ пяти минутъ туда же пріѣхалъ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Командиръ Корпуса Жандармовъ, Генераль-Лейтенантъ фонъ-Валь, который, поздоровавшись со мною, прошелъ въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій при господинѣ Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Скандракова въ залъ совѣщаній, что рядомъ съ министерскимъ кабинетомъ. Минуть черезъ 15—20 оттуда вышелъ г. Скандраковъ и затѣмъ меня пригласили къ Господину Министру.

Явившись въ залъ засѣданій, я съ удивленіемъ увидѣлъ сидящими въ немъ (а не кабинетѣ), за большимъ столомъ, господина Министра и Генераль-Лейтенанта фонъ-Валя. Не приподнявшись при моемъ появленіи въ комнатѣ и не подавъ мнѣ руки (что обычно дѣлалось всегда ранѣе), господинъ Министръ указалъ мнѣ стулъ и просилъ сѣсть. Затѣмъ Его Высокопревоско-

дительство предупредилъ меня, что съ тѣми лицами, которымъ онъ не вѣритъ, онъ не имѣетъ обыкновенія говорить одинъ на одинъ, почему, для присутствія при объясненіи со мною, имъ приглашенъ Генераль-Лейтенантъ фонъ-Валь. Пораженный необычностью всего происходящаго и получивъ публичное выраженіе недовѣрія, — я нѣсколько растерялся, почему на предложеніе господина Министра разсказать исторію происхожденія «Еврейской независимой рабочей партіи», — отвѣтилъ сначала ссылкой на то, что исторія эта имѣется въ документахъ Департамента Полиціи, съ революціями покойнаго Егермейстера Сипягина и отвѣтками бывшаго Директора Департамента Полиціи С. Э. Зволянскаго. Впрочемъ, я тутъ же пояснилъ, что ничего не дѣлалъ въ тайнѣ отъ своего начальства и потому трудно ждать отъ меня какихъ либо особыхъ разоблаченій. Господинъ Министръ перебилъ меня предложеніемъ начать свой разсказъ объ этой партіи.

Я подробно указалъ, какой чрезвычайный интересъ представляло еврейство для политическаго розыска ко времени первой ликвидаціи его революціонныхъ силъ въ 1898 году, когда въ одинъ приемъ былъ вскрытъ почти весь Сѣверо-Западный край, причемъ по обыскамъ было обнаружено сразу 4 типографіи, а въ тюрьмахъ оказался весь цвѣтъ «Бунда»; съ какими необычайными трудностями встрѣтились при допросахъ производящіе дознаніе по дѣлу Кремера, Баневурда и др., насколько поразительно своеобразны были эти арестованные; какъ они были злы, дерзки, хитры, солидарны и дисциплинированы въ отношеніи своихъ главарей. Раскинутость и законспирированность бундовскаго движенія, въ связи съ указанными индивидуальными особенностями лицъ, его составляющихъ, меня тогда особо заинтересовала и, заинтересовавъ, побудила специализироваться на еврействѣ. Слѣдующая еврейская ликвидація произведена была мною въ гор. Минскѣ въ мартѣ 1900 года. Въ отношеніи этихъ арестованныхъ имѣли мѣсто не столько уже слѣдственные дѣйствія, сколько изученіе по нимъ типовъ и характеровъ еврейскихъ бундовцевъ, а равно внутренняго содержанія этого движенія. Общеніе съ ними обнаружило, что большинство изъ нихъ вовсе не были такъ фанатичны, какъ то представлялось по знакомству съ первой группой; а преимущественное участіе въ движеніи зеленой молодежи дало возможность вступить съ арестованными въ искренній споръ, при чемъ съ ихъ стороны проявилась даже склонность отказываться отъ своего взгляда, какъ только удавалось убѣдить ихъ въ противоположномъ. Во время этихъ разговоровъ пришлось выяснить, что Бундъ удивительно глубоко пустилъ уже корни среди простонароднаго еврейскаго населенія и достигъ того, что по нелегальнымъ изданіямъ простакі стали обучать своихъ дѣтей грамотѣ. Сказанное побудило меня, въ интересахъ пущей успѣшности борьбы съ революціонерами, открыть съ своей стороны контръ-пропаганду въ еврейской массѣ, воспользовавшись для

этого, какъ своими выучениками, арестованными по этому дѣлу. При этомъ я, конечно, вовсе не скрывалъ отъ себя всей неподготовленности въ извѣстномъ отношеніи своихъ прозелитовъ, до мозга костей пропитанныхъ еще идеологіей Бунда. Но, договорившись въ основномъ, я впрочемъ рассчитывалъ перевоспитать ихъ съ помощью времени и обстоятельствъ.—Будучи высказана, мысль эта была ими одобрена. Въ основу ихъ новой дѣятельности должны были лечь слѣдующія положенія: 1) Замята революціоннаго ученія эволюціоннымъ, а слѣдовательно, отрицаніе, въ противоположность революціонерамъ, всѣхъ формъ и видовъ насилія. 2) Проповѣдь преимуществъ самодержавной формы правленія въ области социальныхъ отношеній, какъ формы, по внѣклассности своей, заключающей въ себѣ начало третейское, а слѣдовательно враждебной насильственнымъ приемамъ и склонной къ справедливости. 3) Разъясненіе разницы между революционнымъ рабочимъ движеніемъ, исходящимъ изъ социалистическихъ началъ, и профессиональнымъ, покоящимся на принципахъ капиталистическаго строя: первое занято реформой всѣхъ классовъ общества, а второе своими непосредственными интересами. 4) Твердое уясненіе того положенія, что границы самодѣятельности оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются права власти: переходъ за эту черту былъ признанъ недопустимымъ своеволіемъ—все должно направляться къ власти и черезъ власть.

На этихъ словахъ меня перебилъ господинъ Министръ и спросилъ проповѣдывалъ ли я стачки? Я категорически заявилъ, что являюсь принципиальнымъ противникомъ стачекъ, о чемъ всегда приходилось спорить съ независимцами, которые, раздѣляя эту мысль въ принципѣ, часто доказывали, что въ жизни это не исполнимо: или по грубости евреевъ-хозяевъ, или изъ за конкуренціи съ революціонерами, которые всегда изловчатся подловить независимцевъ и сами поставятъ стачку чтобы сдѣлать выгодное массѣ и скомпрометировать ихъ тѣмъ самымъ въ глазахъ послѣдней.

Когда затѣмъ я доложилъ объ успѣхахъ независимцевъ въ Минскѣ, гдѣ вся администрація охотно вела съ ними сношенія, рабочіе тысячами записывались въ ихъ организаціи, а бундовцы изъ 800 своихъ членовъ растеряли 600,—и перешелъ къ моменту появленія независимцевъ въ Одессѣ,—Его Высокопревосходительство началъ самъ продолжать мой разговоръ Генераль-Лейтенанту фонъ-Валю:

«Особа, которую даже таскали ко мнѣ, еврейка Вильбушевичъ, поѣхала въ Одессу, гдѣ поставила во главѣ жида Шаевича, выпускавшаго, съ одобренія г. Зубатова, очень глупыя прокламаціи, дѣлавшаго стачки и пр.»

«Виновать», заявилъ я Его Превосходительству, «прокламаціи я получалъ уже готовыми, а въ редактированіи и задумываніи ихъ не участвовалъ».

«Это все равно. А скажите, вы изъ департаментскихъ суммъ платили вашему Шаевичу?»

«Платилъ, говорю,—и изъ департаментскихъ, съ вѣдома г. Директора, давалъ и изъ собственныхъ».

«Перейдемъ теперь къ документамъ. Вотъ, Генералъ, письмо г. Зубатова къ этому Шаевичу: «Дорогой Генрихъ Исаевичъ. Я человѣкъ очень прямой и искренній».... Дальше идутъ сентиментальности. Впрочемъ, тонъ этого письма показываетъ, что г. Зубатовъ не научился даже держать себя прилично, какъ то надлежитъ должностному лицу. Очевидно онъ еще мало служилъ. Дальше идетъ рѣчь о стачкѣ у Рестеля. А вотъ уже и государственное преступленіе, оглашеніе государственныхъ тайнъ:— «Неожиданно я нашелъ себѣ единомышленника въ лицѣ юдофила Царя. По словамъ Орла, (т. е. меня) представлявшемуся по случаю назначенія Градоначальникомъ въ Одессу—Арсеньеву Государь сказалъ: «богатаго Еврейства не распускайте, а бѣднотѣ жить давайте». Государь это сказалъ мнѣ, я передалъ Директору Департамента Полиціи, послѣдній своему чиновнику Зубатову; г. же Зубатовъ позволилъ себѣ сообщить слова Государя своему агенту, жидюгѣ Шаевичу—за что я его и предамъ суду».

Было прочитано еще письмо М. Вильбушевичъ къ Шаевичу, въ которомъ она отговариваетъ его отъ возни съ русскими рабочими—«Это служить характеристикой г. Шаевичу»—пояснилъ г. Министръ.

— «Очевидно, продолжать службу послѣ всего этого г. Зубатовъ не можетъ. Окончательно судьба его рѣшится съ возвращеніемъ изъ отпуска Директора Департамента. Теперь онъ долженъ немедленно передать свою должность тому лицу, которое укажетъ Генералъ-Лейтенантъ фонъ-Валь. Затѣмъ ему будетъ данъ 2-хъ мѣсячный отпускъ, но не позже завтрашняго вечера г. Зубатовъ обязуется уѣхать изъ Петербурга. Можете идти».

Признаться сказать, послѣ такого объясненія, отъ боли жгучей и обиды я не скоро нашелъ скобку у выходной двери....

По возвращеніи въ Департаментъ я доложилъ о происшедшемъ и. д. Директора Департамента Полиціи, который всѣмъ этимъ страшно разстроился. Затѣмъ пріѣхалъ въ Департаментъ Генералъ-Лейтенантъ фонъ-Валь и, войдя въ кабинетъ Директора, объявилъ мнѣ, при Н. П. Зуевѣ и С. М. Языковѣ, что Министръ желаетъ, чтобы я выѣхалъ, не позднѣе вечера слѣдующаго дня, изъ Петербурга и Петербургской губерніи: а теперь шелъ въ Особый Отдѣлъ сдавать свою должность подполковнику Сазонову, куда къ моменту сдачи имѣетъ пожаловать и самъ генералъ. Я заинтересовался узнать, не лежитъ ли еще на мнѣ какихъ либо ограниченій. Генералъ отвѣтилъ отрицательно и спросилъ куда я выѣду. Мною было отвѣчено, что въ Москву.

Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время въ Особомъ Отдѣлѣ появился Генералъ-Лейтенантъ фонъ-Валь въ сопровожденіи подполковника Сазонова, одѣтаго въ статское платье, и предло-

жилъ мнѣ приступить къ сдачѣ своей должности. На это мною было доложено, что служба Отдѣла организована такимъ образомъ, что всѣ бумаги находятся, по принадлежности, у моихъ помощниковъ, почему сдавать, собственно, мнѣ нечего. Удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, генераль приказалъ мнѣ подождать свидѣтельства объ отпускѣ, а самъ удалился.

Въ это время въ коридорахъ Особого Отдѣла находился полковникъ Урановъ и другіе жандармскіе офицеры; среди чиновъ Департамента не могло, конечно, пройти незамѣченнымъ появленіе Товарища Министра въ кабинетъ завѣдывающего Особымъ Отдѣленіемъ.

Доставъ у себя въ квартирѣ конвертъ съ записками начальниковъ Охранныхъ Отдѣленій о добытыхъ ими сотрудникахъ и сдавъ все это подполковнику Сазонову, я рѣшилъ тотчасъ же отправить господину Министру прошеніе объ увольненіи меня въ отставку съ усиленной пенсіей, какъ проведеннаго 15 лѣтъ боевой охранной службы, изъ коихъ 10 лѣтъ имѣлъ честь работать въ непосредственномъ общеніи съ Департаментомъ. Медлить съ этимъ, на мой взглядъ, значило дожидаться того момента, когда меня принудительно уволить отъ дѣлъ: являлось болѣе цѣлесообразнымъ удалиться самому.

На другой день, 20 августа, съ курьерскимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Москву, распорядившись скорѣйшей очисткой своей казенной квартиры. На вокзалъ явились меня провожать нѣкоторые изъ служащихъ Отдѣла (Москвичи), но, по моему отвѣду, между ними прошелъ слухъ, что всѣ, провожавшіе меня будутъ уволены. Въ одномъ вагонѣ со мной ѣхалъ въ Тверь полковникъ Урановъ, который, поздоровавшись со мной издали на платформѣ, болѣе уже не подходилъ ко мнѣ въ продолженіи всего пути.

Первый, кто привезъ въ Москву подробности моей высылки изъ Петербурга, былъ поручикъ Сазоновъ, адъютантъ Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, вернувшійся въ Москву отъ своего брата подполковника Сазонова. Пришли также вѣсти и изъ Твери. Чины Петербургской столичной полиціи сообщили эту новость своимъ знакомымъ сослуживцамъ въ Москву. Вскорѣ меня вызвалъ къ себѣ отецъ и, встревоженный, сталъ допытываться въ чемъ дѣло (я отъ него все скрылъ), такъ какъ въ купеческомъ мірѣ идутъ слухи, что я арестованъ и высланъ. Генераль-Майоръ Треповъ также остался крайне недоволенъ подобной, меня компрометирующей, болтовней въ публикѣ и съ своей стороны рѣзко опровергалъ среди знакомыхъ подобные слухи. Наконецъ, изъ Сената, вѣсти эти проникли въ неблагонадежную среду, гдѣ вызывали сначала удивленіе, а затѣмъ громкую радость, перешедшую, впрочемъ, скорѣ въ увѣренность, что все это только ловушка. Спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго я и приходившіе ко мнѣ стали замѣчать за моею квартирою наблюденіе, подполковникъ Ратко былъ вызванъ въ Департаментъ, гдѣ Генераль-Лейтенантъ Валь на-

велъ его на мысль объ опасности моего пребыванія въ Москвѣ и Н. П. Зуевъ официально «приказалъ» начальнику Московскаго Охраннаго Отдѣленія не допускать меня: ни въ стѣны Охраннаго Отдѣленія, ни къ чиновникамъ, ни къ сотрудицамъ, ни къ рабочимъ, ни къ личнымъ съ собою переговорамъ по вопросу службы.

Въ это же время къ мнѣ на квартиру было доставлено съ почты открытое письмо Шаевича, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что вновь арестованъ, такъ какъ пришелъ приговоръ, по коему онъ высылается въ Восточную Сибирь.

Совокупность изложенныхъ обстоятельствъ заставила меня понять, что я нахожусь не только въ положеніи чиновника, провинившагося передъ своимъ начальствомъ, но и серьезно заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности. Сначала такое сознание было для меня очень забавно. Затѣмъ чувство это стало переходить въ жгучую обиду и наконецъ смѣнилось острымъ раздраженіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря высылкѣ и прочимъ нетактичностямъ, принявшимъ уже въ общественномъ сознаніи ни съ чѣмъ не сообразныя формы и подорвавшимъ мой политическій престижъ среди людей благонамѣренныхъ и фешенебельныхъ, я оказался въ разрядѣ политически опороченныхъ, которыхъ даже въ случаѣ реабилитаціи, обычно расцѣниваютъ по пословицѣ, — что «воръ прощенный, что конь леченый, что жидъ крещеный», — положеніе создалось глубоко обидное. Съ другой стороны, выдержатъ 15 лѣтъ охранный службы при постоянныхъ знакахъ вниманія со стороны начальства, при громкихъ проклятiяхъ со стороны враговъ и не безъ опасности для собственной жизни, — и въ итогѣ получить полицейскій надзоръ, — это ли не безпримѣрно-возмутительный случай служебной несправедливости.

Говорятъ: «За Богомъ молитва, за Царемъ служба — не пропадаютъ». Моя служба въ буквальномъ смыслѣ была царская, а окончилась она такою черною обидою, о какой еще не всякій въ своей жизни слыжалъ.

Утѣшеніемъ во всей этой исторіи является для меня лишь то обстоятельство, что оповореніе мое произошло въ исключительномъ порядкѣ: въ отсутствіе моего прямого начальника и безъ его вѣдома.

Въ настоящее время я позволяю себѣ обратиться въ Вашему Превосходительству съ моимъ почтительнымъ ходатайствомъ о послѣдующемъ удовлетвореніи двухъ нижеслѣдующихъ моихъ просьбъ:

а) о формальномъ восстановленіи въ области государственной и общественной жизни моей политической чести (по существу вернуть уже нельзя).

б) о моемъ матеріальномъ обезпеченіи въ такомъ размѣрѣ, при которомъ потеря мною своей политической чести не могла бы лишить меня общественной дѣеспособности въ томъ слобѣ,

какой я сумѣю отвоевать себѣ благодаря своему выгодному возрасту, бодрымъ силамъ и нѣкоторымъ способностямъ.

Одною изъ мѣръ первой категоріи я бы считалъ возвращеніе изъ Восточной Сибири Г. И. Шаевича и назначеніе особой коммисіи экспертовъ изъ людей науки, которая бы разсмотрѣла вопросъ о томъ, было ли что либо политически неблагонадежное въ моихъ воззрѣніяхъ и дѣятельности по такъ называемой «легализаціи».

Обвиненія, предъявленныя мнѣ по «документамъ» (письмамъ моимъ къ Г. И. Шаевичу), настолько слабы, что я ихъ и самъ могъ бы легко отпарировать, но за разрѣшеніе имѣть адвоката былъ бы очень признателенъ. Впрочемъ, я прекрасно понимаю, что высшее мое начальство само не вѣритъ въ эти обвиненія, и не въ нихъ тутъ сила, но, сдѣлавъ все для моей политической гибели, оно уже не въ силахъ нынѣ смыть съ меня наложеннаго клейма позора.

Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, считаю не лишнимъ здѣсь пояснить, что возвращеніе мое, послѣ всего совершившагося, на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ выше моихъ нравственныхъ силъ и состояться никогда не можетъ.

Надворный Совѣтникъ Зубатовъ.

Гор. Москва.

4^я Октября 1903 года.

Всемиловѣйшее вниманіе.

Въ департаментѣ полиціи, въ желѣзномъ шкафу хранилось дѣло подѣ № 353, за 1915 г., содержащее въ себѣ всеподданнѣйшіе доклады и записки съ 1882 по 1896 г.г. Значительнѣйшую часть этого обширнаго (въ 112 л.) дѣла составляютъ доклады министра внутреннихъ дѣлъ Дурново Александру III о раскрытомъ въ 1890 г. кружкѣ «Народной Воли», дѣйствовавшемъ въ Петербургѣ и Пензѣ, и о сношеніяхъ этого кружка съ нашими эмигрантами, жившими въ Парижѣ. Кружокъ сталъ извѣстенъ департаменту, благодаря сообщеніямъ извѣстнаго провокатора Ландезена-Гартвига, настоящая фамилія котораго Геккельманъ. Этотъ агентъ слѣдилъ болѣе за парижскими дѣятелями и не будучи заподозрѣнъ, узналъ отъ нихъ составъ петербургскаго кружка «Народной Воли». Когда изъ Парижа въ Россію отправились Рапопортъ и В. Л. Бурцевъ, Ландезенъ ихъ сопровождалъ и, конечно, благополучно пріѣхалъ и успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми петербургскими дѣятелями, какъ напр., съ Неонилой Константиновной Истоминой, о которой отзывался, какъ о чрезвычайно выдающейся революціонеркѣ, приравнивая ее къ В. Н. Фигнеръ и С. Бардиной. Члены кружка «Народной Воли» были арестованы, и въ то же время французская полиція захватила русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ; что же касается В. Л. Бурцева, то его черезъ агента Милевскаго старался поймать безуспѣшно Рачковский. О всѣхъ подробностяхъ этого дѣла министромъ внутреннихъ дѣлъ Дурново постоянно весьма подробно докладывалось Александру III. Насколько велико было всемиловѣйшее вниманіе царя-мироотворца къ этому дѣлу, видно какъ изъ очень большаго количества докладовъ о немъ, такъ и изъ помѣтокъ, которыя дѣлались царемъ на этихъ докладахъ. Царскія резолюціи чрезвычайно характерны, почему мы и считаемъ небезъинтереснымъ ихъ опубликовать.

1. Въ докладѣ 26 мая 1890 г. сообщалось, что находившійся въ сношеніяхъ съ нашими революціонерами, жившими въ Румыніи, агентъ Рачковскаго, Иванъ Федоровъ «указалъ, что Бурцевъ 11 мая выѣхалъ изъ Тульчи пароходомъ въ Константинополь, откуда 17 мая долженъ былъ слѣдовать черезъ Севастополь, Керчь или Батумъ въ Одессу, гдѣ пробудетъ не менѣе недѣли для свиданія съ мѣстными революціонерами. Бурцевъ снабженъ заграничнымъ

паспортомъ на имя Лифшица, который упомянутый Федоровъ посылъ для визы въ турецкое консульство въ Тульчѣ.

Высочайшая резолюція на этомъ докладѣ: «На дѣю сь, что онъ попадетсѣ».

2. Въ Бомарзундѣ 28 іюня Дурново докладывалъ о парижскомъ процессѣ нашихъ террористовъ и между прочимъ сообщалъ слѣдующее: «Въ субботу ^{28 іюня}_{5 іюля} судъ исправительной полиціи въ Парижѣ приговорилъ Бориса Рейнштейна, Евгенія Степанова, Виктора Накашидзе, Александра Лаврениуса, Ивана Капинцева и Алексѣя Теплова къ тюремному заключенію на 3 года и штрафу въ 200 франковъ каждый. Ландезенъ приговоренъ заочно къ тюремному заключенію на 5 лѣтъ. Могилева и Сусанна Бромбергъ оправданы. Столь суровый приговоръ относительно Ландезена долженъ быть объясненъ тѣмъ, что обвиняемые безъ сомнѣнія представляли его главнымъ зачинщикомъ всего дѣла... Въ общемъ слѣдуетъ признать, что судъ отнесся къ подсудимымъ не снисходительно».

Резолюція: «Пока это совершенно удовлетворительно».

3. На докладѣ, весьма подробно, объ арестѣ членовъ петербургско-пензенскаго кружка «Народной Воли»: Гусева, Вѣляева, Истоминой, Израельсонъ и Гурвичъ, имѣется резолюція, положенная 2 іюля на яхтѣ «Царевна», близъ Котки: «Весьма дѣльно и ловко вели все это дѣло».

4. Въ Петергофѣ 13 іюля былъ сдѣланъ докладъ о неудачной попыткѣ арестовать В. Л. Бурцева. Извѣстный уже Федоровъ «предложилъ нашему агенту Милевскому устроить прибытіе Бурцева въ Константинополь, указать тамъ гостиницу, въ которой онъ остановится, и такимъ образомъ, на основаніи существующихъ капитуляцій, арестовать». За сообщеніе подробностей этого плана Федоровъ получилъ 1000 рублей, а подробности были такіа: въ виду того, что одинъ изъ опасныхъ революціонеровъ, Волянский (Бѣловъ), знакомый Бурцева, долженъ былъ поѣхать изъ Тульчи въ Лондонъ для свиданія со Степнякомъ, а по пути долженъ видѣться съ Бурцевымъ, находившимся въ Болгаріи, агенту Милевскому необходимо обогнать Волянского, который, вѣроятно, поѣдетъ черезъ Константинополь, и отсюда, т. е. изъ Константинополя, за фальшивой подписью Волянскаго, вызвать Бурцева телеграммой на свиданіе. Такъ и было сдѣлано, однако мнимаго Волянскаго «Бурцевъ телеграммой просилъ обождать письма, и 3 сего іюля Милевскій получилъ въ Константинополѣ отъ Бурцева письмо, въ копіи при семъ представляемое. Расчеты Федорова не оправдались, ибо настоящій Бѣловъ поѣхалъ на Рушукъ, и изъ Рушукъ послалъ Бурцеву телеграмму, которая, очевидно, разрушила придуманный Федоровымъ планъ». Докладывая объ этомъ, министръ наставительно замѣчаетъ: «Остается удивляться легкомыслію Бурцева, который, получивъ двѣ депеши одновре-

менно, одну изъ Константинополя, а другую изъ Рушукъ отъ того же лица, ничего не заподозрилъ и послалъ письмо, доставленное нынѣ въ подлинникъ въ департаментъ полиціи. Изъ этого письма министръ увидѣлъ, что 1) «парижскій погромъ не отрезвилъ террористовъ», и 2) «въ Болгаріи что-то затѣвается», потому что туда пріѣхали Бурцевъ и Волянский. Провалъ плана Федорова не смутилъ министра, и Федоровъ, какъ «искренній» человекъ, остался агентомъ.

Высочайшая резолюція: «Жаль, что не удалось».

5. Въ докладѣ отъ 6 іюля въ Петергофѣ министръ сообщалъ о допросѣ арестованной Н. К. Истоминой и приходилъ къ слѣдующему утѣшительному заключенію: «хотя она и не называетъ новыхъ людей, но по всей обстановкѣ дѣла, можно съ достовѣрностью утверждать, что въ лицѣ Истоминой, Гусева, Фойницкаго, Фѣльева и Бейлы Гурвичъ намъ удалось задержать главныхъ революціонныхъ дѣятелей текущаго періода».

Противъ этихъ словъ высочайшая помѣтка: «Надѣюсь, что это такъ».

Несмотря на свою лапидарную краткость, эти резолюціи ярко рисуютъ «всемилютивѣйшія» чувства ихъ автора, когда ему докладывались дѣла, касавшіяся революціонеровъ: и чувство удовлетворенности по поводу арестовъ и суроваго парижскаго приговора, и радостное чувство увѣренности, что В. Л. Бурцевъ «попадется», и сердечное огорченіе, когда Бурцева поймать «не удалось».

А. Бороздинъ.

Императоры Вильгельмъ II и Николай II въ 1904—1907 г.г.

Неизданная переписка.

Предъ нами лежатъ строго-конфиденціальныя телеграммы, которыми въ 1904—1907 г.г. обмѣнивались помпмо и безъ вѣдома своихъ министровъ германскій и русскій императоры. Многое въ этой корреспонденціи весьма любопытно съ точки зрѣнія исторіи международной политики; для исторіи внутреннихъ русскихъ событій, происходившихъ въ это время, переписка даетъ очень мало. Хранились эти телеграммы въ такъ называемой Собственной Е. В. походной канцеляріи.

Императоръ Вильгельмъ II описывается въ этой тайной корреспонденціи въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ его другъ. Предъ нами человекъ, зорко и умѣло блюдушій интересы своей родины, ставящій себѣ точную дипломатическую задачу и неуклонно стремящійся къ ея разрѣшенію. Ему нужно во что бы то ни стало образовать противъ Англіи союзъ трехъ великихъ континентальныхъ державъ; достиженіе этой цѣли въ моментъ, съ котораго начинается попавшая въ мои руки переписка, значительно облегчено тѣмъ, что Россія находится въ войнѣ съ Японіею и въ рѣзкой дипломатической враждѣ съ Англіею. Значить, рѣчь идетъ только о томъ, чтобы заставить Францію порвать заключенное съ Англіею 8 апрѣля 1904 года соглашеніе и примкнуть къ русско-германской комбинаціи.

Но какъ это сдѣлать? Вильгельмъ понимаетъ, конечно, что Франція ни за что не согласится совершить этотъ актъ, который поставилъ бы ее въ вассальную зависимость отъ Германіи. Онъ пришелъ къ этому заключенію не только путемъ чисто логическимъ, но на основаніи самыхъ положительныхъ и многочисленныхъ фактовъ. Вѣдь, втеченіе почти десяти лѣтъ, съ 1894 года по 1903 годъ, германскій императоръ не щадилъ усилій, чтобы привлечь Францію въ фарватеръ своей политики. Любезность, предупредительность, обѣщанія — все было пущено въ ходъ, и временами, особенно въ эпоху фашодскаго инцидента (1898—1899 г.г.) и бурской войны (1899—1902), могло казаться, что задача, поставленная себѣ германскимъ императоромъ вовсе не такъ ужъ далека отъ разрѣшенія. Но едва только дѣло доходило до приступа къ болѣе положительнымъ и принципиальнымъ согла-

шеніямъ,—какъ все разстраивалось, и выведенная съ большими усиліями дипломатическая постройка разлеталась, какъ карточный домикъ. Съ того момента, какъ взомель на англійскій престолъ король Эдуардъ VII, а, въ особенности, со времени образованія англо-французской *entente cordiale* (въ 1904 году) для Вильгельма II, повидимому, стало ясно, что къ дѣлу нужно попытаться подойти инымъ путемъ. Нужно заключить сначала тайно формальный договоръ съ Россіей, а ужъ затѣмъ внезапно поставить правительство французской республики предъ совершившимся фактомъ. Тогда Франціи нужно будетъ либо немедленно примкнуть къ уже создавшейся комбинаціи,—и континентальный союзъ противъ Англіи будетъ на лицо,—либо разорвать франко-русскій союзъ и считаться съ близкою перспективою германскаго нападенія. Императоръ имѣлъ всѣ основанія рассчитывать на то, что Франція выберетъ первый исходъ.

Что Вильгельмъ II усматривалъ 99 процентовъ успѣха всей затѣи именно въ соблюденіи строжайшей предварительной тайны,—это весьма понятно. Что русскій императоръ, союзникъ Франціи, съ готовностью на это пошелъ, что тайный договоръ между двумя монархами былъ подписанъ безъ вѣдома Франціи, съ которой у Николая продолжали сохраняться наискрѣднѣйшія отношенія, что этотъ тайный договоръ дѣлалъ Германію госпожею положенія въ Европѣ и прочно отдавалъ въ ея руки Россію, это, конечно, было результатомъ, которымъ германскій императоръ былъ вправѣ гордиться. Правда, обстоятельства сложились такъ, что оказалось болѣе цѣлесообразнымъ использовать этотъ договоръ нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалось; онъ не былъ внезапно предъявленъ Франціи съ требованіемъ примкнуть къ комбинаціи. Но, все равно, фактически франко-русскій союзъ съ этого времени на нѣсколько лѣтъ прекратилъ свое существованіе. Что получила Россія отъ этого тайнаго дѣянія ея монарха? Рѣшительно ничего; напротивъ, этотъ договоръ дипломатически завершилъ то, что путемъ войны начала Японія: вывелъ Россію изъ строя державъ, съ интересами которыхъ нужно считаться. Если бы Россія открыто порвала съ Франціей и вступила въ союзъ съ Германіей въ 1904—5 г.г., это имѣло бы очень много невыгодъ и очень мало выгодъ; но вступить въ договоръ тайный, значило получить только ущербъ, ужъ безъ всякихъ возможныхъ выгодъ. Именно это и было сдѣлано императоромъ Николаемъ II.

Таково главное дѣло, къ которому стремился Вильгельмъ II въ эти годы. Конечно, переписка занята вовсе не только этимъ однимъ. Между монархами существовали еще тѣ дружескія личныя отношенія, которыя ни для кого не были секретомъ. «Дядя Альбертъ», «дядя Бerti» (т. е. король Эдуардъ VII), родственникъ обоихъ корреспондентовъ, поминается императоромъ Вильгельмомъ въ уважительномъ тонѣ; императоръ (въ телеграммѣ № 1) даже высказываетъ увѣренность въ его миролюбіи. Но уже съ 1906 года тонъ Вильгельма становится все болѣе сухимъ: влияніе короля на

русское правительство дѣлается все замѣтнѣе. Печатавъ англійскій текстъ телеграммъ, я ограничусь здѣсь указаніями на тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ сколько нибудь существенный интересъ.

Пачка, находящаяся въ моемъ распоряженіи, начинается телеграммою изъ Кіля, отъ 16 іюня 1904 года; дѣло было въ разгаръ русско-японской войны, и германскій императоръ не устаетъ расточать соболѣзнованія, поздравленія, совѣты. Николай благодарить, поясняетъ и снова благодарить. Бѣгло упоминаетъ (№ 3, 21 іюня 1904 г.) о договорѣ, подписанномъ Витте и канцлеромъ Бюловымъ,—томъ самомъ торговомъ договорѣ, который на десять лѣтъ значительно закабалилъ Россію, и выражаетъ по этому поводу надежду, что Вильгельму пріятно крейсировать (тотъ, по обыкновенію, въ это время совершалъ въ своей яхтѣ прогулку по Сѣверному морю). Но Вильгельмъ говоритъ совсѣмъ инымъ тономъ, когда интересы его страны сколько нибудь затронуты: «русскій пароходъ, назвавшійся крейсеромъ «Смоленскомъ», остановилъ пароходъ германскаго Ллойда «Принцъ Генрихъ» и отобралъ всѣ почтовые тюки, содержащіе корреспонденцію въ Японію. Этотъ актъ, нарушеніе международнаго права, вызоветъ большое удивленіе и раздраженіе въ Германіи. Принимая во вниманіе дружественныя чувства, обнаруживаемыя нашею страной по отношенію къ Россіи, въ случаѣ повторенія, я боюсь, что это посядѣствуетъ значительному уменьшенію симпатіи, которую еще питаетъ Германія къ Вашей странѣ». Николай извиняется. Но проходитъ еще нѣсколько дней, русскій крейсеръ захватываетъ нѣмецкій пароходъ «Скандію», и Вильгельмъ уже рѣзко требуетъ прекращенія этихъ случаевъ, говоритъ о «пиратствѣ» и грозить «международными осложненіями». Даже подписывается не «Вилли», какъ всегда, а строго: «Вильгельмъ». Николай опять извиняется. Очень интересна телеграмма Вильгельма отъ 8 октября 1904 г. (№ 10). Вильгельмъ выражаетъ надежду, что запертый въ Портъ-Артуръ русскій флотъ нападетъ на японскій флотъ и, хотя самъ можетъ и погибнуть, но такъ ослабитъ врага, что подготовитъ этимъ «побѣдоносный успѣхъ» Балтійскаго флота, который, прійдя въ восточныя воды, «легко» одержитъ успѣхъ надъ японцами. «Тогда власть надъ моремъ вернется къ вамъ,—и японскія сухопутныя силы—въ вашихъ рукахъ; тогда вы возглашаете: «общее наступленіе!» вашей арміи,—и врагъ—hallali!»... Что это такое? Прикидывался ли Вильгельмъ вѣрящимъ въ эту безумную фантастику? Или въ самомъ дѣлѣ, былъ искрененъ? Германскій императоръ всегда былъ окруженъ морскими специалистами и отлично былъ освѣдомленъ о всѣхъ условіяхъ дальневосточной войны. Не будемъ же оскорблять его военной репутаціи предположеніемъ, что онъ могъ искренно вѣрить въ успѣхъ того плана побѣды надъ японцами, который съ полною готовностью предлагалъ своему другу.

Вполнѣ естественно также, что Вильгельмъ слышать нечего

не хочет о преждевременномъ мирѣ Россіи съ Японіей: столь дорога ему честь Россіи! Извѣщая Николая о дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ касательно японскихъ попытокъ начать мирные переговоры, онъ пишетъ (8 октября 1904 г., № 11): «это показываетъ, что Японія приближается къ предѣлу своихъ силъ въ людяхъ и деньгахъ... Насколько я знаю, ваши идеи о дальнѣйшемъ развитіи войны,—и еще послѣ тяжкихъ неудачъ—вы, конечно никогда не приложите руку къ подобному дѣлу»... Императоръ Николай спѣшитъ успокоить своего друга: «Вы можете быть увѣрены, что Россія будетъ въ этой войнѣ сражаться до конца, и пока послѣдній японецъ не будетъ изгнанъ изъ Манджуріи... Сердечно благодарю за вашу лояльную дружбу, которой я вѣрю больше всего» (№ 12).

Отправкою эскадры Рождественскаго германскій императоръ чрезвычайно интересовался, и даже сдѣлалъ попытку на этой почвѣ сразу, безъ всякихъ тайныхъ договоровъ, оторвать Францію отъ Англіи. Рѣчь шла о протестѣ Японіи и Англіи противъ снабженія углемъ русской эскадры во время слѣдованія ея на востокъ. Вильгельмъ предлагаетъ Николаю «напомнить Вашей союзницѣ Франціи» объ ея обязательствахъ предъ Россіей, если же она попытается уклониться отъ дѣла снабженія русской эскадры углемъ въ своихъ портахъ, то онъ, Вильгельмъ, согласенъ съ своей стороны пригрозить: «Хотя Делькассе ярый англофилъ (an anglo-ophile enragé), но онъ будетъ достаточно благоразуменъ, чтобы понять, что британскій флотъ совершенно неспособенъ спасти Парижъ». И такимъ-то образомъ и «образуется могущественная комбинація изъ трехъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ».

Онъ простираетъ при этомъ свою заботливость о русскихъ интересахъ до того, что снова напоминаетъ о необходимости выстроить нѣсколько новыхъ линейныхъ судовъ, чтобы къ моменту окончанія войны располагать значительными силами: «наши частныя фирмы были бы очень рады получить заказы... Увѣряю васъ въ моей абсолютной лояльности. Привѣтъ съ любовью Алисъ. Вилли». Какъ разъ подоспѣлъ инцидентъ съ случайною стрѣльбою русской эскадры въ гульскихъ рыбаковъ (въ Доггербанкѣ),—и Николай рѣшительно становится на точку зрѣнія Вильгельма: нужно образовать германо-русское соглашеніе, а когда оно состоится, «Франція обязана будетъ присоединиться къ своей союзницѣ». «Эта комбинація», признается онъ: «часто приходила мнѣ въ голову, она означаетъ миръ и спокойствіе для свѣта. Привѣтъ съ любовью отъ Алисы. Ники» (№ 14). Нечего и говорить, что германскій императоръ мигомъ ухватился, и тотчасъ же отправилъ Николаю проектъ договора! Одновременно, онъ по мѣрѣ силъ раздуваетъ гульскій инцидентъ (передаетъ вѣданные слухи, будто среди рыбацкой флотиліи находился таинственный «черный пароходъ», слѣдовательно «тамъ была не чистая, игра», *foul play*); сообщаетъ о готовящейся будто бы экспедиціи англичанъ въ Афганистанъ; укоризненно говорить о стремленіяхъ, замѣчающихся во Франціи и Англіи,

поскорѣ прекратить русско-японскую войну; снова увѣряетъ Николая, что кадры японскихъ войскъ близки къ истощенію и т. д. Вильгельмъ узналъ, между прочимъ, что Англія даже не прочь дать Россіи компенсацію въ Персіи за потерю Манджуріи; но онъ предостерегаетъ русскаго императора, чтобы тотъ не поддавался на это, ибо все равно Англія не подпуститъ Россію къ теплому морю (№ 17). Онъ, напротивъ, старается вдохнуть въ своего корреспондента военный энтузіазмъ. Все это писалось въ ноябрѣ 1904 года, наканунѣ паденія Портъ-Артура, когда еще можно было, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ войны безъ крупнаго ущерба. Во всякомъ случаѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ Мукдена ни о какихъ персидскихъ компенсаціяхъ уже и слуха не могло возникать.

Между тѣмъ, дѣло съ тайнымъ договоромъ, о которомъ съ такимъ жаромъ писалъ Николай еще 16 октября,—задержалось. Русскаго императора взяло, повидимому, сомнѣніе насчетъ того, какъ поведетъ себя Франція, когда ей предъявятъ этотъ сюрпризъ. И вотъ, 10 ноября 1904 г., онъ вдругъ спрашиваетъ Вильгельма, не лучше-ли прежде, чѣмъ подписать договоръ все-таки показать его французамъ? А иначе, вѣдь, «покажется, будто мы хотимъ навязать силою этотъ договоръ Франціи».

Но, вѣдь, все дѣло было именно въ этомъ! Вильгельмъ совершенно справедливо полагалъ, что Франція ни за что не согласится на подписаніе подобнаго договора, если у нея спросятъ заблаговременно ея мнѣнія. Весь успѣхъ затѣяннаго предпріятія покоился на строжайшей предварительной тайнѣ и потомъ на внезапно предъявленномъ требованіи къ французскому правительству, примкнуть къ договору. Императоръ Вильгельмъ спѣшилъ сообщить Николаю II «твердое свое убѣжденіе, что было бы абсолютно опасно увѣдомлять Францію», пока они оба не подписали договора. «Это имѣло бы діаметрально противоположное нашимъ желаніямъ дѣйствіе». Онъ обстоятельно поясняетъ свою мысль. Только абсолютная увѣренность въ томъ, что Вильгельмъ и Николай уже связаны обѣщаніемъ взаимной помощи, можетъ заставить французовъ удержаться Англію отъ рѣшительныхъ шаговъ. «Если же Франція будетъ знать, что русско-германскій договоръ только въ проектѣ, но еще не подписанъ, то она немедленно увѣдомитъ объ этомъ своего друга, если не тайнаго союзника, Англію, съ которою она связана *«entente cordiale»*... «Послѣдствіемъ такого увѣдомленія, несомнѣнно, явится нападеніе двухъ союзныхъ державъ Англіи и Японіи на Германію какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Ихъ огромное морское превосходство быстро справится съ моимъ небольшимъ флотомъ, и Германія временно будетъ преодолена». А это нарушитъ мировое равновѣсіе, къ ущербу и для Германіи, и для Россіи, ибо тогда, къ моменту окончанія русско-японской войны, Россія останется безъ поддержки лицомъ къ лицу съ Японіей и ея «торжествующими друзьями».

Итакъ, «предварительное увѣдомленіе Франціи поведетъ къ

катастрофѣ!» Вильгельмъ согласенъ, ужъ лучше, вовсе оставить это дѣло, — и молчать о всѣхъ этихъ переговорахъ. Дальше въ телеграммахъ упоминается о письмѣ императора Николая къ Вильгельму, о бесѣдѣ германскаго императора съ Шебеко, — но ни письма, ни содержанія бесѣды мы не знаемъ. Повидимому, императоръ Николай опять сталъ обнаруживать колебанія, но на этотъ разъ, уже въ сторону, благопріятную подписанію тайнаго договора. 27 ноября (1904 г.) германскій императоръ телеграфируетъ, что времени больше терять нельзя, и снова настойчиво подчеркиваетъ, что никакая третья держава не должна услышать даже шопота, объ этихъ намѣреніяхъ, пока не будетъ подписана конвенція между обѣими державами касательно снабженія углемъ русской эскадры. Императоръ Вильгельмъ внушительно прибавляетъ, что послѣдствія разглашенія могутъ быть очень опасными, и что онъ вполне надѣется на лояльность Николая. Царь совершенно съ этимъ согласился.

Затѣмъ, въ нашей пачкѣ телеграммъ — большой незаполненный промежутокъ — отъ 29 ноября (12 декабря) 1904 года до 1 февраля 1905 года: ни одной телеграммы за все это время въ нашемъ распоряженіи пока не имѣется, — да и въ телеграммѣ отъ 1 февраля находимъ лишь указаніе на трудности въ снабженіи углемъ эскадры Рождественскаго, идущей на Дальній востокъ. Любопытна телеграмма отъ 26 мая, въ которой Николай II увѣдомляетъ германскаго императора о визитѣ американскаго посла Мейера (относительно прелиминарныхъ переговоровъ о мирѣ), причемъ русскій императоръ упоминаетъ о полученномъ отъ Вильгельма письмѣ съ аналогичными предложеніями.

Нѣсколько телеграммъ (въ іюлѣ 1905 года) относятся къ надѣлавшей въ свое время много шума неожиданной для всей Европы встрѣчѣ обоихъ монарховъ въ Бьоркесундѣ. Нужно только вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ произошло это достопамятное свиданіе. Вильгельмъ II съ весны 1905 года велъ определенно враждебную дипломатическую кампанію противъ Франціи. Его путешествіе въ Танжеръ, демонстративное провозглашеніе нерушимаго суверенитета мароккесскаго султана, угрозы въ оффиціозной печати германской имперіи, — все это заставило кабинетъ Рувье пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, который имѣлъ репутацію рѣшительнаго врага Германіи. Втеченіе всего мая и іюня 1905 года надъ Франціею и ея столицею виталъ призракъ возможнаго нападенія со стороны Германіи. Уступивши предъ неожиданною угрозою, французское правительство дѣятельно готовилось къ дипломатическому отстаиванію своихъ мароккескихъ позицій; и вотъ въ этотъ чрезвычайно хлопотливый моментъ еще далеко неулегшейся тревоги, во Франціи съ изумленіемъ узнали о томъ, что Николай II отправился на личное свиданіе съ германскимъ императоромъ, крейсировавшимъ у входа въ Финскій заливъ. Ничего успокаивающаго въ этомъ извѣстіи для Франціи не было. Толки о фактическомъ распаденіи франко-рус-

скаго союза распространились по всѣмъ европейскимъ канцеляріямъ: до такой степени этотъ визитъ казался непонятнымъ.

Наши телеграммы рисуютъ дѣло такъ: инициатива свиданія исходила отъ Вильгельма, пожелавшаго вдругъ «явиться, какъ простой туристъ» къ царю. Но ясно и то, что Николай принялъ это предложеніе съ полнымъ восторгомъ. Онъ самъ выбралъ мѣстомъ свиданія Бьоркесундъ, такъ какъ «въ эти серьезныя времена» не желалъ удалаться отъ столицы. Оба монарха предупредили другъ друга, что держать все дѣло въ полной тайнѣ (Вильгельмъ не сказалъ рѣшительно никому, кромѣ командира своей яхты). Очевидно, опять можно было опасаться помѣхъ и непріятныхъ представленій со стороны Франціи. Германскій императоръ напередъ заявлялъ царю, что имѣетъ для него «весьма важныя новости».

О чемъ говорили монархи въ Бьорке, — это до сихъ поръ остается ихъ тайною. Среди безчисленныхъ догадокъ, заполнявшихъ втеченіе всего іюля 1905 года европейскую прессу, довольно настойчиво распространялась версія о тѣхъ совѣтахъ касательно русскихъ внутреннихъ дѣлъ, какіе будто бы далъ Вильгельмъ Николаю во время этого свиданія. Повидимому, эта версія—правильна. По крайней мѣрѣ, въ первомъ же телеграфномъ привѣтствіи, которое германскій императоръ послалъ русскому послѣ того, какъ они разстались (16/29 іюля 1905 г.) Вильгельмъ выражаетъ весьма опредѣленно свое мнѣніе по наиболѣе жгучему вопросу тогдашней русской дѣйствительности: рѣчь идетъ о булыгинскомъ проектѣ Государственной думы.

И вотъ, мы должны совершенно безпристрастно признать, что на этотъ разъ вліяніе, которое пытался оказывать Вильгельмъ на колеблющуюся волю своего корреспондента, было вовсе не реакционнымъ. Германскій императоръ зрѣло обдумалъ вопросъ и далъ весьма разумный совѣтъ, исходя, конечно, изъ стремленія содѣйствовать консолидаціи монархическаго принципа въ Россіи, но при этомъ обнаруживая вполне государственное пониманіе невозможности спасать этотъ принципъ одною только щедростію въ расходованіи патроновъ. «Вы получите отъ меня письмо сегодня. Я смѣю совѣтовать обнародовать булыгинскій проектъ какъ можно скорѣе, такимъ образомъ, чтобы представители русскаго народа были скоро избраны. Пока это будетъ происходить, откроется мирная конференція, и условія станутъ извѣстны обѣимъ сторонамъ. При томъ настроеніи, какое сейчасъ преобладаетъ въ Россіи, раздраженные массы возложатъ всю отвѣтственность за всѣ невыгодныя послѣдствія (мира) на ваши плечи, а всякій успѣхъ сочтутъ результатомъ личныхъ дѣйствій Ватте. Было бы превосходно, если бы въ видѣ первой работы вы бы дали этимъ представителямъ на голосованіе мирный договоръ, послѣ того, какъ онъ будетъ формулированъ,—такимъ образомъ возлагая odiumъ за рѣшеніе на страну и предоставляя русскому народу голосъ въ вопросѣ его собственной судьбы, чего

онъ такъ сильно хочетъ. Результатъ (въ такомъ случаѣ) былъ бы его дѣломъ и, слѣдовательно, былъ бы заткнутъ ротъ оппозиціи (would... stop the mouths of the opposition). Привѣтъ съ любовью Алисъ».

Это—необычайно характерное письмо. Въ немъ—весь Вильгельмъ. Тутъ и вполне искреннее желаніе указать носителю монархической власти разумный выходъ изъ труднаго положенія, и вѣрное пониманіе натуры корреспондента, на котораго лучше всего повліять, указывая ему на непосредственныя личныя выгоды отъ народнаго представительства, и ревнивая, чисто монархическая индивидуальность, даже вчуужъ не желающая, чтобы подданный (Витте) затмилъ собою своего государя.

Но далеко не только о булыгинской думѣ шелъ разговоръ на императорскихъ яхтахъ. Послѣ свиданія въ Бьорке Вильгельмъ уже прямо пишетъ Николаю объ ихъ союзѣ, объ осуществленномъ между ними договорѣ. Германскій императоръ въ это лѣто много носился съ мыслью объ объявленіи Балтійскаго моря «закрытымъ» для военныхъ флотовъ всѣхъ державъ, кромѣ тѣхъ, берега которыхъ омываются этимъ моремъ. Повидимому, именно въ Бьорке императоръ Николай примкнулъ къ этому плану. Англійское правительство послѣшило, узнавши объ этихъ предположеніяхъ, послать эскадру именно въ Балтійское море безъ установленныхъ визитовъ и обычныхъ знаковъ официального дружескаго, — и именно послало ее въ Германскія воды. Сообщая объ этомъ Николаю, Вильгельмъ пишетъ: «или Англія встревожена извѣстіемъ о нашей встрѣчѣ, или они желаютъ меня испугать!» Поѣздка германскаго императора въ Копенгагенъ еще болѣе возбуждала подозрительность англичанъ, такъ какъ послѣ Бьорке этотъ визитъ производилъ впечатлѣніе готовящагося объединенія прибалтійскихъ державъ. Николай, съ своей стороны находилъ, что визитъ Вильгельма въ Копенгагенъ произошелъ «очень кстати», и надѣялся, что императоръ «будетъ удовлетворенъ результатомъ своихъ бесѣдъ тамъ». Вильгельмъ условился съ Николаемъ, что будетъ говорить съ датскимъ королемъ объ ихъ рѣшеніи насчетъ Балтійскаго моря, — но нашелъ неудобнымъ заговорить объ этомъ до такой степени, — сообщаетъ онъ Николаю, — датскій король былъ запуганъ, а общественное мнѣніе Даніи встревожено слухами, сѣявшими недовѣріе къ Вильгельму, и шедшими, главнымъ образомъ, изъ Англіи. «Британскій посолъ, обѣдая съ однимъ изъ моихъ лицъ свиты (one of my gentlemen—фамиліярный терминъ для обозначенія свитскихъ *E. T.*), прибѣгалъ къ очень рѣзкимъ выраженіямъ противъ меня, обвиняя меня въ гнуснѣйшихъ интригахъ и планахъ, и объявляя, что каждый англичанинъ знаетъ и убѣжденъ, что я работаю для войны съ Англіею и для уничтоженія Англіи. Вы можете себѣ представить, какія вещи можетъ подобный человѣкъ выдирать въ умы датской (королевской) фамиліи, двора и народа. Я сдѣлалъ все зависящее, чтобы разсѣять тучу недовѣрія, ведя себя совершенно просто, и не дѣлая (даже) наме-

ковъ на серьезную политику; принимая также во вниманіе большое количество каналовъ, идущихъ изъ Копенгагена въ Лондонъ и вошедшую въ поговорку нескромность датскаго двора, я боялся дать знать что бы то ни было о нашемъ союзѣ, такъ какъ это было бы немедленно сообщено въ Лондонъ,—а это—самая невозможная вещь, пока договоръ долженъ оставаться секретнымъ.

Послѣ долгаго разговора съ Извольскимъ, во всякомъ случаѣ, я могъ добиться, что нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Рабенъ и много вліятельныхъ лицъ уже пришли къ убѣжденію, что въ случаѣ войны и грозящаго нападенія на Балтику со стороны иностранной державы, датчане ожидаютъ,—такъ какъ ихъ безпомощность и неспособность поддержать даже тѣнь нейтралитета при нашествіи—очевидны.—что Россія и Германія немедленно предпримутъ шаги къ охранѣ своихъ интересовъ, наложивши руку на Данію и занявши ее на время войны. Такъ какъ это явилось бы въ одно и то же время обезпеченіемъ территоріи и дальнѣйшаго существованія династии и страны, то датчане понемногу подчиняются этой альтернативѣ и настраиваются на этотъ ладъ (*and making up their minds accordingly*). Такъ какъ это и есть именно то, чего вы желали и на что вы надѣялись, то я подумалъ, что лучше не затрогивать этого предмета (въ разговорѣ) съ датчанами, и воздержался отъ какихъ бы то ни было намековъ, такъ какъ лучше дать этой идее развиваться и созрѣвать въ ихъ головахъ, и предоставить имъ самимъ извлекать конечные выводы, такъ что они, по собственной волѣ, подчинятся побужденію положиться на насъ и идти вмѣстѣ съ нашими двумя странами. Все достается тому, кто умѣетъ ждать» (послѣдняя фраза—по-французски: *Tout vient à qui sait attendre*).

Въ этомъ письмѣ характерно не только категорическое констатированіе существованія союза между обоими императорами, но и строжайше личный характеръ всего предпріятія: Извольскій не знаетъ ни о чемъ, и Вильгельмъ какъ бы хвалится предъ Николаемъ, что ему удалось, работая для ихъ общаго дѣла, раздобыть путемъ «долгаго разговора» кое-какія важныя данныя отъ Извольскаго! А рѣчь шла не болѣе и не менѣе, какъ о подготовкѣ войны съ Англіей, причемъ Россія должна была бы выступить вмѣстѣ съ Германіей. Очевидно также, что когда въ Бьорке Вильгельмъ заявилъ о необходимости въ случаѣ войны съ Англіей оккупировать Данію, не смотря на ея нейтралитетъ,—то Николай высказалъ пожеланіе въ такомъ духѣ, что хорошо-бы поговорить предварительно объ этомъ намѣреніи съ датскимъ королемъ. Но Вильгельмъ и тутъ вполне резонно (съ своей точки зрѣнія) пожелалъ сохранить полнѣйшую тайну, рассуждая такъ, что, все равно, при внезапной оккупациі Даніи, датчане не будутъ въ силахъ оказать сопротивленіе; Николаю-же онъ успокоилъ наскоро состряпанными фразами о томъ, что для самихъ же датчанъ, въ сущности, эта оккупация будетъ полезна, и что они якобы, «понемногу» уже и сами привыкаютъ къ этой мысли. Мы видимъ,

что доктрина «Noth kennt kein Gebot» предназначалась къ осуществленію первоначально въ Даніи, а не въ Бельгіи (ибо въ 1905 году имѣлась въ виду война съ Англіей, а не съ Франціей). Какъ бы затѣмъ, чтобы совершенно умиротворить совѣсть своего корреспондента, его новый хотя и тайный, союзникъ пишетъ ему о старыхъ союзникахъ: «Что вы скажете о программѣ празднествъ въ честь вашихъ союзниковъ въ Коусѣ?» (Рѣчь идетъ о торжественномъ братаніи англійскаго и французскаго флотовъ въ іюлѣ 1905 года). «Всѣ крымскіе ветераны приглашены встрѣтиться съ «братьями по оружію», которые вмѣстѣ съ ними сражались противъ Россіи! Въ самомъ дѣлѣ очень деликатно! Это показываетъ, что я былъ правъ, когда я предупреждалъ васъ два года тому назадъ относительно возобновленія старой «Крымской комбинаціи»... Въ отвѣтъ Николай «горячо благодаритъ за интересныя подробности» и находитъ, что Вильгельмъ прекрасно сдѣлалъ, что ничего не сообщилъ объ ихъ союзѣ. О датскомъ-же нейтралитетѣ и о томъ, что Вильгельмъ объ этомъ не говорилъ ни съ кѣмъ,—русскій императоръ не пишетъ вовсе.

Во всякомъ случаѣ, союзъ, хоть и тайный, на лицо, и въ ближайшее время интересы Николая и интересы Вильгельма совпадаютъ. А потому германскій императоръ рѣшительно стоитъ за двѣ мѣры, которыя, какъ онъ правильно полагаетъ, диктуются прежде всего интересами его друга: за скорѣйшій созывъ Думы и послѣднее окончаніе проигранной войны съ Японіей. «Мой посолъ», пишетъ онъ 7/20 августа 1905 г., «увѣдомилъ меня только что, что вы приказали опубликовать указъ о созывѣ «Великой Думы» (sic: «Great Duma». *E. T.*). Статуты ея, которые должны быть образованы на основаніяхъ, отчасти сходныхъ съ нашимъ Staatsrath'омъ, даютъ ей форму совѣщательнаго учрежденія. Я прошу васъ принять мои самыя горячія поздравленія по поводу этого великаго шага впередъ въ развитіи Россіи. Изъ газетъ я узнаю, что, въ общемъ, мирные переговоры идутъ удовлетворительно, но что есть нѣкоторые пункты, которые, представляютъ кое-какія трудности для соглашенія. Прежде, чѣмъ вы примете ваше окончательное рѣшеніе относительно мира или продолженія войны,—послѣднее будетъ имѣть далеко идущія послѣдствія, которыя трудно предвидѣть до послѣдняго ихъ результата, и будетъ стоять неограниченнаго количества жизней, крови и денегъ,—мнѣ бы представлялось превосходнымъ образомъ дѣйствій, если бы вы подвергли этотъ вопросъ предварительному сужденію Великой Думы. Такъ какъ она представляетъ русскій народъ, то ея отвѣтъ былъ бы голосомъ Россіи. Рѣшилъ бы онъ въ пользу мира,—вы были бы уполномочены націей, заключить миръ на основаніи предложеній, сдѣланныхъ вашимъ делегатомъ въ Вашингтонѣ; и если Россія сама считаетъ, такимъ образомъ, что ея честь не потерпѣла ущерба, то вы можете вложить вашъ мечъ въ ножны со словами Франциска I: tout est perdu fors l'honneur. Никто въ вашей арміи или странѣ или въ остальномъ свѣтѣ не

имѣетъ права порицать васъ за этотъ актъ. Если съ другой стороны Дума сочтетъ, что предложеніе непріемлемо, а японское правительство откажется вести переговоры на другихъ основаніяхъ, тогда опять-таки это Россія устами Думы приглашаетъ васъ, своего императора, продолжать борьбу, беря такимъ образомъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія, на себя самое и защищая васъ разъ навсегда предъ свѣтомъ и предъ исторіею въ будущемъ отъ упрека, что вы пожертвовали тысячами сыновъ Россіи, не сровнявши страну, или, даже, противъ ея желанія. Это послужитъ большимъ стимуломъ и придастъ силу вашимъ личнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ вы почувствуете, что воля всего вашего народа васъ толкнула на рѣшеніе бороться до рокового конца, не обращая вниманія на время, потери и лишенія, что является единственнымъ возможнымъ образомъ дѣйствій, если нужно продолжать войну. Я бы на вашемъ мѣстѣ не пропустилъ этого перваго и лучшаго случая войти въ тѣсное общеніе съ чувствами и желаніями вашей страны относительно мира или войны, давая русскому народу давно желанную возможность рѣшить—или принять участіе въ рѣшеніи—своего будущаго, на что онъ имѣетъ положительное право, и предоставляя Думѣ прекрасный случай немедленно начать работать и показать, что она способна сдѣлать, и достойна-ли она тѣхъ ожиданій, которыя всѣ возлагаютъ на нее. Рѣшенія, которыя приходится принять, такъ страшно серьезны въ своихъ послѣдствіяхъ и такъ далеко идутъ, что совѣтъ невозможно для какого либо смертнаго государя брать отвѣтственность за нихъ только на одни свои собственные плечи, безъ помощи со стороны своего народа! Да будетъ Господь съ вами! Не забываютъ очередного производства по гвардіи. Вилли».

Отвѣтъ Николая не менѣе любопытенъ, чѣмъ эта телеграмма Вильгельма. Конечно, онъ обидѣлся: «*Il déteste les conseils*», сказалъ о немъ одинъ хорошо его знающій французскій политическій дѣятель. Повидимому, ему особенно не понравилось, что Вильгельмъ придаетъ такое серьезное значеніе Думѣ, и что онъ хочетъ, чтобы царь раздѣлилъ съ нею свою отвѣтственность. Во-первыхъ. Николай не сразу отвѣтилъ (что и мотивируетъ участіемъ на маневрахъ въ Красномъ Селѣ); во-вторыхъ, пишетъ: «интересъ, который вы принимаете въ будущемъ совѣѣ Думы, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе», и тутъ же подчеркиваетъ, что это учрежденіе — чисто совѣщательное: «Я вѣрю, что лояльность и здравый смыслъ моего народа серьезно помогутъ въ этомъ совѣщательномъ учрежденіи развитію Россіи». Что касается мира, то онъ невозможенъ, если японцы будутъ настаивать на полученіи хотя бы одного вершка русской территоріи или одного рубля контрибуціи. Личной отвѣтственности онъ, Николай, ничуть не боится. «Вы знаете, какъ я ненавижу кровопролитіе, но все же оно предпочтительнѣе позорнаго мира, когда вѣра человѣка въ себя, въ свое отечество — разбивается въ куски. Можетъ быть, завтра вопросъ будетъ рѣшенъ. Я готовъ принять всю отвѣт-

ственность на себя самого, такъ какъ моя совѣсть чиста, и я знаю, что большая масса моего народа стоитъ за мною. Я прекрасно освѣдомленъ объ огромной серьезности момента, который переживаю, но я не могу дѣйствовать иначе. Благодарю васъ за интересъ, который вы принимаете въ моихъ тревогахъ. Привѣтъ съ любовью отъ Алисы. Ники». Но, вотъ, Вильгельмъ узнаетъ о состоявшемся прелиминарномъ соглашеніи между японскими и русскими представителями. «Я выражаю самыя сердечныя свои поздравленія, что найдено рѣшеніе, позволяющее Россіи выйти изъ войны съ полною честью, и которое во всѣхъ отношеніяхъ воздастъ должную дань храбрости вашей арміи и вашему постоянству въ отстаиваніи правъ и національной чести Россіи. Я слышалъ, что Японія уступила всѣмъ вашимъ требованіямъ. Президентъ Рузвельтъ,—я слышалъ,—дѣлалъ почти сверхчеловѣческія усилія, чтобы побудить Японію уступить. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ великое дѣло для вашей страны и для всего свѣта, тѣмъ болѣе, что, какъ я слышалъ отъ него, Англія положительно отказалась пошевелить пальцемъ, чтобы помочь ему побудить ея союзниковъ японцевъ уступить его предложеніямъ. Еще разъ — искреннѣйшее поздравленіе. Я радъ, что оказался способенъ быть вамъ кое-въ-чемъ полевымъ въ это время. Привѣтъ съ любовью Алисъ».

Когда Витте возвращался изъ Портсмута, Вильгельмъ просилъ Николая, чтобы тотъ развѣшилъ ему посѣтить проѣздомъ Берлинъ, такъ какъ германскій императоръ намѣренъ былъ наградить его орденомъ за торговый договоръ Россіи съ Германіей. Царь согласился. За два дня до ожидаемаго пріѣзда Витте, 11/24 сентября 1905 г., Вильгельмъ спрашиваетъ царя (о Витте): «Освѣдомленъ ли онъ о нашемъ договорѣ? Могу ли я сказать ему объ этомъ, если онъ не освѣдомленъ?» Николай отвѣтилъ: «До сихъ поръ уѣдомлены относительно договора вел. кн. Николай, военный министръ, начальникъ генеральнаго штаба и Ламсдорфъ. Ничего не имѣю противъ того, чтобы Вы сказали о немъ Витте». Рѣчь идетъ о тайномъ «союзномъ» договорѣ, заключенномъ лично между обоими монархами. Характерно, что до подписанія этого тайнаго договора Вильгельмъ настаивалъ на строжайшемъ секретѣ, а Николай предлагалъ подѣлиться этою тайною (съ французами): послѣ подписанія, — и когда для германскаго императора стало уже ясно, что царь не хочетъ этотъ договоръ пустить внезапно въ ходъ для давленія на Францію,—Вильгельмъ, очевидно, пришелъ къ заключенію, что, если такъ, то все же хоть какая нибудь польза отъ тайной сдѣлки можетъ быть реализована только если объ ея существованіи будетъ кое-кто знать.

Что касается Николая, то, послѣ окончанія войны, когда онъ уже нѣсколько менѣе нуждался въ Вильгельмѣ, онъ какъ будто сталъ задумываться относительно того, что скажутъ французы, когда узнаютъ объ его новомъ, тайномъ союзѣ съ германскимъ императоромъ? По крайней мѣрѣ, 29 сентября 1905 г. Вильгельмъ

считаетъ своевременнымъ отправить своему другу длинную телеграмму, въ которой дѣлаетъ всѣ усилія, дабы умиротворить слишкомъ чуткую совѣсть своего друга. Оказывается, что выработка условленнаго въ Бьорке договора нисколько не противорѣчитъ франко-русскому союзу, «конечно если только онъ не направленъ прямо противъ» Германіи. «Съ другой стороны, обязательства Россіи относительно Франціи могутъ идти лишь настолько далеко, насколько Франція заслуживаетъ этого своимъ поведеніемъ». А между тѣмъ, оказывается, что Франція, по авторитетному мнѣнію германскаго императора, не заслужила, чтобы Николай считался съ нею! Она оставила Россію въ трудную минуту, «въ то время какъ Германія помогала вамъ всѣми путями, насколько это было возможно безъ нарушенія законовъ нейтралитета. Это морально тоже налагаетъ на Россію обязательства относительно насъ: *de ut des*». Кромѣ того, Франція желала «среди мира» внезапно напасть на Германію, соединившись съ Англіей. И когда? Какъ разъ когда Вильгельмъ изъ всѣхъ силъ старался помочь Россіи, союзницѣ Франціи! «Это—экспериментъ, который она не должна болѣе повторять, и противъ повторенія коего—я долженъ ждать—что вы защитите меня. Я вполне съ вами согласенъ, что побудить Францію присоединиться къ намъ обоимъ будетъ стоить времени, труда и терпѣнія, но разумные люди въ будущемъ съумѣютъ заставить себя выслушать и почувствовать». Во всякомъ случаѣ, уже и сейчасть этотъ тайный бьоркезундскій договоръ приноситъ благіе результаты, Франція и не зная о немъ, его чувствуетъ: «Наше мароккское дѣло улажено къ полному удовлетворенію, такъ что расчищена атмосфера для лучшаго соглашенія между нами». Словомъ, договоръ въ Бьорке столь хорошъ, что религіозный Вильгельмъ поминаетъ даже имя Господне по его поводу: «Нашъ договоръ—очень хорошая основа для того, чтобы на немъ строить (дальше). Мы соединили наши руки и подписали его предъ Богомъ, который слышалъ наши обѣты». Вильгельмъ признаетъ за Николаемъ право внести извѣстныя измѣненія или оговорки (напр., въ случаѣ абсолютнаго отказа Франціи примкнуть къ договору),—но пока эти оговорки не представлены Николаемъ и не приняты Вильгельмомъ, до той поры,—настоятельно подчеркиваетъ германскій императоръ, договоръ долженъ соблюдаться. А между тѣмъ, «вся ваша вліятельная пресса—«Новое Время», «Русь» и др. уже двѣ недѣли какъ стали рѣзко анти-германскими и англофильскими (*pro-british*). Отчасти, онѣ подкуплены большими суммами англійскихъ денегъ, несомнѣнно». Во всякомъ случаѣ, это тягостно дѣйствуетъ на германскій народъ. Вообще, времена стоятъ неспокойныя, нужно ясно выбрать линію поведенія. И снова увѣренія, что договоръ не противорѣчитъ, въ сущности, франко-русскому союзу, и снова Господи Богъ: «Что подписано, то подписано! И Богъ—нашъ свидѣтель!» Обычный *best love* Алисъ заканчиваетъ эту патетическую телеграмму.

Дѣло было не только въ газетныхъ статьяхъ, — и уже съ октября 1905 г. Вильгельмъ какъ будто начинаетъ замѣчать признаки начинающагося англо-русскаго сближенія. Подозрительнымъ окомъ слѣдитъ онъ за поѣздкою Бенкендорфа изъ Лондона въ Данію — по вызову находившейся тамъ Маріи Теодоровны. Всюду императоръ видитъ руку «великаго творца злыхъ козней», the great mischiefmaker, т. е. дяди Берти, какъ его называютъ перепысывающіеся любящіе родственники: англійскій король Эдуардъ VII начинаетъ своею тѣнью закрывать предъ Вильгельмомъ чуть не пол-горизонта.

Николай старается увѣрить императора, что на него, царя, «ничто не въ состояніи повліять, кромѣ интереса безопасности и чести его страны», увѣряетъ, что Бенкендорфъ «лояльный подданный и дѣйствительный джентльменъ» и не можетъ никогда пойти ни на какія интриги. Вильгельмъ сообщаетъ царю о «разоблаченіяхъ Делькассе» (т. е., конечно, о появившихся въ газетахъ извѣстіяхъ, что Делькассе получилъ въ бытность свою министромъ обѣщаніе Англіи произвести высадку на континентъ въ случаѣ войны между Германіей и Франціей. Николай, съ своей стороны, политично указываетъ на отрицательное вліяніе газетныхъ интервью Бюлова (вѣроятно, тутъ намекъ на вдохновляемую тогда канцлеромъ Бюловымъ газетную кампанію относительно Франціи, какъ «заложницы» Англіи: канцлеръ заявлялъ, что войны Германія съ Англіей одинъ на одинъ — не будетъ, ибо въ такой войнѣ Германія ничего не можетъ выиграть — если же Англія нападетъ на Германію, то Германія нападетъ на Францію, и на сушѣ обильно вознаградитъ себя за всѣ потери на морѣ). Вообще, полемика начинается все болѣе проглядывать въ телеграфной перепискѣ императоровъ. Николай что-то очевидно, писалъ Вильгельму о Таттенбахѣ (германскомъ представителѣ въ Марокко, очень рѣзко боровшемся противъ французскаго вліянія въ этой странѣ). Вильгельмъ отвѣчаетъ (въ ноябрѣ 1905 г.), что свѣдѣнія Николая о Таттенбахѣ — неточны. Удостоверяя, что изъ за Марокко не нужно тревожиться, Вильгельмъ въ то же время обращаетъ вниманіе царя на опасность предпринимаемой Франціею и Англіею морской демонстраціи противъ Турціи, ибо это раздражитъ мусульманскій міръ, — и опять съ порицаніемъ напоминаетъ о «крымской комбинаціи», т. е. объ англо-французской entente. Спустя нѣсколько дней, 19 ноября, Николай благодаря за письмо (пока до насъ не дошедшее), считаетъ долгомъ телеграфировать: «нашъ союзъ съ Франціей — оборонительный», и говорить дальше о какой то посылаемой имъ деклараціи, которая должна остаться въ силѣ, пока Франція не приметъ «нашего новаго соглашенія». Въ чемъ тутъ дѣло — неясно, пока у насъ нѣтъ дополнительныхъ документовъ и, прежде всего, писемъ обоимъ монархамъ, которыми они обмѣнивались въ эти же дни. Телеграмма кончается увѣреніемъ, что Николай сдѣлаетъ все отъ себя зависящее, чтобы довести марокканскую конференцію

до выработки общаго соглашенія. На этомъ обрывается имѣющая у насъ телеграфная переписка 1905 года.

Телеграммы, относящіяся къ 1906 году и немногочисленны, и, сравнительно, не столь значительны по своему содержанію, какъ депеши 1904 и 1905 гг. Да и общій духъ и тонъ корреспонденціи какой то другой. Ласковыя послѣднія строчки, *best loves* Алисъ и т. п.—остались, а самая душа дружбы куда-то испарилась. Есть коротенькія увѣдомленья, — нѣтъ прежнихъ интимныхъ разговоровъ и совѣтовъ. Наболѣе ранняя дата пачки 1906 года—10 іюня. Увѣдомляя Вильгельма объ отставкѣ Ламсдорфа и замѣтивъ его Извольскимъ, царь считаетъ долгомъ извиниться, что долженъ пользоваться услугами Извольскаго не въ Берлинѣ, въ качествѣ посла, а въ Петербургѣ въ качествѣ министра. Вильгельмъ успокаиваетъ его: онъ, Вильгельмъ, хорошо понимаетъ резоны царя. Это любопытно, если принять во вниманіе болѣе позднія чувства рѣшительной вражды и антипатіи, которыя питалъ и питаетъ въ настоящее время германскій императоръ къ Извольскому. О роспускѣ первой Государственной думы Николай впервые сообщилъ Вильгельму лишь за четыре дня до самаго событія, 6 іюля 1906 года, и то только вслѣдствіе необходимости мотивировать отміну своего обѣщаннаго визита. «Вы знаете», пишетъ онъ: «какъ я ждалъ нашей встрѣчи въ первые дни августа. Но дѣла оборачиваются такъ серьезно, что я рѣшился въ непродолжительномъ времени разогнать (to disband) Думу. Я увѣренъ, вы поймете, что при такихъ обстоятельствахъ я не могу покинуть мою страну. Съ искреннимъ сожалѣніемъ я долженъ отложить свой визитъ къ вашимъ берегамъ на извѣстное время. Невольное откладываніе еще увеличиваетъ мое нетерпѣніе видѣть васъ. Привѣтъ съ любовью отъ насъ обоихъ». Вильгельмъ отвѣтилъ на другой же день, 7 іюля: «Я глубоко скорблю, что мы не можемъ встрѣтиться, но вполне понимаю причины, которыя препятствуютъ вамъ покинуть вашу страну въ этотъ моментъ. Я горячо надѣюсь, что мы сможемъ встрѣтиться позже, въ болѣе спокойныя времена. Да будетъ съ вами Богъ и да хранитъ онъ васъ. Привѣтъ съ любовью Алисъ. Вилли». Въ послѣдней строкѣ какъ будто — намекъ на безпокойство за Николая, стоявшаго тогда предъ однимъ изъ самыхъ роковыхъ рѣшеній своей политической жизни. Но, такъ какъ Вильгельма не спрашиваютъ, что онъ думаетъ о предстоящемъ роспускѣ Думы, то онъ и не считаетъ, очевидно, умѣстнымъ хоть одно слово сказать по этому поводу. Точно также сдержанно, лаконично и строго официально звучитъ и телеграмма Вильгельма (отъ ³/₁₆ августа 1906 г.) о визитѣ англійскаго короля, и отвѣтъ Николая по этому поводу. Первый находитъ, что дружескія отношенія между Германіей и Англіей благотворны не только для этихъ двухъ странъ но и для всего міра,—второй совершенно съ этимъ мнѣніемъ согласенъ; и оба удѣляютъ этимъ своимъ мыслямъ по пяти строкъ. Всѣ подобныя банальности, умѣстныя въ официальныхъ сообщеніяхъ

производить курьезное впечатлѣніе, когда пересылаются въ зашифрованномъ видѣ, и когда ни посылающій, ни получающій явственно не вѣрятъ ни единому звуку ихъ. Особенно это странно читать послѣ длинныхъ, конспиративныхъ посланій Вильгельма къ царю въ 1904—1905 гг., когда онъ создавалъ анти-англійскую комбинацію на континентѣ и готовилъ закрытіе Балтійскаго моря, а тотъ же «дядя Берти» отправлялъ въ видѣ угрозы свой флотъ къ германскимъ берегамъ. «Я обрадованъ этимъ результатомъ визита дяди Берти», пишетъ, съ своей стороны, Николай. Въ этой крутой перемѣнѣ тона рельефно сказываются быстрые успѣхи начавшагося послѣ Портсмутскаго мира англо-русскаго сближенія. Прѣжняя интимная откровенность относительно Англіи сдѣлалась для Вильгельма уже невозможной. Да и многое прѣжнее стало, очевидно, невозможнымъ. Что-то оборвалось навсегда. Еще менѣе богаты содержаніемъ три телеграммы, относящіяся къ 1907 году. Въ первой (изъ Травемиюнде, 17/30 іюня 1907 года) Вильгельмъ благодаритъ царя за намѣреніе пріѣхать въ Свинемюнде на свиданіе 6 августа, и только проситъ, если возможно, измѣнить эту дату и прибыть 3-го августа; во второй (отъ 18 іюня) Николай соглашается на это предложеніе; въ третьей (предположительно помѣченной 2 августа 1907 года) Вильгельмъ увѣдомляетъ о новомъ свиданіи своемъ съ англійскимъ королемъ: «Встрѣча съ дядею Берти удовлетворительна. Дядя въ хорошемъ расположеніи и настроенъ миролюбиво. Видимо подъ вліяніемъ македонскихъ дѣлъ (въ подлинникѣ неразборчивое слово въ фразѣ: *visibly impressed by the.... in Macedonia*), считаетъ необходимымъ солидарныя представленія въ Аѣннахъ. Спрошенный королемъ относительно настоящаго состоянія Россіи, я былъ счастливъ увѣдомить его, что я слышалъ отъ васъ, что все идетъ хорошо, роспускъ-же думы вами является такимъ самымъ актомъ, какъ роспускъ португальскаго парламента его кузеномъ Карлосомъ». Рѣчь шла о роспускѣ второй Государственной Думы. Замѣчу, кстати, что въ германской прессѣ въ тѣ годы неоднократно сравнивали Карлоса съ Николаемъ, а португальскаго министра Франко, специализовавшагося на борьбѣ противъ народнаго представительства, со Столыпинымъ. Когда Карлосъ былъ убитъ, когда Франко бѣжалъ, когда впослѣдствіи преемникъ Карлоса былъ низвергнутъ, и пала монархія въ Португаліи, эти параллели—по крайней мѣрѣ въ консервативной прессѣ—прекратились. Престолъ Романовыхъ казался неизмѣримо крѣпче, чѣмъ престолъ Браганца.

Таковы эти телеграммы, сохранившіяся въ бумагахъ походной канцеляріи. При всей ихъ бѣглости и отрывочности, онѣ, какъ уже было выше отмѣчено, привносятъ кое-какія очень интересныя черты и недостававшіе штрихи въ картину русско-германскихъ отношеній временъ русско-японской войны и ближайшихъ дней послѣ ея окончанія. Въ настоящее время я пытаю

всѣ основанія утверждать, что современемъ возможнымъ окажется дать гораздо болѣе полную документальную характеристику этихъ отношеній за все время царствованія императора Николая II. Несомнѣнно, и годы 1904—1906 будутъ освѣщены гораздо полнѣе, чѣмъ это возможно было бы сдѣлать на основаніи уцѣлѣвшихъ (или, точнѣе, пока найденныхъ) телеграммъ, которые тутъ предлагаются вниманію читателя. Во всякомъ случаѣ, уже изъ содержанія этихъ телеграммъ можно сдѣлать нѣсколько выводовъ: 1) императоръ Вильгельмъ очень серьезно рассчитывалъ въ 1904 — 1905 гг. образовать германо-франко-русскій союзъ противъ Англіи. 2) Средствомъ осуществленія этой комбинаціи онъ считалъ предварительное заключеніе тайнаго договора между нимъ и Николаемъ,—и, затѣмъ, воздѣйствіе, путемъ прямого давленія, на французское правительство («спасать Парижъ»). 3) Николай II не рѣшился на доведеніе этой комбинаціи до логическаго ея конца, предусмотрѣннаго Вильгельмомъ, и, заключивши тайный договоръ съ германскимъ императоромъ, все же не согласился пустить въ ходъ этотъ договоръ, какъ средство устрашенія Франціи; такимъ образомъ договоръ (или, даже, союзъ, какъ выражается Вильгельмъ) между обоими императорами остался въ строгой тайнѣ. 4) Послѣ свиданія въ Бьорке германскій императоръ, на основаніи соглашенія съ царемъ, принялся за реализацію своей давнишней мечты объ объявленіи Балтійскаго моря закрытымъ, но, натолкнувшись на препятствія со стороны датскаго двора и правительства и на угрожающую позицію, занятую англичанами, удовольствовался лишь рѣшеніемъ, въ случаѣ войны съ Англіею, просто, оккупировать своими войсками нейтральную Данію, чтобы получить этимъ упрощеннымъ и ускореннымъ путемъ всѣ тѣ выгоды, которыя не желала ему предоставить Данія добровольнымъ присоединеніемъ къ тайной русско-германской комбинаціи. О своемъ планѣ нарушить нейтралитетъ Даніи императоръ Вильгельмъ, какъ мы видѣли, прямо и сообщилъ царю, своему тайному союзнику, не вызвавши этимъ со стороны послѣдняго ни малѣйшихъ возраженій. 5) Что касается области русской внутренней политики, то Вильгельмъ является, разумѣется, приверженцемъ принципа сильной монархіи, но приверженцемъ разумнымъ, понимающимъ опасность положенія Николая, и желающимъ искренно эту опасность уменьшить; самъ же Николай нисколько этой опасности не понималъ, и даже съ нѣкоторой похвалюбою давалъ понять Вильгельму въ отвѣтъ на его серьезные и дѣльные совѣты, что вовсе не желаетъ раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было свою отвѣтственность. Нужно обратить вниманіе, что Вильгельмъ съ удареніемъ называетъ членовъ Государственной Думы (даже булыгинской) представителями русскаго народа, желаетъ, чтобы имъ было дано право голосовать мирный договоръ съ Японіей, подчеркиваетъ, что русскій народъ совершенно правъ, если желаетъ имѣть голосъ по вопросу о собственной участи; а Николай, какъ мы знаемъ,

въ это же лѣто 1905 года выражалъ желаніе, чтобы Дума называлась не «Государственной», а «государевой», т. е. именно стремился принизить даже съ внѣшней стороны ея самостоятельность и авторитетность. Вильгельмъ понималъ, что Дума можетъ принести пользу Николаю, взявши на себя часть его отвѣтственности; Николай этого не понималъ, не желалъ и, вообще, не боялся за себя такъ, какъ за него боялся Вильгельмъ, глубже и серьезнѣе смотрѣвшій на вещи. Еще одну черту нужно отмѣтить: въ 1904 году русско-японская война нужна Вильгельму, и онъ всячески раздуваетъ и поддерживаетъ пламя пожара; лѣтомъ 1905 года эта война ему уже ненужна, напротивъ, у него есть надежда, при возвращеніи Россіи къ европейскимъ дѣламъ, вовлечь ее въ орбиту своей анти-британской политики. И онъ сообразно съ этимъ дѣйствуетъ: по мѣрѣ силъ препятствуетъ миру въ 1904 году, когда миръ еще возможенъ для Россіи на сравнительно мягкихъ условіяхъ, и всецѣло поддерживаетъ въ 1905 году усилія Рузвельта, хотя миръ послѣ Мукдена и Пусими уже гораздо болѣе тягостенъ для его корреспондента. Вообще, Вильгельмъ рисуется въ этой перепискѣ дѣятельнымъ, безпокойнымъ, зоркимъ дипломатомъ, заботящемся и о большомъ, и о маломъ, помнящимъ о великодержавныхъ задачахъ Германіи, но не забывающимъ кстати вернуть словечко и о томъ, что германскія частныя фирмы «съ удовольствіемъ» получили-бы заказъ на русскія линейныя суда. И чувствуется, что это удовольствіе частныхъ фирмъ въ полной мѣрѣ будетъ раздѣлено германскимъ императоромъ.

Самый слогъ телеграммъ Вильгельма особый; твердые, законченныя фразы, ясные доводы, точныя цѣли, никакой расплывчатости, гдѣ можно—ласка, гдѣ нужно—угроза. А съ той стороны: да, согласенъ, очень счастливъ, узналъ съ радостью, совершенно вѣрно, желаю пріятнаго путешествія etc.; и все же, при безспорномъ вліяніи сильной индивидуальности на болѣе слабую, не было, вѣроятно, ни одного момента, когда Вильгельмъ могъ-бы окончательно положиться на эту внѣшне-податливую, но внутренне-упорную, самолюбивую, ускользающую натуру.

Бумага министерства иностранныхъ дѣлъ, надъ которыми въ настоящее время работаетъ пишущій эти строки, даютъ болѣе обильный матеріалъ для исторіи сношеній обоихъ императоровъ за остальное время царствованія Николая II. Но эти пока публикуемыя телеграммы, которыя царь оставилъ въ своей походной канцеляріи, не передавая ихъ въ архивъ министерства, настолько важны и характерны, и носятъ настолько рѣзко выраженный индивидуальный отпечатокъ, что представлялось умѣстнымъ опубликовать ихъ теперь же. Да и моментъ былъ особеннымъ, уже не повторявшимся въ исторіи отношеній обоихъ монарховъ. Текстъ печатается въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ расшифрованъ, съ соблюденіемъ ореографіи подлинника.

Проф. Е. Тарле.

1.

From Kiel the 16-th of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur.

Uncle Albert's visit going of course well. — He is very lively and active and most kind.—His wish for peace is quite pronounced, and is the motive for his liking to offer his services wherever he sees collisions in the world.—The weather is simply disgusting.—Best love to Alice.—Sympathize sincerely with Your fresh losses of ships and men.

(signed) Willy.—A. of A.

2.

From Nordfjordeidet, the 20-th of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur.—Péterhof.

Condole with You at death of Count Keller, a brave soldier and gentleman. Have communicated date fixed by You to My brother in law; he will of course report himself to You.—Perhaps My cousin of Hohenzollern will watch the Japan troops on their side.—We have fine weather here.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

3.

From Péterhof the 21-st of June 1904

Sa Majesté L'Empereur d'Allemagne Nordfjordeidet.

Thank You for Your condolence.—Saw M-r Witte who reported the conclusion of the treaty with Count Bülow. Hope You are enjoining Your cruise.—Have inspected all the troops of the first army corps.—Best love from both.

(signed) Nicky.

4.

From Molde the 5 of July 1904.

Sa Majesté L'Empereur.

A Russian steamer calling itself a cruiser „Smolensk“ has stopped the German Lloyd's steamer „Prince Henry“ and carried off the whole of the post bags containing correspondence to Japan.—This act, a violation of international law, will create great surprise and disgust in Germany; considering the friendly feeling shown to Russia by our country, and if repeated will, I fear, contribute to considerable reduce the sympathy still cherished for Your country by Germany.

(signed) Willy.

5.

From Péterhof the 7-th of July 1904.

Sa Majesté L'Empereur.—Berlin.

Excuse Me for answering so late but having come back from an inspection of the 22-d division, I had no time to write sooner.—I regret

this excess and trop de zèle of the „Smolensk”.— Measures shall be taken to prevent similar cases occurring.—Would be too sad if one episode were to spoil the excellent relations existing between our countries.— I took Your aide-de-camp Count Lambsdorff with me.—Your Wiborg regiment presented itself very well.—I told them I was sure they would show themselves worthy their Colonel in Chief.

(signed) Nicky.

6.

From Dronthheim Hohenzollern the 8-th/21-st of July 1904.

Péterhof. Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks.—Quite satisfied.—Hope My regiment wilful to behave well.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

7.

From Drondheim the 10-th 23-d of July 1904.

Péterhof.—Sa Majesté L'Empereur.

I have just heard from Hamburg Line that Russian „cruiser” has carried off their steamer „Scandia” under Russian officers and crew to unknown destination.—This act is an open violation of international sea law, and is nearly adequate to piracy. —I think it high time that the captains of the so-called cruisers should receive instructions warning them to refrain from committing such acts as the above, as they are able to bring about international complications.

(signed) Wilhelm.

8.

From Péterhof the 11-th/24-th of July 1904. Drondheim

Sa Majesté L'Empereur.

Orders have already been given to captains to refrain from stopping ships, but it is not easy to transmit them instructions while they cruise about.—Steamer „Scandia” shall be immediately released on her arrival at first port.—During this war we learned that enormous quantities of controband was being shipped from Europe to Japan.—Naturally out of a feeling of self defence we wanted to put a stop to it.—I hope You will see from this that there was not the slightest idea in Russia of provoking any bitter feeling in Germany.—Once more I regret very much what has happened.

(signed) Nicky.

9.

From Drondheim the 11-th/24-th of July 1904. at 8 o'cl. 20 m. evening.

Péterhof. Sa Majesté L'Empereur.

Sincerest thanks.—News of the release of „Scandia” will eminently help to relieve feeling of concern and anxiety which was settling on the country especially on the commercial part of Germany.—May

You soon have good news from the front.—Best love to Alice.—Very cold weather here.

(signed) Willy.

10.

From Hubertustock the 8-th of October/25-th of September 1904 at 6 o'clock. 25 m. aftern.

Réval.—Sa Majesté L'Empereur.

The colonel of My Wiborg regiment telegraphed to Me the fact of Your kind acknowledgement of their bravery by the despatch of a large number of decorations; as Chief I venture to thank You heartily for this act, and to express My pleasure at the valiant behaviour of the Wiborgs! I see by the papers that the fleet are for target practice at the well known ranges near Reval where We passed such delightful days.—I hope they will learn their duty soundly, and introduce telescopic sights, which the japaneses have on their guns, but were wanting in the Port-Arthur fleet.—I suppose that when the ice sets in, the fleet will establish their base at Libau, or near Danish coast in the Kicege bay for instance, for their steam tactics and squadron drill, which is a very practical place in winter.—So that when the spring comes they will be ready for the march to the East, knowing their leader, their ships and their guns; and then reestablish the Russian supremacy on the sea.—I am, as every man in My country is, — full of enthusiastic admiration at brave Stoessel, his gallant garnison, may God help them to hold out! The vessels in the harbour are of course the main attraction for the japaneses.—I hope they will make a try for the japanese fleet, and if they manage to run down or smash, or damage the 4 line of battle ships left to Japan, though they themselves may perish too, they will have done their duty: shattering the strength of the japaneses seapower, and preparing the way for the Baltic fleet's victorious succes on its arrival, in winning easely against a damaged antagonist, unable to repair his ships or build new ones in time.—Then the sea power is back in Your hands and the japaneses land forces are at Your mercy; then You sound the „general advance“ for Your army, and the enemy! Hallali! Schebecko just brought Your letter, when I was finishing My telegram.—Many hearty thanks. I have already given every order that Hamburg--America line is in no way to be hampered, but has free scope to do what they like. It is very sensible to keep the squadron here till the ships are thoroughly „seasoned“ and till all units are ready to go out together.—There is no doubt that the appearence of a strong, fresh fleet, with many numbers — though some may be older ships—will do well and decide the day in Your favour; the main point is that the ships in Port-Arthur must make for the japanese and try to sink, ram or damage as many ships as they can, so as to prepare the ground for the Baltic fleet, which on arrival will only have to finish that rest of the hostile ships off.—Also I think it would be practical for You to begin ordering line of battle ships to be built, with private firms, as the japanese have done in England.—

So that when in a year or two the negotiations for peace begin, You can dispose of a fresh reserve to impose Your will and make yourself independent of foreign intervention.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

11.

From Neues Palais the 8-th/19-th of October 1914.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

I have information from good source that former Japanese minister at Petersburg, Kurino, has reappeared in Europe.—He is in Paris and seems to be authorized to try to get France and England—l'entente cordiale!—to mediate in favour of Japan for peace.—It seems also as if the Chinese were being pushed forward by Japan to offer to mediate on their part too.—This shows that Japan is nearing the limits of its strength in men and money, and now that they have gained advantages over the Manchurian army, they fancy that they can stop now and try to reap the fruits of their efforts by enticing other powers to mix themselves in the matter and to get at Manchuria, by peace-conference. As I know Your ideas on the further development of the war, and that after a severe reverse You will of course never lend a hand to such a proceeding, I thought it my duty to inform You of what seems going on behind the scenes.—I think the strings of all these doings lead across the channel.

(signed) Willy.

12.

From Tzarskoé Sélo the 10-th of October 1904.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

Having been out shooting I could not answer Your interesting telegram earlier.—Many thanks for the information about Japan's activity in some European countries.—I heard about it also but I can not quite make out whether the strings of these doings lead across the Channel or perhaps the Atlantic. You may be sure that Russia shall fight this war to the end until the last Jap is driven out of Manchuria only then can come the talk about peace negotiations and that solely between the two belligerents.—May God help us.—Hearty thanks for Your loyal friendship which I trust beyond anything.

(signed) Nicky.

13.

From Neues Palais the 14-th/27-th of October 1904. at 4 o'clock. 28 m. night.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

For sometime English press has been threatening Germany, on no account to allow coals to be sent to Baltic fleet now on its way out. It is not impossible that the Japanese and British Government may lodge a joint protest against our coaling Your ships coupled with a "sommation" to stop further work. The result aimed at by such a threat

of war would be the absolute immobility of Your fleet, and inability to proceed to its destination from want of fuel.—This new danger would have to be faced in community by Russia and Germany together, who would both have to remind Your ally France of obligations she has taken over in the treaty of dual alliance with You, the „casus foederis“.—It is out of the question that France, on such an invitation, would try to shirk her implicit duty towards her ally. Though Delcassé is an anglophile „enragé“, he will be wise enough to understand that the british fleet is utterly unable to save Paris.—In this way a powerful combination of 8 of the strongest continent powers would be formed, to attack whom the anglo-japanese group would think twice before acting.—The complaints of England against our coaling russian ships are all the more frivol, as England since the beginning of the war—after making a present of two ironclads „Nishin“ and „Kassuga“ under british officers and crews to Japan — has constantly supplied the japanese fleet with their coals, selling them no less than 30 steamers.—The naval battles fought by Togo are fought with Cardiff coals.—It would of course be much more agreeable for us if the british were wise and remembering all this, left us alone and in peace. But never will I for a moment recede before unjust threat. I am sorry for the mishap in the North sea. If the fleet are afraid of night attacks, I think the use of the search lights alone would suffice to guard the ships from being surprized if all the lights are turned on the sectors outside the fleet.—The use of guns—especially in European waters—should be restricted as much as possible. My news from London say that the press and mob make annoies, the Admiralty some fuss, but that government, court and society look with greatest calm at the event as an unhappiness, arising from the great nervousnes.—I have sure news from Italy that the Terni shipbuilding trust (Terni, Odero, Orlando) are building 8 surfeit seagoing ironclads of 12.000 tons each, for a foreign unnamed power—probably Japan; reminds Me of My former suggestion that You ought not to forget to order new ships of the line also, so as to be ready with some of them when war is over. They will be excellent „persuaders“ during the peace negociations; our private firms would be most glad to receive contracts. I have attached Lambsdorff to Your suite and Person, as You kindly did with Shebeko for Me. I am deeply sensible for Your kind appreciation of My action towards You and Russia, and assure You can allways rely on My absolute faithful loyalty.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

14.

From Tzarskoé Sélo the 16-th/28-th of October 1904.
Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

Your telegram comes at a very serious moment. — I thank You heartily for it.—Of course You know the first details of North sea incident from our admiral's telegram. Naturally it changes completely the character of the event. I have no words to express my indignation

with England's conduct. It seems that the continental powers, in similar cases, have to confront the danger of her public opinion overwhelming a more reasonable attitude of her government. The latter has to follow the wishes of the country, makes risky steps and sends thundering notes with quite unacceptable conditions.—That is the consequence of acting on the spur of the moment!—Today, I ordered Lamsdorff to send to my London Ambassador a proposition to subject the whole question to an international commission of enquiry as laid down in the Hague Conference protocole.—I agree fully with Your complaints about England's behaviour concerning the coaling of our ships by german steamers whereas she understands the rules of keeping neutrality in her own fashion.—It is certainly high time to put a stop to this.—The only way as You say would be that Germany, Russia and France should at once unite upon an arrangement to abolish anglo-japanese arrogance and insolence.—Would You like to lay down and frame the outlines of such a treaty and let me know it.—As soon as accepted by us, France is bound to join her ally. This combination has often come to my mind, it will mean peace and rest for the world.—Best love from Alix.

(signed) Nicky.

15.

From Neues Palais the 17-th/30-th of October 1904 at 9 o'cl. evening.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks for telegram. Have sent letter, including draft of treaty You wished for, off by Imperial fieldjaeger this evening.—Heard from private source that Hull fishermen have already acknowledged that they have seen foreign steamcraft among their boats, not belonging to their fishing fleet, which they knew not! So there has been foul play! I think the british embassy in Petersburg must know these news, whereto are kept from the british public till now, for fear of „blamage“.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

16.

From Neues Palais the 2-d/15-th of November 1904 at 4 o'cl. 33 min. afternoon.

Sa Majesté L'Empereur—Tzarskoé Sélo.

From reliable source in India I am secretly informed that expedition „à la Thibet“ is being quickly prepared for Afghanistan. It is meant to bring that country for once and all under british influence, if possible direct suzerainty. The expedition is to leave end of this month. The only not english European in Afghanistan service, the director of the arms manufactory of the Emir, a German gentleman, has been murdered, as „préambule“ to the action! The losses of the japanese before Port-Arthur are according to My informations 60 thousand men; consequently they are beginning to get tired of the war, as they loose too many men. This has made them ask in Paris

and London for mediation, and that is why these two powers let their press renew the ventilation of the probabilities of their being able to mediate. Japan hopes to get Port-Arthur and Mandschuria from them, by help congress. — Am preparing answer to Your kind letter, which I trust will meet Your wishes. Best love to Alice.

(signed) Willy.

17.

From Neues Palais the 6-th/19-th of November 1904 at 10 o'cl. 33 min. morning.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

Lambsdorff leaves tonight with letter. My statements about India in last telegram are corroborated by the speech of Lord Selborne who alluded to Afghanistan question. I hear from trustworthy private source, that authorities in Tokio are getting anxious at the future outlook of the war. They have expressed their mortification at not having gained a real success at Liaoyang considering enormous loss of men, because they were without any fresh reserves. The steady pouring in of fresh battalions from Russia is quite far beyond their expectations, as they never thought the Siberian railway capable of keeping up the transports unremittingly. They begin to see, in consequence, that though they are at an end with their cadres, and especially officers, Your army is daily increasing in strength, men and striking power, and that the scales of war are slowly but surely turning against them. A Japanese general went so far to say: „the soup we have cooked, we must now eat it up!“ My suspicions accordingly, that the Japanese are trying secretly to get other power to mediate because they are now at the height of their successes have proved correct. Lansdowne has asked Hayashi to intimate to England the conditions upon which Japan would conclude peace. They were telegraphed from Tokio, but were so preposterous that even blustering Lansdowne thought them too strong and urged Hayashi to tone them down. When they made a wry face and difficulties, Lansdowne added „of course England will take good care, that a mediaeval Russia will be kept well out of Mandschuria, Korea, etc., so that de facto Japan will get all she wants!“ That is the point the British have in their eye when they speak of friendship and friendly mediation. France, as I hear from Japan, is already informed of these plans, and of course a party to this arrangement, taking—as usual in the new „entente cordiale“—the side of England. They are going to offer You a bit of Persia as compensation, of course far from the shore of the gulf—ça va sans dire—which England means to annex herself fearing You might access to the warm sea, which You must by right, as Persia is bound to fall under Russian control and government. This would give either a splendid commercial opening, which England wants to debar You from. Probably Your diplomatists will have reported all this to You before, but I thought nevertheless it My duty to inform You of all I knew, all of which are

authentic serious news from absolutely trustworthy sources. Lansdowne's words are authentic too. So You see the future for Your army is brightened up and soon You will be able to turn tables upon the enemy. May God grant You full success, while I continue to watch everywhere for You. Best love to Alice.

(signed) Willy.

18.

From Tzarskoé Sélo the 7-th/20-th of November, 1904 at 7 o'cl 50 m. evening.

Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Count Lamsdorff brought Me to day Your very kind and most interesting letter.—Accept My heartiest thanks also for Your telegram of yesterday, which brought Me much information. In a very few days I will send You My answer and I hope this affair shall be settled soon to our mutual benefit.—Alix sends You best love.

(signed) Nicky.

19.

From Tzarskoé Sélo the 10-th/23-rd of November 1904 at 12 o'cl. 30 min. day.

Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Before signing the last draft of treaty I think it advisable to let the French see it. As long as it is not signed one can make small modifications in the text; whereas if already approved by Us both it will seem as if we tried to enforce the treaty on France.—In this case a failure might easily happen, which I think is neither Your wish.—Therefore I ask Your agreement to acquaint the Gouvernement of France with this project and upon getting their answer shall at once let You know by telegraph.

(signed) Nicky.

20.

From Tzarskoé Sélo the 10-th/23-rd of November 1904 at 12 o'cl. 30 min. a. p.

Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Hearing that the Emperor of Austria has written to You about an arrangement signed between Russia and Austria, I think it My duty to inform You also from My side. Wishing to strengthen Our efforts in keeping peace and tranquility in the Balkan affairs according to the agreement of 1897, the Emperor and I resolved to sign a secret declaration for the observation of a loyal and strict neutrality in case one of the Empires should be in a state of war, alone and without provocation on its part, with a third country, the latter wishing to endanger the existing status quo. Naturally this declaration does not concern any small Balkan country and it will last as long as Russia and Austria continue their policy of peace in southeastern Europe. Kno-

wing Your efforts for preserving general peace I am sure this agreement shall meet Your sympathy and kind consideration.

(signed) Nicky.

21.

From Moschen b. Kujau, the 18-th/26-th of November 1904 at 9 o'cl.
33 min. morn.

Tzarskoé Sélo. Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks for telegram. You have given Me a new proof of Your perfect loyalty by deciding not to inform France without My agreement. Nevertheless it is My firm conviction that it would be absolutely dangerous to inform France before We both have signed the treaty; it would have an effect diametrically opposed to Our wishes. It is only the absolute sure knowledge that We are both bound by treaty to lend each other mutual help, that will bring the French to press upon England to remain quiet and keep the peace, for fear of France's position being jeopardized. Should however France know that a Russian-German treaty is only projected, but still unsigned, she will immediately give short notice to her friend (if not secretly) England, with whom she is bound by «entente cordiale» and inform her immediately. The outcome of such information would doubtless be an instantaneous attack by the two allied powers England and Japan on Germany in Europe as well as in Asia. Their enormous maritime superiority would soon make short work of My small fleet and Germany would be temporarily crippled. This would upset the scales of the equilibrium of the world to Our mutual harm, and later on when You begin Your peace negotiations, throw You alone on the tender mercies of Japan and her jubilant and overwhelming friends. It was My special wish—and as I understood Your intention too—to maintain and strengthen this endangered equilibrium of the world through expressly the agreement between Russia, Germany and France. That is only possible if Our treaty becomes a fact before; and if We are perfectly d'accord under any form. A previous information of France will lead to a catastrophe—should You notwithstanding think it impossible for You to conclude a treaty with Me, without the previous consent of France, then it would be a far safer alternative to abstain from concluding any treaty at all. Of course I shall be as absolutely silent about Our pourparlers as You will be, in the same manner as You have only informed Lamsdorff, so, I have only spoken to Bülow, who guaranteed absolute secrecy. Our mutual relations and feelings would remain unchanged as before, and I shall go on trying to make Myself useful to You as far as My safety will permit. Your agreement of neutrality was communicated to Me by the Emperor of Austria, and I thank You for Your telegram doing the same, I think it very sensible and it has My fullest approval. Best love.

(signed) Willy.

22.

From Tzarskoé Sélo the 15-th/28-th of November 1904 at 10 o'clock night.

Sa Majesté L'Empereur. Neues Palais.

Best thanks for telegram. In answer to it shall send You a letter with explanations on the matter. I think a letter is safer than having to cipher long telegrams, which may attract unnecessary attention. I remain strongly of opinion that We shall come soon to a complete conformity of views on this question, which interests Us both so much. Best thanks for Your frank and kind conversations with Schebeko that he reported to Me.

(signed) Nicky.

23.

From Neues Palais the 27-th of November (10-th of December) 1904 at 10 o'clock 22 min. evening.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

Your letter of the 7-th, for which best thanks, has just crossed Mine of same date. We must now before all come to a permanent agreement about coaling question. This question becomes daily more and more urgent. To day again serious news has reached Me from Port-Said and Cape-Town; there is now no time to be lost any more. No third power must hear even a whisper about Our intentions before We have concluded the convention about the coaling business, the consequences otherwise would be most dangerous. I of course place full reliance in Your loyalty.

(signed) Willy.

24.

From Tzarskoé Sélo the 28-th of November (11-th of December) 1904 at 5 o'clock 5 min. a. m.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

Hearty thanks for Your letter. Fully agree that both Our Governments must now come to a permanent understanding upon coaling question. Lamsdorff was to see Alvensleben this morning. You may fully rely on My loyalty and on My wish to arrive at a speedy settlement of this serious question.

Nicky.

25.

From Tzarskoé Sélo the 29-th of November (12-th of December) 1904 at 7 o'clock 45 min. a. m.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

I have ordered My Minister of Foreign Affairs to hand over to Count Alvensleben a note declaring My complete acquiescence to Your wish concerning the coaling question. Happy to report this to You.

(signed) Nicky.

26.

Upon enquiring into the coaling business, I learnt that two agents of the Hambourg—America line are now in Petersburg to negotiate about the sale of the coaling ships, but that your people refuse to buy pretending that they have no spare crews to man the colliers. This cannot be true and I suppose that the wish to have peace at any price is uppermost in the minds of the parties who plead impossibility. For surely a few hundred sailors, with officers and engineers to match, might be taken from the Black Sea squadron which has got to remain inactive any way — and sent directly by steamer through the Suez Canal to Madagascar. They might be installed on board of the colliers long before the 3-d squadron arrives in Madagascar, for which Rojestwenski will have to wait any way. If he would avoid defeat, the second squadron being inferior to the Japanese naval forces. It is lucky for You that the French have at all times, even against their own interests during the German war, maintained the point of naval law that belligerent vessels may remain in a neutral port for any length of time and without disarming. Thus the French Government are fully entitled to let the second squadron remain in Madagascar until the arrival of the 3-d. The Russian crews for the colliers would therefore have ample time to reach Nossibe and to install themselves on board. The new manning of the colliers will give Rojestw. legitimate motive for staying in Nossibe until he is reinforced by the 3-d squadron. If any body were to advise you to let Rojest. attack the Japanese before the arrival of reinforcements You might ask that party whether he is ready to take upon himself the responsibility for the result.

Willy.

27.

Berlin Sa Majesté l'Empereur.

Admiral Rojestvensky wired yesterday for the third time that two Hamburg-America line coaling ships have not yet received orders from their Company to follow further than Madagascar under German flag. The agreement concerning money guarantees against war risk has been settled with the Company through Mendelsson bank, but the Hamburg America-Company fears to give orders before getting instructions from the Chancellor. Would You kindly give the necessary permission without which the further sailing of the squadron becomes entirely impossible.

Nicky.

28.

Berlin 2/15 Février 1905. 12 ч. 55 м. по пол.

I told you with beginning of this coaling-business that I should do nothing to prevent. I can give no instructions whatever with regard to it because it is a private enterprise. The Hamburg-America line know the situation and must act on their own responsibility. From this point of view I have ordered now to let Ballin know once more

•

by wire that as far myself and my Gouvernement he is at liberty to act as he thinks fit, of course at his own risks.

Willy.

29.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Berlin.

Micha came back to day enchanted with your kindness and hospitality. He repeated to me everything You wished him to tell him. The day after Your letter came the american ambassador Mr. Meyer asked to see me. I received him yesterday. He was instructed by the president to lay the proposition which You had written to me about. I agreed on condition that the fullest secrecy be kept until Japan gave her consent to open with us preparatory negociations. Of course if her demands were unreasonable the discussing would be broken off. Best love from both.

Nicky.

30.

Шведскій портъ въ Ботническомъ заливѣ сѣвернѣ Стокгольма около 100 миль бл. Вары.

I shall shortly be on my return journey, and cannot pass across entrance of the Finnish sea without sending You best love and wishes. Should it give You any pleasure to see Me—either on shore or Your yacht—of course am allways at Your disposal. I would come as simple tourist, without any fêtes. !

31.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Hernoesand.

Delighted with your proposition. Would it suit you to meet at Bjoerkesund near Viborg a pleasant quiet place living on board our yachts? In these serious times I cannot go far from the Capital. Of course our meeting will be quite simple and homely. Looking forward with intense pleasure to see you.

Nicky.

32.

From Nyland the 7-th (20-th) of July 1905 at 1 o'cl. 25 m. p. m.

Most happy. Would it suit you if I arrived at your anchorage—Bjoerkesund—on Sunday (10-th) 28-rd evening? My yacht draws 6 and half mètres water; would be thankful for a trustworthy pilot, to lead us through the entrance. Please to communicate where you will anchor. Have kept the whole matter quite secret, so that My gentlemen on board even know nothing; also at home nobody informed. Am so delighted to be able to see you. Hope You will not be disturbed by My Nordland's Gessellschaft who always accompany Me since 15 years. Best love.

Willy.

33.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Nyland.

Shall be Sunday 10-th (28-d) afternoon at Bjoerkesund. Have given orders about trustworthy pilot. Place of anchorage will be between the islands of Bjoerke and Kavitz. Till now have kept our planned meeting secret. So happy to see you. Wish you a smooth passage. Best love.

Nicky.

34.

From Nyland the 8-th (31-st) of July 1905 at 1 o'cl. 26 m. p. m.

Most obliged. Expect to arrive on-rd (10-th) at 7 evening. Please let pilot meet us off Hochland. Nobody has slightest idea of meeting; only My captain, who is ordered to keep absolute secrecy. All my guests under impression of going to Visby in Gothland. Am overjoyed at seeing You again. Have most important news for You. The faces of My guests will be worth seeing, when they suddenly behold your yacht! A fine lark! Tableaux! Which dress for the meeting.

Willy.

35.

S. M. l'Empereur d'Allemagne Nyland.

Steamer with pilots shall await your arrival at south end of island Hochland 10-28 July at sunrise. Micha will accompany me. Best love.

Nicky.

36.

From „Danzig“ the 16-th (29-th) of July 1905 at 1 o'cl. 26 min. p. m.

My Wife sends many compliments and thanks for your kind telegram. Reuter telegrams, this morning announce cruise of british Channel fleet to Baltic and looking in at Our ports, without paying visits of ceremony! Either England is anxious on account of Our meeting, or they want to frighten Me! This will lend more weight to My conversation at Copenhagen. You will receive letter from Me to day. I venture to advise promulgating the Bouliguine bill as soon as possible. So that the representatives of Russian people be elected soon. Mean while till that has taken place, the peace conference will have been opened and the conditions become known for both sides. With the actual spirit prevailing in Russia, the disaffected masses would try to place the whole responsibility for all disadvantageable consequences on your shoulders, and the successes as results on Wittes personal manage. It would be excellent as a first task for these representatives, if you gave them the treaty of peace after it has been formulated, to vote upon; thus leaving the odium of the decision to the country and thereby giving the Russian people a voice in the matter of their own prosperity, which they so much wish for. The outcome, would be their work and therefore stop the mouths of the opposition. Best love to Alice.

Willy.

37.

Sa Majesté l'Empereur. Danzig.

I was deeply touched by your kind letter and thank you for telegram. Have also heard about British Channel fleet's projected appearance in the Baltic.

Your visit to Copenhagen comes in very good time. Hope you will be pleased with result of your conversations there. Shall impatiently await short notice from you about visit. Best love to Victoria from both. Wish you success.

Nicky.

38.

From Sassnitz (ile of Rügen) the 2 of Aug. 22-d of July 1905 at 1 o'clock night.

Visit passed off well, under extreme kindness shown to Me by whole family, especially by your dear old grandfather. After My arrival I soon found out through reading the press-reports--Danish and foreign--that a very strong current of mistrust and apprehension had been generated against My visit, especially from England, the King had been so intimidated and public opinion so worked upon, that I was unable to touch the question We had agreed, I has to mention to Him. The British Minister, dining with one of My gentlemen, used very violent language against Me, accusing Me of the vilest plans and intrigues, and declaring, that every englishman knew and was convinced, I was working for a war with and for destruction of England. You may imagine, what stuff a man like this, may have been distilling into the minds of the Danish family, court and people. I did all in My power to dispell the cloud of distrust by behaving quite unconcernedly and making no allusion to serious politics at all; also considering the great number of channels leading from Copenhagen to London and the proverbial want of discretion at the Danish court, I was affraid to let anything be known about Our alliance, as it would immediately have been communicated to London; a most impossible thing as long as the treaty is to remain secret for the present. By a long conversation with Isvolsky however, I was able to gather that the actual Minister of foreign affaires count Raben and a number of persons of influence have already come to the conviction that in case of war and impending attach on the Baltic from the foreign power, the Danes expect--their inability and helplessness to uphold even the shadow of neutrality against an invasion being evident--that Russia and Germany will immediately take steps to safeguard their interests by laying hard on Danemark and occupying it during the war. As this would in the same time guarantee the territory and future existence of dynasty and country, the Danes are slowly resigning themselves to this alternative and making up their minds accordingly. This being exactly what You wished and hoped for, I thought it better not to touch the subject with the Danes and refrained from making any allusions; as it is better to

let the idea develop and ripen in their heads, and to let them draw the final conclusions themselves, so that they will on their own accord be moved to lean upon Us and fall in line with Our two countries. „Tout vient à qui sait attendre“.

The question about Charles going to Norway has been arranged, up to the smallest detail, England having consented to everything and there is nothing to be done any more. I talked with Charles about his prospects and found Him very sober and without any illusions about his task.

What do You say to the programme of festivities for Your allies at Cowes? The whole of the Crimean veterans have been invited to meet former „brothers in arm“, who fought with them against Russia! Very delicate indeed! It shows I was right when I warned You two years ago of reforming of old „Crimean combination“ they are fast warming up again with a vengeance.

Weather was fine. Best love to Alice

Willy

39.

Sa Majesté l'Empereur. Sassnitz.

Thank you warmly for interesting details. Glad your visit went off well. You were quite right in not letting anything be known about our alliance. As the question about Charles going to Norway is settled, I understand that nothing can be done. Am waiting for report from Izvolski about question of Danish neutrality in its last phase. Best love from Alexandrine.

Nicky.

40.

From „Wilhelmshöhe“ the 7-th (20-th) of August 1905 at 11 o'cl. 34 min. morning.

My ambassador just informed me that You have ordered the decree to be published which renders to convocation of „Great Duma“. The statutes to be formed on lines somewhat similar to our „Staats Rath“ giving it the form of „consultative body“. I beg you to accept My warmest congratulations for this great step forward in the development of Russia. By the papers I gather that in general the peace negotiations are going on satisfactorily; but that there are some points which offer some difficulty to agreement. Before you take your final decision for peace or continuation of war—latter will be of far reaching consequence, difficult to foresee to the utmost result, and will cost unlimited lives, blood and money—I should fancy it an excellent procedure if you were to submit this question to the „Great Duma“ first. As it represents the people of Russia its answer would be the voice of Russia. Should it decide for peace, You are empowered by the nation to conclude peace on the proposals submitted to your delegates at Washington; and if thus Russia itself thinks that its honour is not impaired, You can return your sword to its scabbard with

the word of Francis I „tout est perdu fors l'honneur!“ Nobody in your army or country or in the rest of the world has a right to blame you for this act. If on other hand the „Duma“ thinks the proposal unacceptable, and the Japanese government refuse to treat on other basis, then again it is Russia that through the voice of the „Duma“ invites you its Emperor to continue the fight; thus taking the full responsibility for the whole of the consequence on itself and shielding you once for all before the world and history in the future from the reproach that you have sacrificed thousands of Russia's sons without asking the country or even against their wishes. This will lend your personal action a grand stimulus and strength, as you will feel yourself borne by the will of the whole of your people decided fight to the bitter end, regardless of time, losses and privations, which is the only possible way to proceed, if the war is to continue. I would in your place not miss this first and best opportunity to decide into to close touch with your country's feelings and wishes about peace or war, giving the Russian people the long wished for opportunity to decide or take part in the decision relating to its future—which it has a positive right to—and also of giving the „Duma“ immediatly a fine opportunity to work and to show what is able to do, and whether it comes up to the expectation everybody puts into it. The decisions which are to be taken are so terribly earnest in their consequences and so far reaching that it is quite impossible for any mortal sovereign to take the responsibility for them alone on his shoulders without help of his people! May God be with you! Do not forget the line *avancement vis-à-vis* of the Guard.

Willy.

41.

Wilhelmshöhe, Sa Majesté l'Empereur.

Accept my warmest thanks for your kind telegram which touched me deeply. I could not answer you before being occupied with manoeuvres in the neighbourhood of Krasnoe Selo. The interest You take in the future convocation of the „Duma“ gives me great pleasure. I believe that the loyalty and good sense of my people will be a serious help for the developement of Russia in this consultative body. For the last three months I have thought much about the question of peace or war. I receive daily telegrams, letters, addresses etc. begging me not to conclude peace on hard terms. There are two points upon which every good Russian agrees to continue the fight to the end if Japan insists on them: not an inch of our territory, not one rouble of war indemnity. And these are precisely the terms which the Japanese do not want to give way in. Nothing either will induce me to consent to these two demands. Therefore there is no hope for peace for the present. You know how I hate bloodshed, but still it is preferable to an ignominious peace, when the faith in oneself, in one's fatherland, would be scattered to pieces. Perhaps to morrow this question will be decided. I am ready to carry the whole responsibility myself, my

conscience being cleare, and knowing the great bulk of my people backing me up. I am perfectly aware of the immense seriousness of the moment I am living in, but I cannot act otherwise. Thank you for the interest you take in my troubles. Best love from Alix.

Nicky.

42.

Изъ самка Rominten 11 сент. 12 ч. 20 м. д.

Sa Majesté l'Empereur.

By your kind order Witte will be here on 26-18 m. Is he informed of our treaty? Am I to tell him about it if he is not? Best love to Alix; killed four stags here, nothing especially big, weather cool and fine. Waidmanns Heil!

43.

Sa Majesté l'Empereur Rominten.

Till now the Grand Duke Nikolaz, the war minister, the chief of General staff and Lamsdorff are informed about treaty. Have nothing against your telling Witte about it. Enjoying my stay on the Polar Star, dry fine weather. Best love from Alix. Waidmanns Dank.

Nicky.

44.

Изъ Homburg Schloss 4 сент. 9 ч. 30 м. утр.

Witte is, as I hear, on his return journey. Would you allow him to visit me „en passant“ on his way to Russia? As I intend decorating him on account of the coming into existence of the treaty of commerce, which he concluded last year with Bülow. Happy cruise! Our manoeuvres most interesting in lovely country, but very wet! Best love to Alix.

Willy.

45.

Cablegrams from Washington brought me news of the agreement of the Conference on preliminaries of peace, by which the final conclusion of peace is, it seems, at last guaranteed. May I express my most heart-ful compliments that a solution has been found, which enables Russia to emerge with full honor out of the war; and which pays tribute in every respect to the gallantry of your army as your constancy in vindicating Russia's rights and national honor. I hear Japan has conceded all your demands. President Roosevelt, I hear, has made nearly superhuman efforts to induce Japan to give way. He has really done a great work for your country and the whole world. The more so as I heard from him, that England positively refused to budge a finger to help him in working upon their allies the Japanese to give way to his demands. Once more sincerest compliment I am glad if I have been able to of any use to you in this time. Best love to Alix.

41.

Изъ Gluckburgostsee. 29 сентября.

The working of treaty does not—as we agreed at Bioerkö—collise with the Franco—Russian alliance.—provided of course the latter is not aimed directly at my country. On the other hand the obligations of Russia towards France. can only go so far as France merits that through her behaviour. Your ally has notoriously left you in the lurch during the whole war. whereas Germany helped you in every way as far as it could, without infringing the laws of neutrality. That puts Russia morally also under obligations to us: do ut des. Meanwhile the indiscretions of Delcassé have shown the world. that though France is your ally she nevertheless made an agreement with England and was on the verge of surprising Germany with British help in the middle of peace, while I was doing my best to you and your country her ally. This is an experiment. which she must not repeat again and against a repetition of which I must expect you to guard me. I fully agree with you that it will cost time, labour and patience to induce France to join us both, but the reasonable people. will in future make themselves heard and felt! Our Maroccoan business is regulated to entire satisfaction, so that the air is free for better understanding between us. Our treaty is a very good base to build upon. We joined hands and signed before God who heard our vows. I therefore think that the treaty can well come into existence.

But if you wish any changes in the works or clauses or provisions for the future or different emergencies—as for instance the absolute refusal of France which is improbable—I gladly await any proposals you will think fit to lay before me! Till these have been layed before me and are agreed upon, the treaty must be adhered to by us as it is. The whole of your influential press Nowosti, Nowoie Wremja, Russj, etc. have since a fortnight become violently antigermans and pro-british. Partly they are bought by heavy sums of british money no doubt. Still it makes my people very chary and does great harm to the relations newly growning between our countries. All these occurrences show that times are troubled, and that we must have clear courses to stear; the treaty we signed is a means of keeping straight, without interfering with your alliance as such. What is signed is signed! and God is our testator! I shall await your proposals. Best love to Alix.

Willy.

42.

Sa Majesté l'Empereur Glücksburg Hohenzollern 30 сент. 8^{3/4} утра.

As Fritz Leopold arrives on Sunday to present himself after having been under fire on several occasions may I decorate him with the St. Georges cross of 4-th class? General Linievitch reported to me about his coolness and excellent behaviour in several affairs in May last. Best love.

Nicky.

43.

Императорскій Телеграфъ въ Александрія. Телеграмма № 8 28 словъ.
Подана въ Kiel 13 Octobre 1905 г. 1 ч. 45 м. по п. Получена въ Pö-
terhof 30 Septembre (ст. стиля) 1905 г. 4 ч. 15 м. по п.

Sa Majesté L'Empereur.

Most touched and thankful for your kind intention. I envy him
this coveted décoration: best love. Horrible weather.

Willy.

44.

Изъ Neues Palais 15 октября 2 ч. 27 м. дня.

So glad to know my brother in law back from war under
your roof. Many thanks once more for the great honor of St. George
cross! it seems that the archmischiefmaker of Europe in London is
at work again. The revelations of Delcassé notwithstanding which ter-
ribly compromised him and his Gouvernement, as planing war against
our friendly nation in peace! Like brigands in a wood! He has sent Ben-
kendorff—your ambassador—to Copenhagen on a clandestine mission to
your mother with the instructions to win her over to influence you for
a policy against me! The foreign office in London knows about his
journey, which is denied at your Embassy there. I may of course be
misinformed, but the extraordinary behaviour of England leads me to
think that it cannot do harm to inform you at all events. It is pecu-
liar that your ambassador should lend himself to such tricks; as they
are bound to be found out, there by creating fresh excitement, of
which I think we had quite enough lately. Best love, weather horrible.

Willy.

45.

Sa Majesté l'Empereur—Neues Palais 4-17 Октября 1905.

Best thanks for your telegrams. Benkendorff by My permission
as My Mother invited him to come as a friend of the Danish family.
What sort of conversation went on I certainly do not know. But I can
resolutely assure you that nothing can influence me except the interest
safeguard and honour of My country! Benkendorff is a loyal subject
and a real gentleman. I know he would never land himself to any false
tricks even if they came from the great mischie maker himself. Del-
casse's revelations are extraordinary but I think Bulow's conversations
with some newspaper correspondents have not helped much to clear
up the situation. I shall write to you soon. Fritz Leopold looks brown
very well. Best love from both.

Nicky.

46.

Sa Majesté l'Empereur Homburg.

Very kind of you to wish to see Witte and deco-
rate him. Are enjoying our cruise have luckelyine fcoolerth wea.
Best love from all.

Nicky.

47.

From Neues Palais 18-26 November 1906.

Thanks for letter. Shall reply after hearing chancellor. Your information about Tattenbach incorrect. He has acted „en concert“ with his friend colleague the whole time and they have both left Fez a while ago. I quite agree that complications should by all means be avoided in or near Europe. There is no fear of any arising in or about Marocco. But Macedonia and the Balkans are much more dangerous; and the naval demonstration against Turkey in this moment may lead to most unexpected consequences, should the „amour propre“ of the Islamitic world resent the pressure brought to bear upon their master. The work of the „Crimean“ Combine is to be detected here.

Willy.

48.

Послана 19 ноября 1906 г. Neues Palais. Sa Majesté l'Empereur.

Best thanks for your kind letter that gave me great pleasure.—Our alliance with France is a defensive one. I think the declaration I sent you could remain in force until France accepts our new agreement. I will certainly do all in My power to bring the Marocco conference to a general understanding. Best love from us both.

Nicky.

49.

Послано 25 ноября 1906. Berlin. Sa Majesté l'Empereur.

Flügel-adjutant Schebecko must receive a new nomination. I propose to replace him by colonel Tatitscheff of My Guard-Hussards. He was a long time with uncle Wladimir, has been often in Berlin, speaks very good German. I intend to promote him general of the suite on My namesday and with your approval to attach him to your person. At the same time I would like to know whether you find it necessary. We should again name special military attachés, except Lambsdorff and Tatitscheff. Best love from Alix.

Nicky.

50.

From Neues-Palais, 30-th of November (18-th of December 1906 at 8 o'clock 20 min. morning.

Colonel Tatitscheff you propose to attach to My person shall be welcome. Respecting your question about the special military attachés, besides those „à la suite“ of our respective persons, I think it practical they should be created. Formerly it was always so. It places the personal attachés in too precarious and difficult positions, if they are to do their „trade“ in the same time they are in the staff of the sovereigns. They must be reserved for this honor alone and only gather and transmit loyally the official military or confidential informations they receive from the sovereign, or by the sovereign's

permission from the official military authorities. They must be persons of blameless character, upon whom the sovereigns can implicitly rely and enjoy the fullest confidence of the officers, of the respective Imperial Headquarters, to whom they are to belong. This implied that they should have nothing whatever to do with the usual „trade“ of the simple military agent. Werder's position with your Grandfather is a good example how it ought to be. Best love to Alix.

Willy.

51.

Berlin Sa Majesté l'Empereur.

With the change of ministry count Lamsdorff is leaving and I intend to replace him by Iswolsky. I am very sorry not to be able to keep him for Berlin but need his services now here am sure You will understand it. Have come over to Peterhof as real summer weather has set in. Saw Tatischeff today who gave me Your kind messages. Best love from both.

Nicky.

NB. Ответъ на эту телеграмму последоваль June 10-th/April 27-th 1906. (Принисано тутъ-же. Е. Т.).

52.

June 10-th 1906 from Strasbourg at 6 o'cl. 45 m.

Peterhof Sa Majesté l'Empereur.

Thanks for informations about Iswolsky, which I quite understand. Also here summer has set in, all chestnuts and lilas are in full bloom and the air is very warm. Best love to Alix.

William.

53.

You know how I was looking forward to our meeting in the first (days) of August. But things are becoming so serious that I have decided to disband the Douma shortly. I am sure You will understand that in these circumstances I cannot leave my country. With sincere regret I have to put off my visit to Your shores for a certain time. This involuntary postponement makes my impatience to see You grow. Best love from both.

NB. Ответъ на эту телеграмму последоваль 7 июля 1906 г.

54.

From Hamburg (Trondhjem) the 7-th/20-th of July 1906 at 10 o'cl. 55 min.

I deeply deplore that We cannot meet, but fully understand Your reasons that prevent Your leaving Your country in this moment. I fervently hope that We may meet later on in quieter times. God be with You and preserve You. Best love to Alice.

Willy.

55.

From Wilhelmshöhe, 3/16 of August 1906 at 6 o'cl. 52 m. evening.

Uncle Bertie's visit has passed off most satisfactorily. He is looking well and seems to be in good spirits. We both agreed that the maintenance of friendly relations between Our two countries is not only a blessing for them, but also for all other nations. I most sincerely hope that the exchange of views between uncle Bertie and Myself, which all go towards the confirmation of the world's peace, might be of benefit to You and Your great Empire.

Willy.

56.

Wilhelmshöhe—4 астры 1906.

I express my warmest thanks for Your kind telegram.

The maintenance of friendly relations between Germany and England is an absolute necessity for the world. I am pleased about the result of uncle Bertie's visit.

Nicky.

57.

S. M. L'Empereur Berlin 23 абр. 1906.

Having received Tatisheff's report about Your opinion of Boris presence of war army manoeuvres I recall him from the frontier. Fondest love.

Nicky.

58.

From Travemuende, the 17/30 th of June 1907 at 11 o'cl. 25 m. night.

I received by Tatishew Your kind proposal to come to Swine-muende about the sixth of August, leaving Peterhof the fourth. I am very thankful for this intention, but if it were possible for You to arrive already the third I should prefer this day. as I have already fixed an inspection programme for Myself begining with the sixth of August, which can not be changed without arousing public attention. I also heard by captain Hintze that You were able to come between the twenty-third of July and the fourteenth of August and so I hope the third will not be inconvenient to You. Please let me know if the third suits You. Then I shall propose by captain Hintze particulars for Our Meeting, to which I look forward with heartfelt expectation.

William.

59.

Sa Majesté L'Empereur. Travemuende. Перепрофъ 11 ч. 30 м. реч
18 июня/1 июля 1907 г.

Agree with pleasure to arrive on the third of August new style. For me also it is most convenient. Shall be thankful for particulars. sent through Hintze. Wish You a smooth agreeable cruise in the north.

Nicky.

60.

Wilhelmshöhe 15/2 Août 1907 подана въ 2 ч. 15 м

Meeting with uncle Bertie satisfactory. Uncle in good humour and peacefully disposed. Visibly impressed by the... in Macedonia, thinks joint remonstrances in Athenes necessary. When asked by the king about the actual state of Russia I was happy to inform him that I heard by You that all went well, the dismissal of the Duma by You being the same act as the dismissal of the portuguese parliament by his cousin Carlos. After several rainy days we have since yesterday beautifull weather and made yesterday a morning auto-drive through the silent woods of the neighbourhood. Hope so much You found Alix in good health, best love to her.

Изъ писемъ Л. А. Ратаева.

Л. А. Ратаевъ—Н. П. Зуеву ¹⁾.

Дорогой другъ,

Ниль Петровичъ!

На дняхъ я получилъ письмо ²⁾ слѣдующаго содержанія:

М. Г!

«Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть Васъ и побесѣдовать съ Вами кое о чемъ. Вы, увидѣвши мою подпись, конечно, изумитесь моему желанію и не поймете, почему я, Бурцевъ, который и т. д., хочу видѣть Васъ, Ратаева, который и т. д. Я всю мою жизнь никогда не могъ ни разу одинаково съ Вами посмотреть на вещи, и въ данномъ случаѣ, м. б., мы не сойдемся съ Вами ни по одному вопросу. Тѣмъ не менѣе, мнѣ хочется видѣть Васъ и до конца договорить свои мысли, которыя я излагалъ въ «Matin», и до конца выслушать Васъ. Я хотѣлъ бы видѣть Васъ или въ редакціи «Былое» (11, rue du Linain) или въ какомъ либо кафе на boulevard St. Michel или boulevard Sebastopol.

Готовый къ услугамъ

В. Бурцевъ.

Р. С. Разумнется, я хочу видѣть Васъ, какъ литератора, какъ редактора «Былого», и только, а потому надѣюсь, что Вы придете одни, не уведомляя никого о нашемъ свиданіи».

Я сдѣлалъ лучше.—Я не пошелъ совсѣмъ, и оставилъ письмо не въ мѣру зазнавашагося террориста безъ послѣдствій и безъ отвѣта, подлинникъ же оставилъ при себѣ на всякій случай, кто знаетъ, быть можетъ впослѣдствіи оно какъ нибудь и пригодится.

Но я началъ это письмо не только для того, чтобы поставить тебя въ извѣстность о дерзкой выходкѣ этого нахала, а дабы предупредить кое о чемъ, что на мой взглядъ представляется довольно серьезнымъ и заслуживающимъ вниманія. Ты, конечно, слѣдишь за серіей разоблаченій Бурцева, появляющихся въ «Бы-

¹⁾ Письмо Л. А. Ратаева было послано имъ въ августѣ 1909 года изъ Парижа въ Петроградъ тогдашнему директору департамента полиціи Н. П. Зуеву. Л. А. Ратаевъ состоялъ одно время завѣдующимъ русской заграничной агентурой. В. Б.

²⁾ Мое письмо Ратаеву относится приблизительно къ тому же времени. Мое свиданіе съ нимъ не состоялось. Л. А. Ратаевъ былъ правъ: онъ не напрасно сохранилъ мое письмо—оно пригодилось для читателей «Былого». В. Б.

ломъ», «Journal», «Matin» и отчасти въ «Humanité» и тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что вслѣдъ за провалами Азефа, Гартинга-Ландевена и бѣдной Зины Геригроссъ-Жученко (ее мнѣ жаль больше всѣхъ) Бурцевъ грозитъ еще болѣе сенсационнымъ разоблаченіемъ, а именно уличеніемъ въ шпіонствѣ какого то члена Государственнаго Совѣта.

По дошедшимъ до меня указаніямъ надо предполагать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ повидимому о д. т. сов. Николаѣ Андреевичѣ Звѣревѣ³⁾, бывшемъ начальникомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати, который, будто бы, въ прежніе годы состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія въ то еще время, когда начальникомъ онаго былъ Полк. Бердяевъ, и едва ли еще не Скандраковъ. Если только это указаніе подтвердится, т. е. что Бурцевъ дѣйствительно имѣетъ въ виду именно Звѣрева, то обстоятельство это, важное само по себѣ, получить еще и другое значеніе. Оно послужитъ для меня нравственнымъ доказательствомъ, что всѣ свои свѣдѣнія Бурцевъ почерпнулъ изъ одинаго и единственнаго источника, т. е. отъ Лопухина. Я сейчасъ объясню почему:

О службѣ Звѣрева секретнымъ сотрудникомъ мнѣ по должности ничего не было извѣстно и въ Департаментѣ слѣдовъ о томъ, повидимому, никакихъ не осталось, по крайней мѣрѣ, мнѣ лично ихъ видѣть не довелось. Впервые я узналъ объ этомъ года четыре тому назадъ, въ частномъ разговорѣ лично отъ Лопухина, и прошу замѣтить, что ни до того, ни послѣ, никогда ни отъ кого о томъ не слыхалъ и даже не знаю, правда ли это или нѣтъ. Теперь мнѣ приходится встрѣчаться съ этой фамиліей вторично.

Дѣло, по моему, представляется въ такомъ видѣ: сначала Лопухинъ обнаружилъ одного Азефа, а когда его осудили, то близкіе къ нему люди, отъ которыхъ у него не было никакихъ тайнъ, выложили все, что отъ него знали тому самому Петербург-

³⁾ Фамилія Звѣрева не была мнѣ извѣстна вплоть до того времени, какъ въ мои руки попало настоящее письмо.

Въ данномъ случаѣ Ратаевъ оказался отчасти правымъ: свѣдѣнія о томъ, что среди членовъ Государственнаго Совѣта имѣется бывший сотрудникъ Департамента Полиціи, дошли до меня, дѣйствительно, отъ А. А. Лопухина, но это я узналъ не лично отъ него во время нашей бесѣды между Кельномъ и Берлиномъ, а гораздо раньше еще въ 1907 г. въ Петроградѣ отъ одного общаго нашего знакомаго, въ разговорѣ съ которымъ Лопухинъ обмолвился нѣсколькими словами по этому поводу.

Во время нашего свиданія въ Германіи, въ сентябрѣ 1908 года, А. А. Лопухинъ не далъ мнѣ никакихъ свѣдѣній о секретныхъ сотрудникахъ и не сдѣлалъ никакихъ разоблаченій, и въ послѣдствіи ни отъ кого изъ «близкихъ къ нему людей» я никакихъ свѣдѣній никогда не получалъ.

Онъ только подтвердилъ мои обвиненія противъ Азефа, начатыя мною въ 1906 году. Во время нашего разговора у меня уже было прочное убѣжденіе, что Азефъ—агентъ Департамента полиціи.

Мое заявленіе относительно сотрудника Департамента Полиціи въ Государственномъ Совѣтѣ сдѣлано мною въ интервью въ газетѣ Temps въ августѣ 1909 года. В. Б.

скому «посреднику», о которомъ говорится въ обвинительномъ актѣ, а «посредникъ» не замедлилъ все передать Бурцеву. Такимъ образомъ за Азефомъ появился Гартингъ, за нимъ Зина, теперь на очереди Звѣревъ, а тамъ, я думаю, не одобровать и известной многолѣтней сотрудницѣ московской Евсталіи Серебряковой ⁴⁾; словомъ, обнаружится все, что только зналъ Лопухинъ.

Мнѣ кажется, не худо было бы провѣрить тотчасъ же указанія относительно Звѣрева. Если въ Д—тѣ нѣтъ слѣдовъ о его прошломъ, то, б. м., они остались въ Московскомъ Охран. Отдѣленіи. Во всякомъ случаѣ, если только что есть, объ этомъ долженъ знать Евстратій Павловичъ Мѣдниковъ.

Вообще, судя по всѣмъ даннымъ, роль Бурцева, къ сожалѣнію, едва ли закончена. Теперь пора самая глухая, въ Парижѣ никого нѣтъ, Палата не засѣдаетъ, да и въ Петербургѣ тоже тихо. Дума еще не собралась. Но съ возобновленіемъ сессіи, Бурцевъ, несомнѣнно, зашевелится, а за нимъ и всѣ петербургскіе «посредники», и Правительству надо ожидать, во-первыхъ, возобновленія агитаціи, въ пользу пересмотра процесса Лопухина, съ представленіемъ новыхъ доказательствъ двойной роли Азефа, а во-вторыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, всплыветъ на поверхность столь неприятное и скандальное дѣло Гартинга.

Едва ли въ Петербургѣ подкладка этого дѣла такъ хорошо известна, какъ здѣсь. Ты, вѣроятно, читалъ мои письма къ генералу Курлову. Я хотя лично мало съ нимъ знакомъ, но обратился письменно къ нему, ибо не зналъ, къ кому именно надо было обратиться во время департаментскаго междуцарствія. Если ты эти письма читалъ, то тебѣ до нѣкоторой степени известна двуличная роль (бывшаго) Президента Совѣта Министровъ Клемансо. Теперь я узналъ больше: вся исторія была разыграна съ его вѣдома и согласія ⁵⁾.

⁴⁾ Гартингъ, Жученко и Серебрякова были мнѣ разоблачены не А. А. Лопухинымъ.

Первыя указанія на Гартинга, какъ на Ландезена, я получилъ отъ М. Е. Бакая и Л. П. Меньщикова, а потомъ тождество Гартинга и Ландезена было мною установлено на основаніи свѣдѣній и документовъ, полученныхъ мною отъ французскаго агента Леруа.

Первыя указанія на З. Ф. Жученко мною были получены отъ одного лица, знакомаго бывшаго Директора Департамента Полиціи Коваленскаго. Намекъ на З. Ф. Жученко былъ сдѣланъ Коваленскимъ въ случайной бесѣдѣ за карточнымъ столомъ. Впослѣдствіи я это свѣдѣніе относительно Жученко провѣрилъ на основаніи указаній, полученныхъ мною отъ членовъ партіи социалистовъ-революціонеровъ и отчасти отъ Л. П. Меньщикова и послѣ этого опубликовалъ ее какъ провокаторшу.

Серебрякова, дѣйствительно, была мною разоблачена вскорѣ послѣ письма Ратаева, еще осенью 1909 года, но не благодаря А. А. Лопухину и его друзьямъ, а главнымъ образомъ благодаря указаніямъ Л. П. Меньщикова и нѣкоторыхъ эсдековъ. В. Б.

⁵⁾ Разоблаченіе Гартинга было сдѣлано мною безъ вѣдома французскаго правительства и безъ его помощи, но когда оно было напе-

Дѣло было такъ: передъ прїѣздомъ Государя въ Шербургъ, Гартингъ усиленно зашевелился, и не знаю ужъ по своей ли инициативѣ, или по предписанію свыше, сталъ черезъ посольство усиленно настаивать, чтобы правительство выслало изъ предѣловъ Франціи нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ, конечно, Бурцева. Для Клемансо это требованіе было, что ножъ острый. Онъ достаточно имѣлъ столкновений съ социалистами по вопросамъ внутренней политики, чтобы не рисковать возстановить ихъ окончательно и безповоротно противъ себя потворствомъ русской полиціи. Я уже писалъ, что тожество Гартинга съ Ландезеномъ не составляло для французской полиціи никакого секрета съ самаго момента его прїѣзда въ Парижъ. Клемансо, прижатый къ стѣнѣ настойчивыми требованіями посольства, былъ чрезвычайно доволенъ представившимся случаемъ отдѣлаться отъ требованій посольства и создать то, что французы называютъ *diversion*. Онъ негласно подтвердилъ Жоресу и др. социалистическимъ депутатамъ справедливость подозрѣній Бурцева, и къ дню появленія первой обличительной статьи онъ былъ уже во всеоружіи всѣхъ необходимыхъ доказательствъ.

Въ тотъ день, когда появилась первая статья Бурцева, Клемансо въ 10 час. утра, вопреки всѣмъ правиламъ дипломатическаго этикета, по телефону вызываетъ къ себѣ, за отсутствіемъ А. Н. Нелидова, повѣреннаго въ дѣлахъ Неклюдова и предъявляетъ ему фотографію Ландезена и пр. документы, удостоверяющіе его тожество съ Гартингомъ. Словомъ, ко дню появленія первой же статьи, онъ былъ уже во всеоружіи.

Но этого мало. Тебѣ извѣстно, что гартингская исторія совпала съ пребываніемъ въ Парижѣ группы русскихъ депутатовъ, прѣздомъ изъ Лондона. А. И. Гучковъ, посѣтивъ Неклюдова, рассказывалъ ему, что, будучи съ визитомъ у Клемансо, онъ чувствовалъ себя очень неудобно, такъ какъ Клемансо ни о чемъ, кромѣ Гартинга, не желалъ съ нимъ бесѣдовать и настойчиво показывалъ ему всякія «доказательства», бывшія у него въ распоряженіи. Гучковъ при этомъ заявилъ, что для него лично это все безразлично, но что на слѣдующій день Клемансо обѣщалъ посѣтить Павелъ Милюковъ, и что если Клемансо будетъ и съ нимъ также говорить какъ съ нимъ, то Милюковъ, несомнѣнно, воспользуется этимъ, чтобы надѣлать непріятностей и осложненій правительству. Неклюдовъ поспѣшилъ къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Пишону и просилъ его предупредить Клемансо, чтобы онъ ничего не говорилъ и не показывалъ Милюкову. Тотъ, конечно, обѣщалъ, но достовѣрно извѣстно, что онъ ему все рассказалъ и показалъ все, что мнѣ. Такъ что осенью будьте готовы къ аги-

чтано во французской прессѣ, Клемансо былъ возмущенъ русской политической полиціей и не скрывалъ своего удовольствія по поводу моихъ разоблаченій. В. Б.

таціи на этой почвѣ. Павелъ Милюковъ такого удобнаго случая ужъ не упустилъ.

Вотъ все, что я считалъ своимъ долгомъ тебѣ повѣдать. Скажу тебѣ, какъ старинному другу?, мнѣ очень непріятно и тяжело. За послѣднее время мнѣ пришлось многое узнать и убѣдиться во многомъ такомъ, что нарушило мое душевное равновѣсіе. Прежняго хорошаго, спокойнаго чувства нѣтъ, душа моя полна тревоги и сомнѣнія, и подѣлиться мнѣ этимъ не съ кѣмъ. Пока жму твою руку.

Сердечно преданный

Л. Ратаевъ.

Болѣе, чѣмъ въ продолженіе 10 лѣтъ, я систематически занимался разоблаченіемъ дѣятельности лицъ, принадлежавшихъ къ міру охраны и департамента полиціи.

Мнѣ пришлось лично имѣть дѣло съ наиболѣе видными провокаторами: Гартингомъ, Бейтнеромъ, Азефомъ, Жученко, Путята, Батюшанскимъ, Массомъ, Якобсономъ и др. Въ то же время я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы завязать непосредственныя личныя связи или переписку съ бывшими или еще дѣйствовавшими членами политической полиціи: фонъ-Коттенонъ, Бакаемъ, Меньшиковымъ, Ратаевымъ, Зубатовымъ, Герасимовымъ, Комиссаровымъ, Доброскокомъ и др. Много мнѣ пришлось имѣть дѣло и съ ихъ платными агентами.

Во всѣхъ сношеніяхъ съ этими лицами я всегда выступалъ, какъ революціонеръ и какъ ихъ открытый противникъ и прокуроръ. Обо всѣхъ этихъ моихъ сношеніяхъ съ ними я тогда же писалъ въ широкой прессѣ въ многочисленныхъ интервью, замѣткахъ, статьяхъ и т. д., гдѣ въ одно и то же время были—и разоблаченія тайнъ охраны и департамента полиціи и должныя оцѣнки дѣятельности тѣхъ, кого я считалъ виновными.

Богатства департамента полиціи и охраннаго отдѣленія, попавшія въ руки революціонеровъ, позволяютъ теперь мнѣ на основаніи точныхъ документовъ разсказать подробно о всей моей многолѣтней борьбѣ съ провокаторами и охранниками.

Печатаніе этихъ матеріаловъ мы начинаемъ съ настоящаго номера „Былого“.

В. Бурцевъ.

Воспоминанія ¹⁾.

Ч А С Т Ь 1-ая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло Плеве.

I.

Въ началѣ 1902 г. я былъ административнымъ порядкомъ высланъ въ г. Вологду, по дѣлу С.-Петербургскихъ социаль-демократическихъ группъ «Соціалистъ» и «Рабочее Знамя». Социаль-демократическая программа меня давно уже не удовлетворяла. Мнѣ казалось, что она не отвѣчаетъ условіямъ русской жизни: оставляетъ аграрный вопросъ открытымъ. Кромѣ того, въ вопросѣ террористической борьбы я склонился къ традиціямъ «Народной Воли».

Въ Вологду дважды—осенью 1902 г. и весной 1903 г.,—пріѣзжала Е. К. Брешковская. Послѣ свиданій съ нею я примкнулъ къ Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ, а послѣ ареста Г. А. Гершуни (май 1903 г.) рѣшилъ принять участіе въ террорѣ. Къ этому же рѣшенію, одновременно со мною, пришли двое моихъ товарищей, а также близкій мнѣ съ дѣтства Иванъ Платоновичъ Каляевъ, отбывавшій тогда полицейскій надзоръ въ Ярославлѣ.

Въ іюні 1903 г. я бѣжалъ за границу. Я пріѣхалъ въ Архангельскъ и, оставивъ свой чемоданъ на вокзалѣ, явился по данному мнѣ въ Вологдѣ адресу. Я надѣялся получить подробныя указанія, какъ и на какомъ пароходѣ можно уѣхать въ Норвегію. Изъ разговора выяснилось, что въ тотъ-же день черезъ часть отходить изъ Архангельска въ Норвежскій портъ Вардѣ мурманскій пароходъ «Императоръ Николай I-й». У меня не было времени возвращаться на вокзалъ за вещами, и я, какъ былъ, безъ паспорта и вещей, незамѣтно прошелъ въ каюту II-го класса.

На пятны сутки пароходъ входилъ въ Варангеръ-фіордъ. Я подошелъ къ младшему штурману.

— Я ѣду въ Печеньгу (послѣднее передъ норвежской границей русское становище), но мнѣ хотѣлось бы побывать въ Вардѣ. Можно это устроить?

Штурманъ внимательно посмотрѣлъ на меня.

¹⁾ Съ настоящаго номера мы начинаемъ печатать предоставленныя въ наше распоряженіе воспоминанія Бориса Викторовича Савинкова, одного изъ главныхъ участниковъ Воевой Организациі партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ.

— Вы что же, по рыбной части?
— По рыбной.
— Что же, конечно, можно. Почему же нельзя?
— У меня паспорта заграничнаго нѣтъ.
— Зачѣмъ вамъ паспортъ? Сойдете на берегъ, переночуете у насъ, и на разсвѣтъ обратнымъ рейсомъ въ Печенъгу. Только билетъ купите.

На слѣдующій день показались маяки Варда. На пароходъ поднялись чиновники норвежской таможи. Я сошелъ въ шлюпку и черезъ четверть часа былъ уже на территоріи Норвегіи. Изъ Варда, черезъ Тронтгеймъ, Христіанію и Антверпенъ я пріѣхалъ въ Женеву.

Въ Женевѣ я познакомился съ Михайломъ Рафаиловичемъ Гоцемъ. Невысокаго роста, худощавый, съ черной вьющейся бородой и блѣднымъ лицомъ, онъ останавливалъ на себѣ вниманіе своими юношескими горячими и живыми глазами. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Вы хотите принять участіе въ террорѣ?
— Да.
— Только въ террорѣ?
— Да.
— Почему же не въ общей работѣ?

Я сказалъ, что террору придаю рѣшающее значеніе, но что я въ полномъ распоряженіи Центральнаго Комитета и готовъ работать въ любомъ изъ партійныхъ предпріятій.

Гоцъ внимательно слушалъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Я еще не могу дать вамъ отвѣтъ. Подождите,—поживите въ Женевѣ.

Тогда же я познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ Влиновымъ ¹⁾ и Алексѣемъ Дмитриевичемъ Покотиловымъ. Я зналъ, что оба они—бывшіе студенты Кіевскаго университета и близкіе товарищи С. В. Балмашева, но я не зналъ, что они—члены Боевой Организациі. Покотилова я встрѣчалъ еще въ Петербургѣ въ январѣ 1901 г. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ независимо отъ П. В. Карповича и даже не подозрѣвая о пріѣздѣ послѣдняго, но съ той же цѣлью—убить Боголѣпова. Въ Петербургѣ онъ обратился за помощью въ комитетъ группы «Соціалистъ» и «Рабочее Знамя». Мы отнесли къ его просьбѣ съ недоувѣріемъ и въ помощи отказали. Убійство министра народнаго просвѣщенія казалось тогда намъ ненужнымъ и едва ли возможнымъ. Покотиловъ послѣ отказа не уѣхалъ изъ Петербурга. Онъ рѣшилъ своими силами и на свой страхъ совершить покушеніе. Случайно Карповичъ предупредилъ его.

Въ августѣ въ Женеву пріѣхалъ одинъ изъ товарищей. Онъ сообщилъ мнѣ, что Каляевъ отбываетъ приговоръ (мѣсяцъ тюремнаго заключенія) въ Ярославлѣ, и поэтому только поздней осенью

¹⁾ Убитъ въ 1906 г. въ Житомирѣ, защищая во время погрома евреевъ.

выѣзжаетъ за границу. Товарищъ поселился со мною. Чтобы не обратить на себя вниманіе полиціи, мы жили уединенно, въ сторонѣ отъ русской колоніи. Ивѣдка посѣщала насъ Брешковская.

Однажды днемъ, когда товарища не было дома, къ намъ въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ 33-хъ, очень полный, съ широкимъ, равнодушнымъ, точно налитымъ камнемъ лицомъ и большими карими глазами. Это былъ Евгеній Филипповичъ Азефъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку, сѣлъ и сказалъ, лѣниво роняя слова:

— Мнѣ сказали,—вы хотите работать въ террорѣ? Почему, именно, въ террорѣ?

Я повторилъ ему то, что сказалъ раньше Гоцу. Я сказалъ также, что считаю убійство Плеве важнѣйшей задачей момента. Мой собесѣдникъ слушалъ все такъ же лѣниво и не отвѣчалъ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— У васъ есть товарищи?

Я назвалъ Каляева и еще двоихъ. Я сообщилъ ихъ подробныя біографіи и далъ характеристику каждому. Азефъ выслушалъ молча и сталъ прощаться.

Онъ приходилъ къ намъ нѣсколько разъ, говорилъ мало и внимательно слушалъ. Однажды онъ сказалъ:

— Пора ѣхать въ Россію. Уѣзжайте съ товарищемъ куда нибудь изъ Женевы, поживите гдѣ нибудь въ маленькомъ городкѣ и провѣрьте,—не слѣдятъ ли за вами.

На слѣдующій день мы уѣхали въ Баденъ, во Фрейбургъ. Черезъ двѣ недѣли насъ посѣтилъ Азефъ и на этотъ разъ впервые сообщилъ планъ покушенія, не упоминая ни словомъ о личномъ составѣ организаціи. Планъ состоялъ въ слѣдующемъ: было извѣстно, что Плеве живетъ въ зданіи Департамента Полиціи (Фонтанка, 16) и еженедѣльно ѣздитъ съ докладомъ къ царю, въ Зимній Дворецъ, въ Царское Село или въ Петергофъ, смотря по времени года и по мѣстопробыванію царя. Такъ какъ убить Плеве у него на дому, очевидно, было много труднѣе, чѣмъ на улицѣ, то было рѣшено учредить за нимъ постоянное наблюденіе. Наблюденіе это имѣло цѣлью выяснить въ точности день и часъ, маршрутъ и внѣшній видъ выѣздовъ Плеве. По установленіи этихъ данныхъ предполагалось взорвать его карету на улицѣ бомбой. При строгой охранѣ министра для наблюденія необходимы были люди, по роду своихъ занятій цѣлый день находящіеся на улицѣ, напр. газетчики, извозчики, торговцы въ разносъ и т. п. Было рѣшено, поэтому, что одинъ товарищъ купить пролетку и лошадь и устроится въ Петербургѣ легковымъ извозчикомъ, а другой возьметъ патентъ на продажу въ разносъ табачныхъ издѣлій и, продавая на улицѣ папиросы, будетъ слѣдить за Плеве. Я долженъ былъ комбинировать собираемыя ими свѣдѣнія и, по возможности наблюдая самъ, руководить наблюденіемъ.

Планъ этотъ принадлежалъ цѣликомъ Азефу и былъ чрезвычайно простъ. Но, именно, своей простотой онъ давалъ намъ преи-

мущество передъ полиціей. Уличное наблюденіе никогда не принималось революціонерами не только въ періодъ Гершуни, но и во времена «Народной Воли», если не считать приготовленій къ 1-му марта 1881 г. Полиція едва ли могла предположить, что члены Боевой Организациі ѣздятъ по Петербургу извозчиками или торгуютъ въ разность. Между тѣмъ, систематическое наблюденіе неизбежно приводило къ убійству Плеве на улицѣ. Кончая со мной разговоръ, Азефъ сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Если не будетъ провокаціи, Плеве будетъ убитъ.

Изъ Фрейбурга одинъ изъ товарищей, взявъ съ собой громкую труту, черезъ Александрово уѣхалъ въ Россію. У меня не было паспорта, и я долженъ былъ получить его въ Краковѣ. Я поѣхалъ въ Краковъ черезъ Берлинъ, и въ Берлинѣ встрѣтился снова съ Азефомъ и только что пріѣхавшимъ изъ Россіи Каляевымъ.

Мы сидѣли втроемъ на Leipzigerstrasse въ одномъ изъ большихъ берлинскихъ кафе. Каляевъ горячо говорилъ о террорѣ, о своемъ непремѣнномъ желаніи участвовать въ дѣлѣ Плеве, о психической невозможности для себя мирной работы. Азефъ лѣниво слушалъ. Когда Каляевъ умолкъ, онъ равнодушно сказалъ:

— Намъ не нужны сейчасъ люди. Побѣждайте въ Женеву. Можетъ быть, мы потомъ и вызовемъ васъ.

Огорченный Каляевъ ушелъ. Я спросилъ Азефа:

— Онъ не понравился вамъ?

Азефъ подумалъ съ минуту.

— Нѣтъ. Но онъ странный какой-то... Вы его знаете хорошо?

На улицѣ, сердясь и волнуясь, меня ждалъ Каляевъ. Я взялъ его подъ руку:

— Что ты, Янекъ?.. Онъ не понравился тебѣ? Да?

Какъ и Азефъ, Каляевъ отвѣтилъ не сразу:

— Нѣтъ... Но знаешь... Я не понялъ его и, можетъ быть, не пойму никогда.

Въ началѣ ноября я былъ въ Петербургѣ, не зная ни состава организациі, ни партійныхъ паролей, ни явокъ. Я ждалъ Азефа: онъ обѣщалъ пріѣхать непосредственно вслѣдъ за мной.

II.

Въ Петербургѣ я остановился въ Сѣверной гостинницѣ. Въ тотъ же день вечеромъ я пошелъ на явку къ раньше уѣхавшему товарищу. Онъ долженъ былъ ждать меня ежедневно на Садовой, отъ Невского до Гороховой. Я шелъ по Садовой, отыскивая въ пестрой толпѣ разносчиковъ знакомое мнѣ лицо. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ все менѣе оставалось надежды на встрѣчу. Я думалъ уже, что товарища нѣтъ въ Петербургѣ, что онъ либо арестованъ на границѣ, либо не счумѣлъ устроиться торговцемъ. Вдругъ чей то голосъ окликнулъ меня:

— Баринъ, купите «Голубку», пять копѣекъ десятокъ.

Я оглянулся. Въ бѣломъ фартукѣ, въ полушубкѣ и картузѣ,

небритый, осунувшийся и поблѣднѣвшій, предо мной стоялъ тотъ, кого я искалъ. На плечахъ у него висѣлъ лотокъ съ папиросами, спичками, кошельками и разной мелочью. Я подошелъ къ нему и, выбирая товаръ, успѣлъ шепотомъ назначить свиданіе въ трактиръ.

Часа черезъ два мы сидѣли съ нимъ въ грязномъ трактирѣ, недалеко отъ Сѣвной. Онъ оставилъ дома лотокъ, но былъ въ томъ же полушубкѣ и картузѣ. Разговаривая съ нимъ, я долго не могъ привыкнуть къ этой новой для меня его одеждѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ, что другой товарищъ уже пзвозчикъ, что они оба слѣдятъ за домомъ министра, и что однажды имъ удалось увидѣть его карету. Онъ тутъ же описалъ мнѣ внѣшній видъ выѣзда Плеве: воронные кони, кучеръ съ медалями на груди, ливрейный лакей на козлахъ и сзади—охрана: двое сыщиковъ на ворономъ рысакѣ. Товарищъ былъ доволенъ удачей, но жаловался на трудности своего положенія.

— «Стою я у Цѣннаго моста», — разсказывалъ онъ мнѣ, — «жду. Вижу, городской таращить глаза. Я шапку снялъ, поклонился низко и говорю: ваше, говорю, благородіе, дозвольте спросить, кто въ этихъ хоромахъ живетъ, ужъ не самъ ли, говорю, царь, очень ужъ много начальства всякаго при дверяхъ? Посмотрѣлъ на меня городской сверху, усмѣхнулся.—Дуракъ, говоритъ, деревня... Что ты можешь, говоритъ, понимать? Это министръ тутъ живетъ. — Министръ? — говорю, — это, значитъ, который генералъ главный? — Дуракъ, министръ и значитъ министр... Понялъ? — Такъ точно, говорю, понялъ. Что же, говорю, очень богатый, значитъ, министръ? Тысячъ, чай, сотню въ годъ получаетъ? Опять улыбнулся городской, говоритъ: — дуракъ... эка сказалъ: сто тысячъ... подымай выше, — миллионъ... А тутъ гляжу, какъ разъ зашевелились шники, подаютъ карету къ подъѣду, значитъ, Плеве поѣдетъ. Городовой говоритъ: ну, ну, проваливай, говоритъ, сукинъ сынъ, нечего здѣсь болтаться... Я за мостъ зашелъ, стою, будто бы лотокъ поправляю, а между тѣмъ смотрю: Плеве ѣдетъ... А то еще случай былъ: конный городской какъ то меня замѣтилъ. — Ты, говоритъ, что тутъ дѣлаешь, сукинъ сынъ?.. Пошелъ вонъ, говоритъ. — Простите, говорю, ваше благородіе, такъ что здѣсь очень весело торговля идетъ... Ка-акъ онъ закричитъ: — Разговаривать!.. Дворникъ!.. Въ участокъ его веди!.. Подскочилъ тутъ дворникъ съ поста: идемъ, говоритъ... Пошли. За уголъ завернулись, я вынулъ пѣлковый и говорю: возьмите, будьте добры, господинъ дворникъ, въ знакъ уваженія, и отпустите меня, Христа ради, я человекъ, говорю, маленькій, долго ль меня обидѣтъ?.. Дворникъ глянулъ на рубль, потомъ на меня. Рубль взялъ и говоритъ: ну, иди, сукинъ сынъ, да смотри: будешь еще въ участкѣ...

Онъ разсказалъ мнѣ еще, что положеніе табачника затрудняется не только преслѣдованіемъ полиціи, но и конкуренціей другихъ торговцевъ. Мѣста на улицѣ всѣ откуплены, и приходится спорить съ тѣми, кто издавна занимаетъ ихъ. Кромѣ того, торговецъ въ разность не имѣетъ права останавливаться на мосто-

вой: по полицейскимъ правиламъ, онъ обязанъ, непрерывно находиться въ движеніи. Онъ говорилъ, что наблюдать извозчику удобнѣе и легче. Онъ ссылаясь на примѣръ другого товарища, который почти не встрѣчалъ препятствій въ своей ѣздѣ по городу. Я повидался съ послѣднимъ и убѣдился, что у извозчика есть за то другая существенная помѣха: у него была больна лошадь, и изъ трехъ дней два онъ не могъ выѣзжать. Кромѣ того, ему постоянно приходилось возить сѣдковъ. Его наблюденіе, поэтому, не давало почти никакихъ результатовъ.

Наступилъ декабрь, а отъ Азефа не было никакихъ извѣстій. (Впослѣдствіи выяснилось, что его задержали за границей дѣла по динамитной техникѣ, письма же его ко мнѣ не доходили по неточности адреса). Одинъ товарищъ продолжалъ слѣдить, какъ табачникъ, другой — какъ извозчикъ. Я бродилъ по Фонтанкѣ и набережной Невы, надѣясь встрѣтить случайно Плеве. Наше общее наблюденіе отмѣтило только внѣшній видъ его выѣзда и однажды маршрутъ: онъ ѣхалъ по Фонтанкѣ и набережной Невы, по направленію къ Дворцовому мосту, но въ Зимній дворецъ или Маринскій — выяснить не могли.

Причины отсутствія и молчанія Азефа были намъ неизвѣстны. Я рѣшилъ, поэтому, навести справку. Я вспомнилъ, что Азефъ указалъ мнѣ въ Петербургѣ извѣстнаго журналиста Х. Къ нему я долженъ быть въ крайнемъ случаѣ обратиться за помощью. Х. выслушалъ меня съ удивленіемъ.

— Я давно ничего не знаю объ Азефѣ, — сказалъ онъ, — и помочь вамъ ничѣмъ не могу.

Я вернулся домой въ нерѣшительности. Я колебался, продолжать ли мнѣ наблюденіе съ помощью двухъ товарищей, силъ которыхъ было, очевидно, для него недостаточно, или поѣхать за границу и посоветоваться о положеніи дѣлъ съ Гоцемъ. Я съѣздивъ въ Вильно по порученнымъ мнѣ Азефомъ общепартійнымъ дѣламъ и, вернувшись въ первой половинѣ декабря въ Петербургъ, остановился въ меблированныхъ комнатахъ «Россія», на Мойкѣ. Хотя извѣстій отъ Азефа все еще не было никакихъ, я все-таки рѣшилъ ожидать его въ Петербургѣ. Неожиданный случай измѣнилъ это мое рѣшеніе.

На другой день послѣ моего приѣзда изъ Вильно, утромъ, дверь моего номера слегка приоткрылась, въ щель просунулась голова, затѣмъ голова исчезла, и ужъ послѣ этого ко мнѣ постучались.

— Войдите.

Вошелъ еврей лѣтъ 40, въ потертомъ сюртукѣ, грязный, съ бѣгающими глазами. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Здравствуйте, г-нъ Сѣмашко.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Я в пленецъ: тоже приѣхалъ изъ Вильно.

Я понялъ, что онъ могъ знать о моемъ, именно изъ Вильно.

приѣздѣ, либо наблюдая за мной по дорогѣ, либо увидѣвъ мой паспортъ съ виленской свѣжей явкой. Но паспортъ мой былъ въ конторѣ, и показать его швейцарь могъ только полиціи. Я былъ убѣжденъ, поэтому, что предо мной шпионъ.

— Садитесь. Что вамъ угодно?

Онъ сѣлъ за столъ, спиной къ окну. Мне оставалось сѣсть лицомъ къ свѣту. Онъ положилъ голову на руку и, улыбаясь, пристально разглядывалъ меня. Я повторилъ свой вопросъ.

— Что вамъ угодно?

Въ отвѣтъ онъ сказалъ, что его фамилія Гашкесъ, что онъ редакторъ-издатель торговой, промышленной и финансовой газеты, и что онъ проситъ меня сотрудничать у него.

Тогда я рѣзко сказалъ:

— Я не писатель. Я представитель торговой фирмы.

— Что, значитъ, вы не писатель? Что, значитъ, представитель торговой фирмы? Ну, какой фирмы вы представитель?

Я всталъ.

— Извините меня, г-нъ Гашкесъ, я ничѣмъ полезенъ вамъ быть не могу.

Онъ вышелъ; вслѣдъ за нимъ вышелъ и я.

На улицѣ, у витрины ювелирнаго магазина, стоялъ Гашкесъ и разсматривалъ со вниманіемъ ювелирный товаръ. Поодаль, два молодца въ высокихъ сапогахъ и каракулевымъ шапкамъ также внимательно разглядывали въ окнѣ дамскія платья.

Я повернулъ направо, на Гашкеса. Онъ отдѣлился отъ магазина и, улыбаясь, пошелъ за мной. Я взялъ извозчика. Онъ немедленно сѣлъ на другого. Я понялъ, что меня арестуютъ.

Болѣе трехъ часовъ я бродилъ по Петербургу, съ извозчика на извозчика, съ конки на конку.

Подъ вечеръ я очутился далеко за Нарвской заставой среди огородовъ и пустырей. Кругомъ не было ни души. Я рѣшилъ сообщить товарищамъ о происшедшемъ и не возвращаться болѣе къ себѣ въ номера. Я рѣшилъ также не ждать больше Азефа: паспортъ Сѣмашки былъ, очевидно, извѣстенъ полиціи, другого у меня не было, жить же безъ паспорта неопредѣленное время было трудно. Я пошелъ на Садовую и на ходу сказалъ товарищу, что за мной слѣдять. Съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Кіевъ.

Я поѣхалъ въ Кіевъ, потому что только въ Кіевѣ надѣялся найти партійныхъ людей и получить возможность выѣхать за границу. Черезъ одного личнаго пріятеля я разыскалъ въ Кіевѣ представителя Ц. К. Тотъ устроилъ меня на той же конспиративной квартирѣ, на которой ночевалъ и самъ. Въ первый же вечеръ туда пришелъ одинъ рабочій, нелегальный. По цѣлымъ днямъ онъ молчалъ, не принимая никакого участія ни въ какихъ разговорахъ. Позднѣе, и не отъ него, я узналъ, что онъ участвовалъ въ одномъ крупномъ провинціальномъ террористическомъ актѣ, былъ раненъ и, обливаясь кровью, успѣлъ дотащиться до

своей квартиры. Онъ тоже ѣхалъ теперь за границу. Мы рѣшили съ нимъ ѣхать вмѣстѣ.

Въ началѣ января мы выѣхали изъ Кіева въ Сувалки. Въ Сувалкахъ у нашего новаго товарища была знакомая еврейка, съ помощью которой можно было безъ паспорта перейти границу. Увидѣвъ насъ, она немедленно привела фактора, и мы, заплативъ ему каждый по 13 руб., въ тотъ же вечеръ тряслись на еврейской балагулѣ по направленію къ нѣмецкой границѣ. Переночевавъ на указанной факторомъ мельницѣ, мы на слѣдующую ночь, въ сопровожденіи солдата пограничной стражи, уже переправлялись въ Германію. Партія эмигрантовъ, кромѣ насъ двоихъ, состояла сплошь изъ евреевъ, уѣзжавшихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ Америку. Была морозная лунная ночь, подъ ногами хрустѣлъ снѣгъ. Нашъ проводникъ, солдатъ, ушелъ впередъ, приказавъ намъ ждать его условнаго свиста. Съ четверть часа мы сидѣли въ снѣгу. Направо и налево мерцали огни кордоновъ. Наконецъ, вдали раздался слабый протяжный свистъ. Евреи вскочили и, какъ потревоженное стадо, толкая другъ друга и падая въ снѣгъ, побѣжали по залитой луннымъ свѣтомъ дорогѣ. На утро мы ѣхали въ нѣмецкихъ саняхъ по нѣмецкой землѣ, а черезъ нѣсколько дней были уже въ Женевѣ.

Въ Женевѣ я явился къ Ч.

Я сказалъ ему, что меня удивляетъ отсутствіе Азефа въ Петербургѣ, что, предоставленные собственнымъ силамъ, мы, очевидно, не можемъ приготовить покушеніе на Плеве, что я предпочелъ бы работать самостоятельно, хотя бы и въ менѣе крупномъ дѣлѣ, напр., въ дѣлѣ Кіевского ген.-губ. Клейгельса. Ч. сказалъ мнѣ, что Азефъ уже выѣхалъ въ Россію, и что онъ не можетъ дать мнѣ отвѣта, а совѣтуетъ обратиться къ Гоцу, который находится теперь въ Ниццѣ. Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Ниццу. Гоцъ, хотя и очень больной, былъ еще на ногахъ. Онъ со вниманіемъ выслушалъ меня и, когда я кончилъ, сказалъ:

— Валентинъ Кузьмичъ (партийный псевдонимъ Азефа) не могъ выѣхать раньше, потому что его задержали работы по динамитной техникѣ. Письма до насъ не дошли отчасти по вашей винѣ: вы дали неточный адресъ. Я вамъ совѣтую: побѣждайте сейчасъ же обратно и найдите его.

Я сказалъ, что не могу ѣхать на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ ѣхалъ раньше, что со мной связаны два работавшихъ въ Петербургѣ товарища, изъ которыхъ одинъ никого, кромѣ меня, изъ партийныхъ людей не знаетъ, что я могу опять не встрѣтиться съ Азефомъ, и тогда мое положеніе безъ денегъ, паролей и явки будетъ не лучше того, въ какомъ я оказался въ Петербургѣ.

Гоцъ выслушалъ меня, не прерывая. Потомъ сказалъ:

— Я вамъ дамъ адреса, пароли и явки. Если вы не встрѣтите Азефа, вы будете всетаки въ силахъ продолжать

начатое дѣло. Но показайте сейчасъ же, сегодня же обратно въ Россію.

Я узналъ тогда впервые отъ Гоца, что Блиновъ не поѣхалъ въ Россію и, что, кромѣ меня и двухъ моихъ товарищей, Боевая Организациа состоитъ еще изъ Покотилова и бывшихъ студентовъ Московскаго университета: Максимилиана Ильича Швейцера и Егора Сергѣевича Сазонова. Швейцеръ, по партійной кличкѣ «Павелъ», впоследствии «Леопольдъ», и Покотилловъ («Алексѣй»), съ динамитомъ и гремучей ртутью, ожидали приѣзда Азефа, одинъ въ Ригѣ, другой—въ Москвѣ. Сазоновъ («Авель») жилъ въ Твери, изучая извозное ремесло: онъ долженъ былъ стать въ Петербургѣ извозчикомъ. Ни Швейцера, ни Сазонова я лично не зналъ, но мнѣ и тогда уже было ясно, что съ такими небольшими силами невозможно выслѣдить и убить Плеве, тѣмъ болѣе, что Швейцеръ и Покотилловъ не предназначались для наблюденія. Я сказалъ объ этомъ Гоцу и предложилъ взять съ собой въ Россію Каляева и приѣхавшаго со мной рабочаго. Гоцъ подумалъ минуту:

— Каляева я знаю,—сказалъ онъ,—онъ будетъ хорошій работникъ. Пусть ѣдетъ съ вами... Другой намъ неизвѣстенъ: пусть подождетъ. Мы присмотримся въ Женевѣ къ нему, а вы вызовете его, если будетъ нужно.

Вернувшись въ Женеву, я сказалъ Каляеву, что онъ ѣдетъ со мной. Каляевъ обрадовался чрезвычайно. Онъ немедленно сталъ собираться въ дорогу, и въ тотъ же день мы выѣхали въ Берлинъ. У Каляева былъ русскій (еврейскій) паспортъ, у меня—англійскій. Въ Берлинѣ нужно было визировать его у русскаго консула.

Всю дорогу до Берлина Каляевъ былъ радостно оживленъ. Не спрашивая меня о положеніи дѣлъ, онъ подробно говорилъ о своихъ планахъ, о томъ, какъ, по его мнѣнію, удобнѣе и легче убить Плеве. Я сказалъ ему, въ разговорѣ, что ему, вѣроятно, придется торговать на улицѣ въ разносъ. Онъ разсмѣялся:

— Что жъ ты думаешь, изъ меня выйдетъ плохой табачникъ?

Я посмотрѣлъ на его блѣдное интеллигентное лицо, съ тонкими чертами, на его скорбные, большіе глаза, на худыя, не рабочія руки и промолчалъ. Я не могъ знать тогда, что ему не будетъ соперниковъ въ трудной роли уличнаго торговца.

Въ Берлинѣ я распрощался съ нимъ. Онъ поѣхалъ черезъ Эйдукуненъ, я—на Александрово. Мы встрѣтились съ нимъ въ Москвѣ.

III

Въ Москвѣ нѣсколько дней прошло въ ожиданіи Азефа. Каляевъ и я жили въ разныхъ гостинницахъ и встрѣчались изрѣдка и только по вечерамъ.

Въ концѣ января въ Москву приѣхалъ Азефъ. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Какъ вы смѣли уѣхать изъ Петербурга?

Я отвѣчалъ, что уѣхалъ потому, что не было отъ него извѣстій, и еще потому, что мой паспортъ былъ установленъ полиціей.

Онъ нахмурился и сказалъ:

— Вы всетаки не имѣли права уѣхать.

— А вы имѣли право, сказавъ, что пріѣдете черезъ три дня, оставаться за границей мѣсяцъ и больше?

Онъ молчалъ:

— Я былъ занятъ за границей дѣлами.

— Мнѣ все равно, чѣмъ, но вы насъ бросили въ Петербургъ.

Онъ помолчалъ еще:

— Ваша обязанность была ждать меня и слѣдить за Плеве. Вы слѣдили?

Я рассказалъ ему то, что мы узнали о Плеве.

— Это очень немного. Извольте ѣхать назадъ въ Петербургъ.

Я отвѣтилъ, что для этого только я изъ-за границы и пріѣхалъ. Я сказалъ также, что вмѣстѣ со мной пріѣхалъ Каляевъ, и что еще одинъ товарищъ, рабочій, ожидаетъ въ Женевѣ.

Было рѣшено, что Каляевъ разыщетъ двухъ товарищей, прежде работавшихъ со мной Петербургъ, и оба они станутъ тамъ извозчиками. Мнѣ Азефъ поручилъ увидѣться съ Покотиловымъ, который жилъ тоже въ Москвѣ, и со Швейцеромъ, ожидавшимъ распоряженій въ Ригѣ. Рѣшено было также вызвать нового товарища изъ Женевы, по условію съ нимъ, въ Нижній-Новгородъ. Послѣ свиданія со мной Азефъ уѣхалъ по общепартійнымъ дѣламъ, а я остался въ Москвѣ.

Покотиловъ жилъ въ гостинницѣ «Парижъ», на Тверской. Я вызвалъ его письмомъ, съ просьбой вечеромъ пріѣхать въ загородный ресторанъ «Яръ». Въ «Яру» я съ трудомъ узналъ его. Вмѣсто типичнаго женевского эмигранта, я увидѣлъ богатаго русскаго барина съ блѣднымъ лицомъ и длинной кудрявой золотистой бородой. Даже экзема, которою онъ страдалъ, не было видно. Въ этотъ вечеръ онъ рассказалъ мнѣ свою біографію:

— Знаете, я хотѣлъ убить Боголѣнова, Карповичъ предупредилъ меня... Потомъ—Балмашевъ... Я сказалъ, что я больше ждать не могу, что первое покушеніе—мнѣ. Пріѣзжалъ въ Полтаву Гершуни. Было рѣшено: Оболенскаго я убью. Я и готовился къ этому... Вдругъ узнаю, что не я, а Качура... Качура—рабочій, ему отдали предпочтеніе. Онъ стрѣлялъ, а не я... Вотъ теперь Плеве. Я не уступлю никому. Первая бомба—мнѣ. Я ждалъ слишкомъ долго. Я имѣю на это право.

Онъ волновался, и на лбу у него отъ волненія выступали мелкія капли крови: экзема. Онъ пилъ вино, но не пьянѣлъ и волновался все больше:

— Я совершенно вѣрю въ успѣхъ. Вы, вѣдь, знаете Валентина Кузьмича? Плеве будетъ убитъ. Только трудно ждать. Сколько

времени я уже въ Москвѣ, храню динамитъ. Невозможно такъ жить, въ ожиданіи. Я не могу.

Въ отвѣтъ на это, я передалъ ему приказаніе Азефа ѣхать съ динамитомъ въ прибалтійскій курортъ Зегевольдъ и тамъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

На другой день онъ уѣхалъ. Уѣхалъ и я,—въ Ригу, отыскивать Швейцера. Въ Ригу долженъ былъ пріѣхать и Каляевъ,—сообщить о результатахъ своей поѣздки. Швейцера въ Ригѣ уже не было. Каляевъ же разсказалъ, что оба товарища имъ розысканы и согласны, но что, по его мнѣнію, только одинъ Х. дѣйствительно хочетъ работать; З. колеблется и согласился только подъ влияніемъ Х. Его наблюденіе было вѣрно: З. не принялъ участія въ дѣлѣ Плеве, Х. же немедленно послѣ свиданія съ Каляевымъ пріѣхалъ въ Петербургъ и устроился извозчикомъ.

Въ началѣ февраля я вернулся въ Петербургъ. Азефъ сообщилъ мнѣ, что Швейцеръ и Сазоновъ находятся тоже въ Петербургѣ, что товарищъ Х. уже знакомъ съ послѣднимъ, и что на дняхъ и я познакомлюсь съ товарищами. Онъ предложилъ мнѣ для этой цѣли придти ночью на маскарадъ Купеческаго Клуба.

Азефъ назначилъ мнѣ свиданіе именно въ маскарадѣ, какъ онъ говорилъ, изъ конспиративныхъ соображеній. Онъ требовалъ всегда точнѣйшаго исполненія всѣхъ правилъ боевой конспираціи. Онъ требовалъ, чтобы свиданія бывали возможно рѣже и не на частныхъ квартирахъ, а на улицѣ или въ публичныхъ мѣстахъ: въ трактирахъ, въ баняхъ, въ театрѣ; чтобы при свиданіяхъ этихъ принимались всѣ мѣры предосторожности: чтобы у членовъ Организациі не было переписки и сношеній съ ихъ семьями и друзьями; чтобы образъ жизни ихъ и одежда не возбуждали ни въ комъ подозрѣнія. Очень смѣлый въ своихъ планахъ, онъ былъ чрезвычайно остороженъ въ ихъ выполненіи.

Въ назначенный день я былъ въ маскарадѣ. Я видѣлъ, какъ Азефъ вошелъ въ залъ и поздоровался съ невысокимъ, крѣпкимъ, изящно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 25. У молодого человѣка были сбриты усы, и по внѣшнему виду онъ напоминалъ иностранца. Это былъ Швейцеръ, жившій по англійскому паспорту.

Швейцеръ сразу, съ первыхъ же словъ, производилъ впечатлѣніе спокойной и уравновѣшенной силы. Въ немъ не чувствовалось того восторженнаго подъема, который былъ такъ ярко замѣтенъ въ Покотидовѣ и Каляевѣ, но онъ своей манерой говорить и молчать, неторопливостью своихъ мнѣній и своимъ медлительнымъ спокойствіемъ невольно внушалъ къ себѣ довѣріе. Въ эту первую мою съ нимъ встрѣчу онъ говорилъ очень мало и только по дѣлу.

Черезъ нѣсколько дней я впервые увидѣлъ Сазонова. Было условлено, что Х. и Сазоновъ, оба извозчики, будутъ ждать меня на углу Большого Проспекта и шестой линіи Васильевскаго Острова, причемъ, для того, чтобы я могъ узнать Сазонова, по-

слѣдній станеть непосредственно за пролеткой Х. Еще издали я увидѣлъ на козлахъ Х. У него была щегольская пролетка, сытая лошадь, новая упряжь. Самъ онъ съ завитыми усами и съ шапкой набекрень былъ очень похожъ на петербургскаго щеголя-лихача. Сзади него стоялъ обыкновенный, захудалый Ванька. У этого Ваньки было румяное, веселое лицо и каріе, живые и смѣлые глаза. Его посадка на козлахъ, грязноватый, синій халатъ и рваная шапка были настолько обычны, что я колебался, не вышло ли случайной ошибки, и дѣйствительно ли этотъ крестьянинъ—тотъ «Авелъ», о которомъ я слышалъ отъ Азефа. Но Х. едва замѣтно улыбнулся мнѣ и кивнулъ головой. Румяный извозчикъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и тоже слегка улыбался. Я подошелъ къ нему и сказалъ условный пароль:

— Извозчикъ, на Знаменку.

— Такой улицы, баринъ, нѣтъ. Эта улица, баринъ, въ Москвѣ,—отвѣтилъ Сазоновъ, смѣясь одними глазами. Мы поѣхали въ Галерную Гавань. Лошаденка еле плелась, Сазоновъ постоянно оборачивался съ козелъ ко мнѣ и весело и легко рассказывалъ о своей жизни извозчика. Отъ его молодого лица и веселыхъ спокойныхъ словъ становилось спокойно и весело на душѣ. Когда я расстался съ нимъ, и за угломъ скрылась его пролетка мнѣ захотѣлось снова увидѣть эти смѣющіеся глаза и услышать этотъ увѣренный и веселый голосъ.

Азефъ вскорѣ уѣхалъ по своимъ, какъ онъ говорилъ, общепартійнымъ дѣламъ. Покотилловъ жилъ въ Зегевольдѣ, Каляевъ ждалъ въ Нижнемъ товарища, который долженъ былъ пріѣхать изъ Женевы (назову его хоть У.), Швейцеръ хранилъ динамитъ въ Либавѣ. Въ Петербургѣ остались Сазоновъ, Х. и я. Этихъ силъ для наблюденія было мало, такъ же мало, какъ въ ноябрѣ, когда мы ждали Азефа въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, въ февралѣ и въ началѣ марта Х. и Сазонову еще нѣсколько разъ удалось видѣть Плеве, а главное, удалось установить, что онъ, дѣйствительно, еженедѣльно къ 12 часамъ дня, ѣздитъ съ докладомъ къ царю, жившему тогда въ Зимнемъ Дворцѣ. Мнѣ казалось, что наблюденіе съ такими небольшими силами и не можетъ дать въ будущемъ результатовъ, скольконибудь болѣе значительныхъ. Поэтому, когда Азефъ пріѣхалъ въ Петербургъ, я настойчиво сталъ предлагать ему немедленно приступить къ покушенію. Азефъ возражалъ мнѣ, что свѣдѣній собрано слишкомъ мало, что маршрутъ Плеве въ точности неизвѣстенъ, и что, поэтому, легко ошибиться. Я настаивалъ, указывая на возможность устроить покушеніе на Фонтанкѣ, у самаго дома Плеве, чѣмъ устранялись и рискъ ошибки, и необходимость выясненія маршрута. Но Азефъ не соглашался со мною,—ему казалось такое выступленіе опаснымъ: у дома Плеве была наиболѣе многочисленная охрана. А при неудачѣ дѣло, въ лучшемъ случаѣ, откладывалось на долгое время.

Тогда я предложилъ Азефу узнать мѣтніе Сазонова и Х. На двухъ извозникахъ: я въ пролеткѣ Х., и Азефъ въ пролеткѣ Са-

знова,—мы поѣхали далеко за городъ, и въ полѣ устроили совѣщаніе. Х. настаивалъ на немедленномъ покушеніи. Онъ говорилъ, что разъ выѣздъ извѣстенъ, то нечего больше ждать, ибо никогда мы не узнаемъ болѣе того, что намъ извѣстно теперь. Выясненіе же маршрута необязательно, разъ возможно устроить покушеніе у самыхъ воротъ дома Плеве.

Сазоновъ высказывался гораздо болѣе осторожно. Онъ говорилъ, что не знаетъ Плеве въ лицо, что можетъ ошибиться каретой. Онъ далъ свое согласіе только тогда, когда Х. предложилъ быть сигнальщикомъ и указать ему карету Плеве.

Азефъ, по обыкновенію, слушалъ молча. Когда мы кончили говорить, онъ медленно и, какъ всегда, какъ будто бы нехотя, сталъ возражать. Онъ приглашалъ къ терпѣнію и осторожности и опять указывалъ, что неудача можетъ погубить дѣло. Въ отвѣтъ на его слова я настаивалъ еще рѣзче. Меня поддерживалъ на этотъ разъ, кромѣ Х., еще и Сазоновъ. Наконецъ, Азефъ, подумавъ, сказалъ:

— Хорошо, если вы этого такъ хотите, попробуемъ счастья.

Азефъ снова уѣхалъ изъ Петербурга. Я сѣзидилъ въ Либаву къ Швейцеру и въ Нижній къ Каляеву. Къ 18-му марта всѣ, въ томъ числѣ и пріѣхавшій изъ Женевы У., собрались въ Петербургъ. Только Азефъ оставался по партійнымъ дѣламъ въ провинціи.

IV.

Планъ покушенія состоялъ въ слѣдующемъ. Около 12 часовъ дня по четвергамъ Плеве выѣзжалъ изъ своего дома и ѣхалъ по набережной Фонтанки къ Невѣ и по набережной Невы къ Зимнему дворцу. Возвращался онъ или той же дорогой, или по Пантелеймоновской мимо вторыхъ воротъ Департамента полиціи, къ главному подъѣзду, что на Фонтанкѣ. Предполагалось ждать его на пути. Покотиловъ съ двумя бомбами долженъ былъ сдѣлать первое нападеніе. Онъ долженъ былъ встрѣтить Плеве на набережной Фонтанки около дома Штиглица. У., тоже съ двумя бомбами, занималъ мѣсто ближе къ Невѣ, у Рыбнаго переулка. Сазоновъ съ бомбой подъ фартукомъ пролетки остановился у подъѣзда Департамента Полиціи лицомъ къ Невѣ. Также лицомъ къ Невѣ, съ другой стороны подъѣзда, ближе къ Пантелеймоновской, стоялъ Х. Онъ долженъ былъ снять шапку при приближеніи кареты Плеве и этимъ подать знакъ Сазонову. Наконецъ, на Цѣнномъ мосту, имѣя въ полѣ зрѣнія всю Пантелеймоновскую, находился Каляевъ, на виду, какъ Покотилова, такъ и Сазонова. Его обязанность была дать имъ знакъ въ случаѣ, если Плеве вернется черезъ Литейный Проспектъ.

Диспозиція была неудачна. Помимо того, что дѣйствіе происходило у самыхъ воротъ дома Плеве, гдѣ, кромѣ конныхъ и пѣшихъ городскихъ, было вездѣ,—на улицѣ, на углахъ, на Цѣнномъ мосту—много агентовъ охраны, приманіе Покотилова раз-

бывалось между ожидаемой каретой Плеве и Каляевымъ, Сазонова— между Плеве, Каляевымъ и Х. Кромѣ того, въ дѣйствіе вводилось, а слѣдовательно и подвергалось риску, двое безоружныхъ, непосредственно для покушенія ненужныхъ людей, Каляевъ и Х. Недостатки диспозиціи необходимо вытекали изъ недостаточности наблюденія. Незнаніе маршрута,—возможность проѣзда Плеве по Литейному и Пантелеймоновской,—заставило поставить на Цѣпномъ мосту Каляева, недостаточное же знакомство Сазонова съ каретой министра заставило ввести въ дѣло Х. Именно эти неудобства и предвидѣлъ Авефъ, не соглашаясь на преждевременное по его мнѣнію, покушеніе.

16-го я имѣлъ свиданіе для послѣднихъ переговоровъ съ Покотиловымъ и Швейцеромъ. Свиданіе состоялось на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, у могилы Чайковского. Швейцеръ холодно и спокойно обсуждалъ мельчайшія детали нашего плана. Ему предстояла трудная задача—за ночь онъ долженъ былъ приготовить пять бомбъ и на утро раздать ихъ метальщикамъ. Покотиловъ, какъ всегда, волновался. Онъ горячо говорилъ, что увѣренъ въ удачѣ, какъ увѣренъ и въ томъ, что именно ему, а не У. и Сазонову, выпадетъ честь убить Плеве. Онъ настаивалъ также, чтобы У. въ случаѣ, если ему придется бросать первую бомбу, бѣжалъ не въ переулки, а на него, Покотилова. Онъ говорилъ, что своими бомбами онъ сумѣетъ защитить и его, и себя. Во время нашего разговора, на кладбищѣ, на сосѣдней дорожкѣ неожиданно появился приставъ съ нарядомъ городовыхъ. Между могильныхъ крестовъ замелькали погоны и сабли. Въ ту же минуту Покотиловъ вынулъ револьверъ и быстро большими шагами, пошелъ на встрѣчу полиціи. Швейцеръ спокойно ждалъ у могилы, засунувъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ его револьверъ. Я съ трудомъ догналъ Покотилова. Онъ обернулся ко мнѣ и шепнулъ:

— Уходите съ Павломъ, я удержу ихъ на нѣсколько минутъ.

Городовые приближались по боковой аллеѣ. Я схватилъ Покотилова за руку.

— Что вы дѣлаете? Спрячьте револьверъ.

Онъ хотѣлъ мнѣ что-то отвѣтить, но въ это время полицейскіе повернули на другую дорожку и стали скрываться изъ вида. Очевидно, тревога была не для насъ.

Ночь съ 17 на 18-ое марта я провелъ съ Покотиловымъ. Мы сидѣли съ нимъ въ театрѣ «Варьете» до разсвѣта и на разсвѣтѣ пошли гулять на острова, въ паркъ. Онъ шелъ, волнуясь, въ каплями крови на лбу, блѣдный, съ лихорадочно расширенными зрачками. Онъ говорилъ:

— Я вѣрю въ терроръ. Для меня вся революція въ террорѣ. Насъ мало сейчасъ. Вы увидите: будетъ много. Вотъ завтра, можетъ быть, не будетъ меня. Я счастливъ этимъ, я гордъ: завтра Плеве будетъ убитъ.

Утромъ, въ 8 часовъ, я простился съ нимъ, чтобы черезъ два часа встрѣтиться снова. Въ 10 часовъ, на 16 линіи Васильевскаго Острова, Швейцеръ долженъ былъ передать снаряды метальщикамъ. Онъ долженъ былъ подъѣхать къ условленному заранее дому въ пролеткѣ Сазонова. Покотиловъ долженъ былъ сѣсть въ пролетку и ѣхать до Тучкова моста, гдѣ, взявъ свою бомбу, выйти и уступить мѣсто ожидавшему на Тучковомъ мосту У.; тотъ, взявъ свою бомбу, долженъ былъ выйти вмѣстѣ со Швейцеромъ, который оставлялъ въ пролеткѣ послѣдній снарядъ—для Сазонова. У., невозмутимый, какъ всегда, не выражалъ ни одобренія, ни осужденія нашему плану. Онъ молча выслушалъ всѣ подробности диспозиціи и аккуратно въ назначенный часъ явился на Тучковъ мостъ.

Я видѣлъ, какъ Швейцеръ подъѣхалъ къ Покотилу, и какъ Покотиловъ сѣлъ въ пролетку Сазонова. Я пошелъ отыскивать Каляева. Каляевъ былъ огорченъ:

— Мнѣ не досталось снаряда. Почему У., а не я?

Я успокаивалъ его, говоря, что троихъ метальщиковъ довольно, что У. съ такимъ же правомъ могъ бы сказать тѣ же слова, если бы не у него, а у Каляева была въ рукахъ бомба.

— Я не хочу рисковать меньше другихъ,—сказалъ Каляевъ.

Я сказалъ ему въ отвѣтъ, что рискъ всегда одинаковъ и, что, въ случаѣ ареста, онъ будетъ судиться вмѣстѣ со всѣми и по той же статьѣ закона. Онъ промолчалъ.

Въ 12-мъ часу я, по условію, прошелъ въ Лѣтній Садъ и сѣлъ на скамью на дорожкѣ, параллельной Фонтанкѣ, сталъ ждать. Сазоновъ, Покотиловъ, У., Х. и Каляевъ, каждый заняли свое мѣсто. Такъ прошло полчаса въ ожиданіи.

Вдругъ раздался ударъ, будто взорвало что то. Я невольно поднялся.

На другой сторонѣ Фонтанки было по прежнему все тихо. Стрѣляла полуденная пушка въ Петропавловской крѣпости.

Въ ту же минуту въ воротахъ сада я увидѣлъ Покотилова. Онъ былъ блѣденъ и быстро направлялся ко мнѣ. Въ карманахъ его шубы ясно обозначались бомбы. Онъ подошелъ къ моей скамьѣ и тяжело опустился на нее.

— Ничего не вышло: У. убѣжалъ.

— Кто убѣжалъ?

— У.

— Не можетъ этого быть.

— Я видѣлъ самъ: убѣжалъ.

Мы вышли съ Покотиловымъ изъ Лѣтняго Сада. На Цѣпномъ мосту, прислонившись къ периламъ, высоко поднявъ голову и не спуская глазъ съ Пантелеймоновской улицы, стоялъ Каляевъ. Онъ удивленно посмотрѣлъ на Покотилова и на меня, но не двинулся съ мѣста.

Я и до сихъ поръ ничѣмъ инымъ не могу объяснить благополучнаго исхода этого перваго нашего покушенія, какъ слу-

чайной удачей. Каляевъ настолько бросался въ глаза, настолько напряженная его поза и упорная сосредоточенность всей фигуры выдѣлялась изъ массы, что для меня непонятно, какъ агенты охраны, которыми былъ устѣянъ мостъ и набережная Фонтанки, не обратили на него вниманія. Впослѣдствіи, онъ самъ говорилъ, что стоялъ въ полной увѣренности, что его арестуютъ, что не могутъ на арестовать человѣка, въ теченіи часа стоящаго противъ дома Плеве и наблюдающаго за его подъѣздомъ. Но и думая такъ, онъ послѣдній ушелъ со своего поста, когда Сазоновъ и У. уже отъѣхали отъ подъѣзда.

Только что мы минули съ Покотиловымъ мостъ, какъ засуетились городовые и филеры, и отъ Невы по Фонтанкѣ крупной рысью мимо насъ промчалась карета, запряженная вороными конями, съ ливрейнымъ лакеемъ на козлахъ. Въ окнѣ кареты мелькнуло спокойное лицо Плеве. Покотиловъ схватился за бомбу, но карета была уже далеко и приближалась къ Сазонову. Мы замерли, ожидая взрыва. Но на нашихъ глазахъ карета, обогнувъ Сазонова, повернула въ раскрытыя ворота и скрылась. Я вернулся къ Каляеву и сказалъ ему, чтобы онъ шелъ на мѣсто условленнаго заранее свиданія. Покотиловъ подошелъ къ Сазонову и сталъ его нанимать. Я видѣлъ, какъ Сазоновъ отрицательно качнулъ головой. Тогда я подошелъ къ Сазонову:

— Извозчикъ!

— Занять.

— Извозчикъ!

— Занять.

Я остановился и посмотрѣлъ въ лицо Сазонова. Онъ былъ очень блѣденъ. Я прошепталъ:

— Убѣжайте скорѣе.

Но онъ опять отрицательно качнулъ головой. Я прошелъ мимо него и повалъ Х., и опять услышалъ тоже самое:

— Занять.

Я обернулся къ Цѣпному мосту: Каляевъ все еще стоялъ на мосту.

Такъ ожидали они, уже безъ всякой надежды, еще полчаса.

Неудача Сазонова произошла, благодаря одной изъ тѣхъ случайностей, которыхъ нельзя ни предусмотрѣть, ни устранить. Какъ и было условлено, Сазоновъ сталъ въ 12-мъ часу на свое мѣсто, лицомъ къ Невѣ, такъ, чтобы видѣть Х. и набережную Фонтанки и заранее приготовиться къ взрыву. Тяжелый 7-ми фунтовый снарядъ лежалъ у него подъ фартукомъ, на колѣняхъ. Чтобы бросить снарядъ, нужно было отстегнуть фартукъ и поднять бомбу. Это требовало нѣсколько секундъ времени. Но, стоя у подъѣзда Плеве и отказывая нанимавшимъ его сѣдокамъ, Сазоновъ возбудилъ насмѣшки другихъ извозчиковъ. Изъ ихъ длиннаго ряда онъ выдѣлялся тѣмъ, что стоялъ лицомъ къ Невѣ, тогда какъ всѣ они стояли лицомъ въ противоположную

сторону, къ цирку. Эти насмѣшки, т. е. боязнь обратить на себя вниманіе, заставили его повернуть лошадь мордою отъ Невы и стать спиною къ Х. Такимъ образомъ, Плеве, возвращаясь, былъ невидимъ ему и промелькнулъ мимо него неожиданно быстро. Сазоновъ схватился за бомбу, но было уже поздно.

Эта первая неудача научила насъ многому. Мы поняли что «семь разъ примѣръ и одинъ разъ отръжь».

V.

Мы условились собраться послѣ покушенія на Садовой, въ ресторанѣ «Сѣверный Полюсъ». Я встрѣтилъ еще на улицѣ У. Я спросилъ его:

— Послушайте, У., вы убѣжали?

Онъ поднималъ на меня свои большіе, свѣтлые глаза и промолчалъ. Я повторилъ свой вопросъ. Тогда онъ отвѣтилъ:

— Да, я убѣжалъ.

— Какое право вы имѣли бѣжать?

У. въ отвѣтъ ничего не сказалъ. Я долго смотрѣлъ на его спокойное, точно каменное, лицо. Наконецъ, я спросилъ:

— Почему же вы убѣжали?

— Странно... Если за вами слѣдятъ, что вы будете дѣлать?

— За вами слѣдили?

— Если бы не слѣдили, я бы не убѣжалъ.

— Слушайте,—сказалъ я,—товарищи могутъ подумать, что вы трусь.

Онъ долго медлилъ отвѣтомъ:

— Я не трусь. Я долженъ былъ убѣжать. Каждый убѣжалъ бы на моемъ мѣстѣ... И развѣ нужно было, чтобы меня безъ пользы арестовали?

Въ это время вошелъ въ ресторанъ Каляевъ. По его лицу было видно, что онъ очень взволнованъ. Иногда онъ мелькомъ взглядывалъ на У. Наконецъ, онъ не выдержалъ:

— Почему вы убѣжали, У.?

У. посмотрѣлъ на него:

— Что бы вы сдѣлали, если бы шпионы васъ окружили?

Каляевъ ничего не отвѣтилъ. Не могло быть сомнѣнія, что У. говоритъ правду. Оставаться же съ бомбою на глазахъ у Филеровъ значило губить и себя, и товарищей, и самое дѣло.

Покушеніе не удалось. Жить всѣмъ членамъ Организациі въ Петербургѣ не было цѣли. Швейцеръ въ тотъ же день уѣхалъ съ динамитомъ обратно въ Либаву, У. въ Бердичевъ, Каляевъ въ Кіевъ, Покотиловъ въ Двинскъ, гдѣ долженъ былъ ждать извѣстій отъ насъ Азефъ. Я остался еще на день въ Петербургѣ и вечеромъ встрѣтился съ Сазоновымъ.

Мы поѣхали съ нимъ на острова. У вѣзюръ я, наконецъ, рѣшился заговорить.

— Слушайте, почему вы не хотѣли отъѣхать отъ дома Плеве? Савоновъ обернулся съ козелъ ко мнѣ:

— Почему?.. Я надѣялся, можетъ быть, онъ опять поѣдетъ.

— Но вы, вѣдь, знали, что этого не будетъ?

— Эхъ... Ну, конечно...

Онъ опустил голову. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова заговорилъ:

— Стою я, бомбу на коябняхъ держу... Жду... Знаете, ничего... только ноги похолодѣли...

Онъ махнулъ рукой. Потомъ вдругъ быстро обернулся ко мнѣ:

— Это я виноватъ.

— Въ чемъ?

— Да вотъ... въ неудачѣ.

Конечно, Савоновъ былъ виноватъ менѣе всѣхъ, и я съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ онъ, могу приписать неудачу 18 марта себѣ.

Въ Двинскѣ Азефа не было. На почтѣ не было условныхъ отъ него телеграммъ до востребованія. На вокзалѣ меня встрѣтилъ Покотиловъ. Его первыя слова были:

— Валентинъ арестованъ.

— Какъ арестованъ?

— Его нѣтъ. Телеграммъ тоже нѣтъ. Что дѣлать?

Азефъ только впоследствии объяснилъ, что въ Двинскѣ замѣтилъ за собой наблюденіе и, скрывая слѣды, три недѣли тащилъ по Россіи. Тогда его отсутствіе въ такой важный моментъ мы могли объяснить только его арестомъ.

Покотиловъ, волнуясь, съ мелкими каплями крови на лбу, говорилъ:

— Валентинъ арестованъ. Покушеніе не удалось. Но Плеве будетъ убитъ... Плеве непременно будетъ убитъ... Неправда ли, Веняминъ?

Я молчалъ. Мнѣ думалось: потеря въ рѣшительную минуту Азефа лишала Организацию единственнаго опытнаго террориста,— болѣе того: лишала ее ея руководителя. Руководительство переходило ко мнѣ, а я не чувствовалъ себя подготовленнымъ къ нему. Я попросилъ Покотилова съѣздить къ Швейцеру и привести его въ Кіевъ, куда долженъ былъ пріѣхать и У. Я хотѣлъ посоветоваться съ товарищами.

Я считалъ, что силъ Организациі, съ потерей Азефа, было недостаточно, чтобы убить Плеве. Мнѣ казалось, поэтому, разумнымъ попытаться сперва убить Клейгельса и, убивъ его, уже потомъ перейти къ покушенію на Плеве. Приготовленія къ убійству Клейгельса должны были дать недостающій намъ опытъ и помочь ориентироваться въ почти незнакомой техникѣ боевого дѣла. Я сообщилъ мое мнѣніе товарищамъ. Каляевъ и Швейцеръ согласились со мной. Покотиловъ сталъ возражать:

— Мы взялись за дѣло Плеве и не можемъ оставить его.

Мы обязаны убить Плеве. Силъ довольно. Въ крайнемъ случаѣ, мы взорвемъ весь Департаментъ Полиціи. Я все беру на себя.

У. молчалъ.

— А ваше мнѣніе,—спросилъ я его.

— Я поѣду съ Покотиловымъ,—отвѣчалъ онъ.

Было рѣшено наихудшее: былъ принятъ компромиссъ. Швейцеръ, Каляевъ и я остались въ Кіевѣ для покушенія на Клейгельса, У. и Покотилловъ уѣхали въ Петербургъ, чтобы вмѣстѣ съ Сазоновымъ и Х. попытаться убить Плеве.

Ихъ планъ состоялъ въ слѣдующемъ: въ четвергъ, 25 марта, и въ четвергъ, 1-го апрѣля,—день, когда Плеве ѣздитъ къ царю,—они должны были утромъ, въ 11 съ половиной часовъ выйти съ бомбами на встрѣчу министру, отъ Зимняго Дворца по набережнымъ Новы и Фонтанки къ зданію Департамента Полиціи. Такъ какъ маршрутъ Плеве и время его выѣзда были извѣстны лишь приблизительно, то надежды на удачное покушеніе было мало. Бомбы долженъ былъ приготовить Покотилловъ. Сазоновъ и Х. въ покушеніи принимали только косвенное участіе.

Нашъ планъ былъ простъ: Клейгельсъ, не скрываясь, ѣздитъ по городу. Каляевъ и я знали его въ лицо. Генераль-губернаторскій домъ былъ на Институтской улицѣ, и куда бы Клейгельсъ ни ѣздитъ, онъ не могъ миновать Крещатику. Бомбы долженъ былъ приготовить Швейцеръ, честь же перваго нападенія принадлежала Каляеву.

Такое раздѣленіе ослабляло Организацию, оно уменьшало надежду на успѣхъ, какъ того, такъ и другого покушенія. Я не имѣлъ настолько авторитета, чтобы настоять на своемъ планѣ, но я не могъ признать плана Покотилова разумнымъ. Организациа раздѣлилась на двѣ, почти равныя части.

24-го марта Покотилловъ приготовилъ двѣ бомбы и 25-го онъ и У. вышли отъ Зимняго Дворца навстрѣчу Плеве, но Плеве не встрѣтили. Покотилловъ вынулъ изъ бомбъ запалы и уѣхалъ изъ Петербурга въ Двинскъ. 29-го марта онъ опять отправился въ Петербургъ и по дорогѣ въ вагонѣ онъ опять случайно встрѣтился съ Азефомъ. Азефъ выслушалъ его докладъ о положеніи Организации и остался недоволенъ. Онъ пробовалъ отговаривать Покотилова отъ его плана, но Покотилловъ стоялъ на своемъ. Тогда Азефъ простившись съ нимъ, поѣхалъ въ Кіевъ отыскивать насъ.

31-го марта, ночью, въ Сѣверной гостиницѣ, готовя въ второй разъ снаряды, Покотилловъ погибъ отъ взрыва. Наши бомбы имѣли химическій запалъ; онѣ были снабжены двумя крестообразно помѣщенными трубками съ зажигательными и детонаторными приборами. Первые состояли изъ наполненныхъ сѣрной кислотой стеклянныхъ трубокъ съ баллонами и надѣтыми на нихъ свинцовыми грузами. Эти грузы, при паденіи снаряда въ любомъ положеніи, ломали стеклянные трубки; сѣрная кислота, выливаясь, воспламеняла смѣсь бертолетовой соли съ сахаромъ.

Воспламенение же этого состава производило сперва взрывъ греческой ртутью, а потомъ и динамита, наполнявшаго снарядъ. Неустрашимая опасность при зарядженіи заключалась въ томъ, что стекло трубки могло легко сломаться въ рукахъ.

VI.

О смерти Покотилова мы узнали въ Кіевѣ изъ газетъ. Для насъ эта смерть явилась еще болѣе тяжелой неожиданностью, чѣмъ неудача 18 марта.

Изъ нашего запаса динамита, послѣ смерти Покотилова, осталась едва одна четверть. Она хранилась у Швейцера и изъ нея возможно было приготовить всего одну бомбу. Одной бомбы, по нашему мнѣнію, было достаточно для убійства Клейгельса, но намъ казалось невозможнымъ убить Плеве съ помощью всего одного метальщика. Я посоветовался со Швейцеромъ и Калеевымъ, и мы рѣшили ликвидировать дѣло Плеве и предложить Х., У. и Сазонову уѣхать за границу. Мы, втроемъ, должны были остаться въ Кіевѣ для покушенія на Клейгельса.

Швейцеръ передалъ оставшійся динамитъ Калееву и уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы сообщить Х. и Сазонову о такомъ нашемъ рѣшеніи; У. послѣ 31 марта по собственной инициативѣ пріѣхалъ въ Кіевъ. Почти одновременно съ нимъ неожиданно пріѣхалъ въ Кіевъ и Азефъ. Встрѣтивъ меня въ квартирѣ***, онъ сказалъ:

— Что вы затѣяли? Къ чему это покушеніе на Клейгельса? И почему вы не въ Петербургѣ? Какое право имѣете вы своей властью измѣнять рѣшенія Центральнаго Комитета?

Я отвѣтилъ Азефу, что мы были увѣрены въ его арестѣ, ибо только арестомъ могли объяснить отсутствіе его послѣ неудачи 18-го марта въ Двинскѣ; что безъ его руководства мнѣ казалось невозможнымъ убить Плеве; что, ввиду этой невозможности, я рѣшилъ убить Клейгельса; что я былъ противъ поѣздки Покотилова въ Петербургъ и считалъ его планъ покушенія на Плеве несостоятельнымъ и, наконецъ,—и это самое главное,—что динамита у насъ осталось всего на одну бомбу. Я хотѣлъ прибавить также, что неудача 18-го марта и смерть Покотилова породили въ насъ неуверенность въ своихъ силахъ и, что, въ такомъ состояніи недоумѣнія къ себѣ, едва ли было возможно довести до конца общеперсое дѣло. Но, посмотрѣвъ на Азефа, я не сказалъ ему этого.

Азефъ слушалъ, по своему обыкновенію, молча. По его лицу я видѣлъ, что онъ очень недоволенъ и нашимъ рѣшеніемъ и моими ему объясненіями. Наконецъ онъ сказалъ:

— За мною слѣдили. Я долженъ былъ уходить отъ шпионовъ. Вы могли повѣять это и не торопиться съ предположеніями о моемъ арестѣ. Кромѣ того, если бы я и былъ арестованъ, вы не имѣли права ликвидировать покушеніе на Плеве.

Я отвѣтилъ ему на это, что ни у кого изъ насъ нѣтъ тер-

рористического опыта; что впредь мы, вѣроятно, сумѣемъ быть хладнокровнѣе и не придавать рѣшающаго значенія неудачамъ, но что нѣтъ ничего удивительнаго, если покушеніе 18-го марта, предполагаемый его арестъ и смерть Покотилова заставили насъ измѣнить первоначально принятый планъ.

Азефъ нахмурился еще больше и сказалъ:

— Люди учатся на дѣлахъ. Ни у кого не бываетъ сразу нужнаго опыта. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что нужно дѣлать только то, что легко. Какой смыслъ въ покушеніи на Клейгельса?

Я сказалъ, что Боевая Организція молчитъ со времени Уфимскаго дѣла, т. е. уже около года, что съ арестомъ Гершуни правительство считаетъ ее разбитой, и что если въ Партіи нѣтъ силъ для центральнаго террора, то необходимо дѣлать, по крайней мѣрѣ, терроръ мѣстный, какъ его дѣлалъ Гершуни въ Харьковѣ и Уфѣ.

— Что вы мнѣ говорите? Какъ нѣтъ силъ для убійства Плеве? Смерть Покотилова? Но вы должны быть готовы ко всякимъ несчастіямъ. Вы должны быть готовы къ гибели всей Организціи до послѣдняго человѣка. Что васъ смущаетъ? Если нѣтъ людей,—ихъ нужно найти. Если нѣтъ динамита, его необходимо сдѣлать. Но бросать дѣло нельзя никогда. Плеве во всякомъ случаѣ будетъ убитъ. Если мы его не убьемъ,—его не убьетъ никто. Пусть «Поэтъ» (Каляевъ) ѣдетъ въ Петербургъ и велитъ Х. и «Авелю» (Сазонову) оставаться на прежнихъ мѣстахъ. «Павелъ» (Швейцеръ) изготовить динамитъ, а вы съ У. поѣдете въ Петербургъ на работу. Кромѣ того, мы найдемъ еще людей.

Въ тотъ же день изъ Петербурга вернулся Швейцеръ. Онъ сообщилъ, что Х. и Сазоновъ уже продали лошадей и пролетки, и что первый уѣхалъ къ себѣ на родину, а второй черезъ Сувалки направляется за границу. Каляевъ немедленно поѣхалъ въ Сувалки, чтобы остановить Сазонова на дорогѣ и предложить ему ѣхать не за границу, а въ Харьковъ, гдѣ должны были собраться для совѣщанія почти всѣ члены Организціи. Швейцеръ получилъ отъ Азефа адресъ партійнаго инженера. Съ помощью этого инженера онъ долженъ былъ въ земской лабораторіи изготовить пудъ динамита. Задача ему предстояла трудная. Необходимо было незамѣтно приобрести нужные матеріалы; необходимо было соблюдать строжайшую конспирацію; наконецъ, необходимо было мприться съ неустраняемыми недостатками неприспособленной къ изготовленію динамита лабораторіи. Швейцеръ справился со всѣми затрудненіями. По подложному открытому листу на имя уполномоченнаго земства онъ закупилъ матеріалъ, и одинъ, скорѣе съ вѣдома, чѣмъ при помощи вышеупомянутаго инженера, приготовилъ необходимое намъ количество динамита. На этой работѣ онъ едва не погибъ и спасся только благодаря своему хладнокровію. Размѣшивая желатинъ, приготовленный изъ русскихъ, не чистыхъ химически матеріаловъ, онъ замѣтилъ въ немъ приз-

наки разложеніи, т. е. признаки неизбежнаго и моментальнаго взрыва. Онъ схватилъ стоявшій рядомъ кувшинъ съ водой и, второпяхъ, сталъ лить прямо съ руки, съ высоты нѣсколькихъ вершковъ отъ желатина. Струя воды разбрызгала взрывчатую массу, желатинныя брызги попали ему на всю правую сторону тѣла и взорвались на немъ. Онъ получилъ нѣсколько тяжкихъ ожоговъ, но дѣла не бросилъ и, лишь изготовивъ нужное количество динамита, уѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ пролежалъ нѣсколько дней въ больницѣ. Динамитъ онъ привезъ въ Петербургъ въ іюнѣ.

Тогда же въ Кіевѣ я познакомился съ Дорой Бриллиантъ. Дора Владиміровна Бриллиантъ была рекомендована для боевой работы Покотиловымъ, который близко зналъ ее еще по Полтавѣ.

Дору Бриллиантъ я отыскалъ на Жилинской улицѣ, въ студенческой комнатѣ. Она съ головой ушла въ мѣстные комитетскія дѣла, и комната ея была полна ежеминутно приходившими и уходившими по конспиративнымъ дѣламъ товарищами. Маленькаго роста, съ черными волосами и громадными, тоже черными, глазами, Дора Бриллиантъ съ первой же встрѣчи показалась мнѣ человѣкомъ, фанатически преданнымъ революціи. Она давно мечтала перемѣнить родъ своей дѣятельности и съ комитетской работы перейти на боевую. Все ея поведеніе, сквозившее въ каждомъ словѣ, желаніе работать въ террорѣ убѣдило меня, что въ ея лицѣ Организациа пріобрѣтаетъ цѣннаго и преданнаго работника.

Переговоривъ съ Бриллиантъ, я уѣхалъ въ Харьковъ. Туда же пріѣхали Азефъ, Сазоновъ и Каляевъ. Въ Харьковѣ я увидѣлъ впервые Сазонова не на козлахъ и не въ извозничьемъ халатѣ. Онъ былъ выше средняго роста, съ румянымъ, открытымъ и веселымъ лицомъ. Узнавъ отъ Швейцера, что рѣшено ликвидировать дѣло, и что ему предложено ѣхать за границу, онъ чрезвычайно огорчился: такое предложеніе равнялось въ его глазахъ приказанію оставить поле сраженія. Тѣмъ не менѣе, подчиняясь дисциплинѣ Организации, онъ продалъ лошадь и пролетку и поѣхалъ въ Сувалки. Въ поѣздѣ между Сувалками и Вильно его встрѣтилъ Каляевъ. Къ своей радости Сазоновъ узналъ отъ него, что, вмѣсто Женевы, ему предложено ѣхать въ Харьковъ. Здѣсь, въ Харьковѣ, онъ близко сошелся съ Каляевымъ, хотя и ему Каляевъ на первый взглядъ показался страннымъ.

Каляевъ любилъ революцію такъ глубоко и нѣжно, какъ любить ее только тѣ, кто отдастъ за нее свою жизнь. Но, прирожденный поэтъ, онъ любилъ искусство. Когда не было революціонныхъ совѣщаній и не рѣшались практическія дѣла, онъ подолгу и съ увлеченіемъ говорилъ о литературѣ. Говорилъ онъ съ легкимъ польскимъ акцентомъ, но образно и ярко. Имена Брюсова, Бальмонта, Блока, чуждые тогда революціонерамъ, были для него родными. Онъ не могъ понять ни равнодушія къ ихъ литературнымъ исканіямъ, ни тѣмъ менѣе отрицательнаго къ нимъ отношенія: для него они были революціонерами въ искусствѣ. Онъ

горячо спорилъ въ защиту «новой» поэзіи и возражалъ еще горячѣе, когда при немъ указывалось на ея, якобы, реакціонный характеръ. Для людей, знавшихъ его очень близко, его любовь къ искусству и революціи освѣщалась однимъ и тѣмъ же огнемъ,—несознательнымъ, робкимъ, но глубокимъ и сильнымъ религіознымъ чувствомъ. Къ террору онъ пришелъ своимъ, особеннымъ, оригинальнымъ путемъ и видѣлъ въ немъ не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть можетъ, религіозную, жертву.

Сазоновъ былъ социалистъ-революціонеръ, человѣкъ, прошедшій школу Михайловскаго и Лаврова, истый сынъ народо-вольцевъ, фанатикъ революціи, ничего не видѣвшій и не признававшій кромѣ нея. Въ этой страстной вѣрѣ въ народъ и въ глубокой къ нему любви и была его сила. Неудивительно, поэтому, что вдохновенныя слова Каляева объ искусствѣ, его любовь къ слову, религіозное его отношеніе къ террору, показались Сазонову при первыхъ встрѣчахъ странными и чужими, не гармонирующими съ образомъ террориста и революціонера. Но Сазоновъ былъ чутокъ. Онъ почувствовалъ за широтою Каляева силу, за его вдохновенными словами—горячую вѣру, за его любовью къ жизни—готовность пожертвовать этой жизнью въ любую минуту, болѣе того,—страстное желаніе такой жертвы. И все-таки, въ первый изъ нашихъ харьковскихъ дней, Сазоновъ, встрѣтивъ меня въ Университетскомъ саду, подошелъ ко мнѣ съ такими словами:

— Вы хорошо знаете «Поэта»? Какой онъ странный.

— Чѣмъ же странный?

— Да онъ, дѣйствительно, скорѣе поэтъ, чѣмъ революціонеръ.

Сазоновъ смутился. Можетъ быть, ему показалось, что въ его словахъ было косвенное осужденіе Каляеву. Я же ни до, ни послѣ, никогда не слыхалъ, чтобы онъ осуждалъ кого либо.

— Знаете, раньше я думалъ, что терроръ нуженъ, но что онъ не самое главное... А теперь вижу: нужна «Народная Воля», нужно всѣ силы напрячь на терроръ, тогда побѣдимъ. Вотъ и «Поэтъ» думаетъ такъ.

Каляевъ дѣйствительно думалъ такъ. Онъ не отрицалъ, конечно, значенія мирной работы и съ интересомъ слѣдилъ за ея развитіемъ, но терроръ онъ ставилъ во главу угла революціи. Онъ психически не могъ, не ломая себя, заниматься пропагандой и агитаціей, хотя любилъ и понималъ рабочую массу. Онъ мечталъ о террорѣ будущаго, о его рѣшающемъ вліяніи на революцію.

— Знаешь,—говорилъ онъ мнѣ въ Харьковѣ,—я бы хотѣлъ дожить, чтобы видѣть: вотъ, смотри — Македонія. Тамъ терроръ массовой, тамъ каждый революціонеръ—террористъ. А у насъ. Пять, шесть человѣкъ, и обчелся... Остальные въ мирной работѣ. Но развѣ с.-р. можетъ работать мирно? Видь с.-р. безъ бомбы уже не с.-р. И развѣ можно говорить о террорѣ, не участвуя въ немъ?.. О, я знаю: по всей Россіи разгорится пожаръ. Будетъ и у насъ

своя Македонія. Крестьянинъ возьмется за бомбы. И тогда—революція...

Въ Университетскомъ саду происходили всѣ наши совѣщанія. Азефъ предложилъ слѣдующій планъ. Х., Каляевъ и убившій въ 1903 г. Уфимскаго губернатора Богдановича, Егоръ Олимпіевичъ Дулебовъ, намъ тогда еще незнакомый, должны были наблюдать за Плеве на улицѣ: Каляевъ и одинъ вновь принятый товарищъ—какъ папиросники, Дулебовъ и Х.—въ качествѣ извозчиковъ. Я долженъ былъ нанять богатую квартиру въ Петербургѣ, съ женой—Дорой Бриллиантъ и прислугой: лакеемъ—Сазоновымъ и кухаркой—одной старой революционеркой Н. Цѣль этой квартиры была двоякая. Во-первыхъ, предполагалось, что Сазоновъ-лакей и Н.-кухарка могутъ быть полезны для наблюденія, и во-вторыхъ, я долженъ былъ приобрести автомобиль, необходимый, по мнѣнію Азефа, для нападенія на Плеве. Учиться искусству шоффера долженъ былъ У.

Я усиленно возражалъ Азефу противъ покупки автомобиля. Я признавалъ значеніе конспиративной квартиры и для наблюденія, и для хранения снарядовъ, но я не видѣлъ цѣли въ приобретеніи автомобиля. Мнѣ казалось, что пѣшее нападеніе на Плеве, при многихъ метальщикахъ, гарантируетъ полный успѣхъ, и что, наоборотъ, автомобиль можетъ скорѣе обратить на себя вниманіе полиціи. Азефъ не очень настаивалъ на своемъ планѣ, но все-таки предложилъ мнѣ нанять квартиру и устроиться въ Петербургѣ.

Силъ Организациі теперь было больше, чѣмъ когда бы то ни было. Потеря Покотилова возмѣщалась новыми членами: Дулебовымъ, Бриллиантъ и Н. Кромѣ того, прошедшія неудачи, не устраняя, конечно, возможности новыхъ, обеспечивали отъ повторенія грубыхъ ошибокъ. Настойчивость Азефа, его спокойствіе и увѣренность подняли духъ Организациі, и мнѣ было странно, какъ могъ я рѣшиться ликвидировать дѣло Плеве и предпринять провинціальное, не имѣющее политическаго значенія, покушеніе на Клейгельса. Не преувеличивая, можно сказать, что Азефъ возродилъ Организацию: мы приступили къ дѣлу съ вѣрой и рѣшимостью во что бы то ни стало убить Плеве.

Когда планъ былъ обсужденъ нами и принятъ, и люди распредѣлены, Азефъ уѣхалъ за Дулебовымъ и Н., а также по дѣламъ организовавшагося тогда подъ его руководствомъ Центрального Комитета. Сазоновъ и Каляевъ уѣхали въ Петербургъ. Я остался въ Харьковѣ ожидать Бриллиантъ.

Изъ Харькова я съ Дорой Бриллиантъ отправился въ Москву. Въ Москвѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ Азефомъ и Дулебовымъ.

Увидѣвъ меня, Азефъ сказалъ:

— «Петръ» (Дулебовъ) уже здѣсь. У него съ собою шесть небольшихъ бомбъ македонскаго образца. Возьмите ихъ у него и отдайте на храненіе въ несгораемый ящикъ въ какойнибудь

банкъ. «Петръ» живетъ на Маросейкѣ, въ номерахъ, зайдите завтра къ нему.

Я зашелъ къ Дулебову и увидѣлъ передъ собою небольшого роста крѣпкаго рабочаго, съ открытымъ лицомъ и задумчивыми глазами. Онъ передалъ мнѣ коробку съ бомбами и показалъ мнѣ способъ ихъ заряжанія.

Въ тотъ же день я нанялъ на имя Адольфа Томашевича несгораемый ящикъ въ банкирскомъ домѣ бр. Джамгаровыхъ и отвезъ туда бомбы. Впослѣдствіи квитанція отъ этого ящика была найдена при арестѣ Татьяны Леонтьевой, и полиція тщетно отыскивала нанимателя. Бомбы эти были конфискованы въ маѣ 1905 года.

Черезъ нѣсколько дней мы всѣ уѣхали изъ Москвы: Азефъ по общепартійнымъ дѣламъ на Волгу, Бриллиантъ, Дулебовъ и я—въ Петербургъ.

Дулебовъ купилъ пролетку и лошадь и сталъ извозникомъ, а я остановился вмѣстѣ съ Бриллиантъ въ гостинницѣ «Франція», на Морской, и прежде всего пошелъ отыскивать Н.

Н. жила въ пятомъ этажѣ, въ громадномъ домѣ на Обводномъ каналѣ. Она снимала уголь въ рабочемъ семействѣ подъ именемъ, если не ошибаюсь, Дарьи Кирилловой. Подымаясь по лѣстницѣ къ ней, я встрѣтилъ какую то старуху въ платкѣ. Старуха была такъ похожа на уголовную жилицу, такъ все, отъ головного платка до сапогъ, было типично, что мнѣ и въ голову не пришло, что это могла быть сама Н. Я остановилъ старуху и спросилъ:

— А гдѣ, тетка, здѣсь живетъ Дарья Кириллова?

— Да это я и есть, батюшка,—отвѣчала она.

Я все еще не вѣрилъ. Выговоръ и слова были чисто народныя. Я думалъ, что случайно встрѣтилъ однофамилицу, или самъ забылъ имя. Н., видя мое замѣшательство, улыбнулась:

— Я и есть... Она самая... Давайте, скорѣе поговоримъ..

Мы тутъ же на лѣстницѣ условились, какъ намъ впослѣдствіи отыскать другъ друга. Въ тотъ же день я, по объявленію изъ «Новаго Времени», нашелъ меблированную квартиру.

VII.

Я снялъ квартиру на улицѣ Жуковского, д. № 31, кв. 1-ая, у хозяйки нѣмки. Я игралъ роль богатаго англичанина, Дора Бриллиантъ—бывшей пѣвицы изъ «Буффа». На вопросъ о моихъ занятіяхъ, я сказалъ, что я представитель большой англійской велосипедной фирмы. Впослѣдствіи повѣрившая вполнѣ намъ хозяйка не разъ приходила въ мое отсутствіе къ Дорѣ и начинала ее убѣждать уйти отъ меня на другое мѣсто, которое хозяйка ей уже подыскала. Она жалѣла Дору, спрашивала ее, сколько денегъ я положилъ на ея имя въ банкъ, и удивлялась, что не видитъ

на ней драгоценностей. Дора отвѣчала, что она живетъ со мною не изъ-за денегъ, а по любви. Такіе визиты были довольно часты.

Живя въ этой квартирѣ, я близко сошелся съ Бриллиантъ, Н. и Сазоновымъ, и узналъ ихъ. Молчаливая, скромная и застенчивая Дора жила только однимъ—своей вѣрой въ терроръ. Любя революцію, мучаясь ея неудачами, признавая необходимость убійства Плеве, она вмѣстѣ съ тѣмъ боялась этого убійства. Она не могла примириться съ кровью, ей было легче умереть, чѣмъ убить. И все-таки ея неизмѣнная просьба была—дать ей бомбу и позволить быть однимъ изъ метальщиковъ. Ключъ къ этой загадкѣ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что она, во-первыхъ, не могла отдѣлать себя отъ товарищей, взять на свою долю, какъ ей казалось, наиболѣе легкое, оставляя имъ наиболѣе трудное, и, во-вторыхъ, въ томъ, что она считала своимъ долгомъ переступить тотъ порогъ, гдѣ начинается непосредственное участіе въ дѣлѣ: терроръ для нея, какъ и для Каляева, окрашивался прежде всего той жертвой, которую приноситъ террористъ. Эта дисгармонія между сознаниемъ и чувствомъ глубоко женственной чертой ложилась на ея характеръ. Вопросы программы ее не интересовали. Быть можетъ, изъ своей комитетской дѣятельности она вышла съ извѣстной степенью разочарованія. Ея дни проходили въ молчаніи, въ молчаливомъ и сосредоточенномъ переживаніи той внутренней муки, которой она была полна. Она рѣдко смѣялась, и даже при смѣхѣ глаза ея оставались строгими и печальными. Терроръ для нея олицетворялъ революцію, и весь міръ былъ замкнутъ въ Боевой Организациі. Быть можетъ, смерть Покотилова, ея товарища и друга, положила свою печать на ея и безъ того опечаленную душу.

Сазоновъ былъ молодъ, здоровъ и силенъ. Отъ его искрившихся глазъ и румяныхъ щекъ вѣяло силой молодой жизни. Вспыльчивый и сердечный, съ кроткимъ, любящимъ сердцемъ, онъ своей жизнерадостностью только еще больше отбѣнялъ тихую грусть Доры Бриллиантъ. Онъ вѣрилъ въ побѣду и ждалъ ея. Для него терроръ тоже прежде всего былъ личной жертвой, подвигомъ. Но онъ шелъ на этотъ подвигъ радостно и спокойно, точно не думая о немъ, какъ онъ не думалъ о Плеве. Революціонеръ стараго, народовольческаго, крѣпкаго закала, онъ не имѣлъ ни сомнѣній, ни колебаній. Смерть Плеве была необходима для Россіи, для революціи, для торжества социализма. Передъ этой необходимостью блѣднѣли всѣ моральные вопросы на тему о «не убій».

Н. прожила свою тяжелую жизнь въ тюрьмахъ и ссылки. На ея блѣдномъ, старческомъ, морщинистомъ лицѣ свѣтились ясные, добрые материнскіе глаза. Всѣ члены Организациі были какъ бы ея родными дѣтьми. Она любила всѣхъ одинаково, равной и тихой, теплой любовью. Она не говорила ласковыхъ словъ, не утѣшала, не ободряла, не загадывала объ успѣхѣ или неудачѣ, но каждый, кто былъ около нея, чувствовалъ этотъ неизсякаемый свѣтъ большой и нѣжной любви. Тихо и незамѣтно дѣлала

она свое конспиративное дѣло и дѣлала артистически, несмотря на старость своихъ лѣтъ и на свои болѣзни. Сазоновъ и Дора Бриллиантъ были ей одинаково родные и близкіе.

Конспиративная сторона нашей жизни была, по настоянію Азефа, разработана во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Н. въ качествѣ кухарки, завела дружбу съ дворничихой, и по утрамъ старшій дворникъ пилъ у насъ кофе на кухнѣ. Сазоновъ былъ своимъ человѣкомъ въ швейцарской. Онъ невольно зналъ всѣ сплетни и всѣ разговоры, которые ходили по дому. Я имѣлъ видъ дѣлового человѣка, Дора—пѣвицы.

Каждый день утромъ я получалъ чрезъ швейцара почту,—большую частью, каталоги разныхъ машинъ, которые я выписывалъ, какъ «представитель торговой фирмы», изъ Англіи, Франціи и Германіи. Затѣмъ я уходилъ на «службу»—бродилъ по городу съ надеждой встрѣтить Плеве, и, дѣйствительно, часто встрѣчалъ его. Днемъ барыня-Дора, съ громаднымъ перомъ на шляпѣ, въ сопровожденіи лакея-Сазонова шла въ городъ за покупками. Вечеромъ я и Дора часто уѣзжали изъ дому, и прислуга, освободившись, тоже уходила гулять,—слѣдить за Плеве.

Регулярный образъ жизни и хорошіе «на-чай» создали намъ въ домѣ репутацію «первыхъ жильцовъ». Мы были освѣдомлены о всѣхъ слухахъ чрезъ Сазонова. Непьющій и грамотный, на хорошемъ жалованьи, онъ былъ завиднымъ женихомъ для горничныхъ всѣхъ квартиръ, былъ другомъ швейцара и на лучшемъ счету у старшаго дворника. Такимъ образомъ, мы жили, не возбуждая ни въ комъ подозрѣній, хотя часто видѣлись съ Х., Каляевымъ и Дулебовымъ.

Въ концѣ мая въ Петербургъ пріѣхалъ Азефъ. Я встрѣтился съ нимъ въ театрѣ «Акваріумъ». Первый вопросъ его былъ:

— Купили автомобиль?

— Нѣтъ.

— Почему?

Я опять повторилъ ему свои соображенія. Я доказывалъ, что не стоитъ тратить нѣсколько тысячъ рублей на то, безъ чего мы можемъ легко обойтись. Онъ помолчалъ:

— А все таки вы должны были купить.

Оказалось, что У., жившій въ *** съ цѣлю изучить ремесло шоффера, не научился ничему. Такимъ образомъ, идея автомобиля сама собой отпадала.

Азефъ вечеромъ, незамѣтно отъ дворника и швейцара, прошелъ къ намъ въ квартиру и оставался у насъ, не появляясь на улицѣ, дней десять. Во время его пребыванія у насъ случился слѣдующій эпизодъ.

Уже нѣсколько дней мы замѣчали, что на улицѣ Жуковского около нашего дома, ходятъ филеры. Мы рѣшили, что ихъ привелъ за собой Азефъ. Если бы это было такъ, то квартира наша была наканунѣ ареста. Между тѣмъ въ поведеніи дворника и швейцара не было замѣтно ничего подозрительнаго. Мы терялись въ догадкахъ,

тѣмъ болѣе, что наблюденіе на улицѣ было открытое: изъ нашихъ оконъ мы не разъ видѣли нѣсколько наблюдающихъ за воротами нашего дома филеровъ. Наконецъ, это наблюденіе разъяснилось само собой.

Однажды вечеромъ Сазоновъ стоялъ въ воротахъ вмѣстѣ съ дворникомъ и швейцаромъ и, по обыкновенію, слушалъ ихъ сплетни о жильцахъ. Въ разговорѣ дворникъ обратился къ нему:

— А твой баринъ чѣмъ занимается?

— Да кто его знаетъ. Все у него на столѣ книжки съ машинами. Инженеръ, что ли?

— Каталоги, значитъ, Ну, значитъ, отъ фирмы какой.

Въ это время къ воротамъ подъѣхалъ извозчикъ. Съ извозчика вышелъ адвокатъ В. В. Беренштамъ. Онъ прошелъ во дворъ, и вслѣдъ за нимъ въ ворота юркнулъ филеръ. Къ нему подбѣжали швейцаръ и дворникъ. Сазоновъ тоже хотѣлъ подойти, но швейцаръ замахалъ на него руками.

Не было сомнѣнія, Беренштамъ привелъ за собой филеровъ. Но это еще не значило, что предшествовавшее наблюденіе было не за нашей квартирой. Вскорѣ однако выяснилась его причина: на одной лѣстницѣ съ нами, дверь въ дверь, по черному ходу, жилъ адвокатъ Трандафиловъ. Къ нему и ходилъ Беренштамъ. Прислуга Трандафилова рассказала Сазонову, что у барина «книжки», и ходятъ къ нему «студенты». Очевидно, слѣдили не за нами, а за Трандафиловымъ. Объ этомъ мы дали знать петербургскому комитету, но былъ ли предупрежденъ Трандафиловъ,—мы неизвѣстно.

Между тѣмъ, наше наблюденіе шло своимъ путемъ. Х., Дулебовъ и Каляевъ постоянно встрѣчали на улицѣ Плеве. Они до тонкости изучили вѣншній видъ его выѣздовъ и могли отличить его карету за сто шаговъ. Особенно много свѣдѣній было у Каляева. Онъ жилъ въ углу, на краю города, въ комнатѣ, гдѣ, кромѣ него, ютилось еще пять человѣкъ, и велъ образъ жизни, до тонкости совпадавшій съ образомъ жизни такихъ же, какъ и онъ, торговцевъ въ разность. Онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ отклоненій: вставалъ въ 6 часовъ и былъ на улицѣ съ 8-ми утра до поздней ночи. Дома, у хозяевъ, онъ скоро приобрѣлъ репутацію набожнаго, трезваго и дѣловитаго чѣловѣка. Имъ, конечно, и въ голову не приходило заподозрить въ немъ революціонера. Плеве жилъ тогда на дачѣ, на Аптекарскомъ Островѣ, и по четвергамъ выѣзжалъ съ утреннимъ поѣздомъ къ царю, въ Царское Село. Главное вниманіе при наблюденіи и было сосредоточено на этомъ его поѣздѣ и еще на поѣздѣ въ Маріинскій дворецъ, на засѣданія комитета министровъ, куда Плеве ѣздилъ по вторникамъ. Всѣ члены организаціи, т. е. Х., Каляевъ, Дулебовъ, вновь пріѣхавшій У. и очень часто кто либо изъ насъ,—Дора, Н., Сазоновъ илл я,—наблюдали въ эти дни. Но Каляевъ не ограничивался только этимъ совмѣстнымъ и планомѣрнымъ наблюденіемъ: у него была своя теорія выѣздовъ Плеве, и ежедневно, выходя торговать

на улицу, онъ ставилъ себѣ задачу встрѣтить карету министра. По мельчайшимъ признакамъ на улицѣ: по количеству охраны, по вѣншему виду наружной полиціи—приставовъ и околodочныхъ надзирателей,—по тому напряженному ожиданію, которое чувствовалось при приближеніи министерской кареты, Каляевъ безошибочно заключалъ, проѣхалъ ли Плеве по этой улицѣ, или еще проѣдетъ. Съ лоткомъ за плечами, на которомъ часто мѣнялся товаръ,—папирсы, яблоки, почтовая бумага, карандаши,—Каляевъ бродилъ по всѣмъ улицамъ, гдѣ, по его мнѣнію, могъ ѣздить Плеве. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы онъ не встрѣтилъ его карету. Описывая ее, онъ давалъ не только самое точное описаніе масти и примѣтъ лошадей, наружности кучера и чиновъ охраны, но и деталей самой кареты. Въ его устахъ детали эти принимали характеръ выпуклыхъ признаковъ. Онъ зналъ не только высоту и ширину кареты, ея цвѣтъ и цвѣтъ ея колесъ, но и подробно описывалъ подножку, ручку дверецъ, возжи, фонари, козлы, оси, оконныя стекла. Когда царь перѣѣхалъ въ Петергофъ, и Плеве сталъ ѣздить вмѣсто Царскосельскаго вокзала на Балтійскій, Каляевъ первый установилъ его маршрутъ и отклоненія отъ этого маршрута. Кромѣ того, онъ зналъ въ лицо министерскихъ филеровъ и безошибочно отличалъ ихъ въ уличной толпѣ.

Дулeбовъ и Х., какъ извозчики, не могли давать такихъ подробныхъ свѣдѣній. Они не могли всегда отказывать сѣдокамъ, и имъ часто приходилось отъѣзжать съ поста наблюденія или по требованію полиціи, или по желанію сѣдоковъ. Но они оба дополнили, провѣрили и развили наблюденія Каляева, такъ что тѣ свѣдѣнія, которыя могли случайно прибавить остальные члены Организациі, т. е. Сазоновъ, Н., Бриллиантъ, У. и я, имѣли только второстепенное значеніе. Въ общемъ, систематическое наблюденіе привело насъ къ увѣренности, что легче всего убить Плеве въ четвергъ, по дорогѣ съ Аптекарскаго Острова на Царскосельскій вокзалъ.

Былъ іюнь во второй половинѣ. Азефъ, убѣдившись, что работа у насъ идетъ хорошо, уѣхалъ изъ Петербурга. Царь перѣѣхалъ въ Петергофъ, и Плеве сталъ ѣздить по четвергамъ уже не на Царскосельскій вокзалъ, а на Балтійскій. Наблюденіе назрѣло окончательно, и было ясно, что мы должны скоро приступить къ покушенію. Сазонову нужно было съѣздить на родину, а мы «разочли» его. Для расчета былъ придуманъ слѣдующій способъ.

Я случайно разбилъ у себя зеркало. Сазоновъ пошелъ въ швейцарскую и сталъ громко жаловаться на свою судьбу:

— Вотъ, только устроился... шабашъ... прогоняють... мѣста лишился.

— За что?

— Зеркало разбилъ.

Швейцаръ удивился:

— Неужто за зеркало? Ну?

Сазоновъ закрылъ руками лицо:

Вылое № 1.

— Да что... Разбилъ это я зеркало, комнату прибираль... Барыня услышала, какъ крикнетъ: ты, говорить, сукинъ сынъ, зеркало разбилъ, дрянъ...

— Ну, а ты что же?

— Я то? Я ей говорю: отъ такой же, говорю слышу.

Швейцаръ всплеснулъ руками:

— Ахъ, ты!.. Барынѣ такъ и сказалъ. Отъ такой же, сказать, слышу... Ловко... Какъ же ты осмѣлѣлъ... Ну, а дальше что было?

— А дальше, барыня ну визжать... Прибѣжалъ баринъ, ни слова ни говоря, хватъ меня и въ дверь выкинулъ...

— Ни слова не говоря, говоришь?

— Ни слова не говоря...

Швейцаръ задумался.

— Ну, плохо твое дѣло... Однако, все таки иди,—прощенья проси. Авось, простятъ.

— Не простятъ: барыня злющая.

— А ты все таки иди, попробуй.

Мы, конечно, не простили Сазонова, и онъ въ тотъ же день выѣхалъ со двора. Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и я въ Москву. На квартирѣ осталась Дора Бриллиантъ и Н. Въ Москву же должны были пріѣхать Каляевъ и Швейцаръ. Тамъ предполагалось обсудить въ подробностяхъ планъ покушенія.

Къ этому времени всѣ члены организаціи не только близко перезнакомились между собою, но многіе и интимно сошлись. Была ярѣяшая спайка прошлаго—неудача 18-го марта и смерть Покоилова. Эта спайка связала и новыхъ членовъ Организациі, и уже давно стерлась грань между старшими и младшими, рабочими и интеллигентами. Было одно братство, жившее одной и той же мыслью, однимъ и тѣмъ же желаніемъ. Сазоновъ былъ правъ, опредѣляя впослѣдствіи, въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ съ каторги, нашу Организацию такими словами: «Наша Запорожская Сѣчь, наше рыцарство были проникнуты такимъ духомъ, что слово «братъ» еще недостаточно ярко выражаетъ сущность нашихъ отношеній».

Эта братская связь чувствовалась нами всѣми и вселяла увѣренность въ неизбежную побѣду.

VIII

Швейцаръ опоздалъ въ Москву, и московскія совѣщанія прошли безъ него. Происходили они обыкновенно въ Сокольничьемъ паркѣ, и на нихъ присутствовали: съ рѣшающимъ голосомъ—Азефъ, и кромѣ того, Каляевъ, Сазоновъ и я. Обсуждался подробный планъ покушенія.

Наученные опытомъ 18-го марта, мы склонны были преувеличивать трудность убійства Плеве. Мы рѣшили принять всѣ мѣры, чтобы онъ, попавъ однажды въ наше кольцо, не могъ изъ него выйти. Всѣхъ метальщиковъ было четверо. Первый встрѣтивъ

министра, долженъ былъ пропустить его мимо себя заградить ему дорогу обратно на дачу. Второй долженъ былъ сыграть наиболѣе видную роль: ему принадлежала честь перваго нападенія. Третій долженъ былъ бросить свою бомбу только въ случаѣ неудачи второго,—если бы Плеве былъ раненъ, или бомба второго не разорвалась. Четвертый, резервный метальщикъ долженъ былъ дѣйствовать въ крайнемъ случаѣ: если бы Плеве, прорвавшись черезъ бомбы второго и третьяго, всетаки поѣхалъ бы впередъ, по направленію къ вокзалу. Способъ самаго дѣйствія бомбой былъ тоже предметомъ подробнаго обсужденія. Былъ, конечно, неустрашимый рискъ, что метальщикъ промахнется, переброситъ или недоброситъ снарядъ. Во время этого обсужденія, Каляевъ, до тѣхъ поръ молчавшій и слушавшій Азефа, вдругъ сказалъ:

— Есть способъ не промахнуться.

— Какой?

— Броситься подъ ноги лошадямъ.

Азефъ внимательно посмотрѣлъ на него:

— Какъ броситься подъ ноги лошадямъ?

— Ъдетъ карета. Я съ бомбой кидаюсь подъ лошадей. Или взорвется бомба, и тогда остановка, или, если бомба не разорвется, лошади испугаются,—значитъ, опять остановка. Тогда уже дѣло второго метальщика.

Всѣ помолчали. Наконецъ, Азефъ сказалъ:

— Но, вѣдь, васъ навѣрно взорветъ.

— Конечно.

Планъ Каляева былъ смѣлъ и самоотверженъ. Онъ, дѣйствительно, гарантировалъ удачу. Но Азефъ, подумавъ, сказалъ:

— Планъ хорошъ, но я думаю, что онъ ненуженъ. Если можно добѣжать до лошадей, значитъ, можно добѣжать и до кареты,—значитъ, можно бросить бомбу подъ карету или въ окно. Тогда, пожалуй, справится и одинъ.

На такомъ рѣшеніи Азефъ и остановился. Было рѣшено также, что Каляевъ и Сазоновъ примутъ участіе въ покушеніи въ качествѣ метальщиковъ.

Послѣ одного изъ этихъ совѣщаній я пошелъ гулять съ Сазоновымъ по Москвѣ. Мы долго бродили по городу и, наконецъ, присѣли на скамейкѣ у храма Христа Спасителя, въ скверѣ. Былъ солнечный день, блестяли на солнцѣ церкви. Мы долго молчали. Наконецъ, я сказалъ:

— Вотъ, вы пойдете и навѣрно не вернетесь...

Сазоновъ не отвѣчалъ, и лицо его было такое же, какъ всегда; молодое, смѣлое и открытое.

— Скажите,—продлилъ я,—какъ вы думаете, что будемъ мы чувствовать послѣ... послѣ убійства?

Онъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Гордость и радость.

— Только?

— Конечно, только.

И тотъ же Сазоновъ въ послѣдствіи мнѣ писалъ съ каторги: «Сознаніе грѣха никогда не покидало меня». Къ гордости и радости примѣшалось еще другое, намъ тогда неизвѣстное, чувство.

Изъ Москвы Азефъ и Сазоновъ уѣхали на Волгу, а я и Каляевъ вернулись въ Петербургъ. На Николаевскомъ вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, на перронѣ, я замѣтилъ широкую, мускулистую фигуру Швейцера. Я окликнулъ его. Черезъ минуту онъ вошелъ ко мнѣ въ вагонъ, положилъ въ сѣтку свой багажъ, и мы вышли съ нимъ въ корридоръ.

— Какъ дѣла?

Я рассказалъ, что наблюденіе закончено, и передалъ рѣшеніе московскаго совѣщанія. Онъ сдержанно улыбнулся:

— Ну, и у меня все готово.

— Вы привезли динамитъ?

— Больше пуда.

— Гдѣ же онъ?

Онъ кивнулъ на вагонъ.

— Въ сѣткѣ?

— Да, въ сѣткѣ. Если взорветь,—не услышимъ: насъ съ вами первыхъ взорветъ.

Онъ былъ, какъ всегда, очень сдержанъ и говорилъ мало. Но было видно, что онъ радъ и тому, что такъ скоро и хорошо исполнилъ свою трудную задачу, и тому, что наблюденіе закончено, и тому, что мы, наконецъ, приступаемъ къ покушенію.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я не вернулся на нашу квартиру, а поселился въ Сестрорѣцкѣ по паспорту Константина Чернецкаго. На 8-е іюля было назначено покушеніе. Необходимо было еще разъ провѣрить поѣздку Плеве къ царю и условиться между собою о многочисленныхъ мелочахъ.

Въ Сестрорѣцкѣ ко мнѣ пріѣхала Дора Бриллиантъ. Мы ушли съ нею вглубь парка, далеко отъ публики и оркестра. Она казалась смущенной и долго молчала, глядя прямо передъ собою своими черными опечаленными глазами.

— Веняминъ!

— Что?

— Я хотѣла вотъ что сказать...

Она остановилась, какъ бы не рѣшаясь окончить фразу.

— Я хотѣла... Я хотѣла еще разъ просить, чтобы мнѣ дали бомбу.

— Вамъ? Бомбу?

— Я тоже хочу участвовать въ покушеніи.

— Послушайте, Дора...

— Нѣтъ, не говорите... Я такъ хочу... Я должна умереть...

Я старался ее успокоить, старался доказать ей, что въ ея участіи нѣтъ нужды, что мужчина справится съ задачей метанія бомбы лучше, чѣмъ она; наконецъ, что если бы ея участіе было

необходимо, то—я увѣренъ— товарищи обратились бы къ ней. Но она настойчиво просила передать ей просьбу Азефу, и я долженъ былъ согласиться.

Вскорѣ пріѣхали Сазоновъ и Азефъ, и мы опять собрались вчетверомъ на совѣщаніе.

На этотъ разъ Каляева не было, зато присутствовалъ Швейцеръ. Я передалъ товарищамъ просьбу Бриллиантъ.

Наступило молчаніе. Наконецъ, Азефъ медленно и, какъ всегда, по внѣшности равнодушно, сказалъ:

— Егоръ, какъ ваше мнѣніе?

Сазоновъ покраснѣлъ, смѣшался, развелъ руками, подумалъ и сказалъ нерѣшительно:

— Дора такой человѣкъ, что, если пойдетъ, то сдѣлаетъ хорошо... Что же я могу имѣть противъ? Но...

Тутъ голосъ его осѣкся.

Договаривайте,—сказалъ Азефъ.

— Нѣтъ, ничего... Что я могу имѣть противъ?

Тогда заговорилъ Швейцеръ. Спокойно, отчетливо и увѣренно онъ сказалъ, что Дора, по его мнѣнію, вполне подходящій человѣкъ для покушенія, и что онъ не только ничего не имѣетъ противъ ея участія, но, не колеблясь, далъ бы ей бомбу.

Азефъ посмотрѣлъ на меня.

— А вы, Веняминъ?

Я сказалъ, что я рѣшительно противъ непосредственнаго участія Доры въ покушеніи, хотя также вполне въ ней увѣренъ. Я мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что, по моему мнѣнію, женщину можно выпускать на террористическій актъ только тогда, когда организація безъ этого обойтись не можетъ. Такъ какъ мужчинъ довольно, то я настойчиво просилъ бы ея отказать.

Азефъ, задумавшись, молчалъ. Наконецъ онъ поднялъ голову.

— Я не согласенъ съ вами... По моему, нѣтъ основанія отказать Дорѣ... Но, если вы такъ хотите... пусть будетъ такъ.

Тогда же было рѣшено, что первымъ метальщикомъ будетъ У., вторымъ — Сазоновъ, третьимъ — Каляевъ и четвертымъ — Сикорскій, молодой рабочій-кожевникъ изъ Вѣлостока, еще не членъ нашей организаціи, но хорошо извѣстный У. Онъ давно, какъ особенной чести, просилъ дозволить ему участвовать въ покушеніи на Плеве.

Азефъ снова уѣхалъ, назначивъ послѣ покушенія свиданіе въ Вильно. Квартира на улицѣ Жуковскаго была окончательно ликвидирована: Н. уѣхала къ Азефу, Бриллиантъ, несмотря на свои протесты,—въ Харьковъ. Въ Петербургѣ остались только оба извозчика: Х. и Дулебовъ, — Швейцеръ, я и метальщики: Сазоновъ и Каляевъ. Послѣдніе тоже должны были уѣхать и вернуться въ Петербургъ только 8-го іюля. За нѣсколько дней до ихъ отъѣзда я назначилъ свиданіе Каляеву на Смоленскомъ кладбищѣ. Онъ пришелъ туда еще въ своемъ платьѣ папиросника: въ рубашкѣ, картузѣ и высокихъ сапогахъ. Мы оба были

увѣрены, что говоримъ въ послѣдній разъ: Каляевъ не сомнѣвался, что и ему, какъ Сазонову, придется бросить снарядъ.

Мы сидѣли на чьей то заросшей мохомъ могилѣ. Онъ говорилъ своимъ звучнымъ голосомъ съ польскимъ акцентомъ:

— Ну, слава Богу: вотъ и конецъ... Меня огорчаетъ одно,— почему не мнѣ, и Егору первое мѣсто... Неужели Валентинъ думаетъ, что я не справился бы одинъ?

Я сказалъ ему, что второе мѣсто не менѣе, если не болѣе, отвѣтственно, чѣмъ первое, и что требуется большая отвага и хладнокровіе, чтобы оцѣнить послѣ взрыва моментъ и рѣшить, нужно-ли бросать свою бомбу или нѣтъ. Онъ неохотно слушалъ меня.

— Да, конечно... А все таки... Какъ ты думаешь, будетъ удача?—вдругъ повернулся онъ всѣмъ тѣломъ ко мнѣ.

— Конечно, будетъ.

— Я тоже увѣренъ, что будетъ.

Онъ помолчалъ.

— А нелегко папиросникомъ... Вотъ NN *) не выдержалъ, и неудивительно... Только знаешь, нужно къ намъ принимать людей такихъ, которые могутъ все... Вотъ, какъ Егоръ.

Онъ съ любовью заговорилъ о Сазоновѣ:

— Ты знаешь, я такихъ людей, какъ онъ, еще не видалъ... Такой любви въ сердцѣ, такой отваги, такой силы душевной... А Покотиловъ, а Алексѣй...

Онъ опять помолчалъ:

— Вотъ не дожилъ Алексѣй... Послушай, какое счастье, если будетъ удача... Довольно имъ царствовать... Довольно... Если бы ты зналъ, какъ я ненавижу ихъ... Но что Плеве! Нужно убить царя...

Дня за три до 8-го іюля въ Петербургъ пріѣхалъ Лейба Вульфовичъ Сикорскій или, какъ мы называли его, Леонъ. Сикорскому было всего 20 лѣтъ, онъ плохо говорилъ по русски и, видимо, съ трудомъ ориентировался въ Петербургѣ. У., какъ нянька, ходилъ за нимъ, покупалъ ему морской плащъ, подъ которымъ удобно было скрыть бомбу, давалъ совѣты и указанія. Но Сикорскій все таки робѣлъ, и, увидѣвъ впервые меня, покраснѣлъ, какъ кумачъ:

— Это очень большая для меня честь,—сказалъ онъ,—что я въ Боевой Организациі, и что Плеве. Я очень давно хотѣлъ этого.

Онъ замолчалъ. Молчалъ и У., съ улыбкой глядя на него и какъ бы гордясь своимъ ученикомъ. Сикорскому нужны были деньги на покупку плаща и платья. Я далъ ему сто рублей.

— Вотъ, купите костюмъ.

Онъ покраснѣлъ еще гуще.

*) Рѣчь шла о товарищѣ, недолго пробывшемъ въ нашей организациі.

— Сто рублей! Я никогда не имѣлъ въ рукахъ столько денегъ...

Мнѣ онъ показался твердымъ и мужественнымъ юношей. Я опасался одного; его незнакомство съ городомъ и дурной русскій языкъ могли поставить его въ затруднительное положеніе.

Было рѣшено, что, въ случаѣ неудачи, всѣ метальщики, оставшіеся въ живыхъ, отдадутъ свои бомбы Швейцеру, который ихъ разрядитъ и сохранитъ; въ случаѣ же удачи, каждый долженъ былъ утопить свою бомбу. Рѣшеніе это было принято потому, что, какъ раздача, такъ и обратное собираніе бомбъ Швейцеромъ было сопряжено съ рискомъ, и съ еще болѣшимъ рискомъ было сопряжено разряженіе снарядовъ. Каждый метальщикъ получилъ точную инструкцію, гдѣ топить свою бомбу. Каляевъ долженъ былъ ее бросить въ пруды по Петергофскому шоссе, У.—тсже въ пруды, если не ошибаюсь, въ деревнѣ Волюнкиной, Сикорскій—въ Неву, взявъ лодку безъ лодочника въ Петровскомъ паркѣ, и выѣхавъ съ нею на взморье. Я просилъ У. спеціально показать ему Петровскій паркъ, и У. показалъ.

IX.

Утромъ 8-го іюля пріѣхали Каляевъ и Сазоновъ. Сазоновъ былъ одѣтъ въ фуражку и тужурку желѣзнодорожнаго служащаго. Въ этотъ часъ утра по Измайловскому проспекту съ Варшавскаго и Балтійскаго вокзаловъ возвращалось всегда много кондукторовъ и желѣзнодорожныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, желѣзнодорожная форма устраняла рискъ случайнаго ареста: филеры, очевидно, не могли обратить вниманія на сливавшагося съ толпой Сазонова. Каляевъ былъ въ шапкѣ швейцара съ золотымъ галуномъ. У. и Сикорскій прятали бомбы въ плащахъ.

Всю ночь Швейцеръ, жившій въ Грандъ-Отелѣ по паспорту великобританскаго подданнаго, готовилъ бомбы. Рано утромъ къ его гостинницѣ подѣхалъ Дулебовъ, и Швейцеръ, выйдя съ небольшимъ чемоданомъ въ рукахъ, сѣлъ въ его пролетку. Они поѣхали на Ново-Петергофскій проспектъ—мѣсто свиданія съ Сазоновымъ. Я тоже ждалъ тамъ Сазонова. Но опоздалъ ли Сазоновъ, или забылъ въ точности явку, — его не было на условленномъ мѣстѣ. Каляевъ ждалъ на Рижскомъ проспектѣ и еще дальше, на Курляндской улицѣ, вдвоемъ, ожидали Сикорскій и У. Такъ какъ поѣздъ отходилъ ровно въ десять часовъ утра, и Плеве никогда не опаздывалъ къ царю, то передача снарядовъ была рассчитана по минутамъ, и опозданіе одного изъ метальщиковъ затрудняло весь ходъ передачи и даже могло совсѣмъ уничтожить возможность покушенія. Я съ нетерпѣніемъ ходилъ взадъ и впередъ по Ново-Петергофскому проспекту, но Сазонова не было. Я взглянулъ на часы,—нельзя было терять ни минуты. Въ это время, аккуратно въ условленный часъ, показался Швейцеръ въ пролеткѣ Дулебова. Я сказалъ ему, что нѣтъ времени ждать Сазонова, и

предложилъ сначала найти Каляева и передать ему его бомбу, и тогда уже вернуться на Ново-Петергофскій проспектъ. Я надѣялся, что Сазоновъ успѣетъ еще получить свой снарядъ.

Швейцеръ сдѣлалъ именно такъ, какъ я сказалъ, и отъ Каляева вернулся ко мнѣ, но Сазонова все еще не было. Тогда Швейцеръ поѣхалъ къ У. и Сикорскому, но, какъ оказалось, они, не дождавшись его, ушли. Такимъ образомъ, бомбу получилъ одинъ только Каляевъ.

Когда я, наконецъ, встрѣтилъ Сазонова и сообщилъ ему, что Швейцеръ уже уѣхалъ, и что покушеніе, значитъ, не удалось, я испугался: до такой степени измѣнилось его лицо. Онъ поблѣднѣлъ и молча, опустивъ голову, пошелъ отъ меня. Я догналъ его при выходѣ на Измайловскій проспектъ, и въ ту же минуту мимо насъ крупной рысью пронеслась карета Плева. Мелькнули хоророшо знакомые воронные кони, лакей на козлахъ и сыщикъ-велосипедистъ у задняго колеса. Сазоновъ все еще не говорилъ ни слова. Такъ шли мы съ нимъ молча и по дорогѣ наткнулись на Каляева. Въ фуражкѣ швейцара, тоже блѣдный, съ встревоженнымъ лицомъ, онъ несъ свою бомбу. Онъ одинъ былъ во время на своемъ мѣстѣ съ бомбой въ рукахъ и одинъ встрѣтилъ Плева. Но онъ не посмѣлъ бросить бомбу въ карету: онъ бы пошелъ противъ рѣшенія организаціи. Кромѣ того, его неудачное покушеніе задержало бы надолго убійство Плева. Вся организація одобрила этотъ его поступокъ.

Я назначилъ Сазонову вечеромъ свиданіе въ Зоологическомъ саду и пошелъ отыскивать У. и Сикорскаго. Эта новая неудача не поразила насъ такъ, какъ неудавшееся покушеніе 18-го марта. Я видѣлъ, что мы выбрали время и мѣсто вѣрно: Плева проѣхалъ въ назначенный часъ по Измайловскому проспекту; видѣлъ также, что его нетрудно, встрѣтивъ, убить, ибо, будь у меня и у Сазонова въ рукахъ бомбы, мы легко могли бы подбѣжать къ каретѣ; видѣлъ еще, что неудача произошла просто изъ-за путаницы, почти неизбежной при мобилизаціи въ очень короткій срокъ такого числа метальщиковъ. Мнѣ ясно было, что чрезъ недѣлю мы не повторимъ нашей ошибки, а, значитъ, Плева будетъ убитъ.

Я разыскалъ Сикорскаго и У. Каляевъ отдалъ свою бомбу Швейцеру, и Швейцеръ разрядилъ ее, какъ и три непереданныхъ имъ бомбы. Вечеромъ мы всѣ, кромѣ извозчиковъ и Швейцера, собрались въ Зоологическомъ саду.

Сазоновъ былъ подавленъ. Онъ считалъ себя главнымъ виновникомъ неудачи и молчалъ. Молчали и остальные. Всѣмъ было больно касаться того, что было утромъ, и никто не смѣлъ говорить объ этомъ вслухъ. Наконецъ, У. прервалъ молчаніе.

— У насъ нѣтъ ни одного человѣка съ бородой. Неудивительно, что все неудачи.

— Что вы хотите этимъ сказать?

У. невозмутимо отвѣтилъ:

— Я говорю: все молодые люди. Не умѣемъ дѣлать дѣла. Сазоновъ вспыхнулъ, но промолчалъ. По его лицу было видно, что онъ жестоко страдаетъ и отъ своей, якобы вины, и отъ горькихъ словъ У. Сикорскій краснѣлъ и тоже молчалъ. Но Каляевъ не выдержалъ:

— А кто виновать?

— Кто? Развѣ я знаю, кто?

— Вы. Вы и виноваты. Если бы вы съ Леономъ не ушли, дождались бы Павла, то не я одинъ получилъ бы снарядъ, а было бы насъ трое, и тогда бы мы и безъ Якова (Сазонова) могли убить Плеве.

У. пожалъ плечами:

— Я не могъ дольше ждать. Я ждалъ, сколько мнѣ было сказано. Зачѣмъ опоздалъ Павелъ?

Каляевъ началъ горячиться. Невозмутимость У., видимо, раздражала его. Всѣмъ было тяжело, и этой тяжести не было выхода.

Мы тутъ же условились, что Сазоновъ, Каляевъ, У. и Сикорскій поѣдутъ въ Вильно къ Азефу и расскажутъ ему о происшедшемъ, а также и о томъ, что мы повторимъ покушение въ будущій четвергъ, 15-го іюля; я же и Швейцеръ останемся въ Петербургѣ.

Мы сговорились о всѣхъ подробностяхъ на 15-е іюля, и товарищи уѣхали въ Вильно. Азефъ ободрилъ Сазонова, но и до послѣдней минуты Сазоновъ все продолжалъ считать себя виновникомъ этой неудачи, хотя, если и ложится на него вина, то, конечно, не въ большей мѣрѣ, чѣмъ на любого изъ насъ. Какъ оказалось впоследствии, онъ былъ въ условномъ мѣстѣ точно въ назначенное время и если не встрѣтилъ меня, то только потому, что мы, ожидая между Десятой и Двѣнадцатой ротами, выходящими на Ново-Петергофскій проспектъ, оба не доходили до конечныхъ ихъ угловъ и, такимъ образомъ, и не могли встрѣтиться. Кромѣ того, Каляевъ былъ правъ. Если онъ не посмѣлъ одинъ, безъ разрѣшенія организациі, выступить противъ Плеве, то втроемъ онъ, У. и Сикорскій могли это сдѣлать. Значитъ, часть вины падаетъ еще и на двухъ послѣднихъ, недождавшихся Швейцера.

Недѣлю между 8 и 15 іюля я прожилъ въ Сестрорѣцкѣ, изрѣдка встрѣчаясь съ Х. и Дулебовымъ. Оба они тоже были подавлены неудачей, но оба твердо вѣрили въ успѣхъ 15-го іюля. Дулебовъ, пріятель и товарищ Сазонова еще по Уфѣ, несмотря на свои молодые годы,—ему было всего 20 лѣтъ,—производилъ впечатлѣніе чрезвычайно крѣпкаго душою человѣка. Своей молчаливостью онъ напоминалъ У. Своимъ увѣреннымъ и спокойнымъ голосомъ — Швейцера, а своимъ открытымъ и смѣлымъ взглядомъ — Сазонова. Но въ его улыбкѣ было что то свое, привлекательное и нѣжное. За его вѣшной угрюмостью чувствовалось большое и любящее сердце.

Вечеромъ 14-го іюля мы встрѣтились со Швейцеромъ въ

театрѣ «Буффъ». Въ эту ночь ему предстояла работа,—снова зарядить всѣ четыре бомбы, три по шесть фунтовъ и одну въ двѣнадцать.

Такую большую бомбу рѣшено было сдѣлать потому, что изготовленный Швейцеромъ изъ русскаго матеріала динамитъ значительно уступалъ въ силѣ заграничному. Швейцеръ былъ, какъ всегда, очень спокоенъ, но, противъ обыкновенія, спросилъ бутылку вина.

— Я боюсь за Сикорскаго, — сказалъ онъ, взглядывая на сцену.

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь, что онъ не сумѣетъ утопить свою бомбу.

— Какъ же быть?

Швейцеръ пожалъ плечами.

— По моему—никакъ.

— А если его арестуютъ?

— Что же дѣлать?.. Не можемъ же мы изъ-за него одного рисковать многими? Мнѣ не трудно разрядить бомбы, но, значить, опять для передачи ихъ вводить извозчиковъ, да и вообще, если будетъ успѣхъ, по моему, оставшіеся метальщики должны сейчасъ же уѣхать изъ Петербурга, а не ждать передачи.

Швейцеръ говорилъ спокойно и твердо, и то, что онъ говорилъ, было справедливо: невозможно было изъ-за Сикорскаго ставить опять всю Организацию подъ рискъ.

Прощаясь, онъ спросилъ:

— А Сикорскій знаетъ, гдѣ топить?

Я сказалъ, что не только знаетъ, но я даже просилъ У. показать ему мѣсто.

Тогда Швейцеръ увѣренно сказалъ:

— Ну, значить—утопить.

У воротъ сада онъ вдругъ обернулся ко мнѣ:

— А вы вѣрите въ удачу?

— Конечно.

— А я знаю: завтра Плеве будетъ убитъ.

— Знаете?

— Знаю.

И онъ, смѣясь, протянулъ мнѣ руку.

— Прощайте. Завтра въ девять утра.

Х.

15-го іюля, между 8 и 9 часами утра, я встрѣтилъ на Николаевскомъ вокзалѣ Сазонова и на Варшавскомъ—Каляева. Они были одѣты такъ же, какъ и недѣлю назадъ: Сазоновъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, Каляевъ—швейцаромъ. Со слѣдующимъ поѣздомъ съ того же Варшавскаго вокзала пріѣхали изъ Двинска, гдѣ они жили послѣдніе дни, У. и Сикорскій. Пока я встрѣчалъ товарищей, Дулебовъ у себя на дворѣ запрягъ лошадь и про-

ѣхалъ къ Сѣверной гостинницѣ, идѣ жилъ тогда Швейцеръ. Швейцеръ сѣлъ въ его пролетку и къ началу десятого часа роздалъ бомбы въ установленномъ мѣстѣ—на Офицерской и Торговой улицахъ за Маринскимъ театромъ. Самая большая двѣнадцати-фунтовая бомба предназначалась Сазонову. Она была цилиндрической формы, завернута въ газетную бумагу и перевязана шнуркомъ. Бомба Каляева была обернута въ платокъ. Каляевъ и Сазоновъ не скрывали своихъ снарядовъ. Они несли ихъ открыто въ рукахъ. У. и Сикорскій спрятали свои бомбы подъ плащи.

Передача на этотъ разъ прошла въ образцовомъ порядкѣ. Швейцеръ уѣхалъ домой, Дулебовъ сталъ у Технологическаго Института по Загородному проспекту. Здѣсь онъ долженъ былъ ожидать меня, чтобы узнать о результатахъ покушенія. Х. стоялъ со своей пролеткой на Обводномъ каналѣ. Остальные, т. е. Сазоновъ, Каляевъ, У., Сикорскій и я собрались у церкви Покрова на Садовой. Отсюда метальщики одинъ за другимъ, въ условленномъ порядкѣ,—первымъ У., вторымъ Сазоновъ, третьимъ Каляевъ и четвертымъ Сикорскій, должны были пройти по Англійскому проспекту и Дровяной улицѣ къ Обводному каналу и, повернувъ по Обводному каналу мимо Балтійскаго и Варшавскаго вокзаловъ, выйти навстрѣчу Плеве на Измайловскій пр. Время было рассчитано такъ, что при средней ходьбѣ они должны были встрѣтить Плеве по Измайловскому проспекту отъ Обводнаго канала до Первой роты. Шли они на разстояніи сорока шаговъ одинъ отъ другого. Этимъ устранялась опасность детонаціи отъ взрыва. У. долженъ былъ пропустить Плеве мимо себя и затѣмъ загородить ему дорогу обратно на дачу. Сазоновъ долженъ былъ бросить первую бомбу.

Былъ ясный солнечный день. Когда я подходилъ къ скверу Покровской церкви, то увидѣлъ такую картину. Сазоновъ, сидя на лавочкѣ, подробно и оживленно рассказывалъ Сикорскому о томъ, какъ и гдѣ утопить бомбу. Сазоновъ былъ спокоенъ и, казалось, совсѣмъ забылъ о себѣ. Сикорскій слушалъ его внимательно. Въ отдаленіи, на лавочкѣ, съ невозмутимымъ по обыкновенію лицомъ, сидѣлъ У., еще дальше, у воротъ церкви, стоялъ Каляевъ и, снявъ фуражку, крестился на образъ:

Я подошелъ къ нему:

— Янекъ.

Онъ обернулся, крестясь:

— Пора?

Я посмотрѣлъ на часы. Было двадцать минутъ десятого.

— Конечно, пора. Иди.

Съ дальней скамьи лѣниво всталъ У. Онъ, не спѣша, пошелъ къ Петергофскому проспекту. За нимъ поднялись Сазоновъ и Сикорскій. Сазоновъ улыбнулся, пожалъ руку Сикорскому и быстрымъ шагомъ, высоко поднимая голову, пошелъ за У. Каляевъ все еще не двигался съ мѣста.

— Янекъ.
— Ну, что?
— Иди.

Онъ поцѣловалъ меня и торопливо, своей легкой и красивой походкой сталъ догонять Сазонова. За нимъ медленно пошелъ Сикорскій. Я проводилъ ихъ глазами. На солнцѣ блестяли форменныя пуговицы Сазонова. Онъ несъ свою бомбу въ правой рукѣ между плечемъ и локтемъ. Было видно, что ему тяжело нести.

Я повернулъ назадъ по Садовой и вышелъ по Вознесенскому на Измайловскій проспектъ съ такимъ расчетомъ, чтобы встрѣтить метальщиковъ на томъ же промежуткѣ между Первой ротой и Обводнымъ каналомъ. Уже по внѣшнему виду улицы я догадался, что Плеве сейчасъ пройдетъ. Пристава и городовые имѣли подтянутый и напряженно-выжидающій видъ. Кое-гдѣ на углахъ стояли филеры.

Когда я подошелъ къ 7-ой ротѣ Измайловскаго полка, я увидѣлъ, какъ городской на углу вытянулся во фронтъ. Въ тотъ же моментъ, на мосту черезъ Обводный каналъ, я замѣтилъ Сазонова. Онъ шелъ, какъ и раньше, — высоко поднявъ голову и держа у плеча снарядъ. И сейчасъ же сзади меня раздалась крупная рысь, и мимо промчалась карета съ вороними конями. Лакея на козлахъ не было, но у лѣваго задняго колеса ѣхалъ сыщикъ, какъ оказалось впоследствии, агентъ охраннаго отдѣленія Фридрихъ Гартманъ. Сзади ѣхало еще двое сыщиковъ въ собственной, запряженной воронимъ рысакомъ, пролеткѣ. Я узналъ выѣздъ Плеве.

Прошло нѣсколько секундъ. Сазоновъ исчезъ въ толпѣ, но я зналъ, что онъ идетъ теперь по Измайловскому проспекту параллельно Варшавской гостинницѣ. Эти нѣсколько секундъ показались мнѣ безконечно долгими. Вдругъ въ однообразный шумъ улицы ворвался тяжелый и грузный, странный звукъ. Будто кто-то ударилъ чугуннымъ молотомъ по чугунной плитѣ. Въ ту же секунду задребезжали жалобно разбитыя въ окнахъ стекла. Я увидѣлъ какъ отъ земли узкой воронкой взвился столбъ сѣро-желтаго почти чернаго по краямъ дыма. Столбъ этотъ, все расширяясь, затопилъ на высотѣ пятаго этажа всю улицу. Онъ разсѣялся такъ же быстро, какъ и поднялся. Мнѣ показалось, что я видѣлъ въ дыму какіе-то черные обломки.

Въ первую секунду у меня захватило дыханіе. Но я ждалъ взрыва и, поэтому, скорѣй другихъ пришелъ въ себя. Я побѣжалъ наискось черезъ улицу къ Варшавской гостинницѣ. Уже на бѣгу я слышалъ чей то испуганный голосъ: — «Не бѣгите: будетъ взрывъ еще»...

Когда я побѣжалъ къ мѣсту взрыва, дымъ уже разсѣялся. Пахло гарью. Прямо передо мной, шагахъ въ четырехъ отъ троттуара, на запыленной мостовой я увидѣлъ Сазонова. Онъ полулежалъ на землѣ, опираясь лѣвой рукой о камни и склонивъ голову на правый бокъ. Фуражка слетѣла у него съ головы, и

его темно-каштановые кудри упали на лобъ. Лицо было блѣдно, и кое гдѣ по лбу и щекамъ текли струйки крови. Глаза были мутны и полузакрыты. Ниже у живота начиналось темное кровавое пятно, которое, расплываясь, образовало большую багряную лужу у его ногъ.

Я наклонился надъ нимъ и долго всматривался въ его лицо. Вдругъ въ головѣ мелькнула мысль, что онъ убитъ, и тотчасъ же свали себя я услыхалъ чей то голосъ:

— А министр? Министръ, говорятъ, проѣхалъ.

Тогда я рѣшилъ, что Плеве живъ, а Сазоновъ убитъ.

Я все еще стоялъ надъ Сазоновымъ. Ко мнѣ подошелъ блѣдный, съ трясущейся челюстью, полицейскій офицеръ (какъ я узналъ потомъ, лично мнѣ знакомый приставъ Перепелицынъ). Слабо махая руками въ бѣлыхъ перчаткахъ, онъ растерянно и быстро заговорилъ:

— Уходите... Господинъ, уходите...

Я повернулся и пошелъ прямо по мостовой по направленію къ Варшавскому вокзалу. Уходя, я не замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сазонова лежалъ изуродованный трупъ Плеве и валялись обломки кареты. Навстрѣчу мнѣ съ Обводнаго канала бѣжали народъ: толпа каменщиковъ въ пыльных кирпичной пылью фартукахъ. Они что то кричали. По троттуарамъ тоже бѣжали толпы народу. Я шелъ наперерѣзъ этой толпѣ и помнилъ одно:

— Плеве живъ. Сазоновъ убитъ.

Я долго бродилъ по городу, пока машинально не вышелъ къ Технологическому Институту. Тамъ все еще ждалъ меня Дулебовъ. Я сѣлъ въ его пролетку.

— Ну, что?—обернулся онъ ко мнѣ.

— Плеве живъ...

— А Егоръ?

— Убитъ.

У Дулебова странно перекошались глаза, и вдругъ запрыгали щеки. Но онъ ничего не сказалъ. Минутъ черезъ пять онъ снова обернулся ко мнѣ:

— Что теперь?

— На обратномъ пути въ четыре часа.

Онъ кивнулъ головой. Тогда я сказалъ:

— Въ три часа я передамъ вамъ снарядъ. Будьте опять у Технологическаго Института.

Простившись съ нимъ, я пошелъ въ Юсуповъ садъ, гдѣ, въ случаѣ неудачнаго покушенія, должны были собраться оставшіеся въ живыхъ метальщики. Я надѣялся, что не всѣ они арестованы, и что бомбы ихъ цѣлы. Я хотѣлъ устроить второе покушеніе на Плеве на его обратномъ пути изъ Петергофа на дачу. Намъ было извѣстно, что онъ обычно возвращается отъ царя между 3-мя и 4-мя часами. Метальщиками должны были быть Дулебовъ, я и тѣ, кто остался въ живыхъ.

Въ Юсуповомъ саду я не нашелъ никого.

Каляевъ шелъ за Сазоновымъ все время, сохраняя дистанцію въ сорокъ шаговъ. Когда Сазоновъ взошелъ на мостъ черезъ Обводный каналъ, Каляевъ увидѣлъ, какъ онъ вдругъ ускорилъ шаги. Каляевъ понялъ, что онъ замѣтилъ карету. Когда Плеве поравнялся съ Сазоновымъ, Каляевъ былъ уже на мосту и съ вершины видѣлъ взрывъ, видѣлъ, какъ разорвалась карета. Онъ остановился въ нерѣшительности. Было неизвѣстно, убить Плеве или нѣтъ, нужно бросать вторую бомбу или она уже лишняя. Когда онъ такъ стоялъ на мосту, мимо него промчались, волоча обломки колесъ, окровавленные лошади. Побѣжали толпы народа. Видя, что отъ кареты остались однѣ колеса, онъ понялъ, что Плеве убитъ. Онъ повернулъ къ Варшавскому вокзалу и медленно пошелъ по направленію къ Сикорскому. По дорогѣ его остановилъ какой то дворникъ.

— Что тамъ такое?

— Не знаю.

Дворникъ посмотрѣлъ подозрительно.

— Чай, оттуда идешь?

— Ну да, оттуда.

— Такъ какъ же не знаешь?

— Откуда знать? Говорятъ, пушку везли, разорвало...

Каляевъ утопилъ въ пруду свою бомбу и, по условію, съ 12-ти часовымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Кіевъ.

У. слышалъ взрывъ позади себя, осколки стеколъ посыпались ему на голову. У., убѣдившись, что Плеве обратно не ѣдетъ, также, какъ и Каляевъ, утопилъ свой снарядъ и уѣхалъ изъ Петербурга.

Сикорскій, какъ мы и могли ожидать, не справился со своей задачей. Въмѣсто того, чтобы пойти въ Петровский паркъ, и тамъ, взявъ лодку безъ лодочника, выѣхать на взморье, онъ взялъ у Горнаго Института яликъ для переправы черезъ Неву и, на глазахъ яличника, недалеко отъ строившагося броненосца «Слава», бросилъ свою бомбу въ воду. Яличникъ, замѣтивъ это, спросилъ что онъ бросаетъ? Сикорскій, не отвѣчая, предложилъ ему 10 рублей. Тогда яличникъ отвелъ его въ полицію.

Бомбу Сикорскаго долго не могли найти, и его участіе въ убійствѣ Плеве осталось недоказаннымъ, пока, наконецъ, уже осенью рабочіе рыбопромышленника Колотилина не вытащили случайно неведомъ эту бомбу и не представили ее въ контору Балтійскаго завода.

Не заставъ никого въ Юсуповомъ саду, я пошелъ въ бани на Казачьемъ переулкѣ, спросилъ себѣ номеръ и легъ на диванъ. Такъ пролежалъ я до двухъ часовъ, когда, по моимъ расчетамъ, наступило время отыскивать Швейцера, чтобы приготовиться ко второму покушенію на Плеве. Выхода на Невскій, я машинально купилъ у газетчика послѣднюю телеграмму, думая, что она съ

театра военныхъ дѣйствій. На видномъ мѣстѣ былъ отпечатанъ въ траурной рамкѣ портретъ Плеве и его некрологъ.

Въ началѣ 11-го часа раненый Сазоновъ былъ перенесенъ въ Александровскую больницу для чернорабочихъ, гдѣ, въ присутствіи министра юстиціи Муравьева, ему была сдѣлана операція. На допросѣ онъ, согласно правиламъ Боевой Организациі, отказался назвать свое имя и дать какія бы то ни было показанія.

Изъ тюрьмы онъ прислалъ намъ слѣдующее письмо:

«Когда меня арестовали, то лицо представляло сплошной кровоподтекъ, глаза вышли изъ орбитъ, былъ раненъ въ правый бокъ почти смертельно, на лѣвой ногѣ оторваны два пальца и раздроблена ступня. Агенты, подъ видомъ докторовъ, будили меня, приводили въ возбужденное состояніе, рассказывали ужасы о варывѣ. Всячески клеветали на «еврейчика» Сикорского... Это было для меня пыткой!

«Врагъ безконечно подлъ, и опасно отдаваться ему въ руки раненымъ. Прошу это передать на волю. Прощайте, дорогіе товарищи. Привѣтъ восходящему солнцу—свободѣ!

«Дорогія братья-товарищи! Моя драма закончилась. Не знаю, до конца ли вѣрно выдержалъ я свою роль, за довѣріе которой мнѣ я приношу вамъ мою величайшую благодарность. Вы дали мнѣ возможность испытать нравственное удовлетвореніе, съ которымъ ничто въ мірѣ несравнимо. Это удовлетвореніе заглушало во мнѣ страданія, которыя пришлось перенести мнѣ послѣ варыва. Едва я пришелъ въ себя послѣ операціи, я облегченно вздохнулъ. Наконецъ то, кончено. Я готовъ былъ пѣть и кричать отъ восторга. Когда взрывъ произошелъ, я потерялъ сознаніе. Придя въ себя и не зная, насколько серьезно я раненъ, я хотѣлъ самоубійствомъ избавиться отъ плѣна, но моя рука была не въ силахъ достать револьверъ. Я попалъ въ плѣнъ. Втеченіе нѣсколькихъ дней у меня былъ бредъ, три недѣли съ моихъ глазъ не снимали повязки, два мѣсяца я не могъ двинуться на постели, и меня, какъ ребенка, кормили изъ чужихъ рукъ... Моимъ безпомощнымъ состояніемъ, конечно, воспользовалась полиція. Агенты подслушивали мой бредъ; они, подъ видомъ докторовъ и фельдшеровъ, внезапно будили меня, лишь только я засыпалъ. Начинали рассказывать мнѣ ужасы о событіи на Из. Пр. *), приводили меня въ возбужденное состояніе... Всячески старались увѣрить меня, что С. **) выдаетъ. Говорили, что онъ сказалъ, будто съ кѣмъ то (съ какою то бабушкой) видѣлся въ Вильно за нѣсколько дней до 15-го іюля, говорили, что взять еще еврей въ англійскомъ пальто, котораго будто С. назвалъ товарпгемъ по Бѣлостоку. Къ счастью, агентамъ не удалось попользоваться на счетъ моей болѣзни. Я, кажется, все помню, о чемъ говорилъ я въ бреду, но это не важно, если примете мѣры. Одну глупость, одно преступленіе я допустилъ. Не понимаю, какъ я могъ назвать

*) Измайловскій Проспектъ.

**) Сикорскій.

свою фамилію уже черезъ три недѣли молчанія... Товарищи! Будьте ко мнѣ снисходительны, я безъ того чувствую себя убитымъ. Если бы вы знали, какую смертельную муку я испытывалъ и сейчасъ испытываю, зная, что я бредилъ. И я былъ не въ силахъ помочь себѣ. Чѣмъ? Откусить себѣ языкъ, но и для этого нужна была сила, а я ослабѣлъ... Уже моимъ желаніемъ было или поскорѣе умереть, или скорѣе выздоровѣть. Еще, братья-товарищи, меня беспокоитъ мысль, не согрѣшилъ ли я какъ нибудь въ своихъ разъясненіяхъ задачъ Партіи. Вы же знаете, что во взглядѣ на терроръ я—народоволецъ, и расхожусь съ партійной программой. И вотъ, когда настала пора объясняться съ судомъ, я почувствовалъ, что нахожусь въ ложномъ положеніи. Личные взгляды въ сторону, надо было говорить о программѣ. Не согрѣшилъ ли я противъ Партіи? Если такъ, то прошу у Партіи прощенія. Пусть она публично заявитъ, что я ошибся, и что она не отвѣтственна за слова каждаго члена, тѣмъ болѣе, больного, какъ я. Я еще не совсѣмъ оправился послѣ взрыва. Очень расшибло голову... Вотъ и все, что тяготитъ мою совѣсть, исповѣдываться въ чемъ передъ вами, дорогіе товарищи, мнѣ все время хотѣлось. Если я, единица, въ чемъ провинился противъ общаго дѣла, мой фактъ остается, и пусть онъ самъ говоритъ за себя: сознательно я его не умалялъ.

«Привѣтствую новое теченіе, которое пробиваетъ себѣ путь къ жизни во взглядѣ на терроръ. Пусть мы до конца будемъ народовольцами... Я совсѣмъ не ждалъ, что со мною не покончатъ. И моему приговору я не радуюсь: что за радость быть плѣнникомъ русскаго правительства. Будемъ вѣрить, что не надолго. На мой приговоръ я смотрю, какъ на приговоръ надъ судьями, осудившими на смерть Степана, Григорія Андреевича и другихъ...—Дорогіе братья-товарищи! Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ и крѣпко цѣлую. Эта писулька только для васъ, моихъ ближайшихъ товарищей, поэтому прошу ее не публиковать. Моимъ прощальнымъ привѣтомъ, съ которымъ я обращаюсь къ вамъ, да будутъ слова, которыя я крикнулъ сейчасъ же, какъ увидѣлъ нашего поверженнаго врага, и когда думалъ—самъ умираю: «Да здравствуетъ В. О., долой самодержавіе!». Прощайте. Живите. Работайте. Любящій васъ, братья-товарищи, вашъ Егоръ.

XI.

Впослѣдствіи Сазоновъ писалъ намъ слѣдующее:

«Моимъ товарищамъ по дѣлу.»

«Дорогіе братья товарищи! Прошло полтора года съ тѣхъ поръ, какъ я выбылъ изъ вашихъ рядовъ. Но, оторванный отъ васъ физически, я ни на мгновеніе не переставалъ жить съ вами заодно всѣми моими помыслами. Среди грома революціонной бури, промчавшейся надъ страной, я съ особеннымъ интересомъ при-

слушивался къ голосу Б. О., и голосъ ея не затерялся въ тысячномъ хорѣ революціи. Б. О. всегда умѣла давать должный отвѣтъ на запросы жизни. Съ чувствомъ восторга переживалъ я ея побѣды, съ болью сердца—неудачи, столь естественныя, впрочемъ, для всякаго широкато и живого дѣла. Многие бойцы были изъ строя, иные безвозвратно. Съ чувствомъ глубокой скорби, любви и благоговѣнія склоняюсь надъ могилами сложившихъ голову... И еще не конецъ. Судя по всему, обстоятельства еще потребуютъ выступленія Б. О. на историческую арену. Имѣя ввиду предстоящія вамъ задачи и жертвы, которыхъ будетъ стоить ихъ выполненіе, я чувствую потребность вспомнить старое.

Не могу выразить вамъ, братья-товарищи, какимъ счастьемъ было для меня вспомнить о васъ, о вашемъ любовномъ, чисто братскомъ отношеніи ко мнѣ, о вашемъ довѣріи, которымъ вы почтили меня, поручивъ мнѣ выполненіе столь отвѣтственной задачи, какъ дѣло 15-го іюля. Для меня было бы въ тысячу разъ хуже всякой смерти оскорбить вашу любовь, оказаться ниже вашего довѣрія, вообще какъ нибудь затѣнить блестящее дѣло Б. О., всю величину котораго я самъ первый признаю и передъ которымъ теряюсь. И судьба едва не сыграла со мною злую шутку. Я былъ раненъ, но не убитъ. Потерявъ силы владѣть собой, я въ бреду едва не сдѣлался невольнымъ предателемъ. Пришлось пережить самое, самое отвратительное, что только можетъ испытать революціонеръ: Іудины поцѣлуи и объятія агентовъ, которые, пользуясь моею безпомощностью и тѣмъ, что повязка лишала меня зрѣнія, являлись ко мнѣ подъ нейтральнымъ флагомъ медицины и какъ голодные волки, ходили вокругъ меня. Втеченіе четырехъ мѣсяцевъ до суда я находился въ ужаснѣйшемъ состояніи невѣдѣнія относительно результатовъ моего бреда, въ страхѣ за людей, за дѣло, въ сомнѣніи,—не предатель ли я. Только успѣхъ дѣла и опьяненіе побѣдой дали мнѣ силы перенести болѣзнь и пережить сверхчеловѣческія душевныя муки. Къ счастью, съ бредомъ обошлось все благополучно. Но послѣ болѣзни и душевныхъ страданій я вышелъ на судъ очень слабымъ, съ разбитой взрывомъ и шпіонскими кулаками и пинками головою, еле въ состояніи владѣть мыслями и языкомъ. Въ такомъ состояніи я былъ обязанъ не говорить на судѣ, чтобы не погрѣшить противъ истиннаго освѣщенія программы Партіи. Я такъ бы, вѣроятно, и сдѣлалъ, если бы у меня позади не было кое чего, что заставляло меня объясниться. Именно: показаніе, данное мною слѣдователю 15-го іюля, сейчасъ же послѣ того, какъ я очнулся послѣ операціи. Не зная, выживу ли я, я счелъ для себя обязаннымъ заявить поскорѣе, что я членъ Б. О. П. С.-Р. и что человѣкъ, погибшій при взрывѣ въ Сѣверной гостинницѣ, былъ моимъ товарищемъ по дѣлу, — былъ уговоръ, чтобы засвидѣтельствовать принадлежность П. (Покотилова) къ Б. О... и только. Но слѣдователь спросилъ о задачахъ Б. О., и я, не отдавая себѣ отчета, что нарушаю партійный принципъ «не давать показаній», далъ объясненіе въ довольно неумѣлой

формѣ, но съ рѣзко «народовольческимъ» оттѣнкомъ (то самое объясненіе, которое значится въ обвинительномъ актѣ). Почему я это сдѣлалъ? Почему нарушилъ принципъ и внесъ диссонансъ въ толкованіе программы? Да потому, что во время допроса я нѣсколько разъ почти терялъ сознание, умолялъ прекратить, просилъ для поддержанія силъ пить. До момента суда я мало заботился о данномъ показаніи. Но потомъ, когда наступило время подумать о томъ, что я сказалъ бы, если бы пришлось говорить на судѣ, я живо почувствовалъ диссонансъ моихъ словъ съ программой Партіи. Сознаніе этого и заставило меня больше всего высказаться официально. За нѣсколько дней до суда я записалъ, что сказать, все время избѣгалъ впадать въ «народовольческій грѣхъ»... и, оказалось, перетянулъ въ другую сторону. На судѣ, сверхъ всего, были такія невозможныя условія для высказыванія, что я свои слова купилъ дорогой цѣной: мнѣ сначала вовсе не хотѣли давать говорить до послѣдняго слова и дали только по настоянію Карабчевскаго; обрывали меня на каждомъ словѣ, сбивали, я терялъ нить рѣчи, измучился, многое проглотилъ, иногда нечаянно вырывались слова, которые сейчасъ же съ радостью взялъ бы обратно. Послѣ суда чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и страшно каялся, что вообще поддерживаю своимъ участіемъ гнусную комедію суда. Такъ что, когда послѣ мнѣ сообщили, что на волѣ очень довольны тѣмъ, что я говорилъ, для меня было больно это слышать, какъ иронію. Послѣ суда разъ писалъ вамъ, дорогіе товарищи, по тому же поводу, въ объясненіе тѣхъ ляпсусовъ, въ которые я впалъ, самъ того не желая. Высказать еще разъ все это теперь я чувствовалъ потребность, чтобы ничего невыясненнаго не осталось между мной и тѣмъ изъ васъ, кому придется выходить на подвигъ. Для меня необходимое условіе моего счастья—это сохранить навсегда сознаніе полной солидарности съ вами по всѣмъ вопросамъ жизни и программы. Всякому, обреченному на подвигъ опасный, кромѣ всего прочаго, особенно желаю передать..... отвѣтъ въ полномъ обладаніи всѣми силами физическими и духовными, чтобы съ честью до конца пронести знамя Организациі. Привѣтъ вамъ, дорогіе товарищи! Бодрости и удачъ! Будемъ вѣрить, что скоро прекратится печальная необходимость бороться путемъ террора, и мы завоюемъ возможность работать на пользу нашихъ социалистическихъ идеаловъ при условіяхъ, болѣе соответствующихъ силамъ человека.

Вашъ Егоръ.

Р. С. Прошу эту записку доставить по принадлежности, т. е. Б. О., а не чужимъ, избраннымъ людямъ, что, оказывается, было сдѣлано съ моей первой запиской.

Судившійся вмѣстѣ съ Сазоновымъ Шимель-Гейба Вульфовичъ Сикорскій, мѣщанинъ г. Кнышина по происхожденію и ко-

жевникъ по ремеслу, съ 14-лѣтняго возраста уже работалъ на фабрикѣ, сперва въ Кнышинѣ, потомъ въ мѣстечкѣ Криникахъ, и еще позднѣе въ гор. Бѣлостокѣ. Въ Криникахъ онъ впервые познакомился съ революціонными партіями, но только въ Бѣлостокѣ окончательно примкнулъ къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Тамъ же онъ близко познакомился съ У., и У., какъ я упоминалъ выше, ввелъ его въ іюнѣ 1904 года въ Боевую Организацию.

Судили Сазонова и Сикорскаго 30-го ноября 1904 г. въ С.-Петербургской судебной палатѣ съ сословными представителями. Защищалъ Сазонова прис. повѣр. Карабчевскій, а Сикорскаго—прис. повѣр. Казариновъ. По приговору палаты оба подсудимые были лишены всѣхъ правъ состоянія, причемъ Сазоновъ былъ сосланъ въ каторжныя работы безъ срока, а Сикорскій—на 20 лѣтъ. Такой сравнительно мягкій приговоръ (всѣ, въ томъ числѣ и самъ Сазоновъ, ожидали преданія военно-окружному суду и повѣшенія) объясняется тѣмъ, что правительство, назначая министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго, рѣшило нѣсколько измѣнить политику и не волновать общество смертными казнями.

Сазоновъ, какъ и Сикорскій, послѣ приговора были заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость. По манифесту 17-го октября 1905 года срокъ каторжныхъ работъ былъ имъ обоимъ сокращенъ. Въ 1906 году они были переведены изъ Шлиссельбурга въ Акатуйскую каторжную тюрьму.

Б. Савинковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду того, что вся первая часть «Воспоминаній» была уже сверстана въ то время, когда Редакціей получена была рукопись «Воспоминаній» въ ея первоначальномъ видѣ,—Редакція не могла внести въ текстъ существенныхъ измѣненій. Мы имѣемъ возможность, согласно рукописи, внести въ сдѣланный наборъ имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, скрытыхъ ранѣе подъ псевдонимами или подъ инициалами.

Х., о которомъ впервые упоминается на стр. 150, затѣмъ на стр. 159 и на слѣдующихъ—Іосифъ Мацѣевскій; Ч. (стр. 156)—В. М. Черновъ; З. (стр. 159 и дальнѣйшія)—Игнатій Мацѣевскій; У. (стр. 155, 160 и слѣд.)—Давидъ Боришанскій («Абрамъ»); Н. (стр. 172 и слѣд.)—Прасковья Семеновна Волошенко-Ивановская.

Донесенія Евно Азефа.

(Переписка Азефа съ Ратаевымъ въ 1903—1905 гг.).

Передъ нами лежатъ письма и телеграммы Евно Азефа, адресованныя имъ одному изъ его патроновъ Л. А. Ратаеву въ 1903—1905 гг., бывшему въ то время руководителемъ политическаго сыска за границей, а потомъ начальникомъ особаго отдѣла Департамента Полиціи въ Петроградѣ.

Мы печатаемъ эти, въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣческіе документы—«не мудрствуя лукаво». Наши читатели прочтутъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они въ свое время были написаны самимъ этимъ предателемъ.

Азефъ писалъ свои письма всегда, какъ воръ, крадучись, тайно отъ семьи, отъ всѣхъ тѣхъ, кто ему беззавѣтно вѣрилъ, кого онъ самъ увѣрялъ въ дружбѣ, кто его считалъ своимъ товарищемъ по дѣлу.

На первый взглядъ можетъ даже показаться, что письма Азефа къ Ратаеву трактуютъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ, и написаны въ спокойномъ, обывательскомъ тонѣ о томъ, что нишुщій случайно видѣлъ или слышалъ. Но если внимательно всмотрѣться въ эти письма и отдать себѣ отчетъ въ ихъ содержаніи, то нельзя не увидѣть, какъ много въ каждой ихъ строчкѣ скрыто человѣческой крови, человѣческихъ страданій, сколько благодаря имъ было потомъ арестовъ, сколько было разрушено долго подготовлявшихся, хорошо обдуманныхъ революціонныхъ плановъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прочтите, напримѣръ, хотя бы всѣ эти спокойныя указанія Азефа относительно тайнаго отъѣзда С. Н. Слетова изъ за-границы въ Россію.

Отправляя Слетова изъ Швейцаріи въ Россію, Азефъ совѣщается съ нимъ, какъ съ товарищемъ по дѣлу, обсуждаетъ планы его будущей дѣятельности въ Россіи и въ то же самое время... въ письмахъ и телеграммахъ къ Ратаеву сообщаетъ всѣ необходимыя ему свѣдѣнія для ареста Слетова.

Слетовъ былъ арестованъ еще на границѣ. Разрушены были всѣ планы, съ которыми онъ ѣхалъ въ Россію. Затѣмъ, была уготована для него долгая тюрьма, для многихъ другихъ—аресты, а для Ратаевыхъ и Азефовъ—«честь и слава», царское спасибо и большія награды.

Изъ сообщеній Азефа, подобныхъ сообщенію о С. Н. Слетовѣ, соткана вся его переписка съ Ратаевымъ. Каждое его сообщеніе вносило въ революціонные ряды разрушеніе и несчастія.

Печатаемые нами донесенія и письма Азефа являются отгадкой многихъ бывшихъ въ тѣ годы арестовъ и политическихъ преслѣдованій. Свѣдѣнія Азефа принимались охранниками на вѣру и ложились въ основу мѣропріятій Департамента Полиціи и охранныхъ отдѣленій. Мы не даемъ подробныхъ подстрочныхъ примѣчаній къ этимъ письмамъ. Пусть это сдѣлаютъ тѣ, кого это ближе касается и кто это знаетъ лучше насъ.

Азефъ былъ величайшій лжецъ. Онъ лгалъ всѣмъ, одновременно на право и на лѣво. Его дѣятельность была такой, что онъ не могъ и шагу сдѣлать безъ того, чтобы не лгать. Лгалъ онъ не случайно, а по опредѣленному плану, разъ навсегда имъ выработанному, и ни на одинъ моментъ онъ не имѣлъ возможности быть правдивымъ.

Когда онъ говорилъ о себѣ, онъ, быть можетъ, только одинъ разъ въ жизни не солгалъ. Это было года черезъ три послѣ его разоблаченія, когда онъ разговаривалъ со мной во Франкфуртѣ на Майнѣ — въ 1912 году.

Во время этого разговора, когда ему не было смысла скрывать отъ меня что-либо, такъ какъ я хорошо зналъ все, касающееся его, онъ спокойно и откровенно рассказывалъ мнѣ о своей предательской дѣятельности и въ то же самое время и о своемъ участіи въ революціонныхъ актахъ. Онъ между прочимъ рассказалъ мнѣ тогда и о своемъ доносѣ на С. Н. Слетова, именно то самое, что теперь я читаю въ этихъ его письмахъ.

Рассказалъ онъ мнѣ тогда вполне откровенно и объ очень многомъ другомъ: о своемъ участіи въ убійствѣ Плеве, въ убійствѣ в. к. Сергія, въ попыткахъ цареубійства, о предательствѣ по дѣлу семи повѣщенныхъ и т. д. Врядъ ли когда нибудь въ другое время, не только до 1912 г., но и послѣ этого, Азефъ имѣлъ возможность въ разговорахъ съ кѣмъ либо не лгать о себѣ.

Чѣмъ былъ Азефъ, какъ лжецъ, и о чемъ именно онъ лгалъ, мы можемъ ясно видѣть теперь изъ сопоставленій его донесеній и писемъ съ печатаемыми въ этой же книжкѣ «Былого» воспоминаніями Б. В. Савинкова, и изъ очень многихъ другихъ документовъ, которые скоро прочтутъ наши читатели на страницахъ нашего «Былого». Воспоминанія Б. В. Савинкова относятся какъ разъ къ тѣмъ же событіямъ, о которыхъ говоритъ Азефъ въ своихъ донесеніяхъ.

Что Азефъ лгалъ, когда вращался въ революціонныхъ сферахъ, это совершенно понятно. Свои сношенія съ охранниками Азефъ вынужденъ былъ обставлять такой тайной, что никому изъ его товарищей и въ голову не могло придти, что онъ имѣетъ какія-либо сношенія съ охранкой, и всякій разъ, когда имъ указывали на возможность этого, они смотрѣли на такія сообщенія только, какъ на клевету. Подъ покровомъ этой тайны Азефъ выдавалъ

на право и на всё, что находилъ возможнымъ выдавать для своихъ интересовъ.

П. А. Столыпинъ былъ правъ, когда съ кафедры Государственной Думы въ 1909 году, захлебываясь, говорилъ о разрушительной дѣятельности Азефа среди слѣпо довѣрившихъ ему революціонеровъ. Предательство Азефа, дѣйствительно, было все время большой побѣдой для правительства.

Но если бы П. А. Столыпинъ былъ искрененъ, то онъ тогда же могъ бы сообщать и о другой сторонѣ дѣятельности Азефа—о томъ, что для укрѣпленія своей позиціи среди революціонеровъ дѣлалъ этотъ агентъ полиціи, пользуясь правительственной системой провокаціи.

Въ рукахъ П. А. Столыпина въ 1909 году были тѣ самыя письма Азефа, которыя мы печатаемъ сегодня въ «Выломъ» и докладъ—тоже имѣющійся у насъ—по его дѣлу, который былъ составленъ для думской рѣчи объ Азефѣ въ Департаментѣ Полиціи Л. А. Ратаевымъ.

Такимъ образомъ, у П. А. Столыпина была полная возможность нарисовать яркую картину того, какъ существовавшая система провокаціи охранниковъ позволила Азефу хорошо лгать и обманывать одновременно и революціонеровъ и правительство. Предъ лицомъ народныхъ набранниковъ въ Государственной Думѣ П. А. Столыпинъ могъ бы тогда же констатировать, что, опираясь на существовавшую систему провокаціи, Азефъ, предавая и обманывая С. Н. Седова, былъ въ 1908—1905 гг., однимъ изъ наиболѣе активныхъ участниковъ убійства Плеве и в. к. Сергія, а впоследствии—въ 1908 году—ему же едва не удалось и царубійство.

Азефъ все время велъ двойную игру. Онъ одновременно работалъ съ одной стороны—среди террористовъ вмѣстѣ съ Каляевымъ, Покотиловымъ, Савиновымъ, Гоцомъ и съ другой—среди охранниковъ съ Зубатовымъ, Ратаевымъ, Рачковскимъ, Герасимовымъ.

Вести эту двойную игру онъ имѣлъ возможность только потому, что онъ не только скрывалъ отъ революціонеровъ свои сношенія съ охранкой, но и потому, что очень многое изъ своей дѣятельности въ партіи соц.-революціонеровъ онъ скрывалъ и отъ своего ближайшаго начальства, какимъ быть въ то время такой недалекой человѣкъ, какъ Ратаевъ.

Въ 1903 году Азефъ былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Каляевымъ и Савиновымъ и устраивалъ за границей динамитныя мастерскія и потомъ поѣхалъ въ Россію для организаціи террористическихъ актовъ.

Въ концѣ 1903 года Азефъ устраиваетъ поѣздку въ Россію Каляева, Покотилова, Савинова для организаціи убійства Плеве.

Въ своихъ донесеніяхъ онъ умалчиваетъ объ ихъ поѣздкѣ и даже для отвлеченія отъ нихъ вниманія охранниковъ, онъ даетъ ложныя указанія на якобы предполагавшуюся поѣздку въ Россію другихъ лицъ также съ террористическими цѣлями, и, такимъ обра-

зомъ, подводить подъ висѣлицу рядъ этихъ не нужныхъ для него—Азефа—лицъ.

Въ мартѣ 1914 года вмѣстѣ съ Покотилковымъ Азефъ устраиваетъ въ Россіи динамитныя мастерскія, но когда произошелъ въ Сѣверной гостинницѣ взрывъ, во время котораго погибъ Покотилковъ, онъ цѣлыхъ два мѣсяца не можетъ разузнать ничего о личности участника, погибшаго при взрывѣ.

Въ началѣ іюля Азефъ тайно проживаетъ въ Петроградѣ на конспиративной квартирѣ Савинкова и Сазонова, откуда и подготавливаетъ убійство Шлеве. Наканунѣ предполагавшагося перваго покушенія Азефъ уѣзжаетъ изъ Петрограда, очевидно, для установленія своего alibi, въ Вильно, и тамъ 8 іюля видится еще разъ съ Сазоновымъ, пріѣхавшимъ къ нему за дальнѣйшими инструкціями.

15-го Азефъ проживаетъ въ Варшавѣ, имѣя заграничный паспортъ въ карманѣ, и при телеграммѣ объ убійствѣ Шлеве ѣдетъ въ тотъ же день въ Вѣну и оттуда 17 іюля телеграфируетъ Ратаеву въ Парижъ опять таки для установленія своего alibi.

Въ 1903—1905 гг. Азефу было сравнительно нетрудно играть свою двойную роль среди охранниковъ и обманывать такихъ людей, какъ Ратаевъ, которымъ самимъ хотѣлось вѣрить въ то, что Азефъ только освѣдомитель, и къ активной борьбѣ соц.-революціонеровъ отношенія не имѣетъ.

Многое относительно своего участія въ террористической борьбѣ Азефу удалось скрыть отъ большинства охранниковъ вплоть до нашихъ разоблаченій въ 1908—1909 гг. Но еще вначалѣ 1905 года даже такіе люди, какъ бывшій тогда директоръ Департамента Полиціи А. А. Лопухинъ не могли не придти къ заключенію, что Азефъ былъ не только предатель-освѣдомитель Департамента Полиціи, но что онъ принималъ активное участіе въ революціонномъ движеніи. Еще яснѣе, чѣмъ для А. А. Лопухина, была, несомнѣнно, роль Азефа для Рачковского и Мѣдникова.

Въ 1906 году Азефъ попалъ въ руки генерала Герасимова, и его роль, какъ участника Боевой Организациі, хотя и тогда не была вполне освѣщена, но больше уже не представляла никакого секрета, ни для охранниковъ, ни для Департамента Полиціи. Охранники въ эти годы хорошо знали, что Азефъ—членъ Центрального Комитета партіи соц.-революціонеровъ и глава Боевой Организациі, и во все пользовались его услугами, какъ самаго драгоцѣннаго помощника въ ихъ борьбѣ съ революціей.

Царившая тогда система провокаціи дѣлала вполне допустимымъ то, чтобы агентъ полиціи принималъ активное участіе въ революціонныхъ организаціяхъ, даже такихъ, какъ террористическая.

Мы въ этой книжкѣ «Былого» ограничиваемся первыми годами участія Азефа, какъ провокатора, въ революціонныхъ дѣлахъ.

Въ дальнѣйшемъ нашемъ изученіи дѣятельности Азефа, какъ члена Боевой Организациі, мы на основаніи документовъ уста-

новимъ не только то, что онъ дѣлалъ, но и то, что знали объ его участіи въ актахъ революціонной борьбы и что допускали представители русской власти.

В. Бурцевъ.

I.

Genève 20 ix (1903 г.)

Простите, что до сихъ поръ Вамъ не писалъ, такъ какъ соби-
раю необходимыя свидѣнія. Прежде всего о съѣздѣ. Съѣздъ былъ со-
званъ по инициативѣ бабушки, Поливанова, нѣкоего Розенблюма, одес-
скаго представителя социалистовъ-революціонеровъ. Съѣздъ имѣлъ цѣль
создать заграничную организацію партіи социалистовъ-революціоне-
ровъ. Для ознакомленія съ этой организаціей въ деталяхъ посылаю
Вамъ уставъ этой организаціи. Уставъ этотъ по ознакомленіи съ
нимъ прошу мнѣ прислать обратно, т. к. онъ доставляется только
членамъ организаціи. Насколько достоверно, ручаться не могу, но
въ самомъ ближайшемъ будущемъ направляются отсюда въ Россію,
въ Москву, съ террористическими планами по отношенію къ Вели-
кому Князю Сергѣю Александровичу слѣдующія лица: Ольга Тара-
тута, Николай Романовъ, Вѣра Григорьевна Мятлицкая и Краковъ.
Сюда приѣхалъ бѣжавшій изъ Сибири Махайскій, который соби-
рается ѣхать въ Россію, съ террористическими планами. Махайскій не
вступилъ въ партію социалистовъ-революціонеровъ отличается нѣ-
сколько анархическими тенденціями: человѣкъ съ большими спо-
собностями, собирающій вокругъ себя много молодежи и имѣющій на
нее большое вліяніе. Интересующая Васъ г-жа Швейдъ—это Марія
Милашевская, жена арестованнаго 10-го декабря въ Саратовѣ члена
Управы, у котораго найдено было 10 пудовъ литературы и другія
вещи. Съ нею живетъ Брешковская и ходитъ туда публика за
литературой, т. к. тамъ экспедиція. Кромѣ того она даетъ публикѣ
обѣды. Въ члены заграничнаго Комитета п. с. р. избраны слѣду-
ющія лица: Гоцъ, Черновъ, Шинко, Левиты, жена Горца, Миноры,
Гуревичъ и М-ме Чернова -- 10 человѣкъ. Отчасти я Вамъ еще и
потому не писалъ что тутъ получили Гоцъ письмо, копію котораго Вамъ
доставлю, но при личномъ свиданіи. Среди соц. рев. господствуетъ
полнѣйшее уныніе послѣ всѣхъ русскихъ проваловъ. Пишите мнѣ
по адресу: M-r Aristoff rue Ecole de Medecine 8. IV. Отвѣчайте
получили ли.

II.

Цюрихъ 2 Октября 1903 г.

Получивъ Ваше письмо, я заинтересовался Вашимъ сообщеніемъ
относительно двухъ Краковскихъ бомбъ. У меня явилась идея, — не
приготовилъ ли ихъ Мефисеръ, а потому я отправился въ Цюрихъ
къ Мефисеру. Изъ разговоровъ съ нимъ выяснилось, что эти бомбы
нѣтъ не готовились, это можно сказать съ достоверностью. Выѣстл.

съ тѣмъ Меиснеръ предполагаетъ, что онѣ готовились вѣроятно въ Парижѣ. Къ этому предположенію я пришелъ и изъ разговоровъ съ Бурцевымъ въ (Lagens'ъ¹). --- Относительно плановъ въ Італію во время поѣздки Государя, ничего кромѣ затѣи итальянцевъ освистать Государя не слышно, что соц. рев. ничего не затѣваютъ, могу сказать Вамъ съ достовѣрностію. Полученное Гоцомъ письмо не удобно пересылать: намъ необходимо будетъ свидѣться, тогда я покажу Вамъ конію этого и еще одного очень интереснаго письма.

Въ Женевѣ теперь находятся редакторы журнала «Студентъ». Это 3 бывшихъ студента Кіевского университета, жившихъ въ Елисаветградѣ послѣ того, какъ ихъ уволили изъ Кіевского университета: фамилія одного изъ нихъ Варшавскій. Я къ Вамъ приѣду сравнительно скоро, но прошу Васъ по возможности немедленно выслать мнѣ израсходованные мною за мѣсяцы Іюль и Августъ—450 рублей. Деньги эти прошу переслать мнѣ телеграфнымъ переводомъ Zurich Postlagernd, такъ какъ я остаюсь тутъ безъ денегъ.—Пожалуйста.

Неужели все правда, что въ газетахъ пишутъ о Зубатовѣ.

Крѣпко жму Вамъ руку. Вашъ Иванъ.

III.

19 x

Какъ мнѣ стало извѣстнымъ, Левитъ²) навѣрняка ѣдетъ въ Россію съ террористическими планами: для окончательнаго своего убѣжденія я приѣхалъ сюда пожить нѣкоторое время, гдѣ, какъ я уже Вамъ сообщалъ, живутъ Гоць и Врешковская и куда долженъ былъ приѣхать Левитъ для окончательныхъ переговоровъ о своей поѣздкѣ въ Россію. И дѣйствительно, позавчера приѣхалъ сюда Левитъ съ женой, сегодня они утромъ уѣхали отсюда; Левитъ направляется въ Мюнхенъ, оттуда въ Берлинъ и въ Россію. Это не подлежитъ сомнѣнію, онъ уже и деньги получалъ на поѣздку и связи—будетъ онъ на югѣ Россіи. По моему, взять его на границѣ, а то онъ, вѣроятно, исчезнетъ.—Теперь обѣщанныя Вамъ фамиліи рабочихъ-террор.

1) въ Харьковѣ: Беслановъ, Матуновъ, Бибикъ и Борисенъ, тамъ же интеллигентъ Алексѣевъ.

2) Екатеринославъ: Борисенко и студентъ Кравченко, и

3) Петерб.: Затонскій, Михайлъ Морозовъ, Второвъ, Машинстовъ, Федупинъ, Шульцъ, Шнитовскій.

Какъ уже говорилъ Вамъ при свиданіи, эти свидѣнія болѣе или менѣе старыя.

Я моихъ писемъ и 200 francs не получаю, если еще не выслали, вышлите немедленно и пишите мнѣ poste-restante, въ Женеву, куда ѣду сегодня же. Какъ Ваши дѣла, жму руку.

Вашъ Иванъ.

IV.

Цюрихъ 23 х 1903.

Для облегченія въ простѣженіи Левита, который вчера уѣхалъ отсюда въ Мюнхенъ, сообщаю Вамъ адресъ, по которому ему будутъ писать въ Мюнхенъ Giselstr. 21. Atelier S. Merkwow. Меркуровъ—это художникъ русскій, тоже революціонеръ. Левитъ будетъ въ Мюнхенѣ нѣсколько дней, а потомъ поѣдетъ въ Берлинъ, а затѣмъ скоро отправится въ Россію. Его, какъ писалъ, слѣдуетъ взять на границѣ. Изъ разговоровъ съ нимъ я убѣдился, что у него 2 плана:— 1) создать вооруженная демонстрація и 2) террористическій актъ, направленный противъ Государя, такъ какъ убійствамъ министровъ онъ не придаетъ серьезнаго значенія.—Бабушка теперь поселилась въ Цюрихъ—ея адресъ: Hofstrasse 36. Живетъ она съ нѣкіимъ Веденякинымъ или Веденяпинымъ или даже Веденяповымъ, который пріѣхалъ сюда изъ Ташкента, гдѣ находился въ ссылкѣ—это очень серьезный соц. рев. Бабушка живетъ тутъ подъ именемъ ея матери. Надѣюсь, это Вамъ очень интересно знать.

Бѣжавшій изъ Болоты нашъ знакомый Кершнеръ находится въ настоящій моментъ въ Цюрихѣ, а отсюда переѣдетъ въ Бернъ, гдѣ онъ будетъ работать отъ соц. рев., въ составъ которыхъ онъ и вошелъ.—Пишите мнѣ въ Женеву. Крѣпко жму Вамъ руку

Вашъ Иванъ.

V.

Бернъ 24 х 1903.

Здѣсь въ Бернѣ, помимо извѣстныхъ Вамъ Житловскихъ, среди социалистовъ революціонеровъ видную роль играетъ г-жа Фалькнеръ, Троинъ и Каганъ. Затѣмъ большая свора вокругъ Семена Ранопорта: трудно установить всѣхъ, да и при томъ я сюда—на одинъ день, чтобы болѣе или менѣе познакомиться.

Среди искровцевъ тутъ извѣстная Любовь Аксельродъ, ничего общаго съ Цюрихскимъ Аксельродомъ не имѣющая, давно бѣжавшая изъ Россіи, при ней находится и ея сестра. Вокругъ этой Аксельродъ, которая часто выступаетъ съ рефератами, вертится вся искровская молодежь, которой тутъ очень много. Я думаю, что Вамъ необходимо и тутъ устроить наблюденіе.

Не знаю, писалъ ли Вамъ я уже, что извѣстный намъ Машницкій ѣдетъ въ Россію для организаціи боевыхъ социалъдемократическихъ дружинъ, онъ ѣдетъ отъ организаціи «Искры».—Этотъ слухъ былъ и раньше, но теперь онъ безусловно подтверждается.— Я забылъ Вамъ вчера сообщить, что редакція «Студента» перекочевала въ Цюрихъ. Варшавскій живетъ теперь въ Цюрихѣ. Относительно Левита все подтверждается; и теперь онъ серьезно ѣдетъ съ серьезнѣйшими намѣреніями. Тутъ это тоже подтверждается. Буревѣсны по общему впечатлѣнію все растутъ и растутъ. Жму Вамъ руку

Вашъ Иванъ.

VI.

Женева 29(16) x 1903.

Ваше письмо и деньги я получилъ вчера.—Спасибо! Левитъ ѣдетъ теперь одинъ, безъ жены. Одетъ онъ въ черномъ пальто: черная съ просѣдью борода, средняго роста. — скорѣе можно его назвать невысокаго роста, полный; маленькій лобъ, орлиный носъ, красивые глаза; одетъ онъ не франтовато, средне, мягкая черная шляпа; онъ можетъ переодѣться, конечно. Жена его пока не ѣдетъ: она отправится черезъ мѣсяцъ приблизительно, пока она въ Женевѣ.—Постараюсь Вамъ дать еще кое-какія указанія относительно Берна и Цюриха черезъ нѣкоторое время. Теперь же долженъ Вамъ сказать, что упомянутая въ прошломъ письмѣ Любовь Аксельродъ теперь переѣхала въ Женеву, и говорятъ, что туда отъ «Искры» поѣдетъ Бронштейнъ (Троцкій); хотя другіе утверждаютъ, что Троцкій туда не поѣдетъ, такъ какъ произошелъ расколъ въ редакціи «Искры», что отъ нея отдѣлились: П. Аксельродъ, Вѣра Засуличъ, Сергѣевъ-Мартовъ, (забытъ сейчасъ его настоящую фамилію), Крохмаль, Троцкій и Блюменфельдъ, и что всѣ эти господа ѣдутъ въ Парижъ и думаютъ основать тамъ другую газету социаль-демократическую. Предметъ разногласій этихъ господъ съ Ленинымъ и Плехановымъ—это организаціонный принципъ. Ленинъ и Плехановъ желаютъ, чтобы Центральный Комитетъ партіи социаль-демократической былъ перенесенъ за границу, и всѣ дѣла и свѣдѣнія сосредоточились бы въ рукахъ Ленина и Плеханова. Оппозиція же ихъ думаетъ, что Центральный Комитетъ партіи социаль-демократической долженъ быть въ Россіи.—Въ Бернѣ теперь живетъ Екатерина Демьяненко (извѣстная Вамъ раньше по Петербургу). На нее Вамъ нужно обратить вниманіе, какъ и на Софью Левашъ, сестра жены Левита.—Здѣсь въ Женевѣ появился нѣкій Псаковъ, настоящая фамилія Гольманъ или Гольдманъ изъ Кишинева; играетъ видную роль среди Бундистовъ. Я Вамъ въ прошломъ письмѣ упомянулъ, что имѣю сообщить Вамъ нѣчто важное, это вотъ что. Здѣсь установленъ одинъ изъ Вашихъ сотрудниковъ, фамилію котораго я на дняхъ буду знать. Установить его удалось такимъ манеромъ. Этотъ Вашъ сотрудникъ³⁾ обращался къ цѣлому ряду почталіоновъ съ просьбой за деньги показывать ему корреспонденцію, и вотъ одинъ изъ почталіоновъ какому то русскому и рассказалъ эту исторію. Фамилія Вашего сотрудника, говорятъ, уже установлена. я ее еще не знаю, но если Васъ это интересуетъ я ее легко узнаю и Вамъ сообщу. Этотъ же самый сотрудникъ Вашъ, какъ говорятъ, ведетъ себя очень глупо и навязывается ко всѣмъ на знакомства.—Что касается меня, то врядъ ли мнѣ удобно...

VII.

Владикавказъ 19/IV—2/V⁴⁾.

Деньги, которые я вчера получилъ шли сюда изъ Парижа цѣлыхъ 11 дней. Во всякомъ случаѣ я Вамъ очень благодаренъ, что выслали.

Что же касается сообщенных примѣтъ рев. въ (Ѣверной гостиницѣ, то не смотря на ихъ подробность, -- не могу припомнить. встрѣчалъ ли я такового. Вообще очень трудно по однимъ наружнымъ примѣтамъ возстановить личность. Было бы хорошо знать по какому паспорту онъ жилъ и не остались ли какія нибудь бумаги у него. Вообще вся эта исторія очень странная. Очень недѣло прѣхать изъ за границы (судя по платью изъ Женевы, Монтре) въ Петербургскую гостиницу производить опыты съ взрывчатыми веществами. Не должно ли было состояться на слѣдующій день покушенія и этотъ рев. приготавливать снаряды, т. е. составлять ихъ. Я объ этомъ думаю еще и потому, что какъ Вы пишете было 4 снаряда, изъ коихъ 3 уцѣлѣли. Во всякомъ случаѣ—это очень счастливый случай—съ одной стороны не было покушенія—съ другой—я увѣренъ, что это нагонитъ страхъ на рев., они будутъ избѣгать заниматься взрывчатыми веществами.--Въ виду того, что я совсѣмъ тутъ ни съ кѣмъ не встрѣчаюсь, такъ какъ занятъ больной мамой, да не знаю, есть ли тутъ кто-нибудь, то я не имѣю представленія о томъ, что говорятъ объ этомъ въ радикальномъ и революціонномъ мірахъ. Очень важно бы это узнать; связано ли это съ боевой организаціей, или это одиночка какая-нибудь, хотя судя потому, что было 4 снаряда, врядъ ли это была одиночка.

Я надѣюсь скоро отсюда уѣхать, если не произойдетъ съ мамой осложненій, и по дорогѣ постараюсь все узнать, что касается этого дѣла. Какъ только, что узнаю Вамъ немедленно сообщу. Знаютъ ли про это въ Женевѣ, сообщила ли объ этомъ что нибудь Рев. Россія. Мнѣ объ этомъ ничего не писали.

Всего хорошаго. жму руку

Вашъ *Иванъ*.

VIII.

Самара 9/v—22/v.

Какъ видите странствую. Дѣло Сѣв. гостиницы—это дѣло Б. О. По поводу этого была выпущена прокламація, которую я не видѣлъ, но содержаніе которой мнѣ передавали. Содержаніе прокламаціи приблизительно таково: Случившееся несчастье не остановило дѣятельности боевой организаціи. Я направился было въ Саратовъ, гдѣ надѣялся отчасти получить свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, а отчасти повидаться съ пресловутымъ Сазоновымъ⁵⁾, но ни того ни другого пока еще не добился. Въ Саратовѣ всѣ арестованы. Видѣлся съ Николаемъ Васильевичемъ Нарбековымъ, который не совсѣмъ осведомленъ объ этомъ дѣлѣ, но который знаетъ, что это дѣло боевой организаціи, которая по его свѣдѣніямъ вновь сложилась въ концѣ прошлаго года и дѣйствуетъ совершенно конспиративно. Сазоновъ же живетъ въ Уфѣ, куда я и направляюсь, дабы разъ навсегда выяснить фізіономію Сазонова, который мнѣ совершенно не ясенъ. При полученіи свѣдѣній немедленно пришлю Вамъ (я никуда ничего не сообщу помимо Васъ). Здѣсь въ Самарѣ самый серьезный

рев.—это Настасья Петровна Ульянова, Дворянская ул. № 5. Затѣмъ нѣкій Кудрявцевъ, работающій въ газетѣ «Самарскій Курьеръ». Во Владикавказѣ имѣется присяжный повѣренный Берманъ, который въ большомъ количествѣ распространяетъ нелегальную литературу, преимущественно среди солдатъ. Миѣ представляется, что возможно будетъ выяснитъ личность погибшую въ Сѣв. гост.

До скораго свиданія

Вашъ Иванъ.

IX.

Уфа 20 у 1904.

Здѣсь миѣ пришлось подождать нѣсколько приѣзда пресловутаго Саз., который уѣзжалъ по дѣламъ.

Изъ разговоровъ съ Саз., я пришелъ къ убѣжденію, что онъ не занятъ организаціей павѣстныхъ дѣлъ. Онъ безусловно ямъ сочувствуетъ, вѣроятно даетъ много денегъ, но этимъ, миѣ представляется, его участіе ограничивается, тѣмъ болѣе, что онъ ведетъ крупное лѣсное дѣло, такъ какъ его отецъ очень боленъ. Повторяю, что это только мои впечатлѣнія, за справедливость которыхъ я ручаться не хочу, тѣмъ болѣе, что у Васъ имѣются свѣдѣнія противоположнаго характера. Кажется миѣ только, что я не ошибаюсь, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ далекъ отъ этого. О братѣ своемъ⁶⁾ онъ не знаетъ гдѣ находится, но предполагаетъ, что тотъ, вѣроятно, затѣваетъ что либо въ этомъ смыслѣ, такъ какъ по его мнѣнію не напрасно же онъ бѣжалъ. Когда произошелъ казусъ въ Сѣверной,—ему подумалось, не случилось ли что нибудь съ его братомъ, и онъ отправился изъ Уфы, вѣроятно въ Кіевъ, узнать въ чемъ дѣло. Оказывается, что въ Сѣверной гостилицѣ кизусъ произошелъ съ нѣкимъ Алексѣемъ (фамилія неизвестна), товарищемъ Балмашева: этотъ Алексѣй былъ студентомъ Кіевского университета. Имя это очевидно настоящее. Это одинъ изъ членовъ боевой организаціи, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ человекъ. Алексѣй этотъ за границей былъ, но оттуда приѣхалъ давно, въ январѣ. Думаю, что это тотъ господинъ, котораго Серафима поджидала. Левитъ очевидно тоже имѣлъ свиданіе съ этимъ Алексѣемъ. Такъ какъ думаетъ публика, что взрывъ произошелъ потому, что къ Казанову явились съ арестомъ, такъ какъ послѣ ареста Левита за нимъ слѣдили. Надѣюсь эти данныя дадутъ Вамъ возможность установить эту личность. Откуда я сегодня уѣзжаю и вѣроятно скоро буду у Васъ. Въ Уфѣ я видѣлся съ однимъ нелегальнымъ, играетъ очевидно большую роль. Кличка его Θεодосій, приѣхалъ сюда на день на два изъ Кіева. Средняго роста, темный блондинъ. Кіевъ и теперь очевидно центръ. Арестованный Павелъ Ивановичъ (будто бы Кудрявцевъ) есть ни что иное какъ его товарищъ Тамбовцевъ, Надеждинъ или Надежинъ. Онъ арестованъ не у Езерской въ Москвѣ, а въ Ростовѣ. Скоро напишу еще.

Вашъ Иванъ.

P.S. Въ Парижѣ должна пріѣхать нѣкая Лашкевичъ очень серьезная революціонерка, она пріѣдетъ съ Валентиной Антоновой изъ Петерб. Антонова старая рев. подруга Сераф. и Мельникова.

Вашъ *Иванъ*.

X.

С.-Петербургъ II/vi.

Я здѣсь узналъ, что казусъ случился въ Сѣв. Гос. съ Алексѣемъ Покотиловымъ, братомъ жены Товарища Министра Романова и что сообщники имѣются въ Полтавѣ и Одессѣ, куда я и направляюсь отсюда.

Вашъ *Иванъ*.

Будетъ интересно.

XI.

Одесса 19 vi—2, vii 1904.

Проживъ здѣсь 6 дней мнѣ удалось узнать много интереснаго.

Отсюда на дняхъ уѣзжаетъ одна госпожа съ цѣлью покушенія на Кутайсова, генералъ губернатора въ Иркутскѣ.

Госпожа эта средняго роста брюнетка, еврейка, но православная. Сюда она пріѣхала изъ-за границы, откуда ее послали для этого дѣла. Для установленія ея личности (я съ нею разговаривалъ) могу сообщить слѣдующее. Она бывшая социаль-демократка была сослана до приговора въ Вологду, оттуда бѣжала въ концѣ прошлаго или началѣ этого года. Зовутъ ее Марія (настоящее имя), а фамилія чисто-русская, что то въ родѣ Щепотьевой-хотя не ручаюсь, она замужемъ за русскимъ христіаниномъ-мужъ ея сосланъ въ Сибирь. Здѣсь въ Одессѣ Наумъ Леонтьевичъ Геккеръ и Василій Ивановичъ Сухомлиня. Играютъ большую роль въ партіи, и они очевидно направляютъ дѣла боевой организаціи; отъ нихъ я узналъ, что случившееся въ Сѣв. гос. актъ боевой организаціи: они же подтвердили, что погибшій революціонеръ-это Покотиловъ. Кромѣ ихъ принимаетъ большое участіе въ дѣлахъ партіи нѣкій Распоповъ-книготорговецъ, и Гедеоновскій, бывший ссыльный. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти лица составляютъ центральный комитетъ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Отъ нихъ я узналъ, что дѣло покушенія на Плеве отлагается въ виду отсутствія бомбъ, которыя погибли—новое приготовленіе, которое займетъ много времени, а къ Плеве револьверомъ не подойдетъ, но для реномѣ боевой организаціи, надо совершить террористическій актъ, а потому избранъ теперь Кутайсовъ. Якутская исторія оправдываетъ этотъ фактъ въ глазахъ общества и революціонеровъ. Я увѣренъ, что благодаря этимъ свѣдѣніямъ Вамъ удастся предотвратить покушеніе на Кутайсова и установить эту госпожу. Кромѣ того эта госпожа будетъ жить въ Иркутскѣ по подложному паспорту, мѣщанская 5 лѣтняя книжка; въ Иркутскѣ она будетъ жить въ гостиницѣ. Кажется имя у нея будетъ въ паспортѣ Наталья—но за это не

ручаюсь. Прошу, чтобы о ея пребываніи въ Одессѣ не стало извѣстнымъ, т.к. кк. она тутъ очень законспирирована, а я съ нею видѣлся, она думаетъ явиться къ Кутайсову въ траурномъ костюмѣ. Надѣюсь, что это важное извѣстіе для насъ и можетъ это возможность напасть на слѣды другихъ. Я заѣду еще въ Полтаву отсюда.

Вашъ Иванъ.

XII.

Москва 24/vi—7/vii.

Сообщаю слѣдующія интересныя вещи: 1) Организацией Уфимскаго покушенія прошлаго года⁷⁾ занимался нѣкій Плаксинъ-врачъ, который тотчасъ же послѣ 6-го Мая уѣхалъ изъ Уфы и потомъ отправился за границу, гдѣ онъ теперь возвращается преимущественно среди социаль-демократовъ, дабы отвлечь отъ себя вниманіе; если бы его арестовали онъ назвалъ бы себя соц. дем., пользуясь тѣмъ, что онъ былъ сосланъ раньше по социаль-демократ. дѣлу. Ихъ два брата Плаксиныхъ, другой юристъ-живетъ въ Архангельскѣ, тоже сочувствуютъ социал. рев. Это я получилъ отъ проживающаго теперь въ Нижнемъ Новгородѣ прис. пов. Синицина, жившаго раньше въ Уфѣ. На Плаксина надо по моему обратить особое вниманіе, гдѣ онъ живетъ заграницей не знаю, но по скорому моему приѣзду туда постараюсь выяснитъ. 2) Въ Петербургѣ у помощника присяжнаго повѣр. Трандафилова живущаго по улицѣ Жуковскаго № 35, имѣется какъ передаютъ складъ литературы, и туда ходитъ Беренштамъ (удобный случай избавиться отъ Беренштама), но это надо, конечно, провѣрить. 3) Въ Московскій Комитетъ соц. рев. кромѣ Зензинова входятъ г-жа Емельянова, жившая раньше (года 1½ тому назадъ) въ Женевѣ и студентъ Бѣлоусовъ. Самое интересное въ Москвѣ вотъ что. Рассказывалъ мнѣ Зензиновъ. Недѣли двѣ тому назадъ его съ задняго хода вызвалъ какой-то субъектъ. Когда вышелъ къ нему Зензиновъ онъ назвался служащимъ охраннаго отдѣленія и сталъ ему рассказывать, что за нимъ и еще другими лицами они слѣдятъ, называлъ цѣлый рядъ именъ и массу подробностей, все это было совершенно вѣрно. Когда Зензиновъ спрашиваетъ у него, почему онъ ему это рассказываетъ субъектъ заявляетъ: «не все ли Вамъ, баринъ, равно ну хотя бы по злости на начальство. Во всякомъ случаѣ, Вы видите, что я все Вамъ правду рассказываю, но прошу Васъ объ этомъ никому не говорить даже своимъ, т.к. кк. между Вашими есть служащіе въ охранкѣ». И называетъ между прочимъ одно лицо (мнѣ Зенз. фамилии не назвалъ), которое состоитъ въ Моск. Ком. Затѣмъ субъектъ назвалъ лицо, которое ведетъ сношенія съ агентами и далъ его адресъ—мнѣ удалось узнать его отъ Зенз.—это Дмитрій Васильевичъ Поповъ, живетъ на 6-ой Ямской въ домѣ Заводова № 65 кв. 4.—Кромѣ онъ указалъ, что на 3-ей Ямской въ угловомъ красномъ домѣ № не помнитъ, кажется, 65 или 66 находится извозничій дворъ охранки, тамъ живетъ 6 извозчиковъ, которые

выѣзжаютъ ежедневно въ 8—10 утра, такъ что онъ предлагаетъ ихъ установить. Извозчики, которые занимаются слѣжкой. Этотъ субъектъ рассказывать обо всемъ какъ ведется слѣжка и потому онъ обѣщалъ предостерегать отъ назначенныхъ ликвидаций. Кромѣ этого онъ совѣтовалъ ничего у себя не держать и отказываться отъ показаній. Тогда по его мнѣнію Васъ всегда выпустить — потому что прокуроръ нашимъ шпіонскимъ показаніямъ никакой цѣны не придаетъ. Счелъ долгомъ это Вамъ сообщить, но все это очень щекотливо—мнѣ Зензиновъ это передалъ подѣ большимъ секретомъ. Прошу Васъ это деликатно использовать. 4) Изъ Дома предварительнаго заключенія передали предостереженіе о Горнбергѣ. До свиданія.

Вашъ Иванъ.

ХІІІ.

Вильна 7/ви 1904 *).

Въ Москвѣ, или Смоленскѣ долженъ состояться въ началѣ Августа съѣздъ Соц. рев., на которомъ будутъ разбираться слѣдующіе вопросы:

I. Мѣстный терроръ и боевые дружины. Имѣютъ ли право мѣстные комитеты самостоятельно предпринимать Террористическіе Акты, вызываемые мѣстными условіями или всякій разъ должны быть соглашеніе или санкція со стороны Боев. Орг. или Ц. К.? Отношеніе къ мѣстному противоправ. террору въ деревнѣ.

II. Возникновеніе новыхъ партійныхъ организацій. Условія необходимыя для признанія данной группы партійнымъ комитетомъ. Права мѣстныхъ комитетовъ П. С. Р.

III. Автономныя организаціи П. С. Р. (Крестьянскій Союзъ П. С. Р. см. № 8 Р. Р. и «Ко всему крестьянству». 2-ое изданіе конецъ, по вопросу о постановкѣ крестьянскаго дѣла № 35 Р. Р. Союзъ народныхъ учителей см. № 35 Р. Р. М. № 4 Р. Р.) Цѣлесообразно ли существованіе подобныхъ организацій въ партіи. Нормальныя ихъ отношенія къ централ. и мѣстнымъ комитетамъ партіи

IV. Отношеніе къ студенческимъ организаціямъ. (Ихъ Манифестъ и протоколы II студенческаго съѣзда. Статьи по студенческому вопросу въ «Сборникѣ по вопросамъ программы и тактики).

V. Порайонныя организаціи партійныхъ комитетовъ.

VI. Условія соглашенія съ виѣпартійными организаціями.

VII. Отношеніе къ аграрному и вообще къ экономическому террору въ агитаціонной литературѣ.

На этотъ съѣздъ явятся представители всѣхъ группъ соц. рев. центр. Россіи, и созывается онъ по инициативѣ Москвичей.—

Въ Вильнѣ я остановился, тк. кк. у меня не хватаетъ денегъ для проѣзда въ Парижъ, а потому будьте добры мнѣ немедленно выслать по телеграфу 100 рублей, и я на дняхъ буду у Васъ.

Всего хорошаго Вашъ Иванъ.

Живу въ Французской гостиницѣ.

XIV.

Genève, le 7/ix. 1904.

Наконецъ то я выбрался вамъ написать. Дѣло въ томъ, что не хотѣлось писать, пока не нащупаешь чего-нибудь существеннаго. Не могу еще сказать, чтобы я этого добился, но, во всякомъ случаѣ, картина кое-какая имѣется. Покушеніе на его величество готовится—для меня не подлежащее это никакому сомнѣнію. Центръ тяжести Б. О. въ Одессѣ. Мнѣ недавно удалось тутъ прочесть письмо, въ которомъ сообщаютъ, что царь будетъ въ Одессѣ. Письмо это получилось по адресу Гоца изъ Мюнхена, а братъ Гоца привезъ его для передачи въ Женевѣ. Мнѣ случайно удалось заглянуть въ это письмо. Что касается ряда именъ, о которыхъ мнѣ приходилось съ вами говорить, то удалось выяснитъ слѣдующее: Еремѣй—это Ст. Ник. Слетовъ⁹⁾. Это его имя, которымъ онъ пользовался въ Кіевѣ, а потому нѣкоторые, знавшіе его по Россіи, его такъ называютъ. О его роли нечего говорить—онъ членъ центральнаго комитета партіи. Наталья—это Марія Селюкъ, въ Кіевѣ извѣстна подъ именемъ Наталья Игнатьевна—играетъ первую роль въ партіи. Веняминъ живетъ за границей съ прошлаго года, пишетъ въ «Р. Р.» изрѣдка на террористическія темы—его перу принадлежитъ статья въ № 46 «Рев. Рос.» «Безъ адреса» за подписью Бывш. социаль-демократъ. Уѣзжалъ въ Россію на нѣкоторое время въ мартъ—апрѣль, вернулся недавно; постоянно, говорятъ, живетъ въ Германіи во Фрейбургѣ. Бывшій социаль-демократъ—безъ сомнѣнія террористъ, ѣздившій въ Россію, я предполагаю, по дѣламъ террора. Венямина теперь здѣсь нѣтъ, я его уже не засталъ. Говорятъ, уѣхалъ въ Германію. Считаютъ его очень талантливымъ. Супруга не получала письма, содержаніе котораго вы передали. Павелъ Ивановичъ¹⁰⁾—молодой человѣкъ, черные усы, 28 лѣтъ, недавно пріѣхалъ изъ Питера, видать его нѣсколько разъ. Трудно оріентироваться въ его роли, но во всякомъ случаѣ онъ—шишка. Также мнѣ удалось открыть здѣсь Кудрявцева. Онъ въ Женевѣ живетъ подъ именемъ Мѣшковскаго. Высокаго роста, борodka свѣтлая, въ очкахъ, одѣтъ съ претензіями на Чайльдъ Гарольда—въ плащѣ съ чернымъ широкимъ бантомъ. Онъ тутъ живетъ съ женой и ребенкомъ. Словомъ, Мѣшковскаго всѣ знаютъ здѣсь, а что онъ Кудрявцевъ—это только стало извѣстно мнѣ отъ Слетова вчера. Скоро узнаю его адресъ и вамъ сообщу. Онъ собирается въ Россію скоро. Бабушка и Житловскій очень скоро поѣдутъ въ Америку для собиранія денегъ и пропаганды. По возвращеніи изъ Америки, бабушка поѣдетъ въ Россію. На дняхъ уѣзжаетъ отсюда въ Россію жена Германа Галкина,—она повезетъ въ 2 чемаданахъ литературу, если буду знать болѣе подробно телеграфирую Вамъ,—надо будетъ Вамъ телеграфировать на границу.—Дача въ Германіи передана партіи социалистовъ революціонеровъ, которые ее теперь продаютъ. Довѣренность дана князю Хилкову.—Ну, на этотъ разъ довольно. Пишите мнѣ на Poste res-

tante Genève—P. Walde. Я буду ходить на почту часто — ежедневно, а скоро Вамъ дамъ другой адресъ. Пришлите мнѣ деньги, расходныхъ до августа 550 рублей и за сентябрь жалованье 500 рублей на этотъ же адресъ, пожалуйста, скорѣе, т. к. деньги мнѣ нужны. Долженъ Вамъ сказать, что тутъ есть группа лицъ, которая меня какъ будто избѣгаетъ, а нѣкоторые, которые ко мнѣ хорошо относятся—въ томъ числѣ Черновъ, Бабушка и Гоцъ. Мнѣ кажется, что обо мнѣ было много разговоровъ относительно довѣрія и вѣроятнаго существовали 2 партіи и, кажется, вліятельная была на моей сторонѣ. Не знаю, насколько я не ошибаюсь. Мнѣ все-таки кажется, что я сумѣю добиться полнаго довѣрія отъ всѣхъ—все постепенно. Съѣздъ, устраиваемый Циллиакусомъ¹¹⁾, удастся устроить въ концѣ сентября. Жду Вашихъ подробныхъ извѣстій и денегъ скорѣе.

Вашъ Иванъ.

XV.

Я Вамъ сегодня телеграфировалъ, что Степанъ Слетовъ—братъ жены—ѣдетъ въ Россію, Петербургъ черезъ Berlin—Вержболово и, насколько я узналъ, у него будетъ для проѣзда нѣмецкій паспортъ, выданный въ Баваріи г-ну Börppl, родившемуся въ 1884 году. Такъ какъ носителю паспорта всего 20 лѣтъ, то Слетовъ задумывался проѣзжать ли по немъ или нѣтъ. Можетъ случиться, что онъ поѣдетъ по другому. Я знаю достовѣрно, что онъ въ четвергъ вечеромъ выѣдетъ на Петербургъ и субботу утромъ приѣдетъ въ С.-Петербургъ и пойдетъ на свиданіе къ Букису, дѣлопроизводителю генеральнаго Общества Страхования жизни на Невскомъ, № 23, затѣмъ будетъ разыскивать въ адресномъ столѣ Еву Марковну Эфрусси. Кромѣ того, онъ или Букисъ, въ субботу или воскресенье вечеромъ должны имѣть свиданіе съ матросомъ-латышемъ, служащимъ на англійскомъ пароходѣ и привезшимъ на пароходѣ литературу социалистовъ-револ. Свиданіе должно состояться въ ресторанѣ на Васильевскомъ островѣ (уголъ 8-й линіи и какого то проспекта). Ресторанъ, кажется, Burckhardt'a. Во всякомъ случаѣ ресторанъ нетрудно найти. Свиданіе вечеромъ между 8—10 вечера. Надѣюсь, что достаточно свѣдѣній для ареста Слетова. Селюкъ тоже уважаетъ на-дняхъ на Вѣну въ Одессу. Жду Вашихъ писемъ и денегъ.

Вашъ Иванъ.

Латышъ матросъ принесетъ и литературу для передачи.

XVI.

ДЕПЕША отъ 13 сент. 1904 г.

P. Zurich I. B. 1417 22 (13)/x1 8 15.

Stepan Sletoff veschaet sredy utrom Rossiiu Berlin kasetsa nemetskym pasportom imia Baeppl Petersburg budet Podrobno pismom-Iwan.

Iwan.

XVII.

Послѣ свиданія съ Вами я получилъ письмо, въ которомъ сообщаютъ мнѣ объ опасномъ состояніи здоровья моей матери, которая живетъ во Владикавказѣ. Я не могу себѣ простить, что, будучи въ Россіи, не посѣтилъ ея. Меня теперь грызетъ совѣсть, и я, во что бы то ни стало хочу поѣхать повидаться съ нею; въ прошломъ году умеръ въ августѣ мой отецъ, котораго я тоже не видѣлъ, т. к. находился здѣсь. Васъ же я прошу разрѣшить мнѣ эту поѣздку, которая продолжится 17 дней, т. к. я хочу недѣлю пробыть у матери и кромѣ того достать мнѣ такой же паспортъ, какъ и раньше, фамилію другую. Я бы могъ и по своему настоящему поѣхать, но это сопряжено съ неудобствами, мнѣ придется побывать въ Питерѣ для полученія обратнаго, а этого я бы не хотѣлъ. Надѣюсь, Вы мою просьбу исполните, за что буду Вамъ весьма признателенъ и хотѣлось бы мнѣ, чтобы это Вы сдѣлали немедленно; я къ Вамъ зайду въ субботу, въ 3 часа и хорошо если бы Вы приготовили. Чѣмъ скорѣе я уѣду,—я буду спокойнѣе.

Вашъ Иванъ.

XVIII.

Женева 23/ix 1904.

Всѣ Ваши письма я получилъ только вчера. Почтовый чиновникъ извинялся, когда я ему доказалъ, что письма получены давно, а мнѣ они не выдавались не смотря на то, что спрашивать. Это и послужило къ тому, что я Вамъ телеграфировалъ, что не имѣю отъ Васъ ни писемъ, ни денегъ. Всѣ Ваши 4 письма я получилъ заразъ, постараюсь теперь на все и отвѣтить. Прежде всего Ваше первое письмо, въ которомъ Вы упрекаете меня въ недомолвахъ и говорите о безцѣльности нашего существованія, если мы не сумѣемъ сберечь того, кто дороже всего. На это я могу сказать только то, что я какъ всегда, такъ и теперь работаю для Васъ съ полной свойственной мнѣ добросовѣстностью и осторожностью и желалъ бы видѣть у Васъ полное ко мнѣ довѣріе, если же этого у Васъ нѣтъ и если вообще съ Вашей точки зрѣнія я не удовлетворяю Вашимъ запросамъ, то я Васъ совершенно искренно прошу мнѣ это сказать и мы можемъ выработать съ Вами какія-нибудь другія отношенія. Какъ примѣръ моихъ недомолвокъ, Вы приводите Мюнхенское письмо. Что Вы этимъ думаете, не понимаю. Одесситы прислали письмо, которое было переслано изъ Мюнхена—какъ это часто бываетъ,—въ которомъ сообщалось о должествующемъ пріѣздѣ Царя въ Одессу. Кромѣ того моя впечатлѣнія, что затѣвается покушеніе на Его Величество. Я и счелъ нужнымъ Вамъ объ этомъ и написать. И считаю своей обязанностью сообщать все, что узнаю по поводу этого. Но разъ Вы требуете отъ меня того, чего не знаю и не могу знать, разъ я самъ не участвую въ предпріятіи, то я могу пожимать только

*

плечами и объяснять такое требованіе совершеннымъ незнакомствомъ съ рев. средой.

Вы увѣрены, что Черновъ и его супруга знаютъ все. Допускаю, хотя и неуверенъ въ этомъ,—но вѣдь все, что знаетъ Черновъ не передаетъ же онъ мнѣ. Я могу только стараться въ разговорахъ и разспросахъ наводить его на то, чтобы онъ говорилъ, какъ можно больше по интересующему насъ вопросу, но надо это дѣлать осторожно и потому результатъ всякой встрѣчи и всякаго разговора не отъ меня только зависитъ. Относительно покушеній никогда нельзя узнать деталей, которыя извѣстны тѣмъ только, кто занимается этимъ, да и то не всѣмъ. Изъ личныхъ разговоровъ съ Вами я получалъ впечатлѣніе, что Вы того же мнѣнія, что и я на этотъ счетъ. Мнѣ кажется, что если мы можемъ дать указаніе на то, противъ кого и гдѣ направлено покушеніе, то это уже много. Конечно, я надѣюсь, что съ теченіемъ времени мнѣ будетъ извѣстно и больше, но терпѣніе нужно и ловкость извѣстная, которая отъ нервничанія не увеличивается, а наоборотъ уменьшается. Кромѣ того работать можно спокойно, когда знаешь, что къ твоей работѣ относятся съ довѣріемъ. Вѣдь, если Петербургъ, обладая столь колоссальными техническими средствами мало знаетъ, то ужъ намъ простительно не все знать, да и то мы знаемъ больше Петербурга. Всѣ эти мои слова имѣютъ тотъ смыслъ, чтобы увѣрить Васъ въ моемъ желаніи сдѣлать для нашего дѣла, какъ можно больше и лучше. Теперь перехожу къ конкретному. Отъ Чернова и отъ Павла Ивановича я узналъ только, что теперь стоитъ Государь на очереди. Его слова, что Россія не прекратитъ войны до тѣхъ поръ, пока живъ еще одинъ солдатъ и въ казнѣ имѣется одинъ рубль сдѣлаютъ Государя очень не популярнымъ въ Россіи и въ Европѣ и что покушеніе, вѣроятно, будетъ встрѣчено также сочувственно, какъ и Плеве. Поѣздка Слетова, очевидно, была связана съ этимъ планомъ. Письмо, мнѣ кажется, изъ Бадена писано Селюкъ. Содержаніе его понято Вами правильно. Я буду стремиться узнать въ разныхъ мѣстахъ лицъ, къ которымъ могутъ обращаться члены Боевой Организациі. Для Одессы ужъ и давно и раньше далъ Вамъ эти указанія. Въ Петербургѣ играетъ большую роль Ева Марковна Эфрусси, рожденная Бланкъ, живетъ въ Петербургѣ легально. Очень выдающійся и осторожный работникъ. Работала раньше въ Одессѣ, Киевѣ и Кишиневѣ. Она завѣдуетъ всей Петербургской работой теперь. Кромѣ нея извѣстна мнѣ теперь пріѣхавшая сюда изъ Петербурга большая пріятельница Рубакина, жена одного виднаго чиновника, (съ которымъ думаетъ разойтись) по фамиліи Соловьева или Соколова. Она тутъ останавливалась въ Hotel de la Poste дня три тому назадъ и уѣхала въ Wiesbaden; а оттуда въ началѣ октября поѣдетъ въ Питеръ. Такимъ образомъ можете узнать ея фамилію и прослѣдить ее. Она общалась все дѣлать для самыхъ опасныхъ дѣлъ. Она имѣетъ большія связи въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, что мимо нея не пройдутъ члены Б. О., если они вообще будутъ въ Питерѣ.

Я остаюсь при своемъ не разъ высказанномъ убѣжденіи, что Б. О. заправляютъ старики, которыхъ я не разъ перечислялъ Вамъ. Чтобы это провѣрить, я бы предложилъ Вамъ такой способъ—показать Сазонова прислугѣ кого-нибудь изъ нихъ. Такъ какъ Москва ближе всего, то я бы совѣтовалъ начать съ Ал. Ив. Морозъ¹²⁾. Имѣйте въ виду, что это только мое предположеніе, результатъ можетъ получиться совершенно не тотъ, который предполагаю. Съ Пав. Ив. (данныя Вами примѣты Савинкова не совсѣмъ подходятъ къ нему—для установленія пришлите карточку) я стараюсь сблизиться. Тоже съ Хилковымъ, хотя послѣдній, обладая аристократическимъ воспитаніемъ, — не такъ легко поддается сближенію. Вѣжливъ и только. Отправленные имъ лица Рубинъ — это наборщикъ типографіи соц.-рев. пріѣхалъ безъ паспорта сюда—теперь же отправляется для отбыванія воинской повинности въ Вѣлостокъ. Ничего опаснаго собою не представляетъ. Ева послана въ Одессу для работы въ типографіи,—не важная особа и мало опасная, нелегальная хотя. Маша—не знаю, кто; только не Тумаркина, которая живетъ съ Авксентьевымъ въ Вех, и которые поѣдутъ легально въ Петербургъ въ ноябрѣ. О Леопольдѣ ничего здѣсь не слышно и никто такого имени не упоминалъ, вѣроятно не живетъ въ Женевѣ. Рауль давно уѣхалъ изъ Женевы съ супругой. Онъ былъ на прогулкѣ два дня,—больше чѣмъ въ прошлый разъ сообщить о немъ не могу, но онъ вернется въ Женеву. Поѣхалъ въ Германію. Деньги, получаемыя Миноромъ отъ Гав., это отъ Гавронскаго, который живетъ въ Москвѣ и женатъ на сестрѣ Минора. Платить 100 рублей въ мѣсяцъ. Саша, который пишетъ Вѣрѣ Гоцъ, это Саша-Ангель транспортистъ. Отчетъ касается транспорта и устройства сѣзда, который былъ устроенъ въ Негмансе¹³⁾. Онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Германію по дѣламъ транспорта. Конференція Цилякуса состоится въ Парижѣ 30 сентября нов. стилиа. Представителемъ отъ П. С. Р. будетъ Черновъ. Я думаю тоже къ тому времени пріѣхать въ Парижъ: въ виду моей близости съ Цил. и Черн. можетъ удастся узнать интересное, если Вы, конечно, противъ этого ничего не имѣете. Деньги мы улаживались, что пришлете, какъ только получите мой адресъ, который я и прислалъ,—другой же адресъ назначался для открытыхъ писемъ.

Во всякомъ случаѣ деньги переводомъ черезъ Банкъ на Wolde, а чекъ заказнымъ пришлите, немедленно : *oste restante*, такъ какъ сижу безъ денегъ. Жму руку

Иванъ.

Карточка Кудр. очень вѣрна. Онъ мало измѣнился, только бородка русая, небольшая. О другихъ вещахъ напишу въ другой разъ. Жду писемъ отъ Васъ и денегъ немедленно.

XIX.

2 oct. 1904.

Сегодня засѣданіе въ 2 часа дня. Милюковъ и Богучарскій ж вутъ въ Hotel Globe 50 rue des Ecoles.

Иванъ.

XX.

M-me L. Carre Paris (Auteuil) 4 rue de l'Yvette.

Дорогой Леонидъ Ал.

Завтра вторникъ между 3—4 буду у Васъ. Сегодня Собрание съ 3 часовъ дня. Будьте добры приготовить истраченные мною за августъ и сентябрь 450 рублей.

Крѣпко жму руку

Вашъ Иванъ.

Струве живетъ въ Passy rue Bellini.

Завтра утромъ пріѣдетъ бабушка.

Иванъ.

XXI.

Парижъ 31/x¹⁴).

Сюда пріѣхалъ Натансонъ, который собирается черезъ мѣсяць-полтора, два въ Россію. Его адресъ: Boulevard Montparnasse № 123. Живетъ онъ подъ настоящей фамиліей, выдается здѣсь со всѣми представителями различныхъ организацій. Одновременно съ нимъ пріѣхалъ сюда и Павелъ Ивановичъ, который говорилъ, что въ Парижъ пріѣхалъ не надолго.

Извѣстная Вамъ Поля изъ Женевы (мысль Доброй Надежды) переѣхала въ Парижъ. Пріѣхала она только вчера; ея адресъ еще не извѣстенъ. Интересующій Васъ Саша или Сашка—это Виленскій Гурвичъ, братъ арестованной Эсфирь Гурвичъ. Здѣсь работаетъ среди рабочихъ парижскихъ, эмигрировавшихъ изъ Россіи. Здѣсь образовалась группа социалистовъ-революціонеровъ, официально признанной заграничнымъ комитетомъ партіи С. Р. Въ составъ этой группы вошли Брагинскіе (мужъ и жена). Прекеръ (Игнатовскій), Ташкентецъ, Л. Г.,¹⁴) Г-жа Юделевская (онъ нѣтъ) и вышеупомянутый Сашка. Вотъ за этими людьми Вамъ придется въ Парижѣ послѣживать внимательнѣй за ихъ перепиской съ Женевой. Рауль теперь пріѣхалъ въ Женеву куда я завтра поѣду, чтобы установить, кто и что онъ такое. Жена ташкентца живетъ съ нимъ здѣсь въ его квартирѣ. С. которая писала изъ Берлина и называла его «кисляй»—установлено мною, что это Эфрусси, которая теперь въ Кишиневѣ и приблизительно въ то время уѣзжала. Отъ Селюкъ было 2 письма изъ Саратова. Сюда пріѣзжалъ Чайковский, велъ бесѣды съ молодъжью въ ресторанѣ «Soufflet» на St. Michel. Кромѣ того, здѣсь вчера читалъ рефератъ Ан—скій (Рапопортъ, Сементъ) подъ названіемъ «Царь и народъ», въ которомъ онъ очень рѣзко дѣлалъ отвѣтственнымъ Государя за всѣ бѣдствія и говорилъ, вотъ кого надо теперь призвать къ отвѣтственности.

Дальше, въ пятницу выступаетъ съ рефератомъ Рубановичъ. Какъ видите, соц.-рев. начинаютъ работать здѣсь довольно оживленно. Вотъ пока все. Изъ Женевы Вамъ напишу. Деньги Вы мнѣ еще не выстали, но крайней мѣрѣ я не получить.

Вашъ Иванъ.

XXII.

18, XII.

Вотъ копія полученнаго редакціей «Революц. Росс.» письма.
Union générale des ouvriers israélites de Lithuanie, Pologne et
Russie (Bounde) Le Comité a l' Etranger.

Adresse: Imprimerie israélite, Genève (Suisse) Rue de Carouge, 81.

12, XII/04.

Въ Редакцію «Револуціонной Россіи».

У. Т. Департаментъ полиціи имѣеть свѣдѣнія о слѣд. соц. рев.
1) Германъ имѣеть паспортъ на имя Бориса Дмитріева Нерадова,
жилъ въ Швейцаріи, теперь въ Россіи (нелегально), переѣхатъ
«вѣроятно» не по паспорту Нерадова, 2) Михаилъ Ивановъ Соко-
ловъ, проживалъ въ Швейцаріи по паспорту германскаго поддан-
наго Людвигъ Каина, долженъ отправиться въ Россію, 3) за Соко-
ловымъ послѣдуетъ (въ Россію): а) Гриша, именующійся Черновымъ,
Васнецовымъ и Бардзенко, б) Князь Дмитрій Александровъ Хил-
ковъ (двумя недѣлями позже) и в) мѣсяца черезъ два бывшій сту-
дентъ Новоросс. Сельско-Хоз. Инст. Михаилъ Александровъ Веду-
няпинъ (выѣдетъ нелегально изъ Швейцаріи). Съ т. пр. Вл. Ко-
совскій.

Этотъ документъ можетъ Вамъ, Л. А. показать насколько у
Васъ въ Д. П. все неблагополучно и насколько нужно быть осто-
рожнымъ, давая Вамъ свѣдѣнія. Здѣсь въ Женевѣ въ группѣ Соц.
Рев. это письмо привело всѣхъ къ мысли, что имѣется провока-
торъ, который очень близко стоитъ ко всякимъ дѣламъ да притомъ
такой, который знакомъ и съ парижскими дѣлами, т. к. Веденя-
пинъ живетъ въ Парижѣ.—Неужели нельзя обставить дѣло такъ,
чтобы циркуляры Д. П. не попадали въ руки револ. организаціи.
Послѣдствіе этого будетъ то, что Хилковъ, который пока еще въ
Англіи въ Лондонѣ у своей семьи гоститъ, не поѣдетъ, т. к. ему
немедленно сообщили объ этомъ документѣ, дальше то же будетъ
и съ Веденяпинымъ;—Соколовъ и Васнецовъ уже въ Россіи, благо-
получно добрались. Германъ на дняхъ ѣдетъ черезъ Лембергъ (вѣр-
нѣе, долженъ быть ѣхать), но можетъ его теперь задержать бла-
годаря сообщенію. Право удивляюсь, что Департаментъ не можетъ
устроить конспиративно свои дѣла. Германъ, когда переѣдетъ въ
Россію, будетъ въ Житомирѣ, гдѣ сидитъ въ тюрьмѣ его жена,
которую онъ думаетъ освободить. Германъ до сихъ поръ не по-
ѣхалъ потому, что онъ долженъ былъ продать свой паровой катеръ
и не находилось покупателей. Сюда пріѣхалъ бѣжавшій изъ Сибири
(Якутской области) присяжный повѣренный Тарасовъ, арестован-
ный въ Пензѣ въ 1902 году при большой типографіи соц. рев.
Онъ ярый террористъ, думаетъ скоро уѣхать. Живетъ здѣсь по
паспорту Альбертъ Ваерплé (нѣмецкій паспортъ). Здѣсь также на-
ходится Борисъ Торгашенъ, бѣжавшій изъ Архангельска, аресто-
ванный въ прошломъ году въ Петербургѣ. Живетъ онъ Chemin de

la Rosegaie № 60, подъ армянской фамиліей Верьянъ, или нѣчто въ этомъ родѣ, онъ социаль-демократъ, террористъ.—Деньги и письмо, посланное мнѣ въ П., я не получилъ, такъ я какъ уѣхалъ раньше чѣмъ получились оттуда. Я имѣю свѣдѣнія съ почты, что тамъ лежитъ, но не выписываю, тк. кк. на дняхъ возвращусь въ Парижъ. Здѣсь пробуду съ недѣлю. Когда Вы вернетесь въ П. Если сейчасъ отвѣтите, то сюда, а если не скоро, то въ Парижъ. Только посылайте исключительно заказнымъ.

Вашъ Иванъ.

Вашу телеграмму не получить во время, тк. кк. она была на основаніи стараго объявленія послана въ Парижъ.

XXIII.

Genève 16/xii.

Вотъ копія еще одного документа:

Union générale des ouvriers israélites (Bounde) Le Comité à l' Etranger.

Въ Редакцію «Револ. Россіи.»

Товарищи

Сообщаемъ Вамъ слѣдующій секретный документъ, не подлежащій сейчасъ опубликованію.

Нач. Минск. Жанд. Упр. 20 ноября 1904. Совершенно секретно Помощнику моему подполковнику Крылову.

Нач. СПб. Охр. Отд. 16 с. м. за № 16467 увѣдомилъ меня, что при наблюденіи за делегатомъ Сѣверо-Зап. Обл. Комитета партіи соц. рев., мѣщаниномъ Шевелемъ Ицковымъ Маршаномъ, было замѣчено, что 29 минувшаго октября Маршанъ послалъ изъ Главнаго Почтамта 2 денежн. перевода на 15 руб. въ Минск. на имя Маршана, а 2 с. м. послалъ переводъ на 6 руб. тоже въ Минскъ на имя Сліозберга. Ввиду особеннаго значенія личности Шевеля Маршана, и согл. требованія предлагаю собрать подробныя свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ адресатахъ Маршанѣ и Сліозбергѣ и о дѣятельности и сношеніяхъ ихъ донести мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени. Полковникъ Васильевъ.

Вотъ ужъ второй документъ, который попадаетъ въ мои руки, а сколько ихъ на самомъ то дѣлѣ бываетъ. Этотъ документъ, исходящій изъ Минска, Вамъ можетъ дать возможность разобратъ. Вѣроятно неладно въ Минскѣ. Во всякомъ случаѣ Вы моими донесеніями объ этомъ пользуйтесь осторожно и очень.

Вашъ Иванъ.

Малѣйшая неосторожность съ Вашей стороны можетъ меня погубить.

Дня два тому назадъ отправилъ Вамъ письмо по адресу—Пантелеймоновская.

XXIV.

Софія, 4(17)/6.

Меня беспокоитъ, что отъ Васъ нѣтъ отвѣта на мое письмо изъ Швейцаріи и изъ Вѣны. Тутъ я уже 4—5 дней. Удалось мнѣ многое разузнать. Начну съ дѣлъ, устроенныхъ здѣсь Ташкентомъ. Ташкенту удалось устроить транспорты для литературы, оружія и взрывчатыхъ веществъ: 1) на Рени. Дѣйствіе его происходитъ слѣдующимъ образомъ: Въ городъ Туртукаѣ (Болгаріи) на Дунаѣ живетъ адвокатъ Калчевъ. Онъ имѣетъ сношенія съ служащими на пароходахъ—могу Вамъ указать пока на одинъ пароходъ «Бес-сарабецъ», который идетъ изъ Туртукаѣ въ Рени. На этомъ пароходѣ имѣется старшій машинистъ, который будетъ работать и доставлять въ Рени. 2) На Батумъ и Одессу будетъ все транспортироваться изъ Варны—пароходъ «Нахимовъ»—работать тамъ будетъ боцманъ. Пароходъ «Нахимовъ» идетъ въ Одессу и Батумъ. Въ Варнѣ всѣ предметы будутъ получаться на книжную торговлю Стефанъ Георгіевъ. Завѣдывать всѣми дѣлами будетъ Георгіевъ и Адр. Прутковъ, помощникъ капитана на пароходѣ «Болгарія». Прутковъ изъ Россіи—революціонеръ старый. Для того, чтобы Вы могли лучше ориентироваться въ этомъ дѣлѣ, посылаю Вамъ три письма, оставленныхъ Ташкентомъ¹⁶) у меня. Два изъ нихъ писаны Прутковымъ, третье—Георгіевымъ. Прутковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщаетъ адресъ для переписки—это чиновникъ желѣзнодорожный въ Варнѣ—Поповъ. Въ самой Софіи образовалась группа Соц.-Рев., главную роль въ ней играетъ Кашинцевъ, старый народо-любецъ, принявшій болгарское подданство и носящій фамилію теперь Калина. Адресъ его: улица Кра-Кра, № 20. Въ этой же группѣ Кулябко-Корецкій. Нѣкто Георгіевъ (настоящая фамилія его неизвѣстна мнѣ—одинъ изъ участниковъ 1 марта 1887 года), нѣкто Левенсонъ и Стародубъ, управляющій отеля, въ которомъ я живу. Ташкентъ скоро уѣдетъ отсюда и всѣми дѣлами будетъ завѣдывать Кашинцевъ. О поѣздкѣ Ташкентца будетъ ниже. Литература для транспорта изъ Женевы въ Софію будетъ получаться по слѣдующему адресу: улица Царь-Симеона, № 16, Соціалистическая книжарница Харлакова. Харлаковъ очень сочувствуетъ русскимъ революціонерамъ и всячески имъ будетъ помогать. Онъ большой пріятель Кашинцева. Теперь перейду къ македонцамъ. Былъ я у Сарафова. Адресъ его: улица Осогово, № 36. Македонцы очень заинтересованы въ русской революціи. Полагаютъ, что измѣненный русскій политическій режимъ не будетъ мѣшать ихъ дѣламъ, на Балканскомъ полуостровѣ, по ихъ мнѣнію, все бы давно хорошо устроилось и Македонія получила бы автономію, если бы не Россія, которая мѣшаетъ, имѣя свои стремленія въ конечномъ счетѣ завладѣть Балканскимъ Полуостровомъ. Это—взглядъ македонскихъ революціонеровъ, и, благодаря этому взгляду, они желаютъ всячески помогать русскимъ революціонерамъ. А помогать они могутъ.—Какъ взрывчатое вещество—мелинитъ—они имѣютъ въ боль-

помѣ количествѣ, въ большемъ мало сказать, вѣрнѣе, въ любомъ. Дѣло въ томъ, что македонцы имѣютъ сношенія съ поставщиками военному министерству болгарскому—такъ что о количествѣ тутъ и разговаривать нечего—все идетъ для правительства болгарскаго, а любая часть отдѣляется македонцамъ. Нечего Вамъ говорить, что болгарское прав. очень поддерживаетъ македонское движеніе и теперешнее болгарское правительство—руссофобское; оно будетъ закрывать глаза на то, если и будетъ знать, что македонцы удѣляютъ часть матеріаловъ русскимъ—тѣмъ болѣе, что Сарафовъ другъ-приятель министра внутр. дѣлъ Петкова, да и вообще во всемъ правительствѣ онъ—свой человѣкъ. Напримѣръ, при опытахъ взрывчатыхъ веществъ, которые производятся при военномъ министерствѣ присутствуютъ македонцы и армянскіе революціонеры. Что касается самыхъ бомбъ, т. е. оболочекъ, то здѣсь имѣется чугунно-литейный заводъ, который Вамъ извѣстенъ. На этомъ заводѣ они самымъ свободнымъ образомъ лѣютъ, что имъ нужно. Такихъ заводовъ у нихъ въ Болгаріи не одинъ, т. к. въ Болгаріи населеніе на половину македонское въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а отчасти очень сочувствующее македонскому движенію. Гдѣ эти заводы—нельзя было узнать, да и при томъ для насъ не имѣетъ это существеннаго значенія, т. к. русскіе революціонеры получаютъ непосредственно у македонцевъ. Завода по приготовленію взрывчатыхъ веществъ у македонцевъ вообще не имѣется, да и не зачѣмъ, т. к. они всѣ вещества получаютъ въ любомъ количествѣ готовые. Кромѣ взрывчатыхъ веществъ, они имѣютъ всѣ матеріалы для взрывовъ, какъ запалы, фитили, разные механизмы, какъ часовые и т. п. для взрывовъ желѣзныхъ дорогъ, мостовъ и т. п. Все это получается ими въ готовомъ видѣ и опять таки въ любомъ количествѣ. Все они до сихъ поръ удѣляли армянамъ-дрошакистамъ, т. ч. дрошакисты не нуждались въ мастерскихъ для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, а лишь для составленія бомбъ. Здѣсь имѣется представитель дрошакистовъ, Аганьянъ, торговецъ мануфактурными товарами, имѣетъ магазинъ здѣсь на улицѣ Леге. Теперь, когда наладили транспортъ изъ Болгаріи въ Россію, то начнутъ отправлять разные матеріалы и въ Россію для партіи соц. рев... Какъ уже упомянулъ, всѣ эти дѣла, послѣ отъѣзда Ташкентца (который все это устроилъ) перейдутъ къ Кашинцеву. Такъ какъ намъ извѣстно, кто будетъ все это транспортировать, то это не опасно для насъ.—Теперь о Ташкентѣ. Онъ черезъ недѣлю отсюда уѣдетъ, поѣдетъ онъ черезъ Румынію не по паспорту, а по контрабандной границѣ, которая имѣется у Арборе. Онъ переправитъ съ собою около пуда различныхъ взрывчатыхъ веществъ и приспособленій, отправится въ Самару, гдѣ у него большія связи и Ломовъ. Узналъ настоящую фамилію Ломова,—Троицкій, онъ поступилъ теперь на военную службу въ Самарѣ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося. По этимъ даннымъ Ташкентъ и Ломовъ въ Вашихъ рукахъ. Но можетъ мнѣ или вѣрнѣе Л. Г. удастся узнать еще болѣе подробно, т. е. по какому паспорту онъ будетъ жить въ Россіи и въ какихъ

городахъ. Что касается меня, то какъ я уже Вамъ въ Парижѣ говорилъ, мнѣ представляется поѣхать на мѣсяць-6 недѣль въ Россію, мнѣ тамъ удастся, внѣ всякаго сомнѣнія, установить дѣйствія и связи дрошакистовъ. Я уже здѣсь получилъ явку къ представителю дрошакистовъ въ Питеръ Это нѣкто Авріевъ, завѣдующій лабораторіей химической въ институтѣ Путей сообщенія, гдѣ я получу связи на Кавказѣ (кстати тамъ я посѣщу своихъ родныхъ). Отсюда я заѣду въ Вѣну и заѣду въ Краковъ къ П. П. С., у меня возможность получить отъ нихъ все нужное. Они, какъ и грузины, получаютъ тоже отъ македонцевъ. Македонцы продаютъ и оружіе въ любую страну въ Зап. Европѣ и въ любомъ количествѣ. Затѣмъ мнѣ удастся въ Одессѣ, Батумѣ и Рени установить получку и храненіе матеріаловъ Соц. Рев. Если Вы согласны на мою поездку, то по полученіи этого моего письма телеграфируйте въ Вѣну на Smits poste restante и вышлите мнѣ паспортъ такой же, какъ и въ прошломъ году, только съ другой фамиліей, тоже нѣмецкой. Затѣмъ деньги пришлите, вообще я страшно неакуратно получаю отъ Васъ деньги, также неакуратно, какъ я пишу этотъ разъ. Я просилъ бы Васъ быть акуратнѣе; т. к. я могу остаться безъ денегъ. Я надѣюсь, что вышлете въ Болгарію, тоже посланныя три письма перешлите обратно. Армянинъ, который жилъ подъ фамиліей бельгійской, извѣстенъ тутъ подъ именемъ Эдуардъ. Онъ и погибъ. Жду Вашей телеграммы и письма и паспорта. Не откладывайте въ долгій ящикъ. Надо мнѣ спѣшить. Я не рѣшаюсь отправлять изъ Софіи письмо, а отправляю по дорогѣ...

XXV.

28/1 1905.

Получивъ Вашу телеграмму съ вопросомъ о событіи 6/1 1905, я насколько былъ освѣдомленъ, будучи въ Парижѣ, отвѣтилъ Вамъ телеграммой въ Питеръ на Морскую, что это дѣло случайное, не дѣло организаціи, но давъ Вамъ телеграмму, я рѣшилъ съѣздить къ Гоцу въ Ниццу для того, чтобы убѣдиться въ этомъ дѣлѣ окончательно, т. е. еслибы это дѣло имѣло какое либо отношеніе къ партіи С. Р., то объ этомъ можетъ знать только Гоцъ. Здѣсь на мѣстѣ я убѣдился, что то, что я телеграфировалъ совершенно вѣрно, т. е. что это дѣло не имѣетъ никакого отношенія къ партіи Соц. Рев. Но здѣсь мнѣ случайно удалось узнать очень много очень интереснаго и важнаго, съ чѣмъ спѣшу подѣлиться. Къ Гоцу сюда пріѣхалъ нѣкій Афанасьевъ, въ Петер. живетъ на одной изъ Рождественскихъ, сотрудничаетъ въ газетѣ «Наши дни», близкій знакомый петербургскаго присяжнаго повѣреннаго Маргуліеса, съ предложеніемъ, чтобы партія с. р. оказала нравственное содѣйствіе образовавшемуся въ Петербургѣ кружку (человѣкъ 15—18) крупной интеллигенціи въ террористическихъ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ Его Величества и еще нѣкоторыхъ лицъ (не названы). Афанасьевъ самъ членъ этого кружка. Кружокъ состоятъ изъ литераторовъ, адвокатовъ и другихъ лицъ инт.

профессіи (это, т. н. лѣвое крыло либераловъ изъ «Освобожденія»). Кружокъ обладаетъ деньгами, Афанасьевъ говорилъ 20.000 рублей и людьми для выступленія. Афанасьевъ просилъ только, чтобы с. р. оказали нравственное содѣйствіе, т. е. проповѣдывали эти акты. Мнѣ кажется, что установить Афанасьева (настоящая фамилія) по моимъ даннымъ легко и такъ открыть весь кружокъ. Аф. теперь живетъ въ Ниццѣ и черезъ недѣлю отправится въ Питеръ. Прошу Васъ съ этими моими свѣдѣніями быть очень осторожнымъ и не превращать это въ Циркуляръ. Долженъ Вамъ сказать, что Хилковский циркуляръ все занимаетъ и занимаетъ вниманіе здѣшней организаціи, всѣ убѣждены, что имѣется провокаторъ. Пріѣхалъ въ Женеву Каинъ, вызванный изъ Россіи для изслѣдованія этого дѣла. Пріѣзжалъ Мендель Витенбергъ, который передалъ, что на допросахъ ему говорили о томъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію изъ за границы для оборудованія всякихъ мастерскихъ для Левита, словомъ, что могъ знать только онъ, Вит., Левинъ, Левитъ и Я. Забудьте это. Смысла въ этомъ допросѣ я никакого не вижу. Вышлите мнѣ деньги за январь и февраль и расходныя, о которыхъ я Вамъ писалъ, когда нернетесь.

Вашъ Иванъ.

XXVI.

Изъ Женевы.

Я Вамъ писалъ, какъ знаете уже вѣроятно, что хорошо было бы Вамъ пріѣхать сюда, т. к. въ моихъ рукахъ имѣются очень интересныя письма, касающіяся боевыхъ дѣйствій. Эти письма по почтѣ я не рѣшаюсь Вамъ посылать, т. к. съ одной стороны они могутъ у меня каждый часъ быть потребованы, а съ другой могутъ пропасть благодаря какой либо случайности. Осторожность, конечно, прежде всего. Ввиду этого, было бы очень хорошо, если-бы по полученіи этого письма пріѣхали на денекъ сюда. Да кромѣ этого имѣется очень много интереснаго. Здѣсь Цидлиакусъ. Онъ теперь занимается доставкой оружія различнымъ революц. организаціямъ. Пріѣхалъ сюда съ вопросомъ, не надо ли партіи с. р., можетъ до мая доставить до 2000 револьверовъ, потому-де, что теперь время выступать вооруженнымъ массамъ. Вообще вопросъ о вооруженномъ выступленіи массъ, благодаря послѣднимъ событіямъ въ Россіи все болѣе и болѣе занимаетъ партію с. р. Въ послѣднее время отправлена масса народу въ Россію, до 20 человекъ въ томъ числѣ и Ташкентъ, который съ нѣкимъ Ломовымъ субъектомъ, о которомъ писалъ Мейснеръ, какъ о боевомъ человѣкѣ, Вамъ извѣстно, въ Болгарію для изслѣдованія границы по перевозкѣ оружія посредствомъ связей армянъ дрошакистовъ. Бывшій въ Цюрихѣ Бернский, т. е. Берлинъ, отправленъ въ Краковъ къ П. П. С. для изслѣдованія границы по отправкѣ людей и оружія. Каинъ, который былъ вызванъ изъ за знаменитаго циркуляра, отправленъ вновь съ самыми боевыми планами. Онъ долженъ проѣхать черезъ Финляндію прл помощи Neovius въ Стокгольмъ.

Германъ въ Кіевѣ и Курскѣ шляется. Васнецовъ около Харькова гдѣ то. Онъ далъ адресъ для писемъ: Харьковъ, Михайловская ул. № 27, Александръ Николаевичъ Домбровской. Могу указать Вамъ очень важную связь Хилкова, которую онъ передалъ Васнецову. Это Никифоръ Ивановичъ Бодовскій—адр. Хуторъ Терпѣніе, станица Маргаритовка Ростовскій н/Д. округъ. Затѣмъ помощникъ Бодянский, Харьковской губерніи, гдѣ скрывается сейчасъ Васнецовъ, и устраиваетъ типографію Мѣшковскій-Кудрявцевъ, находится сейчасъ въ Кіевѣ. Горскій находится въ Баку, готовитъ тамъ вооруженную демонстрацію и террористическіе акты. Отсюда собирается группа террористовъ, очень серьезная. 2-е, Блиновы извѣстны въ Женевѣ подъ именемъ Ефимовыхъ. Авдѣевъ, который былъ арестованъ года 1½ тому назадъ въ Москвѣ съ Сладкопѣвцевымъ, бѣжалъ изъ Архангельска. Кличка ему Черноземъ. Щепетѣевъ, о женѣ котораго я Вамъ писалъ въ прошломъ году—кличка Александръ и еще нѣкто Максимъ, нелегальный рабочій, Это очень серьезная группа, ѣдетъ очень скоро, имѣетъ революверы; и, кажись, взрывчатая вещества. Обратите серьезное вниманіе. Въ Ростовъ на Дону поѣхали Соц. Рев. Дементьевъ и Пантелѣва. Оба легальные. Отвѣчайте телеграмой.

Вашъ Иванъ.

XXVII.

8/III.

Я ѣздилъ по вызову Zilliacus въ Лондонъ. Онъ жилъ въ отелѣ Aronde подъ фамиліей Weisenfels. Онъ затѣваетъ еще одну конференцію, въ которой примутъ участіе социаль-демократы. Социаль-демократы желаютъ теперь соединиться съ социалистами революціонерами и признаютъ терроръ, какъ и выработка плана возстанія народа. Среди социаль-демократовъ составляется своя боевая организація, главными дѣятелями которой являются Маркъ Бройдо и жена его Ева, близкіе пріятели Савинкова. Бройдо ѣдетъ на дняхъ изъ Женевы въ Россію въ Баку—ѣдетъ на Вѣну. Онъ направится на Кавказъ. Его жена остается. Извѣстны они подъ именемъ Марковыхъ въ Женевѣ. Въ составъ ихъ боевой организаціи входятъ и другіе бѣжавшіе «Романовцы». Въ томъ числѣ Солодуха-Паразитъ. Zilliacus говоритъ, что у нихъ въ Финляндіи два завода бомбъ для массоваго дѣйствія, они въ состояніи готовить тысячами—изъ бумаги дѣлается оболочка и бомба наполняется обычнымъ динамитомъ. Zilliacus имѣетъ сношенія съ японскимъ посольствомъ, и доставилъ большія суммы финляндцамъ и полякамъ. Вообще возстаніе у всѣхъ на языкѣ, и я увѣренъ, что въ ближайшемъ будущемъ состоится союзъ между всѣми революціонными организаціями, для приготовленія возстанія, т. е. вооруженія массъ оружіемъ и бомбами. О бомбахъ теперь говорятъ, какъ объ обычной вещи, какъ о литературѣ и т. п. Вамъ надо очень внимательно взяться за Zilliacus'a онъ бываетъ часто въ Гамбургѣ, гдѣ имъ покупается оружіе. Уже закуплено 6000 штукъ маузеровскихъ пи-

столетовъ и черезъ мѣсяцъ будетъ куплена яхта и отправятся. Карточку убійцы я при письмѣ Вамъ уже отправлялъ на парижскій адресъ. Полученныя теперь отправляю при семъ, это не тотъ господинъ, который являлся ко мнѣ въ гостиницу. Руб. мнѣ передалъ письмо Ташк. для пересылки въ Женеву. Оно написано Лиліей и вѣроятно очень интересно. Если Вы сумѣете поддѣлать, то я пожалуй рискну его открыть и Вамъ переслать и вообще имѣю очень много интереснаго относительно одного изъ Вашихъ людей. Это въ письмѣ писать неудобно. Напишите, когда будете, хорошо бы все это лично переговорить. Деньги пришлите. Жалованье по условію хотѣлось бы получить за два мѣсяца, т. е. за мартъ и апрѣль.

Вашъ Иванъ.

XXVIII.

11/III Парижъ 8/III 1905.

Посылаю Вамъ письмо Ташкентца, во всякомъ случаѣ, Вы немедленно мнѣ его перешлите въ заказномъ, сдѣлавъ все, что нужно. Какъ видите по письму, дѣло очень серьезно. Вы должны сами приготовить письмо, но не давать это Вашимъ людямъ. Дѣло въ томъ, что у Васъ въ этомъ отношеніи очень не ладно. На дняхъ явился къ Рубановичу одинъ молодой человекъ, заявивъ, что онъ служитъ въ Деп. Полиціи, что его настоящая фамилія Шапиро, одесситъ, что когда то былъ арестованъ по ерундовому дѣлу, но благодаря запугиванію жандармовъ онъ поступилъ на службу. Лѣтомъ пріѣзжалъ Гуровичъ въ Одессу. Онъ послѣднему очень понравился, особенно, когда узналъ Гуровичъ, что Шапиро имѣетъ доступъ къ Геккеру. Потомъ пріѣзжали вторично въ Одессу Лопухинъ и Гуровичъ. Послѣдній познакомилъ Шапиро съ Алексѣй Александр. Шапиро было указано на Сухомлина, Геккера и еще одного, фамилію котораго забылъ Руб., какъ на членовъ Центр. Комитета партіи Соц. Рев.—Затѣмъ его сдали въ солдаты и онъ бѣжалъ за границу. Въ Бродахъ онъ получилъ письмо отъ Гуровича съ деньгами и съ просьбой поѣхать въ Парижъ, обратиться въ Посольство, 79 Grepelle и спросить тамъ Рихтера. Черезъ нѣкоторое время его свели съ Рихтеромъ—раньше Рихтеръ былъ въ отъѣздѣ. Рихтеръ этотъ оказался Ратаевымъ. Ратаевъ хорошо принялъ Шапиро, сообщилъ ему, что онъ поѣдетъ въ Женеву и, главнымъ образомъ, займется анархистами—т. к. среди Соц. Рев. имѣется въ Женевѣ два провокатора, но именъ онъ ихъ не знаетъ, а что скоро ему вѣроятно удастся узнать, если не имена, то во всякомъ случаѣ укажетъ ихъ. А въ Парижѣ имѣется одинъ, кажется Розенфельдъ. Коротко говоря, Шапиро предложилъ Рубановичу, оставаясь на службѣ въ полиціи, служить и Революціи. Руб. ему поставилъ условіемъ, дѣлать все, что онъ прикажетъ. Шапиро передалъ Руб. Вами написанное Carte telegramme за подписью Рихтеръ (я ее видѣлъ), кажется, отъ 25 февраля, гдѣ Вы сообщали, что не могли его видѣть въ назначенное время. Затѣмъ

Руб. просилъ собственноручно ему на бумагѣ изложить всю свою біографію. Онъ это сдѣлалъ. Сообщилъ онъ очень важныя вещи: 1) всѣ письма, адресованныя на имя Чернова и Швейдъ (Миладневской) читаются, копируются и даже химическія. Какъ доказательство, онъ привелъ, что было недавно скопировано химическое письмо отъ какой то Сани, что она, если я не ошибаюсь, должна скоро пріѣхать. Письма эти получаютъ отъ подкупленнаго почтальона. 2) Извѣстно, что Брешковская должна скоро пріѣхать изъ Америки и поѣхать въ Россію и что для ея ареста назначенъ нѣкто Бинтъ, одинъ изъ главныхъ Вашихъ помощниковъ. Этотъ Бинтъ арестовалъ и Кракова. 3) Въ Лейпцигѣ сейчасъ находится нѣкто Рихтеръ изъ Одессы, членъ Ц. К. партіи Соц. Рев., и что принято все для его ареста, для каковой цѣли Вы теперь поѣхали въ Германію. Бинта онъ указалъ Руб., общалъ Васъ указать, когда будетъ въ Парижѣ. Теперь онъ уѣхалъ въ Женеву. Говорилъ о возможности Вашего убійства и важности такового, т. к. у Васъ сосредоточено очень многое и Вы завѣдуете всѣми отдѣленіями сыскными загранич., какъ Германіи, Бельгіи и т. д. Затѣмъ разсказалъ, гдѣ хранится матеріалъ въ Посольствѣ, и что его легко выкрасть, и что онъ общалъ это сдѣлать. Вообще очень долго расписывать все, что онъ говорилъ Рубановичу, врядъ ли я все и упомянулъ. Во всякомъ случаѣ дѣло очень серьезное, какъ видите. Имѣйте ввиду, что наши свиданія теперь могутъ быть выслѣжены. Потомъ онъ говорилъ, что ему поручается копировать письма иногда. Ради Бога съ этимъ письмомъ будьте осторожны, если почему либо не сумѣете сами воспроизвести, то пришлите лучше мнѣ его такимъ открытымъ, я отдѣлаюсь, что я по ошибкѣ открылъ. Потомъ ради Бога, прошу Васъ ничего не предпринимать по отношенію къ Шапиро до разговора личнаго со мной. Это дѣло очень серьезно. Одинъ неосторожный шагъ и провалъ мой. Когда Вы пріѣдете. — Я сегодня уѣзжаю въ Ниццу къ Гоцу, по порученію Рубановича и Натансона для переговоровъ съ нимъ о соединеніи съ социаль-демократами. Руб. и Нат. поѣхали въ Женеву. Изъ Ниццы можете мнѣ придется поѣхать въ Женеву для передачи Гоповскаго мнѣнія женевамъ, т. к. скоро состоится конференція. Я думаю, мнѣ удастся узнать очень многое о террорѣ и возстаніи. Дѣло становится очень серьезнымъ. По полученіи этого письма немедленно пришлите мнѣ обратно письмо Ташк. въ Ниццу заказнымъ *poste restante* и деньги чекомъ на Ліонскій Кредитъ. Въ Парижѣ буду черезъ недѣлю приблизительно, было бы хорошо, если и Вы тамъ будете.

Вашъ Иванъ.

XXIX.

Парижъ 3/iv 1905.

Удивляюсь тому, что Вы не отвѣтили на мое письмо о моей поѣздкѣ въ Болгарію—я все ждалъ. Объясняю тѣмъ, что благодаря Вашему письму, изъ котораго видно, что въ Болгаріи все выяснено,—

Вы не считаете нужнымъ мое появленіе въ Болгарію. Если я Васъ не такъ понялъ, то телеграфируйте мнѣ въ Женеву, куда я теперь ѣду, т. к. теперь тамъ засѣдаетъ конференція всѣхъ организацій. Если я получу телеграмму, въ которой Вы выскажетесь за мою поѣздку въ Болгарію, то я изъ Женевы поѣду. Хотя судя по Вашей телеграммѣ, Вы находитесь въ Константинополѣ. Письма всѣ Ваши и деньги у М-те Саггѣ я получилъ. Соглашаюсь съ Вашимъ планомъ относительно Ш. и письма къ нему одобряю, но возможно, что не поѣдетъ въ Р. Бабушка прѣхала въ Парижъ изъ Америки въ пятницу вечеромъ, а въ субботу вечеромъ, т. е. позавчера уѣхала въ Женеву, она будетъ на конференціи. Она сама пока въ Россію не собирается—я думаю, что это благодаря сообщеніямъ Шапиро, а посылаетъ Качурихина, который долженъ организовать боевыя дружины въ крестьянствѣ. Качурихинъ теперь въ Парижѣ, отсюда выѣдетъ въ Берлинъ и проѣдетъ на Александрово въ Россію. Какъ признакъ: у него забинтованная рука лѣвая. Проѣдетъ онъ границу, вѣроятно, въ воскресенье 9/IV, надѣюсь, что Вы успѣете телеграммой предупредить. Одѣтъ онъ не важно, въ рабочемъ костюмѣ. Здѣсь прибѣгалъ Натансонъ ко мнѣ вчера, и говорилъ, что судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ Петербургѣ провалилась вся боевая организація партіи Соц. Рев. Правда ли это? Я читалъ въ газетахъ фамилію Савинкова и Барыкова. Если да, то это очень важный шагъ. Убийцы Сергѣя тутъ никто не называетъ по фамиліи, но бабушка говоритъ, что его знаетъ, зоветъ его Петромъ Петровымъ. Отсылаю Вамъ его карточки и Ваши письма. Когда будете телеграфировать о моей поѣздкѣ, то не забудьте сообщить, гдѣ Васъ найти можно. Денегъ мнѣ надо будетъ получить съ Васъ за апрѣль и май жалов. 1000 р., расходныхъ—январь 250, за февраль и мартъ 570. Итого 1820 рублей или около 4850 франковъ.

Вашъ Иванъ.

Только что узналъ, что Качурихинъ проѣдетъ по паспорту Графа—это фамилія. Вундъ опять передалъ Соц. Рев. важный тайный циркуляръ, я его еще не знаю. Узнаю въ Женевѣ, сообщу Вамъ.. Значитъ опять сообщаются циркуляры.

XXX.

Genève le 17/iv 1905.

Посылаю Вамъ выработанную декларацию состоящейся конференции, созданной Гапономъ. На эту конференцію явились представители слѣдующихъ организацій 1) «С. Р.» (Черновъ и Бабушка) 2) Дрошакъ (Рустенъ, Сафо и Омонъ) 3) «П. П. С.» (Юдко, Славинскій и Войцеховскій. 4) Союзъ латышскихъ социаль-демократовъ (Роллау). 5) Финляндская партія активнаго сопротивленія (2 представителя, именъ не знаю (не было). 6) Бѣлорусская громада (1 представитель, имени не знаю): 7) Грузинская партія Соціалистовъ Революціонеровъ (Деканоза). Явились еще представители отъ С. Д. большинства, Вунда, армянской Социаль-Демократіи и Латышской

Соціалъ-Демократіи. Но всѣ эти соціалъ-демократическія организаціи удалились со Съѣзда, такъ какъ на немъ преобладалъ духъ-соц. рев. Конференція продолжалась съ 3-го до 10-го апрѣля. Гапонъ живетъ у Шишко. Бабушка живетъ Rue Jacques Delphine, 9 подъ фамиліей Вѣлова. Бабушка, Гапонъ и Хилковъ образовали боевой комитетъ, который начнетъ скоро функционировать. Боевая организація благодаря арестамъ 17 марта очевидно перестала существовать, судя по настроенію здѣсь. Хотя особыя надежды возлагаются на Ломова, Ташкента (между прочимъ, послѣдній въ Софіи былъ арестованъ, но потомъ выпущенъ на свободу, вслѣдствіе хлопотъ Сарафова). Всѣ увѣрены, что весною подымется крестьянство, и вездѣ занимаются закупкой оружія. Въ Россіи начинается выходить крестьянская газета «Земля и Воля»—при участіи Каина и видныхъ стариковъ, какъ Бончъ Осмоловскій, Коваликъ. Типографія находится кажется въ имѣніи Бончъ-Осмоловскаго. Есть у меня нѣсколько интересныхъ писемъ, касающихся этихъ дѣлъ. Если возможно будетъ, привезу Вамъ ихъ въ Парижъ. Крепко жму руку.

Иванъ.

XXXI.

Zürich, den 31/v 1905.

Я въ Женевѣ прожилъ цѣлую недѣлю, и вотъ результатъ моего здѣшняго пребыванія:

1) Леопольдъ, который въ прошломъ году въ Лембергѣ занимался транспортомъ—это Сандеръ Гуревичъ, бывший на каторгѣ. Самъ онъ изъ Могилева. Врядъ ли это бристолевскій Леопольдъ. Разъ Вы увѣрены, что транспортистъ и бристонецъ одно и то же лицо, то я ручаюсь за то, что транспортистъ это Гуревичъ.

2) Гапонъ живетъ въ Лондонѣ подъ фамиліей Николаевъ. Онъ организуетъ своихъ рабочихъ въ Петербургѣ посредствомъ разсылки эмиссаровъ, и однимъ изъ такихъ его важныхъ эмиссаровъ—это нѣкая Марія Александровна Медвѣдева, она теперь поѣхала легально въ Питеръ. Между прочимъ она ѣдетъ теперь второй разъ. Мѣсяца два тому назадъ она поѣхала впервые въ Питеръ по порученію Гапона и содѣйствовала организаціи въ Питерѣ Гапоновцевъ. Теперь она везетъ новыя инструкціи отъ Гапона этимъ рабочимъ. Все это очень серьезныя дѣла. Мнѣ кажется, Вамъ по этой Маріи Александровнѣ Медвѣдовой—она легальна и видается съ сожигательницей Гапона,—можно все важнѣйшее, касающееся гапоновской организаціи установить.

3) Брешковская живетъ въ Женевѣ теперь. Годъ живетъ въ Champel'ѣ. Я получилъ рекомендательное письмо къ Сарафову и Ленову отъ дрошакистовъ и, надѣюсь, удастся очень многое сдѣлать. Сюда заѣхалъ чтобы узнать отъ Мейснера, гдѣ Ломовъ. Еще Мейснера не видѣлъ. Отсюда ѣду въ Софію, буду тамъ называться Иванъ Смитсъ (Jean Smits). Вышлите мнѣ жалованье за май и іюнь и расходные за апрѣль и май,—450 рублей.

Въ Тулѣ закупается оружіе и занимается тамъ этимъ нѣкая Ольга Ивановна Никольская, служащая въ земствѣ. Завтра послѣ свиданія напишу Вамъ снова, есть очень много еще. Письма можно направлять въ Софію до востребованія, Считсъ. Крѣпко жму руку

Иванъ.

XXXII.

Wien. 5/vi 1905.

Видѣлся съ Мейснеръ. Онъ далъ мнѣ указаніе, какъ найти Ломова. Ломовъ сейчасъ въ Самарѣ. У него тамъ имѣется жена или невѣста, Перельманъ — черезъ нее можно найти Ломова. Она же живетъ на Соборной ул., д. № 126. У Ломова въ распоряженіи въ какомъ-то городѣ въ Россіи военный складъ. Что это за складъ, Мейснеръ объяснить не могъ, сказавъ только, что у него, какъ у бывшаго артиллерійскаго офицера были связи въ военной средѣ и что теперь у него особые планы, связанные съ военной организаціей. Изъ всего этого получается впечатлѣніе, что надо было бы повидать въ Россіи Ломова и узнать все. Все это очень серьезно. Въ Пензѣ организація с. р. стремится къ устройству восстанія города и захвата города въ свои руки. — Тамъ желѣзно-дорожные рабочіе всѣ соц. р. Одна изъ важныхъ крупныхъ персонъ с. р. Ефросимія Васильевна Красикова. Здѣсь въ Вѣнѣ, какъ Вамъ извѣстно, крупный представитель соц. рев. Клячко. Черезъ него идетъ большой транспортъ въ Лембергъ, гдѣ на мѣстѣ Леопольда сидитъ теперь нѣкій Ротштейнъ. Настоящая фамилія — Вольфъ — одесситъ, бѣжавшій въ прошломъ году изъ Архангельска. Клячко тоже подтверждаетъ, что Леопольдъ транспортистъ — это Гуревичъ. Клячко живетъ Belwederstrasse, 3. Кромѣ Клячко изъ молодыхъ соц. рев. здѣсь видный Керштнеръ, братъ извѣстнаго Вамъ. Живетъ Bleichergasse, № 1. Извѣстные соц. рев.: 1) Въ Москвѣ, Остоженка, 1-й Зачатьевскій пер., домъ Прянишникова — Лидія Николаевна Розова. 2) С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, 5, кв. 12 — Лебедевъ. 3) Въ Батумѣ — Августиновичъ-Грушковскій. Завтра я направлюсь отсюда въ Софію. Пишите туда скорѣе и деньги посылайте. Жму руку

Вашъ *Иванъ.*

ПРИМѢЧАНІЯ В. Л. БУРЦЕВА.

1) Никакихъ бомбъ въ Парижѣ не готовилось и никакихъ разговоровъ съ Азефомъ я въ то время не велъ. Единственный разъ въ моей жизни я бесѣдовалъ съ Азефомъ — въ 1908 году въ Финляндіи, когда я уже былъ убѣжденъ, что онъ — агентъ полиціи.

2) Членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ Левитъ въ это время собирался нелегально ѣхать въ Россію для организаціи террористическихъ покушеній. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ былъ арестованъ по указаніямъ Азефа.

3) Рѣчь идетъ о шпионѣ Рабиновичѣ, разоблаченномъ въ Женеvѣ при его попыткѣ подкупить швейцарскихъ почтальоновъ.

4) Въ самомъ концѣ 1903 или въ началѣ 1904 года Азефъ выѣхалъ въ Россію черезъ Варшаву въ Петроградъ и принялъ непосредственное участіе въ подготовленіяхъ къ покушенію на Плеве.

Незадолго до своего отъѣзда изъ-за границы, Азефъ отправилъ въ Россію для организаціи убійства Плеве—Сазонова, Каляева, Покотилова, Савинкова и др.

Въ Петроградѣ въ Сѣверной Гостинницѣ, въ ночь на 31 марта, произошелъ взрывъ бомбы въ номерѣ, гдѣ остановился членъ боевой организаціи, соц.-революціонеръ Алексѣй Покотилловъ. Азефъ лично давно и хорошо зналъ Покотилова, былъ посвященъ во всѣ детали заговора на жизнь Плеве, въ которомъ участвовалъ Покотилловъ, но какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ слѣдующихъ, гдѣ онъ возвращается къ взрыву въ Сѣверной Гостинницѣ, Азефъ скрываетъ свое знакомство съ Покотилловымъ и старается на этотъ счетъ ввести въ заблужденіе Ратаева.

Незадолго до взрыва въ Сѣверной Гостинницѣ, когда ожидалось покушеніе на Плеве, Азефъ уѣхалъ изъ Петрограда для установленія своего алиби сначала въ Москву, а потомъ на Кавказъ.

5) Рѣчь идетъ о братѣ Сазонова — Изотѣ, жившемъ въ то время въ Уфѣ.

6) Здѣсь говорится объ Егорѣ Сазоновѣ. Азефъ хорошо зналъ, что Сазоновъ уже полгода нелегально живетъ въ Петроградѣ, въ слѣживаетъ Плеве и вмѣстѣ со своими товарищами доводитъ дѣло покушенія на Плеве до конца.

7) Дѣло идетъ объ убійствѣ губернатора Богдановича въ Уфѣ 1903 г. Указаніе на соц.-демократа Плаксина, какъ участника этого убійства, сдѣлано было Азефомъ, повидимому, сознательно не вѣрно.

8) Въ Вильно Азефъ пріѣхалъ изъ Петрограда въ началѣ іюля 1904 г. и со дня на день ждалъ тамъ извѣстій изъ Петрограда объ ожидавшемся убійствѣ Плеве. На этотъ разъ покушеніе на Плеве, назначенное на 8 іюля, по случайнымъ обстоятельствамъ, не состоялось и Сазоновъ пріѣхалъ съ объясненіями въ Вильно къ Азефу.

9) Степанъ Николаевичъ Слетовъ былъ виднымъ дѣятелемъ соц.-революціонеромъ и въ это время по серьезнымъ порученіямъ партіи нелегально ѣхалъ въ Россію. Благодаря указаніямъ Азефа, онъ по пріѣздѣ въ Россію былъ тотчасъ же арестованъ. Когда началась нынѣшняя война, Слетовъ еще въ августѣ 1914 г. поступилъ добровольцемъ во французскую армію и въ 1915 году былъ убитъ во время одного изъ сраженій.

Составъ боевой организаціи Азефу хорошо былъ извѣстенъ.

Азефъ топилъ тѣхъ, кто ему былъ не нуженъ и лично вреденъ: Слетова, Седюкъ и пр.

10) «Павелъ Ивановичъ» — это Б. В. Савинковъ. Азефъ его хорошо зналъ еще съ начала 1903 года, но свое близкое знакомство съ нимъ скрывалъ отъ Ратаева.

11) Съѣздъ былъ устроенъ по иниціативѣ финляндца Цилліакуса. Въ немъ приняли участіе представители различныхъ партій: соц.-революціонеры, соц.-демократы, представители различныхъ національных теченій и легальныхъ партій и т. д. Отъ имени соц.-революціонеровъ на съѣздѣ принимали участіе В. М. Черновъ и Азефъ. Въ немъ также участвовали П. Б. Струве, П. Н. Милюковъ и В. Я. Богучарскій. Азефъ составилъ подробный отчетъ объ этомъ съѣздѣ и послать его въ департаментъ полиціи.

12) Организациія покушенія на Плеве Азефу была прекрасно извѣстна. Ссылка на Ал. Ив. Морозъ, старую народницу, жившую тогда легально въ Россіи, сдѣлана Азефомъ завѣдомо невѣрно.

13) Съѣздъ соц.-революціонеровъ происходилъ въ Германскъ, швейцарскомъ городкѣ, пограничномъ съ Франціей, какъ разъ въ то время, когда совершено было убійство Плеве.

Дача, гдѣ происходилъ этотъ съѣздъ, принадлежала одному изъ соц.-рев. и впослѣдствіи была передана въ собственность партіи.

14) Письмо было послано по городской почтѣ въ Парижъ.

15) «Игнатовскій» — Гнатовскій; «Л. Г.» — Любовь Григорьевна — жена Азефа (?)

16) «Ташкентецъ» — псевдонимъ члена партіи соц.-революціонеровъ Веденяпина. По указаніямъ Азефа, онъ былъ арестованъ, но при амнистіи 1905 года освобожденъ. Впослѣдствіи онъ по новому дѣлу былъ сосланъ въ каторжныя работы и недавно только освобожденъ изъ Сибири по амнистіи 1917 года.

В. Я. Яковлевъ-Богучарскій.

(По матеріаламъ Департамента полиціи, Московскаго охраннаго Отдѣленія и личнымъ воспоминаніямъ).

Давно я собирался, давно обѣщалъ написать воспоминанія о своемъ знакомствѣ и встрѣчахъ съ Василиемъ Яковлевичемъ Яковлевымъ-Богучарскимъ. Кое что мною было даже написано, многое откладывалось, требуя провѣрки и точнаго установленія нѣкоторыхъ фактовъ и главнымъ образомъ хронологическихъ датъ, которые ускользнули изъ памяти и въ слагавшуюся уже въ сознаніи картину встрѣчъ и впечатлѣній вносили безпорядокъ проваловъ и дезорганизованности. Я сдѣлалъ нѣсколько попытокъ пополнить образовавшіеся пробѣлы путемъ обращенія къ нѣкоторымъ общимъ моимъ друзьямъ съ покойнымъ Богучарскимъ. Но бесѣды и переписка съ ними не только не помогли дѣлу, но, напротивъ, внесли въ него еще болѣе хаосъ. Безспорные и всѣмъ намъ извѣстные факты изъ жизни и дѣятельности Яковлева одними относились къ одному времени, другими—къ другому, и не было возможности ни примирить, ни согласовать другъ съ другомъ эти разнорѣчивыя, часто взаимно другъ друга исключаютія свидѣтельскія показанія неустойчивой человѣческой памяти.

Поэтому, съ мѣсяца въ мѣсяцъ откладывая свои воспоминанія, я чувствовалъ въ глубинѣ своего сознанія, что фактически я хороню ихъ, тѣмъ болѣе, что у меня не было ни малѣйшаго желанія уподобляться тѣмъ многочисленнымъ спеціалистамъ—«вспоминателямъ», которые, безбожнѣйшимъ образомъ перепутывая факты и даты, въ большинствѣ случаевъ не облегчаютъ трудъ настоящихъ историковъ, а только мѣшаютъ имъ.

Революція, до которой не дожилъ Богучарскій, но дѣлу которой онъ цѣликомъ отдалъ всю свою жизнь, свою душу, помогла мнѣ осуществить теперь мои невыполненныя по отношенію къ покойному общественному дѣятелю и писателю обязательства.

Передо мной лежатъ два толстыхъ рукописныхъ тома, озаглавленныхъ: «Дѣло Департамента полиціи. 3-ье дѣлопроизводство. Объ отставномъ поручикѣ Васи́лѣ Яковле́вѣ Яковле́вѣ, № 497», части 1-ая и 2-ая; при этомъ 1-я часть дѣла заключаетъ въ себѣ документы просто секретныя, а 2-ая—особливо секретныя, къ обзору которыхъ допускались, повидимому, лишь избранные. Перелистываешь это дѣло и изумляешься. Какое пристальное

вниманіе къ человѣку! Куда Я—въ поѣхалъ; къ кому заходилъ; что сказалъ; о чемъ написалъ въ своемъ частномъ письмѣ; что ему отвѣтили на это письмо; какія у него существуютъ предположенія и намѣренія,— обо всемъ этомъ у Д—та полиціи имѣются самыя точныя свѣдѣнія, расположенныя въ образцовомъ хронологическомъ порядкѣ.

Какъ историкъ, я не могу не оцѣнить этого архивнаго богатства и той кропотливой и усердной тщательности, съ какой оно коллекціонировалось и группировалось. Но, какъ гражданинъ, и при томъ же гражданинъ, лично прикосновенный къ тому же «№ 497-му» и неоднократно упоминаемый въ немъ, я съ содроганіемъ ощущаю человѣческія слезы и человѣческую кровь, которыми пропитаны плоды этого департаментскаго творчества. А сколько налипло на страницахъ этого «дѣла» слѣдовъ гнуснаго іудинаго предательства, сколько сознательной жандармской лжи, сколько подлога полицейскаго лицемѣрія! Какія, наконецъ, огромныя суммы изъ государственной казны тратились на добываніе этихъ матеріаловъ, когда, напримѣръ, одна только поѣздка больного Яковлева-Богучарскаго изъ Москвы на минеральныя воды, лѣтомъ 1895 г., вызвала командировку по слѣдамъ наблюдаемаго шести филеровъ, подъ командою седьмаго—опытнаго агента-охранника Мѣдника!

Все это не умаляетъ, конечно, исторической цѣнности департаментскаго архива, а скорѣе даже увеличиваетъ ее обнаруженіемъ строго охранявшихся отъ общества тайнъ. И, пользуясь матеріалами этого архива для освѣщенія личности Яковлева, я не считалъ себя въ правѣ обходить молчаніемъ и тѣ слѣдствія, при помощи которыхъ данныя матеріалы улавливались. Отъ этого, быть можетъ, біографія Яковлева нѣсколько расплылась въ подробностяхъ, которыя, при иныхъ условіяхъ, могли бы быть упущены. На зато рядомъ съ біографическими данными о Яковлевѣ передъ читателемъ впервые открываются двери въ такіе тайники охранки, доступомъ въ которые пользовались только высшіе руководители послѣдней.

Въ дѣлѣ № 497 біографическіе матеріалы, касающіеся Яковлева, доведены до послѣдняго года прошлаго столѣтія. Этимъ годомъ поэтому и я заканчиваю свою біографическую работу.

I.

Привлеченіе Яковлева къ дѣлу о военныхъ революціонныхъ кружкахъ.—Ссылка въ Зап. Сибирь.—Удлиненіе срока и ссылка въ Якутскую область.—Преступный привѣтъ французскому народу.—Возвращеніе въ Россію.

В. Я. Яковлевъ, сынъ чиновника, родился въ 1860 г. въ г. Богучарѣ (Воронежской губ.), названіе котораго и дало ему впослѣдствіи такъ прочно приставшій къ нему литературный псевдонимъ—Богучарскій. Учился онъ сначала въ воронежской военной гимназій, затѣмъ во 2-мъ военномъ Константиновскомъ

училищѣ, которое окончилъ по первому разряду. Приказомъ 8-го августа 1880 г. онъ произведенъ въ чинъ старшаго хорунжаго и назначенъ въ Амурскій Казачій конный полкъ. Въ сентябрѣ 1884 г. Я. переведенъ въ Петербургъ въ Главное управленіе казачьихъ войскъ, съ переименованіемъ въ поручики. Новая служба Я—ва была очень непродолжительна. Въ декабрѣ того же 1884 г. онъ былъ арестованъ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и отчисленъ въ запасъ. Въ августѣ слѣдующаго года онъ окончательно уволенъ отъ службы.

Впервые Яковлевъ былъ привлеченъ къ политическому дознанію въ 1884 г. по дѣлу о военныхъ революціонныхъ кружкахъ. Этимъ дознаніемъ жандармами было установлено, что съ 1880 по 1883 г. среди лицъ, состоявшихъ на дѣйствительной военной службѣ, образовались революціонные кружки, присвоившіе себѣ названія частей войскъ, въ которыхъ служили члены кружковъ и выработавшіе себѣ программу, близкую къ народовольческой. Въ образованіи кружковъ участвовали, кромѣ военныхъ—Похитоновъ, Дегаева, Рогачева, Апенбренера, Штромберга, также и Желябовъ, Златопольскій, Колоджевичъ и другіе. Яковлевъ былъ въ это время въ чинѣ поручика и обвинялся въ принадлежности къ кружку воспитанниковъ Константиновскаго училища.

Найденный у него № 10-й «Народной Воли», выпущенный только 30 сентября 1884 г., кромѣ того его адресъ, отобранный у арестованнаго 6-го октября того же года съ двумя динамитными снарядами Германа Лопатина, и, наконецъ, показанія арестованныхъ по задержаніи Лопатина студентовъ К. и С. изобличали Яковлева въ глазахъ жандармовъ въ томъ, что, «не оставляя революціонной дѣятельности до послѣдняго времени, онъ пытался вступить въ ближайшія отношенія съ руководителями революціоннаго сообщества «Народной Воли».

Вслѣдствіе этого, на основаніи царскаго повелѣнія 17 іюля 1885 г., Я. былъ высланъ на 3 года въ Западную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи и водворенъ на жительство въ Тобольской губерніи, сначала въ Туринскѣ, затѣмъ въ Сургутѣ. Онъ получалъ здѣсь 6 руб. въ мѣсяцъ казеннаго пособія и небольшое вспомошествованіе отъ отца, которое, кстати сказать, передавалось ему полиціей крайне неаккуратно, съ большими задержками и проволокками, затягивавшимися иногда на нѣсколько мѣсяцевъ кряду.

Спустя 2 года послѣ ссылки Я., престарѣлый отецъ его два раза обращался къ правительству съ просьбой сократить срокъ ссылки сына, но каждый разъ получалъ категорическій отказъ. При этомъ на второе прошеніе Яковлева отца, обращенное имъ къ царю, какъ къ матери, онъ получилъ отвѣтъ, что «мнѣнстерство вн. дѣлъ не признало возможнымъ утруждать государя-императора (?) ходатайствомъ Яковлева».

А вскорѣ подоспѣло и новое «дѣло» противъ ссыльнаго Яковлева. Ему поставили въ вину, что онъ «принимаетъ участіе

въ подачѣ коллективныхъ жалобъ на бездѣйствіе Тобольскаго губернатора и вообще въ дерзкомъ поведеніи ссыльныхъ и за это, по опредѣленію особаго совѣщанія отъ 12 мая 1888 г., его выслали въ Якутскую область, съ увеличеніемъ срока надзора на 2 года.

Пребываніе Я. въ Якутской области тоже оказалось въ политическомъ смыслѣ не совсѣмъ благополучнымъ. Здѣсь въ 1889 г. онъ провинился въ томъ, что, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ссыльными, подписалъ адресъ французскому народу по поводу исполнившагося въ этомъ году столѣтія великой французской революціи. Адресъ этотъ былъ найденъ въ бумагахъ убитаго при такъ называемомъ «вооруженномъ» сопротивленіи якутскихъ ссыльныхъ 22 марта 1889 г. Папія Подбѣльскаго, черезъ посредство котораго, повидимому, предполагалось направитъ пріѣзтъ въ Францію. Дѣло это, впрочемъ, было разрѣшено уже по возвращеніи Я. изъ ссылки на родину: царскимъ повелѣніемъ 21 іюня 1891 г. онъ былъ подвергнутъ за свой преступный пріѣзтъ тюремному заключенію на 1 мѣсяцъ и отбылъ это наказаніе въ Воронежѣ осенью 1891 г. ¹⁾

Когда срокъ якутской ссылки Яковлева лѣтомъ 1890 г. пришелъ къ концу, ему объявлено было о запрещеніи жительства въ столицахъ и, кромѣ того, пребыванія въ теченіи двухъ лѣтъ въ Твери и въ Н.-Новгородѣ «въ виду прежней преступной дѣятельности и въ интересахъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія».

Въ октябрѣ 1890 г. Я. прибылъ изъ Сибири въ Воронежъ и поселился у отца. Въ этотъ свой пріѣздъ Я., пробывъ въ Воронежѣ мѣнѣе года и, отбывъ въ августѣ 1891 г. мѣсячный тюремный срокъ за неудавшуюся попытку общенія съ французскимъ народомъ, немедленно же выѣхалъ въ Новороссійскъ, гдѣ поступилъ табельщикомъ къ инженеру Щенсновичу. Къ этому переѣзду вынудила его невозможность найти для себя въ Воронежѣ сколько нибудь прочной и обезпечивающей работы. Случайные грошевые уроки, случайная же грошевая литературная работа въ маленькой мѣстной газетѣ «Воронежскій Телеграфъ»,—вотъ все, что могъ, въ смыслѣ заработка предоставить въ это глухое время Яковлеву родной городъ.

II

Поднадзорные въ Воронежѣ.—Общая характеристика Я.—ва.—Первая поѣздка за границу.—Интересъ къ Я.—ву со стороны заграничнаго сыска.—Обыскъ.—Въ чужомъ пиру похмелье.—Жандармское лицемѣріе.

Въ это же приблизительно время и я заканчивалъ въ Петербургѣ, въ «Крестахъ», свой тюремный стажъ, растянувшійся

¹⁾ Между прочимъ, по недоразумѣнію, къ счастью, благополучно и во время разрѣшившемуся, директоръ департамента полиціи чуть было не упряталъ Яковлева по этому дѣлу на годъ въ «Кресты». *Вл. Кр.*

на три съ половиною года. Въ декабрѣ 1891 г. я былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и мнѣ предложено было выбрать для себя мѣсто осѣдлости, причемъ предварительно мнѣ показали списокъ 35 городовъ и губерній, въѣздъ въ которые оказался для меня запретнымъ. Выборъ былъ не слишкомъ разнообразенъ, и я, безъ достаточныхъ для этого оснований, остановился на Воронежѣ.

По пути на мѣсто своей новой осѣдлости я успѣлъ въ Москвѣ заручиться адресами людей, пребывавшихъ въ Воронежѣ въ такомъ же почтенномъ, но бездоходномъ званіи поднадзорныхъ «политиковъ», въ какомъ ѣхалъ туда и я. На случай пріисканія заработка В. А. Гольцевъ и Г. А. Мачтетъ снабдили меня кромѣ того рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ воронежскимъ либераламъ, занимавшимъ въ мѣстномъ обществѣ нѣсколько болѣе устойчивое положеніе, чѣмъ поднадзорные «политики».

Небольшой кружокъ воронежскихъ поднадзорныхъ, въ который я вступилъ теперь, произвелъ на меня крайне удручающее впечатлѣніе. Казалось, что я попалъ въ общество людей, которымъ жизнь уже не сулила въ будущемъ ничего неизвѣданнаго, заманчиваго, не открывала передъ ними никакихъ перспективъ. А между тѣмъ это были въ большинствѣ люди молодые, студенты, только недавно еще потерпѣвшіе на своемъ жизненномъ пути нѣкоторую и въ сущности незначительную аварію. Несчастье ихъ заключалось, однако, въ томъ, что вмѣстѣ съ этой личной аваріей терпѣло крушеніе также ихъ міросозерцаніе,—рушились ихъ идеалы, ихъ вѣра въ будущее. И чѣмъ круче подламывала жизнь ихъ старыя вѣрованія, тѣмъ нетерпимѣе относились они ко всѣмъ инымъ мыслящимъ, по сектантски замыкаясь въ свой маленькій тѣсный кружокъ. Они добывали себѣ пропитаніе грошевыми уроками, называли себя радикалами и съ особенной брезгливостью отзывались о мѣстномъ культурномъ обществѣ,—о либералахъ и «либералишкахъ»,—произнося эти слова съ неизмѣнными подчеркиваніями и гримасами.

Послѣ вынужденнаго и длительнаго интеллектуальнаго поста и одиночества я пріѣхалъ въ Воронежъ жадный и къ книгамъ, и къ людямъ. Мой интересъ къ людямъ не могъ ограничиться одними радикалами. Онъ тянулъ меня и къ либераламъ, среди которыхъ въ городѣ оказались интересныя и даже обаятельныя личности. Интересъ къ книгамъ заставлялъ меня иногда цѣлыми днями проводить въ богатой мѣстной публичной библіотекѣ, устроенной тѣмъ же либералами. Тѣмъ болѣе поражала меня въ воронежскихъ радикалахъ ихъ сектантская отчужденность и отъ людей, и даже отъ книгъ. «Что новаго можетъ дать мнѣ книга?»—разъяснялъ мнѣ мое недоумѣніе по этому поводу одинъ изъ воронежскихъ радикаловъ, б. студентъ С.:—«все, что мнѣ надо, я давно знаю, мое міросозерцаніе установилось. А что касается гимнастики, хотя бы и умственной, то до нея я не охотникъ».

И вотъ, въ большомъ губернскомъ городѣ, гдѣ интеллигентный человѣкъ могъ бы, казалось, создать себѣ красивую и интересную жизнь, группа интеллигентовъ какъ будто сознательно прилагала усилія къ тому, чтобы обкорнать и изуродовать свою жизнь. Въ свободное отъ уроковъ время воронежскіе изгнанники ходили другъ къ другу въ гости, пили чай, пиво и водку и, провариваясь въ собственномъ соку, вели между собой нудные, давнымъ давно всѣмъ надоѣвшіе споры. Каждый изъ собесѣдниковъ заранѣе зналъ, что скажетъ и возразитъ ему другой, и было на этихъ сборищахъ тоскливо и мертво.

Года черезъ полтора, когда и до Воронежа докатились новыя вѣянія, когда новыя волны изгнанниковъ прибили къ мѣстнымъ берегамъ социаль-демократовъ студентовъ и даже рабочихъ, положеніе, конечно, рѣзко измѣнилось. Но въ 1892 году атмосфера, наслоившаяся вокругъ кружка воронежскихъ ссыльныхъ, подавляла своей унылой безнадежностью. Люди жили съ какой то беспильной злобой въ душѣ на всѣхъ и на все и умирали съ нею.

Такова была общественная обстановка, въ которой мнѣ впервые привелось столкнуться сначала съ пменемъ Василія Яковлевича Яковлева, а вскорѣ затѣмъ, и съ нимъ лично.

Я пріѣхалъ въ Воронежъ въ январѣ 1892 г., и, слѣдовательно, Яковлева, переѣхавшаго въ Новороссійскъ, уже не засталъ въ городѣ. Но, когда мнѣ становилось особенно тяжело въ спертой атмосферѣ воронежской ссылки, наиболѣе жизнеспособные представители ея утѣшали меня: «потерпите, повремените, — скоро долженъ пріѣхать Яковлевъ». Что собственно должно произойти отъ пріѣзда Яковлева, собесѣдники опредѣленно не указывали, но уже сама по себѣ возможность въ данныхъ условіяхъ ждать какого то Яковлева и надѣяться на него приносила нѣкоторое успокоеніе.

Наконецъ, весною 1892 г. Я. пріѣхалъ, и въ Воронежѣ дѣйствительно стало легче дышать.

Подвижной, чуткій, полный широкаго, разносторонняго и дѣйствительнаго интереса къ жизни, Яковлевъ съ первыхъ же дней пребыванія въ Воронежѣ завелъ знакомства въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ мѣстнаго общества. И вездѣ онъ оказывался желаннымъ гостемъ.

Ораторскими талантами онъ не обладалъ. Въ его рѣчи былъ замѣтный дефектъ, сказывавшійся въ частомъ повтореніи послѣдняго слова фразы. Но собесѣдникомъ онъ былъ интереснымъ, и слушали его всегда охотно. Привлекала не форма, захватывало содержаніе его рѣчей, въ которыхъ, сквозь пронию и сарказмъ, чувствовался паеосъ жизни, заражавшій слушателя и поднимавшій настроеніе послѣдняго. Этотъ паеосъ жизни былъ у Яковлева внѣшнимъ выраженіемъ постоянно присущей ему воли къ творчеству жизни. И въ Воронежѣ онъ оказался бродильнымъ ферментомъ, присутствіе котораго создало въ настроеніи мѣстнаго общества рядъ сложныхъ внутреннихъ процессовъ,

постепенно преобразовавшихъ застоявшіеся тишь да гладь провинціального города.

Воронежъ, какъ, впрочемъ, и вся вообще русская дѣйствительность того времени, не могъ служить подходящей почвой для примѣненія сильнодѣйствующихъ средствъ или, такъ сказать, токовъ высокаго напряженія, къ чему Яковлевъ, по своему темпераменту и по своей политической закваскѣ стараго народо-вольца питалъ особенную склонность. Но если многихъ его единомышленниковъ такое положеніе заставляло безпомощно складывать руки и застывать въ полной безнадежной бездѣятельности, то Яковлевъ съ этой стороны былъ положительно неуязвимъ. Живая общественная работа была его стихіей, въ которой нельзя было даже представить себѣ этого прирожденного, Божіею милостью, политическаго дѣятеля.

Конечно, единственная въ это время (1892—1894 гг.) большая политическая волна, подъ знаменемъ «народопрравства», прокатившаяся по Россіи, не оставила Яковлева равнодушнымъ зрителемъ. Онъ принялъ посильное участіе въ организаціонныхъ работахъ этой политической группы, явившейся раннимъ и, какъ оказалось, нѣсколько преждевременнымъ предтечей союза освобожденія. Съ инициаторомъ «народопрравства» М. А. Натансономъ Яковлевъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ и во всякомъ случаѣ былъ энергичнымъ апологетомъ его метода, который, пользуясь современной терминологіей, можно было бы назвать методомъ политическихъ прорывовъ и обходовъ.

Сколько-нибудь интересное собраніе городской думы, собранія губернскаго земства, засѣданія культурныхъ и просвѣтитель-обществъ,—все это неудержимо влекло къ себѣ Яковлева. Посторонній наблюдатель, облеченный, скажемъ, въ официальную сѣрую шинель или даже не въ столь официальное гороховое пальто, никогда не сопричислилъ бы Яковлева къ соучастникамъ того законнаго сборища, на которомъ онъ запримѣтилъ бы послѣдняго. Въ глазахъ наблюдателя Яковлевъ былъ только случайнымъ посѣтителемъ, публикой,—и ничѣмъ больше. Я увѣренъ, что и въ лѣтописяхъ культурныхъ учреждений Воронежа, добросовѣстно составленныхъ по подлиннымъ документамъ, имя Яковлева будетъ обойдено мочаніемъ.

А, между тѣмъ, мысль о возможности открытія той или иной новой просвѣтительной кампаніи чаще всего зарождалась въ безпокойной головѣ Яковлева.

«А нутка, не двинуть ли еще вотъ такое дѣльце? Надо же, чтобы люди въ кучки собирались, въ кучки»,—говорилъ онъ,—улыбаясь и подчеркивая по обыкновенію одно изъ послѣднихъ словъ фразы. И вслѣдъ за этимъ онъ начиналъ усиленно обхаживать заранѣе намѣченныхъ имъ для этой цѣли нотаблей Воронежа, налаживалъ агитацію на столбцахъ мѣстной прессы и т. д. Когда же «дѣльце», наконецъ, благополучно устраивалось, онъ съ удовольствіемъ потиралъ руки и приговаривалъ: «А намъ, изгоямъ,

теперь пора и въ кусты,—пусть ужъ «они» орудуютъ, а мы издали поглядимъ на нихъ, поглядимъ».

Глядѣть издали значило для Яковлева не смущать наблюдающихъ взоровъ администраціи и не записываться членомъ во вновь учрежденное общество. Но даже «издали» Яковлевъ принималъ близко къ сердцу интересы новаго дѣла и по возможности руководилъ имъ черезъ официальныхъ членовъ общества и комитета. И дѣлалось это такъ тонко и дипломатично, что очень часто люди, явно дѣйствующіе по прямой указкѣ Яковлева, имѣли всѣ основанія искренно думать, что они осуществляютъ свои личныя желанія и инициативу. Здѣсь проявлялась одна характерная для Яковлева черта, за которую мы въ Воронежѣ звали его заговорщикомъ.

Не знаю, гдѣ и когда онъ приобрѣлъ ихъ, въ Сибири или раньше,—но въ Воронежѣ Яковлевъ пріѣхалъ съ рѣзко подчеркнутыми конспиративными навыками. Принципы самой строгой конспираціи онъ настойчиво внѣдрялъ въ сознаніе воронежскихъ «изгоевъ», хотя для этого и не было сколько-нибудь серьезныхъ основаній.

Самъ же онъ въ этомъ отношеніи былъ не только безукоризненъ, но, на нашъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ,—даже грѣшилъ въ обратную сторону чрезмѣрной послѣдовательностью въ проведеніи даннаго принципа. Требуется или совсѣмъ не требуется обстоятельствами даннаго дѣла вносить въ него конспирацію, Яковлевъ велъ себя такъ, какъ будто бы организовывалъ какой-то страшно таинственный заговоръ. Необходимыя по дѣлу бесѣды онъ предпочиталъ вести съ каждымъ непременно по секрету, съ глазу на глазъ. Часто случалось, что, заглянувъ по какому-нибудь общественному дѣлу въ знакомую семью, онъ не заводилъ разговора о дѣлѣ до той поры, пока ему не удавалось улучить подходящий моментъ для конспираціи съ каждымъ изъ супруговъ отдѣльно, хотя и мужъ, и жена уже заранѣе знали, о чемъ будетъ у нихъ рѣчь съ Яковлевымъ. Надъ нимъ нерѣдко острили по поводу его заговорщицкаго способа дѣйствій. Онъ добродушно отшучивался, ни на іоту, однако же, не отступая отъ своей привычки. А въ результатъ эта послѣдовательная, иногда съ наивностью граничившая конспирація сплошь и рядомъ давала добрые плоды. Нашпигованные Яковлевымъ съ глазу на глазъ члены какого-нибудь общества, правленія или комитета, являясь на засѣданія, осуществляли внушенія своего вдохновителя, добросовѣстно убѣжденные въ томъ, что проводятъ въ жизнь ими самими продуманныя и выношенные мысли.

Много времени, энергіи и всякихъ волненій уходило у Яковлева на всѣ эти культурныя предпріятія, въ которыя ему удавалось вовлекать представителей разнообразныхъ слоевъ мѣстнаго общества. Но какъ никакъ, а дѣла-то все-таки выходили маленькія, и результаты отъ нихъ получались тоже маленькіе. Шведилось застоявшееся болото провинціального города, появля-

лась какая-то рябь на застывшей поверхности, а настоящего движения воды все же не было. Ясное, чѣмъ ктонибудь другой, видѣлъ Я. ничтожность получаемыхъ результатовъ, безпоощадно пронизировалъ надъ своей работой, но не бросалъ ее. Лучше хоть видимость общественнаго дѣла, чѣмъ полное отсутствіе его. А другого дѣла пока подъ руками не было,—оно еще только намѣчалось впереди.

Эта характеристика общественной работы Яковлева въ Воронежѣ, набросанная мною въ газетѣ «День», въ видѣ памятной замѣтки въ день первый годовщины его смерти (8 мая 1916 г.), находитъ себѣ полное подтвержденіе въ архивѣ Департамента полиціи. Здѣсь мы находимъ по этому поводу слѣдующую «справку»:

«Изъ агентурныхъ свѣдѣній 3-го дѣлопроизводства усматривается, что Яковлевъ, проживая въ Воронежѣ, успѣлъ завязать прочныя связи, какъ съ мѣстнымъ высшимъ обществомъ, такъ и съ представителями губернской администраціи. Этими связями онъ пользовался для пріисканія занятій и устройства на земской и общественной службѣ многихъ политически неблагонадежныхъ лицъ, преимущественно народовольческаго направленія, а равно для возбужденія въ мѣстномъ обществѣ извѣстнаго рода агитаціоннаго духа, выразившагося, между прочимъ, въ составленіи воронежскими дамами адреса на имя государыни императрицы объ открытіи высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, образованіи комиссіи для народныхъ чтеній и филиальнаго отдѣленія московскаго комитета грамотности, устройства библіотеки въ память Тургенева и т. п.»¹⁾.

Яковлевъ обладалъ завидной памятью. И такъ какъ интеллектуальный интересъ его сосредоточился на вопросахъ развитія политическаго самосознанія родной страны, то въ этой именно области съ особенной отчетливостью и работала его память. Многолѣтняя сибирская ссылка дала ему прочный фундаментъ для дальнѣйшей работы памяти и мысли въ этомъ направленіи. Въ Сибири, встрѣчаясь съ участниками и очевидцами многихъ значительныхъ событій нашей политической исторіи, вступая съ ними въ личныя и письменныя сношенія, Яковлевъ запечатлѣлъ въ своей памяти живую лѣтопись пережитыхъ Россіей борьбы и мукъ за грядущее освобожденіе. Кое-что онъ вывезъ оттуда въ видѣ записей, а то и прямыхъ документальныхъ данныхъ. Очевидно, что интересъ къ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, который впоследствии превратилъ его въ виднаго историка, дѣйственно пробудился въ немъ еще во времена сибирской ссылки. И часто вечерами онъ дѣлился съ нами своими богатыми матеріалами. Съ глубокой признательностью къ его свѣтлой памяти

¹⁾ Библіотека въ память Тургенева въ Воронежѣ нѣтъ. Но есть два филиальныхъ отдѣленія Воронежской публичной библіотеки—Кольцовское и Никитинское,—въ созданіи которыхъ Я. дѣйствительно принималъ дѣятельное участіе.

я вспоминаю объ этихъ вечерахъ. Онъ, какъ будто бы, преобразался. Рѣчь его становилась образной и вдохновенной, и привычныя повторенія словъ казались здѣсь не только умѣстными, но даже нужными: они впаивались въ сознание слушателя, какъ гвозди, которыми законченная и обрамленная картина вколачивалась въ стѣну.

Не однажды послѣ разсказовъ Яковлева поднимался вопросъ о необходимости систематизаціи и использованія для печати собранныхъ имъ матеріаловъ. Мысль о большой исторической работѣ на тему о политическихъ движеніяхъ въ Россіи сильно занимала его. Но время для нея было совсѣмъ не подходящее. Думать о печатаніи подобной работы въ Россіи не приходилось. Для того, чтобы приступить къ работѣ, въ расчетъ на изданіе ея за границей, нужны были средства, которыхъ въ распоряженіи Яковлева не было. Задача вырисовывалась соблазнительная, но неразрѣшимая. И все-таки съ упорной мыслью о ней Яковлевъ готовился къ своей первой заграничной поѣздкѣ.

Онъ выѣхалъ за границу въ іюнѣ 1892 г. и сразу же заинтересовалъ собою парижскаго агента Департамента полиціи П. И. Рачковскаго. Этотъ послѣдній, въ своихъ донесеніяхъ Департаменту, сообщаетъ, что Я. остановился въ Парижѣ у Лазаревича, посѣщаетъ Лаврова, Рубановича, Баранникову, Похитонову и др. Вообще, по отзыву парижскаго охранника, Я.—«несомнѣнный революціонеръ» и, по возвращеніи на родину, долженъ быть подвергнутъ наблюденію.

Встревоженный этими донесеніями, Департаментъ полиціи, съ своей стороны, выслалъ Рачковскому подробное сообщеніе о революціонномъ прошломъ отставнаго поручика Яковлева, распорядился о тщательномъ осмотрѣ его багажа и предписалъ учредить наблюденіе за его корреспонденціей.

Въ концѣ ноября Я. благополучно возвратился въ Воронежъ, причемъ въ Волочискѣ, «при самомъ тщательномъ осмотрѣ, въ багажѣ Я. ничего предосудительнаго найдено не было».

Тѣмъ не менѣе Я. ухитрился, однако, привести съ собою въ Воронежъ изъ-за границы довольно объемистую кипу мелко-исписанныхъ его рукою листовъ все на ту же тему по исторіи политическихъ движеній въ Россіи. Это былъ результатъ его кропотливыхъ исканій въ разныхъ архивахъ заграничной эмиграціи. Это былъ основной фондъ, изъ котораго много лѣтъ спустя, выросли капитальные историческіе труды Богучарекаго.

Я слишкомъ отчетливо помню этотъ драгоцѣнный ворохъ исписанной бумаги, разбираясь въ которомъ проводилъ Яковлевъ свои вечера. Помню потому, что, по моей невольной винѣ, едва-едва не погибъ этотъ ворохъ, а съ нимъ вмѣстѣ могла бы кореннымъ образомъ измѣниться и вся судьба Яковлева.

Дѣло было 14 августа 1893 г. Моя семья переѣхала на дачу. Я оставался въ городѣ, потому что временно несъ обязанности редактора одной изъ мѣстныхъ газетъ. А такъ какъ моя городская

квартира ремонтировалась, то я оказался безъ пристанища. Яковлевъ любезно предложилъ мнѣ устроиться у него. Онъ жилъ въ небольшой комнатѣ, вдоль одной стѣны которой вмѣстѣ съ кроватью вытянулась узкая кушетка. Эта послѣдняя и была предоставлена въ мое распоряженіе. Вечеромъ, когда я, съ редакціоннымъ портфелемъ въ рукахъ, пришелъ къ Яковлеву, онъ уже заканчивалъ дневную работу съ рукописями и, тщательно собравъ ихъ, сложилъ весь ворохъ подъ письменнымъ столомъ. Можно было поболтать. А поболтать намъ было о чемъ, тѣмъ болѣе, что въ эту пору я уже началъ сдавать свои старыя позиціи передъ бурнымъ натискомъ марксизма, а Яковлевъ еще упорствовалъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ бесѣда наша затянулась, какъ говорится, далеко за полночь. Только на разсвѣтѣ мы убѣдили другъ друга посвятить оставшійся досугъ занятію, болѣе соотвѣтствующему моменту. Словомъ, мы заснули.

Но не прошло и часу, какъ оба мы одновременно были разбужены наполнившимъ комнату топаньемъ и шумомъ. Въ комнату вваливалась, какъ сказано въ одномъ изъ рассказовъ Успенскаго, «средиземная эскадра» для производства обыска. И я, и Яковлевъ, мы оба приподнялись на своихъ постеляхъ навстрѣчу «эскадрѣ». Но такъ нестерпимо хотѣлось спать, что я моментально повалился опять на подушку, успокоивъ себя мыслью, что вѣдь, съ обыскомъ то явились не ко мнѣ, а къ Яковлеву. И вотъ я опять сладко засыпаю, но изъ этого пріятнаго состоянія меня немедленно же снова выводитъ первый же заданный незванными гостями вопросъ: «кто здѣсь Кранихфельдъ»?—Я приподнимаюсь на постели и вижу, какъ въ этотъ же моментъ отваливается къ подушкѣ голова Яковлева. Теперь онъ можетъ поспать, гости пришли не къ нему, и онъ избавленъ отъ необходимости разыгрывать роль любезнаго хозяина.

Вѣроятно, эти колебанія нашихъ полусонныхъ настроеній длились очень недолго. Одѣваясь, я случайно взглянулъ подъ столъ, гдѣ въ образцовомъ порядкѣ лежала кipa рукописей Яковлева, и понялъ, что дѣло принимаетъ совсѣмъ нешуточный оборотъ. Посмотрѣлъ на Яковлева,—онъ лежалъ теперь съ открытыми глазами, и когда наши взгляды встрѣтились, мнѣ стало ясно, что наши мысли столкнулись у одного общаго пункта. Мое настроеніе сразу упало. Въ моемъ редакціонномъ портфелѣ, который въ данную минуту составлялъ все мое имущество, ничего предосудительнаго не было. Но, выходя сухимъ изъ приготовленной для меня ванны, я топилъ въ ней хотя бы и помимо своей воли, во 1-хъ работу Яковлева, а съ ней вмѣстѣ и его самого. Потому что, по тѣмъ временамъ, рукописи Яковлева являлись бы достаточнымъ поводомъ для того, чтобы можно было на много лѣтъ изъять его самого изъ обращенія. Я поспѣшилъ подсунуть жандармскому офицеру, производившему обыскъ, свой портфель, и, чтобы выиграть время, просилъ его немедленно же заняться просмотромъ редакціонныхъ рукописей, за которыми скоро долженъ

былъ придти посланный изъ типографіи. Покончивъ съ редакціонными рукописями, офицеръ намѣревался перейти къ рукописямъ Яковлева, которыя давно уже обратили на себя его вниманіе, но я сталъ протестовать противъ дальнѣйшаго производства обыска. Я сказалъ, что всѣ остальные вещи въ квартирѣ принадлежатъ не мнѣ, краснорѣчиво и съ полной искренностью распространился на тему о томъ, что хозяинъ комнаты, любезно предоставившій мнѣ пріютъ, уже достаточно наказанъ за свое гостепримство неожиданнымъ нарушеніемъ его ночного покоя, и что было бы жестоко подвергать его дальнѣйшимъ непріятностямъ похмелья въ чужомъ пиру. Предлагалъ для продолженія обыска отправиться въ мою ремонтируемую квартиру. Офицеръ уже началъ было сдаваться на эту аргументацію, но одна ничтожная случайность испортила положеніе. Случилось такъ, что, стоя въ раздумьѣ у книжной этажерки, онъ протянулъ къ ней руку и первая, попавшаяся ему книга, была моя, о чемъ свидѣтельствовала подпись на обложкѣ. Книгу эту, задолго до обыска, взялъ у меня Яковлевъ для прочтенія.

Офицеръ категорически рѣшилъ продолжать обыскъ.

Рукописи Я. изъ подъ стола переѣхали на столъ, и офицеръ, взявъ верхнюю изъ нихъ, сталъ просматривать ее. Это была одна изъ старыхъ сибирскихъ записей Я. о казни Когана Бернштейна и его товарищей, на основаніи письма невѣсты одного изъ нихъ.

Тутъ ужъ поднялся съ постели Яковлевъ, и общими усиліями намъ удалось уговорить офицера, адъютанта жандармскаго управленія,—пойти на компромиссъ.

Постановлено было, что послѣднее рѣшающее слово о предѣлахъ обыска должно принадлежать начальнику воронежскаго жандармскаго управленія, полковнику Халтулари. Офицеръ собираетъ рукописи безъ предварительнаго ихъ просмотра, запечатываетъ ихъ печатами, казенной и владѣльца рукописей, и въ такомъ видѣ передаетъ ихъ въ жандармское управленіе. А тамъ ужъ полковникъ разсудитъ. Такъ и сдѣлали.

Какъ только «эскадра» удалилась, мы немедленно же собрали маленькій военный совѣтъ изъ ближайшихъ друзей Яковлева. Тщательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, мы рѣшили такъ. Яковлеву отнюдь не слѣдуетъ подвергать себя вторично неопредѣленно-длительнымъ мытарствамъ по тюрмамъ. Необходимо бѣжать за границу. Но такъ какъ полковникъ Халтулари извѣстенъ за человѣка рѣшеній и поступковъ неожиданныхъ, то возможно, что въ рукописи Яковлева онъ и не заглянетъ. Въ этомъ случаѣ бѣгство было бы непростительной ошибкой. Поэтому, благодаримъ всего было бы поступить такъ: Яковлевъ немедленно же выѣзжаетъ въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ, подготавливаетъ все необходимое къ побѣгу, но для принятія окончательнаго рѣшенія ждетъ нашей телеграммы. Сейчасъ же мы ско-

лотили кое-какъ небольшую сумму, нужную для побѣга, и съ ближайшимъ же поѣздомъ Яковлевъ выѣхалъ изъ Воронежа.

Предполагалось, что дѣйствія, которыя предприметъ жандармское управленіе, сами выяснятъ намъ создавшуюся ситуацію. Можно было ожидать, что меня или кого нибудь другого изъ обысканныхъ этой ночью (обысковъ было нѣсколько), вызовутъ въ ближайшіе дни на допросъ, и тогда положеніе такъ или иначе разъяснится. Если рукописи вскрыты, автора ихъ, будутъ, разумеется, искать, о чемъ мы тоже, конечно, узнаемъ.

Однако, дни проходили за днями, а жандармы ни сами не беспокоились, ни насъ не беспокоили. А Яковлевъ, между тѣмъ, сидитъ въ какой-то пограничной дырѣ, тоскуетъ и время отъ времени напоминаетъ о себѣ телеграммами, угрожая вернуться, если не получить отъ насъ опредѣленного отвѣта.

Послѣ одной изъ такихъ угрожающихъ телеграммъ я рѣшилъ самолично отправиться къ Халтулари. Кстатіи же, это былъ человекъ ума не быстрого и не далекаго, и я надѣялся безъ труда проникнуть въ его тайныя намѣренія. Къ несчастью, лично у меня на обыскъ ничего не взяли, а поэтому поводъ для визита въ жандармское управленіе пришлось выдумать.

— Я пришелъ, полковникъ, узнать, на какомъ основаніи вы сдѣлали у меня обыскъ? Вамъ извѣстно, что я занимаюсь газетной работой, стою въ нѣкоторой степени на виду, и эти неожиданныя ночныя посѣщенія прямо-таки неудобны въ моемъ положеніи...

— Я всячески готовъ войти въ ваше положеніе,—отвѣчаетъ полковникъ,—но что же я могу подѣлать? Я получилъ изъ Петербурга телеграмму, указывающую, что въ Воронежѣ распространяются какія-то прокламаціи. Мнѣ предписываютъ, понимаете,—пред-пи-сы-ва-ютъ найти ихъ источникъ. Такъ, гдѣ же мнѣ прикажете искать его? У самого себя, что ли?

Я, конечно, согласился, что обыскивать самого себя нецѣлесообразно, но позволилъ себѣ усомниться въ цѣлесообразности необоснованныхъ обысковъ также и у обывателей. Впрочемъ,—поспѣшилъ я перейти ближе къ цѣли,—меня не столько изумилъ обыскъ у меня, сколько взволновалъ уже совсѣмъ ненужный обыскъ у человѣка только за то, что онъ гостепріимно предоставилъ мнѣ ночлежъ.

— Никто у него обыска не производилъ. Вотъ лежитъ запечатанный пакетъ Яковлева. Скажите ему пусть придетъ и возьметъ.

Тутъ только на указанной полковникомъ полкѣ, я рассмотрѣлъ хорошо мнѣ знакомый пакетъ. Веревки и печати были на своихъ мѣстахъ, и можно было вѣрить, что пакетъ дѣйствительно не вскрывали. Однако, опасаясь ловушки, я предложилъ передать пакетъ мнѣ. Мнѣ неловко, дескать, еще лишній разъ причинять беспокойство Яковлеву, который къ тому же на нѣсколько дней уѣхалъ въ деревню, къ сестрѣ.

Но тутъ ужъ Халтулари рѣшительно отказалъ мнѣ. И я понялъ, что отказалъ онъ безъ всякой задней мысли, а только по своей убѣжденности въ непоколебимость основныхъ принциповъ бумажнаго дѣлопроизводства.

Въ этотъ же день я послалъ Яковлеву условную телеграмму, а дня черезъ четыре онъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ направлялся съ визитомъ къ тому же Халтулари, нацѣпивъ по этому случаю въ петлицу скюртука даже какую-то орденскую ленточку. Это украшеніе я видѣлъ на немъ только единственный разъ въ моей жизни, но знаю, что орденъ или даже ордена онъ получилъ, будучи офицеромъ, за какіе-то особые труды, кажется, научнаго характера.

Провожая Яковлева въ жандармское управленіе, всѣ мы, его друзья, наружно сохраняли полное спокойствіе. Но я лично ждалъ его возвращенія съ большою внутренней тревогой. А что, если Халтулари перехитрилъ меня, и я собственными руками толкнулъ его въ разставленную для него ловушку?!

Къ счастью для меня (да и для меня ли только?), Халтулари оправдалъ мое къ нему довѣріе. И до слѣдующей очередной ломки, которую Яковлеву-Богучарскому пришлось пережить уже много лѣтъ спустя, онъ сохранилъ за собою право жить и работать на родной нивѣ такъ, какъ онъ самъ считалъ полезнымъ и нужнымъ.

Теперь-то я точно знаю, что Халтулари просто полѣнился читать рукописи Яковлева, самый поверхностный просмотръ которыхъ отнялъ бы у него по меньшей мѣрѣ недѣлю времени. А, между тѣмъ, на третій день послѣ обысковъ, докладывая Департаменту о результатахъ ихъ, Халтулари въ частности объ Я. писалъ, что «при производствѣ обыска у В. Л. Кранихфельда, проживавшаго въ одной комнатѣ съ В. Яковлевымъ, пришлось также просмотрѣть вещи послѣднѣго, такъ какъ онѣ были перемѣшаны съ вещами Кранихфельда. Ничего предосудительнаго у Я. обнаружено не было».

Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ только что цитированнымъ донесеніемъ Халтулари находится какъ будто бы его вторая бумага—отъ 10 ноября 1893 г.,—тоже касающаяся Яковлева, но написанная по другому поводу. Воспроизвожу эту бумагу цѣликомъ, потому что она, помимо ея цѣнности для біографіи Я., даетъ между прочимъ основаніе пріоткрыть нѣсколько дверь въ ту область лжи и лицемерія, какія царили во взаимныхъ отношеніяхъ между собою различныхъ жандармскихъ инстанцій.

«25 октября текущаго года, — пишетъ полковникъ Халтулари, — я представилъ на усмотрѣніе Департамента Полиціи брошюру подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи русскихъ соціально-революціонныхъ движеній», съ приложеніемъ къ ней «Съ родины на родину», изданія группы старыхъ народолюбцевъ въ Женевѣ.

«Одна изъ статей брошюры «Съ родины на родину», въ ко-

торой какая то дѣвушка, невѣста неизвѣстнаго мнѣ политическаго преступника, описываетъ послѣднія минуты ея жениха и другого преступника Бернштейна, передъ исполненіемъ надъ ними смертныхъ приговоровъ въ г. Якутскѣ, тогда же показалась мнѣ знакомою, и нынѣ я съ увѣренностью могу сказать, что съ содержаніемъ этихъ писемъ я ознакомился ранѣе, а именно при просмотрѣ писемъ и черновыхъ бумагъ, отобранныхъ у состоящаго подъ негласнымъ надзоромъ полиціи отставнаго поручика Василія Яковлева, при производствѣ у него 14 августа сего года обыска.

Это обстоятельство заставляетъ меня предполагать, что Яковлевъ продолжаетъ вести сношенія съ заграничными революціонными дѣятелями и состоитъ корреспондентомъ періодически издаваемыхъ тамъ брошюръ. Подозрѣніе это, съ другой стороны, находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что Яковлевъ, какъ видно изъ Сообщенія Департамента Полиціи отъ 14 декабря 1892 г. № 6588 въ бытность свою въ Парижѣ, имѣлъ ближайшее общеніе со многими изъ нашихъ эмигрантовъ, и въ томъ еще, что въ брошюрѣ «Матеріалы для исторіи русскихъ социально-революціонныхъ движеній» говорится объ усиленной сыскной дѣятельности чиновъ вѣреннаго мнѣ Управленія, проявленной ими въ 1892 г. и о произведенныхъ въ началѣ 1893 года обыскахъ въ квартирахъ чиновника Муханова и телеграфистовъ братьевъ Оше по дѣлу о храненіи и распространеніи дворяниномъ Колесниковымъ брошюръ преступнаго содержанія.

Въ виду всего вышесказаннаго, я считаю необходимымъ, для достиженія болѣе цѣнныхъ результатовъ секретнаго наблюденія за отставнымъ поручикомъ Яковлевымъ, просить Департаментъ Полиціи разрѣшить мнѣ осмотръ и выемку всѣхъ почтовыхъ конвертовъ, подаваемыхъ въ Воронежскую Почтовую Телеграфную контору для отправки по слѣдующимъ адресамъ: «M. Bokhanovsky, 4, Chemin de la Tour. Genève» и «M. Ellie Reclus, 72, Boulevard de Port-Royal», т. е. только по этимъ адресамъ издательство «Матеріаловъ» приглашаетъ корреспондентовъ изъ Россіи отправлять къ нимъ свои письма».

Изъ этого донесенія вытекаетъ какъ будто бы, что рукописи Я., взятые при обыскѣ у меня, были вскрыты въ жандармскомъ управленіи и тамъ просмотрѣны. Но ясно, что Халтулари въ данномъ случаѣ лжетъ, а о письмѣ онъ «съ увѣренностью» говоритъ только со словъ своего адъютанта, производившаго обыскъ. Если бы рукописи въ жандармскомъ отдѣленіи просматривались, онѣ конечно, не были бы возвращены Яковлеву. Это прекрасно понимаетъ и Департаментъ полиціи, который, въ отвѣтъ на донесеніе немедленно же предложилъ Халтулари представить письма, которыми онъ видѣлъ при обыскѣ. Халтулари вынужденъ былъ отвѣтить Департаменту то, что при обыскѣ мы съ Яковлевымъ не стояли и внушалъ его адъютанту, а именно, что письма эти, какъ относящіяся къ 1890 году, т. е. ко времени пребыванія Я. въ

рсылкѣ и не представлявшія по содержанію своему ничего преступнаго, были тогда же возвращены Я.»

Далѣе Халтулари просить разрѣшенія на выемку писемъ по адресамъ, опубликованнымъ въ «Матеріалахъ». Просьба, о которой можно сказать, что она по меньшей мѣрѣ глупа. По адресамъ, опубликованнымъ въ нелегальныхъ заграничныхъ изданіяхъ, никто, разумѣется, изъ Россіи писемъ не высылалъ. Письма съ такими адресами давались обыкновенно людямъ, уѣзжающимъ за границу, для того чтобы они уже отъ туда пересылали ихъ почтой по назначенію. Въ этомъ смыслѣ Департаментъ полиціи и долженъ былъ бы отвѣтить своему не по разуму усердному слугѣ.

Однако, Департаментъ этого не дѣлаетъ. Надѣвая на себя маску лицемѣрной добропорядочности, онъ строго внушаетъ Халтулари, что «выемка и просмотръ корреспонденціи лица, не привлеченнаго къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, не могутъ быть допущены». И въ этотъ же самый день и часъ, за тою же подписью г.-л. Петрова, Департаментъ поручаетъ завѣдующему чернымъ кабинетомъ д. ст. сов. А. Д. Фомину «учредить наблюденіе за корреспонденціей», посылаемой по сообщеннымъ глупымъ Халтулари адресамъ!

III.

Хлопоты о переѣздѣ въ Москву.—Письмо къ г.-л. Петрову.—Неожиданная услуга провокатора.—Донесенія „Харьковцева“.—Тріумфальный выѣздъ изъ Москвы.

Пока шла эта переписка, имѣвшая для Я. единственнымъ результатомъ усиленіе за нимъ негласнаго наблюденія, онъ получилъ мѣсто секретаря распорядительнаго комитета воронежской сельско-хозяйственной выставки. Работы здѣсь требовалось много, но она увлекала Я., и въ теченіе года онъ занятъ былъ почти цѣликомъ этимъ дѣломъ, къ которому пристроилъ также и многихъ другихъ воронежскихъ поднадзорныхъ. Въ то же время онъ подумывалъ и о литературной карьерѣ, подготавливая себя къ ней усиленнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ, и мечтая, послѣ ликвидаціи выставки, переѣхать въ одну изъ столицъ.

Въ декабрѣ 1894 г. онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи первый опытъ: пріѣхалъ въ Москву. Но московская охранка предложила ему немедленно же покинуть столицу. Изъ Москвы Я. направился въ Петербургъ, явился на пріемъ въ Департаментъ полиціи, но и здѣсь получилъ отвѣтъ, мало его обнадежившій. Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ г.-л. Петрову со слѣдующимъ частнымъ письмомъ (отъ 19-го декабря):

«Ваше Превосходительство!

Прошу извинить меня великодушно въ томъ, что я беру на себя смѣлость побеспокоить Васъ настоящимъ письмомъ, но я позволяю себѣ обратиться къ Вамъ не какъ къ Директору Департамента Полиціи, а просто, какъ къ гуманному и справедли-

тому человеку, что мнѣ лично извѣстно по тѣмъ временамъ, когда Вы занимали должность Начальника Штаба Восточно-Сибирскаго военного Округа, а я начиналъ службу молодымъ офицеромъ въ Амурскомъ казачьемъ войскѣ.

Вы сказали мнѣ вчера, что сомнительно, чтобы мое прошеніе о разрѣшеніи мнѣ проживать въ столицахъ было удовлетворено, т. е. противъ меня имѣются какія-то новыя данныя, «не особенно рекомендующія» мою политическую благонадежность. Каковы бы ни были эти данныя, Ваше Пр-ство, но едва ли инкриминируемые мнѣ поступки имѣютъ подъ собою твердую почву, если, вопреки правилу—*audi alteram partem*, мнѣ не было предоставлено никакой возможности оправдаться во взводимыхъ на меня обвиненіяхъ. Быть не можетъ, чтобы это было такъ! Между тѣмъ право на проживаниеъ въ столицахъ имѣть для меня весьма серьезное значеніе, вслѣдствіе того исключительнаго положенія, въ которое попадаемъ мы, потерпѣвшіе служебное аваріе офицеры въ нашей дальнѣйшей жизни. Вѣдь у насъ нѣтъ профессій: медикъ, юристъ, инженеръ, агрономъ, кто хотѣте, отбывши свой срокъ наказанія, возвращается къ своей прежней спеціальности; студенты имѣютъ возможность просить о дозволѣніи окончить курсъ; одни лишь бывшіе офицеры остаются на всю жизнь не у дѣлъ. Просить о принятіи вновь на службу невозможно: не говоря уже о томъ, что подобныя просьбы едва-ли и могли быть удовлетворены, но года, отвычка отъ дисциплины и особая амальгама, покрывшая за это время весь строй психической организаціи такихъ лицъ, дѣлаютъ разрывъ съ прежними условіями жизни безповоротнымъ, а между тѣмъ надо жить, а слѣдовательно что нибудь дѣлать. Приходится заново создавать себѣ профессію, а это не легко, въ особенности въ провинціи. Лично я, человекъ, не имѣющій никакихъ средствъ къ жизни, брался за всѣ обычные въ моемъ положеніи занятія,—уроки, мелкую литературную работу, всякаго рода случайныя заработки. Проживши четыре года въ Воронежѣ, я испробовалъ многое. Въ ноябрѣ прошлаго года въ средѣ Мѣстнаго Отдѣла Московскаго Общества сельскаго хозяйства возникла мысль объ устройствѣ въ Воронежѣ сельско-хозяйственной выставки, и мнѣ было предложено занять мѣсто секретаря Распорядительнаго Комитета этой выставки. До самаго окончанія этого дѣла, т. е. цѣлый годъ я и занималъ названную должность, и по окончаніи выставки удостоился публичнаго выраженія признательности со стороны с.-х. общества. Предсѣдатель Комитета Губернскій Предводитель дворянства М. А. Веневитиновъ выдалъ мнѣ очень лестный аттестатъ. Его сестра М. А. Косиковская предлагала мнѣ свою помощь въ смыслѣ ходатайства за меня предъ Вашимъ Превосходительствомъ, но мнѣ думалось, что я имѣю теперь всѣ права (мнѣ не было объявлено о запрещеніи жить въ столицахъ), и я не считъ удобнымъ затруднять этимъ дѣломъ г. Косиковскую и безцѣльно беспокоить Васъ.

Выставка кончилась, и мнѣ нужно было снова позаботиться

о присканіи занятій. Для этой цѣли я 10 декабря поѣхалъ въ Москву, думая поддержать кое-какія ранѣе завязавшіяся у меня связи съ литературнымъ міромъ, дабы въ этой области попробовать свои силы, заняться изученіемъ такихъ иностранныхъ языковъ, знаніе которыхъ не особенно распространено (этого нельзя сдѣлать въ провинціи), и переводы съ которыхъ могутъ, слѣдовательно, дать болѣе или менѣе прочный заработокъ, и наконецъ посоветоваться съ врачами, т. к. начинающаяся болѣзнь требуетъ серьезнаго къ ней отношенія. Московское Охранное отдѣленіе не позволило мнѣ жить въ Москвѣ. Тогда я явился въ Петербургъ и подалъ Вашему Пр-ству прошеніе о разрѣшеніи мнѣ жить въ столицахъ. Усмотрѣвши изъ Вашихъ словъ, что надежды на благопріятный исходъ моего прошенія мало, я рѣшился обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ. Въ надеждѣ, что вы не примете этого послѣдняго факта за дерзость, имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

Василій Яковлевъ.

Помнится, Я. придавалъ этому письму большое значеніе, ему именно приписывая свой успѣхъ, когда въ концѣ января 1895 г. онъ получилъ по телеграфу извѣщеніе о разрѣшеніи на 6 мѣсяцевъ жить въ Москвѣ.

На самомъ же дѣлѣ письмо къ генералу Петрову никакого вліянія на успѣхъ его ходатайства не имѣло. И если ему повезло, то причины его удачи лежатъ, какъ оказывается теперь, совсѣмъ въ иной плоскости.

Мы знаемъ, что Я. пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ непосредственно въ Департаментъ полиціи. Явившись туда съ прошеніемъ въ рукахъ, онъ добился приѣма у директора. А по правиламъ Департамента, директору, передъ приѣмомъ посѣтителя приносится въ кабинетъ «дѣло» послѣдняго со справкой о немъ, извлеченной соотвѣтствующимъ чиновникомъ изъ того же дѣла. «Справка» же, поданная директору на этотъ разъ была неблагопріятна для Я.: «Въ виду имѣющихся свѣдѣній о томъ, что Я., находясь въ Парижѣ въ 1892 г., состоялъ въ сношеніяхъ» и т. д.,—чиновникъ, составлявшій справку, навязывалъ директору и логически вытекавшее изъ нея рѣшеніе: «ходатайство оставить безъ послѣдствій». Если Петровъ, принимая Я., перелистывалъ въ то же время и его «дѣло», то послѣднее только подкрѣпляло «справку». Неудивительно, поэтому, что обѣщая «разсмотрѣть» прошеніе, Петровъ не обнадеживалъ Я. удовлетворительнымъ отвѣтомъ. Я. ушелъ изъ Департамента, написалъ Петрову на другой день частное письмо, а въ это время его прошеніе, со справкой вмѣстѣ, пошло по обычнымъ департаментскимъ инстанціямъ. Прежде всего оно поступило въ руки дѣлопроизводителя Г. К. Семикова. Тотъ посмотрѣлъ прошеніе, заглянулъ въ «справку» и совершенно ее аннулировалъ, приписавъ на поляхъ: «Въ виду агентурныхъ соображеній подполковника Бердяева, за-

служивающихъ серьезнаго вниманія, полагалъ бы, по сношеніи съ Ген. Губ-ромъ, разрѣшить жительство на 6 мѣсяцевъ въ Москвѣ».

Съ мнѣніемъ Семякина согласился Зволянский, тогда вице-директоръ Департамента,—и Петрову оставалось лишь подписать приготовленную для него «по дѣлу Яковлева» резолюцію.

Въ чемъ же заключались «агентурныя соображенія» начальника московской охранки, «заслуживающія серьезнаго вниманія»? Въ дѣлѣ ихъ, разумѣется, нѣтъ, но догадаться о нихъ не трудно. Очевидно, въ немногіе дни своего пребыванія въ Москвѣ Я. наскочилъ на провокатора, которому уже не хотѣлось выпускать его изъ своихъ рукъ. Имени этого провокатора тоже нѣтъ въ дѣлѣ, но цѣлый рядъ косвенныхъ соображеній определенно устанавливаетъ его личность.

Получивъ разрѣшеніе на шестимѣсячное проживаніе въ Москвѣ. Я. въ февралѣ 1895 г. покинулъ Воронежъ, не прерывая, однако, съ этимъ городомъ тѣсно установившихся связей. И съ этого времени дѣло Я. начинаетъ обычно пополняться коротенькими записочками, на которыхъ сверху дѣлается надпись: «агентурныя свѣдѣнія». Записки, конечно, анонимны и даже не выдаютъ почерка таинственнаго анонима. Но иногда изъ за анонима выглядываетъ и псевдонимъ сообщившаго эти свѣдѣнія автора. Потому что на нѣкоторыхъ запискахъ сбоку приписано: «доставлено Харьковцевымъ». По характеру записокъ ясно, что авторомъ всѣхъ ихъ является этотъ самый «Харьковцевъ», — такова охранная кличка провокатора, вѣдшагося отнынѣ въ своего кліента.

Время отъ времени Московская охранка или непосредственно Департаментъ полиціи составляли изъ этихъ записокъ Харьковцева сводки, которыя, въ видѣ особыхъ докладовъ, предложеній и предписаній, давали дѣлу Яковлева «дальнѣйшее движеніе».

Привожу здѣсь, въ краткомъ извлеченіи, двѣ такихъ сводки, относящихся къ іюню 1895 г., и составленныхъ въ формѣ предложеній Департамента Полиціи московскому оберъ-полицеймейстеру А. А. Власовскому:

1) отъ 1-го іюня:

«Изъ весьма достовѣрнаго агентурнаго источника получены свѣдѣнія, что извѣстный Вашему Превосходительству Яковлевъ задумалъ издавать періодическій революціонный органъ, народовольческаго направленія, предполагаетъ для печатанія газеты утилизировать дѣйствующую уже въ теченіе 4-хъ лѣтъ, хорошо законспирированную народовольческую типографію. Намѣреваясь дѣлательно повести переговоры въ этомъ направленіи, Яковлевъ въ половинѣ іюня оставилъ на мѣсяцъ Москву и поѣдетъ куда-то въ провинцію, къ знакомому человѣку, близко стоящему къ «типографской группѣ», дабы черезъ его посредство войти въ сношенія съ этимъ кружкомъ. Въ виду чрезвычайной серьезности этого указанія, и необходимости точно установить

какъ личность знакомаго, къ которому поѣдетъ Яковлевъ, такъ и тѣхъ лицъ, съ которыми онъ войдетъ въ сношенія черезъ посредство этого знакомаго, представляется необходимымъ послать за Яковлевымъ наблюдение изъ наиболѣе опытныхъ филеровъ и въ достаточномъ количествѣ, дабы, не упуская самаго Яковлева изъ виду, представилось возможнымъ учредить временное наблюдение за лицами, которыхъ Яковлевъ укажетъ наблюдению во время своей поѣздки».

Это же предложеніе Департамента вскрываетъ одну интереснѣйшую подробность въ техникѣ темнаго охраннаго дѣла. Оказывается, что наличность умѣлаго провокатора даетъ охранѣ хорошую экономію, устраняя необходимость содержать въ томъ или иномъ мѣстѣ часто безтолковую и всегда дорого стоящую организацію филеровъ. И теперь, заручившись провокаторомъ, который прочно держитъ Яковлева въ своихъ цѣпкихъ лапахъ, Департаментъ находитъ, что «въ видахъ нѣкоторой экономіи въ людяхъ и расходахъ», полезно «прекратить на нѣкоторое время наблюдение въ Воронежѣ» и отозвать оттуда «всѣхъ находящихся тамъ людей», потому что «общее направленіе дѣятельности Воронежской группы извѣстно до нѣкоторой степени Д-ту изъ агентурнаго источника». И въ самомъ дѣлѣ, «Харьковцеву» не было особенной надобности самому бывать въ Воронежѣ для того, чтобы имѣть достаточно подробныя свѣдѣнія о «воронежской группѣ». О ней онъ въ любую минуту могъ получить нужныя свѣдѣнія, какъ отъ самого Яковлева, такъ и отъ его воронежскихъ друзей, главнымъ образомъ студентовъ, которые, не теряя связи съ Воронежемъ, мѣсяцами проживали и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и съ которыми Яковлевъ не преминулъ познакомиться «Харьковцева». Впрочемъ, въ августѣ этого же 1895 г. «Харьковцевъ» счелъ полезнымъ лично произвести генеральный смотръ «воронежской группѣ» на мѣстѣ. Но объ этомъ послѣ; а пока просмотримъ вторую сводку агентурныхъ свѣдѣній о Яковлевѣ, произведенную Департаментомъ полиціи 7-го іюня:

2) «Въ Д-тѣ полиціи—читаемъ мы здѣсь—получены достоверныя агентурныя указанія, что одинъ изъ уцѣлѣвшихъ представителей партіи «народнаго права», оставшійся въ настоящее время еще не обнаруженнымъ, будучи на дняхъ въ Москвѣ, имѣлъ свиданіе съ Яковлевымъ. При свиданіи этомъ упомянутое лицо заявило, что типографія народоправцевъ вновь установлена, и осенью выпуститъ первую работу, самая же партія принимаетъ новое названіе «Тайнаго общества группы народоправцевъ» и нѣсколько измѣняетъ свою программу въ смыслѣ большей демократизаціи и переноса центра тяжести на рабочій пролетаріатъ. Яковлевъ, не выразилъ, однако, желанія воспользоваться для своего будущаго органа существующей народоправческой типографіей и остается при намѣреніи вступить въ сношенія съ дѣйствующей гдѣ-то въ Имперіи народовольческою группою. Последняя, будто бы, въ настоящее время не можетъ проявить особой дѣятель-

ности, т. е. хорошо законспирировавъ свою типографію, боится провала, почему и не имѣетъ вокругъ типографіи надлежащей организации. Создать таковую и намѣренъ Яковлевъ, въ случаѣ, если сойдется съ указанною народовольческою группою. Органъ Яковлева и группа, которую онъ хочетъ создать будутъ носить названіе «Тайнаго общества социального прогресса и развитія» и стремится къ объединенію различныхъ революціонныхъ кружковъ на почвѣ социализма».

Насколько я могу припомнить теперь, возобновляя въ памяти давнишніе разговоры съ Я., во всѣхъ этихъ планахъ, о которыхъ съ такими подробностями былъ ознакомленъ и «Харьковцевъ», было больше отъ мечты Я., чѣмъ отъ подлинной, оправдавшейся послѣдующими фактами дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе въ первый же выѣздъ Я. изъ Москвы, состоявшійся 20 іюля, полиція устроила ему настоящій охранно-филерскій триумфъ.

Нѣсколько филеровъ приставлено было наблюдать за всѣми приговорами Я. къ побѣдкѣ. Они выяснили, что Я., ликвидируя свою московскую квартиру, вещи перевезъ къ тому то, а книги къ тому то. Затѣмъ, взявъ билетъ до Новочеркасска, онъ отправилъ багажъ свой въ Воронежъ. Все это, очевидно, представлялось охранкѣ въ высокой степени подозрительнымъ и вполне подтверждающимъ конспиративные замыслы Я. И когда Я. сѣлъ въ вагонъ, вмѣстѣ съ нимъ отправились три филера, во главѣ съ одной изъ лучшихъ ищеекъ охранки—коллегск. секр. Мѣдниковымъ ¹⁾. Трое другихъ филеровъ выѣхали въ Воронежъ сутками ранѣе.

А Яковлевъ, между тѣмъ, направлялся, съ небольшими останками въ Воронежъ и Новочеркаскъ, прямехонько на ст. Минеральныя Воды, гдѣ намѣревался лѣчиться отъ обострившагося сочленоваго ревматизма. Слѣжки за собой онъ не подозрѣвалъ и истинной цѣли своего отъѣзда изъ Москвы ни отъ кого не скрывалъ. Напротивъ, съ пути онъ послалъ даже въ Департаментъ полиціи новое прошеніе, гдѣ указывалъ, почему онъ не провелъ въ Москвѣ всего разрѣшеннаго ему шестимѣсячнаго срока, и снова просилъ разрѣшить ему постоянное жительство въ столицахъ. На этомъ прошеніи Департаментъ положилъ лицемѣрно условную резолюцію: «разрѣшить жительство въ Москвѣ еще въ теченіе 6 мѣсяцевъ, объявивъ ему, что если ничего предосудительнаго замѣчено не будетъ, то ему будетъ дозволено постоянное жительство».

Лицемѣріе этой резолюціи заключается въ самой ея условности. Ибо теперь, выжимая изъ Яковлева, при помощи «Харьковцева», цѣнныя для себя свѣдѣнія, Департаментъ не будетъ,

¹⁾ Этотъ Мѣдниковъ, о сыскныхъ подвигахъ котораго по политической части, имѣется въ б. московск. охран. отдѣленіи довольно объемистая рукопись диффамбическаго характера, выдавался изъ простыхъ филеровъ и въ описываемое время состоялъ руководителемъ особаго филерскаго „Летучаго Отряда“. В.А. Кр.

разумѣтся, спѣшить съ репрессіями противъ него даже въ случаѣ «предосудительнаго» поведенія его.

IV.

Опять въ Воронежѣ. — Нѣкто таинственный посѣщаетъ городъ. — Раскрытіе псевдонима Харьковцева — Провокаторъ за работой.

Окончивъ курсъ леченія на Кавказѣ, Я. направился назадъ въ Москву, снова задерживаясь на короткое время въ Воронежѣ. По одному случайному, но очень мнѣ памяtnому поводу, къ которому между прочимъ, мнѣ приходилось не разъ возвращаться въ бесѣдахъ о Яковлевѣ съ нѣкоторыми нашими общими друзьями, я знаю, что въ упоминаемые дни остановка Я. по пути съ Кавказа въ Москву, Воронежъ посѣтило одно до чрезвычайности конспиративное лицо. Руководимое Яковлевымъ, лицо это познакомилось со многими представителями «воронежской группы», было и у меня на квартирѣ, но въ мое отсутствіе, и затѣмъ куда то отбыло. Кто это лицо, никто изъ видѣвшихъ его, не зналъ, но для всѣхъ было ясно, что это лицо облечено гдѣ то и кѣмъ то особымъ довѣріемъ, что оно очень многое знаетъ, и еще больше дѣлаетъ по какой то революціонной части.

И вотъ теперь, просматривая архивъ б. московской охраны, я натыкаюсь въ одномъ изъ дневниковъ воронежскихъ филеровъ на слѣдующую запись подъ датой 25 августа 1895 г.: «Яковлевъ (кличка Борода) присутствовалъ на аукціонѣ библиотеки Орлова, откуда на извозчикѣ отправился на квартиру Кранихфельда; черезъ полъ часа Яковлевъ вышелъ оттуда съ запаснымъ рядовымъ, изъ купеческихъ дѣтей, Михаиломъ Ивановичемъ Гуровичемъ и поѣхалъ съ нимъ въ гостиницу Грандъ-Отель». Здѣсь Гуровичу нанесли визиты нѣкоторые изъ мѣстныхъ поднадзорныхъ; затѣмъ Гуровичъ вышелъ проводить Яковлева, причемъ добросовѣстный филеръ не преминулъ отмѣтить, что, разставаясь съ Я., Гуровичъ остановился и проводилъ его долгимъ и пристальнымъ взглядомъ. Вечеромъ Гуровичъ отбылъ въ Москву.

Вотъ узелъ такимъ образомъ и распутывается: таинственная и особымъ довѣріемъ революціи облеченная особа, прибывшая въ Воронежъ въ августъ 1895 г. для закрѣпленія съ нимъ конспиративныхъ связей, оказывается самымъ достопочтеннѣйшимъ Михаиломъ Ивановичемъ Гуровичемъ, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, оказывается никѣмъ инымъ, какъ агентомъ-провокаторомъ «Харьковцевымъ». въ теченіи многихъ лѣтъ систематически эксплуатировавшимъ имя, а также общественныя, литературныя и личныя связи Яковлева.

Нѣсколько лѣтъ спустя, получивъ право жительства въ столицахъ, я познакомился въ Петербургѣ у Яковлева съ Гуровичемъ, вплоть до послѣднихъ дней не подозревая, что онъ нѣкогда былъ у меня на квартирѣ въ Воронежѣ. Гуровичъ сразу же произвелъ на меня отвратительное впечатлѣніе, и впоследствии, когда

его провокаторская роль была, наконецъ, разоблачена, Я. не могъ не признать, что провокаторъ-Гуровичъ лежитъ большимъ бременемъ на его политической совѣсти. Дѣло въ томъ, что Я. зналъ Гуровича изъ временъ сибирской ссылки, зналъ съ весьма непривлекательной, въ этическомъ смыслѣ, стороны. Но встрѣтивъ его въ 1895 г. въ Москвѣ, кстати сказать, перекрасившимся изъ рыжаго въ черный цвѣтъ, Я. переоцѣнилъ политическій вѣсъ Гуровича. И для того, чтобы сохранить въ немъ активного революціоннаго дѣятеля, заставилъ себя забыть о позорныхъ проступкахъ его противъ элементарной морали въ прошломъ.

И вотъ Иуда впился въ тѣло своего великодушнаго благодѣтеля, и на немъ сталъ строить свою гнусную карьеру. Кстати замѣтить здѣсь, что экстренное и таинственное появленіе Гуровича въ Воронежѣ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что во время поѣздки Я. на Минеральныя воды Гуровичъ успѣлъ побывать за границей, откуда привезъ Яковлеву порученія отъ Марины Ашаниной и другихъ эмигрантовъ. За границу же Гуровичъ отправился съ рекомендательными письмами отъ Яковлева къ нѣсколькимъ виднымъ эмигрантамъ. Онъ побывалъ въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ и, конечно, во всѣхъ подробностяхъ ознакомилъ съ результатами своей поѣздки Д-ть полиціи раньше, чѣмъ Яковлева.

Вскорѣ вслѣдъ за Гуровичемъ-Харьковцевымъ выѣхалъ изъ Воронежа въ Москву и Яковлевъ.

Наружная московская полиція, не побуждаемая охранкой, потеряла теперь всякій интересъ къ своему бывшему кліенту. Изъ дѣлъ московской охраны навсегда уже исчезаютъ наивныя донесенія приставовъ, какія поступали отъ нихъ въ первые наѣзды Я. въ Москву, въ родѣ слѣдующаго: «Проживая (въ гостиницѣ «Сѣверъ», по Тверской ул.), ничѣмъ не занимался. Вставалъ около 12 ч. дня и ежедневно уходилъ до 8 ч. вечера неизвѣстно куда; возвращаясь, читалъ».

Теперь охранка прекрасно освѣдомлена о занятіяхъ Я. Она знаетъ, что «прибывъ въ началѣ 1895 г. въ Москву, Я. сталъ заниматься литературной дѣятельностью, написавъ по порученію издательской фирмы «Исторію Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, предназначенную для народа». Она знаетъ, что Я. «примкнулъ къ существующему въ Москвѣ обществу переводчиковъ», преслѣдующему цѣль переводить на русскій языкъ исключительно легальныя иностранныя сочиненія съ революціонной подкладкой, какъ напримѣръ, «Старый порядокъ, Токвиля».

Съ возвращеніемъ Я. въ Москву послѣ лѣчебнаго курса на Кавказѣ, Гуровичъ-Харьковцевъ обнаруживаетъ въ своей провокаціонной освѣдомительной работѣ особенную экспансивность. Чувствуется, какъ будто онъ желаетъ загладить передъ начальствомъ свой промахъ по созданію той охранной шумихи, какою сопровождался выѣздъ Я. на Минеральныя Воды.

Прежде всего Гуровичъ постарался, разумѣется, использовать свою воронежскую поѣздку, сдѣлавъ рядъ доносовъ на мѣст-

ныхъ знакомыхъ Я. Затѣмъ онъ съ расточительною щедростію забрасываетъ охранку сообщеніями о всѣхъ шагахъ Я., о его революціонныхъ планахъ, помогая осуществленію послѣднихъ личными субсидіями, или во всякомъ случаѣ предъявляя охранкѣ свои счета на нихъ.

За сентябрь 1895 г. въ архивѣ Департамента полиціи сохранились три письменныхъ доноса Харьковцева, которыя я и воспроизвожу здѣсь въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ:

1) ¹⁾ Поѣздка Бороды въ Саратовъ и Казань затянулась, благодаря, какъ хлопотамъ о транспортахъ, такъ и срочной работѣ, полученной имъ отъ Вахтерова. Маршрутъ предполагается слѣдующій: въ Саратовъ, вернуться въ Рязань, повидаться съ Милюковымъ, а затѣмъ проѣхать въ Казань. Въ дорогѣ пробудетъ 3 недѣли. Нужно не 60, а 100 руб., кои мною и выданы. Пріятель и сослуживецъ Венцеля по Думѣ, Григорьевъ (зять Вернера) предлагаетъ Бородѣ занятія въ участковыхъ попечительствахъ о бѣдныхъ, по обработкѣ статистическаго матеріала по 100 руб. въ мѣсяцъ».

2) «Въ субботу, 16-го сентября, Борода былъ у Муриновыхъ, ²⁾ заставъ ихъ за чтеніемъ только-что полученныхъ ими новинокъ: 1. выпедшаго въ минувшемъ юлѣ изданія группы народовольцевъ, имѣющаго видъ брошюры, похожей на «Насущный вопросъ»: содержаніе ея—популярное изложеніе социализма, приправленное агитаціоннымъ перцемъ; предназначено для рабочихъ; 2. отпечатанной на пишущей машинкѣ какой-то брошюры, изданной группой народовольцевъ въ духѣ предыдущей; въ ней помѣщены матеріалы по исторіи русскаго и заграничнаго революціоннаго движенія, со свѣдѣніями объ имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время стачкахъ и забастовкахъ.

«Послѣ рѣчи 17-го Января въ квартирѣ Кабанова или Виноградова состоялось собраніе, на которое, кромѣ профессоровъ, былъ приглашенъ и графъ Л. Толстой. На предложеніе присутствовавшихъ послать Его Величеству Государю Императору петицію съ протестомъ на его слова, Толстой заявилъ, что присутствующіе, вѣроятно, дѣла съ петиціей не доведутъ до конца, онъ же привыкъ принимать участіе лишь въ томъ, что доводится до конца; что подъ должной петиціей, которую онъ бы составилъ, едва-ли кто-либо изъ нихъ подписался-бы. Затѣмъ, по поводу редакціи петиціи Толстой выразился: «Зачѣмъ обращеніе «Ваше Величество»? Развѣ онъ заслуживаетъ своей рѣчью «Величества»? Ему надо напомнить, что онъ говоритъ не передъ эскадрономъ, а передъ представителями всѣхъ земствъ! языкъ же его годится

¹⁾ Это первое сентябрьское сообщеніе Харьковцева является, очевидно, дополненіемъ и поправкой къ сдѣланному имъ раньше словесному доносу. Рѣчь идетъ здѣсь, повидимому, все о той же народовольческой типографіи, которую Департаментъ полиціи расчитывалъ выслѣдить еще при поѣздкѣ Я. на Кавказъ.

Вл. Кр.

²⁾ Василій Яковлевичъ Муриновъ—литераторъ, хорошій знакомый Я.

единственно для юнкеровъ. Надо начать просто: «Николай Александровичъ!»

Толстому возражали въ томъ смыслѣ, что не всѣ легальныя средства еще испробованы, и такой приемъ поведетъ лишь къ тому, что петиція со всѣми подписями очутится въ Охранномъ Отдѣленіи. «А развѣ я, продолжалъ гр. Толстой, не съумѣю написать новую петицію? Пожалуйста только Вы, господа, ко мнѣ на квартиру подписать мою петицію!»

«И кто же былъ самый горячій иниціаторъ этого собранія? Угадайте!» сказалъ Борода. «Муриновъ! Но Вы ему не говорите ничего, что Вы это знаете!»

3) «Яковлевъ отъ кого-то узналъ (видимо отъ М. Н. К...) ¹⁾, что въ Варшаву можно транспортировать на имя какого-то семейнаго чиновника, изъяснявшаго и ранѣе на это свое согласіе, при условіи исключительно личныхъ переговоровъ и отсутствія какой-либо переписки. Для переговоровъ отправится вѣроятно, М. И. К. (Мопка). Въ Вильну можно транспортировать на какую-то барыню, у которой недавно умеръ мужъ, и которая, задавшись цѣлью, выяснить, насколько она чиста въ глазахъ полиціи, будетъ проживать въ Москвѣ до 25 сего мѣсяца. Если до октября не устроится дѣло съ Варшавой, то предполагаютъ воспользо-ваться поѣздкой въ Парижъ какого-то Воронежскаго офицера (вѣроятно, поруч. Коротоякскаго батальона Мазуренко ²⁾), отправляющагося въ 4-хъ мѣсячный отпускъ для слушанія лекцій въ Парижскомъ университетѣ. Если поступить въ университетъ ему удастся, то военную службу онъ предполагаетъ оставить; въ противномъ случаѣ, по окончаніи отпуска вернется обратно».

Вл. Кранихфельдъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ М. Н. К-ая, принимавшая участіе въ революціонномъ движеніи, была знакомою Я. *Вл. Кр.*

²⁾ Семенъ Петровичъ Мазуренко—впослѣдствіи видный дѣятель Крестьянскаго Союза *Вл. Кр.*

Архивный Документъ.

Дѣло департамента полиціи о надписяхъ нелегальнаго содержанія на стѣнахъ общественнаго ретирода въ городѣ Петровскѣ, обв. по 103 и 129 ст. ст. Угол. Улож.

Къ этому дѣлу № 1327, 1913 г., относятся слѣдующіе документы:

I.

Секретно.

Увѣдомленіе о возбужденіи дознанія.

Лит. А.

- 1) Наименованіе дознанія. О надписяхъ нелегальнаго содержанія на стѣнахъ общественнаго ретирода въ гор. Петровскѣ.
- 2) Время возбужденія дознанія. «29» Августа 1913 г.
- 3) Мѣсто возбужденія и производства г. Петровскъ Саратовской губерніи.
- 4) Кто производитъ дознаніе и кто наблюдаетъ за производствомъ дознанія лицо Прокурорскаго Надвора Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Ротмистръ Бурдюговъ подъ наблюдениемъ Товарища Прокурора Саратовскаго Окружнаго Суда Аглинцева.
- 5) Основанія возбужденія дознанія Предложеніе Прокурора Саратовскаго Окружнаго Суда основанное на сообщеніи мѣстной полиціи, что на стѣнахъ общественнаго ретирода въ г. Петровскѣ сдѣланы оскорбительныя для Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государины Императрицы карандашныя надписи. Лица сдѣлавшія означенныя надписи негласнымъ разслѣдованіемъ не выяснены.
- 6) Статья Уголовнаго Уложенія, по признакамъ которой возбуждено дознаніе. 103 и 129 ст.ст. Уголовнаго Уложенія.

Начальникъ Саратовскаго Губернскаго
Жандармскаго Управленія
Полковникъ *Комиссаровъ.*

№ 1620.

29-го Августа 1913 г.

Въ Департаментъ Полиціи.

II.

Лит. Г.
Секретно.

Увѣдомленіе
объ окончаніи дознанія.

- 1) Время и № представленія лит. А «29» Августа 1913 г. за № 1620.
- 2) Время окончанія дознанія «11» Сентября 1913 г.

- 2) Время и № препровожденія дознанія Прокурорскому надзору (переписки по охранѣ—Губернатору) «18» Сентября 1913 г. за № 1731 Прокурору Саратовскаго Окружнаго Суда.

- 4) Число обвиняемыхъ $\left\{ \begin{array}{l} \text{подъ стражей} \\ \text{на свободѣ} \end{array} \right.$ Дознаніе направлено примѣнительно къ 277 ст. Уст. Угол. Суд.

(Поименный списокъ обвиняемыхъ и) опись вещественныхъ доказательствъ при семъ прилагаются.

Начальникъ Саратовскаго Губернскаго
Жандармскаго Управленія

Полковникъ *Комиссаровъ.*

№ 1782. ~
„18“ Сентября 1913 г.
Въ Департаментъ Полиціи.

III.

О п и с ь

**вещественнымъ доказательствамъ приложеннымъ къ
настоящему дознанію.**

№	Названіе вещей и бумагъ	№ стран.
---	-------------------------	-------------

Препровожденнымъ при отношеніи Полицейскаго Надзирателя 1 части г. Петровска отъ 31 Іюля 1913 г. за № 187.

1	Кусокъ сосновой доски размѣромъ: длина 31 сантиметръ, ширина 14 сантиметровъ и толщина $2\frac{1}{2}$ сент., на доскѣ съ обѣихъ сторонъ надписи карандашомъ, съ одной стороны: «Емперитрица Сашка торгуетъ въ кобоке царь николашка въ»—съ другой стороны доски имѣется надпись безнравственного содержанія къ дѣлу не относящаяся.	9
2	Кусокъ такой-же доски, длиною $14\frac{1}{2}$ сантиметровъ, шириною $14\frac{1}{2}$ сантим. и толщиною $2\frac{1}{2}$ сантиметра, на доскѣ на обѣихъ сторонахъ надписи карандашомъ, съ одной: « монархію, Да здравствуетъ революція»—съ другой стороны части словъ безнравственного содержанія, къ дѣлу не относящихся.	9
3	Кусокъ такой-же доски длиною $20\frac{1}{2}$ сантиметровъ, шириною $11\frac{1}{2}$ сантиметровъ и толщиною $2\frac{1}{2}$ сантиметра. На доскѣ съ одной стороны надпись карандашомъ: «Долой тирана Царя».	9

Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ

Ротмистръ *Бурдюговъ*.

IV.

НАЧАЛЬНИКЪ
Саратовскаго
губернскаго
Жандармскаго
Управленія.

Секретно.

26 Января 1914.

№ 135.

Г. Саратовъ.

*Къ Лич. Г. отъ 18 Сен-
тября 1913 года
за № 1732.*

Докладываю, что произведенное при
въѣзденномъ мнѣ Управленіи дознаніе по
дѣлу объ обнаруженныхъ 29 Іюля 1913 года
на стѣнахъ отхожаго мѣста на базарной пло-
щади г. Петровска надписяхъ, заключаю-
щихъ въ себѣ признаки преступленія, пре-
дусмотрѣннаго 103 и 129 ст. Угол. Улож., Са-
ратовскимъ Губернскимъ Совѣщаніемъ въ
засѣданіи отъ 23 сего января, за необна-
руженіемъ виновныхъ, дальнѣйшимъ про-
изводствомъ прекращено.

Полковникъ Комиссаровъ.

Въ Департаментъ Полиціи.

Дѣло Зинаиды Коноплянниковой.

Исторію убійства генерала І. Мина обвинительный актъ рисуетъ въ слѣдующихъ чертахъ:

«13 августа сего года, въ 8 часовъ 7 минутъ вечера, на станціи «Новый Петергофъ» неизвѣстнаго званія и имени женщиною былъ убитъ нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера системы «Браунингъ», командиръ Л. Гв. Семеновскаго полка свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Минъ.

«При производствѣ по сему дѣлу предварительнаго слѣдствія изъ показаній свидѣтелей корнетовъ Л. Гв. Уланскаго Ея Величества полка Мешетича, Скалона и Крупенскаго І-го, артиста придворнаго оркестра Петрова, жандармскаго унтеръ-офицера Свиридова, старшаго врача 148 пѣхотнаго Каспійскаго полка коллежскаго совѣтника Денисова, окружного врача Дворцоваго управленія статскаго совѣтника Лебедева, фармацевта Кюммеля, служащихъ на станціи крестьянъ Рябова и Дубкова, жены діакона Передольской и крестьянъ Петровскаго уѣзда Матвѣя, Петра, Екатерины и Маріи Мозолайненъ выяснилось слѣдующее.

«1 Іюля пріѣхалъ въ Новый Петергофъ мѣщанинъ Василій Ивановичъ Страховъ и поселился въ дер. Луизино въ домѣ крестьянъ Петра и Екатерины Мозолайненъ, который заявилъ, что онъ позолотчикъ и поселился на дачѣ по совѣту врачей. Жизнь Страховъ велъ уединенную и, по словамъ жившей въ томъ же домѣ г-жи Передольской, любимымъ его времяпрепровожденіемъ было сидѣть на скамейкѣ передъ домомъ и смотрѣть на дачу генерала Мина, находившуюся наискось отъ дома Мозолайненъ.

«31 Іюля въ ту же дер. Луизино пріѣхала молодая дама и нашла комнату въ домѣ Матвѣя Мозолайненъ. Дама эта предъявила паспортъ на имя крестьянки Софіи Ивановны Ларіоновой и заявила своимъ хозяевамъ, что она учительница и пріѣхала въ Петергофъ хлопотать о мѣстѣ въ мѣстномъ народномъ училищѣ. 6 августа именовавшая себя Ларіоновой пришла къ Екатеринѣ Мозолайненъ и попросилась столноваться у послѣдней. Екатерина сначала не соглашалась на это, но находившійся тутъ-же Страховъ уговорилъ ее. Были ли Страховъ и Ларіонова знакомы между собою до этого дня, Екатерина Мозолайненъ не знаетъ, но съ этпхъ поръ Ларіонова стала проводить большую часть дня у нея въ домѣ въ разговорахъ со Страховымъ.

«Въ воскресенье, 13 августа Ларіонова провела по обыкновению большую часть дня въ домѣ Екатерины Мозолайненъ, а въ 8-мъ часу вечера Страховъ и Ларіонова ушли оттуда и больше обратно уже не возвращались.

«Куда скрылся Страховъ, слѣдствіемъ не обнаружено. Что же касается до женщины, проживавшей по паспорту Ларіоновой, то слѣдствіемъ установлено, что она пришла на станцію «Новый Петергофъ» и стала ходить по тому перрону, у котораго останавливаются поѣзда отправляющіеся въ Петербургъ.

«Около 8 часовъ вечера къ этой же станціи подошелъ генералъ Минъ, съ женою и дочерью, вышелъ тоже на перронъ отправляющихся въ Петербургъ поѣздовъ и, придя въ конецъ перрона, сѣлъ на послѣдней скамейкѣ. Спустя нѣсколько минутъ подошелъ поѣздъ изъ Ораніенбаума, и находившаяся на перронѣ публичка двинулась къ вагонамъ. Генералъ Минъ тоже сдѣлалъ движеніе, чтобы встать и идти къ вагону, но въ это время женщина, именовавшая себя Ларіоновой, подошла сзади къ скамейкѣ, на которой сидѣлъ генералъ, и въ упоръ произвела ему въ спину нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера браунинга, причинивъ ему этимъ выстрѣлами въ области лѣвой лопатки и поясицы четыре раны, отъ которыхъ генералъ Минъ спустя нѣсколько минутъ тутъ же на вокзалѣ скончался. Произведя эти выстрѣлы и видя, что генералъ Минъ упалъ на полъ, именовавшая себя Ларіоновой направилась въ толпу, повидимому, съ намѣреніемъ скрыться, но находившійся неподалеку сторожъ Дубковъ подбѣжалъ къ ней и вырвалъ у нея браунингъ, а вслѣдъ за нимъ подбѣжалъ артистъ г. Петровъ, г-жа Минъ, жандармы Свиридовъ, корнеты Мешетичъ, Скалонъ и Крупенскій и задержали эту женщину. При задержаніи именовавшая себя Ларіоновой не сопротивлялась, а только сказала: «тише, не тискайте, у меня есть бомба». Дѣйствительно, въ карманѣ надѣтаго на ней сака оказался завернутый въ бумагу тяжелый свертокъ, который по пзслѣдованіи оказался снабженной двумя ударными запалами жестянкой, заключавшей въ себѣ около 4-хъ фунтовъ гремучаго студня.

«По показанію задержавшихъ ее лицъ, именовавшая себя Ларіоновой женщина послѣ совершеннаго ею убійства была совершенно спокойна, и съ вызывающимъ видомъ смотрѣла на окружающихъ, а по доставленіи ея въ жандармскую комнату сказала, какъ удостовѣрилъ унтеръ-офицеръ Свиридовъ, что она сдѣлала то, что она должна сдѣлать, и что если бы ей не удалось убить Мина изъ револьвера, то она бросила бы бомбу.

«Спрошенная въ виду сего въ качествѣ обвиняемой вышеупомянутая женщина, проживавшая по паспорту на имя Ларіоновой, сознаваясь въ убійствѣ генерала Мина, заявила, что никакихъ сообщниковъ у нея не было, что она принадлежитъ къ летучему боевому отряду сѣверной области партіи социаль-революціонеровъ, что паспортъ на имя Ларіоновой подложный, и что она не желаетъ обнаруживать своего званія и имени. О причинѣ

убійства генерала Мина обвиняемая отказалась дать какія либо объясненія, но при этомъ заявила, что очередь быть убитымъ дойдетъ до всѣхъ, стоящихъ за самодержавіе.

«На основаніи всего изложеннаго, проживавшая по паспорту на имя крестьянки Софіи Ивановны Ларионовой и оказавшаяся по свѣдѣніямъ полиціи дочерью унтеръ-офицера Зинаидой Васильевой Коноплянниковой, обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ летучему боевому отряду социаль-революціонной партіи, составившемуся съ цѣлью насильственнаго посягательства на измѣненіе установленнаго основными законами образа правленія, она задумала лишить жизни командира Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіора Мина за его дѣйствія по прекращенію безпорядковъ въ Петербургѣ и Москвѣ и, запасшись для сего бомбой, начиненной гремучимъ студнемъ, и револьверомъ системы браунингъ, 13 августа сего года на станціи «Новый Петергофъ» около 8 часовъ вечера, подойдя сзади къ сидѣвшему на скамейкѣ генералу Мину, умышленно съ указанной выше цѣлью произвела въ упоръ въ спину этого генерала нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера и причинила ему этими выстрѣлами четыре тяжкихъ раны, отъ которыхъ генераль Минъ спустя нѣсколько минутъ умеръ, что въ виду 26 ст. правилъ о мѣрѣ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и объявленія С.-Петербургскаго Губернатора, изданнаго на основаніи именного Высочайшаго указа отъ 8 Іюля сего года предусмѣренно 1454 ст. Улож. о наказ. Угол. и Испр. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Обвинительный актъ составленъ въ г. С.-Петербургѣ «августа 21 дня 1906 года».

Матерьяломъ къ этому обвинительному акту послужили свѣдѣтельскія показанія. Приводимъ изъ нихъ болѣе важныя.

Фармацевтъ Г. Ф. Кюммель показываетъ:

«Въ воскресенье, 13 августа, въ восьмомъ часу вечера, окончивъ занятія въ складѣ, гдѣ я служу, я пошелъ въ вокзалъ погулять и сѣлъ на самой дальней, послѣдней скамьѣ на платформѣ поѣздовъ, отходящихъ въ Петербургъ; по случаю праздника и хорошаго вечера на платформѣ было очень много гуляющей публики, а также и отъѣзжавшихъ; сидя на скамьѣ, я смотрѣлъ на публику и замѣтилъ, что мимо меня по платформѣ раза два прошла молодая дама или дѣвица, средняго роста, худощавая, смуглая и сплывшая брюнетка, одѣтая въ черное платье, а сверху сѣро-желтое пальто, на головѣ у нея шляпы не было, простоволосая; я принялъ ее почему то за прислугу изъ хорошаго дома; ходила она одна, ни съ кѣмъ не разговаривала и никого я около нея не видалъ. Около 8 час. веч. подъѣхалъ къ скату на платформу въ коляскѣ какой-то генераль съ дамой и взрослой барышней, какъ послѣ выяснилось, это былъ ген. Минъ съ женою и дочерью; они, не торопясь и спокойно, прошли по платформѣ и подошли къ той скамейкѣ, на одномъ концѣ которой сидѣлъ я; генераль сѣлъ на дру-

гомъ ея концѣ и положилъ съ боку что-то—плащъ или какой либо другой предметъ, а жена его съ дочерью стали около скамьи, между мною и генераломъ и говорили между собою по французски; подошелъ и сталъ останавливаться поѣздъ изъ Ораніенбаума; генеральша съ дочерью двинулись къ вагону 1-го кл., генераль повернулся, чтобы взять со скамейки положенный имъ предметъ, какъ въ это время около него раздалось 4 или 5 револьверныхъ выстрѣловъ, слѣдовавшихъ очень быстро одинъ за другимъ; я обернулся, крайне ошеломленный этимъ, и увидѣлъ, что вышеописанная мною черноволосая женщина въ желтомъ пальто, стоитъ сзади и немного сбоку генерала и стрѣляетъ въ него въ упоръ, на очень близкомъ отъ него разстояніи, изъ револьвера системы браунингъ, черного цвѣта; послѣ выстрѣловъ генераль осыпъ назадъ и затѣмъ свалился съ края скамьи на полъ; поднялась страшная суматоха среди публики; преступница, насколько помнится, продолжала стоять, а м. б. и сдѣлала 2—3 шага,—точно не помню, но я видѣлъ, что она не дѣлала попытки бѣжать, скрыться, да и публики къ тому же было кругомъ очень много; къ ней подбѣжалъ и схватилъ ее за руку первымъ музыкантъ придворнаго оркестра, затѣмъ схватилъ ее станціонный жандармъ; я видѣлъ, что къ ней, уже схваченной этими лицами, подбѣжала генеральша и, кажется, хотѣла ее ударить, и я ясно услышалъ, какъ преступница сказала:—«Осторожнѣе, не толкайтесь, со мною динамитная бомба», и публика отъ нея спѣшила отойти; генерала сейчасъ же понесли въ пріемный покой, а преступницу повели въ дежурную комнату, причемъ я видѣлъ, какъ при задержаніи одинъ офицеръ уланскаго полка вынулъ изъ внутренняго кармана пальто у преступницы четырехугольный плоскій предметъ, завернутый въ газетную бумагу, и осторожно положилъ на полъ за скамейку. Добавлю еще слѣдующее обстоятельство: когда генераль Мнѣ съ семьею пріѣхалъ, подошелъ и сѣлъ на другой конецъ скамьи, гдѣ сидѣлъ я, то недалеко, шагахъ въ 10 отъ меня, слѣва, я увидѣлъ мужчину и даму, которые стояли, и дама указывая на меня и генерала рукою, что то, тихо улыбаясь, сказала обо мнѣ мужчинѣ, который молча на насъ смотрѣлъ; я не замѣтилъ, оставались-ли они стоять близъ меня до самаго момента выстрѣловъ или ушли раньше, но обратилъ вниманіе на то, что послѣ выстрѣловъ и ареста преступницы они исчезли, скрылись, и среди публики я ихъ на платформѣ уже не видѣлъ, хотя и искалъ ихъ глазами; я не видалъ, чтобы они разговаривали или ходили выѣсть по платформѣ съ преступницей. Мужчина былъ одѣтъ въ черное форменное пальто, на головѣ форменная фуражка со значкомъ, лѣтъ 30—35, выше средняго роста, шатенъ, съ усами; дама—средняго роста, лѣтъ 50, съ просѣдью, одѣтая вполне прилично, въ шляпкѣ, въ черномъ платьѣ и жакетѣ, довольно полная; какого именно вѣдомства былъ знакъ на фуражкѣ мужчины,—я не замѣтилъ, пуговицы на пальто были золотыя.

Въ показаніи Кюммеля упоминается музыкантъ, схватившій

стрѣлявшую женщину. Музыкантъ—артистъ придворнаго оркестра Арс. Арс. Петровъ—далъ такое показаніе: «Вчера, 13 сего августа, около 7 час. вечера пришелъ на ст. Нов. Петергофъ съ одной знакомой барышней, чтобы прогуляться, и мы ходили по перрону поѣздовъ, отходящихъ въ Петербургъ. Въ исходѣ 8-го часа вечера, мимо насъ прошелъ генералъ Минъ, съ своей женой и дочерью, и за ними на близкомъ разстояніи шли жандармъ и два агента охраннаго отдѣленія; генералъ съ семьей прошелъ по перрону впередъ и остался, повидимому, у послѣдней скамейки на платформѣ, далеко отъ зданія вокзала, а жандармъ и два агента (мнѣ кажется, что это были агенты охраннаго отдѣленія, т. к. я къ нимъ приглядѣлся) вернулись обратно, такъ что генералъ съ женой и дочерью остался одинъ, безъ охраны. На перронѣ было довольно много публики, какъ отъѣзжающей, такъ и гуляющей. Ко мнѣ и моей знакомой барышнѣ подошелъ знакомый мнѣ студентъ—медикъ Андрей Ильинъ (адреса его не знаю), который тоже въ тотъ вечеръ ѣхалъ въ Петербургъ. Поѣздъ на Петербургъ отходить со станціи Нов. Петергофъ въ 8 ч. 8 мин. веч., и едва лишь поѣздъ этотъ показался изъ за закругленія, и сталъ подходить къ станціи, — на перронѣ произошло замѣтное движеніе отъѣзжающей публики. Я помню, что когда паровозъ поровнялся съ ген. Миномъ, я, будучи отъ него въ толпѣ на разстояніи 5—6 сажень, услышалъ рѣзкій револьверный выстрѣлъ, впередъ, около генерала, и затѣмъ еще послѣдовательные три выстрѣла; между первымъ и послѣдующими выстрѣлами была небольшая пауза, а слѣдующіе раздавались скоро одинъ за другимъ. Послѣ грома выстрѣловъ публика напугалась отъ генерала въ сторону, и съ криками—«бомба», «стрѣляютъ»,—стала разбѣгаться, я же, какъ то безсознательно бросился впередъ къ генералу, но на пути мнѣ попался бѣжавшій отъ генерала какой то господинъ, который такъ сильно меня оттолкнулъ, когда я хотѣлъ ему перегородить дорогу, что я ударился о вагонъ 2 кл., а онъ вбѣжалъ въ этотъ вагонъ, и я не знаю,—остался ли онъ въ вагонѣ или перебѣжалъ черезъ вагонъ дальше; бѣжалъ онъ по направленію отъ ген. Мина не въ толпѣ, а ближе къ краю перрона, у вагоновъ, почему у меня явилось представленіе, что онъ бѣжалъ отдѣльно отъ толпы; вслѣдъ за нимъ бѣжала молодая женщина, средняго роста, брюнетка, худощавая, блѣдная, очень взволнованная, одѣтая въ длинную желтую накидку или балахонъ, а за ней гналась другая дама, какъ послѣ оказалось, — жена генерала Мина; бросившись къ первой женщинѣ, я схватилъ ее за правую руку немного ниже плеча и остановилъ, а вслѣдъ затѣмъ бѣжавшая за нею дама схватила ее за волосы; я крѣпко держалъ эту женщину за руку, а подбѣжавшіе офицеръ и жандармъ схватили ее за другую руку; когда мы ее схватили, она тихо сказала: «пожалуйста, со мною осторожнѣе», и что то еще сказала, но я не разслышалъ, что именно, и т. к. я услышалъ чьи то крики «дайте воды», то, оставивъ схваченную женщину въ рукахъ жандарма и офицера, я побѣжалъ обратно и

видѣлъ, какъ по перрону жандармы и офицеры вели за руки эту женщину; руки у нея тряслись и она повторяла «пожалуйста, со мною осторожнѣе»; въ рукахъ у нея я ничего не замѣтилъ; вслѣдъ за нею несли раненаго генерала Мина и положили на диванъ въ приемномъ покоѣ вокзала; онъ еще дышалъ и лежалъ тихо, не стоналъ, безъ всякаго движенія; дочь его и офицеры стали кричать «доктора, доктора», я сказалъ, что есть студентъ-медикъ, и сейчасъ привели Ильина, который старался оказать ему помощь, а я давалъ воду г-жѣ Минѣ, которой сдѣлалось дурно, а потомъ вышелъ изъ покоя, и какъ генераль скончался—не видѣлъ. Револьверъ принесъ въ приемный покой артельщикъ и кому то передавъ. Толкнувшій меня вышеупомянутый господинъ былъ средняго роста, лѣтъ около 30, одѣтъ въ черное пальто, на головѣ котелокъ, выглядѣлъ вполне прилично».

Начало показанія станціоннаго жандарма Т. П. Свиридова совпадаетъ съ предыдущимъ. Онъ доноситъ, что Мина дѣйствительно сопровождалъ агентъ охраннаго отдѣленія (Малафѣевъ). Послѣ выстрѣловъ жандармъ схватилъ бѣжавшую на него женщину. Та ему сказала: «тише, не тискайте,—у меня есть бомба». «Пальто у нея было разстегнуто, револьвера въ рукахъ не было; она вовсе не была взволнована, а напротивъ казалась спокойною; услыхавъ, что при ней есть бомба, мы держа ее за руки, просили бывшихъ недалеко 3-хъ офицеровъ вынуть у нея эту бомбу, и корнетъ Скалонъ вынулъ изъ внутренняго кармана ея пальто завернутый въ газетную бумагу какой то четырехугольный предметъ и положилъ его осторожно сзади скамейки; издали я видѣлъ, что генераль Минъ полулежалъ на скамейкѣ, а потомъ упалъ на полъ; я поспѣшилъ отвести эту женщину въ дежурную жандармскую комнату, гдѣ ее обыскалъ; при ней оказались: въ карманѣ юбки, въ бумажникѣ 3 боевыхъ патрона отъ браунинга, паспортъ на имя кр—нки Софьи Ларионовой, по профессіи—учительницы. въ коробочкѣ—30 р. 33 коп. и отдѣльно завязанные въ носов. платкѣ 3 руб., росписаніе поѣздовъ Балт. ж. д., карандашикъ и какая то красная афиша; на ней были надѣты на щѣпочкѣ черныя дамскія часы и пенсне на шнурочкѣ; одѣта она была въ простое черное платье. Въ дежурной комнатѣ она держала себя совершенно спокойно, говорила, что она сдѣлала то, что должна была сдѣлать, что если бы не удалось убить Мина изъ револьвера, то она убила бы его, бросивъ въ него бомбу, спрашивала, не задѣли ли ея пули кого-либо изъ постороннихъ, и когда въ комнату изъ любопытства входили офицеры, то она надѣвала пенсне, смотрѣла на нихъ вызывающе или съ усмѣшкой и говорила:—«чего эти пидіоты хотятъ?» Она сказала мнѣ, что она пріѣхала въ Петергофъ недавно, что она крестьянка, православная, но имени своего назвать не захотѣла, а относительно найденнаго при ней паспорта на имя Ларионовой она сказала прямо, что этотъ паспортъ подложный; затѣмъ она просила меня принести ей взятую у нея бомбу съ тѣмъ, чтобы она ее разрядила, но я, конечно, ей

въ этомъ отказалъ. Револьверъ системы браунинга, брошенный этою преступницею на полъ около скамьи, гдѣ сидѣлъ Минъ, напелъ сторожъ Дмитрій Рябовъ и передалъ жандарму Пруссакъ: преступница еще говорила мнѣ, что когда ее схватила послѣ покушенія г-жа Минъ, то она направила и на нее, г-жу Минъ, револьверъ, да только въ немъ не оказалось патроновъ, — всѣ уже были разстрѣляны, а то она убила бы и г-жу Минъ».

Упомянутый жандармомъ Рябовъ сообщилъ въ дополненіе къ предыдущему, что онъ боялся вынуть изъ кармана стрѣлявшей свертокъ со снарядомъ; это сдѣлалъ за него уланскій офицеръ. Другой сторожъ Дубковъ показалъ: «Я видѣлъ, что когда я схватилъ убійцу и выбилъ у нея изъ рукъ револьверъ, то къ ней подбѣжала генеральша и схватила ее за волосы и за горло, а когда ее схватили штатскій и жандармъ и сторожъ Рябовъ, то она сказала, «тише, тише, не тискайте меня, при мнѣ есть бомба».

Показанія трехъ корнетовъ Л.-Гв. Уланскаго Ея Величества полка приблизительно однородны. Всѣ трое показали, какъ одинъ изъ нихъ—Скалонъ—вынулъ изъ кармана у задержанной женщины снарядъ. Увидавъ смертельно-раненаго, полулежавшаго на скамейкѣ Мина, корн. Мешетичъ «подозвалъ бывшихъ тутъ же нѣсколькихъ солдатъ и съ ихъ помощью перенесъ раненаго генерала въ пріемный покой»...

«Проходя мимо я увидалъ недалеко—разсказываетъ онъ—госпожу Минъ, которая держала какую то женщину за горло, а когда я несъ тѣло ген. Мина, то я видѣлъ, что эту женщину держали какой то штатскій и жандармъ. Мы положили генерала на кровать, онъ еще дышалъ, но ничего не говорилъ и лежалъ безъ движенія, а затѣмъ вскорѣ при мнѣ скончался»... «Я видѣлъ что, какъ при задержаніи преступницы, такъ и потомъ, когда я зашелъ къ ней въ жандармскую комнату, она была совершенно спокойна и никакого нервнаго возбужденія я у нея не замѣтилъ. Эта женщина, средняго роста, худощавая брюнетка, одѣтая въ сакъ песочнаго цвѣта. Послѣ этого происшествія я былъ вчера при обыскѣ въ ея комнатѣ въ дер. Луизино № 25 и видѣлъ, что обстановка была очень убогая, кромѣ грязнаго бѣлья, мы нашли пустой запертый саквояжъ, одна стѣнка котораго была свѣже взрѣзана и длина этого разрѣза мнѣ кажется соотвѣтствовала величинѣ отобраннаго отъ преступницы предмета, а на столѣ лежалъ одинъ томъ сочиненія А. Дюма».

Корн. Скалонъ въ своемъ показаніи написалъ про задержанную: «Она была совершенно спокойна и даже улыбалась, кажется она ничего не говорила. Ее держали за руки, и сакъ ея спереди былъ раскрытъ, причемъ въ лѣвомъ внутреннемъ карманѣ сака, я замѣтилъ какой то предметъ четырехугольной формы, толщиною вершка въ полтора, завернутый въ газетную бумагу и обвязанный бичевкой. Державшій преступницу жандармъ сказалъ, что это бомба, и просилъ вынуть. Почему я осторожно и съ нѣкоторымъ усиліемъ—потому что предметъ этотъ вѣсилъ около

1—8 фунтовъ—вынулъ у нея изъ кармана этотъ предметъ и положилъ его на полъ перрона, сзади одной изъ скамеекъ, и самъ всталъ около него, предупреждая публику бѣгавшую вокругъ, что тутъ бомба»...

Всѣ трое одинаково объясняютъ мотивъ убійства, Скалонъ полнѣе другихъ: «Причину настоящаго убійства я объясняю исключительно мстью со стороны террористовъ революціонеровъ, стремившихся уничтожить ненавистнаго для нихъ энергичнаго дѣятеля въ подавленіи крамолы, выразившейся въ мятежахъ, которые съ такимъ успѣхомъ Минъ подавлялъ, какъ осенью прошлаго года въ Петербургѣ, такъ и потомъ въ декабрѣ въ Москвѣ, т. е. личныхъ отношеній между преступницей и покойнымъ генераломъ быть не могло».

Корн. Крупенскій находить, что задержанная «была спокойна, какъ бывають при сознаніи исполненнаго долга». Онъ составилъ описъ найденныхъ у нея книгъ: «А. Дюма «Графиня Шарни», другая о французской революціи, брошюра какая то о землѣ, и въ книжкѣ нѣсколько записокъ». Изъ протокола, подписаннаго тѣмъ же Крупенскимъ, извѣстно, что «брошюра какая-то»: П. Вихляевъ «Право на землю» (Книгоизд. «Молодая Россія»). Книга о французской революціи не указана, вмѣсто нея—«Сборникъ молодыхъ писателей». Крупенскій, любопытствуя, «зашелъ въ дежурную комнату вокзала, гдѣ содержалась преступница»... «она сидѣла, подперши руками голову; при моемъ входѣ она посмотрѣла на меня, потомъ надѣла *pinse-nez* и стала смотрѣть на меня въ упоръ насмѣшливо и съ вызывающимъ видомъ, очевидно, бравируя своимъ поступкомъ». Показаній жены и дочери Мина въ дѣлѣ нѣтъ. Приставъ довелъ до свѣдѣнія судебного слѣдователя, что «жена убитаго, 13 сего августа, Свиты Его Величества Генераль-Маіора Екатерина Сергѣевна Минъ, вслѣдствіе нервнаго разстройства, отказалась давать показанія».

Въ 2^{1/2} ч. ночи судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Зайцевъ пожелалъ допросить «неизвѣстную женщину въ качествѣ обвиняемой въ убійствѣ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ». Но «обвиняемая заявила, что въ виду крайней усталости и необходимости отдыха, она не желаетъ давать никакихъ объясненій и называть своего имени, присовокупляя, что она желаетъ дать свои показанія по дѣлу на слѣдующій день, т. е. во вторникъ, 15 сего августа». 15-го августа «пригласивъ сего числа въ Губернское Жандармское Управление неизвѣстнаго имени и званія женщину, обвиняемую въ убійствѣ генерала Мина, судебный слѣдователь Зайцевъ вторично допрашивалъ ее въ качествѣ обвиняемой по 102 ст. угол. улож. и 1454 ст. улож. о нак., и женщина эта показала: «Имени своего и званія открыть я не желаю, я принадлежу къ летучему боевому отряду сѣверной области партіи социалистовъ-революціонеровъ; въ убійствѣ генерала Мина я признаюсь и объясняю, что при исполненіи дѣла никакихъ сообщниковъ у меня не было. Найденный у меня паспортъ на

пмя кр-нки Ларіоновой — подложный, текст этого паспорта исполненъ мною собственноручно, но измѣненнымъ моимъ почеркомъ, паспортный бланкъ мною былъ пріобрѣтенъ; относительно печати на паспортѣ и прописки его я ничего не скажу. О причинѣ убійства генерала Мина я ничего не скажу и полагаю, что очередь быть убитымъ дойдетъ до всѣхъ, стоящихъ за самодержавіе. Отъ всѣхъ дальнѣйшихъ показаній на вопросы ваши отказываюсь и отвѣчать не желаю. На вопросъ о томъ, было ли совершенное мною убійство ген. Мина—результатомъ моей личной къ нему мести, или я дѣйствовала по распоряженію названной мной выше революціонной организаціи, отвѣчать отказываюсь. Протоколъ мнѣ прочитанъ и съ моихъ словъ записанъ вѣрно. Отъ подписи сего протокола отказываюсь.

Врачи нашли генерала Мина скончавшимся. Они ограничили въѣзнимъ осмотромъ. Вскрытіе же тѣла не состоялось. «Его Величеству благоугодно было повелѣть судебно-медицинскій осмотръ и вскрытіе тѣла покойнаго генерала Мина не производить».

II.

Особое мѣсто въ дѣлѣ занимаютъ показанія Мозолайненовъ и ихъ жилищи Передольской. Они рисуютъ бытовые условія, въ которыхъ жила «крестьянка Софья Ларіонова» до покушенія. Матвѣй Мозолайненъ показываетъ: «У меня имѣется небольшой домикъ, стоящій близъ Ново-Петергофскаго вокзала, противъ зданія казармы Каспійскаго полка, расположенной противъ вокзала. Въ домикѣ у насъ была одна свободная комнатка, за стѣною которой живемъ мы сами; 31 іюля къ намъ явилась молодая дама и наняла у насъ комнатку за 7 рублей въ мѣсяцъ, которые и уплатила сразу впередъ; она предъявила мнѣ паспортъ на имя Софьи Ивановны Ларіоновой, назвалась крестьянкой Пензенской губ., сказала, что она—учительница, что ей выходитъ мѣсто въ петергофскомъ начальномъ училищѣ и она хлопочетъ о скорѣйшемъ опредѣленіи. Привезла она съ собою только саквояжъ съ бѣльемъ, и больше вещей съ нею не было. Столовалась она у моего сына Петра, который отъ меня отдѣлился и живетъ въ собственномъ домѣ въ д. Луизино на Луизинской ул., наискось дачи Асмуса, гдѣ жилъ ген. Минъ; какимъ образомъ Софья Ивановна попала къ моему сыну, и кто рекомендовалъ ей столоваться у него,—я не знаю, но мы ее къ сыну не посылали. Жила Софья Пв. очень уединенно, никуда не уѣзжала, до самого дня ареста всѣ ночи ночевала дома, никуда надолго не уходила, кромѣ двухъ разъ, объяснивъ намъ, что она ходила къ инспектору народ. училищъ; разъ или два почталіонъ принесть ей письма; никакихъ посѣщеній ея знакомыми ей лицами я не замѣчалъ, я не видалъ, чтобы кто либо къ ней приходилъ. Кромѣ бывшаго на ней чернаго верхняго платья никакого другого платья я не видалъ; у нея была маленькая подушечка, а одѣяло и матрацъ по ея просьбѣ

мы ей дали своп. Дома она постоянно читала газеты, которыя покупала въ вокзалѣ, и книги: откуда она брала послѣднія,—я не знаю. Паспортъ ея я далъ уряднику для прописки на второй или третій день, какъ она у насъ поселилась, и урядникъ на мой вопросъ сказалъ, что ничего подозрительнаго въ этомъ паспортѣ нѣтъ. Насколько я припоминаю, прическу С. П. носила все время одинаковую, и цвѣтъ волосъ ея, кажется, не измѣнялся».

Марія Мозолайненъ дополнила показаніе Матвѣя о Ларіоновой: «Поселившись у насъ, она намъ говорила, что она уже девять лѣтъ служить сельской учительницей, что Пензенская губернія очень бѣдная, и тамъ учительницѣ платятъ только 25 руб., а здѣсь, въ Петергофѣ платятъ учительницамъ 40 р. въ м-цъ, что ей обѣщали здѣсь мѣсто въ начальномъ училищѣ, и что съ 30 августа она перейдетъ жить уже въ школу. Она просила насъ давать ей обѣды, но старуха свекровь отказалась, и Софья Ив-на обходилась чаемъ съ булками и молокомъ, но потомъ въ воскресенье, 6 августа, сказала намъ, что она будетъ обѣдать у Катерины, жены моего зятя Петра, который имѣетъ свой домикъ наискось дачи Асмуса; на вопросъ нашъ, откуда она узнала объ этихъ обѣдахъ, Софья Ив. сказала, что она встрѣтилась въ мелочной лавкѣ со старикомъ, жильцомъ у Петра Мозолайненъ, и тотъ ей рекомендовалъ эти обѣды; была ли она знакома съ этимъ старикомъ раньше, или случайно встрѣтилась съ нимъ тогда въ лавкѣ и разговорилась,—я не знаю. Относительно образа жизни Софьи Ив-ны я могу сказать, что она мало сидѣла дома, а все куда-то уходила, вѣрнѣе,—она приходила домой только вечеромъ, и разъ не ночевала дома, сказавъ что ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ тамъ въ банѣ. Дома она читала газеты, которыя покупала въ вокзалѣ, и книги; откуда брала книги—я не знаю»... Какъ женщнна, свидѣтельница подробно останавливается на причeskъ Ларіоновой: «Прическу она носила все время у насъ—гладкую, закрывающую половину ушей, а сзади или на теменн складывала небольшой свертокъ косы; волосы у нея чернаго цвѣта, но съ какимъ-то страннымъ отливомъ мѣстами желтоватаго цвѣта, такъ что я хотѣла ее объ этомъ спросить, да стѣснялась»... На фигуру упоминаемаго въ показаніи старика проливаетъ свѣтъ рассказъ Екатерины Мозолайненъ (жены Петра Матвѣевича): «Мы имѣемъ свой домикъ на Луизинской ул., наискось дачи Асмуса, гдѣ жилъ генералъ Минъ, и одну комнатку мы отдавали внаймы; къ концу іюня сего лѣта комнатка у насъ освободилась, а 1-го іюля къ намъ пришелъ какой-то пожилой господинъ съ просьбой сдать ему эту комнату; я было сначала не хотѣла сдавать комнаты, предполагая оставить ее для своихъ дѣтей, но когда этотъ господинъ сказалъ, что проживетъ только мѣсяцъ, то я согласилась, и онъ въ тотъ же день переѣхалъ на павозчикѣ, перевезя одинъ холщевый сак-мѣшокъ, одинъ сак-вояжъ, съ твердымъ дномъ-ящикомъ, этажерочку и стулъ; за комнату онъ уплатилъ мнѣ впередъ 7 руб. за мѣсяцъ и попросилъ меня, чтобы я давала ему обѣды, за чтѣ упла-

тилъ мнѣ тоже впередъ 10 руб.; онъ назвался Страховымъ, позолотчикомъ изъ Петербурга, и передалъ мнѣ для прописки свою паспортную книжку, въ которой онъ значился Петровскимъ, Саратовской губ., мѣщаниномъ Васькой Ивановичемъ Страховымъ; книжку эту я въ тотъ же день дала для прописки нашему уряднику и затѣмъ возвратила ее Страхову; Страховъ былъ старикъ, съ сильной простѣдою, лѣтъ 55, худощавый, средняго роста, одѣвался просто, но прилично, онъ говорилъ, что по ремеслу онъ поволотчикъ, живетъ и работаетъ въ Петербургѣ отъ хозяина, который далъ ему мѣсячный отпускъ для поправки, такъ какъ онъ чувствуетъ себя нездоровымъ, и хочетъ провести этотъ мѣсяцъ въ Петергофѣ на чистомъ воздухѣ, полечиться. Жизнь онъ велъ правильную и довольно уединенную,—никто къ нему не ходилъ и онъ ни къ кому не ходилъ, старался быть больше на воздухѣ около дома, равнѣ когда уходилъ въ ближайшій лѣсокъ; два раза въ недѣлю онъ ѣздилъ въ Петербургъ, говоря, что бываетъ тамъ у доктора и въ банѣ, и по его возвращеніи оттуда видно было, что, дѣйствительно, онъ былъ въ банѣ. Обыкновенно утромъ онъ читалъ газеты, которыя покупалъ въ вокзалѣ, «Двадцатый Вѣкъ», потомъ «Око», затѣмъ читалъ книги, откуда онъ ихъ доставалъ—не знаю; когда онъ ѣздилъ въ Петербургъ, по его словамъ—къ доктору,—то одѣвался лучше, бралъ котелокъ, а дома ходилъ проще и въ соломенной шляпѣ; по истеченіи іюля, Страховъ сказалъ, что онъ хочетъ пожить у насъ еще нѣсколько дней. Въ воскресенье, 6 августа, около полудня, ко мнѣ пришла какая-то молодая дама, брюнетка, въ одномъ платьѣ, т. е. безъ шляпы и пальто, и обратилась съ просьбою, что, такъ какъ она слышала, что у меня жильцы со столомъ, то не соглашусь-ли я давать и ей обѣдъ, прибавивъ, что она живетъ въ нашей же деревнѣ, въ домѣ № 25, т. е. въ домѣ отца моего мужа; я сначала отказала ей въ этой просьбѣ, такъ какъ имѣть двоихъ обѣдающихъ мнѣ было обременительно, но бывший при этомъ Страховъ вмѣшался въ нашъ разговоръ и сказалъ, что я могу принять ее къ себѣ на столъ, такъ какъ онъ скоро уѣзжаетъ и такимъ образомъ послѣдуетъ только замѣна, и я согласилась. Дама эта назвалась Софьей Ивановной Ларионовой, въ послѣдующіе дни говорила мнѣ, что она учительница изъ Пензенской губерніи, что ей обѣщано мѣсто въ Петергофскомъ начальномъ училищѣ, что она теперь живетъ здѣсь и хлопочетъ о скорѣйшемъ опредѣленіи, что она очень любитъ дѣтей и говорила, что съ ними нужно только умѣть обращаться, и тогда они дѣлаются ласковыми и послушными, и дѣйствительно, за ту недѣлю, что она у меня столовалась она сѣумѣла очень расположить къ себѣ моихъ дѣтей и подолгу съ ними возилась. Я не могу утверждать, была ли она раньше знакома со Страховымъ или познакомилась съ нимъ только у меня—Страховъ тогда вмѣшался на дворѣ въ нашъ разговоръ, когда С. И. пришла въ первый разъ, и затѣмъ они разговаривали другъ съ другомъ и были, конечно, знакомы уже потому, что я согласилась принять С. И. къ себѣ на столъ съ условіемъ,

чтобы она обѣдала за однимъ столомъ и вмѣстѣ со Страховымъ, въ его комнатѣ, такъ какъ у меня другого помѣщенія не было. Софья Ивановна приходила ко мнѣ ежедневно обѣдать не только къ часу обѣда, но иногда значительно раньше и оставалась у меня подолгу послѣ обѣда, занимаясь какимъ-то вязаньемъ и разговоромъ со Страховымъ, такъ что въ сущности она проводила у меня на дачѣ большую часть дня, да она и сама мнѣ говорила, что ей больше нравится у меня на дачѣ, чѣмъ у себя, такъ какъ у меня и свѣтлѣе, и дѣти есть, съ которыми она любитъ возиться. Въ воскресенье, 6 августа, Страховъ получилъ открытое письмо отъ его хозяина, который разрѣшалъ ему остаться въ Петергофѣ еще пол-мѣсяца, почему онъ у меня пробудетъ до половины августа и уплатилъ мнѣ за столъ еще 5 р., оставшись долженъ за комнату 3 р. 50 к., а Софья Ив-на еще тогда-же, 6 августа, уплатила мнѣ сразу впередъ за мѣсяцъ 10 руб. за столъ. Въ воскресенье, 13 августа я уѣхала утромъ на похороны и сказала Софьѣ Ив-нѣ, что уѣзжаю на цѣлый день и распорядилась, чтобы ей и Страхову дали обѣдать; вернулась я къ 7 час. вечера и застала Софью Ив-ну еще у меня; вскорѣ пришелъ Страховъ изъ рощи, принесъ грибовъ и маленькаго крота, съ которыми они начали играть, и смѣялись своимъ шуткамъ, а затѣмъ, по моему совѣту, отдали его кошкѣ; затѣмъ я пошла въ хлѣвъ доить коровъ и не замѣтила, какъ со двора ушли Софья Ив. и Страховъ, но только послѣ ихъ ухода оба они болѣе ко мнѣ не возвращались, а около 9 час. вечера ко мнѣ явилась полиція съ жандармами и обыскали комнату Страхова; потомъ я узнала, что Софья Ив—на убила въ 8 ч. вечера того дня ген. Минна, и догадалась я объ участіи въ этомъ злодѣяніи и Страхова потому, что и онъ въ тотъ же вечеръ скрылся изъ моего дома».

Жена діакона Е. А. Передольская оказалась зорче другихъ, по крайней мѣрѣ *post factum*. Вотъ ея наблюденія: «Я видѣла, что во дворѣ нашей дачи, въ крошечномъ флигелькѣ жилъ у хозяина дачи какой-то старикъ по имени Василій Ивановичъ, и я видѣла неоднократно, что онъ садился на скамейкѣ нашей дачи, находящейся на улицѣ, или выносилъ изъ комнаты стулъ или табуретку и садился у стѣны дачи или нашего балкона, обращеннаго на Луизинскую ул., противъ самаго поворота ея къ вокзалу и пристально смотрѣлъ въ сторону дачи Асмуса, которая приходится отъ насъ нанскосокъ второй дачей; затѣмъ я замѣтила въ послѣднее время, что къ этому старику приходила какая то молодая смуглая дама, сильная брюнетка, съ очень строгимъ выраженіемъ лица, постоянно съ газетой или книгой въ рукахъ; я видѣла, что она сидѣла на скамейкѣ нашей дачи, съ какимъ то вязаніемъ въ рукахъ, сидѣла довольно часто и тоже какъ бы наблюдала за дачей Асмуса, гдѣ жилъ ген. Минъ; мать ген. Мина жила на дачѣ на той же Луизинской ул., на поворотѣ ея отъ насъ къ вокзалу, и я часто видѣла, какъ генер. Минъ съ семьей проходилъ по улицѣ мимо нашей дачи къ своей матушкѣ и обратно, т. ч. этотъ

старикъ-жплецъ Василій Ивановичъ видѣлъ, какъ ген. Мияъ проходилъ мимо, могла это видѣть и эта дама».

Всѣ эти показанія даютъ описаніе событій въ одномъ планѣ, въ томъ планѣ, гдѣ Коноплянникова была Софіей Ларіоновой, гдѣ текла мирная обывательская жизнь. Другая сторона жизни, другой ея планъ—тотъ, къ которому, кромѣ Коноплянниковой, относился «позолотчикъ Страховъ» и, можетъ быть, еще скрывшіеся потомъ люди, которые были на платформѣ до момента покушенія. На этотъ планъ даются только глухія указанія и намеки.

III

19 августа 1906 г. Помощникъ Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа Газенкампфъ сообщилъ за № 1478 Военному Прокурору Петербургскаго Военно-Окружного суда секретно: «Соглашаясь съ заключеніемъ Военно-Прокурорскаго надзора Петербургскаго военно-окружного суда, по дѣлу объ убійствѣ Командира Л. Гв. Семеновскаго полка свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіора Мина, предаю обвиняемую, наименовавшуюся Ларіоновой, Петербургскому Военно-Окружному суду, для сужденія ея по законамъ военнаго времени».

22 августа 1906 года Петербургскій Военно-Окружной судъ, въ распорядительномъ засѣданіи (въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель баронъ Остенъ-Сакенъ; Военные Судьи Генераль-Маіоръ Никифоровъ, Временный членъ Л. Гв. Измайловскаго Полка Полковникъ Флемингъ; при Военномъ прокурорѣ Генераль-Маіорѣ Корейво и Помощн. Секретаря Надв. Совѣт. Хвостовѣ) заслушалъ дѣло о подсудимой неизвѣстнаго званія и имени женщины, проживавшей по паспорту на имя крестьянки Софіи Ивановны Ларіоновой, и оказавшейся дочерью отставнаго унтеръ-офицера Л. Гв. Гатчинскаго Полка Зинаидой Васильевой Коноплянниковой. Удостоверился, что медленностей и упущеній по дѣлу нѣтъ, и постановилъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ и рассмотреть таковое при закрытыхъ дверяхъ, согласно 789 ст. XXIV кн. СВП. съ цѣлью охраненія общественнаго порядка и обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій.

24 августа баронъ Остенъ-Сакенъ увѣдомилъ Коменданта крѣпости и Директора Департамента Полиціи, что судъ по дѣлу З. В. Коноплянниковой состоится въ Петропавловской крѣпости, въ арестантскомъ отдѣленіи при Трубецкомъ Бастіонѣ 26-го августа, и начнется въ 11 часовъ утра. Тогда же Комендантъ Крѣпости препроводилъ заявленіе подсудимой:

«Г-ну Предсѣдателю С.-Петербургскаго Военно-Окружного суда.

На предложеніе Ваше вызвать въ продолженіе суточного срока съ моей стороны свидѣтелей по поводу моего дѣла—убій-

ства генерала Мина—заявляю, что съ моей стороны нѣтъ никакихъ свидѣтелей.

З. В. Коноплянникова.

24-го авг. 1906 г.

Петропавловская Крѣпость.

Какъ происходило судебное засѣданіе, узнаемъ изъ слѣдующаго протокола:

1906 года августа 26-го дня въ 11 час. 10 м. утра Петербургскій Военно-Окружной Судъ открылъ судебное засѣданіе въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель Генераль-Лейтенантъ баронъ Остенъ-Сакенъ.—Временные члены: Л. Гв. Преображенскаго полка Полковникъ Гонецкій, Л. Гв. Финляндскаго полка Полковникъ Трубинъ, Л. Гв. Измайловскаго полка Полковникъ Соколовъ и Гвардейской Конно-Артил. бригады Полковникъ Ивашенцовъ, при Военномъ Прокурорѣ Генераль-Маіоръ Корейво 2-мъ, при Секретарѣ Суда Статскомъ Совѣтникѣ Меньшуковѣ. Въ залѣ засѣданія находился защитникъ подсудимой Капитанъ Сыртлановъ.

На столѣ передъ судьями лежали вещественныя по дѣлу доказательства: «корзинка» и «холщевый свертокъ» за печатями Судебнаго Слѣдователя.

Предсѣдатель объявилъ, что разсмотрѣнію Суда подлежитъ дѣло объ убійствѣ Свиты его Величества Генераль-Маіора Мина, по которому привлечена въ качествѣ обвиняемой дочь ун. оф. Л. Гв. Гатчинскаго полка Зинаида Васильева Коноплянникова, обвиняемая въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 1454 ст. Улож. о Наказ. Угол. и Испр. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е, и приказалъ ввести подсудимую, которая заняла назначенное мѣсто, оставаясь подъ стражею ¹⁾.

Предсѣдатель предложилъ подсудимой вопросы, для опредѣленія личности и о томъ, получила ли она копію съ обвинительнаго акта и списокъ Судей и Прокурора. Подсудимая отказалась отъ защитника, что по распоряженію Предсѣдателя и занесено въ настоящій протоколъ. Произведена повѣрка вызывавшихся свидѣтелей. Всѣ свидѣтели оказались налицо. Прочитанъ обвинительный актъ. Предсѣдатель, изложивъ въ краткихъ словахъ сущность обвиненій, спросилъ подсудимую, признаетъ ли она себя виновною. Подсудимая признала фактъ убійства, но заявила, что виновной себя не признаетъ, такъ какъ въ душѣ ея нѣтъ основаній къ раскаянію въ совершенномъ ею проступкѣ. Предсѣдатель спрашивалъ стороны, въ какихъ именно предѣлахъ онѣ желаютъ, чтобы было произведено судебное слѣдствіе по настоящему дѣлу.—Всенный Прокуроръ просилъ судебное слѣдствіе произвести допросомъ лишь свидѣтелей корнетовъ: Мешетича, Скалона и Крупенскаго, а также унтеръ-офицера Свиридова «отъ допроса же остальныхъ вызванныхъ и явившихся свидѣ-

¹⁾ Любопытно, что въ дѣлѣ нѣтъ документа, устанавливающаго тожество Ларионовой и Коноплянниковой.

телей: артиста придворного оркестра Петрова, фармацевта Кюммеля и крестьянина Дубкова онъ отказался. Подсудимая не сдѣлала никакого заявленія»...

Судъ согласился съ заключеніемъ прокурора и допросилъ только тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ онъ указалъ, причемъ З. В. Коноплянникова задавала вопросы лишь одному изъ нихъ—корнету Скалону. Далѣе: «Военный Прокуроръ, съ разрѣшенія Предсѣдателя, предложилъ подсудимой вопросъ, можетъ ли она удостовѣрить, что бомба была начинена 4 фунтами студня. Подсудимая не пожелала дать отвѣта. Предсѣдатель спрашивалъ Военнаго Прокурора и подсудимую, не пожелаютъ ли они чѣмъ либо еще дополнить судебное слѣдствіе. Стороны отвѣчали отрицательно. Судъ постановилъ: считать судебное слѣдствіе оконченнымъ и перейти къ выслушанію заключительныхъ по дѣлу преній. Произнесена рѣчь Военнымъ Прокуроромъ. Предоставлено послѣднее слово подсудимой, которымъ она воспользовалась. Предсѣдатель объявилъ пренія сторонъ прекращенными, и Судъ удалился въ особую комнату для постановленія резолюціи. По возвращеніи Предсѣдатель прочиталъ резолюцію и объявилъ, что приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 26-го сего августа черезъ 1½ или 2 часа, пригласивъ къ тому времени участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Свидѣтели: артистъ Петровъ, фармацевтъ Кюммель и крестьянинъ Дубковъ черезъ Секретаря Суда, заявили желаніе получить путевыя и судебныя деньги за явку ихъ въ Судъ. Судъ постановилъ: свидѣтелей артиста Петрова, фармацевта Кюммеля и кр. Дубкова удовлетворить слѣдующими имъ деньгами по закону. Судебное засѣданіе по этому дѣлу закрыто въ 12 ч. 35 м. дня». Протоколъ подписали: Бар. Остенъ-Сакенъ, Турбинъ, Гонецкій, Соколовъ, Ивашенцовъ и Секретарь Меньшукъ.

Судьи поставили слѣдующій вопросъ: 1. Доказано ли, что проживавшая по подложному паспорту на имя Ларіоновой, Зинаида Васильевна Коноплянникова, принадлежа къ летучему боевому отряду социаль-революціонной партіи, составившемуся путемъ насильственныхъ посягательствъ измѣнить установленный основными законами образъ правленія, задумала лишить жизни командира Л. Гв. Семеновскаго полка Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіора Мина за его дѣйствія по прекращенію безпорядковъ въ г.г. С.-Петербургѣ и Москвѣ и, запашишь для сего бомбою, начиненной гремучимъ студнемъ, и револьверомъ браунинга, 13 августа 1906 г., на станціи Ново-Петергофъ, около 8 часовъ вечера, подойдя сзади къ сидѣвшему на скамейкѣ станціи генералу Мину, умысленно съ указанной выше цѣлью, произвела въ него нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера въ упоръ, въ спину, и этими выстрѣлами причинила ему четыре тяжкихъ раны, отъ которыхъ генераль Минъ спустя нѣсколько минутъ скончался.

И дали отвѣтъ: «Да, доказано, и виновна».

Затѣмъ была прочитана резолюція, цѣликомъ вошедшая въ приговоръ, который былъ формулированъ такъ: «По указу Его

Императорскаго Величества 1906 года августа двадцать шестого дня Петербургскій Военно-Окружной Судъ, подъ предсѣдательствомъ Генерала-Лейтенанта барона Остенъ-Сакена въ закрытомъ засѣданіи, въ которомъ присутствовали (перечень тѣхъ же лицъ) слушалъ дѣло о проживавшей по подложному паспорту на имя Ларионовой, дочери отставного унтеръ-офицера Л. Гв. Гатчинскаго (нынѣ Егерскаго) полка, дѣвицѣ Зинаидѣ Васильевнѣ Коноплянниковой, преданной Военно-Окружному суду помощникомъ Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военного округа, по обвиненію ее въ убійствѣ съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ. Изъ находящихся въ дѣлѣ документовъ видно, что Зинаида Васильевна Коноплянникова, дочь отставного унтеръ-офицера Л. Гв. Гатчинскаго (нынѣ Егерскаго) полка, родилась 2 ноября 1878 г., православнаго вѣроисповѣданія, дѣвица, была учительницей Гостикинскаго мужскаго земскаго училища Петергофскаго уѣзда, но журнальнымъ постановленіемъ Петергофскаго уѣзднаго училищнаго совѣта отъ 11 Декабря 1902 г. была уволена отъ занимаемой ею должности. Сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, какъ они выяснились на судебномъ слѣдствіи и въ заключительномъ преніи, Петербургскій Военно-Окружной судъ призналъ Зинаиду Коноплянникову виновною въ томъ, что, принадлежа къ летучему боевому отряду социаль-революціонной партіи, составившемуся путемъ насильственныхъ посягательствъ измѣнить установленный основными законами образъ правленія, она задумала лишить жизни Командира Л. Гв. Семеновскаго полка свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіора Мина за его дѣйствія по прекращенію безпорядковъ въ г.г. С.-Петербургѣ и Москвѣ и, запасшись для сего бомбою, начиненною гремучимъ студнемъ и револьверомъ браунинга, 13 августа сего 1906 г., на станціи Новый Петергофъ около 8 часовъ вечера, подойдя сзади къ сидѣвшему на скамейкѣ, на станціи генералу Мину, умышленно съ указанной выше цѣлью, произвела въ него нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, въ упоръ, въ спину и этими выстрѣлами причинила ему четыре тяжкихъ раны, отъ которыхъ генералъ Минъ спустя нѣсколько минутъ скончался.

Это противозаконное дѣяніе, учиненное Зинаидой Коноплянниковой, по признакамъ своимъ, является убійствомъ, совершеннымъ съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ, и предусмѣрено 1454 ст. Улож. о Наказ., но имѣя въ виду, что дѣло о Коноплянниковой, на основаніи объявленія С.-Петербургскаго Губернатора, изданнаго въ силу Именного Высочайшаго повелѣнія отъ 8 Іюля сего года и согласно 1718 и 26 ст. Положенія о мѣрахъ къ охраненію Государственного порядка и общественнаго спокойствія передано на разсмотрѣніе военно-окружнаго суда для сужденія ее по законамъ военного времени, къ преступному дѣянію, учиненному Коноплянниковой должна быть примѣнена 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, на основаніи которой виновные въ умышленномъ убійствѣ подвергаются по лишеніи всѣхъ правъ со-

стоянія смертной казни. Это наказаніе Петербургскій военно-окружный судъ и назначилъ Коноплянниковой за учиненное ею преступное дѣяніе, причемъ опредѣлилъ произвести эту казнь черезъ повѣшеніе.

На основаніи всего вышеизложеннаго Петербургскій военно-окружный судъ постановилъ..... подвергнуть ее, Зинаиду Коноплянникову, смертной казни черезъ повѣшеніе, съ лишеніемъ ее всѣхъ правъ состоянія, съ послѣдствіями указанными въ 22, 23, 27 и 28 ст. Улож. о Наказ.

По вопросу о дальнѣйшемъ направленіи вещественныхъ по дѣлу доказательствъ войти впослѣдствіи въ особое разсмотрѣніе. Судебныя по дѣлу издержки, взыскать съ имущества Зинаиды Коноплянниковой, а при ея несостоятельности, таковыя принять на счетъ казны.

Настоящій приговоръ, по вступленіи въ законную силу, на основаніи 1409 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, представить на усмотрѣніе Помощника Главнокомандующаго войскамъ Гвардіи и Петербургскаго военного округа».

Въ 2 часа этого же дня приговоръ въ присутствіи Военнаго прокурора былъ объявленъ Предсѣдателемъ суда. Подсудимой было объявлено, въ какой срокъ и въ какомъ порядкѣ приговоръ можетъ быть обжалованъ, и предъявленъ протоколъ судебного засѣданія.

28 августа Комендантъ Крѣпости Эллисъ сообщилъ Предсѣдателю Суда: «Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что осужденная къ смертной казни черезъ повѣшеніе Зинаида Коноплянникова къ двумъ часамъ пополудни 28-го августа никакого заявленія къ обжалованію состоявшагося о ней приговора не сдѣлала». 28 же, въ 4 ч. дня Помощникъ Главнокомандующаго Генераль-отъ-Инфантеріи Газенкампфъ положилъ свою резолюцію на приговорѣ: «утверждаю». Это же секретно было имъ сообщено Предсѣдателю Петербургскаго Военно-Окружнаго суда:

«Приговоръ Петербургскаго военно-окружнаго суда отъ 26-го сего августа, по дѣлу о дочери отставнаго унтеръ-офицера Л.-Гв. Гатчинскаго (нынѣ Егерскаго) полка Зинаидѣ Коноплянниковой утверждаю».

Въ тотъ же день бар. Остенъ-Сакенъ выдалъ Удовольствіе: «Маріи Васильевѣ Коноплянниковой, именующей себя родной сестрой содержащейся подъ стражею въ С.-Петербургской крѣпости Зинаиды Васильевой Коноплянниковой, въ томъ, что на свиданіе ея съ означенной подсудимой съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ на сей предметъ въ С.-Петербургской крѣпости, со стороны Суда препятствій не встрѣчается»...

А уже 31 августа Военный Прокуроръ извѣстилъ Военно-окружный судъ: «На основаніи 1109 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3 сообщая суду, что приговоръ по дѣлу о Зинаидѣ Коноплянниковой приведенъ въ исполненіе. Военный Прокуроръ Генераль-Маіоръ Корейво. Секретарь (подпись)».

Предсѣдателю суда были пересланы Начальникомъ С.-Петербургскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія «на покрытіе судебныхъ издержекъ шестнадцать руб. 95 коп., оставшихся послѣ казенной Зинаиды Коноплянниковой».

Издержекъ оказалось больше: 18 руб. 57 к. Фотографу заплатили 16 р. 20 к., свидѣтелямъ: артисту Прѣцв. Орк. Петрову, сторожу Дубкову и фармацевту Кюммелю по 79 к. (согласно ихъ просьбѣ). Фармацевтъ просилъ надбавки—12 р. 20 к., т. к. онъ потерялъ будучи отвлеченъ отъ занятій, но его ходатайства не уважили. Позже всѣхъ 19 февр. 1907 г. ходатайствовалъ о вознагражденіи за экспертизу заслуж. орд. Профессоръ Михайл. Арт. Академикъ, г.-м. Забудскій 2-й, но за пропускомъ срока это ходатайство тоже удовлетворено не было.

IV.

Судебное дѣло, какъ оно прослѣжено нами по бумагамъ, плохо рисуетъ намъ живую личность Зинаиды Васильевны Коноплянниковой. Ея умѣніе обходиться съ дѣтьми, забота о томъ, не задѣли ли кого еще ея пули, — все это говоритъ о мягкихъ чертахъ ея души (хотя она и признается, что могла бы убить вѣдлившуюся въ нее жену генерала, если вѣрить показанію жандарма). Къ дѣлу приложены два клочка бумаги на которыхъ написано карандашемъ: на одномъ: «Нельзя учить танцевать младенца, еще не умѣющаго ходить». — Къ кому относятся эти слова? Сомнѣніе въ собственныхъ силахъ? Или «младенецъ» — Россія? — На другой бумажкѣ стихотворныя строки, будто говорящія о близящемся событіи:

„Усталый звѣрь, на жертву обреченный,
Остановись!—Куда! Я не хочу
Подробно разбирать, что происходитъ
Теперь въ моей душѣ; я не хочу
Заранѣ предугадывать, что будетъ“...

А ввизу—древнія слова:

«Vanitas vanitatum et omnia vanitas».

Александръ III о студентахъ.

Гр. Д. А. Толстой представилъ 8 октября 1882 года слѣдующій всеподданный докладъ:

„8-го октября, въ аудиторіи юридическаго факультета С.-Петербургскаго Университета собралась сходка студентовъ для обсужденія вопроса о правѣ студентовъ, подписавшихъ адресъ Полякову ¹⁾, подавать таковой отъ имени Университета безъ согласія остальныхъ товарищей. На сходкѣ этой было высказано, что не участвовавшіе въ подписи адреса студенты должны непремѣнно предъявить протестъ подачей контръ-адреса, тѣмъ болѣе, что Поляковъ, по мнѣнію собравшихся студентовъ, не принадлежитъ къ той средѣ людей, которыхъ Университетъ могъ бы почтить своей особой благодарностью. Сходка эта, прекращенная вскорѣ по распоряженію Университетскаго начальства, вновь устроилась 7-го сего октября, при участіи около 800 человекъ студентовъ, преимущественно естественнаго факультета, но не прійдя ни къ какому соглашенію по возбужденному вопросу, черезъ часъ разошлась.

Объ изложенномъ долгомъ считаю всеподданныйше доложить Вашему Императорскому Величеству.

Графъ Дмитрій Толстой.

На подлинномъ собственною, какъ говорилось въ старину, Егс Величества рукою написано: «Чѣмъ болваны занимаются!».

¹⁾ Известный финансовый дѣятель С. И. Поляковъ былъ учредителемъ известной поляковской коллегіи—общества для студентовъ Петербургскаго университета.

Налетъ П. И. Рачковскаго на народо- вольческую типографію.

11 ноября 1886 г. (ст. ст.) въ Департаментъ Полиціи получено было радостное извѣстіе—шифрованная телеграмма изъ Парижа отъ завѣдывающаго агентурой П. И. Рачковскаго: «Въ субботу ночью мною благополучно уничтожена въ Женевѣ типографія, пятая книжка «Вѣстника» и всѣ революціонныя изданія. Подробности почтой. Рачковскій».

Доложили объ этомъ товарищу министра, министру графу Толстому, который просилъ если будутъ получены донесенія—прислать ему для прочтенія. Рачковскому послали телеграмму, гдѣ говорилось: ...«Его Сіятельство, выразивъ свое удовольствіе, желаетъ знать техническія подробности дѣла, какъ проникли, въ какое время, сколько времени потребовалось на уничтоженіе, какимъ образомъ никто не замѣтилъ, и вообще подробно всю обстановку»... Докладъ Рачковскаго былъ довольно голый. Извѣщалось, что «народовольческая типографія въ Женевѣ составляла до сихъ поръ главную основу революціонной дѣятельности заграничнаго Отдѣла «Народной Воли». Послѣднее время народовольцы получили различныя пожертвованія на свое дѣло, а кромѣ того заказъ отъ «либераловъ» печатать собраніе гергеновскихъ «сочиненій», поэтому они задумали расширить свою дѣятельность. Для тихомировскаго кружка типографія была источникомъ главныхъ надеждъ. Поэтому Рачковскій рѣшилъ «подавить революціонное зло въ корнѣ, путемъ уничтоженія самой типографіи, которая со временъ «Колокола» служила самымъ крѣпкимъ пунктомъ революціонной заразы въ Россіи и среди учащейся молодежи заграничей». Предпріятіе было опасное. По законамъ свободной Женевы убійство при вторженіи въ жилище не считается преступленіемъ, и революціонеры, заставъ въ своемъ помѣщеніи непрощенныхъ гостей, могли свободно ихъ тамъ прикончить, не боясь кары. Кромѣ того, мѣстныя власти, «при своемъ радикализмѣ понятій», не были особенно дружелюбны по отношенію къ русской полиціи. Рачковскій принялся за дѣло основательно: онъ поручилъ женевскому агенту собрать всѣ свѣдѣнія о квартирѣ, о типографскихъ принадлежностяхъ. Всему дѣлу рѣшено было придать не уголовный, а политическій характеръ, чтобы женевскія власти отнесли все совершенное не за счетъ какихъ либо

преступниковъ, отъ которыхъ имъ надо ограждать общество, а какъ результатъ междупартійнаго среди эмигрантовъ столкновения. Рачковскій ловко рассчиталъ, что при такомъ исходѣ дѣла швейцарцы только бы остались недовольны смутьянами, нарушающими ихъ мирную жизнь. Чтобы не компрометировать Департамента Полиціи, дѣйствовавшій Милевскій, снабженный паспортомъ болгарина Моллера, долженъ былъ взять всю вину на себя. Во главѣ типографіи стояли: Бохановскій, Чернявская и «Жукъ» (Николай Жуковский)—фактический хозяинъ типографіи. «Путемъ внутренняго и наружнаго наблюденія» было выяснено, когда въ типографію будутъ доставлены различные материалы. Въ подробномъ отчетѣ, который былъ затѣмъ представленъ Александру III-му вмѣстѣ съ планомъ разгромленной квартиры, ходъ дѣла описанъ такъ: «мнѣ было, между прочимъ, извѣстно, что Чернявской прислуживаетъ сосѣдка по квартирѣ, очень бѣдная, весьма кокетливая женщина, у которой Чернявская и Бохановскій нерѣдко оставляютъ ключи отъ типографіи. Главной причиной такого довѣрія служило то обстоятельство, что мужъ ея, рабочій по профессіи, принадлежитъ къ одной изъ женевскихъ социалистическихъ группъ. Единственнымъ способомъ проникнуть въ народовольческую типографію безъ насильственныхъ мѣръ и ненужнаго риска, являлось соглашеніе съ этими сосѣдями. Такимъ образомъ, я рѣшилъ вступить въ соглашеніе съ означенной сосѣдкой, подѣйствовавши на ея корыстолюбіе, и увѣривши ея мужа, что въ дѣлѣ уничтоженія типографіи заинтересованы сами же русскіе революціонеры, у которыхъ работающіе въ типографіи «M-r Jean et M-me Morozoff» несправедливо завладѣли типографскимъ имуществомъ и дѣйствуютъ въ разрѣзъ съ принятыми въ Россіи программами. При вышеупомянутыхъ условіяхъ, соглашеніе состоялось въ весьма непродолжительномъ времени, при чемъ, для наибольшей убѣдительности, было поставлено на видъ, что дѣло могло бы осуществиться и легальнымъ способомъ, но что русскіе революціонеры не доводятъ дѣло до суда, только изъ опасенія компрометировать все революціонное движеніе. Вотъ какимъ способомъ былъ открытъ доступъ въ народовольческую квартиру, планъ которой, при семъ представляемый, имѣлся у меня раньше, вмѣстѣ съ подробнымъ обозначеніемъ всего типографскаго имущества и его расположенія, по отдѣльнымъ комнатамъ.

Вмѣстѣ съ симъ, путемъ внутреннихъ изслѣдованій, я узналъ, что къ 20—23 ноября народовольцы должны были привести къ себѣ изъ типографіи Карѣ отпечатанные уже листы «Вѣстника», взаимѣнъ чего у нихъ имѣлся въ готовомъ видѣ наборъ еще нѣсколькихъ новыхъ листовъ, служащихъ окончаніемъ 5-й книжки «Вѣстника». Наружное наблюденіе за типографіей, организованное мною изъ Милевского и Бинта, которыхъ я и назначилъ активными дѣятелями въ ея уничтоженіи, вполне подтвердили внутреннія указанія. По счастливой случайности, которою надо было

пользоваться, время полученія народовольцами отпечатанныхъ листовъ «Вѣстника», совпало съ субботою и, такимъ образомъ, отправка въ типографію Карэ набраннаго ими шрифта для дальнѣйшихъ листовъ, по необходимости отсрочивалась до понедѣльника, 22 ноября. — Слѣдовательно, суббота, 20 ноября, являлась послѣднимъ, днемъ когда намъ слѣдовало приступить къ уничтоженію типографіи съ полнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи «блестящихъ результатовъ» отъ своихъ уже почти оконченныхъ работъ, народовольческіе наборщики рѣшили устроить дружескую пирушку, что, впрочемъ, вообще дѣлается по субботамъ и вслѣдствіе чего типографія бываетъ въ это время пуста. Принявъ во вниманіе вышеизложенныя обстоятельства, я поручилъ Милевскому и Бинту приступить къ дѣйствию, воодушевивши ихъ увѣреніями, что они будутъ исполнять дѣло первостепенной политической важности и, сообразно съ этимъ, не останутся безъ надлежащей награды. Такимъ образомъ, Милевскій и Бинтъ, тотчасъ-же подъ благовидными предлогами выѣхали изъ занимаемыхъ ими квартиръ и отправили, на случай неожиданнаго провала, всѣ свои документы въ Парижъ на мое имя, а всѣ пожитки—въ ближайшіе пограничные пункты Франція, откуда они могли бы получить ихъ послѣ выѣзда изъ Швейцаріи. Вечеромъ, 20 ноября, согласно сдѣланному распоряженію, сосѣдка народовольцевъ открыла моимъ агентамъ дверь, вскорѣ послѣ того, какъ революціонные наборщики покинули свою типографію и, оставивши ихъ здѣсь, ушла въ свою квартиру. Между нами было условлено, чтобы на отпертой ея ключемъ двери были сдѣланы видимые знаки поврежденія. — Условіе это имѣло полную необходимость для того, чтобы устранить отъ сосѣдки какое бы то ни было подозрѣніе въ участіи, ибо это послѣднее, по существующимъ въ Швейцаріи законамъ могло кончиться для нея десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Поэтому, расцарапавши найденнымъ въ типографіи гвоздемъ уже отпертый замокъ входной типографской двери, Милевскій и Бинтъ, въ сообществѣ одного (Швейцарскаго) «гражданина»... принялись за уничтоженіе всего революціоннаго матерьяла, находившагося въ типографіи. Согласно съ моими указаніями на счетъ расположенія этого матерьяла по типографскимъ комнатамъ, Милевскій и Бинтъ прежде всего, уничтожили набранный шрифтъ и отпечатанные листы 5-й кн. «Вѣстника», затѣмъ готовыя уже къ продажѣ Герценовскія сочиненія и, наконецъ, по степени революціонной важности, весь имѣвшійся въ типографіи революціонный матерьялъ. Уничтоженіе типографіи началось съ 9 ч. вечера, 20 ноября, и едва могло быть окончено къ 4½ ч. утра, 21 ноября, когда уже начало свѣтать, и дальнѣйшее пребываніе въ типографіи становилось крайне опаснымъ. Засимъ, въ виду того, что окна типографіи выходятъ на улицу, я вынужденъ былъ распорядиться, чтобы мои агенты работали или съ потайнымъ фонаремъ, или же впотьмахъ. Послѣднее и было выбрано: освѣтивши, напримѣръ, спичкой пзвѣстную часть той или другой типографской компаты

и убѣдившись, что тамъ находится именно тотъ матеріалъ, о которомъ имъ было заблаговременно сказано, они уничтожили все это впотьмахъ, начиная съ отдѣльныхъ листовъ 5-й книжки «Вѣстника Народной Воли», и кончая ящикомъ съ новымъ недавно полученнымъ типографіей шрифтомъ, часть котораго была облита ѣдкимъ, добытымъ мною въ Парижѣ химическимъ составомъ и превращена въ сплошную свинцовую массу. (Всѣхъ шрифтовъ, какъ оказалось, въ типографіи было около 25 пуд.). Уничтоженіе типографіи производилось съ такою энергіей и усердіемъ, что къ утру, когда весь революціонный матеріалъ (за исключеніемъ 120—150 экземпляровъ 2-й книжки «Вѣстника» и 8—10 пудовъ шрифтовъ) былъ истребленъ, Милевскій и Бинтъ совершенно обезсилили и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, жаловались на боль во всемъ организмѣ, особенно же на боль въ рукахъ, которыя, какъ я самолично убѣдился, почти совсѣмъ не могли разгибаться и были покрыты водяными мозолями. Отъ изорванной въ мелкіе куски печатной бумаги образовались, по всѣмъ типографскимъ комнатамъ, большіе кучи, среди которыхъ можно было только съ трудомъ двигаться. Разсыпанные по полу, уже негодные къ употребленію шрифты, вмѣстѣ съ бумажными кучами, представляли полное разрушеніе всѣхъ настоящихъ и прежде сдѣланныхъ работъ народовольческой типографіи. Оставивши эту послѣднюю въ такомъ видѣ, и выйдя изъ квартиры вполне благополучно, Милевскій и Бинтъ выѣхали изъ Женевы разными, но первыми утренними поѣздами. Сосѣдка народовольцевъ была награждена своевременно».

Къ радости Рачковскаго газета «Journal de Genève», описывая происшествіе, нашла на ложный слѣдъ въ отыскиваніи его виновника: «Les auteurs de cette effraction ne sont pas encore connus, mais l'on croit qu'il s'agit de la vengeance d'un ancien employé ou même d'un ami politique mécontent, plutot que d'une machination d'agents politiques comme l'écrit au Temps un correspondant de Genève». ¹⁾ (Вырѣзка изъ газеты приложена къ докладу). Рачковскій оповѣщаетъ въ своемъ докладѣ, что «человѣкъ», который работалъ прежде въ типографіи (и слѣдовательно зналъ всѣ условія ея существованія), а затѣмъ разошелся съ «Народной Волей» по принципиальнымъ разногласіямъ,—это Плехановъ. Въ другомъ своемъ донесеніи Рачковскій говоритъ, что «Жуковский, согласно указаніямъ Тихомирова, заявилъ Женевскимъ властямъ подозрѣніе на враждебныя народовольческимъ принципамъ эмигрантскія группы, т. е. объявилъ разрушителемъ типографіи прямо Плеханова». Подозрѣніе это усиливалось, т. к. народовольцы думали, что такое «основательное знаніе» конспиративныхъ условий... совершенно недоступно для обыкновеннаго шпиона... Не удовольство-

¹⁾ „Виновники этого преступленія (дословно „злома“) пока неизвѣстны, но полагаютъ, что все дѣло скорѣе въ мести бывшаго служащаго, или даже недозвольнаго политическаго единомышленника, чѣмъ въ махинаціи агентовъ полиціи, какъ это писала газетъ „Temps“ женевскій корреспондентъ.

завшись своей дьявольской махинаціей, Рачковскій предложилъ Департаменту Полиціи во первыхъ: «огласить, путемъ печати, объ уничтоженіи народовольческой типографіи именно Плехановымъ и В. Засуличъ» и во вторыхъ: черезъ Министерство Иностран-ныхъ Дѣлъ оказать давленіе на Швейцарское Правительство въ томъ смыслѣ, чтобы оно не давало пріюта русскимъ революціо-нерамъ. Однако Дурново ему отвѣтилъ: «Господинъ Министръ изволилъ признать, что всякія дипломатическія сношенія съ Швей-царскимъ Правительствомъ могутъ вызвать въ настоящее время нежелательные толки и заключенія».

Правительство пожелало наградить ревностныхъ своихъ слугъ, совершавшихъ въ чужой странѣ ночные подвиги не хуже любыхъ бандитовъ. «Леонару» (Monsieur Leonard—такъ звался Рачковскій) посылается шифрованная телеграмма: «Прошу немедленно теле-графировать совершенно откровенно, какъ по вашему мнѣнію слѣ-дуетъ наградить Гурина, Милевского, Винта и швейцарскаго граж-данина». Отвѣтъ былъ такой: «По совѣсти полагалъ бы: Милев-скому чинъ и 1000 франковъ, Гурина 2000 фр., Винту 1000 фр. Швейцарецъ олоченъ. Рачковскій».—На этой телеграммѣ кѣмъ то написано: Ръану (?)—500 fr., Гурина—3000 fr., Винту—2000—зачеркнуто и написано: 1500, Милевскому 2000—зачеркнуто и написано: 1500, Рачковскому 5000, кромѣ того «чиномъ и Анны 3 ст.»—сбоку скобка для всѣхъ и карандашемъ: «чинъ». Дѣло-производитель удостовѣрилъ: «вѣрно». Предположеніе о наградахъ было доложено гр. Толстымъ царю 4 декабря 1886 г. и было, повидимому, одобрено. Агенты Рачковскаго истребили: 1. Шестъ листовъ (по 1000 экземпляровъ каждый) готовившейся къ выходу 5-й книжки «Вѣстника»; 2. Календарь «Народной Воли»; 3. Третью, четвертую и часть второй книжки «Вѣстника»; 4. Герценовскія сочиненія; 5. Брошюры Тихомирова «На родинѣ», «Набатъ» и другія изданія «Народной Воли»,—всего до шести тысячъ экземпляровъ; 6. экземпляръ «Холокоста», съ котораго Чернявская и Бохановскій набирали Герценовскія «сочиненія», приправленные критическимъ обзоромъ Лаврова и, наконецъ, разбросали по разнымъ улицамъ Женевы около шести пудовъ шрифта (въ томъ числѣ находился новый, недавно прибрѣтенный для расширенія типографіи), а также рассыпали весь текущій наборъ, распо-ложенный на двухъ столахъ въ гранкахъ. Тѣмъ не менѣе народо-вольцы рѣшили во чтобы то ни стало выпустить 5-ю книжку «Вѣстника», чтобы «проявить на дѣлѣ живучесть партіи». Эта книжка наконецъ вышла. Тогда консуламъ Берлина и Вѣны было предписано Министерствомъ Внутр. Дѣлъ—скупить всѣ вышедшія книжки. Упустили изъ виду при этомъ, что такой покупкой пре-доставляется въ распоряженіе редакціи извѣстная сумма денегъ, вполне достаточная для выпуска втораго изданія. На эту сторону дѣла указалъ вѣнскій консулъ К. Губастовъ, и Дурново, по при-казанію тов. мин. Оржевскаго, поспѣшилъ дать отбой: «Veuillez

laisser sans exécution ma dernière dépêche concernant achat livres» ¹⁾. Не поймавъ пятого номера, Рачковскій рѣшился на вторичный разгромъ народовольческой типографіи. 4-го февраля 1887 г. была получена отъ него шифрованная телеграмма: «Въ воскресенье уничтожена въ Женевѣ, организованная вновь народовольческая типографія.—Ясевичъ (?) въ Парижѣ. Подробности почтой. Все благополучно. Леонардъ». Все существенное изъ письменнаго сообщенія Рачковского вошло во Всеподданнѣйшій Докладъ, который приводимъ: «Въ январѣ мѣсяцъ сего года завѣдывающимъ Парижской агентурой Департамента Полиціи были получены свѣдѣнія, что уничтоженная народовольческая типографія въ Женевѣ получила изъ г. Праги значительное количество новаго шрифта, причемъ распорядители типографіи эмигранты Бохановскій и Чернявская занялись организаціей вновь типографскаго дѣла для издательства ежемѣсячной газеты, которую Тихомировъ рѣшилъ издавать единолично.

Имѣя въ виду, что для возобновленія типографіи Тихомировскимъ кружкомъ были затрачены послѣдніе средства и сдѣланы новыя весьма значительныя долги, завѣдывающій агентурой рѣшился вновь уничтожить типографію, чтобы нанести окончательный ударъ матеріальнымъ средствамъ народовольцевъ. Въ воскресенье 13 февраля, участвовавшіе въ первомъ уничтоженіи типографіи: наблюдательный агентъ, французскій гражданинъ Бинтъ и извѣстный завѣдывающему агентурой швейцарскій гражданинъ проникли въ помѣщеніе типографіи и послѣ напряженной работы, длившейся около 4-хъ часовъ, вынесли изъ помѣщенія вновь полученный шрифтъ, а также 16 страницъ приготавливавшейся къ печати какой-то брошюры, всего отъ 8 до 10 пуд. и зарыли въ яму за городомъ, остальной же шрифтъ изломали и раздавили. Кромѣ того, уничтожены всѣ экземпляры біографій революціонныхъ дѣятелей, написанные Тихомировымъ и изданные въ пользу «Краснаго Креста Народной воли»; 208 экземпляровъ 3-ей книжки «Вѣстника Народной воли», всѣ изданія Алисова, частью еще не сброшюрованныя, и наконецъ не бывшіе прежде въ типографіи 100 экземпляровъ 3-ей книжки «Вѣстника Народной Воли», напечатанныя на тонкой бумагѣ, и предназначенные не для продажи, а исключительно для разсылки по почтѣ. Въ числѣ документовъ, найденныхъ въ помѣщеніи типографіи, обращаетъ на себя вниманіе представляемый при семъ корректурный листъ статьи Тихомирова, приложенный къ 5-й книжкѣ «Вѣстника Народной Воли» о первомъ разгромѣ типографіи, изъ коего видно, что первоначально помѣщенные выраженія: «разорвали все, что можно было разорвать» и далѣе: «разрушили и попортили все, что могли» замѣнены болѣе мягкими: «все что успѣли» и «на довольно значительную сумму». За оказанную услугу

¹⁾ „Прощу оставить неисполненной мною послѣднюю депешу касательно покупки книгъ“.

предположено: французскому гражданину Бинту сверх испрашиваемой почетной награды (золотая медаль на станиславской лентѣ) выдать денежную награду въ размѣрѣ 500 франковъ и швейцарскому гражданину награду въ 600 франковъ».

Всѣ награды на сей разъ не превышаютъ просимаго Рачковскимъ. Очевидно его продѣлка утратила всю прелесть новизны и нужно было изобрѣтать другіе приемы борьбы съ революціонерами.

Памяти борцовъ за свободу.

Рѣчь В. Н. Фигнеръ, произнесенная на митингѣ 2 іюля 1917 г.

Вскорѣ послѣ революціи нѣсколько членовъ Революціоннаго Краснаго Креста: В. Шахъ, Л. Купріянова, Т. Богдановичъ, Э. Соломина и др., взяли на себя инициативу образовать Общество, которое соорудило бы музей революціи, чтобы собрать въ немъ все, относящееся къ борьбѣ за свободу въ Россіи.

Не знаю, надо ли доказывать, что въ Россіи необходимо имѣть такое постоянное учрежденіе, въ которомъ можно бы сосредоточивать, классифицировать и изучать матеріалы по исторіи движенія, которое насчитываетъ уже болѣе ста лѣтъ, начиная съ Радищева и кончая послѣдними мѣсяцами, когда фактически мы имѣемъ республику.

Каждая страна, каждая нація имѣетъ уголокъ, въ которомъ она хранитъ то, что ей дорого и мило, и только Россія не имѣетъ хранилища для воспоминаній, къ которымъ могъ бы прибѣгать историкъ и общественный дѣятель, психологъ и педагогъ.

До сихъ поръ мы жили при условіяхъ, когда хранилище не могло быть безопаснымъ отъ покушеній полиціи и жандармеріи: все, что относилось къ борьбѣ съ существовавшимъ строемъ, подвергалось преслѣдованію. Всѣ причастные общественной дѣятельности и въ особенности борьбѣ противъ абсолютизма и экономическаго поработченія массъ, стояли предъ возможностью неожиданнаго обыска или ареста и, считаясь съ этимъ, не могли хранить у себя никакихъ документовъ и вещей, относящихся къ оппозиціонной и революціонной дѣятельности. А тѣ, кому они отдавали что нибудь на храненіе, по трусости и болѣзненной мнительности, сплошь и рядомъ пстреляли огнемъ то, что должны были оберегать. Такъ безвозвратно погибали цѣнные документы, единственные экземпляры и вещи, драгоцѣнныя по воспоминаніямъ, вещи, которыя ужъ нельзя возстановить.

И не грустно ли сознавать, что единственная въ своемъ родѣ коллекція предметовъ и литературныхъ документовъ по освободительному движенію, собранная Бебутовымъ, и насчитывающая шесть тысячъ зарегистрированныхъ номеровъ, была перевезена въ Германію за отсутствіемъ свободы въ Россіи и сдана на храненіе германской соц.-демократической партіи!

Но теперь, когда старый режимъ рушился, неужели надо

кого нибудь убѣждать, что долженъ быть созданъ и у насъ музей—домъ революціи, въ который русскіе люди могли бы спокойно снести все цѣнное по исторіи нашей борьбы, противъ угнетенія и всякаго рода рабства?

Одними изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній, испытанныхъ мной въ послѣднее десятилѣтіе за границей, были впечатлѣнія, вынесенныя изъ двухъ музеевъ.

Одинъ изъ нихъ,—музей польскій, находится въ Швейцаріи, въ кантонѣ С. Галленъ въ городкѣ Рапперсвилъ. На берегу Цюрихскаго озера, въ самомъ концѣ его, у синихъ водъ озера стоятъ высокія стѣны старой крѣпости, сплошь увитыя плющемъ. Около нихъ — купы стройныхъ деревьевъ, сверху благодатное голубое небо, а кругомъ—горы съ мягкимъ очертаніемъ вершинъ и склоновъ.

Польскій магнатъ, графъ Плятеръ, арендовалъ крѣпость на 99 лѣтъ у города и содержитъ музей, въ которомъ собраны національныя историческія цѣнности Польши. Нація, разсѣченная на три части, но никогда не забывавшая своего единства, хранить здѣсь, на чужбинѣ, свои святыни. Ни въ одной изъ своихъ разсѣченныхъ частей не могла она найти для нихъ безопаснаго пріюта. Но въ маленькой Швейцаріи создала убѣжище для храненія того, что ей дорого, какъ воспоминаніе о ея государственной независимости. Здѣсь находятся польскія знамена, древнее оружіе, портреты польскихъ государей, общественныхъ дѣятелей и національныхъ героев, утварь, монеты и разные предметы польской старины; собраны рукописи и книги. На всемъ слѣды заботливости и любви. А во дворѣ, внутри крѣпости, подъ колонной, увѣнчанной польскимъ орломъ, лежитъ сердце польскаго героя—сердце Костюшки.

Послѣ осмотра, вмѣстѣ съ группой русской учащейся молодежи, выброшенной изъ Россіи послѣ революціи 905—906 года, я сидѣла на прибрежныхъ валунахъ у плещущаго озера, охваченная грустными размышленіями о судьбахъ польскаго народа, разсѣченнаго на три части, и о томъ, что, подобно польскимъ патріотамъ, русскіе люди тоже вынуждены искать пріюта и себѣ, и своимъ общественнымъ историческимъ цѣностямъ на чужой сторонѣ, внѣ родины..

Потомъ я была въ Парижѣ и посетила музей великой французской революціи, Музей Карнавала. Онъ особенно привлекалъ меня. Я принадлежу къ поколѣнію, которое мужало и получало революціонное воспитаніе подъ вліяніемъ идей французской революціи и французскихъ социалистовъ. Отправившись въ началѣ 70-хъ годовъ въ Швейцарію для поступленія на медицинскій факультетъ Цюрихскаго университета, я и тѣ русскія женщины, которыя съѣхались въ Цюрихъ для той же цѣли, нашли тамъ прекрасную бібліотеку, основанную пятью первыми молодыми эмигрантами того времени. Тамъ, кромѣ собранія всего, что вышло изъ подъ пера Герцена, Огарева и Бакунина, были всѣ наиболѣе

вначительныя сочиненія по исторіи великой французской революціи и послѣдующихъ революціонныхъ движеній Франціи, а также всѣ выдающіяся произведенія французскихъ социалистовъ отъ Фурье и С. Симона до Каба, и Прудона и Луи Блана. Всѣ новыя для насъ и недоступныя въ Россіи идеи черпали мы изъ этихъ источниковъ. Соціалисты Франціи рисовали намъ идеалы общественнаго переустройства, а дѣятели французской революціи учили, какъ надо бороться и умирать за идеи. Каждая изъ моихъ ближайшихъ товарокъ выбирала себѣ героя изъ великой эпохи позапрошлаго вѣка. Однѣ брали за образецъ неподкупнаго Робеспьера, другія увлекались пылкимъ Дантономъ, третьи въ молодой прямолинейности чтили превыше всѣхъ свирѣпаго Марата...

Съ большимъ запасомъ затаеннаго чувства я вошла въ музей Карнавала.

Во дворѣ стараго дома, въ помѣщеніи небольшого размѣра, я нашла комнату, гдѣ по стѣнамъ развѣшены портреты революціонныхъ дѣятелей и республиканскихъ полководцевъ эпохи, которою гордится французскій народъ, и описаніемъ которой не можетъ не увлекаться каждый молодой читатель. На большомъ столѣ стояла модель Бастиліи, этой эмблемы деспотизма, взятой приступомъ и разрушенной толпой въ началѣ революціи. Въ витринахъ расположены различные предметы, принадлежавшіе историческимъ личностямъ той эпохи. Всѣ эти люди жили бурной общественной жизнью, когда рождалась свобода, всѣ боролись, страдали и умирали на своемъ посту, каждый за свои убѣжденія. Тамъ я видѣла письма, маленькія записки изъ тюрьмы, набросанныя второпяхъ на клочкѣ бумаги. Вотъ письмо знаменитой Теруанъ де-Меркуръ; на гравюрахъ мы видимъ ее молодою и красивой, во фригійскомъ колпакѣ, сидящей на пушкѣ, которую влечетъ народъ. Сначала — героиня парижской уличной толпы, потомъ оповоренная, она умерла — гильотинированная. Изъ тюрьмы она пишетъ своимъ друзьямъ, чтобъ они собрали ея долги — она нуждается въ деньгахъ. А на пожелтѣвшемъ клочкѣ бумаги жирондистъ Бюзо пишетъ своей возлюбленной, чтобъ она принесла ему въ тюрьму немного бѣлья и табаку. Его тоже ждетъ гильотина. Тутъ же рядомъ ножъ и вилка, которые другой жирондистъ употреблялъ въ тюрьмѣ, быть можетъ, наканунѣ дня совершенія надъ нимъ смертной казни. Сюда попалъ и чепчикъ королевы, ненавистной народу австріячки, Маріи Антуанетты, голова которой упала подъ ножомъ гильотины. А на стѣнѣ — декретъ Конвента о смертномъ приговорѣ Людовику Капету и прокламація, опредѣляющая мѣры предосторожности по пути слѣдованія бывшаго короля къ мѣсту казни. Всѣ эти документы и предметы, немногіе остатки великой до сихъ поръ волнующей, трагической эпохи, эти мелкія реальныя вещицы производятъ глубочайшее впечатлѣніе. Они говорятъ о жизни, воскрешаютъ событія и людей, они напоминаютъ до осязаемости муки и страданія, которыхъ стояли новыя формы общественной жизни и общественныхъ отно-

шеній. И посѣтителъ выходитъ изъ музея, обвѣянный воспомина- ніями, съ незабываемыми переживаніями.

Неужели же Россія, которая болѣе ста лѣтъ вела борьбу съ царизмомъ, съ угнетеніемъ и всякаго рода рабствомъ, Россія, имѣвшая свою Бастилію, свои центры, имѣвшая тысячи смерт- ныхъ казней и десятки тысячъ политическихъ каторжанъ и ссыль- ныхъ—неужели эта Россія не имѣетъ страницъ исторіи, которыя стоятъ сохранить, не имѣетъ никакихъ предметовъ, которые стоятъ сберечь?!

Находясь за границей, я занималась организаціей денежной помощи политическимъ каторжанамъ и ко мнѣ приходили письма и сообщенія объ условіяхъ тюрьмы и ссылки. Между ними нѣкоторые были замѣчательны по фактамъ, другіе—по стилю и своей тро- гательности.

Непосредственнымъ поводомъ къ тому, чтобъ я занялась этой помощью, послужило письмо изъ Алгачей, пересланное мнѣ изъ Россіи въ декабрѣ 1909 г.

«Вездѣ много горя», писала мнѣ сестра, «но тутъ ужъ выше всякой мѣры». Въ письмѣ передавались условія, въ которыхъ правительствомъ цивилизованной страны содержитъ своихъ полити- ческихъ противниковъ въ этой сибирской каторжной тюрьмѣ. Въ то время свирѣпой реакціи всѣ тюрьмы вообще были перепол- нены заключенными и въ Алгачахъ вмѣсто 300 чел. было помѣ- щено 600. Тѣснота была такая, что заключенные спали не только на нарахъ, но и подъ нарами, между нарами, на столахъ и во всѣхъ проходахъ; спали на полу, безъ подушекъ и какихъ либо постельныхъ принадлежностей; спали въ отвратительной атмос- ферѣ зловонія отъ парашки; они ѣли отвратительную пищу, раз- считанную на прежній контингентъ въ 300 чел., и оставались постоянно голодными; ни чаю, ни мыла, ни письменныхъ при- надлежностей они не имѣли за отсутствіемъ собственныхъ денегъ. «У меня нѣтъ одной копѣйки, чтобъ купить конвертъ и листъ почто- вой бумаги», писалъ одинъ рабочій въ другомъ письмѣ изъ тѣхъ же Алгачей.

Въ баню ихъ водили одинъ разъ въ мѣсяцъ, причемъ наби- вали по 40 чел. въ крошечное помѣщеніе, гдѣ заключенные стояли плечо къ плечу, имѣя всего семь шаговъ на 40 человѣкъ. Осенью, пока земля не замерзла, начальство заранѣе выкопало 70 могилъ для будущихъ покойниковъ...

Стыдно, но приходится во всеуслышанье сказать, что тѣлес- ные наказанія примѣнялись къ политическимъ каторжанамъ во всѣхъ тюрьмахъ Россіи Европейской и по всей Сибири, за исклю- ченіемъ Александровской, Мальцевской и, быть можетъ, еще одной или двухъ, которыхъ я не знаю. Изъ за этого люди кончали само- убійствомъ, и навсегда имѣли убитую душу. Орелъ, Рига, Смо- ленскъ, Вологда, Пермь и еще, еще другія.—но въ особенности Орелъ!—были настоящими застѣнками, гдѣ калѣчили, изводили и убивали съ такой жестокостью и цинизмомъ, что нѣтъ возмож-

ности въ печати описывать все, что тамъ происходило. Развѣ не стоитъ памяти этотъ мартирологъ? развѣ не надо составить одинъ безконечно длинный обвинительный актъ противъ всѣхъ гнусныхъ мучителей, цѣлое десятилѣтіе истязавшихъ политическихъ и еще разъ, еще одинъ разъ покрыть позоромъ позорный режимъ, который такъ долго терпѣла наша родина? Память русскаго человѣка коротка: еще на дняхъ, по поводу жестокаго обращенія съ офицерами, арестованными въ Кронштадтѣ, въ статьѣ В. И. Вернадскаго, помѣщенной безъ поправокъ въ такомъ освѣдомленномъ органѣ, какъ газета «Рѣчь» повторяются слова проф. Кузьмина-Караваева (въ «Биржев. Вѣд.» 22, V), справедливо возмущающагося отвратительнымъ отношеніемъ кронштадтцевъ къ заключеннымъ, но утверждающимъ, что подобный режимъ царилъ иногда, не часто, при старомъ режимѣ, какъ злоупотребленіе властью мѣстныхъ ея носителей, и вызывалъ къ себѣ глухой, а нерѣдко и открытый протестъ всѣхъ русскихъ людей, не чувствовавшихъ себя рабами. Нѣтъ! я утверждаю, на основаніи данныхъ, которыя Парижскій Комитетъ помощи политическимъ каторжанамъ получалъ изъ тюремъ, что это было не sporadическое злоупотребленіе властью,—это была система, гнусная, истребительная, не щадившая ни жизнь, ни честь заключеннаго, и эта система должна быть наконецъ документально вскрыта, и позорныя страницы опубликованы. Я утверждаю также, въ противность авторамъ упомянутыхъ статей, утверждаю со скорбью, что русское общество не сдѣлало для защиты заключенныхъ въ «мертвыхъ домахъ», разсыпанныхъ въ Россіи, всего того, что должно было сдѣлать.

Домъ-музей революціи, домъ вѣковой борьбы за свободу Россіи, долженъ собрать весь матеріалъ по исторіи этой борьбы, и тѣмъ оказать справедливость по отношенію къ замученнымъ и погибшимъ.

Впра Фигнеръ.

2. VI. 1917.

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

**№ 2 (24)
АВГУСТЪ
1917**

Письма А. Н. Радищева по возвращеніи изъ ссылки ¹⁾).

I.

Бъ Николаю Афонасьевичу Радищеву.

Въ Кузнецкѣ.

Отъ Александра Николаевича Радищева.

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка.

Наконецъ я пріѣхалъ въ Немцово, и простудившись при выѣздѣ моемъ изъ Москвы, кашлемъ замучился. Немцово я нашелъ въ великой разстройкѣ и можно сказать въ разореніи. Каменнаго дома развалились даже стѣны, хотя не всѣ. Я живу въ лар(ч?)угѣ, въ которую сквозь соломенную крышку течетъ, а вчерась чуть Богъ спасъ отъ пожара, надъ печью загорѣлось. Садъ какъ вызябъ, подсадки не было, забора нѣтъ. Нѣмцово заложено въ банкъ и оброкъ весь идетъ туда. Посуда вся вывезена, новопостроенная связь продана даже новые чуланы, а нынѣ изъ банка требуютъ, для чего пустошь продана, а Петръ Григорьевичъ Радищевъ подалъ прозбу, для чего его часть продана. Къ моему горю и еще хлопоты. Мураино все вырублено, Дуркино продано, Кривское такъ же, а долгу моего не уплачено ни мало. Аблазовыхъ долгъ весь на мнѣ, банковской на мнѣ, Тухачевской, Кашталинскаго. Уплачено только то, что можно было уплатить деньгами Елизаветы Васильевны покойной, и онъ остается на моей душѣ. Милостивый Государь Батюшка, если хотите еще здѣлать милость со мною, если можете жалость имѣть къ моимъ дѣтямъ и не переимѣнили намѣреніе Клинскую Деревню оставить за мой долгъ, то прошу васъ не приказывать ея продавать и ничего до того времени, какъ я съ вами и племенниками увижусь. У Морозова прикажите взять вѣрующее письмо на продажу и управление Вашего имѣнія. Для чего я сіе прошу, о томъ вамъ скажу самъ,

¹⁾ Помѣщаемыя здѣсь письма А. Н. Радищева находятся среди перлюстрацій Московскаго почтамта, которыя высылались въ Петербургъ при Екатеринѣ II и Павлѣ I; письма не датированы, но, какъ видно изъ ихъ содержанія, относятся къ 1797 году; въ настоящее время они хранятся въ Государственномъ Архивѣ.

если Богъ велеть мнѣ Васъ видѣть. Извините меня въ томъ, что я къ вамъ пишу. Я пишу въ отчаяніи душевномъ. Въ Илимскѣ я жилъ милостынею, а здѣсь чѣмъ будетъ жизнь, не вѣдаю. Дай Богъ, чтобъ я могъ скорѣе съ вами увидѣться; то радость бы еще вошла въ сердце вашего сына ¹⁾).

II.

Къ Маріи Николаевнѣ Радищевой.

Было включено въ предыдущее письмо.

Любевная сестра Марья Николаевна!

Пріѣхавъ въ Москву, къ крайнему моему удивленію я увѣдомился, что Батюшка въ долгѣ моемъ съ вами раздѣлки не здѣлалъ и дѣло остановилось. Теперь имѣю намѣреніе, если можно то будетъ, повидаться съ вами, а прошу тебя и дѣтей твоихъ, чтобы требованіемъ обождать до моего пріѣзда. Я думаю давно бы дѣло было окончано, если бы тутъ не замѣшался Морозовъ. Попросите Батюшки, чтобъ ему не велѣлъ ничего продавать, а онъ продаетъ и деньги идутъ Богъ знаетъ куда. Прости моя любезная поклонись своимъ дѣтямъ. Мнѣ видѣть васъ всѣхъ хочется не сказано. Простите еще.

III.

Къ Моисею Николаевичу Радищеву.

Разставшись съ тобою около ночи любезный мой другъ и братъ Моисѣй Николаевичъ, я чрезъ день пріѣхалъ въ Немцово, и признаю съ что еслибы я зналъ положеніе здѣшней деревни, никакъ бы не назначилъ ея для своего пребыванія. Ибо представъ себѣ живу въ одной горницѣ и та теперь покрыта соломою. Застроенные покои Морозовъ продалъ. Каменный домъ развалился и трудно починить. Садъ какъ полябъ, такъ и теперь, и проданъ на два года, доходъ идетъ почти весь въ банкъ, по Рождество здѣсь вьять нѣчего. Мужики извольничились. Старая посуда вся вывезена годъ тому назадъ на четырехъ подводахъ. Моего сервиза нѣтъ ни здѣсь, ни въ С.-Петербургѣ. Долгу на мнѣ столько же, сколько было, какъ я поѣхалъ, а продана здѣсь пустошь деревни Дуркино, Кривское, въ которыхъ до 50 душъ.—Слѣдуетъ это дѣтямъ, въ полку, чѣмъ мнѣ здѣсь жить будетъ теперь, но полно.

Увѣдомляй меня Бога ради, каково будетъ твое въ Петербургѣ пребываніе. Что больше здѣсь живу, тѣмъ больше вижу что

¹⁾ Въ сочиненіяхъ А. Н. Радищева, подъ редакціей В. В. Каллама, т. II, стр. 538, напечатано письмо Радищева къ А. Р. Воронцову 24 іюля 1797 г. изъ Нѣмцова. Радищевъ пишетъ: «Après être resté à Moscou pendant quatre jours sans avoir vu personne et fait quelques emplettes de nécessité, je me suis rendu chez moi il y a environ 8 jours». *Ред*

Морозовъ плутъ. Боюсь того, чтобъ онъ чего худого не задѣлалъ. Увѣдомляй меня можетъ ли быть надежда мнѣ ѣхать видѣться съ батюшкою. Прости мой любезный мнѣ здѣсь жить скучно и день ото дня скучнѣе, тому бы я и самъ не повѣрилъ скучнѣе Илимскаго. Одно утѣшеніе, что могу видѣться съ тобою и поближе къ дѣтямъ. Прости мой любезный другъ, ко мнѣ пиши прямо въ Ярославецъ.

НВ. Изъ банку запросъ задѣланъ, для чего пустошь одну батюшка Нѣмцовскую продалъ. Боюсь чтобъ Морозовъ не ввѣлъ старика нашего въ хлопоты. Если деньги получишь отъ Ржевской и надежды не предвидишь мнѣ ѣхать къ батюшкѣ, то купи мнѣ сахару 5 пудъ, кофе 1 пудъ, черносливу, да чрезъ Агличанъ достань или вѣли привезти семянъ травныхъ называемыхъ по французски trefle или дятливіна, sainfoin пшеницы не больше какъ посѣять по дѣсятинѣ, да косу косить хлѣбъ и другую траву.

IV.

Къ Александру Андреевичу Ушакову.

Въ Псковъ

Любезный мой другъ и братъ Александръ Андрѣевичъ!

Извѣстіе о возвращеніи моемъ изъ Илимска давно уже думаю достигло до слуха твоего; но не извѣстно тебѣ можетъ быть, что препятствуетъ въ пути моемъ всѣмъ, что ты вообразить можешь, я наконецъ чрезъ пять мѣсяцовъ путешествія достигъ мѣста для пребыванія мнѣ назначеннаго. Сопутница вѣрная моего бѣдствія, другъ мой Елизавета Васильевна сестра твоя скончалась въ Тобольскѣ. Я истинно могу сказать про себя, что я осиротѣлъ. Ахъ любезный мой, если можешь вѣрить моему слову, то вѣрь, что я несчастливѣе себя тепѣрь чувствую нежели какъ то я былъ въ Илимскѣ. Давно принимался я за перо, чтобъ извѣстить васъ о семъ несчастномъ для меня приключеніи, но силъ на то не доставало, и если бы случилось тебѣ увидѣть меня въ постороннемъ мѣстѣ, то бы ты меня не узналъ.

Я виноватъ предъ тобою, охотно въ томъ признаюсь. Я тебѣ долженъ, но что прискорбнѣе что и по возвращеніи не могу удовлетворить тебя. Дѣла мои нахожу въ величайшей разстройкѣ и долгу не уплачено почти ничего. Отецъ мой слѣпъ и все вѣрить своему стряпчему истинному мошеннику, котораго цѣль не иная была какъ бы разорить не только меня или дѣтей моихъ, но если можно и братьевъ моихъ, а батюшка ему вѣрить и досылѣ.

Прости мой любезный другъ, усерднѣйшее мое почтеніе Варварѣ Петровнѣ и дѣтей своихъ поцѣлуй. Если хочешь ко мнѣ написать, то адресуй письмо на имя мое въ Малой Ярославецъ.

Прости мой другъ.

Сообщилъ Я. Барсковъ.

Дѣло Гапона ¹⁾.

ЧАСТЬ I. ²⁾

Гапонъ.

(Январь—ноябрь 1905 г.)

Съ перваго дня петербургской забастовки передъ 9-мъ января 1905 г. видно было, что дѣло не ограничится однимъ принятіемъ назадъ на работу рассчитанныхъ съ Путиловскаго завода четырехъ рабочихъ.

Я внимательно сталъ слѣдить за стачкой и руководителемъ ея Гапономъ.

Незадолго до 9-го января 1905 г. я ушелъ съ Н-скаго завода, гдѣ завѣдывалъ одной изъ мастерскихъ. Отношенія мои съ рабочими были хорошія, и во время стачки они предложили мнѣ посѣщать ихъ собранія.

5-го января они познакомили меня съ Гапономъ.

¹⁾ Опубликовываемыя записки состоятъ изъ 8-хъ частей, писавшихся разновременно: 1) замѣтки о Гапонѣ за январь—ноябрь 1905 года писались въ концѣ 1907 года; 2) мои отчеты Ц. К.-ту П. С.-Р. о предательствѣ и смерти Гапона—писались по распоряженію Ц. К. послѣ каждого изъ моихъ свиданій съ Гапономъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, въ самый день свиданія или черезъ нѣсколько дней. Отчеты тогда же пересылались Ц. К.-ту. Въ настоящее время эта часть пополнена необходимыми поясненіями; 3) глава о моихъ сношеніяхъ съ Ц. К. П. С.-Р. по дѣлу Гапона послѣ его смерти написана сейчасъ.

По причинамъ личнаго характера я до сихъ поръ не могъ заняться составленіемъ своихъ записокъ о Гапонѣ. Если въ моей работѣ встрѣчаются какія либо неясности, то это объясняется спѣшностью, съ какой мнѣ приходилось писать.

За всѣми разъясненіями, которые могутъ оказаться нужными по поводу моихъ записокъ о Гапонѣ, прошу обращаться къ В. Л. Вурцеву, согласившемуся взять на себя всѣ сношенія по поводу ихъ опубликованія.

Рутенбергъ.

25 июня 1909 года.

²⁾ Въ настоящей книжкѣ мы печатаемъ первыя двѣ части воспоминаній П. Рутенберга; третью часть, представляющую лишь спеціальныя интересы, читатель можетъ найти въ заграничномъ изданіи „Вылого“ № 11—12 июль—авг. 1909 г. Парижъ.

Ред

Это было въ тотъ вечеръ, когда, послѣ безплодныхъ хождений и хлопотъ по разнымъ властямъ и лицамъ, Гапонъ произнесъ свою знаменитую рѣчь въ Нарвскомъ отдѣлѣ «Союза русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ».

— Товарищи! Мы ходили къ Смирнову ¹⁾, ничего не добились. Ходили въ Правленіе, ничего не добились. Къ градоначальнику — тоже ничего. Къ министрамъ — тоже ничего. Такъ пойдемъ, товарищи, къ самому царю! — говорилъ Гапонъ рабочимъ.

— Пойдемъ! — отвѣчала многотысячная толпа, увлеченная простотой логики своего «заступника» «батюшки».

— И если надо будетъ, головы сложимъ, но своего добьемся!... — продолжалъ Гапонъ.

— Сложимъ! Добьемся!

* * *

Въ городѣ къ этому времени всѣ говорили о Гапонѣ, кто, что и какъ могъ. Въ интеллигентной средѣ отношеніе къ его личности могло быть только скептически-отрицательное. Но разворачивавшіяся съ каждымъ днемъ событія превращали его хулителей въ хвалителей. Мелочи забывались. Все величіе надвигавшейся грозы переносилось на Гапона, связывалось съ его именемъ.

На рабочихъ собраніяхъ стали читать петицію къ царю, собирать подъ нею подписи. Число рабочихъ, явившихся услышать петицію, было такъ велико, что ихъ приходилось пускать въ залъ собранія на смѣну по нѣсколько тысячъ человѣкъ, а за Невской заставой Гапонъ долженъ былъ выйти подъ открытое небо, взобраться на бочку съ водою и читать петицію при свѣтѣ фонаря.

Въ таинственно неясныхъ очертаніяхъ развѣвавшейся надъ толпой рясы, въ каждомъ звукѣ доносившагося хриплаго голоса, въ каждомъ словѣ прочитанныхъ изъ петиціи требованій окружавшему очарованному людскому морю казалось, что наступаетъ конецъ, приближается избавленіе отъ чудовищныхъ вѣковыхъ мученій.

А Гапонъ, увлеченный стихіей, заговорилъ ея языкомъ, сталъ выражать ея желанія, свѣтить ея красотой.

Все тянулось къ нему. По первому его слову готово было идти на муки, на смерть, на все.

Когда, послѣ каждого прочитаннаго пункта петиціи, онъ спрашивалъ:

— Нужно ли это вамъ, товарищи? — въ отвѣтъ ему вырывалось далекимъ стономъ:

— Нужно! Необходимо!

¹⁾ Директоръ забастовавшаго тогда Путиловскаго завода.

Такъ же слушали его, такъ же стали относиться къ нему во всѣхъ другихъ частяхъ города.

* * *

И видѣлъ всю стихійность разворачивавшихся передо мною событій, все безсиліе революціонныхъ партій и интеллигенціи оказать какое-бы то ни было вліяніе на нихъ. Не могъ понять позиціи правительства, допускавшаго все это на свою же, какъ мнѣ казалось, гибель.

Одно было ясно. Подъ предводительствомъ священника самъ изголодавшійся, изстрадавшійся рабочій народъ, съ торжественно-мрачной рѣшимостью, что «дальше такъ жить невозможно», съ наивной вѣрой въ успѣхъ «послѣдняго» средства, идетъ къ царю просить хлѣба и свободы, просить того, что царь всегда отнималъ, но не можетъ не дать ему.

Богъ и царь,—двѣ идеи, такъ долго омрачавшія сознание и парализовавшія волю народа, были поставлены на карту.

И каковъ бы ни былъ исходъ затѣяннаго свиданія, оно должно было быть роковымъ для одной изъ сторонъ.

Либо народъ будетъ одуроченъ и, охъянный словомъ и видомъ царя, потянетъ ярмо дальше, до полного истощенія.

Либо міражъ царскаго всемогущества и доброжелательства къ народу разсѣется навсегда.

* * *

Подъ явно организованнымъ вліяніемъ рабочіе съ первыхъ дней стачки не подпускали къ себѣ «студентовъ» и «интеллигентовъ», отказывались отъ какихъ бы то ни было «бумажекъ» ихъ и рѣчей. Въ нѣкоторыхъ «отдѣлахъ» заподозрѣнные, въ качествѣ интеллигентовъ или распространителей прокламацій, немедленно изгонялись и часто избивались. Зачинщиками являлись сыщики, бывавшіе въ большомъ количествѣ на собраніяхъ. Они увлекали за собой сѣрую толпу рабочихъ, насторожившуюся, нервно-приподнятую, опасавшуюся неожиданнаго подвоха, удара въ спину, крушенія послѣднихъ ея надеждъ.

Только вмѣшательство сознательной, развитой части рабочихъ предупреждало безсмысленное пролитіе крови, отвлеченіе неожиданно скопившейся революціонной силы въ наиболѣе желательную для правительства сторону,—сторону погрома интеллигенціи.

Мое положеніе, какъ интеллигента, было исключительнымъ. На рабочихъ собраніяхъ за Нарвской заставой многіе меня знали и лично ко мнѣ хорошо относились. Мое присутствіе на собраніяхъ не вызывало враждебнаго недовѣрія.

Разсчитывая на свою выдержку и на авторитетъ, которымъ я пользовался среди значительной группы рабочихъ, я думалъ, что смогу оказаться полезнымъ и долженъ поэтому итти вмѣстѣ съ рабочими къ Зимнему Дворцу.

* * *

Восьмого января войскамъ роздали боевые патроны. Они заняли всѣ опасные для правительства пункты Петербурга. Отрѣзали окраины отъ центра города.

Гапона я смогъ увидѣть только 9-го утромъ.

Я всталъ его среди нѣсколькихъ рабочихъ, блѣднаго, растеряннаго.

— Есть у васъ, батюшка, какой-нибудь практическій планъ?—спросилъ я.

Ничего не оказалось.

— Войска, вѣдь, будутъ стрѣлять.

— Нѣтъ, не думаю!— отвѣтилъ Гапонъ надтреснутымъ, растеряннымъ голосомъ.

Я вынулъ бывший у меня въ карманѣ планъ Петербурга, съ приготовленными заранѣе отмѣтками. Предложилъ наиболѣе подходящий, по моему, путь для процессіи. Если бы войска стрѣляли, забаррикадировать улицы, взять изъ ближайшихъ оружейныхъ магазиновъ оружіе и прорваться во что бы то ни стало къ Зимнему Дворцу.

Это было принято.

Пошли въ ближайшую часовню и принесли хоругви и кресты.

Гапонъ немного успокоился и оправился.

* * *

Во дворѣ «собранія» собралось уже много народу. Ко мнѣ стали обращаться за распоряженіями. Группа рабочихъ спросила, что хоругви, де, имѣются, такъ не вѣять ли и царскіе портреты.

Я осторожно отсовѣтовалъ.

Предстоявшая бойня казалось настолько бессмысленной, не соответствовавшей интересамъ правительства, что я опасался возможной патріотической манифестаціи. Не мнѣ же ей содѣйствовать.

* * *

Прежде чѣмъ двинуться въ путь, надо было предупредить собравшихся, на что идти. Предупредить разбродъ въ случаѣ какихъ-нибудь неожиданностей.

Гапонъ такъ ослабѣлъ и охрипъ, что сказать ничего не могъ. Отъ его имени я предупредилъ рабочихъ, что солдаты въ нихъ, можетъ быть, будутъ стрѣлять, и ко дворцу не пропускать. Хотятъ ли все-таки идти?

Отвѣтили, что пойдутъ, и во что бы то ни стало прорвутся на площадь Зимняго Дворца.

Я объяснилъ, какими улицами идти, что дѣлать въ случаѣ стрѣльбы. Сообщилъ адреса ближайшихъ оружейныхъ лавокъ.

Когда раздалось послѣднее «Съ Богомъ!» люди стали усердно креститься. Дрогнули хоругви. Дрогнула толпа. Суетливо сжалась у мостика. Еще разъ сжалась, стиснутая у воротъ. И вылила на широкое шоссе.

Мои предупрежденія о возможности стрѣльбы, объ оружіи обратили вниманіе толпы, но не пристали къ ней, не проникли въ душевную глубь ея.

— Развѣ къ Богу можно итти съ оружіемъ? Развѣ къ царю можно итти съ дурными мыслями?..

— Спа-си, Го-ос-по-ди, л-ю-у-д-и тво-я и бла-го-сло-ви до-сто-я-ніе тво-е...—разрѣзало звонкій морозный воздухъ крикомъ послѣдней надежды и вѣры десятковъ тысячъ изстрадавшихся грудей.

— По-бѣ-е-ды бла-а-го-вѣр-но-му импе-ра-то-ру на-ше-му Ни-ко-ла-ю Алек-санд-ро-ви-чу...—звенѣло фанатической увѣренностью заклинанія, которое должно было отвести всякое зло, открыть дорогу къ лучшему, такъ необходимому, будущему.

Когда за поворотомъ улицы увидѣли выстроившуюся у Нарвскихъ воротъ пѣхоту, заплѣли еще громче, пошли впередъ еще тверже, еще увѣреннѣе. Шедшіе впереди хоругвеносцы смутились было, хотѣли свернуть въ боковую улицу. Но настроеніе и приказаніе толпы ихъ успокоило. Они и за ними вся процессія пошли прямо.

Неожиданно изъ-за Нарвскихъ воротъ появился мчавшійся во весь опоръ кавалерійскій отрядъ, съ шашками наголо, разрѣзалъ толпу, пронесся во всю его длину.

Толпа дрогнула.

— Впередъ, товарищи! свобода или смерть!—прокричѣлъ Гапонъ остаткомъ силъ и голоса.

Толпа сомкнулась, двинулась впередъ.

Кавалерія опять врѣзалась въ нее сзади напередъ и промчалась обратно въ Нарвскія ворота.

Народъ, вооруженный хоругвями и царскими портретами, очутился лицомъ къ лицу съ царскими солдатами, державшими скорострѣльные винтовки на перевѣсъ.

Со стороны солдатъ раздался сухой, перекатывавшійся по линіи изъ края въ край, рѣзкій трескъ.

Со стороны народа раздались предсмертные стоны и проклятья.

Передніе ряды падали, задніе убѣгали.

Три раза стрѣляли солдаты. Три раза начинали и долго стрѣляли. Три раза переставали.

И каждый разъ, когда начинали стрѣлять, всѣ, кто не успѣлъ убѣжать, бросались на землю, чтобъ какъ-нибудь укрыться отъ пуль.

И каждый разъ, когда переставали стрѣлять, тѣ, кто могъ бѣжать, поднимались и убѣгали. Но солдатскія пули ихъ догоняли и скашивали.

Послѣ третьяго раза никто не подымался, никто не бѣжалъ. Солдаты больше не стрѣляли.

* * *

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ третьяго залпа я поднялъ уткнутую въ землю голову.

Впереди меня, по обѣимъ сторонамъ Нарвскихъ воротъ, стояли двѣ сѣрыя застывшія шеренги солдатъ; по лѣвую сторону отъ нихъ—офицеръ. По сую сторону Карповскаго моста валялись въ окровавленномъ снѣгу хоругви, кресты, царскіе портреты и трупы тѣхъ, кто ихъ несъ.

Трупы были направо и налево отъ меня. Около нихъ большія и малыя алые пятна на бѣломъ снѣгу.

Рядомъ со мной, свернувшись, лежалъ Гапонъ. Я его толкнулъ. Изъ-подъ большой священнической шубы высунулась голова съ остановившимися глазами.

— Живъ, отецъ?

— Живъ!

— Идемъ?

— Идемъ!

Мы поползли черезъ дорогу къ ближайшимъ воротамъ.

* * *

Дворъ, въ который мы вошли, былъ полонъ корчащимися и мечущимися тѣлами раненыхъ и стонами. Бывшіе здѣсь здоровые также стонали, также метались, съ помутившимися глазами, стараясь что-то сообразить.

— Нѣтъ больше Бога! нѣту больше царя!—прохрипѣлъ Гапонъ, сбрасывая съ себя шубу и рясу.

— Нѣтъ Бога! нѣту больше царя!—подтвердили окружавшіе грознымъ эхомъ.

То, что такъ мучило, что такъ трудно было понять, сразу стало ясно.

Въ нѣсколькихъ словахъ подвели итогъ всѣмъ причинамъ мучительнаго вѣковаго прошлаго, установили программу неумолимаго, кроваваго будущаго...

На этотъ разъ «программа» была уже не кучки интеллигенціи, не «преступнаго революціоннаго сообщества».

* * *

Гапонъ надѣлъ шапку и пальто одного изъ рабочихъ.

Черезъ заборы, канаву, задворки, мы небольшой группой добрались въ домъ, населенный рабочими. По дорогѣ встрѣчались группы растерянныхъ людей, женщинъ и мужчинъ.

Въ квартиры насъ не пускали.

О баррикадахъ нечего было и думать.

Надо было спасать Гапона.

Я сказалъ ему, чтобы онъ отдалъ мнѣ все, что у него было компрометирующаго. Онъ сунулъ мнѣ довѣренность отъ рабочихъ и петицію, которая несъ царю.

Я предложилъ остричь его и пойти со мной въ городъ.

Онъ не возражалъ.

Какъ на великомъ постригѣ, при великомъ таинствѣ, стояли окружавшіе насъ рабочіе, пережившіе весь ужасъ только что происшедшаго, и, получая въ протянутыя ко мнѣ руки клочки гапоновскихъ волосъ, съ обнаженными головами, съ благоговѣніемъ, какъ на молитвѣ, повторяли:

— Свято!

Волосы Гапона разошлись потомъ между рабочими и хранились, какъ реликвиіи.

* * *

Когда мы оставили за собой кровь, трупы и стоны раненыхъ и пробирались въ городъ, наталкиваясь на перекресткахъ и переѣздахъ на солдатъ и жандармовъ, Гапона охватила нервная лихорадка. Онъ весь трясся. Боялся быть арестованнымъ. Каждый разъ мнѣ съ трудомъ удавалось успокоить его. Покуда не выбрались черезъ Варшавскій вокзалъ изъ окружавшей пригородъ цѣпи войскъ.

Я повелъ его къ своимъ знакомымъ; сначала къ однимъ, потомъ, чтобы замести слѣды, къ другимъ.

Если люди эти найдутъ нужнымъ, они когда нибудь расскажутъ, какъ велъ себя Гапонъ въ этотъ день. Вѣдь это былъ день 9-го января.

Меня его поведеніе коробило.

Раньше я зналъ и видѣлъ Гапона только говорившимъ въ рядъ передъ молившейся на него толпой, видѣлъ его звавшимъ у Нарвскихъ воротъ къ свободѣ или смерти.

Этого Гапона не стало, какъ только мы ушли отъ Нарвскихъ воротъ.

Остриженный, переодѣтый въ чужое, предо мной оказался предоставлявшій себя въ полное мое распоряженіе человѣкъ, безпокойный и растерянный, покуда находился въ опасности, тщеславный и легкомысленный, когда ему казалось, что опасность миновала.

Онъ не могъ удержаться, чтобы не назвать себя въ мое отсутствіе совершенно постороннимъ ему людямъ; не могъ удержаться, чтобы не рассказывать свои планы, несмотря на предупрежденіе не дѣлать этого. А вечеромъ произнесъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ передъ разношерстнымъ собраніемъ интеллигентовъ «отъ имени отца Георгія Гапона» рѣчь, никому не нужную, ничего не значившую,—и это въ то время, когда на Невскомъ продолжался еще разстрѣлъ...

Послѣ пережитаго утромъ 9-го января такая нервность была естественна, но не для Гапона.

Меня это и удивляло, и обязывало. Обязывало использовать свое влияние на этого человека, имя которого стало такой революционной силой.

* * *

Вечеромъ 9-го января онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у Максима Горькаго и спрашивалъ:

— Что теперь дѣлать, Алексѣй Максимовичъ?

Горькій подошелъ, глубоко поглядѣлъ на Гапона. Подумалъ. Что-то радостно дрогнуло въ немъ, на глаза навернулись слезы. И стараясь ободрить сидѣвшаго передъ нимъ совсѣмъ разбитаго человека, онъ какъ то особенно ласково и въ то же время по товарищески сурово отвѣтилъ:

— Что жъ, надо идти до конца! Все равно. Даже если придется умирать.

Но что именно дѣлать, Горькій сказать не могъ. А рабочіе спрашивали распоряженій.

Гапонъ хотѣлъ было поѣхать къ нимъ, но я былъ противъ этого. Онъ отправилъ въ Нарвскій отдѣлъ записку, что «занятъ ихъ дѣломъ».

По предложенію Горькаго, мы поѣхали въ Вольно-Экономическое общество на частное совѣщаніе собравшихся тамъ представителей интеллигенціи разныхъ направленій. Но и это совѣщаніе ничего сказать не смогло.

* * *

Изъ состава «совѣщанія» выдѣлилась группа, принявшая нѣсколько рѣшеній, казавшихся тогда единственно доступными и практически осуществимыми. Нашли желательнымъ, чтобы Гапонъ написалъ къ рабочимъ прокламацію по поводу происшедшаго. Я взялъ на себя повліять на него въ нужномъ смыслѣ.

Изъ Вольно-Экономическаго общества Гапона увели ночевать на квартиру Б. Мы условились относительно прокламаціи. Но явившись къ Гапону на слѣдующее утро, я нашелъ написанное имъ неподходящимъ, и самъ написалъ другую. Въ ней остались слѣдующія, принадлежащія Гапону выраженія, печатаемая разрядкой:

Родные! Братья товарищи-рабочіе!

Мы мирно шли 9-го января къ царю за правдой, мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать, не мѣшать намъ идти къ царю. Самому царю я послалъ 8 января письмо, въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все таки пролилась!

Звѣрь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русскаго народа сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскій портретъ, прострѣлили этотъ портретъ и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отмстимъ же, братья, проклятому народу царю и всему его змѣиному отродью, министрамъ, всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ! Вредите всѣмъ, кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь русскому народу свободно жить и дышать—на помощь! Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціалъдемократовъ, социалистовъ-революціонеровъ)—всѣхъ. Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пишу, чтобы накормить себя, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ—все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія! Не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными! Лучше оставить девять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицію!

Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа—мое пастьерское проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы—мое благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ! Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды: непорочно пролитая кровь тому порукой! Перепечатавайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое посланіе и завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, обездоленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ или разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами—сотнями тысячъ—клятву. Боритесь, пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Священникъ Георгій Гапонъ.

Гапопу понравился текстъ, и онъ предложилъ мнѣ писать отъ его имени какъ, что и когда найду нужнымъ. И для этого подписалъ мнѣ десятка полтора чистыхъ листовъ бумаги ¹⁾.

* * *

Стачка падала. Оставаясь въ Петербургѣ, Гапонъ рисковалъ быть арестованнымъ. Его переправили въ имѣніе одного изъ петербуржцевъ, мѣсто совершенно безопасное, далекое отъ Петербурга. Передъ его отъѣздомъ мы условились, что если настроеніе рабочихъ поднимется, ему дано будетъ знать, и онъ вернется въ Петербургъ. Если все успокоится, онъ уѣдетъ за границу. Цѣлью поѣздки за границу будетъ: объединить подъ вліяніемъ его авторитета организаціонныя и боевыя силы социальдемократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. Для этого онъ долженъ оставаться внѣ партій, не объявлять себя членомъ которой бы то ни было изъ нихъ и не возбуждать существующей между ними розни публичнымъ одобреніемъ или неодобреніемъ одной изъ нихъ. Въ деревнѣ онъ долженъ дожидаться отъ меня указаній и двигаться съ мѣста сможетъ только въ случаѣ опасности быть арестованнымъ или когда узнаетъ, что я арестованъ. На всякій случай я далъ ему адреса и пароли для перехода черезъ границу и для явки за границей. Его снабдили деньгами.

* * *

«Подняться» настроенію петербургскихъ рабочихъ не пришлось. Въ первые дни требовали оружія, бомбъ, планомѣрнаго руководства, т. е. организаціи. Ничего не было. Гапоновская прокламація дошла до рабочихъ поздно, когда нужда успѣла уже оказать свое вліяніе, когда многіе стали уже на работу, а накопившаяся злоба притупилась и пошла внутрь.

Я рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ Гапономъ за границу. Переслалъ ему паспорта, указанія, гдѣ и какъ со мной встрѣтиться (въ Россіи). Но его уже въ деревнѣ не было. Не дожидаясь отъ меня извѣстій, онъ уѣхалъ оттуда самъ и перешелъ границу близъ Таурогена, раньше меня на день.

* * *

Пережитыя Гапономъ въ Россіи и при переходѣ черезъ границу тревоги, переѣздъ черезъ всю Европу, безъ языка и съ боязнью быть узаннымъ и арестованнымъ, закончились тѣмъ, что въ Женевѣ онъ не нашелъ лица, къ которому я его направилъ. Не нашелъ, значить, и меня.

¹⁾ Оригиналы этой прокламаціи и другой, маленькой, „Къ солдатамъ“, написанные моею рукою и подписанные Гапономъ, должны быть у Г. У него же долженъ находиться тотъ экземпляръ петиціи, который несла 9 января къ царю. Чистые же листы съ подписями Гапона взялся сохранить В., у котораго Гапонъ ночевалъ, но когда въ мартѣ 1906 г. я потребовалъ ихъ, листы оказались уничтоженными.

Два дня, какъ рассказывалъ онъ мнѣ потомъ, онъ ходилъ по городу безпомощный и измученный. Отправился, наконецъ, къ Плеханову.

Ему, конечно, обрадовались, приласкали его: А онъ, очутившись въ теплѣ и уютѣ, захотѣлъ, должно быть, сказать окружающимъ что нибудь пріятное. Онъ рассказывалъ о 9-мъ января, о томъ, что сознательно заранѣе все подготавливалъ и что... онъ—соціалдемократъ, соціалдемократомъ всегда былъ, и соціалдемократъ его спасъ.

Не экзаменовать же его было присутствовавшимъ. Говорилъ, вѣдь, Гапонъ! А кто въ тѣ дни не считался съ его словами?

Его спросили, можно ли объ этомъ написать Каутскому и въ «Vorwärts». Гапонъ отвѣтилъ, что можно не только написать, но даже телеграфировать.

Такъ и сдѣлали.

Черезъ день онъ встрѣтился со мной. Начались переговоры съ представителями разныхъ партій. И неожиданно для себя, я узналъ, что Гапонъ успѣлъ уже не только самъ попасть, но и другихъ поставить въ неловкое положеніе.

* * *

Оказавшись первой фигурой русской революціи, Гапонъ въ то же время не разбирался въ смыслѣ и значеніи партій, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, въ ихъ программахъ, спорахъ. Онъ не понималъ даже всей важности сыгранной имъ 9-го января роли. Мнѣ не разъ приходилось разъяснять ему это. Разъясняли ему и другіе, и сама жизнь. Каждый по своему! И каждое изъ этихъ разъясненій различно на него дѣйствовало, равно имъ воспринималось.

Первые двѣ-три недѣли ему приходилось выслушивать и читать о себѣ самыя фантастическія комбинаціи. Но останавливаться на нихъ, «угорать» отъ нихъ, некогда было. Кровавый ужасъ 9-го января слишкомъ свѣжъ былъ въ памяти. Динамитъ и оружіе, терроръ и вооруженное возстаніе, о которыхъ судили и говорили на «свиданіяхъ» и «совѣщаніяхъ», слишкомъ захватывали и удовлетворяли безсознательно накопившееся чувство.

Встрѣчавшіеся представители разныхъ партій подходили къ нему, какъ къ революціонному вождю, такъ съ нимъ разговаривали, такія къ нему требованія, конечно, предъявляли. А онъ въ отвѣтъ могъ связано и съ одушевленіемъ рассказать о 9-мъ января, о намѣченной программѣ. Когда ставились непредвидѣнные вопросы, онъ «соглашался» со мной, а когда меня не было, «соглашался» и съ другими, т. е. часто съ мнѣніями діаметрально противоположными. И изъ одного неловкаго положенія попадалъ въ другое, изъ которыхъ мнѣ же приходилось его выпутывать.

Такъ или иначе, онъ былъ искрененъ въ это время. Умѣло или неумѣло,—онъ заботился только объ успѣхѣхъ дѣла, съ кото-

рымъ оказался связаннымъ. О своемъ «величіи» не думалъ. Во всякомъ случаѣ, ничѣмъ этого не проявлялъ.

Но продолжалось такъ не долго.

* * *

Мы переѣхали въ Парижъ.

Гапонъ былъ свободенъ теперь отъ дѣловыхъ свиданій, сталъ вести жизнь болѣе спокойную и нормальную, чѣмъ въ Женевѣ. Сталъ читать немного, работать. Онъ долженъ былъ написать нѣсколько брошюръ и прокламацій¹⁾. Одному изъ товарищей пришла мысль пойти съ Гапономъ къ Жоресу, Вальяну, Клемансо... Гапонъ охотно согласился. Я былъ противъ этого. Зналъ ужъ его и опасался, что хожденіе по знаменитостямъ скверно на него повліяетъ, во всякомъ случаѣ отвлечетъ отъ дѣла. Но скоро я долженъ былъ уѣхать изъ Парижа на нѣсколько дней. Гапонъ остался одинъ. И выводъ его въ «свѣтъ» состоялся.

За время моего отсутствія онъ успѣлъ побывать у Жореса и Вальяна и условиться о свиданіи съ Клемансо.

— Знаешь, кто такой Вальянъ?—спросилъ Гапонъ, рассказывая мнѣ объ этихъ свиданіяхъ, съ глубоко ушедшими, задумавшимися глазами.

— Конечно, знаю.

— У васъ большой умъ и великое сердце,—сказалъ онъ мнѣ на прощаніе. Такъ и сказалъ: большой умъ и великое сердце. И трясетъ руку... Оба, и Жоресъ и Вальянъ, были страшно рады повидаться и поговорить со мной. Они сказали, что это для нихъ большая честь.

Гапонъ засмѣялся мелкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

¹⁾ Подробность, въ настоящее время не безынтересная. Прокламаціи свои онъ раньше всего читалъ и исправлялъ со мной, а потомъ читалъ другимъ товарищамъ. Между прочими прокламаціями Гапонъ написалъ письмо Николаю Романову. Я былъ противъ его печатанія. Онъ прочелъ его тогда въ присутствіи Азефа и Р. Я настаивалъ, что этой прокламаціи печатать не слѣдуетъ. Р. молчалъ, Азефъ поддержалъ Гапона. Прокламація была напечатана.

Не безынтересна и слѣдующая подробность. Приблизительно въ февралѣ 1905 года къ парижскому представителю партіи, Рубановичу, явился молодой человѣкъ, заявившій, что онъ состоитъ на службѣ у русской полиціи, что раскаивается въ этомъ, и хотѣлъ бы быть полезнымъ партіи. Молодой человѣкъ предоставлялъ себя въ полное распоряженіе партіи, соглашаясь чѣмъ угодно доказывать свою искренность.

Гапонъ въ это время жилъ въ семьѣ Азефа и однажды изъ своей комнаты услышалъ, какъ Азефъ рассказывалъ объ этомъ своей женѣ. Онъ завопилъ, позвалъ къ себѣ Азефа, заставилъ пересказать себѣ все и точныя примѣты молодого человѣка, такъ какъ ему казалось, что онъ знаетъ его по Россіи, видѣлъ его тамъ въ полицейскихъ кругахъ.

Разговорившись съ Азефомъ, Гапонъ рассказалъ ему подробно о своемъ знакомствѣ и сношеніяхъ съ Зубатовымъ и другими полицейскими.

Азефъ передалъ мнѣ этотъ разговоръ. Но я совершенно не могу восстановить его. Азефъ отплевывался, какъ отъ чего то мерзкого. „Прошлое попа“ ему претило.

Азефъ, конечно, говорилъ объ этомъ не мнѣ одному. И, кто нибудь изъ товарищей восстановить его рассказъ.

Всегда, когда онъ рассказывалъ о чемъ нибудь, пріятно льстившемъ ему, стараясь сдержать и скрыть переполнявшую его радость, рѣчь его произвольно прерывалась этимъ мелкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Я спросилъ Жореса, могутъ ли меня арестовать въ Парижѣ. Онъ поднялъ кулаки, раскричался. Сказалъ, что все равно бьетъ, если меня арестуютъ.

А утромъ, въ день свиданія съ Клемансо, Гапонъ пережилъ самъ и устроилъ другимъ непристойную драму: ему купили рубашку съ гладкой, а не съ гофрированной грудью. У него къ этому времени вкусъ къ одеждѣ сталъ уже утонченнымъ...

* * *

Продолжительные переговоры съ разными партіями окончились рѣшеніемъ созвать конференцію изъ уполномоченныхъ этихъ партій, которая обсудитъ и рѣшитъ поставленное Гапономъ предложеніе: объединить и организовать революціонныя боевыя силы въ Россіи.

Для меня переговоры эти выяснили, что никакое «объединеніе» немыслимо, и если состоится, то никакихъ практическихъ результатовъ не дастъ. С.-д. «меньшевики», въ лицѣ Плеханова, совсѣмъ отказались отъ участія въ конференціи, считая Гапона лицомъ недостаточно авторитетнымъ и компетентнымъ для подобной инициативы. Не дожидаясь конференціи, я сталъ собираться въ Россію.

Желаніе объединить вокругъ Гапона всѣ партіи я оставилъ, какъ неосуществимое. Оставаться ему для осуществленія этого плана внѣ партій было не зачѣмъ.

Наоборотъ. Присматриваясь къ нему, слѣдя за развивавшимся у него самолюбованіемъ, мнѣ казалось, что партійная дисциплина, какое бы то ни было практическое дѣло для него необходимы. Бабушка (Е. А. Брешковская), которая должна была вскорѣ вернуться изъ Америки, старики, такъ или иначе относившіеся лично къ нему хорошо, своимъ авторитетомъ и руководствомъ могли оказать на него только хорошее вліяніе.

Я сказалъ объ этомъ Гапону, объяснилъ ему мое отношеніе къ нему. Предложилъ, если хочетъ, поставить вопросъ о принятіи его въ члены партіи.

Онъ сильно морщился отъ моихъ объясненій, но согласился со мной.

* * *

Мнѣ надо было вернуться въ Женеву. Гапонъ отправился вмѣстѣ со мной.

Мы пріѣхали съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ, молча шли по пустымъ еще улицамъ. На rue Corraterie Гапонъ отсталъ отъ меня. Я обернулся. Онъ стоялъ, застывши у витрины писче-

бумажного магазина, очарованный, не въ состояніи оторваться отъ... своего портрета на почтовой открыткѣ. Я не мѣшалъ ему. Не могъ мѣшать,—такъ поразилъ меня его видъ. Это онъ впервые наткнулся на конкретное доказательство своей популярности, «даже за границей». Нѣсколько минутъ мы простояли такъ; онъ, глядя на свой портретъ, я—на него.

Потомъ пошли, молча, дальше, каждый со своими мыслями.

Я хотѣлъ до своего отъѣзда въ Россію устроить Гапона, предупредить возможные недоразумѣнія. Чтобъ онъ не нуждался въ деньгахъ, ему дали 1000 фр. Партія согласилась принять его въ члены—на извѣстныхъ условіяхъ, конечно.

Въ присутствіи товарищей ¹⁾ я объяснилъ ему обязанности, которыя онъ беретъ на себя, вступая въ партію. Ни о какихъ самостоятельныхъ планахъ, дѣловыхъ переговорахъ безъ предварительнаго совѣта и разрѣшенія центрального комитета не могло быть больше рѣчи. Ни о какихъ двусмысленностяхъ, недоговоренностяхъ—тѣмъ больше. Ему предлагалось почитать, подучиться и въ то же время писать свои записки, для которыхъ былъ найденъ издатель. Тѣмъ временемъ выяснится положеніе дѣлъ въ Россіи, пріѣдутъ нѣкоторые изъ товарищей; тогда опредѣлится его практическая роль въ революціонной работѣ. Относительно «правъ» можно будетъ говорить въ зависимости отъ результатовъ его работы. Претендовать на откровенность онъ можетъ въ предѣлахъ той области, въ которой будетъ работать.

Все это не было для него ново, потому что и раньше съ глазу на глазъ я говорилъ ему то же самое. Выборъ у него былъ свободный. Онъ могъ и не соглашаться.

Онъ принялъ всѣ условія.

Это было въ вечеръ моего отъѣзда изъ Женевы въ Россію, приблизительно въ первыхъ числахъ марта 1905 года ²⁾.

Послѣ моего отъѣзда исторія гапоновской жизни свелась къ слѣдующему.

Слава была у него. Деньги скоро появились. Какъ только появились деньги, появились всякія «возможности». Для достиженія ихъ понадобилась «свобода», оказалось не по себѣ въ тѣсномъ кругу товарищей-революціонеровъ, среди которыхъ онъ жилъ до тѣхъ поръ. Вынырнуло тщеславіе, нашедшее достаточно пищи во всемъ, его окружавшемъ.

¹⁾ Красновъ. Субботинъ и Азефъ.

²⁾ Характерна и эта подробность. Послѣ разговора съ Гапономъ, мнѣ надо было пойти съ Азефомъ въ городъ. По дорогѣ мы заговорили о... до вѣрнѣе къ Гапону. Я сказалъ, что, по моему, съ нимъ слѣдуетъ быть осмотрительнымъ. Предать—не предать, но при арестѣ, припугнутый, можетъ рассказать все, что знаетъ. Азефъ, съ своей стороны, сказалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ вообще къ нему не питаетъ довѣрія. Чѣмъ вызвана была самая возможность этого разговора, сейчасъ не помню. Но было, очевидно, достаточно данныхъ, хотя бы и неуловимыхъ, давшихъ поводъ къ такому къ нему отношенію черезъ мѣсяцъ послѣ его пріѣзда за границу.

Неслыханные, совершенно непереваримые для него гонорары за его рукописи, фантастическія сказки о немъ въ печати, разные иностранныя «знаменитости» (вплоть до англійской принцессы), добивавшіяся посмотрѣть на него, проинтервьюировать его, поклоненіе въ «колоніяхъ»; даже расклеенные на улицахъ плакаты о театральнхъ и балаганныхъ представленіяхъ съ громадными надписями «Гапон», сами эти представленія, на которыхъ Гапонъ присутствовалъ... все кружило ему голову, все говорило ему, что онъ можетъ быть только «вождемъ» революціи, и ни въ какомъ случаѣ простымъ членомъ революціонной партіи.

Естественно, что учиться чему бы то ни было онъ оказался нерасположеннымъ. Ъхать въ Россію, заняться по выработанному совместно съ нимъ плану крестьянской агитаціей, не захотѣлъ. Ъхать туда онъ соглашался только тогда, когда «все будетъ готово». Онъ предпринялъ рядъ шаговъ, ставившихъ партію въ двусмысленное положеніе, благодаря тому, что его считали членомъ партіи.

Ему предложили выйти изъ партіи.

Большое вліяніе на него оказало еще слѣдующее обстоятельство. Посланная въ Петербургъ по личному его дѣлу госпожа Н. вернулась и сообщила ему, что встрѣтила пасху въ обществѣ «его» рабочихъ, гапоновцевъ, что рабочіе его помнятъ, никогда не забудутъ, и хотятъ устроить подписку, чтобъ поставить ему памятникъ.

— При жизни,—добавилъ Гапонъ, рассказывая мнѣ позже въ Лондонѣ про это. Какъ никому!

Узнавъ объ этомъ, онъ немедленно отправилъ въ Петербургъ къ рабочимъ другого «комиссара», съ требованіемъ прислать ему формальныя полномочія быть ихъ представителемъ и устраивать всѣ ихъ дѣла. Выписалъ себѣ за границу рабочаго Петрова, на котораго могъ, какъ рассчитывалъ, во всемъ положиться.

* * *

Будучи членомъ партіи, живя среди партійныхъ товарищей, Гапонъ зналъ о нѣкоторыхъ партійныхъ предпріятіяхъ, зналъ и объ организовавшемся тогда для Россіи большомъ транспортѣ оружія и динамита. Познакомился съ Соковымъ (не членомъ партіи), доставившимъ большія средства для этого дѣла.

Соковъ увлекся рассказами Гапона о 9-мъ Января, о его вліяніи на рабочихъ, о слѣпомъ довѣріи ихъ къ нему. Гапонъ рассказывалъ о спорахъ между революціонными партіями и объ ихъ безсиліи сдѣлать что нибудь. Просилъ дать ему средства для самостоятельной работы среди своихъ гапоновскихъ рабочихъ. Свидѣтелемъ солидности его плановъ и организациі онъ представлялъ «раненаго 9 января» своего помощника, «предсѣдателя Невскаго отдѣла», «рабочаго» Петрова, пріѣхавшаго къ нему «съ полномочіями отъ петербургскихъ рабочихъ».

Петровъ былъ ослѣпленъ блескомъ, въ которомъ засталъ Гапона за границей, его разсказами и планами, его критикой революціонныхъ партій. Онъ поддался вліянію Гапона и разсказалъ Сокову все, что заранѣе велѣлъ ему сказать Гапонъ.

На основаніи «свидѣтельства» Петрова Гапонъ получилъ 50,000 франковъ.

* * *

Около 20 мая 1905 г. я вернулся изъ Россіи за границу (въ Парижъ). Мнѣ разсказали о Гапонѣ, о сдѣланномъ ему предложеніи выйти изъ партіи и о причинахъ этого. Мнѣ поручили поѣхать въ Лондонъ повидаться по дѣлу съ Соковымъ. Тамъ я встрѣтился съ Гапономъ.

Среди товарищей я былъ самый близкій Гапону человекъ за границей.

Онъ обрадовался моему приѣзду; радовался тому, что я ускользнулъ отъ ареста на границѣ. Разсказывалъ мнѣ о причинахъ ухода изъ партіи. По своему, конечно. О планахъ, сводившихся къ вослицанію: «Ты увидишь, что я сдѣлаю!» Но больше и подробнѣй всего разсказывалъ о памятникѣ, который рабочіе собираются поставить ему «при жизни» — «какъ никому»; о его бюстѣ, «поставленномъ въ здѣшнемъ лондонскомъ музеѣ» и «въ Парижѣ тоже». (Это надъ нимъ подшутить, должно быть, кто то). Разсказывалъ о томъ, что за каждое написанное имъ «слово», по его «расчету», выходитъ «по двадцати копеекъ». Разсказывалъ о деньгахъ и оружіи, которыя у него имѣются и будутъ. Приглашалъ меня «оставить с.-р-овъ» и работать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ убѣдился, что всѣ революціонеры талмудисты, и не знаютъ практической жизни. Если С.-Р. и С.-Д. захотятъ, они пойдутъ за нимъ, а не захотятъ — онъ заставитъ ихъ идти за собой.

Все это было для меня ново въ немъ. Я попробовалъ было поговорить съ нимъ по старому, по товарищески. Но скоро прекратилъ, увидѣвъ, насколько это безплодно.

Передъ вторичнымъ моимъ отъѣздомъ въ Россію Гапонъ приѣхалъ повидаться со мной въ Женеву. Но и изъ этого свиданія никакого проку не вышло. Мы совершенно разнo смотрѣли на вещи, шли разными дорогами ¹⁾.

* * *

Ц. К. поручилъ мнѣ поѣхать въ Россію поставить приемку оружія съ отправлявшагося тогда парохода «Джонъ Крафтонъ». Заняться этимъ дѣломъ мнѣ не пришлось. Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда въ Петербургъ я былъ арестованъ на улицѣ,

¹⁾ По имѣющимся у В. Л. Бурцева даннымъ, Гапонъ къ этому времени уже возобновилъ свои сношенія съ департаментомъ полиціи черезъ приѣзжавшаго къ нему за границу Мѣдникава.

послѣ несостоявшагося, условленнаго съ бывшимъ членомъ партіи... Татаровымъ, свиданія. До выхода изъ тюрьмы о Гапонѣ не зналъ ничего. Какъ онъ жилъ это время, о его поѣздкѣ въ Финляндію, о томъ, какъ онъ впуталъ въ дѣло пріемки оружія совершенно постороннихъ дѣлу лицъ, о его жизни за границей послѣ возвращенія изъ Финляндіи, знаю по рассказамъ.

— Былъ у васъ въ Россіи Гапонъ, теперь вамъ нуженъ Наполеонъ!— сказалъ однажды Гапону наивный, восторженный капитанъ Кокъ (извѣстный капитанъ финляндской красной гвардіи).

— А почему вы знаете, можетъ, я буду и Наполеономъ!— срѣзвалъ его совершенно серьезно Гапонъ.

Это было въ Финляндіи, осенью 1905 г., когда ждали прибытія парохода съ оружіемъ. Для меня до сихъ поръ неясна роль, которая предназначалась при этомъ Гапону. Рѣчь, вѣдь, шла тогда о томъ только, чтобы принять и спрятать оружіе, а не о какомъ бы то ни было вооруженномъ возстаніи.

Финны прятали Гапона, ухаживали за нимъ. Но, по ихъ словамъ, онъ въ это время совсѣмъ не походилъ на Наполеона. Онъ очень волновался, боялся быть арестованнымъ, а главное «повѣшеннымъ».

Разное мнѣ рассказывали о его жизни за этотъ періодъ. Хорошаго мало. Но для меня изъ рассказаннаго видно было, что если онъ и развлекался, мѣтилъ, то переживалъ и тяжелыя минуты. Вернувшись изъ Финляндіи, послѣ крушенія «Джона Крафтона», онъ часто и горько тосковалъ. Вѣдь, дѣлать что-нибудь, работать онъ не умѣлъ. Интересы эмигрантской колоніи? Мелкія дрязги ея повседневной жизни? Многихъ они засасывали, но кого же не отталкивали отъ себя?

Вотъ картина, рассказанная очевидцемъ.

Парижскій кабакъ. За столомъ охмѣлѣвшій, загрустившій Гапонъ. Кругомъ содомъ. Гапонъ подымаетъ голову, съ помутнившими глазами зоветъ гарсона.

— Гарсонъ! «Реве тай стогне».

Французскій гарсонъ, конечно, не понимаетъ.

Гапонъ сердится, бьетъ кулакомъ по столу, настаиваетъ на своемъ.

Его стараются понять и удовлетворить. Въ оркестрѣ отыскивается интернаціональный скрипачъ, понявшій, чего отъ него требуютъ.

Плачетъ скрипка... Плачетъ Гапонъ. Мысли его далеки отъ окружающаго его кабацкаго, обратившаго на него вниманіе, хаоса. Гапонъ плачетъ и подтягиваетъ:

Реве тай стогне Дніпръ широкий,
Сердытый вітеръ завыва,
До долу вербы гне высокі.
Горами хвылю підійма...

Скрипачъ кончилъ, расшаркался съ изысканной, любезной улыбкой.

Гапонъ брезгливо запускаетъ пальцы въ жилетный карманъ и швыряетъ скрипачу золотой...

~ * ~

Три раза я видѣлся съ Гапономъ въ ноябрѣ 1905 г. т. е. послѣ октябрьскаго манифеста и амнистіи.

Первый разъ мы встрѣтились въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, во время засѣданія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Это было въ началѣ ноября, послѣ второй всеобщей забастовки, когда петербургскіе рабочіе потребовали и получили жизни для кронштадтскихъ матросовъ и снятіе военного положенія для Польши.

По словамъ Гапона, онъ только что пріѣхалъ тогда въ Петербургъ.

Въ боковой, примыкавшей къ общему залу комнатѣ, въ темнотѣ, умястившись на книжныхъ тюкахъ, мы вспомнили 9-е января и все прошедшее послѣ него, говорили о текущемъ движеніи и руководителяхъ его, говорили о личныхъ нашихъ дѣлахъ.

Къ моему удивленію, Гапонъ попросилъ использовать мои связи, чтобы исхлопотать ему амнистію.

Я возражалъ, что ему, съ его прошлымъ, неприлично ходатайствовать передъ правительствомъ о своей амнистіи. Я предлагалъ ему стать, какъ революціонеру, подъ защиту революціи, бывшей въ то время еще побѣдительницей, а не побѣжденной.

— Пойди, попроси сейчасъ же у предсѣдателя слова, скажи собранію: «Я — Георгій Гапонъ, я становлюсь, товарищи, подъ вашу защиту». И никто тебя не посмѣетъ тронуть.

Онъ не соглашался. Вылый, задумавшійся, не договаривающій чего то, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Ты ничего не понимаешь!

* * *

Второй и третій разъ Гапонъ пріѣзжалъ ко мнѣ на квартиру.

Сначала нѣсколько подробностей.

1) Въ первый изъ этихъ пріѣздовъ онъ просилъ дать ему денегъ, такъ какъ нуждается. Я могъ предложить ему только 25 рублей. Онъ ихъ взялъ. И позже, въ январѣ 1906 г. возвратилъ ихъ моей женѣ.

2) Въ то время по улицамъ Петербурга небезопасно было ходить даже среди бѣла дня. «Развлекалась» только что народившаяся сотрудница правительства — черная сотня. Гапонъ

просилъ дать ему два браунинга. Я общалъ и далъ ихъ ему при слѣдующемъ свиданіи.

3) Въ серединѣ ноября 1905 г. я былъ въ канцеляріи прокурора судебной палаты, чтобы взять свои документы. Мнѣ сказали, что всѣ привлекавшіеся вмѣстѣ со мной по дѣлу 9-го января, и Гапонъ въ томъ числѣ, амнистированы. Во время второго свиданія у меня на квартирѣ (т. е. послѣдняго нашего свиданія, въ ноябрѣ) я ему сказалъ объ этомъ, очень довольный, что Гапонъ прекратить подпольный образъ жизни. Но онъ только принялъ это къ свѣдѣнію.

* * *

Оба раза на моей квартирѣ мы много говорили объ его «отдѣлахъ». Онъ спрашивалъ, что и какъ ему слѣдуетъ, по моему, дѣлать.

Я отвѣчалъ: если онъ имѣетъ въ виду свои личные интересы, то используетъ интересъ и довѣріе рабочей массы къ его имени, какъ демагога. Но цѣли, навѣрное, не достигнетъ, такъ какъ социалистическія партіи достаточно сильны и организационно и идейно, чтобы уничтожить его при первой же подобной попыткѣ. Если же для него важны интересы рабочихъ, а не свои собственные, — а интересы рабочихъ онъ обязанъ защищать раньше всего, — то роль его должна свестись къ слѣдующему.

Онъ долженъ возстановить свои «отдѣлы», какъ внѣпартійныя рабочія организациі. Своимъ вліяніемъ на сѣрую массу рабочихъ, уходящую къ черной сотнѣ, онъ долженъ собрать и организовать ее въ своихъ «отдѣлахъ». Верхи рабочихъ, организованные въ социалистическихъ партіяхъ, по моему, тоже примутъ въ нихъ участіе. При каждомъ изъ «отдѣловъ» каждая изъ партій должна имѣть свое бюро со своимъ книжнымъ складомъ, читальней и т. д. Если среди рабочихъ окажется значительная группа даже черносотенцевъ, которые пожелаютъ имѣть свое бюро, они должны его получить. Ни въ какомъ случаѣ не допускать для какой бы то ни было партіи «захвата» вліянія надъ всей организаціей. Каждая изъ нихъ должна использовать по очереди свое право устройства лекцій, рефератовъ, на которыхъ должна соблюдаться для всѣхъ безъ исключенія свобода слова. Рабочіе такимъ образомъ научатся самостоятельно разбираться въ окружающихъ ихъ теченіяхъ, сознательно и спокойно рѣшать интересующіе ихъ вопросы, а не будутъ ограничиваться принятіемъ митинговыхъ резолюцій подъ вліяніемъ того или другого агитатора. Собранные въ отдѣлы, рабочіе организуются въ профессиональные и кооперативные союзы. А сами «отдѣлы» станутъ союзомъ профессиональных и кооперативныхъ союзовъ. Рабочее движеніе сдѣлается силой, которая сумѣетъ вести серьезную экономическую борьбу.

Гапонъ соглашался со мною. И для успѣха дѣла просилъ написать въ «Сынъ Отечества» статью, призывающую рабочихъ относиться съ довѣріемъ къ нему и его «отдѣламъ». Я обѣщалъ если товарищи согласятся со мной.

Отдѣльныя слова, выраженія Гапона, тонъ, которымъ онъ говорилъ, оставили у меня отвратительный осадокъ на душѣ. Непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня и «товарищъ» его, съ которымъ онъ прѣвхалъ; маленькій, невзрачный рабочій, оставившійся почему то (такъ распорядился Гапонъ) въ теченіе всего нашего разговора въ другой комнатѣ. Судя по описаніямъ, это былъ Кузинъ.

Раньше, чѣмъ я собрался написать обѣщанную статью, въ газетахъ появились извѣстныя интервью съ Гапономъ. Я вызвалъ его черезъ рабочихъ къ себѣ, чтобы объясниться, но онъ не явился. Говорили, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Чѣмъ больше росли гапоновскія организаціи въ Петербургѣ, тѣмъ чаще появлялись гапоновскія интервью, все болѣе опредѣленныя по своему содержанію, нападающія на социалистическія партіи, примиряющія съ правительствомъ. Мнѣ казалось, что изъ двухъ путей, о которыхъ я говорилъ съ нимъ, онъ выбралъ первый, т. е. путь демагога.

Между тѣмъ, рабочая среда, даже партійная, заколебалась. Захотѣли итти въ «отдѣлы». Привлекали широта организаціи и имя Гапона. Въ партіяхъ и въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ стали обсуждать вопросъ объ отношеніи къ гапоновцамъ и ихъ организаціямъ. Въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, гдѣ я былъ представителемъ отъ партіи, я высказался за борьбу съ гапоновщиной, какъ съ демагогіей. Но вопросъ этотъ тогда не былъ рѣшенъ. А скоро пересталъ существовать самый Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

* * *

Въ концѣ декабря 1905 г. я вынужденъ былъ перейти опять на нелегальное положеніе. Гапономъ больше не занимался. Ничего о немъ, кромѣ того, что было въ газетныхъ замѣткахъ, я не зналъ.

Въ концѣ января 1906 г. Ц. К. поручилъ мнѣ поѣхать въ Москву. Передъ отъѣздомъ я видѣлся съ женой, которая сообщила мнѣ, что Гапонъ меня разыскиваетъ, хочетъ поговорить со мной о чемъ то.

Я заѣхалъ къ Гапону на дачу въ Теріюки, но не засталъ его и уѣхалъ въ Москву, не повидавшись съ нимъ.

ЧАСТЬ II.

Отчеты Центральному Комитету Партія С.-Р. о предательствѣ и смерти Гапона.

Отчетъ I ¹⁾.

6 февраля 1906 г. въ Москвѣ, гдѣ я жилъ нелегально, ко мнѣ явился Гапонъ. Моя жена, вполне ему довѣрившая и знавшая, какъ меня разыскать въ эти дни, указала ему, куда обратиться. Гапонъ пріѣхалъ 5-го утромъ изъ Петербурга, явился по данному адресу. Ему сказали, что я туда долженъ прійти только 6-го, въ 3 часа дня. Когда я пришелъ, Гапонъ уже ждалъ меня.

Онъ сказалъ, что пріѣхалъ специально повидаться со мной и сообщить мнѣ что то очень важное.

— Дѣло, большое дѣло. Вѣрно! Не надо только смотрѣть узко на вещи. Ты даже догадаться не можешь, въ чемъ дѣло. Вечеромъ поѣдемъ въ Яръ ²⁾, тамъ поговоримъ.

Я указалъ, что въ Ярѣ ѣхать неудобно въ полицейскомъ отношеніи. Да и не къ чему. Можно тутъ сейчасъ поговорить.

— Пустяки все это! вспыхнулъ онъ чего то, но сейчасъ-же добавилъ упавшимъ голосомъ, странно на меня поглядывая:

— Ты не бойся. Ты мнѣ, главное, вѣрь. Поѣдемъ. Говорю тебѣ, не арестуютъ. Потомъ, я пригласилъ Александру Михайловну ³⁾ и стараго ученика моего по семинаріи съ женой. Онъ хорошій человекъ. Поѣдемъ. Проведемъ вечеръ. Тамъ поговоримъ.

Я наотрѣзъ отказался ѣхать въ Яръ разговаривать о конспиративныхъ дѣлахъ. Любой сыщикъ могъ его тамъ узнать въ лицо, и я провалюсь. Да и приглашенные имъ посторонніе люди будутъ мѣшать. Предложилъ ему, если хочетъ, говорить сейчасъ.

Онъ отказался, сославшись на отсутствіе настроенія для разговора по такому важному дѣлу. Мы условились встрѣтиться на той же квартирѣ, въ 9 часовъ вечера.

Видъ и настроеніе Гапона, котораго я не встрѣчалъ съ ноября 1905 г., меня поразили.

Во 1-хъ, онъ слишкомъ хорошо былъ одѣтъ. Для Гапона, бывавшаго ежедневно въ голодныхъ рабочихъ кварталахъ, это было

¹⁾ Разказы Гапона и его разговоры со мной записаны, поскольку было возможно, съ буквальной точностью. Слова и выраженія въ моемъ изложеніи тѣ, которыя употреблялъ самъ Гапонъ. Примѣчанія отъ моего имени помѣщены тамъ, гдѣ это мнѣ казалось нужнымъ для ясности.

При редактированіи этихъ отчетовъ исправлено и сокращено только то, что говорится отъ моего имени. Сказанное самимъ Гапономъ и записанное въ свое время, не замѣнено.

Последніе два отчета подтверждаются, конечно, присутствовавшими.

Добавленное позже — тоже помѣчено.

²⁾ Яръ — загородный ресторанъ въ Москвѣ.

³⁾ Имена, набранные въ разрядку, замѣнены. А. М. — хозяйка квартиры, гдѣ мы встрѣтились.

не кстати. рѣзало глазъ. Во 2-хъ, онъ весь какъ то облинялъ. Былъ пришибленный, безпокойный. Взгляда моего не выдерживалъ. Щупаль меня глазами, но со стороны, такъ, чтобы я не замѣтилъ.

— Потомъ мы все таки поѣдемъ въ Яръ. Настроение у меня плохое. Хочется немного развлечься.

— Зачѣмъ же обязательно въ Яръ? Можно здѣсь посидѣть.

— Я этого кабака еще не знаю. Хочу посмотрѣть. И чего ты упираешься? Хочу съ тобой вечеръ провести. Ты, вѣдь, понимаешь, что неловко, разъ я пригласилъ уже людей.

— Ладно, тамъ видно будетъ.

Гапонъ сидѣлъ въ креслѣ, подперевъ рукою голову, со-всѣмъ разслабленный.

Разставаясь съ нимъ, я сказалъ, между прочимъ, что пойду купить себѣ пальто.

— Дорогое купишь пальто?

— Рублей въ 35.

— Такое дешевое? Хочешь, я куплю тебѣ хорошее пальто, спросилъ онъ.

— То есть, какъ это ты купишь унѣ пальто?

— Ну, подарокъ. Ну, хочу купить тебѣ х о р о ш е е пальто, (онъ подчеркнулъ слово «хорошее»). Понимаешь? Ну, подарокъ, что ли. Я отклонилъ неумѣстный подарокъ.

× × ×

Вечеромъ, въ 9 часовъ, послѣ длиннаго предисловія объ узости взглядовъ нѣкоторыхъ товарищей (революціонеровъ), о томъ, что надо дѣлать, что изъ всѣхъ товарищей онъ цѣнитъ только меня одного, что когда лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, и т. д., онъ взялъ съ меня слово, что все, что сообщитъ мнѣ, останется между нами, такъ какъ это большая тайна.

Не подозрѣвая ничего особеннаго, я общалъ.

Разсказалъ Гапонъ слѣдующее:

Онъ пріѣзжалъ въ Россію три раза. Первый разъ въ августѣ 1905 г. (Тогда онъ до Россіи не доѣхалъ. Былъ только въ Финляндіи. Заявленіе въ печати, что онъ провелъ тогда три мѣсяца среди крестьянъ и рабочихъ—неправда. П. Р.).

Второй разъ онъ пріѣхалъ ненадолго послѣ манифеста 17 октября 1905 г. и третій разъ—въ концѣ декабря 1905 г.

Во второй его пріѣздъ, т. е. послѣ 17 октября, нѣкоторые либералы: Струве, Матюшинскій, и другіе, стали хлопотать у Витте объ его (Гапона) легализаціи и объ открытіи 11-и отдѣловъ. Особенно хлопоталъ о немъ Матюшинскій, бывшій много лѣтъ с-д. и с-р., и имѣвшій большія связи. Витте не соглашался.

Разъ Матюшинскій познакомилъ его съ чиновникомъ особыхъ порученій при Витте, Мануйловымъ, который сообщилъ, что Витте очень беспокоится о судьбѣ Гапона. Онъ цѣнитъ геніальныя способности Гапона, и ему будетъ крайне тяжело, если Гапона арестуютъ. Дурново настаиваетъ на его арестѣ. Пребываніе Гапона

въ Петербургѣ очень опасно. Этотъ арестъ принесетъ большой вредъ рабочему дѣлу. Графъ Витте проситъ его, для его же пользы и для пользы рабочихъ, уѣхать изъ Петербурга.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ Мануйловымъ, «бывшимъ агентомъ Плева въ Парижѣ», пояснилъ Гапонъ, пришли къ слѣдующему соглашенію: правительство черезъ Мануйлова выдастъ ему паспортъ. За это Витте обѣщаетъ: 1) открыть отдѣлы, 2) возмѣстить причиненные въ январѣ отдѣламъ убытки въ суммѣ 30.000 рублей и 3) недѣль черезъ шесть легализировать Гапона.

Около 24 ноября (точно числа не помню) Гапонъ уѣхалъ за границу. Уполномоченнымъ по всѣмъ дѣламъ оставилъ Матюшинскаго.

Рѣшеніе это было принято Гапономъ не единолично, а по совѣщанію съ «организационной комиссіей» ¹⁾.

Отдѣлы были открыты. Были затрачены большія деньги на ихъ отдѣлку. Но во время московскаго возстанія ихъ опять закрыли.

Не дождавшись шестинедѣльнаго срока, Гапонъ вернулся въ Россію, около 25 декабря 1905 г. Причиной этого преждевременнаго пріѣзда Гапонъ выставляетъ усиленную за нимъ слѣжку въ Парижѣ и нѣкоторыя другія соображенія, которыхъ мнѣ не сказалъ.

Вернувшись, онъ узналъ, что Витте обѣщаній своихъ не сдержалъ. Отдѣлы хотя были открыты, но немедленно были закрыты. Въсто 30.000 рублей выдано только 7.000.

По порученію Витте дѣломъ о гапоновскихъ организаціяхъ завѣдывалъ министръ торговли Тимирязевъ. Къ нему была отправлена депутація отъ рабочихъ за объясненіями. Тимирязевъ сообщилъ, что деньги выдалъ полностью и показалъ расписку Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000 рублей. Относительно отдѣловъ сказалъ, что Дурново не разрѣшаетъ ихъ открыть.

Оказалось, что Матюшинскій скрылся съ 28.000 рублей. За нимъ въ погоню послали рабочихъ Кузина и Черемухина.

* * *

При слѣдующемъ свиданіи Гапона съ Мануйловымъ, тотъ объяснилъ, что Витте ведетъ борьбу съ Дурново за отдѣлы, что отдѣлы теперь—кабинетскій вопросъ. Дурново сказалъ, что подастъ въ отставку, если откроютъ отдѣлы. Мануйловъ еще прибавилъ, что теперь этимъ дѣломъ вѣдаетъ Дурново, и что съ Гапономъ хочетъ повидаться правая рука Дурново—Рачковскій, вице-директоръ департамента полиціи.

Гапонъ на свиданіе согласился.

Оно было назначено въ отдѣльномъ кабинетѣ въ ресторанѣ. (Всѣхъ свиданій у Гапона съ Рачковскимъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ до 6-го февраля было четыре: одно у Контана, два у Кюба, одно у Донона. Въ какомъ ресторанѣ—какіе изъ свиданій,—не знаю).

¹⁾ Возобновившейся гапоновской рабочей организаціей.

Рачковскій выразилъ большую радость представившемуся случаю встрѣтиться съ такимъ талантливымъ человѣкомъ, какъ Гапонъ. Гапонъ прибавилъ: «Рачковскій сразу поддался моему обаянію. Ты вѣдь знаешь, я людей знаю хорошо, и видѣлъ это ясно».

Рачковскій сказалъ, что говорить отъ имени Дурново, и что все, что говорить онъ, есть въ то же время мнѣніе Дурново. По вопросу объ открытіи отдѣловъ дѣло обстоитъ очень туго. Дурново считаетъ отдѣлы очень опасными, и присутствіе Гапона въ Петербургѣ совершенно нежелательнымъ при настоящемъ положеніи вещей. (Это свиданіе происходило въ концѣ декабря или въ началѣ января 1906 г.).

Всѣ, и Дурново и Треповъ, считаютъ его человѣкомъ талантливымъ и, въ то же время, опаснымъ. Они говорятъ, что Гапонъ 9-го января устроилъ революцію на глазахъ у правительства, и боятся, что теперь онъ выкинетъ что нибудь подобное.

Гапонъ успокаивалъ Рачковского. Онъ говорилъ, что имѣть въ виду только профессиональное движеніе. Взгляды его на рабочее движеніе измѣнились. Оно должно развиваться мирно. Относительно вооруженнаго возстанія и прочихъ кровавыхъ мѣръ онъ, Гапонъ, теперь мнѣнія свои измѣнилъ. Отъ крайнихъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ прокламаціяхъ (напечатанныхъ Гапономъ послѣ 9 января), онъ отказывается и жалѣетъ о нихъ.

Рачковскій указалъ на то, что правительство никакихъ гарантій въ этомъ не имѣетъ. Онъ просилъ написать Дурново письмо и изложить въ немъ все сказанное.

Рачковскій совершенно согласенъ съ Гапономъ относительно постановки рабочего дѣла и теперешняго положенія Россіи.

Гапонъ письмо писать отказался (такъ онъ говорилъ). Тогда Рачковскій сказалъ, что безъ такого письма нечего и говорить о новомъ открытіи отдѣловъ. На государя прошлагодня гапоновскія прокламаціи навели мистическій ужасъ, и во всемъ, происходящемъ теперь въ Россіи, онъ видитъ Гапона. Дурново необходимо явиться съ какимъ нибудь оправдательнымъ документомъ къ государю при докладѣ по этому дѣлу.

Гапонъ написалъ Дурново.

Это было около 15-го января 1906 г.

(Я просилъ Гапона прочесть мнѣ черновикъ, если у него есть. Онъ отвѣтилъ, что оставилъ въ гостинницѣ, а на слѣдующій день принесетъ и прочесть).

Рачковскій взялся передать письмо Дурново и просилъ у Гапона разрѣшенія придти на слѣдующее свиданіе съ крайне интереснымъ и талантливымъ человѣкомъ, Герасимовымъ, начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія. Треповъ о немъ необыкновенно высокаго мнѣнія, считаетъ его самымъ талантливымъ человѣкомъ въ департаментѣ полиціи. А Герасимовъ очень желаетъ повидать Гапона.

Гапонъ разрѣшилъ.

* * *

На этомъ разсказъ Гапона долженъ быть оборваться.

Было уже поздно. Гости, которыхъ Гапонъ пригласилъ ѣхать въ Яръ, были въ сборѣ, и давно уже нетерпѣливо стучались въ дверь, предлагая кончить «серьезные разговоры».

Я опять отказался ѣхать. Но Гапонъ настаивалъ. Даже обидѣлся.

Я видѣлъ, что онъ рассказываетъ мнѣ не все. Многого я не понималъ. Многого я не зналъ еще. А узнать и понять надо было все, во что бы то ни стало. Интересно было посмотрѣть его въ кабацкѣ. Можетъ быть, даже пьянымъ. Почему онъ такъ настаиваетъ? Я согласился.

Поѣхали въ Яръ на тройкѣ.

Ѣхать пришлось Прѣсней среди пепелищъ. По обѣимъ сторонамъ стояли остовы домовъ, безъ крышъ, безъ оконъ, домовъ, отъ которыхъ остались обломки стѣнъ, продырявленныхъ пушечными ядрами. Улицы пусты. Только городовые на псетахъ съ винтовками. Попутчики-москвичи указывали, откуда стрѣляли изъ пушекъ, гдѣ больше всего было убитыхъ. Рассказывали отдѣльные эпизоды, происходившіе на томъ или другомъ мѣстѣ, гдѣ мы проѣзжали. Нервы напрягались. Но я съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за Гапономъ. Въ дорогѣ онъ много курилъ, почти ничего не говорилъ. Дамы его постоянно тормошили, чтобы вывести изъ апатіи. За городомъ онъ ударился изъ одной крайности въ другую: сталъ свистать, гикать, но скоро опять умолкъ.

Пріѣхавши въ Яръ, онъ предложилъ пойти въ общій залъ. Я запротестовалъ. Взяли кабинетъ. Просидѣли нѣсколько минутъ. Гапонъ былъ недоволенъ. Наконецъ, онъ рѣшительно заявилъ, что надо идти въ общій залъ.

— Тамъ музыка, тамъ женщины, тамъ тѣломъ пахнетъ.

Такое заявленіе меня заинтересовало. Я махнулъ рукой на конспирацію.

Въ общемъ залѣ сѣли въ переднемъ углу, направо отъ двери, около оркестра.

Пилъ Гапонъ мало. Былъ совершенно разбитъ. Часто укладывалъ руки на столъ и голову на руки. Подолгу оставался въ такомъ положеніи. Потомъ поднималъ голову, надѣвалъ пенснэ и рассматривалъ залъ. Я думалъ тогда, что онъ изучаетъ «женщинъ». Позже убѣдился, что кромѣ «женщинъ» онъ въ залѣ видѣлъ и еще кого то. Онъ снималъ пенснэ, опять укладывалъ голову съ какимъ то безсильнымъ отчаяніемъ на руки, опять поднималъ ее и, обращая ко мнѣ, говорилъ:

— Ничего, Мартынъ, все хорошо будетъ!

Нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ:

— Александра Михайловна, пожалѣйте меня!

Я всѣми силами старался скрыть все болѣе и болѣе овладевавшіе мною отвращеніе и ужась.

На слѣдующій день, 7-го февраля, Гапонъ прочелъ мнѣ черновикъ письма къ Дурново, о которомъ онъ говорилъ наканунѣ.

Кромѣ взгляда на настоящее положеніе Россіи, на необходимость профессиональной рабочей организаціи и открытія 11-ти отдѣловъ, тамъ говорилось о необходимости вернуться къ началамъ манифеста 17 октября, давалось объясненіе событіямъ 9-го января 1905 г. Въ этомъ письмѣ говорилось также о святости для Гапона особы государя.

Предательства въ письмѣ я не замѣтилъ. Но соответствуетъ ли этотъ черновикъ оригиналу, — не знаю. Во всякомъ случаѣ, думаю, что въ гостинницѣ онъ черновика не оставлялъ.

Гапонъ продолжалъ прерванный наканунѣ разговоръ.

Слѣдующее свиданіе съ Рачковскимъ происходило уже въ присутствіи жандармскаго полковника Герасимова, опять въ отдѣльномъ кабинетѣ. Герасимовъ былъ въ штатскомъ платьѣ.

Свиданіе началось съ того, что Герасимовъ также высказалъ Гапону свое удивленіе и восхищеніе. Закусывали стоя. Герасимовъ изловчился и, подъ видомъ выраженія своихъ пріятельскихъ чувствъ, ощупалъ карманы пиджака Гапона и даже похлопалъ его по задней части тѣла, чтобы убѣдиться, что у Гапона нѣтъ револьвера. Все это Гапонъ мнѣ продемонстрировалъ. Гапонъ рассказалъ это въ доказательство того, какъ они «осторожны».

За обѣдомъ Рачковскій передалъ впечатлѣніе, которое произвело письмо на Витте и Дурново.

Витте сказалъ: «Гапонъ хочетъ меня вы...ать, но это ему не удастся».

Дурново, дойдя до фразы, гдѣ Гапонъ, излагая событія 9-го января, говоритъ, что особа государя для него священна, но интересы народа также, разсвирѣпѣлъ и швырнулъ отъ себя бумагу.

Вообще, отношеніе и Витте, и Дурново, и Трепова къ Гапону недоувѣрчивое. Они боятся его, — опять что нибудь устроить.

— Вѣдь, вотъ, вы говорите, что теперь у васъ никакихъ революціонныхъ замысловъ нѣтъ; вы бы намъ доказали это какъ нибудь.

Рачковскій говорилъ, что правительство находится въ крайне затруднительномъ положеніи: нѣтъ талантливыхъ людей. А о такихъ, какъ Гапонъ, и думать нечего. Рачковскій ломалъ руки, и дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Вотъ я старъ. Никуда уже не гожусь. А замѣнить меня некому. Россіи нужны такіе люди, какъ вы. Возьмите мое мѣсто. Мы будемъ счастливы.

Говорилось о большихъ окладахъ, о гражданскихъ чинахъ, полнѣйшей легализаціи Гапона и объ «отдѣлахъ».

— Но вы бы намъ помогли. Вы бы намъ рассказали что нибудь. Освѣтите намъ положеніе дѣлъ. Помогите намъ!

Рачковскій сослался на историческій примѣръ искренняго раскаянія бывшаго народовольца Льва Тихомирова. Гапонъ долженъ доказать правительству, что оно можетъ ему довѣрять.

Гапонъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

Ему возразили, что это немыслимо для такой личности, какъ Гапонъ. Онъ сталкивался съ массой людей за границей и въ Россіи.

— Расскажите намъ, что вы дѣлали за границей, съ кѣмъ встрѣчались. Докажите вашу искренность.

Тутъ Гапонъ уклонился въ сторону.

— Ты понимаешь,—обращался онъ ко мнѣ,—надо смотрѣть шире, надо дѣло дѣлать. И при Народной Волѣ тамъ служили и все выдавали товарищамъ. Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ. Дѣло важнѣе всего. Если тамъ пострадаетъ ктонибудь, это пустяки. Положеніе такое, что надо его использовать. Раньше я былъ противъ единичнаго террора, теперь за единичный терроръ. Надо имъ отомстить. Витте и Дурново — это одно и то же. Они только политику ведутъ такую, что во всемъ виноваты Дурново, а Витте добрый. Знаю. Что тамъ провокація или что бы про насъ не сказали? Пустяки. Надо смотрѣть широко. Вѣрно я тебѣ говорю.

— Ладно. О комъ они тебя спрашивали?

— Спрашивали о Бабушкѣ, о Черновѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ. Но больше ничего не сказалъ.

— Еще о комъ спрашивали?

— О тебѣ спрашивали, бросилъ онъ небрежно и замолчалъ. Я сидѣлъ въ это время за столомъ, онъ ходилъ по комнатѣ, поглядывалъ на меня и ухмылялся.

Я молчалъ, ждалъ, что будетъ дальше.

— Ей-Богу, спрашивали.

— Что же спрашивали?

— Да, ты должно быть неосторожно держалъ себя съ рабочими. Тебя за Нарвской почти всѣ въ лицо знаютъ. Ктонибудь изъ рабочихъ и выдалъ. Между ними вѣдь много провокаторовъ. Съ рабочими надо быть осторожнѣе.

И опять замолчалъ. Ходить и молчать. Время отъ времени на меня поглядываетъ.

— Такъ о чемъ же они спрашивали?

— Да, ты боевыми дружинами, что ли, занимался. Мы, говорятъ, знаемъ, да изловить не можемъ. Хорошо, говорятъ, прячешься. Два раза арестовывали тебя, да уликъ никакихъ не было. Пришлось освободить.

Помолчавъ нѣкоторое время, онъ опять началъ.

— Они говорятъ, что ты очень серьезный революціонеръ. Что черезъ твои руки большія деньги должно быть проходить. Они знаютъ, что ты на рыскахъ развѣзжаешь, кутишь. (Короткое молчаніе) Главное, понимаешь, не надо бояться. Грязно тамъ и пр. Но нѣтъ хоть съ чортомъ имѣть дѣло, не то, что съ Рачковскимъ. Отъ нихъ узнать сколько можно.

— Еще что спрашивали?

— Спрашивали про наши отношенія. Я сказалъ, что ты мой первый другъ. Про 9-ое января спрашивали. Какъ все тогда произошло. Они все знаютъ. Вообще, къ тебѣ съ уваженіемъ относятся. Серьезный человѣкъ, говорить.

— А ты что же?

— Я подтвердилъ. Очень серьезный человѣкъ, сказалъ.

— А когда про боевыя дружины спрашивали, что ты отвѣтилъ?

— Сказалъ, что боевыя дружины для него пустяки, но что человѣкъ серьезный. А про Павла Ивановича и Ивана Николаевича¹⁾ ничего не спрашивали, вдругъ спохватился Гапонъ. Я ничего и не сказалъ, конечно.

Въ томъ, что спрашивали, я не сомнѣвался, не сомнѣвался и въ томъ, что онъ сказалъ и про нихъ все, что могъ. А сказать Рачковскому онъ могъ и про партіи, и про отдѣльныхъ лицъ, потому что за границей къ нему, особенно въ первое время, относились съ довѣріемъ! Такъ какъ онъ постоянно бывалъ среди товарищей, то узнавалъ и многое конспиративное.

— Когда я имъ сказалъ, что въ очень близкихъ съ тобой отношеніяхъ, они вдругъ откололи: «Вы бы намъ вотъ этого соблазнили». Ей-Богу, такъ, сукины дѣти, и сказали. (Ухмыляется). Про Боевую Организацию спрашивали. Я сказалъ, что ничего не знаю. Они не вѣрятъ. Но я такъ сказалъ какъ будто знаю. Они ея очень боятся. Я сказалъ, что для этого большія деньги нужны. Не меньше ста тысячъ. «Хорошо», говорятъ. Я тогда сказалъ, что они должны дѣлать все, что я имъ скажу. Общались. Рутенбергъ не долженъ быть арестованъ, говорю. Общались. Тебѣ нечего теперь бояться. Тебя не арестуютъ. Ты мнѣ вѣрь. Прямо поѣзжай въ Петербургъ. Главное, нечего бояться. Повидаться тамъ, поговорить. Вѣдь, это пустяки. Для меня дѣло важнѣе всего.

Гапонъ еще долго говорилъ, доказывалъ, рассказывалъ. А я его слушалъ и изрѣдка вставлялъ тотъ или другой вопросъ.

Все свелось къ тому, что онъ взялъ на себя порученіе узнать и выдать «заговоръ противъ царя, Витте и Дурново». Для этого «соблазнить» меня въ провокаторы.

Гапонъ рассказывалъ все это подъ видомъ «плана»: использовать свое положеніе съ революціонной цѣлью. Но онъ путалъ. Вначалѣ онъ говорилъ о террорѣ и о необходимости поскорѣ повидаться съ Павломъ Ивановичемъ и Иваномъ Николаевичемъ (онъ считалъ ихъ, какъ и меня, членами Боевой Организациі). Гапонъ долженъ войти въ составъ Б. О. на равныхъ съ нами правахъ и все знать, «не такъ, какъ въ Женевѣ». А тамъ можно будетъ использовать его положеніе: узнать про Витте и Дурново.

Дѣло въ томъ, что Витте и его приближенные, какъ Мануй-

¹⁾ Иванъ Николаевичъ, какъ извѣстно, кличка Азефа.

ловъ, хотѣли бы, чтобы убили Дурново. А Рачковскій и Дурново были бы не прочь, чтобы убрали Витте. (Гапонъ забылъ, что говорилъ мнѣ, что Витте и Дурново—одно и то же). На этой стрункѣ онъ уже игралъ и узналъ у Мануйлова, что Дурново ѣздитъ къ своей любовницѣ М... и на Моховую улицу, д. №... (Фамилія и адресъ у него записаны въ памятной книжкѣ). Дальше можно будетъ узнать еще больше. Главное не надо терять времени, повидаться съ П. И. и И. Н. и вмѣстѣ все обсудить. Я, съ своей стороны, долженъ на нихъ повліять, чтобы они ему, Гапону, довѣряли.

А потомъ все предпріятіе сводилось на деньги, и къ концу разговора—исключительно на деньги. Безъ денегъ ничего сдѣлать нельзя. Деньги—рычагъ всего. Для этого необходимо повидаться съ Рачковскимъ и Герасимовымъ, иначе «они увидятъ», что онъ «ничего не знаетъ», и «перестанутъ довѣрять» ему.

Когда онъ выражалъ желаніе видѣться съ П. И. и И. Н., онъ забылъ, что бралъ съ меня слово, что никто не узнаетъ про нашъ разговоръ. Теперь онъ забылъ, что хотѣлъ видѣться съ ними, и опять говорилъ: свиданіе съ Рачковскимъ останется въ абсолютной тайнѣ, и никто о немъ не узнаетъ. Мнѣ нечего опасаться, да и свиданіе ни къ чему не обязываетъ. Можно только поговорить, пообѣдать вмѣстѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ и разойтись.

— А ѣдятъ они какъ хорошо, еслибы ты зналъ!—вставилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой.

Помолчавъ:

— Конечно, сейчасъ ходить не слѣдуетъ. Надо обождать немного, недѣли двѣ. Больше дадутъ. А то подумаютъ, что ты сразу поддался.

* * *

— Ты имъ сказалъ, что меня зовутъ Мартыномъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, Боже сохрани!

— А они знаютъ это имя?

— Не знаютъ. Да ты не безпокойся. Вѣрь мнѣ!

Горячо и гладко Гапонъ говорилъ только объ общихъ планахъ, а факты излагалъ осторожно, непослѣдовательно, часто противорѣча себѣ. Мнѣ приходилось вытягивать изъ него каждое слово. Онъ раздражался, жаловался, что я ему не довѣряю. Я возражалъ и успокаивалъ его тѣмъ, что дѣло очень серьезное, а въ серьезныхъ дѣлахъ надо все ясно понимать. Поэтому я и спрашиваю, когда чего нибудь не понимаю. Я ставилъ прямые вопросы, онъ вынужденъ былъ отвѣчать.

Изъ разговора удалось выяснитъ, что Мануйловъ устроилъ Гапону свиданіе съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ. Тотъ его уговаривалъ «освѣтитъ» положеніе.

— Вы только расскажите мнѣ, не нужно писать ничего, только расскажите, что знаете. Я вамъ даю слово никому не сообщать рассказаннаго вами, покуда вы не будете удовлетворены.

Такъ говорилъ Гапону Лопухинъ. Свиданіе у нихъ происходило въ отдѣльномъ кабинетѣ за обѣдомъ. Гапонъ объ этомъ свиданіи не распространялся. Одну характерную фразу, сказанную имъ Лопухину, онъ привелъ:

— Если я вамъ скажу, я вамъ душу живу, все, чѣмъ силенъ былъ до сихъ поръ, отдамъ. Я останусь, какъ Самсонъ, безъ волосъ.

Что онъ еще сказалъ Лопухину во время продолжительнаго и вкуснаго обѣда, какъ Лопухинъ все таки оставилъ его безъ волосъ, и сыгралъ роль Далилы, я не знаю.

* * *

Когда Гапонъ взялъ на себя порученіе «соблазнить» меня, онъ отправился къ моей женѣ, узналъ у нея, какъ меня найти въ Москвѣ, и сообщилъ объ этомъ по телефону Рачковскому. Сказалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ Москву. И въ Яру, когда я сидѣлъ съ Гапономъ въ общемъ залѣ, очевидно, былъ агентъ Рачковского, засвидѣтельствовавшій лично, что свиданіе состоялось.

* * *

Гапону показывали фотографическіе снимки съ собственноручныхъ писемъ Сокова къ японскому посланнику въ Парижѣ. Письма были выкрадены изъ стола посланника и сфотографированы. Въ нихъ дается точный отчетъ израсходованныхъ суммъ.

— Показываютъ и говорятъ. — «Вотъ вы какіе, революціонеры! На японскія деньги революцію въ Россіи разводите». Какъ увидалъ, весь затрясся. Слава тебѣ, Господи, думаю (широко крестится), что не касался этихъ денегъ. А тамъ написано: «С.-Р. 100,000». Слава тебѣ Господи! (Опять крестится).

— На какомъ языкѣ написано письмо?

— На французскомъ.

— Ты, вѣдь, ничего не понимаешь по французски?

— Тамъ было написано: «С.-Р. 100,000». Самъ видѣлъ.

— Но ты, вѣдь, получилъ отъ Сокова 50,000? Какъ же ты говоришь, что не касался этихъ денегъ?

Гапонъ смутился. Онъ думалъ, что я не знаю этого. Деньги онъ получилъ лѣтомъ, когда меня за границей не было.

— Нѣтъ, я ихъ получилъ не отъ Сокова, а отъ американки изъ рукъ въ руки. Соковъ къ этимъ деньгамъ никакого касательства не имѣетъ.

(50,000 франковъ Гапонъ получилъ, по словамъ Сокова, въ три приема: первую часть лично отъ Сокова, для рабочихъ и революціи, конечно).

* * *

— Хочешь, я освобожу твоего брата? (братъ мой сидѣлъ тогда въ Крестахъ)—предложилъ Гапонъ.

Онъ и о братѣ зналъ. Всѣ средства для моего «соблазна» предвидѣны. Я отказался.

•

— Онъ молодой еще. Ему полезно посидѣть въ тюрьмѣ.
— Да, вѣдь, это пустяки, — убѣждалъ онъ меня. — Сдѣлаю, какъ только приѣду въ Петербургъ.
Я все таки отказался отъ этого доказательства дружбы.

* * *

— Знаешь, хорошо бы потомъ взорвать департаментъ полиціи со всѣми документами, — сказалъ онъ, задумавшись.

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ же; тамъ вѣдь много разныхъ документовъ про разныхъ лицъ. Данные тамъ разные для суда и прочее, продолжалъ онъ уже упавшимъ голосомъ, поглядывая на меня исподлобья, стараясь придать дѣловой революціонный смыслъ неосторожно произнесенной вслухъ мысли.

— Я знаю, что всѣ дѣла имѣются въ копіяхъ въ жандармскомъ управленіи, у прокуратуры.

— Правда?

* * *

— Ты никому не говори про то, что я тебѣ рассказывалъ. Давай вдвоемъ дѣло дѣлать.

Я отвѣтилъ, что не могу не рассказать товарищамъ. Надо посоветоваться, какъ использовать создавшееся положеніе.

Тогда онъ сталъ меня убѣждать не говорить, а въ крайнемъ случаѣ затронуть вопросъ только принципиально, но не упоминая его имени. А то начать говорить, что онъ провокаторъ.

Съ Гапона струился потъ. Онъ сильно волновался, нервно шагаль по комнатѣ. Я сидѣлъ и думалъ, какъ быть.

— Отчего ты на меня не смотришь? Посмотри мнѣ въ глаза, останавливался онъ нѣсколько разъ.

Я подымалъ глаза, смотрѣлъ на него и видѣлъ, къ ужасу моему, что передо мной, дѣйствительно, Гапонъ, видѣлъ, что это не кошмаръ, а дѣйствительность. Онъ испытующе всасывался въ меня глазами, поворачивался, опять ходилъ, опять останавливался, взглядывался въ меня и спрашивалъ:

— Отчего ты на меня такъ смотришь?

— А какъ же мнѣ на тебя смотрѣть?

— Смотри, я тебѣ все рассказываю, я тебѣ доверяю. Смотри, — загадочно угрожающе говорилъ онъ и опять шагаль по комнатѣ, опять говорилъ.

Онъ настаивалъ, чтобы я сейчасъ же сказалъ, пойду ли къ Рачковскому. Ему это «надо знать».

Я отвѣтилъ, что подумаю. Буду въ Петербургъ, тамъ съ нимъ повидаюсь. Дамъ отвѣтъ.

* * *

Мы оба были совершенно измучены. Я не въ состояніи былъ дольше ни слушать, ни говорить, я сказалъ, что долженъ выйти по дѣлу. Гапонъ настаивалъ, чтобы я съ нимъ остался до поѣзда.

что ему очень тоскливо. Я отказался: занять. Онъ продолжалъ настаивать. Я сказалъ, что если освобожусь рано, приду къ нему. Но не рассчитываю.

Мы разстались.

Почевать я долженъ былъ на той квартирѣ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались. За этимъ домомъ и за мной началась слѣжка. Я рѣшилъ оставаться тамъ ночевать, чтобы не подводить другой квартиры или мой паспортъ. Я скоро вернулся туда и свалился на диванъ.

Часовъ въ 8 вечера Гапонъ спросилъ по телефону: дома ли я. Ему отвѣтили, что дома. Я долженъ былъ идти къ телефону.

— Отчего ты не приѣзжаешь ко мнѣ?

— Я боленъ, не могу.

— Пустяки, приѣзжай сейчасъ.

— Не могу.

— Тогда я къ тебѣ приѣду.

— Приѣзжай.

Молчаніе. Потомъ:

— Смотри. Какъ бы ты не пожалѣлъ, что я къ тебѣ приѣду. Сейчасъ буду. Жди меня.

Что означала эта фраза, — не знаю.

Гапонъ приѣхалъ. Я лежалъ на диванѣ больной. Хозяйка за мной ухаживала.

Гапонъ началъ съ упрековъ, что я не во время раскисъ. Я объяснилъ, что простудился накануне.

— Ты смотри! Что то съ тобой неладно.

Онъ сталъ опять говорить о дѣлѣ. Рассказывать товарищамъ я ни въ коемъ случаѣ не долженъ ничего.

Я отвѣтилъ, что ничего не соображаю; боленъ.

Онъ опять увѣрялъ, что могу совершенно свободно ѣхать въ Петербургъ. Не арестуютъ.

— А гдѣ теперь П. И. и И. Н.?—спросилъ онъ неожиданно.

— Не знаю.

— Ты меня не и,—произнесъ онъ, разозлившись.

Лексиконъ его обогатился выраженіемъ, которое, очевидно, часто употребляется въ высшихъ сферахъ департамента полиціи. Гапонъ часто имъ пользовался для краткости и выразительности изложенія своихъ мыслей.

Зашла хозяйка, сказала, что пора ѣхать къ поѣзду.

Онъ спросилъ, какъ меня найти въ Петербургѣ. Я сказалъ, что куда не знаю.

Свой адресъ: Успенскій переулокъ д. № 7, кв. 13, Петръ Николаевичъ Гребницкій,—онъ далъ мнѣ еще раньше.

Мы попрощались. Видъ мой ничего хорошего ему, должно быть, не предвѣщалъ. Послѣднія его слова были съ раздумьемъ:

— Пожалуй, лучше было бы, еслибы я тебѣ ничего не рассказывалъ.

Я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы выѣхать изъ Москвы, а главное, приѣхать въ Петербургъ безъ сыщиковъ, несмотря на высокую протекцію. По дорогѣ въ Петербургъ я прочелъ въ газетахъ письмо Н. П. Петрова «Долой маску»! о Гапонѣ и тридцати тысячахъ рублей.

О деньгахъ, т. е. о 30.000, Гапонъ мнѣ сказалъ, что знаютъ только два человѣка. А о томъ, что онъ встрѣчается съ Рачковскимъ, знаетъ только одинъ изъ нихъ—рабочій. «И то не знаетъ, въ чемъ дѣло». Именъ Гапонъ не называлъ. А когда рассказывалъ о соглашеніи съ Витте, говорилъ, что оно состоялось съ одобренія всего комитета.

(Февраль 1906 г.).

* * *

Въ Петербургѣ я никого не засталъ ¹⁾. Узнавъ, что «Иванъ Николаевичъ» (Азефъ) въ Сѣверскѣ, я поѣхалъ туда. Приѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, вѣдется въ 7 часовъ утра, 11—12 февраля.

Рассказалъ все Азефу. Заявилъ ему, какъ члену Ц. К., что, такъ какъ дѣло это касается партіи, такъ какъ я членъ партіи, я не считаю себя въ правѣ распорядиться самостоятельно и жду распоряженій Ц. К-та.

Азефъ былъ удивленъ и возмущенъ рассказаннымъ. Онъ думалъ, что съ Гапономъ надо было покончить, какъ съ гадиною. Для этого я долженъ вызвать его на свиданіе, поѣхать съ нимъ вечеромъ на своемъ извозникѣ (рысакѣ петербургской Б. О.) въ Крестовскій садъ, остаться тамъ ужинать поздно ночью, покуда всѣ разѣдутся, потомъ поѣхать на томъ же извозникѣ въ лѣсъ, ткнуть Гапона въ спину ножомъ и выбросить изъ саней.

Въ то же утро со вторымъ петербургскимъ поѣздомъ (въ 10 часовъ утра) приѣхалъ Субботинъ. Онъ присоединился, по существу, къ мнѣнію Азефа о необходимости убить Гапона, но окончательное рѣшеніе принято не было.

По словамъ члена Ц. К. Краснова, бывшаго въ то время въ Сѣверскѣ, Азефъ зашелъ къ нему въ тотъ же день послѣ обѣда, сообщилъ ему о моемъ приѣздѣ и о рассказанномъ мною и спросилъ его мнѣнія. Красновъ отвѣтилъ Азефу, что при слѣпой вѣрѣ въ Гапона значительной части рабочихъ можетъ создаться легенда, что Гапонъ убитъ изъ зависти революціонерами, которымъ онъ мѣшалъ, и которые выдумали, что Гапонъ предатель. Ц. К. не можетъ предъявить доказательствъ его сношеній съ полиціей, кромѣ моихъ показаній о разговорѣ съ Гапоновъ, происходившемъ съ глазу на глазъ. Самымъ подходящимъ рѣшеніемъ вопроса Красновъ считалъ убійство Гапона на мѣстѣ преступленія, т. е. во время его свиданія съ Рачковскимъ.

¹⁾ Писано въ іюнѣ 1909 г. Текстъ этого добавленія въ такой же приблизительно редакціи находился у Ц. К-та съ лѣта 1906 г.

На слѣдующій день (или вечеромъ того же дня) собрались всѣ четверо: Красновъ, Азефъ, Субботинъ и я. На этомъ собраніи Красновъ поддерживалъ только что изложенную точку зрѣнія, что одного Гапона убить нельзя, но что это надо сдѣлать съ обоими вмѣстѣ: Рачковскимъ и Гапономъ, т. е., что я долженъ принять предложеніе Гапона, пойти вмѣстѣ съ нимъ на свиданіе съ Рачковскимъ, и тамъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ убить ихъ обоихъ.

Азефъ кончилъ тѣмъ, что присоединился къ мнѣнію Краснова, добавивъ, что его особенно удовлетворяетъ двойной ударъ: Гапонъ и Рачковскій, такъ какъ онъ давно уже думалъ о покушеніи на Рачковского, но никакъ не могъ найти средства подобрать къ нему. Субботинъ и я считали, что убійство Гапона вмѣстѣ съ Рачковскимъ, желательно, но комбинація эта сложная и трудно достижимая, такъ какъ опытный полицейскій Рачковскій, считая меня террористомъ, не допустить къ себѣ на основаніи одной только рекомендаціи Гапона. Субботинъ считалъ, что партія обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ, чтобы заставить повѣрить себѣ, что Гапонъ, дѣйствительно, предатель.

Обсужденіе вопроса тянулось нѣсколько дней. Субботинъ остался при своемъ мнѣніи. Не будучи членомъ Ц. К., и не имѣя, слѣдовательно, права голоса, онъ подчинился высказанному мнѣнію двухъ присутствовавшихъ членовъ Ц. К.: Краснова и Азефа.

Предлагавшійся планъ былъ рассчитанъ на 2—3 свиданія, такъ какъ въ первое свиданіе меня могли бы обыскать раньше, чѣмъ подпустить къ Рачковскому. И въ это первое свиданіе я долженъ былъ вести съ Рачковскимъ «предварительные переговоры».

Я, съ своей стороны, заявилъ, что не рассчитываю на себя въ предлагаемой мнѣ роли. Субботинъ съ Красновымъ изобразили мнѣ въ лицахъ возможный разговоръ съ Рачковскимъ. Азефъ въ этой сценѣ не участвовалъ, а только время отъ времени ихъ одобрялъ.

Я колебался, но въ концѣ концовъ согласился. При болѣе детальномъ обсужденіи дѣла я обратилъ вниманіе на то, что, въ случаѣ неудачи, департаментъ полиціи можетъ воспользоваться разыгранной мною ролью для инсинуацій противъ меня. Всѣ присутствовавшіе возразили, что само собой разумѣется, что партія всѣмъ своимъ авторитетомъ защититъ мою честь отъ чьего бы то ни было посягательства при первой же къ тому попыткѣ.

Азефъ предполагалъ, что совершеніе самаго террористическаго акта должно быть сдѣлано не мной лично. Но обсужденіе дѣла привело къ тому, что это необходимо.

Мнѣ было поручено принять предложеніе Гапона и согласиться пойти съ нимъ на свиданіе съ Рачковскимъ. Въ мое распоряженіе былъ предоставленъ членъ Б. О. Ивановъ. По плану Азефа, я долженъ былъ при помощи Иванова въ роли извозчика и ряда частныхъ извозчиковъ симулировать организацію покушенія на тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дурново.

Цѣль этой симуляціи—заставить Рачковскаго, убѣдившагося при помощи установленнаго за мною полицейскаго наблюденія въ томъ, что я руковожу террористическимъ предпріятіемъ въ Петербургѣ, охотнѣе искать свиданія со мной. Всякія мои сношенія съ Ц. К.-омъ и другими партійными организаціями я долженъ былъ прекратить, чтобы не навести на ихъ слѣды полицію, которая будетъ за мной наблюдать. Мнѣ было поручено записывать и присылать Ц. К.-ту подробное изложеніе хода дѣла.

Въ случаѣ удачи покушенія, и Ц. К., и я должны были заявить, что «Ц. К. постановилъ, а Боевая Организациа мнѣ поручила смыть кровью Гапона и Рачковскаго грязь, которой они покрыли 9-е января».

Красновъ и Субботинъ уѣхали. А Азефъ занялся технической разработкой плана покушенія, давая мнѣ детальныя инструкціи: гдѣ, на какихъ улицахъ, въ какіе часы ставить извозчиковъ, въ какихъ ресторанахъ бывать, какъ сноситься съ нимъ (Азефомъ), какъ получить разрывной снарядъ, и пр. Весь планъ «симуляціи» былъ настолько легковѣсенъ, что, при практическомъ обсужденіи его, возможность неудачи вырисовывалась еще яснѣе.

Не могу сейчасъ восстановить въ памяти моихъ разговоровъ съ Азефомъ по этому поводу. Но фактъ тотъ, что онъ призналъ возможность неудачи и необходимость въ этомъ случаѣ убить одного Гапона. Такъ какъ всякія сношенія мои съ Ц. К. прекращались съ моимъ отѣздомъ изъ Сѣверска, то необходимо было все заранѣе предвидѣть и заготовить также и для этого второго случая. Что Азефъ и сдѣлалъ. Онъ обратился къ Н-амъ (революціонная партія), изложилъ имъ положеніе дѣла, заявивъ, что въ случаѣ, если придется убить одного Гапона, это будетъ сдѣлано въ Финляндіи, между Петербургомъ и Выборгомъ, гдѣ понадобится помѣщеніе, лошади и люди. Онъ спрашивалъ эту организацію, чѣмъ они могутъ намъ помочь.

Я жилъ тогда въ одной комнатѣ съ Азефомъ. Въ вечеръ, наканунѣ моего отѣзда въ Петербургъ, къ намъ пришелъ Фроловъ и отъ имени Ц. К. Н-овъ заявилъ, что они рѣшили предоставить въ наше распоряженіе, когда намъ это понадобится, лошадь и двухъ человѣкъ. Помѣщеніе же достать намъ не нашли возможнымъ. Подробно я долженъ былъ условиться обо всемъ съ ихъ представителемъ въ Х-ѣ, куда они уже послали человѣка предупредить тамошнихъ товарищей о своемъ рѣшеніи и о моемъ пріѣздѣ.

Такъ какъ я не помнилъ въ лицо указанныхъ Фроловымъ двухъ человѣкъ, и такъ какъ съ моимъ отѣздомъ всякія сношенія и съ ними у меня обрывались, мы условились, что одинъ изъ этихъ людей, будущій извозчикъ, въ красномъ галстухѣ и съ книжкой, завернутой въ желтую бумагу придетъ на вокзалъ провожать поѣздъ, съ которымъ я уѣду въ Петербургъ. Такъ и было сдѣлано.

Въ Петербургъ я уѣхалъ 21 или 22 февраля. Въ Х-ѣ ви-

дѣлся съ бывшимъ въ этомъ городѣ представителемъ N - о в ѣ. Но тотъ мнѣ заявилъ, что его мѣстные товарищи обсудили постановленіе ихъ Ц. К. и рѣшили, вопреки этому постановленію, что никакого участія въ этомъ дѣлѣ принять не могутъ. Это сообщеніе меня не остановило отъ поѣздки въ Петербургъ, такъ какъ я считалъ, что организація убійства одного Гапона могла и не понадобится.

Отчетъ II.

Свиданіе въ Теріокахъ, на дачѣ Питкименъ 24-го февраля 1906 года, пятница, 12 часовъ дня.

Гапонъ началъ съ упрековъ за то, что я такъ долго не являлся. Я объяснилъ важными дѣлами, не дававшими мнѣ возможности видѣться съ нимъ.

Я спросилъ о письмѣ Петрова. Гапонъ сталъ кипятиться. Я вставлялъ время отъ времени вопросы. Онъ рассказывалъ отчасти уже извѣстное мнѣ изъ предыдущаго свиданія въ Москвѣ, отчасти новое.

Пріѣхалъ онъ въ третій разъ въ Петербургъ въ сочельникъ, 24 декабря 1905 г. Ему стали рассказывать, что Матюшинскій ведетъ себя странно. Онъ поѣхалъ къ нему съ Варнашевымъ и спросилъ, сколько купецъ далъ денегъ. Гапонъ и Матюшинскій условились говорить рабочимъ, что 30.000 рублей даетъ «бакинскій купецъ». Матюшинскій отвѣтилъ: 7.000 рублей.

— Но вѣдь вы говорили, что онъ далъ 10.000?

— Да, но деньги далъ рентой, рента пала.

Гапонъ ничего не возразилъ, но послалъ Мануйлова (чиновника особыхъ порученій при Витте) съ Варнашевымъ къ Тимирязеву. Тимирязевъ показалъ расписки Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000. Мануйловъ съ Варнашевымъ пріѣхали отъ Тимирязева прямо на Владимирскую (д. № 3, правленіе гапоновскаго общества) и сообщили отвѣтъ его. Гапонъ тотчасъ же собралъ бывшихъ тамъ членовъ комитета (Варнашевъ, Кузнецъ, Карелинъ, Усановъ, Иновемцевъ, остальныхъ перечисленныхъ фамилій не помню. П. Р.) и рассказалъ о случившемся. Его дергали за полы: нельзя всѣмъ о такихъ вещахъ говорить. Но онъ отвѣтилъ, что деньги бралъ для рабочихъ, деньги эти народныя, и онъ не боится. Въ свое время самъ все опубликуетъ.

Петровъ первый тогда призвалъ товарищей поклясться, что объ этомъ никто не узнаетъ. Послали за Матюшинскимъ. Его уже не оказалось дома. Въ тотъ же вечеръ онъ неизвѣстно куда выѣхалъ со своею, какъ выразился Гапонъ, любовницею.

Спустя нѣкоторое время, Старцевъ, сотрудникъ «Новостей», сообщилъ Гапону, что его жена получила отъ любовницы Матюшинскаго письмо изъ Саратова. Отправили туда Черемухина и

Кузина. Для легализаціи ихъ дѣйствій Гапонъ поѣхалъ къ Лопухину просить содѣйствія сыскной и явной полиціи въ Саратовѣ. Лопухинъ тотчасъ телеграфировалъ туда своему ставленнику, какому то полицейскому чину.

Арестъ Матюшинскаго, по словамъ Черемухина, произошелъ такъ. Въ 11 часовъ вечера къ нему нагрянула полиція. Матюшинскій смутился и спросилъ, есть ли у нея какія нибудь полномочія. Открыли двери, и ввели живыхъ полномочія: Кузина и Черемухина. Матюшинскій упирался. Пришлось его даже въ участокъ ввязать. Но черезъ два дня покончили дѣло миромъ. Матюшинскій потратилъ свыше двухъ тысячъ. Остальныя онъ перевелъ на имя Кузина.

Матюшинскій поѣхалъ съ Черемухинымъ въ Петербургъ, а Кузинъ въ Провскій уѣздъ, повидаться съ матерью. Его тамъ арестовали за пропаганду среди крестьянъ, отобрали чекъ на 21.000 рублей и наличными 500 съ чѣмъ то.

Гапонъ ходилъ къ Лопухину просить, чтобы его освободили. (Ходилъ до смерти Черемухина). Тотъ обѣщалъ.

— Этакая хоява! У него (Кузина) тамъ много знакомыхъ крестьянъ. Потѣхалъ агитаціей заниматься и сѣлъ съ чекомъ.

— Почему ты обратился къ Лопухину, а не къ Рачковскому?—спросилъ я. Лопухинъ, вѣдь, теперь никакого отношенія къ полиціи не имѣетъ.

Гапонъ сбивчиво объяснилъ, что боялся, что Рачковскій арестуетъ эти деньги.

По мнѣнію Гапона, Петровъ устроилъ скандалъ—опубликовалъ о сношеніяхъ съ Вите и о 30.000—потому, что нуждался въ деньгахъ, а ему не давали. Товариши иногда гуляли, а его не приглашали. Человѣкъ онъ завистливый. Петрова задѣло, что Гапонъ охладѣлъ къ нему. «Вообще Петровъ подлецъ и клятвопреступникъ». Находится подъ вліяніемъ жидовской клики социаль-демократовъ: Мар...а, жены Дм...ева—еврейки и другихъ.

(Все, что здѣсь говорится—слова Гапона. Я этихъ людей не знаю. А о Петровѣ въ частности, слышалъ одно лишь хорошее. П. Р.).

Рабочіе Гапону безусловно довѣряютъ, не обращаютъ вниманія на газеты. Вчера вечеромъ писатель Симбирскій читалъ докладъ о немъ въ клубъ (Демидовъ переулокъ). Многіе выступили противъ Гапона, но всѣ рабочіе и самъ Симбирскій его защищали.

Симбирскій—сотрудникъ «Слова».

Григорьевъ, товарищъ Петрова,—шпіонъ. Все узнавалъ, когда Петрова не бывало на собраніяхъ и сообщалъ ему.

— Я даже думаю, что онъ въ полиціи служитъ. Оба подлецы. А то, что Петровъ вчера написалъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»—ложь.

Въ субботу 16 февраля было собраніе подъ предѣтельствомъ Гапона:

Я произнесъ страстную рѣчь. Напомнилъ кровь товарищей,

убитыхъ 9-го января. Атмосфера сгустилась. Я чувствовалъ, что что то сейчасъ должно случиться. Молнія заблеститъ, громъ грянетъ. А какъ разъ послѣ меня пришлось говорить Черемухину. Я же ему револьверъ далъ. Онъ парень честный, хорошій. Онъ рѣшилъ убить Петрова. Въ тотъ же вечеръ онъ мнѣ сказалъ: «рѣшено», т. е. что убить его, какъ измѣнника. Сидѣлъ онъ противъ меня на другомъ концѣ стола. Поднимается и вдругъ заявляетъ: «нѣтъ правды на землѣ!» и трахъ, разъ, два, три. Последнюю пулю прямо въ лобъ себѣ поставилъ и спустилъ. Здоровые парни около него сидѣли, но отъ неожиданности не успѣли помѣшать. Я бросился къ нему. Рабочіе меня обступили, схватили за руки и часа полтора упрасивали, чтобы я не убивалъ себя.

Гапонъ рассказывалъ съ большимъ жаромъ и жестикуляціей. Походивъ немного по комнатѣ, добавилъ спокойно и смѣясь: — Съ чего они взяли, что я хотѣлъ себя убить?

Опять ходитъ и, ставъ уже серьезнымъ, продолжаетъ:

— Полтора часа убѣждали. Я заставилъ ихъ поклясться (нахмурилъ брови) надъ тѣломъ товарища, что они всю жизнь будутъ служить рабочему дѣлу. И только тогда сказалъ, что не наложу на себя руки. Да, трагическая была картина, Мартынь!

* * *

Вотъ новыя подробности.

Первое свиданіе Мануйловъ устроилъ Гапону (въ ноябрѣ) съ Лопухинымъ, а потомъ уже съ Рачковскимъ.

Подъ новый годъ (1906) въ Теріокахъ у Гапона было собраніе рабочихъ въ 110 человекъ, которые подтвердили всѣ его права и полномочія, которыми онъ пользовался до 9 января. Это было уже послѣ свиданія съ Мануйловымъ.

Лѣтомъ, когда Гапонъ былъ въ Финляндіи, онъ поручилъ рабочему П. слѣдить за Григорьевымъ и взять съ него клятву, что, еслибы Григорьевъ оказался человекомъ вреднымъ для гапоновской организаціи, убить его. П. эту клятву далъ.

* * *

— Теперь я рѣшилъ требовать общественнаго суда. Я написалъ профессору Грибовскому объ этомъ. Образовалось уже посредническое бюро. Туда вошли кажется, Милюковъ, Іорданскій и еще кто то. Они будутъ организовывать судъ. Я просилъ, чтобы туда вошли, представители всѣхъ прогрессивныхъ партій: и союзъ 17 октября, и с-д., и с-р., всѣ, кромѣ реакціонныхъ. Пусть судятъ. Пусть докажутъ, съ документами въ рукахъ, что я провокаторъ, что я предатель. Моя совѣсть чиста. Кого я предалъ, пусть скажутъ. Деньги бралъ? Деньги эти народныя, и я считаю, что можно всѣми средствами пользоваться для святого дѣла. Провелъ правительство до 9 января и теперь хотѣлъ. Сорвалось! Что про меня могутъ сказать? Ну ты бы рассказалъ все, что я тебѣ раз-

сказывалъ. Ну что же?—Находился въ сношеніяхъ съ правительственными лицами, имѣя въ виду пользу народа.

Меня интересовало, находится ли онъ и теперь, особенно послѣ смерти Черемухина, въ сношеніяхъ съ Рачковскимъ.

— Ты видѣлся съ Рачковскимъ послѣ Москвы?—прервалъ я его.

Возбужденіе, съ какимъ онъ только что говорилъ, сразу упало.

— Да.

— Сколько разъ?

— Одинъ только разъ.

— Когда?

— Дней шесть тому назадъ. Когда пріѣхалъ изъ Москвы, эта исторія съ Петровымъ на меня навалилась. Не могъ пойти къ нему.

До сихъ поръ Гапонъ ходилъ по комнатѣ. Теперь онъ легъ вялый, разбитый на постель.

— До или послѣ смерти Черемухина?

— Не помню.

Я его заставилъ подсчитать точно. Оказалось послѣ. Еще точнѣе. Оказалось — на слѣдующій день. Черемухинъ застрѣлился въ субботу 18 февраля вечеромъ, а Гапонъ въ воскресенье утромъ въ 10 часовъ телефонировалъ Рачковскому: можно ли имъ повидаться. Тотъ отвѣтилъ «да» и назначилъ свиданіе за завтракомъ въ отдѣльномъ кабинетѣ у Кюба въ 12½ часовъ. Гапонъ пришелъ. Татаринъ его ввелъ въ кабинетъ, гдѣ уже стояла приготовленная для двоихъ закуска.

— О чемъ вы говорили?

— Да вотъ сказалъ, что видѣлъ тебя, что, можетъ быть, вступлю въ с.-ровскую организацію. Но, что покуда отвѣта не имѣю. Если да, — хорошо, а нѣтъ — намъ съ нимъ придется разойтись.

— Говорили о Петровѣ?

— Говорили.

— Что же онъ сказалъ?

Гапонъ говорилъ неохотно.

— Сказалъ, что подлецы у меня товарищи. И въ самомъ дѣлѣ, разочаровался я въ рабочихъ. Я не ожидалъ, чтобы между ними были такіе предатели, какъ Петровъ.

— А о Черемухинѣ говорили?

— Да.

— Что говорили?

— Да такъ, ничего особеннаго.

— Какъ ты вызвалъ Рачковского?

— По телефону.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Не знаю.

— А какой нумеръ его телефона?

— 1474. Это, должно быть его квартира.

— Какъ онъ узнаеть, что ты говоришь, а не кто нибудь другой?

— Я называю себя Апостоловымъ.

— А онъ?

— Просто, Иванъ Ивановичъ.

— Онъ тебя такъ же хорошо принялъ, какъ и раньше?

— Конечно. Но онъ думаетъ, что партіа теперь меня не примутъ къ себѣ.

— Значить, онъ тебя больше не приметъ?

— Отчего?

— Оттого, что ты ему ничего больше сообщить не можешь.

— Да, я съ нимъ такъ и разошелся. Не зналъ твоего отвѣта.

— Но Рачковскій убѣжденъ въѣдъ, что отъ тебя ему теперь никакой пользы нѣтъ. Зачѣмъ же онъ станетъ ходить къ тебѣ на свиданіе?

— Онъ интересуется теперь свѣдѣніями. Все уговариваетъ меня поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій.

Молчаніе.

— А зачѣмъ ты спрашивалъ нумеръ его телефона?—вдругъ вскочилъ онъ съ постели и сталъ горячиться. — Только ты мнѣ правду говори. Ты меня все допрашиваешь.

— Спросилъ потому, что интересно.

— Зачѣмъ тебѣ?

— А хотя бы для того, чтобы убить его.

Молчаніе.

— Не безпокойся; не стану пачкаться съ нимъ. Съ Рачковскимъ, если и имѣтъ дѣло, то только для того, чтобы деньги получить съ него.

— Это вѣрно, — опять оживился онъ, и со странной улыбкой продолжалъ: — Онъ недавно получилъ отъ государя 75.000 рублей.

— Сколько онъ дастъ, если я приду къ нему обѣдать? рублей пятьсотъ?

— 3.000 дастъ, — увѣренно возразилъ Гапонъ.

— Чтобъ я къ нему за три тысячи пошелъ?..

— Ну, пять тысячъ дастъ.

— Онъ сыщикъ и...

— Что ты, братъ, сыщикъ, — проговорилъ Гапонъ пониженнымъ голосомъ и съ подобострастіемъ, изобразивъ какъ то своей фигурой, головой, туловищемъ, особенно глазами, что то отвратительное. — Онъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Знаю. Директоръ департамента полиціи.

— Старше. Директоръ, завѣдывающій политическими дѣлами всей Россіи.

— За одно то, что я съ нимъ пообѣдаю, онъ долженъ дать 25.000; меньше не пойду.

— 10.000 дастъ, пожалуй. Ты вотъ что. Въ воскресенье иди прямо къ Кюба. Я его предупреджу.

— Но, вѣдь, онъ меня не приметъ, если тебѣ больше не до-
вѣряетъ.

Разговоръ принимаетъ дѣловой характеръ.

— Онъ мнѣ довѣряетъ.

— Развѣ онъ не боится меня?

— Онъ мнѣ повѣритъ.

— Но онъ, вѣдь, не можетъ допустить, чтобы революціонеры
съ тобой теперь дѣло имѣли?

— Если ты придешь, онъ повѣритъ. Потомъ надо ему дать
чтонибудь...

— Что дать?

— Ну тамъ бомбы, планы какіенибудь, шифрованные
письма.

— А люди?

— Людей можно предупредить. Вотъ, ты говоришь, у тебя
дѣло на рукахъ сейчасъ. Если ему рассказать, много денегъ дать.

— Пусть впередъ дать. А то расскажу, а онъ меня и деньги
арестуетъ, какъ твоего Кузина.

— Что ты, что ты! Онъ этого никогда не сдѣлаетъ.

* * *

Я не могъ принять свиданіе съ Рачковскимъ немедленно.
Надо было закончить предварительныя приготовленія. Поэтому,
условился съ Гапономъ встрѣтиться тутъ же въ воскресенье
утромъ, 26-го февраля, чтобы окончательно сговориться. А до
тѣхъ поръ мнѣ надо подумать.

— Только смотри не опаздывай. Вообще, если хочешь дѣло
дѣлать, не затягивай. А то одна ерунда выйдетъ,—сказалъ онъ.

— Не опоздаю!

Въ воскресенье все еще не могъ принять свиданія. Ива-
новъ не успѣлъ еще обзавестись извозничьей справой и стать
на условленное мѣсто. Поэтому послалъ сказать Гапону, что не
приду къ нему и вызову въ другой день.

Отчетъ III.

*Свиданіе въ среду 1-го марта 12 часовъ дня, на дачѣ Питкиныхъ, съ
Терюханъ.*

У Гапона въ комнатѣ была его жена. Поэтому мы пошли въ
нѣбу хозяйки. Началъ Гапонъ съ того, что онъ теперь окрѣпъ ду-
хомъ, что хотя судъ товарищескій или общественный очень опа-
сенъ, но онъ все-таки нѣшается. Присяжный повѣренный Марго-
линъ взялся защищать его дѣло и увѣренъ, что Гапона оправдаютъ.
Два суда будутъ: коронный противъ «Новаго Времени» за клевету,
и общественный, которому онъ все расскажетъ.

— Марголинъ у меня спрашивалъ сказать ему по совѣсти,

взялъ ли я себѣ хоть часть денегъ. Я ему далъ слово, что не бралъ, ну ни полушки. Я ему все рассказалъ, рѣшительно все.

— Все?

— За исключеніемъ послѣдняго, конечно.

Гапона съежило отъ моего вопроса. Онъ старался вернуться къ прежнему разговору и тону и понемногу оживился.

— Марголинъ говоритъ, что навѣрное оправдаютъ. Вся социаль-демократическая жидовская клика рада, потому что съ моимъ паденіемъ они выиграютъ. С.-р. тоже нападаютъ на меня. Рабочему дѣлу это приноситъ страшный вредъ. На-дняхъ на Балтійскомъ заводѣ наши рабочіе поранили шестерыхъ социаль-демократовъ. Я хотѣлъ устроить новое 9 января, еще большее. Сорвалось!

Я свелъ разговоръ на сношенія съ Рачковскимъ. Оказалось, что первыя два свиданія съ нимъ Гапонъ имѣлъ у Мануйлова на квартирѣ. Рѣчь шла исключительно объ отдѣлахъ. Во время второго свиданія, когда Мануйловъ вышелъ изъ комнаты, Рачковскій сказалъ Гапону: «Этотъ Мануйловъ—балда! Съ нимъ не слѣдуетъ имѣть никакихъ дѣлъ». Онъ далъ Гапону нумеръ своего телефона и предложилъ воспользоваться имъ въ любое время:

— На слѣдующій день я спросилъ его по телефону: «какъ отдѣлы»? Онъ отвѣтилъ: «для этого намъ съ вами надо пови-даться лично». Назначили свиданіе въ ресторани. Тутъ онъ ко мнѣ и сталъ подъѣзжать. А я тутъ же подумалъ, сію же минуту: «ты такъ, а я тогда вотъ какъ». Ну, и сказалъ, что ничего не знаю, но такъ сказалъ, какъ будто много знаю. Но я ничего не сказалъ, ни единого слова. Я всегда говорилъ и теперь думаю, что еслибы кого-нибудь предать, такъ самому себѣ долженъ пустить пулю въ лобъ. Развѣ я предатель? Дурново даже сказалъ Рачковскому, что «ты, говоритъ, дуракъ. Развѣ ты не видишь, что Гапонъ тебя за носъ водить? Видѣлся съ Рутенбергомъ въ Москвѣ и не сказалъ тебѣ даже его адреса». Ни единого слова не сказалъ ему. Я ихъ надуть хотѣлъ, устроить новое еще большее 9-е января. Это вѣрно. Что же здѣсь предосудительнаго? У меня были широкіе планы. Черезъ Мануйлова обратиться къ Витте, черезъ Рачковскаго—къ Дурново. Онъ, вѣдь, мнѣ предлагалъ, не хочу ли я представиться Дурново. И я бы сдѣлалъ дѣло. Забрался бы въ берлогу и однимъ взмахомъ уничтожилъ бы ихъ всѣхъ. Самъ бы убилъ Дурново. Ей Богу... самъ. Конечно, во время, въ извѣстный моментъ. А тутъ, значить, отдѣлы, опирался бы на массы. Я широко смотрѣлъ. Сорвалось! А жидовская клика ругаетъ меня предателемъ, провокаторомъ, воромъ. Пусть докажутъ съ документами въ рукахъ, кого я предалъ, что укралъ. Комиссія Грибовскаго должна изображать прокуратуру. Они должны составить обвинительный актъ. Значить, взять на себя нравственную отвѣтственность за выставлемыя обвиненія. А матеріалу нѣтъ. Нѣту! (смѣется). А съ правительственными чиновниками сношенія имѣлъ: для пользы народнаго

дѣла. А сказать имъ, ничего не сказать, ни единого слова. Я же тебѣ сказалъ, что Дурново обругалъ Рачковскаго дуракомъ. Даже адреса твоего имъ не сказалъ.

— А послѣ того, какъ я у тебя былъ, видѣлся съ Рачковскимъ?

— Нѣтъ.

— Значить, послѣ Москвы ты видѣлъ его одинъ только разъ?

— Да, только одинъ.

Гапонъ сказалъ неправду. Вотъ почему. Онъ видѣлся съ Рачковскимъ 19-го февраля, на другой день послѣ смерти Черемухина, рассказалъ ему результатъ свиданія со мной въ Москвѣ. Рачковскій объ этомъ и доложилъ Дурново, а тотъ обругалъ его дуракомъ. Чтобы Гапонъ могъ это узнать, онъ долженъ былъ видѣть Рачковскаго еще разъ.

Исторія съ адресомъ придумана неудачно. Адресъ мой, т. е. мѣсто, гдѣ мы встрѣтились съ Гапономъ въ Москвѣ, стало извѣстно полиціи тотчасъ же. За мной тогда же начали слѣдить.

* * *

Ни Лопухинъ, ни Мануйловъ не знаютъ будто бы о томъ, что Гапонъ встрѣчается съ Рачковскимъ. Когда они спрашивали Гапона объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что больше съ Рачковскимъ не видался.

* * *

Перешли къ дѣлу.

Я высказалъ принципиальное согласіе повидаться съ Рачковскимъ.

Это категорическое заявленіе было для Гапона неожиданнымъ. Онъ какъ то завозился, что то пробормоталъ.

— Никто не знаетъ объ этомъ. Если кто-нибудь изъ товарищей узнаетъ, я рискую головой. Не станутъ даже въ объясненія со мной вступать, а просто пустятъ пулю въ лобъ за сношенія съ Рачковскимъ.

— Этого никто не узнаетъ.

— Свиданіе должно быть въ отдѣльномъ кабинетѣ. Кромѣ него никто не долженъ знать про мои съ нимъ сношенія.

— Конечно. Будь спокоенъ. До сихъ поръ полиція никого изъ своихъ не выдавала. Революціонеры выдавали. Тихомировъ, напримѣръ, даже С—новъ, говорятъ, выдавалъ.

— Ладно.

— Только ты не безпокойся. Полиція не выдастъ.

— Конечно, не выдастъ. Ей невыгодно. Никто въ провокаторы не пойдетъ.

— Ну да. А насчетъ денегъ какъ?

— 25.000, какъ я уже тебѣ говорилъ. Наличными въ пакетъ или ассигновкой. За то только, что пообѣдаю съ нимъ, узнаю, чего онъ хочетъ.

— Это хорошо. Надо все знать точно.

— Никакой слѣжки за мной чтобы не было.

— Само собой разумѣется. Вотъ ты говоришь 25.000. Еслибы ты разсказалъ про дѣло, которое у тебя на рукахъ, можно было бы получить не 25.000, а 50.000 руб.

— 25.000 только за то, что съ нимъ пообѣдаю. Узнаю, что ему нужно. Сказать ему въ первый разъ ничего не скажу. Надо будетъ подумать.

— Это вѣрно. А то 25.000 мало.

— Дешево себя не продамъ. Такъ и скажи ему. За все дѣло не меньше 150.000—200.000 рублей.

— Это вѣрно. Но, вѣдь, я сказалъ 100.000.

— То ты, а то я говорю.

— Но вотъ что. Онъ, вѣдь, можетъ сказать: дать тебѣ 25.000 рублей, а ты его надуешь, ничего потомъ не разскажешь?

— Ты ему объясни: однимъ тѣмъ, что я приду обѣдать, я уже въ вашихъ рукахъ. Если товарищи хоть что-нибудь узнаютъ—мнѣ крышка. Гарантія достаточная. А съ его стороны никакой гарантіи. Я разскажу, а онъ денегъ не дастъ.

— Это вѣрно.

— А ты что получаешь за то, что приведешь меня,—спросилъ я Гапона.

— Не знаю еще. Завтра поговорю.

Любопытный былъ видъ у него. Растерянный, приниженный. Совсѣмъ не такой, какъ когда онъ говорилъ о судѣ и широкихъ планахъ. Нѣкоторое время мы оба молчали. Онъ ходилъ по комнатамъ и думалъ.

— Видишь ли. Деньги большія. Могу я ему сказать определенно, что рѣчь идетъ о Дурново?—спросилъ Гапонъ.

— Я тебѣ доверяю. Но ты понимаешь, что сказать этого не могу.

— Конечно, самъ видишь, что я ничего не спрашиваю. Ни фамилій, ничего. Самъ понимаю, что въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя.

* * *

Рѣшили: въ пятницу 3-го марта—свиданіе съ Рачковскимъ. Гапонъ предупредить его и переговорить предварительно. Я пришлю завтра въ 5 часовъ къ Гапону. Онъ передастъ для меня записку, въ которой будутъ день, часъ, мѣсто свиданія съ Рачковскимъ и пароль, какъ пройти. Больше ничего. Я въ указанное мѣсто и время обязательно приду.

* * *

Характерное это было свиданіе. Когда Гапонъ разсказываетъ о судѣ, приводить оправданія противъ газетныхъ обвиненій, онъ сознательно играетъ, играя, увлекается и забываетъ, должно быть, про данныя имъ Рачковскому «разъясненія», про взятые имъ на себя «порученія». Онъ повторяетъ, очевидно, передо мной тѣ же

«благородные» жесты, что и передъ Марголинымъ, Симбирскимъ и другими. А когда я неожиданно напоминаю о Рачковскомъ, съ него весь пылъ соскакиваетъ. Онъ весь съеживается, горбится, смотритъ изъ-подлобья, съ опаской. Покуда не втянется въ «дѣловой» разговоръ.

* * *

Прежде, чѣмъ разстаться, онъ не забылъ все таки прикрыться «на всякій случай» фиговымъ листомъ:

— Главное, надо смотрѣть на вещи широко, не односторонне. Если, скажемъ, дѣло какое-нибудь на мази, понимаешь? на мази, какъ у тебя, напимѣрь, то лучше имъ пожертвовать, чтобы получить большія средства и потомъ поставить его еще больше и шире.

— Конечно.

* * *

Мы перешли въ комнату его жены. Я уѣзжалъ въ городъ позже ихъ. Пришлось, поэтому, просидѣть съ ними съ четверть часа. Я чувствовалъ себя отвратительно въ присутствіи этой простой, довѣряющей Гапону женщины, очевидно, любящей его. Она не вѣритъ газетнымъ разоблаченіямъ. И къ суду онъ обратился подъ ея вліяніемъ. Такъ я понялъ изъ ея словъ.

* * *

2-го я послалъ къ нему, какъ условились, съ запиской:

«Напиши результатъ твоего свиданія. М. 2-III 1906».

Въ 5 часовъ его не застали дома. Сказали, что Гребницкій (Гапонъ) будетъ дома только на слѣдующее утро въ 10 часовъ.

3-го марта онъ передалъ мнѣ нѣсколько словъ, написанныхъ на моей же запискѣ; «завтра (суббота) ресторанъ Контанъ 9 часовъ вечера. Спросить г. Иванова».

4-ое марта.

Въ ресторанъ Контана я пріѣхалъ въ субботу въ четверть десятаго.

Въ этотъ вечеръ у Дурново былъ балъ.

Не раздѣваясь, спросилъ лакея, гдѣ кабинетъ Иванова. Тотъ бросился, сломя голову, какъ и полагается въ подобномъ учрежденіи, спрашивать.

Дверь въ корридоръ была открыта. Я видѣлъ, какъ за дверью засуетились. Раздѣвальный лакей вернулся на свое мѣсто и сказалъ: «сейчасъ узнаютъ».

Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ дверямъ оберъ-кельнеръ, оглядѣлъ меня, спросилъ, большая ли должна быть компанія. Я отвѣтилъ: «два человѣка».

— Сейчасъ спрошу.

Черезъ минуту вышелъ высокій выхоленный молодой чело-вѣкъ, спросилъ одѣться. Очень внимательно меня оглядѣлъ. Потоптался больше, чѣмъ это ему нужно было, чтобы одѣться,

взбрасывая на меня глаза при каждом удобномъ случаѣ, осматривая меня черезъ зеркало, одѣлъ свою дорожную шубу и вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ изъ того же корридора вышелъ обыкновенный сыщикъ (такъ хорошо знакомая фигура), всосался въ меня глазами на ходу, такъ что они у него чуть не вытѣвали, прошелъ въ раздѣвальную, одѣлся и, выходя на улицу, опять такъ скосилъ глаза на меня, что мнѣ его жаль стало.

Я обозлился, что заставляютъ ждать. Прикрикнулъ на лакея. Тотъ подошелъ къ дверямъ корридора, не торопясь оттуда вышелъ сейчасъ же и сказалъ: «должно быть такого кабинета нѣтъ».

Я ушелъ.

Рачковскій не рискнулъ встрѣтиться со мною. Но на всякій случай поставилъ агентовъ «посмотрѣть» и «обставить».

Ни арестовать меня, ни особенно грубо слѣдить за мною въ этотъ вечеръ, по моимъ соображеніямъ, не должны были. Для Рачковского, съ его точки зрѣнія, это было бы не выгодно.

По заранѣе составленному плану я принялъ мѣры къ тому, чтобы остаться безъ «попутчиковъ».

Отчетъ IV.

Свиданіе 5-го марта, вечеромъ.

Въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ я видѣлъ Гапона въ предыдущіе разы, онъ оправился и былъ совершенно спокоенъ.

Вчерашнюю исторію онъ объяснилъ недоразумѣніемъ. Онъ «думалъ», что я сообщу: приду или нѣтъ; ждалъ, безпокоился очень.

Такъ какъ до 8 часовъ я его не извѣстилъ, то онъ по телефону сказалъ Рачковскому, что я, вѣроятно, не приду.

— Почему ты самъ не пришелъ на всякій случай? Вѣдь, мы съ тобой условились совершенно опредѣленно; что я приду обязательно, когда получу твою записку. Вѣдь, я головой рисковалъ.

— Я очень безпокоился. Послѣ 8-ми поѣхалъ съ женой къ Спмбирскому. Вернулся и легъ совсѣмъ рано, часовъ въ 11 спать. Все время думалъ о тебѣ.

— А Рачковскій въ это время поставилъ сыщиковъ, чтобы меня «обставить».

— Онъ мнѣ далъ честное слово, что ничего не будетъ. Если бы тебя арестовали, я бы пулю себѣ въ лобъ пустилъ.

— О чемъ вы говорили?

— Такъ, рѣшили, видишь, если свиданіе состоится, позвонить раньше съ тобою, а потомъ, въ зависимости отъ твоего отвѣта, онъ придетъ или нѣтъ. Онъ божится и клянется, что

дѣло Леонтьевой и другихъ арестованныхъ весной 12-ти чело-
вѣкъ обошлось имъ всего въ 5000 рублей. Сто тысячъ даже за
Дурново дать никакъ невозможно. Въ особенности при тепе-
решнемъ положеніи финансовъ. 25000 рублей это хорошая цѣна.
За все. И то ты долженъ ему сначала все рассказать. Твое со-
ображеніе, что если ты къ нему придешь, то ты уже у него въ
рукахъ, не вѣрно. Много есть людей, съ которыми онъ видался,
не сходилъ и ничего. Никто ничего до сихъ поръ не знаетъ.
А они благоденствуютъ. Теперь почтенные члены общества.
Такъ онъ говоритъ (смѣется). 25000—это хорошая цѣна. За одно
дѣло. А за цѣлый годъ можно заработать и сто тысячъ, за че-
тыре дѣла. Такъ онъ, сукинъ сынъ, говоритъ (смѣется). Пони-
маешь (продолжаетъ смѣяться, собственно, хихикать и совер-
шенно мѣняетъ почему-то тонъ разговора). Такъ меня подмывало
пристрѣлить его. Чего же? Вѣдь, насъ только двое. Вѣдь, я тебѣ
рассказывалъ мои планы. Организовать массы въ отдѣлы. Всѣ
пошли бы. И теперь рабочіе постановили платить самимъ за по-
мѣщенія, хотя собираться и не позволяютъ. Влеченіе большое
питаютъ къ отдѣламъ. Одновременно съ этимъ пробраться къ
Витте и Дурново и въ подходящий моментъ скосить ихъ. Это
имѣло бы громадное значеніе. Сорвалось! Но я теперь дѣло
сдѣлаю. Вотъ только напрасно с.-р. противъ меня выступаютъ.
Вѣдь, я лѣтомъ это говорилъ еще за границей. А меня запод-
озривали, что я хотѣлъ всей партіей распорядиться. И теперь
еще не все потеряно.

* * *

Относительно «дѣла» Гапонъ говорилъ болѣе прозаично и
опредѣленно. «Отъ имени Рачковскаго» онъ «категорически»
заявилъ, что въ Петербургѣ меня никто не тронетъ. Не аре-
стуютъ. Если мы «столкуемся», полиція будетъ дано знать,
чтобы меня оставили въ покоѣ.

— Но будетъ такъ дано знать, что никто ни о чемъ не
сможетъ догадаться. Просто выяснилось, что ты ни при чемъ
во вводимыхъ на тебя обвиненіяхъ.

Брата безусловно освободятъ.

Гапонъ узналъ отъ рабочаго Т., что жена моя привлекается
за изданіе какой-то книжки къ суду. Онъ заявилъ, что и это
дѣло похерять.

Рачковскій все можетъ сдѣлать, если только я ему что-
нибудь расскажу.

— А рассказать надо. Не выдавая, конечно. Безусловно
никого не предавая, иначе это будетъ предательство.

Что касается опасеній за мою жизнь, на случай, если то-
варищи узнаютъ о моемъ предательствѣ, то Рачковскій гово-
ритъ, что все можно будетъ устроить такъ, что меня никто ни
въ чемъ не заподозритъ. Я «не долженъ погибнуть ни въ ка-
комъ случаѣ». Я смогу перейти потомъ къ с.-д. и работать у

нихъ. Но самое лучшее, чтобы я остался въ Боевой Организациі, какъ и былъ.

* * *

Тонъ у Гапона былъ теперь новый, гораздо самоувереннѣе, чѣмъ раньше. Говорилъ онъ совсѣмъ о другомъ, чѣмъ раньше. Планы у него съ Рачковскимъ измѣнились послѣ того, какъ убѣдились, что я клюю: пришелъ въ Контанъ.

Рачковскій соглашался на свиданіе только послѣ того, какъ я что-нибудь расскажу. Свиданіе, слѣдовательно, стало невысланнымъ. Они даже торговаться нашли возможнымъ.

Съ своей стороны Гапонъ все чаще останавливался на судѣ, который для него теперь является гарантіей личной неприкосновенности. Надъ судомъ онъ въ то же время издѣвается, не боится его, такъ какъ никакихъ документовъ нѣтъ, а я, какъ свидѣтель, въ счетъ не иду. «Этотъ не выдастъ».

Положеніе мое стало безвыходнымъ. До Рачковского не добраться. А Гапонъ находится подъ защитой суда.

Я рѣшилъ рискнуть, принять всѣ мѣры предосторожности и повидаться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, чтобы посоветоваться.

Гапону сказалъ, что подумаю еще и дамъ отвѣтъ.

* * *

Я принялъ всѣ бывшія въ моемъ распоряженіи мѣры предосторожности ¹⁾ и, убѣдившись, что за мной нѣтъ полицейской слѣжки, поѣхалъ въ Сѣверскъ. Раньше, чѣмъ пойти къ Азефу, я спросилъ его по телефону, находитъ ли онъ возможнымъ со мной встрѣтиться, предупредивъ его, что я съ своей стороны убѣжденъ, что никого съ собой не привезу.

Азефъ свиданіе со мной принялъ. Я рассказавъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и какъ велъ за это время дѣло. Изъ указанныхъ имъ первоклассныхъ ресторановъ я былъ только въ одномъ изъ нихъ и одинъ разъ, въ первый день пріѣзда въ Петербургъ, но чувствовалъ себя тамъ очень тяжело, и, не видя въ этомъ никакого смысла, больше туда не являлся и извозчиковъ тамъ не ставилъ.

Азефъ обовлился, сталъ грубо обвинять меня, что я не исполняю его инструкцій, что своей неумѣlostью я проваливаю все и всѣхъ (въ это время въ Петербургѣ произошли аресты В. О.). Онъ торопился куда то по дѣлу и уходя назначилъ мнѣ вечеромъ свиданіе, чтобы подумать, не оставить ли Рачковского и покончить съ однимъ Гапономъ.

Я ничего не отвѣтилъ тогда Азефу. Всѣ его обвиненія были до того несправедливы, и онъ мнѣ сталъ до того отвратителенъ, что я буквально не могъ заставить себя встрѣтиться съ нимъ. Я оставилъ ему за-

¹⁾ Добавлено въ іюнѣ 1909 г. П. Р.

писку, что не могу и не хочу ни видѣть его, ни слышать, что возвращаюсь въ Петербургъ продолжать дѣло, какъ сумѣю, на основаніи имѣющихся у меня прежнихъ распоряженій.

Я вернулся обратно.

Записка, въ которой я оскорбилъ «Ивана Николаевича», сыграла значительную роль въ дальнѣйшемъ. Субботинъ заявилъ мнѣ по поводу нея: — «ты оскорбилъ въ его лицѣ честь партіи и всей исторіи партіи».

Отчетъ V.

Свиданіе 10 марта, въ пятницу утромъ, дача Питкиненъ, Теріоки.

Я былъ боленъ и совершенно разбитъ послѣ поѣздки моею къ Азефу. Съ трудомъ могъ слѣдить за собой и за Гапономъ.

По обыкновенію, онъ началъ рассказывать про свои дѣла, про свое положеніе.

Я спросилъ, какъ, по его мнѣнію, быть съ Рачковскимъ.

— Самое правильное сказать, что ты ему не доверяешь. Пусть передастъ 25.000 авансомъ черезъ меня. Раньше ты къ нему не пойдешь. А тамъ три выхода:

1) Получить деньги и скрыться;

2) Если дѣло у тебя не совсѣмъ вѣрное, ну, если ты не увѣренъ, что, дѣйствительно, успѣшно окончится, то рассказать ему. А люди чтобы спаслись. Это вполне возможно. Потому что они арестовываютъ тогда, когда все созрѣетъ, какъ бутонъ. Понимаешь? Ну, мы можемъ сказать, что и не виноваты, а шпионы слишкомъ грубо слѣдили. Ни одинъ человѣкъ, конечно, не долженъ пострадать. Но если дѣло у тебя вѣрное, если твоя организація ведетъ къ тому, что Дурново или другой кто несомнѣнно скоро будетъ убитъ, тогда лучше съ нимъ дѣло прекратить.

3) Деньги получить и убить ихъ обоихъ, Рачковского и Герасимова. Это я взялъ бы на себя. Только надо такъ сдѣлать, чтобы уйти. Я всегда говорилъ, что Боевая Организація поступаетъ неправильно, что не спасаетъ своихъ людей. Каляевъ, напримѣръ, могъ быть свободно спасенъ, еслибы были лошади. Это мнѣ вчера еще говорилъ очевидецъ.

— Кто говорилъ?

— Рабочій одинъ. Если я буду убѣжденъ, что на мнѣ не лежитъ болѣе важная идея, я возьму на себя это дѣло. Только надо такъ устроить, чтобы уйти. Лошадей, одежду, квартиры. А для этого все таки нужны деньги.

Я отвѣтилъ, что о первомъ его предложеніи нечего говорить, не стоитъ пачкаться. О третьемъ, чтобы убить Рачковского и Герасимова тоже не стоитъ говорить.

— Почему?

— Фантазія.

— Почему фантазия?

— Ты ихъ не убьешь.

Гапонъ обидѣлся; сталъ увѣрять, что говорить объ этомъ серьезно. Надо хотъ этихъ подлецовъ убить. Его (Гапона) общественное положеніе теперь таково, что только такимъ актомъ онъ можетъ вернуть себѣ довѣріе.

Гапонъ говорилъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, такъ хорошо симулировалъ, а я былъ въ такомъ разбитомъ настроеніи, что поддался его игрѣ и сталъ серьезно говорить съ нимъ объ этомъ.

Гапонъ опять повторилъ, что это его давнишняя идея. Что очень бы хорошо убить ихъ до Думы. И Дурново тоже.

Онъ спросилъ, сколько надо времени, чтобы организовать побѣгъ.

— Дней десять. Не больше двухъ недѣль.

Но когда я поставилъ ему опредѣленные вопросы (то-то тогда-то надо сдѣлать), онъ смутился и сталъ впять.

— Могу я послать вмѣсто себя когонибудь другого? У меня такіе рабочіе найдутся.

Дальше слѣдовалъ планъ, какъ осуществить. А когда запутался, сталъ говорить, что этотъ планъ вообще ему не подходитъ. Что онъ теперь день и ночь работаетъ надъ своими организаціями. Устроено уже 15 пунктовъ. «Отдѣлы» сами по себѣ. Тамъ хотая проводить выборное начало. А онъ считаетъ необходимой желѣзную дисциплину. Пусть отдѣлы сами устраиваются. Онъ будетъ работать только съ тѣми рабочими, которые остались ему вѣрны. Онъ устраиваетъ мастерскія: портняжескую, слесарную, и т. д. Деньги есть и будутъ. Говорилъ о какомъ то «предпріятіи», отъ котораго можно получить 18.000 рублей. Дѣло маленькое, но вѣрное. Сами служащіе принимаютъ участіе.

Я видѣлъ, что сдѣлалъ большую оплошность, и старался затушевать разговоръ о покушеніи на Рачковскаго и Герасимова. Сталъ жаловаться, что «дѣло» у меня не клеится, что меня преслѣдуютъ неудачи.

Онъ началъ уговаривать меня «разсказать» Рачковскому. Можно будетъ получить большія деньги.

Я высказалъ удивленіе, что Рачковскій торгуется. Но, чтобы прійти къ какомунибудь результату, надо съ нимъ повидаться и все выяснить. Интересы у меня съ Гапономъ общіе въ этомъ дѣлѣ. Поэтому я предоставляю ему рѣшить, надо ли требовать авансъ или нѣтъ.

* * *

Я рассчитывалъ, что Рачковскій, не рискуя деньгами, и зная, что я уже поддался искушенію, приходилъ въ Контанъ, явится на свиданіе со мной.

Если же онъ опять предложитъ Гапону переговорить со мной раньше, т. е. получить предварительныя доказательства моей «искренности», дѣло надо бросить.

Гапонъ полагалъ, что свиданіе состоится; такъ какъ я сказалъ, что вся будущая недѣля у меня занята, кромѣ понедѣльника, то свиданіе было рѣшено на понедѣльникъ 13-го вечеромъ. Въ субботу или въ воскресенье они повидаются, назначать часъ и мѣсто. Гапонъ сообщитъ мнѣ это запиской черезъ моего посланнаго.

* * *

13-го марта Гапонъ передалъ мнѣ, что вызываетъ меня на свиданіе въ Теріоки въ среду утромъ (безъ Рачковского).

Въ понедѣльникъ появилось въ газетахъ его наглое письмо къ обществу. Находится въ сношеніяхъ съ полиціей, а въ печати говорить, что хочетъ обмануть полицію.

Свиданія съ Рачковскимъ не получить безъ «аванса» съ моей стороны. Гапона одного трогать нельзя. На свою отвѣтственность рѣшилъ дѣло оставить и уѣхать ¹⁾.

Я пріѣхалъ ²⁾ въ Сѣверскъ. Переслалъ Центральному Комитету (черезъ Азефа) отчетъ послѣдняго свиданія съ Гапономъ. Написалъ, что хочу уѣхать за границу.

Находясь все время подъ систематическимъ наблюденіемъ полиціи, я не могъ пойти переговорить лично съ кѣмъ нибудь изъ товарищей.

Я узналъ, что вмѣстѣ съ Азефомъ тамъ былъ и Субботинъ. Если Азефъ имѣлъ основаніе считать себя оскорбленнымъ мною, то Субботинъ или кто нибудь другой такъ или иначе должны были отнестись къ принятому мною рѣшенію оставить порученное мнѣ дѣло и уѣхать, что нибудь отвѣтитъ на мою записку должны были.

Я ждалъ этого отвѣта, но безрезультатно.

Тогда я поручилъ протелефонировать объ этомъ Азефу. Онъ отвѣтилъ (какъ членъ Ц. К., конечно, а не какъ частное лицо), что никакого отвѣта не будетъ.

Отъ Субботина, бывшаго въ это время съ нимъ, тоже ни звука.

Я принялъ это молчаніе, какъ упрекъ, точнѣе, какъ оскорбленіе за то, что въ томъ или другомъ видѣ не привелъ въ исполненіе данное мнѣ Ц. К.-томъ порученіе.

¹⁾ Во время одного свиданія у Гапона высунулась какъ то изъ жилетнаго кармана визитная карточка съ надписью: Петръ Ивановичъ Рачковскій. Карточка эта, наконецъ, выпала на полъ. На оборотѣ ея что то было написано чернилами.

— Что это у тебя? спросилъ я.

— Ничего.

Гапонъ поднялъ и положилъ ее обратно въ тотъ же карманъ. Въ свое время я забылъ написать объ этомъ въ отчетъ Центральному Комитету. Изъ газетъ узналъ, что, когда въ Озеркахъ открыли тѣло Гапона, судебныя власти пришли въ большое смущеніе, найдя при немъ визитную карточку. Карточку эту никому не показали и въ протоколѣ о ней не упомянули.

Не та ли это карточка, которую я видѣлъ? Рабочіе, очевидно, хуже умѣютъ обыскивать, чѣмъ полиція.

²⁾ Текстъ этой вставки измѣненъ въ іюнь 1909 года.

Всталъ вопросъ: могу ли я, связанный съ Гапономъ всѣмъ ужасомъ и кровью 9-го января, бросить такъ это дѣло, уѣхать, ограничившись одной отпиской по начальству. Соображенія общественныя, политическія, моральныя меня пугали. И все вмѣстѣ страшно угнетало. Къ концу нѣсколькихъ дней для меня выяснилось одно: съ Гапономъ я увижусь.

Сначала я думалъ, что при создавшемся положеніи я долженъ, по крайней мѣрѣ, сказать ему въ присутствіи рабочихъ, что считаю его предателемъ, провокаторомъ, что всѣ наши разговоры во время свиданій запротоколированы и находятся въ распоряженіи партіи.

Но, когда я вернулся въ Петербургъ, всѣ соображенія отпали передъ чудовищностью того, что Гапонъ продалъ 9-ое января, что онъ — полицейскій провокаторъ.

Рѣшилъ привести въ исполненіе приговоръ Ц. К., данное мнѣ порученіе относительно его одного.

Разсчитывать въ этомъ случаѣ на помощь Н-овъ, согласно первоначальнымъ плану и инструкціи Азефа, послѣ ихъ отказа, не приходилось.

Отчетъ VI.

Я рѣшилъ замѣнить не достигнутую мною «улику» Рачковскаго—свидѣтельскими показаніями. Я обратился къ группѣ рабочихъ, членамъ партіи, рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ нихъ Гапона хорошо зналъ; такъ же, какъ Гапонъ его.

Видя во мнѣ представителя партіи, вполне мнѣ довѣряя, рабочіе все-таки не могли примириться съ мыслью, что Гапонъ—полицейскій провокаторъ. Было рѣшено, что я предъявлю въ ихъ присутствіи Гапону обвиненія. Чтобы онъ не могъ отречься отъ всего, долженъ былъ быть, кромѣ меня, еще свидѣтель. Гапонъ долженъ быть заслушанъ. Получался вторичный судъ. Объ обращеніи моемъ къ рабочимъ Центральный Комитетъ не зналъ.

* * *

22-го марта (въ среду) мы встрѣтились съ Гапономъ и поѣхали на извозчикѣ. На козлахъ за кучера сидѣлъ одинъ изъ рабочихъ, слышавшій весь нашъ разговоръ.

Я предлагалъ Гапону вопросы. Несмотря на ихъ непослѣдовательность, онъ долго ничего не замѣчалъ и говорилъ все то же, уже извѣстное.

Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ Рачковскаго въ понедѣльникъ. Рачковскій даетъ 25.000 рублей за выдачу покушенія на Дурново. Надо торопиться. 25.000 деньги хорошія. Никто ничего не узнаетъ. Нечего опасаться. О людяхъ нечего беспокоиться. Мы ихъ заранѣе предупредимъ, они скроются, и т. д. Когда Рачковскій узналъ, что я не пріѣхалъ въ прошлую среду къ Гапону

на свиданіе, онъ сталъ беспокоиться. Боится покушенія. Надо торопиться, повторялъ Гапонъ.

Этотъ разъ онъ былъ гораздо наглѣе, чѣмъ раньше.

Я спросилъ о судѣ Грибовскаго. Гапонъ отвѣтилъ, что судъ пустыи. Хотятъ, чтобы однѣ лѣвыя партіи судили. Онъ не пойдетъ на этотъ судъ. И вообще наплевать ему. Онъ знаетъ пѣну общественному мнѣнію. Прощъ! Было время, когда его перевозноспли. Теперь его топчутъ. Газеты—либо жидовскія, либо подкупленные.

Я говорилъ о нуждѣ рабочихъ. Онъ подтвердилъ, что нужда очень большая. Я спросилъ, куда онъ дѣвалъ 50.000 франковъ, которые Соковъ ему далъ лѣтомъ для рабочихъ.

Онъ насторожился. Долго испытующе поглядѣлъ на меня.

Потомъ спокойный, спросилъ, какъ это я, конспираторъ, разговариваю на извозчикѣ о такихъ вещахъ, какъ убійство Дурново, свиданіе съ Рачковскимъ, о деньгахъ, называю всѣ имена. Онъ предложилъ пройти съ пѣшкомъ. Слѣзши съ саней, онъ внимательно заглянулъ въ лицо извозчика, но ничего подозрительнаго въ немъ не увидѣлъ.

Явно опасаясь чего то, онъ сталъ увѣрять меня, что революціонеры къ нему несправедливо относятся, что онъ самъ за вооруженное возстаніе, но считаетъ преступленіемъ вызывать теперь рабочихъ на улицу. Октябрьскія увлеченія — ошибка. Надо было заставить царя сначала присягнуть конституціи. А потомъ уже пусть отбираетъ. Весь народъ сказалъ бы — клятвопреступникъ—и возсталъ бы...

Я не возражалъ. Наконецъ, сказалъ, что мнѣ надо ѣхать. Мы вернулись къ дѣлу.

По словамъ Гапона, Рачковскій раньше не довѣрялъ мнѣ, но онъ поручился за меня, что я «честный и искренній человекъ». Свиданіе теперь, навѣрное, состоится. Надо торопиться, а то Рачковскій беспокоится.

Принять свиданіе съ Рачковскимъ и выполнить первый планъ я не могъ уже. Предоставленные въ мое распоряженіе партіей средства были уже ликвидированы. Правильныя сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ, точнѣе съ Азефомъ, разстроились. Оставалось держаться начатаго суда рабочихъ.

Я сказалъ Гапону, что согласенъ. Пусть онъ окончательно узнаетъ у Рачковскаго, когда и гдѣ мы встрѣтимся. Въ понедѣльникъ я вызову Гапона, и онъ мнѣ лично передастъ свой разговоръ съ Рачковскимъ.

На этомъ мы разстались.

* * *

Разсказъ «извозчика» поразилъ поджидавшихъ его товарищей.

Было рѣшено арестовать Гапона, обезоружить его (онъ всегда носилъ при себѣ револьверъ), и, предъявивъ ему обвиненія и сви-

дѣтельное показаніе, потребовать отъ него объясненія. Потомъ рѣшить его участь.

Сначала, согласно инструкціи Азефа¹⁾, все было мною сьорганизовано въ Финляндіи. Но я во время увидѣлъ неумѣстность этого акта на финляндской территоріи, и все отмѣнилъ.

Была нанята дача Звѣржицкой, въ Озеркахъ, на имя Н. П. Путилина, явившагося туда въ сопровожденіи своего «слуги». Изъ конспиративныхъ соображеній пришлось потребовать, чтобы дачу убрали; уборка ея затянулась изъ за праздниковъ.

Въ пятницу 24-го марта я сообщилъ лицу, черезъ которое сносился съ Центральнымъ Комитетомъ (Азефомъ), что все готово. Но ни дня, ни мѣста не сообщилъ. Въ субботу или воскресенье (25 или 26 марта) это лицо передало это лично Азефу. Азефъ при этомъ имѣлъ возможность снестись со мной лично или черезъ посредника по телефону.

Къ повѣдѣльнику—день, когда я условился встрѣтиться съ Гапономъ, дача еще не была готова. Чтобы не возбуждать подозрѣній, уже появившихся у него, я написалъ ему въ воскресенье записку:

„Получи завтра опредѣленный отвѣтъ. Не меньше 50.000. 15.000 авансомъ черезъ тебя. Въ крайнемъ случаѣ 10.000. Тогда и дѣловое свиданіе назначимъ. За отвѣтомъ пришлю во вторникъ утромъ“.

Для «конспираціи» просилъ черезъ посланнаго вернуть мнѣ записку. Гапонъ ее возвратилъ, но, какъ потомъ оказалось, оставилъ у себя копію.

Мнѣ онъ отвѣтилъ:

„Ты самъ вертишь и виновать въ канители. Сегодня непременно надо видѣться или завтра для дѣла, и тогда будетъ все хорошо. Вѣдь, мы предположили съ тобой такъ, невыгодно мѣнять. Мѣсто—ресторанъ Кюба. Время или сегодня (понед.) 10 час. вечера, если завтра, то въ 7 час. вечера. Повторяю, ты долженъ видѣться со мной и съ тѣмъ господиномъ здѣсь въ городѣ“.

Записку я получилъ 27-го марта вечеромъ. На словахъ онъ мнѣ передалъ, что изъ города никуда не поѣдетъ, а въ городѣ придетъ на свиданіе, куда угодно. Несмотря на это предупрежденіе, я вызвалъ его пріѣхать во вторникъ въ Оверки съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Петербурга въ 4 часа дня.

* * *

Во вторникъ 28-го марта, когда всѣ собрались на дачѣ и мнѣ надо было скоро итти встрѣчать Гапона, дворнику вдумалось прійти счищать снѣгъ около дачи. Чтобы избавиться отъ него, его послали, вмѣстѣ со «слугой», купить пива. Они взяли три бутылки. Одну получилъ дворникъ и, удовлетворенный, ушелъ къ себѣ, и больше не появлялся.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ разсказа я, при просмотрѣ для печати, вставилъ имя Азефа и все, касающееся сношеній съ нимъ.

Гапона я засталъ на условленномъ мѣстѣ, на главной улицѣ Озерковъ, идущей параллельно желѣзнодорожному полотну.

Встрѣтилъ онъ меня, подсмѣиваясь надъ моей нерѣшительностью: хочу, да духу не хватаетъ идти къ Рачковскому.

Я сказалъ, что главная причина моихъ колебаній то, что люди погибнуть. Всѣхъ повѣсить.

Гапонъ возражалъ и успокаивалъ меня. Можно будетъ ихъ предупредить, они скроются. Наконецъ, съорганизовать побѣгъ. Онъ спрашивалъ, сколько это можетъ стоить, предлагалъ деньги для этого.

Мы повернули обратно. Я замѣтилъ двухъ человѣкъ слѣдившихъ за нами. Какъ только мы пошли имъ навстрѣчу, они перешли дорогу и свернули въ переулокъ, ведущій мимо каланчи черезъ мостикъ къ Озерковскому театру.

Я сказалъ Гапону, что онъ пріѣхалъ съ сыщиками. Онъ отрекался. Мы пошли за ними. Застали ихъ стоящими противъ каланчи, выжидающими. Какъ только мы свернули въ переулокъ, т. е. къ нимъ, они быстро пошли отъ насъ дальше, перешли мостъ и провалились куда то.

Всю дорогу, чтобы успокоить мою совѣсть, Гапонъ развивалъ разные планы, какъ избавить людей, которыхъ я выдамъ, отъ висѣлицы.

— Зайти бы куданибудь посидѣть, выпить чегонибудь, сказалъ онъ.

Я сказалъ, что у меня тамъ одна изъ моихъ конспиративныхъ квартиръ.

Когда я убѣдился, что никого за нами нѣтъ, мы пошли въ дачу. Подымаясь по дорожкѣ, Гапонъ остановился и спросилъ:

— Тамъ никого нѣтъ?

— Нѣтъ!

Рабочіе находились въ верхнемъ этажѣ, въ боковой маленькой комнатѣ, за дверью съ висячимъ замкомъ. Предполагалось, что я открою эту дверь, чтобы войти вмѣстѣ съ Гапономъ; рабочіе его обезоружать. Если надо будетъ, связать его, а потомъ судить.

Но вышло такъ, что Гапонъ первый поднялся наверхъ. Войдя въ первую большую комнату, сбросилъ съ себя шубу и усьлся на диванъ, стоявшемъ въ противоположномъ отъ дверей углу. Открыть дверь и выпустить оттуда людей я не могъ. Началась бы стрѣльба, и я все и всѣхъ провалилъ бы. Я ходилъ по комнатѣ, думая, какъ быть. А Гапонъ говорилъ. И неожиданно для меня заговорилъ такъ цинично, какимъ я его ни разу не слыхалъ. Онъ былъ увѣренъ, что мы одни, что теперь ему слѣдуетъ говорить со мной на чистую.

Онъ былъ совершенно откровененъ. Рабочіе все слышали. Мнѣ оставалось только поддерживать разговоръ.

— Надо кончать. И чего ты ломаешься? 25000—большія деньги.

— Ты вѣдь говорилъ мнѣ въ Москвѣ, что Рачковскій даетъ 100000?

— Я тебѣ этого не говорилъ. Это недоразумѣніе. Они предлагаютъ хорошія деньги. Ты напрасно не рѣшаешься. И это за одно дѣло, за одно. Но можешь свободно заработать и сто тысячъ за четыре дѣла.

Гапонъ повторилъ, что Рачковскій божится, клянется, что дѣло Леонтьевой обошлось имъ въ 5.000 рублей всего.

— Они въ очень затруднительномъ положеніи. Рачковскій говоритъ, что у с.-р-овъ у нихъ сейчасъ никого нѣтъ. Были да провалились.

— Онъ назвалъ когонибудь?

— Нѣтъ. Сказалъ только, что два человѣка, очень серьезныхъ, совсѣмъ было добрались до центра. Да провалились. Товарищи узнали. А имъ надо,—понимаешь? А что въ Москвѣ у васъ есть чтонибудь?—спросилъ онъ, вспомнивъ что то.

— Есть.

— Съ Дубасовымъ?

— Да.

— А какъ тамъ дѣла?

— Хорошо. Какъ всюду.

Онъ больше не спрашивалъ, предоставивъ, очевидно, дальнѣйшее Рачковскому.

Гапонъ говорилъ, что Рачковскій безпокоится, боится покушенія на Дурново. Убіиство Слѣпцова его очень смутило.

— Что онъ говоритъ о Слѣпцовѣ?—спросилъ я.

— Напрасная жестокость,—говоритъ.

* * *

Я высказалъ опасеніе, что Рачковскій меня обманетъ. Все скажу, а онъ денегъ не дастъ.

Гапонъ увѣрялъ, что этого не случится.

— Завтра въ 10 часовъ вечера у Кюба. Ты можешь свободно ему все говорить. Онъ безусловно порядочный человѣкъ и не надуется. Заплатитъ даже съ благодарностью, какъ только убѣдится, что дѣло серьезное. Ты въ этомъ не сомнѣвайся. Я тебѣ говорю. На всякій случай можно сразу всѣхъ картъ не открывать. А если надуется, мы его убьемъ.

Я опять сказалъ, что главное препятствіе для меня въ томъ, что люди погибнуть.

— Да ты не смущайся. Вѣдь, я тебѣ рассказывалъ, что они арестовываютъ только тогда, когда все соврѣтъ, какъ бутонъ. Значитъ ты сможешь предупредить товарищей. Скажешь, что узналъ изъ вѣрнаго источника, что неладно, и что надо немедленно скрыться. И все. А мы тутъ не при чемъ. Мы скажемъ Рачковскому, что люди замѣтили слѣжку и разбѣжались.

— Какъ же они скроются? Рачковскій на слѣдующій день послѣ нашего свиданія приставитъ къ каждому изъ нихъ по десяти сыщиковъ. Вѣдь ихъ всѣхъ повѣсятъ?

— Какънибудь устроимъ имъ побѣгъ.

— Ну, убѣжитъ часть, а остальныхъ повѣсятъ все-таки.

— Жаль!

Молчаніе. Черезъ нѣкоторое время продолжаетъ:

— Ничего не подѣлаешь! Посылаешь же ты, наконецъ, Каляева на висѣлицу?

— Да! Ну, ладно.

* * *

Я заговорилъ о рискѣ съ моей стороны.

— Если Х. узнаетъ о моихъ сношеніяхъ съ Рачковскимъ, онъ безъ разговоровъ пуститъ мнѣ пулю въ лобъ.

— Неужели пуститъ?

— И глазомъ не моргнетъ.

Нѣкоторое время молчаніе. Гапонъ ходитъ въ раздумьи по комнатѣ.

— Нѣтъ, не сможетъ онъ этого сдѣлать. А главное — доказательствъ нѣтъ. Не пойманъ за руку — не воръ. Пусть докажутъ. Документовъ, вѣдь, никакихъ нѣтъ. А обставить дѣло практически такъ, чтобы товарищи тебя не заподозрили, объ этомъ позаботится Рачковскій. Онъ человѣкъ опытный. Въ его практикѣ много уже такихъ случаевъ было. Тѣ теперь благоденствуютъ. Почтенные члены общества. И никто ничего не знаетъ.

Однимъ изъ «практическихъ» способовъ отвести отъ меня подозрѣніе товарищей, Гапонъ считалъ арестъ. Арестовать меня, на время, конечно, вмѣстѣ съ другими.

— Но тогда, вѣдь, меня вмѣстѣ съ другими будутъ судить военнымъ судомъ и повѣсятъ?

— Развѣ повѣсятъ? Тогда это не годится. Но ты не безпокойся. Повидаешься съ Рачковскимъ, увидишь, что все это можно устроить очень просто.

Я спросилъ, сколько онъ получаетъ отъ Рачковского за это дѣло. Гапонъ отвѣтилъ, что куда-куда ничего, а сколько получить — не знаетъ.

— Ты богачъ теперь. У тебя много денегъ, должно быть.

— Почему?

— За книгу получилъ тысячу фунтовъ.

— Десять тысячъ рублей я получилъ за нее.

— Да 50.000 отъ Сокова.

— Все израсходовано. (Гапонъ говорилъ объ этомъ неохотно). Рабочимъ много денегъ отдалъ. У меня теперь рублей тысяча всего осталось. Но мнѣ и не надо много... Ты видѣлъ, какъ я скромно живу.

— Куда же ты дѣвалъ деньги? Вѣдь отдѣлы ты устранивалъ на Виттевскія?

— Петровъ за границу пріѣзжалъ. Пришлось на дорогу дать. Другимъ еще. Есть семья рабочихъ, которыхъ я поддерживаю каждый мѣсяцъ.

* * *

Я спросилъ о судѣ.

— Пустяки. Судьи теперь не тѣмъ заняты. Выборы идутъ. А с.-д. и с.-р. въ лужу съли со своимъ бойкотомъ Думы. Кадеты всюду побѣждаютъ. Но если у кадетовъ не хватитъ политической зрѣлости, чтобы не зарваться въ своей оппозиціи, Думу разгонять штыками. Рачковскій то же самое говоритъ. То, что въ газетахъ пишутъ, что Дурново и Витте уходятъ,—ерунда. Они и не думаютъ уходить, и не уйдутъ.

* * *

— Въ какомъ положеніи у тебя дѣло съ Петровымъ?

— Онъ пишетъ книгу «Правда о Гапонѣ». Правду о Гапонѣ теперь многіе пишутъ. И Сибирскій, и Строевъ, кажется, пишетъ, и Феликсъ изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», и еще кто то. Ну, что Петровъ можетъ написать про меня?

— А если онъ напишетъ, что ты взялъ съ П. клятву убить Григорьева?

— Откуда ты это знаешь?—опѣшилъ Гапонъ.

— Ты самъ мнѣ это говорилъ.

Онъ успокоился и отвѣтилъ:

— Ну что жъ? Мало ли въ организации у тебя, напримѣръ, бываетъ важныхъ секретовъ? Если кто нибудь откроетъ, его слѣдуетъ убить.

— А Черемухина ты все-таки напрасно погубилъ.

— Почему же я его погубилъ?

— Ты же мнѣ рассказывалъ. Взялъ съ него клятву убить Петрова за его письмо въ газетахъ про 30.000 и далъ ему револьверъ для этого. А онъ самъ себя изъ этого револьвера прикончилъ.

— Да, непріятная исторія!

Гапонъ задумался.

— Петровъ распишетъ, должно быть, твою парижскую жизнь.

— Что онъ напишетъ? Что я ему кабаки показывалъ въ Парижѣ? Рассказывалъ, сколько что стоитъ? Пустяки все это. Что здѣсь страшнаго? Пишутъ въ газетахъ, что я въ Монте-Карло въ рулетку игралъ. Ну, и игралъ, и выигралъ. И плюю я на всѣхъ. И на общество, и на печать, и на революціонныя партіи, и на всѣхъ. Мнѣ важно мнѣніе моихъ рабочихъ. А они мнѣ довѣряютъ. Тѣ, которые колебались, сомнѣвались, тѣ мнѣ не нужны. Съ ними дѣла не сдѣлаешь. Ты увидишь, что будетъ. Я теперь живу легально. Я былъ у Камышанскаго, прокурора петербургской палаты. Онъ сказалъ, что я амнистированъ еще 21-го октября.

— Вѣдь я тебѣ это говорилъ еще въ ноябрѣ. Зачѣмъ же ты комедію разыгрывалъ?

— Да.

Задумался. Потомъ съ возрастающимъ оживленіемъ началъ:

— Я теперь буду устраивать мастерскія. Кузница у насъ

есть уже маленькая. Слесарная. Булочную устроимъ, и т. д. Вотъ, что нужно теперь. Со временемъ и фабрику устроимъ. Ты директоромъ будешь. Вѣрно! Ты плюнь на всякія глупости. А общество, печать—ерунда! Ихъ и купить, и продать можно. Вѣрно говорю тебѣ. Я въ этомъ убѣдился.

— А если бы рабочіе, хотя бы твои, узнали про твои сношенія съ Рачковскимъ?

— Ничего они не знаютъ. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для ихъ же пользы.

— А если бы они узнали все, что я про тебя знаю? Что ты меня называлъ Рачковскому членомъ Боевой Организациі, другими словами, выдалъ меня, что ты ваялся соблазнить меня въ провокаторы, ваялся узнать черезъ меня и выдать Боевую Организацию, написалъ покаянное письмо Дурново?

— Никто этого не знаетъ, и узнать не можетъ.

— А если бы я опубликовалъ все это?

— Ты, конечно, этого не сдѣлаешь, и говорить не стоить. (Подумалъ немного). А если бы сдѣлалъ, я напечаталъ бы въ газетахъ, что ты сумасшедшій, что я знать ничего не знаю. Ни доказательствъ, ни свидѣтелей у тебя нѣтъ. И мнѣ, конечно, повѣрили бы.

Я невольно направился къ дверямъ, чтобы показать ему «свидѣтелей», но сдержался. Слѣдя за разговоромъ, я не успѣлъ ориентироваться, принять опредѣленное рѣшеніе.

Говорить мнѣ съ нимъ больше незачѣмъ было. Но чтобы выиграть время, сообразить и рѣшить, какъ быть, я возвращался къ прежнимъ вопросамъ и опасеніямъ.

Изъ его отвѣтовъ я узналъ еще, что Рачковскій хвалился ему, что меня «знаютъ въ лицо, а не по карточкамъ, не меньше двадцати сыщиковъ», и о томъ, что о «нашемъ дѣлѣ» знаютъ только Рачковскій, Дурново и царь.

— Ты знаешь, что на дняхъ царю представлялся Тихомировъ?—спросилъ я.

— Развѣ?

— Да. И серебрянную чернильницу получилъ съ какой то надписью. За полезную службу. И ты, пожалуй, серебрянную чернильницу получишь.

Его передернуло. Онъ дѣлanno засмѣялся и сказалъ:

— Чтожъ! Можно будетъ въ ломбардъ заложить.

Тутъ произошло слѣдующее.

Гапонъ спросилъ, гдѣ ключеть. Я спустился съ нимъ внизъ, показалъ, а самъ хотѣлъ вернуться на верхъ.

Дверь ключета находится рядомъ съ дверью черной лѣстницы, ведущей на верхъ дачи. «Слуга» находился не вмѣстѣ съ другими, въ маленькой комнатѣ, а рядомъ, за дверью, на площадкѣ черной лѣстницы, на случай, еслибы пришелъ дворникъ. Онъ долженъ былъ его занять и увести отъ дачи.

Когда «слуга» услышалъ, что мы спускаемся внизъ, ему

вздумалось тоже сойти вниз по своей лестницѣ. А когда Гапонъ подошелъ къ кловету, они столкнулись лицомъ къ лицу. «Слуга» опѣшилъ, очевидно, отъ неожиданности и бросился назадъ вверхъ по черной лестницѣ, а Гапонъ, въ свою очередь, назадъ ко мнѣ. Онъ засталъ меня внизу на стеклянной террасѣ (выходящей на озеро). Я еще не успѣлъ подняться наверхъ.

— Какой ужасъ! Насъ слушали!

— Кто слушалъ?

Онъ сталъ описывать одежду и лицо человѣка, котораго видѣлъ.

— У тебя револьверъ есть?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, а у тебя есть?

— Тоже нѣтъ. Всегда я ношу, а сегодня, какъ нарочно, не взялъ. Пойдемъ, посмотримъ!

— Пойдемъ!

Мы подошли къ черной лестницѣ. Она узкая. Я предложилъ ему пройти впередъ. Онъ инстинктивно отскочилъ за мою спину.

— Нѣтъ, ты иди впередъ.

Я поднялся на нѣсколько ступеней, вернулся и сказалъ, что тамъ никого нѣтъ.

— Надо дворника позвать,—сказалъ Гапонъ.

Я отказался связываться съ полиціей.

«Слуга» думалъ, что мы поднимемся наверхъ по черной лестницѣ и пройдемъ мимо него. Поэтому онъ открылъ дверь, за которой стоялъ раньше, и спрятался между нею и стѣной.

Гапонъ думалъ и искалъ, куда могъ скрыться человѣкъ.

Мы прошли низомъ дачи (черезъ большую комнату и веранду) и поднялись наверхъ. Гапонъ шелъ впереди. Замѣтивъ открытую дверь на черную лестницу, онъ прошелъ туда, заглянулъ за дверь и увидѣлъ того, кого искалъ.

Онъ отскочилъ, какъ ужаленный. Молча, съ остановившимися зрачками, сталъ меня толкать туда. Потомъ шепотомъ сказалъ:

— Онъ тамъ!

Я пошелъ. Вывелъ за руку оттуда «слугу» и не успѣлъ слова сказать, какъ Гапонъ однимъ прыжкомъ бросился на него, умудрился въ одинъ мигъ обшарить его, уцѣпился за руку и карманъ, гдѣ у того былъ револьверъ, и прижалъ его къ стѣнѣ.

— У него револьверъ! Его надо убить!—сказалъ Гапонъ.

Я подошелъ, засунулъ руку въ карманъ «слуги», забралъ револьверъ, опустил его молча въ свой карманъ.

Я дернулъ замокъ, открылъ дверь и позвалъ рабочихъ.

— Вотъ мои свидѣтели!—сказалъ я Гапону.

* * *

То, что рабочіе услышали, стоя за дверью, превзошло всё ихъ ожиданія. Они давно ждали, чтобы я ихъ выпустилъ. Теперь они не вышли, а выскочили, прыжками, бросились на него со стономъ: «А-а а-а!» и вцѣпились въ него.

Гапонъ крикнулъ было въ первую минуту: «Мартынь!» но увидѣлъ передъ собой знакомое лицо рабочаго и понялъ все.

Они его поволокли въ маленькую комнату. А онъ просилъ:

— Товарищи! дорогіе товарищи! не надо!

— Мы тебѣ не товарищи! Молчи!

Рабочіе его связывали. Онъ отчаянно боролся.

— Товарищи! Все, что вы слышали—неправда!—говорилъ онъ, пытаясь кричать.

— Знаемъ! Молчи!

Я вышелъ, спустился внизъ. Оставался все время на крытой стеклянной террасѣ.

— Я сдѣлалъ все это ради бывшей у меня идеи,—сказалъ Гапонъ.

— Знаемъ твои идеи!

* * *

Все было ясно.

Гапонъ — предатель, провокаторъ, растратилъ деньги рабочихъ. Онъ осквернилъ честь и память товарищей, павшихъ 9 января. Гапона казнить...

Гапону дали предсмертное слово.

Онъ просилъ пощадить его во имя его прошлаго.

— Нѣтъ у тебя прошлаго! Ты его бросилъ къ ногамъ грязныхъ сыщиковъ!—отвѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

* * *

Гапонъ былъ повѣшенъ въ 7 часовъ вечера во вторникъ 28-го марта 1906 года.

Я не присутствовалъ при казни. Поднялся наверхъ только, когда мнѣ сказали, что Гапонъ скончался. Я видѣлъ его висѣщимъ на крюкѣ вѣшалки въ петлѣ. На этомъ крюкѣ онъ остался висѣть. Его только развязали и укрыли шубой.

* * *

При Гапонѣ оказались:

- 1) кожаный бумажникъ, п въ немъ:
 - а) тысяча триста рублей,
 - б) десять разныхъ записокъ и расписокъ,
 - в) двѣ визитныя карточки г. Х.
 - г) ключъ и квитанція неслгораемаго ящика банка Японскаго кредита за № 414 на имя Ф. Рыбницкаго. Лежали они въ конвертѣ съ надписью: «деньги».
- д) копія съ моей записки и на ней же набросокъ отвѣта:

«Ты самъ виноватъ въ канители. Сегодня надо видѣться въ ресторанѣ Кюба въ 9 часовъ вечера. Свиданіе непременно надо устроить дѣловое». (Вмѣсто этого текста онъ послалъ мнѣ приведенный выше.)

2) двѣ записныя книжки.

* * *

Всѣ ушли. Дачу заперли.

П. Рутенбергъ.

Мартъ. 1903 г.

Воспоминанія ¹⁾).

ЧАСТЬ I.

Глава II.

I.

Вечеромъ 15 іюля я уѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву. Въ Варшавѣ меня ожидали Азефъ и Ивановская. Азефа, однако, я тамъ уже не нашелъ: онъ изъ газетъ узналъ объ убійствѣ Плеве, и безъ меня выѣхалъ за границу. Ивановская уѣхала въ Одессу, я—въ Кіевъ, гдѣ у меня было назначено свиданіе съ Каляевымъ. Отъ него я узналъ, что ходятъ слухи объ арестѣ въ Петербургѣ тогда еще не опознаннаго Сикорскаго.

Я рѣшилъ съѣздить вмѣстѣ съ Каляевымъ на родину Сикорскаго, въ Бѣлостокъ: я хотѣлъ убѣдиться лично въ справедливости этихъ слуховъ. Въ Бѣлостокѣ намъ не удалось узнать ничего, и мы уѣхали въ Сувалки, чтобы оттуда, при помощи Нехи Нейерманъ, переправиться въ Германію.

У Нехи Нейерманъ меня встрѣтили, какъ стараго знакомаго. Въ ту же ночь мы перешли, въ сопровожденіи солдата пограничной стражи, границу, а на утро были уже въ поѣздѣ нѣмецкой желѣзной дороги. Въ ста верстахъ отъ Эйдкунена, на станціи Инстербургъ, къ намъ подошелъ нѣмецкій жандармъ:

- Куда вы ѣдете?
- Въ Берлинъ.
- Въ Берлинъ?
- Да, въ Берлинъ.
- А чѣмъ вы занимаетесь?
- Мы студенты.
- Вы ѣдете изъ Россіи?
- Ну, конечно, изъ Россіи.
- Вашъ паспортъ?

У насъ не было заграничныхъ паспортовъ. У меня была только зеленая мѣщанская для проживанія внутри Имперіи каяшка. Я былъ увѣренъ, что насъ арестуютъ, и, зная нѣмецкіе

¹⁾ См. „Былое“, Іюль 1917 г.

нравы, не сомнѣвался, что насъ выдадутъ русскимъ жандармамъ. Я все таки вынулъ мою вѣленную книжку.

— Паспортъ? извольте.

Увидавъ книжку, жандармъ даже не раскрылъ ее. Онъ вдругъ преобразился. Приложивъ руку къ козырьку, онъ сказалъ:

— Извините. Я ошибся. Вы сами знаете — разные люди ѣздятъ.

Черезъ три дня мы были въ Женевѣ.

Въ Женеву пріѣхали также Швейцеръ, Боршанскій, Дора Бриллиантъ и Дулебовъ. Мацѣвскій остался въ Россіи.

Въ этотъ мой пріѣздъ я близко познакомился съ Гоцомъ. Онъ, тяжело больной, уже не вставалъ съ постели. Лежа въ подушкахъ, и блестя своими черными, юношескими глазами, онъ съ увлеченіемъ спрашивалъ меня о всѣхъ подробностяхъ дѣла Плеве. Было видно, что только болѣзнь мѣшаетъ ему работать въ террорѣ: онъ долженъ былъ довольствоваться ролью заграничнаго представителя Боевой Организациі.

Отъ него я узналъ, что весною собиралось въ Одессѣ засѣданіе Центральнаго Комитета. На этомъ засѣданіи возбуждался вопросъ о дѣятельности Боевой Организациі. Многими высказывалось убѣжденіе, что Плеве не будетъ нами убитъ. Послѣ долгихъ дебатовъ Центральный Комитетъ постановилъ учредить контроль надъ Боевой Организацией, и постановленіе это было послано за границу Гоцу. Какъ я узналъ впослѣдствіи, Гоцъ возмущился. Только благодаря его вмѣшательству, намъ не было предложено извѣщать Центральный Комитетъ о подробностяхъ нашей работы. Такое предложеніе имѣло бы, несомнѣнно, самыя печальныя послѣдствія. Едва ли кто либо изъ членовъ Организациі подчинился бы въ этомъ случаѣ дисциплинѣ. Наоборотъ, вѣроятно, что весь составъ ея пошелъ бы на конфликтъ съ высшимъ учрежденіемъ Партіи. Чѣмъ бы окончился этотъ конфликтъ, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онъ отразился бы неблагоприятно на всѣхъ партійныхъ дѣлахъ. Заслуга Гоца заключается въ томъ, что онъ предупредилъ почти неизбежное столкновеніе.

Официально роль Гоца въ террорѣ, какъ я выше упомянулъ, ограничивалась заграничнымъ представительствомъ Боевой Организациі. На самомъ дѣлѣ она была гораздо важнѣе. Не говоря уже о томъ, что и Гершуни, и Азефъ совѣтовались съ нимъ о предпріятіяхъ, — мы, на работѣ въ Россіи, непрерывно чувствовали его вліяніе. Азефъ былъ практическимъ руководителемъ террора, Гоцъ — идейнымъ. Именно въ его лицѣ связывалось настоящее Боевой Организациі съ ея прошедшимъ. Гоцъ сумѣлъ сохранить боевыя традиціи прошлаго и передать ихъ намъ во всей ихъ неприкосновенности и полнотѣ. Благодаря ему, имя намъ лично неизвѣстнаго Гершуни было для насъ такъ-же дорого, какъ впослѣдствіи имена Каляева и Сазонова. Для членовъ Боевой Организациі, знавшихъ Гоца за границей, онъ былъ не только товарищъ, онъ былъ другъ и братъ, никогда не отказывавшій въ помощи и въ

поддержкѣ. Его значеніе для Боевой Организациі трудно учестъ: онъ не выѣзжалъ въ Россію и не работалъ рука объ руку съ нами. Но, мнѣ думается, я не ошибусь, если скажу, что впослѣдствіи его смерть была для насъ потерей не менѣ тяжелой, чѣмъ смерть Каляева.

Въ Женевѣ, по случаю убійства Плеве, царило радостное оживленіе. Партія сразу выросла въ глазахъ правительства и стала сознать свою силу. Въ Бесую Организацию поступали многочисленныя денежныя пожертвованія, являлись люди съ предложеніемъ своихъ услугъ. Съ этимъ подъемомъ совпали извѣстія изъ Россіи—назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго и эра либеральныхъ рѣчей и банкетовъ. Къ новому назначенію Партія отнеслась, конечно, скептически, и отъ либеральныхъ рѣчей не ожидала большихъ результатовъ. И все таки было ясно, что убійство Плеве уже сыграло крупную роль: правительство поколебалось, и общество заговорило смѣлѣе. Этотъ успѣхъ въ насъ, членахъ Боевой Организациі, вселилъ увѣренность въ своихъ силахъ.

Въ Женевѣ я засталъ Бориса Васильевича Монсеенко, бывшаго студента Горнаго Института, моего товарища по группѣ «Рабочее Знамя» и по Вологодской ссылкѣ. Еще въ Вологдѣ въ разговорахъ со мной и съ Каляевымъ, онъ высказывался за необходимость убійства Плеве, и теперь бѣжалъ за границу съ цѣлью работать въ террорѣ. Я познакомилъ его съ Азефомъ. Азефъ принялъ его въ нашу Организацию.

Тогда же въ Женевѣ состоялся рядъ совѣщаній по вопросу объ Уставѣ Боевой Организациі. На совѣщаніяхъ этихъ присутствовали: Азефъ, Швейцеръ, Каляевъ и я. Былъ выработанъ новый Уставъ взаимнѣ проэкта стараго, составленнаго во времена Гершуни, и намъ тогда неизвѣстнаго. Впослѣдствіи Организациа не примѣняла ни стараго, ни новаго Устава и внутреннее ея устройство опредѣлялось молчаливымъ соглашеніемъ между ея членами, и особенно авторитетомъ Азефа. Но наши совѣщанія все таки представляютъ извѣстный интересъ. Они были вызваны желаніемъ рѣзко отграничиться отъ Центрального Комитета и предупредить въ будущемъ возможность какого бы то ни было вмѣшательства въ наши дѣла. Среди товарищей господствовало убѣжденіе, что для успѣха террора необходима полная самостоятельность Боевой Организациі въ вопросахъ, какъ техническихъ, такъ и внутреннего ея устройства. Такой взглядъ естественно вытекалъ: во-первыхъ, изъ сознанія ненормальности положенія Партіи, признающей терроръ, и имѣющей во главѣ своей Центральный Комитетъ, состоящій въ подавляющемъ большинствѣ изъ людей, незнакомыхъ съ техникой боевого дѣла ¹⁾, и во-вторыхъ, изъ сознанія

¹⁾ Въ составъ Центрального Комитета входили въ это время, если не ошибусь: М. Р. Гопъ, Е. Ф. Азефъ, В. М. Черновъ, А. И. Потаповъ, С. Н. Слетовъ, Н. И. Ракитниковъ, М. Ф. Селюкъ, Е. К. Брешковская.

необходимости для успѣха террора строгой конспиративной замкнутости Организациі. Кромѣ этого, у многихъ изъ насъ послѣ Одесскаго постановленія, естественно, зародилась боязнь за успѣхъ террористическихъ предпріятій: мы опасались, что право Центрального Комитета распускать Боевую Организацию можетъ вредно отразиться на дѣятельности послѣдней.

Такимъ образомъ, Уставъ былъ намъ нуженъ, не столько для внутренняго нашего устроенія, сколько для урегулированія нашихъ отношеній съ Центральнымъ Комитетомъ. Указанныхъ выше взглядовъ держалось большинство членовъ Организациі, и только Азефъ и Швейцеръ допускали въ принципѣ право техническаго контроля Боевой Организациі Центральнымъ Комитетомъ. На нашихъ Желевскихъ совѣщаніяхъ Каляеву и мнѣ пришлось много спорить по этому вопросу съ Азефомъ и Швейцеромъ. Послѣ долгихъ переговоровъ былъ принятъ Уставъ, составленный въ духѣ большинства членовъ Организациі, прямо и рѣзко ограничивавшій сферу вліянія Центрального Комитета его политической компетенціей. Тогда же было постановлено, что принятый нами Уставъ вступать въ законную силу безъ одобренія Центрального Комитета, явочнымъ порядкомъ, съ вѣдома лишь заграничнаго представителя Боевой Организациі.

Проектъ Устава Боевой Организациі, составленный при Гершуни, гласилъ:

«Цѣль Боевой Организациі заключается въ борьбѣ съ существующимъ строемъ посредствомъ устраненія тѣхъ представителей его, которые будутъ признаны наиболѣе преступными и опасными врагами свободы. Устраняя ихъ, Боевая Организациі совершаетъ не только актъ самозащиты, но и дѣйствуетъ наступательно, внося страхъ и дезорганизацию въ правящія сферы, и стремится довести правительство до признанія невозможности сохранять долѣе самодержавный строй.

«Кромѣ казней враговъ народа и свободы, на обязанности Боевой Организациі лежитъ подготовка вооруженныхъ сопротивленій властямъ, вооруженныхъ демонстрацій и прочихъ предпріятій боевого характера, въ которыхъ сила правительственнаго деспотизма сталкивается съ силой отпора или нападенія подъ знаменемъ свободы, въ которыхъ слово воплощается въ дѣло, въ которыхъ реализуется идея революціи.

1.

«1. Боевая Организациі распадается на два отдѣла: центральный и мѣстный. Первый состоитъ изъ распорядительной комиссіи и ея агентовъ, второй изъ мѣстныхъ группъ, распределенныхъ по разнымъ районамъ.

«2. Распорядительной Комиссіи принадлежитъ верховное руководство и рѣшающій голосъ при совершеніи террористическихъ актовъ, когда дѣло касается лицъ, устраненію которыхъ

придается общегосударственное значение. Сверхъ того, Распорядительной Комиссiи принадлежит контроль надъ дѣятельностью мѣстныхъ боевыхъ группъ, которыя обязаны доводить до свѣдѣнiя Распорядительной Комиссiи о всякомъ замышляющемся фактѣ, причемъ Распорядительная Комиссiя имѣетъ право налагать veto на рѣшенiя мѣстной боевой группы.

«3. Распорядительная Комиссiя дѣйствуетъ вполне самостоятельно, подчиняясь Центральному Комитету Партии Соціалистовъ-Ревolucionеровъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые ставитъ программа Партии.

«4. Распорядительная Комиссiя завѣдуетъ Боевой Организацией и паспортнымъ бюро. Касса составляется изъ пожертвованiй на дѣло Боевой Организации, и сборъ денегъ можетъ производиться только съ разрѣшенiя Распорядительной Комиссiи. Боевая Организациа распоряжается денежными средствами вполне самостоятельно, и контроль кассы принадлежитъ только Распорядительной Комиссiи.

«5. Число членовъ Распорядительной Комиссiи не должно превышать десяти.

«6. Всѣ вопросы, за исключенiемъ вопросовъ объ измѣненiи Устава и принятiя новыхъ членовъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; для измѣненiя же Устава и принятiя новаго члена нужно единогласное рѣшенiе.

«7. Всѣ члены Распорядительной Комиссiи равноправны, и въ своихъ дѣйствiяхъ подлежатъ контролю лишь Общаго Собранiя Распорядительной Комиссiи.

«8. Особыя условiя дѣятельности Боевой Организации дѣлають необходимымъ предъявленiе къ членамъ особо строгихъ требованiй:

«а). Членъ Боевой Организации долженъ быть человѣкомъ, обладающимъ безграничною преданностью дѣлу Организации, доходящей до готовности пожертвовать своей жизнью въ каждую данную минуту.

«б). Онъ долженъ быть человѣкомъ выдержаннымъ, дисциплинированнымъ и конспиративнымъ.

«с). Онъ долженъ дать обязательство безусловно повиноваться постановленiямъ Общаго Собранiя Распорядительной Комиссiи, если онъ членъ или агентъ Комиссiи, и распоряженiямъ Комиссiи, или же районнаго представителя Комиссiи, если онъ членъ Мѣстной Боевой Организации.

«д). Приемъ въ члены какого-либо изъ отдѣловъ Боевой Организации допускается лишь при согласiи на то всѣхъ членовъ данной группы. Сверхъ того, нужно утвержденiе со стороны агента Распорядительной Комиссiи, завѣдующаго даннымъ райономъ, если новый членъ вступаетъ въ одну изъ мѣстныхъ боевыхъ группъ.

«9. Агенты Распорядительной Комиссiи отдають себя въ

безусловное распоряженіе Комиссіи, повинуются всѣмъ ея указаніямъ и пользуются правомъ лишь совѣщательнаго голоса.

«10. Дѣятельность Боевой Организациі можетъ быть остановлена лишь Общепартійнымъ Съѣздомъ, если онъ найдетъ это нужнымъ въ тактическихъ цѣляхъ.

2.

«Мѣстныя боевыя группы образуются съ утвержденія Распорядительной Комиссіи во всѣхъ районахъ, на которые распространяется дѣятельность Партіи. Въ каждый изъ этихъ районовъ, по мѣрѣ возникновенія тамъ мѣстной Боевой Организациі, Распорядительная Комиссія назначаетъ своего районнаго представителя—члена или агента Распорядительной Комиссіи, которому подчиняются всѣ мѣстныя боевыя группы.

«1. Мѣстныя боевыя группы вполне автономны, но дѣйствуютъ лишь въ предѣлахъ своего района. Онѣ обязаны давать отчетъ въ своей дѣятельности Распорядительной Комиссіи и предупреждать ее о каждомъ замышляемомъ фактѣ.

«2. Расходы по тѣмъ предпріятіямъ, которыя ведутся по указанію или же съ одобренія Распорядительной Комиссіи, относятся на счетъ центральной кассы Боевой Организациі.

«3. Члены мѣстныхъ организаций принимаютъ на себя обязательство предоставить себя въ полное распоряженіе Распорядительной Комиссіи для всякаго рода боевыхъ предпріятій, когда Комиссія этого потребуетъ.

«4. Всѣ мѣстныя боевыя группы даннаго района находятся въ непосредственномъ подчиненіи у мѣстнаго представителя Боевой Организациі».

Проектъ этотъ такъ и остался проектомъ. Онъ не вошелъ въ жизнь и не примѣнялся на практикѣ. «Распорядительной Комиссіи» никогда, ни до, ни послѣ составленія проекта, не существовало, мѣстныхъ Боевыхъ Группъ тогда еще не было, наконецъ и количество террористическихъ силъ было настолько ничтожно, что его едва хватило бы даже только на Распорядительную Комиссію. Но проектъ отличался тою же существенною особенностью, какою отличался и нашъ Уставъ: согласно ему, террористическія организациі рѣзко обособлялись отъ Центральнаго Комитета и пользовались полною внутреннею самостоятельностью. Право выпуска Боевой Организациі предоставлялось не Центральному Комитету, а Обще-Партійному Съѣзду,—высшей инстанціи Партіи.

Нашъ Уставъ, принятый въ августѣ 1904 года, былъ слѣдующій:

«1. Боевая Организациія ставитъ себѣ задачей борьбу съ самодержавіемъ путемъ террористическихъ актовъ.

«2. Боевая Организациія пользуется полною техническою и организаціонною самостоятельностью, имѣетъ свою отдѣльную

кассу и связана съ Партіей черезъ посредство Центрального Комитета.

«3. Боевая Организациа имѣетъ обязанность сообразоваться съ общими указаніями Центрального Комитета, касающимися:

«а) Круга лицъ, противъ коихъ должна направляться дѣятельность Боевой Организации.

«б) Моментъ полного или временнаго, но политическимъ соображеніямъ, прекращенія террористической борьбы.

«Примѣчаніе: Въ случаѣ объявленія Центральнымъ Комитетомъ полного или временнаго, по политическимъ соображеніямъ, прекращенія террористической борьбы, Боевая Организациа оставляетъ за собой право довести до конца свои предпріятія, если таковыя ею были начаты до означеннаго объявленія Центрального Комитета, какового права Боевая Организациа можетъ быть лишена лишь специальнымъ постановленіемъ общаго Съѣзда Партіи.

«4. Всѣ сношенія между Центральнымъ Комитетомъ и Боевой Организацией ведутся черезъ особаго уполномоченнаго, избираемаго комитетомъ Боевой Организации изъ числа членовъ послѣдней.

«5. Верховнымъ органомъ Боевой Организации является Комитетъ, пополняемый черезъ кооптацию изъ числа ея членовъ.

«6. Всѣ права Комитета, кромѣ нижесписанныхъ, передаются имъ избираемому имъ-же изъ числа его членовъ, смѣняемому по единогласному соглашенію всѣхъ членовъ Комитета, Члену-Распорядителю.

«7. Комитетъ Боевой Организации сохраняетъ за собой:

«а). Право приѣма новыхъ и исключенія старыхъ членовъ, какъ Комитета, такъ и Организации (во всѣхъ случаяхъ съ единогласнаго соглашенія всѣхъ членовъ Комитета).

«б). Право участія въ составленіи плана дѣйствій, причемъ въ случаѣ разногласія между отдѣльными членами Комитета, рѣшающій голосъ остается за Членомъ-Распорядителемъ.

«с). Право участія въ составленіи литературныхъ произведеній, издаваемыхъ отъ имени Боевой Организации.

«8. Одновременно съ выборомъ Члена-Распорядителя, Комитетъ Боевой Организации производитъ выборъ его замѣстителя, къ каковому замѣстителю переходятъ всѣ права и полномочія Члена-Распорядителя, въ случаѣ ареста послѣдняго.

«9. Число членовъ Комитета Боевой Организации неограничено, въ случаѣ же ареста одного изъ нихъ, всѣ права его переходятъ къ заранѣ намѣченному Комитетомъ кандидату.

«10. Члены Боевой Организации во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ подчинены Комитету Боевой Организации.

«11. Въ случаѣ одновременнаго ареста всѣхъ членовъ Комитета Боевой Организации или всѣхъ ея членовъ, кромѣ одног

(заранѣе намѣченнаго Комитетомъ кандидата), право кооптаціи постоянного Комитета Боевой Организациі переходить къ заграничному ея представителю, а во второмъ случаѣ также и къ кандидату въ члены Комитета Боевой Организациі.

«12. Настоящій Уставъ можетъ быть измѣненъ лишь съ единогласнаго соглашенія всѣхъ членовъ Комитета Боевой Организациі и ея заграничнаго представителя».

Членомъ-Распорядителемъ Комитета Боевой Организациі былъ избранъ Азефъ, замѣстителемъ его я, въ Комитетъ же вошелъ, кромѣ Азефа и меня, еще и Швейцеръ.

Этимъ Уставомъ и партійнымъ соглашеніемъ, напечатаннымъ въ № 7 «Революціонной Россіи», опредѣлялось взаимоотношеніе между Центральнымъ Комитетомъ и Боевой Организацией. Въ № 7 «Революціонной Россіи» читаемъ:

«Согласно рѣшенію Партіи, изъ нея выдѣлилась специальная Боевая Организациа, принимающая на себя,—на началахъ строгой конспираціи и раздѣленія труда,—исключительно дѣятельность дезорганизаціонную и террористическую. Эта Боевая Организациа получаетъ отъ Партіи, черезъ посредство ея центра общія директивы относительно выбора времени для начала и пріостановки военныхъ дѣйствій и относительно круга лицъ, противъ которыхъ эти дѣйствія направляются. Во всемъ остальномъ она надѣлена самыми широкими полномочіями и полной самостоятельностью. Она связана съ Партіей только черезъ посредство центра и совершенно отдѣлена отъ мѣстныхъ комитетовъ. Она имѣетъ вполне обособленную организацию, особый личный составъ (по условіямъ самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдѣльную кассу, отдѣльные источники средствъ».

Это партійное рѣшеніе, обособляющее вполне Боевую Организацию отъ Центрального Комитета, впоследствии не было отмѣнено ни первымъ, ни вторымъ общими Съѣздами Партіи.

II.

Окончивъ обсужденіе Устава, и выпустивъ, вмѣстѣ съ Гоцомъ и Черновымъ, 4-й «Летучій Листокъ Революціонной Россіи» ¹⁾, я уѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ устраивалась динамитная мастерская. Швейцеръ, подъ именемъ торговца сливками, греческаго подданнаго Давужогро, снялъ квартиру въ кварталѣ Гренель, на улицѣ Граммъ. Онъ поселился въ ней вмѣстѣ съ Дорой Бриллиантъ и младшимъ братомъ Азефа, Владиміромъ, по образованію химикомъ. Въ этой мастерской изготовлялся динамитъ для будущихъ покушеній, въ ней же была и школа для занятій по химіи взрывчатыхъ веществъ и по снаряженію динамитныхъ

¹⁾ Въ этомъ «Листкѣ» статья «Смерть В. К. фонъ-Плеве, впечатлѣнія и отклики» принадлежитъ Каляеву.

снарядовъ. Каляевъ, Дулебовъ, Боришанскій, Мойсеенко и я поочередно обучались у Швейцера техникѣ динамитнаго дѣла. Работая въ этой мастерской, Швейцеръ въ то же время занимался изученіемъ новыхъ открытій по химіи и электротехникѣ. Ему казалось, что только широкое примѣненіе научныхъ изобрѣтеній выведетъ терроръ на дорогу побѣдоносной борьбы съ правительствомъ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ сдѣлать ничего крупнаго въ этомъ направленіи.

Въ политикѣ Швейцеръ держался умѣренныхъ взглядовъ. Я помню, однажды вечеромъ, послѣ занятій у него въ мастерской, мы вышли вмѣстѣ на улицу и зашли въ кафе. Онъ спросилъ себя газету и весь погрузился въ чтеніе. Вдругъ онъ сказалъ:

— А министерство наканунѣ паденія.

Я удивленно обернулся къ нему.

— Какое министерство?

— Французское, конечно.

— Французское?.. Такъ не все ли равно?

Въ свою очередь онъ удивленно посмотрѣлъ на меня:

— Какъ все равно? Радикалы будутъ у власти.

— Ну?

— Я же вамъ говорю: радикалы будутъ у власти.

Я все еще не понималъ. Я сказалъ:

— Какая же разница—Мелпнъ, Комбъ или Клемансо?

— Какая разница?.. Вы не понимаете? Значитъ вы вообще противъ парламента?

Я сказалъ, что, дѣйствительно, не придаю большого значенія борьбѣ партій въ современныхъ парламентахъ, и не вижу побѣды трудящихся массъ въ замѣнѣ Мелина Комбомъ или Комба Клемансо. Швейцеръ спросилъ:

— Значитъ вы анархистъ?

— Нѣтъ. Это значитъ только то, что я и сказалъ: я не придаю большого значенія парламенту.

— Съ вашими взглядами я бы не былъ въ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Такими «анархистами», какъ я, были и Каляевъ, и Мойсеенко, и Дулебовъ, и Боришанскій, и Бриллиантъ. Мы всѣ сходились на томъ, что парламентская борьба безсильна улучшить положеніе трудящихся классовъ, мы всѣ стояли за action directe, и были одинаково далеки, какъ отъ тактики Жореса, такъ и отъ тактики Вальяна. Былъ и еще одинъ, болѣе важный пунктъ разногласій между нами и Швейцеромъ. Мы разнo смотрѣли на задачи террора. Для Швейцера центральный терроръ былъ только однимъ изъ проявленій планомѣрной партійной борьбы, и Боевая Организациа — только однимъ изъ учрежденій Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Хотя Каляевъ впоследствии, въ рѣчи своей на судѣ, сталъ на эту же точку зрѣнія, въ дѣйствительности, онъ держался иной. Онъ полагалъ, какъ и мы, что Цен-

тральный терроръ — важнѣйшая задача даннаго историческаго момента, что передъ этой задачей блѣднѣютъ всѣ остальные партійныя цѣли, что для успѣха террора должно и можно поступиться успѣхомъ всѣхъ другихъ предпріятій, что Боевая Организация, составляя часть Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, близкой ей по направленію и цѣлямъ, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общепартійное, даже внѣпартійное дѣло, — служить не той или иной программѣ и партіи, а всей русской революціи въ цѣломъ. Я добавлю къ этому, что не только Каляевъ, но и всѣ мы, не сочли бы себя вправѣ высказывать публично, на судѣ, такія мнѣнія: вступая въ Партію, мы брали на себя обязательство защищать на судѣ строго партійную точку зрѣнія.

Я помню мой разговоръ съ Каляевымъ по поводу прокламаціи Центрального Комитета, изданной послѣ 15-го іюля на французскомъ языкѣ въ Парижѣ: «Ко всѣмъ гражданамъ цивилизованнаго міра». Въ этой прокламаціи, между прочимъ, было такое заявленіе:

«Вынужденная рѣшительность нашихъ средствъ борьбы не должна ни отъ кого заслонять истину: сильнѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ, мы во всеуслышаніе порицаемъ, какъ это всегда дѣлали наши героическіе предшественники «Народной Воли», терроръ, какъ тактическую систему въ свободныхъ странахъ. Но въ Россіи, гдѣ деспотизмъ исключаетъ всякую открытую политическую борьбу, и знаетъ только одинъ произволъ, гдѣ нѣтъ спасенія отъ безответственной власти, самодержавной на всѣхъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы, — мы вынуждены противопоставить насилію тираніи силу революціоннаго права».

Каляевъ возмущался этимъ заявленіемъ. Онъ говорилъ:

— Я не знаю, что бы я дѣлалъ, если бы родился французомъ, англичаниномъ, вѣмцемъ. Вѣроятно не дѣлалъ бы бомбъ, вѣроятно, я бы вообще не занимался политикой... Но почему именно мы, Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ, т. е. партія террора, должны бросить камень въ итальянскихъ и французскихъ террористовъ? Почему именно мы отрекаемся отъ Луккена и Равашолы? Къ чему такая поспѣшность? Къ чему такая боязнь европейскаго мнѣнія? Не мы должны бояться, — насъ должны уважать. Терроръ — сила. Не намъ заявлять о нашемъ неуваженіи къ ней...

Я сказалъ ему на эти его слова то, что мнѣ сказалъ Швейцеръ:

— Янекъ, ты — анархистъ.

— Нѣтъ, но я вѣрю въ терроръ больше, чѣмъ во всѣ парламенты въ мірѣ. Я не брошу бомбу въ café, но и не мнѣ судить Равашолы. Онъ мнѣ болѣе товарищъ, чѣмъ тѣ, для кого написана прокламація.

Моисеенко былъ согласенъ съ Каляевымъ, Дулебовъ и Бо-ришанскій высказывались еще болѣе рѣзко. Рабочіе, они допускали всѣ средства въ борьбѣ съ наиболѣе опаснымъ врагомъ, —

съ буржуазіей. Дора Бриллиантъ молчаливо одобряла такое ихъ мѣтніе. Эти разногласія, конечно, мало отражались на нашихъ между собой отношеніяхъ. Въ Организациі въ общемъ продолжалъ царить прежній духъ взаимной любви и дружбы.

Тогда же въ Парижѣ состоялся рядъ совѣщаній нашего Комитета по вопросу о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Было рѣшено, что Организациа предприметь одновременно три дѣла: въ Петербургѣ на Петербургскаго Генераль-Губернатора, генерала Трепова, въ Москвѣ на Московскаго Генераль-Губернатора, Великаго Князя Сергѣя Александровича и въ Києвѣ на Києвскаго Генераль-Губернатора, генерала Клейгельса. Наличный составъ Организациі опредѣлялся лицами, бывшими въ то время за границей; Мацѣвскій былъ въ Россіи, и относительно него было неизвѣстно, приметъ ли онъ немедленное участіе въ боевой работѣ. Мацѣвскій такого участія не принялъ: онъ ушелъ въ Польскую Соціалистическую Партію. За исключеніемъ его и оставшагося за границей Азефа, Боевая Организациа состояла въ то время изъ: Доры Бриллиантъ, Дулебова, Борншанскаго, Каляева, Швейцера, Моисеенко, Ивановской, меня и Татьяны Леонтьевой.

Татьяна Александровна Леонтьева, живя въ Женевѣ, черезъ Брешковскую предложила свои услуги Боевой Организациі. И на меня, и на Каляева она сдѣлала впечатлѣніе, похожее на то, которое дѣлала при первыхъ встрѣчахъ Дора Бриллиантъ. Съ перваго же слова въ Леонтьевой чувствовалась неисчерпаемая преданность революціи и готовность во имя ея на жертву. Особенно понравилась она Каляеву, я же вѣрилъ его чутью и потому не колебалась, высказался за пріемъ ея въ члены Организациі. Леонтьева могла быть полезной дѣлу террора не только своею готовностью отдать за него жизнь. Дочь Якутскаго Вице-Губернатора, аристократка по матери, и по матери же связанная съ богатымъ и чиновнымъ Петербургомъ, она могла надѣяться быть представленной ко Двору, и въ счастливомъ случаѣ, получить званіе фрейлины. Она еще не потеряла своей легальности, ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ замѣшана не была, и въ глазахъ полиціи не могла казаться опасной. Ея присутствіе въ Организациі давало намъ возможность имѣть изъ хорошаго источника необходимыя для насъ свѣдѣнія о министрахъ и великихъ князьяхъ. Предполагалось, поэтому, что ея роль пока и ограничится упроченіемъ ея петербургскихъ связей и сообщеніемъ намъ такихъ свѣдѣній.

Было рѣшено, что въ Петербургъ поѣдетъ Швейцеръ, и станетъ во главѣ покушенія на Трепова. Изъ старыхъ членовъ Организациі вмѣстѣ съ нимъ должны были принять участіе въ этомъ покушеніи Дулебовъ и Ивановская, изъ новыхъ: Леонтьева и рядъ товарищей, частью намѣченныхъ на этихъ же совѣщанійхъ, частью кооптированныхъ въ Россіи Швейцеромъ по праву, данному ему Комитетомъ. Петербургскій отдѣлъ Боевой Организациі впослѣдствіи включилъ еще въ свой составъ: Басова, Шил-

лерова, Подвицкого, Трофимова, Загородняго, Маркова, Барочкова и нѣкаго рабочаго изъ Бѣлостока. извѣстнаго подъ именемъ «Саша Бѣлостокскаго». Задача Швейцера, сама по себѣ очень трудная, осложнилась еще тѣмъ, что члены его отдѣла были мало знакомы между собой, и большинство изъ нихъ не имѣло никакого боевого опыта. Кромѣ того, «Саша Бѣлостокскій» оказался человѣкомъ для Боевой Организациі непригоднымъ.

Кіевскій отдѣлъ Боевой Организациі былъ порученъ, по настоянію Азефа, Боришанскому. Ему также было предоставлено право кооптаціи новыхъ членовъ, но всего въ количествѣ двухъ человѣкъ, и то исключительно изъ лично и хорошо ему знакомыхъ рабочихъ по Бѣлостоку—изъ намѣтившейся уже тогда Бѣлостокской боевой дружины. Боришанскій кооптировалъ супруговъ Казакъ.

Наконецъ, мнѣ было поручено покушеніе на великаго князя Сергѣя Александровича. Со мной въ Москву должны были ѣхать Дора Бриллиантъ, Каляевъ и Моисеенко. Я тоже имѣлъ право пополнить свой отдѣлъ, но всего только однимъ человѣкомъ, указаннымъ мнѣ Азефомъ. Онъ рекомендовалъ мнѣ стараго народовольца, рабочаго Х., о которомъ, по его словамъ, можно было справиться въ Баку.

Для всѣхъ трехъ отдѣловъ планъ покушенія былъ принять одинъ и тотъ же,—тотъ, который былъ принять и въ дѣлѣ Плеве. Предполагалось учредить наружное наблюденіе за Треповымъ, великимъ княземъ Сергѣемъ и Клейгельсомъ, и затѣмъ убить ихъ на улицѣ. Для цѣлей наблюденія должны были, какъ и раньше, служить извозчики и уличные торговцы. Въ частности, въ Москвѣ извозчиками должны были быть Моисеенко и Каляевъ.

Успѣхъ дѣла Плеве не оставлялъ въ насъ сомнѣній въ успѣхѣ и предпринимаемыхъ нами покушеній. Мы не задумывались ни надъ тѣмъ, что петербургскій отдѣлъ будетъ состоять изъ неопытныхъ людей, ни надъ тѣмъ, что отдѣлъ Боришанскаго слишкомъ малочисленъ. Мы были твердо увѣрены, что при отсутствіи провокаціи, предпринятая нами дѣла должны увѣнчаться успѣхомъ.

Послѣ совѣщаній Каляевъ и Моисеенко уѣхали въ Брюссель, я же остался въ Парижѣ, ожидая паспорта и динамита. Паспорты я и Швейцерь получили англійскіе, я на имя — Джемса Галлея, Швейцерь на имя Артура Макъ-Куллона. Впослѣдствіи, послѣ смерти Швейцера, въ Лондонѣ состоялся судъ надъ Макъ-Куллономъ и посредникомъ между нимъ и нами — Бредсфордомъ, по обвиненію ихъ въ незаконной передачѣ паспортовъ русскимъ революціонерамъ. Оба англичанина были приговорены къ денежному штрафу по 100 фунтовъ каждый, и штрафъ этотъ былъ внесенъ Боевой Организацией. Въ то время Боевая Организациа обладала значительными денежными средствами: пожертвованія послѣ убійства Плеве исчислялись многими десятками тысячъ рублей. Часть этихъ денегъ отдавали Партіи на общепартійныя дѣла.

Въ началѣ ноября члены Боевой Организациі выѣхали въ

Росію. Динамитъ былъ уже готовъ, и мы подъ платьемъ перевезли его черезъ границу. Черезъ нѣсколько дней Каляевъ, Моисеенко, Дора Бриллиантъ и я встрѣтились въ Москвѣ. Боришанскій и Швейцеръ раздѣлили между собою динамитъ въ Варшавѣ.

III.

Начиная дѣло великаго князя Сергѣя, мы пользовались опытомъ покушенія на Плеве. Московскій Комитетъ долженъ былъ располагать нѣкоторыми цѣнными свѣдѣніями о Генераль-Губернаторѣ. Мы предпочли отказать отъ нихъ: мы не желали вступать въ какія бы то ни было сношенія съ комитетскими работниками. Степень конспиративности и революціонной опытности послѣднихъ была намъ неизвѣстна, и мы боялись знакомствомъ съ ними навести полицію на слѣдъ нашего покушенія. Поэтому Московскій Комитетъ долгое время не подозрѣвалъ, что въ Москву прибыли и работаютъ члены Боевой Организациі. Мы же, полагаясь на собственные силы, самостоятельно начали наблюденіе.

Предстояло прежде всего узнать, гдѣ живетъ Генераль-Губернаторъ. Это было извѣстно каждому москвичу, но ни одинъ изъ насъ москвичемъ не былъ. Мы колебались, какой изъ дворцовъ великаго князя взять исходной точкой для наблюденія: Генераль-ли Губернаторскій домъ на Тверской, Николаевскій или Нескучный дворцы. Въ адресъ-календарѣ мы не могли найти указаній, спросить же намъ было не у кого, если не у членовъ Московскаго Комитета.

Моисеенко разрѣшилъ эту задачу. Онъ поднялся на колокольню Ивана Великаго и началъ спрашивать сопровождавшаго его сторожа о достопримѣчательностяхъ Москвы. Въ разговорѣ онъ попросилъ указать ему дворецъ Генераль-Губернатора. Сторожъ указалъ на Тверскую площадь и сообщилъ, что великій князь живетъ именно тамъ.

Такимъ образомъ мы узнали нужный намъ адресъ. Теперь предстояло установить выѣзды великаго князя. Моисеенко и Каляевъ купили лошадей и сани и записались извозчиками. Я не сомнѣвался, что Каляевъ справится со своей задачей: его опытъ уличнаго торговца долженъ былъ ему помочь и на извозничьемъ дворѣ. Но Моисеенко не имѣлъ опыта. Кромѣ того, онъ происходилъ изъ состоятельной семьи, и не привыкъ ни къ физическому труду, ни къ тяжелымъ условіямъ жизни. Несмотря на это, онъ очень быстро освоился со своимъ положеніемъ.

Моисеенко и Каляевъ купили сани въ одно и то же время, и за лошадей заплатили одни и тѣ же деньги, но даже по внѣшности они значительно отличались другъ отъ друга.

Моисеенко ѣздилъ на заѣзженной, захудалой лошаденкѣ, которая кончила тѣмъ, что упала за Тверской заставой. Сани у него были подержанныя и грязныя, полость рваная и облѣзлая. Самъ онъ имѣлъ видъ нищаго московскаго Ваньки. У Каляева была

сытая, крѣпкая лошадь, сани были съ мѣховою полостью. Онъ подпоясывался краснымъ шелковымъ кушакомъ, и въ немъ не трудно было угадать извозчика-хозяина. Зато на дворахъ ихъ роли мѣнялись. Моисеенко почти не давалъ себѣ труда надѣвать маску. На разпросы извозчиковъ о его біографіи онъ не удостоивалъ отвѣчать; по воскресеньямъ уходилъ на цѣлый день изъ дому; для мелкихъ услугъ и для ухода за лошадью нанималъ босняка; съ дворникомъ держалъ себя независимо и давалъ понять, что имѣетъ деньги. Такой образъ дѣйствій пріобрѣлъ ему уваженіе извозчиковъ. Каляевъ держался совсѣмъ другой тактики. Онъ былъ застѣнчивъ и робокъ, подолгу и со всевозможными подробностями рассказывалъ о своей прежней жизни,—лакая въ одномъ изъ Петербургскихъ трактировъ, былъ очень набоженъ и скупъ, постоянно жаловался на убытки и прикидывался дурачкомъ тамъ, гдѣ не могъ дать точныхъ и понятныхъ отвѣтовъ. На дворѣ къ нему относились съ оттѣнкомъ пренебреженія и начали его уважать много позже, только убѣдившись въ его исключительномъ трудолюбіи: онъ самъ ходилъ за лошадью, самъ мылъ сани, выѣзжалъ первый и возвращался на дворъ послѣднимъ. Какъ бы то ни было, и Каляевъ, и Моисеенко разными путями достигли одного и того же: ихъ товарищи-извозчики, конечно, не могли заподозрить, что оба они,—не крестьяне, а бывшіе студенты, члены Боевой Организациі, наблюдающіе за великимъ княземъ Сергѣемъ.

На работѣ они соперничали другъ съ другомъ. Каляевъ, какъ и передъ убійствомъ Плеве, выстоявъ опредѣленные по общему плану часы, на назначенной улицѣ, не прекращалъ наблюденія. Весь остатокъ дня онъ продолжалъ наблюдать, руководствуясь уже своими собственными соображеніями. И ему удавалось неравъ видѣть великаго князя на такой улицѣ и въ такой часъ, гдѣ и когда его можно было ожидать всего менѣе. У Моисеенко тоже былъ свой планъ. Независимо отъ Каляева, онъ приводилъ его въ исполненіе. Но онъ мало бѣдпль по улицамъ. Чисто логическимъ путемъ онъ приходилъ къ выводу, что великій князь неизбѣжно выѣдетъ въ опредѣленное время, и старался быть на Тверской какъ разъ въ эти часы. Такимъ образомъ его наблюденіе дополняло наблюденіе Каляева и наоборотъ.

Трудный вопросъ о систематическихъ свиданіяхъ со мной,—о свиданіяхъ барина-англичанина съ извозчиками, они тоже рѣшали неодинаково. Каляевъ предпочиталъ видѣться въ саняхъ, хотя съ козелъ было неудобно сговариваться о наблюденіи, и морозъ не позволялъ долгихъ свиданій. Только изрѣдка и заранѣе обдумавъ предлогъ для извозничьяго двора, Каляевъ по воскресеньямъ приходилъ ко мнѣ въ трактиръ Бакастова у Сухаревой башни. Эти свиданія были праздниками для насъ. Мы могли провести вмѣстѣ два-три часа, обсудить всѣ подробности дѣла и подумать о будущемъ. Каляевъ много говорилъ о своей работѣ и неравъ повторялъ, что онъ счастливъ, и что съ нетерпѣніемъ ждетъ покушенія. Моисеенко почти не встрѣчался со мной на улицѣ. Не

удостаивая объясняться у себя на дворѣ, онъ надѣвалъ свою праздничную поддевку и вечеромъ шелъ на свиданіе со мной въ трактиръ, въ манежъ или циркъ. Онъ холодно и спокойно рассказывалъ о великомъ князѣ, но за этимъ наружнымъ спокойствіемъ скрывало такъ же, какъ у Каляева, увлеченіе работой. Объ убійствѣ онъ говорилъ сдержанно, и всегда предполагалъ, что непосредственнымъ участникомъ его будетъ онъ самъ. И съ Моисеенко, и съ Каляевымъ я въ подробностяхъ обсуждалъ каждый шагъ нашей общей работы.

Каляевъ такъ рассказывалъ о своей жизни:

— Сдѣлалъ я себѣ паспортъ на имя Подольскаго крестьянина, хохла, Осипа Ковалю, — хохла, чтобы объяснить мой польскій акцентъ. И вѣдь бываетъ такое несчастіе. Вечеромъ спрашиваетъ дворникъ — ты какой, говоритъ, губерніи? Я, говорю дальній, подольскій я. Ну, — говоритъ, — земляки будемъ... Я самъ, молъ, подольскій. А какого уѣзда? — Я говорю, — я ушницкій. Обрадовался дворникъ: — вотъ такъ разъ, говоритъ, и я вѣдь тоже ушницкій. Сталъ онъ меня спрашивать, какой волости, какого села, слышалъ ли про ярмарку въ Голодаевкѣ, знаешь ли деревню Небловку? Ну, да вѣдь меня не поймаетъ. Я раньше, чѣмъ паспортъ писать, зашелъ въ Румянцевскую бібліотеку, прочиталъ про Ушницкій уѣздъ, — смѣюсь. Какъ не знать, говорю, бывали, — а ты, говорю, въ городѣ то бывалъ, въ Ушицѣ то есть, соборъ, говорю, видѣлъ? Еще оказалось, что я лучше дворника родину знаю...

Моисеенко говорилъ иное:

— Подходить ко мнѣ на дворѣ какой то босаякъ. — Ты откуда, землякъ, будешь? Я посмотрѣлъ на него, говорю: изъ Портъ-Артура я. Онъ и глаза раскрылъ: изъ Портъ-Артура? Ну? А я на него не гляжу, лошади хомутъ надѣваю. Постоялъ онъ, чешетъ въ затылкѣ: а чего ты, говоритъ, бритый? А у меня голова, видишь, стриженная, не по извозничьему положенію. — Бритый? говорю. Въ солдатахъ былъ, въ больницѣ въ тифу лежалъ, теперь съ дуракомъ разговариваю... Опять гляжу, — чешетъ въ затылкѣ, потомъ говоритъ: — ну и вижу я — птица ты, въ солдатахъ служилъ, въ Портъ-Артурѣ былъ, въ тифу въ больницѣ лежалъ... и съ тѣхъ поръ шапку передо мной ломаетъ.

Несмотря на малочисленность Организациі, наблюденіе, благодаря нашему прежнему опыту, шло очень успѣшно. Вскорѣ былъ установленъ въ точности выѣздъ великаго князя. Каляевъ рассказывалъ о немъ такъ же подробно, какъ нѣкогда о каретѣ Плеве. Отличительными чертами великокняжеской кареты были бѣлыя возжи, и бѣлые, яркіе, ацетиленовые огни фонарей. Такихъ огней больше ни у кого въ Москвѣ не было. Только великій князь и его жена, великая княгиня Елизавета ѣздили съ такимъ освѣщеніемъ. Это нѣсколько усложняло нашу задачу, — можно было ошибиться и принять карету великой княгини за карету великаго князя. Но Каляевъ и Моисеенко пазучили великокняжескихъ

кучеровъ, и по кучерамъ брались безошибочно опредѣлить, кто именно ѣдетъ въ каретѣ.

Установленіе выѣзда было, однако, еще недостаточно. Необходимо было установить, куда и когда ѣздитъ великій князь. Вскорѣ намъ удалось выяснитъ, что, живя въ домѣ Генераль-Губернатора, онъ часто, раза два-три въ недѣлю, въ одни и тѣ же часы, ѣздитъ въ Кремль. Такимъ образомъ уже черезъ мѣсяцъ, къ началу декабря, наблюденіе въ главныхъ чертахъ было закончено. Я предупредилъ объ этомъ Дору Бриллиантъ, хранившую динамитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Тогда же, въ началѣ декабря, я уѣхалъ въ Баку, чтобы увидѣться тамъ съ рекомендованнымъ мнѣ Азефомъ народовольцемъ Х. Въ Баку я разыскалъ членовъ мѣстнаго комитета, въ томъ числѣ Марію Алексѣевну Прокофьеву, невѣсту Сазонова, впоследствии въ 1907 г., судившуюся вмѣстѣ съ Никитенко и Синявскимъ по процессу о заговорѣ на царя. Отъ нея и отъ М. О. Лебедевой я узналъ, что разыскиваемого мной Х. въ Баку нѣтъ, и что онъ едва ли склоненъ принять участіе въ террористическомъ предпріятіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лебедева указала мнѣ на Петра Александровича Куликовского, бывшего студента С.-Пб. Учительскаго Института, а въ то время члена Бакинскаго комитета. Она сообщила мнѣ, что Куликовскій давно проситъ рекомендовать его въ Боевую Организацию и что онъ лично и хорошо извѣстенъ не только ей, но и остальнымъ Бакинскимъ товарищамъ. Тамъ же, въ Баку, я увидѣлся съ нимъ.

Куликовскій былъ человѣкъ выше средняго роста, въ очкахъ. съ большими и добрыми, на выкатѣ глазами. На первомъ же свиданіи онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ работать въ террорѣ. Чтобы убѣдиться въ силѣ его желанія, я сталъ разубѣждать его. Я говорилъ ему то же самое, что когда то говорилъ Дыдынскому, — что въ террорѣ долженъ идти только тотъ, для кого нѣтъ психической возможности участвовать въ мирной работѣ, и что никогда не слѣдуетъ торопиться съ такимъ рѣшеніемъ. Куликовскій твердо стоялъ на своемъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ убѣжденнымъ и искреннимъ. Послѣ нѣсколькихъ свиданій я условился съ нимъ, что онъ немедленно выѣдетъ въ Москву.

Вернувшись изъ Баку, я узналъ отъ Моисенко и Каляева слѣдующее: 5-го и 6-го декабря въ Москвѣ произошли извѣстныя студенческія демонстраціи. Московскій комитетъ выпустилъ по этому поводу заявленіе, съ прямой угрозой великому князю. Комитетъ, какъ выше было указано, и не подозревалъ о нашемъ присутствіи въ Москвѣ, и, угрожая, бралъ на себя инициативу убійства. Мы не знали объ этомъ его заявленіи. Вотъ оно:

«Московскій Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ считаетъ нужнымъ предупредить, что если назначенная на 5-ое и 6-ое декабря политическая демонстрація будетъ сопровождаться такой же звѣрской расправой со стороны властей и полиціи, какъ это было еще на дняхъ въ Петербургѣ, то вся от-

вѣтственность за авѣрства падеть на головы Генераль-Губернатора Сергѣя и полицеймейстера Трепова. Комитетъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы казнить ихъ».

Вскорѣ послѣ появленія этой прокламаціи великій князь неожиданно и неизвѣстно куда выѣхалъ изъ дома Генераль-Губернатора. Передъ нами стояла задача отыскать его новое мѣсто-жительство. Мы стали наблюдать за Николаевскимъ, Нескучнымъ и даже старымъ Басманнымъ, дворцами. Каляеву удалось увидѣть великокняжескую карету у Калужскихъ воротъ. Мы вывели изъ этого заключеніе, что великій князь живетъ въ Нескучномъ Дворцѣ, и не ошиблись.

Я и до сихъ поръ не знаю, чему приписать внезапный переѣздъ великаго князя,—простой ли случайности, свѣдѣніямъ ли, полученнымъ имъ о нашей Организациі, или заявленію Московскаго комитета. Я лично склоняюсь къ послѣднему мнѣнію. Великій князь не могъ же посчитаться съ угрозой Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, а въ Нескучномъ дворцѣ онъ чувствовалъ себя безопаснѣе, чѣмъ на Тверской. Однако, опасность для него не уменьшилась. Путь для нашего наблюденія было больше,— вмѣсто короткаго пути отъ Тверской площади до Кремля великому князю приходилось дѣлать дорогу въ нѣсколько верстъ: отъ Нескучнаго къ Калужскимъ воротамъ и затѣмъ къ Москвѣ рѣкѣ черезъ Пятницкую, Большую Якиманку, Полянку или Ордынку. На этомъ длинномъ пути можно было наблюдать цѣлый день, не навлекая на себя никакихъ подозрѣній. Вскорѣ Моисенко и Каляевъ установили, что великій князь продолжаетъ ѣздить въ Кремль, но въ разные дни и часы, хотя почти всегда одной и той же дорогой,—по Большой Полянкѣ.

Между тѣмъ деньги, привезенныя нами изъ-за границы, приходили къ концу. Нѣсколько разъ намъ оказывалъ помощь присяжный повѣренный В. А. Ждановъ, мой хорошій знакомый еще по Вологодской ссылкѣ, впослѣдствіи защищавшій Каляева, и еще позже въ 1907 г. осужденный по социаль-демократическому дѣлу на четыре года каторжныхъ работъ. Я написалъ Азефу въ Парижъ, съ просьбой выслать немедленно денегъ. Но деньги не приходили. Обращаться въ Московскій комитетъ мы ни въ какомъ случаѣ не желали. Подумавъ, я рѣшился на слѣдующее.

Я зналъ, что Ждановъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ прис. пов. П. Н. Малянтовичемъ, лично мнѣ тогда неизвѣстнымъ. Я явился къ послѣднему на квартиру въ часы его дѣловыхъ приемовъ и попросилъ доложить, что пришелъ помѣщикъ Кшесинскій по дѣлу. Продавъ часа два, вмѣстѣ съ другими просителями въ приемной, я, наконецъ, былъ приглашенъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ я объяснилъ Малянтовичу, что я—хорошій знакомый Жданова, и знаю, что онъ, Малянтовичъ, тоже его хорошій знакомый; что мнѣ нужны деньги, и что я прошу его ссудить мнѣ 200 рублей на недѣлю, подъ поручительство Жданова.

Малянтовичъ съ удивленіемъ слушалъ меня.

— Но вѣдь Жданова нѣтъ въ Москвѣ,—сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ, что еслибы Ждановъ былъ въ Москвѣ, то я и обратился бы къ нему, а не къ человѣку, мнѣ совершенно незнакомому. Малянтовичъ слушалъ съ все возрастающимъ удивленіемъ.

— Ваша фамилія Кшесинскій?—спросилъ онъ.

Я сказалъ:

— Это все равно, какъ моя фамилія.

Малянтовичъ внимательно посмотрѣлъ на меня. Потомъ онъ сказалъ:

— Хорошо. У меня нѣтъ сейчасъ денегъ, но зайдите дня черезъ два.

Черезъ два дня я, дѣйствительно, получилъ отъ него 200 рублей. Много позже, защищая меня въ Севастополѣ, Малянтовичъ, вспомнилъ объ этомъ случаѣ; онъ рассказалъ мнѣ, что долго колебался, давать ли мнѣ деньги: онъ не догадывался, что я революціонеръ, и не понималъ, что значить мое обращеніе къ нему, человѣку мнѣ незнакомому.

Въ концѣ декабря въ Москву пріѣхалъ гражданскій инженеръ А. І. Успенскій, часто оказывавшій услуги Боевой Организациі, и привезъ денегъ. Отъ Азефа я тоже получилъ чекъ. Долгъ Малянтовичу былъ уплаченъ. Тогда же въ Москву пріѣхалъ членъ Центрального Комитета Н. С. Тютчевъ. Переговоривъ съ нимъ, я рѣшилъ во избѣжаніе недоразумѣнія, объяснить съ Московскимъ Комитетомъ по поводу упомянутой выше прокламаціи. Съ большими предосторожностями я встрѣтился съ однимъ изъ членовъ его, Владиміромъ Михайловичемъ Зензиновымъ, впоследствии работавшимъ одно время въ Боевой Организациі. Я спросилъ Зензинова, готовитъ ли Московскій Комитетъ покушеніе на великаго князя?

— Да, готовить,—отвѣтилъ Зензиновъ.

— Имѣетъ ли Комитетъ какія либо свѣдѣнія объ образѣ его жизни, и производитъ ли наблюденіе?

Зензиновъ рассказалъ мнѣ обо всѣхъ приготовленіяхъ, слѣдланыхъ Комитетомъ. Комитетъ былъ, конечно, не въ силахъ убить великаго князя, и его работа могла только помѣшать нашей. Я сказалъ объ этомъ Зензинову, и отъ имени Боевой Организациі просилъ прекратить всякое наблюденіе. Черезъ день Зензиновъ былъ арестованъ по комитетскому дѣлу, и я имѣлъ случай лишній разъ убѣдиться, какъ важно для успѣха террористическаго предпріятія полное его обособленіе. За Зензиновымъ, конечно, слѣдили уже въ день моего съ нимъ свиданія, при болѣе наблюдательности филеры могли прослѣдить и меня, а черезъ меня и весь нашъ немногочисленный отдѣлъ.

Приблизительно въ это же время пріѣхалъ въ Москву Куликовскій. Вспоминая свой печальный опытъ съ Дыдынскимъ, я еще разъ сталъ убѣждать его отказаться отъ своего рѣшенія. Но, Куликовскій, какъ и въ Баку, настойчиво возражалъ мнѣ.

Онъ и на этотъ разъ показался мнѣ человѣкомъ, искренне преданнымъ дѣлу террора. Я и до сихъ поръ думаю, что я тогда не ошибся.

Было рѣшено, что Куликовскій будетъ наблюдать въ качествѣ уличнаго торговца. Наблюденіе ему не давалось. Этому мѣшали и его неопытность, и его близорукость. Онъ такъ и не сталъ торговцемъ, а безъ лотка и товара, въ поддевкѣ и картузѣ, наблюдалъ выѣздъ великаго князя у Калужскихъ воротъ. Онъ видѣлъ вѣсколько разъ великокняжескую карету, и этого было, конечно, довольно, чтобы имѣть возможность участвовать въ покушеніи.

Дора Брилліантъ, жившая частью въ Москвѣ, частью по конспиративнымъ причинамъ въ Нежнсмъ-Новгородѣ, тяготилась своимъ бездѣйствіемъ. Дѣйствительно, ея роль была чисто пассивная. Она хранила въ одиночествѣ динамитъ. Она еще болѣе замкнулась въ себя и сосредоточенно ожидала часа, когда поведется ея работа.

IV.

10 января въ Москвѣ получились первыя извѣстія о Петербургскихъ событіяхъ. Великій князь переѣхалъ въ Нескучнаго въ Николаевскій дворецъ. Его переѣздъ помѣшалъ нашей работѣ. Наблюденіе за Нескучнымъ дворцомъ уже дало намъ вполне опредѣленные результаты: мы выяснили, что великій князь ѣздитъ въ Кремль обычно по средамъ и пятницамъ, и во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю отъ двухъ до пяти часовъ пополудни. Мы уже намѣревались приступить къ покушенію. Теперь приходилось начинать наблюденіе сначала, и что еще хуже, наблюдать въ самомъ Кремлѣ. Мы не знали, когда и куда будетъ ѣздить великій князь, т. е. черезъ какія изъ Кремлевскихъ воротъ. Намъ было немного, и слѣдить по ту сторону Кремлевскихъ стѣнъ мы поэтому не могли. Приходилось, волей-неволей, наблюдать внутри ихъ, на глазахъ у великокняжеской охраны. Монссенко, со своей обычной смѣлостью, въ первый же день остановился у самой Царь-Пушки, гдѣ почти никогда извозчики не стоятъ. Отъ Царь-Пушки былъ видѣнъ Николаевскій дворецъ, слѣдовательно выѣздъ великаго князя не могъ пройти незамѣченнымъ. Городовые и филеры не обратили вниманія на извозчика, и съ тѣхъ поръ мы стали слѣдить почти у самыхъ воротъ дворца.

Вскорѣ наблюденіе установило, что великій князь ѣздитъ часто черезъ Никольскія ворота. Поѣздки эти бывали въ разные дни, но въ тѣ же часы, что и раньше: не ранѣе 2-хъ и не позже 5-ти. Мы стали наблюдать у Иверской и очень быстро установили, куда ѣздитъ великій князь: онъ ѣздилъ въ свою канцелярію въ домъ Генералъ-Губернатора на Тверской. Каляеву удалось видѣть однажды его пріѣздъ. Великій князь пріѣхалъ не съ главнаго крыльца, выходящаго на площадь, а съ подѣзда, что

въ Чернышевскомъ переулкѣ. Несмотря на такія точныя данныя, свѣдѣній для покушенія было, по нашему мнѣнію, еще недостаточно. Невозможно было караулить великаго князя нѣсколько дней подрядъ, невозможно было ожидать его ежедневно, съ бомбами въ рукахъ по 2—3 часа на Тверской и въ Кремлѣ. Между тѣмъ, регулярныхъ выѣздовъ у него больше не было, и намъ оставалась единственная надежда — узнать заранее изъ газетъ, въ которомъ часу и куда онъ поѣдетъ. Великій князь ѣздилъ нерѣдко на официальные торжества: въ театръ, на торжественныя богослуженія, на открытіе больницъ и богоугодныхъ заведеній и т. п. Но газеты не всегда давали точныя свѣдѣнія. Необходимо было подумать, какъ отыскать источникъ вѣрныхъ и заблаговременныхъ указаній.

Пока мы обдумывали подробности покушенія, въ Москву неожиданно приѣхалъ инженеръ-технологъ Петръ Моисеевичъ Рутенбергъ.

Рутенберга я зналъ давно, еще съ университетской скамьи. Онъ вмѣстѣ со мной былъ членомъ группъ «Соціалистъ» и «Рабочее Знаніе», вмѣстѣ со мной былъ привлеченъ къ дѣлу и содержался въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Дѣло его окончилось полицейскимъ надзоромъ, отбывъ который онъ поступилъ на Путиловскій заводъ инженеромъ. На заводѣ онъ приобрѣлъ любовь и уваженіе рабочихъ, и 9-го января, вмѣстѣ съ Георгіемъ Гапономъ, пошелъ къ Зимнему Дворцу въ первыхъ рядахъ. У Нарвскихъ воротъ онъ выдержалъ залпъ пѣхоты, поднялъ лежавшаго на землѣ Гапона, увелъ его съ собой съ Нарвскаго шоссе, и черезъ нѣсколько дней отправилъ изъ Петербурга въ деревню, чтобы скрыть его отъ полиціи. Онъ, конечно, тоже разыскивался полиціей, и приѣхалъ ко мнѣ въ Москву нелегально. Явку мою онъ узналъ отъ А. Г. Успенскаго.

Рутенбергъ встрѣтилъ меня словами:

— Въ Петербургѣ возстаніе.

Онъ рассказалъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ то, что произошло въ Петербургѣ, рассказалъ и про Гапона, упомянувъ о его желаніи выѣхать за границу. Я предложилъ мой запасной внутрѣнный паспортъ и обѣщалъ достать заграничный. Рутенбергъ черезъ нѣсколько дней отослалъ тотъ и другой Гапону, но послѣдній не воспользовался ими: не дождавшись Рутенберга, онъ уѣхалъ изъ деревни и бѣжалъ безъ паспорта за границу.

Впечатлѣніе отъ Петербургскихъ событій было громадно. Неожиданное выступленіе Петербургскихъ рабочихъ, со священникомъ во главѣ, дѣйствительно, давало иллюзію начавшейся революціи. Рутенбергъ рассказывалъ о баррикадахъ на Васильевскомъ Островѣ, о непрекращающемся волненіи рабочихъ, о подъемѣ общественныхъ силъ и выражалъ твердую увѣренность, что 9-е января только начало событій, еще болѣе значительныхъ и широкихъ. Онъ убѣждалъ меня, поэтому, ѣхать немедленно въ

Петербургъ и попытаться соединить Боевую Организацию съ рабочей массой.

— Въѣдъ у васъ есть чтонибудь въ Петербургѣ?—спрашивалъ онъ у меня,

Я далъ ему уклончивый отвѣтъ, не имѣя права рассказывать о предпріятіи Швейцера.

— Но бомбы то есть?

— Бомбы есть.

— Ну такъ ѣдемъ... Съ бомбами многое можно сдѣлать.

Я посоветовался съ Каляевымъ, Моисеенко и Бриллиантъ и рѣшилъ послушаться Рутенберга, съѣздить въ Петербургъ, чтобы убѣдиться на мѣстѣ, можно ли чѣмънибудь помочь выступленію рабочихъ. Рутенбергъ ожидалъ новыхъ и рѣшительныхъ столкновений съ войсками.

12 января я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно разыскалъ Швейцера. Онъ подтвердилъ мнѣ все, что говорилъ Рутенбергъ, но прибавилъ, что, по его мнѣнію, никакихъ выступлений въ ближайшемъ будущемъ быть не можетъ, что рабочіе обезсилены потерями, и что всѣ попытки поднять упавшее движеніе неизбежно окончатся неудачей. Тогда же Швейцеръ рассказалъ мнѣ слѣдующее. Положеніе Татьяны Леонтьевой въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ укрѣпилось настолько, что ей было сдѣлано предложеніе продавать цвѣты на одномъ изъ тѣхъ придворныхъ баловъ, на которыхъ бываетъ царь. Балъ этотъ долженъ былъ состояться въ двадцатыхъ числахъ декабря. Леонтьева предложила убить царя на балу, и Швейцеръ согласился на это. Балъ, однако, былъ отмененъ. Вопросъ о царевубійствѣ еще не подымался тогда въ Центральномъ Комитетѣ и Боевая Организациія не имѣла въ этомъ отношеніи никакихъ полномочій. Швейцеръ, давая свое согласіе Леонтьевой, несомнѣнно нарушалъ партійную дисциплину. Онъ спрашивалъ меня, какъ я смотрю на его согласіе, и далъ ли бы я такое же. Я отвѣтилъ, что для меня, какъ и для Каляева, Моисеенко и Бриллиантъ, вопросъ объ убійствѣ царя рѣшенъ давно, что для насъ это вопросъ не политики, а боевой техники, и что мы могли бы только привѣтствовать его соглашеніе съ Леонтьевой, видя въ этомъ полную солидарность ихъ съ нами. Я сказалъ также, что, по моему мнѣнію, царя слѣдуетъ убить даже при формальномъ запрещеніи Центрального Комитета.

Швейцеръ рассказалъ мнѣ еще слѣдующее. Наблюдая за Треповымъ, Петербургскій отдѣлъ Боевой Организациіи случайно установилъ день, часъ и маршрутъ выѣздовъ министра юстиціи Муравьева. Швейцеръ, дѣйствовавшій въ вопросѣ убійства царя самостоятельно, почему то счелъ нужнымъ на этотъ разъ испросить разрѣшеніе Партіи. Кромѣ члена Центрального Комитета Тютчева, въ Петербургѣ находилась въ то время и Ивановская, не принимавшая еще участія въ покушеніи на Трепова и близкая къ Центральному Комитету. Швейцеръ сообщилъ имъ, что

наблюденіе за Муравьевымъ закончено, и что 12-го января, въ среду, возможно приступить къ покушенію. Онъ просилъ ихъ совѣта. И Тютчевъ и Ивановская рѣшительно высказались противъ убійства министра юстиціи. Они доказывали, что смерть его не можетъ имѣть серьезнаго вліянія на ходъ общей политики, и что Боевая Организациа не должна тратить силы на такіе, второстепенной важности, акты. Швейцеръ на свой страхъ не рѣшился убить Муравьева, и 12-го января министръ, не потревоженный никѣмъ, по обыкновенію проѣхалъ въ Царское Село къ царю. Я и до сихъ поръ думаю, что этотъ совѣтъ Ивановской и Тютчева былъ ошибкой. Я думаю, что убійство Муравьева и само по себѣ могло имѣть значеніе большое, непосредственно же послѣ 9-го января оно приобрѣтало особую важность.

Выслушавъ Швейцера, я спросилъ:

— Если наблюденіе за Муравьевымъ уже закончено, почему вы не можете убить его 19-го, въ среду, — вѣдь онъ опять поѣдетъ къ царю?

— А Центральный Комитетъ?—отвѣтилъ мнѣ Швейцеръ.

— Во-первыхъ — Тютчевъ не весь Центральный Комитетъ, а во-вторыхъ — нельзя же теперь сноситься съ Женевой.

Швейцеръ задумался.

— Вы думаете убійство министра юстиціи будетъ имѣть значеніе?

Я сказалъ, что, если есть случай убить Муравьева, то нельзя не воспользоваться имъ уже потому, что неизвѣстно, будутъ ли удачны покушенія на Трепова и вел. кн. Сергѣя. Швейцеръ согласился со мной.

19-го января состоялось покушеніе на Муравьева, но оно окончилось неудачей. Метальщиками были упомянуты выше «Саша Бѣлостоцкій» и Я. Загородній. Первый, наканунѣ покушенія, скрылся, сославшись на то, что за нимъ, яко бы слѣдять. Второй встрѣтилъ Муравьева, не могъ бросить бомбы, ибо карету министра загородили отъ него ломовые извозчики. А черезъ нѣсколько дней Муравьевъ вышелъ въ отставку, и покушеніе на него, дѣйствительно, потеряло смыслъ.

Случай съ «Сашей Бѣлостоцкимъ» еще разъ показалъ, какъ важенъ тщательный подборъ членовъ Организациа. Будь на мѣстѣ «Саши» Дулебовъ или Леонтьева, Муравьевъ, конечно, былъ бы убитъ.

Петербургскій отдѣлъ Боевой Организациа въ то время еще окончательно не сложился: во главѣ его стоялъ Швейцеръ. Леонтьева хранила динамитъ, Подвицкій и Дулебовъ были извозчиками, Трофимовъ посыльнымъ, «Саша Бѣлостоцкій» — папиросникомъ, пріѣхавшій же изъ заграницы Басовъ и только что рекомендованный Тютчевымъ Марковъ еще не имѣли опредѣленной профессіи. Не имѣли ея также Шиллеровъ и Барыковъ, только собиравшіеся принять участіе въ дѣлѣ Трепова.

11-го января въ Сестрорѣцкѣ былъ случайно арестованъ

Марковъ, подъ фамиліей Захаренко. При немъ было найдено письмо, не оставлявшее сомнѣнія въ его принадлежности къ Боевой Органпзаціи. Тамъ же, въ Сестротрѣцкѣ былъ арестованъ, подъ фамиліей Дормидонтова, Басовъ, прѣхавшій къ Маркову по порученію Швейцера. Швейцеръ этимъ арестомъ былъ огорченъ еще болѣе, чѣмъ неудачей 19 января, но замкнувшись въ себя, не выказывалъ этого наружно. Онъ съ прежней настойчивостью продолжалъ дѣло Трепова.

Онъ сообщилъ мнѣ тогда же, что ѣздилъ въ Кіевъ къ Боришанскому, что Кіевскій отдѣлъ уже приступилъ къ работѣ, но что больше никакихъ свѣдѣній о немъ онъ не виѣтъ.

Убѣдившись, что въ Петербургѣ мое присутствіе совершенно не нужно, и что въ ближайшемъ будущемъ нельзя ожидать новаго выступленія рабочихъ, я числа 15 января уѣхалъ съ Рутенбергомъ обратно въ Москву, куда прѣхала и Ивановская. Рутенбергъ, бывшій до сихъ поръ внѣ партіи, выразилъ теперь желаніе вступить въ Партію Соціалистовъ-Револуціонеровъ, и получивъ отъ насъ партійные пароли и заграничныя явки уѣхалъ за границу. Я рассказалъ Ивановской о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и просилъ ее указать мнѣ какое либо вліятельное лицо, способное давать намъ свѣдѣнія о великомъ князѣ.

Ивановская указала мнѣ князя N. N. Она предложила мнѣ зайти къ писателю Леониду Андрееву, который зналъ князя лично и могъ меня познакомить съ нимъ. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней я отправился въ Грузины, къ Андрееву. Ивановская не успѣла предупредить его о моемъ приходѣ, и онъ былъ очень удивленъ моей просьбой. Я ему назвалъ мою фамилію, и только тогда онъ рѣшился познакомить меня съ N. N. Мы должны были встрѣтиться съ послѣднимъ въ ресторанѣ «Эрмитажъ», гдѣ N. N. могъ узнать меня по условленнымъ признакамъ: на моемъ столѣ лежало «Новое Врмя» и букетъ цвѣтовъ.

Князь N. N. былъ выхоленный, крупный, румяный и бѣлый русскій баринъ. Онъ занималъ въ Москвѣ положеніе, которое давало ему легкую возможность узнавать о жизни великаго князя. Онъ былъ извѣстенъ, какъ либераль, но рѣдко выступалъ открыто. Впослѣдствіи онъ сталъ виднымъ членомъ ка-детской партіи. Когда онъ вошелъ въ ресторанъ, я по его тревожной походкѣ увидѣлъ, что онъ боится не слѣдять ли за нимъ или за мной. Этъ общало мнѣ мало хорошаго, но я все таки вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Я сказалъ ему, что слышалъ много о его сочувствіи революціи и спросилъ его, правда ли это?

— Да, правда,—отвѣчалъ онъ,—но какъ вы думаете, здѣсь безопасно?

Онъ въ волненіи заговорилъ, что въ Эрмитажѣ его многіе знаютъ, что онъ можетъ встрѣтить здѣшнихъ, что конспиративныя дѣла надо дѣлать конспиративно, и въ заключеніе предложилъ мнѣ прійти къ нему на квартиру.

Я хотѣлъ ему сказать, что онъ выбираетъ самый неконспи-

ративный способ свиданія, но промолчалъ и согласился придти къ нему на домъ.

На дому у него повторилось то же, что въ Эрмитажѣ. Онъ видимо боялся знакомства со мной, и желалъ одного, — чтобы я возможно скорѣе ушелъ. Тѣмъ не менѣе, онъ съ большой охотой согласился давать нужныя свѣдѣнія. Онъ говорилъ, что ему не трудно ихъ получить, что убійство великаго князя — актъ перво-степенной политической важности, что онъ отъ всей души сочувствуетъ намъ, и въ самомъ ближайшемъ будущемъ дастъ цѣнныя и точныя указанія. Слушая его, я не совѣтъ вѣрилъ ему, но, конечно, я не могъ себя представить тогда, что онъ обѣщая многое, не сдѣлаетъ ничего.

Именно такъ я вышло. Князь X. X. ограничился обѣщаніями. Эта встрѣча показала мнѣ, что въ дѣлѣ террора нельзя рассчитывать даже на наиболѣе смѣлыхъ и уважаемыхъ людей, если они не члены Организациі. Я убѣдился, что мы должны полагаться только на свои силы и рассчитывать исключительно на себя. Мой послѣдующій опытъ подтвердилъ это мое заключеніе.

Приближался конецъ января. Въ Москву пріѣхалъ Тютчевъ. Онъ разсказалъ, что наблюденіе за Треповымъ подвигается медленно, но что зато Швейцеру удалось случайно установить выѣзды великаго князя Владиміра. Швейцеръ хотѣлъ, поэтому, оставивъ покушеніе на Трепова, попытаться убить великаго князя, — одного изъ виновниковъ «кроваваго воскресенія».

Въ Москвѣ у насъ все шло по старому. По старому Каляевъ, Моисеенко и Куликовскій наблюдали за Кремлевскимъ дворцомъ, по старому Дора Бриллиантъ ожидала, когда потребуетъ ся работа. Наше покушеніе грозило затянуться на неопредѣленное время.

Если дѣло Плеве силотило Организацию, связало ее тѣмъ духомъ, который въ послѣдствіи Сазоновъ опредѣлялъ, какъ духъ «рыцарства» и «братства», то наша работа въ Москвѣ еще болѣе упрочила эту связь. Я могу безъ преувеличенія сказать, что всѣ члены Московскаго отдѣла, не исключая и Куликовскаго, представляли собою одну дружную и тѣсную семью. Этой дружбѣ не мѣшала разннца характеровъ и мѣтій. Быть можетъ индивидуальныя особенности каждаго только укрѣпляли ее. Я склоненъ приписывать исключительный успѣхъ Московскаго покушенія именно этому тѣсному сближенію членовъ Организациі между собой.

Моисеенко по характеру напоминалъ Швейцера. Онъ былъ такъ молчаливъ, непроницаемъ и хладнокровенъ, какъ Швейцеръ. Его молчаливость переходила въ угрюмость, и люди, знавшіе его недостаточно близко, подъ этой угрюмостью могли не замѣтить широкой и оригинальной натуры Моисеенко. Но въ отличіе отъ Швейцера, строго партійнаго въ своихъ мнѣніяхъ, — Моисеенко былъ человѣкъ самостоятельныхъ и оригинальныхъ взглядовъ. Съ партійной точки зрѣнія, онъ былъ еретикомъ по многимъ вопросамъ. Онъ придавалъ мало значенія мирной работѣ, и съ худо

скрываемымъ пренебреженіемъ относился къ конференціямъ, совѣщаніямъ и съѣздамъ. Онъ вѣрилъ только въ терроръ.

Каляевъ въ Москвѣ былъ тотъ же, что и въ Петербургѣ. Но онъ уже чувствовалъ приближеніе конца своей жизни, и это предчувствіе отражалось на немъ постояннымъ нервнымъ подъемомъ. Быть можетъ, онъ никогда не высказывалъ такой горячей любви къ Организациі, какъ въ эти дни, непосредственно предшествовавшіе его смерти.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его извозчикомъ въ концѣ января, когда покушеніе было уже рѣшено. Мы сидѣли съ нимъ въ грязномъ трактирѣ въ Замоскворѣчьи. Онъ похудѣлъ, сильно обросъ бородой, и его лучистые глаза ввалились. Онъ былъ въ синей поддевкѣ, съ краснымъ гаруснымъ платкомъ на шеѣ. Онъ говорилъ:

— Я очень усталъ... усталъ нервами. Ты знаешь, — я думаю, — я не могу больше... но какое счастье, если мы побѣдимъ. Если Владиміръ будетъ убитъ въ Петербургѣ, а здѣсь въ Москвѣ — Сергѣй... Я жду этого дня... Подумай: 15-е іюля, 9-е января, затѣмъ два акта подрядъ. Это уже революція. Мнѣ жаль, что я не увижу ее...

— Опанасъ (Монсеенко) счастливъ, — продолжалъ онъ черезъ минуту — онъ можетъ спокойно работать. Я не могу. Я буду спокоенъ только тогда, когда Сергѣй будетъ убитъ. Если бы съ нами былъ Егоръ... Какъ ты думаешь, узнаетъ Егоръ, узнаетъ Гершуни? Узнаютъ ли въ Шлиссельбургѣ?.. Вѣдь ты знаешь, для меня нѣтъ прошлаго, — все настоящее. Развѣ Алексѣй умеръ? Развѣ Егоръ въ Шлиссельбургѣ? Они съ нами живутъ. Развѣ ты не чувствуешь ихъ?.. А если неудача? Знаешь что? По моему, тогда по-японски...

— Что по-японски?

— Японцы на войнѣ не сдавались...

— Ну?

— Они дѣлали себѣ каракири.

Таково было настроеніе Каляева передъ убійствомъ великаго князя Сергѣя.

V.

Съ конца января мы стали готовиться къ покушенію. Каляевъ продалъ сани и лошадей и уѣхалъ въ Харьковъ, чтобы скрыть слѣды своей извозничьей жизни, и перемѣнить паспортъ. Вотъ что онъ писалъ отъ 22 января Вѣрѣ Глѣбовѣ С.:

«Вокругъ меня, со мной и во мнѣ сегодня ласковое сіяющее солнце. Точно я оттаялъ отъ снѣга и льда, холоднаго унынія, униженія, тоски по несовершенномъ и горечи отъ совершающагося. Сегодня мнѣ хочется только тихо сверкающего неба, немножко тепла и безотчетной хотя бы радости изголодавшейся души. И я радуюсь, самъ не зная чему, безпредметно и легко, хожу по улицамъ, смотрю на солнце, на людей и самъ себѣ удивляюсь, какъ это я могу такъ легко переходить отъ впечат-

лѣтній зимней тревоги къ самымъ увѣреннымъ предвкушеніямъ весны. Еще нѣсколько дней тому назадъ, казалось мнѣ, я изнывалъ, вотъ-вотъ свалюсь съ ногъ, а сегодня я здоровъ и бодръ. Не смѣйтесь, бывало хуже, чѣмъ объ этомъ можно рассказывать, душѣ и тѣлу, холодно и непривѣтливо и безнадежно за себя и другихъ, за всѣхъ васъ, далекихъ и близкихъ. За это время накопилось такъ много душевныхъ переживаній, что минутами просто волосы рвуться на себѣ... Мы (Боевая Организациія) слишкомъ связаны и нуждаемся въ большей самостоятельности. Таковъ мой взглядъ, который я теперь буду защищать безъ уступокъ, до конца.

«Можетъ быть, я обнажилъ для васъ одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ пережитого нами... Но довольно объ этомъ. Я хочу быть сегодня беззаботно сияющимъ, бестревожно радостнымъ, веселымъ, какъ это солнце, которое манитъ меня на улицу подъ лазуревый шатеръ нѣжно-ласковаго неба. Здравствуйте же всѣ дорогіе друзья, строгіе и привѣтливые, бранящіе насъ и болѣющие съ нами. Здравствуйте добрые, мои дорогіе дѣтскіе глазки, улыбающіеся мнѣ такъ же наивно, какъ эти бѣлые лучи солнца на тающемъ снѣгу».

Мы колебались, въ какой именно день назначить покушеніе. Слѣдя за газетами, я прочелъ, что 2-го февраля долженъ состояться въ Большомъ театрѣ спектакль въ пользу склада Краснаго Креста, находившагося подъ покровительствомъ великой княгини Елизаветы Федоровны. Великій князь не могъ не посѣтить театръ въ этотъ день. Поэтому на 2-е февраля и было назначено покушеніе. Дора Бриллиантъ незадолго передъ этимъ уѣхала въ Юрьевъ и тамъ хранила динамитъ. Я сѣздалъ за ней, и къ февралю вся Организациія была въ сборѣ въ Москвѣ, считая въ томъ числѣ и Моисеенко, остававшагося все время извозчикомъ.

Дора Бриллиантъ остановилась на Никольской въ гостинницѣ «Славянскій Базаръ». Здѣсь, днемъ 2-го февраля она приготовила двѣ бомбы: одну для Каляева, другую для Куликовского. Было неизвѣстно, въ которомъ часу великій князь поѣдетъ въ театръ. Мы рѣшили, поэтому, ждать его отъ начала спектакля, т. е. приблизительно съ 8-ми часовъ вечера. Въ 7 часовъ я пришелъ на Никольскую къ Славянскому Базару, и въ ту же минуту изъ подъѣзда показалась Дора Бриллиантъ, имѣя въ рукахъ завернутыя въ пледъ бомбы. Мы свернули съ нею въ Богоявленскій переулокъ, развязали пледъ и положили бомбы въ бывшій со мной портфель. Въ Большомъ Черкасскомъ переулкѣ насъ ожидалъ Моисеенко. Я сѣлъ къ нему въ сани, и на Ильинкѣ встрѣтилъ Каляева. Я передалъ ему его бомбу и поѣхали къ Куликовскому, ожидавшему меня на Варваркѣ. Въ 7¹/₂ часовъ вечера обѣ бомбы были переданы, и съ 8-ми часовъ вечера Каляевъ сталъ на Воскресенской площади, у зданія Городской Думы, а Куликовскій въ проѣздѣ Александровскаго сада. Такимъ образомъ, отъ Никольскихъ воротъ великому князю было только два пути въ Большой

театръ—либо на Каляева, либо на Кулпковского. И Каляевъ, и Кулпковскій были одѣты крестьянами, въ поддевкахъ, картузахъ и высокихъ сапогахъ, бомбы ихъ были завернуты въ ситцевые платки. Дора Бриллиантъ вернулась къ себѣ въ гостиницу. Я назначилъ ей свиданіе, въ случаѣ неудачи, въ 12 часовъ ночи, по окончаніи спектакля. Моисеенко уѣхалъ на извозчикій дворъ. Я прошелъ въ Александровскій садъ и ждалъ тамъ взрыва.

Былъ сильный морозъ, подымалась вьюга. Каляевъ стоялъ въ тѣни крыльца Думы, на пустынной и темной площади. Въ началѣ 9-го часа отъ Никольскихъ воротъ показалась карета великаго князя. Каляевъ тотчасъ узналъ ее по бѣлымъ и яркимъ огнямъ ея фонарей. Карета свернула на Воскресенскую площадь, и въ темнотѣ Каляеву показалось, что онъ узнаетъ кучера Рудякина, всегда всѣмъ знаменитого именно великаго князя. Тогда не колеблясь, Каляевъ бросился навстрѣчу и наперсѣлъ каретѣ. Онъ уже поднималъ руку, чтобы бросить снарядъ. Но кромѣ великаго князя Сергѣя, онъ неожиданно увидалъ еще великую княгиню Елизавету и дѣтей великаго князя Павла—Марію и Дмитрія. Онъ опустилъ свою бомбу и отошелъ. Карета остановилась у подъѣзда Большого театра.

Каляевъ прошелъ въ Александровскій садъ. Подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Я думаю, что я поступилъ правильно: развѣ можно убить дѣтей?..

Отъ волненія онъ не могъ продолжать. Онъ понималъ, какъ много онъ своею властью поставилъ на карту, пропустивъ такой единственный для убійства случай: онъ не только рискнулъ собой,—онъ рискнулъ всей Организацией. Его могли арестовать, съ бомбой въ рукахъ у кареты, и тогда покушеніе откладывалось бы на долго. Я сказалъ ему, однако, что не только не осуждаю, но и высоко цѣню его поступокъ. Тогда онъ предложилъ рѣшить общій вопросъ, вправдѣ ли Organizaciâ, убивая великаго князя, убить его жену и племянниковъ. Этотъ вопросъ никогда не обсуждался нами, онъ даже не подымался. Каляевъ говорилъ, что если мы рѣшимъ убить всю семью, то съ, на обратномъ пути изъ театра, бросить бомбу въ карету, не считаясь съ тѣмъ, кто будетъ въ ней находиться. Я высказалъ ему свое мнѣніе: я не считалъ возможнымъ такое убійство.

Во время нашего разговора къ намъ присоединился Кулпковскій. Онъ увидѣлъ со своего поста, какъ карета великаго князя повернула на Каляева, но не услышалъ взрыва. Онъ думалъ, поэтому, что покушеніе не удалось, и Каляевъ арестованъ.

Я высказалъ сомнѣніе, былъ ли въ каретѣ великій князь, и не ошибся ли Каляевъ, принявъ карету великой княгини за карету великаго князя. Мы рѣшили тутъ же проверить это. Каляевъ долженъ былъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ останавливаются у Большого Театра кареты, и посмотреть въблизи, какая именно

изъ каретъ ждеть у подъѣзда, и не ждуть ли обѣ. Я долженъ былъ убѣдиться въ театрѣ, тамъ ли великій князь.

Я подошелъ къ кассѣ. Билеты всѣ уже были проданы. Ко мнѣ бросились перекупщики. Я сообразилъ, что въ театрѣ я легко могу не замѣтить великаго князя. Поэтому, не покупая билета, я спросилъ у перекупщиковъ:

— Великая княгиня въ театрѣ?

— Такъ точно-съ. Съ четверть часа, какъ изволпли прибыть.

— А великій князь?

— Вмѣстѣ съ ея высочествомъ пріѣхали.

На улицѣ меня ждали Каляевъ и Куликовскій. Каляевъ осматривалъ стоявшіе экипажи. Карета была одна, и именно великаго князя. Великій князь былъ въ театрѣ съ семьей.

Было все таки рѣшено дожидаться конца спектакля. Мы на дѣлалось, что, быть можетъ, великой княгинѣ подадутъ ея карету, и великій князь уѣдетъ одинъ.

Мы втроемъ отправились бродить по Москвѣ и незамѣтно вышли на набережную Москвы-рѣки. Каляевъ шелъ рядомъ со мной, опустивъ голову и держа въ одной рукѣ бомбу. Куликовскій шелъ слѣдомъ, нѣсколько сзади насъ. Вдругъ шаги Куликовского смолкли. Я обернулся. Онъ стоялъ, опершись о гранитныя перила. Мнѣ показалось, что онъ сейчасъ упадетъ. Я подошелъ къ нему. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Возьмите бомбу. Я сейчасъ ее уроню.

Я взялъ у него снарядъ. Онъ долго еще стоялъ, не двигаясь. Было видно, что у него нѣту силъ.

Къ разѣзду изъ театра, Каляевъ, съ бомбой въ рукахъ, подошелъ издали къ каретѣ великаго князя. Въ карету сѣли опять великая княгиня и дѣти великаго князя Павла. Каляевъ вернулся ко мнѣ и передалъ мнѣ свой снарядъ. Въ 12 часовъ я встрѣтился съ Дорой и отдалъ ей обѣ бомбы. Она молча выслушала мой рассказъ о случившемся. Окончивъ его, я спросилъ, считаетъ ли она поступокъ Каляева и наше рѣшеніе правильнымъ. Она опустила глаза:

— «Поэтъ» поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить.

У Каляева и Куликовского паспортовъ не было. Оба они оставили ихъ въ своихъ вещахъ на вокзалѣ. Квитанціи отъ вещей были у меня. Возвращаться за паспортами было поздно, какъ поздно было уѣзжать изъ Москвы. Имъ приходилось ночевать на улицѣ. Я былъ одѣтъ бариномъ, англичаниномъ, они крестьянами. Оба замерзли и устали, и Куликовскій, казалось, едва держится на ногахъ. Я рѣшилъ, несмотря на необычность ихъ костюмовъ, рискнуть зайти съ ними въ ресторанъ: трактиры были уже закрыты.

Мы пришли въ ресторанъ «Альпійская Роза» на Софійскѣ и, дѣйствительно, швейцаръ не хотѣлъ насъ впустить. Я вызвалъ распорядителя. Послѣ долгихъ переговоровъ намъ отвели заднюю залу. Здѣсь было тепло и можно было сидѣть.

Каляевъ скоро оживился и съ волненіемъ въ голосѣ началъ

опять рассказывать сцену у Думы. Онъ говорилъ, что боялся, не совершилъ ли онъ преступленія противъ Организациі, и что счастливъ, что товарищи не осудили его. Куликовскій молчалъ. Онъ какъ то сразу осунулся и ослабѣлъ. Я и до сихъ поръ не понимаю, какъ онъ провелъ остатокъ ночи на улицѣ.

Около четырехъ часовъ утра, когда закрыли «Альпійскую Розу», я попрощался съ ними. Было рѣшено, что мы предпримемъ покушеніе на этой же недѣлѣ. 2-е февраля была среда. Моисеенко, наблюдая за великимъ княземъ, утверждалъ, что въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ въ свою канцелярію въ понедѣльникъ. Зная привычки великаго князя, мы пришли къ заключенію, что 3-го, 4-го или 5-го февраля онъ непременно побѣдетъ въ Генераль-Губернаторскій домъ, на Тверской. 3-го, на слѣдующій день послѣ неудачи, нечего было и думать приступать къ покушенію: Каляевъ и Куликовскій, очевидно, не могли положиться вполнѣ на свои силы. Покушеніе откладывалось на 4-ое или 5-ое. Утромъ, 3-го, Каляевъ и Куликовскій должны были уѣхать изъ Москвы и вернуться днемъ 4-го. Это давало имъ возможность отдохнуть. Мы тогда же, заранѣе, чтобы не стѣснять себя временемъ въ день покушенія, назначили мѣсто и часъ для передачи снарядовъ.

Дора Бриллиантъ вынула запалы изъ бомбъ. Ей приходилось ихъ снова вставить обратно. 4-го, въ пятницу, въ 1 часъ дня я опять пришелъ на Никольскую, къ подъѣзду «Славянскаго Базара», и она опять передала мнѣ, какъ и прежде, завернутыя въ пледъ бомбы.

Я сѣлъ въ сани Моисеенко, но не успѣли мы отѣхать нѣсколько шаговъ, какъ онъ, обернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— Видѣли «Поэта»?

— Да.

— Ну, что онъ?

— Какъ что? Ничего.

— А я вотъ видѣлъ Куликовского.

— Ну?

— Очень плохо.

Онъ тутъ же на козлахъ рассказалъ мнѣ, что Куликовскій, пріѣхавъ утромъ въ Москву и увидѣвшись съ нимъ, сообщилъ ему, что не можетъ принять участія въ покушеніи. Куликовскій говорилъ, что переоцѣнилъ свои силы и видитъ теперь, послѣ 2-го февраля, что не можетъ работать въ террорѣ. Моисеенко безъ комментаріевъ передалъ мнѣ объ этомъ.

Положеніе мнѣ показалось труднымъ. Нужно было выбирать одно изъ двухъ: либо вмѣсто Куликовского принять участіе въ покушеніи мнѣ или Моисеенко, либо устроить покушеніе съ однимъ метальщикомъ, Каляевымъ.

Моисеенко былъ извозчикъ. Его арестъ повлекъ бы за собой открытіе полиціей пріемовъ нашего наблюденія. Я имѣлъ англійскій паспортъ. Мой арестъ отразился бы на судьбѣ того англи-

чанина, который далъ мнѣ его, инженера Джемса Галлея. Значить наше участіе не могло быть немедленнымъ, и приходилось откладывать покушеніе до продажи Моисеенкой лошади и саней или до перемѣны мной паспорта. Значить Дора должна была еще разъ вынуть изъ бомбъ запалы и снова вставить ихъ. Помня смерть Покотилова, я опасался учащать случаи снаряженія бомбъ.

Съ другой стороны, покушеніе съ однимъ металликомъ, Каляевымъ, казалось мнѣ рискованнымъ. Маршрутъ великаго князя былъ извѣстенъ въ точности: онъ ѣздилъ всегда черезъ Никольскія и Иверскія ворота по Тверской къ своему дому на площади. Но я опасался, что одинъ металликъ можетъ только ранить великаго князя. Тогда покушеніе надо было бы признать неудачнымъ.

Рѣшеніе необходимо было принять тутъ же, въ санихъ, потому что Каляевъ ждалъ меня недалеко въ Юшковомъ переулкѣ. Куликовскій за бомбой не явился. Вечеромъ того же дня онъ уѣхалъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Онъ бѣжалъ изъ Пречистенской полицейской части, гдѣ содержался, и 28 іюня 1905 г., разыскиваемый по всей Россіи, открыто явился на приѣмъ къ Московскому Градоначальнику гр. Шувалову и застрѣлилъ его. За это убійство Московскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Казнь ему была замѣнена безсрочной каторгой. Такимъ образомъ, его нерѣшительность въ дѣлѣ великаго князя Сергѣя еще не доказывала, какъ онъ думалъ, что онъ не въ силахъ работать въ террорѣ.

Подѣвжая къ Каляеву, я склонился въ пользу перваго рѣшенія, и когда онъ сѣлъ ко мнѣ въ сани, я, рассказавъ ему объ отказѣ Куликовского, предложилъ отложить дѣло. Каляевъ заволновался:

— Ни въ какомъ случаѣ... Нельзя Дору еще разъ подвергать опасности... Я все беру на себя.

Я указывалъ ему на недостаточность силъ одного металлика, на возможность неудачи, случайнаго взрыва, случайнаго ареста, но онъ не хотѣлъ меня слушать.

— Ты говоришь, мало одного металлика? А позавчера, развѣ было насъ двое? Я въ одномъ мѣстѣ, Куликовскій въ другомъ. Гдѣ же резервъ?... Почему же сегодня нельзя?

Я отвѣчалъ ему, что у насъ динамита всего на двѣ бомбы, что 2-го февраля мы, по необходимости, должны были разставить металликовъ въ двухъ мѣстахъ, ибо маршрутъ великаго князя въ театръ былъ неизвѣстенъ, что сегодня такого положенія нѣтъ, что правильнѣе не рисковать, а выждать нѣсколько дней, устроить покушеніе съ двумя металликами. Каляевъ въ отвѣтъ на это сказалъ:

— Неужели ты мнѣ не вѣришь? Я говорю тебѣ, что справлюсь одинъ.

Я зналъ Каляева. Я зналъ, что никто изъ насъ не можетъ

такъ увѣренно поручиться за себя, какъ онъ. Я зналъ, что онъ броситъ бомбу, только добѣжавъ до самой кареты, не раньше, и что онъ сохранить хладнокровіе. Но я боялся случайности. Я сказалъ:

— Послушай, Янекъ, двое все таки лучше, чѣмъ одинъ... Представь себѣ твою неудачу. Что тогда дѣлать?

Онъ сказалъ:

— Неудачи у меня быть не можетъ.

Его увѣренность поколебала меня. Онъ продолжалъ:

— Если великій князь поѣдетъ, я убью его. Будь спокоенъ.

Въ это время съ козелъ къ намъ обернулся Моисеенко.

— Рѣшайте скорѣе. Пора.

Я принялъ рѣшеніе: Каляевъ шелъ на великаго князя одинъ.

Мы слѣзли съ саней и пошли вдвоемъ по Ильинкѣ къ Красной площади. Когда мы подходили къ Гостинному двору на башнѣ въ Кремлѣ часы пробили два. Каляевъ остановился:

— Прощай, Янекъ.

— Прощай.

Онъ поцѣловалъ меня и свернулъ направо къ Никольскимъ воротамъ. Я прошелъ черезъ Спасскую башню въ Кремль и остановился у памятника Александру II-му. Съ этого мѣста былъ виденъ дворецъ великаго князя. У воротъ стояла карета. Я узналъ кучера Рудинкина. Я понялъ, что великій князь скоро поѣдетъ къ себѣ въ канцелярію.

Я прошелъ мимо дворца и кареты и черезъ Никольскія ворота вышелъ на Тверскую. У меня было назначено свиданіе съ Дорой Бриллиантъ на Кузнецкомъ мосту въ кондитерской Сіу. Я торопился на это свиданіе, чтобы успѣть вернуться въ Кремль къ моменту взрыва. Когда я вышелъ на Кузнецкій мостъ, я услышалъ отдаленный глухой звукъ, какъ будто кто то въ переулкѣ выстрѣлилъ изъ револьвера. Я не обратилъ на него вниманія, до такой степени этотъ звукъ былъ непохожъ на гулъ взрыва. Въ кондитерской я засталъ Дору. Мы вышли съ ней на Тверскую и пошли внизъ къ Кремлю. Внизу у Иверской намъ навстрѣчу попался мальчишка, который бѣжалъ безъ шапки и кричалъ:

— Великаго князя убило, голову оторвало.

По направленію къ Кремлю бѣжали люди. У Никольскихъ воротъ была такая толпа, что не было возможности пробиться въ Кремль. Мы съ Дорой остановились. Вдругъ я услышалъ:

— Вотъ, баринъ, извозчикъ.

Я обернулся. Моисеенко, блѣдный, предлагалъ намъ сѣсть въ его сани. Мы медленно поѣхали прочь отъ Кремля. Моисеенко спросилъ:

— Слышали?

— Нѣтъ.

— Я здѣсь стоялъ и слышалъ взрывъ. Великій князь убитъ.

Въ ту же минуту Дора наклонилась ко мнѣ и, не въ силахъ болѣе удерживать слезы, зарыдала. Все ея тѣло сотрясали глу-

хія рыданія. Я старался ее успокоить, но она плакала еще громче, и повторяла:

— Это мы его убили... Я его убила... Я...

— Кого?—переспросилъ я, думая, что она говоритъ о Каляевѣ.

— Великаго князя.

VI.

Каляевъ, простившись со мной, прошелъ, по условію, къ иконѣ Иверской Божіей Матери. Онъ давно, еще раньше замѣтилъ, что на углу прибита въ рамкѣ изъ стекла лубочная патристическая картина. Въ стеклѣ этой картины, какъ въ зеркалѣ, отражался путь отъ Никольскихъ воротъ къ иконѣ. Такимъ образомъ, стоя спиной къ Кремлю и рассматривая картину, можно было замѣтить выѣздъ великаго князя. По условію, постоявъ здѣсь, Каляевъ, одѣтый, какъ и 2-го февраля, въ крестьянское платье, долженъ былъ медленно пройти навстрѣчу великому князю, въ Кремль. Здѣсь онъ, вѣроятно, увидѣлъ то, что увидѣлъ я, т. е. подавную къ подѣзду карету и кучера Рудинкина на козлахъ. Онъ, считая по времени, успѣлъ еще вернуться къ Иверской и повернуть обратно мимо Историческаго Музея черезъ Никольскія ворота въ Кремль, къ зданію Суда. У зданія Суда онъ встрѣтилъ великаго князя. «Противъ всѣхъ моихъ заботъ,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ товарищамъ,—я остался 4-го февраля живъ. Я бросалъ на разстояніи четырехъ шаговъ, не болѣе, съ разбѣга, въ упоръ, я былъ захваченъ вихремъ взрыва, видѣлъ, какъ разрывалась карета. Послѣ того, какъ облако разсѣялось, я оказался у остатковъ заднихъ колесъ. Помню, въ меня пахнуло дымомъ и щепками прямо въ лицо, сорвало шапку. Я не упалъ, а только отвернулъ лицо. Потомъ увидѣлъ шагахъ въ пяти отъ себя, ближе къ воротамъ, комья великокняжеской одежды и обнаженное тѣло... Шагахъ въ десяти за каретой лежала моя шапка, я подошелъ, поднялъ ее и надѣлъ. Я оглядѣлся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висѣли клочья, и она вся обгорѣла. Съ лица обильно лилась кровь, и я понялъ, что мнѣ не уйти, хотя было нѣсколько долгихъ мгновеній, когда никого не было вокругъ. Я пошелъ... Въ это время послышалось сзади: «держи, держи»,—на меня чуть не наѣхали сыщицкія сани, и чьи то руки овладѣли мной. Я не сопротивлялся. Вокругъ меня засуетились городовой, околодокъ и сыщикъ противный... «Смотрите, нѣтъ ли револьвера, ахъ, слава Богу, и какъ это меня не убило, вѣдь мы были тутъ же», проговорилъ, дрожа, этотъ охранникъ. Я пожалѣлъ, что не могу пустить пулю въ этого доблестнаго труса. — «Чего вы держите, не убѣгу, я свое дѣло сдѣлалъ», сказалъ я... (я понялъ тутъ, что я оглушенъ). «Давайте извозчика... Давайте карету». Мы поѣхали черезъ Кремль на извозчикѣ, и я задумалъ кричать: «Долой проклятаго царя, да здравствуетъ свобода, долой проклятое правительство, да здравствуетъ Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ!» Меня привезли въ городской участокъ... Я вошелъ твердыми ша-

гами. Было страшно противно среди этих жалких трусишек... И я былъ дерзокъ, издѣвался надъ ними.... Меня перевезли въ Якиманскую часть, въ арестный домъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ»...

Событію 4-го февраля посвящена статья въ № 60 «Революціонной Россіи». Самое событіе со словъ очевидца представляется въ такомъ видѣ:

«Взрывъ бомбы произошелъ приблизительно въ 2 ч. 45 м. Онъ былъ слышенъ въ отдаленныхъ частяхъ Москвы. Особенно сильный переполохъ произошелъ въ зданіи Суда. Засѣданія шли во многихъ мѣстахъ, канцеляріи всѣ работали, когда произошелъ взрывъ. Многіе подумали, что это землетрясеніе, другіе, что рушится старое зданіе Суда. Всѣ окна по фасаду были выбиты, судьи, канцеляристы попадали со своихъ мѣстъ. Когда черезъ десять минутъ пришли въ себя и догадались, въ чемъ дѣло, то многіе бросились изъ зданія Суда къ мѣсту взрыва. На мѣстѣ казни лежала безформенная куча, вышиной вершковъ въ десять, состоявшая изъ мелкихъ частей кареты, одежды и изуродованнаго тѣла. Публика, человекъ 30, сбѣжавшихся первыми, осматривала слѣды разрушенія; нѣкоторые пробовали высвободить изъ подъ обломковъ трупъ. Зрѣлище было подавляющее. Головы не оказалось; изъ другихъ частей можно было разобрать только руку и часть ноги. Въ это время выскочила Елизавета Федоровна въ ротондѣ, но безъ шляпы, и бросилась къ безформенной, кучѣ. Всѣ стояли въ шапкахъ. Княгиня это замѣтила. Она бросалась отъ одного къ другому и кричала: «Какъ вамъ не стыдно, что вы идѣсь смотрите, уходите отсюда». Лакей обратился къ публикѣ съ просьбой снять шапки, но ничто на толпу не дѣйствовало, никто шапки не снималъ и не уходилъ. Полиція же это время, минутъ 30, бездѣйствовала,—замѣтна была полная растерянность. Товарищъ прокурора Судебной Палаты, безучастно и растерянно, крадучись, прошелъ изъ зданія мимо толпы черезъ площадь, потомъ раза два на извозчикѣ появлялся и опять исчезалъ. Уже очень скоро появились солдаты и оцѣнили мѣсто происшествія, отодвинувъ публику». (Р. Р. № 60).

Официальный источникъ такъ описываетъ смерть великаго князя:

«4-го февраля 1905 г. въ Москвѣ, въ то время, когда великій князь Сергій Александровичъ проѣзжалъ въ каретѣ изъ Никольскаго Дворца на Тверскую, на Сенатской площади, въ разстояніи 65 шаговъ отъ Никольскихъ воротъ, невольный злоумышленникъ бросилъ въ карету его высочества бомбу. Взрывомъ, произшедшимъ отъ разорвавшейся бомбы, великій князь былъ убитъ на мѣстѣ, а сидѣвшему на козлахъ кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленныя тяжкія тѣлесныя поврежденія. Тѣло великаго князя оказалось обезображеннымъ, при чемъ голова, шея, верхняя часть груди, съ лѣвымъ плечомъ и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, лѣвая нога переломлена, съ

раздробленіемъ бедра, отъ котораго отдѣлилась нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведеннаго злоумышленникомъ взрыва кузовъ кареты, въ которой слѣдовалъ великій князь, былъ расщепленъ на мелкіе куски, и кромѣ того были выбиты стекла наружныхъ рамъ ближайшей къ Никольскимъ воротамъ части зданія Судебныхъ Установленій и расположеннаго противъ этого зданія, арсенала».

Изъ Якиманской части Каляева перевели въ Бутырскую тюрьму, въ Пугачевскую башню. Черезъ нѣсколько дней его постигла жена убитаго имъ Сергѣя Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна. «Мы смотрѣли другъ на друга, — писалъ объ этомъ свиданіи Каляевъ, — не скрою, съ нѣкоторымъ мистическимъ чувствомъ, какъ двое смертныхъ, которые остались въ живыхъ. Я — случайно, она — по волѣ Организациі, по моей волѣ, такъ какъ Организациа и я обдуманно стремились избѣжать излишняго кровопролитія.

«И я, глядя на великую княгиню, не могъ не видѣть на ея лицѣ благодарности, если не мнѣ, то во всякомъ случаѣ судьбѣ за то, что она не погибла.

«—Я прошу васъ, возьмите отъ меня на память иконку. Я буду молиться за васъ.—И я взялъ иконку.

«Это было для меня символомъ признанія съ ея стороны моей побѣды, символомъ ея благодарности судьбѣ за сохраненіе ея жизни и покаянія ея совѣсти за преступленія великаго князя.

«Моя совѣсть чиста,—повторилъ я,—мнѣ очень больно, что я причинилъ вамъ горе, но я дѣйствовалъ сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдалъ бы всю тысячу, не только одну.

«Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также всталъ.

«Прощайте, сказалъ я, повторяю, мнѣ очень больно, что я причинилъ вамъ горе, но я исполнилъ свой долгъ, и я его исполню до конца и вынесу все, что мнѣ предстоитъ. Прощайте, потому что мы съ вами больше не увидимся».

Свиданіе это въ послѣдствіи было передано въ печати въ невѣрномъ и тенденціозномъ освѣщеніи, и эта передача доставила Каляеву много тяжелыхъ минутъ. Въ письмѣ отъ 24 марта онъ писалъ великой княгинѣ: «Я не звалъ Васъ, Вы сами пришли ко мнѣ: слѣдовательно, вся отвѣтственность за послѣдствія свиданія падаетъ на Васъ. Наше свиданіе произошло, по крайней мѣрѣ, съ наружной стороны при интимной обстановкѣ. Все то, что произошло между нами обоими, не подлежало опубликованію, какъ намъ однимъ принадлежащее. Мы съ Вами сошлись на нейтральной почвѣ, по Вашему же опредѣленію, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, и, слѣдовательно, пользовались одинаковымъ правомъ инкогнито. Иначе, какъ понимать безкорыстіе Вашего христіанскаго чувства? Я довѣрился Вашему благородству, полагая, что Ваше официальное высокое положеніе, Ваше личное достоинство могутъ служить гарантіей, достаточной противъ кле-

ветнической интриги, въ которую такъ или иначе были замѣшаны и Вы. Но Вы не побоялись оказаться замѣшанной въ нее: мое довѣріе къ Вамъ не оправдалось. Клеветническая интрига и тенденціозное изображеніе нашего свиданія налицо. Спрашивается: могло ли бы произойти и то, и другое помимо Вашего участія, хотя бы пассивнаго, въ формѣ непротивленія, обратное дѣйствіе которому было обязанностью Вашей чести? Отвѣтъ данъ самимъ вопросомъ, и я рѣшительно протестую противъ приложенія политической мѣрки къ доброму чувству моего снисхожденія къ Вашему горю. Мои убѣжденія и мое отношеніе къ царствующему дому остаются неизмѣнными, и я ничего общаго не имѣю какой либо стороной моего «я» съ религиознымъ суевѣріемъ рабовъ и ихъ лицемерныхъ владыкъ.

«Я вполне сознаю свою ошибку: мнѣ слѣдовало отнестись къ Вамъ безучастно, и не вступать въ разговоръ. Но я поступилъ съ Вами мягче, на время свиданія затаивъ въ себѣ ту ненависть, съ какой естественно я отношусь къ Вамъ. Вы знаете теперь, какія побужденія руководили мной. Но Вы оказались недостойной моего великодушія. Вѣдь для меня несомнѣнно, что это Вы—источникъ всѣхъ сообщеній обо мнѣ, ибо кто же бы осмѣлился передавать содержаніе нашего разговора съ Вами, не спросивъ у Васъ на то позволенія (въ газетной передачѣ оно исковеркано: я не объявлялъ себя вѣрующимъ, я не выражалъ какого либо раскаянія)».

Это рѣзкое письмо не могло не повліять на судьбу Каляева. Онъ написалъ товарищамъ слѣдующія письма:

«Мои дорогіе друзья и незабвенные товарищи, вы знаете, и сдѣлалъ все, что могъ для того, чтобы 4-го февраля достигнуть побѣды. И я,—въ предѣлахъ моего личнаго самочувствія,—счастливъ сознаніемъ, что выполнилъ долгъ, лежавшій на всей истекающей кровью Россіи.

«Вы знаете мои убѣжденія и силу моихъ чувствъ, и пусть никто не скорбитъ о моей смерти.

«Я отдалъ всего себя дѣлу борьбы за свободу рабочаго народа, съ моей стороны не можетъ быть и намека на какую либо уступку самодержавію, и если въ результатѣ всѣхъ стремленій моей жизни я оказался достойнымъ выссты общечеловѣческаго протеста противъ насилія, то пусть и смерть моя вѣнчаетъ мое дѣло чистотой идеѣ.

«Умереть за убѣжденія—значитъ звать на борьбу, и какихъ бы жертвъ ни стоила ликвидація самодержавія, я твердо увѣренъ, что наше поколѣніе кончитъ съ нимъ навсегда... Это будетъ великимъ торжествомъ социализма, когда передъ русскимъ народомъ откроется просторъ новой жизни, какъ и передъ всѣми, кто испытываетъ тотъ же вѣковой гнетъ царскаго насилія.

«Всѣмъ сердцемъ моимъ съ вами, мои милые, дорогіе, незабвенные. Вы были мнѣ поддержкой въ трудныя минуты, съ вами я всегда раздѣлялъ всѣ ваши и наши радости и тревоги,

и если когда нибудь, на вершинѣ общенароднаго ликовація, вы вспомните меня, то пусть будетъ для васъ весь мой трудъ революціонера выраженіемъ моей восторженной любви къ народу и горделиваго уваженія къ вамъ; примите его, какъ дань моей искренней привязанности къ Партіи, какъ носительницѣ заветовъ «Народной Воли» во всей ихъ широтѣ.

«Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой, какъ будто все то, что случилось со мной, жило съ раннихъ лѣтъ въ моемъ предчувствіи и зрѣло въ тайникахъ сердца для того, чтобы вдругъ излиться пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ.

«Хотѣлось бы многихъ близкихъ моему сердцу и безконечно дорогихъ назвать въ послѣдній разъ по имени, но пусть мой послѣдній вздохъ будетъ для нихъ моимъ прощальнымъ привѣтомъ и бодрымъ призывомъ къ борьбѣ за свободу.

«Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ

«Вашъ И. Каляевъ.

«Прощайте мои дорогіе, мои незабвенные. Вы меня просили не торопиться умирать, и, дѣйствительно, не торопятся меня убивать. Съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ за рѣшетку, у меня не было ни одной минуты желанія какъ нибудь сохранить живымъ. Революція дала мнѣ счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть—это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть послѣднимъ протестомъ противъ міра крови и слезъ и могу только сожалѣть о томъ, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю, какъ вызовъ, самодержавію. Я твердо надѣюсь, что наше поколѣніе, съ Боевой Организацией во главѣ, покончитъ съ самодержавіемъ.

«Я хотѣлъ бы только, чтобы никто не подумалъ обо мнѣ дурно, чтобы вѣрили въ искренность моихъ чувствъ и твердость моихъ убѣжденій до конца. Помилованіе я считалъ бы позоромъ. Простите, если въ моемъ поведеніи выѣ партійныхъ интересовъ были какія либо неровности. Я пережилъ довольно острой муки по поводу вѣрныхъ слуховъ о свиданіи съ великой княгиней, которыми меня растрavляли въ тюрьмѣ. Я думалъ, что я опозоренъ... Какъ только я получилъ возможность писать, я написалъ письмо великой княгинѣ, считая ее виновницей сплетни. Потомъ, послѣ суда, мнѣ было непріятно, что я нарушилъ свою корректность къ великой княгинѣ... На судѣ я перешелъ въ наступленіе не вслѣдствіе аффекта, а потому что не видѣлъ другого смысла: судьи, и особенно предсѣдатель,—дѣйствительно мерзавцы, и мнѣ просто противно открывать что нибудь изъ моей души, кромѣ ненависти... Въ кассационной жалобѣ я старался провести строго партійный взглядъ, и думаю, что ничѣмъ не повредилъ интересамъ партіи своими заявленіями на судѣ. Я заявилъ, что убійство великаго князя есть обвинительный актъ противъ правительства и царскаго дома. Поэтому въ приговорѣ вставлено «дядя Е. В.». Я написалъ въ кассационной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ В. К. мнѣ не было нужды дѣйствовать противъ

личности его, какъ племянника, а потому заявилъ протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ...

«Обнимаю, цѣлую васъ. Вѣрьте, что я всегда съ вами до послѣдняго издыханія. Еще разъ прощайте.

«Вашъ И. Каляевъ».

Въ личномъ письмѣ къ одному изъ товарищей онъ, тревожась тенденціозной передачей въ газетахъ своего свиданія съ великой княгиней, писалъ изъ тюрьмы:

«27/4. Мой дорогой, прости, если въ чемъ либо я произвелъ на тебя дурное впечатлѣніе. Мнѣ очень тяжело подумать, что ты меня осудишь. Теперь, когда я стою у могилы, все кажется мнѣ сходящимся для меня въ одномъ,—въ моей чести, какъ революціонера, ибо въ ней моя связь съ В. О. за гробомъ. Въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы трудно ориентироваться въ важномъ и неважномъ. Минутами мнѣ кажется, что кто нибудь злой оскорбитъ мой прахъ пасквилемъ. Тогда я хотѣлъ бы жить для того, чтобы мстить за мою идею. Но,—ты знаешь,—я кончилъ всѣ земные счеты. Я любилъ тебя, страдалъ и молился съ тобой. Будь же ты защитой моей чести. Быть можетъ, я бывалъ чересчуръ откровененъ съ людьми относительно своей души, но ты знаешь, что я не лицемеръ. В. І. и всѣмъ нашимъ кланяйся. Прощай мой дорогой, единственный другъ. Будь счастливъ! Будь счастливъ!»

VII.

Каляева судили въ Особомъ Присутствіи Сената 5-го апрѣля 1906 г. Защищали его присяжные повѣренные Ждановъ и Мандельштамъ. Ждановъ близко зналъ Каляева еще по Вологдѣ, и сказалъ въ защиту его одну изъ лучшихъ рѣчей въ исторіи русскихъ политическихъ процессовъ. Но еще болѣе замѣчательную рѣчь сказалъ самъ Каляевъ:

«Прежде всего, фактическая поправка: я—не подсудимый передъ вами, я вашъ плѣнникъ. Мы—двѣ воюющія стороны. Вы—представители императорскаго правительства, наемные слуги капитала и насилія.—Я—одинъ изъ народныхъ мстителей, социалистъ и революціонеръ. Насъ раздѣляютъ горы труповъ, сотни тысячъ разбитыхъ человѣческихъ существованій и цѣлое море крови и слезъ, разлившееся по всей странѣ потоками ужаса и возмущенія. Вы объявили войну народу, мы приняли вызовъ. Взявъ меня въ плѣнъ, вы теперь можете подвергнуть меня пыткамъ медленнаго утасанія, можете меня убить, но надъ моей личностью вамъ не дано суда. Какъ бы вы ни ухищрялись властвовать надо мной, здѣсь для васъ не можетъ быть оправданія, какъ не можетъ быть для меня осужденія. Между нами не можетъ быть почвы для примиренія, какъ нѣтъ ея между самодержавіемъ и народомъ. Мы все тѣ же враги, и, если Вы, лишивъ меня свободы и гласнаго обращенія къ народу, устроили надо мной столь торжественное

судилище, то это еще нисколько не обязывает меня признать въ васъ моихъ судей. Пусть судить насъ не законъ, облеченный въ сенаторскій мундиръ, пусть судить насъ не рабье свидѣтельство сословныхъ представителей по назначенію, не жандармская подлость. Пусть судить насъ свободно и нелицепріятно выраженная народная совѣсть. Пусть судить насъ эта великомученица исторіи—народная Россія.

«Я убилъ великаго князя, члена императорской фамиліи, и я понимаю, если бы меня подвергли фамильному суду членовъ царствующаго дома, какъ открытаго врага династіи. Это было бы грубо, и для 20-го вѣка дико. Но это было бы, по крайней мѣрѣ, откровенно. Но гдѣ же тотъ Пилать, который, не омывъ еще рукъ своихъ отъ крови народной, послалъ васъ сюда строить висѣлицу? Или, можетъ быть, въ сознаніи предоставленной вамъ власти, вы овладѣли его тщедушной совѣстью настолько, что сами присвоили себѣ право судить именемъ лицемѣрнаго закона въ его пользу? Такъ знайте же, я не признаю ни васъ, ни вашего закона. Я не признаю централизованныхъ государственныхъ учрежденій, въ которыхъ политическое лицемѣріе прикрываетъ нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именемъ оскорбленной человѣческой совѣсти, ради торжества насилія.

«Но гдѣ ваша совѣсть? Гдѣ кончается ваша продажная исполнительность, и гдѣ начинается безсеребренность вашего убѣжденія, хотя бы враждебнаго моему? Вѣдь вы не только судите мой поступокъ, вы посягаете на его нравственную цѣнность. Дѣло 4-го февраля вы не называете прямо убійствомъ, вы именуете его преступленіемъ, злодѣяніемъ. Вы дерзаете не только судить, но и осуждать. Что же вамъ даетъ это право? Не правда ли, благочестивые сановники, вы никого не убили, и опираетесь не только на штыки и законъ, но и на аргументъ нравственности. Подобно одному ученому профессору временъ Наполеона ІІІ, вы готовы признать, что существуютъ двѣ нравственности. Одна для обыкновенныхъ смертныхъ, которая гласитъ: «не убій», «не укради», а другая нравственность политическая для правителей, которая имъ все разрѣшаетъ. И вы, дѣйствительно увѣрены, что вамъ все дозволено, и что нѣтъ суда надъ вами...

«Но оглянитесь: всюду кровь и стоны. Война внѣшняя и война внутренняя. И тутъ и тамъ пришли въ яростное столкновеніе два міра, непримиримо враждебные другъ другу: бьющая ключемъ жизнь и застой, цивилизація и варварство, насиліе и свобода, самодержавіе и народъ. И вотъ результатъ: позоръ неслыханнаго пораженія военной державы, финансовое и моральное банкротство государства, политическое разложеніе устоевъ монархіи внутри, наряду съ естественнымъ развитіемъ стремленія къ политической самостоятельности на такъ называемыхъ окраинахъ. и повсюду всеобщее недовольство, ростъ оппозиціонной

партіи, открытыя возмущенія рабочаго народа, готовыя перейти въ затажную революцію во имя социализма и свободы. и—на фонѣ всего этого—террористическіе акты... Что означаютъ эти явленія?

«Это судъ исторіи надъ вами. Это волненіе новой жизни, пробужденной долго накопившейся грозой, это отходная самодержавію... И революціонеру нашихъ дней не нужно быть утопистомъ-политикомъ для того, чтобы идеалъ своихъ мечтаній сводить съ небесъ на землю. Онъ суммируетъ, приводитъ къ одному знаменателю и облакаетъ въ плоть лишь то, что есть готоваго въ настроеніяхъ жизни и, бросая въ отвѣтъ на вызовъ въ бою свою ненависть, можетъ смѣло крикнуть насилію: я обвиняю!

...«Великій князь былъ однимъ изъ видныхъ представителей и руководителей реакціонной партіи, господствующей въ Россіи. Партія эта мечтаетъ о возвращеніи къ мрачнѣйшимъ временамъ Александра III-го, культъ имени котораго она исповѣдуетъ. Дѣятельность, вліяніе великаго князя Сергія тѣсно связаны со всѣмъ царствованіемъ Николая II, отъ самаго начала его. Ужасная Ходынская катастрофа и роль въ ней Сергія были вступленіемъ въ это злосчастное царствованіе. Разслѣдовавшій еще тогда причины этой катастрофы графъ Паленъ сказалъ, въ видѣ заключенія, что нельзя назначать безотвѣтственныхъ лицъ на отвѣтственные посты. И вотъ Боевая Организція Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ должна была безотвѣтственного передъ законовъ великаго князя сдѣлать отвѣтственнымъ передъ народомъ.

«Конечно, чтобы подпасть подъ революціонную кару, великій князь Сергій долженъ былъ накопить и накопилъ безчисленное количество преступленій передъ народомъ. Дѣятельность его проявлялась на трехъ различныхъ поприщахъ. Какъ Московскій Генераль-Губернаторъ, онъ оставилъ по себѣ такую память, которая заставляетъ блѣднѣть даже воспоминаніе о пресловутомъ Закревскомъ. Полное пренебреженіе къ закону и безотвѣтственность великаго князя сдѣлали изъ Москвы, поистинѣ, какое то особое великокняжество. Преслѣдованіе всѣхъ культурныхъ начинаній, закрытіе просвѣтительныхъ обществъ, гоненія на бѣдняковъ-евреевъ, опыты политическаго развращенія рабочихъ, преслѣдованіе всѣхъ протестующихъ противъ современнаго строя,—вотъ въ какого рода дѣяніяхъ выражалась роль убитаго, какъ маленькаго самодержца Москвы. Во вторыхъ, какъ лицо, занимающее видное мѣсто въ правительственномъ механизмѣ, онъ былъ главой реакціонной партіи, вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ попытокъ, покровителемъ всѣхъ наиболѣе яркихъ и видныхъ дѣятелей политики насильственнаго подавленія всѣхъ народныхъ и общественныхъ движеній. Еще Плеве заѣзжалъ къ великому князю Сергію за совѣтами передъ своей знаменитой поѣздкой въ Троицкую Лавру, за которой послѣдовала поѣздка на усмиреніе Полтавскихъ и Харьковскихъ крестьянъ. Его другомъ былъ Сипягинъ, его ставленникомъ былъ Боголѣповъ, затѣмъ Звѣревъ. Все политическое направленіе правительства отмѣчено его вліяніемъ. Онъ

боролся противъ слабой попытки смягченія желѣзнаго режима Святополкъ-Мирскимъ, объявляя, что «это—начало конца». Онъ провелъ на мѣсто Святополка своихъ ставленниковъ—Булыгина и Трепова, роль котораго въ кровавыхъ январскихъ событіяхъ слишкомъ извѣстна. Наконецъ, третье поприще его дѣятельности, гдѣ роль его была наиболѣе значительна, хотя и наименѣе пзвѣстна: это личное вліяніе на царя. «Дядя и другъ государевъ» выступаетъ здѣсь, какъ наиболѣе безпощадный и неуклонный представитель интересовъ династій».

Закончилъ Каляевъ свою рѣчь такими словами:

«Мое предпріятіе окончилось успѣхомъ. И такимъ же успѣхомъ увѣнчается, несмотря на всѣ препятствія, и дѣятельность всей Партіи, ставящей себѣ великія и историческія задачи. Я твердо вѣрю въ это,—я вижу грядущую свободу возрожденной и новой жизни трудовой, народной Россіи.

«И я радъ, я гордъ возможностью умереть за нее съ сознаніемъ исполненнаго долга».

Въ 3 часа дня Каляеву былъ вынесенъ приговоръ: смертная казнь.

«Я счастливъ вашимъ приговоромъ, — сказалъ онъ судьямъ,—надѣюсь, что вы рѣшитесь его исполнить надо мной такъ же открыто и всенародно, какъ я исполнилъ приговоръ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Учитесь смотрѣть прямо въ глаза надвигающейся революціи».

Каляевъ подалъ кассационную жалобу. Ее поддерживалъ въ Сенатѣ прис. пов. В. В. Беренштамъ. Въ ней Каляевъ писалъ:

«Я родился отъ матери польки и выросъ въ Варшавѣ, но всегда чувствовалъ себя русскимъ. Отецъ мой происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Рязанской губ., и отъ него я перенялъ любовь къ русскому народу. Изъ гимназій, единственной русской въ Варшавѣ, я вынесъ какую то романтическую любовь къ Россіи и жажду служенія ей во имя человѣчества. Но развившаяся во мнѣ съ раннихъ лѣтъ наблюдательность и склонность къ анализу окружающей дѣйствительности рано пріучили меня къ критической оцѣнкѣ отечественныхъ порядковъ. Мнѣ было тяжело въ атмосферѣ казеннаго патріотизма и національной вражды, и вотъ почему я не поступилъ въ Варшавскій университетъ, а уѣхалъ въ Москву. Параллельно съ развитіемъ моихъ политическихъ убѣжденій, шло развитіе моихъ общественныхъ симпатій. Мой отецъ служилъ околоточнымъ надзирателемъ въ варшавской полиціи и впоследствии артельщикомъ въ управленіи завода В. Гантке. Это былъ человѣкъ честный, не бралъ взятокъ, и потому мы очень бѣдствовали. Братья мои выросли рабочими, и мнѣ одному посчастливилось пробраться въ университетъ. Съ юныхъ лѣтъ я свылся съ интересами труда и нуждою, и сталъ вскорѣ убѣжденнымъ соціалистомъ. Я вѣрилъ въ свои силы, восторженно стремился къ высшему образованію и имѣлъ честныя

намѣренія быть честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, труженникомъ на пользу родному народу. Такимъ образомъ я заявилъ себя впервые публично во время студенческаго движенія СПб. Университета въ 1899 г. Въ результатѣ я былъ исключенъ безъ права обратнаго поступленія и высланъ на два года подъ надзоръ полиціи въ Екатеринославъ. Это было тяжелымъ ударомъ для меня, навсегда опредѣлившимъ мою судьбу. Живя въ Екатеринославѣ, я работалъ въ газетахъ, изучалъ хозяйственный бытъ Россіи, былъ членомъ ревизіонной комиссіи въ мѣстномъ просвѣтительномъ учрежденіи, но мнѣ жаль было терять мои молодые годы. На всѣ прошенія принять меня въ университетъ, даже по истеченіи срока надзора, я получилъ холодный отказъ. Близость моя съ революціонными дѣятелями с. - д. и вліяніе народовольческой литературы указали мнѣ выходъ изъ неопредѣленнаго положенія человѣка, которому отказано въ правѣ жить и развиваться. Съ тѣхъ поръ я сталъ убѣжденнымъ революціонеромъ. Въ декабрѣ 1901 г. я принялъ участіе въ комитетѣ партіи С. - Д. наканунѣ декабрьской демонстраціи. Демонстранты были разсѣяны и изранены полиціей. Я былъ готовъ отвѣтить на это покушеніемъ на жизнь тогдашняго губернатора графа Келлера, который вообще буйствовалъ въ губерніи, но, будучи одинокъ, долженъ былъ оставить свое намѣреніе. Террористическія идеи глубоко запали мнѣ въ душу, и я искалъ ихъ разрѣшенія въ дѣйствіи. Съ жаждой знанія, съ жаждой такой дѣятельности, которая захватила бы меня всего, я уѣхалъ за границу во Львовъ, гдѣ поступилъ въ университетъ и, кромѣ того, занялся изученіемъ революціонной литературы. Тамъ я опредѣлился окончательно. Дѣло Балмашева было какъ бы моимъ дѣломъ, но, имѣя связи съ социаль-демократами, я рѣшилъ принять участіе въ нелегальной дѣятельности, съ цѣлью найти себѣ соратниковъ для открытой революціонной борьбы. Лѣтомъ 1902 г., во время переѣзда изъ Львова въ Берлинъ, я былъ арестованъ германской полиціей, съ революціонными изданіями на пограничной таможенѣ, и выданъ русскимъ властямъ. Этотъ эпизодъ нѣсколько отклонилъ въ сторону мои намѣренія и надолго отсрочилъ ихъ осуществленіе. Выждавъ окончанія этого непріятнаго для меня инцидента, я въ октябрѣ 1903 г. уѣхалъ за границу. Съ тѣхъ поръ до послѣдняго дня я искалъ случая выйти въ качествѣ террориста. Мои непосредственныя чувства въ этомъ направленіи, мои мысли о необходимости подобнаго рода дѣйствій, питались вопіющими бѣдствами, выпавшими на долю моей родины. Заграницей я испыталъ, съ какимъ презрѣніемъ всѣ европейцы относятся къ русскому, точно имя русскаго—позорное имя. И я не могъ не придти къ заключенію, что поворотъ моей родины, эта чудовищная война внѣшняя и война внутренняя, этотъ открытый союзъ царскаго правительства съ врагомъ народа—капитализмомъ,—есть слѣдствіе той злостной политики, которая вытекаетъ изъ вѣковыхъ традицій самодержав-

вія». (см. кассационную жалобу И. П. Каляева въ сенатъ, «Былое», 1908 г. № 7).

Въ юридической части своей жалобы Каляевъ, исполняя свой долгъ, старался провести строго партійную точку зрѣнія, какъ онъ дѣлалъ это и на судѣ. Онъ коснулся вопроса царевубійства и отношенія Партіи къ анархизму. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ не считалъ для себя возможнымъ защищать свое личное мнѣніе. Онъ писалъ: «Еслибы я имѣлъ въ виду Его Величества, я сказалъ бы, что я дѣйствовалъ противъ Его Величества, и не было бы мнѣ надобности скрывать мою мысль въ общей формулѣ «противъ императорскаго дома». Моя формула имѣетъ ограничительное значеніе, и вовсе не касается въ этомъ смыслѣ Его Величества, какъ царствующаго монарха. Моя партія, насколько я понимаю партійную политику, не ставила вопроса о личности Его Величества. Въ своемъ заявленіи, какъ членъ партіи, сознающій свой долгъ блюсти ея интересы, я также не высказывалъ лично отъ себя больше, чѣмъ это мнѣ позволяла партійная дисциплина. Говоря о политикѣ Александра III и т. д., я имѣлъ въ виду не личность Его Величества, а партійную реакціонную политику, въ которой Великіе Князья принимаютъ самое невыгодное для Его Величества участіе. Это я и высказалъ словами: «Если вѣрно то, что такіе министры, какъ Плеве, губятъ монархію, то еще съ большимъ основаніемъ можно сказать, что такіе великіе князья, какъ Сергій Александровичъ, губятъ престижъ династіи». Въ изъясненіе настоящаго заявленія я считаю долгомъ подробнѣе развить свою мысль о томъ, что ни партія, ни я не могутъ быть признаны анархистами. Поэтому, во избѣжаніе неправильнаго толкованія моихъ мыслей, я заявляю свой протестъ противъ включенія формулы — «дядя Его Величества» — въ окончательную форму приговора.

«Въ государственномъ вопросѣ Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ стоитъ на точкѣ зрѣнія европейской социаль-демократіи, проповѣдующей участіе рабочаго народа въ государственномъ управленіи посредствомъ выборовъ въ Парламентъ. Наша партія, какъ и социаль-демократы, выставляетъ въ настоящее время требованіе всеобщаго избирательнаго права, и очень далека отъ анархистскаго отрицанія блага государственнаго народоуправленія. Я могу указать на программу, опубликованную въ одномъ изъ номеровъ «Революціонной Россіи», а также на заявленіе по случаю убійства Плеве, въ которомъ она явно отграничиваетъ себя отъ анархистовъ, повторяя заявленіе «Народной Воли».

Протестъ этотъ Сенатомъ уваженъ не былъ, и въ понедельникъ 9-го мая Каляевъ былъ перевезенъ на полицейскомъ пароходѣ изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургъ. Въ ночь на 10-ое мая, около 10 часовъ вечера, его посѣтилъ священникъ, о. Флоринскій. Каляевъ сказалъ ему, что, хотя онъ

человѣкъ вѣрующій, но обрядовъ не признаетъ. Священникъ ушелъ. Во второмъ часу ночи, когда уже свѣтало, Каляева вывели на дворъ, гдѣ чернѣла готовая висѣлица. На дворѣ находились представители сословій, администрація крѣпости, команда солдатъ и всѣ свободные отъ службы унтеръ-офицеры. Каляевъ взошелъ на эшафотъ. Онъ былъ весь въ черномъ, безъ пальто, въ фетровой шляпѣ.

Стоя неподвижно на помостѣ, онъ выслушалъ приговоръ. Къ нему подошелъ священникъ съ крестомъ. Онъ не поцѣловалъ креста и сказалъ:

— Я уже сказалъ вамъ, что я совершенно покончилъ съ жизнью и приготовился къ смерти.

Мѣсто священника занялъ палачъ Филиповъ. Онъ набросилъ веревку и оттолкнулъ ногой табуретъ.

Похороненъ Каляевъ за крѣпостною стѣною, между валомъ, окаймляющимъ крѣпость со стороны озера, и Королевской башней.

Б. В. Савинковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Похороны Льва Толстого до его смерти.

(1902 г.).

Левъ Николаевичъ умеръ 7 ноября 1911 г., но задолго до его смерти мысль о ней сильно беспокоила оберъ-прокурора Синода Побѣдоносцева, министра внутреннихъ дѣлъ и, конечно, Департаментъ Полиціи. Задолго до смерти всѣ эти члены опредѣляли свое отношеніе и выработали систему мѣропріятій, которая должна бы ослабить впечатлѣніе этого событія.

Левъ Николаевичъ серьезно болѣлъ въ 1901—02 годахъ, былъ близокъ къ смерти ¹⁾. Въ это время высшіе чины правительства изготовились окончательно. Сохранилась папка бумагъ, озаглавленная: «Графъ Левъ Толстой (Проекты распоряженій на случай кончины графа Льва Толстого).» Документы, заключенные въ этой папкѣ,—характера совершенно исключительнаго. Власти устроили похороны Льва Николаевича до его смерти.

Первый документъ — шифрованная телеграмма губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ, посланная 4 іюля 1901, года и подписанная за министра его товарищемъ кн. Святополкъ-Мирскимъ

„Въ случаѣ кончины находящагося крайне болѣзненнымъ состояніи писателя графа Льва Толстого, могутъ возникнуть ходатайства о чествованіи его памяти и устройствѣ по сему разныхъ собраній и вечеровъ. Необходимо отнестись къ разрѣшенію таковыхъ крайне осмотрительно, давать разрѣшенія лишь извѣстнымъ благонадежнымъ лицамъ, слѣдить за неуклоннымъ выполненіемъ программъ въ предѣлахъ разрѣшеннаго и не допускать никакихъ демонстративныхъ рѣчей, дѣйствій или манифестацій“.

Слѣдующій документъ относится уже къ январю 1902 года, когда Левъ Николаевичъ находился въ Ялтѣ (Гаспрѣ), и болѣзнь его приняла особо опасный оборотъ—29 января 1902 г. Министръ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягинъ отправилъ московскому генералъ-губернатору великому князю Сергію Александровичу слѣдующую телеграмму:

„Въ виду распоряженія Святѣйшаго Синода въ случаѣ кончины графа Льва Толстого не служить по немъ панихидъ, прошу распоряженія, чтобы въ мѣстныхъ изданіяхъ не разрѣшалось печатаніе какихъ либо объявленій о панихидахъ, а равно при

¹⁾ О болѣзни Л. Н. Толстого въ 1901—02 годахъ см. статью П. А. Буланже въ „Минувшихъ годахъ“ 1908, сент., 33—68. *Ред.*

нять мѣры къ устраненію всякихъ демонстративныхъ требованій о служеніи панихидъ. Подтверждаю также указанія сообщенныя телеграммой Товарища Министра 4 іюля*.

Подчеркнутыя слова вписаны въ текстъ черновика телеграммы собственноручно Сипягинымъ.

Такого же содержанія шифрованныя телеграммы были заготовлены на имя всѣхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полицеймейстеровъ. С.-Петербургскимъ градоначальнику и губернатору телеграмма въ копіи была препровождена при письмѣ отъ Директора Департамента Полиціи С. Э. Зволянскаго.

Кромѣ того, отъ 29 же января былъ заготовленъ проектъ циркулярной шифрованной телеграммы губернаторамъ:

„Въ случаѣ кончины графа Льва Толстого, не препятствуя помѣщенію изданійхъ некрологовъ, обзоровъ литературной дѣятельности, при соблюденіи объективности и осторожности, предлагаю не допускать свѣдѣній и разсужденій, имѣющихъ отношеніе постановленію Синода. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Сипягинъ“.

Симферопольскому же губернатору полетѣла 29 января шифрованная телеграмма такого содержанія:

„Въ случаѣ кончины графа Льва Толстого и возбужденія просьбы о перевозкѣ тѣла, разрѣшеніе можетъ быть дано только на перевозку въ Ясную Поляну. Сообщая о семъ, по приказанію Министра, прошу въ случаѣ выдачи разрѣшенія немедленно уведомить меня о семъ по телеграфу, также о днѣ выѣзда, для необходимыхъ распоряженій. Директоръ Зволянскій“.

Далѣе идутъ любопытнѣйшіе документы, въ которыхъ о Толстомъ уже говорится, какъ о скончавшемся. На первомъ мѣстѣ — проектъ секретнаго письма министра внутреннихъ дѣлъ К. П. Побѣдоносцеву:

„Милостивый Государь

Константинъ Петровичъ.

Имѣю честь сообщить Вашему Высокопревосходительству, для свѣдѣнія, что мною сего числа разрѣшено Таврическому Губернатору выдать свидѣтельство на перевозъ тѣла графа Толстого изъ Ялты въ Ясную Поляну.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности“.

Для числа, датирующаго письмо, оставлено пустое мѣсто.

Симферопольскому губернатору была заготовлена слѣдующая телеграмма:

„Благоводите принять зависящія мѣры къ воспрепятствованію какихъ либо демонстрацій по пути во время перевезенія тѣла графа Толстого. Директоръ Зволянскій“.

„ 4 января 1902 г.

Для губернаторовъ Екатеринославскаго, Харьковскаго, Курскаго, Орловскаго, Тульскаго предназначалась телеграмма со слѣдующимъ текстомъ:

„Тѣло графа Толстого перевозится изъ Ялты въ Ясную Поляну. Отправленіе числа. Благоволите принять зависящія мѣры къ воспрепятствованію какихъ-либо демонстрацій по пути. Директоръ Зволянскій.

„ 1 января 1902 г.“.

Тульскому губернатору была проектирована и специальная телеграмма:

„ 1 числа, согласно разрѣшенію Господина Министра, Таврическимъ Губернаторомъ выдано свидѣтельство на перевозъ тѣла графа Толстого изъ Ялты въ Ясную Поляну. Директоръ Зволянскій.

„ 1 января 1902 г.“.

Къ смерти Толстого подготовились не только въ Синодѣ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Мобилизовалось и министерство путей сообщенія. Приводимъ въ полной неприкосновенности поразительную депешу:

Копія.

Шифрованная депеша.

Харьковъ—Севастопольской

Начальнику дороги.

Ввиду вѣроятной скорой кончины находящагося въ Крыму писателя графа Толстого послѣдуетъ необходимость перевозки его тѣла до станціи Ясенки. Предлагается озаботиться приготовленіемъ траурнаго вагона и вагона для семейства.

Въ случаѣ обращенія семейства графа съ требованіемъ на перевозку предложите два маршрута.

По первому оба вагона слѣдуютъ отъ Севастополя до Ясенокъ почтовымъ поѣздомъ при этомъ для сокращенія стоянки въ Харьковѣ по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ предлагается почтовый поѣздъ привести въ Харьковъ съ опозданіемъ до сорока минутъ для сокращенія стоянки до пятнадцати минутъ и отправить изъ Харькова своевременно, не взирая на задержку почты.

По второму маршруту вагонъ съ тѣломъ отправляется изъ Севастополя скорымъ до Синельникова, гдѣ прицѣпляется къ воинскому номеръ двадцать четвертый до Бѣлгорода, откуда прицѣпляется къ почтовому, съ которымъ отъ Севастополя слѣдуетъ вагонъ семейства графа. Стоянка поѣзда номеръ двадцать четвертый въ Харьковѣ путемъ опозданія прибытіемъ сокращается до двадцати минутъ.

Объ избранномъ маршрутѣ телеграфируйте Управленію Желѣзныхъ дорогъ и конфиденціально сообщите Губернаторамъ Таврическому и Харьковскому.

Подпись: Вр. и об. Начальника Управленія Губеръ.

Вѣрно: Инж. Н. Жиленковъ.

Былое № 2.

8 февраля 1917 г. были отправлены слѣдующія шифрованные телеграммы:

Симферополь — Губернатору.

„На случай кончины графа Толстого и ходатайства о перевозѣ тѣла, не откажите сообразовать Ваши распоряженія съ указаніями, которыя Управляющій дороги получить отъ Министра Путей Сообщенія относительно поѣзда, съ которымъ можетъ быть отправлено. Директоръ Зволянскій“.

Харьковъ — И. Д. Губернатора.

„По соглашенію съ Министерствомъ Путей Сообщенія, въ случаѣ перевозки тѣла Толстого, вагонъ будетъ прицѣпленъ такому поѣзду, который прослѣдуетъ Харьковъ поздно ночью. Окружный путь затруднителенъ и можетъ недостигнуть цѣли, ввиду близости Харькову Мерефы и Люботина. Директоръ Зволянскій“.

Богъ миловаль, и вся Россія съ облегченіемъ узнала въ началѣ 1902 года, что Левъ Толстой внѣ опасности. Работа по составленію мѣропріятій пропала даромъ на этотъ разъ. Но документы были сохранены на будущій случай. Они были собраны и заключены въ папку, а П. Н. Дурново представилъ ихъ Министру при слѣдующемъ представленіи:

«При семъ представляются депеши, уже посланныя и заготовленные къ отправленію на случай кончины графа Толстого.

По моему мнѣнію самый существенный вопросъ о панихидахъ не разрѣшается депешей Д. С. Сяпегина. Сдѣланная имъ собственноручная приписка можетъ поставить мѣстную власть въ большое затрудненіе, въ случаѣ напр., обращенной просьбы отслужить панихиду къ священнику церкви, послѣ обѣдни. Проектъ письма К. П. Побѣдоносцеву заготовленъ тоже при покойномъ Министрѣ».

Такъ хоронили высшія петербургскія власти Льва Толстого до его смерти, въ 1902 году.

Воспоминанія о дѣлѣ 1 марта 1887 года ¹⁾.

Сдѣлавъ это отступленіе, я вернусь къ прерванной нити моего разсказа. Когда я узналъ, что первая боевая группа арестована цѣлкомъ, то я рѣшилъ выждать нѣкоторое время, чтобы первая горячка арестовъ прошла. Много шансовъ было за то, что въ числѣ арестованныхъ окажусь и я. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ предлагали мнѣ уѣхать за границу, что тогда еще было возможно, но это не входило въ мои планы. Нужно было готовить къ дѣйствию вторую боевую группу и потому оставаться въ Питерѣ. Перейти на нелегальное положеніе для меня было физически невозможно, такъ какъ вслѣдствіе моего чрезвычайно высокаго роста меня на улицѣ легко могъ бы опознать любой городской. Поэтому приходилось занять выжидательное положеніе. Меня могли арестовать по пустякамъ, по подозрѣнію, и за отсутствіемъ уликъ я могъ быть освобожденъ. Вводить же въ расчеты возможность предательства со стороны своихъ нѣтъ резона. На всякій случай я просилъ одного своего знакомаго, чтобы онъ раннимъ утромъ, не заходя на мою квартиру, посмотрѣлъ, выставленъ ли условный сигналъ о моемъ арестѣ, и если да, то чтобы немедленно отправился къ Пилсудскому и поторопился его съ отправкой конспиративной телеграммы (о моемъ арестѣ) въ одинъ южный городъ, а также, чтобы оповѣстилъ возможно широко въ университетъ и другихъ мѣстахъ о моемъ арестѣ, въ виду того, что полиціей могла быть устроена засада на моей квартирѣ и кто нибудь неожиданно могъ пострадать. Квартира моя еще раньше была очищена. Нужно замѣтить, что я жилъ со своимъ ученикомъ А. Д. на отдѣльной квартирѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ комнатъ и кухни, въ которой помѣщалась моя небольшая химическая лабораторія. Вечеромъ 2-го марта я уже былъ дома, еще разъ просмотрѣлъ свои бумаги и легъ спать. Въ два часа ночи меня разбудилъ звонокъ. Зная, что это пришли за мной, я попрощался со своимъ ученикомъ и пошелъ открыть дверь, изъ-за которой я слышалъ смущенный голосъ дворника: «Телеграмма». Какъ только дверь раскрылась, въ комнату ввалилась толпа полицейскихъ и понятыхъ. Приставъ сказалъ, что имѣетъ предписаніе сдѣлать у меня обыскъ. Начали шарить у меня въ квартирѣ, но мнѣ сразу бросилось въ глаза, что этотъ обыскъ весьма поверхностный и, напр., даже не разсматривали

¹⁾ См. „Вылое“, июль, 1917 г.

банокъ въ химической лабораторіи, удовлетворившись моимъ заявленіемъ, что это реагенты для химическаго анализа. Изъ этого я заключилъ, что ничего серьезнаго пока нѣтъ у полиціи противъ меня. Просматривая мои бумаги, приставъ спросилъ, гдѣ хранится моя переписка. Я отвѣтилъ, что не люблю давать постороннимъ читать свои письма, и потому ихъ уничтожаю. Затѣмъ я увидѣлъ, что начинаютъ откладывать въ сундучекъ нѣкоторыя изъ моихъ книгъ. Это были все книги учебныя и разрѣшенныя цензурой, и когда опускали въ сундучекъ «Исторію материализма» Ланге, я спросилъ, что это значить. Приставъ отвѣтилъ: «Видите ли, у меня есть секретное предписаніе забрать у васъ всѣ книги по химіи, а поэтому я долженъ взять Ланге (sic)». Всѣ эти книги было конфискованы, и между ними нѣкоторыя имѣли для меня особую цѣну, какъ литографированныя записки по органической химіи Бутлерова. По окончаніи обыска приставъ сказалъ, что, хотя у меня въ квартирѣ не оказалось ничего противозаконнаго, но онъ долженъ меня, согласно предписанію, арестовать и потому предложилъ слѣдовать за нимъ вмѣстѣ съ городовыми въ часть. Ночь была тихая, улицы пустынные, и мы толпою двинулись въ путь. По дорогѣ приставъ выражалъ сожалѣніе, что студенты бунтуютъ, вмѣсто того, чтобы спокойно заниматься науками. Я замѣтилъ, что, именно, студентамъ не дають спокойно заниматься, а хватаютъ и таскаютъ въ участки, какъ, напр., меня въ данный моментъ. Когда мы пришли въ часть, приставъ быстро сталъ давать порученіе одному околоточному надзирателю: «На счетъ Бѣлоусова скажите, что на Малой Итальянской, домъ № 51 такого артиста вовсе тамъ не оказалось». Я насторожился и обезпокоился, такъ какъ онъ назвалъ домъ и квартиру, въ которой недавно жаль Новорусскій. ¹⁾ Въ части меня не обыскивали, а предложили съ однимъ городовымъ ѣхать на Гороховую, въ охранный отдѣленіе. Это опять указывало на то, что противъ меня еще нѣтъ серьезныхъ уликъ. Когда мы вдвоемъ пріѣхали, и вошли въ извѣстный уголовный домъ на Гороховой улицѣ, насъ встрѣтили заспанные чиновники сыскаго отдѣленія. Одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ передать ему имѣющіяся при мнѣ деньги, а затѣмъ просилъ подождать. Время тянулось медленно: иногда слышно было хлопанье дверей,—это привозили новыхъ; ихъ размѣщали по свободнымъ комнатамъ. Уже разсвѣло. Мало по малу стали собираться чиновники. Въ той комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, двое изъ нихъ вели оживленный разговоръ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Одинъ изъ нихъ нападалъ на революціонеровъ за то, что они приобѣгаютъ къ динамиту, и выражалъ опасеніе, что теперь, чего добраго, небезопасно даже курить папиросы. Того и гляди, онѣ окажутся

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что Канчеръ, или по забывчивости, или умышленно, чтобы дать возможность Новорусскому скрыться, назвалъ его въ своемъ показаніи Бѣлоусовымъ.

начиневными динамитомъ, и разворотятъ тебѣ всю фізіономію. Другой, напротивъ, доказывалъ, что социалисты дѣйствуютъ рационально: разъ ихъ притѣсняютъ и круто съ ними расправляются, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они защищаются. Затѣмъ меня перевели въ другую комнату, гдѣ какой то агентъ просматривалъ письма: должно быть, занимался перлюстраціей частной корреспонденціи. Почтальонъ принесъ ему кипу писемъ; онъ посматривалъ конверты на свѣтъ, нѣкоторые разрывалъ и, пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ, комкалъ письмо и бросалъ въ корзину; повидимому, исполнялъ свое дѣло весьма небрежно. Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ находилъ цвѣтные листки, которые вынималъ и откладывалъ въ сторону. Время тянулось. Меня опять перевели въ новую комнату, и здѣсь я столкнулся съ арестованной курсисткой. Никто меня не спрашивалъ и, видимо, моя особа весьма мало интересовала чиновъ сыскаго отдѣленія. Наконецъ, меня перевели въ одну небольшую комнату, гдѣ сидѣлъ жандармскій офицеръ и какой то чиновникъ, повидимому, занимавшійся расшифровкой конспиративнаго письма, такъ какъ предъ нимъ лежала записная книжка, и онъ все продѣлывалъ различные вычисления. Къ нимъ приходили какіе то чины, и межъ всѣми ними велся оживленный разговоръ объ Осипановѣ. «Представьте себѣ, говорилъ молодой жандармскій офицеръ, вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ Осипановъ бросилъ бомбу. Никому изъ насъ въ голову не пришло, что у него подъ мышкой снарядъ. Мы думали—это простая книга. И когда онъ бросилъ эту книгу, то Н. Н. (тутъ по имени и отчеству офицеръ назвалъ одного чиновника) сказалъ: «Фу, какой дерзкій!» Когда же подняли книгу и увидѣли, что она очень тяжела, и не раскрывается, то мигомъ сообразили, въ чемъ дѣло, и тотчасъ съ предосторожностями препроводили ее къ эксперту. Вы понимаете, какой опасности мы всѣ подвергались! Гдѣ тѣ, что привели Осипанова сюда?» и когда явились сыщики, офицеръ продолжалъ: «Вѣдь, моя жизнь подвергалась опасности при исполненіи служебныхъ обязанностей, и за это я долженъ получить награду, такъ вы (онъ обратился къ сыщикамъ) должны давать согласныя показанія». Тутъ была продѣлана репетиція, что должны были на слѣдствіи говорить сыщики, и гдѣ указать мѣсто паденія снаряда и мѣсто нахождения въ этотъ моментъ жандармскаго офицера. Меня поразило навѣстіе, что снарядъ не взорвался. Значитъ, клапанъ въ немъ не былъ открытъ, и отчего это произошло, я терялся въ догадкахъ. Позднѣе, уже на судѣ, я узналъ отъ Осипанова, что когда его вели по лѣстницѣ въ охранное отдѣленіе, онъ сдѣлалъ попытку высвободить правую руку, чтобы потянуть за шнурокъ открывающій клапанъ. Сыщики же, думая, что онъ хочетъ вырваться, еще крѣпче его схватили, такъ что, повидимому, ему не удалось потянуть за шнурокъ, по которому только скользнула его рука. Въ виду этого на судебномъ слѣдствіи я хотѣлъ выяснитъ состояніе запаловъ въ мо-

ментъ ареста и черезъ первоприсутствующаго задалъ на этотъ счетъ вопросъ эксперту (генер.-маіору Федорову). Оказалось, что первоприсутствующій не имѣетъ никакого понятія объ устройствѣ запала (напр., онъ думалъ, что если потянуть за шнурокъ, то происходитъ взрывъ), а экспертъ уклонился отъ отвѣта сказавъ, что бомбы были вполне годны къ употребленію. Ни въ обвинительномъ актѣ, ни на судебномъ слѣдствіи не было указано устройство запаловъ. Насколько я могу судить, полиція не желала дѣлать огласки на этотъ счетъ. Хотя брошенный Осипановымъ снарядъ не взорвался и, благодаря этому, въ нѣкоторыхъ кругахъ революціонеровъ составилось невыгодное мнѣніе объ устройствѣ нашихъ бомбъ (см. напр., отзывъ объ нихъ въ «Свободной Россіи» 1889 г.), но полиція и экспертиза были другого мнѣнія. Когда человѣка крѣпко держатъ за руки, какъ это было съ Осипановымъ, то трудно дѣйствовать; у Андреюшкина былъ въ карманѣ заряженный револьверъ-бульдогъ, и онъ не могъ пустить въ дѣло ни бомбы, ни револьвера (его тоже крѣпко держали). И было бы опрометчиво заключить отсюда о непригодности револьвера. Напротивъ, на предварительномъ слѣдствіи П. Н. Дурново очень хотѣлъ узнать, кто придумалъ систему запаловъ съ клапаномъ. Когда я сказалъ, что принципъ запала, какъ въ этихъ бомбахъ, такъ и въ прежнихъ, одинъ и тотъ же, то П. Н. Дурново отвѣтилъ: «Извините, я пушки, и ружье, и револьверъ центральнаго боя устроены по одному и тому же принципу, но громадная разница въ удобствахъ ихъ примѣненія для извѣстныхъ цѣлей. Такъ и снарядъ съ клапаномъ, дѣлающимъ его въ обычное время безвреднымъ, имѣетъ большое преимущество въ употребленіи». Очевидно, полиція не находила эту систему запала плохой.

Итакъ, я съ живѣйшимъ интересомъ прислушивался къ разговору, желая побольше узнать о своихъ товарищахъ. Меня не замѣчали. Когда затѣмъ комната опустѣла, то одинъ офицеръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Вѣрно, вы пришли хлопотать о свиданіи съ кѣмъ либо изъ арестованныхъ?» Я отвѣтилъ, что меня пригласили явиться сюда по какому то дѣлу. Изъ всего было видно, что пока обо мнѣ сыскной полиціи ничего серьезнаго не было извѣстно. Такъ просидѣлъ я еще довольно много времени. Начало смеркаться. Вдругъ ко мнѣ въ комнату вошелъ Дурново и обратился ко мнѣ со словами: «Подумайте, что у васъ было на квартирѣ Ульянова», и удаллся. Я не могъ сообразить, на что онъ намекаетъ. О возможности предательства я не думалъ; скорѣе всего я допускалъ, что хозяйка квартиры Ульянова могъ услышать лягъ жести, когда мы ее разрѣзывали для снарядовъ. Уже стемнѣло. Наконецъ, мнѣ предложилъ ѣхать. Я сѣлъ съ жандармскимъ офицеромъ и двумя вооруженными жандармами въ карету, и мы тронулись въ путь. Хотя окна кареты были завѣшаны, но я могъ ориентироваться, куда мы направляемся. Это для меня имѣло значеніе. Если бы меня повезли въ

домъ предварительнаго заключенія, то это указывало бы, что у полиціи пока еще нѣтъ ничего особенно важнаго относительно меня. Но вотъ карета завернула по направленію къ Петропавловской крѣпости, и, слѣдовательно, уже нашлись вѣскія улики противъ меня. По пріѣздѣ на мѣсто, меня повели въ пустую камеру, гдѣ предложили мнѣ совершенно раздѣться, и я подвергся здѣсь отвратительному обыскиванію, послѣ чего мнѣ дали надѣть крѣпостное бѣлье, халатъ, коты и перевели меня въ другую камеру въ нижнемъ этажѣ и заперли. Такъ я впервые очутился въ казематѣ подъ замкомъ. Я осмотрѣлъ свое новое помѣщеніе. Камера довольно просторная, сводчатая, съ асфальтовымъ поломъ и порядочно грязная. Окно небольшое подъ самымъ потолкомъ; двойная желѣзная рѣшетка заминаятъ оконныя рамы, и въ пстли рѣшетки вставлены стекла. Въ углу — параша. Вода скудно сочится изъ маленькаго крана, когда его открыть. Желѣзная кровать и желѣзный столъ, наглухо укрѣпленные, и на столѣ небольшая керосиновая лампа — вотъ и все убранство камеры. Я позвонилъ и спросилъ, чтобы мнѣ дали или купили что либо стѣстное, такъ какъ я весь день ничего не ѣлъ. Дежурный мнѣ отвѣтилъ, что теперь уже поздно, что уживъ давно розданъ, а покупать на свои деньги можно только въ опредѣленные дни, и то заблаговременно подавать записку объ этомъ. Я пошagalъ по камерѣ еще нѣкоторое время и легъ спать. Въ часъ или два ночи меня разбудили и стали торопить одѣваться и ѣхать на допросъ. Когда меня привезли на Гороховую, то поручили меня допрашивать какому то грубому и нахальному жандармскому офицеру. При этомъ присутствовали и др. жандармскіе офицеры. Одинъ изъ нихъ спросилъ, не было ли наше покушеніе мщеніемъ за Варшавскія казни (по процессу 28). Другой, ругая революціонеровъ, съ пѣной у рта сталъ доказывать, что это покушеніе — еврейская продѣлка, что это жиды все устроили и т. д. Такъ какъ я не обнаруживалъ охоты ни вступать съ ними въ пререканія, ни въ собесѣдованіе, то прокуроръ Котляревскій, отстранивъ жандармскихъ офицеровъ, самъ принялся снимать съ меня допросъ. Онъ сказалъ, что я обвиняюсь въ участіи въ покушеніи на жизнь царя. Я спросилъ, на чемъ основано это обвиненіе. Сначала Котляревскій утверждалъ, что у него имѣются на этотъ счетъ вѣрныя данныя, и хотѣлъ добиться моего признанія, но такъ какъ изъ этого ничего не выходило, то далъ мнѣ прочесть показаніе Канчера. Въ этомъ показаніи говорилось о томъ, какъ онъ, Канчеръ, вмѣстѣ съ Волоховымъ по моему порученію явились на квартиру Ульянова за бомбами, какъ онъ тамъ засталъ меня и Ульянова за работой (набивкой бомбъ), и какъ онъ унесъ затѣмъ снаряды, — все это было описано съ такими подробностями, которыя могъ знать только очевидецъ и участникъ. Прочтя эту бумагу я сказалъ, что такія показанія даны, очевидно, подъ вліяніемъ всякаго рода обѣщаній на счетъ смягченія участи арестованнаго, и что

изъ-за желанія облегчить свое положеніе, обвиняемый можетъ сдѣлать какіе угодно оговоры другихъ лицъ. «Нѣтъ, не обѣщаніями мы получаемъ признанія, отвѣтилъ Котляревскій, а иными средствами вырываемъ признанія у тѣхъ, кто отказывается давать намъ показанія: мы вздергивали на дыбу, вытягивали жилы, кормили селедками и пить не давали». Угрозы пытками не приходилось считать совершенно пустыми. Вѣдь, въ 60-хъ годахъ, во время польскаго возстанія къ пыткамъ прибѣгали неоднократно: въ той или иной формѣ онѣ практиковались и въ концѣ 70-хъ годовъ (напр., одного участника въ подкопѣ въ Херсонское казначейство жестоко били, желая вынудить признаніе, гдѣ спрятаны деньги). Даже въ настоящее время, когда за истекшіе 20 лѣтъ агенты правительства несомнѣнно успѣли нѣсколько цивилизоваться, нельзя сказать, чтобы арестованный былъ гарантированъ отъ пытокъ и истязаній, съ цѣлью вынудить его дать нужныя для правительства показанія. Патріархальные приемы сыска въ Россіи еще не отошли въ область преданій.

Когда допросъ принялъ такой оборотъ, я рѣшилъ прекратить съ Котляревскимъ всякіе разговоры и ограничился краткимъ заявленіемъ такого рода: хотя я по своимъ воззрѣніямъ социалдемократъ, но не принималъ никакого участія въ приписываемомъ мнѣ замыслѣ. Къ сожалѣнію, я тогда еще не зналъ, что обвиняемый имѣетъ право отказаться отъ дачи показаній. Съ судебной процедурой я былъ мало знакомъ. Хотя я, вмѣстѣ со студентами-юристами, осматривалъ мѣста заключенія: Литовскій замокъ, домъ Предварительнаго заключенія, только что построенные «Кресты» и еще одну старую тюрьму (теперь, вѣроятно, уже сломленную), хотя я по временамъ и посѣщалъ лекціи проф. Фойницкаго, читавшаго уголовное судопроизводство, но за недостаткомъ времени дѣлалъ это урывками и былъ совершенно недостаточно освѣдомленъ въ этомъ отношеніи. Практичнѣе и цѣлесообразнѣе всего было бы разспросить опытнаго юриста насчетъ тѣхъ пунктовъ, которые ближе всего касаются революціонеровъ, попавшихъ въ руки своихъ враговъ. Этого я не успѣлъ сдѣлать.

Послѣ моего заявленія меня снова отвезли въ крѣпость. Когда я очутился вновь въ своей камерѣ, я почувствовалъ, что счеты мои съ жизнью кончены, и мнѣ было очень тяжело при мысли, что приходится проститься навсегда со своими планами и надеждами и погибнуть въ расцвѣтѣ силъ, не успѣвъ сдѣлать ничего положительнаго, осязательнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было крайне больно, что начались оговоры среди членовъ нашей группы.

На слѣдующій день утромъ мнѣ дали кусокъ чернаго хлѣба и кружку кипятку, ¹⁾ а также полотенце, сказавъ, что полотенце нужно возвратить, когда я умоюсь. Черезъ нѣкоторое время меня

¹⁾ По положенію, въ Петропавловской крѣпости ни чаю, ни благаго хлѣба заключеннымъ не полагается, но можно и то, и другое выписывать на свои деньги.

снова повезли въ закрытой каретѣ, но куда, я не могъ опредѣлить, только не на Гороховую улицу и не въ Департаментъ полиціи, такъ какъ я зналъ расположеніе улицъ въ Петербургѣ. Вѣхали мы долго, наконецъ, завернули во дворъ одного многоэтажнаго дома и остановились во дворѣ. Тутъ мнѣ предложили выйти изъ кареты и слѣдовать по указанію жандармовъ, которые вмѣстѣ съ офицеромъ стали подниматься по лѣстницѣ вверхъ. Взошли мы на самый верхній этажъ, гдѣ оказалась стеклянная галлерея, жаровня, съ горящими углями, нѣсколько стульевъ, да двое раскрытыхъ дверей, ведущихъ въ сосѣднюю темную комнату, расположенную параллельно галлерей. Въ этой комнатѣ слышно было шутканье многочисленныхъ голосовъ. Меня усадили на стулъ бокомъ противъ одной двери. Оказалось, что въ темной комнатѣ былъ извѣстный контингентъ шпионовъ, которые рассматривали меня съ одной стороны, чтобы припомнить, не видѣли ли меня когда нибудь, и при какихъ обстоятельствахъ, а съ другой, чтобы запомнить мое лицо на будущее время. Находясь въ темной комнатѣ, они могли меня хорошо видѣть, тогда какъ мнѣ трудно было ихъ различить. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ меня тутъ же сдѣлали нѣсколько фотографическихъ снимковъ въ разныхъ позахъ, и въ верхнемъ платьѣ, и безъ него. Затѣмъ меня снова повезли на допросъ. Опять прокуроръ Котляревскій, вмѣстѣ съ жандармскими офицерами, прилагали всякія усилія, чтобы добиться моего признанія въ участіи въ замышлявшемся покушеніи. Но такъ какъ ихъ усилія были безуспѣшны, то они дали мнѣ прочесть нѣсколько показаній разныхъ лицъ, изъ которыхъ я увидѣлъ, что фактъ снаряженія бомбъ на квартирѣ Ульянова твердо установленъ, такъ какъ и самъ Ульяновъ, конечно, не называя меня, сознался, что, дѣйствительно, набивалъ динамитомъ снаряды у себя на квартирѣ. Полагая, что при дальнѣйшемъ слѣдствіи мое участіе будетъ раскрываться все больше и больше, я счелъ бесполезнымъ свое заpirationство, и потому заявилъ, что, дѣйствительно, дѣлалъ то, въ чемъ меня обвиняютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я счелъ нужнымъ положить мотивы, которые побудили меня къ террористической дѣятельности, и какъ я постепенно пришелъ къ мысли о необходимости активной борьбы съ правительствомъ. Изъ осторожности я долженъ былъ кое о чемъ умолчать, именно, о преслѣдованіяхъ инородцевъ, чтобы не дать повода полиціи и рептильной прессѣ выставять наше дѣло, какъ революціонную вспышку со стороны поляковъ, и тѣмъ оно съ одной стороны утратило бы характеръ общности протеста противъ существующаго режима, а съ другой—могло бы подать поводъ къ еще большей травлѣ поляковъ. Насколько въ этомъ отношеніи революціонная молодежь въ мое время была осторожна, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Когда директоръ технологическаго института своими придирками и притѣсненіями возбудилъ общее негодованіе студентовъ, то они рѣшили оскорбить его дѣйствіемъ. Вызвавшіеся добровольцы хотѣли кинуть жребій межъ собою, но затѣмъ, обсудивъ дѣло, пришли къ заключенію,

что будетъ неудобно, если жребій падеть на поляка, такъ какъ въ этомъ случаѣ все дѣло выставятъ, какъ польскую интригу, утратится общность протеста, да и могутъ быть приняты разныя репрессіи по отношенію къ студентамъ-полякамъ. Но съ другой стороны, полякамъ было неудобно сваливать всю тяжесть борьбы съ администраціей на однихъ русскихъ студентовъ. Поэтому, поляки кинули жребій промежъ себя, русскіе сдѣлали то же, и затѣмъ одновременно студентъ полякъ ударилъ директора по одной половинѣ фізіономіи, а русскій—по другой.

Изложить свои взгляды и мотивы въ одинъ приѣмъ я не могъ, тѣмъ болѣе, что писалъ сначала начерно, и потому меня раза два или три возили для этого на Горюховую. Курьезно то, что Котляревскій, который на первомъ допросѣ грозилъ мнѣ пытками, чтобы заставить меня сознаться въ революціонной дѣятельности, прочитавъ мою бумагу, сталъ совѣтовать смягчить рѣзкія выраженія относительно правительства ¹⁾.

Что же касается дальнѣйшихъ допросовъ (меня не разъ возили въ сыскное отдѣленіе), то я признавалъ относительно себя то, что указывали мои соучастники; при этомъ, конечно, я старался сдѣлать такъ, чтобы не повредить кому либо признаніемъ того или другого факта. Поэтому, я обыкновенно требовалъ, чтобы мнѣ дали прочесть показаніе того лица, которое сообщало что либо о моей дѣятельности, и только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ довольствовался словеснымъ изложеніемъ обвиненія, которое должно было сопровождаться подробностями, исключающими возможность подвоха или фальсификаціи ²⁾. Самымъ главнымъ пунктомъ моего обвиненія было то, что я съ Ульяновымъ набивалъ динамитомъ бомбы; другіе пункты имѣли меньшее значеніе,—какъ передача нѣкоторыхъ вещей Канчеру, рекомендація въ Вильно, побѣгъ Говорухина. Я ожидалъ, что постепенно мое участіе въ дѣлѣ будетъ разоблачаться все далѣе, но такъ какъ ни Шевыревъ, ни Ульяновъ ничего не желали говорить обо мнѣ, сама полиція ничего не знала (не могла даже доказать моего знакомства съ металлщиками), а Канчеру было неудобно о многомъ рассказывать (въ этомъ случаѣ ему предстояло еще больше себя запутать), то вышеприведенными пунктами и ограничилось мое обвиненіе. Поэтому судъ отнесъ меня въ третій разрядъ (1-ый — зачинщикъ, 2-ой сообщники, 3-ій—болѣе или менѣе необходимые пособники), куда были причислены Новорусскій, Пилсудскій, Ананьина, Шмидова, Пашковскій.

Кажется, на страстной недѣлѣ первоприсутствующій Дейеръ вручилъ мнѣ въ крѣпости обвинительный актъ. Я съ жадностью сталъ читать его, въ надеждѣ узнать, какимъ образомъ была выслѣжена боевая группа, но, увы, этого не нашелъ. Но за то узналъ,

¹⁾ Когда мое участіе въ покушеніи было установлено, то на моей квартирѣ былъ сдѣланъ вторично обыскъ, и притомъ самый тщательный: перевернули все вверхъ дномъ, даже распарывали подушки и матрацъ. Конечно, ничего не нашли.

²⁾ И все таки не обошлось безъ подвоха кое въ чемъ.

что весь нашъ центральный кружокъ подъ замкомъ, и въдобавокъ много такихъ лицъ, (Новорусскій, Ананьина, Пилсудскій, Пашковскій), которыя попали въ руки полиціи по оговору. Защитника мнѣ назначили отъ суда—Припца (фамилію хорошо не помню—она похожа на титулъ), старика, мало интересовавшагося нашимъ дѣломъ, и враждебно относившагося къ революціонерамъ. Онъ долженъ былъ одновременно защищать и меня, и Пилсудскаго. Мнѣ дали свиданіе въ крѣпости съ защитникомъ. Думая, что моя казнь неизбежна, я объяснилъ защитнику, что рѣшилъ обратиться съ ходатайствомъ къ судьямъ, чтобы мнѣ замѣнили обычную казнь черезъ повѣшеніе разстрѣляніемъ, такъ какъ зналъ, что это подлежало компетенціи суда на основаніи 18 статьи Уложен. о Наказан. издан. 1883 г. Это я хотѣлъ сдѣлать, конечно, не потому, чтобы я считалъ одинъ видъ казни болѣе почетнымъ, чѣмъ другой, а просто по субъективнымъ причинамъ, признавая разстрѣлъ болѣе легкимъ способомъ перехода въ небытіе. Но мой защитникъ сталъ категорически отсовѣтовывать дѣлать этотъ шагъ, выражая твердую надежду, что судъ приметъ во вниманіе то, что покушеніе не состоялось, и вслѣдствіе этого смягчитъ наказаніе.

Мнѣ очень хотѣлось узнать подробнѣе, что раскрыто предварительнымъ слѣдствіемъ. Будучи еще на волѣ, я читалъ отчетъ (изданіе Народн. Воли) о Варшавскомъ процессѣ 28-ми, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ читали въ подлинникѣ цѣлые томы своего дѣлопроизводства. Отсюда я заключилъ, что я имѣю право на прочтеніе нашего дѣла, и подалъ въ сенатъ заявленіе объ этомъ. Никакого отвѣта я не получилъ, но когда насъ перевезли на время суда въ домъ предварительнаго заключенія, то однажды меня вызвали въ свободную камеру и тамъ, въ присутствіи особаго чиновника, дали мнѣ сброшюрованные документы по нашему дѣлу часа на два для просмотра. Тутъ я могъ познакомиться съ тѣмъ, кто какія показанія давалъ и что было раскрыто шпионами (по крайней мѣрѣ отчасти). Насколько можно судить по документамъ, поводомъ къ раскрытію нашего замысла послужило письмо Андреюшкина къ Богоразу (Тану), который какъ разъ въ это время былъ арестованъ, и письмо къ нему перехвачено. Оно въ общемъ безобиднаго содержанія, но одна фраза могла подать поводъ для установленія тайнаго надзора за Андреюшкинымъ, а именно—«боюсь попасть на казенныя харчи, такъ какъ повлечъ бы за собою много хорошаго народу». Правда, Андреюшкинъ, принявъ на себя роль метальщика, сталъ вести тихій и уединенный образъ жизни, такъ что не могъ никакъ возбудить подозрѣнія. Но когда онъ, вмѣстѣ съ другими, сталъ выходить на улицу и подолгу ждать проѣзда царя, то обратилъ на себя вниманіе сыщиковъ, и они успѣли выслѣдить и тѣхъ, кто былъ вмѣстѣ съ нимъ. На судѣ шпионы показывали, какъ они слѣдили за Андреюшкинымъ, и какъ передавали его другъ другу, и какъ, наконецъ, имъ удалось выслѣдить Оспанова. 1-го марта метальщики не могли дождаться выѣзда царя изъ дворца (было

уже пополудни), озябли и рѣшили зайти въ трактиръ немного огрѣться, закусить и столковаться, что дѣлать дальше. Между собою они держались на улицѣ, какъ незнакомыя другъ другу лица, и потому пришлось, по опредѣленному сигналу, котораго шпионы не замѣтили, сойтись въ одномъ мѣстѣ. Но когда они очутились въ трактирѣ, куда, разумѣется, зашелъ и сыщикъ, шпионившій за Андреюшкинымъ, то онъ глазъ не спускалъ съ этого послѣдняго, и ему удалось подмѣтить, какъ обмѣнялись сигналами Андреюшкинъ съ Осипановымъ. Такъ былъ открытъ послѣдній неизвѣстный полиціи метальщикъ изъ первой группы. Къ Осипанову были тотчасъ приставлены шпионы, и вскорѣ всѣ метальщики были схвачены.

Изъ Петропавловской крѣпости насъ перевезли передъ самымъ судомъ въ домъ Предварительнаго заключенія и помѣстили насъ въ нижнемъ этажѣ. Тутъ порядки гораздо лучше, чувствуется жизнь, и нѣтъ такой удручающей тишины, изолированности и одиночества, какъ въ Петропавловкѣ. По ночамъ у насъ были открыты дверныя форточки, газъ горѣлъ всю ночь непрерывно, и за нами усердно присматривали.

Судило насъ Особое Присутствіе Сената, съ сословными представителями. Выстроивъ насъ въ длинную вереницу на корридорѣ, при чемъ межъ каждымъ двумя подсудимыми въ цѣпи стоялъ жандармъ, насъ повели въ судъ. Предсѣдатель Дейеръ сразу же проявилъ свою придирчивость къ намъ, закричавъ: «Безъ рукопожатій!» когда увидѣлъ, что я здороваюсь съ Ульяновымъ, и другіе дѣлаютъ то же. Онъ грозился также вывести изъ суда Генералова, который не могъ безъ смѣха слушать показаній сыщиковъ и полицейскихъ. Допросъ свидѣтелей, которые всѣ были выставлены со стороны обвиненія, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ вызвалъ Новорусскій, не имѣвшій защитника, длился довольно долго, и тутъ было не мало интереснаго. Такъ, напр., выяснилось, что когда полиція узнала квартиру Новорусскаго въ Парголовѣ, то сначала урядникомъ была послана въ качествѣ соглядатая его жена, подъ видомъ, будто она желаетъ посовѣтоваться съ акушеркой Ананьиной (тещей Новорусскаго), а въ дѣйствительности, чтобы высмотрѣть квартиру и узнать, много ли тамъ народу. Когда затѣмъ нагрянула полиція, то, опасаясь вооруженнаго сопротивленія, она впередъ выслала понятыхъ и старосту, которые простодушно рассказывали, какъ они думали, что уже имъ пришелъ конецъ. Когда же, ворвавшись въ квартиру и схвативъ Новорусскаго, мирно бесѣдовавшаго со своей невѣстой, полицейскіе замѣтили въ квартирѣ много стеклянной посуды, то приставъ обратился въ Департаментъ, чтобы прислали техника, но ему отвѣтили—«пусть самъ возьметъ эту посуду». Подъ табуретомъ нашли чугунокъ съ водой, въ которой стояла стеклянка съ унцомъ нитроглицерина. Она то ихъ страшно напугала. Брюхомъ по землѣ они начали ползать, чтобы высмотрѣть, нѣтъ ли какихъ либо проволокъ отъ этого чугунка, идущихъ куда нибудь.

Съ перепугу у нихъ двоилось въ глазахъ, и показалось, что идутъ какія то проволочки отъ чугушка, о чемъ они не замедлили доложить директору департамента полиціи. Когда же имъ повторно былъ данъ приказъ доставить посуду, то эта злополучная стекляночка съ большой помпой, обложенная льдомъ, что велѣлъ сдѣлать приставъ «по логическому соображенію», какъ онъ объяснилъ на судѣ, была доставлена въ Петербургъ. Характерны были показанія квартирной хозяйки Говорухина, которая въ свое время сдѣлала доносъ на Говорухина, а на судѣ хотѣла повредить Шмидовой, и вошла въ такой азартъ, что начала гримасничать и присѣдать, такъ что Дейеръ унялъ ее словами: «Свидѣтельница, не увлекайтесь!» Эту даму, типъ истинной черносопки, Неклюдовъ выставилъ какъ образецъ гражданской доблести: чуть что подсмотреть, тотчасъ сдѣлаетъ доносъ куда слѣдуетъ.

Любопытны были показанія шпионовъ, какъ они слѣдили за Андреюшкинымъ, и какъ, наконецъ, имъ удалось подмѣтить Осипанова, о чемъ я говорилъ выше.

Что же касается свидѣтельствъ экспертизы, то въ нѣкоторыхъ пунктахъ ее можно назвать недобросовѣстной. Такъ, напр., у меня нашли старый преисъ-курантъ аптекарскаго магазина Грузевскаго въ Вильнѣ, относящійся еще къ тому времени, когда я былъ въ гимназіи, и не имѣвшій никакого отношенія къ нашему дѣлу. Въ этомъ преисъ-курантѣ были отмѣчены карандашемъ разныя вещества, которыя я въ давнее (гимназическое) время покупалъ для своей маленькой лабораторіи, и, между прочимъ, наряду съ солями стронція, барія, сурьмы etc. были отмѣчены глицеринъ и ртуть. И вотъ это дало поводъ къ заключенію, что у меня «найденъ каталогъ съ отмѣтками взрывчатыхъ (!) веществъ». Какъ будто ртуть и глицеринъ принадлежать къ взрывчатымъ веществамъ. Если бы кто нибудь выписалъ себѣ сукна, ваты, фланели, нитокъ и пуговицъ, то его также можно было бы обвинить въ покупкѣ «взрывчатыхъ веществъ», такъ какъ изъ ваты можно приготовить пироксилянъ, подобно тому какъ изъ глицерина можно приготовить нитроглицеринъ, а изъ ртути—гремучую ртуть. Я только кратко указалъ эту тенденціозность на судѣ, такъ какъ помѣтки въ каталогъ для меня не имѣли практическаго значенія. Но другія показанія экспертизы могли принести нѣкоторымъ лицамъ явный ущербъ. Такъ, экспертъ утверждалъ, что приготовленіе азотной кислоты сопровождается обильнымъ выдѣленіемъ удушливыхъ паровъ, точно такъ же, какъ и изготвленіе нитроглицерина, такъ что хозяйка квартиры не могли не обратить вниманія на эту работу, и, слѣдовательно, бросалъ тѣнь подозрѣнія на хозяевъ квартиры въ соучастіи замысла. При заводскомъ способѣ приготовленія азотной кислоты изъ селитры берутъ ради экономіи сѣрной кислоты столько, чтобы въ остаткѣ получилась средняя сѣрнокаліевая (или сѣрно-натріевая) соль K_2SO_4 . Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, выдѣляются

вонючіе окислы азота; но при лабораторномъ способѣ приготовленія азотной кислоты берутъ вдвое больше сѣрной кислоты (въ остаткѣ получается кислая сѣрнокалиевая соль KHSO_4), и реакція идетъ такъ чисто, безъ всякихъ удушливыхъ паровъ, что можно работать хоть въ салонѣ. Само собою понятно, что этимъ послѣднимъ способомъ дома всегда и готовятъ азотную кислоту, и потому показанія эксперта совершенно невѣрны точно такъ же, какъ и относительно нитроглицерина. Къ чему готовить нитроглицеринъ прямымъ смѣшеніемъ сѣрной кислоты съ азотной и приливаніемъ къ смѣси глицерина, смѣшеніемъ, которое требуетъ огромной массы воды для промывки и основательнаго охлажденія смѣси, когда имѣется легкій способъ, не требующій никакихъ особенныхъ приготовленій, и не дающій никакихъ дурно пахнущихъ паровъ? Вѣдь, слѣдуетъ полагать, что эксперту извѣстны различные способы приготовленія нитроглицерина. Недобросовѣстно, поэтому, съ его стороны утверждать, что революціонеры готовятъ азотную кислоту и динамитъ наименѣ пригоднымъ для нихъ способомъ, и такимъ образомъ бросать тѣнь подозрѣнія на хозяевъ квартиры, между тѣмъ, какъ въ отобранной посудѣ онъ можетъ видѣть, что работали не по тому способу, какой онъ указываетъ суду. Это тѣмъ болѣе нехорошо, что судьи, вовсе незнающіе ни химіи, ни пиротехніи, полагаются на вѣское слово профессора-эксперта, и относятся съ предубѣжденіемъ къ заявленіямъ подсудимыхъ, думая, что эти послѣдніе прибѣгаютъ къ уверткамъ, чтобы скрыть нѣкоторые обстоятельства, а доказать суду экспериментально, фактически правоту своихъ заявленій на этотъ счетъ они лишены возможности.

Для судебного разбирательства каждого изъ насъ проводили отдѣльно въ залу, такъ что мнѣ неизвѣстно, что говорилъ каждый изъ насъ; я же высказалъ тѣ мотивы, которые побудили меня примкнуть къ революціонному движенію. Затѣмъ насъ снова свели вмѣстѣ, когда прокуроръ и его помощникъ произносили обвинительную рѣчь. Послѣ этого защитники выступили со своими рѣчами, блѣдными, краткими и безцвѣтными, не касаясь тѣхъ условій, которыя породили революціонное движеніе, которыя приводили и приводятъ на скамью подсудимыхъ столько лицъ, одушевленныхъ стремленіями улучшить существующій режимъ. Ульяновъ и Новорусскій не имѣли защитниковъ, и потому говорили сами. Рѣчь Ульянова отличалась искренностью и основательностью. Онъ началъ съ того, какъ первыя мечтанія его ранней юности о народномъ счастьи смѣнились затѣмъ идеалами научнаго социализма. Его стремленія сблизиться съ народомъ, внести болѣе сознательности въ его среду и помочь ориентироваться рабочему люду въ его тяжеломъ положеніи—встрѣтили непреодолимое препятствіе со стороны правительства, которое отняло всякую почву для легальной политической дѣятельности. А между тѣмъ для человѣка, одушевленнаго стремленіями содѣйствовать улучшенію быта рабочаго класса, и сознающаго свои обществен-

ныя обязанности, нѣтъ возможности уйти въ частную жизнь, ограничиться кругомъ личныхъ интересовъ. Остается только нелегальная борьба съ тѣмъ режимомъ, который на каждомъ шагѣ стѣсняетъ свободную дѣятельность гражданъ. Выступить открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, немислимо вслѣдствіе подавляющаго превосходства физической силы, имѣющейся въ распоряженіи правительства; и вотъ для этихъ крайнихъ случаевъ, когда нарушаются и попираются самые дорогіе интересы просвѣщеннаго и чуткаго къ неправдѣ человѣка, изобрѣтенъ терроръ. Онъ есть и отвѣтный актъ на возмутительныя насилія правительства, и прямое нападеніе на него, съ цѣлью вынудить признаніе политическихъ правъ за населеніемъ страны. Самый фактъ существованія террора указываетъ на то, что страна переросла деспотическій режимъ, что власти фактически уже небезотвѣтственны передъ народомъ, и, по крайней мѣрѣ, время отъ времени несутъ кару за свои злодѣянія. Какія бы жестокія мѣры ни принимало правительство, чтобы подавить революціонное движеніе, всегда найдется кучка лицъ, которыхъ ничѣмъ не запугаешь. Воодушевленные свѣтлыми идеалами будущаго счастья, они сильны тѣмъ, что правительство не знаетъ ни когда, ни гдѣ, ни кому будетъ нанесенъ ими ударъ, и потому принуждено постоянно быть насторожѣ и держаться, какъ въ захваченной непріятельской странѣ. А это и разорительно, и утомительно, и опасно для власти предержащихъ. И онъ, Ульяновъ, всѣ свои силы посвятилъ на активную террористическую борьбу съ правительствомъ и прилагалъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать предпріятія Террористической фракціи Народной Воли, членомъ которой онъ состоитъ, наиболѣе успѣшными и плодотворными.

Предсѣдатель перебивалъ Ульянова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говорилъ о стремленіи революціонеровъ добиться политической свободы, говоря, что это уже извѣстно правительству.

Осипановъ тоже намѣревался сказать рѣчь, но пропустилъ свою очередь, и когда ему было предоставлено послѣднее слово, и онъ началъ съ возраженія своему защитнику, что не желаетъ никакого снисхожденія себѣ со стороны суда, то Дейеръ его остановилъ и запретилъ продолжать, на томъ основаніи, что въ послѣднемъ словѣ можно говорить только въ свою пользу, а не во вредъ себѣ. И Осипановъ долженъ былъ замолчать. Андреюшкинъ и Генераловъ бодро и твердо держались на судѣ.

Въ концѣ концовъ намъ прочли предварительное постановленіе суда по нашему дѣлу, постановленіе почти ничѣмъ не отличающееся отъ окончательнаго приговора, а именно, всѣхъ 15 человѣкъ приговорили къ смертной казни, но изъ нихъ 8-ми человѣкамъ—Канчеру, Гаркуну, Волохову, Пилсудскому, Ананьиной, Пашковскому, Шмидовой и Сердюковой судъ рѣшилъ ходатайствовать смягчить смертную казнь, замѣнивъ ее каторгой на разные сроки, Шмидовой—поселеніемъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, а Сердюковой—заключеніемъ въ тюрьмѣ (безъ лишенія правъ). Такимъ образомъ, я, въ числѣ 7 человѣкъ (Осипановъ, Андреюшкинъ

Генераловъ, Шевыревъ, Ульяновъ, Лукашевичъ, Новорусскій) оказался приговореннымъ къ смертной казни, которую судъ не нашелъ возможнымъ смягчить ничѣмъ. Послѣ этого приговора мнѣ разрѣшили свиданіе съ отцомъ. Отцу моему, который очень любилъ меня, чрезвычайно хотѣлось спасти мнѣ жизнь. Защитникъ мой тоже настойчиво совѣтовалъ подать прошеніе о помилованіи, текстъ котораго онъ составилъ. Я колебался, но потомъ подалъ прошеніе. Въ это время, увы, я смотрѣлъ на подачу прошенія совершенно ошибочно, какъ на формальность. Но чѣмъ больше я сближался и сживался со старыми народовольцами въ Шлиссельбургѣ, тѣмъ рѣзче, сильнѣе и мучительнѣе чувствовалась вся неумѣстность этого поступка. И этотъ ложный шагъ стоилъ мнѣ многихъ страданій.

Послѣ прочтенія намъ окончательнаго приговора, насъ снова перевезли въ Петропавловскую крѣпость, и мы ожидали утвержденія приговора царемъ. Вечеромъ 4-го мая ко мнѣ зашелъ комендантъ крѣпости, вмѣстѣ съ цѣлой свитой, и объявилъ мнѣ, что царь замѣнилъ мнѣ смертную казнь пожизненной каторгой. Я слышалъ, что онъ заходилъ и въ другія камеры. Мнѣ мучительно хотѣлось знать, какая участь постигнетъ моихъ товарищей—Шевырева, Ульянова, Осипанова, Андреюшкина, Генералова, и я чутко прислушивался ко всему, но ничего не могъ замѣтить. Я легъ довольно поздно и уснулъ. Вдругъ меня разбудили и стали торопить одѣваться. Наскоро одѣвшись, я быстро пошелъ слѣдомъ за сторожами, которые, послѣ разныхъ переходовъ и заворотовъ, ввели меня въ довольно просторную комнату, тускло освѣщенную, гдѣ находился жандармскій офицеръ и нѣсколько человѣкъ стражи. Тутъ я увидѣлъ своего товарища Новорусскаго. Офицеръ сказалъ, что мы можемъ бесѣдовать межъ собою. Мы слышали, какъ проводили мимо нашей комнаты по корридору закованныхъ въ кандалы, и ждали своей очереди. Но насъ, не заковывая, повели внизъ, усадили въ карету и привезли на пристань, которая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ выхода изъ крѣпости. Здѣсь быстро, подхвативъ меня подъ руки, перевели на пароходикъ, усадили въ каюту вмѣстѣ съ Новорусскимъ, и мы тронулись въ путь. На нашъ вопросъ, куда мы ѣдемъ, офицеръ отвѣтилъ: «Сами увидите». Мы легко догадались, что пароходикъ мчитъ насъ къ Шлиссельбургу.

Мы, все время бесѣдуя, сидѣли въ каютѣ и не могли видѣть береговъ Невы. Наконецъ, пароходъ остановился, и мы долго ждали, пока насъ выведутъ изъ каюты. Когда, наконецъ, я вышелъ на палубу, то успѣлъ только бросить взглядъ на ослѣпительно сверкавшее озеро подъ яркими майскими солнечными лучами, и меня тотчасъ почти бѣгомъ стали тащить по направленію къ крѣпости. Два жандарма держали меня подъ руки, и цѣлая толпа ихъ окружала меня, и напоромъ сзади толкала впередъ. Сверхъ того, полтора десятка солдатъ съ крѣпостнымъ начальствомъ эскортировали насъ. Такъ мы промчались черезъ крѣ-

постной дворъ мимо церкви, прошли черезъ кордегардію, обогнули новую тюрьму, двухъ-этажное кирпичное зданіе, съ 2-мя высокими трубами, которую я принялъ сначала за какую то фабрику, прошли глубокія ворота цитадели, большой дворъ, покрытый зеленью, испещренный кое гдѣ желтыми одуванчиками, и вошли въ бѣлое одноэтажное зданіе — старую тюрьму («сарай»). Здѣсь мы повернули налѣво и остановились въ довольно просторной комнатѣ, куда пришли также начальникъ управленія, его помощникъ (смотритель), докторъ, жандармскіе офицеры, вахмистръ. Мнѣ предложили совершенно раздѣться, и здѣсь меня подвергли столь же тщательному и отвратительному обыскиванію, какъ и въ Петропавловкѣ. Затѣмъ мнѣ дали грубую сѣрую рубаху и кальсоны, съ неимовернымъ количествомъ костриги, и притомъ столь узкія, что я еле-еле могъ ихъ надѣть, и почувствовалъ сотни колючекъ, впившихся въ мое тѣло. Сверхъ того, мнѣ дали коты, халатъ, съ двумя бубновыми тузами и другими украшеніями въ видѣ цвѣтныхъ буквъ, и шапку-блинъ съ чернымъ крестомъ. Затѣмъ, быстро повели по корридору въ самый его конецъ, впустили въ камеру (№ 9-ый, самый плохой въ старой тюрьмѣ) и быстро зашелкнули. Такъ, я очутился, 5 го мая 1887 г., въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ я провелъ 18½ лѣтъ. Меня очень безпокоила участь остальныхъ пяти товарищей, которыхъ могли либо казнить, либо засадить въ Шлиссельбургскую крѣпость. Я прислушивался ко всякому подозрительному шуму, но ничего не могъ разобрать. Ночью мнѣ также ничего не удалось подмѣтить. И когда, дня черезъ два, я заснулъ крѣпкимъ сномъ, то именно тогда, раннимъ утромъ 8-го мая была совершена казнь надъ 5 членами нашей организаціи: Шевыревымъ, Ульяновымъ, Осипановымъ, Андреюшкинымъ и Генераловымъ. Много повдѣе одинъ унтеръ-офицеръ указывалъ намъ мѣсто на большомъ дворѣ, гдѣ стоялъ эшафотъ. Такъ закончилось наше неудавшееся предпріятіе, и террористическая борьба надолго заглохла, чтобы вновь возродиться лѣтъ черезъ 18, и притомъ съ необычайной энергіей.

Осужденные на каторгу по нашему процессу, какъ Гаркунъ, Волоховъ, Канчеръ, Пилсудскій (и кажется Пашковскій и Ананьина) были отправлены на Сахалинъ. Сверхъ того, около 50 лицъ были высланы административно въ Сибирь: Лидія Ананьина (невѣста Новорусскаго), Іосифъ Пилсудскій (братъ судившагося Бронислава), Гомалецкій и др. Еще больше было арестованныхъ, которые подверглись различнымъ болѣе легкимъ административнымъ взысканіямъ: отсиживанію въ тюрьмѣ, высылкѣ на родину, отдачѣ подъ надзоръ полиціи.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ участникахъ въ нашемъ дѣлѣ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ. О Шевыревѣ я достаточно сказалъ выше.

Осипановъ, родомъ изъ Сибири, учился въ Томской гимназій и уже тамъ увлекался романомъ Чернышевскаго «Что дѣлать», и, закаливая себя для будущей борьбы, спалъ на доскахъ, подби-

тыхъ гвоздями. Въ Томскѣ онъ велъ знакомство съ ученикомъ реального училища Борисомъ Оржихомъ, впоследствии сидѣвшимъ въ Шлиссельбургѣ. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ Красномъ Крестѣ Народной Воли. Онъ много трудился надъ выработкой своихъ взглядовъ. Будучи социалистомъ, онъ ясно сознавалъ, что никакія социальныя реформы не имѣютъ шансовъ на успѣхъ, пока нѣтъ политической свободы. Для достиженія этой послѣдней онъ не считалъ возможнымъ останавливаться ни передъ какими жертвами. Наиболѣе цѣлесообразнымъ для этого средствомъ онъ считалъ — производить давленіе на главу государства, который при самодержавномъ строѣ несетъ моральную отвѣтственность за всѣ несправедливости, жестокости и мерзости существующаго режима, и отъ котораго въ высокой степени зависитъ дальнѣйшее существованіе этого устарѣвшаго, негоднаго государственнаго строя. Поэтому онъ перевелся изъ Казанскаго университета въ Петербургскій, чтобы съ одной стороны имѣть легальное положеніе, а съ другой — имѣть возможность учинить покушеніе на А. III.

Осипановъ былъ средняго роста, коренастый, крѣпкаго сложенія, бронетъ; судя по чертамъ его лица, въ немъ можно было предполагать нѣкоторую примѣсь инородческой крови. Это былъ человѣкъ чрезвычайно осмотрительный, осторожный (давно онъ заслужилъ кличку «котъ»), но въ то же время твердый, рѣшительный и беззавѣтно преданный освободительному движенію. Это былъ идеальный типъ борца боевой дружины, у котораго не дрогнетъ рука въ рѣшительный моментъ, и который не потеряетъ ни самообладанія, ни хладнокровія въ самую критическую минуту. Когда онъ принялъ на себя роль метальщика, мы спросили, не хочетъ ли онъ имѣть при себѣ на всякій случай ядъ, но онъ отказался, считая, что что бы ни случилось съ нимъ, онъ сумѣетъ выдержать до конца.

Генералова и Андреюшкина я лично мало зналъ. Какъ твердость, рѣшительность, спокойствіе духа были отличительными чертами перваго, такъ второй не былъ чуждъ въ извѣстной мѣрѣ романтизма, восторженности и увлеченія. Оба они согласились стать метальщиками послѣ долгаго размышленія и основательнаго обсужденія этого шага съ Ульяновымъ, Г..., а также Шевыревымъ. Разъ рѣшившись, они остались вѣрными себѣ до конца.

Съ Ульяновымъ я былъ вмѣстѣ на естественномъ факультетѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. На первыхъ двухъ курсахъ мы не были близко знакомы другъ съ другомъ, хотя и встрѣчались постоянно въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ, такъ какъ оба мы одинаково усердно работали и носѣжали лекціи. На 3-емъ курсѣ мы сблизились на почвѣ студенческихъ организацій, затѣянныхъ Шевыревымъ. Ульяновъ былъ нѣсколько застѣнчивъ, но съ кѣмъ онъ сходилса, у того онъ завоевывалъ симпатіи своей прямою и искренностью. Онъ былъ очень молодъ — только въ тюрьмѣ онъ достигъ совершеннолѣтія (31 марта 1887 г. ему исполнился 21 годъ), и, несмотря на это, отличался своей начи-

татностью и широтой своего мировоззрѣнія. Это была чрезвычайно талантливая и богато одаренная натура. Его работа об одной группѣ червей была награждена золотой медалью. Даже въ самый разгаръ нашей революціонной дѣятельности онъ, сколько могъ, удѣлялъ времени научнымъ занятіямъ. Помню, я однажды всюду искалъ его въ университетѣ по какому то спѣшному дѣлу и не могъ найти, и, наконецъ, засталъ его въ зоологическомъ кабинетѣ, спокойно препарировавшимъ ставницъ (морскихъ таракановъ—Iodothea entomon), которыхъ цѣлое ведро привезли ему изъ Кронштадта.

Какъ и всѣ вообще революціонеры, онъ не былъ шовинистомъ, и считалъ военныя неудачи при тогдашнихъ обстоятельствахъ полезными для своей родины (тогда имѣлось въ виду столкновение Россіи съ Германіей). Эти неудачи на полѣ брани вскрыли бы съ одной стороны недостатки существовавшаго устарѣвшаго режима, а съ другой—ослабили бы правительство, и тѣмъ самымъ облегчили бы и борьба общества съ нимъ, и переходъ къ новымъ формамъ государственной жизни. Онъ высоко цѣнилъ политическую свободу, какъ благо само по себѣ, а не только какъ средство, легализирующее и облегчающее борьбу рабочаго класса за свое лучшее будущее. Постепенно втягиваясь въ наши предпріятія, онъ усердно работалъ вмѣстѣ съ нами по приготовленію задуманнаго покушенія, а затѣмъ, когда заступилъ мѣсто уѣхавшаго Шевырева, онъ проявилъ себя очень энергичнымъ и предпріимчивымъ руководителемъ нашей организаціи. Онъ очень близко принималъ къ сердцу интересы нашей группы и всѣми силами старался обезпечить ей успѣхъ въ предпріятіи.

У Ульянова была просторная квартира на Петербургской сторонѣ, и здѣсь мы довольно часто собирались. Тутъ происходили засѣданія нашего біологическаго кружка, тутъ мы сходились верѣдко для обсужденія разныхъ революціонныхъ дѣлъ. Помню, однажды какъ то рѣчь зашла о возможныхъ арестахъ послѣ покушенія, и Говорухинъ сказалъ: «Кому кому — а Лукашевичу достанется больше всѣхъ!» Онъ имѣлъ въ виду бомбы, приготовленныя мною. А между тѣмъ степень моего участія не была выяснена слѣдствіемъ, для Ульянова же обстоятельства сложились самымъ несчастнымъ образомъ. Прежде всего онъ былъ арестованъ на квартирѣ Канчера — т. е. члена боевой группы. При арестѣ у него была отобрана записная книжка, съ шифрованными записями, среди которыхъ, между прочимъ, былъ виленскій адресъ Пилсудскаго, что полиціи удалось прочесть благодаря тому, что этотъ адресъ былъ указанъ Канчеромъ. Далѣе слѣдствіемъ было раскрыто, что Ульяновъ готовилъ динамитъ, что снаряжалъ бомбы у себя на квартирѣ, что устроилъ собраніе метальщиковъ и сигнальщиковъ, что печаталъ программу террористической фракціи и т. д., однимъ словомъ его дѣятельность не только была выяснена, но ва него даже пало подозрѣніе въ виновности въ томъ, чего онъ и не дѣлалъ. Когда на первомъ допросѣ ему предъявили показаніе

*

Канчера, онъ уклонился отъ всякихъ объясненій по этому поводу и просилъ отложить допросъ до слѣдующаго дня, такъ какъ онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Обдумавъ свое положеніе, онъ рѣшилъ прямо заявить о своей принадлежности къ Террористической фракціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и погибнуть. Справедливо не признавая себя ни инициаторомъ, ни организаторомъ нашего дѣла, онъ утверждалъ, что словомъ и дѣломъ оказывалъ посильную помощь осуществленію нашего предпріятія. Ярко обрисовывая свое участіе, онъ выгораживалъ другихъ и своей смертью думалъ принести пользу своимъ товарищамъ. Когда на судѣ хозяйка квартиры Говорукина старалась уличить Шмидову въ знакомствѣ съ Андреюшкинымъ, Ульяновъ сталъ доказывать, что это онъ, а не Андреюшкинъ, приносилъ разные вещи Шмидовой. Даже оберъ-прокуроръ Неклюдовъ замѣтилъ на судѣ: «Вѣроятно, Ульяновъ признаетъ себя виновнымъ и въ томъ, чего не дѣлалъ». Когда я увидѣлся въ первое засѣданіе съ Ульяновымъ на судѣ (онъ сидѣлъ рядомъ со мной на 1-ой скамьѣ), то онъ, пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Если вамъ что нибудь будетъ нужно, говорите на меня» — и я прочелъ въ его глазахъ безповоротную рѣшимость умереть... Да, это была свѣтлая, самоотверженная личность!

Канчеръ приобрѣлъ печальную извѣстность въ нашемъ процессѣ. Не знаю, онъ ли первый, или Гаркунъ, выразилъ раскаяніе и началъ указывать причастныхъ лицъ къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ, Канчеръ зналъ гораздо больше, дольше исполнялъ разные порученія и съ большимъ числомъ революціонеровъ былъ знакомъ. Онъ даже ѣздилъ въ Вильно съ чинами сыскаго отдѣленія, чтобы разыскать тѣ дома, въ которыхъ онъ встрѣчался съ революціонерами, когда былъ посланъ нами въ Вильно, такъ какъ онъ не зналъ ни фамилій, ни адресовъ членовъ Виленской группы. И все таки онъ не былъ предателемъ à la Меркуловъ. Прижатый на допросъ беззащитными сыщиками, онъ, подъ угрозой пытокъ и висѣлицы, не выдержалъ, и сталъ выдавать. Насколько могу судить, онъ показывалъ не все, что ему было извѣстно; П. Н. Дурново плохо вѣрилъ въ его раскаяніе, и какъ то въ разговорѣ со мной выразился о Канчерѣ: — «О, это хитрый хохоль!» Канчеръ былъ осужденъ на 20 лѣтъ каторги, перевезенъ на Сахалинъ, и здѣсь угрызенія совѣсти заставили его покончить съ собою: онъ принялъ ядъ и застрѣлился. Смерть наступила не сразу, и онъ еще промучился нѣсколько часовъ. Гаркунъ также умеръ въ Восточной Сибири.

Многое я успѣлъ за 19 лѣтъ перезабыть, въ особенности фамиліи лицъ, съ которыми я сталкивался. Живя въ Шлиссельбургѣ, мы умышленно избѣгали называть по фамиліямъ лицъ, оставшихся на волѣ, чтобы не повредить имъ, такъ какъ жандармы подслушивали наши разговоры и доносили, куда слѣдуетъ. Такъ, постепенно, прошлое стало заволакиваться туманомъ, среди котораго сохранились только наиболѣе яркіе сцены и эпизоды.

Иосифъ Лукашевичъ.

Невинно-осужденные.

(Изъ воспоминаній каторжанина).

Когда мнѣ приходилось читать или слышать о невинно-осужденныхъ, я всегда недоумѣвалъ:

— Какъ это взрослый и толковый человѣкъ не могъ доказать судьямъ, что въ такое то время его не было тамъ-то, или что того-то онъ потому-то не могъ даже совершить.. Вѣдь, какъ бы отрицательно ни относиться къ современному суду,—не изъ драконовъ же, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ онъ. Какой интересъ судьямъ населять тюрьмы и каторгу, тѣмъ болѣе вѣшать заведомо-невинныхъ людей?

Такъ я думалъ долгое время. Однако, дальнѣйшія наблюденія и болѣе обстоятельное знакомство съ подробностями заставили меня отказаться отъ моего недовѣрчиваго отношенія къ разсказамъ о невинно-осужденныхъ. Да что тамъ долго разсуждать,—воскликнулъ я,—когда по одному со мною дѣлу приговорены были къ десяти годамъ каторги Александръ Львовичъ Волченко и Борисъ Михайловичъ Бергъ, не имѣвшіе ни малѣйшаго касательства къ Севастопольскому восстанію въ ноябрѣ 1905 г. Первый былъ арестованъ въ казармѣ морского экипажа, куда онъ вмѣстѣ съ толпой рабочихъ вбѣжалъ, спасаясь отъ раздававшихся кругомъ выстрѣловъ. Второй — зеленый юнецъ изъ учащихся, былъ преданъ суду на основаніи перехваченнаго на почтѣ письма къ одной барышнѣ, въ которомъ онъ въ хвастливомъ тонѣ разглагольствовалъ о дѣятельности повстанцевъ, съ лейтенантомъ Шмидтомъ во главѣ. Выставленныхъ ими свидѣтелей на судъ не вызвали и осудили ихъ заочно, такъ какъ сами Волченко и Бергъ на судъ не участвовали.

Нужно имѣть въ виду, что огромное число процессовъ 1906 — 1910 г.г. разбиралось военными судами, которые уже по своему составу, по своей чрезвычайной роли, разыгрываемой въ чрезвычайной обстановкѣ революціи—и контръ-революціи—слишкомъ склонны были разсуждать по формулѣ: арестованъ — значитъ виновенъ. Руководствовались они, главнымъ образомъ, чувствами паническаго страха и слѣпой классовой мести, особенно тамъ, гдѣ затрагивались имущественные интересы и политическія привилегіи господствующихъ сословій. Разслѣдованія многихъ и многихъ дѣлъ и вынесенные по нимъ приговоры по своей

нарочитої тенденціозности и холодної жестокости, по игнорированію соображеній хоть сколько нибудь нормального правосудія, по склонности идти не отъ уликъ къ обвиняемому, а какъ разъ наоборотъ,—поразительно напоминають судебныя дѣла среднихъ вѣковъ. Иной разъ знакомишься съ какимъ нибудь дѣломъ и такъ и кажется, что предъ тобою не что иное, какъ модернизированное изложеніе «Собора Парижской Богоматери» Гюго. Какъ будто забыто изреченіе Екатерины II, и многіе судьи предпочитаютъ скорѣе осудить десять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виновнаго.

«Эта тяжелая задача подвести итоги революціи выпала на долю нашихъ судебныхъ учреждений, которымъ до извѣстной степени приходилось такимъ образомъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Суды втянуты были въ политическую борьбу и вышли изъ нея съ окончательно разрушеннымъ и совершенно разбитымъ авторитетомъ. Такого явнаго сервиллизма, такого беззастѣнчиваго убѣжденія видамъ правительства трудно было ожидать даже отъ нашего суда, приучившаго насъ—особенно въ Муравьевское время—ничему не удивляться». Такъ говоритъ солидный и лояльный юридическій журналъ, руководителями котораго являются профессора, т. е. тѣ же учителя нашихъ прокуроровъ и судей (см. «Право» 1907 г. № 1). Стоитъ ли тогда возмущаться приговорами военного суда, въ составъ котораго входятъ простые подполковники изъ пѣхоты и кавалеріи, если съ судьями, получившими специальное юридическое образованіе, приключился, напримѣръ, слѣдующій характерный казусъ:

С.-Петербургскій окружной судъ въ первомъ засѣданіи безъ участія присяжныхъ засѣдателей разсматривалъ дѣло Н. Ѳ. Анненскаго и Вл. Короленко. Предсѣдателемъ былъ Чубиновъ, членами суда—Кучинскій и Пороховщиковъ, обвинялъ тов. прокурора Карновичъ по 1034¹ статьѣ Уложенія о наказаніяхъ. Изъ рѣчи защитника О. О. Грузенберга выяснилась грубая юридическая ошибка, въ которой повинна сама судебная палата, упустившая изъ виду, что 1034¹ статьи Уложенія о наказаніяхъ, на которую она ссылается, уже болѣе не существуетъ... (см. «Право» 1907 г. № 21).

* * *

Разскажу о случаяхъ осужденія невинныхъ людей, о случаяхъ, которые стали мнѣ досконально извѣстны за время моего скитанія по тюрьмамъ.

Въ Севастополѣ проживалъ одно время молодой, лѣтъ 23, рабочій Никита Скрипниченко. Онъ входилъ въ мѣстную с.-р. организацію и прославился цѣлымъ рядомъ террористическихъ актовъ. Это былъ человекъ буйнаго темперамента, смѣлый и находчивый партизанъ и ловкій конспираторъ. Онъ долго оставался неприкосновеннымъ, пока его не выдалъ нѣкій Кабановъ. Какъ то за нимъ гналась полиція, онъ пустилъ въ ходъ свой браунингъ и

въ концѣ концовъ былъ задержанъ. За вооруженное сопротивление военно-морской судъ (дѣлу дали скорый ходъ и даже не дождались засѣданій выѣздной сессіи военно-окружного суда) приговорилъ его къ смертной казни. Лѣтомъ 1908 г. — всего черезъ недѣлю послѣ ареста—его повѣсили. На судъ онъ откровенно и съ вызывающей гордостью перечислялъ всѣ свои покушенія и убійства. Это было ново тѣмъ болѣе, что по дѣламъ имъ совершеннымъ частенько попадались люди совершенно посторонніе. Такъ мнѣ извѣстны Макаръ Дерябинъ и Иванъ Спицкій.

Макаръ Григорьевичъ Дерябинъ, едва вступивъ въ организацію с.-р., былъ арестованъ за храненіе литературы. Донесъ на него рабочій Михаилъ Шелухинъ, заявившій слѣдователю, что онъ-то является убійцей надзирателя севастопольскаго порта Комаровскаго. Убійство это было совершено еще въ мартѣ 1907 г., и совершилъ его по постановленію с. р.—скаго комитета одинъ только Скрипниченко, Шелухинъ же былъ арестованъ зимою 1908 г. Несмотря на то, что десятка два свидѣтелей единодушно показывали, что во время убійства Комаровскаго онъ сидѣлъ дома съ гостями, одного только показанія Шелухина было достаточно для обвиненія и присужденія Дерябина къ смертной казни. Возможно, что судъ самъ не былъ увѣренъ въ основательности своего приговора, потому что самъ же онъ ходатайствовалъ о замѣнѣ повѣшенія пожизненной каторгой. Свой срокъ Дерябинъ началъ отбывать въ каторжномъ отдѣленіи Московской Пересылки.

Однажды Никита Скрипниченко смертельно ранилъ городского. Случайно былъ задержанъ въ этомъ мѣстѣ Иванъ Спицкій, парень извѣстный, какъ пьяница и игрокъ на бильярдѣ. Помощникъ пристава Жировъ доставилъ его въ больницу, и городской, находившійся при смерти, призналъ въ немъ стрѣлявшаго. Спицкаго (кстати—несовершеннолѣтняго) повѣсили.

Въ томъ же Севастополѣ судился екатеринодарскій рабочій Голиковъ, членъ с. р.—ской организаціи, устроившій въ Керчи экспроприацію банка на 60 тысячъ рублей. Случилось такъ, что въ то время, какъ за ними шла погоня, особенно въ районѣ горы Митридатъ, тамъ же прятался нѣкій Исаакъ Зайчикъ, обыкновенный воръ-карманникъ, только что освободившійся изъ арестантскихъ ротъ, и стибрившій чью то каракулеву шапку изъ почтовой конторы. Околодочный и двое городскихъ задержали его. Въ экспроприаціи участвовало нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ три брюнета, Зайчикъ былъ тоже брюнетъ, — и вотъ онъ попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Голпковъ, конечно, отрицалъ всякое съ нимъ знакомство. Голикова повѣсили, а Зайчику, тоже приговоренному къ смертной казни, адмиралъ Бострель, отъ котораго зависѣла конфирмація приговора, замѣнилъ казнь безсрочной каторгой. Подъ смертнымъ приговоромъ Зайчикъ просидѣлъ недѣли три.

Въ Сентябрѣ 1907 г. одинъ молодой с.-р. убилъ рабочаго, заппавшагося, между прочимъ, и шпіонствомъ. Убійца служилъ

конторщикомъ на томъ же судостроительномъ заводѣ, и такъ какъ онъ остался неузнаннымъ, то назовемъ его, скажемъ, Чернилинымъ.

Вѣсть объ этомъ убійствѣ скоро распространилась среди всѣхъ жителей портового района и вызвала общее ликование: подобнаго рода актамъ всегда сочувствуютъ даже и принципиальные противники террора. Въ томъ же порту работалъ соц.-дем. Владимиръ Кремлянскій. Войдя на слѣдующій день въ свою мастерскую, онъ обратился къ кучкѣ прихвостней администраціи:

— Погодите, мерзавцы, вамъ всѣмъ такая участь будетъ!— произнесъ онъ. Одинъ изъ этой кучки донесъ объ этомъ кому слѣдуетъ, и вечеромъ Кремлянскій былъ арестованъ у себя на квартирѣ. Его обвинили въ убійствѣ, совершенномъ, въ дѣйствительности, Чернилинымъ.

Среди севастопольскихъ рабочихъ того времени терроръ былъ въ большомъ фаворѣ, и предатель Кремлянскаго былъ вскорѣ убитъ, причемъ мститель такъ и остался неразысканнымъ. Стали хватать подозрительныхъ для полиціи лицъ. Тутъ то и обратили вниманіе на то, что Чернилинъ, до этого носившій длинные волосы, явился въ контору коротко-остриженнымъ и сталъ держаться какъ то съ опаской. Къ убійству рабочаго, который выдалъ Кремлянскаго, какъ намъ уже извѣстно, арестованнаго вмѣсто удивительно на него похожаго Чернилина, самъ Чернилинъ отношенія не имѣлъ.

Судьбѣ, часто творящей такіа замысловатыя штуки, какія не всегда придумаетъ и фантазеръ-беллетристъ, угодно было, чтобъ и Кремлянскій, и арестованный по чужому дѣлу Чернилинъ очутились въ одной одиночкѣ. Разобравъ въ чемъ дѣло, они оба порѣшили дѣйствовать такъ: если Чернилинъ будетъ судиться первымъ, и его приговорятъ къ смертной казни, то онъ долженъ взять на себя совершенное имъ первое убійство и облегчить положеніе невиннаго Кремлянскаго. Если же Чернилина приговорятъ только къ каторгѣ, то о своей дѣйствительной виновности онъ долженъ умолчать: располагая свидѣтельствомъ многихъ лицъ, Кремлянскій могъ рассчитывать на оправданіе.

Вышло такъ, что первымъ судили Чернилина. Противъ него показывали городской и какой то мальчикъ. Защищавшій Чернилина адвокатъ такъ умѣло допросилъ мальчика, что тотъ заплакалъ и сознался, что показывать противъ Чернилина научилъ его городской. Послѣдній тоже сбился въ своихъ показаніяхъ, и Чернилинъ вышелъ изъ суда совершенно оправданнымъ. Наступила очередь за Кремлянскимъ. Въ свою пользу онъ выставилъ человѣкъ тридцать свидѣтелей, но то, что дѣйствительный убійца ускользнулъ изъ рукъ правосудія, и въ особенности то, что выдавшій Кремлянскаго рабочій былъ убитъ,—сыграло рѣшающую роль. Противъ него показывало четыре человѣка, лично противъ него озлобленныхъ и смѣшивавшихъ его—быть можетъ, вполне искренно—съ похожимъ на него Чернилинымъ. Кремлянскій былъ приговоренъ къ казни и повѣшенъ.

Очевидцы увѣряли, что трупъ его былъ зарытъ на свалкѣ за городомъ. Вскорѣ свиньи, роясь въ мусорѣ, раскопали его тѣло и изгрызали его. Когда объ этомъ узнала мать Кремлянскаго, она впала въ буйное помѣшательство и черезъ мѣсяцъ умерла.

Въ 1907 г. изъ Севастопольской организаціи Партіи С.-Р. выдѣлилась почти вся боевая дружина, и подъ руководствомъ бывшаго вольноопредѣляющагося Ростовскаго полка Афанасьева-Мартовскаго и бывшаго соц.-дем. Богданова-Андреева, составила новую группу террористовъ-экспроприаторовъ. Эта скорѣе вульгарно-анархистская, чѣмъ социалистическая группа называлась «Свобода внутри насъ». 15 октября пять человѣкъ изъ дружины ѣхали изъ Севастополя въ Балаклаву, съ намѣреніемъ экспроприровать тамошнее почтовое отдѣленіе. Въ восьми верстахъ отъ города они столкнулись съ ѣхавшими въ экипажѣ приставомъ Гвоздевичемъ и вахмистромъ Доброшинскимъ. Гвоздевичъ заподозрилъ ихъ въ чемъ то, остановилъ и потребовалъ паспорта, но тѣ въ отвѣтъ дали залпъ въ него изъ своихъ браунинговъ: приставъ оказался пристрѣленнымъ на смерть, а жандармъ спасся только тѣмъ, что, будучи легко раненъ, притворился мертвымъ.

Не совершивъ задуманнаго ограбленія, боевики сейчасъ же разѣхались, но черезъ два-три мѣсяца нѣкоторые изъ нихъ были арестованы по предательству ихъ же товарища Григорія Голубева. Одного изъ группы, Михайла Кучерова, сейчасъ же судили и повѣсили, а остальные судились потомъ, въ августѣ 1909 г. Среди нихъ очутился и Петръ Ткаченко, сынъ зажиточныхъ мѣщанъ, никогда ни къ какимъ революціоннымъ группамъ не имѣвшій никакого отношенія. По подозрѣнію онъ былъ арестованъ, а наружность его показалась до того знакомой вахмистру Доброшинскому, что онъ призналъ въ немъ нехватавшаго для комплекта боевика. Въ дѣйствительности, во время стычки съ приставомъ и жандармомъ, Ткаченко находился въ Феодосіи и собирался въ гости къ своей теткѣ, но ея показаніямъ военный судъ не далъ вѣроятія, и Ткаченко, приговоренный къ смертной казни, уходитъ въ Херсонскій Централь съ безсрочной каторгой.

Еще до этого, въ декабрѣ 1908 г., по дѣлу той же «Свободы внутри насъ», только по 2-ой части 102 статьи привлекалось 17 человѣкъ,—изъ нихъ четверо получили каторгу ни за что ни про что. Когда полиція арестовывала въ гостинницѣ дѣйствительнаго члена этой группы Рожановскаго, она заодно прихватила и нѣкогого Федора Саютина, случайно находившагося въ другомъ номерѣ этой же гостинницы. Онъ былъ знакомъ съ Рожановскимъ,—слѣдовательно есть основаніе обвинить его въ принадлежности къ той группѣ. Съ Саютинымъ я лично потомъ встрѣчался на поселеніи въ с. Знаменскомъ, Верхоленскаго у. и могу съ полной категоричностью утверждать, что членомъ «Свободы внутри насъ» онъ не состоялъ. Попадъ въ тюрьму,

Саютинъ завелъ нелегальную переписку со своими пріятелями по волѣ — Афанасіемъ Пенковымъ и Мирошниченко. Набравшись уже въ тюрьмѣ революціоннаго духу, Саютинъ писалъ записки опредѣленнаго содержанія, поругивалъ правительство, сообщалъ тюремныя новости, и т. п. Письма эти попадаютъ въ руки полиціи. и Пенковъ, вмѣстѣ съ Мирошниченко, привлекаются, какъ члены все той же группы, въ которую они вовсе не входили.

Къ этому же дѣлу притянули еще и молоденькаго музыканта Георгія Гизера, первоначально арестованнаго по одному со мною дѣлу. Отбывая срокъ наказанія, онъ бѣжалъ изъ тюрьмы во время массоваго (со взрывомъ наружной стѣны) побѣга оттуда. Пробывъ на свободѣ ровно три дня, онъ былъ арестованъ на хуторѣ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Афанасьевымъ-Мартовскимъ, который задолго до этого осужденъ былъ на безсрочную каторгу за участіе въ декабрьскомъ возстаніи и благополучно бѣжалъ съ дороги въ Сибирь. Дѣятельность группы «Свобода внутри насъ» развивалась въ то время, когда Гизеръ сидѣлъ въ тюрьмѣ...

Мартовскому, какъ и безъ того безсрочному, замѣнили обычные восемь лѣтъ кандалнаго срока восемнадцатью годами, да ста сутками карцера, а невинные Саютинъ и Пенковъ получаютъ по шести лѣтъ каторги, которые они и отбыли въ Херсонскомъ Централѣ, Мирошниченко, человѣка пожилого, наградили четырьмя годами и сослали въ Николаевъ, а Гизеру, имѣвшему раньше три года простой тюрьмы, дали по совокупности (за побѣгъ и за «участіе» въ группѣ) девять лѣтъ, которые онъ и отбылъ въ Москвѣ.

* * *

Торопливость, съ какой военные суды выносили смертные и каторжные приговоры, носила прямо-таки истерическій характеръ. Когда вспоминаешь, что по дѣлу о московскомъ вооруженномъ возстаніи суду пришлось оправдать 78 человѣкъ; что по дѣлу о Люботинскомъ (за Харьковомъ) возстаніи оправдано три четверти всего числа подсудимыхъ; что много шумѣвшее дѣло о т. н. Новороссійской Республикѣ разбиралось три раза, причемъ приговоръ варіировался отъ четырехъ мѣсяцевъ тюрьмы до смертной казни (напр. по отношенію къ учителю Бодянскому); или, наконецъ, что шести колонистамъ Одесскаго уѣзда, избившимъ полицейскаго Слѣпака, который въ пьяномъ видѣ приставалъ къ ихъ женамъ, смертная казнь («бунтъ»!) была при новомъ разборѣ замѣнена двухнедѣльнымъ арестомъ, — когда вспоминаешь подобные факты, то поневолѣ соглашаешься съ утвержденіемъ юриста и депутата г. Тесленко, который квалифицировалъ работу нашего слѣдственно-обвинительнаго механизма какъ «продуктъ товарнаго машиннаго производства».

Въ статьяхъ Вл. Короленко («Бытовое явленіе» и «Черты

военного правосудія»), д-ра Д. Жбанкова, и особенно, въ хроникѣ журнала «Право», будущій историкъ найдетъ обильнѣйшій матеріалъ на эту тему. Такія дѣла, какъ казнь несчастнаго Глускера, смертный приговоръ надъ Кузнецовымъ, приостановленный ¹⁾ въ виду телеграммы его защитниковъ на имя министра, а также приостановленный смертный приговоръ надъ интеллигентнымъ юношей Перецомъ Айзенбергомъ, котораго осудили вмѣсто профессиональнаго грабителя Лейбы Айзенберга,—надолго останутся памятниками нашего контръ-революціоннаго правосудія. А такихъ дѣлъ—были десятки, а то и сотни. Не меньшимъ украшеніемъ этого сорта правосудія являются и такіе слѣдователи, какъ напумѣвшій на всю Россію Лыжинъ (опускавшійся до форменныхъ подлоговъ по процессу Дашнакпутьюновъ) или Шпигановичъ (сострѣпавшій дѣло 102 анархистовъ).

Характеренъ также и тотъ фактъ, что множество показаній и сознаний вынуждается посредствомъ избиеній и истязаній. Хроника этихъ эксцессовъ, собранная въ одно цѣлое, производитъ ошеломляющее впечатлѣніе, а между тѣмъ эксцессы эти зарегистрированы документально,—вспомните хотя бы пытки въ рижскомъ застѣнкѣ подъ руководствомъ Грегуса, продолжавшаго свои подвиги даже въ 1916 г. въ Харьковѣ, гдѣ онъ, нѣмецъ родомъ, обратился въ Марковского.

Девятаго іюня 1907 г. на кассира стекляннаго завода села Ивота, Брянск. уѣзда, Орловск. губ., было совершено разбойное нападеніе. Изъ двухъ стражниковъ, сопровождавшихъ кассира, одинъ былъ убитъ, а другой раненъ. Ранена была и лошадь кассира, которая сгоряча увезла кассира вмѣстѣ съ деньгами. Хотя экспроприация и не удалась, но зато и сами грабители успѣли скрыться. Встревоженная полиція начала розыски. Всѣ мало-мальски подозрительныя лица арестовывались. Въ такихъ случаяхъ въ категорію «подозрительныхъ» попадаютъ всѣ извѣстные полиціи воры, или даже простой обыватель, сидѣвшій въ тюрьмѣ, а то и партійный рабочій, скрывающійся отъ полиціи, хотя бы по соображеніямъ, ничего общаго съ даннымъ ограбленіемъ не имѣющимъ. Полиція и сыщикамъ, вѣдь, не до тонкостей, сантиментальничать съ россійскими гражданами имъ не къ лицу. Знаютъ они, что многіе бывшіе и настоящіе революціонеры изъ партійной молодежи попадались на «эскахъ», вотъ и забираютъ всякаго, кто подходитъ.

Черезъ нѣсколько дней полиція арестовываетъ рабочаго Кар-

¹⁾ Къ несчастью, не всегда смертные приговоры приостанавливались. Такъ, напр., 19 янв. 1907 г. по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи были повѣшены въ Одессѣ четыре человека: два брата Трегеры (18 и 20 лѣтъ), Оренбахъ и Зейгерманъ. Потомъ выяснилось, что они пали жертвой ужасной судебной ошибки. Мать Трегеровъ впала въ буйное помѣшательство и нѣсколько разъ пыталась покончить съ собою. («Право» 1907 г. № 5). Въ газетѣ «Рѣчь» (20 авг. 1908 г.) сообщалось, что въ Самарѣ повѣшены были три человека, а черезъ два часа послѣ казни прибыло распоряженіе отсрочить казнь.... Можетъ быть, и эти трое были люди невѣстные...

пова, проживавшаго въ тридцати верстахъ отъ станціи Ивота. Во время допроса помощникъ пристава второго стана Брянскаго уѣзда Мотинъ, страшно избилъ его. Чтобъ прекратить истязанія, Карповъ крикнулъ:

— Сознаюсь!... Это я, я ограбилъ!...

— Ага! Наконецъ-то! Говори, кто еще участвовалъ?—обрадовался Мотинъ.

Но Карповъ самъ къ этому дѣлу не былъ причастенъ, и назвать кого бы то ни было, разумѣется, не могъ. Тогда стражники принялись еще сильнѣе избивать его, и при этомъ стали подсказывать нѣкоторыя фамиліи. Назвали ему какихъ-то Бузова и Владимира Павлова. Карповъ поспѣшилъ признать ихъ своими соучастниками, послѣ чего избіеніе прекратилось. Тѣхъ двоихъ немедленно арестовываютъ, при чемъ, когда забирали Павлова, онъ бросился бѣжать, но кто-то подставилъ ему ногу и онъ упалъ. Видя, что арестъ неминуемъ, онъ выхватилъ изъ кармана браунингъ и швырнулъ его въ сторону.

На допросѣ у слѣдователя Карповъ отказался отъ своихъ прежнихъ показаній и заявилъ, что самъ онъ въ ограбленіи не участвовалъ, что Бузова и Павлова онъ назвалъ только для того, чтобы его скорѣе отвели въ тюрьму. На судѣ документально, выписями изъ книгъ и табели установлено было, что въ моментъ ограбленія Бузовъ находился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а именно на заводѣ, гдѣ работалъ, а Влад. Павловъ... а Влад. Павловъ лежалъ въ это время больной въ лечебницѣ. Военный судъ обоихъ оправдалъ, а Карпова все таки повѣсилъ, 14 декабря 1907 г. Но онъ невиненъ: въ нашемъ Орловскомъ Централѣ нѣкоторые каторжане знали дѣйствительныхъ участниковъ ограбленія, всѣ они остались на волѣ...

Во всякомъ случаѣ, въ отношеніи Бузова и Павлова полиція дала маху, потерпѣла фіаско. Но это, вѣдь, ее компрометируетъ. Надо, слѣдовательно, взять реваншъ. И вотъ она поднимаетъ новое дѣло противъ Павлова: она теперь обвиняетъ его въ томъ, что во время ареста онъ не просто швырнулъ свой браунингъ въ сторону, а якобы цѣлился въ жандарма. Объ этомъ обстоятельстве при первомъ разборѣ дѣла не было сказано ни одного слова. Теперь Влад. Павлова, уже выпущеннаго-было на волю, снова арестовываютъ, и «за вооруженное сопротивленіе при арестѣ» приговариваютъ къ казни. Въ Мартѣ 1908 г. его повѣсили въ Орловской Тюрѣмѣ.

Знакомая съ иными невинно-осужденными, видишь, какъ забитость, неразвитость и бестолковость россійскаго обывателя, особенно крестьянина, часто служитъ причиной тому, что такой безъязычный россійскій обыватель зря попадаетъ на каторгу. Необычная для простолюдина обстановка суда, слабое сознание своихъ правъ сковываютъ такого подсудимаго, осуждаютъ его на пассивность, и чисто рабій фатализмъ; въ лучшемъ случаѣ онъ у слѣдователя и на судѣ воетъ и божится въ своей невинности,

не будучи въ силахъ толково и убѣдительно доказать ее. Мнѣ думается, что въ какой нибудь Англіи или въ Америкѣ простолюдинъ велъ бы себя въ такихъ случаяхъ поумнѣе.

Въ Орловскомъ Централѣ сидѣлъ со мною рядомъ Егоръ Талалаевъ, служившій кондукторомъ на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ. Когда чиновникъ, завѣдывавшій бригадой, скверно обращавшійся съ подчиненными, былъ убитъ однимъ с.р.-мъ, благополучно скрывшимся, то, въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ былъ Талалаевъ, какъ то въ присутствіи другихъ выразившійся по этому поводу:

— Собакъ собачья и смерть...

Во время убійства Талалаевъ находился у себя дома; съ убитымъ чиновникомъ лично у него не было никакихъ столкновений; ни къ какимъ партійнымъ группамъ онъ не принадлежалъ; по характеру онъ человѣкъ тихій, уступчивый и безобидный,—но все это не мѣшало ему получить 17 лѣтъ каторги. По манифесту 21 февраля 1913 г. ему сбросили одну треть срока, но это не спасло его отъ роковой участи, на которую обречено большинство долгосрочныхъ: заболѣвъ чахоткой, Талалаевъ умеръ въ слѣдующемъ 1914 году.

Въ той же тюрьмѣ находился Иванъ Пахомовъ, крестьянинъ Воронежской губ., робкій и богомольный мужиченко. Какіе то парни, отправляясь на ограбленіе, зашли къ нему по дорогѣ купить молока. Потому они были пойманы, судимы и повѣшены,—ограбленіе было съ убійствомъ. Пахомову же, не имѣвшему никакого представленія ни о нихъ, ни объ ихъ замыслахъ, судъ далъ 15 лѣтъ каторги.

Въ одной съ нимъ камерѣ жилъ крестьянинъ Киевской губ. Павелъ Карнаухова. Какъ то онъ подрался со своимъ землякомъ, человѣкомъ мелочнымъ и мстительнымъ. Когда по близости случилось ограбленіе, и преступникъ скрылся, однодеревенецъ Карнаухова донесъ на него полиція, и даже на судѣ оговаривалъ его. Неотесанному и неумѣющему связать пары словъ, но абсолютно невинному Карнаухову дають четыре года каторги. Находясь уже въ нашемъ Централѣ, онъ получилъ письмо отъ своего погубителя, буквально слѣдующаго содержания: «Я на тебя навралъ. Я думалъ, что тебя продержатъ немного и выпустятъ, а оно вышло не такъ. Я ходилъ къ батюшкѣ, и онъ сказалъ, что это я сдѣлалъ грѣхъ непростительный, и Богъ меня накажетъ. Прости и скажи, что теперь дѣлать, я готовъ хоть самъ сѣсть на твое мѣсто, потому —совѣсть мучаетъ». Родные Карнаухова ходили къ адвокату вмѣстѣ съ этимъ свидѣтелемъ. Но за хлопоты по веденію столь сложнаго дѣла адвокат потребовалъ двѣсти рублей.

Случай въ родѣ приведеннаго выше съ одесситомъ Перецомъ Айзенбергомъ, приключился и съ однимъ нашимъ безсрочнымъ каторжаниномъ Павломъ Солодовниковымъ, жителемъ одной деревни неподалеку отъ станціи Злынка, Черниговской губ. Какой

то Александръ Солодовниковъ, до этого проживавшій въ Кіевѣ и направлявшійся въ поискахъ за работой въ Черниговскую губ., по дорогѣ ограбилъ одну еврейку и скрылся. Потомъ онъ совершилъ другое преступленіе въ другомъ мѣстѣ, и получилъ за него 20 лѣтъ каторги. Придя въ Орелъ, онъ очень удивился, когда узналъ, что тамъ сидитъ еще одинъ Солодовниковъ, осужденный на безсрочную каторгу за дѣло, которое совершилъ онъ самъ, Александръ. Переменить свои 20 лѣтъ на безсрочную ему очень не хотѣлось, и его злополучный однофамилецъ продолжалъ ни за что ни про что тянуть каторжную лямку.

* * *

Весьма характернымъ въ отношеніи бытовой обстановки, но и весьма ужаснымъ въ отношеніи послѣдствій является дѣло, подробности котораго мнѣ досконально извѣстны.

Въ ночь съ четвертаго на пятое сентября 1907 г. на контору бутылочной фабрики въ селѣ Знеберѣ, Брянскаго у., Орл. губ. было совершено вооруженное нападеніе. Перерѣзавъ телефонную проволоку, соединявшую контору съ полицейскимъ станомъ, двое грабителей, обвязавъ лица тряпками, ворвались въ комнату, гдѣ занимались конторщики, и крикнули:

— Руки вверхъ!.. Ни съ мѣста!..

Одинъ изъ нихъ держалъ револьверъ надъ головой испугавшихся служащихъ, а второй сталъ разбивать ломикомъ денежные ящики. Не сумѣвъ справиться съ этимъ, онъ вышелъ въ сѣни, позвалъ стоявшаго тамъ третьяго соучастника, и вдвоемъ они сдѣлали все, что нужно. Забравъ деньги и лежавшія въ ящикѣ конфеты, экспроприаторы скрылись, сдѣлавъ при этомъ выстрѣлъ въ потолокъ.

Конторскіе служащіе отъ неожиданности и испугу долго еще боялись говорить, но придя въ себя дали знать фабричной администраціи, а потомъ стали звонить въ телефонъ. Когда отвѣта не получилось, нѣкоторые поѣхали на дрезинѣ до перваго полустанка, и оттуда уже снеслись съ приставомъ. На мѣсто происшествія онъ пріѣхалъ лишь къ семи часамъ утра слѣдующаго дня.

Тутъ же, при фабрикѣ жилъ конторскій мальчикъ и писарекъ Федоръ Сергѣевъ. Квартировалъ онъ у Кривцова, и съ его 19-ти лѣтнимъ сыномъ водилъ дружбу. Самъ онъ былъ парень нервный и впечатлительный, робкій и обыкновенно боявшійся даже спать одинъ. И на этотъ разъ ночь съ 4-го на 5-ое сентября онъ провелъ вмѣстѣ съ Иваномъ Кривцовымъ. Большой трусъ, Сергѣевъ, тѣмъ не менѣе, любилъ корчить изъ себя героя, и услышавъ про чью нибудь отчаянную выходку или смѣлый поступокъ, онъ полусерьезно, полупуштя увѣрялъ всѣхъ, что то-то и то-то—дѣло его рукъ. Участившіеся въ это время и особенно въ ихъ фабрично-заводскомъ районѣ грабежи и экспроприаціи давали обильную пищу фантазіи этого юнца: онъ долго и часто бахвалился подвигами, совершенными совѣтъ другими. Въ семьѣ

Кривцовыхъ знали про эту его слабость, часто подсмѣивались надъ нимъ, или же шутки ради, кто нибудь изъ нихъ бывало стукнетъ въ окно, и грозно спросить:

— А гдѣ здѣсь живетъ Федоръ Сергѣевъ, извѣстный террористъ и экспроприаторъ?.. Именемъ закона арестуемъ его...

Услышавъ это, Сергѣевъ начиналъ въ серьезъ плакать, а присутствовавшихъ при этой сценѣ это еще больше забавляло. Даже впослѣдствіи, сидя въ тюрьмѣ, Сергѣевъ любилъ разсказывать арестантамъ о якобы совершенныхъ имъ ограбленіяхъ и убійствахъ, о которыхъ онъ зналъ съ чужихъ словъ, а то и просто сочинялъ экспромты. При этомъ онъ такъ путалъ обстоятельства времени и мѣста, что товарищи скоро рѣшили, что онъ «меланхоличный», и вовсе перестали прислушиваться къ его болтовнѣ.

Предоставляю специалистамъ-психіатрамъ опредѣлить сущность и форму душевной болѣзни этого юноши.

Утромъ пятого сентября Сергѣевъ пришелъ въ контору и тутъ впервые узналъ о героическомъ, по его мнѣнію, происшествіи, имѣвшемъ мѣсто наканунѣ ночью. Когда онъ пошелъ домой завтракать, онъ по дорогѣ разсказалъ знакомому лѣсничему про мѣстную новость дня.

— Вотъ, дядя,—прибавилъ онъ при этомъ—и я скоро приду къ вамъ и скомандую: «Рр-руки вверхъ!.. Деньги—или бомба!.. Вотъ будетъ потѣха!»

— Приходи, приходи, братецъ,—отвѣчалъ ему лѣсничій—у меня для такихъ молодцовъ свинцовые орѣхи приготовлены.

Разговорившись какъ то съ приставомъ Золотовымъ, лѣсничій между прочимъ, передалъ ему и свой разговоръ съ Сергѣевымъ: дескать, какая молодежь нынче пошла, что у нея на умѣ лежитъ... Золотовъ призываетъ къ себѣ Сергѣева и спрашиваетъ:

— Знаешь ли что нибудь про это дѣло?

— Какъ же!—отвѣчаетъ тотъ, не задумываясь.—Вѣдь, эксъ то я и сдѣлалъ!

— Ты?!—удивляется Золотовъ.—Ну, а еще кто былъ съ тобой?

Сергѣевъ началъ сыпать фамиліями знакомыхъ рабочихъ, какія только пришли ему въ голову. Конторщики видѣли троихъ грабителей. Сергѣевъ же назвалъ не болѣе и не менѣе, какъ восемнадцать человѣкъ участниковъ. Всѣхъ ихъ тотчасъ же арестовали, строго допросили, но оказалось, что въ ту ночь они всѣ до единого не отлучались изъ мастерскихъ, гдѣ находились на ночной смѣнѣ. Ихъ, разумѣется, выпустили, но самого Сергѣева приставъ на всякій случай задержалъ.

Когда стали соединять прерванную телефонную проволоку, то неподалеку нашли какую то фотографическую карточку, запачканную, полустертую и, очевидно, давно уже лежавшую въ грязи. У пристава явилось подозрѣніе, не грабителямъ ли она принадлежитъ? Правда, это, должно быть, совсѣмъ уже особенные

грабители, которые идутъ «на дѣло», съ фотографіями въ карманѣ, но Золотовъ, предположивъ, что она могла быть утеряна грабителями случайно, началъ разпросы, пока не установилъ, что одинъ изъ двухъ изображенныхъ на фотографіи юношей есть Константинъ Тимошковъ.

Жилъ онъ въ семи верстахъ отъ Знебери, въ селѣ Старп. Являются къ нему съ обыскомъ, онъ показываетъ, что другой снятый съ нимъ — Алексѣй Кудрявцевъ, жившій въ томъ же селѣ, и работавшій слесаремъ на Мальцевской фабрикѣ. У него на квартирѣ нашли конфеты и отвертку, которой вынимаютъ гвозди. Возможность своего участія въ ограбленіи Кудрявцевъ категорически опровергъ: весь вечеръ и всю ночь съ 4-го на 5-ое сентября онъ провелъ у себя дома, т. е. въ семи верстахъ отъ Знебери; подтвердить это могутъ всѣ сосѣди, а также и нѣкій Николай Саловъ, проведеншій эту ночь въ домѣ Кудрявцевыхъ. Золотовъ розыскалъ его въ другомъ мѣстѣ, и онъ, не зная, въ чемъ дѣло, сейчасъ же подтвердилъ слова Кудрявцева. На всякій случай приставъ арестовалъ и Тимошкова, и Кудрявцева съ Саловымъ.

По подозрѣнію взяты были еще: Иванъ Щетининъ, дней за 15 до ограбленія поступившій на бутылочный заводъ, и извѣстный приставу, какъ членъ с. р.—ской организаціи, затѣмъ Дмитрій Нефедовъ, Семенъ Масловъ и дочь заводскаго служащаго Марія Евсютина. У Щетинина на квартирѣ нашли марлевые бинты, и тутъ же вспомнили, что грабители были съ обвязанными лицами. Были конфискованы также и его ботинки; Золотовъ примѣрилъ ихъ къ слѣдамъ воулѣ конторы и призналъ, что это слѣды именно отъ ботинокъ Щетинина. У Нефедова нашли патронъ отъ револьвера Смитъ-Вессонъ 320 калибра. Нефедовъ былъ извѣстенъ, какъ очень энергичный и дѣятельный соц.-дем., тѣмъ болѣе, что онъ уже отсидѣлъ въ тюрьмѣ восемь мѣсяцевъ за агитацію среди крестьянъ. Золотовъ давно уже точилъ зубы на этого неспокойнаго рабочаго, и воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы арестовать его.

Когда приставъ вторично допросилъ Сергѣева, тотъ снова заявилъ, что ограбленіе совершилъ онъ и его пріятель Иванъ Кривцовъ. Ихъ обоихъ, вмѣстѣ со всѣми вновь арестованными, отвезли въ станъ, причемъ въ теченіе дѣлаго часа стражники избивали Щетинина, Маслова и Кривцова, требуя отъ нихъ признанія. Послѣ допроса въ станѣ, Золотовъ освободилъ Маслова, Евсютину, которую зналъ лично, и Тимошкова, сына лавочника, снятаго на одной карточкѣ съ Кудрявцевымъ. Сергѣева же приставъ держалъ въ своей собственной квартирѣ, отдѣльно отъ остальныхъ. Своими соучастниками Сергѣевъ теперь призналъ, кромѣ Кривцова, еще и всѣхъ остальныхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыхъ Золотовъ отпустилъ на свободу. Въ дѣйствительности же Сергѣевъ никогда и въ глаза не видалъ Нефедова, Тимошкова, Кудрявцева и Салова. Когда приставъ назвалъ ему послѣднихъ

двухъ, онъ сталъ путать, то признавая ихъ своими знакомыми, то нѣтъ; когда же Кудрявцевъ потребовалъ, чтобы Сергѣевъ тутъ же указалъ въ лицо, кто именно Кудрявцевъ и кто Нефедовъ, то Сергѣевъ отказался сдѣлать это.

Должно быть, самъ приставъ не очень то вѣрилъ Сергѣеву, и всѣхъ арестованныхъ держалъ при станѣ совершенно свободно. Днемъ они могли уходить куда угодно, и только на ночь должны были возвращаться назадъ въ станъ. Имъ легко было скрыться, но они этого не дѣлали, полагая, что и самъ приставъ освободить ихъ. Въ такомъ положеніи они находились дней десять, послѣ чего всѣ шестеро были отправлены въ Брянскую тюрьму. Когда дня черезъ два слѣдователь допросилъ Сергѣева, послѣдній началъ пороть всякій вздоръ: Нефедовъ и Щетининъ ломали ящикъ, а онъ, Сергѣевъ, держалъ револьверъ... (самое эффектное онъ себѣ оставилъ), Кудрявцевъ, будто бы стоялъ гдѣ-то на улицѣ, а Саловъ, молъ, хотѣлъ участвовать въ «эксѣ», но не успѣлъ придти во время.

— Ну, ваше высокородіе, теперь отпустите меня домой,—я, вѣдь, вамъ все сказалъ,—добавилъ Сергѣевъ, но слѣдователь, конечно, отказалъ ему. Выйдя отъ него въ переднюю, Сергѣевъ сказалъ конвоировавшему ихъ городовому:

— Дядя, а что, если я все неправду сказалъ, мнѣ хуже будетъ?

— Ну, да,—отвѣтилъ тотъ—надо правду говорить.

Услышавъ это, Сергѣевъ заплакалъ и просилъ, чтобы его опять пустили къ слѣдователю. На этотъ разъ онъ показалъ, что на ограбленіи онъ вовсе не былъ, и назвалъ свидѣтелей, которые могутъ доказать, что въ ту ночь онъ спалъ дома, вмѣстѣ съ Кривцовымъ. Потомъ Сергѣевъ то увѣрялъ, что оговорилъ остальныхъ арестованныхъ по наущенію пристава, который обѣщалъ выпустить его за это на свободу, то божился, что сдѣлалъ это, не подозрѣвая, что изъ этого можетъ выйти. Изъ тюрьмы онъ писалъ прокурору о своей и всѣхъ другихъ непричастности къ дѣлу. Еще въ участкѣ пристава спросилъ его, куда онъ дѣвалъ револьверъ, которымъ былъ вооруженъ одинъ изъ грабителей. Сергѣевъ указалъ одно мѣсто въ чьемъ-то огородѣ, стали копать и рыть тамъ, но рѣшительно ничего не нашли.

Сергѣева осматривали врачи, которые и нашли, что онъ душевно здоровъ. Странно...¹⁾.

¹⁾ Я, конечно, никоимъ образомъ не берусь судить объ основательности этого заключенія. Но до чего иной разъ бываютъ несовершенны психіатрическія экспертизы, вотъ тому примѣръ: Въ 1918 г. нѣкто А. Головачъ, кончившій гимназію, похитилъ у товарища паспортъ, по которому пытался получить съ почти 100 р., и кромѣ того составилъ и отпечаталъ указъ на свое имя о томъ, что великій князь Николай Николаевичъ возводитъ его въ званіе придворнаго камергера. У слѣдственной власти возникло подозрѣніе въ его душевномъ здоровьи. Врачи первой психіатрической больницы (Винницкой), въ которую его помѣстили сначала, признали его здоровымъ, зато психіатры Кіево-Кирилловской лечебницы, куда онъ попалъ для вторичнаго изслѣдованія, нашли, что онъ страдалъ и страдаетъ тяжкимъ душевнымъ недугомъ. Суду его всетаки передали, но присяжные вынесли оправдательный вердиктъ и собрали для него 11 рублей.

Несомнѣнно, что произойди все это не въ такое тревожное время и разбирайся не въ военномъ, а въ обыкновенномъ судѣ, всѣ эти юноши, даже если бы не были освобождены до суда, то были бы оправданы на самомъ судѣ, а приставъ Золотовъ и судебный слѣдователь получили бы нагоняй за свое чрезмѣрное усердіе и за свой слишкомъ уже неумѣренный административный восторгъ. Вѣдь, былъ же случай, («Право» 1907 г. № 11), что полтавскій военно-окружной судъ, предъ которымъ прошла ужасная картина полицейскаго дознанія, оправдалъ пятерыхъ подсудимыхъ по статьѣ, которая угрожала имъ смертной казнью, — и это, не смотря на то, что обвиняемые «сознались» въ томъ, чего они вовсе не дѣлали.

Въ данномъ случаѣ судъ, вѣроятно, былъ загипнотизированъ совпаденіемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ: фотографическая карточка недалеко отъ мѣста происшествія, конфеты и отвертка у Кудрявцева, патронъ у Нефедова, бинты у Щегинина, показанія завравшагося и запутавшагося психопата Сергѣева... При разборѣ дѣла выяснилось, что фотографическая карточка у Кудрявцева не было; въ Знебери онъ ни разу не былъ, такъ что не могъ даже обронить ее; Тимошковъ, котораго приставъ освободилъ, и который снятъ вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ, былъ любитель-фотографъ, и на прилавкахъ отцовскаго магазина у него всегда валялись карточки, виды и т. п.; по всей вѣроятности, кто нибудь изъ покупавшихъ въ лавкѣ Тимошковыхъ, случайно забралъ ее, а потомъ уронилъ или бросилъ, что могло произойти задолго до ограбленія, такъ какъ доставленная приставу фотографія была довольно истерта; возможно еще, хотя и менѣе вѣроятно, что снимокъ этотъ какъ нибудь попалъ къ жившимъ въ этомъ районѣ участникамъ ограбленія, и они, чтобы отвлечь вниманіе нарочно подбросили ее недалеко отъ мѣста происшествия ¹⁾).

Отобранныя у Кудрявцева конфеты кассиръ не призналъ своими: похищенныя у него были другого сорта и другой фаб-

¹⁾ Мнѣ извѣстенъ одинъ дѣйствительный случай въ этомъ, приблизительно, родѣ, когда на каторгу угодилъ юноша, ни въ чемъ неповинный. Случай этотъ тѣмъ болѣе возмутителенъ, что некрасивую роль сыгралъ тутъ человѣкъ, претендовавшій на званіе идейнаго. Нѣкій Захаръ Дор-нъ организовалъ изъ молодыхъ учениковъ Уфимскаго Ремесленнаго Училища кружокъ анархистовъ, и вмѣстѣ съ двумя юнцами совершилъ зимой 1907 г. экспроприацію какихъ-то торговыхъ банъ. Забрали они всего рублей восемь, никого, впрочемъ, не убивъ и не ранивъ. Одного изъ нападавшихъ, 17-лѣтняго Кулагина, арестовали по свѣжимъ слѣдамъ и основательно избili въ сыскомъ отдѣленіи. Еще до этого Д-нъ условился съ нимъ, чтобы въ случаѣ ареста, если ужъ неизбежно будетъ называть кого нибудь, онъ называлъ бы своимъ соучастникомъ нѣкоего Боголюбова, поразительно похожаго на самого Дор-на. Кулагинъ такъ и сдѣлалъ. Потерпѣвшій и свидѣтели чистосердечно приняли одного за другого, и Боголюбовъ, не имѣвшій никакого отношенія къ дѣлу, приговаривается, вмѣстѣ съ Кулагинимъ, къ смертной казни... Генералъ Костицъ, главнокомандующій Казанскимъ Округомъ, замѣнилъ имъ повѣшеніе каторгой: Кулагину десятую, а Боголюбову двѣнадцатью годами. По дорогѣ въ Сибирь Кулагинъ былъ убитъ арестантами: ему отомстили за то, что слушаясь Д-на, онъ погубилъ невиннаго человѣка.

рики. Простая отвертка отъ гвоздей, которую судъ, повѣривъ эксперту, призналъ орудіемъ, подходящимъ для взлома денежнаго ящика,—вещь самая обыкновенная въ домѣ, особенно у фабричнаго слесаря.

Патронъ, найденный у Нефедова былъ 320 калибра, тогда какъ выпущенная грабителями пуля была 380 калибра. Орудованіе револьверомъ Сергѣевъ приписывалъ лично себѣ, слѣдовательно, самъ Нефедовъ тутъ не причемъ, тѣмъ болѣе, что патронъ, лежавшій у него въ карманѣ жилетки, былъ выстрѣлянъ имъ еще въ мартѣ, т. е. за полгода до ограбленія, и оставленъ имъ у себя для тросточки. Да и что это за грабитель, который, сдѣлавъ выстрѣлъ въ потолокъ конторы, прячетъ патронъ и держитъ его вплоть до ареста?... Происхожденіе бинтовъ, найденныхъ у Щетинина, послѣдній объяснилъ тѣмъ, что братъ его фельдшеръ, а самъ онъ, какъ слесарь, держалъ ихъ у себя, чтобъ перевязать порѣзанный палецъ и т. д. Что касается слѣдовъ отъ его башмаковъ, то начиная съ двѣнадцати часовъ ночи, когда совершенно было нападеніе, вплоть до того времени, когда приставъ, пріѣхавшій на мѣсто лишь на слѣдующій день, сдѣлалъ примѣрку, тамъ ступали десятки ногъ, и имѣлись сотни слѣдовъ. У Салова и Кривцова ничего подозрительнаго найдено не было, и судились они исключительно по оговору Сергѣева. Самъ Сергѣевъ на судѣ рыдалъ, какъ ребенокъ, но показанія его носили тотъ же сумбурный и вздорный характеръ, что и прежде. Конторскіе служащіе не признали никого изъ подсудимыхъ, не признали даже Сергѣева, величавшаго самого себя главнымъ участникомъ ограбленія.

Военный судъ (предсѣдателемъ былъ генералъ Мининъ, а прокуроромъ полковникъ Желѣзовъ) вынесъ слѣдующую резолюцію: 1) Федора Сергѣева приговорить къ смертной казни, но въ виду его чистосердечныхъ показаній, замѣнить повѣшеніе 20-тью годами каторги; 2) Дмитрія Нефедова, Ивана Щетинина, Алексѣя Кудрявцева и Ивана Кривцова приговорить къ смертной казни; 3) Николая Салова—къ двумъ годамъ крѣпости. Кудрявцеву и Кривцову, въ виду ихъ несовершеннолѣтія, повѣшеніе замѣнить двадцатью годами каторги.

Адвокаты, въ особенности одинъ изъ нихъ, г. Аеонскій, все время ставили на видъ, что они имѣютъ дѣло съ военными судьями, раздраженными совершающимися кругомъ убійствами и ограбленіями, и не любящими вникать въ сложныя подробности подобныхъ дѣлъ,—поэтому, молъ, лучше и проще всего признать себя во всемъ виновными, просить снисхожденія, а потомъ уже ходатайствовать о пересмотрѣ дѣла. Но наши юноши, наивные и простосердечные, никакъ не могли согласиться наклепать на себя напраслину. Кассачію приговора они не подавали. Адвокаты, должно быть, привыкшіе къ порядкамъ военнаго правосудія, относились къ дѣлу халатно, а подходящихъ связей и денегъ у подсудимыхъ, рядовыхъ рабочихъ, тоже не

было. До приведенія приговора въ исполненіе, защитники два раза прѣвѣжали въ тюрьму и убѣждали Нефедова и Щетинина послать телеграмму на имя царя, съ просьбой о помилованіи. Но тѣ не согласились на это. Да и не вѣрилось имъ, чтобы все это въ серьезъ было: вѣдь, еще до перевода ихъ въ тюрьму приставъ Золотовъ держалъ ихъ такъ свободно, что они могли бы легко скрыться.

Въ ночь съ 14-го на 15 Марта 1908 г. Дмитрій Нефедовъ и Иванъ Щетининъ, оба несовершеннолѣтніе, были повѣшены. Сергѣевъ, Кудрявцевъ и Кривцовъ были отправлены въ нашу Орловскую каторжную тюрьму. Саловъ отбылъ свои два года крѣпости, но, сидя въ тюрьмѣ, заболѣлъ чахоткой и черезъ мѣсяцъ по выходѣ на волю умеръ. Кривцовъ, кстати, въ отличіе отъ остальныхъ, ярый монархистъ, парень тихій и богомольный, до ареста развѣзавшій съ матерью по монастырямъ, и никогда не знавшійся ни съ революціонерами, ни съ экспроприаторами, не вынесъ всѣхъ этихъ тревоженій. По приходѣ въ Централь, онъ, вмѣстѣ съ остальными, былъ страшно избитъ кулаками и резинами—такъ-въ былъ у насъ порядокъ при инспекторахъ фонъ Кубе и Сербиновъ и начальникахъ Маціевичъ и Синальскомъ. Тоже было и съ Кудрявцевымъ, которого Синальскій даже разъ выпоролъ за протестъ противъ избіеній. Кривцовъ по цѣлымъ днямъ плакалъ, плакалъ, зачахъ и умеръ. Кудрявцевъ, на рѣдкость честный и искренній, цѣломудренный тѣломъ и душой, стройный и крѣпкій юноша, попавъ въ Централь цвѣтущимъ и румянымъ, схватилъ туберкулезъ и, будучи на плохомъ счету у начальства, былъ переведенъ въ Херсонскую каторжную тюрьму, гдѣ, вѣроятно, находится и сейчасъ.

Читатель, быть можетъ, спроситъ: какова же похищенная сумма, изъ-за которой погибло столько юныхъ жизней?

А вотъ: по бухгалтерскимъ книгамъ изъ денежнаго ящика было забрано грабителями 40 р.,—сорокъ рублей. Изъ нихъ 12 рублей грабители уронили въ конторѣ же. Слѣдовательно, на двоихъ повѣшенныхъ, двоихъ умершихъ и двоихъ томящихся на каторгѣ приходится всего 28 рублей, по 4 рубля 70 коп. на душу человѣческую. Какъ будто дешево...

* * *

Не менѣе трагично было положеніе п. п. с — вца Рогова и с. д. Барциковскаго, осужденныхъ по дѣламъ, которыхъ они не могли сдѣлать уже по однимъ принципиальнымъ соображеніямъ.

Въ 1908 г. нѣкоторые члены Радомскаго комитета Р. Р. С. Шенкъ, Гарбовскій, Мущальскій и Доманскій были привлечены къ суду за вынесеніе террористическихъ приговоровъ. Ихъ нѣсколько разъ судили за это, но за полнымъ отсутствіемъ фактическихъ уликъ приходилось ихъ оправдывать, и только послѣ убійства жандармскаго офицера въ Радомѣ, ихъ приговорили къ казни, замѣненной потомъ безсрочной каторгой. Членомъ

окружного комитета состоялъ, между прочимъ, и одинъ типографъ Гершъ Роговъ (кличка «Густавъ»), очень образованный и серьезный, въ высшей степени преданный дѣлу социалистъ, идеалистъ какихъ мало. Черезъ годъ послѣ осужденія его товарищей онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Пекарскимъ (кличка «Грибъ»), инструкторомъ боевой организаціи, дѣятельнымъ террористомъ, совершавшимъ прямо легендарные подвиги. Роговъ не только не имѣлъ отношенія къ убійству жандармскаго офицера, но все время энергично возставалъ противъ террористической практики Р. Р. С. Дѣло это велъ въ послѣдствіи убитый своими же агентами полковникъ Вонсяцкій, умный и изобрѣтательный инквизиторъ, плодившій провокаторовъ, и очень авторитетный въ глазахъ военныхъ судей. Все это дѣло носило лубочно-тенденціонный характеръ, и уже одно нахождение на одной скамьѣ съ Роговымъ извѣстнаго террориста Пекарскаго рѣшило его участь. Обоихъ приговорили къ повѣшенію. 5 Іюня 1909 г. Рогова и Пекарскаго повѣсили въ Варшавской Цитадели. До самаго послѣдняго момента Роговъ держался съ удивительнымъ самообладаніемъ. Однажды ночью жандармъ открылъ дверь ихъ каземата и объявилъ имъ, будто адвокатъ пришелъ къ нимъ. Они сообразили, что это значитъ. Пекарскій, несмотря на обычную для него выдержку и стойкость, растерялся, но Роговъ взялъ его подъ руку и вмѣстѣ съ нимъ направился къ эшафоту. До этого, онъ оставилъ прощальное письмо съ призывомъ не прекращать борьбы за политическое и социальное освобожденіе рабочаго класса. Жена Рогова, жившая въ то время въ Парижѣ, узнавъ подробности казни мужа, сошла съ ума.

Въ Царствѣ Польскомъ при генералъ-губернаторѣ Скалонѣ такъ уже велось, что если гдѣ нибудь происходило убійство на политической почвѣ, и непосредственный виновникъ не оказывался подъ руками, то такъ или иначе, но кто нибудь изъ его, хотя бы и самыхъ отдаленныхъ единомышленниковъ, долженъ былъ непременно пострадать за это. Тутъ практиковалась своеобразная круговая порука. Жертвой этой системы и палъ Роговъ.

Не лучше обстояло дѣло и съ Александромъ Барциковскимъ.

Въ 1907 г. аптекарскій ученикъ, по фамиліи Копейка, членъ с.-р. организаціи г. Ровно, убилъ околочнаго надзирателя Калиновича. Убійство это произошло вечеромъ въ циркѣ. Молодому террористу удалось скрыться и бѣжать въ Америку. Были произведены массовые обыски, забирали и с.-р. и с.-д., вообще, всѣхъ, кто наиболѣе извѣстенъ былъ полиціи. Однако, изъ 18 человѣкъ арестованныхъ, 17 пришлось освободить — слишкомъ уже очевидна была несомнѣннѣйшая ихъ непричастность къ этому дѣлу. Зато арестованный вмѣстѣ съ ними Барциковскій, бывший прапорщикъ, уволенный изъ полка по подозрѣнію въ сочувствіи социалистамъ, за неимѣніемъ болѣе подходящихъ,

былъ оставленъ на поживу. Сестра убитаго Калиновича и ея женихъ (тоже полицейскій надзиратель), знавшіе Барциковскаго, какъ революціонера, были почему-то увѣрены въ томъ, что онъ знаетъ мѣстонахождение настоящаго виновника, и вообще имѣетъ касательство къ дѣлу.

Барциковскаго предали суду. Въ пользу его совершенной непричастности показывали многіе свидѣтели, противъ него говорили только сестра Калиновича и ея женихъ. Въ числѣ судей было также три пѣхотныхъ офицера изъ того самаго полка, изъ котораго исключили Барциковскаго; они были заранее предубѣждены противъ него, какъ противъ крамольника, а считаются, напримѣръ, съ тѣмъ, что Барциковскій, убѣжденнѣйшій социаль-демократъ, не могъ участвовать въ террористическомъ актѣ, — у нихъ не было ни желанія, ни умѣнія. Защищалъ Барциковскаго присяжный повѣренный Марголинъ изъ Кіева. На судѣ онъ, между прочимъ, хотѣлъ было прочесть официальное заявленіе, выпущенное Комитетомъ П. С. Р. и категорически удостовѣрившее, что Калиновича убилъ членъ партіи Копейка. Но председатель суда, генералъ Антоновъ сталъ кричать на адвоката, грозилъ лишить его слова, и такъ и не далъ ему прочитать вслухъ этотъ документъ.

Барциковскій былъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ и отправленъ въ Орловскій Централъ, гдѣ я съ нимъ лично и встрѣчался.

* * *

По случаю ремонта моей одиночки мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время съ каторжникомъ Мееодіемъ Никулинымъ. Это былъ здоровенный и плотный, лѣтъ 33. мужчина, съ черными волосами и туповатымъ изъ-подлобья взглядомъ. Всегда молчаливый и угрюмый, онъ и на прогулкѣ ходилъ, съ опущенной головой, смотря впереди себя въ одну точку. Онъ совершенно безграмотенъ, удивительно неразвитъ и туго на пониманіе чего либо отвлеченнаго.

На волѣ у него остались жена и ребенокъ. Одного брата, осужденнаго за ограбленіе и сосланнаго въ нашъ же Централъ, забили здѣсь на смерть. Другой его братъ, какъ и очень многіе изъ рабочей молодежи того времени «вдарился въ эксъ», какъ выражался Никулинъ. Однажды, послѣ неудачнаго ограбленія, онъ, будучи раненъ, прибѣжалъ къ Мееодию, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Самъ Мееодій ни къ какимъ экспроприациямъ отношенія не имѣлъ, но подъ влияніемъ паники, наведенной дѣятельностью военныхъ судовъ, онъ, во избѣжаніе ареста и другихъ осложнений (братъ его оставилъ на квартирѣ нѣсколько оболочекъ отъ бомбъ), переселился въ далекую Сибирь, гдѣ и устроился монтеромъ на золотыхъ приискахъ. Онъ уже собирался выписать къ себѣ свою семью, какъ вдругъ его арестовали. Дѣло было въ слѣдующемъ.

Еще 17 Мая 1907 г. въ одномъ рудникѣ, отстоящемъ верстъ

на 17 отъ того мѣста, гдѣ въ это время находился Никулинъ, былъ убитъ инженеръ Шарыгинъ, очень скверно обращавшійся съ рабочими. Что во время убійства Никулинъ находился далеко отъ того мѣста, было установлено впоследствии табелью и конторскими записями. О самомъ инженерѣ Шарыгинѣ Никулинъ ничего не зналъ, а подробности убійства стали ему известны лишь отъ другихъ лицъ, и то лишь тогда, когда онъ года черезъ три попалъ въ Екатеринославскую тюрьму. Слѣдствиемъ было установлено, что въ убійствѣ Шарыгина участвовалъ какой то Никулинъ, а такъ какъ Мееодій обратилъ на себя вниманіе полиціи своимъ внезапнымъ исчезновеніемъ послѣ смерти брата-экспроприатора, то его и стали усиленно разыскивать. Затѣмъ, гдѣ-то подъ Луганскомъ одной группой с.-р. организовано было нападеніе на конвой, съ цѣлью освобожденія арестованныхъ. Въ качествѣ соучастника въ этомъ дѣлѣ тоже заподозрѣнъ былъ все тотъ же Никулинъ.

Узнавъ, гдѣ находится Мееодій Никулинъ, полиція распорядилась арестовать его. Изъ дремучей Сибирской тайги онъ былъ доставленъ этапнымъ порядкомъ въ Екатеринославъ. Уже сидя въ тюрьмѣ, Никулинъ узналъ, что въ одной камерѣ готовится побѣгъ, и что, если все сойdetъ благополучно, то, быть можетъ, открыты будутъ и другія камеры. Никулинъ, на всякій случай, перепилилъ свои кандалы (въ виду серьезности обвиненія его держали закованными). Однако, до побѣга не дошло: одинъ уголовный донесъ обо всемъ начальству. Стали ходить по камерамъ, дѣлать обыски. На томъ основаніи, что у Никулина тоже порѣзаны кандалы, его тоже «припаяли» къ дѣлу о побѣгѣ, и вплоть до суда держали изолированнымъ рядомъ со смертниками.

Привлекали еще Мееодія Никулина и за принадлежность къ Партіи Соц.-Рев., о каковой партіи онъ даже и теперь имѣетъ самыя смутныя и сбивчивыя представленія.

— Если бы я такими дѣлами занимался, — говорилъ онъ мнѣ, — тогда другое дѣло, а то, какой изъ меня партійный, когда я чловѣкъ семейный, и грамотѣ не умѣю...

Дѣло объ убійствѣ инженера Шарыгина, имѣвшемъ мѣсто въ 1907 г., разбиралось лишь въ 1911 г. Мееодія Никулина обвиняли: 1) въ укрывательствѣ брата, забѣжавшаго къ нему съ оболочками отъ бомбъ въ рукахъ; 2) въ участіи въ убійствѣ Шарыгина; 3) въ нападеніи на конвой подъ Луганскомъ; 4) въ принадлежности къ Партіи С.-Р.; 5) въ покушеніи на побѣгъ изъ Екатеринославской тюрьмы.

Небрежность судопроизводства — поразительная. Такія наглядныя несообразности и противорѣчія могли имѣть мѣсто только въ такое время, когда классовая подоплека современнаго правосудія выступала съ наиболѣе выпуклой обнаженностью. Тотъ Никулинъ, который, дѣйствительно, участвовалъ и въ Партіи С.-Р., и въ убійствѣ Шарыгина, былъ по показанію свидѣтелей блондинъ, и звали его Абрамъ, и онъ давно уже успѣлъ скрыться

заграницу. Нашъ же Никулинъ черенъ, какъ жукъ, и зовутъ его Мееодій. Дальше. Какимъ-то образомъ на скамьѣ подсудимыхъ очутился и пріятель нашего Никулина, рабочій Степановъ. Это былъ человѣкъ пожилой, забитый, обремененный большой семьей, никогда не имѣвшій никакого касательства ни къ какимъ крамольнымъ затѣямъ, даже избѣгавшій участвовать въ простыхъ забастовкахъ. Выступавшіе на судѣ свидѣтели со стороны полиціи, указывая пальцемъ на Степана, называли его тѣмъ блондиномъ Никулинымъ, котораго власти такъ безуспѣшно разыскивали. При этомъ Мееодій Никулинъ сидитъ тутъ же, а агенты сыскаго отдѣленія не говорятъ про него лично ни слова... ¹⁾).

Кончилось тѣмъ, что одного изъ подсудимыхъ повѣсили, пятерымъ дали безсрочную каторгу, а Мееодию Никулину назначили 18 лѣтъ каторги. Если бы судъ былъ твердо увѣренъ въ его виновности, онъ получилъ бы не менѣе безсрочной; сравнительно съ другими сроками, 18 лѣтъ каторги означали мягкій приговоръ, и наврядъ ли мягкость эта объясняется тѣмъ, что самъ Никулинъ велъ себя на судѣ некрасиво и трусливо.

У насъ въ Орлѣ Никулинъ почти все время сидѣлъ въ одиночкѣ. Начальникъ Колченко, узнавъ, что онъ когда то въ Екатеринославѣ былъ не прочь бѣжать изъ тюрьмы, распорядился никого не сажать къ нему въ сожителѣ. А при преемникѣ Колченко,—г. Пугавко, когда каторжане ходили настоящими оборванцами, Никулину пришлось объявить трехдневную голодовку, чтобы добиться сносныхъ котовъ и брюкъ...

Все пережитое этимъ несчастнымъ человѣкомъ, несомнѣнно, разстроило его психику. Самочувствіе у него все время подавленное, онъ часто впадаетъ въ форменную меланхолію. Срокъ у него большой (18 лѣтъ каторги...), а манифестъ 21 февраля 1913 г. его, какъ политическаго, не коснулся вовсе.

.....

Недешево обошлись народу эти нѣсколько лѣтъ контръ-революціи.

Кинъ.

¹⁾ Еще болѣе поразительный случай зарегистрированъ въ „Правдѣ“ (№ 6 за 1918 г.): 30 Января 1918 г. въ закрытомъ засѣданіи того же Екатеринославскаго суда должно было слушаться дѣло о вооруженномъ захватѣ станціи Алмазная и Ясиноватая. Это осколокъ большого дѣла о вооруженномъ захватѣ въ 1906 г. Екатеринославской дороги, вызвавшемъ приговоръ съ 48 подлежащими повѣшенію. Изъ двухъ подсудимыхъ одинъ, Бурдулъ, не явился по старой въ Екатеринославской тюрьмѣ причинѣ—онъ заболѣлъ тифомъ. Второй—Борисенко первымъ дѣломъ заявилъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу, что у него нѣтъ и отчество другое, и что принадлежитъ онъ къ другому сословію... Чтобы понять эффектъ такого заявленія, надо имѣть въ виду, что Борисенко привлекался по 1 ч. 100 ст. и по 279 ст., которая ведетъ къ висѣлицѣ... Въ эти годы усмирительный пылъ военныхъ судей значительно остылъ, и суду ничего не оставалось дѣлать, какъ объявить Борисенко свободнымъ.

Изъ автобіографіи Вѣры Фигнеръ.

Первое показаніе.

1883 года Февраля 16 дня, я Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Маіоръ Шеманичъ, на основаніи закона 19-го Мая 1871 года, въ присутствіи Товарища Прокурора С.П. Судебной Палаты Добрянскаго распрашивалъ нижепоименованную, которая показала:

Зовутъ меня Вѣра Николаевна Фигнеръ, по мужу Филиппова. Отъ роду имѣю 30 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Происхожденіе и народность изъ дворянъ Казанской губ., русская. Званіе—дворянка Казанской губ. Мѣсто рожденія и мѣсто постоянного жительства—родилась въ Тетюшскомъ уѣздѣ Каз. губ. въ сельцѣ Христофоровкѣ; проживала передъ арестомъ въ г. Харьковѣ на разныхъ квартирахъ у знакомыхъ, назвать которыхъ не желаю. Занятіе—домашняя учительница, акушерка, фельдшерница и революціонерка. Средства къ жизни—заработокъ и средства партіи. Семейное положеніе—состояла замужемъ за Товарищемъ Прокурора Казанскаго Окружнаго Суда Алексѣемъ Викторовичемъ Филипповымъ. Замужъ вышла въ 1870 г., разводъ состоялся въ 1876 г., отца въ живыхъ нѣтъ, мать проживаетъ въ С.-Петербургѣ. Имѣю 2-хъ братьевъ: Петра, служащаго въ качествѣ горнаго инженера въ Пермской губ., и Николая, бывшаго флотскаго офицера, находящагося нынѣ за границей, и 3 сестеръ,—Лидію, сосланную на житіе въ Иркутск. губ.; Евгенію, сосланную на поселеніе, и Ольгу находящуюся при матери. Экономическое положеніе родителей—помѣщики. Мѣсто воспитанія и на чей счетъ воспитывалась—Казанскій Родіоновскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ окончила курсъ въ 1869 году и награждена первымъ Императорскимъ шифромъ. Воспитывалась на казенный счетъ; въ 1872 г. вступила на медицинскій факультетъ Цюрихскаго Университета, въ 73 г. перешла на тотъ же факультетъ въ Бернскій Университетъ. Причина неокончанія курса, въ случаѣ выхода изъ заведенія, съ указаніемъ самого заведенія:—не окончила курса въ университетѣ по вызову революціонной организаціи, членомъ которой сдѣлалась за границую въ 1873 г. Держала въ 76 году экзаменъ на фельдшерницу при Ярославской Врачебной Управѣ и на акушерку въ томъ же году при Медицинской Академіи въ С.-Петербургѣ. Была ли за границей, гдѣ и когда именно: была за границей отъ 1872 по 1875 г. Жила въ Швейцаріи и нѣкоторое время въ Парижѣ. Привлекалась ли ранѣе къ дознаніямъ,

какимъ п чѣмъ они окончены: была арестована въ Москвѣ въ 1877 г. и затѣмъ освобождена.

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Принадлежу къ революціонной партіи «Народной Воли», къ организаціи Исполнительнаго Комитета, агентомъ III степени котораго я состою. Принимала изъ событій послѣднихъ лѣтъ участіе въ 1876 г. въ демонстраціи на Казанской площади, знала о ея приготовленіи и цѣли, въ 1879 г. знала и одобрила замыселъ Александра Соловьева; въ томъ же году участвовала въ сѣздѣ въ г. Воронежѣ; въ томъ же году вмѣстѣ съ Николаемъ Кибальчичемъ отправилась въ Одессу. Доставила мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа Фроленко; на своей квартирѣ хранила все необходимое для мины на желѣзной дорогѣ. Въ 1880 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ проѣзду Императора черезъ Одессу мины на Итальянской ул., при чемъ доставила необходимыя для этого денежные средства. Въ 1881 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ 1-му Марта, доставляла часть денежныхъ средствъ для магазина Кобозева. Послѣднія приспособленія бомбъ 1-го марта были сдѣланы на моей квартирѣ у Вознесенскаго моста. Изъ послѣдующихъ событій принимала участіе въ убійствѣ ген. Стрѣльникова и въ организаціи типографіи «Народной Воли» въ г. Одессѣ. Подробныя объясненія дамъ при послѣдующихъ допросахъ. По поводу отобранныхъ у меня при обыскѣ вещей объясняю: 1) Программа Исполнительнаго Комитета принадлежитъ мнѣ; 2) клочекъ бумаги, съ фамиліями Киселевъ и другіе, принадлежитъ также мнѣ, но никакихъ объясненій по поводу ея дать не могу, потому что не помню значенія этихъ записей; 3) другой клочекъ съ фамиліей Гофе тоже принадлежитъ мнѣ, значеніе ея объяснить затрудняюсь, такъ какъ часто приходилось записывать фамиліи и имена лицъ для различныхъ справокъ; думаю, что и эта фамилія записана для того же; 4) желтое калі для писемъ, 5) записная книжка принадлежитъ мнѣ; записи въ ней имѣютъ то же значеніе, что и предыдущія, т. е. записаны для справокъ; 6) письмо начинающееся словами «Дорогая Ташечка» принадлежитъ мнѣ и писано Дегаевымъ, но откуда и кѣмъ оно мнѣ доставлено, показать не могу; получено мною незадолго до ареста и посланъ на это отвѣтъ. Подлинный подписали: Вѣра Николаевна Фигнеръ, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Маіоръ Шеманинъ и Товарищъ Прокурора Судебной Палаты Добржинскій.

Это первое показаніе Вѣры Николаевны Фигнеръ подробно развила въ обширныхъ показаніяхъ 19, 21, 25, 27 февраля, 4, 6, 12, 16 марта, 2 апрѣля 1883 г. Показанія эти, въ своей совокупности, даютъ, въ сущности, цѣлую автобіографію В. Н. Фигнеръ. Приводимъ текстъ этихъ показаній безъ раздѣленій и безъ обычныхъ протокольныхъ вступленій:

Я родилась въ 1852 г. Отецъ мой былъ сначала лѣсничимъ, а потомъ мировымъ посредникомъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ, Казан-

ской губ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени вспыльчивый, деспотичный. Мать, дѣти, прислуга трепетали передъ нимъ и составляли тѣсный союзъ при домашнихъ невзгодахъ. Воспитывали насъ по-спартански: приучали къ холоду, ко всякой пищѣ; роскошь и баловство отецъ преслѣдовалъ безпощадно. Все дѣлалось въ заранѣе назначенные часы и по разъ заведенному порядку. Наказанія были жестоки, особенно доставалось братьямъ. Мать не имѣла никакого голоса: отъ первой гувернантки нашей мы избавились, благодаря вмѣшательству старой няни, нашего друга и защитника, которая рассказала отцу про ея обращеніе съ нами. Эта воспитательница морила насъ надъ танцами и музыкой и дурно обращалась съ младшей сестрой и братомъ. Ее замѣнило существо доброе и мягкое, которое не имѣло на насъ никакого вліянія.

Съ эпохи освобожденія крестьянъ съ отцомъ произошла рѣзкая перемѣна; онъ сталъ мягокъ, снисходителенъ, мать приобрѣла надъ нимъ громадное вліяніе, и вскорѣ отношенія наши къ отцу совершенно измѣнились. Позднѣе мы научились цѣнить его честность и независимый характеръ. Вмѣстѣ съ нами воспитывалась младшая сестра матери Варвара Христофоровна Купріянова, которая была пятью годами старше меня. Она первая натолкнула меня на чтеніе, къ которому я вскорѣ пристрастилась до того, что книги приходилось прятать отъ меня. До поступленія въ институтъ я поглотила такую массу новостей, романовъ и рассказовъ, что мои товарки по институту догнали меня черезъ три-четыре года: институтская же библіотека почти не заключала лично для меня ничего новаго.

Я поступила въ Казанскій Родіоновскій Институтъ въ 63 г., сразу сдѣлалась первой ученицей и вела себя первый годъ смирно. Два послѣдующіе года я бушевала: шалостямъ и проказамъ моимъ не было конца; за дурное поведеніе оба года была лишена награды; въ одинъ изъ этихъ годовъ нашъ классъ затѣялъ войну противъ своей классной дамы, которая не давала намъ знаній, не внушала симпатіи къ своей личности. Мы рѣшили ее выгнать во что бы то ни стало. Произошла исторія, послѣ которой обѣ наши классныя дамы были удалены, одну изъ воспитанницъ думали исключить, но оставили; весь классъ потерпѣлъ наказаніе, но цѣль была достигнута.

Если не ошибаюсь, то въ этотъ же годъ произошло событіе, произведшее на насъ впечатлѣніе: въ одно зимнее утро мимо института по Арскому полю проехали на позорной колесницѣ государственнаго преступника Иваницкаго, осужденнаго на разстрѣляніе. Около этого же времени былъ арестованъ мужъ моей тетки Елизаветы Купріяновой, полякъ по происхожденію. Онъ былъ привезенъ въ Казань и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Вся семья его, въ Польшѣ, была арестована и потомъ сослана; все ихъ значительное имущество конфисковано. Я не разъ слышала похвалы теткѣ, которая съ мужествомъ переносила участь мужа. Впослѣдствіи онъ былъ освобожденъ, но лишенъ должно-

сти лѣсничаго, которую занималъ, и права вступленія на государственную службу. Съ тѣхъ поръ, на вакаціяхъ мнѣ приходилось слышать, что мѣстный жандармскій офицеръ Лоди розыскиваетъ польскую интригу, самъ сочиняетъ и разбрасываетъ подметныя письма, тревожащія жителей уѣзднаго города и т. п. У насъ было нѣсколько знакомыхъ поляковъ; ихъ бѣглые разговоры о Польшѣ и ея отношеніяхъ къ Россіи возбуждали мою полную симпатію къ первой. Какъ сейчасъ помню патетическую декламацію стихотворенія графини Ростопчиной: «Мужъ и жена», въ которомъ жена съ горечью заявляетъ: «Унижена, оскорблена... Я предана, я продана.... Я узица, а не жена...». Въ образѣ жены фигурировала Польша. Тогда же я узнала о существованіи III отдѣленія и о томъ, что отецъ мой находится въ постоянной оппозиціи къ начальнику губерніи.

Позднѣе подруга моя, Ольга Сидорова, уже умершая, бывшая тогда двумя классами старше меня, рассказывала мнѣ о Герценѣ, какъ о человѣкѣ, который былъ въ ссылкѣ, бѣжалъ за границу и издаетъ газету «Колоколъ», которая запрещена въ Россіи, но, что тѣмъ не менѣе, вся Россія читаетъ ее, потому что она заключаетъ правду; что и она читала «Колоколъ» лѣтомъ на каникулахъ, у отца, прятавшаго его подъ тюфякъ. Отъ Ольги же Сидоровой, дружба съ которой тянулась у меня вплоть до ея смерти въ 70 г., я узнала, что былъ талантливый писатель, молодой Писаревъ, котораго преслѣдовало правительство, который сидѣлъ въ крѣпости, сочиненіями котораго зачитывается молодежь, и котораго правительство, безсильное затупить его геній, утопило. Годъ спустя младшая тетка моя вышла замужъ за человѣка, составившаго ужасъ всего уѣзда, про котораго говорили, что онъ не признаетъ Бога, иконъ и смѣется надъ всѣми условными приличіями. Тогда же я узнала, что онъ бывшій студентъ, исключенный за студенческую исторію. Эта исторія была ничто иное, какъ сочувственная овація въ честь уважаемаго писателя Михайлова, котораго правительство препровождало въ Сибирь, въ рудники, какъ каторжника.

Затѣмъ, мнѣ было уже 15 лѣтъ, когда я встрѣтилась лѣтомъ, въ деревнѣ, на каникулахъ, съ однимъ студентомъ-естественникомъ, который раскритиковалъ въ пухъ и прахъ все наше институтское воспитаніе, а своими рассказами о строеніи земли, о солнцѣ, звѣздахъ, своими знаніями въ области ботаники, минералогіи возбудилъ во мнѣ живѣйшій интересъ къ изученію природы. Онъ посоветовалъ мнѣ читать Добролюбова, рассказывалъ о Чернышевскомъ и нарисовалъ героическій образъ Гарибальди. Этимъ ограничиваются всѣ мои внѣинститутскія впечатлѣнія.

Послѣдніе два года я пробыла въ институтѣ безвыѣздно. Изъ среды учителей вліяніе на мое умственное развитіе имѣли двое: учитель исторіи, Знаменскій, который постоянно обращалъ наше вниманіе на бытовую и умственную сторону жизни народовъ, и учитель русской словесности, Порфирьевъ, который вну-

шалъ намъ положительную любовь къ произведеніямъ народнаго творчества, и часто задавалъ намъ такія темы для сочиненій, которыя заставляли насъ читать, а главное,—думать.

Мои отношенія къ начальству все время были острыя: начавъ шалостью, я продолжала дерзостью; если бы не были измѣнены баллы за поведеніе за весь предпослѣдній годъ, то я не получила бы награды и при выпускѣ. Но всѣ учителя стояли за меня горой, мои вины были прощены, и я при четырехъ соперницахъ, шедшихъ наравнѣ со мною, получила 1-й шифръ. Въ умственномъ отношеніи институтъ далъ мнѣ весьма мало, но благодаря одной изъ класныхъ дамъ, умной энергичной г-жѣ Черноузовой, съ которой я наиболѣе враждовала, я вынесла изъ института одну серьезную мысль, что наше образованіе не должно считаться законченнымъ, что мы должны продолжать учиться, и что истинное образованіе дается дальше жизнью. Во время моего пребыванія въ институтѣ начальницей его была м-мъ Мертваго, женщина серьезная, добрая и цѣлнвшая въ воспитанницахъ лишь умъ и способности. Культъ красоты и граціи былъ совершенно изгнанъ: кокетство и занятіе наружностью исчезли, и мы вышли почти пуританками.

Кругъ людей, въ который я попала по выходѣ изъ института, состоялъ изъ двухъ земскихъ врачей, двухъ тетокъ съ ихъ мужьями, о которыхъ говорилось раньше, изъ которыхъ одинъ служилъ по акцизу, другой былъ агентомъ земскаго страхованія, и дяди Петра Христофорова Купріянова, бывшаго артиллерійскаго офицера, оставившаго военную службу для занятій хозяйствомъ. Онъ жилъ въ семи верстахъ отъ насъ, въ своемъ имѣніи, и былъ уже женатъ. Про дядю мать мнѣ часто говорила, что онъ очень развитой, образованный и передовой дѣятель по земству (онъ былъ сначала предсѣдателемъ уѣзд. земской Управы, а потомъ мировымъ судьей). Всѣ эти лица встрѣтили меня такъ, какъ будто я была совершенно изуродована институтскимъ воспитаніемъ; постоянно говорили, что я хорошенькая кукла, что я пуста, тщеславна, что я выйду замужъ, не иначе, какъ за старика-богача и т. п. Такъ какъ я была совершенно неспорчена, то эти мнѣнія оскорбляли меня чрезвычайно; часто, у себя въ комнатѣ, я плакала надъ вопросомъ: какъ мнѣ сдѣлаться хорошей? Я обратилась къ книгамъ.

Въ нашей деревенской библіотекѣ былъ «Современникъ», а у дяди былъ собранъ журналъ «Слово» за всѣ года вплоть до запрещенія. Выписывались, кромѣ того, «Отечественныя записки» и «Дѣло». Мать и дядя указывали мнѣ лучшія статьи въ журналахъ. Мужья тетокъ давали книги по естествознанію. Я читала: Дарвина, Лайелля, Льюиса, Фогта и др. Въ журналахъ не пропускала ни одной статьи Демерта, Шашкова, Португалова, прочла всѣ сочиненія Шелгунова и нѣкоторыя статьи Писарева и Чернышевскаго. Послѣдніе два писателя были наиболѣе уважаемы окружающими, стоявшими за равноправность женщины, за трудъ

и личный заработокъ каждого, за жизнь не для себя и семьи, а для общества. Никто изъ нихъ этихъ идей не навязывалъ мнѣ: говорили между собой, а я слушала; иногда спрашивали мое мнѣніе о мысли какого нибудь автора, но когда я отвѣчала, то никогда не слыхала ни одобренія, ни порицанія, такъ что я не мало смущалась, не зная права я или нѣтъ. Надо замѣтить, что за все время я ни разу не слыхала порицаній императору ни въ институтѣ, ни по выходѣ изъ него; за то слыхала массу похвалъ политическому строю Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; но все же я была монархисткой; въ институтѣ вмѣстѣ съ другими бѣсновалась при посѣщеніи его наслѣдникомъ, теперешнимъ императоромъ, а годъ спустя послѣ выхода изъ института, подавая, при проѣздѣ государя чрезъ Казань, прошеніе на Высочайшее имя о допущеніи меня къ слушанію лекцій въ Казанскомъ Университетѣ, подписалась съ большимъ чувствомъ: «вѣрнопоподданная Вашего Величества».

Черезъ полгода по выходѣ изъ института я уже совершенно остановилась на мысли сдѣлаться врачомъ. Между тѣмъ родители повезли меня въ губернскій городъ для удовольствій. Сначала я сопротивлялась, но потомъ блескъ выѣздовъ увлекъ меня. Этотъ періодъ продолжался недолго: мы возвратились въ деревню, и свѣтскій угаръ у меня скоро прошелъ. Въ Казани я познакомилась съ и. д. судебного слѣдователя Алексѣемъ Викторовичемъ Филипповымъ, отецъ котораго былъ мировымъ посредникомъ, сослуживцемъ и хорошимъ знакомымъ моего отца. Вскорѣ Алексѣй Викторовичъ перевелся въ Тетюшинскій уѣздъ и сталъ посѣщать насъ. Мы много читали вмѣстѣ; онъ раздѣлялъ всѣ мои взгляды, сочувствовалъ всѣмъ моимъ планамъ. Въ томъ же году (въ Октябрѣ 70 г.) мы обвѣнчались.

Черезъ нѣсколько недѣль умеръ мой отецъ, а матушка, съ двумя младшими дочерьми, переѣхала въ Казань, гдѣ братья Петръ и Николай были въ гимназій, а сестра Лидія еще въ институтѣ.

Моя жизнь послѣ замужества не измѣнилась, потому что поступленіе мое въ университетъ было дѣломъ рѣшеннымъ; вопросъ былъ лишь въ средствахъ, которыя дѣлали возможнымъ осуществленіе плана только черезъ годъ. Я занималась изученіемъ нѣмецкаго языка, геометріи и алгебры подъ руководствомъ мужа; вмѣстѣ съ тѣмъ, я постоянно уговаривала его перемѣнить профессію. Уже тогда я была убѣждена, что всѣ преступленія происходятъ отъ бѣдности или невѣжества, и находила постыдною роль слѣдователя, обязаннаго дѣйствовать по буквѣ закона, не вникая въ мотивы и причины преступленія. Я предлагала ему сдѣлаться тоже врачомъ, или избрать себѣ земскую дѣятельность. Мы планировали о превращеніи помѣщичьяго дома въ больницу, барскаго флигеля въ земскую школу. Земскую дѣятельность я понимала тогда въ гораздо болѣе широкихъ рамкахъ, чѣмъ то официальное отношеніе къ дѣлу, которое я видѣла въ окружающихъ земцахъ.

Я считала, что земство должно искать нужду, и имѣла въ виду цѣлый рядъ мѣръ, которыя могли, по моему мнѣнію, поднять благосостояніе народа. Въ этотъ періодъ времени отношеніе ко мнѣ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ было наилучшее, всѣ оказывали мнѣ уваженіе, симпатизировали моимъ планамъ и предсказывали свѣтлое будущее.

За то я вскорѣ начала разочаровываться въ людяхъ, такъ недавно служившихъ для меня образцомъ: наступили земскіе выборы; въ предсѣдатели управы хотѣлъ баллотироваться князь Волконскій, человѣкъ до крайности лѣнивый и съ цинизмомъ заявившій, что онъ служить для одного жалованья. Дядя мой—земскій дѣятель—кипятился и выходилъ изъ себя. Зная репутацію, какою онъ пользуется, я настаивала, чтобы онъ шелъ въ предсѣдатели; онъ отъ этого отказался, какъ оказалось для того, чтобы не разстаться съ хозяйствомъ и не понести матеріальнаго ущерба. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни замаскировался мужъ моей, тогда уже умершей тетки, я узнала, что онъ притѣсняетъ крестьянъ и налагаетъ на нихъ непомѣрные штрафы за потравы. Эти факты поразили меня до глубины души.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось остаться честной и послѣдовательной. Между тѣмъ, поѣздка за границу затягивалась, поэтому я сдѣлала попытку слушать лекціи по медицинѣ въ Казанскомъ университетѣ. Сестра Лидія тогда уже вышла изъ института и раздѣляла однѣ мечты со мной. Мы отправились вдвоемъ къ профессору анатоміи Лесгафту, съ просьбой разрѣшить приходить на его лекціи и заниматься въ анатомическомъ театрѣ. Онъ дозволилъ и то, и другое. Это былъ профессоръ, горячо любимый студентами и отдававшійся всецѣло наукѣ; онъ почти не бывалъ дома, проводя все время въ аудиторіи или въ препаровочной; къ занимающимся былъ строгъ и требовалъ усердія почти невѣроятнаго. Такъ какъ въ усердіи у насъ недостатка не было, то вскорѣ онъ обратилъ на насъ вниманіе, и мы почувствовали себя среди костей и труповъ, какъ у себя дома. Мы искренно привязались къ профессору, который любилъ анатомію болѣе своей жены и ребенка. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ правительственная кара постигла Лесгафта. По высочайшему повелѣнію онъ былъ лишенъ кафедры, съ запрещеніемъ читать лекціи въ какомъ бы то ни было университетѣ. Студенты заволновались, но онъ уговорилъ ихъ оставить протестъ. Но семь лучшихъ профессоровъ оставили университетъ, который въ научномъ отношеніи значительно упалъ.

Мы не могли не видѣть изъ этого факта, какъ и изъ предыдущихъ, что существуетъ положительный антогонизмъ между правительствомъ и обществомъ, что есть вещи и люди, которыхъ преслѣдуетъ правительство, но которымъ сочувствуетъ общество. Лесгафта намъ было очень жаль.

Въ это время въ литературѣ начались толки о томъ, что наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихскій университетъ такъ

великъ, что совѣтъ университета думаетъ измѣнить правила поступленія и требовать аттестаты зрѣлости отъ поступающихъ. Эти слухи встревожили насъ и заставили посидѣть. Мать рѣшилась отпустить со мной сестру Лидію.

Весною 72 года мы отправились въ Цюрихъ втроемъ, такъ какъ мужъ мой вышелъ въ отставку, чтобы также поступить въ университетъ.

По прїѣздѣ въ Цюрихъ я была поглощена одной идеей — отдаться всецѣло изученію медицины, и перешагнула порогъ университета съ благоговѣніемъ. Два года лелѣяла я одну и ту же мысль; два года только и слышала вокругъ, что выполнение ея требуетъ громадной энергіи, характера и прилежанія; мнѣ было 19 лѣтъ, но я думала отказаться отъ всѣхъ удовольствій и развлеченій, даже самыхъ невинныхъ, чтобъ не терять ни минуты дорогого времени, и принялась за лекціи, учебники и практическія занятія съ жаромъ, который не ослабѣвалъ въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ лѣтъ.

На первыхъ порахъ знакомыхъ у насъ никого не было; потомъ появились двѣ-три личности, которыя принадлежали къ лагерю, прованному впослѣдствіи «спокойно-либерально-буржуазно-консервативной партіей». Онѣ не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія. Но сестра Лидія, на занятіяхъ анатоміей, сошлась съ Варварой Ивановной Александровой, а черезъ нее получила доступъ къ кружку студентокъ, прїѣхавшихъ раньше, и вкусившихъ уже древа познанія добра и зла; это были: двѣ сестры Любатовичъ, Бардина, Каменская, и др. Вскорѣ она такъ подружилась съ ними, что переехала къ нимъ жить. Такъ прошелъ весенній семестръ, все лѣто и половина осенняго семестра, когда произошло событіе, выбившее насъ изъ колеи вполне уединенной жизни. Это была исторія съ русской бібліотекой, въ которой мы были абонированы.

Русская бібліотека была основана гораздо раньше 72 года первыми студентками, прїѣхавшими въ Цюрихъ, и кружкомъ эмигрантовъ, причастныхъ къ дѣлу Нечаева. Она заключала въ себѣ богатое собраніе книгъ на трехъ языкахъ по исторіи, политической экономіи, социологіи и общественнымъ вопросамъ, полную коллекцію заграничныхъ русскихъ изданій (Колоколъ, Полярную Звѣзду и т. д.), всѣ брошюры по рабочему вопросу; въ читальнѣ можно было найти всѣ русскіе журналы, массу русскихъ газетъ и всѣ органы французской и нѣмецкой рабочей прессы. Слабы были отдѣлы беллетристики и учебниковъ, и не безъ умысла, какъ мы узнали послѣ. Ея основатели имѣли въ виду цѣль воспитательную и своимъ подборомъ книгъ и газетъ фиксировали вниманіе на извѣстныхъ вопросахъ: бібліотека должна была давать общее образованіе, а не служить пособіемъ при изученіи специальностей; кромѣ того, она должна была развѣивать читателя въ оппозиціонномъ и социалистическомъ духѣ. Для обезпеченія этой цѣли, управленіе и завѣдываніе дѣлами

было сосредоточено въ рукахъ группы лицъ, уже вполне опредѣлившись, пополнявшейся по собственному выбору; остальная масса пользовалась за извѣстную плату книгами, въ веденіи дѣлъ бібліотеки не имѣла никакого голоса и носила названіе «читающихъ», въ отличіе отъ «членовъ» бібліотеки, которые являлись, такимъ образомъ, владѣтелями и администраторами ея. Съ наплывомъ большого числа студентовъ, диспропорція между «членами» и «читающими» все увеличивалась; въ концѣ 72 г. она сдѣлалась громаднa. Неудовольствіе на такой порядокъ вещей росло, какъ кажется, уже давно; теперь оно вспыхнуло. «Читающіе» потребовали уравнинія правъ; опека небольшой группы надъ болѣе, чѣмъ сотней лицъ была замѣчена, и стала невыносимой; начались совѣщанія, дебаты, сходки; рѣшено было бороться и въ случаѣ нужды выйти en masse изъ бібліотеки, для основанія другой, вполне общественной и равноправной. Ультиматумъ «читающихъ» не былъ принятъ «членами»: сто двадцать человѣкъ выписались изъ бібліотеки. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ начались сходки для организаціи бібліотеки на новыхъ началахъ: книги и деньги такъ и сыпались. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ новая бібліотека была открыта, и вскорѣ чуть не перешагнула свою соперницу.

Но дѣло на этомъ не остановилось: рѣшено было основать кухмистерскую и кассу, потомъ вздумали купить домъ, въ которомъ бы сосредоточивались вновь народившіяся общественныя учрежденія, и домъ былъ купленъ въ складчину съ переводомъ долга; затѣмъ былъ основанъ клубъ; появился проектъ учрежденія двухъ мастерскихъ: столярной и переплетной; былъ разработанъ проектъ бюро для доставленія нуждающимся работы; явились предложенія читать лекціи по нѣкоторымъ вопросамъ; пріѣхавшій тогда въ Цюрихъ Лавровъ прочелъ нѣсколько лекцій объ участіи славянъ въ исторіи мысли, былъ организованъ фереинъ, куда принимались только женщины для того, чтобы превосходство мужчинъ не мѣшало имъ свободно высказываться; этотъ фереинъ былъ ни что иное, какъ громаднѣйшій кружокъ саморазвитія; въ немъ читались рефераты и обсуждались различные вопросы; сорокъ женщинъ принимали участіе на этихъ засѣданіяхъ; темы были жгучія, споры до того горячіе, что дѣло доходило почти до обмороковъ.

Кромѣ всего этого на общихъ собраніяхъ былъ поставленъ вопросъ: объ объединеніи всей русской молодежи, разбѣянной по различнымъ университетамъ Европы,—это былъ бы братскій союзъ для взаимной помощи и осуществленія общихъ задачъ совокупными силами всѣхъ, а этой задачей было всестороннее развитіе своихъ силъ для служенія благу родины. Еще въ прежней бібліотекѣ постоянно происходили разные сборы: то на стачку рабочихъ, то на коммунаровъ, то на русскихъ эмигрантовъ и т. д. Большинство новичковъ давало деньги, совѣмъ не понимая для чего; но постоянно повторяющіяся обращенія вызы-

вали наконецъ вопросы, на которые слѣдовали объясненія; на стѣнахъ залы часто видѣлись объявленія о сходкахъ рабочихъ, о лекціяхъ для рабочихъ и т. п. Надо было быть совсѣмъ слѣпымъ и глухимъ, чтобы не заинтересоваться; начались посѣщенія рабочихъ совѣщаній, банкетовъ въ честь Коммуны, собраній швейцарскихъ рабочихъ союзовъ и секцій Интернаціонала. Интересъ къ изученію социализма, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, какъ онъ выражался въ рабочей организаціи, достигъ сильной степени. Для удовлетворенія такой потребности образовались частные кружки. Однимъ изъ такихъ кружковъ былъ кружокъ «Фричей», названный такъ по имени дома, въ которомъ жило большинство его членовъ; въ него входило 12-15 чел., все женщины; большинство изъ нихъ судилось по процессу 50-ти. Кружокъ поставилъ своей задачей: 1) изученіе развитія социалистическихъ идей, начиная отъ Томаса Моруса до послѣдняго времени; сюда входили Фурье, С. Симонъ, Каба, Луи Бланъ, Прудонъ, Лассаль, и др.; 2) изученіе политической экономіи; 3) изученіе всѣхъ народныхъ движеній и революцій; 4) ознакомленіе съ практической постановкой рабочаго вопроса на Западѣ: изученіе англійскихъ Trade unions, исторія Интернаціонала, исторія общегерманскаго Рабочаго союза, основаннаго Лассалемъ, и пр.

Насколько серьезно было отношеніе ко всѣмъ этимъ вопросамъ, доказывается тѣмъ, что на осуществленіе этой программы было употреблено два года систематическаго чтенія и занятій. Можно подумать, что общественныя затѣи и масса возникшихъ вопросовъ, настоятельно требовавшихъ разрѣшенія, совершенно изгнали изученіе специальностей. Ничуть не бывало — это было время гармоническаго увлеченія наукой, литературой и жизнью. Мы чрезвычайно дорожили лекціями анатоміи, въ особенности занятіями въ анатомическомъ театрѣ; лекціи зоологіи профессора Фрея возбуждали глубокий интересъ, потому что онъ иллюстрировалъ ихъ образцами всевозможной фауны; тотъ же профессоръ не могъ нахвалиться способностями студентокъ къ практическимъ занятіямъ по гистологіи, лекціи по которымъ читалъ онъ же; конечно, мы не пропускали ни одной лекціи по физиологіи, которую читалъ профессоръ Германнъ, долго противившійся допущенію женщинъ въ Цюрихскій университетъ. Аудиторіи оставались пусты только у профессоровъ химіи и минералогіи, лекціи которыхъ были скучны и давали меньше, чѣмъ книга; зато химическая лабораторія была переполнена. Вообще студентки занимались усерднѣе, чѣмъ мужской персоналъ университета.

Въ самый разгаръ цюрихской жизни, лѣтомъ 73 года, вышелъ правительственный указъ, приказывавшій студенткамъ оставить Цюрихскій университетъ, съ угрозою въ случаѣ ослушанія, не допускать къ экзаменамъ въ Россіи. Всѣ были поражены неожиданностью этого грома. Въ мотивировкѣ указа упоминалось увлеченіе социалистическими идеями, но кромѣ того,

былъ пунктъ, который задѣвалъ въ высшей степени всѣхъ женщинъ: этотъ пунктъ гласилъ, что подъ покровомъ занятій наукой, русскія женщины ѣдутъ за границу, чтобы безпрепятственно предаваться утѣхамъ «свободной любви». Это было ужъ слишкомъ... Клевета была наглая; она повела къ тому, что многіе иностранцы стали смотрѣть на насъ, какъ на проститутокъ, и говорили совершенно серьезно, что въ разгульномъ Парижѣ мы будемъ «зарабатывать больше чѣмъ въ экономной Швейцаріи». Немедленно послѣ указа было собрано общее собраніе всѣхъ студентокъ; на немъ былъ предложенъ протестъ противъ оскорбленія нашей чести, протестъ, который долженъ былъ быть напечатанъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ. Къ сожалѣнію голоса раздѣлись: весь консервативный лагерь и старшіе курсы воспротивились; они рѣшили не только проглотить обиду, но, въ случаѣ какого бы то ни было протеста, напечатать контръ-протестъ. Оставалось воспользоваться лазейкой, оставленной указомъ и перейти въ другіе университеты.

Съ тѣхъ поръ Цюрихъ разсѣялся: однѣ воротились домой, вслѣдствіе недостатка въ матеріальныхъ средствахъ, другіе поѣхали на родину, чтобы приложить на практикѣ идеи, съ которыми онѣ познакомились, третьи отправились въ Парижъ, Бернъ, Женеву. Но сѣмя было брошено и возрасло.

Въ моей личной жизни произошло за это время много перемѣнъ: какъ только мужъ и я пришли въ соприкосновеніе съ массой разнообразныхъ лицъ и натолкнулись на новые вопросы, между нами раскрылась бездна: онъ примкнулъ къ лицамъ старшимъ по возрасту, къ консерваторамъ, я примкнула всецѣло къ крайнимъ. На всѣхъ собраніяхъ при всякомъ вопросѣ я составляла ему самую рѣзкую оппозицію. Еще раньше меня тяготило то, что инициатива во всемъ принадлежитъ мнѣ, и что я не нашла въ немъ человѣка, который былъ бы выше меня, и влиялъ бы на меня въ хорошемъ смыслѣ; теперь же, когда онъ оказывался не только не впереди, но позади меня, — наши отношенія стали отвратительны. Я только и думала о томъ, какъ бы порвать ихъ. Въ всемъ стоялъ онъ мнѣ поперекъ дороги и, какъ китайская стѣна, отдѣлялъ отъ людей, которые мнѣ были симпатичны. Такъ въ кружокъ Фричей, при его возникновеніи, я не попала; на его чтеніяхъ я начала присутствовать гораздо позднѣе; меня не приглашали туда, потому что не любили мужа, который относился свысока къ ихъ занятіямъ; предполагали, что и я смотрю на нихъ такимъ же образомъ. Гордость не позволяла мнѣ высказаться, пока, наконецъ, какъ то случайно я не осталась на вечеръ у Бардиной, въ комнатѣ которой въ этотъ день должно было происходить чтеніе. Когда начали собираться, я вскочила, чтобы убѣжать, но Бардина ласково остановила меня: мы объяснились, и съ тѣхъ поръ я не пропускала ни одного собранія.

Въ моихъ мысляхъ произошелъ за этотъ годъ такой же пе-

реворотъ, какъ и у другихъ: то, что было прежде цѣлью, мало по малу, превратилось въ средство; дѣятельность медика, агронома, техника, какъ таковыхъ, потеряли въ нашихъ глазахъ смыслъ; прежде мы думали облегчать страданія народа, но не исцѣлять ихъ; эта дѣятельность была филантропіей, палліативомъ, маленькой заплатой на платье, которое надо не долго чинить, а выбросить и завести новое; мы предполагали лечить симптомы болѣзни, а не устранять ея причины. Сколько не лечи народъ, думали мы, сколько ни давай ему микстуръ и порошковъ, получится лишь временное облегченіе, заболѣваніе не сдѣлается рѣже, такъ какъ обстановка, неблагоприятныя условія жилища, питанія, одежды и т. п. народа останутся все тѣ же; это была бы бѣлка въ колесѣ. Цѣль, казавшаяся столь благородной и высокой, была унижена на степень ремесла, почти бесполезнаго.

Куда же обратить свой взоръ, куда направить силы? Что долженъ дѣлать человѣкъ, желающій удовлетворить своей потребности въ общественной дѣятельности? Все зло — отвѣчали намъ новыя впечатлѣнія — заключается въ существующихъ экономическихъ отношеніяхъ. Эти отношенія таковы, что ничтожное меньшинство владѣетъ на правахъ частной собственности всѣми орудіями производства, остальная часть человѣчества, составляющая громадное, подавляющее большинство, владѣетъ только рабочей силой. Побуждаемое голодомъ, это большинство продаетъ свой трудъ первой группѣ и, въ силу конкуренціи, получаетъ за него лишь небольшую часть того, что создается его трудомъ; эта часть составляетъ минимумъ жизненныхъ продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія рабочаго и продолженія его рода. Остальная часть продукта его труда задерживается владѣльцемъ орудій производства. Конкуренція капиталистовъ уничтожаетъ средній зажиточный классъ и приводитъ къ все большему и большему сосредоточенію капиталовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ряды обездоленныхъ все увеличиваются. Въ то время, какъ наверху ничтожная кучка счастливицевъ наслаждается всѣмъ, что можетъ доставить роскошь и цивилизація, внизу милліоны людей пресмыкаются въ нищетѣ, невѣжествѣ, преступленіяхъ и порокахъ и осуждены на вырожденіе физическое, умственное и нравственное. Чтобы покончить съ порядкомъ вещей, столь отвратительнымъ, необходимо одно, — взять орудія производства изъ числа объектовъ частной собственности и передать ихъ въ коллективное владѣніе трудящихся. Достигнуть такого переворота возможно лишь путемъ борьбы, такъ какъ классъ, находящійся въ хорошихъ условіяхъ, добровольно отъ своего положенія не откажется. Для этой борьбы долженъ быть организованъ тотъ классъ, который наиболѣе заинтересованъ въ успешномъ исходѣ ея, т. е. рабочій классъ, народъ. Люди, отождествляющіе интересы этого класса съ интересами всего человѣчества, должны отдать себя всецѣло дѣлу пропаганды социалистическихъ идей среди народа.

и организаціи его, для активной борьбы за эти идеи. Таковъ былъ итогъ Цюрихской жизни.

Лѣтомъ 73 года, при наступленіи каникулъ, всѣ разъѣхались. Сестра Лидія съ товарками отправилась въ кантонъ Невшаттель. Не знаю какъ, но мнѣ удалось тоже поѣхать съ ними. Мы поселились въ мѣстечкѣ Лютри, на берегу Невшаттельскаго озера. Въ одинъ изъ поэтическихъ швейцарскихъ вечеровъ, во время уединенной прогулки среди виноградниковъ, сестра моя, въ выраженіяхъ, въ высшей степени трогательныхъ, поставила мнѣ роковые вопросы: рѣшилась ли я отдать всѣ свои силы на революціонное дѣло? Въ состояніи ли я буду, въ случаѣ нужды, порвать всякія отношенія съ мужемъ? Брошу ли я для этого дѣла науку, откажусь ли отъ карьеры? Я отвѣчала съ энтузіазмомъ. Послѣ этого мнѣ было сообщено, что организовано тайное революціонное общество, которое думаетъ дѣйствовать въ Россіи; мнѣ былъ прочитанъ уставъ и программа этого общества, и послѣ того, какъ я выразила согласіе со всѣми пунктами, я была объявлена его членомъ. Мнѣ былъ тогда 21 годъ.

Этотъ первоначальный уставъ былъ почти полной копіей съ устава любой секціи Интернаціонала; въ немъ не было и намёка на особенности русскаго народа и русской жизни. Готовая западноевропейская формула переносилась цѣликомъ на русскую почву. Та же ошибка была потомъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, повторена всѣми пропагандистами начала 70 годовъ. Положеніе рабочаго вопроса на Западѣ сводилось всецѣло къ пэмѣненію существующихъ экономическихъ отношеній, къ борьбѣ съ буржуазіей. Но мы забыли прошлое этого вопроса: для того, чтобы этотъ вопросъ предсталъ передъ пролетаріемъ во всей наготѣ и опредѣленности, потребовалось не мало времени, борьбы, горькихъ разочарованій и крови. Въ 1789 г. народъ, не отдѣляя своихъ интересовъ отъ интересовъ буржуазіи и, идя съ ней рука объ руку, низвергнулъ монархію «милостью Божіею» и установилъ принципъ «волею народа». Были провозглашены права человека и гражданина, сословныя привилегіи пали, и политическая равноправность была водворена. Политическое равенство скоро раскрыло глаза всѣмъ: граждане, равноправные de jure, совсѣмъ не были таковыми на дѣлѣ; общество представляло по прежнему іерархическую лѣстницу—пэмѣнился лишь принципъ, на которомъ она была построена; вмѣсто аристократіи крови—явилась аристократія капитала. Плоды переворота достались буржуазіи, захватившей съ тѣхъ поръ кормило правленія. По мѣрѣ того, какъ выяснилась эта истина, народъ сталъ понимать, что его интересы чужды интересамъ другихъ классовъ, и что защитить ихъ можетъ лишь онъ самъ; что политическое равенство останется пустымъ звукомъ, пока не будетъ уничтожено неравенство экономическое, потому что рабочій находится въ таковой рабской зависимости отъ хозяина, что его права гражданна превращаются въ иллюзію.

Запутанность и неопредѣленность отношеній исчезла, задача упрощалась; конечно, это былъ громадный выигрышъ; но, кромѣ этого, французская революція принесла съ собою великое благо: политическую свободу. Свобода слова, свобода сходовъ давали народу могущественное орудіе для пропаганды, агитаціи и организаціи; съ такимъ оружіемъ можно было завоевать міръ; и пролетарій началъ его завоеваніе. Великая Интернаціональная Ассоціація рабочихъ широко раскинула свою организацію на страны всего цивилизованнаго міра. Мы видѣли конгрессы этой Ассоціаціи (въ Женевѣ въ 73 г.); делегаты Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Испаніи, Америки и Швейцаріи представляли собой сотни тысячъ рабочихъ, вступившихъ въ союзъ, для борьбы съ эксплуатацией труда капиталомъ. Невозможно было представить себѣ, что либо болѣе величественное, чѣмъ собраніе типовъ различныхъ національностей, идущихъ къ одной и той же цѣли, защищающихъ одни и тѣ же интересы.

Видя, что на Западѣ политическая свобода не осчастливила народа, и оставила незатронутымъ цѣлый рядъ интересовъ, мы ухватились за послѣднее слово домогательствъ рабочаго сословія и стали исключительно на почву экономическихъ отношеній. Мы считали невозможнымъ призывать русскій народъ къ борьбѣ за такія права, которыя не дадутъ ему хлѣба; вмѣстѣ съ тѣмъ, думая измѣнить существующія экономическія условія, мы надѣялись, подрывая въ народѣ идею царизма, добиться демократизаціи политическаго строя. О гнетѣ современнаго политическаго строя Россіи, объ отсутствіи какой бы то ни было возможности дѣйствовать въ ней путемъ устнаго и печатнаго слова, мы и не помышляли. Хотя мы и тогда думали, что попадемъ въ ссылку и на каторгу, но сколько нибудь реальнаго представленія о предстоящихъ намъ трудностяхъ, препятствіяхъ и опасностяхъ мы не имѣли. Дорого пришлось послѣ поплатиться за это.

Проводить въ народѣ нашемъ социалистическія идеи мы думали безъ всякихъ уступокъ существующему народному міросозерцанію; считали необходимымъ говорить ему не только о коллективной собственности, но и о коллективномъ трудѣ, съ принципомъ «отъ каждаго по его способностямъ», и о коллективномъ потребленіи продуктовъ труда, по принципу «каждому по его потребностямъ»; словомъ, должны были выработать среди народа сознательныхъ социалистовъ въ западноевропейскомъ смыслѣ; для этого, конечно, надо было жить среди народа, по возможности даже сливаться съ нимъ. Первоначально не считали необходимымъ для интеллигенціи становиться физическими работниками, къ этому пришли уже позже; съ самаго начала утверждали только вполне привилегированныя положенія: помѣщика, доктора, мирового судью и т. п. Программа общества, членомъ котораго я сдѣлалась, резюмировала эти взгляды и говорила о социальной революціи, которая осуществитъ социалистическія идеалы, какъ о ближайшемъ будущемъ. Насъ было 12 человекъ,

но мы знали, что, кромѣ насъ, существуетъ масса другихъ группъ, задающихся тѣми же цѣлями, и потому были увѣрены, что работа пойдетъ въ широкихъ размѣрахъ.

Въ это лѣто вышелъ 1 № журнала «Впередъ». Онъ далъ сильный толчекъ нашимъ умамъ, вызвавъ массу споровъ и вопросовъ. Одинъ изъ нашихъ членовъ, Евгенія Дмитриевна Субботина, тогда же уѣхала въ Россію, пять человекъ переселились въ Парижъ (Бардина, Александрова, Лидія Фигнеръ и двѣ младшія сестры Субботины), остальные, между прочимъ, двѣ Любатовичъ, Каменская, я и вѣкоторыя другія поступили въ Бернскій университетъ. Вскорѣ въ Бернъ явился Ткачевъ съ предложениемъ нашей группѣ вступить въ федеративныя отношенія съ «десятью десятками» революціонеровъ, находящихся въ Россіи, и уполномочившихъ его на это предложеніе. Въ то время мы, какъ и вообще громадное большинство социалистической молодежи того времени, сочувствовали болѣе федералистическимъ началамъ организаціи, и въ спорѣ, раздѣлившемъ Интернаціоналъ на двѣ вѣтви—централистическую и федералистическую,—держали сторону бакунистовъ. Такъ какъ Ткачевъ явился съ программой яковинской и централистической, и пользовался репутацией человека, признаваго фактич. полезнымъ въ революціонномъ дѣлѣ, то мы, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ нимъ, отказались отъ предлагаемаго союза.

Между тѣмъ, наши парижане познакомились, сошлись, а впослѣдствіи слились съ кружкомъ кавказцевъ: Джабадары, Чикондзе, Цицановъ, и др. Нѣсколько спустя, сестра Лидія и Надежда Дмитриевна Субботина уѣхали въ Россію для дѣятельности; остальные сошлись съ Фесенко, который передалъ имъ связи въ Сербіи; такъ какъ тогда мы смотрѣли на вещи съ точки зрѣнія интернаціональной, то рѣшено было непременно воспользоваться этими связями и послать въ Сербію кого нибудь изъ членовъ, для агитаціи и основанія социалистическаго органа съ помощью мѣстныхъ силъ. Выборъ палъ на меня. Въ это время я была уже почти свободна, такъ какъ мужъ мой возвратился въ Россію, чтобы занять мѣсто секретаря Окружнаго Суда въ Казани. Но, такъ какъ я совсѣмъ не знала сербскаго языка, не могла представить себѣ опредѣленно, что я должна буду дѣлать въ Сербіи, то настоятельно просила не посылать меня туда. Тогда была избрана для этой цѣли Марья Дмитриевна Субботина, уѣхавшая изъ Сербіи прямо въ Россію.

Подъ конецъ учебнаго года еще 6 членовъ рѣшили бросить университетъ и приняться за дѣятельность въ Россіи. Но я все еще не рѣшалась послѣдовать примѣру этихъ наиболѣе искреннихъ лицъ. Меня связывали еще не порванные семейныя отношенія и желаніе окончить курсъ; въ послѣднемъ меня поддерживали просьбы матери, очень огорченной прїѣздомъ Лидіи; кромѣ того, утѣшавшія жевщины, члены группы, думали сдать въ Россіи экзаменъ на званіе акушерки; мнѣ было хорошо извѣстно,

что необходимых для этого знаний онъ не имѣютъ, и я не хотѣла шарлатанить. Окончивши курсъ, я думала сдѣлаться такой же скромной фельдшерницей или акушеркой въ деревнѣ, какъ онѣ, но принести на помощь народу всю опытность и знанія врача-хирурга. Такъ я осталась почти въ полномъ одиночествѣ и пробыла за границей еще полтора года.

Въ это время въ Россіи уже происходили погромы социалистическихъ кружковъ, и на Западъ потянулась новая формація эмигрантовъ. Часто бывая въ Женевѣ, мнѣ приходилось со многими изъ нихъ встрѣчаться; нѣкоторыхъ я знала еще въ Цюрихѣ, когда они учились вмѣстѣ со мной, такъ напр. Николая Жебунева съ женой. Въ Женевѣ же я познакомилась съ Чубаровымъ, Ник. Морозовымъ, Саблинымъ, Судзиловскимъ, позднѣе съ Клеменсомъ, Кравчинскимъ, Иванчинъ-Писаревымъ, Владимиромъ Дебагоріо-Макріевичемъ, Пименомъ Энкуватовымъ и массой другихъ лицъ; кромѣ русскихъ, у меня были знакомые и между иностранными выходцами, какъ напр. члены Коммунъ: Piudy и Lefrançais, эмигрантъ Brousse, выдающійся по своей энергій дѣятель Интернаціонала, Guillaume, редакторъ органа Юрской федераціи и др. Нѣкоторые изъ русскихъ навѣщали меня въ Бернѣ и, такъ какъ находили во мнѣ сочувствіе и денежную помощь, то многіе кружки въ Россіи знали о моемъ существованіи раньше моего пріѣзда на родину. Многіе возвратились на мои средства, какъ напр. Чубаровъ (повѣщенный) со своимъ товарищемъ, Николай Морозовъ и Саблинъ (когда они оба были арестованы на границѣ), а также Вл. Мокріевичъ, Энкуватовъ и два ихъ товарища. Кромѣ того, я поддерживала какихъ то русскихъ въ Берлинѣ и Лондонѣ. Въ то время я сама располагала средствами и, сокращая до минимума свои потребности, могла удѣлять не мало окружающимъ; кромѣ того, старалась возбудить сочувствіе къ социалистамъ въ другихъ и побуждала ихъ къ пожертвованіямъ. Все это дѣлало меня болѣе или менѣе популярной; кажется съ тѣхъ поръ и явилось, впоследствии ходячее въ нашей средѣ, мнѣніе, что если нужны деньги, то надо обращаться ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я никогда не могла переносить мысли, что хорошее или полезное дѣло можетъ останавливаться изъ за презрѣннаго металла, и если дѣло шло о сотняхъ, то выкапывала ихъ хоть изъ подъ земли.

А между тѣмъ кружокъ нашъ дѣйствовалъ на всѣхъ парахъ въ Россіи. Его организація выработалась въ стройный планъ, какъ можно судить по программѣ его, читанной на процессѣ 50-ти. Численность его, въ дѣйствительности, не была болѣе 20—25-лицъ; онъ имѣлъ свой органъ—газету «Работникъ», издававшуюся заграницей. Имѣя своей задачей образованіе среди народа социалистическаго меньшинства, путемъ мирной пропаганды, организація признавала и агитацію, необходимость поддержанія и возбужденія частныя сунты, не дожидаясь общаго и побѣдоноснаго взрыва. Планъ самой организаціи оставался чисто феде-

ралистическимъ, безъ всякой іерархіи и подчиненія группъ одного разряда—другимъ; форма, въ которой долженъ былъ дѣйствовать интеллигентъ, была обязательно рабочая, демократическая. Организациія избрала сферой своей дѣятельности средѹ фабричныхъ рабочихъ, какъ болѣе развитыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не порвавшей связи съ деревней, проводникомъ идей въ которую они могли стать весьма легко, возвращаясь на лѣтнія работы домой, въ крестьянство; на этомъ и былъ основанъ планъ пропаганды устной и литературной. Члены организациіи разсѣялись по фабричнымъ центрамъ: одни поступили на фабрики въ Москвѣ, другіе сдѣлались ткачами въ Иваново-Вознесенскѣ, третьи работали на свеклосахарныхъ заводахъ Кіева, четвертые поселились въ Тулѣ. Но, къ осени 75 года, вся организациія погибла: всѣ члены, масса лицъ, близко стоявшихъ къ нимъ, и много рабочихъ были заключены въ тюрьмы. Однако, кое что оставалось и думало продолжать начатое.

Тогда вспомнили о томъ, что есть за границей члены той же организациіи, давшіе обѣтъ быть «всѣмъ за одного и каждому за всѣхъ». Мнѣ и еще одному лицу, была передана просьба о пріѣздѣ для упорядоченія и поддержанія дѣлъ кружка. Я сказала бы ложь, если бы упомянула о той борьбѣ, которую мнѣ пришлось испытать прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ. Мужъ уже болѣе не былъ мнѣ помѣхой, такъ какъ еще весной я написала ему, что отказываюсь отъ его денежной помощи и прошу прекратить со мной всякія отношенія; съ тѣхъ поръ всѣ деньги и письма, которые онъ присылалъ, возвращались обратно нераспечатанными. Но медицина, дипломъ?! До окончанія курса оставалось какихъ нибудь полгода; я уже обдумывала тему для докторской диссертациіи, къ которой должна была приступить черезъ два мѣсяца; надежды матери, ожиданія знакомыхъ и родныхъ, смотрѣвшихъ на достиженіе ученаго званія, какъ на блестящій и тяжелый подвигъ; самолюбіе, тщеславіе! Все это приходилось разбить собственными руками, когда цѣль была уже передъ глазами. Когда я проанализировала какъ эту сторону, такъ и другую, гдѣ были друзья, отдавшіеся дѣлу беззавѣтно и всей душой; люди, пренебрегшіе тѣми же чувствами, тѣми же благами, которые не уступили ни эгоизму родныхъ, ни личному самолюбію; когда я вспомнила, что эти люди томятся въ тюрьмѣ и уже испытываютъ ту тяжелую долю, къ которой мы вмѣстѣ мысленно приготовляли себя; что въ настоящій моментъ я уже обладаю всѣми необходимыми для врача знаніями, и мнѣ недостаетъ лишь офиціального ярлыка на это званіе, и что лица, знающія положеніе дѣлъ, говорятъ, что я нужна, нужна именно теперь, что я буду полезна теперь же для того дѣла, къ которому готовила себя, я рѣшила ѣхать, чтобы мое слово не расходилось съ дѣломъ; мое рѣшеніе было такое твердое, что потомъ, ни разу за все время, я не посмотрѣла съ сожалѣніемъ назадъ. Въ декабрѣ 75 года я выѣхала изъ Швейцаріи, сохранивъ навсегда свѣтлое

воспоминаніе о годахъ, которые дали мнѣ научныя знанія, друзей и цѣль, столь возвышенную, что всякія жертвы казались предъ ней ничтожными.

Въ то самое время, какъ я ѣхала въ Россію, моя мать собиралась пріѣхать въ Швейцарію, для поправленія своего здоровья, сильно подорваннаго арестомъ Лидіи. Я явилась къ ней безъ предупрежденія и едва застала ее. Нечего и говорить, какъ тяжелъ былъ для нея этотъ новый ударъ. Черезъ нѣсколько дней она выѣхала, взявъ съ собой младшую сестру Ольгу и Евгенью, уже кончившую гимназію. Для послѣдней эта поѣздка не была безслѣдной: заграницей она познакомилась съ Иванчинъ-Писаревымъ, Лешернъ и др. и по возвращеніи ея я замѣтила въ ея развитіи значительную перемѣну.

Послѣ отъѣзда матери я поселилась въ Москвѣ, центрѣ нашей организаціи. Для того, чтобы не навлечь полицейскаго надзора на себя и своихъ товарищей, пришлось отказаться отъ свиданій съ сестрой; я легко примирилась съ этимъ, такъ какъ пріѣхала не ради нея; я была полна надеждъ и утѣренности, что общественное дѣло представитъ такія широкія требованія на мои умственные и нравственные силы, что элементъ личный будетъ совершенно вытѣсненъ изъ моей жизни. Меня ждало разочарованіе самое горькое: мои товарищи, новички въ дѣлѣ, составляли группу необъединенную, недисциплинированную, безъ всякаго общаго плана дѣйствій; лучшіе люди, — Василій Ивановскій и Іоновъ, скоро были арестованы; окружающая молодежь не имѣла ни малѣйшей подготовки; рабочіе, съ которыми приходилось встрѣчаться, были развращены и безсовѣстно вытягивали изъ насъ деньги. Въмѣсто широкаго, плодотворнаго дѣла, въ рукахъ были какіе то обрывки безъ системы и связи; я никакъ не могла ориентироваться среди этого хаоса. На меня были возложены сношенія съ тюрьмой; цѣлые часы проводила я за шифровкой писемъ, по вечерамъ отпраплялась въ грязные трактиры, чтобы видѣться съ какими то темными личностями, или га бульвары и въ мрачные московскіе переулки для свиданій съ жандармами и городовыми; отвратительно было видѣть этихъ лицъ, готовыхъ каждую минуту продать и ту и другую сторону. Мы замыслили нѣсколько побѣговъ, но, кромѣ значительныхъ затратъ, въ результатѣ не было ничего. Къ этому времени относится процессъ жандармскаго унтер-офицера Буханова, приговореннаго къ арестантскимъ работамъ за намѣреніе вывести изъ мѣста заключенія Цицанова и Джабадари.

Надо вѣстъ этимъ тяжелымъ гнетомъ лежало общее положеніе дѣлъ партіи: всѣ кружки къ этому времени были разбиты правительственными преслѣдованіями; судя по докладу министра юстиціи г. Палена, около 800 лицъ были привлечены къ слѣдствію; количество лицъ, подвергнутыхъ кратковременному аресту и обыскамъ, конечно, было во много разъ больше; точно моровая язва прошла по извѣстному слою общества; каждый потерялъ друга

или родственника; масса семейств испытывала горе; но все эти тревоги были ничто предъ тѣмъ нравственнымъ потрясеніемъ, которое принесла съ собой неудача пропагандистскаго движенія; все надежды рухнули, программа, казавшаяся столь осуществимой, не привела къ ожидаемымъ результатамъ; вѣра въ правильность постановки дѣла и въ свои собственные силы поколебалась; чѣмъ сильнѣе былъ энтузіазмъ лицъ, шедшихъ въ народъ для пропаганды, тѣмъ болѣе горько было разочарованіе; все прежнія убѣжденія разлетались въ прахъ. Критика, скептицизмъ и недовѣріе характеристичны для этого времени; старое было разбито, новые взгляды еще не выработаны. Съ тѣхъ поръ въ теченіе семи лѣтъ, которые я пережила вмѣстѣ съ партией, ничего подобнаго я не наблюдала. Это былъ кризисъ въ полномъ смыслѣ слова.

Напрасно отдѣльныя лица старались сплотить разрозненные ряды, они тотчасъ распадались, такъ какъ основанія были прежнія и дѣйствовать думали по рутинѣ. Самому талантливому удалось сліяніе чайковцевъ съ лавристами (кружкомъ, наиболее близкимъ Лаврову и поддерживавшимъ «Впередъ» деньгами и литературнымъ матеріаломъ), но черезъ мѣсяцъ новое общество распалось; къ тому же времени относится поѣздка 16 пропагандистовъ въ Нижегородскую губ.; едва основавшись, они возвратились; такъ обострился полицейскій надзоръ, и возбуждено было общественное недовѣріе ко всякому пришлому элементу. Послѣ этихъ попытокъ инициатива исчезла. Лично я была въ такомъ настроеніи, что думала о самоубійствѣ. Изъ всехъ знакомыхъ этой эпохи я могу съ любовью остановиться на одномъ Антонѣ Таксисѣ; онъ поддержалъ меня въ самыя тяжелыя минуты и внушилъ нѣкоторые принципы, съ тѣхъ поръ не покидавшіе меня; онъ указалъ мнѣ на нѣкоторыя истинныя причины неудачи революціоннаго движенія; какъ истинный лавристъ, онъ видѣлъ бѣду не въ постановкѣ дѣла, слишкомъ теоретичной, а въ неподготовленности, въ непрактичности и неумѣлости дѣятелей; онъ глубоко вѣрилъ въ будущее революціоннаго дѣла, и на современное состояніе смотрѣлъ, какъ на скоро преходящій моментъ, неизбежный для движенія, только что начавшагося. Кромѣ того, онъ постоянно твердилъ мнѣ, что для дѣла нужны не порывы, а терпѣливая и хлопотливая работа, что результаты этой по истинѣ черной работы, могутъ быть ничтожны, но мы должны быть къ этому готовы, и не отчаиваться, такъ какъ каждая новая идея только медленно воплощается въ жизнь и, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, каждый дѣлаетъ лишь то, что онъ можетъ сдѣлать. Онъ же поддержалъ меня въ желаніи оставить Москву, поселиться въ деревнѣ и самой увидѣть, что за сфинксъ—народъ.

Весной я нашла человѣка, взявшаго на себя мои немногочисленныя обязанности, и уѣхала въ Ярославль. По совѣту одного практическаго человѣка, я скрыла свое пребываніе за границей и университетскія занятія и стала посѣщать Ярославскую губерни-

скую земскую больницу. Черезъ полтора мѣсяца я держала экзаменъ на фельдшерицу при Врачебной Управѣ. По выраженію Инспектора Врачеб. Управы, я отвѣчала, «какъ студентъ», а латынь знала лучше его; въ дипломѣ было сказано, что я сдала экзаменъ блестящимъ образомъ, но мнѣ пришлось не разъ прикусить языкъ, чтобы не пуститься въ слишкомъ научныя разсужденія.

Изъ Ярославля я отправилась въ Казань, чтобы покончить мои семейныя дѣла, такъ какъ мужъ и я думали развестись формальнымъ порядкомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ разводъ состоялся. По возвращеніи въ Петербургъ я сдала экзаменъ при Мед. Хирург. Академіи на званіе акушерки. Къ ноябрю мѣсяцу 76 г. всѣ мои житейскіе расчеты были кончены; надъ прошлымъ былъ безповоротно поставленъ крестъ. Дальнѣйшая моя жизнь, начиная съ 24 лѣтъ, связана исключительно съ судьбами русской революціонной партіи.

До конца 76 года русская революціонная партія раздѣлялась на двѣ фракціи: пропагандистовъ и бунтарей. Первые преобладали въ сѣверѣ, вторые—на югѣ. Въ то время какъ одни придерживались, въ большей или меньшей степени, взглядовъ журнала «Впередъ», другіе исповѣдывали революціонный катехизисъ Бакунина; всѣ сходились въ одномъ—въ признаніи единственной дѣятельностью—дѣятельность среди народа. Но характеръ этой дѣятельности понимался обѣими фракціями различно. Пропагандисты смотрѣли на народъ, какъ на *tabula rasa*, на которой они должны начертить социалистическія письмена; они хотѣли поднять массу нравственно и умственно, до уровня своихъ собственныхъ понятій и образовать изъ среды народа такое сплоченное и сознательное меньшинство, которое вполне обезпечивало бы, въ случаѣ стихійнаго или подготовленнаго организаціей движенія, проведеніе въ жизнь социалистическихъ принциповъ и идеаловъ. Для этого требовалось, конечно, не мало труда и успій, а также и собственной подготовки. Бунтари напротивъ того, не только не думали учить народъ, но находили, что намъ самимъ у него надо многому научиться; они утверждали, что народъ—социалистъ по своему положенію, и вполне готовъ къ социальной революціи; что онъ ненавидитъ существующій строй, и собственно говоря, никогда не перестанетъ протестовать противъ него; что онъ постоянно сопротивляется то пассивно, то активно, постоянно бунтуетъ. Объединять и слить въ одинъ общій потокъ всѣ эти единичные протесты и мелкія возмущенія—вотъ задача интеллигенціи. Агитація, всевозможные тенденціозные слухи, разбойничество и самозванщина—вотъ пригодныя средства. Никому неизвѣстенъ часъ народнаго возмездія, но когда въ народѣ накопилось много горячаго матеріала, маленькая искра легко превращается въ пламя, а это послѣднее—въ необъятный пожаръ. Современное положеніе крестьянства таково, что недостаетъ только искры—этой искрой будетъ интеллигенція. Когда народъ встанетъ, движеніе будетъ безпорядочно и хаотично, но народный ра-

зумѣ вывести его изъ хаоса, и онъ сумѣеть устроиться на новыхъ и справедливыхъ началахъ.

При такой программѣ не требовалось даже особенной организаціи и дисциплины въ средѣ дѣятелей: такъ какъ народъ повсюду готовъ къ возстанію, то развѣ не все равно, гдѣ свернется первая искра: огонь все равно разовьется повсюду. Напротивъ, на сѣверѣ, вопросъ объ организаціи былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, и удовлетворительное рѣшеніе его оказало громадные услуги революціонному дѣлу, такъ какъ обезпечивало преемственность, накопленіе опыта и постепенную выработку высшаго типа организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, южане исчезли, не оставивъ никакой традиціи въ интеллигенціи, ихъ родословное древо прервалось; какъ Каракозовцы, Нечаевцы, Долгушинцы, они были вырваны почти съ корнемъ; отдѣльныя уплывшія личности приставали къ новымъ группамъ и вполне поглощались ими; современная партія «Народной Воли» ведетъ свою родословную съ Чайковцевъ, съ послѣдней группы, носившей имя отдѣльнаго лица, и послужившей, въ 76 г., основой для общества «Земля и Воля», а эта группа, какъ извѣстно, имѣла своимъ кореннымъ мѣстопребываніемъ Петербургъ.

Но, какъ бы то ни было, и пропагандисты, и бунтари, въ своей практической дѣятельности среди народа, потерпѣли фіаско, т. е. встрѣтили неожиданныя и непреодолимые препятствія, какъ въ самомъ народѣ, такъ и въ политическихъ условіяхъ страны, къ осуществленію своей программы цѣликомъ, какъ въ то время они ее понимали. Людей, готовыхъ продолжать революціонную работу, пристать къ опредѣленному плану дѣйствій, было однако много, несмотря на всѣ захваты; болѣе старые дѣятели приступили къ оцѣнкѣ прошлаго, къ выработкѣ новыхъ началъ революціонной практики. Осенью 76 г. три Чайковца: Юрій Николаевичъ Богдановичъ, Александръ Ивановичъ Писаревъ и еще одно лицо, которое я не желаю назвать, начали разрабатывать принципы революціонной дѣятельности въ народѣ, положивъ въ основу новой программы, какъ свой личныи, такъ и весь общественный опытъ предшествующаго времени, со всѣми его надеждами и неудачами. Результатомъ ихъ трудовъ была программа, извѣстная впоследствии подъ именемъ «народничества», и вошедшая цѣликомъ въ программу общества «Земля и Воля».

Въ основаніе этой программы легла мысль, что русскій народъ, какъ и всякій другой народъ, находящійся на извѣстной ступени историческаго развитія, имѣетъ свое самобытное міросозерцаніе, соответствующее уровню нравственныхъ и умственныхъ понятій, которыя могли въ немъ выработаться при условіяхъ, среди которыхъ онъ жилъ. Въ народное міровоззрѣніе входятъ, какъ часть, извѣстныя отношенія народа къ вопросамъ, какъ политическимъ, такъ и экономическимъ. При обыкновенномъ теченіи жизни, безъ измѣненія учреждений, окружающихъ народную жизнь, переформировать разъ установившіеся взгляды его на эти

вопросы—вещь крайне трудная. Поэтому необходимо сдѣлать попытку при революціонной дѣятельности въ народѣ—отправляться отъ присущихъ ему въ данный моментъ отношеній, стремленій и желаній, и на своемъ знамени выставить уже самимъ народомъ сознаные идеалы. Такимъ идеаломъ въ области экономической является земля и трудовое начало, какъ основаніе права собственности. Относительно земли народъ никакъ не можетъ и не хочетъ примириться мыслью, что она можетъ принадлежать кому нибудь, кромѣ его, ея сѣятеля и ревнителя; онъ смотритъ на нее, какъ на даръ Божій, которымъ долженъ пользоваться лишь трудящійся надъ нею; на современное же положеніе земельной собственности—какъ на временное плѣненіе его поительницы и кормилицы; но рано или поздно—эта земля вся отойдетъ къ нему. На этой землѣ народъ живетъ по своимъ исконнымъ обычаямъ—общиною; съ ней онъ ни разу не разставался во все свое тысячелѣтнее существованіе, ея же онъ придерживается съ традиционнымъ уваженіемъ и теперь. Отобраніе всей земли въ пользу общины,—вотъ народный идеалъ, вполне совпадающій съ основнымъ требованіемъ социалистическаго ученія. На немъ слѣдуетъ остановиться, во имя его начинать борьбу.

Но взгляды народа на государственную власть, на ея выразителя—царя? Какъ быть съ его упованіями на государя, какъ на защитника, покровителя и источника всѣхъ благъ? Разбить вѣру въ царя возможно лишь путемъ фактическихъ доказательствъ народу, что царь не стоитъ на стражѣ его интересовъ и не преклоняетъ уха своего къ народнымъ жалобамъ и стонамъ. Однимъ изъ средствъ для достиженія этой цѣли можетъ служить систематическая организація ходяковъ отъ волостей, уѣздовъ и цѣлыхъ губерній къ царю, съ изложеніемъ народныхъ нуждъ и желаній. Судьба подобныхъ челобитчиковъ извѣстна, — одни ссылаются въ далекія губерніи, другіе подвергаются аресту, третьи возвращаются на родину по этапу. Горькій опытъ покажетъ народу, что ждать отъ царя нечего, и что приходится надѣяться лишь на свои силы въ дѣлѣ добыванія лучшаго будущаго. Но чтобы поднять духъ народа и его способность къ защитѣ своихъ интересовъ, нужна извѣстная система дѣйствія со стороны революціонеровъ: живя среди народовъ въ формѣ, не насилующихъ рѣзко привычекъ и слабостей цивилизованнаго человѣка, но, тѣмъ не менѣе близкой къ народу, формѣ полуинтеллигентной, если можно такъ выразиться, (волостного писаря, бухгалтера ссудосберегательной кассы, фельдшера, мелкаго торговца и т. п.), революціонеры должны пользоваться всѣми случаями и сторонами крестьянской жизни, которые даютъ поводъ оказать поддержку идеѣ и справедливости, или возможность помочь личности или обществу въ защитѣ ими своихъ интересовъ или достоинства. Становясь въ положеніе, близко соприкасающееся съ повседневными интересами народа, каково напр., положеніе волостного писаря, революціонеръ долженъ вліять на волостной судъ, изгоняя

изъ него водку и подкупъ и, дѣлая его настоящимъ судомъ народной совѣсти, онъ долженъ поднять значеніе мірской сходки и волостного суда, дѣлая ихъ дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не пгрушкой разныхъ сельскихъ проходимцевъ; онъ долженъ оттирать отъ общественныхъ дѣлъ кулаковъ и міроѣдовъ и поднимать значеніе деревенской голытьбы; возбуждать и поддерживать тяжбы съ помѣщиками, кулаками, съ казенными учрежденіями; вездѣ, гдѣ возможно, настаивать на защитѣ крестьянами ихъ правъ и домогательствъ; словомъ развивать въ крестьянствѣ духъ самоуваженія и протеста; вмѣстѣ съ тѣмъ, высматривать энергичныхъ людей, вожаковъ, которые особенно горячо относятся къ интересамъ міра; сплачивать и соединять въ группы подобныя личности, чтобы на нихъ опереться въ борьбѣ, которая, начинаясь съ легальнаго протеста, должна вступить наконецъ на путь чисто революціонный.

Эти основныя начала были предложены на разсмотрѣніе сходовъ, руководство которыми перешло въ другія, болѣе талантливыя руки. На эти сходы приглашались люди по выбору, чѣмъ нибудь уже себя проявившіе, многіе нелегальные. Программа дѣятельности въ народѣ была одобрена единодушно, но къ ней были сдѣланы новыя и весьма важныя добавленія, носившія въ себѣ зародышъ будущаго. Во первыхъ, было предложено избрать для дѣятельности въ народѣ опредѣленный районъ, который по своимъ традиціямъ былъ бы наиболѣе революціоннымъ, и гдѣ аграрный вопросъ наиболѣе обостренъ; такой мѣстностью было названо нижнее Поволжье. Когда на революціонномъ знамени ставились уже существующія народныя требованія, то не было необходимости раскидываться по всей Россіи: достаточно было довести до возстанія одну мѣстность, чтобы остальные, проникнутыя тѣми же желаніями и стремленіями, примкнули къ движенію, выславляющему общенародный идеаль. Во 2-хъ, на этихъ сходахъ было впервые указано, что никакое возстаніе не будетъ обезпечено въ своемъ успѣхѣ, если часть революціонныхъ силъ не будетъ направлена на борьбу съ правительствомъ и подготовленіе такого удара въ центрѣ въ моментъ возстанія въ провинціи, который бы привелъ государственный механизмъ въ замѣшательство, въ разстройство, и тѣмъ далъ бы возможность народному движенію окрѣпнуть и разростись. Тогда жѣ заговорили о возможности, посредствомъ динамита, взорвать Зимній Дворецъ и похоронить подъ его развалинами всю царскую фамилію. Обѣ эти поправки были единодушно одобрены присутствующими. Кромѣ того, тогда же было рѣшено защищать оружіемъ честь и достоинство товарищей и обуздывать ударами кинжала произволъ слишкомъ рьяныхъ правительственныхъ агентовъ. Этотъ актъ революціоннаго правосудія былъ окрещенъ несовсѣмъ удачнымъ названіемъ—дезорганизаціи правительства, и первымъ человекомъ, который долженъ былъ поплатиться за свой карьеризмъ и безпощадное безцѣльное притѣсненіе арестованныхъ,

былъ прокуроръ Желеховскій. Къ сожалѣнію, онъ остался живъ, хотя и не получилъ отличія за свой процессъ-монстръ, по которому 35% обвиняемыхъ погибло отъ чахотки, самоубійства и умопомѣшательства—во время болѣе, чѣмъ трехъ-лѣтняго предварительнаго заключенія.

Нарождавшаяся революціонная организація не была построена на федеративномъ принципѣ; уже тогда были положены основы централизма, хотя еще довольно слабого; въ обсужденіи программы участвовало 30—40 чел., а когда начали считать лицъ, которые могли быть тотчасъ же привлечены къ ней, вышло 120 душъ. Къ сожалѣнію, когда зашелъ вопросъ о томъ, чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться въ дѣлѣ привлеченія новыхъ членовъ, вышло разногласіе: одни, изъ которыхъ большинство побывало въ группахъ, связанныхъ узами самой тѣсной дружбы и симпатіи, стояли за то, что глубокое взаимное довѣріе, близкое знакомство и взаимная симпатія должны быть условіемъ *sine qua non* всякой организаціи; другіе, и въ особенности всѣ новички, утверждали, что организація, построенная на такихъ началахъ, будетъ прочна, но тѣсна, и никогда не приметъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ въ другомъ случаѣ, когда одной дѣловитости человѣка, его доказанной полезности будетъ достаточно для принятія его въ члены. Этотъ вопросъ такъ и не привелъ къ соглашенію: образовались двѣ группы, въ началѣ почти равныя. Одной, основанной на новомъ началѣ, суждено было процвѣтать и расширяться—это было общество «Земля и Воля», другой же пришлось все умалаться. Съ величайшимъ сожалѣніемъ приходится сказать, что въ этой второй группѣ была и я.

Въ первоначальный составъ общества «Земли и Воли» вошли изъ лицъ, уже погибшихъ, Натансонъ, мужъ и жена, Оболеневъ, Адрианъ Михайловъ, Александръ Михайловъ, Боголюбовъ, Трошанскій и многіе другіе; въ другую группу того же направленія входили: Юрій Ник. Богдановичъ, Писаревъ, Пименъ Энкуватовъ, Лешернъ, я и другія лица, которыхъ не имѣю права называть. Въ противоположность прежнимъ программамъ, новая—расширяла сферу дѣятельности своихъ сторонниковъ на всѣ слои общества, указывала на необходимость проникать въ войско, администрацію, земство, въ среду лицъ либеральныхъ профессій, для привлеченія этихъ элементовъ къ борьбѣ съ правительствомъ и возбужденія ихъ ко всякаго рода протестамъ и заявленіямъ неудовольствія на правительственные мѣры. Эта политика, начавшаяся неудавшейся демонстраціей у Исаакиевскаго собора и Казанской демонстраціей 6 Декабря, послѣ нѣкотораго перерыва, продолжалась въ видѣ похоронъ Чернышева, возбужденія стачекъ на фабрикѣ Шау и Новой Бумагопрядильнѣ, въ видѣ процессіи рабочихъ къ Анничкину дворцу, для обращенія къ наслѣднику съ просьбой встать на защиту интересовъ рабочихъ противъ эксплуатаціи фабрикантовъ, въ видѣ требованія высшими учебными заведеніями Петербурга корпоративныхъ правъ, проекта

студентовъ Мед. Хирург. Академіи подать наслѣднику петицію о дарованіи конституціи и т. д. Всѣ эти и подобные факты должны были поддерживать во всемъ обществѣ возбужденное состояніе, неудовольствіе и внушать безпокойство властямъ. Казанская демонстрація была затѣяна именно съ этой цѣлю; она должна была, послѣ безпримѣрной экспедиціи шефа жандармовъ, сдѣлать вызовъ правительству и среди всеобщаго затишья своей дерзостью поразить противниковъ и ободрить сторонниковъ. И этой цѣли она, конечно, достигла. Неудовольствіе противъ нея явилось лишь въ нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи въ Петербургѣ, которые считали, что организаторы демонстраціи употребили публику, какъ орудіе для своей цѣли. Но это была неправда, уже по одному тому, что вся организація присутствовала самолично на демонстраціи и не поплатилась за нее лишь по обстоятельствамъ чисто случайнымъ. Первоначальной мыслью организаторовъ демонстраціи былъ созывъ наибольшаго числа фабричныхъ рабочихъ и произнесеніе на площади рѣчи, изображающей бѣдственное положеніе и безправіе ихъ въ борьбѣ съ хозяевами, послѣ чего должно было быть выставлено знамя «Земли и Воли», какъ девизъ будущаго. Но, бывшій наканунѣ Николина дня праздникъ помѣшалъ этому созыву, рабочіе разбрелись, на демонстрацію явилась главнымъ образомъ молодежь, а произнесенная рѣчь объ участіи Чернышевскаго и политическихъ преслѣдованіяхъ—была экспромтомъ. Полицейскіе и дворники избили и захватили 35 человекъ, которые были преданы суду. Такой финалъ для пострадавшихъ, ихъ друзей и знакомыхъ, конечно, не былъ утѣшителенъ, потому что уличная расправа была дикая, и судъ безпримѣрно жестокій; кромѣ того, подсудимые были люди, далеко стоявшіе отъ дѣла и явившіеся на демонстрацію, какъ на зрѣлище. Если была какая нибудь вина со стороны организаторовъ, такъ то, что они представляли каждому самому звѣрсить, какія послѣдствія могутъ имѣть уличные безпорядки въ столицѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣло было сдѣлано, новое знамя водружено, и новая организація открыла свои дѣйствія. Часть ея членовъ осталась въ городѣ, въ центрѣ Россіи, другая отправилась въ Саратовскую и Астраханскую губ.

Нашъ кружокъ избралъ райономъ своей дѣятельности Самарскую губернію, куда весной 77 г. отправились: Писаревъ, Богдановичъ, Лешернъ, одинъ рабочій, а позднѣе сестра Евгенія и я. Александръ Константиновичъ Соловьевъ уже находился въ Самарѣ и тамъ присоединился къ нашему кружку; кромѣ того, было еще нѣсколько лицъ, близкихъ кружку, частью мѣстныхъ, частью пріѣзжихъ. Остальные члены нашего кружка остались въ Петербургѣ, двое уѣхали въ Одессу, гдѣ одинъ—Пименъ Энкуватовъ—умеръ трагической и совсѣмъ недостойной этого прекраснаго человека смертью—отъ руки близнеца-брата; эти члены, теперь отчасти сосланные административно и по суду, никакой энергіи и организаціонной способности не выказали, и скоро связъ

съ ними, постепенно слабѣя, порвалась совсѣмъ. Такъ какъ мы не имѣли никакихъ знакомыхъ въ Самарѣ, то я осталась въ Петербургѣ до тѣхъ поръ, пока друзья не завели связей, давшихъ возможность имъ самимъ устроиться въ качествѣ волостныхъ писарей, а мнѣ занять мѣсто фельдшерицы, что было возможно лишь при рекомендаціи какого нибудь земскаго врача, такъ какъ земство боялось взять фельдшерицу изъ Петербурга, вслѣдствіе этого я пребыла въ Петербургѣ до Августа 77 г.

За это время передъ обществомъ прошелъ цѣлый рядъ политическихъ процессовъ: дѣло по поводу демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти, процессъ Заславскаго, Голубевыхъ и др. Эти процессы возбудили общее вниманіе; первый изъ нихъ возбудилъ въ либеральныхъ слояхъ негодованіе строгостью наказаній, иногда при полномъ отсутствіи уликъ, такъ какъ было общезвѣстнымъ фактомъ, что дворники хватали на улицѣ, кого попало; судъ пародировали въ формѣ Горбуновскаго разсказа. Второ́й процессъ возбудилъ общую симпатію. Самоотверженіе женщинъ, бросившихъ привилегированное положеніе для тяжелаго труда на фабрикахъ, чистота ихъ убѣжденій, ихъ стойкость возбуждали восхищеніе; ихъ нравственный обликъ надолго запечатлѣлся въ душахъ многихъ; нѣкоторые смотрѣли на ихъ дѣятельность, какъ на святой подвигъ. Рѣчи Софьи Илларионовны Бардиной и рабочаго Петра Алексѣева читались съ восторгомъ среди интеллигенціи и рабочихъ. Партія, разбитая въ своихъ начинаніяхъ, приобрѣтала нравственный авторитетъ и ореолъ мученичества за свои убѣжденія. Если что и говорилось не за социалистовъ, такъ то, что они идеалисты, но это-то и ставило ихъ выше толпы. Словомъ, результатъ процессовъ, ихъ общее впечатлѣніе было таково, что могли только возбуждать стремленіе новыхъ лицъ идти по слѣдамъ осуждаемыхъ на каторгу, на поселеніе, но никоимъ образомъ не отвращать отъ опаснаго пути; такимъ образомъ, самая гибель социалистовъ способствовала росту движенія. Впослѣдствіи, при процессѣ 193-хъ, казалось и правительство готово было сдѣлать шагъ назадъ: приговоръ особаго присутствія Сената былъ таковъ, что громадное большинство обвиняемыхъ возвращались къ жизни (къ сожалѣнію, нельзя было вернуть жизнь безвременно и невинно погибшихъ въ тюрьмахъ). Во всякомъ случаѣ оно позднѣе поняло, что результаты суда — не въ его пользу: отсюда цѣлый рядъ мѣръ, уничтожающихъ гласность судопроизводства; сначала перестаютъ допускать на политическіе процессы постороннюю публику, потомъ перестаютъ печатать отчеты по процессамъ въ газетахъ, помѣщая въ нихъ лишь обвинительный актъ и приговоръ суда; мало этого: въ газетахъ появляются краткія реляціи: совершено такое то покушеніе, схвачено столько то злодѣевъ, такого то числа преданы суду, такого то — повѣшены; нѣкоторые лица повѣшены даже безъ объявленія (Легкій въ Сибири); наконецъ, чтобы не напоминать обществу о политическихъ мученикахъ, и казнить ихъ вѣчно втихомолку,

не на площади среди народа и въ поученіе ему, а за стѣнами тюрьмы. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, русскому обывателю знать воспитаніе, условія развитія и жизни, цѣли и стремленія смѣльчаковъ, обѣщающихъ ему свободу; кчему показывать ему ихъ нравственную фیزیономію, ихъ характеръ, стойкость и героизмъ? Все это волнуетъ и смущаетъ «слабые умы», а таковыхъ въ Россіи, по мнѣнію правительства, масса. Оставаясь въ Петербургѣ, и оказывая все время всевозможную помощь заключеннымъ, я не прерывала самого живого общенія съ членами общества «Земли и Воли», которые уже владѣли тогда типографіей и печатали разныя мелкія вещи, какъ рѣчи Бардиной, Петра Алексѣева и т. п. Я имѣла доступъ на ихъ общественную квартиру, многіе изъ нихъ собирались у меня. Это были: Лизогубъ, Зунделевичъ, Ольга Натансонъ, Оболеневъ, Баранниковъ, Валеріанъ Осинскій и масса другихъ лицъ. Лѣтомъ былъ убитъ предатель, рабочій Финигоновъ; потомъ произошла Боголюбовская исторія — Треповъ высѣкъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія политическаго преступника. Этотъ фактъ произвелъ потрясающее дѣйствіе: всѣ заговорили о мщеніи и, нѣсколько времени спустя, этотъ мститель явился.

Когда раздался выстрѣлъ Засуличъ, я была уже въ Самарскихъ степяхъ, и только издали могла рукоплескать ея героическому поступку, отъ души пожалѣвъ, что вынесла лишь блѣдное впечатлѣніе отъ встрѣчи съ ней у Малиновской, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Въ Самарѣ меня встрѣтили друзья и цѣлый кружокъ неглупыхъ и честныхъ людей, готовыхъ оказывать намъ всякую поддержку и услуги; тамъ же въ то время находился Николай Николаевичъ Богдановичъ, думавшій устроить кузницу въ самомъ губернскомъ городѣ, а также Александръ Квятковский. Меня отрекомендовали молодому земскому врачу Николаю Семеновичу Попову, который немедленно настоялъ въ земской управѣ на принятіи меня на мѣсто фельдшерицы въ его участкѣ. Когда я явилась въ село Екатериновку, гдѣ была земская больница, которой онъ завѣдывалъ, то онъ сказалъ мнѣ, что я назначена въ с. Студенцы, объяснилъ мои обязанности и то, что за лекарствами я, по мѣрѣ надобности, должна обращаться къ нему. Эти побѣдки въ Екатериновку за лѣкарствами дали мнѣ возможность сойтись съ Поповымъ; въ особенности насъ облизило то, что черезъ нѣкоторое время онъ вспомнилъ, что видалъ меня съ сестрой на лекціяхъ Лесгафта: любовь къ этому профессору, рассказъ мой о судьбѣ Лидіи и о моихъ занятіяхъ медициной за границей сдѣлали наши отношенія вполне товарищескими: ему было пріятно встрѣчаться въ деревенской глуши съ человѣкомъ, понимавшимъ медицинскіе вопросы, интересовавшіе его въ высшей степени. Скоро я очутилась въ Студенцахъ, громадномъ селѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ; въ моемъ вѣдѣніи были двѣ волости; система оказанія медицинской помощи въ Самарскомъ уѣздѣ — развѣздная: фельдшеръ въ теченіе мѣсяца

долженъ посѣтить всѣ селенія своего участка; въ моемъ пухтѣ имѣлось 12. Въ первый разъ въ жизни очутилась я лицомъ къ лицу съ деревенской жизнью, наединѣ съ народомъ, вдали отъ родныхъ, знакомыхъ и друзей, вдали отъ всякаго интеллигентнаго человѣка. Признаюсь, я почувствовала себя одинокой, слабой, безсильной въ этомъ крестьянскомъ морѣ. Кромѣ того, я не знала, какъ и приступить къ простому человѣку.

До сихъ поръ я не видала вблизи всей неприглядной обстановки крестьянства, я знала о бѣдности и нищетѣ народа скорѣе теоретически, по книгамъ, журнальнымъ статьямъ, статистическимъ матеріаламъ. До шести лѣтъ я прожила въ дремучемъ лѣсу Мамадышскаго уѣзда, гдѣ одинокій домъ лѣсничаго стоялъ въ 40 верстахъ отъ человѣческаго жилья; слѣдующіе пять лѣтъ, прежитые въ деревнѣ, тоже были далеки отъ жизни крестьянства, затѣмъ слѣдовали шесть лѣтъ въ институтѣ. Правда, по выходѣ изъ него я прожила около двухъ лѣтъ въ своемъ родномъ селѣ; тамъ явилось у меня первое желаніе придти на помощь народу, но это желаніе вытекло не изъ непосредственнаго знакомства съ его бѣдственнымъ положеніемъ, а скорѣе изъ отрицательнаго отношенія къ жизни окружающихъ, существованіе которыхъ казалось пустымъ, безцвѣтнымъ и узкоэгоистичнымъ. Чтобъ выйти изъ мелкой колеи интересовъ семьи, кухни, картъ, погони за наживой, оставалась одна дорога—взять себѣ науку, какъ средство, и народъ, какъ—цѣль. Тогда я замкнулась въ книги, которыя могли мнѣ дать умственное развитіе и болѣе серьезную подготовку къ университету; изученіе жизни въ ея реальномъ проявленіи отошло на задній планъ; затѣмъ потянулись университетскіе годы, новыя впечатлѣнія, новые взгляды, испроверженіе только что построеннаго либеральнаго плана и замѣна его новымъ идеаломъ; полтора года въ Россіи... Но гдѣ все это время былъ реальный народъ?! Теперь, въ 25 лѣтъ, я стояла передъ нимъ, какъ ребенокъ, которому сунули въ руки какой то диковинный, невиданный предметъ.

Я принялась прежде всего за свои оффиціальныя обязанности. 18 дней изъ тридцати мнѣ приходилось быть въѣ дома, въ развѣздахъ по деревнямъ и селамъ, и эти дни давали мнѣ возможность окунуться въ бездну нищеты и горя. Я останавливалась обыкновенно на такъ называемой въѣзжей, куда тотчасъ же стекались больные, оповѣщаемые подворно десятскимъ или старостой. 30—40 пациентовъ моментально наполняли избу; тутъ были старые и молодые, большое число женщинъ, еще больше дѣтей всякаго возраста, которые оглашали воздухъ всевозможными криками и пискомъ. Грязные и истощенные—на больныхъ нельзя было равнодушно смотрѣть; болѣзнь застарѣлая: на каждомъ шагѣ встрѣчались ревматизмы, головныя боли, тянущіяся 10—15 лѣтъ; всѣ почти страдали кожными болѣзнями, а въ рѣдкой деревнѣ были бавы; въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ замѣнялись мытьемъ въ русской печкѣ; неисправныя ка-

тарры желудка и кишекъ, грудныя хрипы, слышныя на много шаговъ, сифилисъ, не щадящій никакого возраста, струпья, язвы безъ конца, и все это при такой невообразимой грязи жилища и одежды, при нищѣ, столь нездоровой и скудной, что останавливаешься въ отупѣніи надъ вопросомъ, есть ли это жизнь животного или человѣка? Часто слезы текли у меня градомъ въ микстуры и капли, которыя я приготовляла для этихъ несчастныхъ; ихъ жизнь, казалось мнѣ, немногимъ отличается отъ жизни сорока милліоновъ паріевъ Индіи, такъ мастерски описанной Жаколью.

Я терпѣливо раздавала до вечера порошки и мази, наполняя ими жалкіе черепки кухонной посуды, наполняя шкалики и кошушки отварами и настойками; по три, по четыре раза толковала объ употребленіи лѣкарства и, когда работа кончалась, бросалась на кучу соломы, брошенной на полъ для постели; тогда мной овладѣвало отчаяніе: гдѣ же конецъ этой нищеты, поистинѣ ужасающей; что за лицемѣріе всѣ эти лѣкарства среди такой обстановки; возможна ли при такихъ условіяхъ даже мысль о протестѣ; не иронія ли говорить народу, совершенно подавленному своими физическими бѣдствіями, о сопротивленіи, о борьбѣ? Не находится ли этотъ народъ уже въ періодѣ своего полного вырожденія; не одно ли отчаяніе можетъ еще нарушить его безконечное терпѣніе и пассивность? Три мѣсяца изо дня въ день я видѣла одну и ту же картину. Для того, чтобы проникнуться до глубины души, недостаточно изрѣдка заглянуть въ крестьянскую избу, посмотреть изъ любопытства на его пищу, бросить бѣглый взглядъ на его одежду; недостаточно видѣть мужика на работѣ и даже при его появленіяхъ у доктора, въ больницѣ; для того, чтобы понять весь ужасъ его положенія, всю массу его страданій, надо быть или рабочимъ, чтобы на своей шкурѣ испытать его жизнь, или фельдшеромъ, человѣкомъ, который видитъ крестьянина у себя дома, видитъ его въ холодную зиму, и въ весеннюю безкормицу, и въ лѣтнюю страдную пору, видитъ его каждый день и каждый часъ, наблюдаетъ его во время эпидемій и въ обыкновенное время, постоянно видитъ его лохмотья, ту грязь, которою онъ окруженъ, и собственными глазами можетъ прослѣдить безконечную вереницу его всевозможныхъ болѣзней. Только тогда эти впечатлѣнія, мало по малу наславаясь, могутъ дать истинное представленіе о томъ, въ какомъ состояніи находится нашъ народъ.

Эти три мѣсяца были для меня тяжелымъ испытаніемъ по тѣмъ ужаснымъ впечатлѣніямъ, которыя я вынесла изъ знакомства съ физической стороною народнаго быта; въ душу же на-

рода мнѣ не удалось совсѣмъ заглянуть: нечего и говорить, что я рта не раскрывала для пропаганды. Въ это время свидѣтельница по дѣлу 193-хъ Чепурнова, при возвращеніи изъ Петербурга въ Самару, была арестована, и у нея найдено множество компрометирующихъ писемъ ко мнѣ и др. товарищамъ отъ нашихъ Петербургскихъ друзей. Мы получили по этому поводу предостереженіе по телеграфу; кромѣ того, изъ Петербурга былъ присланъ Александръ Квятковскій, чтобъ увести меня изъ деревни, что онъ и сдѣлалъ. Черезъ недѣлю въ Студенцы наѣхали жандармы.

Вѣра Фигнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Революціонное воззваніе 1831 года.

Среди документовъ, хранящихся въ бывшей библіотекѣ Его Величества, имѣется любопытное воззваніе ¹⁾ революціоннаго характера, относящееся къ 1831 году. Написано оно отъ имени А. П. Ермолова, хотя съ полной достовѣрностью можно утверждать, что ему оно не принадлежитъ, такъ какъ будировавшій противъ Николаевскаго правительства ветеранъ 1812 года, конечно, не рѣшился бы на подобный призывъ къ возстанію, не чувствуя сильнѣйшей опоры въ войскѣ. По стилю воззваніе нѣсколько напоминаетъ аналогичные документы, сохранившіеся отъ декабристовъ и, можетъ быть, является однимъ изъ позднихъ отголосковъ движенія конца Александровской эпохи: не лишено въ этомъ смыслѣ извѣстнаго значенія и сочувственное упоминаніе въ воззваніи о судьбѣ декабристовъ. Какъ попалъ этотъ документъ, отлично напечатанный на хорошей бумагѣ, въ царскую библіотеку, происходило ли по его поводу какое-нибудь разслѣдованіе, и каковы были результаты этого разслѣдованія, въ нашемъ распоряженіи не имѣется никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, фактъ отпечатанія воззванія въ эту эпоху свѣдѣній реакціи настолько интересенъ, что было бы желательно при помощи какихъ-либо архивныхъ данныхъ (быть можетъ, III Отдѣленія или Мин. Вн. Дѣлъ) разяснить исторію этого документа, который мы приводимъ, вполне сохраняя его орфографію и пунктуацию.

Доблественные сыны Россіи!

Во браняхъ посѣдѣлый воинъ, въ продолженіи четырехъ Царствованій узнавшій Народъ и Престолъ, говоритъ къ Вамъ Россіяне!—сердцемъ и душою преданъ благу отечества, желаетъ онъ излить въ души ваши благородное чувство свободы, желаетъ умереть свободнымъ.

Подвизайтесь сыны Россіи!—Пора уже возгнущать постыднымъ игомъ самовластія, которымъ угнѣтаютъ васъ иноплеменные пришельцы.

¹⁾ № 1640 (теперь хранится въ Государственномъ Архивѣ, куда поступила библіотека).

Россия, царица Сѣверной Европы, приобрѣла и даровала свободу другимъ народамъ, сама стѣсняется въ узакъ рабства! Сыны ея страшны врагамъ и грозны союзнымъ державамъ, трепещутъ предъ лицомъ самовластія, и во мракѣ неволи, не смѣютъ даже помышлять о свободѣ.

Извѣстны міру твердость духа и храбрость Русскаго воинства; извѣстна простота нрава нашего земледѣльца и возвышенна душа Гражданина.—Но на что сія дары природы тамъ, гдѣ во имя закона властвуетъ клчливый деспотъ, гдѣ алчные придворники, чуждые отечеству, въ жертву своему корыстолюбію птощаютъ сокровища Россіи, въ жертву своей гордости проливаютъ кровь чадъ ея, попираютъ ногами Русскій Народъ, возпрещая процвѣсти его благоденствію.

Россіяне! что жъ удерживаетъ васъ въ отысканіи свободы?— Не суетѣрис ли, что отцы наши родились и умерли рабами?— Но помните, что древніе предки наши были свободны, что великій образователь Россіи, Петръ Алексѣевичъ, зная искренно нравъ Россіянь, устроилъ Государство на законахъ и учрежденіяхъ Республики Голландской.—Единодержавіе въ рукахъ Петра нужно еще было для Россіи, но великій духъ его вѣрно соболѣзнуетъ нынѣ възявъ на угнѣтенное отъ пришельцовъ отечество.—Нынѣ, когда пелена невѣжества и заблужденія снята уже съ очей Россіи, когда, вопреки утѣснителямъ нашимъ, данъ полетъ уму спутанному, нынѣ пора расторгнуть оковы губительнаго Деспотизма; пора оживить нравственность обуявшую, устроить правосудіе, ободрить заслугу и томящуюся невинность, короче сказать, пора возстановить законное и народное правленіе.

Вотще ожидали бъ мы отъ Самодержцевъ возвращенія похищенныхъ правъ и отнятой свободы Народу.—Они обѣщаютъ управлять съ кротостію и миролюбіемъ, для того чтобы приобрѣтенною за то любовію и повиновеніемъ Народъ тѣмъ прочѣе укрѣплять цѣпи нашего рабства. Васъ обманываютъ!—

Взгляните на плоды ихъ правосудія и милосердія.—Вспомните, какимъ родомъ казни, доселѣ неизвѣстнымъ въ Россіи, НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ истребилъ въ 1826 году первыхъ героевъ свободы нашей, за то, что они вадумали сдѣлать Его законнымъ Царемъ своимъ—Царемъ свободного Народа.— Но онъ обольщенъ гнусными совѣтниками предпочелъ царствовать беззаконно, обогривъ площади и стогны Петровой Столицы кровію ея жителей, и украсивъ Петропавловскую крѣпость висѣльцами!!—

Возрите на торжество оружія нашего въ Персидскихъ и Турецкихъ земляхъ?—Но гдѣ войны, гдѣ герои наши?—сколько ихъ оттуда возвратилось?.. Тамъ, за Кавказомъ и за Балканами, въ земляхъ биссурманскихъ почіуютъ ихъ кости!—Естьлибъ въ горькой печали своей истинный сынъ Россіи могъ сказать: они пали въ битвахъ умерли за насъ за благо нашего отечества.—Но нѣтъ.—Это жертвы деспотизма, жертвы прине-

сенныя безчеловѣчію и гордости двухъ самовластителей.—Гдѣ жъ отцы, гдѣ братья и сыны наши?—Они не возвратятся болѣе; но въ справедливой мѣстѣ. присылаютъ къ намъ подвиги своего грѣба, явны, дабы желающимъ безъ подвига вольности, въ чумѣ и холерѣ даровали вольность!

Россіяне! страшится всякую минуту быть болѣе и болѣе несчастными. — Нынѣшнее правительство ведетъ васъ къ тому исполнскими шагами.—Просвѣщеніе, зарница народнаго благоденствія, безъ истиннаго покровительства, безъ свободы, образуетъ рабочіе орудія самовластію.—Торговля угнетена налогами, земледѣліе податями, крестьяне въ уничижительномъ рабствѣ, граждане въ пренебреженіи.—Первыя мѣста въ государствѣ занимаютъ пришельцы!—они то грабятъ русскіхъ подданныхъ, ибо они не наши братья... Корысть у насъ царствуетъ и раздѣляетъ явнымъ и тайнымъ служителямъ своимъ награбленныя сокровища.—Свинцовый покровъ тираніи подавляетъ остатки благомыслія и чести и умерщвляетъ въ зачатіи всякую добрую мысль и доброе чувство.

О горе! горе! намъ.—Лютейшіе тираны забрали Россіянъ орудіемъ своихъ соблазновъ, коварства и честолюбія, и мы повинемся!

Всѣ мы жалуемся и въ горести слезы проливаемъ!—Но свойственно ли сіе оружіе храбрымъ сынамъ Россіи? Съ мечемъ въ рукахъ, среди столицы, въ селахъ и градахъ, на Сѣверѣ и Югѣ, сокрушайте рабство, требуйте народной свободы, требуйте семейственнаго союза между властію и подданствомъ, на которомъ утверждается прочное благо Царствъ великихъ! — И кто жъ противу-станетъ вамъ?—падутъ идолаи деспотизма къ стопамъ народа!—Предложимъ тогда коренной законъ Царю, да устроитъ представительное правленіе, да не будемъ сироты и чужды на родной землѣ!

Россіяне! да неводерживаютъ васъ узы фанатизма. Вы присягали на вѣрность, и Царь присягалъ быть отцемъ нашимъ.—Онъ первый измѣнилъ клятвѣ, отринувъ быть Царемъ законнымъ; и мы отъ клятвы свободны.—Сохранимъ однакожъ Николая, какъ помазанника Божія, переменимъ только образъ правленія.

Россіяне! желающе блага своимъ семействамъ и потомству, желающе истиннаго величія и благоденствія отечеству, пользуйтесь предстоящимъ вождѣннѣйшимъ временемъ. Спѣшите къ берегамъ Волги, тамъ уже развѣвается знамя Свободы Россійской!—Тамъ уже дѣйствуемъ! Граждане, народъ и войско въ ополченіи единодушно поклялись предъ лицомъ Всевышняго, умереть или быть вольными.

Кому дальность мѣста воспретитъ соединиться съ нами, пусть дѣйствуетъ тамъ гдѣ мой голосъ его достигнетъ; пусть съ оружіемъ въ рукахъ требуетъ законной вольности, требуетъ конституціи.

Нынѣшній престолъ не имѣетъ вѣрныхъ и приверженныхъ

защитниковъ, кромѣ купленныхъ наемщиковъ; они за деньги измѣняютъ ему на полѣ брани, измѣняютъ и въ совѣтѣ.—Возстаньте лишь! и престолъ вострепещетъ, услыша гремящіе отзвѣвы свободы по всей землѣ Русской.

Но ежели деспотъ покусится усугубить стремленія наши, ежели съ помощію своихъ сообщниковъ, на коихъ изливаетъ всѣ аялости, воспротивится намъ—тогда утѣрится, что Самодержавію мнуществовать болѣе въ Россіи, и что Россіяне могутъ и будутъ сами собою управлять.

Ермоловъ.

Самара
Генваря 29, дня
1831 года.

Евно Азефъ.

Исторія его предательства.

Въ первой книгѣ «Былого» напечатаны воспоминанія Б. В. Савинкова, объективно и обстоятельно излагающія исторію покушеній Боевой Организациі на В. К. Плеве. Вслѣдъ за воспоминаніями Б. В. Савинкова мы напечатали и необходимый къ нимъ комментарий—письма Азефа къ своему руководителю по розыску Л. А. Ратаеву. Въ настоящей книгѣ мы имѣемъ возможность воспроизвести замѣчательную записку послѣдняго, въ которой онъ старается осмыслить для самого себя и для департамента полиціи исторію предательства Азефа, старается уяснить, какъ случилось, что многолѣтній и вѣрный сотрудникъ сталъ предателемъ, перекинулся на сторону революціонеровъ. Ближайшій поводъ къ составленію записки дали какъ разъ воспоминанія о дѣлѣ Плеве Б. В. Савинкова, впервые появившіяся въ сборникѣ «Соціалистъ-Революціонеръ». Записка Л. А. Ратаева интересна въ высшей степени, какъ по тонкости и вѣрности его подхода къ Азефу, такъ и по широкѣ набросанной картинѣ политическаго розыска. Ратаевъ, несомнѣнно, обладалъ перомъ, и при своемъ глубокомъ знаніи исторіи и практики русскаго розыскаго дѣла счумѣлъ однимъ-двумя штрихами охарактеризовать дѣятелей и дѣйствія.

Записка была направлена Ратаевымъ другу его Н. П. Зуеву, бывшему въ 1910 году директоромъ департамента полиціи, при письмѣ, которое мы помѣщаемъ, какъ предисловіе къ запискѣ. Письмо заканчивается характернымъ призывомъ: «сдѣлай изъ нея (т. е. записки) то употребленіе, какое признаешь utile et convenable, но, ради самого Господа, прими мѣры, чтобы она не попала къ Бурцеву, или вообще въ революціонную прессу. Ужъ очень это будетъ большой козырь въ ихъ рукахъ». Вотъ этотъ «козырь» только теперь попадаетъ въ ту прессу, которая такъ пугала Л. А. Ратаева.

I.

Дорогой другъ

Нилъ Петровичъ.

Мы съ тобою знакомы не болѣе, не менѣе, какъ сорокъ лѣтъ, долго вмѣстѣ служили, и одно время даже очень близко, всегда жили дружно, ты меня знаешь хорошо, знаешь мою прошлую

службу и мое къ ней отношеніе, а потому ты одень, быть можетъ, поймешь, какъ тяжело было для меня прійти къ убѣжденію въ предательствѣ Азефа, и какихъ душевныхъ страданій мнѣ стоило составить прилагаемую при семъ записку.

Не говоря уже о самомъ фактѣ предательства, меня удручаетъ еще вотъ что. Изъ всѣхъ лицъ, допрошенныхъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу Лопухина, я—самый старослуживый, и ближе другихъ зналъ карьеру Азефа, а потому, естественно, мое показаніе было самое обширное и обстоятельное. Само собою разумѣется, что въ настоящее время я ничего не могъ бы измѣнить въ моемъ показаніи, тѣмъ болѣе что въ немъ нѣтъ ни единого слова, которое не опиралось бы на безспорный документъ, но, какъ я говорю въ запискѣ, въ этомъ показаніи есть то, чего теперь во мнѣ нѣтъ, а именно то нѣтъ глубокаго, искренняго убѣжденія. Вотъ этотъ то тонъ, я боюсь, могъ оказать извѣстное влияніе и, быть можетъ, отягчить и безъ того тяжелую участь бѣднаго Лопухина. Я знаю и отлично понимаю, что Лопухинъ пострадалъ не за то, что повѣрилъ въ виновность Азефа, а за тѣ, совершенно несомнѣвимые съ его прежнимъ служебнымъ положеніемъ способы, къ какимъ онъ прибѣгалъ для его изобличенія. Тѣмъ не менѣе, я не могу забыть, что мы съ Лопухинымъ жили и служили дружно, и что ко мнѣ, какъ къ человѣку, онъ всегда относился добросердечно и по дружески, и мнѣ больно и тяжело думать, что я невольно и хотя сколько нибудь могъ повліять въ отрицательномъ смыслѣ на его судьбу. Пока я вѣрилъ въ Азефа, мнѣ такіа мысли не приходили въ голову, но теперь иное дѣло.

Обращаясь собственно къ содержанію записки, я долженъ замѣтить, что на первый взглядъ въ ней какъ бы кроется противорѣчіе. Изъ моихъ словъ выходитъ, будто, что и до Плеве тамъ было не все ладно, а оттого, что Плеве захотѣлъ кое что исправить, все пошло еще хуже. Это противорѣчіе только кажущееся. Хорошо проводятъ реформы тогда, когда во главѣ вѣдомства стоятъ лица, близко знакомыя съ дѣломъ, знающія его сильныя и слабыя стороны, а когда, начиная отъ министра и кончая послѣдней *cheville ouvrière* департамента, сидятъ все новыя люди, которымъ впору еще самимъ учиться дѣлу, тогда все и вся сбивается съ толку, и въ результатѣ получаютъ такіа уродливыя явленія, какъ многолѣтняя преступная, безнаказанная дѣятельность Азефа.

Припомни, какъ дѣлали карьеру въ департаментѣ Зволянскій, Семякинъ, ты, и многіе другіе. Тогда проходили службу съ низшихъ должностей, проходили ее десятками лѣтъ, а не являлись прямо съ вѣтру звѣзды хватать, и по моему самая крупная ошибка покойнаго Плеве была та, что онъ, не успѣвъ осмотрѣться, и въ такое тяжелое время, убралъ Зволянского, и не потому, что тотъ былъ плохой директоръ, а только потому, что ему лично онъ былъ неугоденъ... Ты въ тѣ времена стоялъ далеко отъ политики, но тебѣ приходилось нерѣдко замѣнять отсутствовавшаго директора департамента и, вѣроятно, отъ тебя не ускользнула та распушен-

ность и безпомощность. въ конѣ барахталась тогда политическая полиція. Но это еще не все. Наряду со слабостью государственной полиціи замѣчалось еще и полное отсутствіе всякихъ способовъ воздѣйствія на надвигавшуюся революцію. Ссылка существовала только на бумагѣ. Не бѣжалъ изъ ссылки только тотъ, кто этого не хотѣлъ, кому, по личныхъ соображеніямъ, не было надобности бѣжать. Тюрьмы не существовало вовсе. При тогдашнемъ тюремномъ режимѣ революціонеръ, попавшій въ тюрьму, безпрепятственно продолжалъ свою прежнюю дѣятельность. Тебѣ, конечно, памятенъ знаменитый фактъ, установленный дознаніемъ, что кievскій революціонный комитетъ, сидѣвшій въ полномъ составѣ въ кievской тюрьмѣ, руководилъ въ городѣ забастовкой и выпускалъ воззванія. Я уже не буду касаться эпохи послѣ Плеве, когда министерство внутреннихъ дѣлъ билось въ тщетныхъ попыткахъ отыскать золотую середину между сердечнымъ попеченіемъ и бараньимъ рогомъ.

Только на такомъ фонѣ всеобщаго безспія и возможны такіа проявленія преступной дѣятельности, какія описываетъ Савинковъ. Его исповѣдь—самая печальная и поучительная повѣсть, какую мнѣ довелось когда-либо читать. Самое тяжелое впечатлѣніе производитъ описаніе обстановки покушенія 18 марта 1904 г. у самаго аданія департамента полиціи. Не знаю, какъ на тебя, а на меня оно подѣйствовало удручающе. Спрашивается, къ чему же всѣ эти филеры, охранники, городовые, жандармы, словомъ всѣ тѣ, на которыхъ принято въ такихъ случаяхъ полагаться и уповать. А при томъ невольно рождается тревожная мысль, неужели что-либо подобное возможно въ настоящее время.

Обращаясь собственно къ Азефу, я на основаніи самыхъ разнообразныхъ данныхъ полагаю правильнымъ считать, что начиная съ убійства Богдановича, онъ былъ причinenъ ко всѣмъ покушеніямъ и убійствамъ до послѣдняго дня своей службы, причемъ непосредственно руководилъ убійствами Плеве, Татарова и Гапона, въ остальныхъ же принималъ косвенное участіе. Но этого еще мало... Ты, вѣроятно, сейчасъ улыбаешься. Азефъ работалъ не только на русскую революцію, но обучалъ и иностранныхъ революціонеровъ. Въ началѣ 1905 года мнѣ пришлось натолкнуться на серьезную организацію армянъ-дрошакистовъ и македонскихъ революціонеровъ, которые, вступивъ въ союзъ съ русскими террористами, водворяли черезъ Черное море, преимущественно на Кавказъ, оружіе и взрывчатые вещества. Не довольствуясь личной побѣдкой въ Болгарію и Константинополь, я командировалъ туда Азефа, который, ознакомившись детально съ организаціей, сообщилъ мнѣ весьма важныя и интересныя свѣдѣнія, которыя и были изложены въ моемъ донесеніи департаменту полиціи № 88—05 г. и послѣдующихъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Азефа съ Балканскаго полуострова, кажется 11 или 12 іюля 1905 г., въ Константинополь, въ предѣлахъ Ильдизъ-Кіоска, во время селямлика, совершенно было покушеніе на жизнь нынѣ изложеннаго султана Абдуль-Гамйда.

и именно тѣмъ способомъ, который Азефъ пожелалъ примѣнить противъ В. К. Плеве, т. е. посредствомъ автомобиля, начиненнаго динамитомъ, на которомъ прибыли на парадъ два знаменитыхъ иностранца. Очевидно Азефъ исполнялъ служебное порученіе въ силу своего принципа «дѣлу время, потѣхъ часъ». придумалъ и продѣлалъ вмѣстѣ съ армянами покушеніе на султана, а затѣмъ, по своему обыкновенію, уѣхалъ благополучно домой. Ты увидишь, что это не моя фантазія, и что рано или поздно это подтвердится.

Въ моей запискѣ я, между прочимъ, рекомендую для окончательнаго выясненія преступной дѣятельности Азефа подвергнуть допросу Сазонова и Сикорскаго. Не худо было бы выяснить точно обстановку, при которой онъ попалъ на службу къ генералу Герасимову. Вѣдь послѣ Меньшиковского доноса на него и Татарова, Азефъ уѣхалъ за границу и устроился отъ дѣлъ, а затѣмъ въ мартѣ 1906 г. былъ арестованъ въ Петербургѣ, съ подложнымъ паспортомъ въ то время, какъ онъ выслѣживалъ П. Н. Дурново. Замѣть, онъ не самъ заявился, а назвалъ себя, лишь просидѣвъ трое сутокъ въ камерѣ при охранномъ отдѣленіи. Все это очень загадочно. Кромѣ того нельзя игнорировать разсказа Пинхуса Рутенберга о роли Азефа въ убійствѣ Гапона («Былое» № 11—12, стр. 19—115). Наконецъ, что это за исторія съ покушеніемъ на Государя во время плаванія на яхтѣ, которое, по словамъ революціонеровъ, было задумано и организовано Азефомъ, и не удалось лишь потому, что исполнитель, находившійся въ двухъ шагахъ отъ его величества, въ послѣднюю минуту струсиль и не рѣшился.

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Азефъ имѣетъ паспортъ на фамилію Липченко, проживаетъ въ предѣлахъ Австріи и Германіи, постепенно переѣзжая съ мѣста на мѣсто, бываетъ въ Вѣнѣ, въ Дессау (Ангальтъ) и чаще всего въ Берлинѣ, гдѣ получаетъ письма по слѣдующему адресу: Berlin, Postamt № 68, Lindenstrasse, Herrn Liptschenko, postlagernd.

Какъ только государь прибылъ въ предѣлы Германіи, я спѣшилъ передать эти свѣдѣнія А. А. Красильникову въ Наугеймъ, ибо Богъ вѣсть, на что можетъ рѣшиться этотъ злодѣй для своей революціонной реабилитации. Вѣдь не надо забывать, что въ письмѣ своемъ къ членамъ Ц. К. отъ 7 января 1909 г. Азефъ общалъ для восстановленія своей чести, на свой страхъ и рискъ совершить тѣ дѣянія, которыя онъ признаетъ нужными.

Я вѣдь не знаю, каково отношеніе Азефа къ департаменту полиціи. Если, быть можетъ, моя записка пришлась некстати, сдѣлай изъ нея, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, то употребленіе, какое признаешь *utile et convenable*, но, ради самого Господа, прими мѣры, чтобы она не попала къ Бурцеву, или вообще въ революціонную прессу. Ужъ очень это будетъ большой козырь въ ихъ рукахъ.

Крѣпко жму твою руку. Сердечно любящій тебя Л. Ратаевъ.

20/7—X—10.

г. Парижъ—Отельъ.

II.

Совершенно доверительно.

Евно Азефъ.

(Исторія его предательства. Дѣло Плеве).

Въ концѣ 1908 г. сначала шопотомъ, въ интимныхъ кружкахъ, а затѣмъ открыто, въ бульварной прессѣ, заговорили, что Ростовскій на Дону мѣшанинъ Евно Азефъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ сотрудникомъ департамента полиціи, окончательно изоблаченъ эмигрантомъ Владиміромъ Бурцевымъ, и что надъ нимъ наряженъ судъ. Я, конечно, тогда считалъ провалъ Азефа крупной потерей, и въ особенности возмущился, когда мнѣ попало въ руки «Извѣщеніе Центральнаго комитета П. С. Р. о провокаціи Е. Ф. Азефа» отъ 20/7 января 1909 года, въ коемъ ему приписывалось личное и непосредственное участіе во всѣхъ политическихъ злодѣйствахъ съ 1902 г. и до послѣдняго времени. Я зналъ Азефа съ 1902 года, нѣкоторое время стоялъ къ нему ближе другихъ, онъ далъ мнѣ столько осязательныхъ доказательствъ своей усердной службы, свѣдѣнія его отличались всегда такой безукоризненной точностью, что мнѣ казалось чудовищнымъ, чтобы, при такихъ условіяхъ человѣкъ могъ быть злодѣемъ и дважды предателемъ. Я былъ убѣжденъ, что Ц. К., поставленный въ смѣшное положеніе разоблаченіемъ, что одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ партіи состоялъ слугою правительства, возвелъ на него эту клевету, дабы самому какъ-нибудь выпутаться и запачкать русскую политическую полицію обвиненіемъ въ провокаціи и участіемъ въ политическихъ убійствахъ. Такое убѣжденіе было основано не на слѣпомъ довѣріи къ Азефу, но на многихъ другихъ данныхъ, которыя казались мнѣ неопровержимыми. Въ революціонной средѣ, какъ и во всякой другой, нѣтъ ничего такого безусловно тайнаго, что рано или поздно не сдѣлалось бы явнымъ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы преступная дѣятельность Азефа или хотя бы выдающаяся роль, которую онъ, по словамъ Ц. К., игралъ въ партіи и боевой организаціи, могла столь продолжительное время оставаться неизвѣстной полиціи. Вѣдь наряду съ Азефомъ въ партіи работали и другіе секретные сотрудники. Не буду ссылаться на тѣхъ, которые еще цѣлы и продолжаютъ оказывать услуги, назову лишь тѣхъ, дѣятельность которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ прекратилась, а именно З. Ф. Жученко и Н. Г. Татарова.

Г-жа Жученко, долготѣвшая и при томъ честнѣйшая сотрудница, впрочемъ даже не упоминала объ Азефѣ, хотя и стояла весьма близко къ центру. Покойный Татаровъ, который въ февралѣ 1905 года выдалъ весь составъ Б. О., ни однимъ словомъ не обмолвился объ Азефѣ.

Наконецъ самая теорія, созданная Бурцевымъ для объясне-

нія участія Азефа въ политическихъ убійствахъ, построена отъ начала до конца на самыхъ фантастическихъ данныхъ. Какъ извѣстно, въ общихъ чертахъ она сводится къ слѣдующему:

Азефъ состоитъ секретнымъ агентомъ на службѣ у Рачковскаго, который на деньги, получаемыя изъ департамента полиціи, поддерживаетъ Боевую Организацию. Министръ В. К. Плеве, лично нерасположенный къ Рачковскому, увольняетъ его отъ службы. Удалясь въ отставку, Рачковскій все-таки какимъ-то способомъ продолжаетъ руководить Азефомъ и, дабы расчистить себѣ дорогу, приказываетъ Азефу организовать убійство Плеве, что тотъ и исполняетъ. За это Рачковскій получаетъ повышение по службѣ, а Азефъ, очевидно, войдя во вкусъ, продолжаетъ заниматься политическими убійствами на свой страхъ и рискъ.

Все это прекрасно, но на бѣду мнѣ то ближе, чѣмъ кому-либо извѣстно, что вся эта исторія—выдумка, и притомъ ни на чемъ не основанная. Быть можетъ, Рачковскій зналъ или подозрѣвалъ, что Азефъ состоитъ сотрудникомъ департамента, но я достоверно знаю и ручаюсь, что никогда ни въ прямыхъ, ни въ косвенныхъ сношеніяхъ онъ съ Азефомъ не состоялъ, и въ глаза его не видѣлъ до 8 августа 1905 года, когда, подавъ въ отставку, я представилъ ему Азефа, и передалъ его въ его распоряженіе, какъ лицу, поставленному въ то время во главѣ политическаго розыска.

Будучи допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу А. А. Лопухина, я далъ прокурору С.-Петербургской судебной палаты чистосердечное и искреннее показаніе, въ которомъ подробно перечислилъ всѣ услуги Азефа съ 1892 по 1905 г.г. Насколько искрення и глубока была моя увѣренность въ невинности Азефа доказываетъ то, что въ іюлѣ прошлаго года я не постѣснился выступить публично въ его защиту въ газетѣ «Matin». Возражая на мою статью, Бурцевъ даже напечаталъ будто бы, въ разговорѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ «Matin» я выразился, что если мнѣ будетъ доказано, что хотя бы часть обвиненій, предъявляемыхъ Азефу революціонерами, справедлива, то я берусь добиться, чтобы его повѣсили. Бурцевъ, по своему обыкновенію, перевралъ и искажилъ мои слова. Дѣйствительно, бесѣдуя съ редакторомъ «Matin» по поводу статей Бурцева, тогда печатавшихся въ этой газетѣ, я сказалъ, что если бы мнѣ пришлось когда-либо увѣриться въ измѣнѣ Азефа, я бы весь остатокъ жизни употребилъ на то, чтобы изобличить передъ правительствомъ этого злодѣя и предателя, который забрызгалъ кровью и грязью мое безукоризненное службное прошлое, коимъ я такъ дорожилъ и такъ гордился.

Я и въ настоящее время не могу ни слова убавить или прибавить къ тому, что показывалъ на слѣдствіи полтора года назадъ. Но въ моемъ показаніи было нѣчто такое, что особенно дѣйствуетъ заразительно, это то нѣтъ, тонъ искренняго глубокаго убѣжденія. Вотъ теперь этого то тона у меня нѣтъ, моя прежняя увѣренность значительно поколебалась, скажу болѣе, я почти что пришелъ къ убѣжденію, что Азефъ, дѣйствительно, служилъ на два фронта.

Первые сомнѣнія у меня зародились минувшей весной, когда до меня стороной стали доходить слухи про рассказы извѣстнаго революціонера В. Леоновича о его совмѣстныхъ подвигахъ съ Азефомъ. По своей прежней службѣ я давно хорошо знаю этого Леоновича. Знаю, что онъ фанатикъ, изувѣръ, террористъ, все, что угодно, но знаю также, что въ общепринятомъ смыслѣ онъ чловѣкъ искренній и чистый, совершенная противоположность другому близкому пріятелю Азефа—Борису Савинкову.

Затѣмъ недавно мнѣ попалъ въ руки первый номеръ издающагося въ Парижѣ новаго революціоннаго журнала «Соціалистъ-революціонеръ», въ которомъ на первомъ мѣстѣ помѣщена статья Савинкова, озаглавленная: «Изъ моихъ воспоминаній. Дѣло Плеве».

На основаніи того же служебнаго опыта, я не весьма высокаго мнѣнія о нравственныхъ качествахъ Савинкова. Но настоящій его рассказъ дышетъ такой правдивостью, равныя мелкія подробности совпадаютъ съ такими мелкими деталями, которые были въ свое время видны мнѣ «съ другой баррикады», что какъ-то невольно вѣрится всему, что онъ говоритъ. На этотъ разъ онъ за рѣдкими исключеніями сумѣлъ даже отрѣшиться отъ обычныхъ сентиментальныхъ изліяній въ какомъ-то противномъ елеинкровожадномъ стилѣ, къ коему въ прежнихъ своихъ рассказахъ онъ прибѣгалъ при описаніи прекрасныхъ душевныхъ качествъ разныхъ злодѣевъ «съ привѣтливыми и нѣжными улыбками» и «большими (?) любящими сердцами». («Соц.-Рев.», стр. 40).

Сколь бы, однако, ни было правдоподобно повѣствованіе Савинкова, было бы крайне неосторожно принимать все написанное имъ на вѣру, если бы параллельно къ его рассказу у меня не было разныхъ мелкихъ фактическихъ подтвержденій; вотъ эту то серію мелкихъ, но на мой взглядъ убѣдительныхъ фактовъ я постараюсь изложить, съ возможною ясностью и послѣдовательностью, причемъ заранее извиняюсь, что мнѣ приходится утруждать вниманіе разными, на первый взглядъ незначительными подробностями, но это необходимо, ибо изъ совокупности этихъ подробностей и получается извѣстная опредѣленная картина.

При разсмотрѣніи настоящей записки, для полученія извѣстнаго впечатлѣнія, полезно имѣть передъ собою: 1) копію моего показанія по дѣлу А. А. Лопухина, въ которомъ въ хронологическомъ порядкѣ перечислены всѣ заслуги Азефа; 2) пачку подлинныхъ писемъ Азефа съ мая 1903 г. по августъ 1905 г., переданную мною въ январѣ 1909 г. б. директору департамента полиціи сенатору М. И. Трусевичу ¹⁾; 3) тѣ мои донесенія изъ за границы, на которыя я буду ссылаться, и 4) рассказъ Б. Савинкова «Изъ моихъ воспоминаній. Дѣло Плеве». («Соціалистъ-революціонеръ». Трехмѣсячное литературно-политическое обзорѣніе, подъ редакціей Виктора Чернова).

¹⁾ Письма Азефа Л. А. Ратаеву напечатаны въ іюльской книгѣ „Былого“.
Ред.

На основаніи совокупности всѣхъ данныхъ, я нахожу возможнымъ всю службу Азефа раздѣлить на три періода: 1) безусловно вѣрный—съ 1892 по лѣто 1902 г.; 2) сомнительный—съ 1902 по осень 1903 г. и 3) преступный—съ этого времени и до конца службы.

Я не буду касаться перваго періода, ибо онъ достаточно подробно очерченъ въ моемъ показаніи, но ради показаній, гдѣ и какъ Азефъ могъ постичь технику разныхъ политическихъ приемовъ, которые онъ впоследствии съ успѣхомъ примѣнялъ въ своей преступной дѣятельности, я остановлюсь на его службѣ въ Москвѣ.

До окончанія образованія Азефъ жилъ за границей и состоялъ лишь корреспондентомъ департамента полиціи; въ іюнѣ 1899 г. онъ вернулся въ Россію и былъ командированъ въ Москву въ распоряженіе Московскаго начальника охраннаго отдѣленія надворнаго совѣтника Зубатова, подъ руководствомъ котораго собственно и получилъ зачатки полицейскаго воспитанія.

Въ описываемую эпоху Москва представляла собою нѣчто болѣе значительное, чѣмъ обыкновенное охранное отдѣленіе. Въ то время охранныя отдѣленія существовали только въ столицахъ и Варшавѣ, въ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи единственными розыскными и освѣдомительными источниками департамента полиціи служили губернскія жандармскія управленія. Во главѣ этихъ управленій стояли заслуженные полковники и генералы, воспитанные въ старинныхъ традиціяхъ корпуса жандармовъ, люди въ большинствѣ весьма почтенные, но совершенно незнакомые съ современными требованіями политическаго сыска.

Секретной агентуры и вольнонаемнаго сыска не существовало нигдѣ, наблюденіе же въ крайнемъ случаѣ осуществлялось переодѣтыми жандармскими унтеръ-офицерами, которые, одѣваясь въ штатское платье, иногда забывали снимать шпоры (фактъ). Для нагляднаго опредѣленія политическаго круговора и уровня пониманія начальниками управленій розыскной службы достаточно сослаться на б. начальника кievскаго губернскаго жандармскаго управленія генерала Новицкаго, который долгое время считался лучшимъ и наиболее опытнымъ между ними. Въ настоящее время въ подпольной прессѣ печатается его всеподданнѣйшая записка, переполненная самыми фантастическими данными и неожиданными выводами. Самое убійственное—то, что этотъ службистъ старой школы, обращаясь на Высочайшее имя, очевидно вѣрилъ каждому слову, что писалъ. Читая это курьезное произведеніе, я сначала думалъ, что это подлогъ, но хорошо знакомый мнѣ неподражаемый слогъ убѣдилъ меня, что это не поддѣлка, а, къ сожалѣнію, самый настоящій подлинникъ, политическое сredo почтеннаго генерала, который до конца жизни занималъ отвѣтственныя должности на государственной службѣ. Если таковъ былъ лучший, можно судить, что собою представляли остальные.

При такихъ условіяхъ стояло революціонеру перенести свою дѣятельность внѣ столицъ, дабы самыя ея серьезныя проявленія остались для департамента полиціи покрытыми непропускаемой тайной. Такимъ образомъ создались самыя настоящія революціонныя гнѣзда и разсадники пропагандистовъ и агитаторовъ въ Саратовѣ, на Югѣ и въ др. крупныхъ центрахъ. А между тѣмъ гроза надвигалась. Въ началѣ второй половины девяностыхъ годовъ замѣтно усилилось социаль-демократическое движеніе, послѣдствіемъ чего явился рядъ стачекъ, забастовокъ и беспорядковъ на фабрикахъ и заводахъ, а также волненій среди молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вскорѣ, т. е. въ 1897—98 г.г. появились первыя группировки социалистовъ-революціонеровъ.

Московское охранное отдѣленіе, въ силу своего центрального положенія, само собою было призвано въ такой моментъ играть выдающуюся роль, но это значеніе еще усиливалось удачнымъ подборомъ секретной агентуры и правильно организованнымъ наружнымъ наблюденіемъ. Департаментъ, лишенный въ такое горячее время какой-либо поддержки отъ провинціальныхъ розыскныхъ учреждений, сталъ по необходимости командировать людей Московскаго охраннаго отдѣленія въ тѣ мѣстности Имперіи, гдѣ замѣчался особо острый подъемъ революціоннаго движенія. Такой порядокъ привелъ вскорѣ къ сформированію при московскомъ охранномъ отдѣленіи на средства департамента такъ называемаго летучаго отряда наблюдательныхъ агентовъ, которые, сообразно потребностямъ момента, передвигались изъ одной мѣстности въ другую, и такимъ образомъ Московское отдѣленіе сдѣлалось какъ бы офиціознымъ центральнымъ розыскнымъ органомъ департамента. Словомъ, Москва въ тѣ времена считалась школою секретной агентуры и наружнаго наблюденія. Вотъ въ эту-то школу и попалъ Азефъ тотчасъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы.

По прибытіи въ Москву, онъ примкнулъ къ такъ называемому «Сѣверному союзу Соц.-Рев.», основанному Павломъ Аргуновымъ, Маріей Селюкъ и др. Этотъ союзъ издавалъ подпольный журналъ «Революціонная Россія», первый номеръ котораго былъ напечатанъ гдѣ-то около Москвы, второй въ Финляндіи, а третій въ Томскѣ, гдѣ наконецъ въ 1901 г. и была арестована тайная типографія съ печатниками. Всѣ указанія относительно этой группы исходили отъ Азефа, а потому понятно, что трудное и сложное наблюденіе ради успѣха дѣла и по конспиративнымъ соображеніямъ, приходилось ставить и осуществлять по взаимному съ нимъ соглашенію. Такимъ образомъ за два года пребыванія въ Москвѣ, Азефъ успѣлъ постепенно втянуться во всѣ тонкости техники наружной службы и проникнуть во всѣ профессиональныя тайны политическаго розыска. Приобрѣтенныя знанія и приемы впоследствии примѣнялись имъ съ успѣхомъ въ его преступной дѣятельности и создали ему въ партіи репутацію «отличнаго организатора» и «техника».

Съ арестомъ томской типографіи, пресѣклась московская дѣятельность Азефа. Удѣлѣвшіе остатки группы перемѣстились за границу, куда осенью 1901 года былъ командированъ также Азефъ. Уже въ концѣ года онъ доставилъ департаменту обстоятельныя свѣдѣнія о сліяніи разрозненныхъ группъ с.-р. въ одну объединенную партію, причемъ предупреждалъ, что главарями этой партіи выработанъ планъ организованнаго террора, и указывалъ на выдающуюся роль въ партіи Герша Гершуни.

Послѣ убійства егермейстера Д. С. Сипягина департаментъ вызвалъ Азефа для личныхъ переговоровъ въ С.-Петербургъ, куда онъ и прибылъ въ іюль 1902 г.; такъ какъ время было горячее, а Азефъ былъ единственнымъ источникомъ освѣдомленія по партіи с.-р., то самъ департаментъ настаивалъ на болѣе тѣсномъ сближеніи и съ террористической группой, принявшей названіе «боевой организаціи». Въ результатъ является его поѣздка въ Кіевъ, гдѣ онъ впервые указываетъ наблюденію главныхъ террористовъ: названнаго Гершуни, Михаила Мельникова и Павла Крафта. Одновременно Азефъ сообщилъ департаменту о выработанномъ планѣ покушенія на В. К. Плеве, который сводился къ открытому нападенію на карету министра, съ пистолетами системы Маузеръ двухъ офицеровъ артиллеристовъ, изъ коихъ одинъ былъ судимый впослѣдствіи поручикъ 33 артиллерійской бригады Евгеній Григорьевъ (донесеніе мое изъ Берлина 11 октября 1902 года за № 1).

На этомъ оканчивается первый, т. е. безусловно вѣрный періодъ службы Азефа.

Въ іюль 1902 г. уходитъ въ отставку д. с. с. Рачковскій, и я получаю назначеніе на его мѣсто въ Парижъ. Между директоромъ департамента и мною было условлено, что Азефъ отправится за границу одновременно со мною, и поступить въ мое распоряженіе, дабы на первое время заграничная агентура не осталась безъ всякаго источника освѣдомленія. Однако, въ виду важности вышеприведенныхъ указаній, было признано необходимымъ, вопреки состоявшемуся соглашенію, оставить Азефа еще на нѣкоторое время въ Россіи. Въ октябрѣ 1902 г. я уѣхалъ въ Парижъ, а Азефъ остался въ распоряженіи департамента. Съ этого момента начинается второй періодъ его дѣятельности, который я называю періодомъ сомнѣній и колебаній.

Послѣ ареста поручика Григорьева, департаментъ не встрѣтилъ надобности въ дальнѣйшемъ пребываніи Азефа въ Россіи и откомандировалъ его за границу. По этому поводу А. А. Лопухинъ 16 февраля 1903 года писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Виноградовъ» ¹⁾ черезъ недѣлю вернется на старое пепелище. Онъ былъ намъ полезенъ, но меньше, чѣмъ могли ожидать, вслѣдствіе своей конспираціи, къ тому же надѣлалъ много глупостей, — связался съ мелочью, связи эти скрывалъ отъ насъ.

¹⁾ Псевдонимъ Азефа.

теперь эту мелочь берутъ, а та, того гляди, его провалить. Онъ теперь все время около проваловъ, ходитъ по дознаваніямъ, и не будь прокуратуры, съ которой мы спѣлись, скандалъ давно произошелъ бы. Ремянникову нельзя было не арестовать, т. к. Григорьевъ указалъ на нее, какъ на лицо, находившееся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Гершуни, Мельниковымъ, а отъ нея, вы знаете, одинъ шагъ...»

Явился ко мнѣ въ Парижъ Азефъ, однако, не черезъ недѣлю, какъ писалъ Лопухинъ, а лишь въ іюнѣ 1903 г. О своемъ прибытіи за границу онъ извѣстилъ меня нѣсколько ранѣе, а именно въ маѣ, изъ Берлина; сейчасъ не помню, было ли это до убійства уфимскаго губернатора Богдановича, или послѣ. Это можно, впрочемъ, съ точностью установить по хранящейся въ департаментѣ полиціи пачкѣ подлинныхъ писемъ Азефа, которая начинается именно этой телеграммой изъ Берлина. Вѣроятно она была однимъ изъ многочисленныхъ alibi, которыя имѣлъ обыкновеніе готовить себѣ Азефъ, когда въ Россіи совершалось какое нибудь преступленіе при его участіи.

По этому поводу естественно возникаетъ вопросъ о прикосновенности Азефа къ убійству губернатора Богдановича. Ничего болѣе или менѣе опредѣленнаго я по этому поводу сказать не могу, ибо находился за границей, и Азефа не видѣлъ цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. Революціонеры, однако, категорически утверждаютъ, что онъ участвовалъ во всѣхъ покушеніяхъ и убійствахъ, кромѣ убійства Сипягина. Въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Савинкову отъ 10 октября 1908 г., Азефъ самъ про себя пишетъ слѣдующее: «Не хочу распространяться, скажу только, что кромѣ Сипягинскаго дѣла, я былъ причастенъ ко всѣмъ другимъ, т. е. Оболенскаго и еще ближе уже къ Уфѣ, куда я людей посылалъ. (Былое № 9—10, стр. 215).

Возвращаясь къ пріѣзду Азефа въ Парижъ. Явился онъ ко мнѣ въ настроеніи далеко не бодромъ. Причиною тому, по его словамъ, были два обстоятельства:

- 1) Неудовольствіе на департаментъ за арестъ, безъ его предупрежденія, фельдшерицы Исидоровскаго Епархіальнаго училища Ремянниковой, той самой, о которой говорилъ въ своемъ письмѣ А. А. Лопухинъ. Съ этой особой Азефъ находился въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, и, по его словамъ, она ни въ какіе планы террористовъ не была посвящена, а считалась лишь вѣрнымъ человекомъ, и квартира ея служила мѣстомъ свиданія для пріѣзжающихъ нелегальныхъ революціонеровъ. Арестъ ея, по мнѣнію Азефа, представлялся излишнимъ и опаснымъ; излишнимъ потому, что сама собою она ничего не представляла, опаснымъ же вслѣдствіе взятой у нея по обыску нелегальной литературы, только что накануне принесенной къ ней Азефомъ. При этомъ Азефъ горько сѣтовалъ на существующій порядокъ использованія агентурныхъ данныхъ, когда всѣ распоряженія дѣлаются помимо агентуры и безъ ея вѣдома.

2) Второй поводъ неудовольствія былъ серьезнѣе: въ апрѣлѣ 1903 года, какъ извѣстно, разразился въ Кишиневѣ еврейскій погромъ. Еще памятенъ шумъ, который поднялся по этому поводу въ радикальной и революціонной печати; въ дѣляхъ противоправительственной агитаціи были пущены всѣ средства, до подложнаго письма министра внутреннихъ дѣлъ къ Бессарабскому губернатору. Сколь ни странно, что Азефъ, служившій съ 1892 г., и все время находившійся въ сношеніяхъ съ высшими чинами государственной полиціи, могъ повѣрить такому очевидному и нелѣпому вздору, тѣмъ не менѣе это было такъ. Онъ всему повѣрилъ вполне, или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что повѣрилъ. Мнѣ стоило большого труда, чтобы его успокоить и разубѣдить, что никакому правительству на свѣтѣ не можетъ никогда и ни въ какомъ случаѣ быть выгодна смута и бунтъ, откуда бы они ни исходили, и противъ кого бы ни были направлены, ибо стихійная бунтарская сила, которая сегодня якобы служитъ правительственнымъ интересамъ, завтра можетъ превратиться въ опасное орудіе противъ того же правительства.

Оказывается, что еще до отъѣзда изъ Петербурга, Азефъ бесѣдовалъ на ту же тему съ С. В. Зубатовымъ. Послѣдній мнѣ передавалъ, что Азефъ, говоря о погромѣ, трясся отъ ярости, и съ ненавистью говорилъ о В. К. Плеве, котораго считалъ его главнымъ виновникомъ.

Теперь, однако, я склоненъ думать, что и несвоевременный арестъ Ремяниковой, и злоба на правительство за кишиневскій погромъ были не причинами, а слѣдствіями, истинною же причиною было знакомство и сближеніе съ Гершунимъ. Оно сыграло роковую роль въ карьерѣ Азефа, и послужило вѣроятно побудительнымъ толчкомъ къ предательству. Надо помнить, что вѣдь Азефъ до поступленія на службу не былъ революціонеромъ, и весьма возможно, что не отдавая себѣ сразу отчета, исподоволь и постепенно подчинялся вліянію и обаянію личности Гершунимъ. Этотъ человекъ, какъ извѣстно, производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, съ кѣмъ сходилъ. Былъ ли то извѣстный гипнозъ, или результатъ необычайно развитой силы воли, или же воздѣйствіе глубокаго, искренняго убѣжденія,—не знаю, но обаяніе личности Гершунимъ—фактъ несомнѣнный. Мнѣ объ этомъ свидѣтельствовали С. В. Зубатовъ и покойный Н. А. Макаровъ, которымъ приходилось часто съ нимъ видѣться и подолгу бесѣдовать.

Но даже независимо отъ этого вліянія, Азефу въ тотъ моментъ было отъ чего растеряться. Въ маѣ 1903 г., какъ извѣстно, подъ Кіевомъ былъ арестованъ Гершунимъ. Вѣдь, если дѣйствительно Азефъ былъ посвященъ во всѣ террористическіе замыслы Гершунимъ и считался его правою рукою, то за выbytіемъ начальника, онъ самъ становится во главѣ осиротѣвшей боевой организаціи. До сихъ поръ онъ могъ, до извѣстной степени, скрываясь за спиной Гершунимъ, давать полиціи тѣ свѣдѣнія, которыя не грозили его личной безопасности, теперь же всѣ глаза обращены на

него, на него возлагаются всё надежды, и онъ уже не видитъ возможности выдавать своихъ товарищей, не изобличая самого себя. Какъ человѣкъ умный, онъ чувствуетъ и понимаетъ, что въ его положеніи нельзя служить двумъ господамъ, что онъ дошелъ до точки, когда нужно повернуть въ ту или иную сторону, но на это не хватаетъ мужества и рѣшимости. Ему очень хочется продолжать служить и получать большія деньги, но вмѣстѣ съ тѣмъ его угнетаетъ животный страхъ за свою шкуру, если его служба въ полиціи станетъ извѣстною революціонерамъ. Все это ясно для меня лишь теперь, тогда же я просто сталъ замѣчать въ характерѣ Азефа нѣкоторую перемену и какую то несвойственную ему вялость. Прежде онъ самъ шелъ впередъ, а порою нужно было даже его сдерживать, теперь же, наоборотъ, приходилось его подталкивать, и можно сказать, что съ момента его пріѣзда за границу по декабрь 1903 г. онъ не далъ ничего существеннаго, отговариваясь тѣмъ, что не успѣлъ еще оглядѣться, и занятъ упроченіемъ связей.

Поздней осенью Азефъ нѣсколько оживился. Однажды вечеромъ, который остался мнѣ весьма памятенъ, онъ явился ко мнѣ по прежнему бодрый, энергичный и разговорчивый. Сначала, онъ далъ мнѣ нѣсколько весьма интересныхъ и существенныхъ указаній на дѣятельность финляндскихъ революціонеровъ (Кони, Цилиакусъ и др.), а затѣмъ предупредилъ меня, что по слухамъ, идущимъ изъ Россіи, тамъ готовится покушеніе на министра внутреннихъ дѣлъ. Въ отвѣтъ на это, я заявилъ ему, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ департамента полиціи, недавно за границу прибылъ бѣжавшій изъ ссылки Егоръ Сазоновъ, который въ разговорахъ съ близкими людьми высказывалъ твердое намѣреніе убить В. К. Плеве, хотя бы для этого пришлось пожертвовать своей жизнью. На это, не сморгнувъ, Азефъ отвѣчалъ, что съ Егоромъ Сазоновымъ онъ не знакомъ, но что въ Петербургѣ ему случилось встрѣчаться съ его братомъ Изотомъ. Затѣмъ, продолжая разговоръ, онъ высказалъ, что по личнымъ дѣламъ, ему необходимо съѣздить въ Петербургъ, гдѣ попутно онъ попытается выяснить людей, прикосновенныхъ къ замыслу противъ министра, и что для удобства сношеній было бы не худо, если бы и я туда поѣхалъ. По случайному совпаденію, какъ разъ въ это время я получилъ отъ департамента предложеніе прибыть въ Петербургъ для переговоровъ по дѣламъ службы. Въ первыхъ числахъ января 1904 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ недѣлю послѣ меня прибылъ и Азефъ. Тотчасъ по его пріѣздѣ, близкій знакомый Азефа Мендель Виттенбергъ передалъ ему, что въ Петербургѣ нелегально проживаетъ особа, заправляющая наиболѣе конспиративными дѣлами, которая, узнавъ о пріѣздѣ Азефа изъ за границы, желала бы съ нимъ повидаться. Особа эта оказалась извѣстной революціонеркой Серафимой Клитчоглу, а такъ какъ о ея замыслахъ организовать покушеніе на министра внутреннихъ дѣлъ департаментъ зналъ уже ранѣе изъ

другого источника, то возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли Азефу отзываться на ея приглашеніе. Азефъ ставилъ вопросъ такъ, что онъ ничѣмъ съ ней не связанъ, и вполне свободенъ идти къ ней или не идти, но если онъ пойдетъ, то арестъ Клитчоглу долженъ быть во всякомъ случаѣ отложенъ до болѣе удобнаго момента. Обо всемъ этомъ я словесно и письменно (докладъ №№ 26 и 32—04) доложилъ директору департамента, и по сему поводу подъ предсѣдательствомъ А. А. Лопухина было устроено совѣщаніе изъ начальника С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія подполковника Кременецкаго, начальника особаго отдѣла Н. А. Макарова и меня. Большинствомъ голосовъ, къ которымъ присоединился и директоръ, было рѣшено: пускай сотрудникъ идетъ на свиданіе съ Клитчоглу, выяснитъ подробно ея намѣренія и сообщниковъ, арестъ же ея отложить до благопріятнаго момента. Вопреки состоявшемуся соглашенію, по совершенно ничтожному поводу, Клитчоглу черезъ два дня послѣ посѣщенія ея Азефомъ была внезапно арестована, причемъ ликвидація ея и ея группы никакихъ осязательныхъ результатовъ не дала. Я тогда же утверждалъ, а впослѣдствіи всѣ признали, что несвоевременный арестъ Клитчоглу былъ ошибкой, которая къ тому же удручающимъ образомъ подѣйствовала на психологію уже ранѣе колебавшагося Азефа.

Прежде, однако, чѣмъ продолжать разсказъ, я вынужденъ сдѣлать отступленіе, дабы обрисовать то воистину печальное и безотраднѣе состояніе государственной полиціи, на фонѣ котораго и развертываются всѣ послѣдующія событія. Начну снизу, т. е. съ розыскныхъ органовъ департамента—охранныхъ отдѣленій. Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Петербургу. Послѣ внезапной смерти полковника Пирамидова, послѣдовавшей въ іюнѣ 1901 г., С.-Петербургское охранное отдѣленіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ переживало тяжелый періодъ междоусобицы. За это время секретная агентура и наблюдательный составъ, и до того не важные, пришли въ полное неустройство, а дисциплина среди служащихъ окончательно распалась. Достаточно сказать, что одинъ изъ прикомандированныхъ къ отдѣленію жандармскихъ офицеровъ нашелъ возможнымъ въ бесѣдѣ съ лицомъ, завѣдомо политически неблагонадежнымъ, назвать фамилію одного изъ наиболѣе цѣнныхъ и преданныхъ сотрудниковъ департамента, чѣмъ, конечно, лишилъ его возможности оказывать дальнѣйшія услуги. Самое ужасное въ его поступкѣ было то, что сдѣлалъ онъ это не сознательно, не съ умысломъ повредить полиціи или оказать услугу революціи, а по крайнему своему неразумію и распушенности. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что напр., Гершуни, въ то время, какъ департаментъ его искалъ по всей имперіи, какъ иголку, могъ спокойно прожить въ Петербургѣ трое сутокъ, подъ своей фамиліей и по подлинному паспорту, прописанному въ участкѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ отдѣленіе вновь назначенный

въ январѣ 1902 г. начальникъ, переведенный изъ Москвы подполковникъ Сазоновъ, на долю котораго выпала серьезная задача упорядочить наблюдательную службу и обновить секретную агентуру. Въ этотъ періодъ организаціонной работы грянулъ выстрѣлъ Балашева. Подполковникъ Сазоновъ оставался въ этой должности очень недолго и, не успѣвъ сдѣлать ничего для упорядоченія службы, былъ переведенъ въ Тулу, а на его мѣсто въ ноябрѣ 1903 г. назначенъ подполковникъ Кременецкій. Едва успѣлъ онъ вступить въ должность, какъ лишился единственнаго, болѣе или менѣе цѣннаго сотрудника (инженера Горенбергъ), и такимъ образомъ въ тотъ самый моментъ, когда на министра со всѣхъ сторонъ велась правильная облава, С.-Петербургское охранное отдѣленіе оказалось совершенно безоружнымъ.

Въ Москвѣ въ данное время тоже было не совсѣмъ благополучно. Въ сентябрѣ 1902 г. начальникъ отдѣленія, надворный совѣтникъ Зубатовъ и его помощникъ Е. П. Мѣдниковъ были переведены въ Петербургъ и причислены къ департаменту. Часть агентуры перешла къ новому начальнику отдѣленія, часть осталась за Зубатовымъ. Летучій отрядъ наблюдательныхъ агентовъ, о которомъ я говорилъ выше, оказавшій въ свое время столько услугъ, также раскололся надвое, и въ общемъ получилась достаточная безурядица. Москва была ослаблена, а Петербургъ остался все таки не обезпеченнымъ.

Если столица, и въ особенности царская резиденція, были обставлены такъ неудовлетворительно, то чего же можно было ожидать отъ провинціи. Было кое-что въ Кіевѣ у подполковника Спиридовича, въ Харьковѣ у подполковника Герасимова и въ Вильнѣ у ротмистра Климовича, но именно только кое-что, во всякомъ случаѣ нѣчто периферійное, весьма далекое отъ центра, вся же остальная Россія въ розыскомъ смыслѣ представляла собою крупнѣйшій нуль.

За границей дѣло было поставлено также далеко несоотвѣтственно требованіямъ и важности переживаемаго времени. Въ іюлѣ 1902 года совершенно неожиданно ушелъ въ отставку завѣдывавшій заграничной агентурой въ теченіе 20 лѣтъ д. с. с. Рачковскій. Для замѣщенія этой должности выборъ директора остановился на мнѣ, несмотря на то, что я стоялъ во главѣ такой важной отрасли работы департамента, какъ особый отдѣлъ. Насколько въ особомъ отдѣлѣ, въ силу долголѣтней службы и практики, я чувствовалъ себя хозяиномъ дѣла, настолько же, попавъ за границу, оказался новичкомъ. Въ Парижѣ я засталъ наблюдательную часть въ состояніи, не соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ розыска, и полное отсутствіе секретной агентуры. Я не хочу этимъ сказать, что ея не было у моего предшественника, я только удостовѣряю, что не получилъ ни одного сотрудника. Пришлось многое передѣлывать, многое создавать заново, а создавать было некогда, некогда было даже осматрѣться.

Въ центральномъ учрежденіи, т. е. въ департаментѣ полиціи сидѣли тоже все новые люди. Директоръ А. А. Лопухинъ, бывшій прокуроръ Харьковской судебной палаты, былъ назначенъ на эту должность лишь въ маѣ 1902 г. Это былъ человекъ несомнѣнно талантливый, о чемъ свидѣлствуетъ его быстрая карьера по судебному вѣдомству. Съ революціоннымъ движеніемъ онъ тоже былъ знакомъ настолько близко, насколько это можетъ знать прокуроръ палаты. Но естественно, что технику полицейскаго дѣла онъ еще не достаточно зналъ, и ему приходилось во многое вглядываться и изучать, а отъ него свѣше требовали немедленныхъ реформъ.

Политическій вице-директоръ былъ тоже новый, уже второй по счету со времени вступленія Лопухина въ должность. Но всего сильнѣе перемѣны въ личномъ составѣ отразились на важнѣйшей части департамента, т. е. на особомъ отдѣлѣ. Послѣ моего перевода за границу на мое мѣсто былъ назначенъ Ф. С. Зибертъ, который пробылъ въ этой должности всего двѣ недѣли. Его замѣнилъ С. В. Зубатовъ, но въ августѣ 1903 г. онъ былъ отстраненъ отъ должности, и отдѣломъ временно былъ призванъ управлять подполковникъ Сазоновъ, котораго въ ноябрѣ того же года смѣнилъ Н. А. Макаровъ. Это былъ человекъ способный и трудолюбивый, но прежней своей дѣятельностью ничѣмъ не подготовленный къ занятію этой специальной должности, въ особенности въ такое тревожное время. Словомъ всюду, на всѣхъ отвѣтственныхъ постахъ сидѣли новые люди, которымъ приходилось знакомиться съ дѣломъ, присматриваться, когда нужно было дѣйствовать быстро, рѣшительно, навѣрняка.

Восходя по іерархической лѣстницѣ, не могу не коснуться особы самого министра. В. К. Плеве, какъ извѣстно, былъ человекъ испытанной опытности и выдающагося государственнаго ума, но на бѣду онъ не вѣрилъ въ революцію. Онъ лично себѣ, своимъ мѣропріятіямъ приписывалъ разгромъ партіи «Народной Воли», тогда какъ въ дѣйствительности она сама себѣ нанесла смертельный ударъ бессмысленнымъ и злодѣйскимъ царубійствомъ 1 марта 1881 года. В. К. занялъ постъ директора департамента полиціи тотчасъ послѣ 1-го марта и оставилъ его въ 1884 г. Засталъ онъ партію въ состояніи дезорганизациа, и ему пришлось лишь добывать жалкіе ея остатки, чего онъ съ успѣхомъ и достигъ. Съ тѣхъ поръ В. К., хотя и продолжалъ еще долгое время службу по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, но шумъ надвигающейся революціи достигалъ до него лишь въ слабой степени. Вступивъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ 4 апрѣля 1902 г. послѣ трагической кончины Сипягина, В. К. неохотно допускалъ, чтобы за 20 лѣтъ въ характерѣ революціоннаго движенія произошли какія либо существенныя измѣненія. Я повторяю, онъ не вѣрилъ въ революцію, не допускалъ, чтобы она уже успѣла пустить глубокіе корни въ неустойчивой части русскаго общества, рѣзкія же ея

проявленія приписывалъ недостатку энергіи со стороны полиціи и администраціи. Не я приписываю покойному министру такіе взгляды. Онъ самъ, спустя нѣсколько дней послѣ вступленія его въ должность, высказалъ ихъ именно въ этой формѣ корреспонденту «*Matin*», и опубликованіе этого интервью въ свое время надѣлало немало шума. Въ силу такого убѣжденія министра рѣшилъ начать свою дѣятельность съ перемѣнъ въ личномъ составѣ. Онъ смѣнилъ весь высшій персоналъ департамента полиціи и уволилъ въ отставку или перемѣстилъ нѣсколькихъ начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій и губернаторовъ. Окруживъ себя новыми людьми, онъ настоятельно требовалъ, чтобы они безотлагательно приступили къ реформамъ; чего собственно онъ хотѣлъ, онъ самъ хорошенько еще не зналъ, такъ какъ не успѣлъ войти въ курсъ дѣла, лишь въ одномъ онъ былъ твердо убѣжденъ, что все прежнее никуда не годится. Понятно, что при такихъ условіяхъ большинство реформъ носило характеръ отрицательный, т. е. отминаясь все прежнее, иногда весьма полезное, требующее не отмины, а упорядоченія и усовершенствованія, а взамѣнъ упраздненнаго оставалось пустое мѣсто. Таково было положеніе государственной полиціи въ концѣ 1903 и началѣ 1904 г.г. Она походила на армію, которая перевооружается и занимается обученіемъ новобранцевъ подъ огнемъ непріятели.

Прошу вѣрить, что все это я говорю безъ всякой горечи и безъ малѣйшаго къ кому либо недоброжелательства или изъ стремленія на кого-либо свалить отвѣтственность. Напротивъ, себя я считаю не менѣе отвѣтственнымъ, ибо въ то время я ближе другихъ стоялъ къ Азефу. Единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ служить то, что я находился за границей, преступная же его дѣятельность развертывалась въ Россіи, внѣ моего поля зрѣнія. Съ момента моего вступленія въ должность и по день убійства Плеве, Азефъ пробылъ при мнѣ за границей всего 6 мѣсяцевъ.

Но вѣдь мало установить фактъ такого выдающагося предательства. Надо еще задуматься и постараться себѣ уяснить, почему сотрудникъ, притомъ еще не перебѣжчикъ изъ революціоннаго лагеря, болѣе 10 лѣтъ прослужившій вѣрно и ревностно, вдругъ круто повернулъ въ другую сторону, надо знать условія, при которыхъ такая метаморфоза могла совершиться. Вотъ я и пытаюсь съ полной откровенностью и безстрастіемъ дать возможно точное изображеніе того всеобщаго распаденія политической полиціи, которое началось въ апрѣлѣ 1902 г., шло, постепенно усиливаясь, достигло своего апогея лѣтомъ 1905 года, пока въ концѣ того же года ему не былъ положенъ властный предѣлъ. На почвѣ этого распаденія выросла и окрѣпла не только зловѣщая фигура Азефа, но пышнымъ цвѣтомъ распустилась цѣлая плеяда другихъ предателей, а также разныхъ интригановъ, мелкихъ честолюбцевъ, беззащитныхъ карьеристовъ, словомъ, создался весь тотъ хаосъ, съ послѣдствіями котораго департаменту до сихъ поръ приходится считаться. Если ко всему сказанному

прибавить кинематографическую снѣмку министровъ и директоровъ департамента, то получится вполне опредѣленная картина. Впрочемъ, я уже забѣгаю впередъ. Передо мною «дѣло Плеве», и я буду строго держаться въ рамкахъ дѣла Плеве.

Эпизодъ съ арестомъ Китчоглу подѣйствовалъ на Азефа самымъ удручающимъ образомъ. Онъ опять вспомнилъ про неудачный арестъ Ремянниковой и жаловался, что при такихъ условіяхъ становится трудно и опасно работать. Къ этому присоединилась еще другая непріятность: литераторъ радикальнаго лагеря, Николай Рубакинъ, почему-то заподозрѣлъ Азефа въ измѣнѣ и написалъ объ этомъ въ Женеву Мовшѣ Гоцу. Послѣдній увѣдомилъ о томъ Азефа, добавляя впрочемъ, что никакого значенія сему извѣстію не придаетъ. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, обнаружилось весьма тревожное явленіе. Изъ департамента стали пропадать и стали попадать въ руки революціонеровъ разные документы и секретные циркуляры, съ важными розыскными свѣдѣніями, часть коихъ исходила отъ самаго Азефа. Онъ очень этимъ безпокоился и настаивалъ, что въ департаментѣ сидитъ измѣнникъ. Въ этомъ случаѣ опасенія его были небезосновательны. Полученное осенью членомъ С.П.Б. Комитета П. С.-Р. письмо, съ предупрежденіемъ противъ Татарова и Азефа, исходило несомнѣнно изъ нѣдръ особаго отдѣла департамента полиціи.

Этотъ моментъ я считаю окончательнымъ переломомъ въ борьбѣ Азефа; періодъ сомнѣній и колебаній прошелъ, и онъ уже вполне сознательно вступаетъ на путь предательства и преступленій. Конечно, это совершилось не сразу, а постепенно. Нѣкоторое время онъ былъ занятъ разрѣшеніемъ невыполнимой задачи, какъ бы ему уберечь и козла, и капусту, т. е. найти способъ освѣдомленія полиціи, не подвергая себя ни малѣйшему риску, и наконецъ останавливается на такомъ, довольно странномъ планѣ: впредь, не давая никакихъ опредѣленныхъ указаній на замыслы революціонеровъ, онъ будетъ въ удобный, имъ самимъ избранный моментъ, указывать на отдѣльныхъ лицъ, предоставляя затѣмъ наружному наблюденію выслѣдить ихъ преступную дѣятельность. Такимъ образомъ, ликвидація террористовъ, основанная не на агентурныхъ указаніяхъ, а на данныхъ секретнаго наблюденія, совершенно естественно, ни въ комъ не возбудитъ подозрѣнія, онъ же останется совершенно въ сторонѣ. Но Азефъ слишкомъ понадѣялся и на проникательность полиціи, и на свои собственныя силы. Онъ видимо рассчитывалъ, что отъ него зависитъ въ каждый данный моментъ устранить опасность или предупредить покушеніе. Ему самому и его товарищамъ кажется, что онъ руководитъ ими и событіями, тогда какъ на самомъ дѣлѣ товарищи и событія влекутъ его за собою, и онъ катится по наклонной плоскости, не замѣчая и не давая себѣ отчета, что уже не въ силахъ остановить дальѣйшее ихъ развитіе.

То, что я сейчасъ пишу, не есть плодъ болѣе или менѣе хитроумныхъ измышленій, все это основано на фактическихъ

данныхъ, которыя возможно провѣрить и къ изложенію конхъ я и. приступаю.

Судя по разсказу Савинкова, всѣхъ покушеній на В. К. Плеве было пять, а именно: 18 марта, 25 марта, 1 апрѣля, 8 іюля и наконецъ 15 іюля, которое и завершилось кончиной министра.

1) Въ покушеніи 18 марта участвовали слѣдующія лица: Максимилианъ Швейцеръ—заряжалъ снарядъ и передавалъ метальщикамъ; стояли метальщиками: Алексѣй Покотилловъ, съ двумя бомбами на набережной Фонтанки, около дома Штиглица, У., также съ двумя бомбами, ближе къ Невѣ, у Рыбной ул., и Егоръ Сазоновъ, переодѣтый извозчикомъ, съ бомбой подъ фартукомъ пролетки, у подъѣзда департамента полиціи. Сигналистами служили: Иванъ Каляевъ, на Пантелеймоновскомъ мосту и другой извозчикъ Х. съ другой стороны подъѣзда департамента полиціи, ближе къ Пантелеймоновской.

Руководилъ покушеніемъ Борисъ Савинковъ.

2) Покушеніе 25 марта: бомбы готовилъ Покотилловъ. Онъ и У., переодѣтые разносчиками, выходили со снарядами на встрѣчу Плеве по набережной Невы и Фонтанки, къ зданію департамента полиціи. Сазоновъ и У. принимали въ покушеніи лишь косвенное участіе, остальныхъ террористовъ въ Петербургѣ не было.

3) Покушеніе 1 апрѣля не состоялось, ибо наканунѣ ночью, въ Сѣверной гостинницѣ Покотилловъ, изготовляя бомбу, погибъ отъ ея взрыва.

4) Для покушенія 8 іюля готовилъ бомбы Швейцеръ, жившій въ Грандъ-Отелѣ, по паспорту великобританскаго подданнаго Макъ-Кулоха. Метальщиками были: Сазоновъ, одѣтый въ тужурку желѣзнодорожнаго служащаго, Каляевъ, въ фуражкѣ швейцара съ золотымъ галуномъ, У. и Лейба Сикорскій, въ плащахъ морского образца. Извозчиками служили: Егоръ Дулебовъ и Х. Послѣдній стоялъ со своей пролеткой на Обводномъ каналѣ. Руководилъ покушеніемъ Савинковъ.

5) 15 іюля участвовали тѣ же и въ томъ же порядкѣ.

Итакъ, уже въ началѣ февраля 1914 г. всѣ террористы сѣхались, и на мѣстахъ. Приготовленія къ покушенію идутъ усиленнымъ ходомъ.

Вѣрный своему плану, Азефъ почти ежедневно докладываетъ мнѣ, а я въ свою очередь директору, что его посѣщаютъ неизвѣстные ему террористы, которые пріѣзжаютъ изъ-за границы и приходятъ къ нему съ партійнымъ паролемъ: «Дмитрій живъ и здоровъ».

По словамъ Азефа, ни онъ его, ни онъ ихъ лично не знаетъ, но примѣты описывалъ весьма тщательно и подробно. Не припомню сейчасъ всѣхъ лицъ, на которыхъ онъ указывалъ, но мнѣ особенно вѣзались въ память двое: одинъ, съ бритыми усами и такъ называемой американской бородкой, по костюму и типу смахивающій на англичанина, а другой, хотя не полякъ, но говорившій съ польскимъ акцентомъ. Послѣдній, которому Азефъ

придавалъ особенное значеніе, назначалъ ему свиданія въ баняхъ на Кавачьемъ пер. Однажды Азефъ предупредилъ, что этотъ субъектъ назначилъ ему въ этихъ баняхъ свиданіе. Для наблюденія отправился лично Е. П. Мѣдниковъ, знавшій хорошо Азефа по Москвѣ. Азефъ явился въ баню въ назначенный день, очень долго ждалъ, но на свиданіе никто не пришелъ (см. доклады мои 42, 44 и 45—904 г.).

Сопоставляя сообщенныя Азефомъ примѣты съ данными, имѣющимися въ разсказѣ Савинкова, относительно Швейцера и Каляева, нельзя не придти къ заключенію, что Азефъ указывалъ именно на нихъ. Описывая, какъ Азефъ, по конспиративнымъ соображеніямъ, назначалъ обыкновенно свиданія не на частныхъ квартирахъ, а на улицѣ или въ публичныхъ мѣстахъ: въ трактирѣ, въ банѣ, въ театрахъ и т. п., Савинковъ разсказываетъ, что однажды, въ началѣ февраля, Азефъ назначилъ ему для знакомства съ товарищами свиданіе въ маскарадѣ Купеческаго клуба.

«Я видѣлъ, пишетъ Савинковъ, какъ Азефъ вошелъ и поздоровался съ невысокимъ, крѣпкимъ, изъясню одѣтымъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 25. У молодого человѣка были сбриты усы и, по вѣншнему виду, онъ напоминалъ иностранца. Это былъ Швейцеръ, жившій по англійскому паспорту».

Нѣсколько далѣе, давая характеристику Каляева, Савинковъ упоминаетъ, что онъ говорилъ съ легкимъ польскимъ акцентомъ.

Тѣмъ временемъ срокъ моего пребыванія въ Петербургѣ истекаетъ, и въ половинѣ февраля я возвращаюсь къ мѣсту служенія въ Парижъ, Азефъ же остается въ Петербургѣ. Между тѣмъ, время идетъ; за министромъ ведется неусыпное наблюденіе, все повидимому налажено, и «Савинковъ начинаетъ настойчиво предлагать Азефу немедленно приступить къ покушенію». Будучи поставленъ въ затруднительное положеніе, Азефъ придумываетъ разные предлоги, дабы какъ-нибудь отдалить неизбежную развязку: «Онъ возражалъ мнѣ, пишетъ Савинковъ, что свѣдѣній собрано слишкомъ мало, что маршрутъ Плеве въ точности неизвѣстенъ, и что поэтому легко ошибиться». Когда же Савинковъ продолжалъ настаивать, указывая на возможность устроить покушеніе на Фонтанкѣ, у самого дома министра, Азефъ не соглашался. Ему казалось такое выступленіе опаснымъ; у дома Плеве была наиболѣе многочисленная охрана. Былъ собранъ совѣтъ изъ всѣхъ участниковъ заговора, и, когда всѣ высказались за немедленное покушеніе, Азефъ все-таки возражалъ, «призывая къ терпѣнію и осторожности, и опять указывая, что неудача можетъ погубить дѣло». Наконецъ, уступая всеобщей настойчивости, онъ сказалъ: «хорошо, если вы этого такъ хотите, попробуемъ счастья».

Покушеніе назначено на 18 марта. Въ Азефѣ возникаетъ сильная внутренняя борьба. Съ одной стороны онъ чувствуетъ, что прекрасно себя обставилъ, что планъ покушенія таковъ, что террористовъ легко обнаружить и взять на мѣстѣ съ поличнымъ, какъ-бы путемъ наружнаго наблюденія, знаетъ, что если онъ сей-

часть же предупредить о гстоящемся покушеніи, то получить за это крупное вознагражденіе, но страхъ, паническій страхъ за свою жизнь, мѣшаетъ ему сдѣлать прямо, и онъ рѣшается на нѣчто среднее. Онъ идетъ на квартиру къ директору департамента. Разговоръ между ними, какъ мнѣ впослѣдствіи передавалъ Азефъ, касался трехъ пунктовъ: 1) Азефъ просилъ прибавки жалованья. А. А. Лопухинъ, не отказывая ему прямо, откладываетъ рѣшеніе этого вопроса до свиданія со мною; 2) предупреждаетъ, что Хаимъ Левитъ находится въ Орлѣ, и что наступилъ наиболѣе удобный моментъ для взятія его съ полиціею, ибо онъ занятъ писаніемъ проекта россійскихъ революціонныхъ организацій, и наконецъ 3) предупреждаетъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, за А. А. Лопухинымъ слѣдятъ революціонеры по пути изъ его квартиры на Сергіевской, черезъ Пантелеймоновскую и на Фонтанкѣ, у самаго департамента.

Само собой, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, всѣ силы были сосредоточены на министрѣ, никто и не воображалъ выслѣживать директора, и все это цѣликомъ было выдуманно Азефомъ, съ тѣмъ расчетомъ, что вслѣдствіе этого предупрежденія у Пантелеймоновской и на Фонтанкѣ будетъ усилено наблюденіе, которое, по его мнѣнію, должно было обнаружить террористовъ съ полиціею, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ зналъ, большинство изъ нихъ были уже раньше извѣстны филерамъ. Онъ очевидно полагалъ, что наблюденіе такъ же поставлено хорошо, какъ въ его время въ Москвѣ, но въ тѣ дни отъ московскаго наблюденія осталось одно лишь воспоминаніе ¹⁾.

Успокоивъ то, что онъ называлъ своею совѣстью, Азефъ уѣхалъ изъ Петербурга. Покушеніе 18 марта состоялось, но разстроилось, по причинамъ, не зависящимъ ни отъ Азефа, ни отъ полиціи.

Ради фактическаго подтвержденія вышеизложенныхъ данныхъ было бы весьма желательно точно установить, какого именно числа посѣтилъ Азефъ А. А. Лопухина. Къ сожалѣнію, я сейчасъ съ точностью не припомню, знаю лишь твердо, что это было за нѣсколько дней, приблизительно за недѣлю, до 18 марта. Съ точностью можно установить это число по дѣлу особаго отдѣла о Левитѣ, ибо этимъ числомъ помѣчена революція о его арестѣ. Я какъ сейчасъ даже вижу эту революцію, на отдѣльномъ листкѣ почтовой бумаги, а взять былъ Левитъ въ Орлѣ 16 или 17 марта.

Не менѣе интересно было бы справиться въ Особомъ Отдѣлѣ и СІБ. охранномъ отдѣленіи, не было ли въ тотъ же день сдѣлано какихъ-либо распоряженій объ охранѣ особы директора, и для выясненія лицъ, которые его, будто бы, выслѣживали. Быть можетъ, именно вслѣдствіе принятыхъ мѣръ наблюдательные

¹⁾ Очевидно на эту свою выдумку Азефъ и ссылался въ своемъ письмѣ къ Лопухину, когда просилъ его спасти „отъ смерти фляжеской, а его семью отъ смерти нравственной, напоминая, что онъ, Азефъ, спасъ однажды Лопухина, когда разстроилъ заговоръ на его жизнь революціонеровъ, хотѣвшихъ отплатить за арестъ Гершуни“. (Обв. актъ отст. д. с. с. А. А. Лопухина л. д. 82—84).

агенты сосредоточили свое вниманіе на террористѣ, котораго Савинковъ обозначаетъ буквою У. Этотъ террористъ, по диспозиціи, стоялъ 18 марта, съ разрывнымъ снарядомъ на Фонтанкѣ, у Рыночной ул., но замѣтивъ себя окруженнымъ агентами, убѣжалъ, чѣмъ разстроилъ покушеніе.

Прежде, чѣмъ покончить съ неудавшимся покушеніемъ 18 марта, умѣстно сказать здѣсь нѣсколько словъ о личной наружной охранѣ министра, на которую онъ больше всего полагался въ смыслѣ своей безопасности. Подробное описаніе обстановки покушенія 18 марта наглядно доказываетъ, насколько можно полагаться на всякую наружную охрану вообще. Мнѣ кажется, что еще не было случая, чтобы охрана спасла кого-нибудь отъ смерти. На глазахъ этой охраны, такъ сказать, подъ самымъ ея носомъ, у самыхъ оконъ департамента полиціи, министра обкладывали и травили, какъ дикаго звѣря, и хотя бы одному изъ многочисленныхъ охранниковъ бросилось въ глаза, что передъ ними творятся нѣчто неладное. Надо при этомъ еще замѣтить, что всѣ террористы были дебютанты, это было ихъ первое выступленіе и вели они себя достаточно неосторожно.

«Въ воротахъ Лѣтняго сада я увидѣлъ Покотилова, пишетъ Савинковъ. Онъ былъ блѣденъ и быстро направлялся ко мнѣ. Въ карманахъ его шубы ясно обозначались бомбы».

Далѣе онъ продолжаетъ: «Я и до сихъ поръ ничѣмъ не могу объяснить благополучнаго исхода этого перваго нашего покушенія, какъ случайной удачей. Каляевъ настолько бросался въ глаза, настолько напряженная его поза и упорная сосредоточенность всей фигуры выдѣлялась изъ массы, что для меня непонятно, какъ агенты охраны, которыми былъ усыянъ мостъ и набережная Фонтанки, не обратили на него вниманія. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ, что стоялъ въ полной увѣренности, что его арестуютъ, что не могутъ не арестовать человѣка, въ теченіе часа стоящаго противъ дома Плеве и наблюдающаго за его подъѣздомъ».

Послѣ неудавшагося покушенія 18 марта Покотилонъ и Савиновъ выѣхали въ Двинскъ, гдѣ, по уговору, ихъ долженъ былъ ждать Азефъ, котораго они, однако, тамъ не нашли. Произошло это потому, что Азефъ, вопреки обѣщанію, поѣхалъ не въ Двинскъ, а въ Парижъ и явился ко мнѣ совершенно неожиданно, въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля (н. с.), т. е. въ началѣ второй половины марта по старому. Началъ онъ съ того, что ничего интереснаго сообщить мнѣ не имѣетъ, ибо самое важное доложилъ уже директору департамента. При этомъ онъ передалъ мнѣ подробно вышеназложенное содержаніе своего разговора съ Лопухинымъ, а затѣмъ неожиданно въ упоръ предложилъ мнѣ такой вопросъ: «Скажите, Леонидъ Александровичъ, вамъ никогда не приходило въ голову, что могутъ бросить бомбу съ Фонтанки въ окна квартиры министра».

Нѣсколько удивленный такимъ вопросомъ, я отвѣчалъ, что, дѣйствительно, я никогда не задавался такой мыслью, и что, на-

сколько мнѣ извѣстно, мѣры охраны у дома министра настолько строги, что едва ли даже осуществима эта попытка. Онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Дня черезъ два Азефъ вновь явился ко мнѣ и заявилъ, что ему необходимо, къ сожалѣнію, опять ѣхать въ Россію, ибо онъ получилъ извѣстіе, что мать его, живущая во Владикавказѣ, опасно заболѣла. Онъ такъ просилъ и настаивалъ, что, скрѣпя сердце, пришлось его отпустить. При этомъ, однако, я далъ ему нѣсколько порученій, въ томъ числѣ непременно выяснитъ террористовъ, на которыхъ онъ указывалъ въ февралѣ и которые остались неустановленными.

Въ общемъ въ этотъ пріѣздъ Азефъ оставался въ Парижѣ всего нѣсколько дней и, по свидѣтельству Савинкова, 22 марта, т. е. 11 апрѣля новаго стиля, уже былъ въ Россіи и, по дорогѣ изъ Петербурга въ Двинскъ, встрѣтился въ вагонѣ съ Покотиловымъ. Отъ послѣдняго Азефъ узналъ, что Швейцеръ, Каляевъ и Савинковъ отправились въ Кіевъ для организаціи покушенія на ген.-губ. Клейгельса, а что Покотилловъ съ У. пытались 25 марта повторить покушеніе, но неудачно, и что они собираются попытаться счастье еще въ третій разъ, въ ближайшій четвергъ 1 апрѣля. Азефъ остался всѣмъ этимъ очень недоволенъ и пробовалъ отговаривать Покотилова отъ его плана, но Покотилловъ стоялъ на своемъ. Тогда Азефъ поѣхалъ въ Кіевъ разыскивать Швейцера, Каляева и Савинкова.

Я не буду останавливаться на перепискѣ со мною Азефа изъ Россіи, ибо все это имѣется въ подлинной перепискѣ и въ моихъ донесеніяхъ. Кромѣ того нынѣ эта переписка никакого практическаго значенія не имѣетъ, за исключеніемъ одного письма, которое очень характерно и служитъ наиболѣе убѣдительнымъ подтвержденіемъ желанія Азефа толкнуть полицію на террористовъ безъ риска для самого себя.

Послѣ неудачныхъ покушеній 18 и 25 марта и смерти Покотилова, и наканунѣ назначеннаго третьяго покушенія, Савинковъ, подъ видомъ богатаго англичанина, нанялъ квартиру подъ № 1 въ д. № 31, по ул. Жуковского. Съ нимъ проживали: Дора Бриллиантъ, подъ видомъ содержанки, шансонетной пѣвицы, Сазоновъ, подъ видомъ лакея, и старуха N., въ качествѣ кухарки. Савинковъ рассказываетъ, что однажды они замѣтили, что за ихъ домомъ велось усиленное наблюденіе. Сначала это вызвало среди нихъ переполохъ, но затѣмъ все успокоилось, ибо вскорѣ выяснилось, что наблюденіе ведется не за ними, а за проживающимъ въ томъ же домѣ прис. пов. Трандафиловымъ, который жилъ съ ними на одной лѣстницѣ, дверь въ дверь, по черному ходу.

Наблюденіе за Трандафиловымъ велось не по иной причинѣ, какъ на основаніи сообщенія самого Азефа. Письмомъ изъ Петербурга или Москвы (оно находится въ пачкѣ подлинныхъ писемъ Азефа)¹⁾, Азефъ указываетъ на Трандафилова, какъ на лицо,

¹⁾ См. „Былое“, июль, 207.

заслуживающее вниманія. Я, въ свою очередь, немедленно написалъ объ этомъ въ департаментъ, по распоряженію котораго за Трандафиловымъ, вѣроятно, и было установлено наблюденіе. Расчетъ Азефа былъ, вѣроятно, таковъ, что, слѣдя за Трандафиловымъ, наблюденіе наткнется, не можетъ не наткнуться на Сазонова и Савинкова, въ особенности на послѣдняго, вся прежняя дѣятельность котораго протекала въ Петербургѣ.

Это была послѣдняя попытка Азефа косвенно предупредить покушеніе, послѣ чего онъ видимо окончательно махнулъ рукой на все, и предоставилъ событія ихъ нормальному теченію, самъ же посвятилъ всѣ свои усилія установленію своего alibi. 7 іюля, т. е. наканунѣ слѣдующаго неудачнаго покушенія, онъ письмомъ или телеграммой изъ Вильны проситъ выслать ему 100 рублей, а на слѣдующій день послѣ убійства, т. е. 16 іюля посылаетъ мнѣ телеграмму изъ Вѣны. Черезъ два дня онъ пріѣхалъ въ Женеву и до іюля 1905 г. въ Россію не выѣзжалъ.

Я не знаю, достаточно ли убѣдительно мнѣ удалось сгруппировать факты въ подтвержденіе предательства Азефа, но, по крайней мѣрѣ, внутренне я ни минуты не сомнѣваюсь, что весь рассказъ Савинкова о его преступной дѣятельности безусловная истина. Само собой, что ни слова Савинкова, ни мои соображенія не могутъ имѣть документальнаго значенія, но они могутъ пріобрѣсти это значеніе, если будутъ подтверждены оставшимися въ живыхъ участниками преступленія 15 іюля. Бриллиантъ, Дулебовъ, Каляевъ и Швейцеръ не существуютъ, но Сазоновъ и Сикорскій живы. Если, не давая имъ читать рассказа Савинкова, изложить имъ его въ общихъ чертахъ и допросить ихъ, настаивая, преимущественно, на мелкихъ подробностяхъ, то изъ совокупности ихъ сепаративныхъ показаній истина можетъ быть восстановлена во всей ея полнотѣ.

Т. Ратасъ.

Fontainebleau (Seine et Marne)
16/3—IX—10.

Р. С. Въ своемъ рассказѣ Савинковъ называетъ полнымъ именемъ и фамиліями всѣхъ тѣхъ участниковъ въ покушеніяхъ и убійствѣ В. К. Плеве, которыхъ или нѣтъ въ живыхъ, или которые отбываютъ наказаніе, тѣхъ же, которые еще на свободѣ и неавѣстны правительству, онъ обозначаетъ условными буквами. Если сдѣлать сводку всѣхъ данныхъ Савинкова объ этихъ лицахъ, съ добавленіемъ кое-какихъ соображеній, то, быть можетъ, удасться ихъ установить и принять соотвѣтствующія мѣры къ ихъ розыску и задержанію. Хотя меня это уже не касается, но, по старой привычкѣ, я сдѣлалъ эту сводку, полагая, что можетъ она окажется небезполезной для департамента ¹⁾.

¹⁾ Мы опускаемъ эту сводку, въ виду ея полной безполезности въ настоящее время, но, опуская, должны указать, что составлена она мастерски и должна была, послѣ нѣкоторыхъ справокъ, привести къ раскрытію X., Y., Z. и N. Red.

Разоблаченный Азефъ.

1. Письмо Азефа къ полк. Герасимову. — 2. Письмо П. И. Рачковского къ П. П. Гессе.

Въ дополненіе къ напечатаннымъ нами матеріаламъ объ Азефѣ, даемъ два любопытнѣйшихъ документа. Первый документъ—письмо Е. Н. Азефа къ своему послѣднему руководителю А. В. Герасимову, бывшему начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія, въ это время находившемуся въ отставкѣ и состоявшему при департаментѣ полиціи. Письмо писано 11 сентября 1909 послѣ разоблаченія. Второй документъ—письмо П. И. Рачковского къ дворцовому коменданту П. П. Гессе, давнему его благодѣтелю и покровителю. Рачковскій съ давнихъ поръ освѣдомлялъ Гессе о политическихъ дѣлахъ и черезъ него сталъ извѣстенъ Мокарали. Рачковскій касается въ своемъ письмѣ распространенныхъ въ то время слуховъ о его, Рачковского, роли въ убійствѣ. Несмотря на соблазнительную пикантность этой версіи, ее надо отвергнуть по безспорнымъ фактическимъ основаніямъ. Въ письмѣ Рачковского любопытна характеристика В. К. Плеве.

Gotha 11/24 IX 09.

I.

Наконецъ то я получилъ отъ Васъ письмо. Сообщите мнѣ, когда и куда Вы мнѣ писали—чтобы выхлопотать Ваши письма—пропасть они не могутъ, тѣмъ болѣе, что Вы навѣрное отправляли заказнымъ. Я уже написалъ въ Гамбургъ относительно телеграммы Вашей отъ 26 Августа, и я навѣрное получу. Я обыкновенно, уѣзжая, прошу на почтѣ мнѣ письма пересылать—и я всегда получалъ, иногда съ запозданіями. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ, чтобы письма эти завалялись—потому прошу Васъ сообщить мнѣ, когда и куда Вы мнѣ писали—и я выхлопочу ихъ.

Послать то, о чемъ пишете въ Вашемъ письмѣ, можете—до востребованія Gotha (Германія) на извѣстное Вамъ имя и какъ Вы это дѣлали всегда раньше. — Теперь перехожу къ главному или вѣрнѣе ко многому важному. 1) Мнѣ абсолютно нельзя будетъ продолжать свое существованіе подъ своимъ именемъ—жить же нелегально тоже надолго невозможно—поэтому я думаю о перемѣнѣ своей фамиліи. Тутъ мнѣ необходима Ваша помощь. Узнайте, что мнѣ необходимо для этого сдѣлать и можетъ ли это остаться совер-

шенно не опубликованнымъ или тайнымъ, такъ, чтобы объ этомъ не знали. Сколько времени должна продолжаться такая процедура—это, вѣроятно, надо на Высочайшее имя подать. Я надѣюсь—Вы мнѣ подробно объ этомъ напишете.—2) Въ Германіи Берлинскимъ издательствомъ «Vita» выпущена книга обо мнѣ и Гартингѣ и Ко съ моимъ портретомъ. Книга эта полна лжи обо мнѣ, и я изображенъ тамъ чудилищемъ, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что приложенъ мой портретъ — и такимъ образомъ издательство способствуетъ моему убійству. Мнѣ кажется, что это идетъ въ разрѣзъ съ нѣмецкими законами о печати. Узнавать объ этомъ мнѣ по понятнымъ Вамъ причинамъ нельзя. Я прошу Васъ узнать—нельзя ли Вамъ или вообще кому нибудь изъ официальныхъ лицъ узнать—допустима ли по германскимъ законамъ такая книга, и нельзя ли издательство привлечь къ отвѣтственности. 3) Въ этой книгѣ и вообще все, что мнѣ приходилось читать въ заграничныхъ газетахъ обо мнѣ — вездѣ меня соединяють съ Рачковскимъ, и что я былъ его орудіемъ и что когда онъ былъ не въ милости, то я съ нимъ находился въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. Дѣло то въ томъ, что я Рачковского впервые узналъ лѣтомъ 1905 года, когда Ратаевъ меня съ нимъ познакомилъ впервые и видѣлся я съ нимъ тогда раза 3—4 и вѣдь второй разъ съ нимъ встрѣтился только у Васъ, и Вамъ извѣстно, сколько разъ я съ нимъ встрѣчался. Вообще я имѣлъ дѣло только съ Департаментомъ писемъ—съ 1893 до 1899—затѣмъ съ Зубатовымъ, Ратаевымъ, очень немного съ Рачковскимъ въ 1905 и 1906 году и съ Вами. Вотъ эти мои отношенія съ Рачковскимъ слѣдовало бы официально установить такъ, чтобы не было никакихъ недоразумѣній, чтобы общественное мнѣніе этому повѣрило, какъ въ Россіи, такъ и за границей, тогда легко было бы разбить всю ложь обо мнѣ. Какъ это сдѣлать—но такъ, чтобы всѣмъ стало ясно. Если я объ этомъ заявлю въ печати, никто не повѣритъ. Это должно быть сдѣлано официально и документально доказано. Вотъ объ этомъ надо Вамъ подумать.—4) Мнѣ пришлось только урывками читать обо мнѣ въ газетахъ и больше въ иностранныхъ — и вѣдь упомянутая книга на нѣмецкомъ языкѣ—очевидно она вышла и на другихъ языкахъ. Все это не носитъ официального характера. Для того, чтобы ложь опровергнуть удачно, мнѣ хотѣлось прочитать все, что писала обо мнѣ официально партія соц.-рев. Я прошу Васъ выслать мнѣ №№ газеты «Знамя Труда» съ Января этого года, а также обвинительный актъ противъ Лопухина. «Знамя Труда» пошлите въ закрытомъ конвертѣ, но отдѣльно отъ письма и другихъ документовъ. Обвинительный актъ можно послать открыто, какъ печатный матеріалъ. Адресъ тотъ же Gotha.

Надѣюсь, что Вы скоро мнѣ все просимое и обѣщанное пришлете и обо всемъ напишете. Также не забывайте о себѣ писать—почему бросили службу, и какъ идетъ дѣло безъ Васъ, какъ стоитъ Петръ Аркадьевичъ. Вы единственный человѣкъ, съ кѣмъ я разговариваю. Еще просьба (простите за беспокойство), не можете ли

мнѣ сообщить адресъ Ратаева, гдѣ онъ живетъ и подѣ какимъ именемъ. Онъ мнѣ могъ бы помочь за границей, если бы нужно было обратиться къ прессѣ или куда нибудь. Не забывайте Вашего Вамъ преданнаго Петрова.

II.

Ваше Превосходительство,

Петръ Павловичъ!

Въ концѣ минувшаго ноября я получилъ официальное извѣщеніе Департамента Полиціи о Всемилоостивѣше пожалованной мнѣ пенсіи, съ обиднымъ ограниченіемъ, исходящимъ, очевидно, отъ моего бывшаго патрона. Названное сообщеніе было препровождено въ Генеральное Консульство открытымъ для врученія мнѣ, вслѣдствіе чего содержаніе такового сдѣлалось достояніемъ всего Парижа. Въ данномъ случаѣ, какъ оказывается, имѣлось въ виду скомпрометировать меня передъ посольствомъ, русскимъ и французскимъ обществомъ, но, къ сожалѣнію, Лопухинъ достигъ діаметрально противоположнаго результата: всѣ отнеслись ко мнѣ съ полнымъ сочувствіемъ, находя, что я сдѣлался жертвою гнусной интриги, и нравственно пострадалъ за добросовѣстное исполненіе служебнаго долга.

Греческій король, котораго я видѣлъ въ концѣ минувшаго октября, сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Пребывайте въ вѣрности Государю Императору, служите ему вѣрно, по прежнему, независимо отъ условій, въ которыхъ вы нынѣ находитесь. Васъ оклеветали, но пройдетъ нѣкоторое время, и справедливость восторжествуетъ..... Терпите и надѣйтесь; васъ не забудутъ»....

Я, дѣйствительно, вѣрю въ Высшую справедливость, а беззапятная преданность и любовь къ Государю укрѣпляютъ меня въ сознаніи, что истина должна восторжествовать. Его Величество могли обмануть лживые или нравственно больные люди, но Государь слишкомъ высокъ, чтобы въ его сердцѣ не пробудилось чувство состраданія къ человѣку, честно относившемуся къ своему служебному долгу. Однако, впредь до выясненія моего скорбнаго дѣла благоразуміе требуетъ безусловно подчиниться оскорбительному требованію, уѣхать навсегда отсюда, оставить на попеченіе добрыхъ людей горячо любимаго сына и возносить теплыя молитвы Всевышнему о ниспосланіи благъ Вамъ, моему дорогому покровителю, обезпечившему мнѣ матеріальное существованіе, ибо безъ Васъ я никогда не получилъ бы Высочайше пожалованной мнѣ пенсіи.

Вчера я встрѣтилъ случайно Мануйлова, который, со свойственной ему болтливостью, похвастался, что онъ получилъ отъ своего пріятели Мосолова массу интересныхъ новостей, и просилъ меня зайти къ нему, чтобы «почитать его письма». Я зашелъ къ нему сегодня утромъ, прочиталъ нѣсколько писемъ Мосолова, и

до сихъ поръ еще не могу прийти въ себя отъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня этими письмами.

Мосоловъ, какъ извѣстно, находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ Плеве, Велемъ и Мещерскимъ, который, въ свою очередь, будучи въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Витте, является «частнымъ маклеромъ» въ дѣлѣ улаженія разныхъ недоразумѣній между Плеве и Витте. Изъ писемъ Мосолова усматривается, между прочимъ, что Вы назначаетесь въ іюлѣ Кіевскимъ Генералъ-Губернаторомъ вмѣсто «развалившася» генерала Драгомірова, и что, будто бы предстоящее назначеніе, какъ давно желанное, доставитъ Вамъ большое нравственное удовлетвореніе.... Объ этомъ сообщилъ Мосолову письменно г. Юзефовичъ. На Ваше мѣсто Плеве прочтѣ «своего человѣка», генерала Рыдзевскаго, на котораго онъ сильно рассчитываетъ въ будущемъ.... На вопросъ Мещерскаго: «кому это нужно?» Мосоловъ отвѣтилъ: «Плеве». — «Жаль, — возразилъ Мещерскій, — ибо Государь лишится единственнаго преданнаго человѣка, который, безспорно, всегда стремился къ справедливости и точному освѣщенію дѣйствительности, человѣка честнаго и неподкупнаго. Съ уходомъ генерала Гессе Государь ничего не будетъ знать, ибо Ему никто и никогда правды не скажетъ. Было бы большою наивностью предполагать, что Государь узнаетъ правду отъ Плеве.... Вообще, я сильно опасаюсь въ Плеве. Многие факты убѣждаютъ меня, что этотъ человѣкъ стремится къ диктатурѣ, и если его своевременно не оборвутъ, онъ причинитъ много бѣдъ Монархіи и Россіи!... Дѣйствуя, очевидно, по указаніямъ министра, мудрый Валь составилъ при участіи какого-то адвоката, работающаго у него по ночамъ, «необыкновенно дѣльную записку», въ которой крамольный генералъ доказываетъ нессостоятельность «Дворцовой Охраны» и рекомендуетъ реорганизацію названнаго учрежденія въ интересахъ безопасности Государя, но при непремѣнномъ условіи, чтобы Охрана Дворцовъ, временная резиденція въ Россіи и за границей были ввѣрены заботливому и ретивому генералу Валу...

Изъ дальнѣйшаго содержанія писемъ Мосолова усматривается, что г. фонъ-Плеве стремится къ захвату власти, устраняя по пути своему къ достиженію намѣченной цѣли тѣхъ людей, которые, по его мнѣнію, могли бы ему въ этомъ мѣшать. Одной изъ жертвъ намѣчается Зенгеръ. Главная задача Плеве — заручиться безусловнымъ довѣріемъ Государя, въ чемъ онъ уже успѣлъ, будто-бы благодаря высокому покровительству Е. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича. Въ интересахъ огражденія себя отъ всякихъ случайностей, онъ организовалъ шпіонство во Дворцахъ, усиленно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается и говорится въ этихъ послѣднихъ, подвергши спеціальному наблюденію особъ высокопоставленныхъ, а при посредствѣ наемниковъ прославляетъ себя въ столичныхъ салонахъ, гдѣ проповѣдуется, что онъ, Плеве, великій государственный человѣкъ, съ желѣзной волей и характеромъ. Свѣтскія барыни въ восторгѣ отъ его находчивости въ рѣчахъ и

дѣйствіяхъ... Слава его растеть не по днямъ, а по часамъ: не сегодня—завтра Плеве очутится въ роли диктатора всероссійскаго

Боже мой! Куда-же мы идемъ? Между тѣмъ революція и оппозиція не дремлютъ, но объ этомъ до слѣдующаго письма, которое Вамъ вручитъ нашъ общій пріятель, недѣли черезъ двѣ. Я уѣзжаю въ Брюссель, гдѣ поселюсь 3, rue Breudel. Не откажите, Ваше Превосходительство, передать предлагаемый eventail достойнѣйшей Марѣ Николаевнѣ (собственной работы моей жены, которая приноситъ Вамъ свою глубокую благодарность за милостивое вниманіе къ ней). Да хранитъ Васъ Богъ! Вашего Превосходительства преданнѣйшій слуга П. Рачковскій.

29 XII 1902.

О лекціяхъ и кухмистерской М. М. Ковалевскаго.

Введеніе университетскаго устава 1884 г. повело къ усиленной чисткѣ состава профессуры отъ «неблагонадежныхъ» въ политическомъ отношеніи элементовъ, и въ Московскомъ университетѣ однимъ изъ первыхъ профессоровъ, испытанныхъ на себѣ воздѣйствіе этой чистки, былъ М. М. Ковалевскій. Насколько ничтожны въ этомъ случаѣ были основанія для репрессіи, примененной къ Ковалевскому, видно изъ слѣдующаго донесенія московскаго оберъ-полицеймейстера, генералъ-лейтенанта Козлова въ департаментъ полиціи. отъ 16 декабря 1886 г., за № 8975:

«Профессоръ историко-филологическаго факультета императорскаго московскаго университета Ковалевскій, по получаемымъ неоднократно охраннымъ отдѣленіемъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, продолжаетъ въ лекціяхъ своихъ выставлать въ самомъ мрачномъ свѣтѣ существующій государственный порядокъ и глумиться надъ новымъ университетскимъ уставомъ, причемъ всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя фразы Ковалевскаго по отношенію къ существующей администраціи сопровождаются въ большинствѣ случаевъ апплодисментами студентовъ. Такъ, напримеръ, начиная курсъ въ нынѣшнемъ году, Ковалевскій на первой лекціи, бывшей 29 сентября, сравнивая конституцію Англіи съ монархизмомъ Россіи, говорилъ, что Россія страна не праваго суда, что суверенитетъ государя съ символомъ неограниченной власти есть вымыселъ легитимистовъ, не имѣющій ни основаній, ни оправданій въ исторіи нашего народа.

«11 сего декабря на лекціи съ 12 до 2 часовъ Ковалевскій, порицая государственный строй, говорилъ, что этотъ строй не только отличается самодержавіемъ, но что каждый полицейскій чиновникъ можетъ любого изъ подданныхъ арестовать, по подозрѣнію въ социализмѣ и затѣмъ у арестованнаго нужно просить, какъ милости, объ освобожденіи. При чемъ эта лекція была закончена такъ: «сегодня у насъ, господа, репетиція по новому уставу; такъ какъ блюстительницей новыхъ порядковъ въ Университетѣ является инспекція, то попросите ее, чтобы намъ не было темно, т. е. чтобы подали свѣчей».

«Во время репетиціи, начавшейся въ 4 часа, произошелъ слѣдующій случай: студенты обступили кафедру, шумѣли и

кричали; такъ какъ репетиція Ковалевскаго происходила въ актовомъ залѣ, то инспектору Брызгалову доложили педеля, что студенты очень шумятъ. Брызгаловъ, войдя въ залъ, просилъ студентовъ не шумѣть и вести себя чинно, но Ковалевскій, вставъ на кафедрѣ, сказалъ: «Г. инспекторъ, здѣсь произвожу репетицію я». Послѣ этого раздались свистки и шиканье въ сторону инспектора, но послѣдній, подойдя къ кафедрѣ, сказалъ: «Если вамъ профессоръ разрѣшаетъ стоять около кафедры, то держите себя прилично и стойте чинно». Въ отвѣтъ на это послышались опять свистки и шиканье, которые и продолжались вслѣдъ ухודившему инспектору студентовъ. На репетиціи у Ковалевскаго было болѣе ста человѣкъ, и при выходѣ изъ зала они были всѣ переписаны.

Всякій, имѣющій хоть слабое представленіе о М. М. Ковалевскомъ, какъ ученомъ и профессорѣ, пойметъ, насколько наивно упрощено съ извѣстной доносительской тенденціей содержаніе его лекцій; что же касается инцидента съ Брызгаловымъ, то врядъ ли кто сможетъ оправдать безтактное появленіе инспектора въ аудиторіи, въ которой профессоръ занимается со студентами. Однако министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ, которому завѣдующій полиціей, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Оржевскій сообщилъ содержаніе донесенія Ковалова, призналъ этотъ казусъ достаточнымъ основаніемъ къ увольненію Ковалевскаго въ началѣ учебнаго 1887 года.

Но на этомъ счету департамента полиціи съ М. М. Ковалевскимъ не закончились, и въ концѣ того же года почтенное учрежденіе было встревожено курьезнымъ сообщеніемъ о новомъ опасномъ дѣйствіи уволеннаго профессора, о томъ, будто бы онъ «содержитъ въ г. Москвѣ студенческую столовую». Полетѣлъ объ этомъ запросъ московскому оберъ-полицеймейстеру, и 14 января 1888 г. получилось изъ Москвы вполнѣ успокоительное сообщеніе. Оказалось, что «по собраннымъ свѣдѣніямъ, бывшій профессоръ Московскаго университета Ковалевскій пробылъ въ Москвѣ лишь съ 2 по 5 декабря минувшаго года у профессора Петровской академіи Иванюкова, а въ настоящее время находится въ Стокгольмѣ»; что «кухмистерской въ Москвѣ для студентовъ у Ковалевскаго нѣтъ», и что вѣроятно, «принять за Ковалевскаго недавно прибывшій на жительство въ Петровско-Разумовскій участокъ, дворянинъ Михаилъ Дмитріевъ Кваліевъ, занявшій большую квартиру съ цѣлью открыть ебщій столъ, который въ настоящее время имъ и открытъ». Такимъ образомъ въ преступномъ открытіи студенческой кухмистерской М. М. Ковалевскаго пришлось признать неповиннымъ.

В. Я. Яковлевъ-Богучарскій ¹⁾.

(По матеріаламъ Департамента полиціи, Московскаго охраннаго отдѣленія и по личнымъ воспоминаніямъ).

V.

Дѣятельность чернаго кабинета.—Письмо Яковлева къ эмигрантамъ.—Мечта Департамента полиціи заманить въ Россію эмигрантовъ для ареста.—Рачковскій въ роли критика Яковлева.

Параллельно и въ связи съ провокаторской работой Харьковцева-Гуровича долженъ былъ усиливаться наблюдение за Яковлевымъ и чернымъ кабинетъ. Перлюстрація писемъ Я—ва сразу принимаетъ поистиннѣ фантастическіе размѣры: за короткій сравнительно промежутокъ времени въ какихъ нибудь восемь мѣсяцевъ (съ 1-го сентября 1895 г. по 11-е апрѣля 1896 г.) въ департаментскомъ дѣлѣ Я—ва сконцентрирована въ копіяхъ чрезвычайно интересная переписка по наиболѣе жгучему для того историческаго момента вопросу объ оцѣнкѣ дѣйствующихъ на аренѣ русской общественности реальныхъ силъ и выражающихъ эти силы партій. Начало этой переписки даетъ письмо Яковлева, поставившаго отмѣченный вопросъ, отвѣтомъ на который и являются: два большихъ письма П. Л. Лаврова, письма Н. С. Русянова, Рубановича, Александра Дембскаго и др.

Надо оговориться, впрочемъ, что эта цѣнная коллекція писемъ собрана усиліями не одного только чернаго кабинета. Последнему помогали и Гуровичъ, давшій Яковлеву для конспиративной переписки, между прочимъ, и адресъ своей гражданской жены Анны Алексѣевны Воейковой ²⁾.

Въ первыхъ числахъ сентября изъ чернаго кабинета въ Департаментъ полиціи поступило даже не въ копіи, какъ это

¹⁾ См. „Былое“, июль, 1917 г.

²⁾ А. А. Воейкову я увидѣлъ впервые въ концѣ 80-хъ годовъ пр. ст., когда она, въ качествѣ невѣсты, посѣщала сидѣвшаго вмѣстѣ со мной въ Бутырской пересыльной тюрьмѣ присяжнаго повѣреннаго В. К. Оленина. Когда Оленина выслали по царскому повелѣнію въ Восточную Сибирь, она отправилась тоже туда, гдѣ и сошлась съ Гуровичемъ. Между прочимъ, послѣ разоблаченія Гуровича, у Яковлева возникалъ вопросъ, является ли Воейкова его соучастницей, или же она находилась все время въ невѣдѣніи о гнусной роли своего мужа. Воейкова разрѣшила сомнѣнія скоро и просто: она продолжала жить вмѣстѣ съ разоблаченнымъ провокаторомъ-Гуровичемъ, какъ жила до этого съ Гуровичемъ „революціонеромъ“.

В.л. Кр.

дѣлается обычно, а въ подлинникѣ письмо Яковлева (безъ подписи), отправленное имъ 1-го сентября изъ Москвы въ Парижъ, по адресу: М-г Негг, 11, Val de Grâce.

Вотъ это письмо:

«Дорогіе товарищи! Изъ всего, что мнѣ довелось теперь узнать о вашемъ житіѣ-бытіѣ, я пришелъ къ заключенію, что мои письма къ вамъ доходили далеко не всѣ и притомъ, по странной случайности, не доходили, повидимому, наиболѣе содержательныя. Удивляться особенно впрочемъ этому не приходится, если принять во вниманіе, что лишь на дняхъ мнѣ въ первый разъ попался въ руки № 3 вашихъ изданій!!¹⁾ Въ этомъ отношеніи я былъ счастливѣе относительно № № 1, 2 и 4, но 3-го почему-то у насъ совсѣмъ не было. Изъ этого слѣдуетъ, что я только теперь узналъ и объ упрекѣ, адресованномъ вами мнѣ два года тому назадъ. Я объясняю его себѣ только неполученіемъ вами всѣхъ моихъ писемъ, въ которыхъ, правда, я писалъ не то чтобы уже все съ полною откровенностью (на это, какъ вы сами, конечно, понимаете, было много уважительныхъ причинъ); какъ ободряюще должна была дѣйствовать подобная откровенность на тѣхъ, въ руки которыхъ могли попасть и какъ видно попадали такіа письма: не хотѣлось къ тому же и самому вѣрить, чтобы простая мысль о томъ, что Н. В.²⁾ есть синтезъ обихъ російскихъ направленій, т. е. Соц.-Дем.³⁾ и Нрдпр.⁴⁾—не сдѣлалась бы болѣе или менѣе общимъ достояніемъ; были и еще причины, касающіяся уже прямо заботы о поддержаніи бодрости духа въ нѣкоторыхъ изъ васъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ хочется теперь поговорить съ вами въ предѣлахъ возможнаго пооткровеннѣе, и тогда вы, можетъ быть, найдете въ моей винѣ и смягчающія вину обстоятельства. Странная вещь, но даже мнѣ, живущему здѣсь, и постоянно вращающемуся въ извѣстной средѣ, нелегко разобраться въ томъ удивительномъ шатаніи политической мысли, которое служитъ отличительнымъ признакомъ переживаемаго времени.

Года три, четыре тому назадъ соц.-демократическое направленіе не могло даже считаться сколько-нибудь замѣтнымъ явленіемъ русской жизни; теперь оно безусловно господствуетъ: къ нему пристало весьма значительное количество революціонно настроенной молодежи, ему сдѣлала уступки въ своемъ послѣднемъ лпсткѣ группа народолюбцевъ, примѣнительно къ нему помѣняютъ и свою программу сохранившіеся отъ пронесшагося надъ ними урагана народоправцы. Книжка въ родѣ «Критическихъ очерковъ» Струве имѣла весьма значительный успѣхъ, а плѣтый трактатъ по этимъ вопросамъ Бельтова (вы, разумѣется, знаете, кто это: здѣсь это секретъ полишинеля) встрѣченъ съ

1) Помѣтка вице-директора: Сборникъ „Съ родины на родину“.

2) Народная Воля.

3) Соціаль-Демократизмъ.

4) Народоправство.

восторгомъ и разошелся съ необыкновенной быстротой. Этимъ книгамъ предшествовали «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства» Николая—она, ставшіе какъ-то по середкѣ между «русскимъ марксизмомъ» и другими направленіями (что, впрочемъ, не мѣшаетъ быть этой книгѣ полной глубокаго интереса и обнаруживать въ авторѣ недюжинный умъ и выдающуюся ученость), Дементьева «Фабрика» (въ духѣ чисто русскаго марксизма) и нѣкоторые другія. Что-же дѣлалось въ то время въ литературѣ другихъ направленій? Вы читали, разумѣется, жиденькія статьи Михайловскаго, до наивности слабую книжку Кривенко «Культурные скиты» (въ концѣ ея полемика съ марксистами) или В. В. «Наши направленія», и потому сами можете судить о впечатлѣніи, оставшемся отъ всей этой литературной перестрѣлки. Давно дошли до того, что на защиту якобы народничества, а въ сущности для окончательнаго его дискредитированія, выступили господа, въ родѣ Гофштетера, съ критикой книжки Струве, озаглавленной «Доктринеры капитализма», въ которой, въ качествѣ панацеи отъ грядущихъ золъ капитализма, предлагается не болѣе не менѣе (я не шучу, здѣсь шутки неумѣстны), какъ союзъ интеллигенціи съ правительствомъ, полное примиреніе съ нимъ, завоеваніе его довѣрія, служба ему (вѣроятно, въ должности Земскихъ Начальниковъ), служба вѣрой и правдой, и тогда только—заключаетъ авторъ—«союзъ этотъ рѣшить всѣ тревожные вопросы времени». Само правительство созвало очень хорошо такое положеніе вещей, чему доказательствомъ можетъ служить сожженіе (въ буквальномъ смыслѣ слова) второго изданія «Очерковъ нашего пореформеннаго хозяйства» Николая—она, запрещеніе недавно доставленнаго въ цензуру сборника, заключавшаго статьи марксистовъ и т. д. Такія книжки, какъ «Фабрика» Дементьева, теперь уже нельзя достать ни за какую цѣну, о второмъ изданіи и думать нечего. Такимъ образомъ, марксистамъ правительство начинаетъ энергично зажимать рты, и направленіе это, не имѣя возможности защищаться печатно, справедливо жалуется на глумленіе надъ собою при аплодисментахъ господъ Бурениныхъ, со стороны нѣкоторыхъ писателей, а наиболѣе горячія головы изъ нихъ выпускаютъ нелегально свои «отвѣты» г. г. Михайловскому, Южакову и Кривенко, въ которыхъ рекомендуютъ товарищамъ прежде всего «полный разрывъ» (я цитирую буквальное выраженіе) съ этими якобы «друзьями народа и со всѣми представляемыми ими направленіями», горячо приветствуютъ народоправчество, которое, не рядясь въ павлинья перья, прямо рекомендуетъ себя чисто политическою партіею, предлагаютъ ему поддержку (но ни въ какомъ случаѣ не сліяніе, котораго между социалистической и буржуазной, хотя бы радикальной, партіями быть не можетъ и не должно) и т. д. Что вы на все это скажете!? Съ своей стороны, могу лишь сказать, что если уже выбирать между соц.-дем. и нрпр., то, разумѣется, я отношусь съ гораздо большими симпатіями къ первымъ, не .

смотря на то, что кадры ихъ состоятъ преимущественно изъ молодыхъ людей, тогда какъ къ народоправчеству примкнули люди нашего поколѣнія, наши товарищи по борьбѣ и ея послѣдствіямъ, нерѣдко наши друзья... Не могу впрочемъ не подѣлиться и кое-какими впечатлѣніями изъ наблюденій надъ практической дѣятельностью въ рабочей средѣ или, вѣрнѣе, надъ ея послѣдствіями. Рекомендуя рабочимъ избѣгать, какъ огня, всякаго активнаго вмѣшательства въ «политику», т. е. де ягоды такого вмѣшательства пожнутъ, во всякомъ случаѣ, не рабочіе, но сообщая за то, надо отдать имъ справедливость, довольно цѣльное социалистическое міросозерцаніе (въ смыслѣ роли рабочихъ, какъ представителей труда въ его мировой борьбѣ съ капиталомъ) своимъ пациентамъ, пропагандисты съ изумленіемъ видятъ, что уроки ихъ не идутъ впрокъ, и мало-мальски оперившіеся рабочіе относятся далеко не такъ индифферентно къ «политикѣ», какъ это хотѣлось бы ихъ учителямъ, и послѣдніе представляютъ тогда довольно комичное зрѣлище курицы, выведшей утять.

Къ «свѣтлымъ» или къ «темнымъ» явленіямъ русской жизни отнесъ-бы это хотя-бы Кривенко, не знаю... Теперь перейду къ другой сторонѣ дѣла: вы можете мнѣ повѣрить, что я старался быть полезнымъ, по возможности, вашему предпріятію: многое, изъ того, что нашло себѣ мѣсто въ вашихъ изданіяхъ, прямо или косвенно (ваши «случайные» или «неизвѣстные» корреспонденты) было плодомъ моихъ стараній въ этомъ направленіи, хотя выше описанное состояніе умовъ далеко всему этому не благопріятствовало. Когда мнѣ приходилось говорить о необходимости поддерживать ваше дѣло, какъ полезное всѣмъ фракціямъ, съ главарями народоправчества (а къ нимъ ушли многие изъ тѣхъ, на кого, мнѣ казалось, я имѣлъ право на это разсчитывать), то я получилъ отвѣтъ: «да, конечно, но дайте сначала управиться съ нашими мѣстными дѣлами и т. д.»—Къ этому присоединялось въ высшей степени преувеличенное представленіе о размѣрахъ шпіонской организаціи заграницей съ эмигрантами. Затѣмъ пронеслась буря, рушились повже всѣ ихъ замыслы, да и самъ я, не принадлежавшій къ ихъ компаніи, очень долго находился подъ Дамокловымъ мечемъ. Подробнѣе объ этомъ я говорить не могу я, отлагая кое-какія сообщенія до слѣдующаго письма, я думаю все таки, что вамъ падать духомъ не слѣдуетъ, что сама русская жизнь приведетъ къ справедливой оцѣнкѣ вашихъ воззрѣній и торжеству вашего направленія, что на это есть уже симптомы, и что я жду отъ васъ: во-первыхъ, письма лично ко мнѣ, съ изложеніемъ всего того, что вы могли повѣдать мнѣ по всѣмъ этимъ поводамъ, какъ вашему, хотя и «не оправдавшему надеждъ», но все же товарищу, и во-вторыхъ, непремѣнно открытаго письма П. Л. къ русскимъ революціонерамъ (здѣсь оно будетъ издано), съ обращеніемъ за помощью всякими способами вашему предпріятію. Такимъ только способомъ и можетъ состояться тотъ «плебисцитъ» относительно

вашего дѣла, который рѣшить вопросъ о судьбѣ вашего предпріятія. Независимо отъ этого, вы будете получать больше, чѣмъ прежде, но это будетъ зависѣть не отъ моей энергіи (какъ прежде не зависѣло отъ моей халатности), а отъ переменъ настроенія умовъ къ лучшему. Горячо жму Вамъ всѣмъ руки. Пишите по данному вамъ адресу».

На препроводительной бумагѣ, при которой письмо Я. поступило въ Д—тъ, вице-директоръ положилъ резолюцію:

- 1) Сообщить о немедленной отправкѣ письма, просить подобныхъ писемъ не задерживать, а посылать намъ копій.
- 2) Просить обратить вниманіе на ожидаемый отвѣтъ.
- 3) Изготовить двѣ копіи, изъ которыхъ одну послать Рачковскому при запискѣ, содержаніе коей будетъ мною указано, а другую представить мнѣ¹⁾ 5/IX Зв.

Письмо это чрезвычайно характерно для общественно-политическихъ настроеній Я-ва данного періода, когда онъ въ нерѣшительности колебался между теченіями «Народной Воли», «Народнаго Права» и социаль-демократіи. Съ «Народной Волей» Я-ва тѣсно связывали его политическое воспитаніе, традиціи революціонныхъ кружковъ, среди которыхъ онъ нѣкогда вращался, и къ которымъ вплотную примыкалъ, и, наконецъ, годы сибирской ссылки. Къ «Народному Праву» влекли его, съ одной стороны, жажда живой политической работы, въ привычной для него социальной средѣ, а съ другой—старая личная связи со многими изъ тѣхъ народовольцевъ, которые уже «временно» перекочевали въ народоправство, чтобы вовлечь либеральные слои русскаго общества въ планомерную и организованную революціонную работу. Наконецъ, къ молодой русской социаль-демократіи, бурнымъ потокомъ вливавшейся въ застоявшуюся гладь русской жизни, опредѣленно склоняются въ эту пору его симпатіи. Покуда еще онъ преодолеваетъ эти симпатіи, ищетъ «синтеза». Но близится время, когда, поборовъ сомнѣнія, Я. станетъ однимъ изъ страстныхъ адептовъ русскаго марксизма.

На теоретической оцѣнкѣ, сдѣланной въ письмѣ Я-ва всѣмъ этимъ тремъ общественно-политическимъ лпніямъ, я останавливаться не буду. Теперь, заднимъ числомъ, нетрудно, разумѣется, отмѣтить слабыя мѣста позиціи, которую Я. отстаивалъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Но сейчасъ заниматься этимъ было бы тѣмъ болѣе неумѣстно, что,—какъ только что сказано,—самъ же авторъ письма скоро сталъ на иную точку зрѣнія по данному вопросу.

Что же касается отвѣтныхъ писемъ, въ которыхъ наши эмигранты пытались, каждый по своему, освѣтить затронутую Я-вымъ тему, то о нихъ, чтобы не нарушать біографическаго характера настоящей статьи, мы скажемъ въ слѣдующій разъ. Теперь же я считаю необходимымъ остановиться только на письмѣ агента

¹⁾ На самомъ дѣлѣ была еще и третья копія, посланная въ Москву А. А. Власовскому.

заграничнаго сыска Рачковскаго, который даетъ къ письму Я-ва своеобразный, не безъ полицейской ядовитости составленный комментарий. Письмо Рачковскаго адресовано С. Э. Зволянскому, замѣнившему теперь по должности бывшаго директора департамента полиціи Петрова.

«Милостивый Государь

Сергѣй Эрастовичъ!

Въ отвѣтъ на письмо Вашего Превосходительства отъ 24 минувшаго августа, имѣю честь донести, что свѣдѣнія упомянутого въ немъ лица относительно положенія дѣлъ въ эмиграціи оказываются вполнѣ добросовѣстными, но требуютъ нѣсколькихъ поправокъ, оговорокъ и дополненій. Последнее будетъ вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, что молодой человѣкъ¹⁾ имѣлъ рекомендаціи и видѣлся, главнымъ образомъ, только съ тѣми эмигрантами, которые въ последнее время не принимаютъ прямого участія въ дѣятельности активныхъ эмигрантскихъ кружковъ и совершенно покинуты ими. Такъ, напримѣръ, Марина Ошанина, вопреки сообщителю, ни съ кѣмъ не видится у себя исключительно лишь по той причинѣ, что ее никто не посѣщаетъ для переговоровъ по революціоннымъ дѣламъ, и особенно большіе люди²⁾, которые точно также относятся къ Лаврову, Русанову и другимъ старо-народовольцамъ этой группы, въ виду проявленнаго съ ея стороны упорства въ отстаиваніи только своей авторитетности, узкаго педантизма и нежеланія считаться съ потребностями времени, при вновь возникшихъ революціонныхъ теченіяхъ. Отчужденность парижскихъ старо-народовольцевъ отъ активной эмиграціи сказалось особенно послѣ личныхъ распрій Лаврова съ Лазаревымъ въ минувшемъ году (о чемъ мною было своевременно донесено), и съ той поры лишь усилилась. При своей-же побѣдѣ въ Лондонѣ нашъ сотрудникъ могъ, къ сожалѣнію, видѣться только съ Гринбергомъ, который не играетъ выдающейся роли въ «лондонской группѣ», не посвященъ въ ея секреты и состоитъ при ней исключительно для охраны типографіи «Фонда» отъ предполагаемыхъ покушеній на разгромъ ея со стороны заграничной полиціи. Означенныя обстоятельства помѣшали наблюдателю ознакомиться съ главными революціонными теченіями за границей и дали возможность сосредоточиться лишь на собраніи фактовъ второстепеннаго значенія. Изъ послѣднихъ, напримѣръ, извѣстіе, что газета «Русскій Рабочій» переносится для изданія въ Женеву неточно, т. е. редакція этой газеты по прежнему остается въ Лондонѣ, но только печатаніе ея происходитъ въ Женевѣ по соображеніямъ экономіи, т. е. сравнительной дешевизны женевскихъ наборщиковъ, а также потому, что

¹⁾ «Молодой человѣкъ» это и есть Харьковцевъ-Гуровичъ, что подтверждается надписью, сдѣланной на письмѣ Рачковскаго въ Д-тѣ полиціи: «По повѣдѣ Харьковцева». *Вл. Кр.*

²⁾ Въ подлинникѣ подчеркнуто. *Вл. Кр.*

Лондонская типографія завалена собственной работой. Въ словѣ «мармеладъ», о присылкѣ котораго Опанина просила Яковлева, слѣдуетъ, по всѣмъ признакамъ, видѣть не конспиративный терминъ, а простой бакалейный продуктъ, желательный ей, какъ лакомствъ. Опроверженіе на книгу Бельтова (Плеханова) уже написано не старо-народовольцами въ Парижѣ, а Черкезовымъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на литературу, на исторію», и набирается въ типографіи Фонда. По части связей, которыя имѣются будто-бы у Маслова-Стоковы съ русскими литераторами, мнѣ, дѣйствительно, извѣстно о сношеніяхъ его съ редакціей «Волжскаго Листка» въ Казани.

Что-же касается поѣздки въ Россію Рубановича, то послѣдняя представляется весьма желательной, и именно, какъ Ваше Превосходительство изволите предполагать, для выясненія лицъ, съ которыми онъ вступитъ въ сношенія ради установленія связей по адресамъ Лаврова. Сожительница его Марина Опанина, благодаря своему исключительному прошлому, дѣйствительно, могла-бы, по пріѣздѣ въ Россію, очутиться послѣдовательно въ выдающейся роли среди народовольцевъ прежняго времени, а затѣмъ подвергнуться аресту вмѣстѣ со своими единомышленниками. Такимъ образомъ, какъ я смѣю думать, слѣдовало-бы сдѣлать попытку для завлеченія въ Россію сперва Рубановича¹⁾, а затѣмъ и Опаниной, хотя на поправленіе здоровья ея имѣется мало шансовъ.

Переходя затѣмъ къ сообщенному мнѣ въ предписаніи Его Превосходительства, Господина Директора Департамента Полиціи, отъ 7-го текущаго сентября, № 7189, письму изъ Москвы отъ 1-го сентября²⁾, осмѣливаюсь замѣтить, что авторъ его, очевидно, не знаетъ о существующихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ политической жизни эмиграціи, и исходитъ только изъ тѣхъ фактовъ, которые имѣли мѣсто года три тому назадъ. Старо-народовольческая группа въ Парижѣ, къ которой онъ обращается, совершенно ослабла за это время, какъ сказано выше, и, въ настоящихъ условіяхъ, не имѣетъ ни средствъ, ни силъ, чтобы приняться за какое либо серьезное предпріятіе, особенно при отрицательномъ отношеніи къ ней остальной эмиграціи. Поэтому названное письмо является нѣкотораго рода анахронизмомъ, а кажущаяся ему простою «мысль о томъ, что «народная Воля» есть синтезъ³⁾ обоихъ російскихъ направленій, т. е. социаль-демократіи и народничества» не рекомендуетъ въ авторѣ революціонера, понимающаго взаимныя партійныя отношенія своей среды.

¹⁾ Подчеркнутая фраза отмѣчена синимъ карандашомъ въ Департаментѣ полиціи: очевидно, предательская мысль о завлеченіи Рубановича въ Россію встрѣчена здѣсь съ полнымъ сочувствіемъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о приведенномъ выше письмѣ В. Я. Яковлева. *Вл. Кр.*

³⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ. *Вл. Кр.*

Самъ онъ утверждаетъ далѣе, что социаль-демократы, будто-бы «предлагали народовольцамъ¹⁾ поддержку, но ни въ какомъ случаѣ не сліяніе, котораго между социалистической и буржуазной, хотя-бы радикальной, партіями быть не можетъ и не должно». Опытъ, дѣйствительно, показываетъ, что всѣ попытки къ сліянію въ названномъ смыслѣ подѣ какимъ бы то ни было знаменемъ кончались не только неудачно, но, напротивъ, возникновеніемъ новыхъ и гораздо болѣе сложныхъ междоусобицъ. Употребляя такимъ образомъ въ отношеніи «Народной Воли» терминъ «синтеза» лишь для краснаго слова, Московскій революціонеръ едва-ли можетъ рассчитывать на пробужденіе къ себѣ новыхъ симпатій со стороны Лаврова, уже сильно и безъ того поколебавшихся, какъ явствуетъ, между прочимъ, изъ свѣдѣній командированнаго имъ за границу нашего сотрудника. Впадая затѣмъ въ дальнѣйшія противорѣчія, авторъ письма сперва утверждаетъ, что социаль-демократическое направленіе теперь безусловно господствуетъ²⁾, что къ нему примыкаютъ и народовольцы, а затѣмъ сожалеетъ, что кадры социаль-демократовъ «состоятъ преимущественно изъ молодыхъ людей, тогда какъ къ народоправству примкнули люди его (старо-народовольческаго) поколѣнія, его товарищи по борьбѣ и ея послѣдствіямъ, нерѣдко друзья его лагеря». Наконецъ, проектируемый имъ «плебисцитъ» для поддержки предпріятій старо-народовольцевъ въ Парижѣ кажется мнѣ совершенно неосуществимымъ, благодаря обособленной конспиративной жизни революціонеровъ, и можетъ при ихъ чрезвычайной подозрительности породить только подозрѣніе относительно дѣйствительныхъ намѣреній автора. Вообще, насколько я могу судить изъ Московскаго документа, въ авторѣ происходитъ такое-же «удивительное шатаніе политической мысли», о которомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ письмѣ. Изложивши, по требованію Вашего Превосходительства, свое заключеніе относительно сношеній Яковлева съ парижскими старо-народовольцами и независимо отъ моихъ предыдущихъ донесеній (гдѣ въ доступной мнѣ подробности изображено положеніе эмиграціи), осмѣливаюсь думать, что время, переживаемое Россіей, исполнено крайней неопредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ многочисленныхъ элементовъ, враждебныхъ существующему политическому строю. Послѣднее обстоятельство представляетъ, по моему разумѣнію, какъ нельзя болѣе благоприятный моментъ для организаціи правильныхъ агентурныхъ силъ, которыя, сообразно представившимся условіямъ, могли бы систематически и съ полнымъ вѣроятіемъ на успѣхъ подавлять революціонные проiski, во всякомъ случаѣ, не допускать ихъ развиваться до крайнихъ предѣловъ.

¹⁾ Въ письмѣ Яковлева рѣчь шла въ данномъ случаѣ о народопривацахъ. Очевидно, ихъ же разумѣетъ здѣсь и Рачковскій, сдѣлавъ простую опіску.

Вл. Кр.

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ. *Вл. Кр.*

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и безпредѣльной преданности. Вашего Пр-ва покорнѣйшій слуга П. Рачковскій.

28 сентября
10 октября 1895 г. Парижъ.

Надпись С. Э. Зволянскаго:

«Соображенія весьма вѣскія и не мѣшало бы ознакомить съ ними въ общихъ чертахъ Лебедева (частнымъ письмомъ Г. К., не указывая источника)».

VI.

Бракъ Яковлева.—О „весьма желательномъ“ присутствіи его во время коронаціи въ Москвѣ.—Новыя донесенія „Харьковцева“.—Юморъ провокатора.—ПЕРЕЪЗДЪ Я-ва въ Смоленскъ.—„Очаровательно“ невѣдѣніе полиціи.—Разрѣшеніе жительства въ обѣихъ столицахъ.—Возвращеніе въ Воронежъ.

18 октября 1895 г. въ личной жизни Я-ва произошло событіе: онъ женился. Взрослый ребенокъ, совершенно безпомощный въ практическихъ вопросахъ жизни, онъ приобрѣлъ, въ лицѣ Эмили Венциславовны Покорни, отнынѣ Яковлевой, надежную спутницу, не оставлявшую его своими женственными заботами до послѣдняго дня его жизни. Эмили Венциславовна до замужества въ теченіе десяти лѣтъ прожила въ Воронежѣ и занималась педагогической дѣятельностью, въ частности — преподаваніемъ англійскаго языка. Бракъ Я-ва для воронежской колоніи былъ совершенной неожиданностью: мы остряли надъ нимъ, что и здѣсь онъ не измѣнилъ своимъ конспираторскимъ и заговорщицкимъ привычкамъ. Впрочемъ, наши дамы были по этому поводу иного мнѣнія, и старались увѣрить насъ *post factum*, что все это онъ давно предвидѣли и даже знали. Во всякомъ случаѣ Э. В. Покорни, до замужества, вела въ Воронежѣ жизнь трудовую и замкнутую, такъ что, когда московскій оберъ-полицеймейстеръ торжественно, чуть что не съ поздравленіемъ по случаю состоявшагося бракосочетанія, донесъ объ этомъ Д-ту полиціи, то послѣдній не могъ найти въ своемъ архивѣ ни одной «справки» о ней. Это не помѣшало, впрочемъ, Д-ту полиціи самымъ категорическимъ образомъ отказать Э. В. въ выдачѣ ей свидѣтельства о благонадежности для продолженія педагогической дѣятельности, послѣ замужества, въ Москвѣ.

Между тѣмъ, близился къ концу вторичный шестимѣсячный срокъ разрѣшеннаго Я-ву пребыванія въ Москвѣ. Шли разговоры и о предстоящей въ слѣдующемъ году коронаціи бывшаго царя Николая Александровича, причемъ Я., зная о практикующихся въ этихъ случаяхъ массовыхъ расправахъ съ «политическими», не могъ, конечно, и думать о проживаніи во время коронаціи въ Москвѣ. Обдумывая выходъ изъ создававшагося положенія, онъ обратился въ Департаментъ полиціи 27 ноября, съ прошеніемъ, въ которомъ снова и снова просилъ о разрѣшеніи ему свободного

постояннаго проживанія въ обѣихъ столицахъ. «Если же,—предлагалъ онъ Д-ту,—въ виду предстоящей коронаціи въ Москвѣ, мое пребываніе здѣсь, какъ бывшаго поднадзорнаго, признается неудобнымъ, то покорнѣйше прошу разрѣшить мнѣ или проживаніе въ Петербургѣ или дозволить мнѣ проживаніе въ обѣихъ столицахъ послѣ коронаціи ¹⁾, на время которой я въ такомъ случаѣ обязуюсь выѣхать куда либо въ провинцію».

Когда это прошеніе поступило въ Департаментъ, послѣдній положилъ на немъ резолюцію, поражающую своею неожиданностью, а именно: «Сообщить оберъ-полицеймейстеру существо ходатайства Яковлева, съ заключеніемъ, что пребываніе Яковлева въ Москвѣ во время коронаціи представляется, по мнѣнію Департамента, весьма желательнымъ».

Представьте себѣ, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ не о Яковлевѣ-Богучарскомъ, а о какомъ нибудь рядовомъ незамѣтномъ партійномъ работникѣ NN, въ дѣлѣ котораго никакихъ иныхъ документовъ, кромѣ аналогичной резолюціи Департамента полиціи, не имѣется. Представьте себѣ, что эта загадочная полицейская резолюція тогда же какими нибудь судьбами попала въ руки партійныхъ товарищей NN. «Присутствіе NN въ Москвѣ во время коронаціи весьма желательно». Желательно, да еще и весьма, тогда какъ товарищи NN безжалостно отрываются отъ семьи, отъ работы, отъ службы и высылаются изъ Москвы, а то и просто заточаются въ тюрьмы!! Почему онъ сталъ любъ полиціи? и какія именно услуги дѣлу коронаціи ожидаются отъ него? Боюсь, что эти и подобные имъ вопросы настойчиво встали бы передъ товарищами NN и сдѣлали бы дальнѣйшую судьбу послѣдняго, если не прямо обвиняемаго, то подозрѣваемаго окружающими, несносной, а, можетъ быть, даже трагичной. Въ исторіи нашего революціоннаго движенія такіе несчастные эпизоды встрѣчались и повторялись.

Но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ NN, а съ Яковлевымъ-Богучарскимъ, за спиною котораго разыгрывалась, какъ мы знаемъ, настоящая провокаторская вакханалія. Конечно, Департаменту полиціи было «весьма желательно», чтобы Я. во время коронаціи оставался въ Москвѣ. При обширныхъ связяхъ Я-ва, Гуровичъ-Харьковцевъ имѣлъ бы возможность въ такомъ случаѣ держать полицію въ курсѣ тѣхъ событій, настроеній и отношеній, которыя, при иныхъ условіяхъ, могли бы ускользнуть отъ нея.

Вотъ и въ данномъ случаѣ передъ нами удивительно счастливое для Департамента и едва ли случайное совпаденіе: какъ разъ именно въ день поступленія въ Д-тъ прошенія Я-ва, — 29 ноября, — прибылъ въ Петербургъ «по личнымъ дѣламъ» и «сотрудникъ Харьковцевъ». Разумѣется, онъ имѣлъ въ Департаментѣ бесѣду о Яковлевѣ, и результаты этой бесѣды увѣковѣчены въ

¹⁾ Подчеркнуто Яковлевымъ.

архивъ Д-та дѣлопроизводителемъ Семякинымъ на двухъ отдѣльныхъ листкахъ.

Въ первомъ листѣ сказано, что на дняхъ «Харьковцевъ» встрѣтился у Яковлева съ Варварой Натансонъ, пришедшей туда вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Орла Николаемъ Цвилленевымъ. Цвилленевъ разсказалъ, что онъ командированъ Орловскимъ земствомъ въ нѣкоторыя мѣстности, съ цѣлью условиться съ земствами о томъ, чтобы во всѣхъ земскихъ адресахъ и петиціяхъ (вѣроятно, по поводу коронаціи) совершенно единообразно выражались нѣкоторыя пожеланія Конституціонно-либеральнаго характера, и чтобы такимъ образомъ Правительство было поставлено лицомъ къ лицу съ одинаковыми требованіями «всей земли». Орловское земство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими земствами, рѣшили привести эту мысль въ исполненіе, и съ этою цѣлью разослали по всей Россіи своихъ делегатовъ, чтобы сговориться съ наиболѣе вліятельными земцами другихъ губерній. Въ числѣ лицъ, къ которымъ направляется Цвилленевъ, онъ называлъ Воронежскаго Предсѣдателя Земской Управы Кулебякинъ (Колюбакина) и Саратовскаго земскаго врача Ченыхаева.

Въ итогъ этого сообщенія Харьковцева, въ Саратовъ и Воронежъ были посланы начальникомъ жандармскихъ управленій телеграммы, съ приказами «тщательно наблюдать» и «доносить».

Второй листокъ, заполненный Семякинымъ «по словесному сообщенію Харьковцева», любопытенъ той развязно-наглою ироніей, которую оперившійся провокаторъ позволяетъ себѣ теперь по отношенію къ своему довѣрчивому «клиенту».

«По отношенію къ Воронежу — читаемъ мы здѣсь — можно только изумляться разсказамъ Яковлева. По его словамъ, на его «субботахъ» собиралось до 100 человѣкъ, людей самыхъ различныхъ калиберныхъ. Рядомъ съ «радикалами» бывали мѣстные земцы, чиновники, дочери и жены видныхъ мѣстныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ и т. п. Читались рефераты, произносились сужденія, болѣе чѣмъ либеральныя. Губернаторъ говорилъ, что онъ это знаетъ, но что, если бы ему пришлось высылать вредные элементы, то ему пришлось бы выслать представителей высшаго мѣстнаго общества, посѣщавшихъ эти сборища. Однимъ словомъ, анархія полная.

«Въ настоящее время Яковлевъ не приступаетъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Съ народовольческой типографіей онъ медлитъ войти въ сношенія, пока у него нѣтъ готоваго матеріала или плана, который имъ предложить, а «съ пустыми руками соваться не годится»...

У меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что иронія, пущенная Гуровичемъ-Харьковцевымъ въ первую половину этого «сообщенія», имѣетъ спеціальною цѣлью смягчить и ослабить впечатлѣніе, которое должна была произвести на Д-тъ полиціи его вторая половина.

Мы помнимъ, сколько шума и треска произвелъ въ Д-тѣ

доносъ Гуровича о томъ, что Яковлевъ въ ближайшее же время намѣревается войти въ сношенія съ скрывающейся гдѣ-то въ Россіи таинственной народовольческой типографіей. Признать теперь, что весь этотъ доносъ былъ пухомъ, раздутымъ имъ, Харьковцевымъ-Гуровичемъ, никакъ нельзя. Напротивъ, онъ и сейчасъ убѣждаетъ Семякина, что типографія существуетъ, и даже «за последнее время она выпустила много изданій, которыхъ въ обращеніи ея провинціи очень много». Но... но—вносить онъ въ свое оправданіе приведенную выше ироническую оговорку—ее надо еще хорошенько поискать, потому что вы сами видите, г. всесильный начальникъ, до какой степени склоненъ мой кліентъ преувеличивать значеніе своихъ общественныхъ отношеній и связей.

А, между тѣмъ, — могу засвидѣтельствовать, — что даже въ первой иронической половинѣ «сообщенія Харьковцева» нѣтъ преувеличенія, если не считать, конечно, придуманной имъ самимъ мѣстности маленькой квартирки Яковлева «до 100 человекъ». У Я. въ это время въ Воронежѣ были обширныя и разнообразныя связи, начиная съ административно-высланныхъ сюда рабочихъ, и кончая милѣйшимъ и симпатичѣйшимъ «статскимъ генераломъ» Г. С. Вашковичемъ, которому не однажды, по должности старшаго въ городѣ чиновника (онъ былъ управляющимъ казенной палаты), приходилось, въ отсутствіе губернатора и вице-губернатора, временно «править губерніей». Не знаю, что думалъ и говорилъ о «болѣе, чѣмъ либеральныхъ» настроеніяхъ мѣстнаго общества губернаторъ, но что касается упоминавшагося уже мною жандармскаго полковника Халтулари, то въ городѣ опредѣленно говорили о его сенсационномъ доносѣ, въ которомъ онъ зачислилъ въ неблагонадежные чуть ли не все мѣстное культурное общество въ алфавитномъ порядкѣ.

Помню, что въ это приблизительно время я долженъ былъ «нелегальнымъ образомъ» сѣздить въ Департаментъ полиціи, чтобы добиться утвержденія на земской службѣ. По возвращеніи изъ Петербурга я встрѣтился на улицѣ съ Халтулари. И такъ какъ, послѣ произведеннаго у меня обыска, онъ, очевидно, считалъ меня личнымъ своимъ знакомымъ, то, остановивъ меня, сталъ разспрашивать:—не видѣлся ли я съ г. директоромъ Д-та, и не говорилъ ли послѣдній чего нибудь о немъ, Халтулари?

Само собою разумѣется, что никакихъ частныхъ бесѣдъ ни о Кавальери, ни о Халтулари Зволянскій со мной не велъ. Но, вспомнивъ городскіе слухи о сенсационномъ доносѣ Халтулари, я отвѣтилъ ему утвердительно. При этомъ я даже картинно показавъ ему, какъ смѣялся Зволянскій, рассказывая, что въ Воронежѣ, по доносамъ мѣстныхъ жандармовъ, окончательно вывѣтрился и исчезъ съ лица земли благонадежный обыватель. По смущенному вниманію, съ какимъ слушалъ Халтулари мой рассказъ, я понялъ, что легенда о сенсационномъ доносѣ его родилась не безъ достаточныхъ основаній.

Возвратимся, однако, къ Яковлеву и къ вопросу о его «весьма

желательномъ» присутствіи въ Москвѣ на коронаціонныхъ торжествахъ. Вопросъ этотъ требовалъ отъ Д-та полиціи нѣкоторой дипломатичности, потому что, по признанію самого Д-та, «касаться этихъ (т. е. агентурныхъ. *Вл. Кр.*) соображеній въ официальномъ запросѣ м-ра внутр. дѣлъ къ Его Императорскому Высочеству неудобно». Поэтому Д-тъ поручилъ Власовскому втолковать предварительно «эти соображенія» московскому генералъ-губернатору, чтобы затѣмъ уже перейти на путь лживой канцелярской переписки.

Но тутъ явились препятствія, Д-томъ не предусмотрѣнные, а, между тѣмъ, провалившія всю его хитро налаженную механику.

Дѣло въ томъ, что Яковлевъ, не подозрѣвая, разумѣется, о вѣдущихся на его счетъ въ Д-тѣ разговорахъ и перепискѣ, и не ожидая благопріятнаго отвѣта на свое прошеніе, готовился къ отъѣзду изъ Москвы. Кстати же въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» онъ случайно наткнулся на объявленіе, которымъ «Смоленскій Вѣстникъ» приглашалъ къ себѣ на службу секретаря редакціи. Я. снесся съ газетой и, принявъ предлагавшееся мѣсто, выѣхалъ изъ Москвы.

Власовскій и Д-тъ полиціи нѣкоторое время были въ недоумѣніи, какъ же быть теперь: беспокоить или не беспокоить великаго князя агентурными соображеніями? Рѣшили: не беспокоить. Д-тъ собственною властью представилъ Я-ву право жить въ Москвѣ до 1-го апрѣля, вопросъ же о постоянномъ жительствѣ въ Москвѣ отложили до августа.

Впрочемъ, даже и это рѣшеніе Д-та не дошло до Яковлева, потому что смоленскій полицеймейстеръ, на котораго возложена была эта миссія, донесъ, что отставного поручика Василія Яковлева, по розыску, въ Смоленскѣ на жительствѣ не оказалось.

«Это очаровательно!» — подписалъ на рапортѣ Зволянскій, послѣ чего смоленскому полицеймейстеру посланъ былъ изъ Петербурга точный смоленскій адресъ Я-ва, вмѣстѣ съ выговоромъ за «неосновательность» его донесеній.

Съ отъѣздомъ изъ Москвы Яковлевъ на нѣкоторое время исчезъ изъ сферы прямого и черезъ-чуръ пристальнаго наблюденія за нимъ Харьковцева-Гуровича. Это обстоятельство существеннымъ образомъ отразилось на его департаментскомъ дѣлѣ. Оно стало болѣе официальнымъ, т. е. такимъ, что къ нему является возможность одновременно примѣнить два, какъ будто взаимно другъ друга исключających эпитета: стало сухимъ (въ смыслѣ качества матеріала) и жидкимъ (въ смыслѣ его количества).

Это отнюдь не значитъ, что Гуровичъ, а черезъ него и Департаментъ полиціи совсѣмъ потеряли изъ вида Я-ва. Нѣтъ. Д-тъ настолько убѣжденъ въ томъ, что Я-въ не вырвется изъ разставленныхъ вокругъ него сѣтей, что ревниво отстраняетъ всякія покушенія на Я-ва со стороны мѣстныхъ шпионскихъ организацій. Тѣмъ, когда въ августѣ 1896 г. начальникъ смоленскаго жандармскаго управленія, оцѣнивъ политическій удѣльный вѣсъ своего новаго кліента, учредилъ за нимъ, въ дополненіе къ «негласному

надзору», еще и «особое секретное наблюдение», Д-ть полиціи немедленно же предписалъ снять съ Я-ва это особое наблюдение, ибо въ немъ,—по объясненію Д-та,—никакой надобности не представляется. И въ то же время Д-ть настойчиво требуетъ отъ мѣстныхъ властей своевременнаго донесенія о всѣхъ сколько нибудь выдающихся фактахъ внѣшней жизни Я-ва. Начальникъ московской охраны Бердяевъ получилъ, на примѣръ, отъ Д-та строгій выговоръ за то, что своевременно не донесъ о выѣздѣ Яковлева лѣтомъ того же года, на нѣсколько дней, въ качествѣ корреспондента, на выставку въ Буда-Пештъ, о чемъ Д-ть узналъ *post factum* изъ другихъ источниковъ.

А Яковлевъ, между тѣмъ, систематически продолжаетъ добиваться разрѣшенія жительства въ обѣихъ столицахъ. Теперь, повернувшись вплотную къ марксизму, онъ считаетъ необходимымъ для себя право безпрепятственнаго вѣзда въ столицы. Это право нужно ему, потому что онъ лелѣетъ мечту о легальномъ социаль-демократическомъ органѣ,—мечту, въ осуществленіи которой, какъ извѣстно, принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе и М. И. Гуровичъ.

Однако, Д-ть полиціи по какимъ то своимъ соображеніямъ, не торопится на встрѣчу энергичнымъ домогательствамъ Я-ва. Въ августѣ 1896 г. онъ разрѣшаетъ ему, наконецъ, постоянное жительство въ Москвѣ, но просьбу о Петербургѣ, «за преждевременностью» отклоняетъ. Только въ слѣдующемъ году Д-ть открываетъ передъ Я-вымъ и сѣверную столицу, но открываетъ лишь послѣ того, какъ за Я-ва, можно сказать, вступился новый начальникъ московской охраны, извѣстный С. В. Зубатовъ. Онъ, обнаруживая большую осведомленность о личныхъ планахъ Яковлева, писалъ въ Д-ть полиціи: «къ разрѣшенію отст. поручику В. Я. Яковлеву жительства въ С.-Петербургѣ препятствій въ настоящее время не усматривается, такъ какъ болѣе постояннымъ мѣсто-пребываніемъ своимъ онъ, по всему вѣроятію, будетъ имѣть г. Воронежъ, гдѣ ему предлагаютъ занятія въ мѣстной губернской управѣ. Главнѣйшимъ побужденіемъ ходатайства Я-ва является жаланіе его облегчить себѣ возможность пріобрѣтенія какихъ либо опредѣленныхъ, съ таковымъ же содержаніемъ, занятій».

На основаніи этого представленія Зубатова, отст. поруч. Яковлевъ, а нынѣ В. Я. Богучарскій—сотрудникъ перваго легальнаго социаль-демократическаго русскаго журнала «Новое Слово»,—послѣ слишкомъ двѣнадцатилѣтняго запрета, получаетъ право безпрепятственнаго жительства въ Петербургѣ.

Но, какъ и «предсказывалъ» Зубатовъ, Яковлевъ-Богучарскій не сразу воспользовался этимъ правомъ. На постоянное жительство онъ переѣхалъ опять въ Воронежъ, поступивъ на службу въ губернскую земскую управу, и первые годы послѣ этого бывалъ въ Петербургѣ только наѣздами.

Вл. Кранихфельдъ.

Секретные сотрудники въ автобіографіяхъ.

Жизнь секретныхъ сотрудниковъ жандармскихъ офицеровъ была не сладка. Платили, за ничтожными исключеніями, гроши, держали въ черномъ тѣлѣ подѣ постоянной угрозой ареста, высылкъ, преданія суду, разоблаченія передъ революціонерами. Опасностей приходилось ждать и слѣва, и справа: среди сотрудниковъ бывали и такіе, которымъ въ случаѣ преданія ихъ суду грозила смертная казнь и въ случаѣ ихъ разоблаченія передъ партіей грозила та же смертная казнь. «Проваль» висѣлъ надъ головой; до провала секретный сотрудникъ имѣлъ ту или иную опредѣленную цѣнность, послѣ провала—никакой. Онъ уподоблялся тогда выжатому лимону. Нѣкоторое время имъ платили жалованье, затѣмъ они переходили на единовременное пособіе и такъ заканчивались ихъ отношенія къ охранѣ. Жандармы не сразу выбрасывали ихъ на улицу: первые боялись со стороны послѣднихъ разоблаченій и шантажа на этой почвѣ. Въ «Инструкціи по организаціи и веденію внутренняго агентурнаго наблюденія» 29-ый параграфъ гласилъ: «разставаясь съ секретнымъ сотрудникомъ, не слѣдуетъ обострять личныхъ съ нимъ отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ставить его въ такое положеніе, чтобы онъ могъ въ дальнѣйшемъ эксплуатировать лицо, вѣдающее розыскомъ, неприемлемыми требованіями».

Начальники охранныхъ и жандармскихъ учрежденій послѣ отставки сотрудника уже не имѣли права выдавать имъ деньги, поэтому съ ходатайствами о выдачѣ пособій секретные сотрудники обращались, непосредственно или черезъ свое начальство, въ Департаментъ Полиціи. Если личность сотрудника была Департаменту извѣстна, то вопросъ о выдачѣ пособія разрѣшался немедленно же: если личность не была извѣстна, посылался запросъ въ Отдѣленіе. Сами сотрудники, обращаясь съ прошеніями, обстоятельно описывали въ нихъ свою дѣятельность и отмѣчали свои заслуги. Эти автобіографическія, неоспоримыя признанія—совершенно исключительные «человѣческіе документы». Съ объективнымъ равнодушіемъ рисуютъ они бытовую обстановку предательства и вскрываютъ непонятную для насъ, но весьма несложную психологію секретнаго агента. Выбираемъ изъ кппы признаній наиболѣе краснорѣчивыя; авторы ихъ принадлежать къ

разнообразнымъ общественнымъ группамъ. Тутъ и рабочіе, и учитель, и газетный сотрудникъ, и военный писарь и т. д. Стиль признаній оставляемъ безъ исправленій. Къ автобиографическимъ признаніямъ мы присоединяемъ авторитетные документы, составленные въ Департаментъ Полиціи,—т. н. «справки» о двухъ выдающихся сотрудникахъ, Кулагинѣ и Батушанскомъ. Всѣ приводимые нами документы не нуждаются въ комментаріяхъ.

1. Секретный сотрудникъ на пенсіи.

23 іюля 1910 года испр. должность Директора Департамента Полиціи С. П. Вѣлецкій представилъ слѣдующій докладъ Товарищу Министра внутреннихъ дѣлъ П. Г. Курлову.

Мѣщанинъ м. Дубоссары, Херсонской губерніи, Берко Янкелевъ Батушанскій (псевдонимъ «Бабаджановъ») состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Екатеринославскаго Охраннаго Отдѣленія до начала 1904 года. На службу въ названное Отдѣленіе онъ былъ приглашенъ въ началѣ сентября 1902 года. Несмотря на кратковременное его пребываніе въ Екатеринославѣ, куда онъ пріѣхалъ лишь въ августѣ, въ концѣ октября того же года онъ уже сталъ сообщать Начальнику Отдѣленія цѣнныя свѣдѣнія въ смыслѣ осященія противоправительственной дѣятельности мѣстной еврейской интеллигенціи, а въ декабрѣ, когда онъ устроилъ въ Екатеринославѣ зубо врачебный кабинетъ, Батушанскій сдѣлался положительно центромъ, которому были извѣстны самые конспиративные замыслы социаль-демократической и социальнореволюціонной организаціи, дѣйствовавшихъ въ Екатеринославѣ, а также «Организаціоннаго Комитета Екатеринославскаго Высшаго Горнаго Училища». Лично Батушанскій ни къ одной изъ организацій не принадлежалъ, несмотря на усиленное приглашеніе его принять активное участіе въ одной изъ таковыхъ. Продолжая въ 1903 году по прежнему стоять внѣ организаціи, Батушанскій съ начала года сообщалъ самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о происходившемъ въ социаль-демократической организаціи расколѣ и, затѣмъ, раздѣленіи ея на «рабочую группу» и «группу искровцевъ», съ указаніемъ выдающихся дѣятелей въ обѣихъ группахъ. Въ началѣ марта 1903 года онъ доставилъ Начальнику Отдѣленія въ рукописи тѣ воззванія, которыя вновь образовавшійся «Организаціонный Комитетъ Россійской социаль-демократической рабочей партіи» предполагалъ издать по поводу демонстративнаго празднованія дня 1 мая 1903 года. Благодаря ему же Начальникъ Екатеринославскаго Охраннаго Отдѣленія имѣлъ возможность немедленно выяснить всѣхъ делегатовъ упомянутой «Организаціоннаго Комитета», пріѣзжавшихъ въ Екатеринославъ для организаціи мѣстной группы «искровцевъ», а равно благодаря ему же были немедленно по прибытіи въ Екатеринославъ выяснены супруги Авріель и Сара Кушель, пріѣхавшіе для постановки въ Екатеринославѣ тайной типографіи, ко-

торая и была арестована 24 мая 1903 года. Заключенный 27 того же мая въ тюрьму срокомъ на 4 мѣсяца по дѣлу, по которому Батушанскій привлекался въ 1902 году въ Кишиневѣ, онъ и во время нахожденія въ тюрьмѣ всѣми зависящими мѣрами содѣйствовалъ выясненію дѣятельности преступныхъ организацій и предупредилъ своимъ сообщеніемъ замыселъ политическихъ арестованныхъ отравить мышьякомъ чиновъ тюремной администраціи и, затѣмъ, совершить общій побѣгъ. Произведеннымъ подъ благовиднымъ предлогомъ осмотромъ тюремныхъ помѣщеній дѣйствительно было обнаружено $\frac{1}{2}$ фунта мышьяку, но дѣло не возбуждалось, такъ какъ власти не могли установить, кому этотъ мышьякъ принадлежалъ. Освобожденный изъ тюрьмы 27 сентября 1903 года Батушанскій, несмотря на сильное разстройство нервной системы, благодаря 4-хъ мѣсячному одиночному заключенію, немедленно занялся разработкой состава мѣстныхъ преступныхъ организацій, и къ половинѣ октября выяснилъ болѣе видныхъ изъ нихъ, а также и мѣстонахожденіе тайной типографіи социалистовъ-революціонеровъ, а затѣмъ сообщалъ весьма цѣнные свѣдѣнія о дѣйствовавшемъ «Екатеринославскомъ социаль-демократическомъ комитетѣ», относительно самыхъ конспиративныхъ сношеній и задачъ комитета.

При всемъ этомъ Батушанскій, какъ сотрудникъ, проявлялъ весьма цѣнное качество — фотографическую точность передачи всѣхъ свѣдѣній, съ крайне осторожными и всегда основательными личными предположеніями, и кромѣ того, глубокую обдуманность каждого своего шага и дѣйствія. При такихъ качествахъ Батушанскій представлялся не только весьма полезнымъ и достойнымъ полного довѣрія сотрудникамъ, но и лицомъ, безусловно способнымъ работать вполне самостоятельно, безъ непосредственного контроля, такъ какъ вполне усвоилъ себѣ задачи розыска, и имѣлъ навыкъ быстро и всегда вѣрно ориентироваться въ окружающихъ обстоятельствахъ.

Въ виду изложеннаго, Департаментъ Полиціи возбудилъ передъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ ходатайство о предоставленіи Батушанскому права ходатайствовать о назначеніи ему пожизненной пенсіи въ размѣрѣ одной тысячи двухсотъ (1200) рублей въ годъ, если онъ будетъ скомпрометированъ въ революціонной средѣ не по своей винѣ. Означенный докладъ 15 января 1904 года получилъ утвержденіе покойнаго статсъ-секретаря Плеве, о чемъ былъ поставленъ въ извѣстность Начальникъ Екатеринославскаго Охраннаго Отдѣленія телеграммой слѣдующаго содержания: «Объявите Бабаджанову, что докладъ по дѣлу обезпеченія его Министромъ утвержденъ», а вслѣдъ за симъ 17 января 1904 года отправлено письмо подполковнику Шульцу для объявленія Батушанскому такого содержанія: «15 сего января Департаментомъ Полиціи былъ представленъ Его Высокопревосходительству г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ докладъ о предоставленіи секретному сотруднику вѣреннаго Вамъ Отдѣленія «Бабаджанову» (съ обоз-

назначеніемъ его дѣйствительнаго званія, имени, отчества и фамиліи) права ходатайствовать о назначеніи ему пожизненной пенсіи въ размѣрѣ одной тысячи двухсотъ (1200) рублей въ годъ, если онъ. «Бабаджановъ», будетъ скомпрометированъ въ революціонной средѣ не по своей винѣ. На этомъ докладѣ г. Министръ изволилъ положить резолюцію: «Согласенъ».

По полученіи указаннаго увѣдомленія, Батушанскій ликвидировалъ устроенный имъ въ г. Екатеринославѣ зубооубрачебный кабинетъ, который давалъ ему опредѣленное положеніе въ обществѣ, и, сообразно съ интересами политическаго розыска, выѣхалъ за границу, гдѣ первоначально работалъ по партіи социаль-демократовъ, а затѣмъ, вслѣдствіе благопріятно сложившихся для него обстоятельствъ, получилъ возможность освѣщать преступную дѣятельность максималистовъ, и однимъ изъ наиболее видныхъ дѣлъ, данныхъ имъ, является пріѣздъ его изъ-за границы въ Россію съ нѣсколькими максималистами; результатомъ представленныхъ по сему дѣлу Батушанскимъ свѣдѣній были произведенныя по Москвѣ и С.-Петербургу ликвидаціи мѣстныхъ группъ социалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ (Людмила Емельянова, княжна Мышецкая, Иванъ Коломейцевъ и др.).

Осенью 1909 года получились указанія, что Бурцевъ, продолжая свои поиски въ дѣлѣ раскрытія секретныхъ сотрудниковъ заграничной агентуры, предъявилъ обвиненіе въ провокаторствѣ Батушанскому, о которомъ ему удалось получить нѣкоторыя указанія отъ бывшаго наблюдательнаго агента Леруа, подтвержденныя, по заявленію Батушанскаго, бывшимъ секретаремъ Лопухина.

Въ виду сего состоялся товарищескій судъ, имѣвшій 17 засѣданій, на которыхъ свидѣтельскими показаніями, документами и собственнымъ сознаниемъ Батушанскаго, онъ былъ признанъ провокаторомъ, причемъ въ постановленіи суда обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: «Будучи, повидимому, напуганъ открывшимися разоблаченіями провокаторовъ (напримѣръ, максималиста Кенсцкаго, его знакомаго по группѣ), Батушанскій отдался отъ всякихъ революціонныхъ круговъ, для чего переѣхалъ на правый берегъ Сены. Послѣ этого, по его собственному разсказу, подтверждающемуся представленными имъ письмами, начинаются усиленные побужденія его со стороны начальника заграничной полиціи Гартинга, съ угрозами, также и съ предложеніями крупныхъ денежныхъ вознагражденій, продолжать прерванную дѣятельность тайнаго агента».

По прибытіи нынѣ въ С.-Петербургъ, Батушанскій былъ спрошенъ по послѣднему обстоятельству о предъявленіи суду писемъ Завѣдывающаго заграничной агентурой, и онъ далъ объясненіе, что при этомъ имѣлъ цѣлью доказать суду, что дѣйствительно Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Гартингъ пытался склонить его къ службѣ въ агентурѣ, но онъ отъ предложеній этихъ отказался.

Принимая во вниманіе въ высшей степени полезную и про-

дуктивную дѣятельность Батушанскаго въ теченіе семи лѣтъ, въ качествѣ секретнаго сотрудника, а равно то обстоятельство, что разоблаченіе его службы Правительству послѣдовало не по его винѣ, Департаментъ Полиціи полагалъ бы справедливымъ назначить Беркѣ Батушанскому, получавшему по одной тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ жалованья: 1) единовременное пособіе въ размѣрѣ «350» рублей, такъ какъ со времени возбужденія о немъ революціонерами дѣла, онъ отъ заграничной агентуры содержанія не получалъ и 2) пожизненную пенсію въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ.

На приведеніе означенныхъ предположеній въ исполненіе, Департаментъ Полиціи имѣетъ честь испрашивать разрѣшеніе Вашего Превосходительства.

Товарищъ Министра положилъ резолюцію «Согласенъ», а С. П. Бѣлецкій приписалъ: «Доложено, предварительно исполненія, по приказанію г. Тов. Мин. вн. дѣлъ, г. Министру вн. д., который изволилъ одобрить предположеніе Департамента, разъ было дано обѣщаніе однимъ изъ его предшественниковъ, а таковое было объявлено просителю».

Такимъ образомъ П. А. Столыпинъ счелъ нужнымъ исполнить обѣщаніе В. А. Плеве, но при исполненіи, образцоваго сотрудника все-таки обошли: вмѣсто обѣщанной пенсіи въ 1200 рублей дали всего 600 рублей.

2. Обѣщанная награда.

24 іюня 1910 Начальникъ С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія полк. фонъ-Коттенъ представилъ Директору Департамента Полиціи слѣдующую записку:

Крестынинъ Тверской губерніи и уѣзда, Владимиръ Павловъ Кулагинъ съ 1898 по 1907 годъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ при С.-Петербургскомъ Охранномъ Отдѣленіи, причемъ въ началѣ службы занималъ положеніе организатора и члена Петербургскаго Комитета мѣстной организаціи Россійской Соціалъ-Демократической рабочей партіи, а въ 1905 году перешелъ въ партію социалистовъ-революціонеровъ, въ которой былъ также организаторомъ и членомъ Петербургскаго комитета этой партіи.

Въ слѣдующемъ, 1906 году, по указаніямъ Начальника Отдѣленія, Кулагинъ вошелъ въ боевую организацію партіи социалистовъ-революціонеровъ, въ качествѣ члена боевыхъ дружинъ.

Въ 1904 году, по свѣдѣніямъ Кулагина, было произведено нѣсколько удачныхъ ликвидацій мѣстной организаціи Р. С. Д. Р. П., которыя, въ связи съ арестомъ типографіи Петербургскаго Комитета во время печатанія нелегальной литературы, сильно понизили преступную дѣятельность этой партіи въ столицѣ.

Начиная съ 1905 года, Кулагинъ даетъ Отдѣленію цѣнныя свѣдѣнія о дѣятельности партіи социалистовъ-революціонеровъ, и

послѣдующія ликвидаціи: 8-го Января, 25 Февраля и въ Декабрѣ того же года, когда были арестованы члены Исполнительнаго Комитета С. Петербургскаго желѣзнодорожнаго узла, подготовлявшіе повтореніе Октябрьской забастовки желѣзныхъ дорогъ, сильно ослабили и эту преступную партію.

Въ слѣдующемъ 1906 году, онъ выяснилъ составъ мѣстныхъ боевыхъ дружинъ партіи, мѣста храненія оружія, взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, благодаря чему, 20-го сентября того же года, одновременно съ арестомъ членовъ боевыхъ дружинъ были арестованы и 22 участника, подготовившіе вооруженное ограбленіе казначея Корпуса пограничной стражи ротмистра Месаксуди, при чемъ по обыскамъ у нихъ было обнаружено: много оружія, боевые припасы, взрывчатые вещества и большое количество прокламацій.

Того же 20 сентября, въ числѣ прочихъ, былъ арестованъ и Кулагинъ. Военно-Окружный Судъ присудилъ его къ каторжнымъ работамъ на 4 года, а 11 апрѣля 1908 года Государь Императоръ даровалъ полное помилованіе Кулагину и онъ, просидѣвъ 18 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, и не имѣя болѣе возможности работать въ Отдѣленіи, уѣхалъ къ себѣ на родину. Деревенская молодежь, узнавъ о его службѣ въ Охранномъ Отдѣленіи, стала его преслѣдовать, и однажды, напавъ на него, нанесла ему двѣ раны въ лѣвую руку, и только бѣгствомъ Кулагинъ спасъ свою жизнь. Изъ опасенія дальнѣйшихъ покушеній и поджога, Кулагинъ принужденъ былъ продать за безцѣнокъ свое имущество и отправился въ С.-Петербургъ, надѣясь найти здѣсь какую либо работу.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ заболѣлъ, и въ настоящее время, истративъ на леченіе всѣ свои сбереженія, остался совершенно безъ всякихъ средствъ къ существованію,—больной, имѣя на рукахъ жену, двоихъ малолѣтнихъ дѣтей и старуху-мать.

Изъ имѣющейся въ дѣлахъ Отдѣленія переписки видно, что Вице-Директоръ Департамента Полиціи, Статскій Совѣтникъ Виссаріоновъ письмомъ отъ 23 іюня 1908 года за № 134166, сообщилъ Начальнику С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, что Кулагинъ обратился къ Директору Департамента Полиціи съ просьбой о выдачѣ 4000 рублей, обѣщанныхъ ему генераломъ Герасимовымъ въ награду за содѣйствіе и свѣдѣнія, благодаря которымъ, 20-го сентября 1906 года было предупреждено ограбленіе казначея Штаба Отдѣльнаго Корпуса пограничной стражи ротмистра Месаксуди, и что онъ, Кулагинъ, принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, заручившись отъ генерала Герасимова гарантіей, что получить прощеніе и упомянутую денежную награду.

Генералъ Герасимовъ, письмомъ отъ 2-го іюня 1908 года за № 142 донесъ, что: 1) Кулагинъ былъ арестованъ съ его согласія, при чемъ имѣлось въ виду, что послѣ приговора Суда, онъ останется сотрудникомъ Отдѣленія; 2) послѣ состоявшагося приговора Военно-Окружнаго Суда, которымъ Кулагинъ былъ

присужденъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ, послѣдній согласился, чтобы Отдѣленіе не ходатайствовало о полномъ помилованіи, а лишь о смягченіи наказанія, т. е. о замѣнѣ каторжныхъ работъ—сылкою на поселеніе, каковое и было ему исходатайствовано; впослѣдствіи онъ измѣнилъ первоначальное рѣшеніе и настаивалъ на полномъ его помилованіи, которое и было, несмотря на неоднократные уговоры, ему также исходатайствовано и 3) ходатайство о выдачѣ ему за оказанныя услуги особой крупной суммы не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ въ продолженіе почти 1½ лѣтъ, со дня его арестованія и по день помилованія, Кулагину продолжалось выдаваться жалованье по 75 рублей въ мѣсяцъ, что въ теченіе одного года и семи мѣсяцевъ составляетъ 1425 рублей.

Между тѣмъ, въ настоящее время, Кулагинъ доложилъ, что согласіе на арестъ имъ было дано лишь при непремѣнномъ условіи—окончанія дѣла въ административномъ порядкѣ, послѣ чего генералъ Герасимовъ обязался выдать ему денежную награду въ 4000 рублей, и въ дальнѣйшемъ, если онъ, Кулагинъ, останется сотрудникомъ Отдѣленія, то жалованье будетъ ему увеличено до 300 рублей въ мѣсяцъ.

Преданіе Военно-Окружному Суду и присужденіе къ 4 годамъ каторжныхъ работъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, по словамъ Кулагина, явилось для него полной неожиданностью, и убѣдясь, что съ прежнимъ довѣріемъ относиться къ Отдѣленію онъ не можетъ, онъ и возбудилъ ходатайство о полномъ помилованіи. Согласія на ходатайство о смягченіи наказанія, онъ также не давалъ.

Въ настоящее время Кулагинъ далъ при С.-Петербургскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи свидѣтельскія показанія, вполне изобличающія преступную дѣятельность лицъ, арестованныхъ 20-го сентября 1906 года по дѣлу Боевого Коллектива партіи социалистовъ-революціонеровъ (Черновъ, Прокофьевъ, Рутенбергъ и др.) и арестованнаго въ настоящее время Михалевица.

Докладывая о вышеизложенномъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ виду оказанныхъ Кулагинымъ цѣнныхъ услугъ Правительству, принять во вниманіе его настоящее безвыходное положеніе, испытанныя имъ нравственныя и физическія страданія за время 18-ти мѣсячнаго тюремнаго заключенія, потерю мѣста на заводѣ «Вестингаузъ», гдѣ онъ, служба токаремъ, зарабатывалъ отъ 80 до 100 руб. въ мѣсяцъ, что со дня его ареста и до настоящаго времени составляетъ 4050 рублей, назначить ему денежное пособіе, тѣмъ болѣе, что, по имѣющимся у меня вполне достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Кулагину дѣйствительно была обѣщана отъ Отдѣленія единовременная награда въ 4000 рублей, которой онъ не получилъ.

Эта записка была доложена завѣдующимъ Особымъ отдѣломъ Департамента полк. А. М. Еремнымъ Директору Н. П.

Зуеву. Директоръ «Приказалъ оставить до прїѣзда Товарища Министра и доложить ему. Мнѣніе Директора выдать не болѣе 1000 рублей». 10 іюля дѣло было доложено Товарищу Министра, и П. Г. Курловъ приказалъ выдать 1000 рублей.

3. Покушеніе на самоубійство

22 февраля 1910 года въ Обуховскую больницу былъ доставленъ отъ зданія Сената съ признаками отравленія крестьянинъ Эстляндской губерніи Ревельскаго уѣзда Эдуардъ Эльмаровъ Орифельдтъ. При отравившемся было найдено три письма: на имя полиціи, на имя вице-директора Департамента полиціи и на имя начальника финляндскаго жандармскаго управленія въ Гельсингфорсѣ полковника Утгофа. Письма дошли по назначенію. Второе изъ названныхъ писемъ было слѣдующаго содержанія.

«Его Превосходительству Господину Вице-директору Департамента Полиціи. Сотрудника Эдуарда Орно-Орифельдта».

«Простите, Ваше Превосходительство, что я еще имѣю одну просьбу послѣ моей смерти. Я прїѣхалъ въ С.-Петербургъ ноябрѣ мѣсяцѣ и началъ искать къ себѣ занятій но никакого занятій я не нашелъ, и денегъ мнѣ кончилъ, страшно я голодалъ и нуждалъ и остался тоже безъ квартиру и не могъ никакъ вытерпѣть больше такого тяжелаго положенія. Кромѣ того меня окружаетъ опасность изъ революціонной организаціи по дѣлу Стокгольма, и некому своему знакомому я не могу обратиться; и безъ мѣста и безъ всякихъ помощь я не могъ никакъ вытерпѣть такого безвыходнаго положенія. Я подаль прошеніе къ Вашему Превосходительству, но я никакого отвѣта я не получилъ и за этого я рѣшилъ покончить съ собою самоубійствомъ, чтобы все мое мученіе было уже кончено, хотя бы жалко умирать, но нѣтъ выхода никакого. Такъ какъ я единственный помощь къ своему матери и несовершеннолѣтній брату и сестрѣ, и теперь они остаются безъ помощи, поэтому имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не найдете ли возможнымъ выдать малѣйшій помощь къ моему матери. Эдуардъ Орно. Бывшій секретный сотрудникъ».

О сотрудникѣ Орно была затребована и составлена слѣдующая справка:

«По имѣющимся въ дѣлахъ Департамента Полиціи свѣдѣніямъ, Эдуардъ Орно состоялъ на службѣ въ качествѣ секретнаго сотрудника у начальника Эстляндскаго губернскаго жандармскаго управленія, а затѣмъ, въ виду обнаруженія его дѣятельности революціонерами—принужденъ былъ покинуть гор. Ревель и искать себѣ подходящей работы въ другой мѣстности.

«Рекомендуя названнаго Орно съ самой лучшей стороны, какъ отличнаго работника и знающаго шведскій языкъ, полковникъ Мезенцовъ направилъ его въ распоряженіе Департамента, который предложилъ Начальнику С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія принять Орно въ число наблюдательныхъ агентовъ

финляндскаго отряда. Въ виду выяснившейся невозможности для Орно служить на финляндской границѣ, гдѣ стала известна его дѣятельность по гор. Ревелю, Орно не былъ принятъ въ число сотрудниковъ Отдѣленія. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1906 года Департаментъ Полиціи рекомендовалъ Эдуарда Орно подполковнику Балабину, для использованія его при наблюденіи за ввозомъ оружія въ предѣлы Прибалтійскаго края. Подполковникъ Балабинъ командировалъ Орно на островъ Готландъ (Швеція), причемъ уплачивалъ ему ежемѣсячно по 60 рублей. Въ январѣ мѣсяцѣ 1907 года, вслѣдствіе замерзанія портовъ острова Готланда, Орно былъ отозванъ, и подполковникъ Балабинъ рекомендовалъ его, какъ лицо, владѣющее эстонскимъ и нѣмецкимъ языками, начальнику Рижскаго охраннаго отдѣленія подполковнику Васильеву. Послѣдній принялъ Орно въ качествѣ сотрудника по гор. Юрьеву на жалованье 45 рублей въ мѣсяцъ, а затѣмъ онъ перешелъ на службу къ начальнику Финляндскаго жандармскаго управленія и командированъ въ гор. Стокгольмъ.

«Изъ отчета о дѣятельности Орно въ г. Стокгольмѣ видно, что онъ не только былъ освѣдомленъ о готовившемся покушеніи на жизнь Государя Императора, въ бытность въ Стокгольмѣ, но и лишилъ революціонеровъ возможности осуществить свой преступный замыселъ, заблаговременно сообщивъ объ этомъ нашему посланнику въ Стокгольмъ.

Начальникъ Финляндскаго жандармскаго управленія, донося Департаменту Полиціи объ изложенныхъ обстоятельствахъ 19-го іюля 1909 года за № 970, возбудилъ ходатайство о вознагражденіи Орно за дѣйствительно серьезныя услуги, оказанныя имъ нашему Правительству, а равно объ освобожденіи его отъ наказанія за неявку къ отбыванію воинской повинности, тѣмъ болѣе, что къ этому онъ былъ вынужденъ обстоятельствами розыска».

«По докладѣ объ инаженномъ, Товарищъ Министра назначилъ Орно пособіе въ размѣрѣ 200 рублей.

«По вопросу же, какъ объ освобожденіи Орно отъ обязанностей по отбыванію воинской повинности, такъ и отъ судебного преслѣдованія за неявку его въ воинское присутствіе послѣдовалъ всеподданнѣйшій докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на каковомъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано «Съ» (согласенъ). Въ Ливадіи 27 октября 1909 года».

«Благодаря своевременной медицинской помощи Эдуардъ Орно не умеръ, и 3 марта онъ обратился къ директору департамента съ прошеніемъ:

«Нахожусь въ настоящее время въ крайней нуждѣ, не имѣю квартиру и страшно голодаю, кромѣ того окружаетъ меня опасность изъ революціонной организаціи и некому своему знакомому обратиться я не могу а также никакого мѣста я не могу получить, поэтому имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать мнѣ выдать денежное помощіи, чтобы я могъ вырваться съ этого тяжелаго положенія и уѣхать въ за гра-

ницу. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство не оставить мою просьбу безъ вниманія, я не могу сейчасъ существовать больше».

По докладу Директора, Товарищъ Министра разрѣшилъ выдать Орно сто рублей.

4. Старый заслуженный провокаторъ.

Его Высокоблагородію Г-ну Начальнику СПбургскаго Охраннаго Отдѣленія.

П р о ш е н і е .

Въ 1894 году я началъ работать въ мелкихъ рабочихъ кружкахъ, состоящихъ болѣе изъ интеллигенціи, такъ называемыхъ Плехановцы, сперва въ Нарвскомъ районѣ, а потомъ въ Невскомъ, преимущественно на Семяниковскомъ заводѣ. Проработавъ такъ до 1896 года во время усиленной агитаціонной дѣятельности въ то время въ городѣ Кронштадтѣ революціонной организаціи какъ среди солдатъ и также мѣстныхъ портовыхъ рабочихъ, по просьбѣ начальника полковника Секеринскаго, я былъ командированъ въ 1896 году въ городъ Кронштадтъ въ распоряженіе мѣстнаго полицеймейстера полковника Шафрова, гдѣ, проработавъ три мѣсяца на пароходномъ механическомъ заводѣ, я успѣшно окончилъ возложенное на меня порученіе, вошелъ въ мѣстный Кронштадтскій комитетъ, который былъ весь своевременно ликвидированъ, причемъ было арестовано нѣсколько матросовъ и рабочихъ и взяты складъ нелегальной литературы. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я сталъ усиленно работать въ Василеостровскомъ районѣ, гдѣ большинство членовъ организаціи, главное интеллигенція, было въ 1898 году арестовано и обнаружена тайная типографія на Васильевскомъ Островѣ. Послѣ этого въ томъ же 1898 году я перешелъ работать въ Выборгскій районъ, гдѣ одновременно работалъ въ двухъ организаціяхъ подъ названіемъ Искровцы и Знаменцы. Послѣ Лондонскаго съѣзда въ 1900 году, когда всѣ организаціи слились въ одну общую С. Д. партію я работалъ при СПбургскомъ Комитетѣ до 1904 г. Работая въ партіи С. Д. я по просьбѣ Владиміра Францевича Модль ¹⁾ одновременно обслуживалъ и партію С. Р., изъ которой далъ знаменитаго организатора рабочихъ кружковъ партіи С. Р. бывшаго студента СПбургскаго университета юридическаго факультета Всеволода Вахенбаума (Чернова) дѣло 18 С. Р. Во время усиленныхъ безпорядковъ въ 1905 году, когда выдѣлились изъ С. Д. организаціи боевыя дружины, я по просьбѣ господина начальника вошелъ въ боевой коллективъ и, работая до 1906 года, когда закончилось крупными арестами, мною было

¹⁾ Начальникъ охраннаго отдѣленія.

дадено: въ Василеостровскомъ районѣ и Невскомъ районѣ складъ бомбъ и оружія и въ Выборгскомъ районѣ на Оленбургской улицѣ въ квартирѣ Пульмана складъ бомбъ и оружія (дѣло 44 С. Д.) и на Большомъ Сампсоніевскомъ проспектѣ въ аптекарскомъ магазинѣ Третьякова д. № 18 цѣлый складъ оболочекъ для бомбъ, гдѣ приготавлились для вооруженнаго возстанія. Въ началѣ 1906 года, когда изъ боевыхъ дружинъ откололась часть самыхъ передовыхъ боевыхъ работниковъ, задавшихъ цѣлью производить терроръ на должностныхъ лицъ, однимъ изъ которыхъ, рабочимъ Котловымъ, былъ убитъ помощникъ директора Путиловскаго завода, и когда онъ бѣжалъ въ поѣздѣ Николаевской жел. дороги, былъ задержанъ по указанію моему. Нѣсколько лицъ, изъ которыхъ я зналъ по фамиліи: Иванъ Седьмой, Андрей Львовъ, Иванъ Михайловъ, Александръ Эрко, Сестеръ. Одинъ изъ видныхъ работниковъ этой группы подъ партійной кличкой Степанъ былъ уѣхавши въ городъ Тулу для пріобрѣтенія изъ тульскихъ заводовъ револьверовъ системы Ногана, гдѣ на мѣстѣ отправки въ городъ Тулу съ транспортомъ револьверовъ былъ арестованъ. При арестахъ вышеуказанныхъ лицъ этой группы и всей организаціи былъ обнаруженъ большой складъ бомбъ на Знаменской улицѣ и за Невской заставой. Послѣ крупныхъ всѣхъ этихъ арестовъ я окончательно провалился. Какъ много лѣтъ работавши въ партіи, такъ обширно знаютъ меня всѣ рабочіе на заводѣ, мнѣ пришлось покинуть навсегда. Были которыя прикомленныя деньжонки, я прожилъ всѣ и остался безъ всякихъ средствъ. Притомъ-же обремененъ тяжелымъ семействомъ. Пятью дѣтьми одинъ одного меньше, самому старшему 10 лѣтъ, еще старушка мать и самъ восьмой. Я по ремеслу хорошій слесарь, заработавши раньше по 90 рублей въ мѣсяцъ. Посему покорнѣйше прошу Васъ, господинъ начальникъ, не откажите похотѣйствовать передъ Департаментомъ Полиціи о денежномъ пособіи, на которое я могъ-бы открыть слесарно-механическую мастерскую, или какую-либо торговлю, въ которомъ мое семейство могло бы существовать. Я долго съ этимъ боролся, чтобы не безпокоить Васъ, но меня заставило мое безвыходное бѣдное положеніе, для жизни нѣтъ больше никакого существованія. Еще разъ покорнѣйше прошу Васъ господинъ начальникъ примите мою просьбу и пожалуйте моихъ малолѣтнихъ дѣтей и престарѣлой моей матери и надѣюсь, что Вы не откажете гдѣ покорный и вѣрный Вашъ слуга. Самъ.

Я началъ работать въ 1894 году при полковникѣ Секеринскомъ. Въ 1898 году работалъ съ Леонидомъ Антоновичемъ Квинцинскимъ и другими. Въ 1904 году работалъ съ Владиміромъ Францевичемъ Модль и въ 1906 году съ Владиміромъ Николаевичемъ Кулаковымъ и господиномъ начальникомъ полковникомъ Герасимовымъ.

Это прошеніе было представлено начальникомъ охраннаго

отдѣленія полк. фонъ-Коттенонъ Директору департамента полиціи при слѣдующемъ рапортѣ:

«Представляя при семъ прошеніе бывшаго секретнаго сотрудника вѣреннаго мнѣ Отдѣленія, подъ кличкою «Самъ», крестьянина Василя Карпова Чистова, ходатайствующаго о выдачѣ ему денежнаго пособія, докладываю, что все изложенное въ прошеніи Чистова соотвѣтствуетъ дѣйствительности и бывшая дѣятельность его, по моему мнѣнію, заслуживаетъ поощренія».

Директоръ Н. П. Зуевъ положилъ резолюцію: «полагалъ бы выдать двѣсти рублей». Товарищъ Министра Курловъ утвердилъ представленіе Департамента, и 200 рублей «Самому» были выданы въ апрѣлѣ 1910 года.

5. Секретный сотрудникъ «Петербургскій».

Его Превосходительству Господину Директору Департамента Полиціи.

П р о ш е н і е.

Въ 1902 году извѣстный работникъ Радченко, который руководилъ всей С. Д. организаціей, имъ было задумано поставить типографію для Петербурга, но онъ рѣшилъ ее поставить въ городѣ Псковѣ, куда онъ и уѣхалъ и гдѣ мною былъ даденъ подъ наблюденіе и гдѣ была обнаружена большая типографія (Американская Бостонка), которая должна была обслуживать не только С.-Петербургъ, но и другіе города. При арестѣ типографіи было задержано нѣсколько нелегальныхъ работниковъ.

Въ концѣ 1902 года и началѣ 1903 года мною было оповѣщено Отдѣленіе, что на Галерной улицѣ д. № 42 помѣщается нелегальная типографія, которой завѣдовалъ Карпенко со своею женою, а остальные были нелегальные, которые и были задержаны во время работы и совмѣстно былъ арестованъ С.-Петербургскій Комитетъ С. Д. партіи и при немъ взятъ складъ нелегальной литературы. Въ концѣ 1905 года мною было оповѣщено Отдѣленіе о состоявшемся собраніи рабочихъ Петербургскаго района, входящихъ по одному человѣку съ заводовъ и фабрикъ, которое и было арестовано на Ораніенбаумской улицѣ въ помѣщеніи С. Д. клуба. (Клубъ закрытъ). Въ то же время мною было дадено знать о состоявшемся собраніи боевой дружины Петербургскаго района, который и былъ арестованъ на Теряевой улицѣ и о состоявшемся собраніи въ это же время боевой дружины Выборгскаго района въ помѣщеніи клуба по Ораніенбаумской улицѣ при арестѣ были забраны бомбы и другія взрывчатые вещества, которыя были вещественнымъ доказательствомъ на судѣ. Въ томъ же году мною былъ даденъ подъ наблюденіе студентъ мѣдикъ Гохильсонъ, который и былъ арестованъ на улицѣ у клиники со взрывчатымъ веществомъ динамитомъ. Потомъ еще мною

оылъ даденъ студентъ С.-Петербургскаго Университета М. Тверскій, какъ организаторъ Василеостровскаго района.

При арестѣ Петербургскаго района боевой дружины и какъ членъ ея былъ совмѣстно съ другими арестованъ, при арестѣ у меня ничего не было найдено, а также при обыскѣ въ квартирѣ занимаемой мною нелегальнаго ничего не было обнаружено. Въ 1907 году мною былъ даденъ складъ оружія, помѣщающійся въ Лѣсномъ при арестѣ было взято 25 шт. револьверовъ и масса боевыхъ патроновъ. Находясь подъ слѣдствіемъ въ предварительномъ заключеніи по дѣлу 44-хъ, я просидѣлъ до суда 1 годъ и четыре мѣсяца, но на судѣ по недоказанности уликъ противъ меня я былъ оправданъ. Находясь такъ долго въ заключеніи и имѣя отъ роду очень слабое здоровье, а посему въ тюрьмѣ я получилъ туберкулезъ легкихъ и частые падучіе припадки, почему съ такою болѣзью меня на работу никуда не принимаютъ. А посему находясь все время безъ опредѣленнаго занятія и имѣя большое семейство, я очень страдаю въ матеріальномъ отношеніи и полученное мною пособіе въ триста рублей въ 1910 году, я давно уже его прожилъ и, находясь теперь въ безвыходномъ положеніи, осмѣливаюсь еще разъ обратиться къ Вашему Превосходительству съ всепокорнѣйшей просьбой помочь мнѣ и моему бѣдному семейству въ столь критическую минуту моей жизни сколько будетъ милость Вашего Превосходительства. Всегда вѣрный и преданный Вамъ слуга. Петербургскій.

Это прошеніе поступило въ Департаментъ 22 ноября 1911 года, и такъ какъ «Петербургскаго» смѣшали въ Департаментѣ съ «Самимъ», то просьба «Петербургскаго» осталась безъ разсмотрѣнія. 14 августа 1912 года «Петербургскій» обратился съ новымъ прошеніемъ:

«Служа въ качествѣ агента-сотрудника съ 1903 года при Охранномъ Отдѣленіи, былъ привлеченъ по дѣлу 44-хъ и, просидѣвъ годъ въ предварительномъ заключеніи, я послѣ оправданія моего, по выходѣ изъ предварительнаго заключенія, въ виду полученнаго мною сильнаго нервнаго расстройства и малокровія, со мною очень часто стали повторяться нервные припадки, а посему я въ заводѣ нигдѣ работать не могу. Находясь теперь въ очень критическомъ положеніи, безъ работы, съ большою семьей на рукахъ, я еще разъ осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ, Ваше Высокопревосходительство, съ всепокорнѣйшей просьбою не отказывать помочь мнѣ въ трудную минуту внести залогъ для поступленія на дѣло въ С.-Петербургскую консерваторію въ качествѣ капельдинера, гдѣ я могу, не надоедая вамъ, зарабатывать себѣ хлѣбъ. Послужной списокъ и отзывъ Охраннаго Отдѣленія находятся въ Департаментѣ Полиціи. Пособіе получалъ 1 разъ въ 1910 году 300 рублей. Для залогу нужно 200 рублей. Остаюсь вѣрный вамъ слуга «Петербургскій».

На прошеніи имѣется слѣдующая надпись: «Г. Директоръ приказалъ запросить Нач. Спб. О. О., дѣйствительно ли «Петер-

бургскому» удастся получить должность капельдинера, и въ утвердительномъ случаѣ предложить внести за него залогъ отъ третьяго лица, и послѣдній будетъ возвращенъ Д. П.». Такъ по революціи, и было все выполнено.

6. Неисправный сотрудникъ.

Его Высокоблагородію Г-ну Завѣдывающему Особымъ Отдѣломъ Департамента Полиціи Полковнику Еремину.

Бывшаго филера С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, мѣщанина мѣстечка Мстибова, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губ., Мовши Абрамова Каплана (нелегально Адольфа Барковского).

П р о ш е н і е.

24 января сего года (1910), я уволенъ отъ службы филера С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія за позднее явленіе къ наряду въ немного выпившемъ видѣ.

Увольненіе отъ службы поставило меня въ самое тяжелое и безвыходное положеніе, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ вообще и для дальнѣйшей моей жизни въ виду прошлой моей службы.

Поступилъ я на службу правительству съ 1902 года, въ качествѣ сотрудника при Одесскомъ Охранномъ Отдѣленіи, коимъ въ то время завѣдывалъ ротмистръ А. Васильевъ, и работалъ до 1904 года, причѣмъ далъ много цѣннаго матеріала, а именно были взяты: типографія партіи социалистовъ-революціонеровъ, складъ литературы; въ томъ же году во время временнаго завѣдыванія Вашимъ Высокоблагородіемъ Одесскимъ Охраннымъ Отдѣленіемъ мною была раскрыта вся боевая дружина, покушавшаяся на жизнь бывшаго Одесскаго Градоначальника генерала Нейдгарда и, по моему указанію, былъ задержанъ главарь этой дружины, застрѣвавшій филера Крайняго; кромѣ этого мною было предупреждено вторичное покушеніе на жизнь генерала Нейдгарда и Одесскаго полицейместера; лица, имѣвшія покушеніе, были арестованы чиновникомъ названнаго Отдѣленія Сачковымъ.

Будучи проваленъ въ партію, я былъ раненъ, послѣ чего меня отправили въ г. Варшаву для тѣхъ же цѣлей, но въ виду того, что одесской организаціей было сообщено въ Варшаву о моемъ пріѣздѣ туда, мнѣ не удалось войти въ сношеніе съ варшавской организаціей. Изъ Варшавы былъ отправленъ въ Вильно въ распоряженіе ротмистра, нынѣ полковника Климовича, а изъ Вильно въ городъ Ригу, гдѣ я вошелъ въ организацію партіи

соціалистовъ-революціонеровъ, указалъ типографію и всѣхъ членовъ этой партіи, а также и военной организаціи.

Изъ Риги я былъ принятъ на военную службу и по ходатайству у Начальника Виленскаго Охраннаго Отдѣленія подполковника Шебеко назначенъ въ городъ Вильно, гдѣ вошелъ въ военную организацію группы «анархистовъ коммунистовъ», но былъ проваленъ Ригой и Вильной, и на меня было организовано покушеніе, которое было предупреждено Начальникомъ Рижскаго Охраннаго Отдѣленія, бывшимъ Одесскимъ ротмистромъ Васильевымъ, приѣзжавшимъ въ Вильно специально для этой цѣли.

Прослужа на военной службѣ около пяти мѣсяцевъ, по ходатайству того же подполковника Шебеко, былъ отъ военной службы освобожденъ и перешелъ на нелегальное положеніе и находился въ Отдѣленіи около трехъ недѣль безвыходно. Высочайшаго же указа объ увольненіи меня отъ военной службы не было, и я по настоящее время дезертиръ.

Изъ Вильны я былъ отправленъ въ Москву въ Охранное Отдѣленіе къ полковнику Климовичу и былъ зачисленъ филеромъ. Изъ Москвы въ разное время былъ командированъ въ Курскъ, Севастополь и въ Самару; въ послѣднемъ, оставивъ наружное наблюденіе, вошелъ въ Самарскую соціалдемократическую партію и раскрылъ комитетъ означенной партіи и боевой дружины этой же партіи.

Изъ Самары я былъ командированъ въ Бузулукъ, Самарской губ., гдѣ былъ раненъ, въ Саратовъ, Вольскъ, въ Пензу; въ послѣднемъ для полученія связей былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ былъ подвергнутъ со стороны политическихъ пытокъ; въ тюрьмѣ мною былъ предупрежденъ побѣгъ арестантовъ и обнаруженъ подкупъ.

По освобожденіи изъ тюрьмы былъ вторично посланъ въ Самару, а оттуда въ Одессу; изъ Одессы подполковникомъ Ледниковымъ былъ посланъ въ городъ Аккерманъ, для раскрытія лабораторіи бомбъ. Въ Аккерманѣ я вошелъ въ организацію партіи соціалистовъ-революціонеровъ и для конспираціи былъ арестованъ и бѣжалъ, дабы не потерять связи и явки съ Одесскимъ комитетомъ, послѣ чего мною были открыты и указаны: «Областной комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ», «Общій городской комитетъ» той же партіи съ его типографіей, «Портовой комитетъ» той же партіи и его боевая дружина, «Боевой партизанскій отрядъ» съ его типографіей; лабораторія бомбъ и летучій боевой отрядъ при Южно-русскомъ областномъ комитетѣ той же партіи, только что тогда организовавшейся.

Цѣль всѣхъ этихъ партій была взорвать дворецъ и убить Командующаго войсками Барона Каульбарса и другихъ должностныхъ лицъ, ограбить пароходъ «Батумъ» гдѣ можно было взять 400.000 руб. У рулевого этого парохода Борленко были обнаружены въ значительномъ количествѣ взрывчатые вещества.

Послѣ этого раскрытія я былъ раненъ, и въ началѣ 1908 года

отправленъ въ С.-Петербургъ въ Охранное Отдѣленіе, гдѣ служилъ филеромъ до 24 сего января и уволенъ за вышеупомянутый проступокъ.

Въ виду вышеизложеннаго и глубоко раскаяваясь въ своей ошибкѣ, покоровѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе войти въ мое несчастное положеніе и во вниманіе моей прежней службы не признаете ли возможнымъ защитить меня и оставить на прежней службѣ филера, или же предоставить мнѣ должность въ другомъ какомъ-либо Охранномъ Отдѣленіи.

Я шесть лѣтъ живу на нелегальномъ положеніи и по военной службѣ числюсь дезертиромъ; находясь въ настоящее время въ такомъ положеніи для меня несчастномъ, я положительно не знаю, что дѣлать и какъ быть; на легальное положеніе ни въ какомъ случаѣ перейти не могу, потому что буду убитъ, а также преслѣдуемъ властями какъ дезертиръ; Начальникъ же Охраннаго Отдѣленія далъ мнѣ срокъ прожить въ Петербургѣ до 1-го февраля сего года; въ противномъ случаѣ буду высланъ изъ столицы официально этапомъ. Кромѣ того у меня остаются голодные родители, которые мною отправлены за границу и находятся на моемъ иждивеніи.

Ваше Высокоблагородіе, умоляю Васъ, пощадите и заступитесь, такъ какъ послѣ всего этого для меня одинъ исходъ «Нева»; окажите Ваше милосердіе надо мной.

Если же будетъ признано невозможнымъ принять обратно меня на службу, то не признаете ли возможнымъ выдать мнѣ какое-либо денежное пособіе, которое я никогда не получалъ, служилъ же искренней правдой своему дѣлу, а также осмѣливаюсь просить разрѣшить остаться мнѣ въ Петербургѣ на болѣе продолжительное время для устройства дѣлъ и своего положенія.

Раскаяваясь глубоко въ своей ошибкѣ, смѣю надѣяться на милость Вашего Высокоблагородія, что буду обратно принять на службу, которой я такъ много отдалъ своихъ силъ.

Проситель искренно преданный Вамъ, Вашъ слуга Мовша Капланъ.

Получивъ прошеніе Мовши Каплана, Департаментъ Полиціи обратился къ начальнику Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія полковнику фонъ-Коттену съ просьбой «увѣдомить о причинахъ увольненія отъ службы филера Адольфа Барковского и сообщить свѣдѣнія о личныхъ и служебныхъ его качествахъ». Фонъ-Коттенъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Филеръ Барковскій (Капланъ, онъ же Каганъ) уволенъ мною отъ службы за пьянство. Онъ неоднократно, бывая на службѣ по наблюденію, напивался пьянъ и оставлялъ службу, и въ такомъ видѣ являлся въ сборную филеровъ къ докладу, за что не разъ былъ завѣдывающимъ наружнымъ наблюденіемъ удаляемъ изъ сборной. Въ служебномъ отношеніи Барковскій ничѣмъ отъ другихъ филеровъ не выдѣлялся, считался малоопытнымъ и назначался всегда лишь въ помощь опытнымъ филерамъ. Кромѣ того, Барковскій—еврейскаго про-

исхожденія, что инструкціей г. Министра внутреннихъ дѣлъ по организаціи наружнаго наблюденія совершенно не допускается».

Отрицательный отзывъ начальства о Барковскомъ, не помѣшалъ Барковскому. Департаментъ Полиціи въ своемъ представленіи Товарищу Министра, изложивъ заслуги Барковского по секретному сотрудничеству, далъ слѣдующее заключеніе: «признавая причины увольненія Барковского отъ должности филера основательными, но находя въ то же время, что услуги его дѣлу полптического розыска являются весьма существенными и цѣнными, что ходатайство Барковского о пособіи въполнѣ заслуживаетъ удовлетворенія, Департаментъ Полиціи полагалъ бы справедливымъ выдать ему изъ секретныхъ суммъ Департамента, въ видѣ единовременнаго пособія, 300 рублей и на проведеніе означеннаго предположенія въ исполненіе испрашиваетъ разрѣшеніе Вашего Превосходительства».

Справедливость восторжествовала, Его Превосходительство согласился съ мнѣніемъ Департамента, и 300 рублей были выданы Мовшѣ Каплану.

7. Обидное недоразумѣніе.

Его Превосходительству Господину Директору
Департамента Полиціи.

Причисленнаго къ штату Кіевского Губернскаго Правленія б. помощника при-
става I части гор. Бердичева Констан-
тина Мартыновича Преображенскаго.

Пр о ш е н і е.

Въ 1907 году мною была раскрыта преступная шайка соц.-революціонеровъ, покушавшаяся на жизнь бывшаго военнаго министра генерала отъ инфантеріи А. Ф. Редигера, а также на взрывъ Военнаго Совѣта.

Наравнѣ съ этими преступниками, во избѣжаніе всякихъ со стороны ихъ подозрѣній о томъ, что я ихъ выдалъ въ руки правосудія, я также былъ арестованъ и осужденъ въ каторжныя работы, а затѣмъ по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 8-й день мая 1909 года былъ помилованъ и, во избѣжаніе преслѣдованія со стороны революціонеровъ, мнѣ была пожалована фамилія «Преображенскій», вмѣсто прежней «Римша-Бересневичъ».

Со дня моего ареста и до 10 іюля 1909 года я состоялъ при Охранномъ Отдѣленіи въ качествѣ писца, получая отъ Отдѣленія жалованье по своимъ заслугамъ, и никакихъ наградъ, кромѣ купленнаго мнѣ за 25 руб. статскаго пальто и отданнаго мнѣ стараго поношеннаго костюма, я не получалъ.

29-го же іюля 1907 года я былъ зачисленъ полицейскимъ надзирателемъ С.Ш.Б. Охраннаго Отдѣленія, и опасаясь далѣе

оставаться въ Петербургѣ, я, по рекомендаціи Его Высокопревосходительства генерала отъ инфантеріи А. Ф. Редигера, былъ назначенъ помощникомъ пристава I части гор. Бердичева.

Въ Бердичевѣ я прослужилъ съ 22 сентября 1909 года по 26 января 1910 года и за это время успѣлъ получить двѣ благодарности отъ Его Превосходительства г. Кіевского Губернатора, объявленныя въ приказѣ г. Бердичевского Полицеймейстера, за успѣшное взысканіе дополнительнаго промысловаго налога, а также городского и земскаго сбора и былъ на хорошемъ счету у начальства, но затѣмъ отношенія начальства ко мнѣ измѣнились къ худшему. Причина сему слѣдующая: Послѣ убійства въ Петербургѣ Начальника Охраннаго Отдѣленія полковника Карпова въ петербургскихъ и кіевскихъ газетахъ начала фигурировать фамилія Преображенскаго, который являлся участникомъ во многихъ политическихъ дѣлахъ и извѣстенъ, какъ Охранному Отдѣленію, такъ равно и мнѣ по дѣламъ Отдѣленія. Начальство стало допрашивать меня по этому поводу, но я отвѣтилъ, что личности Преображенскаго, про котораго такъ много пишутъ въ газетахъ, я не знаю, и тѣ обвиненія, которыя упоминаются въ газетахъ, ко мнѣ не относятся. Иначе говоря, что, хотя личность эта мнѣ была и извѣстна по дѣламъ Охраннаго Отдѣленія, такъ какъ въ то время, когда онъ однажды былъ арестованъ за ограбленіе бани за Нарвской заставой, я производилъ нѣкоторые по канцеляріи разслѣдованія, но, между прочимъ, не желая, въ силу долга присяги, разоблачать или посвящать полицейское начальство въ тайны Охраннаго Отдѣленія, я отозвался полнѣйшимъ незнаніемъ, какъ личности Преображенскаго, такъ равно и всѣхъ его преступныхъ дѣяній, не предполагая, что этимъ я могу навлечь на себя какое-либо подозрѣніе со стороны своего начальства.

Но вскорѣ въ одномъ изъ номеровъ «Биржевой Газеты» прямо было указано, что я причастенъ къ взрыву въ кафе Централь на Невскомъ пр. и послѣ взрыва назначенъ помощникомъ пристава I части г. Бердичева.

Подобнаго рода газетная печать окончательно заставила начальство причислить меня къ штату Кіевского Губернскаго Правленія, мотивируя свое причисленіе тѣмъ, что я якобы не пригоденъ къ полицейской службѣ и не соответствую своему назначенію.

Ко всѣмъ-же дѣламъ, по которымъ упоминался въ печати Преображенскій, я вовсе не причастенъ и пострадалъ совершенно напрасно, лишившись со своей женой и 9-ти лѣтнимъ сыномъ насущнаго куска хлѣба, такъ какъ фамилія «Преображенскій», мнѣ Высочайше пожалована 8 мая 1909 г., а взрывъ въ кафе Централь былъ въ 1908 году, т. е. до пожалованія меня этой фамиліей и безусловно этотъ случай можетъ относиться къ тому Преображенскому, который приходилъ по дѣламъ С.П.Б. Охраннаго Отдѣленія подъ кличкой «Реалистъ» по Соц.-Демокр. партіи.

Принимая во вниманіе, что въ связи съ новой фамиліей, я

потерялъ мѣсто, и въ данное время безъ рекомендаціи трудно устроиться и приходится со своимъ семействомъ испытывать всякія лишенія и нужды, такъ какъ за 4 мѣсяца моей службы въ Бердичевѣ, я не успѣлъ сдѣлать какихъ-либо сбереженій, а наоборотъ, благодаря болѣзни моей жены (воспаленіе слѣпоѣ кишки 1 1/2 мѣсяца) и затѣмъ отъѣзда изъ Бердичева у меня образовалось около 200 руб. долга частнымъ лицамъ и теперь ко мнѣ предъявляются гражданскіе иски, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство войти въ мое въ данное время безвыходное и крайне тяжелое положеніе и объ оказаніи мнѣ матеріальной поддержки съ выдачей пособия по усмотрѣнію Вашего Превосходительства. Покорнѣйше просить: К. Преображенскій.

8. Сотрудникъ-«откровенникъ».

Господину товарищу министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-лейтенанту Курлову

Бывшаго сотрудника Варшавскаго
Охраннаго Отдѣленія Михаила Вольгемута

П р о ш е н і е

Въ началѣ 1908 года, при арестахъ членовъ польской социалистической партіи въ городѣ Сѣдлецѣ и губерніи, я далъ откровенныя показанія относительно моего участія въ партіи, вслѣдствіе чего было задержано по моимъ показаніямъ и приговорено Варшавскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ 44 человѣка къ смертной казни, затѣмъ казнено 18 человѣкъ. Остальные сосланные безсрочную каторгу. Невключая лицъ сосланныхъ въ порядкѣ Государственной Охраны. А также былъ обнаруженный по моимъ показаніямъ складъ оружія съ 6 пистолетовъ Маузера, 14 пистолетовъ Браунинга, 1 бомба, 4 динамитныя петарды, и до трехъ тысячъ патроновъ. А также приборъ до сложенія бомбъ, бомба въ разобранномъ видѣ. А также было обнаружено нѣсколько партійныхъ библіотекъ. Отбывъ затѣмъ наказаніе по суду въ теченіе 1 г. 9 м. Варшавской крѣпости, я, желая чистосердечными показаніями облегчить себѣ судьбу и принести пользу правительству, согласился быть сотрудникомъ Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія, причемъ начальникъ послѣдняго полковникъ Заварзинъ, въ присутствіи покойнаго генерала Вырголича, агента отдѣленія Литвина и полковника Мрочкевича, обѣщалъ мнѣ обезпечить матеріально по окончаніи троекратнаго заключенія. Со времени моего поступленія въ Охранное Отдѣленіе я далъ рядъ цѣнныхъ откровенныхъ показаній по мѣстному краю и получалъ по 1 сентября сего года содержаніе по 45 руб. въ мѣсяцъ, невключая времени, когда я былъ подъ стражей въ крѣ-

пости; въ это время я получалъ по 10 руб. въ мѣсяцъ на тюремные расходы. По моимъ указаніямъ, въ 1909 году было задержано и привлечено къ судебной отвѣтственности до 50 лицъ. Кромѣ того въ томъ же году за рядъ серьезныхъ задержаній полковникъ Заварзинъ выдалъ мнѣ 500 рублей, изъ коихъ 200 руб. я получилъ только нынѣ. 1 сентября я окончательно уволенъ отъ службы Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія, причемъ мнѣ передано было, что о выдачѣ мнѣ единовременнаго пособія сдѣлано представленіе въ Департаментъ Полиціи. Нынѣ за уплатой имѣвшихся долговъ по г. Варшавы у меня осталось около 50 руб. и я вынужденъ поселиться въ г. Одессѣ съ цѣлью пріисканія, какъ слесарь, какого-либо заработка; оставаться въ родномъ краѣ я не могу, такъ какъ неминуемо буду убитъ сторонниками партіи. Имѣющихся денегъ хватитъ на жизнь на одинъ мѣсяцъ. Пріискать мѣсто на какой либо фабрикѣ здѣсь мнѣ весьма трудно, такъ какъ я не имѣю никакихъ аттестацій. Не отказываясь отъ мысли дальнѣйшимъ личнымъ трудомъ содержать себя, я все же внезапнымъ отказомъ Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія отъ исполненія обѣщаній, данныхъ полковникомъ Заварзиннымъ, поставленъ въ безвыходное положеніе. А потому покорнѣйше прошу Ваше Высочайшее покровительство во вниманіе къ тѣмъ фактическимъ заслугамъ, кои я оказалъ правительству въ борьбѣ съ польской социалистической партіей и кои извѣстны Департаменту Полиціи, войти въ мое положеніе, приказавъ временно обезпечить меня матеріально до той поры, пока я не подыщу себѣ настоящаго заработка. Отвѣтъ настоящаго прошенія покорнѣйше прошу адресовать Станиславу Владиславовичу Островскому въ Одесское Охранное Отдѣленіе, подъ этимъ именемъ я проживаю нынѣ въ Одессѣ. Михаилъ Вольгемуть. 12 сентября 1910 года г. Одесса.

Объ авторѣ этого прошенія была составлена слѣдующая справка:

«Вольгемуть Михаилъ Францевъ, 21 года, мѣщ. г. Сѣдлеца, холостъ, слесарь, имѣетъ отца 77 лѣтъ, братьевъ и т. д. Изъ донесенія начальника жандармскаго управленія Сѣдлецкаго, Венгровскаго и Соколовскаго уѣздовъ отъ 29 декабря 1907 г. за № 1804 усматривается, что въ ночь на 28 декабря на денежную почту при ст. Соколовъ произведено разбойное нападеніе, причемъ взрывомъ бомбы убитъ одинъ нижній чинъ и 7 человекъ ранено, кромѣ того стрѣльбой изъ револьверовъ было тяжело ранено 3 человека. Организованной погоней было задержано изъ числа преступниковъ двое — женщина Овчарекъ и Михаилъ Францевъ Вольгемуть.

«Изъ донесенія начальника Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія отъ 16 января 1908 г. за № 762 усматривается, что Вольгемуть далъ по означенному дѣлу откровенное показаніе, объяснивъ, что нападеніе совершено членами боевой организаціи Сѣдлецкаго округа революціонной фракціи Польской Соціалистической

партіи. По его указаніямъ, арестовано 5 участниковъ нападенія и 8 прямыхъ пособниковъ, кромѣ того выясненъ и арестованъ цѣлый рядъ лицъ (въ числѣ 40 человекъ), принадлежащихъ къ Сѣдлецкой организаціи революціонной фракціи П. П. С. Изъ числа задержанныхъ 13 человекъ уже привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ по упомянутому дѣлу.

«Изъ протокола допроса Вольгемута отъ 22 декабря 1908 года видно, что онъ въ концѣ ноября 1904 года вступилъ въ качествѣ члена П. П. С. въ агитаціонный ея отдѣлъ въ гор. Сѣдлецѣ, подъ кличкой «Рука».

«По существу означеннаго протокола начальникъ Сѣдлецкаго губ. жанд. управленія 23 января 1909 г. за № 138 далъ слѣдующій отзывъ: «Протоколъ этотъ заключаетъ въ себѣ систематическое описаніе дѣятельности революціонной фракціи П. П. С. въ районѣ Сѣдлецкой губ. съ ноября 1904 года по 27 декабря 1907 г., по которой Вольгемутъ разновременно уже были даны неоднократныя показанія, какъ чинамъ жандармскаго, такъ и судебнаго вѣдомства; показанія эти послужили матеріаломъ для постановки дѣла (о нападеніи на денежную почту при ст. Соколовъ) въ Варшавскомъ Военно-окружномъ судѣ. По приговору этого суда 12-ти обвиняемымъ были вынесены смертныя приговоры, и 26 лицъ приговорены къ каторжнымъ работамъ. Кромѣ того, показаніе Вольгемута, охватывающее не только сторонниковъ бывшей боевой организаціи партіи, въ громадномъ большинствѣ уже ликвидированныхъ, но и агитаціонныхъ дѣятелей таковой за 1905—1907 гг., представляетъ собой, хотя и устарѣвшій, но все же весьма цѣнный агентурный матеріалъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ упоминаются такіе мѣстные жители, о преступной дѣятельности коихъ имѣлись въ распоряженіи моего предмѣстника и моемъ лишь отрывочныя и неопредѣленныя свѣдѣнія».

«Изъ свѣдѣній о лицахъ, осужденныхъ Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ за политическія преступленія, усматривается, что Вольгемутъ, приговоромъ названнаго суда, состоявшимся 6 іюня 1908 г., признанъ виновнымъ въ укрывательствѣ разбойнаго нападенія и присужденъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 13 лѣтъ 4 мѣсяца. По конфирмаціи, назначенное судомъ наказаніе было замѣнено отдачею Вольгемута въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на 2 года. 7 іюня 1908 г. приговоръ обращенъ къ исполненію.

«4 іюля 1908 г. за № 10844 Начальникъ Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія представилъ копію воззванія революціонной фракціи П. П. С., въ которой Михаилъ Вольгемутъ названъ провокаторомъ.

«Въ докладѣ г. вице-директора Департамента Полиціи ст. сов. Виссаріонова отъ 14 іюля 1910 г. по дѣлу ознакомленія съ постановкой политическаго розыска въ Привислянскомъ краѣ значится, между прочимъ, слѣдующее: «Во время пребыванія моего

въ Сѣдлецѣ, находился въ этомъ городѣ откровенникъ Вольгемутъ, вызванный изъ Варшавы на допросъ судебнымъ слѣдователемъ, и былъ помѣщенъ въ канцелярію ротмистра Григорьева съ вѣдома полковника Тржецяка. Мною было выражено пожеланіе немедленнаго удаленія Вольгемута изъ упомянутаго помѣщенія».

Такова біографія откровенника Вольгемута. Немудрено, что на приведенномъ выше прошеніи его мы видимъ карандашную надпись: «Развѣ Вольгемутъ можетъ быть на свободѣ?» Тѣмъ не менѣе, онъ не только былъ оставленъ на свободѣ, но еще былъ обрадованъ пособіемъ. Вопреки своей обычной скупости, Департаментъ, по приказанію Товарища Министра П. Г. Курлова, выдалъ Вольгемуту 300 рублей.

9. Секретный сотрудникъ изъ народныхъ учителей.

Безъ всякихъ комментаріевъ, печатаемъ три письма нѣкогого учителя Алексѣя Кутасова, адресованныя полковнику А. М. Еремину, завѣдывавшему въ то время Особымъ отдѣломъ Департамента Полиціи.

I.

«Пользуясь Вашимъ разрѣшеніемъ, даннымъ мнѣ Вашимъ Высокоблагородіемъ въ личномъ разговорѣ съ вами 18 сего августа сего года (1910), имѣю честь почтительнѣйше просить Вашего ходатайства предъ кѣмъ слѣдуетъ о выдачѣ мнѣ единовременнаго пособія, каковое мнѣ было обѣщано полковникомъ г. Засыпкинымъ за мою работу на Сѣверномъ Кавказѣ по секретнымъ свѣдѣніямъ, но не получалось мною, между тѣмъ въ настоящее время крайне нуждаюсь съ семьей. Учитель Алексѣй Кутасовъ. Спб. 19 августа 1910 года. Адресъ: Кубанское областное жандармское управленіе. Въ станицу Нбанскую Кубанской области. Вѣрѣ Кутасовой».

По этой просьбѣ Кутасову было выдано изъ Департамента 100 рублей.

II.

Ваше Высокоблагородіе Г. Полковникъ. Позвольте обратиться къ Вамъ, какъ къ отцу.

Я вчера не могъ подробно говорить съ Вами, т. е. Вашъ отказъ помочь мнѣ такъ подѣйствовалъ на меня и убилъ, что я совершенно упалъ духомъ и разнервничался.

Простите меня, но Вы имѣете какое-то предубѣжденіе ко мнѣ, тогда какъ я совершенно этого не заслуживаю: я прежде всего человѣкъ дѣла, могу это съ гордостью сказать.

Конечно, я ошибался, это сознаю мной, а главное выстрадано, и больше этого повторяться, конечно, не будетъ. Вы полагаете, что я совершенно проваленъ: смѣю Васъ увѣрить моей дальнѣйшей работой, что это не совсѣмъ такъ, впрочемъ, тюрьма-бы меня давно убила, и Кубанское Жандармское Управленіе

отлично знаетъ, что 2-хъ лѣтнее заключеніе только укрѣпило мои связи и значеніе, а помилованіе ничуть не удивило всѣхъ, такъ какъ я судился очень конспиративно и еще конспиративнѣй вслѣ себя въ тюрьмѣ.

Самъ себя я не стану обманывать, т. е. смерть—серьезная вещь.

Письмо относительно Манджуріи писалось не мной и за редакцію его я не могу по совѣсти отвѣчать.

Очень прошу Васъ поддержать меня и семью мою въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Покорнѣйшій слуга Алексѣй Кутасовъ.

Р. С. По прочтеніи настоящаго письма не оставьте принять меня лично. Ал. Кутасовъ. С.-Петербургъ 1910 г. 19 Августа.

III.

Покорнѣйше прошу Ваше Высочайшее настоящую мою докладную записку не отказать препроводить г. Начальнику Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, а также и главнымъ образомъ, прошу Вашего ходатайства предъ названнымъ выше г. Начальникомъ о зачисленіи меня на службу въ Петербургъ, и такимъ образомъ Вы закончите и другую половину Вашего добраго дѣла относительно меня.

Долженъ здѣсь перечислить вкратцѣ все то, чѣмъ я могу быть полезенъ сейчасъ и далѣе, умалчивая о сдѣланномъ мной, такъ какъ моя дѣятельность извѣстна Вамъ, причемъ прошу простить мнѣ мои ошибки, за которыя я такъ жестоко пострадалъ, и которыя уже не повторятся:

1) Какъ учитель и журналистъ, работающій десять лѣтъ по педагогикѣ, журналистикѣ и среди партій, я, конечно, имѣлъ, имѣю и буду имѣть громадныя связи среди интеллигенціи.

2) Почти всѣ связи соц.-рев. и анархистовъ на Сѣверномъ Кавказѣ мнѣ извѣстны,

3) Я поддерживаю связи съ за границей (Парижъ) черезъ г. Адамовича и Логвиненко, екатеринодарскихъ анархистовъ.

4) Я имѣю связи съ бывшимъ депутатомъ Государственной Думы, г. Герусъ, бывшимъ учителемъ и моимъ товарищемъ, а также и теперешнимъ г. Покровскимъ, избраннымъ изъ моего родного города Темрюка, Куб. Обл., а равно съ г. Бардижемъ (депутатъ отъ казаковъ Кубанской Области),

5) Я имѣю массу знакомыхъ на Кавказѣ, а также и въ Петербургѣ, принадлежащихъ къ разнымъ партіямъ,

6) Какъ журналистъ, имѣю самыя широкія связи въ литературномъ мірѣ: состою въ перепискѣ и знаю лично: М. Горькаго, Л. Андреева, Петрищева, Короленко, Битнера и даже А. Толстого, не считая массы провинціальныхъ и столичныхъ мелкихъ работниковъ печати,

7) Я былъ бы весьма полезенъ своей литературной работой,

8) Живя въ Петербургѣ и работая здѣсь среди революціонеровъ, а также и въ литературѣ, я далъ-бы массу матеріала по Кавказу, особенно по Кубанской Области (списокъ этого матеріала Вашему Высокоблагородію представленъ мной чрезъ Кубанское Областное Жандармское Управление въ началѣ августа н. г.).

Въ заключеніе этихъ краткихъ свѣдѣній осмѣлюсь добавить, что я горю самымъ искреннимъ и серьезнымъ желаніемъ приносить и далѣе пользу, и прошу Вашего ходатайства объ оставленіи меня въ Петербургѣ, а своей дѣятельностью я заслужу Ваше довѣріе.

Учитель Алексѣй Кутасовъ.

Р. С. Мной сейчасъ же можетъ быть данъ самый подробный и точный перечень всего матеріала, который можетъ быть данъ въ настоящее время по Кавказу и С.-Петербургу и за границей. Ал. Кутасовъ. С.-Петербургъ Гостиница Пале-Рояль. 1910 г. 19 августа.

Примѣчаніе: Съ высшими учебными заведеніями Петербурга и Москвы у меня многочисленныя связи, т. е. многіе учителя, или товарищи учатся тамъ какъ-то: университетъ, высшіе женскіе курсы и т. п. Ал. Кутасовъ.

10. Откровенный разсказъ секретнаго сотрудника.

Его Высокопревосходительству Г-ну Директору Департамента Полиціи въ С.-Петербургѣ.

Отъ Андрея Евтихѣевича .умакова,
Екатеринодаръ, Пособитакинская, № 98,
кв. Кальжановой.

Революционную работу въ партіи С.-Д. я началъ 1902 г., когда «Д. К.» Р. С. Д. Р. П. въ Ростовѣ н/Дону усилилъ свою дѣятельность, организовавъ рядъ стачекъ и демонстрацій.

«Врагомъ правительства», членомъ революціонной партіи сдѣлали меня, какъ и многихъ другихъ, нѣсколько прочитанныхъ брошюръ запрещенной макулатуры, и горячая кровь, экзальтированность и, главное, неспособность разсуждать тогда такъ, какъ теперь, дополнили все остальное, и я очутился въ смрадномъ болотѣ нравственнаго растлѣнія—въ революціонной с.-д. организаціи.

Эти-же индивидуальныя качества и желаніе вотъ сейчасъ же видѣть «плоды» своей работы заставили меня пойти въ «технику», которая требовала людей, обладающихъ извѣстной долей безстрашія, т. е. правительственное возмездіе за эту сторону вѣщественной революціонной дѣятельности отличалось особенной щедростью, а пригодныхъ и желавшихъ пользоваться исключительнымъ вниманіемъ Плеве было не много.

И вот потекла моя жизнь между службой въ конторѣ и самой равносторонней «технической» революціонной возней, стряпаньемъ «духовной пищи»—прокламацій и прочимъ, вплоть до исполненія роли гида для прѣѣзжавшихъ въ нашъ городъ важныхъ партійныхъ работниковъ.

Равнодушный сначала къ расколу въ партіи, потомъ я сдѣлался большевикомъ.

Чтобы провѣтриться, мнѣ изрѣдка случалось выѣзжать въ Округъ въ качествѣ пропагандиста, въ тѣхъ случаяхъ когда тема бесѣды не касалась раскола.

Какъ Вамъ извѣстно, большевики въ «Д. К.» никогда не имѣли преобладающаго вліянія, а потому естественно вырастаетъ вопросъ, почему я, большевикъ, работалъ въ меньшевистской организаціи.—Очень просто, не хотѣлъ разстаться съ «божественнымъ созданіемъ», относившимся довольно скептически къ прелестямъ бродяжества, съ его неразлучнымъ спутникомъ, лишеніями, а часто и съ голодовками. По этой же причинѣ изъ ссылки я поѣхалъ въ Ростовъ н/Д, а не въ какой либо другой городъ. Ради этого поясненія я отступилъ отъ сути, и теперь продолжаю о работѣ.

Въ Іюнѣ 1906 г. я оставилъ ростовскую организацію, вступилъ въ военно-техническую, оборудовавъ въ г. Новочеркасскѣ химическую лабораторію для изготовленія взрывчатыхъ веществъ. Впрочемъ, дѣятельность моя въ военной организаціи продолжалась недолго и выразилась въ приготовленіи 2 ф. гремучей ртуты, нѣсколькихъ фунтовъ динамита, пирокселина, да въ «изготовленіи» 4 пудовъ динамита, который похитили на одномъ изъ Александровско-Грушевскихъ рудниковъ.

Работая, я, къ великому сожалѣнію, былъ скромнень, какъ вѣрная Исламу женщина Востока, не смѣлъ поднять глаза и сдернуть завѣсу тайны, чтобы знать больше, чѣмъ то позволялось «правилами конспираціи», изъ которыхъ я создалъ себѣ фетиша, и что впоследствии сильно мнѣ повредило.

Потомъ, когда наступили бурные дни свободъ, работа подполья стала ненужной, и я освободился. Освободился, конечно, номинально, разумѣя подъ этимъ возможность выходить на люди. Готовились къ вооруженному возстанію. Въ этихъ приготовленіяхъ принялъ участіе и я, обучая отрядъ бомбистовъ метанію бомбъ, обращенію съ ними и пр.

Во время же вооруженнаго возстанія на Темерникѣ я вѣдалъ защитой сѣверной баррикады и командовалъ отрядомъ бомбистовъ.

Когда вооруженное возстаніе было подавлено, дружина разгромлена, я вступилъ въ Комитетъ боевой дружины, цѣлью котораго было созданіе новой дружины. Завѣдывалъ я ростовскимъ райономъ.

Но, какъ говорить пословица: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить,—въ одну ненастную фев-

ральскую ночь 1906 г. меня случайно арестовали. Производили обыскъ въ квартирѣ, гдѣ я за позднимъ временемъ остался ночевать. Обыскъ производили плохо, т. е. не нашли полномочій Комитета боевой дружины, которыя выдавались членамъ его на право конфискаціи оружія у дружинниковъ старой дружины и частныхъ лицъ, и которыя я хранилъ у себя въ коробѣ со спичками. Не нашли и «браунинга», который лежалъ на печной задвижкѣ.

На допросѣ мнѣ предъявили 100 и 101 ст., но за отсутствиемъ вѣскихъ уликъ только выслали въ Вологодскую губернію, въ уѣздный городъ Кадниковъ.

Арестъ и высылка имѣли для меня рѣшающіе значеніе въ смыслѣ душевнаго перелома, въ смыслѣ отрезвленія. И не потому, что эта была суровая кара, а потому, что видѣнное въ тюрьмѣ и по этапамъ заставило привадуматься надъ содѣяннымъ, начать переоцѣнку цѣнностей.

Богатый матеріалъ для этого дала Бутырская тюрьма, тогда переполненная ссыльными самыхъ различныхъ партій и Вологда, гдѣ въ то время этихъ господъ было тоже не мало. Всего тамъ было: рабочіе, простодушные и довѣрчивые, крестьяне—«аграрники», темные, малоподвижные и жавшіеся отъ «чистой политики» въ отдѣльные кружки, откуда часто слышались тяжелые вздохи и молитвенное «О, Господи помилуй насъ». Со многими изъ нихъ мнѣ часто приходилось бесѣдовать. И постоянно въ ихъ разсказахъ о томъ, какъ попали сюда, проскальзывала злоба, открыто высказывалось сожалѣніе, что попались на удочку безбожниковъ социалистовъ, страхъ за свое и своихъ семействъ будущее, которыя, оставшись безъ работниковъ и опоры, осуждены на голодъ и холодъ. А самимъ имъ уже въ тюрьмѣ Вологодской приходилось трудно, сидя на хлѣбѣ и водѣ, и довольствуясь изрѣдка скудными подачками, перепавшими отъ «борцовъ за народъ и свободу». «Красный крестъ» въ изобиліи доставлялъ продукты питанія и одежду, а всѣ эти «страдальцы за народъ»: жида, поляки, финляндцы, грузины, армяне, охамѣвшіе русскіе, набивая свои мамоны, безраздѣльно пользуясь всѣмъ, показали и рѣзко подчеркнули, чего стоятъ ихъ народолубіе. И мнѣ, монашествовавшему революціонеру странно было слышать, какъ всѣ эти нагло-циничные, развратные и превращенные въ паразитовъ профессиональной дѣятельностью с.-р. и с.-д., анархисты, бундисты и пр. и пр. при этомъ вѣщали о догматахъ своихъ ученій, а въ интимныхъ бесѣдахъ смаковали, сколько кто получалъ отъ организаціи на жизнь, и какъ потомъ прокучивались эти деньги, собранныя по копейкамъ у рабочихъ и крестьянъ, которыхъ они вовлекли въ кровавую авантюру и распяли на Голгоѣ общегосударственного бѣдствія, ими устроенной.

И вся эта разнузданно-откровенная мерзость революціонныхъ теорій и ихъ апостоловъ, дышащихъ ненавистью къ вѣковымъ устоямъ нашей государственности, національности и по-

рядку поселила въ моей душѣ разладъ, приведшій меня къ прежнему, дореволюціонному политическому идеалу, по которому Россія немыслима безъ Монарха.

Уходя изъ ссылки, я уже рѣшилъ оставить революціонную работу, уничтожилъ шифрованные адреса, явки. Пріѣхалъ въ Ростовъ. «Товарищи»—эти волки съ лисьими хвостами, стали предлагать снова начать работу. Я отказывался, мотивируя отказъ усталостью. Меня упрекнули въ трусости. О, думаю, я не трусь, и это сумѣю доказать. Тогда какъ разъ господствовали крайнія идеи «максималистовъ», сводившіяся къ проповѣди открытаго грабежа и убійства правительственныхъ чиновниковъ и агентовъ. «Большевики» носились съ идеей «партизанскихъ выстулений». Настроение такое, что если-бы было реализовано—принесло бы на первыхъ же шагахъ довольно ощутительный вредъ. «Д. К.» влачилъ жалкое существованіе, былъ опутанъ внутренней агентурой и тамъ мнѣ дѣлать было нечего. Поэтому я направился въ сторону непосредственной опасности, вошелъ въ группу анархистовъ-коммунистовъ, состоявшую изъ людей, бывшихъ подъ моимъ вѣдѣніемъ во время вооруженнаго возстанія. Затѣмъ вошелъ въ сношенія съ начальникомъ Ростовскаго Охраннаго Отдѣленія, теперь покойнымъ С. Г. Карповымъ, заявивъ ему, что убѣжденія мои измѣнились, что, вслѣдствіе этого, я хочу загладить свои прежнія преступленія, дѣйствительно послужить народу и Царю, противъ которыхъ раньше много согрѣшилъ. Я объяснилъ, что буду оперировать въ средѣ анархистовъ и тутъ же далъ самыя точныя свѣдѣнія насчетъ членовъ группы, въ которую вступилъ. Группа совершила рядъ мелкихъ экспроприаций и нападеніе на нѣкоего, если не ошибаюсь, Федорова, котораго ранили изъ револьвера, принявъ его за филера Охраннаго Отдѣленія. Потомъ эта же группа ограбила экспортеую контору Фридеберга на 12 т. р., при этомъ ранили въ ногу швейцара, и кажется, лошадь подъ городовымъ, который ихъ преслѣдовалъ. Четверыхъ изъ этой шайки разстрѣляли, а остальныхъ часть выслали впослѣдствіи въ отдаленныя мѣста Сибири. Это было въ октябрѣ 1906 г. Послѣдовательно я перебывалъ въ трехъ группахъ, вожаки которыхъ арестовывались, а группы распадались, образуя новыя.

Четвертая группа была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней. Я провалился. И вотъ какимъ образомъ это произошло. Какъ то заповднился у двухъ членовъ этой группы. Не зная, что въ ту ночь рѣшено было ликвидировать эту квартиру, я остался тамъ ночевать. Не помню точно, предупреждали меня относительно того, что агентамъ нельзя ночевать на квартирахъ лицъ, относительно которыхъ даны свѣдѣнія Охранному Отдѣленію, или нѣтъ.

Ночью нагрянула полиція. Арестовали разумѣется и меня, вмѣстѣ съ двумя, фамиліи которыхъ не помню. На мѣсто ареста и обыска прибылъ С. Г. Карповъ и незамѣтно сообщилъ мнѣ, что устроить для меня побѣгъ. Повели насъ въ участокъ въ

Нахичевани и/Д. такъ какъ и квартира, гдѣ насъ взяли, была въ Нахичевани. Въ участкѣ С. Г. Карповъ подкупилъ городского, чтобы онъ меня отпустилъ, когда поведетъ для отправленія естественной надобности. Такъ и было сдѣлано. Но не успѣлъ я выбѣжать за ворота, какъ городской. выведившій меня, началъ стрѣлять изъ револьвера. Моментально образовалась погоня, что называется, по пятамъ. Я метнулся въ первый дворъ. Забѣжалъ затѣмъ въ домъ. Городовые за мной. Схватили. Околодочный Кривобоковъ, который теперь, кажется, служитъ въ Петербургской полиціи, началъ въ упоръ стрѣлять въ спину. Револьверъ былъ системы «С и В», 32 калибра и обыкновенно заряжался патронами для браунинга, а на этотъ разъ по счастливой случайности былъ заряженъ патронами съ чернымъ порохомъ и свинцовыми пулями. Когда Кривобоковъ началъ стрѣлять, меня городовые держали уже подъ руки.

Затѣмъ, когда повели къ участку, тотъ же Кривобоковъ продолжалъ бить меня по шеѣ и, Богъ вѣсть, чѣмъ кончилось бы все это, если бы не жандармъ, во время подоспѣвшій и остановившій Кривобокова. Подвели къ участку. Карповъ, приставъ и другіе въ одинъ голосъ заявляютъ: не тотъ, и меня отпускаютъ. Напуганный всѣмъ происшедшимъ, съ болью въ спинѣ отъ сильныхъ контузій (только благодаря тому, что на мнѣ было ватное пальто, а то пожалуй бы тоже не сдобровать) я кое какъ поплелся по улицѣ. Встрѣчаетъ городской, всматривается въ лицо, останавливаетъ и спрашиваетъ: куда идешь? домой, отвѣчаю.— Идемъ въ участокъ, командуетъ городской. Мною овладѣла апатія, удивительная безучастность ко всему, и я повиновался, тѣмъ болѣе, что бѣжать силъ не было, да это было бы бесполезно, а къ тому же и опасно: могъ пристрѣлить. Отправили въ тюрьму, а дня черезъ три или четыре судили военно-полевымъ судомъ. Меня оправдали, а тѣхъ двоихъ осудили на каторжные работы на 4 года каждый. Это было 11 ноября 1906 г. §

Послѣ этого я былъ конченый человѣкъ, и сотрудникомъ больше не могъ быть, хотя знавшіе меня «старики» революціонеры с-д. удивлялись, что я пошелъ къ какимъ то анархистамъ, въ провокатуру мою не вѣрили, но держались отъ меня въ сторонѣ.

О всемъ здѣсь описанномъ, т. е., объ исторіи провала знаетъ Н. В. Ильишевъ, помощникъ С. Г. Карпова, который кажется и теперь служитъ въ Ростовскомъ Охранномъ Отдѣленіи.

Мои попытки спустя нѣкоторое время вновь войти въ какую нибудь группу, въ с-д. ростовскую организацію, успѣхомъ не увѣнчались. Меня объявили провокаторомъ. Я уѣхалъ на Кавказъ.

На Кавказѣ я никакой революціонной дѣятельностью не занимался, жилъ въ ст. Кореновской, Куб. об., гдѣ служилъ на лѣсномъ складѣ вмѣстѣ съ отцомъ.

Съ 1908 г. мнѣ удалось пристроиться къ журналистикѣ въ г. Екатеринодарѣ. Работать началъ въ «Кубанскомъ Курьерѣ», а такъ какъ редакторомъ этой газеты былъ жидъ Финкельштейнъ,—

я перешелъ въ «Новую Зорю», въ которой работалъ съ нѣкоторыми перерывами вплоть до послѣдняго времени. О моемъ политическомъ прошломъ никто изъ товарищей по перу не зналъ ничего, да и вообще никто не зналъ.

Но въ августѣ, въ послѣднихъ числахъ, старая исторія провала, о которой я и самъ сталъ забывать, вдругъ всплыла неизвѣстно по чьему старанію наружу, и стала злобой дня среди газетчиковъ. Исторію страшно раздули, по свойственной журналистамъ привычкѣ преувеличили, и мнѣ делекатно, но настойчиво предложили убраться изъ редакціи, а когда пошелъ я по другимъ редакціямъ (тамъ 4 газеты) мнѣ вѣжливо отказывали, сожалѣя, что какой то досужій повѣса распустилъ про меня вздорную, нелѣпную исторію.

Такъ какъ провинціальный журналистъ—типъ «перекати поле», кочующій изъ одного города въ другой, то уже черезъ короткое время въ г. Баку мнѣ пришлось слышать отъ одного журналиста эту печальную исторію скандала со мной. Вообще, дорога въ прессу для меня закрыта навсегда и во всякомъ случаѣ на долгіе, долгіе годы.

Пытаться найти работу въ какомъ нибудь другомъ городѣ и газетѣ—безразсудно, потому что если будешь разоблаченъ въ одномъ да и въ другомъ мѣстѣ—въ концѣ концовъ попадешь на столбцы газетъ, а это безусловно смерть.

Между тѣмъ я успѣлъ себѣ составить извѣстное положеніе въ прессѣ за эти два года. Можно уже судить по тому, что заработка мой въ мѣсяцъ достигалъ въ среднемъ 100 р.; что въ этомъ году я получилъ серьезный постъ представителя и сотрудника гор. Новороссійска отъ газеты «Новая Зоря». Таковы отклики этой несчастной исторіи.

Безвыходность моего положенія, со одной стороны, сознаніе, что я еще могу быть полезенъ правительству—съ другой, заставляютъ меня обратиться къ Вашему Высокопревосходительству со слѣдующей просьбой: не найдете ли Вы возможнымъ оказать мнѣ единовременную денежную поддержку въ суммѣ четырехъ сотъ р. (400 р.) для того, чтобы я могъ приготовиться къ специальному экзамену на званіе народнаго учителя, а затѣмъ, поступивъ въ учителя, начать агентурную дѣятельность, давая свѣдѣнія о тайныхъ и вообще объ учительскихъ союзахъ, куда я конечно безпрепятственно войду какъ совершенно новый, никому неизвѣстный человѣкъ.

Положеніе мое во всѣхъ смыслахъ не «выдерживаетъ самой слабой критики», какъ говорятъ обыкновенно, и дѣйствительно, ума не приложу, какъ быть, если Ваше Высокопревосходительство откажете въ просьбѣ. Сейчасъ ужъ нуждаюсь, и довольно основательно, а впереди темно, ничего не видно. Андрей Евтихievъ Чумаковъ. Въ Отдѣленіи имѣлъ кличку «Чуркинъ». Военно-полевымъ судомъ судился подъ фамиліей «Аверьянова Алексѣя».

Р. С. Глубоко извиняюсь передъ Вашимъ Высочайше-превосходительствомъ за небрежность и несистематичность этого прошенія. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что пишу его въ гостинницѣ, въ общемъ залѣ; надо кончить пока мало публики, а у знакомыхъ, гдѣ я остановился, ужъ очень много грамотныхъ да еще и любопытныхъ.—Это прошеніе я посылаю изъ Ростова, куда пріѣхалъ позондировать почву насчетъ работы. Результаты самые плачевные: нигдѣ ничего. Разумѣю конторы, а о газетахъ и не помышляю.

Прошеніе Чумакова было препровождено Начальнику Донского Охраннаго Отдѣленія съ предложеніемъ сообщить объ авторѣ подробныя свѣдѣнія. Ротмистръ Леонтьевъ 11 окт. 1910 года донесъ Департаменту: «по имѣющимся даннымъ въ дѣлахъ Отдѣленія и объясненію состоящаго въ моемъ распоряженіи тит. сов. Ильешева, кр. Воронеж. губ. Андрей Евтихievъ Чумаковъ дѣйствительно состоялъ въ качествѣ секретнаго сотрудника, подъ кличкой «Чуркина» въ 1906 году при ввѣренномъ мнѣ Отдѣленіи, въ бытность начальникомъ сего Отдѣленія полковника Карпова. Личность Чумакова лично мнѣ неизвѣстна, но, по словамъ чиновника Ильешева, онъ въ свое время давалъ весьма цѣнныя и правдивыя свѣдѣнія по группѣ «анархистовъ-коммунистовъ», и изложенныя въ его прошеніи всѣ факты, вплоть до его провала и полевого суда, которымъ онъ судился подъ фамиліей мѣщанина Алексѣя Петрова Аверьянова,—соотвѣтствуютъ истинѣ».

Чумакову было выдано 200 рублей.

Императоры Вильгельмъ II и Николай II въ 1904—1907 г.г.

(Русскій переводъ переписки).

Въ № 1 «Былого» помѣщена статья Е. В. Тарле о телеграфной перепискѣ Вильгельма II съ Николаемъ II и напечатанъ англійскій текстъ переписки.

Въ настоящей книжкѣ мы даемъ русскій переводъ этой переписки, чтобы облегчить читателямъ, не читающимъ по англійски, непосредственное знакомство съ даннымъ историческимъ источникомъ. Конечно, кое-какія характерныя особенности стиля обоихъ корреспондентовъ не могутъ не ускользнуть при переводѣ, какъ бы точенъ онъ ни былъ. Любопытно отмѣтить, кстати, что Николай безусловно лучше владѣетъ англійскимъ языкомъ, чѣмъ Вильгельмъ. Николай пишетъ какъ человѣкъ, думающій на англійскомъ языкѣ, а Вильгельмъ явственно переводитъ какъ будто съ нѣмецкаго на англійскій; все построеніе фразъ у него—нѣмецкое, а не англійское. И тѣмъ болѣе бросается въ глаза внутренняя содержательность и внѣшняя энергія въ выраженіи мыслей—въ телеграммахъ германскаго императора, и безцвѣтность посланій его злополучнаго корреспондента.

Редакція.

Изъ Кіля, 16 іюня 1904 г.

Его Величеству Императору.

Визитъ дяди Альберта проходитъ, конечно, хорошо.—Онъ очень оживленъ и дѣятеленъ и весьма любезенъ. Его миролюбіе вполне опредѣленно, и является основаніемъ его готовности предложить свои услуги, какъ только онъ замѣчаетъ гдѣ-либо недоразумѣнія.—Погода по-просту отвратительная.—Сердечный привѣтъ Алисъ.—Искренно соболѣваю по поводу вашихъ новыхъ потерь въ корабляхъ и людяхъ.

(Подписано) Вилли.—А. ф. А.

Изъ Нордфюрдейдета, 20 июня 1904.

Его Величеству Императору.

Петергофъ.

Соболѣзную Вамъ по поводу смерти графа Келлера, храбраго солдата и дворянина. Сообщилъ о назначенномъ Вами срокѣ моему зятю; конечно, онъ Вамъ доложить. Быть можетъ, мой кузенъ Гогенцоллернъ будетъ наблюдать японскія войска въ ихъ расположеніи.—У насъ здѣсь прекрасная погода.—Сердечный привѣтъ Алисъ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Петергофа, 21 июня 1904.

Его Величеству Императору Германскому

Нордфюрдейдетъ.

Благодарю Васъ за соболѣзнованіе.—Видѣлъ Г-на Вигте, который докладывалъ о заключеніи трактата съ графомъ Бюловымъ.—Надѣюсь Вы наслаждаетесь отдыхомъ.—Я инспектировалъ всѣ войска перваго армейскаго корпуса.—Сердечный привѣтъ отъ насъ обоихъ.

(Подписано) Никки¹

Изъ Мольде, 5 іюля 1904.]

Его Величеству Императору.

Русскій крейсеръ «Смоленскъ» остановилъ пароходъ Германскаго Ллойда «Принцъ Генрихъ» и отобралъ всю корреспонденцію, направляющуюся въ Японію. Этотъ актъ нарушенія международнаго права вызоветъ въ Германіи большое изумленіе и негодованіе; принимая во вниманіе дружественныя чувства, проявляемыя къ Россіи нашей страной, я боюсь, что повтореніе такого акта приведетъ къ значительному уменьшенію симпатій, питаемой Германіей къ Вашей странѣ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Петергофа, 7 іюля 1904.

Его Величеству Императору.

Берлинъ.

Извините, что такъ поздно отвѣчаю; но только что вернувшись со смотра 22-й дивизіи, я не имѣлъ времени написать раньше.—Сожалѣю объ этомъ эксцессѣ и чрезмѣрномъ усердіи «Смоленска».—Будутъ приняты мѣры къ предупрежденію повторенія подобныхъ случаевъ. Было бы очень грустно, если бы единичный эпизодъ разстроилъ отличныя отношенія, существующія между нашими странами.—Я взялъ съ собою Вашего адъютанта графа Ламедор-

фа.—Вашъ Выборгскій полкъ представился въ очень хорошемъ видѣ.—Я сказалъ имъ, что увѣренъ, что они покажутъ себя достойными своего шефа.

(Подписано) Никки.

Изъ Дронтгейма, „Гогенцоллернъ“ 8/21 іюля 1904

Его Величеству Императору.

Петергофъ.

Очень благодарю.—Вполнѣ удовлетворенъ.—Надѣюсь, мой полкъ хорошо оправдываетъ Ваши надежды.—Сердечный привѣтъ Алисѣ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Дронтгейма, 10/23 іюля 1904.

Петергофъ.

Его Величеству Императору.

Только что слышалъ извѣстіе съ Гамбургской Линіи, что русскій «крейсеръ» захватилъ ихъ пароходъ «Скандію» подъ команду русскихъ офицеровъ и ушелъ въ неизвѣстномъ направленіи. Этотъ актъ есть открытое нарушеніе морского международнаго права и близко подходитъ къ пиратству.—Я думаю, давно пора, чтобы капитаны такъ называемыхъ крейсеровъ получили инструкціи, внушающія имъ удерживаться отъ дѣйствій, подобныхъ вышеописанному, такъ какъ они могутъ повлечь за собой международныя осложненія.

(Подписано) Вильгельмъ.

Изъ Петергофа, 11/24 іюля 1904.

Дронтгеймъ.

Его Величеству Императору.

Уже были даны приказанія капитанамъ остерегаться захватывать корабли, но трудно доставить имъ инструкціи, когда они находятся въ плаваніи. Пароходъ «Скандія» будетъ отпущенъ немедленно по прибытіи въ первый портъ.—Во время этой войны мы узнали, что изъ Европы въ Японію были перевезены огромныя массы контрабанды. Естественно, изъ чувства самозащиты мы вынуждены этому противодѣйствовать.—Надѣюсь, изъ этого вы увидите, что у Россіи не было ни малѣйшаго помышленія вызывать какое-либо горькое чувство въ Германіи. Тѣмъ не менѣе я очень сожалѣю о томъ, что произошло.

(Подпись) Никки.

Изъ Дронтейма, 11/24 іюля 1904, въ 8 ч. 20 м. вечера.

Петергофъ.

Его Величеству Императору.

Искреннѣйше благодарю. Извѣстіе объ освобожденіи «Скандін» отлично поможетъ устраненію печали и безпокойства, охватившихъ страну, особенно коммерческую часть населенія Германіи.—Желаю Вамъ скоро получить хорошія вѣсти съ фронта.—Сердечный привѣтъ Алисъ.—Здѣсь очень холодная погода.

(Подписано) Вилли.

Изъ Губертсштока, 8 октября (25 сент.) 1904 въ 6 ч. 25 м. по-полудни.

Ревель.

Его Величеству Императору.

Командиръ моего Выборгскаго полка телеграфировалъ мнѣ, что Вы милостиво засвидѣтельствовали доблесть полка, пожаловавъ большое число наградъ; какъ шефъ, я приношу Вамъ за это сердечную благодарность и выражаю мое удовольствіе по поводу доблестнаго поведенія выборжцевъ. Я знаю изъ газетъ, что флотъ находится на учебной стрѣльбѣ въ хорошо знакомыхъ мѣстахъ близъ Ревеля, гдѣ мы провели такіе восхитительные дни. Я надѣюсь, что онъ хорошо изучитъ свое дѣло и введетъ телескопическіе сигналы, имѣющіеся при орудіяхъ у японцевъ, но отсутствовавшіе въ Портъ-Артурскомъ флотѣ. Полагаю, что съ ледоставомъ флотъ можетъ избрать для себя базой Либаву или Кисегскую бухту близъ Датскаго берега, очень удобную зимой для ученія подъ парами и въ эскадренномъ строю. Такъ что съ наступленіемъ весны онъ можетъ быть готовъ къ походу на Востокъ, зная своихъ вождей, свои корабли и орудія, и тогда возстановитъ русское господство на морѣ.—Какъ и всѣ въ моей странѣ, я преисполненъ восторженнаго изумленія передъ храбростію Стесселемъ и его блестящимъ гарнизономъ; дай Богъ имъ удержаться. Суда, стоящіе въ гавани, главная приманка для японцевъ. Я надѣюсь, что они попытаются завлечь японскій флотъ и если имъ удастся загнать, или разбить, или причинить ущербъ 4 линіи военныхъ кораблей, оставшейся въ Японіи, то хотя бы они и погибли, они исполняютъ свой долгъ: они ослабятъ японскую морскую мощь и облегчатъ путь для побѣдныхъ дѣйствій Балтійскаго флота, которому по прибытіи на мѣсто будетъ легче бороться противъ ослабленнаго врага, не имѣющаго возможности во время исправить свои корабли или построить новые. Тогда морская сила будетъ снова въ вашихъ рукахъ, а съ японскими сухопутными войсками Вы можете легко справиться: Вы даете приказъ объ «общемъ наступленіи» Вашей арміи, и врагъ: А-ля-ла!—Шебеко привезъ мнѣ Ваше письмо, когда я кончалъ эту телеграмму. Сердечно благодарю. Я уже отдалъ приказъ, что

Гамбургско-Американская Линія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть стѣсняема и имѣть полную свободу дѣйствія.—Очень важно продержать эскадру здѣсь, пока всѣ корабли не будутъ вполне оборудованы, чтобы выйти всѣмъ вмѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе сильнаго, свѣжаго флота, съ большимъ числомъ—хотя бы частью и устарѣлыхъ—кораблей, будетъ имѣть хорошее дѣйствіе и рѣшить дѣло въ Вашу пользу: главное, чтобы Портъ-Артурскіе корабли постарались завлечь японцевъ и сгубить, разбить или испортить какъ можно больше японскихъ судовъ, чѣмъ подготавливать успѣхъ Балтійскаго флота, которому по приходѣ на мѣсто предстоитъ лишь прикончить съ остатками вражескихъ кораблей. Я полагаю, что для Васъ будетъ цѣлесообразнымъ начать постройку военныхъ кораблей на частныхъ заводахъ, какъ это сдѣлали японцы въ Англіи.—Такъ что, когда начнутся черезъ годъ или два мирные переговоры, Вы будете располагать свѣжимъ резервомъ, который дастъ Вамъ возможность осуществлять свою волю и поставить Васъ въ положеніе, не допускающее чуждаго вмѣшательства.--Сердечный привѣтъ Алисъ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Neues Palais 8/19 октября 1904.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Я получилъ изъ хорошаго источника извѣстіе, что бывшій японскій посланникъ въ Петербургѣ, Куроно вновь появился въ Европѣ. Онъ въ Парижѣ и, кажется, уполномоченъ склонить Францію и Англію—сердечное соглашеніе!—къ мирному посредничеству въ пользу Японіи.—Повидимому, японцы торопятъ также и китайцевъ, чтобы они выступили съ посредничествомъ.—Это показываетъ, что Японія близится къ истощенію своихъ силъ въ людяхъ и деньгахъ, и что при своихъ успѣхахъ въ Манджуріи, они полагаютъ, что можно остановиться и попытаться воспользоваться плодами своихъ усилій, вызвавши вмѣшательство другихъ державъ, и приобрѣсти Манджурію путемъ мирной конференціи. Я знаю Ваши планы о дальнѣйшемъ веденіи войны, что и послѣ тяжкихъ превратностей судьбы Вы не приложите руки къ подобнымъ дѣяніямъ,—но я считалъ долгомъ освѣдомить Васъ о томъ, что, повидимому, происходитъ за кулисами.—Я думаю, что нити всѣхъ этихъ дѣяній протягиваются черезъ Каналь.

(Подписано) Вилли.

Изъ Царскаго Села, 10 октября 1904.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Бывъ на охотѣ, я не могъ ранѣе отвѣтить на Вашу интересную телеграмму. Очень благодарю за сообщеніе о Японскихъ дѣйствіяхъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Я также объ этомъ слышалъ, но не могу вполне уяснить себѣ, идутъ ли нити отъ этихъ дѣяній черезъ Каналъ или, можетъ быть, черезъ Атлантическій океанъ. Вы можете быть увѣрены, что Россія будетъ въ этой войнѣ бороться до конца, пока послѣдній японецъ не будетъ прогнанъ изъ Манджурии, и только тогда можетъ возникнуть рѣчь о мирныхъ переговорахъ, и при томъ исключительно между всюющими сторонами.—Да поможетъ Вамъ Богъ.—Сердечно благодарю Васъ за Вашу лояльную дружбу, на которую я болѣе всего полагаюсь.

(Подписано) Никки.

Изъ Neues Palais, 14/27 октября 1904, въ 4 ч. 28 м. ночи.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Съ нѣкотораго времени въ англійской прессѣ идутъ толки о Германіи по поводу разрѣшенія снабжать въ пути углемъ русскій флотъ. Возможно, что японское и британское правительства предъявляютъ протестъ противъ снабженія нами Вашихъ кораблей углемъ, присоединивъ къ этому протесту «*sommatation*» (требованіе) о прекращеніи дальнѣйшаго снабженія. Результатъ, котораго этимъ способомъ добиваются,—абсолютная неподвижность Вашего флота и невозможность добраться по назначенію за отсутствіемъ топлива. Этой новой опасности могутъ смѣло смотрѣть въ глаза вмѣстѣ Россія и Германія, напомнивъ Вашей союзницѣ Франціи объ обязательствахъ, принятыхъ на себя двойственнымъ союзомъ, о «*casus foederis*». Не подлежитъ сомнѣнію, что Франція, получивъ такое приглашеніе, попытается уклониться отъ исполненія долга въ отношеніи союзницы. Но хотя Делькассе и «ярый» англофилъ, онъ настолько уменъ, чтобы понять, что англійскій флотъ совершенно не въ силахъ спасти Парижъ. Такимъ образомъ создастся мощная комбинація трехъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ, и англо-японской группѣ придется подумать, прежде чѣмъ противъ нея выступить.—Вопли Англіи по поводу снабженія нами русскихъ кораблей углемъ тѣмъ болѣе забавны, что съ самаго начала войны сама Англія—подаривъ Японіи два бронированныхъ крейсера «Ниссинъ» и «Кассуга», подъ управленіемъ британскихъ офицеровъ и съ командой,—постоянно снабжала японскій флотъ углемъ, отправивъ не менѣе 30 пароходовъ. Морскія битвы Того выигралъ кардифскимъ углемъ. Конечно, для

насъ было бы пріятнѣе, если бы англичане, разумно припомнивъ обо всемъ этомъ, оставили насъ въ покой. Но я ни за что не уступлю изъ-за страха передъ ихъ несправедливыми угрозами.— Я опечаленъ несчастнымъ случаемъ въ Сѣверномъ морѣ. Если флотъ боится ночныхъ атакъ, я думаю, что корабли достаточно могутъ быть ограждены отъ внезапныхъ нападеній сторожевыми огнями, которые можно направлять въ любую сторону. Примѣненіе орудій—особенно въ Европейскихъ водахъ—надо ограничить по возможности. Согласно моимъ свѣдѣніямъ изъ Лондона, шумятъ газеты и чернь, немного тревожится адмиралтейство, правительство же, дворъ и общество смотрятъ на это происшествіе съ величайшемъ спокойствіемъ, какъ на несчастную случайность, порожденную большой нервною.—Я получилъ достовѣрные извѣстія изъ Италіи, что судостроительный трестъ Терни (Терни, Одери, Орландо) строить 3 сильныхъ, быстроходныхъ броненосца, по 12 т. тоннъ, каждый для какой-то неназванной державы—вѣроятно, для Японіи; припомните мое недавнее увѣщаніе заказать новые линейные корабли, чтобы имѣть ихъ въ запасъ къ концу войны. Это будутъ отличные «убѣдительные аргументы» во время мирныхъ переговоровъ; наши частныя фирмы съ радостью возьмутъ заказы.—Я прикомандировалъ къ Вамъ въ свиту Ламздорфа и Персона, какъ и Вы любезно прислали ко мнѣ Шебеко.—Я глубоко тронутъ Вашей любезной оцѣнкой моихъ дѣйствій по отношенію къ Вамъ и Россіи и завѣряю, что Вы всегда можете разсчитывать на мою абсолютную вѣрность и лояльность.—Сердечный привѣтъ Алисъ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Царскаго Села, 16/28 октября 1904.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Ваша телеграмма пришла въ очень серьезный моментъ. Благодарю Васъ за нее сердечно. Конечно, Вы знаете первыя подробности инцидента въ Сѣверномъ морѣ изъ телеграммы нашего адмирала. Естественно, этимъ совершенно иначе представляется характеръ происшествія. У меня нѣтъ словъ для выраженія моего негодованія по поводу образа дѣйствій Англіи. Кажется, въ подобныхъ случаяхъ континентальныя державы противопоставляютъ общественному мнѣнію болѣе разумное поведеніе своихъ правительствъ. Последнее (т. е. англійское правительство) какъ будто подчиняется желаніямъ своей страны, предпринимаетъ опасныя шаги и шлетъ громовыя ноты, съ совершенно неприемлемыми условіями. Таково послѣдствіе дѣйствія подъ впечатлѣніемъ момента!—Сегодня я приказалъ Ламздорфу отправить моему лондонскому послу предложеніе передать весь вопросъ на разсмотрѣніе международной слѣдственной комиссіи, какъ постановлено прото-

коломъ Гаагской конференціи. Я вполнѣ присоединяюсь къ Вашему недовольству поведеніемъ Англіи въ вопросѣ о снабженіи углемъ нашихъ кораблей германцами, въ то время, какъ она сама правила о соблюденіи нейтралитета толкуетъ по своему. Дѣйствительно, пора этому положить конецъ. Единственный путь къ этому, какъ Вы говорите, въ объединеніи Германіи, Россіи и Франціи, съ цѣлью уничтоженія англо-японской дерзости и нахальства. Если бы Вы были любезны намѣтить основныя черты подобнаго договора и сообщить ихъ мнѣ. Какъ только онъ будетъ нами принятъ, Франція должна будетъ присоединиться къ своему союзнику. Эта комбинація часто приходила мнѣ на умъ, она дастъ міру миръ и спокойствіе.—Сердечный привѣтъ отъ Алисы.

(Подписано) Никки.

Изъ Neues Palais, 17/30 октября 1904 въ 9 ч. вечера.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Очень благодарю за телеграмму. Сегодня вечеромъ послалъ съ императорскимъ фельдъегеремъ письмо, заключающее проектъ договора, о которомъ Вы высказали пожеланіе.—Слышалъ изъ частнаго источника, что Гульскіе рыбаки уже признались, что видѣли среди своихъ лодокъ черный пароходъ, не принадлежавшій къ ихъ рыболовной флотилии, котораго они не знали! Такимъ образомъ тутъ игра была нечиста! Я думаю, что британское посольство въ Петербургѣ должно знать эту новость, хотя она куда скрывается отъ англійской публики, изъ страха «поризанія». Сердечный привѣтъ Алисѣ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Neues Palais, 2/15 ноября 1904 въ 4 ч. 33 мин. пополудни.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Изъ вѣрнаго источника въ Индіи я получилъ сокровенное сообщеніе, что экспедиція «à la Thibet» спокойно подготавливается для Афганистана. Предполагается сразу и вполнѣ подчинить эту страну британскому вліянію, а если возможно, прямому суверенитету. Экспедиція закончится въ этомъ мѣсяцѣ. Единственный европеецъ не англичанинъ, состоящій на афганской службѣ, директоръ оружейнаго завода эмира, германскій дворянинъ убитъ, какъ «неудобный» для этого дѣйствія! Потери японцевъ подъ Портъ-Артуромъ, по моимъ свѣдѣніямъ, достигаютъ 50 т. человекъ; слѣдовательно, они начинаютъ утомляться войной, такъ какъ они потеряли слишкомъ много людей. Это заставило ихъ просить въ Парижѣ и Лондонѣ о посредничествѣ, и поэтому-то

эти двѣ державы допустили въ своей прессѣ возобновленіе обсужденія ихъ посредничества. Японцы надѣются получить отъ нихъ на конгрессѣ Портъ-Артуръ и Манджурію.—Я готовлю отвѣтъ на Ваше любезное письмо, который, я увѣренъ, отвѣчаетъ Вашимъ желаніямъ. Сердечный привѣтъ Алисъ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Neues Palais, 6/19 ноября 1904 въ 10 ч. 33 мин. утра.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Ламздорфъ уѣзжаетъ ночью съ письмомъ. Мои сообщенія объ Индіи въ послѣдней телеграммѣ подтверждаются рѣчью лорда Сельборна, который касается Афганскаго вопроса. Я слышалъ изъ достовѣрнаго частнаго источника, что Токійскія власти обезпокоены будущимъ развитіемъ войны. Онѣ выражаютъ свое огорченіе по поводу того, что онѣ не достигли реального успѣха при Ляоянѣ при огромной потерѣ въ людяхъ, потому что у нихъ не было свѣжихъ резервовъ. Постоянный притокъ изъ Россіи свѣжихъ баталіоновъ далеко превосходитъ ихъ ожиданія, такъ какъ они никогда не думали, что Сибирская желѣзная дорога въ состояніи непрерывно поддерживать перевозку. Слѣдовательно они начинаютъ замѣчать, что въ то время, какъ ихъ кадры, особенно офицерскіе, истощаются въ конецъ, Ваша армія со дня на день растетъ въ силѣ, въ людяхъ и ударной мощи, и что всѣ военнаго счастья медленно, но вѣрно склоняются противъ нихъ. Одинъ японскій генералъ даже сказалъ: «намъ приходится теперь расхлебывать кашу, которую мы заварили!» Оправдались мои предположенія, что японцы втихомолку стараются склонить какую-нибудь другую державу къ посредничеству, потому что они теперь достигли предѣла своихъ успѣховъ. Лэнсдоунъ просилъ Гаяши сообщить Англіи условія, на которыхъ Японія хотѣла бы заключить миръ. Эти условія были переданы по телеграфу изъ Токіо, но они были такъ нелѣпы, что даже стремительный Лэнсдоунъ призналъ ихъ чрезмѣрными и настаивалъ, чтобы Гаяши ихъ умѣрилъ. Когда же они выразили неудовольствіе и стали вояжать, Лэнсдоунъ прибавилъ: «конечно, Англія очень будетъ стараться, чтобы при посредничествѣ Россія лишилась Манджуріи, Кореи и проч., такъ что de facto Японія получить все, что ей нужно»!! Вотъ что имѣютъ въ виду англичане, когда они говорятъ о дружбѣ и дружескомъ посредничествѣ. Франція, какъ я узналъ изъ Японіи, уже освѣдомлена объ этихъ планахъ и, конечно, содѣйствуетъ такой комбинаціи, такъ какъ—по обыкновенію новаго «дружественнаго соглашенія»—держитъ сторону Англіи. Они предлагаютъ Вамъ клочекъ Персіи, конечно, вваливъ отъ морского берега,—разумѣется!—который Англія захватитъ себѣ, боясь, чтобы Вы не подошли къ теплому морю, что Вамъ

принадлежить по праву, такъ какъ Персія вынуждена подчиниться русскому контролю и управленію. Этимъ былъ бы закрытъ великолѣпный торговый путь, котораго хочетъ Васъ лишить Англія. Впрочемъ, Ваши дипломаты уже ранѣе Вамъ обо всемъ этомъ сообщили, но я тѣмъ не менѣе счелъ своимъ долгомъ поставить Васъ въ извѣстность обо всемъ, что я знаю, о чемъ имѣю подлинныя серьезныя свѣдѣнія изъ абсолютно достоверныхъ источниковъ. Слова Лэнсдоуна также подлинныя. И такъ Вы видите, что будущее для Вашей арміи проясняется и скоро Вы будете въ состояніи повернуть счастье противъ враговъ. Дай Богъ Вамъ полнаго успѣха, а я между тѣмъ продолжаю всячески Васъ оберегать. Сердечный привѣтъ Алисъ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Царскаго Села, 7/20 ноября 1904, 7 ч. 50 м. вечера.

Новый Дворецъ.

Его Величеству Императору.

Графъ Ламздорфъ доставилъ мнѣ сегодня Ваше очень любезное и весьма интересное письмо. Сердечно благодарю Васъ также за вчерашнюю телеграмму съ важными сообщеніями. На дняхъ я пришлю Вамъ мой отвѣтъ и надѣюсь, что дѣло скоро уладится къ нашему взаимному благополучію. Алиса шлетъ Вамъ сердечный привѣтъ.

(Подписано) Никки.

Изъ Царскаго Села, 10/23 ноября 1904 въ 12 ч. 30 мин. дня.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Прежде чѣмъ подписанъ послѣдній проектъ трактата, я полагаю благоразумнымъ познакомить съ нимъ французовъ. Пока онъ не подписанъ, въ текстѣ можно произвести маленькія измѣненія, тогда какъ если бы онъ былъ принятъ нами обоими, то это имѣло бы видъ, что мы пытаемся насильно навязать трактатъ Франціи. Въ этомъ случаѣ легко могла бы случиться неудача, которая Вамъ, я думаю, совсѣмъ нежелательна. Поэтому я спрашиваю Вашего согласія на ознакомленіе французскаго правительства съ этимъ проектомъ и, получивъ ихъ отвѣтъ, я немедленно сообщу Вамъ по телеграфу.

(Подписано) Никки.

Изъ Царскаго Села 10/23 ноября 1904 въ 12 ч. 30 мин. пополудни.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Такъ какъ Императоръ Австрійскій писалъ Вамъ о соглашеніи, состоявшемся между Россіей и Австріей, я считаю своимъ

долгомъ освѣдомить Васъ и со своей стороны. Желая подкрѣпить наши усилія къ сохраненію мира и спокойствія въ балканскихъ дѣлахъ сообразно съ соглашеніемъ 1897 г., Императоръ и я рѣшили подписать секретную декларацію о соблюденіи лояльнаго и строгаго нейтралитета въ случаѣ, если одна изъ Имперій оказалась бы въ состояніи войны, безъ вызова со своей стороны, съ какой нибудь третьей страной, проявившей стремленіе къ нарушенію существующаго status quo. Естественно, эта декларація не касается какой либо малой Балканской страны и будетъ сохранять силу, пока Россія и Австрія поддерживаютъ свою политику мира въ юго-восточной Европѣ. Зная Ваши усилія, направленные къ сохраненію общаго мира, я увѣренъ, что это соглашеніе встрѣтитъ съ Вашей стороны сочувствіе и милостивое одобреніе.

(Подписано) Никки.

Изъ Moschen b. Kujau, 18/26 ноября 1904 въ 9 ч. 38 м. утра.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Благодарю за телеграмму. Вы дали мнѣ новое доказательство Вашей совершенной лояльности, рѣшившись не освѣдомлять Францію безъ моего согласія. Тѣмъ не менѣе, я твердо увѣжденъ, что было бы абсолютно опасно освѣдомить Францію, пока мы оба не подписали трактата; это произвело бы дѣйствіе, діаметрально противоположное нашимъ общимъ желаніямъ. Только абсолютная увѣренность, что мы оба связаны договоромъ о взаимной помощи, можетъ побудить французовъ къ оказанію давленія на Англію, чтобы она оставалась спокойной и сохраняла миръ, изъ боязни поставить Францію въ рискованное положеніе. Если же Франція будетъ знать, что русско-германскій договоръ только проектируется, но еще не подписанъ, то она немедленно подастъ въ точку своему другу (если не тайному союзнику) Англіи, съ которой ее связываетъ «entente cordiale». Послѣдствіемъ такого сообщенія будетъ немедленное нападеніе двухъ союзныхъ державъ Англіи и Японіи на Германію, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Ихъ громадное превосходство на морѣ скоро уничтожитъ мой небольшой флотъ, и Германія будетъ временно обезсилена. Этимъ измѣнится міровое равновѣсіе къ нашему общему вреду и послѣ, когда Вы начнете переговоры о мирѣ, Вы будете брошены на милостивое усмотрѣніе Японіи и ея торжествующихъ и побѣдоносныхъ друзей. Мое особенное желаніе—и насколько я знаю Ваши намѣренія—состояло въ томъ, чтобы поддержать и укрѣпить это угрожаемое міровое равновѣсіе именно при помощи соглашения между Россіей, Германіей и Франціей. Это возможно только, если наше соглашеніе станетъ заранѣе фактомъ, и если мы совершенно единодушны. Предварительное освѣдомленіе Франціи поведетъ къ катастрофѣ! Если бы Вы тѣмъ не менѣе не признали

для себя возможнымъ заключить договоръ безъ предварительнаго согласія Франціи, то было бы гораздо благоразумнѣе совѣтъ воздержаться отъ заключенія договора. Разумѣется, я буду абсолютно молчать о нашихъ переговорахъ, какъ этого вы желаете, и такъ же, какъ Вы сообщили о нихъ только Ламадорфу, я говорилъ только Бюлову, который гарантировалъ абсолютную тайну. Наши взаимныя отношенія и чувства останутся неизмѣнными, и я буду стараться принести Вамъ пользу въ той мѣрѣ, какъ это позволитъ мое благо. Ваше соглашеніе о нейтралитетѣ было мнѣ сообщено императоромъ Австрійскимъ, и я благодарю Васъ за Вашу телеграмму о томъ же. Я считаю его весьма существеннымъ и вполне его одобряю. Сердечный привѣтъ.

(Подписано) Виллп.

Изъ Царскаго Села, 15/28 ноября 1904, въ 10 ч. ночи.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Очень благодарю за телеграмму. Въ отвѣтъ на нее пошлю Вамъ письмо съ объясненіемъ дѣла. Я думаю, письмо лучше, чѣмъ шифрованіе длинныхъ телеграммъ, которыя могутъ привлечь ненужное вниманіе. Я прочно держусь того мнѣнія, что мы скоро можемъ притти къ полному единству взглядовъ на этотъ вопросъ, такъ сильно насъ обоихъ интересующій. Очень благодарю за Ваши откровенныя и милостивыя бесѣды съ Шебеко, который мнѣ о нихъ доложилъ.

(Подписано) Никки.

Изъ Neues Palais, 27 нояб./10 декб. 1904, въ 10 ч. 22 мин. вечера.

Царское Село.

Его Величеству Императору.

Ваше письмо отъ 7-го, за которое очень благодарю, встрѣтилось въ пути съ моимъ письмомъ отъ того же числа. Мы должны теперь прежде всего притти къ постоянному соглашенію по вопросу о снабженіи углемъ. Этотъ вопросъ теперь становится все болѣе и болѣе настоятельнымъ. Сегодня опять я получилъ серьезныя извѣстія изъ Портъ-Саида и Каптоуна; теперь нельзя больше тратить время. Никакая третья держава не должна слышать хотя бы шопота о нашихъ намѣреніяхъ, пока мы не заключили конвенціи относительно угольного дѣла; послѣдствія могутъ быть очень опасными. Разумѣется, я вполне полагаюсь на Вашу лояльность.

(Подписано) Вилли.

Изъ Царскаго Села, 28 нояб./11 декабря въ 5 ч. 5 м. пополудни.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Сердечно благодарю за Ваше письмо. Вполнѣ согласенъ, что оба наши правительства должны теперь притти къ постоянному соглашенію по вопросу о снабженіи углемъ. Ламздорфъ сегодня утромъ видѣлся съ Альвенслебеномъ. Вы можете вполнѣ положиться на мою лояльность и мое желаніе притти къ скорому разрѣшенію этого важнаго вопроса.

(Подписано) Никки.

Изъ Царскаго Села, 29 ноября/12 декабря 1904 въ 7 ч. 45 мин. по полуд.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Я приказалъ моему министру иностранныхъ дѣлъ передать графу Альвенслебену ноту о моемъ полномъ согласіи съ Вашимъ желаніемъ по вопросу о снабженіи углемъ. Счастливъ сообщить Вамъ это.

(Подписано) Никки.

1906 г. (вѣроятно, начало года).

Черновикъ, карандашемъ.

При разслѣдованіи угольного дѣла я узналъ, что два агента Гамбургско-Американской линіи находятся въ Петербургѣ для переговоровъ о продажѣ угольщиковъ, но что Вашъ народъ не хочетъ покупать, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ свободныхъ экипажей для угольщиковъ. Это не можетъ быть правдой, и я предполагаю, что желаніе мира, во что бы то ни стало, господствуетъ въ настроеніи тѣхъ партій, которыя говорятъ о невозможности. Навѣрное нѣсколько сотенъ матросовъ, съ офицерами и механиками, могутъ быть взяты изъ эскадры Чернаго моря, — которая нѣкоторымъ образомъ остается бездѣйствующей — и посланы прямо на пароходахъ черезъ Суэцкій каналъ въ Мадагаскаръ. Ихъ можно помѣстить на угольщики много раньше прихода 3-ей эскадры въ Мадагаскаръ, для чего Рождественскій немного подождетъ, если онъ хочетъ избѣгнуть пораженія, такъ какъ вторая эскадра слабѣе японскаго флота. Ваше счастье, что французы всегда, даже вопреки своимъ собственнымъ интересамъ въ войнѣ съ Германіей, отстаивали ту статью морскихъ законовъ, согласно которой суда воюющихъ державъ могутъ оставаться нѣкоторое время въ нейтральныхъ портахъ, не разоружаясь. Такимъ образомъ французское правительство имѣетъ полное право позволить второй эскадрѣ оставаться у Мадагаскара до прихода 3-ей. Русскія команды для угольщиковъ такимъ образомъ имѣютъ достаточно времени, чтобы добраться до Носибѣ и высадиться на свои суда.

Снабженіе угольщиков новыми командами дастъ Рождественскому законное основаніе стоять въ Носибэ, пока онъ не будетъ подкрѣпленъ 3-ей эскадрой. Если кто-нибудь станетъ Вамъ совѣтовать позволить Рождественскому атаковать японцевъ до прибытія подкрѣпленій, Вы могли бы его спросить, готовъ ли онъ принять на себя отвѣтственность за результатъ.

Вилли.

1905—1 февраля.

Берлинъ.

Его Величеству Императору.

Адмиралъ Рождественскій вчера телеграфировалъ въ третій разъ, что два угольщика Гамбургско-Американской линіи еще не получили отъ своей компаніи приказанія слѣдовать далѣе Мадагаскара подъ германскимъ флагомъ. Соглашеніе относительно денежныхъ гарантій отъ опасностей войны было заключено черезъ банкъ Мендельсона, но Гамбургско-Американская линія опасается отдать приказаніе до полученія инструкціи отъ канцлера. Будьте такъ милостивы дать необходимое разрѣшеніе, безъ котораго дальнѣйшее плаваніе эскадры становится совершенно невозможнымъ.

Никки.

Изъ Берлина: 2/15 февраля 1906, въ 12 ч. 55 м. по полудн.

Я говорилъ при началѣ этого дѣла о снабженіи углемъ, что я ничего не буду дѣлать въ предупрежденіе [погрузки угля]. Я не могу давать никакихъ инструкцій по этому дѣлу, такъ какъ это частное предпріятіе. Гамбургско-Американская линія знаетъ положеніе и должна дѣйствовать со своей собственной отвѣтственностью. Держась этой точки зрѣнія, я приказалъ дать знать Баллину по телеграфу, что помимо меня и моего правительства онъ свободенъ дѣйствовать, какъ признаетъ правильнымъ, разумѣется, на свой собственный рискъ.

Вилли.

26 мая 1905. Изъ Петергофа (помѣтка карандашомъ).

Его Величеству Императору Германскому.

Берлинъ.

Миша вернулся сегодня въ восторгѣ отъ Вашей любезности и гостеприимства. Онъ повторилъ мнѣ все, что Вы хотѣли ему сказать. На слѣдующій день послѣ Вашего письма, явился американскій посолъ Мейеръ, просилъ меня видѣть. Я принялъ его вчера. Превидентъ поручилъ ему передать тѣ предложенія, о которыхъ Вы мнѣ писали. Я согласился, съ тѣмъ условіемъ, чтобы сохранялась полнѣйшая тайна, пока

японцы не дадутъ согласія на начало предварительныхъ съ ними переговоровъ. Конечно, если бы ихъ требованія оказались неразумными, переговоры прекратились бы. Сердечный привѣтъ отъ обоихъ насъ.

Никки.

1905 (юль, (карандашомъ).

Изъ Шведскаго порта въ Вотническомъ заливѣ, сѣвернѣе Стокгольма, около 100 миль отъ Вазы.

Въ скоромъ времени я буду возвращаться и не могу пройти мимо входа въ Финскій заливъ, не пославъ Вамъ сердечнаго привѣта и пожеланій. Если бы Вамъ доставило нѣкоторое удовольствіе меня видѣть—на берегу или на Вашей яхтѣ—конечно, я всегда къ Вашимъ услугамъ. Я хотѣлъ бы явиться, какъ простой туристъ, безъ всякихъ торжествъ.

(Юль 1905).

Его Величеству Императору Германскому.

Гернезандъ.

Въ восторгѣ отъ Вашего предложенія. Будетъ ли Вамъ удобно встрѣтиться въ Бьёркесундѣ, около Выборга, въ красивомъ, спокойномъ мѣстѣ, живя на нашихъ яхтахъ? Въ эти серьезныя времена я не могу далеко отлучаться изъ столицы. Разумѣется, наша встрѣча будетъ совершенно простой и домашней. Смотрю впередъ съ сильной радостью, что Васъ увижу.

Никки.

Изъ Nyland, 7/20 іюля 1905, въ 1 ч. 25 мин. по полудни.

Очень счастливъ. Удобно ли Вамъ, если я прибуду къ Вашей якорной стоянкѣ—Бьёркесундъ—въ воскресенье 10/23 вечеромъ? Моя яхта сидитъ въ водѣ 6½ метровъ; былъ бы благодаренъ за надежнаго лоцмана для входа въ бухту. Не откажите сообщить, гдѣ Вы станете на якорь. Я сохранилъ все дѣло въ полной тайнѣ, такъ что даже мои близкіе на борту ничего не знаютъ; такъ же и дома никто не освѣдомленъ. Я въ восторгѣ, что Васъ увижу. Надѣюсь, что Вамъ не будетъ непріятнымъ мое «сѣверное общество» (Nordland's Gesellschaft)—которое всегда меня сопровождаетъ въ теченіе 15 лѣтъ. Сердечный привѣтъ.

Вилли.

Отвѣтъ на телеграмму 7 іюля 1905.

Его Величеству Императору.

Ниландъ.

Буду въ воскресенье 10/23 къ вечеру въ Бьёркесундѣ. Относительно надежнаго лоцмана распорядился. Якорная стоянка

будетъ между островами Бьёрке и Кавицой. До сихъ поръ сохранялъ въ тайнѣ наше предполагаемое свиданіе. Такъ счастлива Васъ видѣть. Желаю Вамъ пріятнаго пути. Сердечный привѣтъ.

Никки.

Изъ Ниланда, 8/21 іюля 1905, въ 1 ч. 25 мин. пополудни.

Очень благодаренъ. Надѣюсь прибыть 23/10 въ 7 ч. вечера. Пожалуйста пришлите лодмана на встрѣчу намъ изъ Гохланда. Ни у кого нѣтъ ни малѣйшаго помысла о свиданіи; знаетъ только мой капитанъ, которому я приказалъ сохранять абсолютную тайну. Всѣ мои гости думаютъ, что мы идемъ въ Висби на Готландъ. Я въ высшей степени радъ, что снова увижу Васъ: у меня имѣются для Васъ важнѣйшія новости. Хороши будутъ фizioноміи моихъ гостей, когда они внезапно увидятъ Вашу ахту! Ловкая продѣлка! Tableaux! Какой костюмъ для встрѣчи.

Вилли.

Отвѣтъ на телеграмму 8 іюля 1905.

Его Величеству Императору.

Ниландъ.

Пароходъ съ лодманомъ будетъ ждать Вашего прибытія у южной оконечности острова Гохланда 10/23 іюля при восходѣ солнца. Миша будетъ меня сопровождать. Сердечный привѣтъ.

Никки.

Съ „Данцига“—16/29 іюля 1905, въ 1 ч. 28 мин. пополудни.

Моя жена шлетъ привѣтъ и благодаритъ за Вашу любезную телеграмму. Телеграммы Рейтера сообщаютъ о выходѣ флота изъ Британскаго канала въ Балтійское море къ нашимъ портамъ, безъ отдачи условныхъ визитовъ. Или Англія встревожена нашимъ свиданіемъ, или они хотятъ напугать меня! Это придаетъ еще болѣе вѣсу моей бесѣдѣ въ Копенгагенѣ. Вы получите сегодня мое письмо. Смѣю Вамъ совѣтовать опубликовать Булыгинскій законъ какъ можно скорѣе, такъ чтобы представители русскаго народа были избраны скоро. Пока это совершится, откроется мирная конференція и станутъ извѣстны условія, предложенныя обѣими сторонами. При направленіи преобладающемъ въ Россіи, разочарованныя массы будутъ пытаться взвалить всю отвѣтственность за всякія невыгодныя послѣдствія на Ваши плечи, а удачу припишутъ ловкости Витте. Было бы отлично, если бы въ качествѣ перваго дѣла для этихъ представителей Вы предложили имъ вотировать мирный трактатъ послѣ того, какъ онъ будетъ формулированъ, оставляя такимъ образомъ odium рѣшенія странъ, и давая русскому народу голосъ

по дѣлу, касающемуся его собственнаго процвѣтанія, котораго они такъ хотятъ. Исходъ будетъ и хъ дѣломъ, и глотка оппозити будетъ заткнута.—Сердечный привѣтъ Алисъ.

Вилли.

Отвѣтъ на телеграмму 16 іюля 1906.

Его Величеству Императору.

«Данцигъ».

Я глубоко тронутъ Вашимъ любезнымъ письмомъ и благодарю Васъ за телеграмму. Тоже слышалъ о предполагаемомъ появленіи флота Британскаго канала въ Балтійскомъ морѣ.— Ваше посѣщеніе Копенгагена очень своевременно. Надѣюсь, Вы будете довольны результатомъ тамошнихъ Вашихъ бесѣдъ. Буду съ нетерпѣніемъ ждать отъ Васъ вѣсточки объ этомъ визитѣ. Сердечный привѣтъ Викторіи отъ насъ обоихъ. Желаю Вамъ успѣха.

Никки.

Изъ Зассница (остр. Рюгенъ) 2 авг./22 іюля 1906, въ 1 ч. ночи.

Посѣщеніе мое прошло прекрасно, при высшихъ знакахъ любезности со стороны всей фамиліи, особенно со стороны Вашего дорогаго стараго дѣдушки. Вскорѣ послѣ пріѣзда, читая газетные отчеты—датскіе и иностранные, я увидѣлъ, что по отношенію къ моему визиту возникло очень сильное теченіе недовѣрія и предубѣжденія, идущее особенно изъ Англіи; король такъ напуганъ, и общественное мнѣніе такъ направлено, что я не былъ въ состояніи коснуться того вопроса, о которомъ, какъ мы условились, я долженъ былъ съ нимъ говорить. Англіійскій министръ, обѣдая съ однимъ изъ моихъ придворныхъ, выражался обо мнѣ крайне несдержанно, обвиняя меня въ самыхъ низкихъ намѣреніяхъ и интригахъ, и заявляя, что всякій англичанинъ знаетъ и убѣжденъ въ томъ, будто я подстраиваю войну противъ Англіи, съ цѣлью ея сокрушенія. Вы можете себѣ представить, какой сумбуръ такой человѣкъ можетъ поселить въ умахъ Датской фамиліи, двора и народа. Я сдѣлалъ все для меня возможное, чтобы разогнать эту тучу недовѣрія своимъ совершенно безпечнымъ видомъ, избѣгая при томъ всякихъ намековъ на серьезные политическіе вопросы; такимъ образомъ, имѣя въ виду многочисленные каналы, идущіе изъ Копенгагена въ Лондонъ, а также общезвѣстное отсутствіе осторожности при Датскомъ дворѣ, я остерегся что-либо сообщить о нашемъ союзѣ, такъ какъ это было бы немедленно передано въ Лондонъ, что представляется совершенно недопустимымъ, поскольку трактатъ долженъ теперь оставаться тайнымъ. Послѣ долгой бесѣды съ Извольскимъ я могъ заключить, что нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Рабенъ, и нѣкоторые другія вліятель-

ныя лица пришли уже къ убѣжденію, что въ случаѣ войны и предстоящаго нападенія на Балтику со стороны иностранной державы Датчане ожидаютъ—такъ какъ ихъ безсиліе и безпомощность въ поддержаніи хотя бы тѣни нейтралитета совершенно очевидны,—отъ Россіи и Германіи принятія немедленныхъ мѣръ, къ огражденію ихъ интересовъ при помощи оккупации Даніи на время войны. Въ виду того, что этимъ гарантируется ихъ территория и будущее династіи и страны, Датчане подчиняются этому исходу и примиряются съ нимъ. Такъ какъ это именно то, чего Вы желаете и на что надѣетесь, то я полагаю лучшимъ не касаться этого дѣла въ разговорахъ съ Датчанами и удержался отъ всякихъ намековъ; ибо лучше предоставить этой идеѣ самой развиваться и укрѣпляться въ ихъ сознаніи, чтобы они сами пришли къ окончательнымъ выводамъ, такъ чтобы они по собственному почину признали нужнымъ опереться на насъ и пойти по одному пути съ нашими двумя странами. «Tout vient à qui sait attendre».

Вопросъ объ отправленіи Карла въ Норвегію разработанъ до мельчайшихъ подробностей, и въ виду полного согласія Англіи, тутъ уже ничего не остается дѣлать. Я бесѣдовалъ съ Карломъ о его предположеніяхъ и нашелъ, что онъ трезво смотритъ на вещи, безъ всякихъ иллюзій.

Что Вы скажете о программѣ празднествъ Вашихъ союзниковъ въ Cowes? Всѣ крымскіе ветераны приглашены на свиданіе со своими бывшими «братьями по оружію», сражавшимися съ ними противъ Россіи! Въ самомъ дѣлѣ, очень деликатно! Это показываетъ, что я былъ правъ, предупреждая Васъ два года тому назадъ о возрожденіи старой «Крымской комбинаціи». Они снова сильно воспаляются мнѣніемъ!

Погода прекрасная. Сердечный привѣтъ Алисъ.

Вилли.

Отвѣтъ на телеграмму 22 іюля 1905.

Его Величеству Императору.

Заснищъ.

Горячо благодарю Васъ за интересныя подробности. Радъ, что Вашъ визитъ прошелъ хорошо. Вы совершенно правы, что не дали возможности что-либо узнать о нашемъ союзѣ. Такъ какъ вопросъ объ отправленіи Карла въ Норвегію рѣшенъ, я понимаю, что больше нечего дѣлать. Жду донесенія Извольскаго по вопросу о Датскомъ нейтралитетѣ въ его послѣдней фазѣ. Сердечный привѣтъ отъ Алисы и отъ меня.

Никки.

Изъ Вильгельмсгее. 7/20 августа 1906, въ 11 ч. 34 мин. утра.

Мой посолъ сообщилъ мнѣ, что Вы приказали опубликовать указъ о созывѣ «Великой Думы», что положеніе о ней составлено приблизительно по образцу нашего «Staatsrath'a», предоставляя ей видъ «законосовѣщательнаго органа». Прошу Васъ принять мои горячія поздравленія съ этимъ великимъ шагомъ впередъ въ развитіи Россіи. Изъ газетъ я вижу, что въ общемъ мирные переговоры идутъ удовлетворительно, но что есть нѣкоторые пункты, по которымъ соглашеніе затруднительно. Прежде чѣмъ Вы окончательно рѣшитесь на заключеніе мира или продолженіе войны—я представляю себѣ великолѣпнымъ приемомъ съ Вашей стороны, если бы первымъ предложили на обсужденіе «Великой Думы» этотъ вопросъ... Такъ какъ она представляетъ русскій народъ, то ея отвѣтъ былъ бы голосомъ Россіи. Если она рѣшитъ въ пользу мира, то Вы уполномочены народомъ заключить миръ на основаніи предложеній, сдѣланныхъ Вашимъ делегатамъ въ Вашингтонѣ; и если такимъ образомъ Россія сама думаетъ, что ея честь не затронута, то Вы можете вложить Вашъ мечъ въ ножны, со словами Франциска I: «tout est perdu fors l'honneur». Никто въ Вашей арміи или въ странѣ, или во всемъ свѣтѣ не имѣетъ права порицать Васъ за это дѣйствіе. Если наоборотъ «Дума» признаетъ условія непріемлемыми, а Японское правительство откажется отъ трактата на иной основѣ, то опять-таки пменно Россія, черезъ посредство «Думы», приглашаетъ Васъ, своего императора, продолжать бой, принимая этимъ на себя полную отвѣтственность за всѣ послѣдствія, и освобождая передъ міромъ и грядущей исторіей отъ упрека въ томъ, что вы пожертвовали тысячами сыновъ Россіи, не спросивъ страны и даже противъ ея желанія. Это будетъ великимъ побужденіемъ и укрѣпленіемъ для Вашего личнаго дѣйствія. такъ какъ Вы будете себя чувствовать какъ бы подвинутымъ волею Вашего народа, который рѣшилъ биться до конца, не взирая на время, потерпѣнія и лишения,—и это единственный возможный путь для дѣйствія, если война должна продолжаться. На Вашемъ мѣстѣ я не упустилъ бы этого перваго и отличнаго случая проникнуть въ сокровенное, соприкоснуться съ чувствами и желаніями Вашей страны по вопросу о войнѣ или мирѣ, давая русскому народу давно желанную возможность участвовать въ рѣшеніи, касающемся его будущности, — на что онъ положительно имѣетъ право—и такимъ образомъ представляя немедленно «Думѣ» отличный случай поработать и показать, на что она пригодна, и насколько она соответствуетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя всѣ на нее возлагаютъ. Рѣшенія, которыя теперь требуются, страшно серьезны по своимъ послѣдствіямъ и простираются такъ далеко, что совершенно невозможно для какого-нибудь смертнаго государя взять отвѣтственность исклю-

чительно на себя безъ помощи своего народа! Да будетъ съ Вами Богъ!—Не забывайте линейнаго производства по гвардіи.

Вилли.

(Отвѣтъ на телеграмму 7 авг. 1905).

Вильгельмстее.

Его Величеству Императору.

Примите мою горячую благодарность за Вашу любезную телеграмму, глубоко меня тронувшую. Я не могъ Вамъ отвѣтить раньше, потому что былъ занятъ маневрами близъ Краснаго Села. Тотъ интересъ, который Вы проявляете къ будущему созыву «Думы», доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я вѣрю, что лояльность и здравый смыслъ моего народа много помогутъ его развитію въ этомъ совѣщательномъ учрежденіи. За послѣднія 3 мѣсяца много думалъ по вопросу о войнѣ и мирѣ. Я получаю теперь телеграммы, письма, адреса и пр. съ просьбами не заключать мира на тяжелыхъ условіяхъ. Есть два пункта, изъ-за которыхъ всякій хорошій русскій человѣкъ согласенъ продолжать борьбу до конца, если Японія на нихъ настаиваетъ: ни клочка нашей территоріи, ни одного рубля контрибуціи. И это какъ разъ тѣ, въ которыхъ Японцы не хотятъ уступить. Ничто иное не можетъ меня побудить согласиться на эти два требованія. Поэтому нѣтъ надежды на миръ въ настоящій моментъ. Вы знаете, какъ я ненавижу кровопролитіе, но все же оно предпочтительнѣе позорнаго мира, когда разбивается въдребезги вѣра въ себя, въ свое отечество. Завтра, быть можетъ, этотъ вопросъ разрѣшится. Я готовъ самъ понести всю отвѣтственность, такъ какъ моя совѣсть чиста, и я знаю, что огромная масса моего народа меня оправдаетъ. Я отлично сознаю огромную серьезность переживаемаго момента, но не могу дѣйствовать иначе. Благодарю Васъ за вниманіе къ моимъ волненіямъ. Сердечный привѣтъ отъ Алисы.

Никки.

Изъ замка Роминтенъ, 11 сент. 1906, въ 12 ч. 20 м. дня.

Его Величеству Императору.

Согласно Вашему любезному приказанію, Витте будетъ здѣсь 26/13 с. мѣс. Освѣдомленъ ли онъ о нашемъ договорѣ? Могу ли я сказать ему о немъ, если онъ не знаетъ? Сердечный привѣтъ Алисѣ. Убилъ здѣсь четырехъ оленей, ничего особенно большого; погода свѣжая и хорошая. Waidmanns Heil!

Его Величеству Императору.

Роминтенъ.

До сихъ поръ освѣдомлены о трактатѣ великій князь Николай, военный министръ, начальникъ генеральнаго штаба и Ламздорфъ. Ничего не имѣю противъ того, чтобы Вы о немъ сказали Витте. Наслаждаюсь стоянкой на «Полярной Звѣздѣ». Прекрасная сухая погода. Привѣтъ отъ Алисы. Waidmanns Dank.

(Подписано) Никки.

Изъ замка Гомбургъ 4 сѣнтября 9 ч. 30 м. утра.

Витте, какъ я слышалъ, возвращается. Не разрѣшили ли бы Вы ему посѣтить меня мимоходомъ по пути въ Россію? Потому что я намѣренъ наградить его орденомъ по поводу его содѣйствія заключенію торговаго договора, который онъ выработалъ въ прошломъ году съ Бюловымъ. Счастливаго плаванья! Наши маневры оченъ интересны, въ пріятной мѣстности, но очень сыро. Сердечный привѣтъ Алисѣ.

Вилли.

Каблограмма изъ Вашингтона принесла мнѣ извѣстіе о принятіи конференціей предварительныхъ условій мира, чѣмъ обеспечивается, повидному, окончательное заключеніе мира. Позволю себѣ выразить мое сердечное сочувствіе, что найдено рѣшеніе, дающее Россіи возможность выйти изъ войны съ честью, которое является данью уваженія къ доблести Вашей арміи и къ Вашей твердости въ защитѣ правъ и національной чести Россіи. Я слышалъ, это Японцы уступили всѣмъ Вашимъ требованіямъ. Президентъ Рузвельтъ, какъ я слышалъ, приложилъ почти сверхчеловѣческія усилія къ тому, чтобы склонить японцевъ на уступки. Онъ дѣйствительно совершилъ великое дѣло для Вашей страны и для всего міра. Тѣмъ болѣе, что, какъ я слышалъ, Англія положительно отказалась хоть немного помочь ему въ томъ, чтобы склонить своихъ союзниковъ-японцевъ на уступки его пожеланіямъ. Еще разъ сердечно поздравляю. Я радъ, если въ чемъ-либо былъ Вамъ полезенъ за это время. Сердечный привѣтъ Алисѣ.

Изъ Глюксбурга на Сѣверномъ морѣ, 29 сѣнтября.

Заключеніе договора—какъ мы признали въ Бьёрке—не идетъ въ разрѣзъ съ франко-русскимъ союзомъ,—конечно, если этотъ послѣдній не направленъ противъ моей страны. Съ другой стороны обязательства Россіи въ отношеніи Франціи имѣютъ значеніе постольку, поскольку она заслуживаетъ благодарности за свое поведеніе. Ваша союзница открыто оставляла Васъ безъ помощи въ теченіе всей войны, тогда какъ Германія помогала

Вамъ всячески, насколько она могла, не нарушая законовъ нейтралитета. Это налагаетъ на Россію моральныя обязательства въ отношеніи насъ: *do ut des*. Въ то время, какъ разоблаченія Делькассе показали всему міру, что Франція, будучи Вашей союзницей, тѣмъ не менѣе вошла въ соглашеніе съ Англіей и была совсѣмъ готова съ помощью Англіи напасть на Германію врасплохъ среди мира, тогда какъ я прилагалъ всѣ силы на пользу Вашу и Вашей страны, ея союзницы. Это опытъ, который не долженъ повториться снова и противъ повторенія котораго я долженъ ожидать Вашей защиты. Я исполнѣ съ Вами согласенъ, что нужно много времени, труда и терпѣнія, чтобы побудить Францію присоединиться къ намъ, но разумные люди заставляютъ въ будущемъ себя слушать и чувствовать! Наше мароккское затрудненіе улажено къ полному удовлетворенію, такъ что атмосфера благоприятствуетъ взаимному пониманію. Нашъ договоръ—хорошій фундаментъ для дальнѣйшей постройки. Мы соединили наши руки и засвидѣтельствовали передъ Богомъ, который слышалъ наши общанія. Поэтому я думаю, что трактатъ можетъ вступить въ силу. Но если Вы желаете какихъ-либо измѣненій въ редакціи статей или постановленій, имѣя въ виду разныя случайности въ будущемъ—какъ въ настоящемъ безусловный отказъ со стороны Франціи, что невѣроятно—то я съ радостью приму всякія предложенія, какія Вы мнѣ сдѣлаете. Пока такихъ предложеній не послѣдуетъ, и пока они не будутъ мною приняты, трактатъ долженъ нами соблюдаться въ томъ видѣ, какъ онъ есть.—Вся Ваша вліятельная печать—Исвости, Новое Время, Русь и пр.—недѣли двѣ тому назадъ стала до крайности антигерманской и англофильской. Отчасти онѣ подкуплены, судя по вѣскимъ признакамъ, безъ сомнѣнія, англійскими деньгами. Это внушаетъ, однако, моему народу большую осторожность и сильно вредитъ вновь возникающимъ между нашими странами отношеніямъ. Такія обстоятельства показываютъ, что времена смутны, и что мы должны держаться яснаго направленія; трактатъ, который мы подписали, есть средство къ сохраненію прямого пути, не противорѣча Вашему союзу, какъ таковому. Что подписано, подписано! и Богъ намъ свидѣтель! Буду ждать Вашихъ предложеній. Сердечный привѣтъ Алисъ.

(Подписано) Вилли.

Изъ Петергофа, 30 сент., въ 8 ч. 45 м. утра.

Glücksburg, Hohenzollern.

Его Величеству Императору.

Такъ какъ Фрицъ Леопольдъ пріѣзжаетъ въ воскресенье послѣ того, что во многихъ случаяхъ былъ подъ огнемъ, могу ли я его наградить Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени? Генералъ

Линевичъ донесъ мнѣ о его хладнокровіи и прекрасномъ образѣ дѣйствій во многихъ дѣлахъ въ маѣ мѣсяцѣ. Привѣтъ.

(Подписано) Никки.

Изъ Кия, 18 окт./30 сент., 1905 г. въ 1 ч. 45 м. по полудни.

Петергофъ.

Его Величеству Императору.

Очень тронуть и благодаренъ за Ваше милостивое намѣреніе. Я завидую ему по поводу этой желанной награды; сердечный привѣтъ. Ужасная погода.

(Подписано) Вилли.

Изъ Neues Palais, 2/15 октября 1905, въ 2 ч. 27 м. дня.

Петергофъ.

Его Величеству Императору.

Съ радостью узналъ, что мой зять вернулся съ войны подъ Вашъ кровъ. Очень благодарю за великую честь награжденія его крестомъ Св. Георгія! Кажется, главный европейскій смутянь въ Лондонѣ опять принялся за свое дѣло. Разоблаченія Делькассе, однако, ужасно скомпрометтировали его и его правительство, такъ какъ они готовили войну противъ нашей дружественной мирной націи! Какъ лѣсной разбойникъ, онъ отправилъ Бенкендорфа—Вашего посла—въ Копенгагенъ съ секретной миссіей къ Вашей матери, съ инструкціей склонить ее къ тому, чтобы она повліяла на Вашу политику во враждебномъ ко мнѣ направленіи. Лондонское министерство иностранныхъ дѣлъ знаетъ объ этой позадѣ, отрицаемой Вашимъ здѣшнимъ посольствомъ. Конечно, я можетъ быть, плохо освѣдомленъ, но необычайное поведеніе Англіи даетъ мнѣ основаніе полагать, что Вамъ не вредно знать о всѣхъ этихъ происшествіяхъ.—Странно, что Вашъ посолъ отдаетъ себя въ распоряженіе для такихъ продѣлокъ, такъ какъ онъ могутъ вызвать новое раздраженіе, а я думаю, что съ насъ совершенно достаточно и прежнихъ непріятностей. Сердечный привѣтъ. Погода ужасная.

(Подписано) Вилли.

4/17 октября 1905.

Его Величеству Императору.

Neues Palais.

Благодарю за Вашу телеграмму. Бенкендорфъ ѣздилъ съ моего разрѣшенія, такъ какъ моя мать пригласила его, какъ друга Датской фамиліи. Какая была бесѣда, я не знаю. Но я могу рѣшительно Вамъ завѣрить, что мною ничто не можетъ руководить, кромѣ интереса благосостоянія и чести моей страны! Бенкендорфъ лояльный человѣкъ и настоящій джентльменъ. Я знаю, что онъ никогда

не склонится на какія нибудь плутни, даже если-бы онъ исходилъ отъ самого «великаго смутяна». Разоблаченія Делькассе чрезвычайно важны, но я думаю, что бесѣды Бюлова съ газетными корреспондентами не многимъ помогли выясненію положенія. Я скоро буду Вамъ писать. Фрицъ Леопольдъ смотритъ очень хорошо. Сердечный привѣтъ отъ насъ обоихъ.

Никки.

(1906).

Его Величеству Императору.

Гамбургъ.

Очень милостиво съ Вашей стороны, что Вы хотите видѣть Витте и наградить его. Мы наслаждались во время нашего плаванія прекрасной прохладной погодой. Привѣтъ отъ насъ обоихъ.

Никки.

Изъ Neues Palais, 18/26 ноября 1906.

Благодарю за письмо. Буду отвѣчать, переговоривъ съ канцлеромъ. Ваше свѣдѣніе о Таттенбахѣ неправильно. Онъ дѣйствовалъ все время въ согласіи со своимъ дорогимъ товарищемъ, и оба они недавно покинули Фецъ. Я совершенно согласенъ, что надо всячески избѣгать осложненій въ Европѣ или вблизи ея. Бояться за нихъ возможность въ Марокко не приходится. Но Македонія и Балканы гораздо опаснѣе; и морская демонстрація противъ Турціи въ настоящій моментъ можетъ повести къ совсѣмъ неожиданнымъ послѣдствіямъ, если мусульманскій міръ со своимъ «amour propre» почувствуетъ давленіе на своего владыку. Тутъ можно раскрыть работу «Крымской комбинаціи».

Вилли.

19 ноября 1906.

Neues Palais.

Его Величеству Императору.

Благодарю за Ваше любезное письмо, которое доставило мнѣ большое удовольствіе. Нашъ союзъ съ Франціей оборонительный. Я думаю, что посланная мною Вамъ декларація остается въ силѣ, пока Франція не приметъ нашего новаго соглашенія. Конечно, я приложу всѣ усилія, чтобы довести Мароккскую конференцію до общаго взаимнаго пониманія. Сердечный привѣтъ отъ насъ обоихъ.

Никки.

25 ноября 1906.

Берлинъ.

Его Величеству Императору.

Флигель-адъютантъ Шебеко долженъ получить новое назначеніе. Я предполагаю замѣнить его полковникомъ Татищевымъ изъ моихъ гвардейскихъ гусаръ. Онъ былъ долгое время при дядѣ Владимірѣ, бывалъ часто въ Берлинѣ, говоритъ очень хорошо по-

нѣмецки. Я думаю произвести его въ генералы въ день моихъ именинъ, и съ Вашего одобренія прикомандировать его къ Вашей особѣ. Въ то же время мнѣ хотѣлось-бы знать, не находите-ли Вы необходимымъ для насъ назначить снова спеціальныхъ военныхъ атташе, кромѣ Ламздорфа и Татищева. Сердечный привѣтъ отъ Алисы.

Никки.

Изъ Neues Palais ^{30 ноября}_{13 декабря} 1906, въ 8 ч. 20 мин. утра.

Полковника Татищева, котораго Вы предполагаете назначить состоять при мнѣ, я охотно приму. Что касается Вашего вопроса о спеціальныхъ военныхъ атташе, кромѣ состоящихъ «à la suite» при насъ лично, я полагаю такое назначеніе практичнымъ. Прежде всегда такъ было. Личные атташе ставятся въ непріятное и затруднительное положеніе, если имъ приходится исполнять ихъ «службу» одновременно съ состояніемъ при государяхъ. Они предназначаются исключительно для почетной обязанности выслушивать и передавать добросовѣстно официальные военные и конфиденціальныя сообщенія, получаемыя отъ государей или съ разрѣшенія государей отъ официальныхъ военныхъ властей. Это должны быть лица безупречнаго характера, на которыхъ государи могутъ вполне полагаться, и должны располагать полнѣйшимъ довѣріемъ офицеровъ императорскихъ главныхъ квартеръ, къ которымъ они принадлежать. Этимъ подразумѣвается, что они не имѣютъ ничего общаго съ обычной «службой» простыхъ военныхъ агентовъ. Положеніе Вердера при Вашемъ дѣдушкѣ хорошій примѣръ того, чѣмъ они должны быть. Сердечный привѣтъ Алисъ.

Вилли.

1906 ^{июня 10}_{апрѣля 27.}

Берлинъ.

Его Величеству Императору.

Съ перемѣной министерства графъ Ламздорфъ удаляется, и я намѣренъ замѣнить его Извольскимъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу его оставить въ Берлинѣ, но теперь мнѣ его услуги нужны здѣсь. Увѣренъ, что Вы это поймете. Переѣхалъ въ Петергофъ, такъ какъ установилась настоящая лѣтняя погода. Видѣлъ сегодня Татищева, который передалъ мнѣ Ваши любезныя порученія. Сердечный привѣтъ отъ обоихъ.

Никки.

Іюня 10 (апрѣля 27) 1906, изъ Страсбурга, 6 ч. 45 м. дня.

Петергофъ.

Его Величеству Императору.

Благодарю за извѣщеніе объ Извольскомъ, которое я совершенно понимаю. Здѣсь также установилось лѣто, всѣ каштаны и

сирень въ полномъ цвѣтѣ, и воздухъ очень теплый. Сердечный привѣтъ Алисъ.

Вильямъ.

(6 іюля 1906).

(Черновикъ карандашомъ).

Вы знаете, какъ я радовался нашему свиданію, предстоявшему въ первыхъ числахъ августа. Но дѣла становятся настолько серьезными, что я рѣшилъ скоро распустить Думу. Я увѣренъ, Вы поймете, что при такихъ обстоятельствахъ я не могу удалиться изъ своей страны. Съ искреннимъ сожалѣніемъ я долженъ на нѣкоторое время отложить мой визитъ къ Вашимъ берегамъ. Эта невольная отсрочка усиливаетъ мое нетерпѣніе Васъ видѣть. Сердечный привѣтъ отъ обоихъ.

Съ „Гамбурга“ (Троядьемъ) 7/20 іюля 1906 г., въ 10 ч. 55 мин. утра

Глубоко сожалѣю, что мы не можемъ свидѣться, но вполнѣ понимаю причины, препятствующія Вамъ удалиться въ этотъ моментъ изъ Вашей страны. Питаю горячую надежду, что мы свидимся послѣ, въ болѣе спокойныя времена. Богъ да будетъ съ Вами и да хранить Васъ. Сердечный привѣтъ Алисъ.

Вилли.

Изъ Вильгельмсгее 8/16 августа 1906, въ 6 ч. 52 м. вечера.

Визитъ дяди Берти прошелъ весьма пріятно. У него хорошій видъ, и онъ кажется въ хорошемъ настроеніи. Мы оба признали, что поддержаніе дружественныхъ отношеній между нашими странами благотѣльно не только для нихъ, но и для всѣхъ другихъ націй. Я искренно вѣрю, что обмѣнъ взглядовъ между дядею Берти и мною, направленный къ поддержанію общаго мира, будетъ полезенъ для Васъ и Вашей великой Имперіи.

Вилли.

(2 августа 1907 ?).

Свиданіе съ дядею Берти удовлетворительно. Дядя въ хорошемъ настроеніи и расположенъ миролюбиво. Очевидно, подъ впечатлѣніемъ македонской смуты, считаетъ необходимыми соединенныя представленія въ Аѣинахъ. На вопросъ короля о современномъ положеніи Россіи я былъ счастливъ сообщить, что, какъ я отъ Васъ слышалъ, все идетъ хорошо, такъ какъ роспускъ Думы подобенъ роспуску двухъ португальскихъ парламентовъ его двоюроднымъ братомъ Карлосомъ. — Послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней вчера установилась прекрасная погода, и я совершилъ прогулку на автомобилѣ по тихимъ лѣсамъ въ окрестностяхъ. Надѣюсь, что Вы и Алиса въ добромъ здоровьи. Сердечный ей привѣтъ.

4 августа 1906.

(Черновикъ карандашомъ).

Вильгельмсгее.

Горачо благодарю Васъ за Вашу любезную телеграмму. Поддержаніе дружественныхъ отношеній между Германіей и Англіей абсолютно необходимо для міра. Я радуюсь результату визита дяди Берти.

Никки.

28 августа 1906.

Берлинъ.

Его Величеству Императору.

Получивъ донесеніе Татищева о Вашемъ мнѣніи относительно присутствія Бориса на маневрахъ, я отозвалъ его съ границы. Сердечный привѣтъ.

Никки.

Изъ Травемюнде, 17/80 іюня 1907, въ 11 ч. 25 м. ночи.

Я получилъ отъ Татищева Ваше любезное предложеніе прибыть въ Свинемюнде около 6 августа, выѣхавъ изъ Петергофа 4-го. Я очень благодаренъ за это намѣреніе, но если бы было Вамъ возможно прибыть 3-го, я предпочелъ бы этотъ день, такъ какъ я уже утвердилъ программу моего инспекторскаго смотра, который начинается 6 августа, а измѣнить ее нельзя, не привлекая общаго вниманія. Я узналъ также отъ капитана Гинце, что Вы можете пріѣхать между 23 іюля и 14 августа, и потому надѣюсь, что 3-е не будетъ для Васъ неудобно. Пожалуйста, увѣдомьте меня, подходитъ ли Вамъ 3-е. Тогда дамъ капитану Гинце распоряженія о подробностяхъ нашего свиданія, котораго я ожидаю съ сердечной радостью.

Вилліамъ.

Изъ Петергофа, 18 іюня/1 іюля 1907, въ 11 ч. 30 м. веч.

Травемюнде.

Его Величеству Императору.

Съ удовольствіемъ согласенъ пріѣхать 3 августа новаго стиля. Для меня это также очень удобно. Буду благодаренъ за подробности, сообщаемыя черезъ Гинце. Желаю Вамъ пріятнаго плаванія на сѣверъ.

Никки.

Перев. А. Бороздинъ.

Типографія Л. Н. Толстого.

Распространеніе въ восьмидесятихъ годахъ религіозно-философскихъ сочиненій Л. Н. Толстого вызвало крайнюю тревогу департамента полиціи, и онъ прилагалъ великія усилія къ тому, чтобы раскрыть, какимъ способомъ совершается это распространеніе, и не причастенъ ли къ этому преступному дѣйствію самъ знаменитый «писатель земли русской». 8 апрѣля 1886 г. директоръ департамента, П. Н. Дурново обратился къ московскому оберъ-полиціймейстеру Козлову со слѣдующимъ «совершенно конфиденціальнымъ» запросомъ: «Департаментомъ полиціи изъ совершенно негласныхъ источниковъ получены свѣдѣнія, будто бы въ домѣ проживающаго въ Москвѣ гр. Льва Толстого устроена тайная типографія для печатанія его тенденціозныхъ произведеній, состоящая въ непосредственномъ управленіи неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ. Сообщая о семъ совершенно довѣрительно В. П-ву, имѣю честь покорнѣйше просить не отказать въ распоряженіи о провѣркѣ самымъ секретнымъ образомъ, въ какой мѣрѣ изложенное извѣстіе заслуживаетъ вѣроятія».

Однако, должно быть, къ великому огорченію П. Н. Дурново и его шефа, министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстого, интересовавшагося дѣломъ, ген. Козловъ сообщилъ, что «по поводу устройства будто бы графомъ Толстымъ тайной типографіи для печатанія своихъ запрещенныхъ сочиненій, нѣсколько разъ поступали заявленія объ этомъ, но путемъ негласнаго наблюденія и секретныхъ развѣдокъ извѣстія эти не подтвердились».

Критика и библиографія.

А. Н. Герценъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Подъ редакціей М. К. Лемко. Изданіе наследниковъ автора. 1—8 томы. Петроградъ 1915—1917. (Разсчитано на 20 том., подписная цѣна—40 р.).

Наконецъ то русская читающая публика получаетъ собраніе сочиненій властителя думъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, удовлетворяющее требованіямъ полноты и тщательности редакціи.

Первое, 10 томное собраніе сочиненій Герцена вышло въ Женеvѣ въ 1875—79 г., но оно было и неполно, и неудовлетворительно; а сверхъ того оно было и недоступно для русской публики въ силу цензурнаго запрета.

Другое, 7-ми томное изданіе было выпущено фирмой Павленкова въ С.-Петербургѣ весной 1905 г. Несмотря на значительныя дополненія, сравнительно съ первымъ, оно въ наиболѣе существенномъ и наиболѣе характерномъ для Герцена было еще менѣе полно; вѣдь по нему предварительно прошлась рука цензора, оставившая очень явственный и очень печальный слѣдъ своей работы. Что же касается тщательности редакціи, то это изданіе было едва ли не хуже перваго.

Въ настоящее время передъ нами лежатъ первые томы новаго изданія, изданія полнаго и вполне серьезнаго. Въ него должны войти всѣ сочиненія Герцена, какъ тѣ, которыя были опубликованы при жизни автора или послѣ его смерти, такъ и тѣ, которыя никогда не были опубликованы, но рукописи которыхъ удалось найти редактору изданія. Далѣе въ него должны войти всѣ письма Герцена, опубликованныя гдѣ либо прежде и впервые найденныя редакторомъ. Наконецъ въ немъ редакторъ даетъ обстоятельный комментарий.

Первый томъ открывается дѣтскими письмами Герцена, 8-ой заканчивается произведеніями 1857 г., напечатанными въ первыхъ нумерахъ Колокола, какъ разъ тогда начавшаго выходить. Сочиненія Герцена выходятъ послѣ революціи, и ихъ изданіе само по себѣ служитъ яркимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того, что, какъ бы печально ни шли дѣла въ нашемъ отечествѣ, все же есть нѣкоторыя безспорныя и, будемъ надѣяться, окончательныя, завоеванія революціи: писатель, за сношенія съ которымъ при его жизни люди отправлялись въ ссылку, имя котораго долгое время не допускалось въ печати и замѣнялось инициалами, объ изданіи сочиненій котораго въ сколько нибудь полномъ видѣ нельзя было и думать до послѣдней минуты,—теперь лежитъ передъ нами въ полномъ видѣ,—конечно въ предѣлахъ того періода, который охватывается первыми томами (1820—57).

Къ этимъ словамъ нужно впрочемъ сдѣлать одну оговорку.

М. К. Лемке началъ печатаніе сочиненій Герцена еще 2 года тому назадъ. Подъ предисловіемъ, помѣщенномъ въ первомъ томѣ, имѣется дата:

11 іюля 1915 г. Всѣ восемь томовъ были напечатаны еще до революціи,—и потому Лемке не рѣшился,—и съ полнымъ основаніемъ,—печатать произведенія Герцена цѣликомъ. Предваряя работу цензуры, онъ самъ прошелся цензорскимъ карандашомъ по всѣмъ восьми томамъ своего изданія и сдѣлалъ купюры, которыя считалъ необходимыми, отмѣтивъ ихъ точками. Такихъ купюръ много и съ каждымъ томомъ ихъ число увеличивается; въ 8-мъ ихъ около 400, но каждая въ отдѣльности не велика: по большей части Лемке выкидывалъ одно-два-три слова, которыми могли бы дать поводъ для конфискаціи книги съ привлеченіемъ къ суду за оскорбленіе величества или Господа Бога; нерѣдко подвергались ostracismу слова «царь», «Николай» (I), «Богъ», «Дѣва Марія», эпитеты «позорный и гнусный» въ примѣненіи къ какой либо исторіи, связанной съ носителемъ верховной власти, и т. д.; сравнительно рѣдко это абзацы въ нѣсколько строкъ,—но не больше.

Напечатать первые томы «Сочиненій Герцена», Лемке не выпускалъ ихъ въ свѣтъ. Намъ неизвѣстны его соображенія, заставившія его поступить такъ, но въ одномъ отношеніи это оказалось выгоднымъ для Герцена: выпускъ его въ обращеніе только теперь, Лемке получилъ возможность въ концѣ каждаго тома прибавить по нѣскольку страницъ «Исключеній, сдѣланныхъ при печатаніи до революціи». Въ 8 томѣ такіа исключенія занимаютъ цѣлыхъ 14 страницъ, въ болѣе раннихъ томахъ—меньше.

Просматривая эти «Исключенія», нельзя не признать, что Лемке въ своей дореволюціонной осторожности далеко перешагнулъ границы необходимаго. Онъ самъ готовъ признать, что свои купюры онъ дѣлалъ «можетъ быть съ преувеличенной осторожностью, изъ нежеланія подвергать изданіе какому бы то ни было риску» (т. I, стр. XX), и нельзя не признать, что слова о «преувеличенной осторожности» сами вовсе не преувеличены. Лемке вычеркиваетъ всѣ указанія на убійство Петра III Екатериной II, на ея любовныя приключенія, вытравляетъ рѣзкіе отзывы о Павлѣ I и Николаѣ I, которые уже давно вошли въ литературный обиходъ, и развѣ до 1905 г. могли вызвать цензурное запрещеніе, да и то во многихъ случаяхъ только со стороны провинціальной (предварительной), но не со стороны петербургской (карательной) цензуры. Если Лемке обнаруживаетъ «преувеличенную осторожность» въ томъ, что касается носителей короны, въ томъ числѣ и такихъ давнихъ, какъ Екатерина II (и даже болѣе раннихъ), то едва ли не еще болѣе «преувеличенную осторожность» онъ обнаруживаетъ во всемъ, что касается религіи, и что, какъ ему очевидно казалось, могло бы подать поводъ для обвиненія въ кошунствѣ. Только удивленіе можно почувствовать при видѣ того, какъ въ статьѣ о польскомъ революціонерѣ Ворцелѣ (VIII, 497) во фразахъ «угасла святая и великая жизнь», «да, Ворцель былъ святой человѣкъ», «все, что насъ поражаетъ въ святыхъ, мы встрѣчаемъ въ немъ», оказываются систематически вытравленными слова «святая, святой, святыхъ».

Необходимость, читая книгу и, безпрестанно наталкиваясь на многоточія, заглядывать въ ея конецъ, разбѣиваетъ вниманіе читателя и вызываетъ въ немъ чувство досады, тѣмъ болѣе сильное, что даже перенесясь мыслью въ періодъ цензурнаго гнета послѣднихъ передъ революціею годовъ, онъ не можетъ не сознавать совершенной ненужности очень многихъ купюръ, едва ли не большей ихъ половины.

Но все таки онъ имѣетъ возможность прочесть цѣликомъ любое изъ

напечатанных въ «Собраніи Сочиненій Герцена» произведеній, въ томъ числѣ и такіа, какъ знаменитая статья «Августѣйшіе путешественники» изъ № 1 Колокола (1857, VIII т. стр. 572), съ ея явительнымъ и остроумнымъ описаніемъ путешествія за границу императрицы Александры Федоровны, и это благодаря съ одной стороны энергіи редактора Лемке, а съ другой благодаря революціи, давшей возможность напечатать и «Исключенія».

«Сочиненія Герцена» въ ихъ настоящемъ видѣ представляютъ плодъ большого и безукоризненно добросовѣстнаго труда редактора, исполненнаго съ горячей любовью къ великому писателю. Лемке отдалъ этому труду 10 лѣтъ; такъ говоритъ онъ самъ, и стоитъ хотя бы бѣгло просмотрѣть выпущенные имъ томы, чтобы сразу повѣрить этому. Лемке работалъ въ различныхъ архивахъ Петербурга, Москвы, Ватки (гдѣ Герценъ былъ въ ссылкѣ), ѣздилъ за границу, наводилъ справки въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ пятидесятихъ годовъ, сносился со множествомъ людей, знававшихъ Герцена, и его упорный трудъ не пропасть даромъ. Ему удалось выяснитъ принадлежность Герцену многихъ анонимныхъ статей въ провинціальныхъ изданіяхъ; удалось отыскать рукописи, какъ нѣкоторыхъ уже напечатанныхъ произведеній Герцена и установить достовѣрный ихъ текстъ, такъ и произведеній, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ; ему удалось собрать громадную коллекцію писемъ Герцена, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ. Когда изданіе будетъ закончено, то передъ нами встанетъ весь Герценъ во весь свой ростъ.

Нельзя однако не отмѣтить въ изданіи и нѣкоторыхъ крупныхъ дефектовъ.

Очень важнымъ дефектомъ является общій планъ изданія. Въ его основу Лемке положилъ хронологическій порядокъ, — и это конечно совершенно правильно. Но изъ правильнаго принципа онъ сдѣлалъ крайніе и совершенно неправильные выводы. Онъ объединилъ вмѣстѣ и «сочиненія», и письма, и различные дѣловые бумаги, вроде дѣтскаго прошенія, поданнаго Герценомъ въ 1820 г. о зачисленіи на службу, которымъ даже открывается «Собраніе Сочиненій». А между тѣмъ въ этомъ самомъ прошеніи сказано, что «прошеніе сочинялъ и на бѣло переписывалъ титулярный совѣтникъ Николай Степановъ сынъ Никоновъ» и только «къ сему прошенію Александръ Ивановъ сынъ Герцена руку приложилъ».

Подобное дѣтское прошеніе (Герцену тогда было 8 лѣтъ), очевидно, можетъ и даже должно имѣть мѣсто въ біографическихъ матеріалахъ, въ приложеніяхъ, но не въ текстѣ «Собранія Сочиненій» ¹⁾.

¹⁾ А кромѣ того оно должно быть напечатано тщательно: вѣдь родительныя падежи „Герцена“ есть очевидная ошибка или опечатка вмѣсто „Герценъ“. Въ приѣханіи Лемке указываетъ, что это прошеніе было напечатано въ „Быломъ“ въ 1907 г., № 7, но напечатано „неисправно“; онъ же свѣрилъ его съ подлинникомъ въ Архивъ Императорскаго двора. Дѣйствительно, въ текстѣ прошенія, напечатанномъ въ „Быломъ“, есть нѣкоторыя неточности, въ родѣ предлога „въ“ вмѣсто „во“ („во удостовѣреніе“), но эти неточности „Былого“ въ прошеніи, написанномъ какимъ то Никоновымъ, менѣе важны, чѣмъ грубая неточность въ собственноручной подписи Герцена, допущенная Лемке. Въ „Быломъ“ рядомъ съ печатнымъ текстомъ имѣется и факсимиле послѣдней страницы подлинника, и подпись маленькаго Герцена совершенно отчетлива: „Александръ Ивановъ сынъ Герценъ“. Такимъ образомъ безъ справки въ архивъ, Лемке могъ бы исправить свою ошибку.

Нужно замѣтить, что опечатокъ, — и при томъ не оговоренныхъ въ довольно длинныхъ перечняхъ опечатокъ — весьма много, и часто опечатокъ грубыхъ. Между тѣмъ Лемка въ предисловіи утверждаетъ, что онъ „имѣетъ основаніе считать корректуру (своего изданія) болѣе, чѣмъ

Притомъ хронологическій порядокъ, принятый Лемке, какой то странный.

Возьмемъ для примѣра 1848 г. (г. V). Онъ открывается письмомъ Герцена къ Коршу, Грановскому и Кавелину изъ Рима; письмо (впервые публикуемое въ полномъ видѣ, датировано 30 января 1848 г. и полно живыми, яркими отголосками надвигающейся на Европу революціонной грозы. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ шутивая надпись въ одну строчку на книгѣ, поднесенной Герценомъ Маріи Каспаровнѣ Эрнъ (Рейхель), не представляющая ровно никакого интереса, а затѣмъ извѣстная повѣсть Герцена «Сорока-Воровка». Читая ее, недоумѣваешь: дѣйствіе повѣсти происходитъ въ крѣпостнической Россіи, вся она—яркій протестъ противъ крѣпостного права, но европейскія впечатлѣнія не отразились на ней ни въ малѣйшей степени, отголосковъ надвигающейся грозы нѣтъ и въ поминѣ. Въ концѣ загадка разъясняется: подъ повѣстью дата: 26 января 1846 г. Какимъ же образомъ попала она въ 1848 г.? Отвѣтъ можно найти въ библиографическихъ примѣчаніяхъ и въ общемъ редакторскомъ предисловіи къ 1 тому сочиненій: повѣсть была написана въ 1846 г., но напечатана впервые въ февральской книжкѣ «Современника» за 1848 г., а Лемке, для ишемъ соблюдая хронологическій порядокъ ихъ написанія, для сочиненій, напечатанныхъ самимъ Герценомъ, держится другого принципа: онъ размѣщаетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ первоначальнаго напечатанія, если только есть вѣроятность, что Герценъ внесъ въ корректуру какія нибудь исправленія. «При наличности (серьезныхъ измѣненій) данное произведеніе уже нельзя разсматривать, какъ относящееся къ болѣе ранней эпохѣ, и (его) должно поставить сообразно датѣ такого сознательнаго привнесенія»; только если серьезныхъ измѣненій нѣтъ, то «произведеніе можно считать почти соответствующимъ своей первоначальной редакціи и безъ методологической ошибки слѣдуетъ дать ему мѣсто по датѣ первоначальнаго написанія» (т. I, стр. XV).

Изъ этого слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что при корректированіи «Сороки Воровки» Герценъ внесъ въ свою повѣсть серьезные измѣненія, которые и дали редактору право отнести ее къ произведеніямъ 1848 г. Какія же это измѣненія?

Изъ библиографическихъ примѣчаній къ ней мы узнаемъ, что рукопись ея утеряна, и что оно дается по тексту «Современника». Слѣдовательно—ни о какихъ измѣненіяхъ мы ничего достовѣрнаго не знаемъ, и даже не имѣемъ основаній предполагать ихъ. Цензурная дата на книжкѣ «Современника»—31 января 1848 г., Герценъ въ это время былъ въ Римѣ, желѣзной дороги въ Петербургъ тогда не было, и можно сказать съ увѣренностью, что Герценъ корректуры не держалъ, а если бы и держалъ, то во всякомъ случаѣ за долго до написанія письма къ Коршу.

Но все содержаніе, вся повѣсть дышетъ совсѣмъ иными, не заграничными впечатлѣніями, и безъ всякаго сомнѣнія ее слѣдовало помѣстить именно въ произведенія 1846 года, какъ это и сдѣлано въ женеvскомъ изданіи.

удовлетворительной (особенно со включеніемъ исправленій, указанныхъ въ „опечаткахъ и дополненіяхъ“ каждаго тома)“; поэтому онъ считаетъ ненужнымъ особо оговаривать ошибки, сдѣланныя въ письмахъ самимъ Герценомъ, и проситъ „всѣякіе кажущіеся пропуски редактора или корректора въ текстѣ Герцена считать принадлежащими автору“ (I т. стр. XX).

Къ сожалѣнію, Лемке не правъ: корректура оставляетъ желать многого, и часто, при видѣ явной, но нигдѣ неоговоренной ошибки въ какомъ либо герценовскомъ письмѣ приходится оставаться въ недоумѣніи, кому принадлежитъ эта ошибка: Герцену или корректору изданія.

Непосредственно за «Сорокой Воровкой» въ женеvскомъ изданіи идетъ другая повѣсть Герцена «Докторъ Круповъ», и совершенно правильно: она датирована самимъ Герценомъ 10 февраля 1846 г., и трудно не замѣтить ея близости къ «Сорокѣ Воровкѣ». Между тѣмъ у Лемке она помѣщена (по времени напечатанія въ («Современникѣ»), совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, въ сочиненіяхъ 1847 г. (на этотъ разъ, правда, съ нѣкоторой, не особенно убѣдительною мотивировкой), а за «Сорокой Воровкой» слѣдуетъ письмо къ Анненкову изъ Рима отъ 5 марта 1848 г., затѣмъ статья «объ историческомъ развитіи чести», тоже не имѣющая никакого отношенія къ 1848 г.: она написана въ 1843 г., передѣлана въ 1846 г., и только напечатана въ 1848 г.

Тотъ же самый порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, господствуетъ на протяженіи всѣхъ восьми томовъ.

Совершенно ясно, что вообще письма нельзя смѣшивать съ сочиненіями, нельзя во первыхъ принципиально, такъ какъ это—произведенія совершенно разныхъ порядковъ; во вторыхъ технически, такъ какъ письмо обыкновенно пишется въ одинъ день, а сочиненія пишутся и передѣлываются цѣлыми годами,—и правильное хронологическое размѣщеніе тѣхъ и другихъ въ переѣжку все равно невозможно. Но если уже признать такой странный порядокъ, то держаться его слѣдуетъ послѣдовательно, т. е. размѣщая сочиненія по времени ихъ написанія, а не по случайному признаку ихъ напечатанія.

Въ своемъ пристрастіи къ хронологіи, Лемке идетъ еще дальше. Одно и то же произведеніе, писавшееся годами, онъ разбиваетъ на части и рассовываетъ по разнымъ годамъ, разбавляя ихъ письмами, посторонними статьями и т. д. Такъ онъ поступилъ съ «Дневникомъ» 1842—45, который разбитъ по отдѣльнымъ годамъ. Спасибо еще, что не по мѣсяцамъ и не по днямъ. А почему бы не сдѣлать и этого?

Произвести такую же вивисекцію надъ величайшимъ произведеніемъ Герцена, его «Былымъ и Думами», Лемке не рѣшился и обѣщалъ помѣстить его цѣликомъ въ слѣдующихъ томахъ (въ вышедшіе теперь первые 8 оно не вошло). А между тѣмъ соблазнъ разбить его на хронологическія части былъ очень великъ: вѣдь оно не только писалось, но и печаталось первоначально въ теченіе многихъ лѣтъ, иногда съ долгими перерывами, и разные части выражаютъ различное настроеніе и даже различныя убѣжденія. Но и тутъ Лемке не послѣдователенъ. Предисловіе къ XXIII главѣ «Былого и Думъ», напечатанное самимъ Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ этой главы, и перепечатанное на своемъ мѣстѣ въ Женеvскомъ изданіи, Лемке помѣщаетъ почему то отдѣльно подъ 1855 г. (т. VIII, стр. 583). Почему? Объясненій нѣтъ. А между тѣмъ въ своемъ предисловіи къ I тому онъ особенно и вполне опредѣленно оговариваетъ отступленіе отъ общаго хронологическаго порядка въ пользу герценовскихъ предисловій къ позднѣйшимъ изданіямъ его произведеній, считая нужнымъ печатать ихъ вмѣстѣ съ самими произведеніями, къ которымъ они относятся. Зачѣмъ же было отступать отъ разъ принятаго порядка?

Благодаря нецѣлесообразному, болѣе того, крайне странному порядку размѣщенія матеріала, и еще болѣе благодаря невыдержанности даже этого страннаго порядка, «Сочиненія» Герцена въ изданіи Лемке читаются лишь съ большимъ трудомъ. Читать просто по порядку ихъ трудно; отъ такого чтенія остается впечатлѣніе чего то нецѣльнаго, нестройнаго, сбивчиваго. Прослѣдить

систематически духовную эволюцію Герцена, читая напирѣтъ литературное произведеніе 1846 г. вслѣдъ за письмами 1848 г., невозможно. Читателю, желающему извлечь изъ Герцена всю возможную пользу, приходится раньше самому продѣлать мало для него плодотворную работу изъ правильнаго хронологическаго размѣщенія, и только тогда приступать къ чтенію, то забѣгая впередъ, то возвращаясь назадъ.

Вызываетъ на очень серьезныя возраженія и другой принципъ, положенный редакторомъ въ основу своего изданія. Ореографія Герцена не есть ореографія нашего времени; а въ дѣтскихъ и юношескихъ письмахъ Герцена она была совершенно неправильна, какъ и ореографія большинства писателей того времени (Пушкина, Лермонтова). Въ общедоступномъ изданіи, рассчитанномъ на широкій кругъ читателей, можно было бы для нихъ удобства пренебречь особенностями Герценовской ореографіи. Но въ научномъ изданіи, — Лемке дать именно такое, — сохраненіе ореографіи совершенно необходимо. Между тѣмъ Лемке считаетъ нужнымъ зачѣмъ то модернизировать ореографію. Исправленія сдѣланы и «въ отношеніи всѣхъ собственныхъ иностранныхъ именъ, въ написаніи когорныхъ по русски Герценъ часто ошибался... Это — неправильности, присущія извѣстной эпохѣ, когда, напр., всѣ имена иностранцевъ, начинающіяся звукомъ *e*, писались именно съ этой буквы, вмѣсто *э*, какъ пишутся теперь, «роля» — вмѣсто «роль», «портфель» въ женскомъ родѣ, «ето», «ценсура» вмѣсто «цензура» и т. д.». Да вѣдь именно потому онѣ и интересны, что онѣ отражаютъ эпоху!

И тутъ, однако, Лемке не всегда остается вѣренъ самъ себѣ.

«Чтобы читатель видѣлъ ореографію самого Герцена, говорить онъ въ предисловіи, я привелъ нѣсколько его писемъ въ разныхъ томахъ, не сдѣлавъ въ нихъ никакихъ поправокъ и отступленій отъ подлинника и оговоривъ эту палеографичность въ библиографическомъ комментарий».

Лемке идетъ еще дальше. Онъ «не считалъ возможнымъ оставить приводимыя Герценомъ цитаты изъ другихъ авторовъ безъ точнаго восстановленія ихъ по вѣрнымъ текстамъ, если неточности въ передачѣ не сдѣланы были, повидимому, умышленно, а объясняются просто поспѣшностью или небрежностью» (т. I, стр. XIX).

Такимъ образомъ мы имѣемъ Герцена приглашеннаго и припомаженного по современной не ему, а намъ модѣ, и только иногда, совершенно неожиданно, ни съ того, ни съ сего, выскакиваетъ дѣйствительный, живой Герценъ, и пишетъ этотъ живой Герценъ Огареву такимъ образомъ:

«Послѣ экзамена я нѣсколько дней купался отдыхалъ, то есть спалъ, елъ и купался; купался, спалъ и елъ» (т. I, стр. 113).

Но тотчасъ же Лемке конфузится за своего великовозрастнаго питомца (Герцену было въ это время больше 20 лѣтъ, и онъ кончалъ университетъ), и слѣдующее письмо написано уже съ признаніемъ всѣхъ законныхъ правъ буквы *ѣ*, еще не отиѣвленныхъ циркуляромъ Мануйлова.

Безъ всякаго сомнѣнія такое отношеніе къ печатаемому автору совершенно неправильно.

Благодаря исправленію ореографіи, колоритъ эпохи нѣсколько стирается въ произведеніи автора, прослѣживаніе эволюціи автора въ одномъ, не лишенномъ интереса отношеніи, дѣлается невозможнымъ, а исправленіе цитатъ (даже безъ соотвѣтственной оговорки въ примѣчаніяхъ), находясь въ вопіющемъ про-

творѣніи съ тѣмъ цѣлетомъ, который Лемке питаетъ къ Герцену, является прямо актомъ недопустимаго произвола. Благодаря тому и другому, изслѣдователь эпохи не сможетъ ограничиться цитатой изъ Герцена по изданію Лемке, а долженъ будетъ черезъ голову Лемке обращаться къ первоисточнику, сънова затрачивая время и энергію на работу, обязанность произвести которую лежала на Лемке. Непослѣдовательность же въ проведеніи хотя бы и неправильнаго, но разъ уже принятаго и въ большинствѣ случаевъ проводимаго принципа модернизации Герцена только усиливаетъ впечатлѣніе какой то пестроты, какой то общей кажущейся непослѣдовательности въ духовномъ развитіи Герцена, и безъ того производимое страннымъ (и тоже непослѣдовательнымъ) размѣщеніемъ матеріала.

Непоследовательность лежитъ и на выборѣ текста печатаемыхъ произведеній. Лемке стремится дать каждую строчку, и не только напечатанную, но даже когда либо написанную Герценомъ, и даетъ въ текстѣ иногда то, что можно было бы безъ вреда помѣстить въ какихъ нибудь примѣчаніяхъ, а то и просто опустить (напр., надписи на поднесенныхъ разнымъ лицамъ книгахъ, или различныя официальные прошенія). Многія произведенія онъ даетъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ,—и совершенно правильно. Иногда же почему то отказывается привести не лишеныя интереса разночтенія.

Вотъ примѣръ.

Въ «Сорокѣ Воровкѣ» князь, собственникъ театра съ крѣпостными актерами, кричитъ на свою актрису:

«Я тебя научу забываться! кому ты смѣешь говорить этимъ языкомъ? Ты воображаешь, что ты актриса...» (т. V, стр. 201).

Актриса потомъ рассказываетъ свою исторію постороннему свободному актеру:

«Онъ меня уважалъ гоненіями въ то время, когда онъ могъ наказывать меня другими средствами. Да и сказать правду, я думаю меня не скоро они добились бы такими мелочами...» (т. V, стр. 202).

Такъ напечатано въ «Современникѣ», и эту редакцію перепечатавъ Лемке.

Между тѣмъ въ Женевскомъ изданіи въ окрикѣ князя имѣется еще фраза: «ты прачка», а въ рассказѣ актрисы вмѣсто «а другими средствами» стоятъ «розгами», а вмѣсто послѣдняго многоточія: «Меня добила эта любовь».

Лемке не считая нужнымъ оговорить этихъ разночтеній и добавленій Женевскаго изданія, отмѣтивъ только, что вообще таковыя разночтенія имѣются. Между тѣмъ крайне невѣроятно, чтобы Вырубовъ, редактировавшій Женевское изданіе, человѣкъ близкій Герцену, выдумалъ это «ты прачка», и въ особенности «розги», которые почти навѣрное цензоромъ, а не авторомъ обращены въ «другія средства». Указать ихъ во всякомъ случаѣ слѣдовало.

Подобныхъ мелкихъ неполнотъ можно отмѣтить не мало.

Можно сдѣлать также не мало указаній и на непослѣдовательности, и на пропуски и, напротивъ, на чрезмѣрную полноту комментарія. Комментарій имѣется трехъ родовъ:

1. Мелкій справочный, дѣлаемый цѣлетомъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, гдѣ Лемке объясняетъ (иногда въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку разъ повторяя одно и то же) все то, что по его мнѣнію нуждается въ разъясненіи современному читателю. Такъ при упоминаніи Герценомъ имени Бальзака, онъ считаетъ нужнымъ кратко объяснить, что «это французскій писатель,

одинъ изъ основателей современнаго реалистическаго романа»; но почему то не считаетъ нужнымъ объяснить, кто такіе Сю и Дюма, упоминаемые Герценомъ рядомъ съ Бальзакомъ, хотя врядъ ли они извѣстны русской публикѣ болѣе Бальзака (т. V, стр. 188); въ тѣхъ же примѣчаніяхъ Лемке переводитъ почти всѣ иностранныя слова и фразы, даже такія, какъ «Grand Dieu» (I, 176), или «femme émanicipée» (V, 187), хотя иной разъ оставляетъ безъ перевода и болѣе трудныя фразы.

2. Библиографическій, печатаемый петитомъ въ концѣ каждого тома.

Наконецъ, 3. Историко-литературный, который печатается въ самомъ текстѣ непосредственно вслѣдъ за текстомъ Герценовскихъ писемъ и произведеній, занимаая нерѣдко въ 2—3 раза больше мѣста.

Безусловно необходимымъ и очень цѣненъ второй; первый часто вызываетъ сомнѣніе въ его полезности (вѣдь не дѣти же будутъ читать Герцена, особенно въ такомъ изданіи), что же касается послѣдняго, то онъ безусловно страдаетъ чрезмѣрной полнотой; иной разъ, безъ особенной нужды, Лемке приводитъ длиннѣйшія цитаты изъ общеизвѣстныхъ книгъ; такъ въ видѣ комментарія къ одному коротенькому и чисто личному, не особенно интересному письму Герцена къ Грановскому, Лемке приводитъ (случайно вырванную) характеристику Герцена въ 4 страницы (т. V, стр. 8—12) изъ общеизвѣстной книги Анненкова, причемъ самъ же вскрываетъ малую степень умѣстности этой характеристики, въ особенности въ данномъ мѣстѣ:

«Я вовсе не считаю Анненкова ни безусловно вѣрнымъ повѣствователемъ описываемыхъ имъ фактовъ, ни сколько нибудь глубокимъ психологомъ, и если сдѣланныя цитаты изъ его воспоминаній длинны, то приведены онѣ не ради нихъ очень большой абсолютной цѣнности, а какъ иллюстрація тогдашняго пониманія Герцена людьми уравновѣшенными и неспособными ни на какія существенныя жертвы ради своихъ политическихъ и социальныхъ убѣжденій» (т. V, стр. 12). Къ чему это?

Въ этихъ комментаріяхъ своего редактора авторъ нерѣдко тонетъ, — Лемке оттѣсняетъ Герцена. Къ тому же Лемке печатаетъ эти комментаріи тѣмъ же шрифтомъ, что и самого Герцена, такъ что иногда при чтеніи его комментарій, не замѣтивъ перехода, невольно испытываешь чувство недоумѣнія.

Излишняя полнота, излишнія подробности, конечно, не являются особенно тяжелымъ грѣхомъ редактора; и даже то, что Лемке здѣсь, какъ и вездѣ, не послѣдователенъ, является бѣдой совершенно второстепенной. Во всякомъ случаѣ его комментарій, такъ же какъ и текстъ Герценовскихъ сочиненій и писемъ, является плодомъ громаднаго и, въ общемъ, плодотворнаго труда, давашаго массу цѣнныхъ свѣдѣній и указаній.

Но обиліе комментарій въ связи съ смѣшеніемъ въ одну кучу сочиненій и писемъ, наводитъ насъ на одно тревожное сомнѣніе.

Изданіе рассчитано на 20 томовъ. Вышли въ свѣтъ 8, — и мы не имѣемъ еще ни «Былого и Думъ», ни статей изъ Колокола, ни многого другого. Въ объявленіяхъ о подпискѣ на «Сочиненія Герцена» Лемке обѣщала, что остальные томы «начнутъ печататься, какъ только условія рынка позволятъ приобретать бѣлую бумагу по сколько нибудь подходящей цѣнѣ, имѣя въ виду поставленную издателями задачу: дать изданіе вполнѣ хорошее по вѣншности и недорогое по цѣнѣ; но во всякомъ случаѣ все изданіе будетъ закончено не позднѣе 1 мая 1920 г.».

Какъ ни высоко цѣнимъ мы переписку Герцена, но значеніе его произведеній во всякомъ случаѣ много выше. Если бы Лемке далъ первоначально только ихъ, и былъ поэкономнѣе въ комментаріяхъ къ нимъ, то въ 8 томовъ вѣроятно вошли бы они всѣ или почти всѣ, и мы уже теперь имѣли бы полнаго Герцена—писателя. Мы признали бы ихъ съ глубокою благодарностью редактору, и съ терпѣніемъ ждали бы второй части—переписки Герцена, а также и комментарій редактора (какъ мы уже 6 лѣтъ съ терпѣніемъ ждемъ обѣщанныхъ комментарій Саитова къ изданной имъ перепискѣ Пушкина).

А теперь у насъ пока нѣтъ ни сочиненій, ни переписки Герцена, а есть только надежда получить и то и другое къ 1920 г. И къ несчастію, надежда очень шаткая. Врядъ ли до 1920 года волны расходившагося моря улягутся, и цѣны на бумагу (и на типографскія работы) упадутъ до того уровня, при которомъ Лемке получить возможность выпечатать недостающіе томы въ томъ дѣйствительно «вполнѣ хорошемъ по внѣшности» видѣ и по той не только «не дорогой», но изумительно дешевой цѣнѣ, по которой начато изданіе: вѣдь подписная цѣна на всѣ 20 томовъ назначена въ 40 рублей, по 2 рубля за весьма изящный томъ въ 400—600 страницъ. И потому очень возможно, что изданіе на долго останется незаконченнымъ. Мы будемъ конечно очень рады, если наше опасеніе не оправдается, но все таки предпочли бы уже теперь имѣть всѣ произведенія одного изъ величайшихъ провозвѣстниковъ нашей революціи. Тѣмъ не менѣе пока мы обязаны благодарностью Лемке и за то, что онъ намъ далъ; каковы бы ни были его недочеты, его трудъ даже въ своемъ настоящемъ незаконченномъ видѣ имѣетъ очень и очень большую цѣну.

В. Водовозовъ.

Петергофскія совѣщанія о проектѣ Государственной Думы. Какую Думу хотѣли дать народу Николай II и его министры? Петроградъ. 1917. Стр. 164. Ц. 3 р. 50 коп.

На совѣщаніяхъ, происходившихъ 19, 21, 23, 25 и 26 іюля 1905 г. въ Большомъ Дворцѣ Новаго Петергофа подъ предсѣдательствомъ бывшаго императора, обсуждались «предначертанія, указанная въ Высочайшемъ рескриптѣ министру вн. дѣлъ 18 февраля 1905 года» или, выражаясь попросту, проектъ законосовѣщательной думы, тотъ проектъ, который былъ изданъ, какъ законъ, 6 августа 1905 года, и въ просторѣчьи именовался «булыгинской конституціей». Послѣ 17 октября этотъ законъ пришлось передѣлывать подъ законодательное учрежденіе. Въ статьѣ В. В. Водовозова въ ближайшей книгѣ «Былого» будутъ охарактеризованы сущность и значеніе Петергофскихъ Совѣщаній. Протоколы этихъ совѣщаній считались сугубо секретными и подлежащими нарочито тайному храненію. Но тѣмъ не менѣе они были перепечатаны за границей въ Берлинѣ; заграничное изданіе въ Россію проникло въ весьма ограниченномъ количествѣ, и протоколы, заслуживающіе самого пристальнаго вниманія и изученія, были почти неизвѣстны русскому обществу.

Революція, снятая запретъ со всѣхъ сугубыхъ тайнъ исчезнувшаго режима, вызвала широкое обнародованіе и протоколовъ петергофскихъ совѣщаній. Имъ повело. Протоколы перепечатаны въ апрѣльской книгѣ «Голоса Минувшаго» (стр. 124—252), перепечатываются въ «Историческомъ Вѣст-

никъ» (май—іюнь, 402—427; еще не кончены), и, наконецъ, вышли въ отдѣльномъ изданіи подъ заголовками, выписанными въ началѣ нашей замѣтки. Всѣ три изданія протоколовъ не снабжены никакими вступительными статьями и комментаріями, во всѣхъ изданіяхъ текстъ является перепечаткой заграничнаго изданія. Кажется, ни одинъ изъ издателей не держалъ въ своихъ рукахъ оригинала этихъ протоколовъ. Для бібліографіи выпишываю точное заглавіе: «Протоколы Засѣданій Совѣщанія, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ, для обсужденія предначертаній, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 10 февраля 1905 года. 19, 21, 23, 25 и 26 іюля 1905. С.-Петербургъ 1905. 190 стр.». На титульномъ листѣ имѣется пометка: «на правахъ рукописи». Книга отпечатана въ Государственной Типографіи. Не правы редакторы «Голоса Минувшаго» и «Историческаго Вѣстника», утверждая, будто протоколы были размножены въ двухъ экземплярахъ. Число экземпляровъ было дѣйствительно ограничено, ихъ значительно больше двухъ, но почти никакого распространенія они не имѣли.

Въ отдѣльномъ изданіи текстъ протоколовъ перемежается задорными глаголами и крѣпкими выраженіями, вставленными издателемъ отъ себя, очевидно, для вѣщаго эффекта.

Русскій гражданинъ долженъ ознакомиться съ этими протоколами.

П. Ш.

Кадминъ. Паденіе династій: Темныя силы и революція. Москва 1917 г., стр. 148. Цѣна 4 рубля.

Передъ нами одна изъ первыхъ попытокъ изобразить агонію нашего ancien régime'a. Къ сожалѣнію, знакомство съ книгой не оправдываетъ того естественнаго интереса, съ которымъ за нее берешься. Мы не находимъ въ ней рѣшительно ничего новаго, по сравненію съ тѣмъ, что уже появилось въ повременной печати въ первые послѣреволюціонные дни, да и собранъ весь этотъ матеріалъ какъ то безсистемно и случайно. Довольно рельефно выступаетъ въ книгѣ «картина сплошной измѣны, царившей, какъ система, въ государственномъ правленіи стараго режима». Менѣе удаченъ рядъ блѣдныхъ характеристикъ отдѣльныхъ слугъ стараго строя: такъ, Штюмеру, которому съ трибуны Государственной Думы было брошено обвиненіе въ измѣнѣ, и дѣятельность котораго значительно ускорила переворотъ, посвящено всего нѣсколько строкъ; больше вниманія уделено Распутину, особенно проблемѣ его мистико-эротическаго вліянія на женщинъ. Слабымъ и неопредѣленнымъ вышелъ опытъ характеристики «царя манекена» Николая II. Авторъ стремится примирить но такъ и не примиряетъ два уже высказанныхъ въ печати діаметрально-противоположныхъ взгляда на личность бывшаго царя: Амфитеатрова и предсѣдателя 2 Государственной Думы Головина. Непріятное впечатлѣніе производятъ напечатанные въ книгѣ «акафисты» Распутину и Протопопову, совершенно неумѣстные въ трудѣ, претендующемъ хоть на какое нибудь литературное значеніе. Еще менѣе удовлетворяютъ, по своей полной необоснованности, тѣ общіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ; такъ, напримѣръ, онъ съ большимъ легкомысліемъ отмалчивается отъ проблемы оторванности интеллигенціи отъ народа, вся огромная важность которой сказалась какъ разъ въ наши дни, считая ее искусственной, созданной лишь «мертвыми канонами

политическихъ и социальныхъ схемъ». А высказываемая авторомъ въ концѣ книги надежда, что настанетъ скоро пора «высшаго достиженія человѣческаго Я», когда рабочій пролетаріатъ разобьетъ «прокрустово ложе экономического матеріализма» и не будетъ больше рабочимъ, а просто человѣкомъ,—звучить по меньшей мѣрѣ наивно.

Книга написана довольно тяжелымъ языкомъ, особенно утомительнымъ въ первой половинѣ, гдѣ онъ перегруженъ неудачными образами.

Повторяемъ, если книга и можетъ имѣть нѣкоторое значеніе, да и то лишь для мало подготовленнаго читателя, то только какъ сводка матерьяла, который безъ этого рисковалъ бы затеряться.

М. Топорова.

Отъ Совѣта Общества Дома-Музея памяти борцовъ за свободу.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1917 года Организационный Комитетъ по созданію Дома-Музея памяти борцовъ за свободу опубликовалъ въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ воззваніе къ гражданамъ Россіи, съ наложеніемъ задачъ и цѣлей Дома-Музея и съ призывомъ къ пожертвованіямъ для осуществленія этого большого національнаго дѣла.

22-го мая состоялось Учредительное Собраніе Общества, избравшее временный Совѣтъ, и поручившее ему продолжать организационную работу по собиранію историческихъ матеріаловъ и денежныхъ средствъ.

За протекшее время полученъ цѣнный вкладъ въ Домъ-Музей—часть архива редакціи «Народной Воли», пожертвованная В. Л. Бурцевымъ, и чрезвычайно цѣнная бібліотека покойнаго В. Я. Богучарскаго. Кромѣ того имѣется рядъ обѣщаній отъ многихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей о передачѣ Дому-Музею имѣющихся у нихъ документовъ, писемъ, портретовъ и т. п., какъ напр., заграничнаго архива «Былого» и «Будущаго», и всѣхъ матеріаловъ и литературы, собранныхъ Обществомъ изученія революціи 1917 г.

Въ кассу Общества поступили слѣдующія пожертвованія: Отъ Правленія Страховаго Общества «Волга» 50.000 р., Восточнаго Общества 25.000 р., Русскаго Торг. и Трансп. Банка 25.000 р., Общества «Кавказъ и Меркурій» 25.000 р., студентовъ Воронежскаго Сельско-Хозяйств. Института 29 р., служащихъ Азовско-Донскаго, Международнаго Банковъ и Общества Взаимнаго Кредита въ Керчи 74 р., сборъ во время лекцій К. Д. Бальмонта въ Екатеринославѣ 358 р., сборъ на митингѣ въ с. Столбецкомъ (Орловск. губ.) 2 р. 44 к., отъ учениковъ мужской гимназіи въ Бронницахъ 28 р. 50 к., отъ гражданки Шпарвартъ 15 р., отъ С. Д. Марголина 70 р., отъ Л. Н. Оглобиной 10 р., чистый доходъ съ концерта-митинга 9.099 р. 65 к., отъ художника Ормiksa Крикъ 10 кронъ, всего 134.786 р. 59 к. и 10 кронъ.

Временно Домъ-Музей помѣщается на Милліонной ул., № 27, (Дворецъ Маріи Павловны).

Давая свой первый отчетъ, Совѣтъ Общества обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которые могли бы оказать ему свое содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія и собиранія историческихъ матеріаловъ, съ просьбой присылать ихъ въ Домъ-Музей, или освѣдомлять о своемъ желаніи передать ихъ въ Домъ-Музей, чтобы Совѣтъ могъ самъ озаботиться доставкой.

Къ вамъ, граждане, непосредственно принимавшимъ участіе въ освободительномъ и революціонномъ движеніи, къ вамъ, товарищи, освобожденнымъ изъ тюремъ, вернувшимся изъ ссылки, ко всѣмъ, стоявшимъ близко къ погибшимъ борцамъ за свободу, обращаетъ Совѣтъ свой призывъ — нести въ Домъ-Музей

реликвіи, документи, письма, портреты, автографы, которые сохранились у васъ, и могутъ служить иллюстраціями того, въ какихъ условіяхъ творцамъ русской революціи приходилось жить и бороться за свободу. По этимъ матеріаламъ подрастающее поколѣніе будетъ знакомиться съ исторіей освободительнаго движенія, будетъ учиться любить свободу и чтить тѣхъ, благодаря героизму и самопожертвованію которыхъ свобода была наконецъ добыта.

Совѣтъ гарантируетъ полную неприкосновенность и тайну тѣхъ документовъ, которые по желанію жертвователей въ данный моментъ не должны подлежать огласкѣ.

Составъ Временнаго Совѣта: В. Л. Бурцевъ, С. А. Венгеровъ, Б. П. Гессенъ, И. Я. Гинцбургъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, Н. И. Карѣевъ, Л. П. Купріянова, Н. А. Морозовъ, В. А. Мякотинъ, М. В. Новорусскій, С. Ф. Ольденбургъ, А. М. Пѣшковъ (Горькій), А. Е. Прѣсняковъ, В. И. Срезневскій, В. Н. Фигнеръ, В. Р. Шахъ, А. А. Шахматовъ, Э. В. Яковлева.

По дѣламъ и справкамъ просить обращаться къ Л. П. Купріяновой (Б. Пушкарская ул. № 34, кв. 12) и къ В. Р. Шахъ (Б. Проспектъ, № 83).
Тел. 208—03.

Предсѣдатель Совѣта *С. Венгеровъ*.

Секретарь Совѣта *Л. Купріянова*.

[illegible]

DK1

.B982

New Ser.

no. 1-2

3 0000 108 520 994

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

